

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального
государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»

Евгения Джамурзовна Налоева

НАУКА БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

(Воспоминания, переписка, документы)

Нальчик
ООО «Печатный двор»
2018

УДК – 94 (470.64)
ББК – 63.1 (=602.2) – 81 ю 14
Н – 23

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Выявление, археография, составление, автор предисловия, вступительных разделов и комментариев **А. С. Мирзоев**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории ИГИ КБНЦ РАН

Н – 23. **Налоева Е. Д.**

Наука быть Человеком (Воспоминания, переписка, документы) / Сост. канд. ист. наук А. С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 720 + вкл.

Издание является продолжением проекта по увековечиванию научного и культурного наследия талантливого историка-исследователя, выдающегося педагога Е. Д. Налоевой (1922–2007). Научное наследие было опубликовано в 2015 г. (Е. Д. Налоева. «Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории». Нальчик: «Печатный двор», 2015; «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник» – альбом генеалогических карт – приложение к книге Е. Д. Налоевой «Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории». Нальчик: «Печатный двор», 2015).

В настоящее издание вошли воспоминания, переписка, размышления Е. Дж. Налоевой, документы, отражающие этапы ее биографии, воспоминания о ней ее родственников, коллег, учеников.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, широкому кругу читателей.

Издание осуществлено за счет средств подписчиков при финансовой поддержке спонсоров: вице-президента «Федерации самбо Кабардино-Балкарской Республики» **Арсена Хасановича Бифова**; генерального директора ООО «Агрехимия» гор. Нарткалы **Хазрита Камбулатовича Тлакадугова**; директора ООО «Каббалкгипродор» **Хамбия Алиевича Мирзоева**.

ISBN 978-5-6041209-2-7

© А. С. Мирзоев, 2018
© ИГИ КБНЦ РАН, 2018
© ООО «Печатный двор», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1983 г. по окончании средней школы я поступил в Кабардино-Балкарский государственный университет на историческое отделение историко-филологического факультета. Тогда и состоялось мое знакомство с Евгенией Джамурзовной Налоевой – преподавателем и куратором нашего курса.

В жизни каждого человека, в формировании его как личности огромную роль играют, прежде всего, родители. Не менее важное значение имеют первые опыты социализации в школе и университете. Когда человек молод, его нравственные ориентиры только выстраиваются, личность Учителя может оказать огромное влияние на юношеские сердца. На мой взгляд, на педагогах лежит ответственность не только за освоение их учениками научных знаний, но и привитие им высокой нравственности, достойных человеческих качеств, тех принципов, которые в дальнейшем, в их взрослой самостоятельной жизни, помогут выдержать правильный курс в путешествии, которое зовется жизнью. Не всегда образованный человек значит культурный или же достойный человек. Обладание определенным багажом научных знаний необходимо, чтобы быть профессионалом в избранной профессии. Но все же в жизни главной наукой является наука быть Человеком, оставаться им независимо от внешних условий и жизненных обстоятельств. Но ни один учитель не сможет этому научить, если он не показывает пример, если он в своей жизни не следует тем принципам, которые хочет привить своим ученикам. Дети и молодежь как никто чувствуют ложь и фальшь, их трудно обмануть. Нет ничего хуже для воспитания подрастающего поколения, чем несоответствие слов и дел, когда пропагандируются одни ценности, но те, кто к ним призывает, сами не придерживаются их. В этом плане нам, студентам, повезло, что на нашем жизненном пути оказался такой человек, как Евгения Джамурзовна Налоева. Она привила нам любовь к знаниям, науке, но главный урок, который она преподавала, – стремление быть Человеком, иметь высоконравственные принципы и следовать им.

Если у человека есть характер, убеждения, нравственные ценности, которыми он не готов поступиться ради комфорта и благополучия, то его неизбежно ждут в жизни испытания. Есть выражение: «Характер – это судьба». Еще говорят, что Всевышний посылает испытания тем людям, которых Он любит. Испытаний на жизнь Евгении Джамурзовны выпало немало, но ее сердце не ожесточилось, она осталась очень добрым, отзывчивым, глубоко порядочным человеком. Она любила людей, молодежь, своих студентов и они ей отвечали взаимностью. Наверное, не ошибусь, если скажу, что среди преподавателей исторического факультета она пользовалась наибольшим признанием и авторитетом у студентов. Она относилась к нам как мать по доброму и в то же время требовала серьезного отношения к учебе и приобретению знаний. Нам же было очень интересно слушать ее лекции, удивительно сочетавшие в себе эмоциональность и научную аргументированность. Она учила нас мыслить, стремиться к объективной истине, к независимости суждений от всяких конъюнктурных влияний и клише. Часто мы с ней обсуждали и общественные проблемы, перспективы развития нашей страны, которая как раз в то время вступала на путь перемен – это были 80-е годы XX столетия, годы перестройки. Проведение реформ, считала она, должно основываться на глубоком знании истории своей страны, других стран, ми-

ровых исторических законов, дабы избежать повторения тех трагических потрясений и жертв, которые сопровождали российское государство и народы, оказавшиеся в его орбите, на протяжении последних столетий. Сама Евгения Джамурзовна и члены ее семьи пострадали в результате того грандиозного социального эксперимента, проведенного на огромных просторах Российской империи под лозунгами коммунистической идеи. Евгения Джамурзовна называла этот социальный эксперимент историческим выкидышем, хотя не отрицала, что идеи социального, национального равенства, с которыми пришли коммунисты, были очень привлекательны для людей.

Евгения Джамурзовна была незаурядной личностью с необычной судьбой. Ее воспоминания, вошедшие в эту книгу, настолько интересны и необычны, что когда-нибудь (хочется надеяться) станут основой литературного романа, кинофильма.

Эти воспоминания можно рассматривать также и как исторический источник – свидетельство социальных процессов, имевших место в XX столетии в огромной стране – Советском Союзе, ставшем правопреемником Российской империи. Эти процессы и события до конца не осмыслены и им не дана однозначная политическая оценка ни в среде профессиональных историков, ни в самом российском обществе. В годы хрущевской оттепели и горбачевской перестройки в Советском Союзе имело место широкое обсуждение и осуждение политических преступлений тоталитарного коммунистического режима. Происходило это на фоне демократизации общественных процессов, но каждый раз, когда авторитарные политические традиции вновь начинали укрепляться, наблюдалось стремление власти найти оправдание преступлениям тоталитаризма и даже в «интересах государства» взять на вооружение средства из его арсенала: поиск внутренних и внешних врагов, ограничение прав и свобод граждан, тотальный контроль над средствами массовой информации, идеологией, борьба с инакомыслием. Попытки страны выйти из этой столетиями изъезженной, глубокой колеи тоталитаризма на дорогу свободного демократического развития общества каждый раз заканчиваются скатыванием на ту же дорогу, чреватую повторением тех же кровавых сценариев, стагнацией в социальном, культурном и экономическом развитии.

Малая родина Евгении Джамурзовны Налоевой – Кабарда – была частью огромной России, в составе которой она оказалась в результате длительной кровопролитной Русско-Кавказской войны. Перестав быть субъектом мировой истории, независимо от воли народа, она была втянута во все социальные потрясения, политические процессы, происходившие в стране. Евгения Джамурзовна образно сравнивала Россию с колесницей, несшейся по дорогам истории, а свою малую родину Кабарду – со спицей в колесе этой колесницы. Все процессы и сценарии, проходившие в стране, повторялись в меньших масштабах в маленькой республике. В Москве сидел Сталин, а в Кабардино-Балкарии – диктатор меньшего калибра Бетал Калмыков, с холопским усердием безжалостно претворявший в жизнь установки своего хозяина в Кремле. Если по стране расстреливали сотни тысяч, то в Кабардино-Балкарии счет шел на тысячи, если в России раскулачивали миллионы, то здесь десятки тысяч крестьян отправляли в Сибирь и в Среднюю Азию. Разрядки с указанием числа людей, подлежащих аресту, высылке, расстрелу, заключению в лагеря или тюрьмы, спускались сверху из Москвы. По сравнению с другими регионами Северного Кавказа Кабардино-Балкария была на первом месте по количеству репрессированных граждан от общего числа населения. У черкесов есть поговорка: «Сказали принести папаху, а он принес голову». Эта поговорка как нельзя лучше характеризует политику, которую проводил в маленькой республике Бетал Калмыков. В этой связи вспо-

минается эпизод, описанный Ефремом Эшба. «Сталин отдыхал в своем санатории близ Сочи или Сухума. На веранде находились Сталин, Серго, Лакоба и приехавший из Кабарды Бетал Калмыков. Это было, по-видимому, в 1930 году. Калмыков, желая поддеть Лакоба, при Сталине спросил: «А скажи, Нестор, какой у тебя процент коллективизации?». Лакоба не понравился вопрос. Несколько времени он сидел, уткнувшись лицом в тарелку и продолжал есть. Потом буркнул в ответ: «60 %». «А у меня – 95 %», – с торжествующими нотками в голосе сказал Бетал. Лакоба долго молчал. И вдруг задал Беталу вопрос: «А сколько людей ты расстрелял, пока добился этих процентов?». Орджоникидзе засмеялся, Сталин улыбнулся. Смущенный Бетал ответил: «Ну человек двести...». Лакоба поднял голову и торжествующе сказал: «А я ни одного...» [1].

Историки, пытающиеся найти оправдание сталинским репрессиям, в качестве достижений коммунистического режима приводят индустриализацию и модернизацию страны. Как известно, она была осуществлена бесплатным трудом миллионов политзаключенных, за счет ограбления крестьянства и сопровождалась массовой гибелью людей.

В Кабардино-Балкарской Республике тоже есть люди, в том числе среди профессиональных историков, не желающие признавать Б. Э. Калмыкова политическим преступником, ставя на одни весы его заслуги в социалистическом строительстве и личное участие в организации убийства тысяч людей из числа национальной интеллигенции, зажиточного крестьянства и представителей потомственной аристократии. Возникает вопрос: как строительство в Кабардино-Балкарии, условно говоря, шоссейной дороги, одной гидроэлектростанции, оросительного канала и нескольких полукустарных деревообрабатывающих предприятий может оправдать уничтожение цвета нации малочисленных коренных народов республики.

Большинство стран Европы и Азии создали современную промышленность, новейшие технологии и ушли на пятьдесят лет вперед нашей страны по пути научно-технического прогресса, не говоря уже о достижениях в социальной сфере, без убийства миллионов соотечественников и террора со стороны государства по отношению к своим гражданам. Главный ресурс, богатство любой страны – это его люди, народ. Государство должно существовать для него, а не народ для государства как расходный материал. Создателю объединенной Германии, «Железному канцлеру» Отто фон Бисмарку (1815–1898) приписывают одну примечательную фразу: «Социализм построить, конечно, можно, но для этого надо выбрать страну, которую не жалко». Для идеологов большевиков во главе с В. И. Ульяновым-Лениным народ России было не жалко для осуществления своих политических утопий – построения коммунистического рая на земле и формирования нового типа человека.

Все существо Е. Д. Налоевой восставало против насилия над личностью человека, с чьей бы стороны оно не исходило и какими бы благими целями оно не оправдывалось. Она не принимала его ни в какой форме. Мерилом прогресса человечества и конечной его целью для нее был человек, развитие в нем лучших качеств, в этом смысле она была гуманистом. В то же время как историк она понимала, что, к сожалению, диалектика истории такова, что насилие – неотъемлемая ее часть, что гуманизация политической и общественной жизни человечества часто происходила как обратная реакция на ужасы межнациональных и межгосударственных войн, гражданских революций, социальных конфликтов.

В 2013 году племянник Евгении Джамурзовны Аскер Налоев передал в Научный архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ) хра-

нившиеся у него личные бумаги Е.Д. Налоевой. Среди них были ранее неопубликованные монография, научные статьи, материалы по генеалогии кабардинских князей, воспоминания, переписка, документы и др. материалы. Единственным условием дарителя было пожелание публикации этих материалов КБИГИ.

Ученым советом КБИГИ было принято решение издать научное и культурное наследие Е. Д. Налоевой в виде двух книг и одного приложения – сборника генеалогических карт. Научное наследие было издано в 2015 г. в виде книги и альбома генеалогических карт [2]. Культурное наследие Е. Д. Налоевой вошло во вторую, предлагаемую вашему вниманию, книгу.

Книга состоит из четырнадцати разделов и нескольких вспомогательных рубрик.

Первый раздел посвящен истории рода и семьи Налоевых. Судьба Е. Д. Налоевой во многом была определена и связана с судьбой ее отца – Налоева Джамурзы Кубатиевича. Клеймо члена семьи «врага народа» во времена сталинщины и бериевщины было почти как приговор. С самого раннего детства Е. Д. Налоева познала все, что было связано с этим.

Во втором разделе читателю представляется краткий обзор биографии, научной и творческой деятельности Е. Д. Налоевой.

В третий раздел вошли воспоминания самой Е. Д. Налоевой. Основная часть ее воспоминаний была записана на аудиокассеты ее студенткой, выпускницей исторического факультета КБГУ Казанчевой (Мирзоевой) Нателлой Сафарбиевной (13 аудиокассет) и ее племянником Налоевым Аскером Аслангериевичем (3 аудиокассеты). К сожалению, записи воспоминаний Е. Д. Налоевой доведены только до 1950 г. – времени ее прибытия в исправительно-трудовой лагерь после ареста в 1950 г.

В четвертом разделе собраны статьи различных авторов о Евгении Джамурзовне Налоевой и истории ее семьи. Особый интерес в этом разделе представляют сведения о дореволюционной жизни семьи Налоевых и об участии Джамурзы Налоева в революции и событиях Гражданской войны в Кабарде, собранные З. М. Налоевым и вошедшие в его книгу [3]. Этот период не отражен в воспоминаниях Е. Д. Налоевой, так как они начинаются с 20-х гг. XX в.

Раздел пятый содержит документы и материалы, касающиеся репрессий в отношении членов семьи Джамурзы Кубатиевича Налоева.

Разделы шестой и седьмой, содержат различные документы, в том числе отражающие такие периоды жизни Е. Д. Налоевой, как нахождение в местах лишения свободы, борьба за свою политическую реабилитацию, пребывание в гор. Сухуми после освобождения, восстановление на учебе в аспирантуре, восстановление на работе в Кабардино-Балкарском государственном университете, научная и педагогическая деятельность.

В раздел восьмой включены воспоминания родственников, друзей, коллег, учеников Е. Дж. Налоевой. Они дополняют ее личные воспоминания и позволяют осветить личность этого незаурядного человека с разных сторон.

Раздел девятый посвящен личной переписке Е. Д. Налоевой. Она дружила и на протяжении многих лет переписывалась с такими известными деятелями отечественной исторической науки, как Елена Иоасафовна Дружинина и Екатерина Николаевна Кушева. Мы пытались найти письма самой Е. Д. Налоевой к Е. И. Дружининой и Е. Н. Кушевой, но хранящиеся в Архиве Российской академии наук их личные фонды [4] на сегодняшний день не разобраны, не описаны и к ним нет доступа.

Раздел десятый включает теле-, радио- и печатные интервью Е. Д. Налоевой.

В разделе одиннадцатом помещены художественные произведения, посвященные Е. Д. Налоевой.

Раздел двенадцатый включает отзывы, рецензии на научные работы Е. Д. Налоевой, ее рецензии на работы других авторов.

Раздел тринадцатый содержит рассказы, стихи Е. Д. Налоевой, а также ее размышления на исторические, общественно-политические, философские темы.

Четырнадцатый раздел содержит список научных трудов Е. Д. Налоевой.

Книга снабжена хронологическим указателем, рубрикой «Персоналии». Комментарии составителя приводятся по тексту в скобках с инициалами А. М. или же в примечаниях в конце текстов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Игорь Марыхуба*. Ефрем Эшба. Изд-во «Алашара», г. Акуа (Сухум), 1997. С. 128.

2. *Налоева Е. Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015; *Налоева Е. Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник (альбом из 14 генеалогических карт – приложение к книге: Е. Д. Налоева. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015.

3. *Нало Заур*. Нало лъэпкъыр. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012.

4. АРАН, фонд Е. Н. Кушевой 1914; АРАН, фонд Дружининой Е. И. 411, оп. 4 а, д. 676.

Раздел I

О РОДЕ НАЛОЕВЫХ И СЕМЬЕ ДЖАМУРЗЫ НАЛОЕВА

Род Налоевых, как и многие фамилии Малой Кабарды, имеет осетинское происхождение. Кабарда обладала в свое время мощным ассимиляционным потенциалом, и Налоевы, как и представители других северокавказских народов, переселившиеся в Кабарду, быстро, в течение одного-двух поколений, ассимилировались, хотя помнили о своем происхождении и поддерживали связи с осетинскими родственниками.

Данные по генеалогии и истории рода Налоевых собрал и издал Заур (по паспорту Заурби. – А. М.) Магометович Налоев [1]. Налоевы происходят из дигорских осетин. Фамилия берет начало от имени одного из предков по имени Нало. После переселения ее представителей в Кабарду в середине XIX века в Осетии фамилия пресеклась, и сейчас Налоевы есть только кабардинцы [2].

Предания о переселении в Кабарду потомков Нало подтверждаются архивными документами, которые позволяют установить время их появления в Кабарде, в ауле Хату Анзорова. Уже в 1850 г. в архивных источниках упоминается как житель Кабарды прадед Е. Дж. Налоевой Налоев Джауиш (в документах Гавис) [3].

О сословном происхождении и статусе Налоевых документы дают разную информацию. В документе от 22 октября 1833 г. Джауиш Налоев фигурирует как «подвластный старшины Асланмурзы Туганова» [4], а в другом документе как «дигорский старшина Гавис Налоев» [5].

Отец Е. Дж. Налоевой Джамурза Кубатиевич [6] в своем прошении на имя генерал-губернатора Терской области от 26 апреля 1906 г. подписывается: «жителя сел. Хату Анзорова... узденя Джамурзы Налоева прошение» [7].

В справке, полученной Зауром Налоевым 13 сентября 1996 г. из Архива ФСБ КБР, сообщается, что его репрессированный отец указывал на свое происхождение: «В протоколе допроса обвиняемого от 02.11.38 Налоев М. К. указал, что он происходит из бывших узденей» [8]. Одной из причин репрессий 1930-х гг. в отношении многих представителей рода Налоевых называлось их сословное происхождение.

У Джауиша от брака с Эркеновой Аслигуашей было два сына – Къубати, Батэ и дочь Гуэсэхьут. От Баты потомства не осталось, а у Кубати были сыновья: Жанхот, Магомет, Жамырза.

Жанхот (1861–1931) был женат на дочери жителя сел. Коголкино (Урух) Мирзоева Хабижа – Куацт (1865–1952). У него было три сына (Хамырза, Бодзий, Асламбач) и четыре дочери (Гумахо, Саихат, Нон, Арфужан).

Магомет (1870–1942) был женат на Жилиевой Мадинат Эльмурзовне (дочери: Лана и Фатимат) и Маломусовой Маше (сыновья: Уали, Заурби и дочь Кара). В 1938 г. был арестован и по статье 58-10 УК РСФСР осужден в концлагерь на десять лет. Умер в 1942 году в лагере. Вслед за отцом в 1941 году был

арестован старший сын Уали и по ст. 48-10, часть 2 УК РСФСР осужден на семь лет. Младший сын Магомета Заурби (1928–2012) – известный ученый, писатель, общественный деятель.

Джамурза (1875–1937) был женат на дочери жителя аула Коголкино (Урух) Мирзоева Хатокшоко – Хажгуаше (1879–1962).

Одним из первых в дореволюционной Кабарде Джамурза начал заниматься торговлей и предпринимательской деятельностью. Во время Гражданской войны 1918–1920 гг. выступил на стороне большевиков. В 1918–1921 гг. – комиссар 3-го участка Нальчикского округа, председатель исполкома Совета сел. Старый Урух, член Урванского окружного ревкома [9].

В 1924 г. оставил свой пост в Урванском окрревкоме, отошел от политики, сосредоточился на работе в экономической сфере: был уполномоченным в Югзаготзерне, построил в родном селе завод по производству кирпича и черепицы, известковый завод, приобрел права на половину доли собственности мукомольной мельницы [10].

30 ноября 1929 г. подвергся аресту и решением Краевой тройки Северокавказского края по статье 58-10 УК РСФСР был осужден на восемь лет с конфискацией имущества [11]. В 1933 г. досрочно освобожден. В 1937 г. подвергся повторному аресту и постановлением НКВД по Кабардино-Балкарской АССР 17 августа 1937 года был расстрелян [12].

Хажгуаша (1879–1962) – супруга Дж. Налоева. После расстрела мужа некоторое время скрывалась в Ингушетии, а позже вернулась к дочерям в гор. Орджоникидзе. После войны жила в гор. Нальчике.

Аслангери (1907–1993) – старший сын Джамурзы, не участвовал в событиях Гражданской войны в силу своего малолетнего возраста, но принимал активное участие в начинаниях новой власти в первые годы советского строительства. Был одним из организаторов комсомольской ячейки в Старом Урухе, работал начальником милиции Урванского округа. После ареста отца уехал в Таджикистан в гор. Сталинабад, где работал на комсомольских и хозяйственных должностях (первый секретарь Наусского райкома комсомола, начальник автоколонны). В 1938 г. был арестован в гор. Сталинабаде. После отбывания восьмилетнего срока в лагере вернулся в Кабарду. В 1949 г. женился на уроженке сел. Нартан Пазовой Жене Машевне (два сына – Аслан и Аскер (Георгий)). В 1951 г. снова арестован и осужден на 8 лет. После освобождения в 1959 г. вернулся в КБР, в гор. Тырныауз, где работал до 1967 г., до ухода на пенсию.

Лейла (1909–1931) – старшая дочь Джамурзы. Была замужем за секретарем обкома Абазовым Мисостом, после ареста отца в 1929 г., скоропостижно умерла.

Нафо (1911–1996) – средняя дочь Джамурзы, после кончины Лейлы была выдана замуж за Мисоста Абазова. В 1937 г., вслед за арестом мужа, Нафо вместе с новорожденной дочерью Майей была водворена в тюрьму. В том же году Мисоста расстреляли, а Нафо в связи с тяжелой болезнью грудного ребенка на время, до выздоровления дочери, отпустили. Воспользовавшись

этим, она скрылась, поменяла фамилию и только после окончания Великой Отечественной войны вернулась в гор. Нальчик.

Фардаус (Тина) (1918–2002) – следующая по возрасту дочь Джамурзы. С 1935 г. жила в гор. Орджоникидзе, училась в медтехникуме, работала медсестрой. С началом ВОВ в июне 1941 г. призвана в армию. Во время войны служила старшей медсестрой медпоезда, военфельдшером. В 1946 г. демобилизовалась из армии и до ухода на пенсию проживала и работала доктором в гор. Орджоникидзе. После смерти мужа (Алексеев Николай Дмитриевич – уроженец гор. Таганрог) переехала в 1999 г. в гор. Нальчик.

Адалгири (1922–1934) – младший сын Джамурзы, умер от голода и тифа в Таджикистане.

Евгения (1922–2007) – младшая дочь Джамурзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Нало Заур*. Нало лъэпкъыр. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012.
2. Указ. соч. С. 5–6.
3. Указ. соч. С. 23; *Бейтуганов С. Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 342; ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 939, л. 50.
4. *Нало Заур*. Указ. соч. С. 25; ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 43 об.
5. *Нало Заур*. Указ. соч. С. 26; ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 939, л. 49.
6. В источниках встречаются разные формы написания имени отца Евгении Налоевой – Джамурза, Джамырза, Жамурза, Жамырза, Джемурза.
7. ЦГА КБР, ф. И-6, оп. 1, ед. хр. 701. Т. 3. С. 104, 105.
8. Архив УФСБ РФ по КБР, ф. 8, АУД № 1624 - П, л. д. 3, 4, 5, 6, 140. Справка хранится в личном архиве З.М. Налоева.
9. *Нало Заур*. Указ. соч. С. 52, 54.
10. *Нало Заур*. Указ. соч. С. 55.
11. *Нало Заур*. Указ. соч. С. 57.
12. *Нало Заур*. Указ. соч. С. 59.

Раздел II

О ЖИЗНИ, НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Е. Д. НАЛОЕВОЙ

Основные вехи биографии

Евгения Джамурзовна Налоева, согласно официальным документам, родилась 24 декабря 1920 г. в селении Старый Урух Урванского района КБАССР в семье Налоева Джамурзы Кубатиевича и Налоевой (урожденной Мирзоевой) Хажгуаши Хатокшоковны. Сама она в своих воспоминаниях говорила, что она 1922 г. р. В те времена дата рождения при регистрации в документы вносилась неточно, а со слов матери Евгении Джамурзовны известно, что день её рождения совпал с днем православной Пасхи [1]. Православная Пасха в 1922 г. пришлась на 16 апреля – видимо, этот день и является точной датой её рождения.

Семья Налоевых была большая и зажиточная – отец Джамурза (1875 г. р.), мать Хажгуаша (1879 г. р.), дочери: Лейла (1909 г. р.), Нафо (1911 г. р.), Фардоус (1918 г. р.), Евгения (1922 г. р.), сыновья: Аслангери (1907 г. р.) и Адальгири (1922 г. р.). В семье Налоевых были ещё дети, но они умерли в младенческом возрасте.

Помимо имени, которым нарекали ребенка при рождении, у черкесов было принято давать ещё дополнительные имена, так называемые «цӀэ лей». Обычно ими называли человека в кругу близких родственников, семьи, односельчан. Бывало, что у человека могло быть не одно, а два-три имени. Так было и в семье Налоевых: Джамурза был для домашних и родственников – Бузэ, Хажгуаша – Зизэ, Аслангери – Тита, он же Казак, Адальгири – Пыта, он же Адэ, Фардоус – Тина. Евгения при рождении получила имя Жанкудас, по документам Евгения, а в семье её звали Блау.

Евгения была у родителей поздним ребенком и, может быть, поэтому пользовалась особой любовью отца. Когда она родилась, её отец Джамурза занимал пост председателя Хату-Анзоровского [2] сельского совета и являлся членом Урванского окружного ревкома.

Евгения училась в начальной школе селения Старый Урух до 1929 г., до первого ареста своего отца.

30 ноября 1929 г. Налоев Джамурза Кубатиевич был арестован по статье 58–10 УК РСФСР, а уже 29 января 1930 г. Краевая тройка Северо-Кавказского края постановила: Налоева Джамурзу Кубатиевича осудить в «концлагерь на восемь лет. Семью выслать в Севкрай. Имущество конфисковать» [3].

Семью Налоевых подвергли т.н. раскулачиванию и в марте месяце 1930 г. выселили из дома. Некоторое время они (мать Хажгуаша, дочери: Евгения, Нафо, Фардоус и сын Адальгири) находят приют у старшего брата Джамурзы – Налоева Магомета Кубатиевича [4]. Когда семье становится известно

постановление властей о депортации их на Север, они принимают решение бежать в Таджикистан, где уже скрывался от репрессий старший сын Джамурзы [5] – Аслангери. Старшая дочь Джамурзы Лейла была в это время замужем за Мисостом Абазовым – членом ВКП(б) и крупным партийным работником. После ареста отца в возрасте 21 года она скорострительно умирает, и за Мисоста выдают замуж её сестру Нафо. Налоев Магомет и Мисост Абазов помогают семье уехать в Таджикистан. Позднее они тоже попадут под репрессии: в 1937 г. Мисост Абазов будет расстрелян, а Магомет Налоев сослан в лагерь на 10 лет, откуда он уже не вернется.

В Сталинабаде (Душанбе) им было нелегко, но это было лучше, чем отправка на Север. Ко всему ещё вся семья заболела тифом. К болезни прибавился голод. Здесь умер от болезни и голода младший брат Евгений Адальгири.

Сразу же после ареста в защиту Джамурзы Налоева выступили старые большевики, его товарищи по революционной борьбе и гражданской войне. Жители 12 сел Терского и Урванского районов, помнившие его благородный поступок (в неурожайном 1921 г. он за счет личных средств спас их от голода), обратились в Президиум ЦИК СССР с просьбой пересмотреть его дело [6]. После освобождения в 1934 г., в результате этих ходатайств, в 1935 г. Джамурза возвращает семью на Кавказ, дочерей (Евгению и Фардоус) устраивает в г. Орджоникидзе СОАССР, а сам с супругой возвращается в родное село.

В это время Е. Д. Налоева учится в Чечено-Ингушском педагогическом техникуме, а затем переводится в Чечено-Ингушский индустриальный техникум. В 1936–1937 гг. подверглись репрессиям несколько представителей фамилии Налоевых. Отца Евгении снова арестовывают и по приговору печально известной тройки [7] расстреливают. Дамоклов меч репрессий вновь нависает над семьей Налоевых. В 1937 г., не закончив индустриальный техникум, Е.Д. Налоева уезжает в гор. Сталинабад и поступает в пединститут им. Тараса Шевченко на исторический факультет. Отучившись три года, она снова попадает в поле зрения карательных органов – в институте из-за доносов начинается её травля. В 1940 г. из-за конфликта с директором Таджикского пединститута она оставляет учебу и уезжает в гор. Москву, где поступает на 2-й курс юридического факультета Московского государственного университета. В том же году ее как члена семьи «врага народа» исключают из МГУ. Она возвращается в гор. Орджоникидзе, поступает на 4-й курс исторического факультета Северо-Осетинского государственного пединститута. В июле 1941 г. по окончании пединститута по распределению работает учителем истории в средней школе сел. Црау Алагирского района СОАССР.

В июле 1942 г. в связи с приближением германских войск к Алагирскому району Е.Д. Налоева возвращается в гор. Орджоникидзе, где ее мобилизуют на оборонительные работы в самом городе.

3 октября 1942 г. она подвергается аресту по доносу недоброжелателя, объявившего её «немецкой шпионкой». Органы НКВД в связи с близостью фронта арестовывали всех по малейшему подозрению. Обвинение было аб-

сурдным. Официально это была 58 статья (шпионаж в пользу другого государства) [8].

28 апреля 1943 г. ввиду отсутствия доказательств по предъявленному обвинению её освобождают с полной реабилитацией.

С апреля 1945-го по март 1948 г. работает методистом культурно-просветительской работы в Управлении культпросветучреждений при Совете Министров СОАССР. С целью получения юридического (второго высшего) образования Евгения поступает во Всесоюзный заочный юридический институт в гор. Орджоникидзе, в котором учится до 1947 г.

В 1948 г. Е. Д. Налоева возвращается в Кабардинскую АССР в г. Нальчик, где её берут на должность ассистента кафедры истории Кабардинского пединститута.

9 мая 1950 г., не проработав и двух лет, подвергается аресту органами Министерства госбезопасности (МГБ) и против неё возбуждается уголовное дело по политической статье (58–10, ч. I УК РФССР – антисоветская агитация). Особым совещанием (внесудебная ответственность) ее приговаривают к 8 годам заключения в исправительно-трудовом лагере [9].

После смерти И. В. Сталина Указом Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. была объявлена самая масштабная в отечественной истории амнистия заключенных. Свободу получали различные категории осужденных, в том числе тяжелобольные и имеющие инвалидность. Е. Д. Налоева болела туберкулезом и по состоянию здоровья подпадала под амнистию. Но она отказалась выходить на свободу по амнистии, считая себя несправедливо осужденной и требуя полной реабилитации. Е. Д. Налоева пишет письмо на имя министра внутренних дел СССР с просьбой принять ее лично для изложения обстоятельств уголовного дела, сфабрикованного в отношении нее. 20 июля 1953 г. ее этапируют во внутреннюю тюрьму МВД СССР в гор. Москву. Однако после встречи с министром МВД СССР С. Н. Кружловым, вместо рассмотрения дела, ее водворяют в Научно-исследовательский институт психиатрии им. Сербского. В это время институт возглавлял Д. Р. Лунц – советский психиатр, доктор медицинских наук, профессор, полковник КГБ СССР, один из известных представителей практики использования психиатрии в политических целях в СССР. По его инициативе в арсенал методов карательной системы по борьбе с политическим инакомыслием было включено принудительное помещение психически здоровых людей в психиатрические больницы. Здесь Е. Д. Налоеву помещают в одну палату с больными с тяжелыми психическими заболеваниями. Протестуя против такого произвола, она объявляет голодовку, и ее сажают в карцер. Из карцера ее вызывают на заседание медицинской комиссии во главе с профессором Д. Р. Лунцом, где ей зачитывают заключение экспертизы, признающее ее больной психическим заболеванием – шизофренией. В конце октября 1953 г., несмотря на такой диагноз, ее отправляют обратно в лагерь. Отсюда она обращается в различные инстанции с требованием политической реабилитации. В этом ей отказывают, и 29 августа 1956 г. решением Комиссии Президиума Верховного Совета СССР ее освобождают из мест заключения по состоянию здоровья.

В связи с наличием у нее открытой формы туберкулеза она отказывается возвращаться к родным в КБАССР. Ей определяют местом жительства гор. Сухуми Абхазской АССР. С 1956-го по 1964 г. Е. Д. Налоева проживает в Сухуми на съемной квартире, зарабатывая себе на жизнь кройкой и шитьем. Находясь здесь, Е. Д. Налоева, считая себя несправедливо осужденной, продолжает добиваться реабилитации.

16 апреля 1963 г. определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 17 февраля 1951 г. в отношении Налоевой Евгении Джамурзовны было отменено, и дело производством прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления. Е. Д. Налоева была реабилитирована с правом восстановления на прежнее место работы и учебы.

Все эти годы, проведенные в тюрьмах, лагерях и скитаниях, Евгения Джамурзовна не оставляла надежды вернуться к своей профессии. Это её стремление не находит поддержки со стороны местных партийных чиновников. Она обращается в ЦК КПСС, Министерство высшего и среднего специального образования СССР, едет в гор. Москву, встречается с председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым. Это было время хрущевской оттепели, осуждения культа личности и сталинских репрессий, и, наконец, её требования были услышаны.

В 1964 г., вопреки сопротивлению партийно-чиновничьей бюрократии в Кабардино-Балкарии, по директиве из Москвы ей предлагают на выбор: восстановление на работе в пединституте (тогда уже КБГУ) на кафедре истории СССР или же учеба в аспирантуре при университете. Е. Д. Налоева, несмотря на возраст (45 лет), отдает предпочтение учебе в аспирантуре.

В 1969 г. Е. Д. Налоеву восстанавливают на прежней должности ассистента кафедры истории СССР. В 1970 г. переводят на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР дореволюционного периода, где она читает лекции по истории России, преподает вспомогательные исторические дисциплины (палеография, нумизматика, генеалогия и др.), ведет практические занятия и семинары.

Плодом нескольких лет исследовательской работы с изучением материалов архивных фондов двух крупнейших архивохранилищ г. Москвы – АВПР и ЦГВИА [10] становится диссертация «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века», после успешной защиты которой 26 июня 1973 г. ей присваивается ученая степень кандидата исторических наук.

17 декабря 1992 г. ей присваивается ученое звание доцента.

С 1 февраля 1995 г. Е. Д. Налоеву – доцента кафедры истории СССР дореволюционного периода приглашают на работу на кафедру теории и истории государства и права недавно созданного юридического факультета КБГУ.

1 декабря 2000 г. Е. Д. Налоева в связи с состоянием здоровья увольняется по собственному желанию с общим трудовым стажем 63 года [11].

2 марта 2007 г. Евгения Джамурзовна Налоева ушла из жизни.

Педагогическая деятельность

Е. Д. Налоева была замечательным ученым-исследователем, что признавали такие выдающиеся деятели отечественной исторической науки, как академик, доктор исторических наук Дружинин Николай Михайлович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Дружинина Елена Иоасафовна, доктор исторических наук Кушева Екатерина Николаевна.

Но не всегда ученые бывают хорошими преподавателями. Доходчиво преподнести знания, заинтересовать учебным материалом, пробудить любовь к науке, научить основам исследовательской работы – для этого необходим особый педагогический талант. Несомненно, что таким даром обладала Е. Д. Налоева и благодаря этому многие, впоследствии, профессиональные историки, в том числе и автор этих строк, считали и считают себя её учениками.

За долгие годы работы на историческом факультете Кабардино-Балкарского государственного университета Евгения Джамурзовна Налоева обучила многие поколения студентов. Из их числа вышли доктора и кандидаты наук, преподаватели вузов, научные сотрудники Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, в том числе корифей черкесской исторической мысли Валерий Кажаров [12, 56].

В 60–90-е гг. XX в. коллектив преподавателей исторического факультета, отличавшийся высоким профессионализмом, давал студентам солидный уровень подготовки. Но лекции Евгении Джамурзовны пользовались у студентов наибольшей популярностью, так как помимо содержательности отличались особой эмоциональностью. Освещая различные периоды истории, она не просто вела повествование, а создавала живые картины, встававшие перед глазами слушателей. Исторические персоналии в её изложении приобретали реальные очертания. В последние годы в исторической науке получил распространение метод эмпатии, т.е. вживания, окунания, насколько это возможно для исследователя, в ту эпоху, которую он изучает и хочет отразить в своем исследовании. Так вот, Евгения Джамурзовна Налоева уже в то время владела этим методом и в совершенстве использовала его не только в научных трудах, но и в педагогической деятельности. Отражая в своих лекциях драматизм, сложность и неоднозначность истории страны, она умела воссоздавать, что называется, «дух эпохи».

Долгое время в советской исторической науке господствовала теория о решающей роли народа в истории. Считалось, что движущей силой социальных процессов являются трудящиеся массы, а отдельные личности не могут определять ход истории. Е. Д. Налоева не могла согласиться с подобной обезличенностью исторического процесса. Для нее история – это прежде всего конкретные выдающиеся личности, через судьбы которых, прослеживается прошлое народа. В таком методологическом подходе она также опережала свое время.

Ещё один аспект, важный для неё, – вопрос нравственного выбора человека в определенной исторической ситуации. Преподавая историю, она не

давала каких-либо оценок моральной составляющей поступков тех или иных личностей, но нравственный вопрос подспудно всегда присутствовал в её интерпретации деятельности исторических персоналий.

Важная сторона педагогической деятельности Е. Д. Налоевой – это обучение студентов навыкам практической исследовательской работы, умению анализировать, делать выводы, работать с первоисточниками и литературой. При этом она прививала не только исследовательские навыки, но и профессиональную этику. Как вспоминает её коллега Ж. А. Калмыков, Евгения Джамурзовна «не могла терпеть недобросовестных в науке людей, особенно плагиаторов, компиляторов и пустых интерпретаторов, которых так много стало в 90-е гг. прошлого и начале нынешнего столетий. Она всегда была бескомпромиссна, когда в угоду идеологии и по конъюнктурным соображениям нарушались основные принципы историзма, искажались факты и события» [12, 56–57].

Научная деятельность Е. Д. Налоевой

Трагически сложившиеся обстоятельства жизни Е. Д. Налоевой не позволили в полной мере раскрыться её таланту исследователя-историка. Мы уже отмечали, что только в 45 лет Е. Д. Налоева получила возможность поступить в аспирантуру и заняться научно-исследовательской работой. Университет и преподавательская деятельность занимали значительную часть её времени. Тем не менее, работы, которые она успела завершить и опубликовать в виде научных статей, являются высокопрофессиональными исследованиями, сохраняющими свою актуальность и интерес для современных историков и читателей.

За годы научной работы Е. Д. Налоевой было опубликовано девять статей. В них нашли отражение такие важные аспекты истории феодальной Кабарды XVIII в. как социальные отношения [13], особенности феодализма и феодального землевладения [14], государственно-политическое устройство Кабарды [15] и её международное положение [16], участие кабардинцев в русско-турецких войнах [17; 18] и некоторые другие.

В 1988 году в г. Москве вышло двухтомное академическое издание «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века». Е. Д. Налоевой была доверена подготовка раздела, посвященного положению Северного Кавказа в международных отношениях России, Турции и Ирана в XVIII веке.

За вклад в написание и подготовку к изданию «Истории народов Северного Кавказа» Е. Д. Налоевой как одному из авторов от лица Председателя Совета Северо-Кавказского научного центра Высшей школы, член-корр. АН СССР Ю. А. Жданова была объявлена благодарность [19]. Это свидетельство высокого научного уровня публикаций Е. Д. Налоевой.

В 2015 году научное наследие Е. Д. Налоевой было издано в виде книги [20] и альбома генеалогических карт [21], куда вошли все ранее изданные статьи и четырнадцать неопубликованных работ, в том числе монография «Кабарда в первой половине XVIII века». Хотя некоторые из этих статей носят незакон-

ченный характер, представляя собой черновые наброски, они вызывают интерес и представляют научную ценность в силу высказанных в них мыслей и догадок автора по различным аспектам истории черкесов в целом и Кабарды, в частности.

Так, например, в статье «Размышления о проблемах нашей истории» Е. Д. Налоева затрагивает такие ещё недостаточно изученные вопросы как образование кабардинского феодального государства, этногенез балкарского и карачаевского народов, природа раннефеодального аланского царства, заселение территории Центрального Кавказа предками адыгов.

Другая важная проблема, затронутая Е. Д. Налоевой, – вопросы этногенеза черкесов [22].

Среди работ Е. Д. Налоевой особое внимание обращает на себя статья «Загадочный обычай «барамта» [23]. Барамта – это особая система распутывания крупных уголовных дел, связанных с убийствами, похищениями и грабежами, и получения истцом материальной компенсации при отсутствии ответчика или невозможности установить его личность. Можно сказать, что в адыговедении это первое научное исследование данного общественного института.

Плодом многолетней работы Е. Д. Налоевой с архивными документами является сборник генеалогических карт кабардинских княжеских фамилий. Генеалогические карты как вспомогательный исторический источник используются в исследованиях Е. Д. Налоевой для прояснения и понимания многих проблем политической истории Кабарды. Применение методов научной генеалогии в сочетании с использованием широкого круга архивных источников, литературных и фольклорных материалов позволило Е. Д. Налоевой осветить страницы истории феодальной Кабарды в новом ракурсе и это – новаторский подход, можно сказать, впервые использованный в адыговедении.

Монографию «Кабарда в XVIII веке» Е. Д. Налоева предполагала опубликовать еще в 1974 г., но по неизвестным нам причинам она так и не была издана.

Фактически это была первая обстоятельная научная работа, освещающая практически все аспекты социально-экономического, государственного и политического развития феодальной Кабарды XVIII века, сохранявшей в полной мере своё самобытное устройство, не подвергшееся ещё серьёзной трансформации. Публикация этого труда и ввод его в широкий научный оборот являются весомым вкладом в отечественную науку: кавказоведение в целом и адыговедение, в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом рассказывала сама Е. Д. Налоева родственнику по материнской линии Мирзоеву Зауру Наурузовичу (1950 г. р., КБР, г. Нальчик), от кого мы и получили эту информацию.

2. После революции все населенные пункты Кабарды, носившие имена бывших феодальных владельцев, были переименованы. Селение Хату-Анзорово соответственно было переименовано в Старый Урух.

3. *Налоев Заур*. Кулачное право // Кабардино-Балкарская правда. 2007. 2 октября. № 300 (22175). С. 3.

4. Отец известного ученого, писателя и общественного деятеля Заура Налоева.

5. В документах употребляются разные формы написания имени отца Евгении Налоевой – Джамурза, Джамырза, Жамурза, Джемурза.

6. НА КБИГИ, ф. 48, оп. 48, ед. хр. 59. Инв. № 3050. Заявление Налоева Аслангери Джамурзовича в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30–40-х и 50-х годах по отношению к членам его семьи.

7. 27 мая 1935 г. руководство НКВД СССР по указанию И.В. Сталина издало приказ № 00192 об организации «троек». Это позволило фактически без суда и следствия в сжатые сроки выносить приговоры гражданам к различным видам наказания от ссылки в исправительные лагеря до расстрела. Для этого ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Этим постановлением дана строжайшая установка: следствие по так называемым контрреволюционным делам заканчивать в срок не более десяти дней. Обвинительные заключения вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела, дела слушать без участия сторон. Кассационные обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускались. Приговор к высшей мере наказания (расстрелу) подлежал немедленному исполнению по вынесению приговора. В «тройку», принимавшей соответствующее решение, входило три лица: во главе первый секретарь обкома партии, затем начальник областного НКВД и прокурор. В Кабардино-Балкарской автономной области деятельность «тройки» возглавлял до своего ареста 12 ноября 1939 года первый секретарь обкома Б. Э. Калмыков, который не только выносил приговоры, но и проводил допросы осужденных.

8. Статья 58 в Уголовном кодексе РСФСР вступила в силу 25 февраля 1927 г. для противодействия контрреволюционной деятельности. Заключение, осужденные по статье 58, назывались «политическими», по сравнению с обычными преступниками – «уголовниками». В статье 58–10 имелся перечень подпунктов с различным составом преступлений (антисоветская агитация, шпионаж и т.д.). С 1921-го по 1953 г. по 58 статье в СССР было осуждено 3,78 млн человек.

9. Архив УФСБ (Управление Федеральной службы безопасности) России по КБР, АУД 3 4102 – П. (Эти документы из ведомственного архива были разысканы П. А. Кузьминовым и любезно предоставлены нам, за что мы выражаем свою признательность. – А. М.)

10. Архив внешней политики России и Центральный государственный военно-исторический архив.

11. Архив КБГУ, личное дело Е. Дж. Налоевой.

12. *Калмыков Ж. А.* Жизнь как подвиг. Вопреки сталинскому гуглагу в науку (К 90-летию со дня рождения Е. Дж. Налоевой). – Размышления историка. В поисках истины. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. С. 42–60.

13. *Налоева Е. Дж.* К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 61–81.

14. *Налоева Е. Дж.* Об особенностях кабардинского феодализма. – Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 5–27.

15. *Налоева Е. Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 69–87.

16. *Налоева Е. Д.* К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки КБГУ. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1969. Вып. 40. С. 18–35.

17. *Налоева Е. Дж.* Участие кабардинцев в русско-турецких войнах первой половины XVIII века. – Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа: Материалы всероссийской конференции. 2–3 октября 1979 г. Грозный, 1982. С. 277–280.

18. Русско-турецкая война 1736–1739 гг. и народы Северного Кавказа. – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988. Т. I. С. 426–434.

19. НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27. Инв. № 3019.

20. *Налоева Е. Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015.

21. *Налоева Е. Дж.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник (альбом из 14 генеалогических карт – приложение к книге: *Налоева Е. Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015.

22. К вопросу об этногенезе адыгских народностей // *Налоева Е. Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 203–213.

23. Загадочный обычай «барамта» // *Налоева Е. Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 139–149.

Раздел III

ВОСПОМИНАНИЯ ЕВГЕНИИ ДЖАМУРЗОВНЫ НАЛОЕВОЙ [1]

Детство

Родилась я в 1920 году в семье состоятельного жителя селения Старый Урух Урванского района Кабардино-Балкарии Налоева Жамурзы Кубатиевича.

Семья была большая – два сына, пятеро дочерей. Я помню, что младшая моя сестренка умерла совсем маленькой. Я тоже была маленькая, такая маленькая, что даже не знала, плакать или нет. Но уже остальные мы пережили последующие очень неудачные годы.

Детство... Когда заканчивается этот возраст – детство? Я даже не знаю. Детство у меня очень сложное.

Раннее детство. Наверное, я никогда не была так счастлива, как в раннем детстве. Мне повезло насчет отца и матери. Я никогда в жизни не была свидетельницей каких-нибудь сцен между ними, никогда в жизни не слышала бранного слова от отца, от матери и подавно. Я думала, что они никогда в жизни не ссорились, потому что никогда этого не слышала. Мать моя относилась к моему отцу как к Богу. Я никогда в жизни не видела, чтобы моя мать ела за одним столом с моим отцом. Отец кушал у себя в кабинете. И среди детей это считалось почетной миссией – отнести еду отцу. Чаще всего сама мама иносила. Другие взрослые дети стеснялись заходить к родителям, а я без ничего не стыдясь заходила. И я очень хорошо запомнила, как мама, поставив еду на стол, стояла, облакачиваясь на комод, и ждала, пока отец не закончит трапезу. Никогда в жизни она не садилась при нем. Такие приятные взаимоуважительные отношения между ними. Мне было лет семь-восемь, и я вообще не имела представления, что такое муж-жена. Но никогда в жизни я не видела, чтобы они обнимались.

Папа был как гость в доме: приезжает, уезжает. Когда он приедет – это большой праздник для меня. Всегда, когда он приезжал, мама говорила: «Скорее, скорее идите встречать, ваш красивый отец приехал». Мы бросались все. Взрослые дети быстро бежали, я за ними не успевала. Отец это учитывал. Обняв других детей, меня он брал на руки, и я обшаривала все его карманы. Те уже успели взять свое, а для меня – особый карман, в котором обязательно должен быть подарок для меня.

Я была очень счастлива, и то короткое время, когда отец бывал дома, я особенно была счастлива. Сидеть у него на коленях при гостях – это верх моего счастья. Я балованная была девочка, часто что-то не то сделаю и мама хочет меня наказать. Если отец мой в доме, то он мне – защита, я бегу к нему, и никто не может подойти. Он говорит: «ХэшIапIэм кьекIуэлIэжаш щхьэ хужьри, зыри фькьемыIусэ» (В крепость свою вернулась белоголовая, никому не трогать ее). Все – это было мое политическое убежище, экстерриториальное, не доступное никому.

Всегда я ложилась с ним вечером спать, если он дома. Я засыпала на его груди и просила: «Ты меня никуда не отправляй, я буду спать с тобой». Я не могла понять, почему оказываюсь утром с сестрой в детской. Мне было очень обидно. Я не могла поставить вопрос, я не могла понять причину, почему меня уносят оттуда.

Утром меня опять приносили в комнату родителей и отец говорил: «Сегодня приходил ночью медведь (мышцэжь) и очень хотел тебя видеть, принес тебе подарки». «А почему меня не было здесь?», – спрашивала я. «Ты спала, ему было неудобно будить тебя. Посмотри, может быть, он что-нибудь положил тебе под подушку?». Я ручкой лезу под подушку: у меня всегда там должны быть конфеты шоколадные. Вы знаете, какие тогда были конфеты? Они были длинные с двумя концами, лохматые, четырехгранные, и на каждой грани очень красивая женщина нарисована. Эти конфеты были верх всякого вкусного. А, кроме конфет, обязательно ещё что-нибудь я вытаскивала: бусы, сережки, губную гармошку, гребень, пряники, разные такие вещи.

Господи! Как только мог, он радовал нас.

Вот мы с отцом идем в сад, он же высокий, держит меня на руках и говорит: «Сорви, сама сорви вот это сладкое, самое спелое. Вот самая вкусная, черненькая вишенка».

Потом очень любил он делать нам хырыну – качели. Сарай у нас огромный и там качели. Он получал колоссальное удовольствие от того, что мы катаемся на этих качелях.

Удивительно, отец мой очень любил петь песни, особенно адыгэ гъыбзэ (черкесские старинные песни-плачи. – А. М.), сложенные во время Русско-Кавказской войны. Я как сейчас вижу: вот он расхаживает по ковру, руки – за спиной и напевает с большой болью плачи-гъыбзэ. (Позже из разговоров отца я поняла смысл этих песен. В нашем доме собирались знатоки обычаев, культуры адыгов и у них были диспуты всевозможные. Отец очень болезненно воспринимал итоги русско-кабардинской войны, Русско-Кавказской войны. Он ненавидел царя, ненавидел этот общественный строй. Именно это бросило его в объятия социалистов). Я очень жалею, что этих песен не помню, но моей детской памятью более остро воспринимался и запомнился мне такой куплет: «Сабий цыкГухэурэ къыхэгъыкЫм топыжь гъуэжьым и шэм я щхьэр фIех» (Детям маленьким всплакивающим пушки ненавистной желтой ядрами головы сносит). Когда он это произносил, я плакала. Я видела образно этих детишек, почему-то этот «топ» (пушка) представлялся мне синего цвета. Я с тех пор страшно не люблю войну. Я и сейчас уверена, что более подлого, более жестокого, более недостойного для человека нет на земле, чем война. Нельзя войной решать проблемы. Голова дана для того, чтобы проблемы решать за столом, умом, не давая эмоциям разрешать их кинжалом.

Отец очень любил играть на инструментах, у нас в доме были и мандолина, и балалайка, и шичепшина, и гармошка, и пианино. (У меня была мечта – купить пианино. Я до сих пор не смогла эту свою мечту осуществить.) Мама очень хорошо играла на гармонии, на шичепшине [2].

Как будто сейчас вижу: отец сидит посредине кровати, шичепшина на коленях держит и смычком водит, играет, а мама моя на стуле сидит и аккомпанирует на гармонии, и они вдвоем поют, поют любовные песни и гъыбзэ. Эти концерты, никогда, ни при ком мама с папой не делали, только при детях. Я замирала в таких случаях. Я так их любила обоих.

Но, конечно, папу любила я больше. Он был авторитет непререкаемый. И это заслуга моей мамы: она всегда нам говорила, что мы должны радоваться, что Бог дал нам такого отца, и вести себя достойно его. Мама часто рассказывала нам про него и свои рассказы завершала словами: «Вы должны гордиться своим отцом: он у вас – добрый, он у вас – красивый, он вас любит, он – самый хороший человек». Вы знаете, она так внушила, что я думала, что отец у меня – святой. А поведение его в семье не давало мне повода сомневаться в этой святости. Клянусь, только когда я стала взрослой и кое-что сама стала осмысливать, я поняла, что отец мой не был святым, а вот мама смогла нам внушить такое чувство.

Отец очень любил животных и мне привил эту любовь. Как он относился к телятам, коровам, быкам! Это удивительно: никогда в жизни он не зарезал даже курицу. Кто-нибудь зарежет, и уже готовое он может есть, но сам этого никогда не делал. Если теленочек должен появиться на свет, он переживал, за ночь несколько раз выходил. Если это случалось зимой, сам на руках приносил его в комнату...

Особенно отец любил лошадей. Раньше, до Советской власти у него был конный завод. А теперь он просто содержал лошадей. Это были очень красивые жеребцы и очень красивые породистые кобылы. Таких лошадей, знаете, долларами продавали.

То ли это самые благородные из всех животных, то ли это детство, я не знаю, но я очень люблю лошадей с тех пор. Обожаю их.

Я, когда молоко мне давали, частенько свою долю носила в конюшню, чтобы лошади попили. Я одна замахивалась в конюшню, где жеребцы стояли, куда даже мужчины боялись заходить – они очень жестокие, эти жеребцы. Я лезла не в дверь: дверь была закрыта на большие замки. Я лезла через дырку, за которой находились ясли. Вот один жеребец, потом через несколько клеток дальше – еще другой жеребец, и туда я шла и гладила их ручкой и за уши, и за гривы, и за губы (они такие мягкие). Вы знаете, они понимали, что я – ребенок (я до сих пор удивляюсь!): они не били, даже ногой никогда не задели, никогда не кусали, только губами ласково теребили платье мое...

Боже мой, это просто надо было видеть! Лошадям нужна разрядка. Каждое утро им устраивают пробежку: двор у нас большой, в середине – столб стоит, к нему привязывается лошадь, чтобы в случае чего человек мог сдерживать ее. И вот лошадь бежит то в одну сторону, пока веревка не закончится, то – в другую. Как это красиво! Потом брат мой ездит – то шагом, то рысью, то галопом или приучает их к прыжкам через препятствия. Эти занятия меня очень интересовали. ПитИэ (домашнее имя брата Аслангери. – А. М.) сажал меня на лошадей, когда гонял их по кругу. (Он очень хотел братика иметь, но родилась я, и я была у него вместо брата). Я цеплялась руками за гриву и

крепко держалась. Ни разу я не упала с лошади. И до сих пор я очень горжусь, что умела ездить на лошадях.

Когда отец уезжал, провожал его брат. Он брал с собой и меня. Мы едем с отцом до вокзала, стоим и ждем, пока отец на поезд не сядет. Я обязательно заплачу, рукой помашу, покричу, и обратно едем.

А какие сказки отец рассказывал, длинные, хорошие! Я столько сказок знала, даже больше, чем мои сестры. Он делал все, чтобы ребенок чувствовал, что у него есть такой любящий отец.

Боже мой, я не помню, чтоб когда-нибудь кого-нибудь я любила так, как его!

С мамой у меня были совсем другие отношения. Мама. Мама есть мама. Я долго не понимала, как много мне дала мама.

Первым долгом, я вам скажу, вот эти взаимоотношения между моим отцом и моей матерью – ее заслуга. Этот мир главным образом она устроила. Есть такая хорошая поговорка кабардинская: «ЛЫМ игъэса фызырэ, фызым игъэса лЫрэ» (Жена, воспитанная мужем, муж, воспитанный женой). Они как-то друг друга учили, как-то друг другу помогали и создали вот такую благоприятную, очень продуманную, очень благородную, строго консервативную адыгэ унагъуэ (адыгскую семью. – А. М.). Эти взаимоотношения на всю жизнь остались у меня в голове. Если вы мне верите, даже во время следствия я не могла громко, грубо разговаривать с мужчинами. Я считала, что так женщина даже защитит себя не может. Это все я впитала в себя от матери.

Еще, что я от матери переняла, – это хлебосольство. Я никогда в жизни не видела, чтобы к нам кто-то зашел и этого человека не угостили, чтобы от него скрыли что-нибудь. Самое лучшее из того, что есть, – это гостю. Это тоже стало моей привычкой. В меру своих возможностей я повторяла маму.

Также у нее была черта – любую работу, которую она делает, она должна сделать хорошо. Она шила, она кроила, она готовила вкусно, она играла на гармонии, она красиво танцевала. У нее был божественный голос – когда она пела, это было что-то особенное. Как жаль, что тогда не было таких аппаратов, чтобы можно было записать ее голос. Я думаю, что если бы она жила в наши дни, она стала бы выдающейся актрисой, певицей.

У мамы была еще такая привычка – высмеивать недостатки своих детей. Она очень умно это делала: недостатки наши она в шуточной форме подчеркивала. Когда ребенку говоришь в приказном порядке, вот это делай так, у него вырабатывается сопротивление, а когда в такой чудесной форме, только присущей ей, – высмеять этот недостаток, ты начинаешь выправляться, стараешься эту ошибку уже не повторять.

Очень добрые отношения были у мамы к родственникам по мужу и к своим родственникам. Все ее близкие родственники уехали за границу (в Турцию. – А. М.). Так Бог знает, что она могла сделать за каждого своего двоюродного брата, двоюродного племянника... Чувство у нее такой, клановой что ли, солидарности, что необходимо помочь, участвовать в их делах. Сыновья и дочери моей тети после ее смерти остались на попечении родственников. Как она относилась к ним тепло! Как она старалась женить их, выдать замуж. Вот сготовили что-то:

пока горячее, бегом к ним, к этим молодоженам, чтобы приятное им сделать. Понимаете, сколько доброты, сколько порядочности она вложила в меня.

Очень удивительно. Мама никогда в школу не ходила, она – абсолютно неграмотная (правда, она умела читать Коран). Забегая вперед, я тебе скажу, как она меня поразила. Будучи у меня в гостях в Сухуме, она – восьмидесяти лет – захотела научиться читать по-русски. Я с ней занималась, и мы одолели азбуку: изучили буквы, их звучание. И вот как-то я сижу за машинкой, шью: мне надо срочно выполнить заказ, деньги заработать. А тут ко мне пришла соседка армянка. Мы ее прозвали «Шуба», потому что она ходила в маленькой шубейке, которая блестела вся как полированная, от масла, от грязи: она руки об эту шубку вытирала. Эта армянка разговаривает, мешает мне шить, а мать сказать ей об этом стесняется. И вот она взяла лист бумаги, написала на обратной стороне печатными буквами «ШУБА» и поставила между нами на машинку. Я так хохотала, я так восторгалась:

– Мама, ну как ты узнала, как это пишется?

– А что? Ты же мне буквы показала, вот я и написала.

За короткое время она научилась читать – одаренная, умная женщина была и при этом – в высшей степени морально устойчивая. Знаете, как она умела внушить своим дочерям, как надо вести себя с мужчиной. Если бы не ее строгое воспитание, может я и вышла бы замуж за кого-нибудь... Я очень благодарна ей. Пусть на том свете ей будет очень хорошо, если там что-то есть.

Мама была очень добрая, очень веселая, с богатейшим юмором женщина. Если она кому-нибудь кличку давала, то она прилеплялась так, что уже этого человека все называли этой самой кличкой. Она могла беззлобно посмеяться над собой, над всем чем угодно. Даже, например, в такой ситуации. Она делает намаз. Нельзя же мешать, нельзя же разговаривать. А мы, допустим я или еще кто-то из детей что-то устроили, мешаем ей молиться. При этом она не злилась. Она завершала намаз и с улыбкой говорила: «Вы что мне намаз сорвали?». Я хочу сказать относительно ее религиозности. Мама умела читать Коран, делала намаз, соблюдала пост, раздавала садаку (милостыню. – *А. М.*), давала «бытыр» (милостыня, раздаваемая раз в год на праздник разговения Ураза-байрам. – *А. М.*) – выполняла все религиозные предписания. К Богу она относилась очень ровно. Она была уверена, что Он слышит и видит все, что она делает. Понимаете, такая вот вера у нее простая. Наивно это все.

Мне приятно, что у меня была такая мать. Кое-что, очень мало, есть у меня от матери. Я во многом уступаю ей: чувство юмора у меня, наверное, не так развито, да и голоса у меня нет, я пою плохо.

У нас дома часто бывали образованные исламисты и они часто дискутировали. Я очень внимательно слушала их, хотя не все понимала, но некоторые вещи я запомнила на всю жизнь. Например, что человек обязан похоронить не менее семи человек, потому что, чтобы нести тело до кладбища, копать могилу и так далее требуется минимум семь человек, минимально семь человек участвует в похоронах.

Наверное, как и все дети, я была очень верующая. По всем моим маленьким детским проблемам я беседовала с Аллахом, я думала, что у меня прямая су-

ществует связь с Ним. Это Он дает мне все эти куклы, все эти удовольствия, которых у многих детей нет.

Однажды мама очень спешно готовила пироги. А я уже привыкла, что когда мама возится с тестом, я учусь у нее. В этот раз я до того сильно замесила тесто, что еле-еле вложила туда начинку – сыр, а вложив, не могла никак «закрыть» пирог – края ставшего твердым теста не прилипали друг к другу. В конце концов, не найдя другого способа, я плюнула на тесто, слюной смазала края и прилепила их – получился кругленький такой пирожок. Мама всего этого не видела. Когда я сказала, что у меня все готово, она взяла его испечь. Огромная кабардинская печь – адыгэ жьэгу, там зола горячая. Под золу положила, и мой пирог испекся. Мама вытащила его, отряхнула от золы и дала мне. Я съела его.

Знаете, почему мне еще нравилось готовить с мамой? Как-то, когда эти религиозеды разговаривали, я услышала, как один из них сказал: человек должен жить своим трудом. Я думала, что раз я сама сделала пирог, я имею право сама его есть. Откуда взялась мука, я об этом не задумывалась.

Только я покушала свой пирог, как крик во дворе: тетя, жена моего дяди, приехала. Тётя Тина – полная такая, дородная, ласковая. Мы все очень любили ее. Я всю жизнь хочу быть похожей на нее, но мне не удастся это. Я – резкая, а она была мягкая, обтекаемая, никогда категорично ничего не утверждала. Очень добрая, хлебосольная, чудесная была тетя. Мне надо было первой увидеть ее. Я побежала туда. Там под большим деревом лежал ковер. На нем уже сидели и дети, и тетя. Я подбежала и прижалась к ней. «А сэ си хужь цыкIу, сэ си сырыху цыкIу, си псэ закъуэ!» (Ах ты моя беленькая, ты моя светленькая, душенька моя единственная!). Она меня приютила, я прильнула к ее груди, обняла за шею и крепко за нее держусь. Она – очень верующая. Она приезжает к нам со Старого Лескена. А там – Мамыза-эфенди, образованный, ученый человек, которого они с мужем приглашают каждую неделю, чтобы он давал уаз (наставления. – *А. М.*). И она затем рассказывает их моей маме, своей сосношнице. Мы все, взрослые и дети, рты открыв, слушаем тетю: какой уаз дал эфенди на этот раз.

Тетя Тина завершила свой рассказ такой сентенцией Мамызы-эфенди: женщина, которая позволила себе с тестом на пальцах руки зайти в туалет или наступить на тесто, или плюнуть на тесто, не попадет в рай, пока через игольное ушко не пройдет верблюд.

К этому времени я уже видела верблюда и знала, что это огромное животное. У меня всегда было образное мышление: сразу я представила себе игольное ушко, огромного верблюда, который, конечно, не пройдет через него. А, значит, я никогда в рай не попаду? Мне рассказывали, что там, в раю, летают красивые птицы, что там фрукты всевозможные, что там на качелях качаются, что там пьют, кушают и живут просто, без забот. Мне нравилось, что там кушают: я с детства такая обжора была. И все остальное мне нравилось. Вдруг я похолодела (это какие-то доли секунды) – я осмыслила, что пропала, что у меня больше нет выбора: хочешь – молись, хочешь – не молись, пока этот огромный верблюд не пройдет через игольное ушко, мне не видатьрая.

Я потихонечку, потихонечку отошла от тети Тины, ушла далеко вглубь сада, села и заплакала. Я очень сильно плакала, смотрела на свои руки, припоминала тесто, на которое я поплевала... «Ну, я же не знала... Почему тетя раньше не сказала мне об этом?» – думала я. Я уже хотела найти виновного, хотела очистить себя.

Я вынашивала это горе много лет, пока советская школа и комсомол не освободили меня от этих понятий. Очень часто я оставалась одна, чтобы выплакаться, выпросить прощение у Аллаха за этот поступок свой. Даже был такой случай: как-то я сидела сзади дома на кирпичной завалинке. Солнце било прямо в стенку. Щипал зелёную травку теленочек – молодой, красивый, с черным пятнышком на лбу. Я очень любила этого теленочка, обнимала, целовала. А сейчас я смотрела на него и горько плакала: почему Аллах создал меня не теленком? Вот какой счастливый этот теленок: он живет, как может, как хочет и когда умрет, то все – ему ничего не будет. А я должна еще и ответить за свои действия. Я очень сильно рыдала... Какая тяжесть на мне лежала...

Еще о моей детской религиозности. В сельской школе, где я училась, был учителем Шоген Хамад. Он преподавал кабардинский язык. В прошлом он был сохста – студентом исламского учебного заведения. А теперь он на уроках доказывал, что Бога нет. Я спорила с ним и однажды сказала: «Если ты хочешь, чтобы я ходила на твои занятия, а я очень хочу стать грамотной, ты так не говори. Можно без этого преподавать». Вечером он был в гостях у нас и пожаловался отцу:

– Я не знаю, что это за ребенок. У нее такая логика, что ставит иногда в неловкое положение. Сегодня приперла меня к стенке. Говорит, что можно кабардинский язык преподавать без антирелигиозной пропаганды. А мы обязаны на занятиях говорить, что Бога нет. А потом она задает прямо вопрос, верую ли я в Аллаха или нет. Я должен отвечать, а я не могу.

– Хамад, ты все-таки верующий? – спросил его отец.

– Уalagi, и верю и не верю. Но я бы не стал говорить, что Бога нет, если бы не работа. Если я не буду говорить, что Бога нет, мне работу не дадут.

Вы знаете, вообще Налоевы – более громоздкие, мощные интеллектуально, такие вот тяжелые, а Мирзоевы – более гибкие, более с юмором, подвижные. Мне кажется, слияние таких двух начал дало довольно-таки неплохой результат. У меня брат был очень талантливый, очень умный. Если бы не Советская власть, которая загубила его, он мог стать ученым с всероссийским именем. Сестры мои тоже просто поражали, даже с той (имеется в виду старшая сестра Нафо. – А. М.), которая и в школу не ходила, можно было советоваться по всем вопросам, включая политические. Удивительная эта Нафо. Но это все – результат воспитания.

Мирная, добрая, честная обстановка, созданная моими родителями в семье и помогала мне выжить в любых условиях, не падать, не опускаться, не отступаться.

Мама моя была вспыльчивая. Особенно я доводила ее. Я очень трудновоспитуемая была. Вот у меня возник какой-то вопрос, я должна была немедленно

узнать у нее ответ. Скажет мама, что нельзя этого делать – нет, я это буду делать. Она лупила меня, иногда даже привязывала.

Помню один такой случай. У нас было большое крыльцо, и вот она надела мне на шею серебряную уздечку, привязала к столбу и сказала: «Больше никуда не пойдешь, я даже на ночь тебя оставлю возле этого столба». Я стою. Через некоторое время (надо же было такому случиться!) ворота открылись и друг за другом тачанка, еще тачанка, еще тачанка заехали во двор: то были гости вместе с моим отцом. Я подняла такой крик! Ногами бью. Мне бы взять и снять эту уздечку: она не была туго завязана. Нет, я не снимаю ее. Я кричу. Кто-то, не помню кто, снял с меня уздечку, взял меня на руки и занес домой. Я всхлипываю, рыдаю. Разыграла, в общем, сцену. Сколько мне подарков надарили гости! Сколько денег мне надавали! И вот я стала невольной свидетельницей разговора между отцом и матерью.

– Как ты могла так поступить? Ты сегодня голову с меня сняла (Си щхьэр фЭпхаш нобэ). Как можно было ребенка привязать к столбу?

Не отвечает мать моя, нет. Она стоит как будто дочь перед отцом, с повинной головой.

– Лучше бы я умер, чем увидел такое. Я не знал, что моя щхьэгьусэ (супруга, буквально «спутник моей головы». – А. М.), которой я доверяю воспитание моих детей, так нарушает правила. И люди, с которыми я общаюсь, работаю, увидели это.

Наверное, он был тогда еще комиссаром. Мой возраст говорит об этом: будь я повзрослее, меня бы не привязали к столбу. Мама, знаете, как отвечает:

– Кьысхуэгьэгьу (Прости меня, я это учту).

Больше не было ответа. Это не было наигранно. Они говорили между собой, без свидетелей, уверенные, что я сплю. Я помню и другие сцены, когда они бывали «в контрах» и скрывали это от нас, продолжая вежливо общаться.

Еще один момент я запомнила. Почему-то все называли меня урыс (русская), нащхуэ (сероглазая), щхьэ хужь (белокурая). И когда наша семья (без отца – отец всегда кушал отдельно) садилась за стол, я рассматривала всех: мама моя и Тинка – жгучие брюнетки, брат – то же самое, у двух других сестер – каштановый цвет волос. Ничего похожего с моей пигментацией ни у кого из них не было. Это меня пугало очень. Я смотрела на двоюродных братьев, сестер, на двоюродных племянников по тете: все – смуглые, одна я – светловолосая. И когда я на полном серьезе спрашивала, почему меня называют «урис», мне отвечали: «Укьэтщэхуаш (мы тебя купили). В 1922 году был голод и тебя нам продали». Даже соседка сказала, что меня купили за хьэжыгьэ пэгун (ведро муки). Я спросила у мамы, и она (можете себе представить?) подтвердила, что меня действительно купили. Вы знаете, детям нельзя такие вещи говорить. Я очень страдала от этого. Я очень хотела знать, чья я, где мои настоящие мать и отец. Как такое могло случиться, что я здесь оказалась? Я возненавидела ту женщину, которая продала меня. И в то же время я ушла в себя.

Детские переживания – очень скверная вещь. Ребенок не может раскрыться, не может поделиться, не может спрашивать, выяснять. У него не хватает логики,

мышления осмыслить все: страдания бывают очень глубокие, потрясающие. Даже могут быть тяжкие последствия таких страданий.

Как-то я зашла в опустевший амбар (в это время мой отец, наверное, уже работал в Южзаготзерно, так как все хранилища наши опустели – хлеб, зерно, все вывезли) и там стала плакать. Сильно плачу и причитаю: «Где моя мама? За что она меня продала? Ну где же папа? Как мне быть теперь? Почему я буду у чужих жить?». Вот так. Отец, наверное, мимо проходил (он ходил очень мягко, неслышно), остановился, послушал. Я не услышала его, тем более я была в таком состоянии. Он подошел тихонечко и ласково положил мне руку на голову:

– Моя белоголовая, моя светлоглазая, что же с тобой случилось?

Он поднял меня, я еще больше зарыдала.

– Кто тебя обидел?

Я заикалась, не могла говорить, а он-то слышал все мои причитания.

– Тебе сказали, что ты – русская? Тебе сказали, что тебя купили?

Я рыдаю, всхлипываю и не могу ответить. Держа меня на руках, отец зашел на кухню. Мать там что-то делала. Мужчины обычно не заходили на кухню, и она даже оторопела. Он меня посадил, взял мать за шею якобы и сказал:

– Я накажу тебя очень сильно, если ты еще когда-нибудь скажешь ребенку, что она куплена, что она – русская, что она – не наша. Я не знаю, что я сделаю.

Она, не сопротивляясь, опустила свою голову. Два-три раза отец пригнул ее голову, обращаясь ко мне со словами:

– Ты видишь, как я ее наказываю? – а мне было очень приятно, я хотела, чтобы он по-настоящему ее еще наказал.

– Я тебе говорю, вот слушай, моя белоголовая, никогда никто тебя не купал. Ты – не купленная, ты – моя дочь, а она – твоя мать. Это она пошутила. Ты – наша, – с этими словами отец взял меня на руки. Я еще больше заплакала: я так обрадовалась, как будто с моей души сняли какой-то груз.

Я не нуждалась ни в чем, ни в чем не нуждалась – ни в ласках, ни в одежде, ни в еде, пока отца не арестовали.

Счастье мое, мое счастливое детство оборвалось с арестом отца – мне, наверное, тогда было лет восемь. Это трудно выразить. Слишком много горя видела я за свою длинную жизнь, похоронила близких людей, несколько раз подвергалась арестам, но более глубокого страдания я не испытала, чем арест моего отца. Равное, может, было, но более глубокого – нет. Я не знала, что можно делиться этим, что можно с кем-то поговорить. Не знала: я – ребенок. Я уходила в сад или опустевшие амбары и плакала там. Выплакавшись, иногда там же засыпала, а потом шла домой. Похудела очень. Все соседи замечали, что я очень тосковала... Каждую ночь, прежде чем уснуть, я читала молитвы на арабском языке – «Къульхью», «Альхъэм», «Ясин» [3], а потом начинала просить Аллаха, чтобы Он вернул мне отца. И утром, как проснусь, первым делом я закрывала головку одеялом и опять читала, и опять просила Аллаха...

За все то время, что отец сидел в тюрьме ОГПУ (она находилась там, где сейчас проспект Ленина [4], один-единственный раз дали нам свидание с ним. Это было зимой 1930 года.

Отца снова я увидела уже через несколько лет, в 1935 году, когда он приехал к нам в Таджикистан. Как видите, к тому времени я уже была взрослая девочка, подросток.

После ареста отца жизнь моя пошла вкривь и вкось, так что сказать, что детство мое было счастливым, я не могу.

Но я очень благодарна родителям за счастливо проведенные годы в раннем детстве. Пусть земля будет пухом и отцу, и матери. Они были людьми, просто людьми, со всеми присущими им хорошими чертами. Я их люблю, помню, что и, мне кажется, смертные не могут быть лучше, чем они были.

Как Жамырзэ второй раз женился

То, что мои родители не были святыми, я поняла, когда немного подросла.

Было летнее время. Отца моего дома не было – он уехал ещё вчера очень далеко, в Заюково (кабардинское селение, располагающееся в Баксанском ущелье. – А. М.), на свадьбу. Из Заюково в наше село должны были привезти невесту.

Почему-то в этот день дома были только мама и я. Мама готовила что-то на кухне в старом доме, когда мы слышали сильный топот конских копыт. По кабардинским обычаям, по селу галопом на лошадях не скачут, если не случилось что-то чрезвычайное. Мама выплянула в окно (тогда застройки еще не было, и из кухни старого дома, хоть он и находился в глубине двора, сразу была видна дорога) и увидела, что скачут две лошади. Она из кухни говорит: «Что-то случилось». Когда всадники приблизились, мама, к своему удивлению, узнала в них своих старших двоюродных братьев по материнской линии – Кудабердоковых, которые тоже уехали вчера с моим отцом в Заюково. Кудабердоковы – это очень знатный род, они из дыжьыныгъуэ [5]. Это очень воспитанные люди, которые должны, обязаны соблюдать адыгэ хабзэ (адыгский этикет). А тут они, проскакав по улице, круто завернули прямо к нам, влетели в ворота, соскочили с коней и встали, опустив руки [6]. Мама выронила миску из рук.

– Сыт мыгъуэ къэхъуар? (О горе, что случилось?). Ради Бога, не томите... Он жив? – вот так она сказала.

– Умыгузавэ, уэлэхьы, псэум, – жиІащ зым, – псэум (Не переживай, уа-лахи, жив он, жив).

– А-на тІэ, – жиІащ, – фи ИтІыр едзыхауэ, щхьэкІуэ фІыккъэкІуа нэхьей, фыщыти? Тхьэ, си псэр хэфхам: жылэм зэхахыу шэджагъуэ махуэм къуажэм фыкыщыдэлъадэм. Сыт къэхъуар? (А-на, руки опустив, как горевестники, что же вы стоите? Клянусь Богом, вы меня напугали: все село слышало, как в полдень вы галопом прискакали. Что случилось?).

– Уэ жыІэ, – жеІэ зым (Ты скажи, – говорит один.)

– Хьэуэ, уэ жыІэ (Нет, ты скажи.)

Взрослые мои дяди вот так стоят. А я уже догнала маму, стою, держу ее за юбку. И вот один из них сказал:

– Уэлэхьы, фыз къишам (Уа-лахи, он женился.)

– А си хьэдэр ихуарэт, – жиІащ ди анэм, – фэ лЫшхуитЫр, сабэр гьуэугум кьэвгьэхьейуэ, кьуажэр кьэвгьэушу, шэджагьуэ махуэм фыкьыщІыдэлъэдар ара? (Да чтоб мне с места не сойти, – сказала мама, – вы – двое взрослых мужчин – пыль по дороге поднимая, всполошив всех, в полдень по всему селу проскакали из-за этого?) Ар лЫщ. Абы физ кьишэну хуитщ. Ар Іуэху? Абы фІэкІ кьэмыхьуамэ – ар Іуэхукьым. ФынакІуэ фыныщІыхьэ (Он же мужчина. Жениться – его право. Разве это повод для огорчения? Если кроме этого ничего не случилось, то все в порядке. Заходите в дом.)

Они оба были ошарашены – что-то другое они ожидали. Мама завела их в комнату, усадила.

– Давайте, теперь рассказывайте.

– Уэлэхьы, уэ анэ ущимыІэжкІэ, адэ ущимыІэжкІэ... нэгьуэщІ уи щхьэгьусэм кьыщишэм, мыр гужьейнщ, япэ зидгьахэу дыкІуэнщи жетІынщ жытІэри аратэм дыкьыщІэкІуар (Уалахи, матери раз у тебя нет, отца нет [7], а тут еще к тому же муж вторую жену приводит – она растеряется, подумали мы, поедем вперед, заранее предупредим. Поэтому приехали.)

Си анэр моуэ тІэкІу кьыпыдыхьэшхыкІащ (Мать моя немного с усмешкой сказала):

– Тхьэ, фхуэзмыгьэфэща апхуэдэу фыхэбзэншэну. Хэт кьишар? КьызжефІэ (Клянусь, не ожидала от вас, что вы так, вопреки обычаю, себя поведете. На ком, вы говорите, он женился?)

– Кьашэ. Ари а дэ дыщІэкІуари – зэгьусэу кьашэ. Зэрыхьуар бжетІэнщ (Везут ее. И эту и ту, за которой мы поехали, – обеих вместе везут. Расскажем, как все это произошло.)

ХьэщІэхэр дызэхэсу зы цЫхубз дахэ щІалитІ и гьусэу бжьэ яЫгьыу кьыщІыхьащ. (Когда мы, гости, сидели за столом, одна красивая женщина в сопровождении двух юношей зашла к нам с чашей-выпивкой). По обычаю, бжьэ (чашу-выпивку) сама (женщина) не несет: один юноша держит бжьэ, а другой – закуски. Она свободно заходит. Все поднялись мужчины. Она сказала: «Нэло Жэмырзэ бжьэ кьыхуэсхьыри сыкьэкІуауэ аращ» (Для Налоева Жамырзы я принесла бжьэ.) «Уи бжьэр кЫхь ухьу!» (Да продлится твой бжьэ!), – Жамырза поблагодарил ее торжественно. Очень приятно было ему, что такая красивая женщина принесла для него бжьэ, и он принял его, принял стоя и сказал: «Иджы зызгьэцЫху. Хэтхэ я нысэ ухьуну?» (А теперь представься. Чья невестка ты будешь? Чтобы мне знать, кто такую честь оказал мне.) «Алыхь, сэ щхьэгьусэ симыІэ, – жиІащ. – Сэ щхьэгьусэ мыгьуэ дэнэ кьисхын? Уэ хуэдэ сэ схуэфашэхэр я щхьэгьусэхэм я кІэр яЫгьыу унэм щІэсщ...» (О Аллах! Нет у меня мужа. Откуда же возьмется мужу, если такие, как ты, кого достойна я, держа подол своих жен, дома сидят?) «Сэ апхуэдэфэ щхьэ кьызуплъа? Си щхьэгьусэ и кІэ кьуагь сыкьуэсу? – жиІащ Жэмырзэ. – Уэлэхьы, укьыздэкІуу щытым, укьызошэм. Уэ хуэдэ цЫхубз згьуэту, сэ ауэ сыщыс уи гугьэрэ?!» (Разве я похож на того, кто за юбкой своей жены сидит? – сказал Жамырза. – Уалахи, если ты согласна выйти за меня замуж, я женюсь на тебе. Как я могу упустить возможность взять в жены такую женщину, как ты?!) «Алыхь, а жыпІэр пэжу щытым сэри сыбдокІуэм», – жэуап кьитыжащ цЫхубзым (Клянусь Аллахом,

если то, что ты говоришь, это правда, я готова выйти за тебя замуж, – ответила женщина.) Ефэндьри щысти «Алыхьым и цІэкІэ соуІэ, нэчыхь зи цІэр мис арам, – жиІащ. – Уарэзы, Жэмырзэ, мыр кьэпшэну?» (Эфенди, сидевший тут же, сказал: «Клянусь именем Аллаха, вот это и называется накяхом [8]. Ты согласен, Жамырза, жениться на ней?») «Уэлэхьы, сыарэзым, кьыздэкІуэу щытмэ» (Уалахи, согласен, если она согласна выйти замуж за меня.) «УдэкІуэну?», – щІэупщІащ ефэндьр (А ты согласна выйти за него? – спросил эфенди) «Тхьэ, сыдокІуэм», – жэуап кьитыжащ цІыхубзым (Господь – свидетель, я согласна выйти за него, – ответила женщина.) «Фи ІитІыр кьафщтэ-тІэ», – жери щыхьэтитІым я ІитІыр зытридзэри нэчыхьыр итхаш. Жэмырзэ и жыпым кьрихри нэчыхьыпщІэр иритащ. (Подайте ваши руки, – сказал он свидетелям и, соединив их руки, тут же написал накях. Жамырза достал из кармана и отдал плату за заключение накяха.) «О-о-о, – псори зэрыгьэкІиящ, – сыту фІыт! Уэлэхьы, хьарзынэм! Ар апхуэдэу щыхьуакІэ, ныситІри дошэри докІуэж!» (О-о-о, – воскликнули сидящие за столом, – как хорошо! Уалахи, раз так получилось, забираем сразу обеих невест и возвращаемся!)

Ар щыжаІэм, дэ тІури Іэнэм дыІусти, дыкьэтэджри дыкьыщІэкІри дыкьежьэжащ. (Когда так сказали, мы, тоже сидевшие за столом, встали, не довольные произошедшим, вышли и приехали к тебе.)

– Алыхь, – жиІащ ди анэм, – апхуэдэу цІыхубз кьыщІыхьу бжьэ кьритауэ, апхуэдэу «Сэ хэт мыгьуэм сыдэкІуэн, сэ схуэфашэ уэ хуэдэхэр я щхьэгьусэ я кІэ кьуагь кьуэсщ» жиІауэ, абы ар кьимышу кьэкІуэжауэ щытатэм, мис абы щыгьуэтэм хьэдагьэ сыщиІэнур. Сыт абы щхьэкІэ фыщІэгьыр? Лшот ищІэн хуеяр абы? «Хьэуэ, сэ щхьэгьусэ сиІэщ. Уэлэхьы, укьэзмьшэфыну», – арат жиІын хуеяр абы?! Дэгьуэу ищІащ! КьокІуэж жыпІа?» (Аллах – свидетель! – сказала мама. – Если такая женщина зашла к нему и, протянув чашу для тоста, сказала: «За кого же мне выходить замуж, когда такие, как ты, достойные меня, сидят за юбками своих жен», – а он, услышав такое в свой адрес, не взяв ее в жены, вернулся бы, вот тогда у меня был бы повод огорчиться. Почему вы из-за этого горюете? А что, по-вашему, он должен был сделать? «Нет, у меня уже есть жена. Уалахи, не могу на тебе жениться», – так должен был он сказать, что ли? Правильно он поступил. Возвращаются, говорите?)

– Пщыхьэщхьэ кьэсыжын хуейщ ахэр (К вечеру они должны вернуться домой.)

– Хьунщ-Іэ, сэ хьыбар зыщІэн хуейм езгьэщІэнщ, – жери, абы деж псалъэмакьыр щихуащ (Хорошо, тогда я оповещу кого положено, – сказала мама, – и на этом закончила разговор.)

Первым долгом мама срочно послала кого-то из старших детей к Жанхоту – старшему брату отца: «Мыращ Іуэхур зэрыщытыр» (Вот так обстоят дела).

– Сэ укьыщІырезгьэджар сыпхуэгьыну хьэмэрэ уезгьэшхьдэнуракьым. НэгьуэщІ зыгуэр абы и пІэм иту, апхуэдэу Іуэхур хьуам абыи арауэ кьыщІэкІынт ищІэнур. Тэмэму ищІащ. А цІыхубз кьашэми лажьэ иІэкьым. Мы унагьуэ кьыздэкІуэжым хабзэкІэ кьегьэблэгьэн хуейщ. Мыр льэпкь Іуэхуши, хэт сыт ищІэн хуейми уэ унафэ щы. Мэл зыбгьупщІ ди пщІантІэм дэтщ, иджыпсту мэхьуакІуэ, жэми диІэщ. ЩІэн хуейр фщІэ (Я тебя позвала не для того, чтобы поплакаться

тебе, и не для того, чтобы ты его ругал. Другой бы, окажись на его месте и обернись бы дело так, наверное, поступил бы также. Он правильно сделал. Эта невеста, которую везут, тоже ни в чем не виновата. Он возвращается в свой дом, и мы должны встретить их согласно обычаям. Свадьба – это дело всего рода, поэтому ты отдай распоряжения, что кому нужно делать. У нас есть с десяток баранов, коровы есть. Пожалуйста, распорядись этим всем.)

– Умыгузавэ, – жиІащ Жэнхьуэт, – хабзэкІэ кьедгъэблэгъэнщ (Не переживай, – сказал Жанхот, – встретим их как положено по обычаям.)

И вот дядя мой старший вызвал своего среднего брата Магомета и они сообщили старшему рода – Налю Бэтырбэч (Налоев Батырбек Кербечевич, 1858 г. р. – А. М.). Родственницы по женской линии пригласили лучших поваров села – нескольких женщин. Забили кучу птицы, начали готовить пІастэ (густая каша типа мамалыги из пшена), дэлэн (пирог), джэдлыбжьэ (курица в сметане) и так далее. Зарезали несколько баранов. Вот как будто я сейчас вижу: котлы стоят, варят тхьэмщІыгъуныбэ (колбаса из печени и жира с пряностями), жэрүмэ (завернутые в тряпку кусочки жира с пряностями) и все прочее. Ну, а насчет араки – в ней недостатка не было. Пшынауэхэри кьрашэлІащ (и гармонисток привели.)

Короче говоря, по идее моей матери, хотели создать свадебное настроение, праздничную обстановку к тому времени, когда отец привезет свою молодую жену.

Не думаю, что маме было хорошо, что ей это было приятно (потом я увидела эту картину), но она поступила так. С ее согласия вся фамилия собралась, каждый что-то делает: убирают, готовят. Мама уже отвела комнату для молодоженов. Примерно вот так.

Засветло еще отец успел вернуться. Он на коне, подвыпивший, да еще после такого, вернулся и вдруг увидел массу людей во дворе. Он, как позже рассказывал, испугался, что кто-то умер или что-то еще случилось, даже подумал, что покончила с собой жена, услышав новости. В общем, он не знал, что думать. Он спрыгнул с коня и когда вошел, его встретил старший рода Налоевых. «Ей, хьэІуцэм кьильхуа, укІыти напи уимыІэу тхьэ укьытхыхьа?!», – жери, «багъ» жиІэри кьыхэуащ башкІэ. (Эй, негодник, ни стыда, ни совести не имея, ты как посмел показаться нам на глаза?! – сказал он и палкой слегка ударил его) [9]. Тут только отец понял, что случилось.

Дальше вот что я запомнила. Наша кухня, довольно большая по площади, но чуть ниже по высоте, чем дом, была приделана к дому и имела две двери – во двор и в сад. Ведущая в сад маленькая дверка приоткрылась, и на кухню заглянул отец. Как только его увидели находившиеся на кухне женщины-поварихи, все сразу вышли. «Е, Жэмырзэ кьэкІуащ!», – жари, щІэкІахэщ. (Жамырза пришел, – перешептываясь так, все вышли). Я, как сидела на тахте, покрытой ковром (ноги до земли не доставали), так и осталась сидеть. Когда женщины удалились, отец открыл дверь и зашел. Моя мама держала какую-то посуду в правой руке. Она трясучими руками (как будто сейчас вижу) передала ее в левую руку, не поставила на стол, а почему-то передала в другую руку, выпрямилась и, протянув правую руку, сказала: «Алыхьым жьы физдищІ, угъурлы хьуну

Алыхьым жиІэ, лъапэ махуэ ди унэм кършэну Алыхьым жиІэ!» (Дай Аллах, чтобы вы состарились вместе, чтобы она счастье принесла с собой, чтобы ее вхождение в наш дом было счастливым!) Подошел он к ней, бледный был отец, взял эту посудину, поставил вниз. Снял с себя папаху, надел на ее голову: «Уэлэхьы, мы пыІэр уэрам зыхуэфашэр, сэмыра!» (Клянусь Аллахом, эту папаху носить достойна ты, а не я.) Затем он обнял ее (первый и последний раз в жизни я видела, что он обнимает ее) и сказал: «Уэлэхьы билэхьы, сэ уэ упсэууэ, мы дунейм утету, мыбы нэгъуэщІ цыхубз кьыдэсшауэ уэзмыгъэлъэгъун! А жаІам зыкъоми пэжу хэлъщ, сэ иужькІэ псори бжесІыжынщ, ауэ зыри къашакъым икІи къашэнукъым. Сэ апхуэдэ гуауэ птесщІыхьынкъым. Мы унэри, мы пщІантІэри, мыбы дэльри зейр уэраш» (Уалахи билахи [10], пока ты жива, пока ты есть на этом свете, я не приведу сюда другую женщину! В том, что тебе рассказали, есть много правды, позже я тебе все расскажу, но никого не везут сюда и не привезут. Я тебе такую боль не причиню. И этот двор, и этот дом, и все, что здесь есть, – это все твое.) Арати, модрейми пыІэр щхьэрихьыжщ, мыдрейми щхьэритІэгъэжри щІэкІыжащ (В общем, та сняла с головы папаху, а он надел ее снова на себя и вышел.)

Потом все родственники сели за стол и было семейное застолье.

Вот так завершилась его женитьба.

Бывал он у нее, не бывал, ссорились ли мои родители, никогда в жизни разговора об этом не было, никогда в разговорах с женщинами мама не упоминала об этом случае ни в шутку, ни всерьез... До 1931 года.

Не думаю, что если бы я вышла замуж, то стала бы ревновать. Ни за что. Я, наверное, никогда не вынесла бы скандала. Поговорить? Да. Если ты так разочаровался, меня не хочешь, ну что ж, давай разойдемся. Но скандалить, идти бить кого-то... Извини, это недостойно женщины. Сыт абы епщІэнур? (Что ты с этим сделаешь?) Если человек остыл к тебе? Ничего. Гордость, достоинство и самостоятельная жизнь. Без него. Вот что может его отрезвить или вообще...

К 1931 году папа был уже арестован и уже осужден. А перед своим арестом он продал дом. Те, кто купили, разломали этот дом. Под этим домом был подвал. Когда белогвардейцы шли на наше село (оно было большевистским во главе с Налоевыми), уезжая в Осетию, мама с детьми наспех спрятали часть имущества под полами в этом подвале. И вот, когда вернулись, девочки не находили кое-что из припрятанного. И плотникам, которые разбирали этот дом, и человеку, который купил его, как-то мама моя сказала: «Пожалуйста, когда вы будете пол снимать, посмотрите: во время бегства мы кое-что положили, потом не нашли». Они нашли, как сейчас помню, с одной ручкой вазочки, там бусинки были, позолота или золото, ну, ерунду какую-то, больше ничего не нашли. Об этом случае кто-то заявил и пришел приказ вызвать в ОГПУ Налоеву Хажгуашу. Председателем сельсовета был родной племянник моего отца, который воспитывался в нашем доме. Вот он пришел и в очень грубой форме сказал: «Немедленно завтра рано утром прийти!» Это уже осень. Как сейчас помню: падал большими хлопьями снег. Мама взяла меня с собой. Не дали ни телеги, ни лошади, никакого транспорта, чтобы добраться до центра округа. А у нас уже не было ни лошадей, ни коров – все забрали в колхоз. Поэтому

мы пешком пошли, гъуэмылэ тІэкІуи тІыгъ мыгъуэу (дорожной еды немного держа). Господи! когда мы только миновали Старый Лескен, уже намокла обувь ужасно. Ашноков, я не помню, как его звали, догнал нас, посадил в телегу и довез до середины Дохъушыкъуей – Старого Черека. Ар езыр Жэнхъуэтхъэблэ кІуэ си гугъэт (Он, кажется, сам ехал в Жанхотово (современное Псыгансу. – А. М.). Мы снова пешком пошли. Вскоре встретили еще одного кабардинца, который ехал на арбе, дрова вез. Он на бричку посадил меня, а сам с мамой пешком пошел.

Было уже темно, когда мы подошли к окружному ОГПУ. Сразу завели нас в какой-то дом. Выкрашенный в красный цвет деревянный пол. Посадили в кресло. Снег, который был на мне, таял, и по красному чистому полу стекала с меня вода с пеной. И так меня – ребенка – допрашивали. Есть ли у нас золото? нашли ли золото, когда подвал вскрыли? куда дели это золото? почему мама моя отобрала у хозяина, которому продали дом, эти золотые вещи? Я сказала:

– Во-первых, там золота не было. Во-вторых, мама моя не отбирала. Я там стояла, когда ей вазочку одну маленькую отдали и еще что-то вроде тарелки. Больше там ничего не было. Это неправда. А золото у нас есть.

– Какое?

– Серебро, серебряный пояс, нагрудник, кольца, серьги – несколько штук.

– Нет, нет, нет. А вот такие круглые, плоские... монеты. Таких у вас нет?

– Таких у нас нету, а вот такие есть, я вам даже скажу, где лежит.

Тогда меня увели, стали допрашивать маму мою. Уже в полночь решили посадить маму. А меня куда девать? Меня тоже посадили. Вместе с мамой нас отправили в тюрьму. Открыли дверь. Мы зашли куда-то: там не освещалось, было совершенно темно. Мы испугались. Мама говорит:

– А муслъымэн диным ит, а цІыхупсэ зыпыт, зыгуэр мыгъуэ фыщІэс? Алыхъым щхъэкІэ фи макъ зыхэдвгъэх! (О правоверные мусульмане, о живые люди, есть ли здесь кто-нибудь? Ради Аллаха подайте голос.)

Мы не знали, есть ли кто там? И если есть, то кто: мужчины? женщины? А может, бандиты?

– А тхъэмыщкІэ мыгъуэ, къакІуэ мыбыкІэ, къакІуэ. Алыхъ дыщІэсым, – жаІэ цІыхубзитІым (А бедная, иди сюда, иди. По воле Аллаха мы сидим здесь, – слышались голоса двух женщин.)

Мы подошли к ним. Посадили на тахту маму, меня, и началось знакомство. Удивительно как! Эта та самая Хатажукина, на которой был женат мой отец.

Я никогда в жизни не слышала, чтобы две женщины разговаривали, обьяснялись с таким изяществом, с такой вежливостью.

– Алыхъ, Алыхъ, Алыхъ! Сыла мыгъуэм нэхьыфІт, нобэ сылаам. Мы щІыпІэ Іейм сыкъыщІихуар а сэ стель гуэныхъырауэ къыщІэкІынщ. Апхуэдизу фІыуэ плъэгъуа уи щхъэгъусэм и унэ унизымыгъыхуэ уэ апхуэду узэрысыгъарауэ къыщІэкІынщ мыбдежым дэ тІур дыщІызыхуэзар! – жеІэ си анэм (О Аллах, лучше бы я, горемычная, умерла, сегодня же умерла. В это злосчастное место я попала, видимо, из-за греха, который лежит на мне: не настояла я на том, чтобы тебя ввели в дом твоего мужа, которого ты так любила. Мы, наверное, встретились здесь, поэтому...)

– А Хьэжгуащэ мыгъуэ, Алыхь, сэра мыгъуэм къуаншэр: уи бынунагъуэм ухэсу, сэ мыгъуэ зыри кысылымыхъуауэ, зыри кысщІэмыушщІауэ, сэ езыр сыпезьэри кыптесхати, Алыхьым сигъэкІуакъым! Алыхьым мис мы щІыпІэ бзаджэм сыкъыщІыридзар аращІ! (А Хажгуаша бедная, Аллахом клянусь, я, несчастная, сама виновата: ты в своей семье находилась, воспитывала детей, а я была незамужем... я сама, по своей воле, пошла навстречу твоему мужу, забрала его у тебя... Аллах поэтому не дал мне дорогу! Аллах поэтому в это злосчастное место меня бросил!)

– Фэ тІу мыгъуэм сыт филажьэ? Алыхьым иухар арати хъуащ апхуэдэу. ЖывмыІэ ахэр, Алыхьым щхъэкІэ! – жеІэ ещанэм, и анэ кыльхуа и шыпхуэ нэхьыжьым, и щІэр сщІэжкъым. (В чем вы оба, бедные, виноваты? Случилось то, что было predetermined Всевышним Аллахом. Не говорите так, ради Аллаха! – третья говорит, родная ее старшая сестра, имени не помню.)

О! Как они высокопарно изъяснялись!

Я уснула на доске мокрая, уставшая, голодная.

Утром очень рано разбудили меня, вывели, посадили на сани и отправили. При этом мне сказали, что мою мать, наверное, скоро пошлют этапом и надо привезти теплые вещи и передачу. Что я испытывала, это трудно даже передать. Ауэ сыгътэкъым (но я не плакала), потому что эти сани были сына того мужчины, который купил наш дом, того, который показания дал в ОГПУ, что действительно там золото нашли.

Сытými, абы я Іэжьэм сису сыкъашэжри Заур и адэм деж (Жанхуэт мыгъуэр диІыжтэкъым) сыкІуащ (В общем, в их санях меня привезли, и по приезде я пошла к дяде – к отцу Заура [11] (другого дяди Жанхота уже не было в живых) и ему рассказала, что так и так: «Мамэ мыгъуэр иджы ягъэкІуэдынушщ, щыгъын хуэжын хуейшщ, шхын хуэжын хуейшщ». (Маму бедную хотят теперь сослать, ей надо одежду и еду отнести.)

– ЩІэху! Вгъэхэзыр! – жери, фызитІ иІэт абы, тІури гузавэри иужь ихъащ... (Скорей! Быстро приготовьте! – сказал он своим женам, у него было две жены, и те, взволнованные, засуетились.)

– Заур и адэрат, тетя Женя? (Это Заура Налоева отец, тетя Женя? – Мирзоева Н.)

– НытІэ, Заур ядэр, Заур янэр. Заур и анэм нэхьрэ нэхьыжью нэгъуэщІ физикІ иІэт (Да, отец Заура и мать Заура. Старше матери Заура у его отца была другая, первая жена.) Арати (ну и вот), приготовили пироги, большие такие три пирога, мэлылыр ягъавэри кІэструлым илгуэ ягъэтІылыжашщ, джэд-лыбжьэ ящІри, ари кІэструлым ирагъэдиихъащ, щІакхъуэ ягъэжъащ, абы пІастэ дагъэжъащ, сэ сщІэ мыгъуэрэ, бжыныху бжын жари зыгуэрхэр хальхъащ. Щыгъын хуабэ иІыми, лъэпэд иІыми, вакъэ иІыми, пэльты иІыми – псори зыкІуащІалъхъащ. ...Иджы, абы мыгъуэ къанэр хэт? Си дэльху щІыкІунитІэмрэ Тинэрэ. Арат, зыри диІыжтэкъым... Нэху мышу а кэлхозым я бришкІэм ису абы кІуэуэ къэкІуэжын хуейт... (Баранину сварили, в кастрюлю положили, курицу в сметане приготовили, остудили и тоже в кастрюлю положили, хлеб пожарили, пІасту с ним приготовили, лук, чеснок – все собрали по-быстрому. Все, что у нее было из теплых вещей, – носки, обувь, пальто, все завернули.

...Теперь кто остается дома? Мой маленький братик и Тина. Больше никого у нас не осталось... До рассвета на колхозной бричке надо было успеть туда и обратно съездить.) За это дядю могли посадить. Знаешь, как он рисковал?! Кэлхозым я бришкIэм сыригъэтIысхъэри сэри сишащ. (В колхозную бричку он и меня посадил, и мы поехали.) Где-то ночью мы выехали. Он хорошо гнал лошадей. К рассвету мы были на месте. Было, наверное, часов восемь. Уже светло. Схъащ, кIэструлитIыри зэпхауэ. Зым мэлылыр изу гъэвауэ диижауэ, мыдрейм джэдхэр гъэвауэ диижауэ илгу. Щхъэгъубжэм сыIухъэри, кыIухъащ физитIыри: «Е си нэ къуэлэн, а си псэр зышхын, укъэкIуа? ЯутIыпщыжащ-хьи, уи анэр!» (Отнесла я эти две кастрюли перевязанные. В одной – остуженная вареная баранина, в другой – остуженная курятина. Подошла к этому окошку, и эти женщины подошли. «Ты, моя светлоглазая, моя душа за тебя пусть выкупом будет, ты пришла? Отпустили твою маму».) «Дэпщэщ?» (Когда?) «Иджыпсту щIашыжащ». (Только что ее вывели.)

Другой ребенок повернулся, убежал бы, а я то, что принесла, отдала им. Дэлэнищыр мыпхуэду зытелгу, сIамыхуы! Ари естащ. (Вот так три пирога лежали стопкой, а они не хотели брать. Все равно отдала.) Вот тогда она, знаешь... И шыпхъум и цIэр сщIэж мыгъуэIым... (Забыла я ее сестры имя...)

– Алыхым... иджы фIэкла сыхъуэпсакъым, – жиIащ, – мы цыкIум и нэм дагъэ кыщIож. ДэнкIэ кIуэуэ щытми уи анэр, умыгузавэ, уэ уриIэу тхъэмыщкIэкъым ар! (О, Аллах... до сих пор никогда никому не завидовала, – сказала она, – а сейчас... По глазам этой девочки я вижу, что она несет добро с собой. Куда бы ни попала твоя мама, не переживай за нее: имея такую дочь, как ты, она не будет несчастной.)

Къыдэпщей мыгъуэри, «КъэкIуатэ», – жиIэри, сэ мыткIэ сьдэпщейри, ба кысхуищIащ. (Залезла, бедная, подтянулась к окошку, сказала: «Подвинься ко мне». Я подвинулась к окошку, и она меня поцеловала.) Красивая такая женщина, полноватая...

Арати, къэзгъээжри кызыхэджихъащ къэтлбыхъуэу здэтшэжынщ жытIэри, арщхъэкIэ дгъуэтакъым. Бабэ мыгъуэр абы дыкыкIыжри кэлхозым кIуащ кыкIэрыхуауэ... Сэ сыкъэкIуэжащ, сыкъэкIуэжри щIэсу къэзгъуэтыжащ си анэр. (И вот, я вышла оттуда, кругом обежали, надеясь найти маму и с собой привезти, но не нашли ее. Баба (домашнее имя Магомета Налоева. – А. М.) бедный вернулся с опозданием в колхоз. А я домой пошла. Пришла – а мама уже была дома.)

Больше я не видела и не слышала об этих сестрах ничего. Мы вынуждены были уехать в Среднюю Азию, потому что нас выселили из дома, а этих женщин осудили. Они, наверное, умерли с голоду в лагерях... также, как многие мои дяди...

Судьба отца

Судьба моего отца в какой-то степени, даже в большой степени, сыграла важную роль в моей жизни.

В начале 1920-х годов отец мой занимал пост комиссара Урванского района. Советская власть установилась в 1920 году, если я не ошибаюсь. Но до этого, до

Советской власти, до Гражданской войны отец мой был очень состоятельным. По сословной принадлежности он был купец, хотя не порвал связь с крестьянством. После падения царизма и установления Советской власти он добровольно отдал Советской власти все свое имущество, движимое и недвижимое, в Краснодаре, Владикавказе, Нальчике и оставил за собой только дом и приличную усадьбу в селе. Там я и родилась. При мне у моего отца не было уже такого большого богатства, но я помню, что у него было небольшое предприятие, которое производило черепицу, кирпич, известь. Впервые все это на промысловой основе было организовано в нашем селе. Это были, как теперь я понимаю, первые годы нэпа [12]. Нэп позволил, и очень многие строили дома, огораживали свои усадьбы, делали ворота. И предприятие моего отца полностью обеспечивало потребности Урванского района.

Как рассказывал мой отец, участник Первой мировой войны, он заразился социалистической идеологией там и вернулся уже большевиком, сторонником Ленина. Это был первый человек, который привез очень много литографических портретов Ленина в наше село. Он очень верил, что социализм установит справедливый общественно-политический строй. Ему казалось, что царизм действительно – тюрьма народов. Он выступал против социального неравенства; он считал, что бедные, богатые – все люди, все они принадлежат к одной нации и должны быть равны перед законом. И он верил, что Ленин несет эту идею, и революция, которая свершилась в России, устроит справедливый общественно-политический строй. Поэтому он, как большевик, очень активно участвовал в Гражданской войне.

Ввиду того, что его арестовали один раз, а потом второй раз и расстреляли, о нем ничего не писали, о нем вообще забыли. Но этот человек очень много сделал для утверждения Советской власти в нашей Кабардино-Балкарии, гораздо больше даже, чем Назир Катханов [13]. У Назира Катханова армия была шариатской. Он хотел создать исламистское государство на основе шариата, а отец мой хотел – светскую республику, светское государство, но ведущей религией должен был быть там ислам. Это разница довольно-таки ощутимая. До ареста моего отца и до отправки (фактически высылки) в Москву Катханова очень часто бывали в доме моего отца активные участники революционного движения и Гражданской войны в Кабарде – Назир Катханов, Абазов Даниил, Ахохов, Калмыков.

В общем, почти все участники большевистского переворота в Кабарде хорошо знали моего отца. Он был участником всех трех горских съездов большевиков, когда решались вопросы об организации Горской республики, а потом выхода Кабарды из нее, Пятигорского съезда и т. д.

Эти события часто вспоминали его соратники за столом, а я, как младший ребенок уже пожилого отца, имела право сидеть у него на коленях, и очень многое я запомнила.

Отец рассказывал, как стал комиссаром Урванского района. Тогда на Первый Кабардинский съезд съехались со всех сел для того, чтобы определить будущую политическую форму Кабарды. Гостиниц мало было. Депутаты, члены будущего правительства были расселены по домам, частным гостиницам.

Отец вспоминал: «В гостинице я поздно лег очень уставший, хотел спать, но кто-то шушукает, шушукает, шушукает. Это сильно раздражало меня. Я приподнял голову, посмотрел (где-то там фонарик висел) и увидел, что это Калмыков [14]. Подходит, вот кто-нибудь лежит, к нему, ложится тоже и что-то шушукает, что-то рассказывает. Потом к другому, третьему, четвертому. Так он дошел до меня. Подошел и говорит: «Жамырза, подвинься, я лягу с тобой, мне нужно поговорить с тобой». Я подумал, что ему негде лечь, и он просто ищет место. Не сообразив все, я спрашиваю: «А как ты хочешь – в разные стороны головой или вместе?». А он: «Нет-нет. Вот тут». И прилег к моей подушке. Суть разговора свелась к тому, что завтра будут выборы. «Меня поддерживают Сталин, Ной Буачидзе, Орджоникидзе, Киров – все представители большевистской партии. Поддержи и ты мою кандидатуру. Соперником моим является Катханов Назир. Я думаю, что ты предпочтение дашь мне. Потому что он хочет шариатское государство устроить. А я знаю, что ты хочешь светское. Вот я буду самым подходящим человеком». Меня сильно смутило, что человек, который претендует на главу нации, прибегает к такому непорядочному приему. Я просто даже некоторое время не мог открыть рта. «Я, – говорю ему, – понимаю, почему ты меня уговариваешь. Разве так можно? Пусть народ выберет тебя, а не ты уговаривай нас. Къэтхъэн Назир, хотя я не согласен с ним, я не хочу, чтобы у нас было шариатское государство, с оружием в руках взял Нальчик. И я тоже с оружием в руках вступил в Нальчик. А ты в это время отсиживался в приемных комиссаров, коммунистов. Зы клакхъу щІэпчакъым. (Ни одного выстрела ты не сделал.) Я считаю, что оспаривать первенство у Катханова у тебя права нет. Как ты можешь претендовать на это место? Я думал о тебе гораздо лучше, чем ты оказался». Он ушел от меня».

Наутро, когда собрался полный зал, а занавеси были еще опущены, там, где будущая трибуна, где президиум будет сидеть, разгорелся спор между Катхановым и Калмыковым. Разразился такой сильный скандал, что Назир вытащил наган и, наверное, убил бы Калмыкова, если бы тот не успел спрыгнуть в зал. Как будто он свалился с неба, занавес закрыт, а он прямо бросился туда, в зал. А выстрел все-таки состоялся.

Вот в таких условиях начались выборы. Все представители высшего звена большевиков поддержали Калмыкова. И даже, когда обсуждение еще шло, кто-то из коммунистов, если я не ошибаюсь, это был Киров, сказал: «Не надо забывать: кто был никем, тот станет всем». Это обращая внимание на то, что Калмыков имеет право на этот пост.

На этом же съезде мой отец был избран комиссаром Урванского района.

Однажды к нему в Докшукино (не это Докшукино – станция, современный город Нарткала, а Дохъушыкъуей – Старый Черек), где находилась резиденция комиссара Урванского района, приехали из села Дыгъужьыкъуей (Аушигер) четверо депутатов, которые сообщили, что к ним обратились два студента Петербургского университета – молодые люди, образованные и знатного рода, с просьбой предоставить им политическое убежище. «Мы дали им убежище и обещали, что волос с их головы не упадет. Они будут жить у нас и работать учителями. Предупреждаем, что если кто-нибудь из вас будет сводить с ними

счета за то, что они знатного происхождения, будет дело иметь со всей общиной». «Да нет, никакой претензии я не имею. Что вы! Какой может быть разговор!», – сказал мой отец и отпустил их.

Каждый день то, что происходило, докладывали Калмыкову. Вечером, в такой отчетный час, отец мой рассказал и об этих двух молодых людях. Калмыков, как бы обрадовался:

– Очень хорошо. Хорошо вы сделали. Но почему вы их оставили там? Давайте, пришлите их ко мне. Здесь они больше пользы принесут. Мы здесь хотим гимназию открыть.

– Я это не могу сделать, потому что они обратились не ко мне, а к общине. Они получили убежище там.

– Ну, как же так? Ты – комиссар и тебя не послушают? Поезжай, дай слово комиссара, в общем, поручительство дай и забери их. Сюда их пришли, и здесь они будут организовывать нам гимназию.

Отец мой поверил, хотя у них уже было недовольство друг другом: к тому времени Нальчик был превращен в какой-то город, где убивают людей. Патологическая ненависть Калмыкова к знати сразу утвердилась в Нальчике: без суда и следствия, безответственно расстреливали людей. Про Калмыкова говорили, что он расстреливал знатных, потому что сам был плебеем, богатых, потому что сам был из бедных, образованных, потому что сам был безграмотным, и даже мужчину мог расстрелять за красивую шевелюру, потому что сам был плешивый. Отец мой сказал:

– Если я стану заложником, если я дам поручительство и заберу этих людей, а ты поступишь с ними так, как ты устраиваешь бойню, имей в виду: я тебя первым пристрелю.

– Да ты что же? – захохотал Калмыков. – Я этого никогда не сделаю. Это же юноши. При чем здесь они? Мне нужны образованные люди, чтобы нас учили, наших детей.

– Ну, я предупредил тебя, – сказал отец мой.

Наутро поехал в Дыгъужьыкъуей, созвал сход сельский, сказал, что Калмыков просит, чтоб эти молодые люди работали в будущей гимназии. Село согласилось. «Я даю вам слово. Если с ними что-то случится, вы можете расправиться со мной», – сказал мой отец. Он привез этих юношей в Дохъушыкъуей, дал им деньги, продукты, охрану – двух стражников и отправил в Нальчик. Вечером (к вечеру они уже должны были быть в Нальчике) отец мой позвонил Калмыкову. Тот сказал: «Нет, они еще не прибыли. Может быть, позже придут».

В эту же ночь Калмыков расстрелял обоих юношей. Когда об этом на следующий день узнал мой отец, он в знак протеста снял с себя полномочия комиссара. Отец рассказывал: «Я не смог разговаривать с ним, потому что убил бы его, если встретился с ним. Поэтому не смог». Между прочим, Калмыков сделал вид, якобы ничего не случилось.

А отец мой оставил после себя Хачетлова Жамбота. Жамбот повел дело на широкую ногу: пил, пьянствовал, развратничал. Он просто развратил округ. Ты знаешь, как он ехал по селу: тачанка, 5–6 стражников впереди, 5–6 по бокам и сзади. Пулемет сзади стоит с пулеметчиком, с кучером – второй пулеметчик,

гармонистка играет, стреляют. Шум, гам, колокольчики, он – в красном башлыке, пьяный. Это было что-то страшное. Впоследствии он сбежал, спасаясь от ареста. Это произошло в 1924 или 1925 году.

А чем занимался мой отец? Он долго не работал. Затем стал уполномоченным Российской компании «Заготзерно», «Югзаготзерно». Отец заготавливал сельскохозяйственные продукты, производил бартерный обмен: товары на продукты. Денег тогда не было, скверно было с деньгами, пока червонцы не сделали. Ну, а червонцы – тоже очень дорогие. Здесь, наверное, он хорошо зарабатывал. Государство проводило тогда новую экономическую политику (нэп), разрешило торговлю. Отец имел частный магазин и работал на «Заготзерно» и на себя. Довольно-таки состоятельный он был. Чтобы понять, насколько он был состоятельный, я один эпизод расскажу. В 1922–1923 годах был неурожай в Кабарде, особенно в Малой Кабарде: сильная засуха выжгла весь урожай. Мама рассказывала, что когда отец узнал, что там голодает народ, он отправил туда все, что у него было, будь то пшеница, пшено, овес, кукуруза. Усадьба у него была с четырех сторон окружена сапетками из штакетов, крытыми черепицей, в которых хранилось зерно и кукуруза. Вот эти все зернохранилища были наполнены. И это все было отправлено отцом в Малую Кабарду. Кто мог приехать, у кого осталась лошадь, те приезжали сами. А тем, кто не мог приехать, отец нанимал за деньги в Большой Кабарде брички или арбы, запряженные быками, и отправлял бесплатно зерно. Это сейчас очень многие помнят в Малой Кабарде. Малая Кабарда вымерла бы, если не мой отец. Ни одного килограмма дома не оставил. Мама рассказывала, что в нашей семье нечего было кушать. Еще незрелую пшеницу срезали, толкли ее, выжимали оттуда зерна и так кормили детей. «Я, – говорила мама, – упрекала его: как ты мог так сделать, не подумав, что у тебя такая огромная семья».

Отношения между моим отцом и Калмыковым были очень натянуты. Он ни разу не поехал к нему, не разговаривал с ним. И тот тоже. А когда Жамбот развалил район и сам сбежал, Калмыков прислал Ткаченко [15] – начальника ОГПУ. Он от имени Калмыкова сказал моему отцу, что тот очень просит, чтобы он приехал. За это время (уже 2–3 года прошло) мой отец, наверное, поостыл и все-таки поехал к Калмыкову. Калмыков попросил его:

– Ты найдешь Жамбота. Приведи его. Он ушел в банды, в леса, там живет. Мне просто нужно его судить.

– Если я его приведу, ты думаешь поступить с ним так же, как со студентами Петербургского университета?

– Это была ошибка. Это не я сделал. Без моего ведома это произошло. Я клянусь, я ничего не сделаю с Жамботом. Но ты если захочешь, ты его найдешь.

Между прочим, он мог его найти. Рассказывают, что Жамбот присылал к моему отцу: «Я ошибся, твое доверие не оправдал, развалил все село, а теперь со стыда сбежал. Помогите мне».

Отец мой нашел Жамбота где-то в лесу и отвез в Нальчик. В одном кабинете они все втроем сидели. Отец рассказывал, что Калмыков так ловко разоблачал безобразные действия Жамбота, что ему было стыдно защищать его. Но защита эта заключалась в том, что отец хотел, чтобы Жамбота судили по закону, а не

расправлялись с ним. Два-три раза Калмыков поднимался взвинченный, чтоб ударить Жамбота, а отец как встанет, тот возвращался на свое место, садился. После того как выговорились обе стороны, отец мой сказал: «Вот сейчас пригласите начальника тюрьмы и в моем присутствии арестуйте Жамбота и посадите при мне его в камеру как человека, находящегося в руках закона. Иначе я не уеду». Так и сделали. Жамбота посадили, а отец мой вернулся домой.

По роду своей деятельности отец мой с Калмыковым больше не встречались. Он вел частный образ жизни, а тот возглавлял государство.

В 1929 году арестовали моего отца. В чем его обвиняли по документам, я не знаю. Его вызвала прокуратура в Нальчик. Вызвали, как будто он по делу нужен. Как председатель кооперации, работавший с «Югзаготзерном» он часто отлучался по разным делам. Поэтому он ни с кем не попрощался, уехал на тачанке со своим кучером. Он, наверное, и не подозревал, что его будут арестовывать...

Вечером тачанка вернулась, и кучер сказал, что отца арестовали. Без участия Калмыкова не могли арестовать такого человека.

Это в 1929 году, а уже в 1930-м зимой, мы с мамой и сестрой приехали сюда, в Нальчик, на свидание. Организовать его нам помог зять наш Мисост Абазов, муж моей старшей сестры Лейлы. Нам сказали, чтобы мы передачу принесли. Нас привез сюда на санях папин племянник Хамырза – Ахмедхана Налоева [16] отец.

Вот где сейчас улица Шогенцукова (тогда она называлась Степная), между Советской [17] и Ногмова, находилось ОГПУ. Там была тюрьма, там расстрелы происходили, там он сидел. И вот на этой улице Степной мы стояли. Вдруг открылись ворота ОГПУ, и выехала бричка, наполненная снегом. Сопровождал ее с лопатой мой отец. ...Я не знала никаких законов, я как увидела отца, с криком бросилась к нему. Он положил на бричку лопату и поднял меня. Я прильнула к его шее... Можете себе представить: старик, который с отцом вез снег плакал, вытирая глаза. Отец должен был разгружать снег, но это делал старик, а отец был со мной.

Я так была счастлива! Я крепко держала его за шею и мы шли вместе с ним...

А когда мы вернулись – мама и сестра еще стояли. Ну и те, которые тоже приехали и передачи принесли, стояли, смотрели, но им не разрешали подходить. Вот этот человек, который снег разгружал, пошел к нашим, взял всю передачу и дал отцу.

А я... Оторвали меня от отца, я очень сильно плакала, кричала. Он зашел, и ворота закрылись.

Вот это свидание было первое и последнее. Потом мы узнали, тоже через зятя (ни в суд, никуда доступа не было), что ему дали срок – восемь лет и выслали очень далеко. Нам даже не сказали, что его отправляют, чтобы ему какую-то одежду передать. И так он исчез.

За что его арестовали, в чем его обвиняли, мы не знали. И на суде мы не были. Был ли суд вообще? Тоже не знаем. «Тройка» была, наверное. Не знаю.

Тогда еще общины сельские имели какие-то права, статус какой-то у них был. И вот около 12 общин Малой и Большой Кабарды на своих сходах вы-

несли постановление просить Менжинского [18], который стоял тогда во главе ГПУ. На имя Менжинского послали документ, что Налоев Жамырза – человек очень заслуженный, что он спас от голода Малую Кабарду, что он с большим отрядом войск с юга зашел в Нальчик и только тогда войска Назира Катханова через современный Нартан ударили, и вместе они выбили из Нальчика белые войска. Все это было описано, и отца моего досрочно освободили. Четыре года отсидел, и его освободили.

Когда он вернулся, у него уже не было ни кола, ни двора. Дом его был конфискован и превращен в сельскую школу...

А получилось вот как. Конфисковали имущество осужденного отца полностью: забрали и лошадь, и жеребенка, и корову, и кур, и тачанку, и мебель... Все имущество вывезли и через торги продали. Все, абсолютно все. Нас выселили, просто, знаете, на снег. Март был такой холодный. Снег еще не растаял. А нас никто не принимал. Все боялись. Уже вечер. Собака наша голодная и мы голодные стоим. Мы – это мама, братик мой младший Адальгири, Тинка, я. Первая старшая сестра Лейла двадцати одного года умерла вскоре после ареста отца. У нее и детей не было, только вышла замуж (вот она с нами стояла тогда на свидании с отцом), заболела и умерла. По-моему, с горя умерла. Нервы – все для человека. Нафо была выдана замуж за ее мужа – Абазова Мисоста.

Мы остались почти сироты – от отца писем даже не было. Брат его старший Жанхот умер, другой брат Магомет был мобилизован на сельскохозяйственные работы (ККОВ назывались) [19].

Вечером он вернулся с сельскохозяйственных работ, перешел через перелаз, вытирая на ходу слезы, сказал: «А чего вы тут стоите? Идемте ко мне. Если убьют, пусть нас всех вместе убьют. Но чтоб дети моего брата стояли на снегу, а я там сидел и кушал?». Он взял меня и братика на руки. И мы все вместе, с Тинкой и с мамой, пошли к дяде. Мы жили там неделю.

Уже нельзя было там находиться: его могли арестовать, а семью раскулачить и выслать. Надо было придумать что-то, и вот мама с дядей эту ситуацию обсуждали. А потом зять наш Мисост Абазов (он был секретарем райкома партии в Муртазово) посоветовал уехать.

Все закончилось вот как: счетоводом этого ККОВА был украинец. Когда он появился в нашем селе, отец мой дал ему один дом в нашей усадьбе, где он бесплатно жил с женой и детьми. Мы так привыкли друг к другу, что эти дети научились по-кабардински разговаривать, а мы – по-русски. Он на собрании услышал, что будет выселение и в списке первыми значились мы. Этот украинец тайно встретился с кем-то из наших родственников и попросил, чтобы ему устроили встречу с мамой. Он сказал ей: «Уезжайте. Иначе вас вышлют». Он признался, что сам раскулаченный, с Украины бежавший человек: «Вот видите, я здесь работаю на чужбине, никто не знает. Вот так и вы будете где-то жить. Уезжайте куда-нибудь».

Бегство семьи в Таджикистан. Голод. Смерть младшего брата Адальгири

А куда мы могли уехать? Мама моя была безграмотная, дети – я, братик и Тина – маленькие. Все наше имущество было конфисковано. У нас ничего не осталось. Средств у нас не было. И решили так: поедем к брату в Сталинабад, в Бухару.

Дело в том, что к тому времени моего брата, который учился в Москве, послали в Среднюю Азию на работу. Тогда комсомольцев могли куда угодно послать. Вот его послали туда. Мы знали, что он находится в городе Сталинабаде. А мы думали, что это где Бухара, а что между Бухарой и Сталинабадом несколько дней езды поездом, этого даже мы не понимали.

Мы уехали ночью, до рассвета, чтобы никто не видел. На дорогу испекли кое-что, дядя запряг бричку, и Налоевы со слезами проводили нас. Еще только стало рассветать, когда мы были уже в Муртазово. Спросили мы билет «Муртазово – Сталинабад». Можете себе такое представить? «А такое не продается», – сказали нам и дали билет «Муртазово – Баку».

Приехали мы в Баку, а там уже тепло очень. Мы никак не можем на пароход попасть. Какое количество людей! Вот как будто я сейчас вижу. Вся Украина там была. Боже мой, лежат, сидят, стонут, умирают. А пароходы все нагружают и везут в Среднюю Азию. А что там? Мы понятия не имеем. Суток пять мы там просидели. Наконец, мама встретила какого-то кабардинца, больше денег заплатила, и мы достали билеты на следующий рейс до Красноводска. Красноводск – это современный Туркменистан. Дорога была очень тяжелая. Никогда я море не видела до этого и не ездила на кораблях. Корабль так красиво отплыл. Я с борта смотрю, мне все очень интересно. Вот здесь парочка – белой простыней накрыли себя. Вот вещи положили, чемоданы, сделали своеобразную кровать, легли. И группами так. Это так называемая верхняя палуба. Нижняя палуба тоже полна народу. И вы знаете, не прошло, наверное, более часа, как закрылось все небо тучами и началась буря. Боже праведный! Этот корабль бросало вверх, бросало с боку на бок. Нигде такие качки не бывают как на Каспии. Это убийственно. Как мы не утонули?! Я видела первый раз в жизни, как падает огромная глыба воды. Удар, знаете, какой? Это страшно. Я очень долго не могла уснуть. Я даже не знаю, как заснула. Утром я проснулась под шлюпкой недалеко от какого-то старика. Я не помнила, как там оказалась. Около моей головы лежала большая буханка хлеба, разбухшая от морской воды. Это не наш был хлеб.

Я вылезла. Солнце взошло. Тишина. Как будто ничего не было. Еле-еле я нашла маму свою, братика и сестру. Тинка – там, мама – в другой стороне.

Вот так мы приехали в Среднюю Азию, в Красноводск. В Красноводске купили билет до Сталинабада через Бухару. Бухара – это станция по пути в Сталинабад. Еще двое суток, если не больше, мы ехали. Приехали. Брата там нет. Его послали в командировку в Курган-Тюбе, Обигарм Рогунского района. Там зима его застала, и он еще не вернулся. Так мы вынуждены были начать жизнь в Сталинабаде. Мы нашли племянника маминого Кудабердокова, который

тоже скрывался с женой. Какой был красивый человек, какой был интеллигентный. Боже праведный! Он помог нам купить кибитку. Кибитка – это глиняное сооружение с крышей без перегородок, одно помещение, одна комната. И вот в этой комнате мы жили. К нам прибавилось много Мирзоевых, которые тоже уехали в Среднюю Азию. В Среднюю Азию уезжали, чтобы в колхоз не вступать, уезжали те, кому угрожал арест, те, кто подлежал раскулачиванию, и так далее. Поэтому очень большое количество людей, знакомых моей маме, оказалось там. Мирзоевых там было молодых людей шесть человек и двоюродный брат моей мамы. Это была большая находка. И среди них парень по имени Музырач (Мирзоев Музырач Этечевич. – *А. М.*) – стройный, красивый, жгучий брюнет с густыми бровями, выразительными глазами. Он очень полюбил нас. Особенно я день и ночь с ним разговариваю. Музырач хочет (Мирзоевы – очень эмоциональные), чтобы мы – трое детишек (больше там нет детей) – радовались. По обычаю нашим надо детям что-то покупать. Вот он говорит: «Нак!уэ-хьи, нак!уэ! Уэлэхьи, физгъэтхъэnum – бэзэрым зыгуэр кыфхуэсщэхунум». (Эй, пойдете, пойдете! Клянусь Богом, я вас угощу – что-нибудь на базаре куплю вам.) А мы верим и идем с ним. Какой базар! Там одни арбузы пирамидой выше одноэтажного здания лежат, а вокруг сидят местные, продают. Что делает Музырач? Он вроде бы смотрит на эти арбузы, вдруг ногой как даст, и арбуз летит в нашу сторону. «Къэвубыд!» (Ловите!) Мы ловим одну пару арбузов, еще пару. Никто не замечает этого. Мы возвращаемся с арбузами домой, а мама и все остальные думают, что он их купил нам. А Музырач такой веселый: «Завтра тоже я куплю вам арбузы и дыни». Вечером после работы собираются все Мирзоевы. Мы привезли с собой из дома два больших ковра. Эти два ковра кладут на землю, подушки кладут, одеяла вместо матрасов и на одной подушке с двух сторон эти Мирзоевы там спать укладываются. Ну, мы – дети, нам было весело, нам было хорошо. Но что-то случилось, что именно мой детский ум не уловил, и теперь начинается отход из Средней Азии. Не зарабатывают, налогом облагают, арестовывают их и поэтому отток теперь: то в Среднюю Азию, а теперь из Средней Азии. Я помню, как Гиса (Мирзоев Гиса Иналович. – *А. М.*) – старший среди Мирзоевых – увез всех Мирзоевых.

А там начался мор. Ты знаешь, там неурожая не бывает, там же оазисная система. Это был искусственный голод, устроенный Советами. За это можно было расстрелять их как военных преступников. Все подчистую изымали – госзаготовка. Магазины появились под названием торгсины. В этих магазинах – огромные окна застекленные. Это – витрины. Там – сливочное масло, там – большие головки сахара: белое лицо (сахар) в синей обертке (мы их звали «тетка в синем платке») – от двадцатиграммовых до полукилограммовых. Мясо, баранина, курица, конфеты – чего только нет в этом торгсине! Но чтобы в этом торгсине купить что-то, надо сдать золото и получить сертификат. Но золота же нету. Дороговизна такая, что все золото и серебро уже проели.

Боже мой! Я никогда не забуду, какой был мор людской в 1932–1933 годах. Мор, массовый мор. Умирал и местный народ, который никогда не знал неурожая. Вокруг базара вот так, как мои пальцы, лежат дети черненькие, пухлые. «Нон, нон» (Хлеб, хлеб), – кричат... Вот идет русский бедный, штаны висят на бедрах

еле-еле, падает на колени, «тымп» и все... Мерли люди там просто – идут, падают, умирают. Их увозили на каких-то тележках, запряженных ишачком или бычком. Висят ноги, их везут. А бывает, что некому убрать, – и трупы лежат через каждые десять метров. Страшный, страшный голод... это описать невозможно. Продают детей... Если другого греха не сделали коммунисты, кроме как этот созданный ими искусственный голод в Таджикистане, они заслуживают проклятья. В результате этого искусственного голода там погибли тысячи людей разных национальностей: местных, русских, татар, осетин, ингушей, кабардинцев... Кого только не было там!

Господи, мама делает тапочки, еще что-то, но этого на хлеб нам не хватает. Тина сильно заболела. Я стала продавать воду. Набираю в чайничек, который мы привезли еще из дома, холодную воду в Душанбинке и продаю. Вода там – на вес золота. Сами таджики продают эту воду в бурдюках. В бурдюк до трех ведер воды помещается, он затычкой закрывается. Его носят на спине, открывают, наливают воду и продают. Я научилась кричать так, как кричат таджики, когда торгуют водой. «Об дари! Оби худои яхтай! Яхта кини яхоб! Яхох. Яхох!» Я кричу по-таджикски, и европейцы у меня больше покупают, чем с бурдюка воду. Когда вода в чайнике заканчивается, мы бежим с братиком, опять воду набираем. Я не помню, пять копеек или одна копейка стоила эта вода, но в своих маленьких грязненьких ручках я медяшки приносила, чтобы мама могла что-то купить приготовить нам покушать.

Вот что я еще запомнила. Кудабердоковы – очень знатные, а бабушка моя, мамина мама, – Кудабердокова. И вот один из Кудабердоковых пришел к нам. Он долгое время скрывал, что у него нет квартиры. Приходит, мама что-то сготовит, он обедает с нами, они с мамой беседуют о чем-то, а потом он уходит. Однажды он пришел очень больной (там пошел папотач – среднеазиатский тиф, потом – дизентерия, холера, тиф) и сказал: «Хъэжгуащэ, наверное, мне недолго осталось жить. Если что, пошли кого-нибудь ко мне: по дороге на Душанбинку повернете налево. Там есть лестничка на гору. Спросите Кудабердоко Пыта, вы найдете меня». И мама отправила нас с братиком к нему с едой и водой. Мы дом его искали: мы думали, что дом там. Повернули по Душанбинке налево и увидели лестничку: ступеньки, которые были просто вырыты. Удивительная лестничка – по левой и по правой стороне по два сиденья: там люди сидят, и их вещи стоят. Вот это и есть их дом. У некоторых палочка поставлена и берданкой прикрыта. Это уже богатые. В середине этой горы, не дойдя ещё до верха, мы нашли своего родственника. Боже мой, он уже не мог вставать. Мы его накормили, напоили. Мы ходили каждый день, но это недолго продолжалось. Однажды мы пришли (а вы знаете, часто бывало, что мы поднимаемся по этой лестничке и видим – вот здесь мертвый лежит: рот открыт, зубы торчат, мы так боялись, дрожали) и застали своего родственника мертвым. Мы покричали, вернулись, маме сказали. Мирзоевых уже не было, но она нашла могильщиков, которые сняли его с этих ступенек и похоронили недалеко от нас.

И там еще с Уруха – Водаховы. Водахов когда-то был вторым или третьим секретарем обкома партии, потом чем-то он не понравился Калмыкову,

и его расстреляли, а родственников стали арестовывать. Вот они и сбежали в Среднюю Азию и жили здесь. Голодно, холодно, но им ехать некуда. У них была бричка, две лошади. Сын и отец зарабатывали на них. Но однажды сын привез в бричке своего больного отца. «А-а-а», – кричал он, бедный. Мама моя подошла и заплакала. Он сказал: «Хьэжгуащэ, мне осталось очень мало. У меня остается сын. Я очень прошу, предай меня земле». Через пару дней его сын пришел и сказал, что отец умер. И мама пошла туда. Опять нашли ногайцев, чтобы по-мусульмански похоронить его. А сына поселили в кибитке напротив нашего дома. Он не мог работать. С утра до ночи плакал, заболел очень сильно, заразил и нас. Мы заболели все.

Вот тогда приехал брат: красивый, одетый, обутый, с деньгами – он столько месяцев не получал зарплату, все это разом получил. На нас ему дали хлебные карточки. В одном из домов европейского типа, каких было очень мало в Сталинабаде, мы получили квартиру из двух комнат – большой и маленькой. Вы знаете, что за квартира? Там кухни, печи не было: в Средней Азии все на улице готовили. Но, по крайней мере, крыша была над головой, пол был деревянный. Мы не могли нарадоваться.

Боже мой! В это время на съезде ЦК комсомола моего брата выбрали секретарем Наусского райкома комсомола, и мы переехали в Наусский район. Ту квартиру нашу отняли, а там дали дом какого-то раскулаченного таджика – довольно-таки большое помещение. Кровати купили. Начали жить довольно сносно. Вскоре брат уехал на съезд комсомола Таджикистана и нет от него ни письма, ни какой-либо весточки. Представляете, мы остались там одни. Вот где мы голодали. Поначалу мы получали карточки хлебные, но вскоре по неизвестной причине перестали их нам давать. Что мы можем делать? Где можно работать? Мы ходили в поле, откапывали шалгам – редьку своеобразную. Боже мой! Полный голод. В это время татарин – заведующий районо, который проживал по соседству с нами, спросил меня, смогу ли я работать в школе. Человек авантюрного склада готов идти на все. Тем более мы голодали. Мне 11 лет было, но я сказала: «Я могу». И вот с месячным испытательным сроком меня – одиннадцатилетнюю девочку – взяли учительницей первого класса. В общем-то, там учились мои ровесники. Несколько человек со второго класса, несколько человек с третьего класса, несколько человек с первого класса – и все в одном классе. Даже опытный педагог с трудом ведет работу в таком классе. В одном помещении я должна вести одновременно математику, чтение, естествознание. Конечно, я понятия не имела о педагогической работе. Я вспоминала уроки Марии Ивановны – моей учительницы в Старом Урухе, и пыталась что-то похожее делать. Но вряд ли это получалось. Мы, скорее всего, играли – и они, и я. Помню даже, как мы прыгали через парты...

Но, по крайней мере, в это время кормилица в семье – я. Мама у меня тяжело больная, Тина – больная, братик – больной. Я полностью чувствую ответственность. Я очень переживаю. Я работаю уже месяц, около месяца. Не дождусь, когда получу хлебные карточки. Наконец, мне дали их. Ой, я радостная прибежала домой. Маму лихорадка трясет, я ей водичку дала и говорю: «Мамочка, родненькая, ты не переживай – я теперь богатая, я принесу

тебе большую буханку хлеба. Мне дали карточку хлебную, дай мне денежку, чтобы купить этот хлеб». Она дала мне деньги, и я побежала. Огромная очередь. Выстояла эту очередь. Дошла до окошка, откуда выдают хлеб. Говорю: «Вот, вот румяную буханку, пожалуйста, вот оттуда». Это мне, как работающей, и на моих трех иждивенцев – маму, братика и сестру. Продавщица взяла мою карточку и говорит:

– Девочка, у тебя же не хлеб, а мука.

– Не надо муки. Некому готовить. Я не умею. Пожалуйста, дайте хлеба, – заплакала я.

– Вон в том домике окно видишь? Туда отнеси, попроси, чтобы тебе заменили карточку. Тогда я могу тебе дать хлеб.

Я пошла к этому окну. Никогда в жизни не забуду лицо этого человека: черная шляпа с большими полями, похожая на лопух; синие узкие сверлящие глаза, скулы большие и большие уши, широкий нос с задраным кончиком и, знаете, без выворота, просто разрез под носом вместо губ. На нем – чёрная одежда, галстук, стягивающий очень тонкую шею. Как истукан сидит он.

– Что надо?

– Пожалуйста... У меня мама – больная, некому готовить. Замените, пожалуйста, мне муку на хлеб.

– Дай сюда, – он забрал карточку, положил. – Можете идти.

– Как идти?

– Вы уволены, вам не положено.

Что-то, какой-то ком застрял в горле. Я смотрела почему-то вверх, а не вниз. Если бы я опустила в эту минуту голову, глаза мои, наверное, вывалились бы. Мне было стыдно повернуть спину. (Я это несколько раз за свою жизнь испытала. Самая чувствительная часть моего тела – это спина. Когда мне стыдно, когда мне неловко, я не могу повернуться спиной к людям.) Мне было очень тяжело шагнуть, пикнуть что-то. Но я в это время, наверное, могла бы сделать самое страшное, что есть на свете... Я молча, боком, боком отошла и зарыдала. Я уже не стеснялась никого, шла и плакала во весь голос. Никто не подходил: там не я одна плакала, таких было много. Некоторые уже упали, обессиленные от голода. Никого не удивишь.

Так я оказалась на базаре. Стою, смотрю: и базар бедный теперь. Я знаю, что на мои денежки ничего не смогу купить. Но и идти к больной матери без хлеба не смогу... Мне хотелось покончить с собой, но я не знала, как это делается...

На этом базаре кто-то когда-то начал стройку, сделал фундамент и забросил, и заросло это все бурьяном. Почему-то я залезла на этот фундамент. Посмотрела на базар сверху и вижу: идет то ли узбек, то ли таджик с очень кривыми ногами, с большой плетеной корзиной на голове. А там – нон (хлеб). («Нон» и по-таджикски, и по-узбекски – хлеб). Он идет и зычным голосом кричит: «Иссык нон, иссык нон» (Горячий хлеб, горячий хлеб). Он продает хлеб. Те деньги, что ему дают, он за пояс кладет – у него там кошелек. Хлеб снимает и отдает. Я стою на фундаменте будущего дома, а он очень близко от меня проходит. Один раз прошел, другой раз... У меня созрел план: когда он следующий круг сделает и подойдет ко мне близко, я стащу у него хлеб.

Да. Он подошел. Я очень ловко сняла один нон, запихала его за пазуху. Второй круг, третий, четвертый он сделал. Я четыре нона сняла у него. А вы говорите, что греха нет. Я вся в грехах. Мне стыдно это рассказывать, но это правда. Я бы не смогла без хлеба прийти домой.

Я с базара вышла на улицу, вытащила из-за пазухи и сложила все четыре хлеба и с большой гордостью зашла во двор (мы еще живем в этом бывшем кулацком доме). В доме кушать нечего – хоть шаром кати. Чайник кипит. У мамы приступ кончился. Я говорю: «Мама, смотри, сколько хлеба мне дали». Бедная моя мама забрала этот хлеб, приложила к груди, от радости покачалась и сказала: «Сыту уфI, Алыхъ, апхуэдиз кыысхуэзыщIэ Уэ! Сэ си хъыджэбз, си быным я нэхъыщIэм, зыгуэр кылэжыф щыхъуакIэ, сылIэнкыым». (Благословен Ты, Аллах, Который столько блага дарит мне! Если моя дочь – младшая из моих детей – стала зарабатывать на жизнь, не умрем мы.) Ты понимаешь, это было мне как бичом по голове. Я знала, что я это не заработала. Маленькая, маленькая, а во мне это отыгралось страшно.

Но с этого дня я ежедневно ходила на базар, воровала хлеб. Вот смотрю: у него ноги кривые. Мне жалко его. Думаю: «Что я делаю? Почему я так делаю?». Я сначала сижу, плачу, потом завожу себя и иду снова. Там недалеко пекарня, где хлеб пекут. Боже мой! Там бабка старая. Я вроде неожиданно прохожу, спрашиваю у этой старой бабки: «Сколько стоит? Нет, дорого. Я пошла». И с этой пекарни тоже стаскивала хлеб.

И вот однажды утром мне почему-то очень, очень страшно было идти на базар. Как на казнь. Я пошла в райком комсомола и нашла секретаря. Он – таджик. Я с ним говорю по-таджикски, по-русски, по-кабардински – на всех языках, что знаю. Я говорю: «Почему семья Налоева, которого в командировку послали, должна голодать? Почему вы карточки не даете?». Он говорит: «Эта правилна, правилна. Карточка надо, хлеб нет». Почти каждый день я сначала иду к нему, если нет его, тогда иду на базар или в пекарню. Как-то я зашла к нему в кабинет. Никого там нет, а на столе буханка лежит. Я эту буханку взяла и пошла. Иду по коридору, он – навстречу. Сделал вид, что меня не видит, а я прошла мимо него, пронесла буханку, раскачивая ее рукой.

На наше счастье пришла бумага, что нам надо ехать обратно в Сталинабад. Там с братом получилось что-то: он выступил с докладом с критикой политики, его обвинили в каких-то уклонистах и отстранили от работы. Он перешел из ЦК комсомола в «Заготзерно» Таджикистана.

Деньги на дорогу собрали кое-как: мама что-то продала из вещей, что еще оставались у нас, что-то сшила на продажу.

Дорогой мы очень страдали. Мама родная! «Максимка» почему-то назывались эти поезда. Это просто вагоны для грузов, но в них полно людей: на крышах, на перегородах. Только останавливаются – люди сразу их заполняют. На какой-то другой поезд рассчитывать мы не можем. На эту «максимку» и то едва залезли. Там больные лежат, вшивые. Там мы заразились (первой заболела я) и в Бухаре сошли как пьяные. Хорошо, что там оказались наши родственники – Касим Анзоров и его семья. Мама у него – Шипшева и бабушка моя по материнской линии тоже Шипшева была. Только благодаря их помощи мы не

умерли. Они нас приютили, потом купили билеты с Бухары в Сталинабад. Там телеграмму дал Анзоров Касим Налоеву Аслангери – брату, чтобы он встретил нас на вокзале. А у меня уже была очень высокая температура, у меня уже был тиф. Я ничего не помнила: как попала в больницу, где мы были... Когда я пришла в себя, смотрю: напротив меня сидит, прислонившись к стене, женщина – очень худая, очень старая, с белыми волосами, но чем-то похожая на мою маму. Я день смотрела на нее, второй, третий, потом говорю: «Ты кто?». А она говорит: «Ты что, меня не узнаешь?». Это была мама, оказывается. У нее тиф и у меня тиф. Она знала, что дочь тут лежит, а я ее не узнала.

Боже праведный! В это время брат, дай Бог ему на том свете всего хорошего, нас троих содержал в больнице и ежедневно приходил. Ежедневно. Он к окну подойдет (их же не пускают в больницу), и я встать не могу, только рукой помашу. Мама раньше меня поправилась, стала ходить, помогать мне.

В общем, мы – мама, Тина, братик и я – после того, как выписались, были настолько страшные, худые, что бедный брат стеснялся, когда к нему приходили люди. Он работал в «Заготзерно», занимал там большой пост. Опять нам дали квартиру, он ширму красивую принес и поставил за ней наши кровати, чтобы нас не видели. У меня целый год вообще волосы не росли. Белые кудрявые волосинки выпали или сбрили, я не знаю. Я вышла из больницы гололобой: здесь – одна волосинка, здесь – другая, тут – вообще волос нету. Вот такая страшная голова, ужас. Это – подростковый возраст, когда формируется девочка. Один Бог знает, какой ущерб был нанесен моему здоровью и моей жизни, и не только моей, а всей семье.

Вот тогда-то мы потеряли братика. Это был самый любимый мой, у нас что-то общее было с ним. Мы могли долго стоять с ним напротив торгсина, разглядывая витрины. И он говорил мне: «Джули (он называл меня так), вот ты посмотришь, когда я большой стану, я куплю тебе тетку в синем платке, и не одну, а три. Я тебе куплю сливочное масло, конфеты. Обязательно я тебе куплю белые шелковые перчатки до локтей». Почему эти перчатки? Не знаю. Бедненький мой! Он умер... (плачет. – А. М.).

Когда за нами отец приехал и узнал, что он потерял сына... Господи, сколько нервов и пуританского воспитания было в этом человеке! Никто не видел ни слезинки, не слышал ни брани, ни ругани. Он сидел долго, глядя вниз. Потом встал и сказал: «Пойдем к его могиле». Я повела его туда.

Оказывается, когда отец вернулся в село родное – ни дома, ни кола, ни двора, ничего у него не осталось. Он заболел, очень серьезно болел. Потом, когда поправился, один из товарищей уговорил его поехать к Калмыкову: «Все-таки очень несправедливо поступили с тобой. Незаконно тебя осудили. Это учтется, что тебя досрочно, за четыре года, освободили по ходатайству сельских общин». Я не знаю, как он внял такому совету, но он поехал к Калмыкову.

Отец рассказывал так: «Я пришел к нему, он был председателем облисполкома тогда. (Потом, когда партия стала брать верх, он стал секретарем обкома партии.) Когда Булычев – его секретарь – увидел меня, он не поздоровался со мной, а забежал в кабинет Калмыкова. Калмыков громко сказал: «Открой дверь, пригласи». Я зашел. Он встал, вышел со стола с раскрытыми руками,

как будто меня в объятия хочет принять: «Жамырза, я все знаю. Ничего не говори. С тобой поступили очень несправедливо. Эти баксанские события [20]... Я был занят, а молодые, всего не зная, напутали все на свете. Я тебе даю слово, что до нитки все, что у тебя было конфисковано, возвратят, в том числе и дом, и усадьбу. Но где твоя семья? Говорят, они в Средней Азии. Давай забирай семью – сына, дочерей, жену – и возвращайся в свой дом. К твоему приезду дом будет освобожден».

Не знаю, почему поверил, но он поверил и приехал за нами.

Мы были очень счастливы, когда приехал отец. Очень церемонная, традиционная была наша семья: чтобы целовались, обнимались, этого не было. Такое почитание, что ли, в семье сильно было развито: никогда мой старший брат не садился в присутствии отца.

Брат рассказал все, и отцу было очень приятно, что он спас нас от голода.

Отец очень сильно заболел. Мне кажется, главной причиной было то, что он не застал в живых сына младшего.

По выздоровлении отец решил увезти нас.

Возвращение семьи на Кавказ. Поступление на учебу в Чечено-Ингушский индустриальный техникум в городе Орджоникидзе

Сына своего, теперь единственного, отец не взял с собой. Его оставили в Средней Азии. У него – хорошая работа, все вроде нормально.

Когда мы возвращались, сначала прибыли в Баку, где пробыли двое суток среди таких же, как мы, беженцев. Там дали отцу совет: «Возвращайся, но семью не возвращай». Затем отец привез нас в Дагестан: в Махачкалу, потом Буйнакск. Там родственник наш, тоже беженец, очень друживший с моим отцом, советовал ему не возвращаться вообще. Отец сказал: «Нет, я дал слово, что вернусь». Потом мы поехали в Орджоникидзе. Там отец встретил знакомых ингушей, с которыми делал революцию, партизанил в годы Гражданской войны. Один из них – Беков – сказал, что его дом всегда открыт для нашей семьи и мы можем остановиться у него в Орджоникидзе. Отец оставил Тину и меня в Орджоникидзе у Бековых, а сам с мамой вернулся домой в село.

Мы с Тиной заняли двухкомнатную квартиру с кухней. Тина училась в медицинском техникуме, а я поступила рабочим в Чечено-Ингушскую чулочно-швейную мастерскую.

Очень быстро я прижилась в этом коллективе. Я вступила в комсомол, меня избрали секретарем комсомольской организации.

Я научилась вязать чулки, носки, трикотажные полотна на вязальных машинах. Эти трикотажные полотна закручивались настолько, что невозможно было из них кроить, шить. Мне показалось, что я справлюсь с работой по улучшению технологии их производства: я предложила сделать неширокие доски высотой два-три метра с округленным носом, и на эти ровные отшлифованные доски насаживать ровно по вязке обрызганный влажный трикотаж, и потом потихоньку отглаживать. Трикотажные полотна были по пятнадцать метров,

эти пятнадцать метров я насаживала на одну доску, эту поставлю, другую, третью, четвертую, пятую, шестую и самую первую начинала гладить. За это меня наградили, зарплату повысили и выдвинули делегатом на предстоящую в районе конференцию.

Когда на конференции прозвучала среди выступающих моя фамилия, ко мне подошел один мужчина, отозвал в сторонку и спросил, не знаю ли я Налоева Шупаго – секретаря Нальчикского райкома партии. Как оказалось, это был секретарь райкома партии Цицкиев – очень близкий товарищ моего дяди Шупаго Налоева. Я ответила, что он – мой дядя. Я рассказала, что отец мой сидел, что мы бежали из Кабарды. Он сказал, что не надо ему рассказывать ничего.

Я выступила на этой конференции. Знаете, почему? Я хотела быть летчицей, мне очень нравился пилотаж. Тогда была такая полувоенная, полугражданская организация – ОСОАВИАХИМ [21]. И я просила, чтобы ОСОАВИАХИМ организовало у нас группы, в которых будут обучать летному делу, пилотажу и так далее. Даже не помню, что я там наговорила, но факт тот, что овациями приняли мое выступление. Меня избрали членом пленума, а пленум выбрал членом бюро райкома комсомола. А там меня рекомендовали как выдвиженку на учебу.

Я солгала, что отучилась в школе, так как по возрасту должна была уже отучиться в школе. На самом деле в школе у себя в селе я проучилась три года. Но за эти три года я окончила пять классов. (Меня переводили из класса в класс. Тинка моя оставалась в первом классе – я училась во втором. Со второго класса меня перевели в третий, с третьего – в пятый. Получилось, что за три года я окончила пять классов, а Тина – три. Вы знаете, Тина очень интересная была: она очень трудно воспринимала, но основательно. А я очень быстро запоминала, но также быстро забывала.) На протяжении нашей тяжелой жизни в Средней Азии я нигде не училась, но читала все, что только мне попадалось из книг. Я читала почему-то громко. «Диалектику природы» Энгельса я прочитала. Я не понимала ничего, и потом, будучи студенткой, изучая диамат (диалектический материализм. – А. М.), мне было себя жаль – оказывается, я по-своему поняла все, о чем говорил Энгельс. Потом была книжка «Политграмота», которую тоже от корки до корки проработала, прочла тоже громко. Потом – «История рабочего движения», чьего рабочего движения – неизвестно мне, а я все-таки прочитала. И общие собрания комсомольские – что-то услышишь там, ухватишь. И вот я – такая разбитная комсомолочка, но сразу видно, что неграмотная. Вот почему меня решили выдвинуть на учебу.

В индустриальный техникум меня не взяли, а взяли в педтехникум, в первую подготовительную группу. Первую подготовительную группу я посещала три месяца. Боже мой, день и ночь я сидела за книгами. Из того, что нам задавали, я почти ничего не знала и поэтому день и ночь читала. Потом перевели в старшую подготовительную группу. Студенты с подготовительной старшей группы сказали, что меня переведут на первый курс. А я не знала разницу между ними и вообще я очень была неграмотная.

Когда меня перевели к первокурсникам, очень удивилась, увидев на доске математическую формулу. У меня не было представления, что такое алгебра,

геометрия, физика. Эти термины вообще были мне незнакомы, и вдруг я вижу эту формулу. Но мне показалось, что я это смогу одолеть и, действительно, я настолько сильно полюбила математику, что преуспела в ней. Преподавал нам математику Джамбулатов – очень тонкий педагог. Дай Бог ему на том свете (он давно там, тоже расстрелян как «враг народа») всего хорошего, самого лучшего ему удела, если есть там какой-то порядок. Он увидел, что я горю желанием, но не знаю ничего. Как он мне помогал! Он давал мне дополнительные задания, я приходила, отрабатывала их.

На первом курсе я стала отличницей и по математике, и по физике, и по биологии. По биологии преподавал Тюрин – очень хороший знакомый моего отца. Когда он увидел мою фамилию, то спросил, не знаю ли я Жамурзу Налоева. И я ему сказала, что это мой отец. Очень тепло относился, но с ним мне было не так интересно, как с Джамбулатовым.

Один раз Тюрин привёл нас на практику. Кроме меня там были люди, я сидела и мне было скучно. А у Тюрина на носу росли два больших волоса. Когда он разговаривал, они шевелились как паучьи лапки. Я давно хотела ему предложить срезать их, но мне было как-то стыдно говорить ему об этом. А тут представился такой случай – передо мной стоял флакончик с кислотой (я уже знала, что кислота жжет). Я думаю: «Сейчас я их». Взяла палочку, сунула во флакончик с кислотой, потихонечку под села сбоку и сожгла эти волосы Тюрину... Наверное, он получил ожог. Он очень сильно кричал на меня. У него была привычка – когда он ругался, то говорил: «Вы – бык! Вы – корова! Вы – лошадь!». Всё это вместе. Это все он вылил мне на голову и выгнал с занятия, запретив появляться у него на уроках. Он не пожаловался – меня не исключают, но на его занятиях я не могу присутствовать. А он ведет биологию и химию. То ли из-за любви к Тюрину я полюбила эти два предмета, то ли из-за этих дисциплин полюбила Тюрина, не знаю. Не знаю, что для меня было дороже.

Я очень много плакала. Я переживала. Я не знала, кому пожаловаться, кого попросить, чтобы он меня простил. И представился очень интересный случай. Однажды он рассказывал о печеночных сосальщиках, которыми человек заражается от животных. Очень внимательно я выучила это все (я у своих однокурсников переписываю все, что он говорит на занятиях, выполняю задания, читаю учебники, но не присутствую на занятиях, более полумесяца лишена я этого права). И вот наш хозяин дома Беков зарезал овцу. Он дал помыть печень, порезать и принести, чтобы ее пожарили. Я печень целиком, как Тюрин учил, положила в ведро и нажала, надавила двумя ладонями, положенными друг на друга, и там появилось много черненьких печеночных сосальщиков. «А-а-а!», – закричала я, схватила и легкие, и печень и бегом в техникум. И вот я стучу в дверь кабинета кулаками, ногами. Он открыл, смотрит на меня. Я говорю: «Печеночные сосальщики... я принесла». Он сам забыл, что наказал меня: забрал эту печень, поцеловал меня в голову (он всегда любил целовать в макушку) и впустил в класс со словами: «Умница! Но ты же, ты же – умница!». Господи! Вот так я вернулась на занятия к нему.

Я окончила первый курс и меня рекомендовали в индустриальный техникум.
– **Это Вам сколько лет было, тетя Женя? – Мирзоева Н.**

– Наверное, уже было лет тринадцать мне. В педагогическом техникуме я проучилась год и четыре месяца, потом меня перевели на второй курс индустриального техникума. Там уже такой новизны не было, было продолжение математики, физики, химии, истории и литературы. Там тоже у меня произошел вот какой казус. Преподаватель литературы Карнаухов очень красиво, увлеченно пересказывал нам произведение Пушкина «Дубровский». Впервые знакомилась я с литературным произведением. Я не знала вообще, что такое литература, я думала, что это быль, описанная кем-то. И поэтому, когда произведение очень увлекло меня, я подошла и спросила:

– Дмитрий Дмитриевич, скажите, пожалуйста, а куда делся Дубровский?

– Кто?

– Дубровский.

– Да вы что, Налоева? – Он громко захохотал, захлопал. – Так его вообще не было на земле

– Как не было? А тогда почему вы рассказывали?

– Это же Пушкин придумал и написал. – Он опять захохотал. – Это литература, а не то, что было.

Вы знаете, в моей неграмотной башке сильный был ушиб. Он нанес такой удар.

– Зачем я буду заниматься выдумками? Я думаю, это – правда, быль. Я изучаю, размышляю, а теперь оказывается, что это придумано. Я тоже могу придумать побольше этого. Не надо мне такого.

И вы знаете, если бы я не попала позже в пединститут Таджикской республики, где таких малограмотных, как я, было много, и поэтому на историческом факультете изучали и язык, и литературу – античную, средневековую, русскую, новую, новейшую, я бы не знала, что такое литература. В общем, я отрезвилась благодаря помощи преподавателей Таджикского пединститута. Но на данном этапе я литературу вообще перестала изучать. Для меня существовали только физика, химия, биология. А историю я очень легко усваивала. Когда наша учительница куда-то выходила, она давала мне учебник, просила читать вслух для учеников, и я очень любила это делать. А так, фактически, историю я не знала.

Заканчиваю я второй курс индустриального техникума.

Господи! В газете «Северокавказский большевик» появилась статья об аресте «врага народа», троцкиста Налоева Шупаго Мурзабековича [22]. Я как комсомолка, секретарь комитета комсомола все газеты читала, и когда я это прочитала, мне показалось, что у меня черепная коробка вытягивается вверх, что-то такое страшное. Боже мой! Я думаю, что пронесет.

– Вы понимали, чем арест вашего родственника Налоева Шупаго может Вам грозить? – Мирзоева Н.

– Конечно. В это время мы были очень похожи на хунвейбинов китайских [23]. Происходили аресты. Я запомнила очень хорошо такую картину: кожаный ремень военный, часть гимнастерки, галифе и кирзовые сапоги. Верх, лица я не запоминала, потому что в такой форме приходили очень многие. Почти каждую неделю собирают учащихся со всех курсов на собрание, и вот по сцене ходит этот самый – кирзовые сапоги с галифе, часть гимнастерки до пояса,

военный ремень. Одни ходят по сцене налево и обратно, а другие – боком и потом вправо, вбок. И они нам рассказывают, что какие-то враги пробрались в нашу среду, и они делают то-то и то-то. И мы голосуем, что делать с ними, расстрелять их или что, голосуем с криком. Как я не знала? Я знала все. Я настолько в это время была напичкана коммунистической идеей, что если бы мне дали пистолет и сказали: «Иди, убивай этих врагов народа!», наверное, я пошла бы. День и ночь только и делали, что зубрили программы комсомола, решения партии, комсомольских съездов, сельскохозяйственный устав. Я знала наизусть всех членов политбюро, членов пленума, какие блоки, какие правые, какие левые, какие троцкисты – все зубрила, все знала. Боже мой! Это все, чем мы жили.

И вот эта хунвейбинка – я – прочитала, что мой дядя родной – «враг народа», троцкист. Вы знаете, это очень сложное состояние человека, тем более ребенка. Сознание мое раздвоилось. Понимаете? Я злюсь на него, что он – троцкист. Я верю. Ну как же не верить? Газета написала – значит, это правда. Партия решила – значит, это правда. Сомнений быть не может. Но зато я его хорошо знаю, я люблю его. Он – рослый, красивый, мягкий, очень добрый. Всегда приходил с подарками, всегда дарил куклы... Я часто сидела у него на коленях, он меня катал на шее... Господи, как же так?

Я плачу, потом перестаю. Не дай Бог, если это кто-то узнает, если кто-то услышит. Я думаю: «Может быть, здесь, в Чечено-Ингушетии, пронесет?»

– **Тетя Женя, почему Вы говорите «Чечено-Ингушетия»? Вы же в Орджоникидзе жили? – Мирзоева Н.**

– Дорогая, половина Орджоникидзе была ингушским городом.

– **И принадлежал Чечено-Ингушетии? – Мирзоева Н.**

– Конечно. Весь Шалдон, включительно до проспекта Сталина (Мира) – это все было ингушское. Нынешний Горный институт, индустриальный техникум, в котором я училась, нынешний мединститут, пединститут второй, большой Пригородный район (он и сейчас так называется), и еще до Казбека правобережье Терека – это все была сугубо ингушская территория. Полгорода принадлежало ингушам.

Ну вот, я надеялась, что в Чечено-Ингушетии пронесет меня.

Господи, и в это время получилось вот что. Там разгорелся большой конфликт: девушка, которая до меня была секретарем комитета комсомола, встречалась с парнем-ингушом. Почему-то они поссорились, подрались, и это надо было на заседании комитета комсомола разобрать. И по возрасту, и по образованию мне было очень неудобно этот вопрос обсуждать. Они – старшекурсники, а я – всего на втором курсе. Но я – член бюро, я – член пленума райкома комсомола. Ну, в общем, нам было велено рассмотреть в комитете поведение обоих. Я сейчас точно не помню, какое решение нами было принято, но мы прочитали обоим нравоучительную лекцию. Тут девушка (она же взрослая уже, студентка последнего курса) встала и сказала: «Я думаю, конфликт, который у меня получился с Мальсаговым, не такой уж серьезный. Если даже и подрались, не убил же никто никого. Все разошлись. А вот статья в газете «Северокавказский большевик» наводит меня на мысль, что поборница за чи-

стоту идеи – Налоева имеет что-то общее с троцкистами. Шупаго Налоев вам не родственник?». Этот неожиданный вопрос был для меня ударом, просто как обухом по темени. Я долгое время молчала, смотрела. У меня происходила борьба: сказать правду – не сказать. Если я скажу, что это мой дядя, меня должны выгнать из комсомола, из техникума. Если я это не скажу, она докопается до правды. Я вспомнила, что на комсомольской районной конференции, когда избирали меня делегатом на областную (тогда были области, а не республики) конференцию, мою кандидатуру поддержал секретарь райкома партии Цицкиев [24], товарищ моего дяди Шупаго Налоева. И когда я это вспомнила, то поняла, что мне идти некуда, выбора нет. Я ответила: «Коммунизм – это такой общественный строй, в котором сын за отца не отвечает, а тем более я за дядю не могу отвечать. Что вы видите в моих действиях, в моем образе жизни троцкистского, антисоветского? Я считаю, что меня абсолютно не касается, в чем обвиняется или в чем провинился дядя мой, живущий в Кабардино-Балкарии. Я с ним не общаюсь, у меня нет связи с ним. Я живу здесь, а он – там. Почему я должна нести ответственность?». Вы понимаете, какую защиту я взяла. Но вопрос был поставлен четко на бюро. Меня исключили из комсомола, исключили из техникума. Вы знаете, как это интересно сделали – бюро райкома комсомола приняло решение просить директора индустриального техникума отчислить из числа студентов Налоеву как родственницу троцкиста. Вот так было сформулировано. Единственное, что я сделала, чтобы не погибнуть, – я вовремя сняла свою карточку (я же не просто член бюро райкома комсомола, я там каждый день работала, помогала), в которую было занесено это решение. Билета (комсомольского. – А. М.) у меня с собой не было. Я сказала, что билет сдам завтра.

А назавтра я уехала (Тинка одна осталась во Владикавказе) к отцу в родное село рассказать, что случилось.

Аресты среди Налоевых в Кабарде. Повторное бегство в Таджикистан. Поступление на исторический факультет Таджикского пединститута

Он, бедный, испугался очень. Мне сказали, что не только Шупаго арестован, арестован еще и Жансох [25] – другой двоюродный брат моего отца. Что делать? «Езжай, – говорит отец, – к Аслангери в Сталинабад». Он дал мне адрес брата в Сталинабаде, деньги. Это в последний раз я увиделась с отцом. Мне не суждено было больше услышать его голоса. Попрощались. Он мне сказал: «Осторожно поезжай, найди его и живи под его руководством. Не делай то, что я не любил, то, что мне не нравилось. Если сможешь – учись. Я надеюсь на тебя». Я сильно плакала, рыдала. Мать плакала. Один из моих дядей отвез меня в Муртазово, купил мне билет железнодорожный до Сталинабада через Баку. Так я уехала.

Я дорогу знала. На этот раз море приняло меня очень ласково, все время оно было тихое. А потом с Красноводска я приехала в Сталинабад. Опять я не нашла брата. По адресу, который дал мне отец, его не оказалось. Наша кибитка была снесена. Я не знала, что делать. Спрашивала про брата всех, кого встре-

чала в кавказской папахе. «Да, мы его знаем, но вот не видим его», – говорили мне. Нет его. Нет и все. Я осталась с носом. Денег у меня нет, я все потратила. Устраиваться на работу? Теперь я понимаю, что я – вообще неуч, я не могу работать никем. У меня нет профессии, у меня нет специальности, у меня нет денег, нет жилья. Очень растерялась. Я узнала, что в этом городе, в Сталинабаде, имеется институт. За городом – студенческий городок. Поехала туда, обратилась в приемную комиссию, написала заявление, что хочу учиться на физмате (у меня было желание стать инженером, мне казалось, что интереснее этой профессии ничего нет). Но мне заявили, что и физмат, и языковые факультеты переполнены. Единственный факультет, где недобор, – это исторический. А мне все равно. Я на любой факультет пошла бы. Потребовали документы. У меня их нет. У меня паспорта нет еще – мне нет шестнадцати лет. А то, что меня выгнали со второго курса индустриального техникума, я не могу сказать. Я соврала: сказала, что окончила десять классов школы, но по дороге меня обокрали, поэтому у меня нет ни денег, ни вещей, ни документов. Один из членов приемной комиссии посмотрел:

– А на самом деле вам сколько лет?

Я была такая девочка невзрачная: небольшого роста, очень плоская, шея тонкая, ноги длинные. Черт те что. Я говорю:

– У нас порода такая. Мама у меня очень маленькая. Мы не растем.

Он даже улыбнулся. Экстерном устроили мне экзамен. Вы знаете, что они спрашивали: кто члены бюро ЦК ВКП(б), кто генеральный секретарь, ну и так далее, по регламенту. А это я наизусть знала. Я им понравилась, они меня взяли.

Так я, слава Богу, оказалась под крышей. В общежитии нас – шесть девочек в одной комнате. Кормят три раза в день – чечевица, макароны, вермишель – и на завтрак, и на обед, и на ужин (С тех пор терпеть не могу макаронные изделия и не ем их, а чечевицу вообще я не видела нигде.)

Там, в институте, я поступила в кружок духового оркестра. Сначала я играла на альт-первом, потом альт-втором, потом я научилась играть на баритоне. Мы играли по праздникам, за это нам давали молоко и по пять рублей денег в месяц. Кроме того, по ходатайству нашего капельмейстера, с разрешения месткома и парткома, мы – члены этого оркестра – имели право играть на похоронах по приглашению. Я очень многих похоронила, играла вот этот траурный марш «та-та-та». Боже мой, играла.

И вот однажды на каком-то празднике я шла вместе со своим оркестром. Я как баритонист шла сзади. Этот инструмент же очень большой. Тем не менее я держала его. Вдруг я услышала: «Джули!» Так мог называть меня только брат! Я оглянулась и заорала от радости: это был Аслангери. Он увидел меня и позвал. Господи, – сколько было радости! Дай, Бог, ему там, на том свете, полный покой!

– А где был Ваш брат, кем он был? – Мирзоева Н.

– Он был начальником автоколонны. Он меня очень баловал, каждую субботу приезжал на машине, увозил домой на воскресенье, приносил много подарков, конфеты, нишалду, другие восточные сладости, здоровенные арбузы, дыни,

пряники... В общем, девочки, которые со мной жили, меня полюбили – я их очень хорошо подкармливала.

Но этот праздник недолго продолжался. Это был тридцать седьмой год.

Какой-то кабардинец познакомился с моим братом, сказал ему, что Калмыков хотел его арестовать, и он якобы сбежал сюда, в Среднюю Азию. На самом деле, как оказалось, он был уполномочен Калмыковым сделать разведку, кто из кабардинцев скрывается в Сталинабаде. По его доносу брата моего арестовали.

Арест брата Аслангери. Исключение из Таджикского пединститута. Поездка в Москву. Встреча с М. И. Калининным

Это было чрезвычайное событие для меня, когда брата арестовали.

Я болела ангиной в тяжелой форме, он увез меня к себе домой, и я находилась у него дома. Как обычно, брат утром ушел на работу. Вернулся очень грустный, подошел и по-кабардински мне сказал:

– Меня вызывают в ОГПУ. Чувствую, что хотят арестовать.

Это осень 1937 года. Я сразу испугалась. А я не знала, что папу арестовали.

– Я до сих пор скрывал от тебя. Папа арестован. Сюда приехал один человек из Кабарды, сказал, что его преследуют. Я помогал ему, устраивал на работу. А он раскрыл обо мне в органах, что я – сын «врага народа», и теперь меня вызывают. Может, меня арестуют, а, может быть, пока воздержатся.

Я очень испугалась, заплакала:

– Я тебя очень прошу. Не надо, не ходи. Давай уедем. Ну что? У нас немножко есть денег, возьмем и уедем. Видишь, как все быстро меняется. Может быть... будем с одного города в другой переезжать, где-то по месяцу, по два, не больше будем жить... Потом успокоится. Не могут же всю жизнь продолжаться репрессии.

– Нет, дорогая. Так мы не удержимся. Где? Куда мы пойдем? Мы – меченые. Нас преследуют. Я же не ребенок. Как можно? Я пойду. Но ты меня жди. Я, наверное, вернусь.

Вот так он ушел. Когда брат не вернулся через час, я уже не знала, больная я или не больная. Я пошла к ним. Там все его знали. Поэтому со мной хорошо обращались. Дали мне свидание с ним. Такое полуокно, такая дверца без решетки. Её открыли. Брат подошел. Он был очень грустный.

– Вот я ж тебе сказала, что тебя задержат. Лучше бы...

– Нет. Лучше, что меня задержали. Я за собой никакой вины не чувствую. Я не совершал никакого преступления и поэтому уверен, что меня отпустят. Я тебя очень прошу: езжай в институт и продолжай учебу. Не делай то, что мне не нравилось. Веди себя так, чтобы я был доволен тобой.

Я очень плакала. Он меня успокаивал. Я к окну подошла, обняла его. У нас не принято было целоваться. Мы просто обнялись и расстались. Он мне сказал:

– Теплую одежду, на всякий случай, возьми у Марины (у него была русская жена из Ростова родом). Скажи ей, чтобы она приготовила и принеси мне.

– Я сегодня же принесу.

Пришла и сказала это невестке. Она плакала. Вроде переживает. У меня душа говорит: «Надо отдать ему одежду сегодня». А невестка: «Раз он сказал завтра утром, завтра утром отдашь». Наутро я побежала. Невестка сказала, что придет следом: «Я принесу, ты иди». Когда мы пришли, его уже не было. Его увезли из этого места предварительного заключения в тюрьму.

Я уехала в институт и примерно дней 15 продолжались мои муки. Утром я должна идти на занятия. Есть указ Сталина: за 5 минут опоздания снимают с любого поста, не только студентов исключают. А я должна передачу дать брату. Врагу своему не пожелаю испытать то, что я испытала в эти 15 дней. Надо где-то в 5 часов утра прийти: уже на руках написана очередь. В 7 часов открывают форточку и начинают принимать передачи. Еще темно. Ночью я должна уйти, чтобы эту передачу передать. А я никому ничего не могу сказать. Девочки спрашивают: «Женя, где ты пропадаешь? Куда ты уходишь? Тебя хотят исключить». Я отвечаю: «Я больная. И я иду к врачу».

Господи, Боже мой! Какая картина вокруг этой центральной тюрьмы! Моросит каждый день – там дожди вместо снега. Тысячи людей растоптали глину так, что оголились камни большие. Тут стройка, там все рассыпано... Падают люди в это болото по колено в месиво грязное.

Отдаю передачу... А ответ? Ах, надо же узнать. Хочется, чтобы... Можно ли видеться с ним? Боже мой! Наконец, уже был четвертый час, когда я увидела свою сетку: висит около окна. Не приняли. Значит, его уже там нет. У меня волосы дыбом: может, его расстреляли? может, куда-то увезли? Что мне делать? К кому пойти? Господи, Боже мой! Наконец, я подошла к этому окну и мне говорят, что, вот, передачу вам обратно, его уже нет здесь, увезли куда-то.

Я пришла домой. У меня температура очень высокая. Я не знала, что со мной. Даже я плохо видела. Девочки вызвали врача институтского. Оказалось, что у меня – воспаление лёгких. Посоветовал чай пить горячий, какое-то лекарство дал. Вот так врач меня оставил и ушел.

На второй день как мне ни было плохо, я пошла на занятия. Секретарь комитета комсомола сказал, что завтра – праздник: 55 лет поэту Демьяну Бедному. Нужно плакат написать. А эти плакаты, портреты всегда писала я. Почти до 12 часов ночи я на коленях ползала, чтобы на большом красном полотне написать белым клеем приветствие этому заслуженному пролетарскому поэту. На следующий день на занятия пришли: все, чем я за ночь украсила коридоры, – венки, там какие-то листочки, там искусственные цветы (чего я только ни делала, чтобы торжественно было) – все было ободрано. Портрет и плакат были сняты. Ничего нет. Я спросила: «В чем дело? Кто это сделал?», предполагая, что это студенты сорвали. Оказывается, это ОГПУ. Демьян Бедный объявлен «врагом народа». Я подумала: «Господи! Что же будет дальше? Что с нами будет?». Тут же мы узнали, что лекций не будет, потому что ночью арестованы шесть преподавателей. В том числе арестован Володарский. А Володарский давал мне почитать книгу Карамзина «История государства Российского». Я прочла первый том, сдала его и взяла второй том. Как-то он сказал на лекции, что свою библиотеку завещает по смерти Налоевой: «Она – самая молодая, самая старательная. Она у меня прочла уже сороковую книгу». И вот он арестован.

С этого и началось, начали таскать меня. Спрашивают: «Почему он завещал тебе?» Я говорю: «Никакого завещания не было. Он просто сказал так. Я не знаю почему».

В это время кто-то из девочек поднял мою подушку и нашел там этот второй том. О, Боже мой! Теперь стоит вопрос: «Откуда эта книга? Это буржуазно-дворянская идеология». Ведь запрещалось читать дореволюционную литературу. Я говорю, что купила ее на базаре. А тут девочки стали у меня спрашивать, почему не приезжает мой брат. Он же всегда привозил сладости, цветы, всякие угощения. И вдруг его нет. Я говорю: «Он болен. Он лежит больной». Страшное такое время.

Вечер. Прибегают ко мне и говорят: «Женька, твой брат там стоит. Зовет тебя». Ой! Я не спустилась, я просто кубарем скатилась с четвертого этажа. Выскочила. Один-единственный подъезд. (Знаете, как тогда дома строили? Один подъезд – на дом в четыре этажа. И ни одной кухни, ни одного туалета. И от туда ночью друг с другом мы в туалет выходили.) Вот из этого единственного подъезда я выскочила. А-а-а... Заместитель моего брата – таджик. Он такого же высокого роста, как и мой брат. Оспой испорченное у него лицо. Я как вкопанная остановилась. И он на меня смотрит. «Подойди ко мне, подойди. Не бойся», – говорит. Я почему-то стала отходить, назад несколько шагов сделала. Круто развернулась и поднялась бегом.

Утром я спускалась с третьего этажа учебного корпуса. А внизу, на первом этаже, – специальная комната: секретный отдел. Это ОГПУ там. Дверь эта раскрывается и выходит оттуда мужчина. Я все поняла: заместитель моего брата донес на меня. Ну... Дверь закрылась, а потом снова открылась. Мужчина посмотрел наверх и позвал меня: «Сюда, сюда, сюда». Я зашла. Он говорит: «Вы откуда родом?» Ну, я придуманную мной версию повторяю, что я из детского дома, что я кабардинка. Я же не умная, даю точно адрес, где я родилась: село, район и область – Кабардино-Балкария. Много ли надо, чтобы установить правду? Но обо всем этом я не думаю. Я говорю, что у меня нет родителей, что я из детского дома. «А брат есть у вас?» – он меня спрашивает. Я говорю: «Нет». «Ну как же, – говорит, – вот начальником автоколонны Налоев Аслангери Жамурзович». Я говорю: «Это, наверное, однофамилец. Я не знаю». «Ну, хорошо, – говорит, – идите». Я вышла и поняла, что потребуется очень короткое время, чтобы установить всю истину. Поэтому я стала думать: что мне делать? как быть?

Очень расстроенная, даже не пообедав, я пошла в общежитие. Вдруг заходит комендант и говорит, что меня вызывают вниз. Там стоит незнакомый человек. Он говорит: «Пожалуйста, пройдемте с нами в ОГПУ...».

Ничего он мне не говорил, я тоже молчала.

Одна-единственная улица имени Ленина, которая в конце города раздваивается. Сначала мы поехали, но машина где-то остановилась. Прямо в тупике этой улицы стоит европейского типа красивое здание, где помещается ОГПУ. Мы зашли туда. Там идет ремонт. Он завел меня в какое-то помещение на первом этаже. Там стоит большой стол, рядом – еще один стол. За ним сидит мужчина, который начинает меня расспрашивать.

- Вы с паспортом?
- Да, у меня паспорт с собой.
- Давайте его сюда.

Он взял у меня паспорт. На моих глазах приподнял сукно, положил его туда. Я подумала, что меня не выпустят. Опять допрос. Категорически отрицаю, что Налоев Аслангери – мой брат:

- Может быть, однофамилец. Совпадение. Я его не знаю.

Он достает его фотографию и показывает мне.

- Кто он?

- Я в жизни не видела этого человека.

А у меня, знаете, что-то горит там внутри.

– Ну, хорошо. Раз так, пока я вас отпущу. Но будете каждый день приходиться сюда в этот кабинет. А когда закончится ремонт в моем кабинете, будете ходить ко мне в 17-й кабинет. Пока – сюда. Будете отмечаться. Ежедневно в 9 часов».

- А как же быть с занятиями? Я в 9 часов должна быть на занятиях.

- Неважно. Не знаю. Каждый день будете отмечаться.

- Хорошо.

Ну, вот, подпишите документ о невыезде.

Дал он мне бумагу. В это время кто-то зашел и позвал его к телефону в соседний кабинет. Он вышел, я сунула руку под сукно и захватила все попавшиеся паспорта – их оказалось там три штуки. Я вытащила их и положила за пазуху. Села и сижу. Через некоторое время он зашел:

- Как? Вы подписали?

- Да, подписала.

Он положил в ящик подписку о невыезде.

- Хорошо. А сейчас идите.

Я вышла. Теперь я знаю, что он будет искать мой паспорт. Рано или поздно и меня будут искать. Мне нужно исчезнуть. Надо что-то делать. Куда-то уехать. Надо переодеться. Что-то надо делать. Кудрявые свои волосы надо сбрить... Надо что-то делать. С кем посоветоваться? Где жить в это время? Как быть?

И вот однокурсник мой – татарин Илюшка. Самый верный человек. Вообще, все оркестранты духового оркестра института очень уважали меня. Может быть, я и могла довериться другому, но другие тоже в общежитии живут, а этот приходит из дому. Я знаю: у него мама есть. Она – очень добрая. Нас приглашала. Накормила меня когда-то. «Одна девочка среди десяти оркестрантов» – вот так она меня называла. Я думаю: «Может быть, она приютит меня?». Надо туда к ним пойти.

Думая об этом, я зашла на территорию института и увидела очень много народу. «Сюда, сюда!». Оказывается, идет общее институтское собрание в клубе. Вопрос стоит: «О разоблачении Налоевой и исключении её из Государственного педагогического института Таджикской ССР».

Зайдя в зал, я увидела, что Лидка Кильганова, самая близкая моя подружка, с которой мы жили в одной комнате, с которой делилась всеми подарками и которую больше всех угощала, стоит на трибуне и разговаривает. Заметив меня, она временно остановилась. Рот приоткрыла, долго смотрела, а потом сказала:

«Я не желаю дышать одним воздухом с троцкистским охвостом. Я прошу выселить из нашей комнаты Налоеву Евгению Жамурзовну». Там еще другие стали выступать. Я не помню, о чем они говорили. Я остановилась у порога возле двери и очень сильно заплакала. Я стояла и слушала все, что говорили, но почти ничего не слышала. У меня голова работала как машина. «Что делать? Что делать? Что делать?», – как будто все время меня кто-то спрашивал. Не помню точно, закончилось это собрание и я ушла, или вышла раньше. Но помню, что вынесли общее решение: «Исключить из Таджикского пединститута как члена семьи «врага народа» Налоеву Е. Ж.» Наверное, я раньше вышла. Собрание, наверное, продолжалось. Потому что, когда я пришла домой, никого не было в помещении.

Я быстренько переделалась и пошла к этой женщине – татарке. Как раз Илюшка был дома. Отца у них не было. Они вдвоем жили в хорошей такой кибитке. Кругом – виноград, ореховые деревья. И когда я зашла заплаканная и сильно зарыдала, мама Илюшки стала гладить меня по голове: «Что случилось? Расскажи мне все. Я помогу тебе». Я все рассказала ей. Она заплакала: «А теперь я тебе скажу – и мы такие. Мужа моего арестовали, все конфисковали. Мы бежали с Татарии. Живем здесь скрытно. Илюшка – тоже такой, как и ты».

Поговорив с Илюшкой и его мамой, я вернулась в общежитие. В комнате еще никого не было. Я даже не сняла обувь, не разделась. Как была одетая, легла на свою кровать и притворилась, что сплю. Девочки вернулись после ужина. Из их разговоров я поняла, что на собрании приняли решение выселить меня с общежития. Сначала они шушукались: «Она спит, она спит». Потом начали: «Надо выставить ее», «Я не хочу, чтобы она здесь была»... Пошли, позвали коменданта, комсорга, парторга. За ноги меня качают, голову качают, руки. Я притворяюсь, будто храплю. «Да она, наверное...». «Нет, она не пьет», – говорят. «Да что, девочки, пусть ночь полежит, а завтра мы её выселим», – сказал комендант. Вот так я осталась. Когда все легли и успокоились, я встала, вытаскивала ключ из двери, зажгла свет. Лидка и все остальные проснулись, стали выглядывать из-под одеяла. Держа ключ, я сказала: «Если пикните, то я вас всех порежу. На куски». Видимо, вид у меня был настолько решительный, что они испугались. Никто слова не сказал. А у меня была договоренность: внизу стоял Илюшка с мальчишками. Я связала подушку, одеяло, пододеяльник, простыню (они тогда стоили дорого), все прочее и сбросила их с окна четвертого этажа. Там было два окна: вот так Лидка к стенке лежит, в середине – Наташа, а между ними одно окно. Я через это окно выбросила. Затем я подошла, пододвинулась немного. «Лидка, я хочу тебе кое-что на память оставить», – с этими словами я порезала её лицо бритвой. Она даже не крикнула. «Я сейчас ухожу. Если только вы пикните... Я... я устрою вам пожар». Закрыла за собой дверь, а ключ положила в карман. Рысью сбежала и оттуда – к татарке.

При ее помощи меня обрили. Она дала мне штаны Илюшки, чтобы я переделалась в мальчишку. Затем она продала мои платья. В общем, собрали на билет, и немножко денег, кажется, 15 рублей еще у меня оставалось.

Потом мы с Илюшкой вместе пошли на гору, где был похоронен братик мой. Попрошалась я с ним.

Вечером уезжал поезд. Приехали на вокзал Илюшка и его мать. Илюшка, оказывается, рассказал оркестрантам, что случилось со мной, и они все пришли провожать меня. Когда я увидела их, то очень расстроилась и заплакала. Они меня обнимали... Я села на поезд. Просто, без плацкарта, жесткий вагон. Поезд поехал, я смотрела на ту гору, где был похоронен мой братик, пока она не скрылась...

Удивительно! Когда человек отрывается от привычной обстановки, он как-то успокаивается. Я залезла на боковую верхнюю полку на свое место. Легла и уснула. Первый раз за все эти дни. Очень крепко. Утром я проснулась. Очень жалко было мне, что проснулась: я не знала, куда еду, к кому еду и зачем еду. А план мой таков: я еду к Сталину в Москву. Я поделилась им с мамой Илюши. Эта женщина-татарка, наверное, не более меня была опытная. Я думала, что как приеду, так меня сразу примет Сталин. Я расскажу ему всю правду. И попрошу его разрешить мне учиться, потому что я ни в чем не виновата, я ничего не сделала, за что меня можно считать «врагом народа». Вот с этой наивной, очень непростительной надеждой проснулась я. Очень было мутно у меня на душе.

Поезд, на котором я еду, – «Сталинабад – Москва». В этом поезде может быть кто угодно, кто знает меня. Мало ли что, город – маленький. Это я забыла и почувствовала себя совершенно свободной. На одной из остановок я сошла, купила себе булочку, рыбу жареную. Хотела сесть, но поезд тронулся, и я зацепилась ниже своего вагона. И вот я иду по вагонам, свой неплацкартный простой вагон ищу. Открываю дверь. Я даже опешила. Неужели бывают такие вагоны? Купированный вагон это или, может, международный. Очень благоустроенный. Так красиво: зеркала, ковры... Иду дальше. Дверь открыта. Лицом к лицу сидит человек. Он на меня посмотрел, а я – на него. Мать моя! Это же замдиректора по учебной части нашего института... Я-то его узнала, а он, наверное, не узнал меня, потому что я – бритая, потому что я в кепи, потому что я в косоворотке и брюках. Онемела я. И не знала даже, бежать или что делать? А потом решила пройти мимо него, добраться до своего вагона и сойти на первой же станции. Так я и сделала. Я сошла в Бухаре. Это уже второй раз я в Бухаре. Когда поезд «Сталинабад – Москва» ушел, на вокзале я разыграла опоздавшего, заплакала. Работники вокзала меня успокоили: «Мы тебя посадим в другой поезд, который едет до Ташкента. У тебя же есть билет. Там ты прокомпостируешь его на Москву».

В Ташкенте я сошла на очень красивой станции.

Интересная какая была встреча! Со второго этажа по устланной ковром лестнице спускался красиво одетый мужчина: шикарный открытый френч, белая сорочка и галстук, бриджи английского покроя, желтого цвета гетры, ботинки – штилеты очень красивые и кепи. Красавец такой! Просто журнальное изображение. Это был Налоев Залимхан [26], мой двоюродный брат. У него челюсть отвисла, когда увидел меня. А я улыбнулась: «Мылит!э!». Мы его звали Мылит!э, а не Залимхан. «Мылит!э!». Он застыл и не мог сдвинуться с места. Затем тихо спросил:

– Ты откуда?

– Я со Сталинабада. Аслъэнджэрий (Аслангери Налоев. – А. М.) арестовали. Меня хотели тоже арестовать, но я сбежала.

– Что я могу сделать для тебя?

– Ничего. Ты не бойся. Я здесь не останавливаюсь. Мне нужно прокомпо-стировать билет до Москвы. Я еду к Сталину.

– Что-о-о-о?

– К Сталину еду.

– А разве Сталин примет тебя?

– Примет.

– Где твой билет?

Я протянула ему билет.

– Я тебе закомпостирую. Но ты ко мне не подходи. Ты меня не знаешь, я тебя не знаю.

– Хорошо. Как ты мне передашь?

– Вон там, в зале, посиди. Я передам тебе.

Он закомпостировал мой билет на скорый «Ташкент – Москва». Я села в поезд и заняла свою боковую верхнюю полку.

Люди уже завтракают. А я не ела и есть у меня нечего. Иду в вагон купированный, где более культурные места. Там мужчины – трое молодых и один пожилой. Они ведут разговор о том, отчего в истории бывает плохо. Я тоже считаю себя историком. Я полгода проучилась. Пожилой мужчина говорит: «Все от женщины. Все зло идет от женщины». И приводит примеры: Разин погиб из-за женщины, Петр I погиб из-за женщины и т. д. О Господи! А во мне сидит коммунистка, комсомолка. Я говорю: «Слушайте! А классовую борьбу вы куда дели? Что, она не играет никакой роли? Что, только одна женщина?». Молодые тоже спорят: не может быть, но не могут привести доводы. А я вот довод привожу марксистский, против которого пикнуть нельзя. Я говорю: «Классовая борьба – ведущая сила исторического процесса, а не женщины. Что же это?».

В это время с другого купе выглядывает какой-то мужчина в рубашке, в брюках, ремни какие-то на нем.

– Ты смотри, какой умный мальчик. А ну-ка иди сюда!

Я как мальчику положено, подошла.

– Как тебя зовут?

– Петька. (А, знаешь, почему я Петька? Один из паспортов, которые я вытаскивала из-под сукна, Петьки Кабачкова. Раз его паспорт там лежит – значит, он такой же, как и я, который дал подписку о невыезде. Я и этого не соображаю. Можете себе представить? Я объявила себя Петей Кабачковым, потому что он по возрасту мне подходит. А другие документы – паспорт женщины 1912 г. р. и мой паспорт).

– Ты откуда знаешь, что классовая борьба такую роль играет?

– Ну, а как же, я – студент.

– А куда ты едешь? Почему сейчас едешь?

– Я еду в Москву. Хочу в МГУ учиться. Перевод сделали. Я и еду.

– Ты посмотри какой. А родители?

– У меня родителей нет. Я из детского дома.

– Петька, знаешь, что я тебе предложу? Я тебя усыновлю. Хочешь?
Я посмотрела на него. Ну, кто откажется от такого? Думаю, какой ответ ему дать.

– Я хочу учиться.

– Я тебе позволю учиться. Ну-ка смотри!

Я смотрю: там курица, водка, три мужика сидят хорошо поддатые.

– Петька, на, – и протягивает мне рюмку с водкой.

– Нет, я непьющая, – я забываюсь: иногда в женском роде говорю, иногда – в мужском.

Не знаю, он усомнился тогда или позже, но он уловил это. Я сказала, что я – кабардинец. А Петька Кабачков-то – русский! Это ужас. Ничего не сшивается, все – белыми нитками. Он дал мне ляжку куриную.

– Выпей.

– Нет.

– Ты же мужчина.

– Нет, не буду пить.

– Ну, хоть глоток.

– Глоток?

– Глотай, глотай!

Я пригубила и выплюнула. И, знаешь, при них стала облезать слизистая оболочка рта. «Извини, извини», – он так сказал. Я ничего не ответила. Он посадил меня рядом с собой и рассказал, что он – начальник военного аэропорта города Ташкента, что у него – жена очень хорошая, но у них нет детей. А я боюсь его. Во-первых, он – военный. А я всех военных боюсь. Во-вторых, усыновить меня нельзя. Я – девочка. Откроется все. И теперь у меня вызревает план – как избавиться от этого цепкого военного? Он надел военную форму (не знаю, кто он был по званию – у него было три ромба на петлицах) и сказал: «Я, Петька, устрою тебя в лучший вуз. Я буду к тебе приезжать. Ты будешь носить мою фамилию». Я дала согласие: «Хорошо». Ну, дальше, за разговором он, наверное, уловил что-то женское во мне.

Я-то по документам 1920 г. р., а фактически – 1922 г. р. Там, по Кабачкову, я – 1918 г. р. Ну, он паспорт не стал смотреть. Разговаривает теперь со мной один на один. Как он хорошо меня накормил. Он мне купил конфеты. На одной из остановок сошел, купил бублики и повесил мне прямо на шею, как ожерелье. И говорит: «Петя, скоро будет Аральское море. Это красотище. Я тебе покажу. Там мы рыбой запасемся. Я еду в Крым, в Алушту в санаторий на два месяца. Мы приедем туда. Я оформлю все необходимые документы, месяц побудем вдвоем и возвратимся к нашей матушке. Уже с сыном». «Хорошо», – говорю. Я вроде радуюсь, а на самом деле у меня внутри горит всё. Как избавиться от этого военного? «Пойдем, – говорит, – в тамбур. И будем смотреть с самого начала, как только Аральское море откроется». Мы пошли туда. Стоим вдвоем, смотрим. Еще моря нет. Он говорит: «Петя, честно скажи, ты не девочка?» «Что-о-о? Как это так? Я – мужчина, я – парень». «Ха-ха-ха-ха, – он засмеялся, – что-то мне кажется, что ты – девочка». «Что? Надо снять и показать, что ли?». «Ай!» – он закричал и начал хохотать. Я поняла, что мне

надо немедленно развязаться с ним. А у меня там, на боковом месте, остались документы, вещи – крайне необходимое белье, куртка (это татарка купила мне бархатную куртку черного цвета: «Это здесь тепло. А в Москве, куда ты едешь, холодно»). Я под каким-то предлогом отцепилась от него. Пришла ночью к себе в вагон. Там был небольшой пакетик. Я его взяла и в штаны запихала. Рубашку наверх сделала. Вернулась к нему.

– Ты чего?

– Я сойду. Я должна Аральское море посмотреть

– Это хорошо. Вот оно уже начинается

Он мне говорит, он мне показывает. Я ничего это уже не вижу. У меня созрел план, как отвязаться от него. Он вытаскивает из кармана и дает мне червонец:

– Купи штуки четыре воблы. Мы еще в другом месте запасемся. Еще будет одна остановка. Куртку надень, там ветер.

Я спрыгнула, куртку надела. Теперь вообще незаметно, что у меня там в брюках что-то спрятано. Купила я воблы и еще нахально купила бублики. Подбежала и протянула ему. Тогда он выходит с тамбура. Я ему говорю: «Я еще хочу что-то купить». Побежала. Исчезла я. Я слышала: «Петька-а-а-а!». Эхо. А я еще бегу. Это же скорый поезд, он долго не стоит.

Я прибежала на вокзал, сказала, что отстала от поезда. Меня устроили в какой-то другой поезд, на котором я доехала до Кинели. Это маленькая станция. Там я сошла и закомпостировала свой билет до Москвы. Но вот что произошло в этой Кинели.

Мне пришлось сидеть почти всю ночь. Очень мало народу. Жесткие деревянные кушетки. Холодно. Я то спала на кушетках, то подходила к кассе. Я им, наверное, уже надоела. «Как только будет поезд, мы позовем», – сказали мне.

Очень раннее утро было, когда в кассе, наконец, закомпостировали мой билет. Я вышла. Скоро прибудет поезд. Стою и смотрю: из комнаты матери и ребенка вышла женщина. Очень обеспеченная, видимо. Очень хорошо она одета. Шуба на ней красивая. Ребенка держит: вышитым одеяльцем прикрыт. Чемодан большой, большой саквояж и корзина. В корзине явно продукты. Я – очень голодная, а денег уже нет. У меня созрела мысль: забрать эту корзину. Поезд идет (как будто сейчас вижу эту звезду на паровозе). Я дождалась, пока поезд подошел близко, схватила эту корзину и побежала. Побежала быстро как только могла. Там рынок, туалет. Забежала в общественный туалет, вынула из корзины мешочки, в которые очень аккуратно были упакованы продукты (я еще не знала, что за продукты), а корзину выбросила. Подождала, пока поезд не отошел, и явилась на станцию. Господи! С какой совестью я это сделала? Сделала. Ничего не сделаешь.

Посадили меня на следующий московский поезд, и я уехала. Уже в вагоне я посмотрела, что там у меня: там был домашний русский хлеб, пахучий, очень вкусный, хорошо завязанный; в одном мешочки были сушеные дыни, очень вкусные, ароматные и еще чашечка с застуженным отварным мясом. Я поела все, кроме дыни. От буханки кусок и дыня у меня еще оставались, когда я сошла в Москве.

Теперь – справочное бюро. Я ищу вузы московские, куда бы я могла при-
ткнуться.

Интересно! В справочной я спросила: «Скажите, пожалуйста, где приемная Сталина?». Там на меня очень долго смотрели и спросили: «Как? А разве есть такое?». «А Калинина?». «Калинина [27] – Куйбышева, 23», – ответили мне. Хорошо. Потом вузовские адреса я взяла: МГУ, областной пединститут, технический вуз имени Баумана, городской педагогический институт московский. Я объездила их все. Весь день посвятила этому. Никуда меня не взяли. У меня была справочка из Сталинабадского пединститута, что я отчислена из числа студентов первого курса исторического факультета за прогулы. В приказе, было, видимо, то же самое. Так им было, наверное, удобнее оформить мое отчисление, и вот этой справочкой я спекулировала: «Получилось так, я больше не буду». Не брали меня никуда. Тогда я стопы решила направить на Куйбышева, 23. Там вообще было все закрыто. Военные, которые охраняли это место, сказали, что прием бывает только по четвергам. Завтра прием. Что же мне делать? Оставался городской институт. Я знаю, что городской институт не примет меня, но мне нужно же сегодня ночью где-то переночевать. Нашла я этот институт. Он находился рядом с зоопарком на Большой Грузинской. Уже стало темнеть (зимой очень рано темнеет). Долго стучалась, не пускали. Потом, смотрю, выходят оттуда. Выносят что-то, краской пахнет. Я поняла, что там ремонт идет. И уже каникулы же зимние. Я нашла коменданта. Говорю, что переведена с Таджикского пединститута и должна здесь находиться.

– Здесь будет спецшкола отныне. Мы поменялись. Городской пединститут перешел в наше помещение, а мы – сюда.

Городской институт на то и городской, что он не имеет общежитий. Логично. А я все равно стою на своем:

– Нет. Я имею такой документ. Я приехала с Таджикистана. Сейчас зима. Холод. Куда я пойду?

Вот на ступеньках мы стоим и спорим.

– Скажите, пожалуйста, ну куда же я пойду тогда? Я клянусь, перевели меня с Таджикского института сюда. Ну дай переночевать здесь. Завтра утром потолкуем, поговорим, что будет. Ну у меня денег нет, в гостинице мне нечем платить.

Люди остановились, слушают нас.

– Господи! Что мне делать? – я повернулась к окружившим нас людям.

– Мальчик, иди сюда, – раздался голос какой-то женщины. Красивое манто меховое. Шапка, и свех шапки – белый платок. Высокого роста. – Мальчик что случилось? Саша, давай возьмем его к себе.

Подошел Саша – худощавый мужчина в штатском. И еще «Саша» говорят и подходит очень высокого чина морской офицер. Немного сдрейфила я, но не отступаю:

– Вот, видите, он меня не пускает, а меня в этот пединститут перевели с Таджикского института. Я не знаю что тут...

– Возьмем, его к себе? А, Саша?

– Пусть идет.

Мы завернули во двор. На первом же этаже открыли дверь. Мы зашли. Нас встретила крупная дородная добрая русская женщина. «А мы гостя ведем», – улыбнулась молодая женщина. «Очень хорошо, очень». Зайдя в комнату, вы знаете, что мне сразу бросилось в глаза? Простыни с кружевами, на которых были вышиты черным, красным крестом петухи, и большие подушки. Там, дома, когда я была маленькая, у нас были такие же простыни и подушки. Мне показалось, что я попала домой, сразу обняла эту полную женщину. А она: «Господи, откуда?».

Большой стол накрыли и меня посадили. «Вот теперь рассказывай, что же такое случилось?». Я своё вранье очень красиво изложила: что я из детского дома, что я беспризорная, училась в Таджикистане. Мне захотелось учиться в Москве. Ну, попросила. Сделали мне перевод, да приехала вот неудачно – не принимают меня нигде.

Кто они? Что? Я ничего не знаю. Я достала свои дыни, высыпала на стол. Внизу в мешках оказались ещё сушеные абрикосы, я и их выложила. С удовольствием они это все поели. «Посмотри, – говорят, – какая добрая душа у мальчика. Александра Федоровна, уложите его спать». Меня положили. Очень быстро я уснула. Очень крепко спала.

Когда я проснулась, никого из них дома не было, кроме Александры Федоровны. Александра Федоровна – это мать молодой женщины, которая пригласила меня. А военный – адмирал Балтийского флота, родной сын ее, на отдых приехал к ним. Мужчина в штатском – Сухов, тоже Александр, Александр Иванович – зять ее. Он (не могу точно вспомнить его официальный чин) – фактически секретарь, личный секретарь Калинина. Это все мне рассказала она, эта добрая женщина. «Они, – говорит, – сказали: пусть не уходит никуда. Мы приедем – поможем. Они тебе помогут устроиться». А я побоялась. И ушла. Ушла. Снова сделала обход всех вузов, где только можно было устроиться. Бауманское училище – оказалось, там исторического факультета нет. В общем, я и проголодалась, и замерзла, и уже ни одной копейки не было, чтобы заплатить за метро или за автобусы. На метро я обнаглела: вот садится кто, я – за ним. Иногда захватывают. Я говорю: «Что же задержали?». Лезу и еду.

Вернулась я. Она очень обрадовалась, что я вернулась. Тут я вспомнила, что прием у Калинина. Куйбышева, 23. Как ошалелая соскочила, быстренько схватила свою куртку и вылетела.

– Куда ты? Куда ты?

– Я вернусь! – крикнула я и убежала.

Ой! Без платы, «зайчиком» пристроилась и доехала до этого Куйбышева, 23. Всё. Опоздала. Никого, ничего там нет. Стою и думаю: «Что мне теперь делать?». Возвращаться к ним я больше не хочу – боюсь.

Вдруг подъезжает черный лимузин и выходит оттуда... Сухов.

– Ты почему здесь?

Я и обрадовалась, и испугалась.

– Александр Иванович, я хотела на прием к Калинину. Но меня не пустили.

– Ну что ты, Петя? Иди домой. Я очень прошу тебя: иди домой и жди меня.

– А Вы? Вы почему здесь?

Он улыбнулся:

– Я здесь работаю. Если будет необходимость, я помогу тебе. Иди домой.

Я вернулась. Дома были Александра Федоровна и ее дочь. Оказывается, у неё была трепанация черепа. Она больная. Образованная, где-то работала, а теперь инвалидность получает. Я сижу с двумя этими женщинами – что они ни спрашивают, я отвечаю: сочиняю, очень много привирываю, до чертиков. Вернулся адмирал: «Как хорошо, Петя, что ты здесь ещё. Вот в моряки бы взять тебя». У меня даже созрела такая мысль: а что – пойти бы в моряки. Даже забыла, что я девочка. Ну, кормить там будут. Учиться помогут.

А вскоре пришел сам Сухов. Накрыли стол. Поздно они обедают. Как будто я вижу этот борщ сейчас. Мои переживания обострились настолько, что не могу глотнуть. Сижу, не опуская подбородок. Мне кажется, что если я опущу подбородок, из глаз польются слезы. Сухов это заметил и говорит:

– Что с тобой? Расскажи всю правду о себе.

– Правду?

– Да, правду.

Я рассказала им все: и что я – вовсе не Петька, и что не мальчик я, а девочка, и про братика, и про отца, и как я украла эти паспорта, и как я отвязалась от этого начальника аэропорта, и прочее.

Дурно стало жене Сухова. Они забегали, вызвали скорую, откачали её. Старуха плакала и все время гладила меня по голове. А я потихонечку успокаивалась и уже хотела спать на теплой груди этой русской женщины...

Я очень много хороших людей встречала в жизни, без которых, наверное, погибла бы. Судьба моя – очень горькая, очень капризная, очень зигзагообразная. Падаю в татарары... Потом маленький подъем, а потом опять провал... Вот эти люди – у меня много таких людей – остались в памяти. И хотя я – не очень верующая, часто прошу Бога: «Спаси души этих людей». Вот начинается с этой татарки, теперь – Сухов Александр Иванович – референт Калинина. Вот эти вещи, между прочим, стерли у меня желание подходить к человеку по национальному признаку. Бывают очень благородные люди любой нации, как и бывают скверные даже кабардинцы, скверные, мерзкие. Вы их узнаете скоро.

Долго молчал Сухов – этот благороднейший человек. Потом сказал (он так растрогался, что еле разговаривал): «Завтра... завтра... я сделаю всё, что можно, чтобы тебя принял Михаил Иванович».

Он это сделал. Я была на приеме у Калинина.

Калинин... Это уже третий человек... Когда говорят «Калинин»... Коммунисты мне испортили всю жизнь, а я за него Бога прошу, чтобы Он простил ему все грехи.

На всю жизнь у меня осталось в памяти то очень короткое время, что я была в приемной у Калинина.

Ты знаешь, как он меня принял? Он меня посадил недалеко от себя. Это был тот самый профиль с бородкой, в который я с детства была влюблена, – Калинин-дедушка, Калинин-дядя. Вот он – точно такой, похожий, за столом сидит, очки поправляет. А потом без очков смотрит на меня: «Ну, рассказывайте, что привело Вас ко мне». У меня коленки бьются друг о друга. Вы знаете, это такое

удивительное состояние: у меня никогда такого не было ни позже, ни раньше: каждая часть тела, руки, пальцы... сами по себе дрожали. Просто автономно работала каждая часть организма. Состояние психологическое у меня было чрезвычайно сложное. Я очень хотела попасть к нему, а когда попала, полностью потеряла уверенность, что выйду оттуда. Я поняла, что соврать не смогу и решила: выложу все как есть. Что будет, то будет. А потом... У меня выбора не было. Ну, где я должна жить, что я должна кушать? Посадят в тюрьму, там хоть кормить будут.

Я все ему рассказала, не так подробно, суть, самое главное: про отца и его заслуги, про то, что он опять репрессирован и что я в таком положении и т.д. Верите, он вытащил с собственного кармана и дал мне 25 рублей (одно время шли синие такие купюры) – на дорогу, на мелкие расходы. Это была очень большая сумма тогда. Он мне протягивает деньги, а я не в состоянии поднять руку, взять их. Я не хочу, я не смотрю туда. «Возьмите, это на дорогу. Вы Каширское шоссе знаете?». Я говорю: «Да». «Вот там академия». Я говорю: «Знаю», а я не знаю. Я же Москву не знаю. Я говорю «знаю», чтобы не беспокоить его, надеюсь, что сама найду. Он говорит: «Вы – член профсоюза?». Я говорю: «Да». «Какого?». Я говорю: «Преподавателей и студентов». Он улыбнулся: наверное, я неправильно сформулировала название профсоюза работников средней и высшей школы. Он мне бумажечку написал и объяснил, если трамвай, то на каком трамвае, если троллейбус, то каким троллейбусом я могу добраться до профсоюза работников высшей и средней школы. Написано: «Оказать Наловой Евгении Жамурзовне денежную помощь в размере 350 рублей». Это было целое состояние. Я никогда не имела таких денег. Когда увидела эту бумагу, даже не поверила своим глазам. Потом он протянул вот эту синенькую бумажку – 25 рублей, добавив: «А это – чтоб ездить» (Я ему рассказывала, что «зайчиком» езжу по Москве: и в трамвае, и в метро, везде). Я взяла эти деньги. Я просто онемела – не знала, как отблагодарить его. «Спасибо» – мало. А что сказать? – я не могла подобрать слов. Потом Михаил Иванович взял трубку:

– Соедините меня с председателем комитета по делам высших учебных заведений профессором Кафтановым [28].

А я знала про профессора Кафтанова, и у меня была попытка неудачная попасть к нему. Меня просто выставили оттуда, прогнали: «Мальчик, давай отсюда, здесь солидные люди сидят». А теперь он – Калинин – звонит ему и говорит:

– У меня сидит здесь Ломоносов в юбке с далекого Таджикистана, родом из Кабардино-Балкарии – девочка, переодетая в мальчика, оригинальнейший тип. Сейчас посылаю к вам – окажите предельно возможную помощь. Оденьте, обуйте и восстановите на учебу – она исключена из вуза. О результате доложите мне.

Я стояла, рыдала. Потом кто-то тронул меня за плечо: «Не надо, милушка». Я успокоилась и теперь думаю: он это все делает, чтобы притупить мою бдительность, чтобы я не сбежала. Я не верю, что меня не арестуют: вот так перед ним лежат три паспорта.

– Честно, который из них Ваш?

– Вот этот.

– Возьмите. Идите.

Два других он мне уже не вернул, естественно. Я вышла.

Такая хорошая погода в Москве. Солнышко взошло. Я подумала: к Кафтанову сначала не пойду. Это может быть ловушка. Я поеду в профсоюзы, если там действительно дадут мне деньги, тогда я поверю тому, что случилось. А Сухова нет, как будто вообще его там и не было. Я не видела его. Он завел меня, отдал в руки кому-то и дальше я его не видела.

Я приехала в профсоюзы. Меня приняли, посадили и забегали туда-сюда, присматриваясь ко мне: плохо одета, брезентовые ботиночки (там же зима, холодно, наверное, поэтому присматривались). Потом сказали: «Заходите, пожалуйста». Зашла в кассу, мне отсчитали и выдали 350 рублей. Я подписала. «Идите». Я, наверное, была на седьмом небе, вылетела оттуда, не знаю как, – как будто меня хватают. Я, поверите, встала, посмотрела почему-то на небо и сказала: «Дай Бог ему здоровья! Мы построим коммунизм!» (смеется. – А. М.).

Потом я смело вернулась к Кафтанову. Там стоят стулья красивые, народу много. Опять смотрю эти надписи. И опять «Профессор Кафтанов». Тот самый мужчина среднего возраста в белом костюме, который сказал: «Мальчик, иди отсюда. Здесь солидные люди сидят», – у двери сидит. Я остановилась, посмотрела на него, он на меня посмотрел, улыбнулся. «А теперь, – говорю, – я зайду». Он ничего не сказал, но я взялась за ручку двери и хотела дернуть ее, он меня удержал за руку: «Мальчик, по-моему, я вам объяснил». В это время дверь изнутри кто-то толкнул и мужчина лет сорока пяти, с черными усами, по фамилии Рамзаев (наверное, еврей) спросил: «Вы к Кафтанову, к профессору Кафтанову?». «Да». «Пожалуйста, пожалуйста, сюда». Мужчина в белом костюме остался с открытым ртом, а меня завели туда. Провели через комнату – это была приемная профессора Кафтанова. Небольшого роста, неброское лицо. Он очень, очень подробно стал меня расспрашивать. А теперь я рассказываю очень смело. Уже у меня коленки не дрожат – я поняла, что мною интересуются, стала играть. Он созвал всех начальников, своих заместителей:

– Михаил Иванович сказал мне: «Ломоносов в юбке».

Ха-ха, все смеются, сидят и задают мне разные вопросы.

– А теперь, – говорит профессор Кафтанов, – давайте, Рамзаев, свяжите меня с постоянным представителем Таджикистана в Москве.

Тут же он в разговоре с постоянным представителем Таджикистана в Москве попросил оказать мне помощь, обеспечить меня бесплатным проездом из Москвы в Таджикистан в хорошем купированном вагоне. Потом он позвонил кому-то. По-моему, это был комендант, представительный такой мужчина. «Лично Вам поручаю, отвезите эту девочку на нашу базу, пусть выберет одежду, какую сама захочет, беспрепятственно, бесплатно, неограниченно». Я сижу, все это слушаю. Далее Кафтанов говорит: «Надо восстановить её в Таджикский педагогический институт на правах студента и выдать об этом документ». И вот они написали: «Директору (тогда были не ректоры, а директора) Таджикского государственного пединститута по личному указанию Михаила Ивановича Калинина восстановить на правах студента 1-го курса исторического факультета, обеспечить в дальнейшем стипендией, жильем, питанием, всем необходимым,

способствовать нормальному обучению в вузе». Эту бумагу послали и копию мне дали на руки. Вызвали человека, которому поручили отвезти меня к постоянному представителю Таджикистана. Мы вышли – машина готова, меня посадили, привезли. Там таджик – я фамилию его не знаю. Он принял нас, конечно, и записал. Потом позвонил в кассу железнодорожного вокзала, заказал для меня через три на четвертый день билет на прямой скорый поезд Москва – Сталинабад (6-й скорый Москва – Сталинабад, на котором я выехала из Сталинабада), направление мне дал, чтоб я получила эти билеты. Сказал, чтобы я завтра явилась. Оттуда меня повезли в общежитие МГУ, определили мне место. Там были две девушки из Аджарии. Мы очень подружились: я прожила с ними в одной комнате несколько дней, пока все оформили, отпечатали. Затем этот человек отвез меня на базу. Боже мой! И платья, и кофты, и шубы, и плащи, и сапоги – что только там не положили. Вы знаете, я не выбрала много. Я уже привыкла в брючишках, говорю: «Может, я в этом?». «Да нет, нет, давайте платье». Тогда я выбрала платье, очень красивое, длинное, до земли, наверное, это было вечернее платье. Не знаю, почему мне оно понравилось. Выбрала еще два платья, сарафанчик, туфельки, сандалики, халатик, белье. Короче говоря – полный набор. Все это завязали, ни копейки не заплатила. Меня вернули опять в общежитие. Показываю девочкам вещи, рассказываю – они не верят, что такое бывает. Я тоже, говорю, не верю.

В общем, меня снарядили и отправили обратно в Таджикистан.

Возвращение в Таджикистан. Восстановление на учебу в пединституте

И вот я приехала в Сталинабад. Счастливей меня на земле нет!

На вокзале тогда не было такси, не было машин. Только фаэтоны, тачанки, запряженные лошадьми или ишачки. Я наняла самый красивый фаэтон с тремя лошадьми. Села, прилегла и еду. И вдруг Илюшка... Он шел по одной-единственной европейского типа улице Ленина. Увидев меня, он так резко прыгнул ко мне с криком «Женька», что фаэтон затрясся – чуть не перевернулся. Я так обрадовалась! Я закричала невозможно громко! Он сел и говорит: «Поставь вот так руку на бедро». Я положила одну руку на бедро, другую поставила на пояс, как он, и вот так мы заехали во двор института.

Ремонт идет в институте. Студенты все живут в палатках. В так называемой особой шестой палатке живут оркестранты. К ней и подъехал наш фаэтон. Илюшка расплатился с кучером.

Такой крик был! такой крик! Они еще не знают, почему я вернулась. Но все-таки очень тепло меня приняли. Сразу же они снарядили стол, нишалду принесли. Они знали, что я очень люблю нишалду. И знаете, в самый разгар рассказа, а я взхлеб всё, всё повторяла, всё – что, где, как было, палатка приоткрылась, и в проеме появилась Кильганова Лидка. «У-у-у» – закричали все мальчишки, и она убежала. А я говорю: «Не надо. Пускай зайдет». Я выбежала и вернула ее. Она была высокого роста, а я – небольшого, я плохо росла. Я обняла её, поцеловала. Я её любила очень, как сестру, я ей говорю: «Пойдем, зайдём». Завела её, посадила. «Женька, какая ты. Её надо убить», – мальчишки

говорят. Они, оказывается, не разговаривают с ней, не здороваются. Она сильно плакала, очень извинялась. «Будь проклят тот, – говорит, – кто меня на эту трибуну поднял». Ну, наверное, уговорили её... Может быть... Не знаю. Во всяком случае, мы помирились. Я разглядела шрам на ее лице. Синенький такой. Мне было жалко, красивое личико. Я очень извинялась перед ней, что так поступила. В общем, мы помирились.

А потом – в ректорат. Без разговору меня восстановили. Когда ремонт закончили в общежитии, я, конечно, не захотела с этими девочками жить, пошла в другую комнату.

Вы знаете, это ужасно. Лидка Кильганова повесилась через год. Почему – не знаю. Я много плакала, переживала. Ее мать с отцом приехали на бричке. Запретили студентам провожать её. Только она, мать и отец... Я ребят уговорила проводить ее в последний путь. Сделав вид, что хотим песком почистить свои инструменты, мы пошли на речку. Я говорю: «Оттуда пойдем по Душанбинской (улице. – А. М.), выйдем и встретим. Там одно кладбище». Так мы и сделали. Уже загород. Едет одноконка, её везет. Такой был убогий вид, ужас! Я зарыдала... Никогда в жизни с такой эмоциональностью мы не играли, как тогда. Мы играли даже тогда, когда закапывали, закрывали её. Вот так с Лидкой расстались.

И так я снова стала студенткой Таджикского пединститута.

Конфликт с новым директором Таджикского пединститута. Педагогическая практика в школе пограничного отряда

Однако не суждено мне было там долго учиться. Было все нормально, пока не произошла смена начальства, и директором института не стал какой-то таджик.

Девочки, с которыми я подружилась, увезли меня с собой домой на каникулы и я очень хорошо отдохнула. Когда я вернулась в институт, меня многие не узнавали, так я изменилась – повзрослела. Как-то я сидела в студенческом буфете, когда зашел профессор, который был у нас на первом курсе. Я встала.

– Подождите. – Он снял очки. – Вы? Как фамилия?

– Налоева. А что случилось?

– Ну, вы... Это ты, которая на трубе играла?

– Да. Я и сейчас играю.

– Вас как будто подменили. Вы – уже целая барышня.

– Не знаю, барышня или нет, – смутилась я.

Это мне уже где-то 16 лет было. Я окончила второй курс. Летом я подрабатывала на уборке винограда, фруктов; также преподавала русский язык в начальных классах. Я стала немного зарабатывать, и у меня появилось желание одеваться красиво, со вкусом. Это, наверное, и испортило все.

Однажды я пешком шла с города в студенческий городок – километра три отделяло его от Сталинабада. На фэртоне проезжал новый директор нашего института. Он, наверное, не знал, что я – студентка. Я же его знала, но не поздоровалась. Он чуть проехал, остановился и говорит: «Давайте подвезу». Дура я. Села, говорю: «Спасибо». Там – пыль, там – жара. Тогда автобусов не было, все

ездили на тачанках, а у меня денег не было, поэтому шла пешком. Он посадил меня рядом с собой. Слово за слово, взял мою руку, стал ее сжимать – в общем, начал приставать. Меня это сильно покорило: я – «допотопная», закомплексованная – у нас, у кабардинцев не принято же так ухаживать. В общем, не подготовлена я к такой роли. Я резко осадил его, а сама подумала: опять мне что-нибудь припишут и выгонят из института. Или я его убью.

В это время шла уже война с финнами (Советско-финская война 1939–1940 гг. – *А. М.*). В институте временно снимали с учебы и посылали на работу в школы. И как только у меня получился конфликт с директором института, он сразу отправил меня в поселок на самой границе с Афганистаном. Я проработала там около 6–7 месяцев, до конца учебного года, но не сохранилось ни одного документа, подтверждающего этот факт.

И так, началась моя работа в школе в пограничном поселке. Одна маленькая комнатка у меня, кругом – книги, карты географические, исторические. За короткое время я досконально изучила и овладела этими картами, могла свободно сказать какое государство в какой части света находится. Я преподаю Конституцию СССР в 6–7-х классах, русский язык – в 8–9-х классах, историю СССР – с 5-го по 10 класс. Плюс к этому в погранотряде пригласили меня читать историю народов СССР на курсах для переподготовки командиров. Это уже по вечерам. Очень занята я.

Мне нравилось, что я занята, много работаю.

Очень хороший был у меня завуч – опытный, спокойный. Мы с семьей завуча (она у него была большая) жили в бывшем кулацком доме, а учебные корпуса располагались вокруг него. Три комнаты в правом его краю занимал он со своей семьей, одну комнату в левом краю занимала я. Кушали мы вместе, у меня даже посуды не было своей. Я обожала его дочку, сына маленького – они больше у меня находились, чем у них, а девочка их чаще всего спала со мной.

В поселке не было ни радио, ни телевидения, ни клуба какого-то – некуда было пойти. Поэтому по вечерам мы собирались в учительской, которая находилась в середине нашего дома. Мы – это завуч, его жена – очень хорошая, веселая женщина, я и Игорь – преподаватель русского языка и литературы. Игорь – очень развитый, способный преподаватель, с которым мы находили общий язык и темы для разговора. Он был одинокий, почему-то у него не было семьи. Все мы общались друг с другом по-дружески, как члены одного коллектива. К Игорю часто приходил некий Саша, грек по национальности, с бельмом на одном глазу. Он, этот мужчина, не принимал особого участия в нашем общении.

Вскоре Игоря мобилизовали, а этот грек продолжал ходить к нам по старой привычке.

И вот там произошла со мной большая неприятность.

Однажды вечером ко мне пришли с райкома партии и попросили выступить с докладом для общественности городка. Я подготовила (два-три дня готовилась), приделась, пошла, прочитала доклад. Народу для такого городка собралось много. В числе их, оказалось человек шесть-семь осетин. Они подошли во время

перерыва, познакомились со мной: «Мы гордимся, что Вы – наша кавказская девушка, такой интересный доклад читаете».

Лекция закончилась поздно вечером, когда уже стемнело. А в этом поселке освещения не было. Подошли осетины: «Мы Вас проводим». Я их поблагодарила: «Большое вам спасибо». Вдруг явился этот грек с фонарем и заявил: «Я ее провожу». Мне стало даже неудобно перед осетинами: что они подумают? кто он такой? Неловко я себя почувствовала и предложила пойти всем вместе. Да нет, говорят, раз у него фонарик, пусть проводит. Может, обиделись, я не знаю, но, во всяком случае, пошел меня провожать этот грек.

Незадолго до этого, на курсах для командиров, где я читала лекции, мне сказали, что к ним прислали нового преподавателя – военного. Когда я пришла на очередную свою лекцию, меня ему представили. Им оказался молодой человек очень приятной наружности. Он сказал, что историю народов СССР теперь вести будет он.

– Хорошо, тогда я пойду, а Вы проводите занятия.

– Пожалуйста, прочитайте напоследок эту лекцию Вы, а я посижу. Какая у Вас тема?

– Татаро-монгольское нашествие.

Прочла я эту тему. Этот молодой человек пошел меня провожать – слушатели всегда провожали меня после лекций. Довел он меня до дому и сказал:

– Вы знаете, у меня есть новая книга о Москве. Вы читали?

– Нет.

– Я Вам принесу ее.

– Пожалуйста. Когда Вы придете?

– Я завтра приду.

– Завтра у меня доклад в профсоюзном комитете. Я не знаю, когда освобожусь.

– Ну, тогда я подойду чуть попозже.

И вот мы идем, и я рассказываю греку про этого нового преподавателя:

– Саша, ты знаешь, я познакомилась с чудесным парнем. Он из Ленинграда. У него не только высшее образование, он еще аспирантуру закончил. Его прислали в погранотряд читать лекции.

– Ты часом не влюбилась в него?

– Не знаю, влюбилась или нет, но он мне очень понравился. Я такого образованного, такого галантного человека еще не встречала.

Через некоторое время (мы прошли бугры, лужи, он освещал мне дорогу) он снова меня спрашивает:

– В самом деле, ты влюбилась?

– Не знаю. Вряд ли он уже сегодня придет. Поздно.

Вот так мы подошли к дому. Как всегда на пороге сидели завуч с женой.

– Женя, к тебе такой красавец приходил! Тебя не оказалось дома и он ушел.

– Что вы говорите? Как жаль! – огорчилась я.

Так громко я подумала вслух и зашла к себе в комнатку.

Саша предложил сыграть в карты. И мы – завуч, его жена, Саша и я зашли ко мне в комнатку. Сидим, играем в карты и вдруг стук в дверь. Я говорю или

думаю: «Неужели он?». Завуч открыл дверь. Зашел он – красивый парень, прямо сияет. Я ему сказала, что мы, вот, играем в «дурака». Он присоединился к нам, затем достал спички и стал развлекать нас, раскладывая их, показывая разные штуки. Так мы сидели, разговаривали. Сразу я заметила, что Саша поник головой. Он встал:

– Я пойду.

И завуч, и Шура, жена его, и я уговариваем его не уходить:

– Ну почему?

– Нет. Я – человек рабочий, мне нужно завтра рано идти на работу, – что-то такое он сказал несвязное и ушел.

Теперь мы остались вчетвером и стали играть в карты в «подкидного»: две женщины – против двух парней. Вдруг раздался сильный стук кулаком в дверь. Я испугалась: «Кто там?». Военный вскочил, схватил дверь чтобы ее не открыли:

– Товарищи, не нарушаем порядок!

– Кто будет нарушать? Хулиганов здесь нет, – сказала я. Встала и открыла дверь.

Кто-то отбежал – темно, не видно. И тут раздался голос Саши:

– Пусть он выйдет.

– Кто?

– Вот этот военный пусть выйдет, – тяжело ответил Саша.

Тогда вышел завуч:

– Что за глупости? Почему он должен к вам выйти? Что с вами, Саша?

– Нет, пусть он выйдет.

– Глупостями не занимайтесь, – он вернулся и закрыл дверь.

И в это время мы услышали крик и звук как кто-то падает. Мы все вышли. Темно, ничего не видно... Пока лампу зажгли: ветерок дует – лампа тухнет... Короче говоря, Саша лежит в коридоре с ножом, воткнутым в грудь... Ой, я так орала, так кричала! Это что-то страшное...

Я в жизни не видела и не слышала от этого человека что-нибудь похожее на ухаживание... (Я уже старуха, что мне скрывать?) Ну и у него такой внешний вид, возраст солидный, а я совсем юная... К тому же я возомнила себя красавицей – в таком возрасте зазнаются все девушки. Я не знаю, как можно было...

Ну, зато, мой красавец оказался страшным трусом:

– Ой-ой-ой, такие дела... Мне нельзя. Я – военный. Я ухажу.

– Нет, не уйдете. Надо сейчас же вызвать врача, – сказал завуч.

– А я не знаю, где?

– Тогда стойте. Не уходите.

Завуч побежал. Пришли с больницы: там недалеко, поселок маленький. На носилки положили, и мы все идем. Носилки несут завуч и этот военный. Очень я огорчена: не могу понять, что произошло. Занесли в больницу, нас туда не пустили. Вот этот новый преподаватель сразу ушел домой, сказав: «Я вас не видел, вы меня не видели. Я – человек посторонний, я – человек военный, мне нельзя участвовать в таких вещах». Я ничего не сказала. Что мне было говорить? Мы вернулись. Я так боялась, что взяла с собой ночевать дочку завуча.

Наутро – Боже мой! Весь поселок об этом знает и все говорят, что я довела человека до самоубийства. Как я себя гадко, ужасно чувствовала – этому одному Богу известно, что я пережила. Все-таки он не умер. Он первые показания дал очень верные: «Никогда в жизни я не ухаживал за ней, никаких обещаний она мне не давала. Я думал, что раз так часто хожу к ним, то она догадается, что я влюбился в нее. А когда он там остался и вместе с ними стал играть в карты, я не знаю, что со мной произошло, я приревновал и решил покончить с собой».

Но когда его вылечили, выписали, какой-то адвокат склонил его изменить показания, сказав, что иначе его будут судить за покушение на самоубийство. И он изменил свои показания так: «Она мне обещала, что выйдет за меня замуж, а когда появился этот красавчик, сказала, что передумала».

Против меня возбудили уголовное дело: якобы я довела его до самоубийства. Все мои попытки поговорить с ним, убедить его сказать правду были напрасны. Его же не подвергли аресту, и он ходил за мной, он преследовал меня. Это было просто жутко. Я ему говорю:

– Ну как можно так врать?

Он не говорит, что я ему обещала что-то, но повторяет:

– Неужели ты не догадывалась... вот я столько времени хожу туда, как дурачок... я как слуга у тебя...

– Ты посмотри, сколько тебе лет и сколько мне. Посмотри в зеркало, что у тебя за рожа.

У него этот глаз с бельмом красный. В общем, страшнее войны этот мужик. Я не представляю, как можно было даже подумать... Наверное, я воображала в то время, что я красавица.

Мне помог завуч Василий Васильевич – добрый человек. Я сидела, плакала в учительской, когда он зашел и сказал греку:

– Саша, столько лет мы тебя знаем! Мы так привыкли к тебе. В самом деле, это же еще девчонка молодая. А ты – взрослый мужчина. Как можно было допустить вообще такую мысль, что она выйдет за тебя замуж? Я не помню, чтобы без нашего участия ты встречался с ней. В одном доме живем, она как родная нам, как дочка.

Вот такая была обстановка, и он убедил его, что тот поступает очень нечестно, нехорошо. Грек дал слово, что заберет заявление, поданное на меня.

Ну как бы там ни было, дело было еще не закрыто, когда учебный год закончился, и я уехала в Сталинабад.

Исключение из Таджикского пединститута. Поездка в Москву. Поступление на юридический факультет Московского государственного университета

Приехала в Сталинабад – как раз к сессии вернулась. Очень удачно я закончила сессию: на «отлично» все экзамены сдала, несмотря на то, что я лекции не слушала. Радости моей не было предела. Знаешь, как мы готовились? В комнате – четыре девочки. Они по очереди читают, а я не люблю читать. Они читают, а я с закрытыми глазами лежу, слушаю. Наутро мы идем сдавать экзамены.

Они читали, я только слушала. Я получаю «пять», а они – кто «три», кто «четыре», кто «два».

Сдав сессию на «отлично», я надеялась, что у меня все хорошо, как вдруг меня вызвал к себе директор пединститута. Фамилия его – Назаров, имя не помню. Какой он был бесчестный человек! Никого нет, только он и я.

– Или ты будешь моей женой (у меня волосы стали дыбом, когда я услышала это слово), или вообще не будешь здесь учиться.

– Вы никакого права не имеете! Почему? – крикнула я.

Он мне напомнил, какого я классового происхождения, что я – дочь «врага народа» и что неправильно меня восстановили. Начал пугать меня. Когда я ушла от него, то поняла, что здесь мне уже делать нечего.

Я оформила уход с института и уехала в Москву.

Судьба моя в Москве сложилась очень интересно. В МГУ я поступила заочно на юрфак.

– **Это Вам уже сколько лет, тетя Женя? – Мирзоева Н.**

Это, наверное, 1939-й год. Я уже взрослая совершенно. С жильем у меня ужасное положение, ужасное. Тогда таких запретов на прописку, как сейчас, не было. Меня могли прописать, но мне фактически было нечем платить за квартиру. Было очень трудно с деньгами. В общем, кое-как я там проживала.

Все свое внимание я сосредоточила на учебе на юридическом факультете. Меня приняли сразу на второй курс с условием досдать экзамены за первый курс. Я досдала все экзамены за 1-й курс, закончила программу за 2-й курс, написала курсовую работу по уголовному праву на тему «Необходимая оборона». Эта моя работа произвела огромное впечатление. Все меня хвалили. И с несколькими студентами-очниками, оканчивавшими обучение в университете, меня пригласили на собеседование. Беседовали с нами по гражданскому, уголовному праву в прокуратуре, в следственном отделе, определяли нашу пригодность к избранной профессии. Хороший мне отзыв дали и записали полностью все мои данные. Я там заполнила анкету. Я решила, что раз меня простили, восстановили на учебе, скрывать уже нечего, и написала все как есть, не упомянув, правда, что отец мой арестован (тогда я еще не знала, что он уже расстрелян). Кроме года рождения ничего не было подделкой.

Очень быстро стало известно, кто я, и встал вопрос о моем отчислении.

Исключение из МГУ. Возвращение в город Орджоникидзе. Поступление на 4-й курс исторического факультета Северо-Осетинского пединститута

Как-то я шла по базару в глубоком раздумье. Мне было так плохо, что не знала, что делать, куда направить стопы, как вдруг увидела мужчину-осетина. Я редко ошибаюсь в этнической принадлежности представителей народов Кавказа. И тут я сразу поняла, что это осетин. Мне было дорого, что он – с Кавказа. Я подошла к нему (он не торговал, а тоже пришел что-то купить) и спросила:

– Вы с Кавказа?

– Да, я из Дзауджикау (так назывался тогда Орджоникидзе) [29]. А вы, что, тоже с Кавказа?

– Да, я тоже с Кавказа, я – кабардинка.

– Кабардинка? Как фамилия?

– Налоева.

– Рядом с нами, в Дзауджикау, живут Налоевы – мать, две дочери и внучка.

Как я могла подумать, что Нафо, которая была замужем, вернулась и живет там? Ну, Тина, я понимаю. Но откуда внучка?

– Как зовут их?

– Не знаю. Но они – кабардинки, они – Налоевы. Налоевы сами из Осетии, но они окабардинившиеся, они там живут.

Он мне сказал их адрес – Шоссейная, 26.

Больше находиться в Москве я не могла. Я решила вернуться в Дзауджикау и подать документы на истфак.

Чтобы о причинах моего отчисления не узнали, я всеми правдами и неправдами сделала справку с безопасной формулировкой, что отчислена из МГУ за прогулы, и уехала.

Приехала я в этот Дзауджикау. Наняла дроги, положила туда свой саквояж, села. Еду. Что-то мне очень тяжело на душе. Вот Шоссейная, 26. Я говорю: «Останови». Остановил. А я не могу встать. Очень трудно было мне почему-то. Кучер говорит: «Ну, приехали, давай». Я сижу, не могу подняться. Вдруг калитка открывается, показывается голова моей матери. Можете себе представить, как я заорала? Господи! Я ему и не заплатила, вещи все оставила, спрыгнула, бросилась к матери. Потом уже мы заплатили и вещи мои забрали.

Во дворе, кроме нашей семьи, жили и другие кабардинцы. Они собрались все. С криком выбежала Анзорова Нашхо. Других никого не знаю, но всех обнимаю. В это время подходит ко мне девочка с черными-черными коротко постриженными волосами, серыми большими глазами. Коротенькие штанишки, коротенькая рубашонка. «Ты моя», – сказала она, обняла меня и крепко держит. Боже мой! Оказывается, это моя племянница – Майя, дочь Нафо. Нафо и Тины дома нет, они – на работе.

Вот так я вернулась в Осетию. Тот же дом, тот же двор. Мы также снимали квартиру у Бековых, а Бековы сами жили в селе.

Теперь у меня начал вызревать план атаковать один из вузов Северной Осетии, чтобы пристроиться и сдать госэкзамены. Я отмела юрфак (нечего туда лезть!) и скрыла учебу в МГУ на юрфаке. Решила поступать на исторический факультет. Там было два института. Я попала в Северо-Осетинский государственный пединститут, который был на улице Маркуса. Курс оказался большой – 50 человек, две группы по 25. Без особого труда я устроилась. Правда, чуть-чуть пришлось приврать.

Пристроилась, но не вписалась в группу. Наверное, все-таки это важно – учиться вместе с первого курса. Что-то я какая-то одинокая была в группе.

И еще, что интересно, я опаздывала каждое утро: то на пять минут, то на половину лекции. И все-таки я открывала дверь: «Разрешите, пожалуйста, присутствовать». Первые лекции были молодого аспиранта Кургосова. У него

был бас – голос такой интересный. Он улыбался: «Пожалуйста, пройдите». Я на высоких каблуках, на цыпочках, чтобы не шуметь, проходила через всю аудиторию и садилась за задний стол. Меня прозвали «Фишкой», «Москвичкой». По-моему, меня не полюбили в этой группе. И вот так мы учимся, я не каждый день хожу на занятия, так как почти с опережением у меня все. Мне сказали, что надо досдать историю колониальных и зависимых стран (это курс Кургосова), последний раздел философии и латинский язык. В Таджикском пединституте я была освобождена от латинского языка из-за того, что мы изучали таджикский язык. А теперь это не учитывалось, я должна была сдать латинский язык. Философию вел Кайтуков. На семинарах он был просто в восторге от моих ответов, очень, очень тепло ко мне относился. Мне казалось, что это высокопорядочный человек.

И вот однажды я пришла на занятия к Кургосову, опять опоздала. Он с той же улыбкой, таким же басом: «Пожалуйста, пройдите». Я завернула к своему месту, смотрю: за моим столом сидит рыжий, здоровый (толстая кость у него, понимаете? кости крупные, большая голова, шея огромная бычья) мужик, но студент. Я села, как будто не заметила его: стол же государственный, не мой собственный, на двоих рассчитан. Вот я и села, ничего не сказав. Я играла такого, знаете, интеллигентного человека. Он пишет мне бумажку: «Как Вас зовут?». Я отвечаю: «Женя». Он дальше пишет: «Откуда Вы пришли, говорят, из Москвы». А я в ответ: «Не мешайте мне слушать лекцию». Он опять пишет: «Скажите, как Вы сдавали философию?». Я посмотрела на него и говорю: «Я сейчас попрошу преподавателя, чтобы Вас пересадили. Не мешайте мне». «Ну ладно». Вот на этом закончился наш разговор.

Через пару дней я зашла в институт. В этом здании до революции был театр, поэтому в холле на всю стену оставалось висеть огромное, как в театрах, зеркало. Я подошла к зеркалу, положила сумочку и стала причесываться. В это время подскочил этот самый рыжик:

– Здрасьте.

– Здрасьте, – я очень даже добро ему улыбнулась.

Вдруг он чмокнул меня. Я с размаху ударила его по лицу:

– Что это такое, что за хамство?

– Ха-ха-ха, – он засмеялся.

Я подняла голову – все мужчины нашей группы стоят и кричат ему: «Проиграл, проиграл, проиграл». Оказывается, этот скотина им сказал: «Я с ней познакомился, в кино пригласил, проводил ее домой и даже поцеловал». Те не поверили, а он поспорил и поэтому чмокнул меня. Я его страшным образом отчихвостила. Убежал он.

А потом увязался за мной Кургосов. Если я сижу в читальном зале, обязательно он там должен быть, если я в библиотеке – он там. Когда занятия заканчиваются, куда я ни пойду, он появляется. Ничего не говорит, но появляется. Вы знаете, между прочим, мне нравится, что он ходит за мной. Однажды после занятий, когда я уже собралась домой, он зашел в аудиторию, вежливо поздоровался со мной и спросил что-то о книгах, о предстоящих экзаменах (он же тоже молодой, всего-навсего аспирант). Я ответила ему и хотела уйти, как

он взял мой мизинчик, сжал и пошел. Я была смущена. Не знаю, как это объяснить: я так мало имела отношений с мужчинами, что этот мизинчик просто мешал мне, понимаете, я не знала куда его деть. Прошла неделя, еще неделя. Он продолжает преследовать меня. Как-то одна аспирантка, молодая, которая работала на выдаче в читальном зале, говорит:

– Слушай, что ты мучаешь Виктора Алексеевича?

– Какого Виктора Алексеевича?

– Кургосова.

Я смутилась. Когда мне кто-то нравился, мне казалось, что все об этом знают, и я очень стыдилась. Не знаю, изменилась я внешне или нет, но я потерялась и ничего не ответила. А она продолжает:

– Он сам попросил сказать тебе это.

Вот это меня удивило. Мне нравилось, когда мужчина сам добивался внимания девушки. Мне нравилось, что Кургосов молча ухаживал за мной, а тут выясняется, что доверился посторонней женщине, чтобы сообщить о своих чувствах ко мне.

Я говорю:

– Если он такой беспомощный, то передайте ему, что я вообще не желаю его знать.

А мне надо ему экзамен сдать, понимаете. К его чести, не придрался он во время экзамена, я сдала ему на «отлично». Философию и другие предметы тоже сдала на «отлично». Вот так я закончила курс.

Начало войны. Окончание пединститута. Практика в школе села Црау

В один из дней, когда мы готовились к экзаменам (а готовились мы к ним коллективно, в большом помещении, каждый – за своим столом. Там много книг, которые мы в библиотеке берем), слышим крики, шум на первом этаже. Я вскочила. Забегает один из однокурсников: «Бросайте тетради, война началась! Германия объявила войну!». Это было так неожиданно, страшно просто. При моей жизни не было такой войны. Ну что там, бои на озере Хасан и реке Халхин-Гол [30], война с Финляндией [31] – это эпизодические явления. А тут я ужасно испугалась.

Мобилизовали мою сестру Тину. Она уже была военная. Там, куда её забрала, был казарменный режим, и она могла приходить домой только один раз в неделю, получив на это разрешение. Мы думали, что она останется в городе. Но вскоре она пришла и сказала, что ее отправляют на фронт.

Это было очень большое событие в нашей семье.

Тине дали шинель. Она оказалась ей велика. Нафо (она была очень хорошей портнихой) распорол шинель и перешила ее так, что она на ней очень ладно сидела. Тина была очень красивая: аккуратненькая, длинные черные косы висят на спине ниже колен, изящные сапожки. Сама тихая такая, безответная, незащитная. Я очень боялась за нее, боялась, что ее убьют там. Такие же переживания, даже больше, были и у матери. Она ее называла «щынэ

цЫкІу» – «ягненок». «Щы́нэ мыгъуэщ мыр, якІынущ» (Она, беденькая, как ягненок. Убьют ее), – говорила она. И мать меня попросила: «Поменяйся с ней. Пожалуйста. Ты уцелеешь, ты вернешься. Она не вернется». Я понимала, что это невозможно сделать. Мы с Тиной ничем не были похожи друг на друга, чтобы я ее заменила: я – блондинка, она – жгучая брюнетка, у меня другие черты лица (особенно в молодости мы были совершенно не похожи. Сейчас я больше сходства нахожу между нами, чем тогда). Все-таки я согласилась. Я сказала маме, что с удовольствием поменяюсь с Тиной. Эта наша попытка, конечно, не удалась. Тина сразу это отмела. Знаете, как она возмутилась, какую волю, какую твердость характера проявила? Я удивилась. Она сказала: «Мама, а как ты думаешь, если Женя поедет туда и ее убьют, как я буду жить? Разве можно такое предложить мне? Это моя судьба, это моя профессия. Как она будет уколы делать? перевязки делать? Я – фельдшер, среднее медицинское у меня образование. А у нее что? Этого нельзя делать. Я никогда на это не соглашусь». И тогда мы все: и мама, и я, и Нафо пошли провожать ее на фронт. Там были какие-то выступления. Я плохо понимала, о чем говорят. Перед глазами у меня все время вставала картина: Тина лежит на обочине дороги без головы, и мне было очень плохо. Я не хотела плакать, чтобы ее не огорчать. Я пыталась улыбаться, поддержать ее, но у меня это плохо получалось.

И вот она уехала, мы помахали ей, у меня вся грудь была мокрая от слез.

А в этот день у меня был еще экзамен. Я, уже когда шла в институт, почувствовала по своему состоянию, что не смогу сдать его так, как хотелось бы, что не смогу показать свои знания. И я написала заявление на имя председателя ГЭК с просьбой разрешить мне сдать экзамен в другой день со второй группой. Там это, наверное, восприняли как попытку с моей стороны отсрочить экзамен из-за того, что я не подготовилась к нему. Это был мой первый экзамен в этом институте, и преподаватели, собственно, меня не знали. Сам председатель комиссии вышел и сказал:

– Налоева, или Вы сдаете экзамен сегодня, или не сдаете его вообще. Все.

Я зашла на экзамен сразу вслед за ним. Что там было уже думать? Я ответила на оба вопроса, которые были в билете. Безусловно, ответила исчерпывающе. Но у меня не было повествования, не было связного рассказа с началом, кульминацией и прочими элементами. Тогда он меня спросил:

– Скажите, пожалуйста, на какой части России имела применение Конституция Наполеона?

– Польша, Царство Польское, – ответила я.

Он был, по-моему, удовлетворен ответом. Я вышла. Когда нас пригласили, чтобы объявить оценки, он объяснил:

– Налоева, Вы ответили на «хорошо», так бы мы и поставили, но накануне вышел указ, и Вы это знаете, по которому пятибалльная система заменена на трехбалльную: есть «плохо», «удовлетворительно» и «отлично». На «отлично» Вы не ответили, оценки «хорошо» нет. Следовательно, мы ставим Вам «удовлетворительно».

Это была первая моя «тройка». Очень было мне обидно, но я, ничего не сказав, ушла.

Иду по городу. Настроение у меня очень плохое: и Тину на фронт проводила, и экзамен, считай, провалила... Подходит ко мне какой-то парняга-осетин.

– Пойдем в ресторан, – приглашает он.

– Некогда мне, – я ему отвечаю.

– Ладно, я сам один пойду. Может, кого-нибудь найду, – говорит он и заходит в ресторан.

А я думаю: «Что это за равенство такое? Он может один пойти в ресторан, покушать и уйти. А я не могу этого сделать. Почему?»

«А ну-ка, заворачивай сюда», – сама себе говорю и поворачиваю в сторону ресторана. «КАВКАЗ» – большими буквами написано название ресторана. Огромное здание. Увитая растениями и яркими цветами, зарешеченная арка. За ее зеленым ограждением и слева, и справа стоят столики под открытым небом. Арка тянется метров сто и ведет в большой красивый треугольный зал. Там – музыка. Там за двухместными, трехместными столиками сидят люди.

Я очень гордо, с поднятой головой, зашла, села. Официант подошел. Я заказала все самое лучшее, что было у них. О Господи! То там, то здесь поднимают за меня бокал, громко провозглашая тосты в мою честь: «Эй, виват!», «Тысячу лет!». А во мне все кипит: «Почему я никому не кричу, а мне кричат? Потому что я – женщина. Значит, со мной можно так обращаться? Но что мне теперь делать? Как ответить на это? Как повести себя?». Не могу как следует поесть. Вдруг подходит ко мне официантка с подносом, уставленным интересными такими бутылками с напитками, разной едой.

– Это что?

– Это Вам передали.

Ставит и уходит. Я оглядываюсь в недоумении. За соседним столиком сидят двое русских мужчин, упитанные, с солидным брюшком. Улыбаются они мне. А я готова убить кого-то, но слишком много людей сидит (смеется. – *Н. Мирзоева*). Они встают и со своими стульями подходят ко мне:

– Можно с Вами сесть?

– Стол государственный (видишь, какое коммунистическое у меня воспитание?). Вы имеете право. Пожалуйста, садитесь.

Эти двое садятся. А сидящие в зале осетины, грузины готовы убить этих двоих русских. Слышу, о чем они говорят: не осталось в осетинском языке плохих слов, которыми они их не обозвали. Эти двое разговаривают со мной по-русски, но вскоре они поняли и по речи, и по тембру голоса, что я – не русская. Они спросили меня, и я сказала, кто я. Также я объяснила, что пить не буду:

– Я зашла только поужинать (как будто каждый день я такие вещи делаю!).

Очень солидно покушала с ними. А они просто высокомерно пьют, едят и говорят мне:

– А, может, поднимемся? У нас наверху граммофон есть, очень красивые пластинки.

– Конечно. Я могу и подняться. Вы на каком этаже?

– На третьем этаже у нас номер.

– Пожалуйста. Вот когда поужинаю, могу пойти.

Говорю спокойно, как будто нет никакого подвоха, как будто мужчина мужчину приглашает. Понимаешь, я иногда умею так «сушить» мужиков. Зыри сексуальнэ хэмылбу согъэдий (Без всякого даже намека на сексуальность «замораживаю» их). Сидя с ними, я позвала официантку.

– Мы заплатим, – они говорят.

– Нет, такое не пойдет. Я зашла поужинать и сама за себя плачу. Хотите, я и за вас заплачу?

– Да нет.

Они тоже расплачиваются. У меня еще нет плана, как с ними поступить. Они предполагают, что сейчас я с ними пойду наверх в их номер. А я знаю, что туда, в любом случае, идти нельзя. Вот что я с ними сделала: встала, ноги свернула, подогнув вовнутрь, и поковыляла как калека.

Боже мой! Их обоих как ветром сдуло. «Куда же вы?» – осклабилась я в любезной улыбке. Они исчезли. Мужики за другими столами заготовали. Какой рев стоял в зале! Они обрадовались, что я оказалась такая калека, урод. Оглянулась я на них, помахала ручкой: «Пока! Пока!». Вышла к арке. А там же с двух сторон – столы. Я, когда заходила, нормально проходила. Но я решила играть роль до конца и эту арку, ярко освещенную, прошла хромая, ковыляя. Потом, в конце арки, где дом заканчивается, где уже темновато, осмотрелась кругом и, не увидев этих мужчин, вышла на проспект Мира (тогда проспект Сталина) и пошла, как ни в чем не бывало, своей обычной походкой. Какой крик подняли эти двое мужчин! Они погнались за мной. Но разве смогли бы они меня догнать? Я же молодая, пулей понеслась домой по Максима Горького.

Это «метод» я применила еще раз. В то время у нас гостила моя двоюродная сестра (она жива еще). Она была чуть моложе меня и, казалась мне немного деревенской. Поэтому я ее как бы опекала. Как-то мы с ней пошли к Нафо (мама приготовила покушать, и мы относили ей обед). Нафо работала на швейном предприятии, заведовала им. Путь наш лежал через Красный мост, через Терек. И вот мы идем по этому мосту. С одной стороны – автомобильная дорога, с другой – тротуар неширокий. И вот 6–7 осетин – мужчин молодых – впереди нас идут. Хотим их обойти с одной стороны – не получается, с другой – тоже не получается. Тогда я своей этой походкой, согнув ноги в коленях и вывернув вовнутрь, стала обходить их. Они сразу уступили дорогу нам. Им, наверное, стало жалко меня: красиво одетая молодая девочка и калека. Моя сестра Жанпаго давится от смеха, умирает, умирает и оживает. «Прекрати», – я ей говорю. Наверное, метров двадцать мы отошли от этих ребят, когда на мост ступили еще другие люди. «Не увидят», – подумала я, нормально встала и пошла. Они погнались за нами. Ты знаешь, когда мы ворвались к Нафо... «Фш!а мыгъуэр сыт?» – жи!эт (Что такого вы натворили? – вопрошала она). «Баргъэ, баргъэ» жа!эу бжэм къеуэу кыщ!ыхъэну, дэ бжэр т!ыгъу кыщ!эдмыгъыхъу... Я жьэр щхъгъубжэм Гулбу... (Они стали стучать, ломиться в дверь, хотели зайти, а мы изнутри дверь держали, не пускали их... Они прилипли к окну, вглядываясь...)

Вот такие хулиганские вещи. Это о чем говорит? Особенно первый мой поступок? Это результат эмансипации. Я понимала равенство в прямом смысле этого слова – так, как коммунисты его понимали.

В этот же день случилась еще одна неудача. Вечером кто-то взломал дверь, прошел в зал, где мы готовились к экзаменам и украл книги. В их числе пять хороших книг, взятых в библиотеке мной. За утеранные книги был положен денежный штраф. Для меня это было очень трудно уплатить его, потому что жили мы очень бедно. Мать – неграмотная. Она где могла работать? Она нигде не работала. Она готовила, на базар ходила, воспитывала внучку, я училась, а сестра портняжила, копейки получала. Я не знала, как объявить семье, что нужно заплатить за украденные книги в десятикратном размере?

Обсуждая этот вопрос с директором, я надолго задержалась. Когда я зашла в читальный зал, там сидел Кургосов. Я поздоровалась. Он подошел ко мне:

– Я слышал, вашу сестру на фронт отправили.

– Да, мне сегодня очень не по себе. Еще и книги украли.

Он очень красиво, культурно посочувствовал и сказал:

– Я Вас провожу.

Мне очень хотелось, чтобы он проводил, но я сопротивлялась. Он настоял: «Все-таки я пойду». И мы пошли. Там дворы – двойные. Через два двора мы вышли на улицу Маркуса, оттуда – на Кирова. Мы шли довольно медленно, разговаривая об отвлеченных разных вещах. Мы не обмолвились ни единым словом ни о любви, ни о чем-то таком. Когда мы шли по ул. Куйбышева, она же на подъем идет, с этой стороны – базар, с этой стороны – мастерские, где я когда-то работала на Чечено-Ингушском предприятии, – какой-то мужчина в белой рубашке перебежал нам дорогу. В это время не было городского освещения, все было выключено, и поэтому я не узнала, кто это был.

Мы дошли до Шоссейной улицы, мне нужно было на нее завернуть, и я сказала:

– Спасибо Вам. Я Вас очень прошу, дальше не идите. Меня мама ждет у ворот. Увидит, что парень рядом идет, еще поругает.

Он улыбнулся понимающе. В первый раз он мне пожал руку, а потом поднял и поцеловал ее. А вы знаете, я – деревенщина, очень оскорбилась. Мне казалось, что такие вещи делают в буржуазном обществе и что это – нарушение правил. Я вырвала руку. Ну, наверное, он и так чувствовал, что я – все-таки не очень интеллигентный человек. Не знаю. По крайней мере, было темно, и я не видела выражение его лица. Я пошла дальше одна.

Утром, когда я пришла в институт, там было светопреставление! Это ужас! Осетинки готовы были просто убить меня. Со всех окон смотрело на меня столько студентов, столько преподавателей!

Боже мой! Оказывается, в белой рубашке мужчина, перебежавший нам дорогу, был Кайтуков. Не профессор, а тот рыжий верзила, который сел со мной за одну парту. Он изранил Кургосова. Кургосов был уже в больнице, а Кайтуков сбежал на фронт.

Все об этом знают. Я не знала.

– А ну-ка, повернись, девка! Стоит ли за тебя драться? – вот так ко мне обращались.

– Ой, вот эта рыжая! Из-за этой рыжей подрались наши парни! Ха-ха-ха! – вот так высмеивали меня.

Понимаешь? Это ужас. Я так плакала.

Ну, в общем, дня три это было сенсацией. Постепенно все успокоилось и пошло дальше своим чередом.

На втором экзамене по философии я удивила всех. Профессор Ежнов взял со стола цветы и подарил их мне со словами: «Это ты больше заслуживаешь, чем мы». С этого дня (удивительно!), когда я сдавала экзамен, все преподаватели приходили. Последним предметом я сдавала педагогику. Экзамен принимала очень добрая, хорошая женщина-осетинка. У нее был нервный тик на лице. Меня это смущало: выражение лица так менялось, что я не могла понять, согласна она со мной или нет. А речь шла о воспитании по какой-то педагогической системе. «Знаете что, – предложила я, – давайте лучше задавайте вопросы. На эту тему я могу говорить, пока не остановите». Она засмеялась, задала несколько вопросов по педагогике и тоже «пятерку» поставила.

Всего я сдала двенадцать предметов: одиннадцать – на «отлично», а первый экзамен – на «удовлетворительно». Тогда председатель ВГЭК (Высшая государственная экзаменационная комиссия. – А. М.) объявил, что комиссия, в связи с тем, что Налоева все экзамены, кроме первого, сдала блестяще на «отлично», разрешает ей пересдать первый экзамен по истории СССР, чтобы выдать красивый диплом.

Вот тогда уже я отказалась:

– Я не буду пересдавать этот экзамен. Я не ради оценки учусь. Но мне обидно. В тот день, когда мы сдавали этот предмет, я проводила сестру на фронт, расстроенная пришла. В таком состоянии я чувствовала себя не готовой сдавать экзамен и поэтому просила разрешить мне сдать его с другой группой.

– Да, да, да. Но почему же Вы нам ничего не сказали? Если бы мы это знали, мы бы пошли Вам навстречу.

– А это было бы смешно. Я пришла бы и плакалась, что сестру забрали? Я официально попросила разрешить мне сдать с другой группой. А сейчас я не буду пересдавать. Но я поступлю в аспирантуру именно по истории народов СССР и вот тогда сдам вам этот экзамен.

Председатель улыбнулся. И после этого меня уговаривали и профессор Ежнов, и Кайтуков. Но не убедили меня – упрямая я. «Не буду пересдавать» и все. Действительно, как и обещала, я поступила к ним в аспирантуру и сдавала им экзамен. Председатель задал несколько вопросов, кроме билета, и остался очень доволен. Пожал мне руку: «Я хотел бы иметь такого сына или такую дочь».

Но жизнь сложилась не совсем хорошо. По распределению я попала в Уссурийскую область, город Владивосток. Одна сестра – в армии, мама – старенькая. Они надеялись, что я окончу институт и буду работать, буду содержать семью нашу, а я должна ехать на край света. И, самое главное, почему-то я была убеждена, что Япония начнет военные действия. Я почему-то очень боялась японцев, боялась их больше, чем немцев. Я даже представляла себе, что если они возьмут меня в плен, то обязательно покончу с собой.

Поэтому я не оставила ни одну возможную инстанцию, куда бы я не пошла и не попросила, чтобы меня не отправляли в Уссурийскую область.

Раньше было очень строго с этим: по назначению надо было обязательно поехать, не менее трех лет поработать. Но тут в связи с войной все перемешалось, и, дай Бог им здоровья, мне дали место преподавателя в Цраусской средней школе Алагирского района.

Мне казалось, что я в рай попала. Поехала я в Црау и началась моя жизнь там в качестве преподавателя.

В первый день у меня были занятия в выпускном десятом классе. Каково же было мое удивление, когда зайдя в класс, увидела учеников: в папах сидело человек семь-восемь. Смотрю на лица: бритые, ну прямо моих лет мужчины. Оказывается, там всякое было: чтобы не попасть на фронт, документы правили, возраст делали непризывной. Когда я начала урок, один из этих владельцев папах моргнул мне. Ай! Я подумала, что проваливаюсь. Я стала заикаться и не знала, что делать дальше. Боже мой! С каким трудом я дотянула эти сорок пять минут! Я готова была бежать оттуда. Кому пожаловаться? Я там еще никого не знаю. Директора сразу же в армию забрали. Другой директор пришел, и его забрали. Потом появился третий директор – украинец. Какой-то странный одинокий мужчина, который очень красиво играл на гитаре и пел все время песни, какие я в жизни не слышала. Ну, вот, например, с такими словами: «С такой женою счастья не видать, с такой женою век мне страдать, важность этой прелесть, свернет на бок челюсть и ты попробуй с нею говорить». Разные у него такие песни. Ты понимаешь, это у окна он поет, в коридоре поет. Он был добрый, но чудаковатый. Его тоже забрали.

А потом уже сделали директором меня. Боже! Я не знаю даже, как педсовет собрать. У меня нет жилья. Я живу с уборщицей и её сыном, который учится в седьмом классе. А сплю я в комнате, которую снимаю у одних осетин. Ой, зима! Холодище. Помещение – из плетня, дует со всех сторон. Дров некому доставить. Голодно. Слава Богу, кукурузы много. Варим, снимаем шкурки и кушаем.

Очень плохо учились дети. Но все-таки у меня там были интересные встречи. В седьмом классе был мальчик (фамилию не помню, звали его Агубей) – конопатый, рыжий, долговязый. Я захожу в класс на урок, а он или в карты играет, или в шашки играет, или в «орел-решку» играет: «вжит» – подбрасывает монету, этот пятачок прыгает, а он во весь голос: «Орел, ну где деньги?». Господи! Я только начинаю говорить, и он – вместе со мной, но громче меня. Это ужас.

Я не ругаю его. Я поняла, что с этим парнем не справлюсь, надо что-то придумать.

Как-то захожу на урок, все – и мальчики, и девочки – сидят, одним пальцем подняв бровь, другим закрыв глаз.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Девочка за передней партой говорит:

– Агубей заставляет брови делать как у Вас.

А вы знаете, между прочим, у меня левая бровь всегда слишком поднималась (я работала над собой, чтобы этого не было). И вот он копировал меня и детей заставил это делать. Я посмотрела: все опустили руки, а он еще сидит.

– Агубей, – говорю, – ты очень внимательный, очень наблюдательный товарищ.

– Товарищ? – он повторил.

– А как же? Мы все товарищи.

Следующий звонок дали, я подхожу к нему, беру его под руку (он дергается):

– Подожди, мне надо с тобой поговорить.

– Что, к директору?

– Да я сам директор. Куда я тебя поведу?

Когда я сказала «сам директор», он захохотал:

– Я сам?

– Ну, я сама. Какая разница? – поправились я, и мы пошли.

Вышли на улицу. Стоял солнечный день. Все дети застыли, наблюдая за нами. Остановились. Я ему говорю:

– Знаешь что, Агубей, помоги мне.

Он опешил:

– Я помогу?

– Да, – я говорю. – Ты понимаешь, я не знаю осетинского языка. По-русски еле-еле разговариваю. Ты видишь, какой класс большой – тридцать человек. А ты – самый взрослый там, самый сознательный. Помогите мне, будьте моим помощником. Наведи дисциплину. Просто не знаю, что я сделаю для тебя, если ты мне поможешь.

Ну, короче говоря, мы стали друзьями. Я не только избавилась от его безобразий, теперь даже боялись пикнуть дети. Агубенок наказывал их.

Оказалось, что Агубею – много лет, он намного старше других детей, третий год сидит в седьмом классе. С Божьей помощью я нашла с ним общий язык. Он что-то скажет на уроке, я уже:

– Отлично, великолепно, Агубей! Я тебе сегодня ставлю «четыре». Помоему, завтра ты «пятерку» получишь.

В то время за то, что он сказал, и «три» нельзя было ставить. Но постепенно втянулся в учебу мой Агубей и даже по другим предметам стал успевать. Даже на районную конференцию пригласили меня рассказать, как мне удалось такого неисправимого Агубея сделать хорошим учеником. И знаешь, забегаю вперед, скажу: война идет, я уже в городе, ушла с этого Црау, и вот с планшетом, в звании старшего лейтенанта, идет стройный, рыжий, конопатый офицер. «Евгения Джамурзовна!». Ты знаешь, как я бросилась к нему на шею, как я обняла его! Он обнял меня:

– Я буду век помнить Вас, век.

– Чтобы ты живым остался, ничего мне не надо.

Не знаю, остался он в живых или нет...

Потихонечку я сумела «потушить» и тех парней, которые мне моргали. Я не ругала их. Вы знаете, открыто на эту тему нельзя говорить, я делала вид (шлангом прикидывалась, как сейчас говорят), что не понимаю, что хочет этот парень. А сама держала себя строго, повода развязно себя вести не давала. Вот так вот.

Ну, занятия у нас очень рано прекратились. Потом, знаете, как пошло дело. Мы – я, уборщица моя, осетин-старичок – арбакеш (водитель арбы. – А. М.) – начали работать на колхозных полях. По утрам этот старик запрягает арбу, подъезжает к моему дому (он недалеко от школы жил). Я сажусь. Как только мы выезжаем за село, я запеваю, запеваю по-осетински, но не на осетинском языке, ни на каком языке, а просто фонемы какие-то, слова, похожие на осетинские... Он меня спрашивает, на каком языке я пою. Я отвечаю, что на кабардинском, я же не могу сказать, что на осетинском. А он так дико оглядывается, смотрит и начинает подпевать...

Теперь у меня новая квартира, очень хорошая семья. У хозяина было две жены. Они остались, а мужа их общего забрали на фронт. У него два сына и девочка от младшей жены, у старшей детей нет. Две жены его как две сестры работают, у них корова одна, лошадей нет. Они огород свой возделывают и вот так живут. Так вписалась я в эту семью. Девочка у них Зарема, я помню. Каждое утро она кричит по-осетински: «Женя мое цоеуын» (К Жене хочу пойти). Я еще сплю, она дверь открывает, залезает ко мне в постель такая горяченькая. Я детей всегда очень любила.

В общем, так мы жили.

Возвращение в город Орджоникидзе в связи с приближением германских войск. Мобилизация на оборонительные работы. Первый арест по доносу Кайтукова

Приближались немцы. Я очень боялась. Я, наверное, немцев боялась больше смерти, не знаю почему. Вы знаете, с самого первого раза, когда я стала изучать немецкий язык в Чечено-Ингушском педтехникуме, я не полюбила этот язык, не полюбила потому, что преподаватель не знала предмет и не давала ничего нам. А когда перевели в индустриальный техникум, там Абрамова некая преподавала. Страшнее любой женщины и внешне и внутренне: залезет на стол и смотрит, кто там шевелится. Когда она к доске меня вызывала, я не знала даже как писать по немецки. Я стою у нее за спиной, копирую ее – весь класс хохочет. Она невзлюбила меня – в общем, у меня стоял кол по немецкому языку. И если бы даже я доучилась в этом индустриальном техникуме, наверное, мне не дали бы диплом, потому что у меня стоял кол по немецкому. Мы и домой ходили к ней, и задание она давала, но и там я получала кол. А потом я перестала ходить к ней.

А тут немцы приближаются.

И вот однажды вызвал меня председатель сельсовета и сказал:

– Женя, ты хороши учител, но немцы вот Элхотово сидят. Ты каждый раз читаешь против немцев... Убьют, уезжай.

– Ты разрешаешь? – спросила я.

– Да, канешно, уезжай.

После этого разговора я задержалась еще два дня, чтобы постирать, погладить, собрать свои вещи.

За это время немцы еще бросок сделали. Я в панике удрала с этого Црау. Красивую корзину для фруктов, почему я взяла, не знаю, баночку меду, баночку масла, кусок хлеба, ну белье нижнее – и вот все. На мне – шелковое белое платье, а сверху – белого цвета лапсердачек (подобие пиджака. – А. М.) с белым отложным воротником. Уехала я. Бегом, пешком. От этого села до Алагира – семь километров. В Алагире я зашла в районо – никого нет. В райисполкоме – никого нет. В райкоме никого нет. Паника еще больше усилилась. Автобусы не ходят. Может быть, военные машины будут? Тоже страшно. Не знаю, что делать. А эти банки в корзине то туда, то сюда перекатываются. Хотя мне это мешало сильно, тем не менее, я никуда их не выкладывала. Удивительно, я домой принесла эти банки, как будто без них нельзя было жить. Наконец, я пришла на железнодорожную станцию в надежде, что найду поезд. Оказалось, что поезда уже не ходят. Стою, думаю, что мне теперь делать. Я дороги не знаю: пешком как с Алагира дойти до Владикавказа (даже и сейчас не знаю, сколько там километров). Во всяком случае, за сутки я бы не одолела. И потом одна я не могу идти. Кого ни спрашиваю, все куда-то бегут. В это время появилась дрезина. Она подошла к станции и остановилась. Дрезина – это транспорт, который ходит только по железной дороге, маленький вагончик такой, без крыши, на колесиках. Вышли оттуда военные с очень солидными знаками (я в них всегда очень плохо разбиралась) и куда-то ушли. А какой-то парень остался, сидит. Я подхожу к нему. Страшненький молодой пацан лет семнадцати. Руки испачканы в мазуте и два черных пятна у носа. Очень хотелось мне хохотать над ним, но я сдерживалась. Я пронюхиваю, говорю, вот так и так, а он: «Нет, не посажу». Вот коротко так: «Не посажу. Нельзя, это военная дрезина. Не подходи близко, не имеешь права». А потом он говорит: «Вот они идут. Поговори с ними». Подошли эти военные. Я объяснила им, что я – учительница истории, вот так и так, они посадили меня и сказали, что доведут до Беслана. Это было бы неплохо, до Беслана, а там – поезда. Я села и спросила о плате, они посмеялись: «Какая плата, давай».

Доехали до Беслана нормально. Там на вокзале столько составов – уйма! Где полные солдатами они отходят, где стоят.

Когда дрезина остановилась, и я вышла, этот пацан мне говорит:

– Знаешь, я – помощник машиниста. Мы сегодня будем ехать туда, вон наш паровоз стоит. До вечера подожди, мы тебя отвезем.

Мне показалось, что это, вроде, нормально. Хоть до вечера уже мало оставалось, я спрашиваю:

– До самого вечера?

– Может, раньше он пойдет. Я же не знаю. Пойдем, я поговорю с машинистом.

Мы пошли. Действительно, машинист вышел, поговорил с нами.

– Хорошо, разрешаю тебе. А ты сможешь нам уголь бросать?

– Давай.

– Да с твоим платьем только уголь бросать, – похохотал он.

А Мишка (так звали этого пацана) стал подбрасывать уголь в печь. Тогда я впервые увидела это: печь, там такая огромная температура, красные угли.

Скучно мне. Во-первых, с этим Мишкой говорить не о чем, вот такой (стучит пальцем о стол. – А. М.), а этот старик спит, лежит. Да и потом солнце бьет в мою сторону, я хотела обойти с той стороны, чтобы в тени быть. Тут Мишка вышел и говорит:

– Давай погуляем.

Я не знаю, почему-то я смотрела на него сверху вниз.

– Пойдем, прогуляемся – согласилась я.

Мы пошли. Но где там прогуляешься? Там же железнодорожные полотна. Мы прыгали с одного места на другое, пока, наконец, не дошли до асфальта. Это было недалеко от самого вокзала.

Мы идем. Я почувствовала, что кто-то смотрит на меня. Ты когда-нибудь испытывала чувство, когда кто-то очень пристально смотрит? Я раз посмотрела. Вот так – дорога к вокзалу. Там стоит какой-то памятник. Прислонившись к нему, стоит в пилотке небольшого роста парень молодой – брюнет. Такие красивые глаза, такие брови, такая улыбка. Я никогда в жизни – ни до ни после – подобного чувства не испытала. Мне казалось, что у меня ноги отнялись, что-то неловко мне ужасно стало. Но за этим человеком, если бы я не стеснялась, я бы пошла на край света.

Я иду с этим Мишкой, он что-то говорит, а я не слышу, что он говорит. Он приревновал:

– Ты че смотришь?

Оказывается, я забылась и все еще смотрю на этого парня. Пошли, повернулись. Теперь я с той стороны стою, Мишка – с этой стороны. Я хочу снова его увидеть, но боюсь встретиться с ним взглядом. Паренек стоит там же, в той же позе. Мы подошли ближе. Он смотрит также с улыбкой и вдруг – звонок, крики. Он побежал (многие побежали), запрыгнул в вагон, высунулся из окна и закричал:

– Я тебя найду, найду, где бы ты ни была! Из-под земли достану! Слышишь меня?!

Я заплакала, как будто век знала этого человека. Рыдаю, стою. А этот Мишка кричит на меня, ругается, обиделся и пошел к своему паровозу. Я это даже не почувствовала. Страшно рыдала, стояла. И до сих пор это окно в вагоне, эти глаза, эти брови очень часто мне и снятся, и вижу их. Я не знаю, кто он... А потом, когда я опомнилась, – Мишки моего нет. А я на чем доберусь? Надо же мне как-то уехать. Я пришла к паровозу. Мишка ругается, как будто я – подданная его. Ну, я все это в шутку обернула. Машинист проснулся, я поговорила с ним. Он сказал: «Ну че, дочурка, не волнуйся. Доставим мы, конечно, тебя. В Дзауджикау отвезем».

Эх! Когда не везет, тогда не везет. Одни военные поезда уходят, другие, а наш стоит. Уже темно, уже ночь. Начали бомбить этот Беслан. Какой страх я испытала! Знаешь, я не помню, как залезла под паровоз. Когда я пришла в себя – лежала под паровозом, вся вымазанная в саже и мазуте. Мишки и след простыл. Старик тоже убежал, не знаю куда. Темнице.

Утром, рано-рано на рассвете, я двинулась пешком. Думаю, что смогу пройти двадцать пять километров по железной дороге. Может, встречу других,

таких же заблудших как и я. Корзина моя осталась в паровозе. Он горел еще. Никого не было. Забрала я свою корзину и пошла. Только вышла из Беслана, там – солдаты, грузовики – оцепление стоит, дальше не пускают.

Все-таки выбралась я из Беслана: я встретила целое воинское подразделение с командиром. Они отстали от своей части и пешком добирались до Дзауджикау. Вот и я с ними.

Вы знаете, как интересно дорога сближает людей? Это были мои родные. Они отнеслись ко мне как братья. Почему-то они очень гордились, что у них одна девочка есть. Им было смешно, что я в измазанном белом платье, белые кудрявые волосы... Что у них было – хлеб, сухой паек – они дали мне. Я свои три банки достала. Они даже не тронули – может кое-кто раза два хлебнул мед или масло. Оно растаяло в эту жару, потекло все. Ты можешь себе представить, я все равно принесла его домой. Вообще ненормальным становится человек в таких ситуациях.

И вот мы идем вместе, отдыхаем. Ребята по огородам чьим-то, по полям нашли фасоль, капусту, редьку, редиску, набили свои вещмешки и мою корзину. И так мы подошли к городу.

По обычной дороге они боятся идти, их могут задержать. Я же город хорошо знаю, я их повела по такой дальней дороге и привела к себе домой: им же где-то надо переночевать. Уже был десятый час, когда мы зашли во двор. Бедная мама! Господи, сколько я заставила ее страдать! Ой, как она встретила их! Она сварила в котле суп пшеничный с молоком. С каким удовольствием они его поели! Мама вынесла и положила ковер, какие-то подушки. Слава Богу, что было тепло, не было дождя. Они все спали во дворе. Мама и Нафо меня обмыли, обтерли, тоже положили спать.

Мы – прифронтовая полоса. Нас мобилизовали на оборонительные работы. Нафо (мастерские закрылись, уже больше никто не шил) отправили строить оборонительный рубеж за городом. Я участвовала в строительстве дзотов в самом городе.

Господи! Сколько физического труда было попусту потрачено в те годы! Сколько мы выкопали камней, глины, песка! Все строили. Вообще-то эти оборонительные линии никого бы и не остановили. Это было безумие.

Но вот радио. Радио слушаем все мы. «Великая победа будет за нами!» – непрерывно звучат слова Молотова. Мне это так нравилось, я все время в это так верила. Впервые я усомнилась в этих словах, когда ввели карточную систему и мы стали голодать. Ведь до этого нас заверяли в том, что «мы никогда не введем карточную систему, у нас есть запасы продовольствия, нам хватит». Вот тогда я первый раз почувствовала, что правительство говорит неправду. Но я все-таки оставалась сталинисткой. Боже мой, мне казалось, что умней его на свете никого не может быть. Ну, что ж, я – сельская девчонка. Господи, во всех газетах одно и то же пишут, по радио одно и то же говорят. Я верила и все. Я даже не разрешала кому-нибудь усомниться в святости Сталина.

Однажды, когда в собственном своем доме я строила дзот, кто-то подошел сзади и пальцами прикрыл мои глаза. Я этот прием терпеть не могу. Я провела

по этой чужой руке: крупные пальцы волосатые. Какое-то брезгливое чувство овладело мной:

– Пожалуйста, уберите, я терпеть не могу эти деревенские приемы.

Я оглянулась: стоит тот самый рыжий Кайтуков Володя, «гмхы-гмыхы» смеется. Ты знаешь, гимнастерка оборвана так, что плечо его голое видно, рюкзак на спине, щеки – впалые. Он скороговоркой доложил, что с самого Ростова идут пешком, а вчера из-за бомбежки отстал от своей части, забежал сюда, не знает, что делать. Наверное, он соврал. Я не знаю, но у меня такая жалость появилась, я и забыла, что он Кургосова ранил, что он меня преследовал, скотина (он тогда же исчез и больше его никто не видел, никто не знал, где он. Он и учебу не закончил, и диплом не получил). Я смягчилась сразу, когда увидела, что он – запыленный, грязный такой. А как же иначе? Это же защитник Родины. Я говорю:

– Пойдем. В этом доме я живу. Ты умоешься, мама тебя накормит.

– Пойдем.

Мы пришли. Я маме говорю:

– Мама, это бывший студент моей группы, осетин. Кайтуков его фамилия, отстал от части. Он очень голодный. Мама, накорми, пожалуйста, его чем-нибудь, – и я пошла обратно.

Там нельзя было оставлять работу – это же военное время, мы мобилизованы, и я вернулась туда. Вечером, когда уже нас сняли с работы с дзота, пришла и спрашиваю маму:

– А где он?

– Да, – говорит, – я его накормила. Он лег, спал очень долго и вещи свои оставил. Ушел, сказал, что придет, но не вернулся.

– Какие вещи оставил?

Смотрю, рюкзак стоит. Я, когда приоткрыла, обалдела. Там эти... ракеты.

– Мама, – говорю, – как ты разрешила эти вещи ему оставить? Ты понимаешь, если это кто-нибудь увидит, нас всех арестуют. Ты что сделала?

Она, бедная, перепугалась. Она паникерша была:

– Боже мой, зачем ты его привела ко мне?

Не знаем, что делать: полный рюкзак этих ракет. Я их никогда раньше не видела. Вот знаете, у них рукоятка такая, как шина грузовой машины. Все-таки мы очень плохо спали из-за этого. Мы потащили этот рюкзак в подвал, спрятали там.

Наутро Кайтуков явился с улыбкой. Уже новая рубашка, все чистое на нем. Он заявил, что дядя его – министр внутренних дел, и его оставляют здесь, он будет работать во внутренних войсках. А я говорю:

– Не знаю, где ты будешь служить, но ты т-а-а-а-кое оставил нам, что мы всю ночь не спали. Почему у тебя столько ракет? Давай так: забирай их. Чтобы их у нас не было.

Он, правда, забрал. Куда он их отнес, не знаю.

С этого времени он повадился к нам. Меня нет. Я работаю как мобилизованная на дзотах то в одном доме, то в другом. А он приходит к матери, хочет понравиться, войти в доверие и так далее. Вскоре прекратили дзоты строить:

наконец опомнились, что этого делать не надо. В это время племянник моей матери на машине заехал и забрал маму и Майю – племянницу, в Кабарду. Я была против этого, я не хотела расставаться с мамой. Но он нас не взял, сказал, что ему разрешили забрать только одну тетю и мест нет. Так мы остались. Нафо и я. Двоюродная сестра наша – Роза Гегирова – жила рядом в квартире. Тогда массовая была эвакуация людей, очень мало осталось жителей, что даже было страшно. Поэтому мы закрыли наглухо квартиру Розы, и все втроем жили в нашей квартире.

В это время стал очень часто посещать нас Кайтуков Володя на правах друга, в виду того, что мы остались одни женщины и на его взгляд нуждаемся в опеке. И вот он часто приходит и когда меня нет дома разговаривает с Нафо и через нее пытается засватать меня. Нафо говорит мне, что у него есть такие намерения. Я категорически заявила Нафо, чтобы она не вела разговоры с ним на эту тему. Она мне говорит:

– А почему тогда ты его пригласила?

– Прости меня, он тогда подошел оборванный, отставший от своей части, защитник Родины. Как я могла его не накормить? Это не значит, что он мне нужен. Ты не знаешь, но это тот человек, который избил, ранил Кургосова Виктора и убежал.

– Да ты что?

– Да.

Она начала его защищать, говоря, что он хороший парень. Вы знаете, меня просто раздражало, что Нафо на его стороне. Из-за этого у нас с ней отношения стали очень натянутые.

В один день Нафо пригласили на швейную фабрику, и ее не было дома, когда пришел Кайтуков. Дома были только Роза и я. На этот раз он принес груши и сливы в кульке, и флакон тройного одеколона. (Тогда вообще трудно было что-нибудь такое раздобыть.) Это все он поставил на стол и сел. Мы были недовольны. Во-первых, Роза знала, что он мне не нравится. Во-вторых, мы вдвоем свободно лежали, болтали, и теперь он нам поломал кайф, как говорят. Сидим. Он говорит:

– Вы знаете, я хочу по-деловому разговаривать.

– Какой же деловой разговор сейчас? – спрашиваю я.

Слово за слово, и он говорит:

– У меня создается впечатление, что ты ни за кого не хочешь идти замуж, ждешь чего-то.

– Порядочная девушка сейчас не станет выходить замуж. Страна изливается кровью. Люди, самые достойные, воюют. Разве человеку до свадьбы, до замужества? Как об этом можно вообще думать?

– Я, например, думаю. Если ты не считаешь себя особенной, я предлагаю тебе руку и сердце.

– И сердце твое и руки твоей мне не надо. Ты – уголовник, во-первых. То, что ты сделал с Кургосовым, я никогда в жизни тебе не прощу. Если бы ты не повел себя как жених, я тебе не стала бы это напоминать, а сейчас напоминаю. Забирай свои подарки и уходи. Больше не приходи сюда. Я терпеть не могу,

когда за мной волочатся. Если бы ты мне нравился, то давно знал бы об этом. Вообще я не хочу, чтобы ты на эту тему разговаривал.

Очень резко. Может, я была неправа. Но я никогда никого не обнадеживала. Сразу я говорила: нет или да. Он стал смеяться:

– Да нет, я не поверю. Сейчас более подходящего, чем я, жениха у тебя нет. То, что ты ни с кем не встречаешься, сказала мне твоя сестра. Значит, ты или ломаешься, или ждешь немецких офицеров.

При этих его словах я сбила со стола все, что он принес: и одеколон, и груши, и сливы. Они полетели по полу, высыпались в коридор. Я взяла метлу, вымела все и сказала:

– Уйди, уйди! Чтобы тебя здесь больше не было.

Он ушел. Роза сначала хохотала, а потом говорит:

– Слушай, не надо было так резко.

– Ты знаешь, что это за человек? С ним иначе невозможно. И только так можно: раз и навсегда прекратить его жениховство, иначе еще на что-то будет рассчитывать.

После этого я его не видела. По крайней мере, при мне он к нам больше не заходил. Нафо я запретила разговаривать на эту тему.

К этому времени в опустевшие квартиры домов, в том числе и нашего дома, были вселены эвакуированные с Крыма греки, армяне. Мы знали их в лицо, но во двор они не выходили и не общались с нами.

Как-то я пошла за продуктами (где-то мы с Нафо взяли в мастерской заказ военный шить, заработали немного денег), а когда вернулась, застала такую картину: в нашей квартире замки сорваны, двери открыты и из нее вывезено все. Знаете, почему все вывезли легко?

Странно, я не могла понять политику властей. Милиция ходила ежедневно и требовала от нас, чтобы мы эвакуировались. Я их спрашивала: «Куда? В Грузию, в Среднюю Азию можно?». «Нет». «А куда?». «Езжайте в Кабарду». «Мы должны идти навстречу врагу, что ли? Немцы наступают от Кабарды. Кабарда вскоре будет оккупирована. Как туда ехать?». И вот однажды пришли милиционеры, и потребовали показать все мои книги. И, вы знаете, всю марксистскую литературу сожгли, комсомольский билет мой сожгли. Я просто не понимала, что за указания. Я спросила у них: «Чего вы боитесь? Вы боитесь, что фашисты станут коммунистами? Зачем вы жжете книги Энгельса, Маркса, Ленина, Сталина?» Все книги, которые были у меня в библиотеке по истории, – я же историк – все сожгли. Я плакала, ругалась с ними. И вот они потребовали: «Собирайтесь и уезжайте». Я говорю: «На чем мы уедем? У нас нет мужчин, нет транспорта. Нам пешком, что ли, идти навстречу немцам?» Когда Нафо пришла вечером, еще пепел дымился (столько книг у меня сожгли!). Я ей все рассказала. Она поняла, говорит: «Давай соберем все вещи». Мы связали и ковры, и постель, шубы, собрали все остальное, что было (мы не очень богато жили).

И вот когда я пришла – все связанные вещи были вывезены. Страшно я переживала, боялась, что Нафо скажет, когда вернется домой, мол ты ушла, и квартиру обокрали. Я пошла в подвал. Раньше это был наш подвал, но теперь ложить нам туда нечего было, и он был открыт. Смотрю: в подвале стоит

мальчик-армянин и кушает арбуз. Мне душа, интуиция подсказывает, чтобы я поговорила с ним. У меня вообще интуиция сильно развита. Если бы у меня был такой ум, как интуиция, я бы, наверное, была очень умная. Знаете, когда интуиция мне подсказывает и если я на это не обращаю внимание, я обязательно сделаю крупную ошибку.

Зашла, говорю:

– Скажи, пожалуйста, ты не видел, кто заходил сегодня к нам?

– Нет.

На все вопросы отвечает однозначно: «Нет». Не смотрит, спиной стоит. Я почувствовала, что он виноват. Ну ладно. Я поднялась к себе в разграбленную квартиру. И в это время пришел к нам молодой человек – Суламбек Арсомаков, который учился со мной когда-то в индустриальном техникуме. Очень перспективный, толковый был парень. У него был Божий дар – аналитическое мышление. Я ему рассказала, что случилось, и говорю, что я думаю, что этот пацан тут как-то замешан. Он пошел, привел этого армянина, напугал: «Скажи правду, не то я тебя просто прикончу». Он признался, что да, это он украл, но он сделал это при помощи женщины-ингушки и ингуша, который был на арбе. Они приехали, часть вещей увезли в Ахки-Юрт (современное село Сунжа Пригородного района Республики Северная Осетия–Алания. – А. М.), а часть – чемоданы, более ценные вещи – спрятали здесь в городе. Суламбек дал слово, что не сдаст его в милицию, но мы его не отпускаем, а берем с собой, чтобы разыскать наши вещи. Родители и родственники его живут в нашем же доме, но они не в курсе происходящего.

Мы вышли втроем. Суламбек нашел транспорт, и мы приехали в Галгай (современное селение Камбилеевское. – А. М.) – центр Пригородного района. Уже стемнело. Чтобы дальше ехать, мы не можем найти транспорт. Мы остались на улице: Суламбек, я и этот пацан. Что же делать? И он говорит: «Если ты не возражаешь... напротив стоит дом Дауда Цокиева».

Дауд Цокиев – это ингуш, который когда-то, когда я училась в индустриальном техникуме, ухаживал за мной. Он ухаживал очень красиво, и он мне нравился. Потом (я уже рассказывала) меня исключили из техникума, и я уехала в Среднюю Азию. О существовании Дауда я не помнила, пока как-то чисто случайно не увидела его на улице: он ехал на автобусе. Потом он разыскал меня, и при первой же нашей встрече я обнаружила, что мы – уже разные люди, я слишком выросла для Дауда. И на его приглашение пойти в кино и пообедать вместе я посмеялась: «Ты меня путаешь с кем-то: я – не Дунька и в кино идти не собираюсь, тем более в харчевню ходить, там кушать. Прости меня, но нам не по пути». Сказала так и ушла. Вслед за этим пришло письмо – умное, толковое, объясняющее его заблуждения: «Столько лет мы не виделись. Ты была в России, в Средней Азии, но оказывается стала даже еще более консервативная, чем тогда была. Прости меня, я ошибся». Ну и так далее. Очень много ошибок орфографических. Я – бесстыжая, красной пастой исправила все ошибки и отправила письмо назад. Потом еще письмо пришло, еще – около восемнад-

цати писем в общей сложности я получила от него. Оказывается, он работает вторым секретарем Пригородного райкома партии.

Дауд выбрал посредником между собой и мной Суламбека, так как мы все учились в одной группе и он знал, что Дауд был влюблен в меня и я ему тоже как-то симпатизировала. Суламбек стал навещать меня собственно по поручению Дауда. И знаете, он коварно поступил. Вот он не объясняется, но целую тетрадь, целые листы, расписанные словами «Женя, Женя» оставляет и уходит. Нафо смеялась: «Мыбы «Женя» фІэкІа зыри итхыфыркъэ?» (Он кроме как «Женя» ничего писать не умеет?). Алыхъ, а уи лЫкІуэр мылЫкІуэ, и щхъэ Іуэху зэрихурам». (Аллахом клянусь, этот твой посредник – не посредник вовсе, он свой интерес преследует.) Я говорю: «Нафо, мне тоже так показалось, что он думает о себе, а не о Дауде».

Постепенно я поняла, что к чему, и честно тебе скажу: я тоже коварно поступила. Он понравился мне больше, чем Дауд, – гораздо развитее, образованнее, интеллигентнее, но я ничего не могла сказать, потому что он молчал. Мало ли что он в тетради пишет «Женя, Женя, Женя»? А Нафо говорила: «Я Дауда не знаю, но этот парень красивый, давай, выходи замуж за него». Я отвечала: «Ну как, Нафо, выходить замуж? Сейчас война идет. Пусть ухаживает, а там посмотрим, что будет».

Вот такая была обстановка, когда перед райкомом партии на площади в селении Галгай оказались мы втроем: вор, Суламбек и я. «Если ты разрешишь, я зайду к Дауду, здесь они живут». Отец, мать, четыре брата, три снохи, неженатый младший вот этот Дауд. Состоятельные, видно: хороший дом, ворота. Ну, у нас не было другого выхода, я говорю: «Иди». Он меня отвел в сторону, кивнул на вора – сбитого молодого человека семнадцати-восемнадцати лет: «Ты не боишься с ним остаться?». Он мог сбежать, мог ударить меня, сбить с ног – я не смогла бы справиться с ним. Тем не менее я сказала: «Нет, он никуда не пойдет, иди». Когда Суламбек ушел, подошел армянин:

– Вы не собираетесь меня сдать?

– Зачем сдавать тебя? Если мы найдем то, что ты взял, зачем тебя сдавать? Я не собираюсь никого сдавать.

В это время Суламбек, Дауд, два его брата, кроме самого старшего, вышли на площадь и по-ингушски и по-русски категорично пригласили нас к себе: «Вот вы и у нас». Вот я как будто сейчас вижу: мягкая кровать с подушками. Все мы – и я, и вор – сидим на кровати. Богато накрыт большой стол: кроме водки и вина, все остальное есть – и баранина, и птица, и пироги (чаплики называются), и фрукты... Все братья сидят. Все три невестки стоят – никак не можем уговорить их, чтобы они сели с нами. Мать с отцом сидели в другой комнате. Меня к ним завели, представили, даже не знаю в качестве кого, просто товарища, наверное. Они сказали доброе слово, идите, молодые, там сидите. И мы вернулись за стол.

Что мне понравилось в Дауде – его самоирония. Смеясь, со словами «Я сейчас вас всех уложу», встал, принес те самые письма, исправленные красной пастой, с моими приписками, замечаниями и ответами. Прямо, при всех братьях,

стал зачитывать их. Мне так стыдно, особенно за один ответ, где я его просто смяла резко. Дауд улыбается: «Если у меня есть что-либо... так эти письма». Меня удивило то, как при всей строгости обычаев, Дауд свободно вел себя в присутствии старших братьев. Он не говорит, что женюсь на ней – такого нет, но тут уже скрывать нечего, все ясно. А старший брат говорит: «Ну, глядя на эти письма, ты ее подметки не стоишь, она тебя уложила в гроб. Остается тебе только по-русски закрыть, забить крышку». Такой хохот стоял, все братья смеялись. Я попросила прекратить чтение писем:

– Мне как-то неудобно... По-моему, я поступила очень несправедливо. Единственное, может, мое превосходство – это то, что я грамотнее, а по содержанию, вы видите, как он пишет умно, а я – глупая, капризная девчонка, так что я признаю свое поражение.

Это я говорю не столько, чтобы им понравиться, сколько просто остановить этот разговор, перейти к другим темам. И они стали обсуждать, что делать с парнем-армянином, стали его расспрашивать. Он подробно рассказал им все: в каком селе живет эта женщина-ингушка, дал адрес того ингуша, который помог ему ее найти. Братья решили так: переночуйте здесь, утром что-нибудь придумаем. Увели армянина, уложили где-то спать. «Ложитесь, отдыхайте», – сказали они нам. Я попросила:

– Если возможно, если есть транспорт, отправьте меня домой. У меня сестра была на работе, когда я уезжала. Представьте: она вернулась, дверь взломана, вещей нет и меня нет. Что она подумала? Я боюсь за нее: как бы что-то с ней не произошло, такой стресс... Она и заснуть не сможет.

Подумали они и решили так и сделать. Нашли машину райкома партии и меня отвезли. Когда Дауд, Суламбек и я зашли в дом, Нафо сидела с опухшими глазами, плакала. Ей же никто ничего не мог сказать, что произошло: старых соседей уже не было, а из новых никто ничего не знал. Боже мой! Она вцепилась в меня, плачет. Я ей рассказала все, что произошло. Мы немного успокоились, и сидели разговаривали до утра четвером. Наутро, с разрешения Нафо, мы уехали.

Оказалось, что когда этот парень-армянин не вернулся домой, его родственники сообщили об этом в милицию. Милиционеры, переодетые в гражданскую одежду, на машинах поехали вслед за нами. Мы приехали в Ахки-Юрт, нашли дом этой женщины-ингушки. Зашли. Вышел хозяин, внимательно выслушал все, что сказали мужчины и позвал свою жену.

Она призналась: Да, эти вещи у нас. Меня какой-то ингуш попросил, и я привезла.

Боже праведный! Как он ее бил, я в жизни такого не видела. Я зарыдала, бросилась между ними – мне тоже по руке попало. Я сказала:

– Ты еще раз тронешь ее, клянусь: я убью тебя. Мало ли что? Мои это вещи, я прощаю ее. Вы понимаете, что так нельзя поступать?

Он остыл немножко. Все вещи были целые, никто ничего не трогал. Кое-что из них я подарила этой женщине.

Затем мы поехали в район Шалхи (современный поселок Карца Пригородного района Республики Северная Осетия – Алания. – *А. М.*), где были спрятаны другие чемоданы. В общей сложности там находилось восемь чемоданов. Как он и говорил, все оказалось на месте. Выносят их парни в гражданском, но это уже милиция. По-моему, мальчик догадался, в чем дело. Я там стояла. Он подошел, говорит:

– Что теперь мне делать? Если, я что-то понимаю, то это менты там.

– Прыгай через дувал.

Высокий такой дувал [32].

– Сдашь?

– Какой сдашь, прыгай!

Он сразу (там лестница стояла) залез, перепрыгнул. Я стою. Они спрашивают:

– Все?

– Да, все. У меня больше не было чемоданов.

– А он где?

– Кто?

– Вор.

– Я не знаю.

– С вами только что здесь стоял.

– Да ну! Что вы? Я не знаю.

Он ушел. Надо было так Богу угодно – я с ним встретила позже. Дальше я расскажу, как с ним довелось встретиться. Вряд ли он остался в живых. Это было страшное, очень страшное место и страшные обстоятельства, при которых мы встретились.

Вот так все благополучно закончилось: я вернула все, что у нас забрали. Но эти два парня, Дауд и Суламбек, поссорились. Я не поняла, из-за чего: разговор шел по-ингушски. Я не так хорошо знала ингушский язык, чтобы такие тонкости понимать, но пересыпалось это русскими словами, из чего стало понятно, что они поссорились.

Я сказала:

– Если вы сейчас не прекратите, я буду думать очень плохо о вас обоих. Мне было лет тринадцать, когда я с вами познакомилась. Я на вас смотрела как на взрослых умных парней. Теперь уже я взрослая, а вы тут ссоритесь при мне и при моей сестре. Я не хочу знать по какой причине. Это вы разберетесь сами. Но я хочу, чтобы вы вышли из этой комнаты мирно, хорошо, по-доброму.

К этому времени Нафо приготовила два пирога. Я ей сказала: «Два пирога на горе делают, Нафо. Тогда в двух тарелках положи по одному». Разрезали их, поели, запили кислым молоком. Вроде мир наступил. Я требовала, чтобы они улыбались, но улыбки их были очень натянутые. Так мы и распрощались.

В этот день мы решили покинуть Владикавказ. Участковый милиционер строго-настрого сказал, чтобы завтра нас уже не было в этом доме. К этому времени Кабарда была уже оккупирована, и немцы стояли в Эльхотово. Буквально один бросок – и город мог быть атакован. Нас уже бомбили.

Когда бомбили, знаешь, что мы делали с Нафо? У нас была кровать с сеткой. Мы залезали в эту кровать и крепко обнимали друг друга. Мы думали, что если будет прямое попадание и обвалится дом, так мы уцелеем. Страшно было, бомбежка страшная, особенно минометные обстрелы. Я себя чувствовала чрезвычайно гадко.

Господи! Надо было, чтобы наутро в этот день пришли бригадиры и сказали снова идти на сооружение дзотов. Нафо поехала за город, а нас оставили в городе и держали до двенадцати часов. Когда нас распустили, я не пошла домой, а прямо пошла к Нафо на участок.

Никогда не забуду этот день.

Иду по городу. Ощущение такое, что кто-то идет следом за мной, что кто-то пристально смотрит на меня. Я оглядываюсь: машина едет за мной, а кто сидит в машине – не вижу. Этот человек ехал так тихо, что дал мне дойти до места. Я нашла Нафо. Тут началась бомбежка. Боже мой! Было очень страшно. Почему-то я бросилась бежать налево. Там стояли запряженные брички. Кони испугались, запутались, брички перевернулись. Кто-то кричит: «Ложись, ложись!» А я боюсь лечь. Один-единственный самолет. Одна-единственная бомба была брошена. Что-то горячее меня охватило, и я упала. Потом встала, смотрю: у меня кровь течет с ноги. Кое-как я пришла домой. Нафо была уже дома. Оказалось, что она побежала в другую сторону. Какие-то люди ее подхватили, и когда бомбежка кончилась, ее привезли домой. Когда я зашла, она расплакалась от радости.

Нафо пошла искать машину. Вскоре она вернулась с военными: сразу две грузовые машины подъехали к нашему дому – к калитке, которая выходила на улицу Фрунзе. Ворота были с другой стороны. Поэтому я вышла за калитку, встала на ступеньку грузовой машины, чтобы показать, как нужно обогнуть дом и заехать в ворота. В это время кто-то крикнул:

– Куда? Куда?

Кто, вы думаете, это был? Кайтуков.

– Уезжаю, – сказала я, – до свиданья. «Теперь черт с ним», – подумала я и улыбнулась ему.

– Куда? – крикнул опять и двинулся по направлению к нам.

Я не ответила. Машина завернула и заехала во двор. Смотрю: его нет во дворе. Я почувствовала что-то неладное. Я бросилась, выбежала на улицу Фрунзе.

– Володя! – крикнула я.

Он оглянулся:

– Я сейчас вернусь. Я сейчас вернусь. Я сейчас вернусь. Подождите, я сейчас, – вот так несколько раз проговорил он и пошел.

Я зашла в комнату и мы начали вытаскивать вещи. Когда погрузка шла еще только в первую машину, во двор зашли вроде красноармейцы, проверяющие паспорта. В это время я выходила с ковром на руках.

– Ваш паспорт, – подошли они ко мне. Наверное, Кайтуков описал им меня: я была в желтой шелковой вязаной кофточке с чёрным ободком на рукавах, манжетах, воротничке.

– Сейчас. Паспорт в комнате, я сейчас.

Я как-то сразу поняла, что это за мной пришли. Я подошла не к первой, а ко второй машине, бросила ковер туда, обошла с другой стороны, вышла на Фрунзе, перебежала Максима Горького, зашла во двор дома напротив.

– А как Вы догадались? – Мирзоева Н.

– Просто интуиция. Из окна соседнего дома я наблюдаю, что происходит у нас во дворе. В окружении трех военных стоит Нафо, руками показывает: «вроде здесь была, не знаю». Не слышно, что она говорит, но ее жестикуляцию я понимаю так. Ищут меня. Я послала хозяйку дома, соседку к Розе. Розу нашли, секретно провели ко мне. Я объяснила ей:

– Они за мной пришли.

– Нет, не за тобой.

– Нет, за мной. Я тебя очень прошу, иди, там паспорт, диплом, зачетная книжка юрфака и кошелечек с деньгами – забери их и принеси мне.

Очень ловко она выполнила это задание, принесла все, что я просила, и сказала:

– Володя пришел. Красноармейцы сидят у вас в комнате, ждут твоего возвращения. Нафо говорит им: «Не волнуйтесь, она придет».

– Хорошо. Ты иди и тоже подтверди, что я вернусь, – сказала я, а сама вышла следом и пошла на рынок. К кому можно было подойти на базаре? Только к ингушам. В личной дружбе они незаменимы. И вот сидел какой-то ингуш, шишки продавал. Подошла я к нему:

– Я вас очень прошу, вывезите меня из города.

– Что случилось?

– Меня хочет арестовать НКВД... Я прошу.

Клянусь, я не знаю ни фамилии его, ни имени, никогда в жизни его не видела. Он сразу сказал жене, она тоже сидела рядом, по-ингушски: «Встань, собери все вещи, положи в бричку». В бричке стояла сапетка плетеная. Мы – она и я – сели. Она сняла платок с головы, а я его повязала себе на голову. Он гикнул, ударил коней, и мы выехали галопом по дороге на Галгай. Прошли контрольный пункт, и я подумала: «Куда я еду? Да, ингуши меня скроют. Я останусь. А что будет с Нафо? У нее дочь. Дочь – в оккупированной Кабарде. Нафо – не очень грамотная, самоучка. Она старше меня намного. Как я буду жить, если ее арестуют и она погибнет из-за меня?»

– Останови, – я попросила.

Он остановил. Я вылезла, вернула платок.

– Спасибо.

Они поехали. Я вернулась, спокойно прошла контрольный пункт, зашла в город, пошла по Шоссейной улице, где раньше мы жили, к учительнице русского языка – очень порядочной женщине. Дьяченко была ее фамилия. Она проживала на Шоссейной, 26. Я ей рассказала всю историю наших отношений с этим Володей и все, что произошло за день.

– Пожалуй, правильно, что ты вернулась. Безусловно, сестру твою арестуют, если ты не вернешься. Если ты вернешься, арестуют тебя, а может, и ее тоже. Самое лучшее, мой совет, плюньте на эти вещи, возьмите денежки, что у вас есть, уезжайте обе вместе куда-то. Пока найдете, куда ехать, – поживете у меня.

– Я тебя уполномочиваю: иди к Нафо и скажи ей все это.

Я осталась, а она пошла к Нафо. Посидела как будто старая приятельница. Володя сидел в квартире с Нафо. Он отправил солдат (по крайней мере с квартиры они ушли, но, наверное, где-то скрытно стояли).

– Я посижу здесь. Вы идите, она вернется, куда денется.

– **Кайтуков не скрывает, что пришел с ними? – Мирзоева Н.**

– Нет, он работает в НКВД и поэтому командует ими. Он говорит:

«Нафо, Вы же знаете мое отношение к Жене. Я никогда не позволю, чтобы кто-то пальцем тронул ее. Верните ее, найдите. Я чувствую, что эта женщина, которая пришла, что-то знает». Нафо призналась ему (она верит, что он порядочный): «Да, эта учительница пришла от Жени. Она у них». «Пойди приведи ее домой. Никто ее не тронет, я здесь». Пришла Нафо, спорит со мной:

– Такого парня, такого человека ты отстранила, ты так унизила его. Да ладно, не тронут тебя. Тебя никто арестовывать не собирается, покажешь свой паспорт и все.

Я очень жалела потом Нафо. Я ей сказала:

– В любом случае я не смогу убежать сейчас.

– Почему?

– Потому что арестуют тебя, если я убегу. Я уже выехала из города и вернулась. Вернулась только из-за тебя. Раз ты не хочешь со мной скрыться, пойдём. Что будет, то будет. Но потом ты будешь много плакать.

Так я ей сказала и пошла.

Когда я зашла, Кайтуков усмехнулся:

– Ты что из себя бандита строишь? Подумаешь, да они только паспорт хотели проверить.

В это время ворвался капитан госбезопасности в сопровождении нескольких солдат (они где-то наготове стояли): «Вы арестованы».

– Я понимаю. Давайте.

Я взяла кое-что из вещей с собой. Обернулась к Нафо:

– До свидания, Нафо. Я рада, что ты не попала в беду из-за меня. А за меня не беспокойся – я не пропаду.

Так я ушла. Сколько она перестрадала из-за меня! А мать, услышав, что я арестована, пешком пришла из Старого Уруха во Владикавказ.

Действуй я так, как моя интуиция подсказывает, наверное, я была бы гениальная. Понимаешь? Вот ум у меня – очень ограниченный, и когда я не слушаю интуицию, а прислушиваюсь только к разуму, то неизбежно совершаю ошибку. Вот если бы я прислушивалась к своему внутреннему зову, я не сделала бы ни одного ложного шага. Вот так.

Они меня привели в НКВД.

– **А Володя остался с Нафо? – Мирзоева Н.**

– Да, Володя оставался с Нафо, когда меня уводили. «Что случилось? В чем дело? Почему вы ее забираете? Я пожалуюсь», – вот в такое притворство играл. Я на него посмотрела с презрением: «Додик, до свидания». Вот так я ушла от этого Володи, а он очень быстро покинул Нафо, прибежал туда.

Господи, Боже мой! Я сижу в коридоре ГПУ НКВД Северной Осетии. Гляжу: он напротив меня сел. «А меня, – говорит, – за что? Ты понимаешь? Меня тоже допрашивают». Сел близко. «Что будем делать? Меня тоже допрашивают. Что мне сказать?» – у меня спрашивает.

– **Его тоже арестовали? – Мирзоева Н.**

– Нет, его не арестовали. Я арестована по его доносу. А он должен показания давать обо мне. «Что тебе сказать? – я говорю. – Ты все сказал, что хотел. Уйди, не подсаживайся ко мне близко». Потом его, очень бледного, завели в какую-то комнату. Оттуда он вышел еще бледнее, завели его в другую дверь, очень скоро – в третью дверь. Он подписал все.

Он заявил, что на пятом курсе училась кабардинка, которая приехала в Осетию. Раньше она здесь не училась. Он ухаживал за этой кабардинкой – Евгенией Джамурзовной Налоевой, родом из Старого Уруха. Его село Ставдурд и Старый Урух очень близко расположены, только речка их разделяет. Он знал эту фамилию Налоевых. Они были очень богатые, были против Советской власти, их раскулачили, и поэтому, Налоева – дочь «врага народа» – ждала прихода немцев. Когда немцы оккупировали Кабарду, она вернулась в свое родное село. А оттуда, с уже оккупированной территории, вместо нее, в квартире Налоевых, под ее именем, появилась немка. И вот когда он пришел на свидание к Жене Налоевой, вместо нее вышла эта немка. Она говорит чисто по-кабардински, по-русски, по-немецки, она – ракетчица. Такие вот показания у него.

Тогда я не стала говорить (я не могу доносить), что именно у него я впервые увидела целый рюкзак ракет. Кроме этих ракет, я в жизни других ракет не видела. Я живого немца в жизни не видела. Я рассказала следователю о своих отношениях с ним: что он пытался за мной ухаживать, но я не принимала его ухаживаний. Я даже в кино в жизни с ним не сходила, никогда он не провожал меня.

– **Тетя Женья, то есть Кайтуков донес в НКВД, что он ухаживал за Налоевой Женей, кабардинкой из богатой знатной семьи, родом из Старого Уруха, с которой он учился в институте. С началом войны она вернулась в Кабарду, а оттуда с оккупированной территории под именем Налоева Евгения Джамурзовна здесь в Орджоникидзе появилась немецкая шпионка-ракетчица, которая одинаково хорошо говорит и по-русски, и по-немецки и по-кабардински. – Мирзоева Н.**

– Да, и вот когда он увидел эту немку, он понял, в чем дело, но не подал виду, а пошел донес в органы госбезопасности. И вот по такому абсурдному доносу арестовали меня. Понимаешь, какой ужас? То с меня требуют, чтобы я по-немецки разговаривала, чтобы я призналась, кто я. То говорят, что мать моя – немка, и спрашивают фамилию моей матери. Мать моя – Мирзоева, но она на оккупированной территории. Что я могу сделать? Войди в мое положение.

Господи! Меня все время держат в одиночке, поговорить не с кем. Днем выводят меня на прогулку во внутренний двор этого управления. Я имею право ходить только по кругу. Взад-вперед не разрешают, только по кругу. По коридору садятся молодые чекисты, и они издеваются, хохочут: «Можно под руку принца взять, а... может фрица взять». Знаете, эта прогулка была для меня пыткой.

Не могу есть, не могу пить... Обида...

Они часто меня допрашивали. Я двух человек запомнила во время этого следствия. Один из них – Шамиль Басаев. Да, Басаев. Клянусь, такая фамилия, я сейчас только об этом подумала (когда шла запись воспоминаний Е. Д. Налоевой в 2000–2001 гг., у всех на слуху было имя чеченского полевого командира Шамиля Басаева, ставшего известным после захвата его отрядом заложников в больнице в гор. Буденновске Ставропольского края 14 июня 1995 г. – А. М.). Зовут его Шамиль. Он осетин, здоровый такой мужчина. Однажды он привел какого-то капитана – кабардинца. Завели его и при мне сказали, что обвиняемая не сознается, что она немецкая шпионка. Поговорите с ней по-кабардински и скажите, как вам покажется ее речь. Все вышли. Когда мы остались один на один, и он заговорил по-кабардински, я заплакала. Что-то на меня подействовало... Я подумала, что здесь, он один – человек. Он – одной крови, одной нации со мной, и он, наверное, поймет меня, поймет, что я оказалась в дурацком положении. Я ему рассказала всю правду, истину. Он ничего не возражал, только спрашивал и уточнял: а этот кто, а этот? На все вопросы я ответила. Он меня успокаивал: «Не надо плакать». Наверное, минут двадцать, полчаса мы разговаривали с ним, потом зашли трое и Шамиль с ними.

– Ну как она?

– Да она достаточно хорошо говорит по-кабардински, но с немецким акцентом.

– Сволочь ты! – сказала я.

С каким удовольствием я бы стукнула его по черепу! Вот так продал меня один кабардинец.

Потом преподавателя немецкого языка привели. Я знаю только «вас ис дас» по-немецки, клянусь, больше ничего не знаю. Немецкий язык я изучала короткое время в индустриальном техникуме, и то у меня стоял кол по нему, да и техникум я не закончила...

Каждый день, каждую ночь допрашивал Шамиль меня. Мне кажется, он понимал, что я говорю правду, но не признавался в этом. Он добивался какой-то другой правды. Как-то я ему пожаловалась: «Просто от тоски я погибаю, дайте хоть с кем-нибудь поговорить». Одиночный режим мне не поменяли, но принесли несколько книг и среди них – «Преступление и наказание» Достоевского. Вы знаете, эта книга сыграла колоссальную роль в моем поведении в заключении. Ни мое юридическое образование (я только три курса окончила, полного юридического образования у меня еще не было), ничего не помогло бы мне и не помогло, как Достоевский.

Часто говорят, что произведение оказывает большое влияние на читателя, но не поясняют, какое именно. Недавно была в какой-то передаче по радио сказали: «Достоевский – признанный гений мировой литературы, а ведь он дал технику, показал все детали совершения преступления. Но никто ведь не обвиняет его за это. Почему же обвиняют нас, что мы развращаем молодежь, когда показываем фильмы с криминальным сюжетом?». Это аргумент для оправдания, что телевидение имеет право показывать фильмы пропагандирующие насилие и распущенность. Но современные низкопробные фильмы не имеют ничего общего с великим романом классика мировой литературы.

А так я считаю, что любое произведение оказывает влияние на читателя в зависимости от уровня его развития, от генетических данных и многого другого.

Конечно, мне очень помог Достоевский. Во-первых, я поняла хитросплетения следствия, поняла, что они задают заведомо продуманные вопросы, чтобы запутать меня. Я поняла, как устраивают перекрестный допрос. Я не знала этого всего. Я проглотила эту книгу. Просто на одном дыхании этот огромный том я прочла. То я была Раскольников, то я – бабка, которую он уложил, то я – посторонний человек, роли менялись. Я говорила: «Дай Бог здоровья Достоевскому». Я уже во всеоружии пришла на допрос. Каждая глава мне проясняла, что такое клевета, и как можно защититься в таких условиях. В этом плане Достоевский вооружил меня самозащитой.

Эвакуация заключенных в связи с близостью фронта в Среднюю Азию, Узбекистан

Следствие закончилось. Обстановка была сложной, и нас эвакуировали. Я никогда не забуду... Была ночь, когда вывели меня из камеры и бросили в телячий вагон (этот вагон специально загнали на вокзал, чтобы погрузить туда заключенных). Темно, ничего не видно. Гул, шум, стоявший в вагоне перекрывался густым русским матом, доносившимся со всех сторон. Я заплакала: «Ой, заберите меня! Убейте меня! Я не хочу здесь...». Они захлопнули дверь, закрыли на засов.

– А-а-а! Фраерша ты, фраерша! Ты не хочешь с нами быть! Ну-ка подожди, мы тебе косточки помоем к утру, – понеслось со всех сторон. И все это с матом-перематом.

– **Это охрана, да? – Мирзоева Н.**

– Нет, не охрана. Это женщины, которые сидят в вагоне, заключенные, рецидивистки.

Вагон был набит битком. Я очень долго искала место, чтобы присесть, настолько плотно друг к другу стояли, сидели люди. А еще сажают, еще добавляют... Наконец, я смогла сесть на корточки. Вдруг кто-то положил мне на плечо ногу. Я сбросила эту ногу. В ответ меня кто-то обматерил очень грязными словами. Я сказала: «Хорошо, завтра утром поговорим». Когда рассвело, я еле-еле встала, обернулась и спросила: «Это ты вчера меня послала к Петру великому кое-что сосать?». «Да, а что ты хочешь?». Конопатая, деревенская бабенка, видно, что малограмотная, даже поначалу у меня было чувство двоякое: и жалости, и брезгливости. Но когда она повторила это... Я была очень крепкая, сбитая девка, в свое время занималась спортом: бегала, увлекалась гимнастикой... Я сильно ударила ее и ударила специально в глаз. Она заорала, размазала кровь по лицу и поползла к двери. Стала стучать руками и ногами. Долго она стучала, кричала, пока, наконец, не открыли дверь.

– Кто тебя так разукрасил?

– Вот тут одна интелегона, – закричала она.

– Кто там?

Я встала:

– Я.

– За что?

– Я не могу повторить слова, которые она сказала. Пусть она повторит, за что я ее ударила.

С грохотом закрылись двери, охранники ушли. Авторитет мой поднялся в вагоне – драться умеет девка. Это то, что ценится там.

В этом вагоне не суждено мне было долго пребывать. Нас привезли в Баку, и вагон загнали в тупиковые железнодорожные сети недалеко от моря. Море было совсем рядом. Наш вагон был не один... Боже мой, сколько вагонов там стояло!

Что они делали с нами, одному Богу известно. Мы – абсолютно голодные. Раньше двух часов дня не успевают обслужить такое количество людей. В два часа мы получаем кусочек или чайную ложку сахара и паек хлеба – 450 грамм. Я сейчас больше 250 грамм не съедаю, но тогда, когда у тебя ничего больше нет, естественно, 450 грамм хлеба не хватает. Еще нам дают ржавой селедки. Самое страшное, что ее едят. А потом кругом раздаются крики: «Вода, вода». Кулаками, чем угодно бьют об стенки вагонов, сотрясается весь состав.

А я сразу поняла, что это есть нельзя. Куда я ее употребляла? Вши, клопы ели нас поедом. Мы покусаны все. Клопы – черт с ними. А вот вши... Я кому-нибудь даю свою селедку, и за это очищают от гнид и вшей мои волосы, рубашки, белье. Они за ночь переползают и опять их становится полно на одежде и в волосах...

Какое я сделала преступление в это время... Я каюсь, очень каюсь... Все-таки по своему развитию я стояла выше них, хотя была очень молодая... Я не должна была этого делать... Я продавала свои вещи: рынок в вагоне и покупатели есть (на что они рассчитывали, я не знаю). Красивая кофта, красивая юбка, платье, туфли, ботинки – все я продала, кроме демисезонного пальто. Я покупала хлеб, сахар, обменивала на них вещи. На моих глазах четыре женщины из Дагестана умерли. Почему женщины из Дагестана оказались в нашем вагоне? Умирают люди, и когда людей в вагоне остается мало, их объединяют: из двух вагонов делают один, из трех – один... Эти дагестанки покупали у меня мои платья, кофты, юбки. Они умерли, и их тела на моих глазах вытаскивала охрана... Какой ужас! Я закрыла лицо, когда увидела на них свои вещи, которые выменяла. Хлеб я съела, а они умерли с голоду. Ужас, какой ужас...

Наконец, даже в этом вагоне оказалось нас мало: вот там один сидит, вот там один. Опять соединяют...

Страшно все... Воду уже никто не мог носить. Просто как скот нас гнали на речку на водопой. Не разрешалось иметь и ни у кого не было посуды: ни стаканов, ни чашек, ни котелков. И поэтому мы залезали в воду, нагибались, руки ставили в речку и пили воду так, как это делают коровы или лошади...

Когда раньше нас, женщин, водили на водопой, там, вдоль этого состава, сидели на земле заключенные мужчины и с интересом смотрели на нас. Бывало кричали: «Эй, в синем пальто...» или еще что-то. А теперь их мало и нас мало... Они не только не кричат, они еле-еле волокут ноги до речки. Нагибаются, руками хватают камни, ложатся и только потом падают на эту воду.

Вот там-то я и встретила с этим армянинчиком, обокравшим меня. Кто-то кричит оттуда:

- Женья!
- Черт возьми, Арамчик, ты тоже здесь? За что попал?
- За новое дело

Господи! Залезаем (там есть окошечко), через окошечко видим, как двое мужчин (один держит за ноги, другой – за руки) несут труп и бросают в море. Вот море. На всем побережье трупы лежат, хоронить их негде, поэтому в море бросают и ни куда-то глубоко, а прямо у берега.

Если Советская власть не сделала никаких других преступлений, кроме этой эвакуации, я клянусь, они заслуживают жестокой кары как военные преступники. На моих глазах молодой врач, который пришел туда, кричал, возмущался, чуть в обморок не упал, видя как одевали смирительную рубашку на кого-то. На улицу выводят, скручивают руки, ноги, ломают кости... Со мной никто так не поступал, я и не нарушала ничего, не буянила, я – все-таки цивилизованный человек... Но пойми, когда человек попадает в условия крайней нужды, неимоверного голода, он может пойти на что угодно, вся его цивилизация слетает, он становится животным, он может очень многое сделать. А люди были поставлены именно в состояние крайней нужды и неимоверного голода...

Это страшно. Страшнее голодной смерти я ничего не видела. Лично я, к концу своего освобождения, была пухлая, кожа и кости на мне, ноги опухшие, как подушечки. Руки от локтей, ноги по колено, ягодицы – гнойные. Знаете, вспыхивает какой-то белый пузырь, потом лопается, сок идет, а там уже открытая язва. Это авитаминоз. Клянусь Богом, у меня грудей не стало совершенно, я была плоская как одиннадцатилетняя девчонка. А потом они снова выросли, ты мне поверишь. Я никогда в жизни это никому не рассказывала, но это произошло со мной... Я была очень голодная.

И вот уже декабрь наступил. Мы мерзнем. Правда, в Баку не было снега, такого холода не было.

Наконец, они решили перебросить нас через море в Среднюю Азию. Огромный корабль «Профинтерн». А как мы туда добирались до этого порта?! Боже мой, сколько людей умерло по дороге. На моих глазах заставляют мужчин тащить наших женщин, которые не могут идти, и своих мужчин. И тот, который несет, падает и тот, которого несут, падает – и умирают. Добрались мы, кто остался жив, все-таки до корабля.

Забили до нашего прихода нижнюю палубу полностью. Потом и нас погрузили: меня и тех, которые сошли со мной. Среди них только одна девочка осталась, которая с Владикавказа ехала со мной, остальные – кто умер, кого разбросали.

Вот где мы мучились. О, это что-то страшное... Правда, не было бурана, не было качки, удивительно тихо мы пересекли море, но Красноводск не принял нас. Там или бомбили, или что-то другое случилось (откуда мы знаем: кто-то так говорит, кто-то по другому говорит), факт тот, что мы остались на море. Воды пресной нет – кончилась, хлеба нет, есть нечего. Единственное, что давали, – это по селедке. Надо было видеть, когда приносят эту еду, что происходит... Два человека с колотушками, а третий держит корзину, где лежат эти пайки, – по 200 грамм селедки. Хлеба нет... Колотушкой по голове бьют с криком: «Назад, твою мать». Отгоняют и потом уже по одному выбирают, дают 200 грамм и проходят.

На мне было только одно пальто, под ним – только трусы, бюстгальтер, рубашка и одни туфли. Я все продала... Больше ничего у меня не было. Боже мой, вот так.

Потом начался мор. Тех, кто умирал, бросали в море, что-то тяжелое привязывали к ногам и бросали... Большое количество людей, особенно мужчин, бросили в море. Они умирали просто как мухи. Даже на этой палубе, где столько было людей, мы сдвигались ближе, чтобы теплее было ночью. Там группа, там группа, уже нет людей. Сколько тысяч умещалось, сколько людей было в этом «Профинтерне», я не знаю, но погибло очень много. Наконец, нас высадили.

Бедный Красноводск, где такие тюрьмы, чтобы такое количество людей можно было разместить? Это же не только наш корабль, и до нас туда шли корабли и после нас, и поэтому мы оказались на улице. В Средней Азии зимой мороза не бывает, но моросит. Моросит, и народ глину так размесил, что она чуть ли не до икр наступает. Мокрые, до нитки мокрые. Ходить не разрешается, в каждой группе по тридцать человек, потом – тут охрана, потом другая, потом третья и там охрана. Кошмар, темнота наступила. Команда: «Ложись». Куда лечь? Вот в это месиво?

Еще самое оскорбительное, самое страшное, что я там испытывала. Недалеко от того места, где по тридцать колоннами сидят заключенные, выкопали канавку. Через эту канавку переложили не доски, а бревна – вот это туалет. И мужчины и женщины ходят туда, на виду всей этой массы. А вы знаете, вот эти трое суток, что мы там стояли, я не пошла туда. А мы вот так окружали того, кому по-маленькому надо, и тут же нужду справляли малую. Там же месиво, вода, там и садимся. А туда я не пошла, не могла. И вот жар у меня, я что-то плохо себя чувствую.

Наконец нас определили в большой сарай, шестьсот человек загнали туда. Пол был цементный и там большой чан стоял в качестве туалета. Я даже обрадовалась, что, наконец, какие-то нормальные у нас условия. И там, что я увидела: в этом сарае в самом углу стояли вещи, а на них, укрытые голубыми, шелковыми одеялами в белых пододеяльниках, лежали люди – человек, наверное, тридцать. Это интеллигенция из Тбилиси. За что они арестованы – не знаю. Вот шалман по одну сторону, вот – они. Боже мой, как их грабили.

– **Что такое шалман?** – **Мирзоева Н.**

– Шалман – это рецидивистки, воры, убийцы, грабители или их соучастники, люди, уже неисправимые, испорченные всей своей жизнью.

Господи, сколько я пыталась защитить этих несчастных грузинок от рецидивисток! Как их били! Как только ночь наступает, там – крик, шум, ужас. Что они могли, эти больные, очень мирные женщины? Среди них было много и русских. Очень интеллигентные были. Господи, так мне было их жалко.

А у нас был свой куток. Здоровые самые, кто уцелел, двадцать пять девок – мы отгородились, одну общую лежанку сделали и вместе живем. Это называется куток. Мы готовы за себя постоять – только вот придите. Да, мы дрались, отбивались, такой отпор давали, что к нам они не шли. К ним шли – они не могли себя защитить. И мы не могли им помочь. Ночью ничего не видно. Подойдет к ним кто-нибудь из рецидивисток: «Если еще пикнешь, я так раскромсаю тебя,

что ни один инженер не соберет по чертежам, а ну-ка, давай выкладывай, что там у тебя есть». Разграбили их. Смотришь, уже там ни простыней, ни одеял, ничего нет. Что это? Это ужас. Одно дело – тебя наказали власти, лишив свободы, а другое – находиться среди этих заключенных в атмосфере насилия и вражды...

Внутри помещения человек шестьсот, постоянно стоит гул... Клянусь, когда нас снова посадили в эти телячьи вагоны, тоже очень плотно, просто я отдохнула. Сидели сорок человек в вагоне. Там нет ни полка, ничего, просто на полу сидим.

Привезли нас в Каттакурган (Узбекистан. – *А. М.*). В одну камеру поместили тридцать семь женщин. На одной стороне восемнадцать, на другой – девятнадцать человек лежим: ноги наши соприкасаются, головы повернуты к стене. Лежим плотно. Если кто-то повернется на левый бок, то все должны на левую сторону лечь, по другому не помещаемся. Там параша стоит – туалет наш. Надзиратель-поляк периодически заглядывает в глазок. Если кто стучит в дверь (кто-то спички, кто-то курить, кто-то еще что-то просит), он открывает ее. «Что хоти'шь?». «Еще что?» – спрашивает, закрывает дверь. И все. Хоть стучи, говори не говори. «Еще что?» – он открывает и это все, чтобы потом ее закрыть.

Обязательно в любой камере кто-то становится заводилой, атаманом. В этой толпе чтобы стать атаманом, много не надо. Но можешь ли уважать себя, став лидером такой группы? Вот когда хлеб приносят, эти атаманы первые получают его, дерутся за горбушку, у кого-то ее отбирают.

Я очень спокойно держалась: никогда не дежурила, никогда не брала этот хлеб. Но знаю, что мне положено, палец в рот не клади. Дают мне мою пайку: горбушку или середку – мне все равно. Мне должны чашку воды дать, это тоже я знаю. Мне дадут кусочек или два сахара, я это знаю. Я свой сахар сразу в воду кладу, свой кусочек хлеба – 350 грамм – сразу в воду крошу и съедаю за раз. У меня ничего не украдешь – у меня нечего красть. Я паек свой весь съела и спокойно сижу. Днем никто не имеет права лечь. Собираем свои шмотки (вещи. – *А. М.*) и сидим. Я свое пальто заворачиваю и сижу на нем. Днем оно – сиденье, а на ночь кладу, и оно – матрас.

О, Господи! Мне казалось, что я вечно сидела... Меня арестовали 1 октября 1942 года, когда была эта бомбежка в Орджоникидзе. Освободили 30 апреля 1943 года.

Я сейчас тебе расскажу, как меня освободили. В тюрьму прибыла группа следователей. Откуда-то прислали их, чтобы вести следствие по тем заключенным, которые остались в живых. Помнишь, я говорила, что восемнадцать и девятнадцать человек – всего тридцать семь человек сидело нас в камере. Когда прибыли следователи, нас оставалось всего шестеро. Все остальные умерли. Вот из этих шестерых человек меня вызвали на следствие. Не знаю, жив ли тот, кто тогда вел мое следствие. Я рассказала полностью дурацкий «роман» с этим Кайтуковым и то, что я не немка, что я родилась в кабардинском селе, что меня оговорили, в общем, всю правду рассказала. Они вынесли какое-то постановление, но мне не сказали какое.

Во время этого следствия был медицинский осмотр. Меня повели на осмотр к врачу.

– **Тогда вы были опухшая, тетя Женя? – Мирзоева Н.**

– Да, опухшая и вот такая гнойная. Он это все увидел, приказал, чтобы хотя бы санацию [33] провели. Как я потом узнала, это был главный тюремный врач. Очень интеллигентный на вид. И жена, и он – коллеги. Я не знаю, кто они: то ли обрусевшие евреи, то ли обрусевшие немцы. Очень заинтересовался мной, может быть потому, что там не было образованных, а я к этому времени училась и на юриста, и на историка... Он сказал: «Рассказывайте», – и я ему стала рассказывать, как моя жизнь сложилась. Я не знаю, имел ли он право так долго меня держать, но, по крайней мере, людей заводили и выводили, я же оставалась и все рассказывала. И он меня спросил:

– Что делать с Вами? Я могу сейчас определить Вас в трудовую бригаду в Сталинград на восстановительные работы, могу отправить Вас на фронт.

– Не надо на восстановительные работы, отправьте меня на фронт.

Он долго думал и спросил:

– Почему Вы хотите на фронт?

– У меня сестра на фронте, я тоже хочу. Хотя я никакого преступления не совершала и искупить-то нечего, но я думаю, что если погибну там или даже жива останусь, лучше люди будут смотреть на меня. И происхождение у меня такое и еще вот этот поклеп... После того, как я здесь просидела, не знаю, кем могу быть дальше...

Он ничего не сказал, меня увели.

Потом в одно утро меня вызвали, поставили возле дувала. Такой теплый, солнечный день был. Через несколько минут подвели ко мне и поставили рядом кабардинца. Абсолютно пухлое лицо у него, руки, ноги. Он сказал: «Ничего я не сделал, меня арестовали». Стоим, разговариваем. «Налоева», – позвали, я пошла. Завели к начальнику тюрьмы. Небольшого роста, русский. Два-три раза я была до этого у него, жаловалась на условия. Я говорила: «Скажите, пожалуйста, кто имеет право так бесчеловечно обращаться с нами? Я понимаю, что Вы наняты, но Вы тоже должны понимать, что мы – люди, что гибнут люди. Сколько тысяч людей на моих глазах погибло! За что? А ведь они не осуждены, их вина не доказана». Он долго говорил со мной о марксизме, ленинизме, целях наших. Я: «Как можно построить коммунизм таким путем?». Он: «Тихо, тихо». Я: «Что, статью пришьете? Я теперь боюсь, что становлюсь против власти, потому что ваша тюрьма не исправляет, а, наоборот, ожесточает». Вот так я качала там права. И вот его кабинет: шторы появились. Я вошла. Шторы он убирает. Посмотрело на меня вроде лицо его, а форма (ну откуда я знаю?) показалась мне немецкой. «А-а-а», – я закричала, дернула, шторы сорвала и убежала. Пришли, я подумала, немцы в Среднюю Азию, оккупировали Каттакурган, и чтобы не разговаривать с этим немцем, убежала. Вы видите идеологию мою, немку, которую посадили? Черт возьми, я немца испугалась и убежала. Ой, я не знала, что я еще в состоянии бежать... Догнали меня, поймали. Я дерусь, ногами бью. Меня уговаривают, что это не немец, что это он – начальник тюрьмы (фамилию сейчас забыла). Объясняют, что новую форму ввели, погоны и прочее.

Я – бедная... Меня затащили к нему: он стоит, хохочет. Ему понравилось, что я испугалась его. У меня руки тряслись, я не могла говорить с ним.

– Я Вас освобождаю.

– Что? Как Вы меня освобождаете?

– Не доказана Ваша вина.

...Господи! Сколько я плакала в этот день! Даже когда арестовали, не плакала... А тут я рыдала от обиды, от униженной чести, от поруганного достоинства, от того, что загублена молодость, и уже не знаю, на кого я похожа...

Провели к проходной, дали денег (не помню сколько, по-моему, двенадцать с чем-то рублей) и сказали: «Вы получите по большой рыбе и буханке хлеба, а сейчас можете идти свободно, куда хотите». И его и меня освободили. Мы, кабардинец и кабардинка (он намного старше меня), идем по улице, спрашиваем, где базар. Пришли на базар. Я ему говорю, вот мои деньги, куплю, все съем, и он тоже так говорит. Бедненький... Он съел шашлык... Умер там, на моих глазах... Мучился, наверное, минут сорок... А я купила банку кислого молока, выдула всю и тоже упала. Окружили нас – этого покойника и меня, потащили к дувалу, спрашивают, кто мы, что мы. Я говорю: «Я не знаю даже его фамилию, но и я, и он – кабардинцы. Нас отпустили, мы пришли покушать. Вот так случилось... Мне тоже плохо... Я не могу...». В это время подъехала арба, запряженная волами. И оттуда вылезли трое мужчин кавказской национальности, как теперь говорят. Аварцы оказались, три брата. Оказывается, один из них услышал, что я называла себя кабардинкой. Он тут же поспешил домой, рассказал об этом братьям. И они приехали за мной: раз кабардинка с Кавказа оказалась в таком бедственном положении, надо ее взять домой к себе, откачать, откормить. В эту минуту я поняла, что народы Северного Кавказа что-то объединяет, что их традиции весьма отличаются от традиций других народов. Я очень их благодарила. Я спросила:

– У вас семья есть?

Они поняли это так красиво. Все трое ответили:

– Конечно, конечно, конечно. Хотите, мы привезем своих хозяек, они вас ждут.

Это было очень трогательно! Только на Кавказе люди могут так поступать. Я говорю:

– Я должна вернуться в тюрьму, мне должны дать хлеба – буханку хлеба и рыбу большую. Я еще не получила свои документы, у меня нет паспорта, у меня нет бумаги, что я освобождена. Вы можете на этой арбе отвезти меня к тюрьме? Я не знаю, где находится эта тюрьма. Это все получим...

Я бы, наверное, уехала с ними, но тут приехали представители власти этого маленького городка, забрали покойника.

Я очень была расстроена. Но что я могла сделать с этим покойником? Я даже не знала фамилии его. До сих пор у меня осталось чувство вины перед ним: я обязана была хотя бы запомнить его имя, отчество, фамилию, с какого села, чтобы потом сообщить родственникам.

Но я тогда не знала, что вернусь в Кабарду, что такое может случиться: я тогда даже слово «Кабарда» боялась.

Жизнь в семье тюремного доктора в городе Каттакурган после освобождения

В это время подъехала одноконка. К моему удивлению, спрыгнул с нее тюремный врач. С другой стороны с телеги сошла чуть полноватая женщина, мне совсем незнакомая, добрая-добрая, простая, почти наивная.

Он «разбросал» народ, который там образовал уже довольно большой круг. Подошел, сразу спросил:

– Как себя чувствуешь? Ты меня узнаешь?

– Да.

– Это моя супруга. Мария Федоровна! – позвал он ее.

Она подошла так мягко, погладила меня по голове. Он сразу поднял меня, положил в дроги (там матрасик лежал, эти дроги были готовы, чтобы меня везти) и даже не спросил, хочу я этого или не хочу. Публика тоже опешила. Он увез меня.

Привез меня во двор. Ворота открыли, въехали. Там – дом, в котором проживает этот тюремный врач. Видно, что это тоже бывшее кулацкое сооружение. Завели меня туда. На европейский лад перестроены внутренность, интерьер этого дома, но все-таки чувствуется, что это азиатское сооружение. В одной из комнат вывешен ковер на стене и мягкий диван стоит. Там меня положили. Мне было так стыдно, я забыла, как ее зовут:

– Тетенька, не кладите меня тут... я вся в гное, не надо...

– Ничего, ничего.

Сразу подогрели ванну. Она меня выкупала, промыла все раны, присыпки какие-то сделала, белоснежную постель застелила и меня положила туда. ...Я чувствовала уважение к себе, думала, чем я заслужила это, почему она так ухаживает за мной, мне было стыдно, но я так расслабла после ванны... Наверное, я уснула.

Я проснулась от шушуканья мужа и жены.

– Ласточка моя, ты проснулась!

Это слово, ой, как поразило меня! Я заплакала. Я плачу. Он говорит:

– Теперь все – из когтей мы вырвали тебя. Вот твой паспорт, вот документы о твоём освобождении, причем, я пошел туда... Ты была в списках, ты же успела сказать, что на фронт хочешь... И туда и на восстановительные работы Сталинграда тебя не пошлют. Ты останешься у меня.

Эти новости я восприняла не очень радостно, как-то без этого было слишком много радости в этом доме. Большой бурдюк, наполненный кишмишем, поставил около меня: «Бери, ешь, здесь много витаминов». И здесь же мед, сметана...

Как они вкусно готовили! Обед был у них всегда в одно и то же время (вот почему я думаю, что они были немецкого происхождения). Серебряный половник. Первое – всем по половнику. Ничего лишнего она не делает – на троих стоговила и все. А если позвонили и сказали, что сестра едет (к ним часто приезжала с красивой своей дочкой родная младшая сестра Марии Федоровны – очень мягкая добрая женщина) тогда она еще готовит. Лишнего нет – ровно столько, сколько положено. В тарелке ничего нельзя оставлять, все

надо доесть – вот к этому порядку меня приучили. И первое, и второе, и третье, и что-то легкое на десерт они подают. Завтракаем без него: мы еще спим, когда он уходит. Ужин тоже очень торжественно проходит.

Удивительно спокойная семья. У меня было такое впечатление, что они никогда в жизни не ссорились, что никогда у них не было проблем несовместимости.

Он работал в двух-трех местах: врачом в тюремной больнице, военном гарнизоне, был также председателем комиссии по определению годности к военной службе. Наверное, зарплата у него была большая. Пусть Бог меня простит, но мне казалось, что он кое-кому помогал освобождаться от воинской службы – слишком богато они жили. Привозили им с утра готовых, уже освеженных баранов и другие продукты. А сколько фруктов, сколько овощей он приносил – чудесно!

В общем, довольно-таки быстро они поставили меня на ноги.

Мария Федоровна готовит обед, ходит на рынок или привозит что-то, стирает, за мной ухаживает. А помещение такое запыленное – там, в Средней Азии пыли же много. Я решила прибраться в доме и начала уборку с их спальни. Она прибежала:

– Ласточка моя, ты убираешь, да? Тебе не больно?

– Нет, я хочу что-то делать.

Я влажной тряпочкой вытерла все, даже ковры – тогда пылесосов не было, вычистила, как смогла, поправила, переставила все по-своему. Она зашла: «Ай, как красиво стало в моей спальне», обнимает, целует меня. Он только зашел, сразу спрашивает: «Где моя Женя, где моя дочка?». «А она знаешь, что сегодня сделала?» – уже докладывает Мария Федоровна. И тут при муже в зале я убрала, потом – в гостиной комнате, в бильярдной, правда, заброшенной, а потом в комнатке, где я спала, – везде я убрала. Новые занавеси мы повесили (они у нее были), а эти в стирку сдали.

И вот после этого она, да и он четко выражено называют меня дочкой. Правда, я не реагировала на это так остро. Очень меня полюбили и сестра, и племянница Марии Федоровны – когда они приезжали, они меня так обнимали, целовали, что я даже стеснялась...

Однажды за обедом он говорит: «Я хочу завтра взять тебя с собой на работу». На следующее утро меня рано подняли. Мы позавтракали вместе и пошли к нему на работу. По дороге он мне говорит: «Хочешь стать врачом? Много тебе даст твое историческое образование! Это же политическая наука. Теперь, после того всего, что с тобой было, может быть ты подумаешь, а? Будешь врачом? У тебя всегда хлеб будет». Я не отвечала и даже серьезно не обсуждала, а шла с ним, просто поддерживая разговор.

Мы пришли в какое-то место – наверное, это тюремная больница была. Одноэтажное здание, приземистые сооружения, большой сад. Я такого большого сада не видела даже в Средней Азии: очень высокие деревья, зелень, уйма цветов. Я их давно не видела и спросила у него разрешение собрать цветы. Он говорит: «Давай, давай, делай букет».

Он меня не повел туда, где корпуса: там – заграждение. Мы пошли по тропинке к другому зданию – маленькому домику в самом углу сада. Я иду вместе с ним, срываю цветы и так по диагонали пересекаем весь сад и подходим к этому домику. Оказывается (я же этого не знала!), это морг. Там стоит машина и идет погрузка трупов. У меня волосы дыбом встали. Понимаешь, слишком много я насмотрелась трупов за время своего заключения... Я часто задавала себе вопрос, когда уносили тех, кто умирал: «Что делают с ними?» Вот теперь передо мной эта картина: маленькая прихожая, штабелями в два ряда друг на друге слева и справа лежат трупы. Можно представить, сколько умирает, если со вчерашнего дня столько же уже вынесли... Двое здоровенных молодых мужчин в больших резиновых сапогах, фартуках и огромных рукавицах берут трупы за ноги и руки и кидают в машину. Я опешила. Я обалдела. Он зашел в помещение, а я осталась стоять: не могу идти дальше, так как они выносят трупы. Мне ничего другого не остаётся, кроме как смотреть, как они работают... Господи, я увидела труп женщины. Когда эту женщину приподняли, она пополам разорвалась в поясице. А-а-а-й, какой-то сок вытек оттуда и маленькая головка, наверное, это еще не совсем зрелый плод был, упала. Я была потрясена.

– **Ребенок был в утробе? – Мирзоева Н.**

– Наверное... «Давай, давай, заходи», – он оттуда кричит мне. Ты знаешь, сок вытек из этих людей и струйками идет, и я на цыпочках, чтоб не наступить, как пьяная, все-таки зашла в это помещение.

Там лежат свежие трупы, которые он должен обследовать, анатомический анализ которых должен сделать и описать; стоит стол-кушетка, на котором лежит очередной покойник. На всех этих покойниках к груди гвоздем (!) прибита маленькая прямоугольная дощечка. На ней – четко и коротко статистические данные: имя, отчество, фамилия, год рождения, национальность, статья, срок, дата смерти.

То, что я увидела, меня потрясло. Я не представляла эту сторону деятельности врача. Он взял скальпель, разрезал покойника:

– Женька, иди сюда. Посмотри, что тут делается – у него двухстороннее воспаление легких...

Дальше я не помню ничего. Он, наверное, вынес меня на воздух, потому что, когда я пришла в себя, лежала на зеленой холодной траве в саду, а он на корточках сидел около меня.

– Я – круглый дурак, – сказал он, – я – круглый дурак. Зачем я тебя привел сюда, зачем? Что теперь скажет Мария Федоровна? Она убьет меня.

Я стала его успокаивать:

– Мне хорошо сейчас.

Он меня расцеловал в лоб, нос, щеки:

– Умоляю, умоляю, прости меня! Я сейчас организую, и тебя отвезут домой.

Никогда в жизни я тебя больше туда не возьму.

Вот на этом врачебное мое обучение закончилось.

Вскоре после этого за обедом он начал очень серьезный разговор. Разговор, вернее, начала я. Я сказала, обращаясь, скорее всего, не к Марии Федоровне, а к нему:

– Я слишком злоупотребляю вашей добротой. Я никогда в жизни не забуду вас, я вас очень люблю, я буду чтить вас, пока во мне сердце будет биться. То, что вы сделали для меня... Наверное, даже мать больше не смогла бы сделать. А теперь, когда вы меня уже поставили на ноги, надо мне и честь знать. Я – взрослый человек. У меня есть план: раз я уже не могу попасть на фронт, поеду на восстановительные работы.

Он мне сказал:

– Как я мог вас включить в число тех, кто должен был ехать в эти штрафные батальоны? Вы были просто истощены, вы непригодны были, я как врач не имел права этого делать. Те, которые были в состоянии ехать на восстановительные работы, они уехали. Вы отстали. Вы закреплены за мной. За вами ничего нет.

– Я поеду... я поеду в Сталинград.

Я знаю, что Кавказ – прифронтовая полоса, и туда в военное время мне пропуск не дадут. Я очень зависима от того, что он сделает для меня.

– Я не дам вам ехать в Сталинград. Это – не праздник. Вам это не под силу. И ваше образование, и ваше воспитание, и то, что вы пережили, – все псу под хвост: вы пропадете. А я хочу, чтобы вы остались. Поэтому я хочу вас удочерить. Поймите меня, я вас люблю как родную дочь. У вас нет отца – я заменю вам его.

Тут заголосила Мария Федоровна, подошла ко мне, обняла меня крепко:

– Будь моей дочкой.

Я плакала – мне так тяжело было им отказать. Они тоже плакали...

Я до сих пор (эта проблема еще для меня не решена) то упрекаю, то оправдываю себя за решение, принятое тогда...

Понимаешь, передо мной стояли отец с матерью, и моя маленькая Кабарда, которая убила, угробила нас, нашу семью. Я не знаю, как объяснить эту этническую привязанность, эту любовь к маленькой родине, к которой ты – как бирка к мешку. Я не могу объяснить это тем более, что покинула эту Кабарду ребенком лет десяти с таким горем, с таким ужасом... Я должна была презирать ее, ненавидеть, а у меня вот такая привязанность. Я вижу Кабарду, вижу Урух, вижу камни большие там, родных, которых я помню, дядю, другого дядю, тетю (их уже нет в живых, а я все думаю, они живы). В какие-то доли секунды это все пронеслось у меня в голове. Я представила загробную жизнь: они все там, я тоже умерла и пришла... как изменница. «Изменница, изменница, изменница», – у меня в ушах звучит. Я думаю: «Как можно, как можно все это изменить, и папой, мамой называть их? Но ведь они спасли мне жизнь! Я обязана им этой дурацкой своей ничтожной жизнью... Как могу я им отказать, как в глаза им посмотреть?»

Ты меня понимаешь, а? Такая проблема, такая дилемма: и так плохо, и так плохо.

Я не знала, что делать. Я встала, крепко обняла Марию Федоровну, а потом потащила ее к нему. Он поднялся. Я обоих обняла с силой:

– Бога ради! Ради Аллаха!

Они шарахнулись: атеисты или другая вера у них, христиане они или кто, я не знала.

– Ради Аллаха, поймите меня. Все-таки я – меченая. Не такая образованная моя мать, но это моя мать, я не могу другую женщину назвать мамой. Не могу. Вы верите мне? Отец! Как я любила его! Он, наверное, жив... где-то в лагерях отбывает срок. Может, он также мучается, как я во время ареста... И теперь я изменю ему?!

Ой, ты знаешь, он заголосил (я никогда этого не забуду) ...Мария Федоровна стояла, плакала. Я тоже плакала.

Он взял меня за плечи, погладил, поцеловал в обе щеки, уши, нос (им казалось, что я – еще ребенок), посадил в кресло и сказал:

– Умнее, благороднее тебя я еще никого не видел. Живи, сколько хочешь, у нас. Покинь, когда ты захочешь, а я выхлопочу тебе право на возвращение.

И это он сделал. Какой он был благородный!

Директор института каракулеводства в городе... Это не Каттакурган, где мы, где тюрьма была, это областной город в Узбекистане (Самарканд, Самаркандская область. – А. М.). Он был осетин с Южной Осетии, из Грузии. Врач ему рассказал обо мне – что именно не знаю. Он повез меня к нему в институт, познакомил с ним. Очень представительный мужчина вышел из-за стола, поздоровался с нами и сказал: «Я считаю своим долгом помочь вам вернуться на родину по просьбе уважаемого всеми врача. Его привязанность к вам вынуждает меня помочь вам. Мы же все-таки с Кавказа...». Он оказал мне также денежную помощь и сказал, что добьется через свои каналы пропуска мне на Кавказ.

Не знаю, правильно я сделала или неправильно... Очень больно мне было оставлять их. Но я покинула их.

Я жила у них не месяц, не два... Около шести-семи месяцев я жила у них. За это время я выросла. Я тебе уже говорила, что когда они меня забрали, я была похожа на девчонку одиннадцати лет: у меня не было груди уже. А тут все сформировалось вновь. Я, ты знаешь, такая здоровая, упругая стала: каждый день занималась гимнастикой, воду ведрами таскала. В общем, никогда нельзя было подумать, что совсем недавно я была истощенная, умирающая.

Оба они меня провожали. Они меня одели, обули, продукты и подарки на дорогу... Поехали в этот город областной, оттуда – на поезде. Сколько внимания было!

– Ласточка наша! Ласточка наша! Пиши, приезжай! Если найдешь своих родственников, опиши нам все...

В общем, рассталась я с ними со слезами. И они плакали, и я плакала...

Возвращение в город Орджоникидзе. Поиски работы

Так я прибыла в Красноводск. На этот раз корабль не в Баку меня доставил, откуда я попала туда, а в Дагестан. Очень много народу. В неделю раз идет корабль на Махачкалу, и поэтому группами сидят люди. У меня нет много вещей. Я их просто положила, а сама расхаживаю. Вдруг слышу кабардинскую речь.

Я приостановилась, как будто клею меня приклеили к этой группе. Очень близко, близко, все ближе, боком, боком, вот прямо встала и слушаю. Начала улавливать разговор. Здесь сидят партийные работники среднего звена, которые были эвакуированы в Среднюю Азию. Теперь они накупили кое-что и едут обратно в Кабарду. Очень не понравились они мне. Мне стало стыдно за них: по возрасту некоторые из них может уже и не были пригодны к военной службе, но, во всяком случае, не заниматься же спекуляцией, черт возьми, когда страна в таком положении. Разочаровалась я в этой группе людей. Почему-то мне показалось, что все коммунисты среднего звена такие. Презрение. Я ни одного слова не уронила и не подала виду, что понимаю, о чем они говорят. Очень многое усекла, причем установила, что кабардинцев там – три разные группы. Кроме коммунистов среднего звена, есть специально спекулирующие и те, которые были в заключении, освободившиеся и едущие теперь домой. Между этими подгруппами нет связи. Это среднее звено (давай будем их так называть) говорит с презрением о тех, которые отсидели: «Лажэ зимылэ ямыгъэттыс. Их кхъытэ! Зыкьашэхужу кыкыжауэ араш» (Без вины никого не сажают. Да ну их! Откупились и вышли на свободу), «Уэлэхы сымышцэ, ауэ дзыхь яхуэпщI мыхъуну» (Клянусь, не знаю, но доверять им нельзя). Вот такая обстановка. Я остановилась у одной группы, другой, третьей... Среди них не было ни образованных, ни интересных – в общем, личностей не было. Не понравились они мне, и все равно я стою около них. Объясню почему. Их разговоры, особенно этих освободившихся, о своих семьях, их переживания за родных – живы они или нет, как они после оккупации – оказались созвучны моим переживаниям.

Этих освободившихся было, наверное, пятеро. У них тоже были какие-то тюки. И, не знаю почему, я открылась им. Они удивились, но большой теплоты ко мне не проявили. Они – с Большой Кабарды, а я – со Старого Уруха. Малая Кабарда для них вообще не Кабарда, так что особой привязанности у нас не возникло.

– **Старый Урух – это же тоже Большая Кабарда? – Мирзоева Н.**

– Нет, они считают, что это Средняя Кабарда. В общем, как бы там ни было, они уже знают, что я – кабардинка. А эти коммунисты совершенно враждебно отнеслись ко мне, и у нас не завязалось разговора. Так сидим сутки, вторые, третьи. Я кушаю отдельно, они тоже. Я свои вещи могу около них оставить и отойти, они мне могут поручить свои, отойти.

В это время я познакомилась с группой парней моих лет, которые едут на фронт. Они – такие простые, такие наивные, не очень образованные, но просто ключом бьет из них человеческое тепло. Они, знаешь, такие оптимисты, они уверены: поедут, угробят фашистов и возвратятся обратно с победой. Авантюрное что-то у них есть.

– **А они кто по национальности? – Мирзоева Н.**

– Русские, нерусские, но все русскоязычные. Там, в Средней Азии, был набор, и вот они едут в Северо-Кавказский военный округ. Девять десятых из них – командиры взвода, отделения, так назначены. Очень подружилась я с

этой группой. Ласково я смотрю на них, «здравствуйте», и по имени каждого из них зову.

Наконец, объявили продажу билетов, и корабль уже в порту. Много людей, очередь на руках написана. Очередь огромная, это что-то ужасное. Эти мальчики купили мне билет, а им самим не надо покупать, у них список, какая-то бумажка, они написали одиннадцать человек, в том числе и я, вместе с ними. Ай, я такая счастливая, просто даже не верю.

Началась посадка: узкий проход, там трюм и садишься в корабль. Вдруг задерживают, задерживают одного из тех, которые освободились и едут домой.

– Это чьи вещи, чьи вещи, чьи это вещи?

Он не говорит им, что его. А мне говорит по-кабардински:

– Сысейщ жыІэ. КхьыІэ жыІэ. Алыхьым хьэтыр иІэм жыІэ! (Скажи, что твои. Умоляю, скажи, что твои. Ради Аллаха скажи!)

Я сразу сказала: «Это мои вещи» и обратилась к мальчикам: «Ребята, берите». Четыре его тюка мальчики взяли. Я думала, что раз я сказала, что эти вещи – мои, то его отпустят сразу. Но его увели с двумя тюками, а четыре тюка мне положили.

– **Как вы не побоялись, тетя Женя? – Мирзоева Н.**

– Не знаю... Не знаю. Я даже не подумала об этом. Когда он по-кабардински «Ради Аллаха» попросил, я сказала так, как сказала. Его увели, и он не вернулся. А свой адрес он мне дал до этого, адрес его у меня был. Из Баксана он.

– Сэ кьэзгьэзэжынуц (Я вернусь), – он мне сказал. – Си адресыр зыщумьгьэгьупщэ (Не забудь мой адрес). Алыхьым и хьэтыркІэ, яхуэтх! (Ради Аллаха, напиши им!)

Он, наверное, знал, что меня отпустят. Как меня не забрали, это одному Богу известно! И эти коммунисты не указали ни на кого, они, бедные, были рады, что их не трогают, у них же тоже тюки. И вот я села на верхней палубе с этими ребятами. Так мы прибыли в Махачкалу. Там мы сели в поезд и приехали в Орджоникидзе. Они могли проехать Орджоникидзе, так как имели пунктом назначения город Беслан. Ты можешь себе представить: эти мальчишки сошли с поезда, довели меня до города, отнесли эти вещи домой, ко мне во двор, положили. Мать их не отпустила. Там такой праздник устроили, покормили их. И ты знаешь, так они объелись, бедненькие, что уснули (мы им постелили ковер во дворе) и опоздали в этот день. В общем, утром мы их всех проводили, а тюки остались. Мама с Нафо думали, что тюки принадлежат мальчикам. И мать спрашивает меня: «Сыт мыр зи҃ысыр?» (Что это такое?). И я маме рассказала об этом человеке и о том, что его адрес есть у меня. Я решила посмотреть содержимое. Один тюк был исключительно из кусков стирального мыла. В другом тюке мы увидели ткани. Мать сказала: «Закреть, закрыть» и не дала посмотреть другие. Да и боялись мы. Что мы сделали? Боже мой, сколько дней мы копали яму в нашем подвале! Камни там, земля плохая... Выкопали, солому подстелили, положили тюки, еще соломой накрыли, сверху поставили всякое мамино барахло и ждем его. Он, наверное, забыл мой адрес, не появился. Тогда я написала письмо в Баксан. Не было ответа. На второе письмо тоже не

было ответа. Третье я, наверное, написала уже в самом конце войны. Приехал он. Господи, Боже мой, я его не узнала. Столько времени прошло, я его не так хорошо рассмотрела там. Я смущенно смотрю, спрашиваю:

– Вам кого надо?

– Уэлахьи, сэ укьэсцыхужам, сыкьэпцыхужыркьэ? (Улахи, я тебя узнал, а ты меня не узнаешь?)

Потом он признался: «Я подумал, что ты делаешь вид, что не узнаешь меня».

– А-а-а! – воскликнула я, узнав его и позвала маму (Нафо была на работе).

Я, знаешь, с каким страхом откопала эти вещи. Ночью опять копали, чтобы никто не видел, затащили все это.

Он, когда увидел, спросил:

– Тхэ зыгуэркэ фыхэмыэбарэ мыбы? (Почему хоть что-то вы не взяли отсюда?)

– Ана, абы уеусэ хьурэ? Мыр ди дейкьым, уеуещ. Анэмэту кьуатар гьейрэт пцыхьурэ? Алыхьым жимыэккэ. (Разве можно это трогать? Это – не наше, это твое. Доверенное тебе на сохранение (аманат) разве можно использовать? Упаси Господь!), – мама моя сказала.

– У вас сколько стоит мыло? Хотя бы три-четыре куска взяли бы постирать, – он говорит.

А мы все это время мыло покупали. Правда, он много мыла нам оставил, много подарков каких-то (надо нам – не надо) отвалил. Мы кричали: «Все, нам столько не надо». Дроги он подогнал, положил все, уехал, и больше я его не видела.

– **А этот Кайтуков, что с ним случилось? – Мирзоева Н.**

– Кайтуков. Мне плевать, что с ним случилось. Он меня в могилу загнал. Я вылезла, вернулась. Я очень гордая вернулась. Я же должна идти в КГБ – я пошла в КГБ. У меня документ – мой старый паспорт мне вернули. А в нем написано, что за отсутствием состава преступления я освобождена из мест заключения. Меня должны восстановить на работу. Но последним местом моей работы была работа на дзотах, куда я была мобилизована. Мне же должны дать другую работу, я же все-таки человек образованный. В КГБ мне сказали: «К Вам у нас претензий нет, все нормально». Я говорю: «У меня зато есть претензии. Вы меня посадили. Вы меня угробили, а теперь что я буду делать?».

Начинается мое хождение по мукам. Нафо бедная, мама – они так принарядили меня, чтобы только следов не было того, что я пережила. Наряженная, такая, знаете, нафуфыренная прихожу – ни на какую работу меня не берут. Я достаю эту бумажечку, честно говорю, что, вот, я освобождена за отсутствием состава преступления. Они не знают, что такое «за отсутствием состава преступления». Никуда не берут. Дело дошло до того, что я уборщицей просилась в учреждение, а меня не брали. Это было удивительно. Вот тогда я и вспомнила, что когда-то поддельвала документы. Я думаю, что надо что-то делать: убрала бумажечку «об освобождении за отсутствием состава преступления в ее действиях», теперь более скромно одетая являюсь и предлагаю свой труд. У меня уже трудовая книжка: я купила чистую, написала что-то, подделала всякие печати, вроде работала до этого где-то нормально. Теперь, каждый че-

ловец должен заполнять анкету, а в анкете, черт возьми, с прапрадеда надо было начинать. Поскольку у меня вранье все – я один раз заполнила такую анкету, а копию ее ношу с собой, чтобы не запутаться.

Удивительно, куда только я не устраивалась на работу! Прежде всего я устроилась директором детской библиотеки в городе Дзауджикау. Мне не нравилась эта работа, но для меня любая работа была очень важна. А по натуре я – службистка, какую бы работу я ни выполняла, я делаю ее хорошо, как только могу. И вот эта работа в детской библиотеке так затянула меня, просто невозможно. У меня штат – две библиотекари, уборщица и я.

Почему я ушла оттуда? Меня вытурили. Кто-то донес, что я сидела по политической статье, в наркомпросе (народный комиссариат просвещения. – А. М.) это проверили, меня вызвали в гороно (городской отдел народного образования. – А. М.) и уволили как непригодную к этой работе.

Я усиленно продолжила поиски работы. Узнала, что не хватает лекторов в лекторской группе горкома партии ВКП(б). Это называлось парткабинет, и в этом кабинете лекторская группа была. Я обратилась туда, и меня как историка взяли. Я читала лекции: тему мне давали, иногда даже разработанную, готовую, но я обязательно туда что-нибудь добавляла, обновляла и вот так работала. Очень даже часто просили, чтобы из историков, которые обслуживали этот парткабинет, в качестве лектора прислали меня. Директором парткабинета был небольшого роста мужчина, я уже не помню его фамилию. Он считал себя очень честным, непревзойденным коммунистом, но по национальному вопросу был просто-напросто шовинист. Он – казак и ненавидел кавказцев. Но так как у меня светлые волосы, а он – новый директор, пришел после меня, может быть, принял меня за русскую. Хорошее у него было отношение ко мне. Собственно говоря, он мне не мешал, я ему тоже не мешала. И я уже там работала, наверное, месяцев четыре, не больше (я долго не удерживалась на одном месте), как на мою беду в парткабинет пришел кабардинец по фамилии Кушхов. Кто он, почему жил в Орджоникидзе, чем занимался, я не знаю. Он пришел, поздоровался и говорит: «Мне сказали, что Вы – кабардинка». Я сначала испугалась очень, но после того, как он сказал, что здесь живет с женой, с семьей, работает, начали мы потихоньку разговаривать с ним. И вот мы сидим, разговариваем на кабардинском языке, появляется этот директор парткабинета. У него – свой кабинет, у меня – свой. Дверь открыта и он слышит, что я разговариваю смешанно – по-русски, по-кабардински. Он сделал замечание мне буквально через пять минут. Вышел и прямо сказал:

– Почему вы здесь на птичьем языке разговариваете?

Очень оскорбилась я:

– Что значит «на птичьем языке»? Почему Вы считаете, что я говорю на птичьем языке, а не на человеческом?

– Здесь должны говорить только по-русски.

– А почему только по-русски? А если бы я стала по-осетински разговаривать?

– Это другой вопрос, но здесь Вы должны по-русски говорить.

– В таком случае я ни одного часа работать здесь не буду.

– Ну и не надо, – сказал он и убежал.

Не знаю, что он кому сказал, но сразу вызвали меня в горком партии. Я пришла, они уже все знают. Второй секретарь горкома партии – женщина очень интеллигентная, очень красивая – спрашивает:

– За что Вы сидели, почему Вы скрыли?

– А почему бы мне не скрывать? Вы бы меня приняли на работу, если бы я сказала, что сидела по политической статье?

Она на это не отвечает, а спрашивает:

– Почему Вы обманули нас?

– Я тоже задаю вопрос. Не отвечайте мне на мой вопрос вопросом.

– Нет, я отвечу только вопросом! – переходит она на крик.

– Можно ли жить в Советском Союзе, не работая? У меня нет средств: я не торгую, не ворую, у меня нет никаких источников дохода. Я должна работать где-то. Я предложила свои услуги. Что я сделала плохого? Объясните, где я неправильно прочла лекцию, где какая жалоба?

– Есть жалоба, – говорит. – Ваш непосредственный начальник говорит, что Вы разговариваете на непонятном для него языке в рабочее время.

– Простите, мое рабочее время – это тогда, когда я читаю лекцию. А тут я готовиться к лекции пришла. Там же не было публики. Что тут такого?

– Не надо, – говорит, – переводить стрелки на свой лад. Часы идут по-советски, и Советская власть не на Вашей стороне. Вы сами же знаете, какого Вы происхождения. Вы – классовый враг. Когда представитель классового врага устраивается на работу и не скрывает, кто он, – это одно дело, а когда скрывает и поступает, как это сделали Вы, мы подозреваем, что с какой-то целью Вы пришли в парткабинет.

Ну, короче говоря, они потребовали трудовую книжку. Я не помню, дала я или нет, записали там, не записали – я могла таких трудовых книжек сделать сто штук в то время. Поэтому я думаю: «Да ладно, наплевать». Знаете, что интересно? Я нагло сказала:

– Вы меня увольняете?

– Да.

– Тогда вы будете мне по закону пособие давать пятнадцать дней.

– Мы сами знаем законы.

– Я потребую через суд, если вы не дадите пособие.

Ну, дали мне пособие, я осталась безработной. Что же теперь делать? Где только я не искала работу!

Трудовая деятельность методистом культпросветработы при Управлении культпросветучреждений при Совете Министров СОАССР в городе Орджоникидзе

Случайно я узнала, что требуется инструктор в Управление культпросветучреждений при Совете Министров Северной Осетии. Я поменяла кое-что в своих анкетах, представила диплом, трудовую книжку и меня взяли на работу в Совмин (Совет Министров. – А. М.). Как видите, я от библиотеки еще выше пошла – то партком, то теперь Совмин. Начальником Управления был Хетагуров

Георгий Соломонович – чудесный человек, умный, порядочный. Я осталась очень высокого мнения о нем. Если он жив, может быть, когда-нибудь прочтет то, что я сейчас рассказываю...

Боже мой! Я выкладывалась на этой работе абсолютно. Очень ценили меня там. Я часто ездила в командировки по вопросам посева, уборки урожая, по сигналам, поступавшим в Совет Министров, – там, скажем, где-то прополку не провели...

– Какое отношение имел культпросвет к сельскохозяйственным работам? – Мирзоева Н.

– Нас – культпросветуправление – использовали по разным направлениям, так как не хватало своих людей.

На этом посту я еще очень много работала по выборам. Боже мой! Вы можете себе представить? Я была доверенным лицом Какучая – министра госбезопасности [34]. Я ходила по лезвию... это черт знает что...

Несколько эпизодов расскажу, что случилось на этой работе.

Была командировка в Виноградный район. Виноградное – так переименовали немецкое поселение, которое входило в состав Кабарды (немецкая колония Гнаденбург, основанная в 1880 г. на правом берегу р. Терек. – *А. М.*). Немцев выселили, а эту немецкую колонию и несколько кабардинских сел (есть там и село Кизляр, дагестанцы-лакцы там живут, но это кабардинская территория) – весь район (Курпский район КБАССР. – *А. М.*) – это все отдали Осетии (всегда, когда Кабарду обижают, ее земли отдают осетинам). До сих пор эти земли в её составе.

В Виноградный район я приехала по вопросам уборки урожая. Председателем райисполкома там был кабардинец Гидов, и вот с этим Гидовым весь район передали Осетии. Зашла в райисполком, жду председателя. Познакомилась с его секретаршей Фаей. Пришел Гидов, прошел к себе в кабинет со словами: «Фае, я вам нужна». Я не поняла, посмотрела на Фаю. Она улыбнулась: «Я уже привыкла» и зашла к нему. Оказывается, это он так по-русски разговаривает, падежи и рода не соблюдая. Через некоторое время он пригласил меня к себе в кабинет. Мы поговорили с ним.

Запомнилось мне, как он по телефону говорил с кабардинским акцентом: «Мэлгъэбэг, дайте Мэлгъэбэг». Там центральный коммутатор, еще надо крутить ручку телефона. И вот он опять: «Мэлгъэбэг! Эта Мэлгъэбэг? Да. Эта Гидаф. Зафтра засидана раиспэлькуэм абизательна. Да Гидаф. Да абизательна, абизательна», – и положил трубку.

Он плохо говорит по-русски, но весь район знает хорошо, ладит и с осетинами. Он – коммунист, все нормально. Вы знаете, когда заседает бюро райкома партии, я присутствую, пока решается мой вопрос по культпросветработе, по уборке урожая, смотря, по какому вопросу я приехала. А потом они говорят: «А теперь остаются только коммунисты». Я встаю, а они думают, что я – член партии: «Да нет, Вы оставайтесь, сидите». Я всегда чувствовала себя гадко, ужасно и сказать им, что я беспартийная, тоже стеснялась. В итоге я оставалась. Это часто так бывало.

Очень даже поладили мы с Гидовым. Хороший такой мужик оказался. Он сказал: «Пожалуйста, в какое село ты хочешь поехать, скажи. Хочешь – сам отвезу, хочешь – бидарку (телегу. – А. М.) дам, сама поедешь».

Меня часто, по несколько раз в год, посылали в Виноградный район, и я останавливалась в семье Гидова. Очень сблизилась я с его женой, детьми. Гидов был женат вторым браком. Жена первая умерла, оставив двух девочек и мальчика. От второй жены у него был ребенок, и она еще была беременна, когда я в первый раз к ним пришла. Очень я привязалась к этой семье, просто как к себе домой приезжала. Дети спали со мной. И вот этот мальчик... Я никогда не забуду, сколько в нем, в этом двухлетнем ребенке, было адыгского. Меня удивляло, как это адыгские обычаи передались ему с генами. Я ни разу не смогла этого маленького ребенка положить спать лицом к себе, чтобы он обнял меня, – он стеснялся, сразу переворачивался спинкой ко мне. Очень стеснялся, когда его купали: обязательно должны были быть трусики на нем. Этот маленький адыг очень нравился мне, я его очень любила, и он очень любил меня. Знаешь, спинкой повернется ко мне, возьмет мою руку, положит себе на грудь и засыпает.

Постепенно я так привыкла к этой семье, что если возникала необходимость командировки в районы, меня уже в Виноградное отправляли.

И вот, в один такой приезд, вечером я шла домой с колхоза уставшая. Обычно, когда с колхоза уходили, давали буханку хлеба с собой. А тут у меня и хлеба не было. Подойдя к нашему двору, я увидела, что стоят две машины: «виллис» [35] и еще какая-то легковая машина – к ним очень часто приезжали гости. Я испугалась: бедная Харизат (так звали жену Гидова) – как она сейчас выкручивается? ведь продуктов не было, очень трудно было в те годы.

Я сразу направилась в кухню. Гидов жил в бывшем немецком доме – немцев выселили, а это как квартиру дали ему. Довольно-таки добротный дом, построенный из дуба, крепкий. Роскошный, большой зал, спальня, детская, еще одна комната, прихожая, кухня, подвал, веранда застекленная – все было очень красиво сделано. Сад, огород.

Ну вот, я зашла на кухню, а там она за голову схватилась:

– Боже мой, что мне делать? У меня ничего нет в доме. Немножко пшена было, я насыпала, делаю пасту.

А я, когда проходила мимо машины, заметила, что там кастрюля виднелась. Что-то я подумала...

– Хорошо, – говорю я, – пойду, хлеб тебе достану (в районном центре была пекарня).

Я выбежала во двор: сзади «виллиса» стояли две большие кастрюли, перевязанные и прикрытые буркой. Я взяла обе кастрюли и занесла. Она говорит:

– Откуда?

– Привезли.

– А Вас не смущало, тетя Женя, что это гостей кастрюли? – Мирзоева Н.

– Нет. Поставила. И на наше счастье в одной, меньшей, кастрюле было джэ-длыбжьэ – курица, приготовленная в сметане и застуженная, а в другой – целый, наверное, барашек, сваренный и застуженный. Когда содержимое кастрюль

было выскоблено, я положила туда немного кирпичей и снова завязала так, как они были завязаны. Они такие же тяжелые – там все в порядке. Я поставила их на место. Затем побежала в пекарню, сказала, что у председателя райисполкома гости, их совсем нечем кормить, выпросила хлеб. Дали мне две буханки. Помидоры, огурцы дома всегда были – в общем, накрыли стол.

Один из гостей – прокурор Терского района Кудаев – оказался мне знакомым. Раньше он почти полгода учился на межреспубликанских курсах переподготовки работников прокуратуры и судов в Орджоникидзе, а я там преподавала теорию государства, историю государства и права. Он усердно ухаживал за мной, но я очень быстро его отшила, потому что он был женат. Другой гость, бывший с Кудаевым, – судья того же района – был мне не знаком. С ними был еще третий секретарь райкома, тоже кабардинец из Уруха. Пригласили, конечно, посидеть с гостями и секретаря местного райкома Басиева (видимо, он был демобилизован с фронта – у него один глаз был выбит). Мы часто ездили с ним по колхозам. Он был порядочный человек. Я – одинокая девушка, не такой очень страшной внешности, и я не помню, чтобы когда-нибудь он волочился за мной, или его поведение намекало на что-то подобное. Я бы не ездила туда, если бы иначе это было. А ещё Басиев был с хорошим чувством юмора. Когда мы с ним бывали в дороге, я часто копировала Гидова (он же с таким акцентом кабардинским разговаривал) – Басиев хохотал от души. А сам он говорил с осетинским акцентом, я его самого тоже копировала при нем – он умирал со смеху, ты, говорил, делаешь точно тембр моего голоса.

С большим трудом, по моей просьбе, удалось посадить нашу хозяйку. Я сказала: «Я не сяду за стол, пока она не сядет». Она в рот не брала ни крошки, смущенная, бедная, просто сидела.

Когда мы познакомились, этот судья, как только услышал мою фамилию, очень высокомерно стал обращаться со мной. Он, наверное, знал, что Налоевы объявлены там (в Кабарде. – А. М.) троцкистами (какие только клички нам не давали!). Он ничего не сказал, но явно пренебрежительно стал относиться ко мне.

Мы сидим: шутки, разговоры, все такое... И вдруг берет ложку и подает мне Басиев:

– Женя, ради Бога, позвони в Мэлгъэбэг!

Я обалдела: ведь Гидов не знал, что я его копирую. Я посмотрела на Басиева почти перепуганная: как пародировать человека в присутствии гостей, тем более жены? А он:

– Умоляю, прошу, позвони в Мэлгъэбэг.

Я взяла ложку – уже выхода не было.

– Центральнэ, центральнэ! Мэлгъэбэг дай пажалыста. Да, Мэлгъэбэг, агэ. Эй, эта Мэлгъэбэг, Мэлгъэбэг? Да. Это гаварит Гидоф, зафтра засидана раиспэлькуэм, да. Присутствовать? Да, абизатильна. Все, дасвидана.

Обалдели все: и хозяин дома, и жена, и гости. Я себя чувствовала очень гадко. Гидов не заслуживал этого. А у него юмора немножко не хватало. Чуть его было не обидела. Нет, он не обиделся сильно, но все-таки он не смеялся – один-единственный сидел молча. Жена хохотала, все хохотали. В это время судья очень демонстративно постучал себе в один бок, потом в другой,

вытащил пачку папирос «Казбек», взял оттуда одну папиросу, воткнул в рот (это все, знаете, как-то по-особенному) и стал искать спички. Здесь постучал (френч у него) – нет, здесь – нет. (Вообще, знаете, вот эта военная форма, эта шинель – Сталину подражали, это было очень модно. И вот такой дуб, коммунистический дуб сидит тут.) В общем, когда он постучал себе по карманам и не нашел спичек, шофер принес зажигалку из меди огромной величины. И когда он нагнулся и поднес горящую зажигалку, у судьи почернела и папироса, и губа, и весь его огромный нос. Боже мой! Я – дурная, молодая... и вдруг такой нос! У него и так он был как стакан здоровый, а тут еще – и весь черный. Я стала открыто хохотать, все захохотали. Он развернулся, там маленькое зеркало висело, увидел себя, взял белоснежное полотенце, которое Харизат подала, вытер нос и, разобиженный, встал вышел в коридор. Еще хуже мы все хохочем, не можем успокоиться.

Объявили гости, что надо бы им у Гидова заночевать, но друг их не хочет, поэтому поедут они. Они же все, и Гидов в том числе, из Малой Кабарды, они – давнишние знакомые, учились вместе в Нальчике в Ленинском учебном городке [36]. Гидов стал уговаривать: «Пожалуйста, оставайтесь!». Как ни просили, не захотел оставаться вот этот «нос». Мы пошли их провожать. Кудаев приветливо помахал на прощание, и они уехали. Зашли мы домой.

– Давайте, – говорим, – мы сядем, всей семьей хорошо покушаем.

Стол – огромный, там яства.

– Где вы взяли? Я думал что делать, сердце чуть не упало, когда они заехали. Откуда вы все это взяли? – Гидов спрашивает.

– Алыхь, вот Женя пошла, вытащила кастрюли из их машины и это все накрыла, – отвечает Харизат.

– Эгъу! – он сказал, – как ты могла так сделать?

– Ну, а какой был выход? Чем бы ты их угостил? – я его спрашиваю.

Глаза опустил.

– А еще ты просил, чтобы на ночь они остались, – я говорю, – кушать нечего, а ты еще просишь остаться.

Наверное, было часов восемь-девять утра, когда они позвонили. Ой, бедный Гидов, как он смущался:

– Уэлэхь, билэхь, Алыхьым и цӀэкӀэ соӀуэ (клянусь Аллахом), я не знал. Уэлэхь, билэхь, вы только уехали... они мне сказали... я чуть не умер. Уэлэхь, билэхь, Аллыхьым и цӀэкӀэ соӀуэ, ради Бога, слушай...

А там, на том конце провода даже я слышу, что хохочут.

– Я знаю ее, это она сделала, кирпичи она посадила. И это она сделала назло ему (судье. – А. М.), – Кудаев говорит.

Нет, не назло, просто мне было жалко мою хозяйку, выхода не было. Я к трубке подошла:

– Ну, как там? В кастрюле очень вкусный соус? Это моя работа, я так готовлю.

– Ха-ха-ха, – Кудаев хохочет.

А тот даже не подошел. Больше я не видела этого парня – Кудаева. Так закончилась эта история. Благополучно.

Еще один эпизод из периода работы в культпросветуправлении.

Это случилось в Аланском районе. Название «Аланский район» дали территории Ингушетии, которую включили в состав Осетии после выселения ингушей в Среднюю Азию. Очень сложная там была обстановка: многие ингуши остались, совершали нападения, ночные налеты. И вот туда меня послали.

Был уборочный сезон, когда я первый раз туда приехала. Там районного центра не было как такового. Зашла в райисполком – председателя нет, никого нет. Тогда я пошла в райком партии. В райкоме партии сидит пожилой человек – секретарь райкома по фамилии Копейка. Очень соответствовала ему его фамилия. Он, знаете, такой простой, и для него я – очень большой начальник. Долго мы сидели, говорили о политике, о выборах, еще о чем-то... В общем, я произвела на него хорошее впечатление, и он говорит:

– Вот скоро должен приехать председатель райисполкома, я вас представлю ему. Если он не найдет вам жилья, я домой приглашу вас.

– Спасибо.

Вот так мы сидим. Вдруг открывается дверь, заходит в грязных кирзовых сапогах, в старых помятых брюках, телогрейке и какой-то немыслимой шапке мужчина высокого роста, худощавый, обросший черной бородой. Зашел, сразу посмотрел на меня, смутился, даже застыдился так, что не знал с чего начать.

– Ну ладно, ладно, ты, это самое, ничего, вот она из центра. Из центра, да-а, да-а. Познакомьтесь, она – гостья райисполкома, в райисполком прикомандирована.

Я встала. Он подошел, представился: «Созаев Саша», очень быстро что-то сказал Копейке и ушел. «Я вернусь», – он сказал. А когда он вернулся, я его не узнала. Вычищенный, выглаженный, выбритый, надушенный – сразу я поняла, что этот деревенский парень что-то задумал.

Вскоре началось заседание райисполкома, на котором я выступила. Он поддержал меня, мы решили, какие мероприятия проводить, что делать и так далее. И когда заседание райисполкома закончилось, я думала, что, как и всегда, останусь в райисполкоме ночевать. Он говорит:

– У вас, наверное, нет здесь знакомых.

– Нет, никого нет. Я в первый раз здесь. Не беспокойтесь, я вижу, тут есть неплохой диванчик, на котором можно спать.

– Да нет, – говорит, – пойдете ко мне. Я живу с мамой в трехкомнатной квартире. Правда, очень неуютно...

Когда он сказал, что живет с мамой, я согласилась пойти к нему домой. Ну, а когда пришла, увидела, что там – не три комнаты, а две комнаты и кухня. Мать Саши (не помню, как ее звали) оказалась очень милая, добрая, честная старушка. Уже пятнадцать лет, как она осталась вдовой, выходила Сашу, живет ради него. Где-то в селе у них свой дом, сад, хозяйство, куры, прочее, а здесь – сын неженатый, поэтому она – около него. Боже мой! Как я вспоминала свою мать, когда ее увидела. Какая любовь! Вообще, мать – это что-то особенное. Господи! Спрашивает меня: «Как тебе Саша? Саша тебе нравится?». «Ой, какой хороший у Вас Саша», – я ей говорю. У нее глаза блестят в это время, настолько она любит его. Она так хвалит своего сына, рассказывает о его похо-

ждениях, учебе, как его в армию забрали, как он в армии был, как она плакала тогда, как из-за небольшого ранения он, наконец, попал обратно в Дзауджикау, в госпиталь... Ну, в общем, я слушаю ее и поддерживаю. Действительно, я не могла ничего плохого о нем сказать. Он – хороший парень, прямой, открытый, не хамовитый, самое главное, не бахвал. Поэтому я искренне говорю, что он – хороший парень.

И вот таким образом я обосновалась у председателя райисполкома.

Ну, а дальше работа закипела. В колхозах шла уборка. Мы целыми днями ходили по колхозам, по бригадам, проверяя, насколько они выполняют нормы, одновременно организовывая культбригады. Боже мой, я и сейчас спрашиваю себя: помогали мы или нет? Я до сих пор этого не знаю. Но мы мучались: пешком обходить эти поля из колхоза в колхоз – это ужасно. И в какой обуви это надо было делать?!

Вот там случился страшный пожар. Забежали в райисполком с криком, что пожар на поле. Действительно, кто-то поджег зрелые пшеничные поля. Господи, я эту ночь никогда не забуду, всю ночь никто не спал – ни председатель райисполкома, ни секретарь парткома... Мы все – с ведрами, все – мокрые, потушили этот пожар, не так уж много сгорело. Кэзгэбэшники, эмвэдэшники приехали с республики, на уши поставили всех, хотели поймать виновника – того, кто поджег. Иногда спрашивают нас. А что я могла говорить? Откуда я знаю, кто поджег? Вижу, что горит.

КГБ (с 1943-го по 1946 г. – Народный комиссариат государственной безопасности СССР. – *А. М.*) ведет следствие. Одни говорят, что это какой-то уголовник поджег, другие говорят, что это ингуши, оставшиеся в лесах и скрывающиеся, подожгли, третьи говорят, что это какой-то «классовый враг» сделал. Когда говорили «классовый враг», у меня волосы дыбом вставали: ведь я тоже – представитель этой категории населения. Но я не знала, что такое «классовый враг», я бы никогда не смогла ни поджечь, ни убить... Наверное, вообще не было таких людей – классовых врагов, ведь понятие «классовый враг» – надуманное, как мне кажется.

После пожара приехало очень много начальников, которые решили, что Аланский район – опасный, и меня одной как уполномоченной в этом районе уже не достаточно. На помощь прислали начальника Статистического управления Северной Осетии Кладова Сашу.

Как-то я пришла из колхоза очень голодная: кроме как галушки из курузной муки, без молока, ничего не ела за весь день. А потом, я очень стеснительная насчет еды. Если очень сильно не попросят, я не сяду кушать. А там не просили. «Будешь кушать?». «Нет». И на этом все. А еще здесь, в этом районе, ничего с собой из еды не давали: не то, что в Виноградном, – где-то хлеб дадут, с буханкой идешь домой, а тут такого нет, тут жестко все. Итак, я очень голодная вернулась домой: прямо бросало меня во все стороны, качало от голода. В доме тоже ничего, кроме лука, не было, даже картошки не было. Я постирала кое-как свое бельешко и развесила. Прилегла просто на кровать (а мы спали со старухой в одной комнате, где стояли лежанка и кровать. Лежанка была собрана, а кровать – Сашиной мамы, но ее дома не было, поэтому я легла

на эту кровать) и уснула. Так крепко спала – никогда в жизни со мной такого не было! Сквозь сон я услышала разговор, соскочила. «Бейте его!» – кричу спросонья. Вы знаете, я продолжаю видеть сон, кулачками машу, а глаза у меня открыты, я вижу двоих мужчин, но не узнаю Сашу. Я кричу: «Бейте его» – сон, наверное, был нехороший. Это страшно. Как мне было неудобно потом! Они так сочно хохотали оба. Оба – молодые, оба – высокие, оба – красивые и не похожи друг на друга. А когда я увидела незнакомого мужчину, очень даже я смутилась. С большим надутым портфелем, красивый человек – высокого роста, жгучий брюнет с волнистым чубом. Сразу он мне понравился как человек, его улыбка, его смех, здоровый такой смех. Я стала извиняться:

– Извините Бога ради! Я сон видела.

– Да мы поняли все, ничего.

– Ты кушала? – меня спрашивает Саша, – сегодня ты кушала?

– Нет.

– Черт возьми, мама где?

– Мама сказала, что она сегодня уедет в село.

– Она, – говорит, – привезет что-нибудь.

– А пока она привезет что-нибудь, что мы будем делать? – я спрашиваю. –

Я очень голодная.

– Ну, я сейчас пойду куда-нибудь в пекарню, что-нибудь достану. Нет, я пойду к Копейке. Он – женат, семейный, что-нибудь они дадут.

– Не надо никуда идти, – сказал другой мужчина, – я сейчас вас угощу.

Открыл этот портфель надутый и «дипломат» (первый раз я видела такой).

Боже мой! Какие вкусные, какие чертовски красиво печеные сладости, и мясо жареное, и котлеты, и мясо отварное. И даже холодная картошка была необыкновенно хороша. Я очень стеснительна в еде, а он так все это положил, так преподнес, просто как будто это мое собственное, – я уплетала, а не ела. Очень хорошее у меня настроение, шутки, все такое.

– А это, – говорит, – Женька, о которой я тебе говорил, уполномоченный.

– Вы где работаете, у Хетагурова?

– Да.

– Как же я Вас там не видел?

– А Вы где работаете?

– А я в Статуправлении работаю.

Я еще не знаю, что начальник он там, думаю, просто в Статуправлении работает. Он вел себя так просто, что ну ни о чем я не подумала. Нам очень хорошо, все наелись, все прекрасно. Все оставшееся я сложила, положила ему и в «дипломат», и в портфель.

– Не надо, оставьте, пожалуйста, старуха приедет, покушает. И завтра утром позавтракаем.

Ну, вот так началась совместная жизнь. Саша Созаев сказал ему:

– Где будешь ночевать? Предлагаю здесь. Первый уполномоченный у меня. А тебя я куда-то отправлю? Никуда не отправлю, будем все здесь жить.

Так он и остался. А старуха вернулась очень поздно, привезла со своего села сырую курицу, яйца, картошку, кислое молоко и так далее. Но ей не дали

мы ничего готовить, покормили ее тем, что есть. Ты знаешь, я покормила старуху, распоряджаясь этой едой, как будто это было мое. Этот хозяин еды был человек такой открытой души! Бывает же такой человек. Он расположил к себе так, как будто я его век знала.

– И как будем именовать Вас, товарищ? – я спросила.

– Сашкой.

– Тут один Сашка, еще другой прибыл.

– Да.

И вот мы – Женька, Сашка, Саша – условились так: Сашкой остается Созаев, а этот будет Саша. С утра уже я, что могла, приготовила, мы все поели и договорились: на коне будет верхом Саша, Сашка уходит, его увозят, а бидарку с серым конем дают мне. И распределили, кто в какой колхоз поедет. Раньше всех ушел, собравшись быстро, поев и оставив все, что у него было, на столе, Саша. Позже я собралась ехать. Когда я на своей бидарке ехала, он рысью проскакал мимо меня на коне. Я даже удивилась, что он так хорошо умеет ездить на коне. Он – «привет», «до свидания» – вот так расстались. Вечером собрались, мамаша приготовила уже нам картошку, курицу – просто отварную, в супе (курицу в соусе осетины не умеют готовить). Сашка, как всегда, «голый» вернулся – без ничего. Я тоже вернулась ни с чем. Но зато Саша вернулся с буханкой хлеба.

– Ребятки, – говорит он, – так дело не пойдет. Там есть пекарня, вон там – картошка, а вот там – капуста.

Он уже весь район обскакал, уже знает, где что можно найти.

– Вот там – бригада овощная, идите туда. Сашка, смотри, чтоб ты завтра пришел с продуктами. Есть нечего тут. Что это мамаша в таком возрасте будет ездить нам продукты привозить?

Вот так славно распорядился. Хорошо живем. Потом мы решили организовать культпросветработу: я на аккордеоне аккомпанирую, а он, знаете, баритоном поет. А там в проходах девушки танцуют. Мы хохотали там, смеялись, немного отдыхала так бригада. Вот так мы вместе работали.

Очень я привыкла к нему. Мне казалось, что я его полюбила, и так хотелось сказать об этом кому-нибудь, но не с кем было поделиться.

И вот как-то вечером, значит, мы собрались: Саша, я и мама Сашки. А Сашки не было. Он вернулся с бутылкой сивухи или, как она называется, араки. Мне это не понравилось. А Саша стал хохотать:

– Ничего, Женя, целый день работал мужик. Что ж тут такого? Пусть, пусть выпьет.

Мамаша тоже поддержала:

– Женя, мужчине бывает нужен такой отдых.

Поставили эту бутылку, даже не бутылку, а это «четверть» называлась – такая большая бутылка, три литра сивухи туда помещалось. Поели, выпили мужики, и старушка немного пригубила, а я наотрез отказалась. И вот мы разговариваем, шутим, анекдоты, кто какие знает, рассказываем. Все очень культурно, очень мягко (я не люблю ругани).

Этот вечер испортил Сашка. В какую-то минуту ему показалось, что я больше уважаю Сашу. Я говорю: «Слушай, ты что?» В шутку хотела перевести – не получилось. То ли эта сивуха на него так подействовала?

– Я знаю, – говорит, – что я здесь – лишний.

Квартира – его.

– Ты слышишь, что он говорит? – я спрашиваю старуху.

– Ничего, ничего, – отвечает она.

– Я знаю, что я здесь – лишний. Мне здесь нечего делать, я уйду.

– В таком случае, уйду я, а не ты.

Пошла, сняла с верёвки рубашки, нижнее белье, которые просушились, – все завернула и сказала:

– Ты просто ни юмора, ни товарищеского обращения не понимаешь. Я не знаю, как можно лучше, чем я, к тебе относиться? Что это ты затеял? Что значит «Я уйду»? Ты со своего дома уйдешь, а я в твоём доме останусь ночевать, что ли?

А он не хочет это слышать. «Я уйду», уже ремень надел, пистолет свой прицепил.

– Если ты уйдешь, я тоже уйду, – сказал Саша.

Он так:

– Конечно, уйдете, я знал, что вы уйдете. Я вам мешаю, я здесь – лишний.

Очень оскорбил он нас обоих. А Саше собирать особо нечего, пустой теперь портфель и «дипломат» – пустой. Мы вышли. Я говорю:

– Куда пойдём?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– Нельзя же сидеть на улице, давайте пойдём к Копейке, тут недалеко.

– Давай. Вообще-то, он мужик вроде простой.

– Да и жена – очень хорошая, добрая, она меня как-то угощала.

Пошли. Низкий домик. Деревянные ставни сомкнуты, еще и на крючки железные закрыты – там опасно. Мы постучали – нет ответа. Еще раз постучали.

– Кто там?

– Свои, – мы говорим, – Кладов и Налоева здесь.

– А ну-ка, давайте, давайте, – завела нас в дом жена Копейки.

Жарко там: она печет блины, пирожки. На столе стоит бутылка – не араки, а настоящей водки, стоят яства: котлеты, курица, куски пирога и большие белые хлеба. Ну, в общем, они живут лучше нас. Сидит сам Копейка хорошо навеселе. Жена его – очень простая женщина – душевно, искренне посадила нас за стол, и стали мы есть. Копейка с женой тоже пили. Саша, по-моему, тоже теперь был чуть выпивший: смешал араку с водкой настоящей. И, наверное, с часок мы сидели, когда он сказал: «Мы пришли к вам ночевать. Найдется у вас место?».

– Ну, конечно, найдется. А как же? У нас несколько комнат. А чего же вы пришли? Почему не у Сашки?

– С Сашкой мы поссорились, – и Саша рассказал, как он повел себя.

Копейка говорит:

– Нет, я не позволю вам ссориться. Я – глава района, и я не позволю. Я вас завтра же помирю. Но Сашка – дурачок. Что же это он? Почему так сделал?

А я даже расплакалась:

– Не знаю, он нас обидел очень.

И в это время кулаком – стук в окно. Все перепугались, Саша – за пистолет, а пистолет этого бедного Копейки – в спальне.

– Мой пистолет, мой пистолет, – жене кричит.

– Да погодите, – баба оказалась умнее. – Погодите. Кто там?

– Пусть выходит Кладов, – кричит там Сашка (это же мужской прием – подраться выйти).

– Я тебе дам «пусть выходит», а ну-ка, зайди сюда, – попросту матом она. И Сашка зашел.

– Ах ты! – говорит. – Ты еще начинаешь голову морочить? А ну-ка сядь. Вот блины горячие, ну-ка макай, вот масло. Тебе какое? Ну!

Мы сидим, уже миримся, а в это время Сашка опять встает.

– Они, – говорит, – подружились. Они нашли друг друга, я здесь – лишний. Я знаю, что я... Ты как трус не вышел, а вышел бы – я тебе показал бы.

– Что???

– Всажу тебе в лоб между глаз, тогда узнаешь.

Тот тоже схватился за пистолет. И вот тогда эта толстая баба за руку схватила Сашу и Сашку и как дернула!

– Вы что? На секретаря, первого секретаря райкома... тут долго ли... я вам такую мать покажу, индюки такие, петухи.

А я, знаете, рот открыла: эта женщина так матерится, а они молчат и подчиняются ей. Я схватила свои вещи и бежать! Она меня за шкирку схватила:

– Куда? Срамоту хотите в районе? Ах вы – уполномоченные. Сашка, иди домой, пройдет хмель, пройдет все.

Вытолкнула его. Еда, все уже не впрок. Эта женщина забрала меня, в какую-то комнату положила, Сашу куда-то дела, я не знаю, не видела. Ну, только вот легли, опять стук.

– Если мир – мир, если не мир, я стрелять буду, – кричит.

О, опять Копейка перетрусил, а баба дверь открыла.

– Ну-ка, зайди сюда.

Ай! Она так обматерила его. Оказывается, они давно знают, что он, когда пьет, дурной становится. И говорит так Сашка:

– Если нет вражды, пусть оба идут. Мать моя плачет, говорит, что сейчас пешком пойдет в район, если я не верну своих гостей.

Долго спорили, ругались, но все-таки мы вернулись. Мы хотели мира, вернулись и по-прежнему я с матерью в комнате, а они вдвоем в одной комнате. А раньше знаете, как было? Сказки я им рассказывала. Комнаты без двери, понимаете, света нет, они слушают. Когда они заснут, захрапят, тогда я сказки прекращаю рассказывать. И вот он кричит: «Женька, рассказывай сказки!». Мне так не хотелось рассказывать: то была идиллия, тогда была рада, а теперь это по принуждению, что-то не то.

Ну, короче говоря, Сашка на второй день позвонил куда-то и сказал, что ему двое уполномоченных не нужны, надо отозвать одного из них. Я с колхоза вернулась такая уставшая, что даже есть не хотелось, хотелось только лечь, когда он забежал со словами: «Тебя отозвали в центр, давай возвращайся». Я обрадовалась, честно говоря. Я быстро стала собирать свои вещи. В это время заходит очень грустный Саша, просто на лице написано, даже щеки у него впали.

– Что, уезжаешь?

– Да.

– Чья это работа?

– Я не знаю.

Вот так. Машина грузовая, большая, с шофером помещается три человека. Сашка меня сажает с собой и едем. Саша провожает нас. Тронулись и Сашка говорит:

– Я это сделал специально. У меня большие планы к тебе, Женька. Никогда в жизни я не был женат, никогда в жизни я не чувствовал такое, как к тебе. Я Сашу ругать не буду, он, может, и хороший человек, но и моя мать, и я просим вот... Вот сейчас я тебя отвезу, зайду к вам, познакомлюсь с матерью...

Он знает, что у меня одна сестра – дома, другая – в армии.

– Сашка, я не люблю эти сватовства, я не собираюсь замуж выходить. И во-первых, я совершенно не знаю тебя, кто ты такой, и ты меня не знаешь. Ты парадную сторону видишь и все. А теперь, тоже скажем, вчерашний твой выпад, – это для меня очень важный сигнал. Ты каждый раз будешь пить араку и мне устраивать такие вещи? Ты меня извини. Зря ты добился, чтобы меня отозвали. Я не возражаю, но к тебе в район я никогда больше не приеду. Другое дело, когда я еду в Виноградное. Там никто за мной не ухаживает, не волочится, и таких вещей нету. Как к родному брату и к Басиеву, и к Гидову я еду, а ты что тут устраиваешь мне?

– Он – осетин. Да, тетя Женя? – Мирзоева Н.

– Осетин, да. Короче говоря, мы уже не разговаривали, уже было довольно-таки темно, когда приехали во Владикавказ (Дзауджикау). Я говорю:

– Останови, я здесь слезу, пойду дальше.

– Я довезу.

– Не надо. Довозить не надо меня. Я дойду.

Вот так я рассталась с Сашкой.

Наутро я пошла на работу. Никому ни слова не сказала, что так случилось. У меня кабинета не было, временно мой стол поставили к Хетагурову. Я была даже очень рада. Он – такой порядочный человек, такой хороший. Если к людям тепло у меня осталось, как к сотруднику, даже больше чем как к сотруднику, вот такое чувство у меня осталось к Хетагурову. Бесподобный, добрый был человек, грамотный, знающий работу и коллектив у него – спаянный. И жена его – красивая русская женщина – была очень умная, добрая, хлебосольная, простая, общительная. «Ну что, – кролики, – как она нас называла, – голодные, да? Пошли. Ты знаешь, как я приготовила, а ну-ка пойдем». То меня возьмет, то Натэллу (сотрудница наша) возьмет, то еще кого-нибудь. Очень хорошая семья.

Итак, мой стол стоял в кабинете Хетагурова. Звонок. Поднимаю трубку: Саша звонит. Я очень обрадовалась, у меня остались теплые такие чувства. И когда мы отъезжали, он так грустно смотрел, что у меня перед глазами стояло его лицо. А ведь я очень молодая была, дурочка. В голову мне не приходило, что он женат... Я и не спрашивала у него... И Сашка не сказал. Может, он и не знал. Я не знаю. Он вел себя как парень холостой... Боже мой, мы уже разыгрывали с ним одноактную пьесу, где мы были партнерами, чтобы поставить спектакль в клубе... Я как товарища по комсомольской работе воспринимала его. Но, когда он позвонил (у него такой тембр голоса, который ни с кем не спутаешь), я испытала такую радость.

– Саша, это ты?

– Да, я. Как ты доехала?

– Нормально, я сейчас в кабинете Хетагурова сижу.

– Очень хорошо, я скоро вернусь. А ты расческу забыла.

– Ничего, у меня дома есть еще расческа.

– А знаешь, что ты еще забыла?

– Что?

– Духи забыла, я тебе привезу.

Кто-то действительно привез и духи, и расческу: «Саша Кладов передал Вам». Они завернуты и там лежит ещё (это удивительный человек!) белый пушистый хлеб, красиво отрезанный, – полбуханки. Понимаешь, в то время такой хлеб был большой редкостью. Господи, мы на работе его с удовольствием умяли, даже Хетагуров поел, водой из графина запили – и все, сытые мы.

Вскоре он явился лично. И знаете, звонит очень часто, очень, а потом приходит, сидит и отсюда звонит к себе в управление. А Хетагуров говорит: «Саш, может быть, ты апартаменты перенесешь сюда? Ты чего обосновался тут?». Ну, как будто, так и должно быть, понимаете. Вот он идет к себе на работу – у них рабочий день начинается в восемь часов, у нас – в девять, и где-то в десять часов, в половине одиннадцатого – он здесь, сидит чуть ли не до конца рабочего дня и уходит. Я – домой и он – домой. А я никогда не знала, по какой улице он идет домой. А он, как оказалось, жил рядышком с нами... Я этого тоже не знала. Ну, я прихожу, рассказываю все Нафо (она была мне как подруга).

– Ты знаешь, Нафо, как мне нравится этот Саша? Я его очень люблю.

– Какой он из себя?

Я описываю его, описываю даже не таким, какой он есть, а совсем красавцем. (А он – не красавец. Он – обыкновенный. Просто (не знаю!) я и сейчас люблю его. И вот после него, кто бы ни ухаживал за мной, кто бы ни сватал, я смотрю на того, а сзади стоит Саша. Господи, я смотрю и думаю: нет, он не такой, как Саша. По-моему, он частью помешал мне выйти за кого-нибудь замуж). Я рассказываю Нафо, что он объяснился мне в любви, на самом деле этого не было, и я не хотела, чтобы это было. Как в детстве врал, вот так теперь я сочиняю для Нафо: Саша вот это сказал, вот это сказал. Боже мой, когда прихожу домой, она меня спрашивает: «А сегодня что Саша сказал?». Я новый вариант сочиняю.

А тут приехал в город Лемешев – знаменитый в то время певец [37]. Я обожала песни в его исполнении, когда их по радио передавали, я все бросала и бежала слушать. Я думаю, что меня Саша пригласит... Другие девушки – с кавалерами. (У меня кавалера нет – не положено же кавалера иметь. Никто меня и не приглашал, я обычно сама покупала билеты и ходила на концерты с сестренкой двоюродной или с Нафо.) А тут – на тебе! Я жду Сашу. Напрасно... Потом фильм, замечательный американский фильм – «Семь парней, одна девушка». Идет повтор. Господи! думаю, что туда пригласит. Нет, не приглашает. В театре идет спектакль – нет, туда тоже не приглашает...

И вот однажды я пришла домой на перерыв. (Мы же – полуголодные. Ну что в войну мы могли есть? Часто бедная моя мама теряла наши карточки хлебные, и мы оставались совершенно без куска хлеба.) Мама похвасталась, что она кукурузную муку купила и нартыху лэжум (кукурузные лакумы) сделала. Мы должны были покушать. Не знаю откуда, у меня были две конфетки в кармане – я их принесла, чтобы маме дать покушать, удивить её хотелось. Вдруг кто-то постучал в веранду. Я подошла, открыла дверь: «Заходите, пожалуйста». Часто бывало, что клубные, библиотечные работники приходили в управление с жалобами – то их уволили, то зарплату не дали, и когда им говорили, что я дома, они домой приходили. А здесь стоит очень худая, бледная женщина, продолговатое, длинное такое лицо, а с ней – точная ее копия, такая же девочка, тоже бледная. Я затащила ее, она упиралась, не хотела, но я затащила, маме сказала по-кабардински:

– Сделай нам всем троим эти лакумчики.

– Лэпс сиИэц (У меня бульон есть), – говорит мама.

Лэпс – это бульон мясной, а там мяса и не было, какой-то худар-мудур на молоке, подобие супа. Она поставила нам всем троим. Я вытащила конфетки, дала их девочке. Девочка кушает конфеты, но женщина не ест, и девочка перестала кушать. Я умоляю, прошу – не хотят есть: «Нет, не надо». Она сидит, и у нее слезы текут. Я быстренько покушала, даже не сытно, потому что мне мешало то, что они присутствуют. Я ей говорю:

– Родненькая, не плачьте, я вас защищу, я помогу вам. Вот увидите, как я защищу. Сейчас мы пойдем, все сделаем.

Она мне не отвечала. Я сказала: «Пошли», и мы вышли. Спускаемся по Максима Горького, я говорю:

– Я слушаю. Рассказывайте, что привело вас ко мне. Кто вас обидел?

Она остановилась:

– Женя, я вижу, что Вы заблуждаетесь. Я – не сотрудица, я никем не обижена, я – жена Кладова.

Ты понимаешь... Клянусь, мне показалось, что сразу все потемнело, не потемнело, а стало серым все. Со мной два-три раза было такое. Все – серое, я одна стою – вот такое чувство... Потом я все-таки овладела собой. Она говорила что-то, я ей тоже... Она сказала:

– Женечка, я не пришла ругаться. Я знаю все. Мой Саша никогда мне не изменял, никогда не обманывал и не врал. Только бредит ночами, только кричит

«Женя». Так я узнала, что Вас зовут Женя. Я узнала, что Вы живете рядышком, прямо с нами – вот наша квартира в этом доме.

Они по Шоссейной живут, чуть дальше нас – большой красивый кирпичный дом ингушский, отобранный дом, ну, национализированный.

– Я смотрю на Вас и вижу, что Вы – очень добрая, хорошая девочка. Ну, Вы знаете, Вы – молодая, Вы найдете такого Сашу, а я не найду. Но я не была хуже Вас, когда я выходила замуж. А сейчас я – очень больная, у меня – туберкулез, и у девочки тоже. Несмотря на мою болезнь, он никогда меня не оставлял и никогда не обманывал, а сейчас спит и во сне кричит «Женя». А я увидела его лицо, и он мне все рассказал. Я знаю все, что он влюбился в Вас. А Вы... Вы... влюблены в него?

– Да.

Понимаешь, я даже подумать не успела, когда сказала «да».

– Но, – я говорю, – он мне ничего не сказал.

– Я знаю, – она говорит, – я знаю, я все знаю. Вы понимаете, мужчина, когда вот так теряет голову, он готов куда угодно с вами.

Вы знаете, что я заявляю этой женщине? Я просто поражаюсь, я говорю:

– Вы поверьте мне, я сделаю все, что от меня зависит... Он вернется к Вам.

– А он и не уходил от меня, – она сказала.

– Ну, душой, я хочу сказать.

Она улыбнулась сквозь слезы:

– Ты хорошая девочка.

– Я сделаю все, что от меня зависит.

Боже мой! Я шла, и акации с кругленькими шапочками, высаженные по той, правой, стороне дороги, почему-то бежали мне навстречу. Не я шла мимо этих саженцев, а они, они бежали. Может быть, это из-за слез, которые застилали мне глаза, не знаю, но я овладела собой только когда уже вышла на проспект Сталина. Это была главная улица. На этой улице стояли и Совет Министров, и наше управление. Я зашла к себе и села. Очень помятая. Очень смешанные были у меня чувства. Я даже не знала, что делать и что говорить. Вскоре вернулся с перерыва Хетагуров, что-то он у меня спрашивал, я что-то отвечала ему, потом еще кто-то, куда-то меня вызывали, потом я зашла к себе в кабинет и... звонок.

– Это я.

– Я сейчас занята, подойдите к концу рабочего дня, пожалуйста.

На «Вы». Вот так я ему ответила и положила трубку. Больше звонка не последовало. А его «апартаменты» – Статуправление – находились очень недалеко, тоже по Максима Горького. Через какое-то время дверь открылась, и он встал в проеме двери. Я помотрела на него – не было лица на нем. Мне просто хотелось рыдать, хотелось кричать! Ничего этого я не сделала. Я встала, подошла, немного вытолкнула его (Хетагуров там сидит):

– Подойди к концу рабочего дня, обязательно подойди, а сейчас иди.

Я закрыла дверь.

Когда рабочий день кончился, я вышла, смотрю: он сидит уже на скамейке (там бульвар посередине улице идет). Поднялся, перешел улицу. Впервые за

короткое время нашего знакомства я взяла его под руку, с правой стороны его поставила.

– Саша, давай вот так пройдем, там есть очень красивый скверик. Я люблю этот сквер, пойдем туда?

– Пойдем.

Мы пришли. Мне нравился этот маленький скверик со скульптурными украшениями. Там купидончики, там же стоит Аполлон, а вокруг лягушки и из их язычков бьют фонтанчики. И вот под каким-то большим деревом мы сели.

– Саша, сегодня была Ваша жена.

– Я знаю, я знаю.

– Знаешь, Саша, мне кажется, что нет на земле другого человека, которого я могу полюбить так, как тебя, а вместе с тем, я шагу не сделаю к тебе, навстречу этому чувству, потому что женщина, которая сегодня пришла ко мне, чего-то стоит. Вот вообрази, Саша, если бы ты оказался в ее положении, ты был больной, туберкулезник, она – цветущая женщина и вдруг влюбилась в кого-то... Что ты мне ничего не сказал?

– А что ты читаешь мне мораль? Я, что, тебя сватал, я тебе предложил что-то?

На самом деле ни одного слова не было сказано: вот только он сидит, смотрит не спуская глаз, шутит...

Но почему Хетагуров мне ничего не сказал? Ведь они все знали, что он женатый. Все, Натэлла знала об этом, взрослая женщина, она всегда опекала меня как дочку. Никто не сказал, не знаю почему. Мне было очень обидно, что никто мне ничего не сказал и что так я влипла. Ну, может быть лучше, что так получилось. Я ему говорю:

– Ты обязан, ты обязан вернуться к ней.

Как можно было такую вещь ему сказать? Он же мужчина, взрослый, дочери его уже семь лет.

Господи, никогда у меня таких отношений не было, и никогда я не чувствовала, что такое любовь.

Короче, после этого странного моего разговора с Сашей, я больше не видела его. Я слышала через несколько дней, что Кладов переезжает. Никого не спрашивала, куда переезжает, зачем едет, с кем... Я вообще не хотела слышать что-либо о нем. Никакого зла в душе не было, только восторг, что это порядочный человек, что это необыкновенно добрый, хороший человек. Я убеждена в этом и сейчас. Я, конечно, была намного моложе его, совершенно не опытная. Он мог и одурачить, мог непорядочно поступить, тем более я так была влюблена в него. Он – очень порядочный человек, не то, что другие, которые занимали крупные посты, а сами старались кого-нибудь соблазнить. Так что я остаюсь очень хорошего мнения о нем. Когда меня арестовали органы госбезопасности, его допрашивали по моему делу, но мне не дали читать его показания. Если бы он что-нибудь плохое сказал обо мне, определенно они зачитали бы мне. Они не зачитали. Я сейчас имею полную возможность пойти посмотреть все это, но просто не хочется беречь все это. Что это мне даст? Сказал он плохо или хорошо, ничего уже не поменяется. Нет, он не мог сказать ничего плохого.

Нет, я в это не верю. Он восторгался, говорил: «Если бы у нас было хотя бы десять тысяч таких девушек, как ты, мы построили бы социализм». На полном серьезе он часто так говорил. Не может быть, чтобы он что-то наплел про меня. Но память о нем (есть же такие люди на свете!) помешала мне выйти замуж. Я позже не встретила человека, которого могла бы поставить с ним рядом.

– У меня все время возникает вопрос: как Вы могли полюбить человека совсем из другой культуры, человека, воспитанного не по адыгэ хабзэ (адыгскому этикету?) – Мирзоева Н.

– Вот в этом вы не правы. Я – другого воспитания. Русский ли, еврей ли... я говорю это не из-за расовых соображений, но вот за негра я не смогла бы выйти замуж, честно скажу. А вот скажи «мусульманин», я за некоторых мусульман тоже ни за что не смогу пойти.

– Тетя Женя, я не потому это говорю, что он другой национальности, а потому, что он воспитан в другой культуре, у них другое понимание взаимоотношений в семье, другое этикетное поведение. – Мирзоева Н.

– Теперь послушай сюда. Я с этим человеком столкнулась на производстве. Каждое утро он на своем коне (он пораньше завтракает и пораньше выезжает) подъезжает, а у меня окно открыто, я сплю, обязательно голова его уже у меня в комнате: «Доброе утро. Смотри, чтобы у тебя был сегодня успех». Вот скажи, пожалуйста, приятно или неприятно? Я с ним общалась на производстве, как с человеком умным, рассудительным по всем вопросам. И потом, мы были на одной философской позиции: и он марксист, и я. А какая у меня была идеология? Где я могла другую идеологию иметь? Я – такая же комсомолка, хоть и беспартийная. Сталин, Ленин, Маркс, Энгельс, коммунизм, социализм – это все, что у меня есть. Других нет идеалов. В общем, нас ничего не разъединяло: языковой барьер я не ощущала, я свободно изъяснялась на русском языке, нас это совершенно устраивало. А в семье какие у них обычаи? Я там не была, ничего не видела, не знаю. А он – образованный, цивилизованный человек, личность на уровне европейской культуры. Даже я тебе скажу так: пусть это сто раз будет кабардинец, я отсталого, допотопного, средневекового – никогда не полюблю. Не смогу. Не смогу. Я не хочу, чтобы он был фанатиком, религиозным фанатиком. Ты понимаешь меня? Моя религия – это моя тайна, это мое дело, это мое отношение с Богом, я верю в какую-то систему, я верю, что есть высший Создатель. По крайней мере, я идеалист в этом плане. Теперь, не тогда. Тогда мы все были безбожники, что там говорить. Это так плоско, так примитивно, но мы говорили: «Все. Никого нет, ничего нет». Вот видишь как легко. Мне очень трудно, когда я начинаю задаваться вопросами: кто я, почему я появилась на свет и куда я пойду? Чем больше вопросов, тем меньше ответов. Иногда можно с ума сойти, думая об этом. Это вот как я стала учить математику, нам говорили: «Параллельные линии не пересекаются». Когда я себе пыталась это представить, часто боялась, что чокнусь. Я веду эту линию, веду, веду, моря, звезды... Где же конец? Нет конца. Это ужас.

Вы знаете, у этого человека было все на уровне высокой культуры: как он ел, как он курил, как он разговаривал, как он шутил. Я не слышала ни одного похабного анекдота от этого человека. Каким он бархатным голосом пел, когда

я играла на аккордеоне. Это он один мог петь под такой аккомпанемент. Я самоучкой немножко играю почти на всех музыкальных инструментах, кроме баяна: на пианино, скрипке, балалайке, мандолине. Наверное, если бы благоприятная среда была, я стала бы музыкантом. И потом как интересно было: он – взрослый мужчина, а я думала, что он парень моих лет. Я не понимала даже его возраста, у меня никогда даже не возникал вопрос: он женатый или нет. Мы играли в клубе на полном серьезе в одноактной пьесе, и он переживал, когда у него срывалось... Наверное, у меня было больше артистических данных, я очень интересную мизансцену придумывала и разыгрывала, а у него получалось как-то неуклюже. И вот стоит хохот настоящий, юмористический – он смеется над собой, что проваливается. Удивляться, что я влюбилась в него, нет оснований: это был не Ванька с деревни, а очень высокого полета парень. Я не встречала такого. Причём внешне... Внешне он был очень интересен: рост высокий, сложен красиво и при этом не массивный, а изящный. Жгучий брюнет, черные волнистые волосы, довольно крупные зубы: когда он улыбается, одно удовольствие смотреть. Когда он смеется, смеются все: просто он заражает своим весельем окружающих. Это был очень добрый, очень, очень хороший человек. Ведь он же не зря оставлял свою работу и приходил ко мне. Приходит, сидит за моим столом и только что-то пишет, рисует. Ведь он не сказал мне ни слова. Наверное, он понимал, что он женат, что он старше, а я – девчонка неопытная, и морально он не имеет права меня обмануть. Может быть, оберегал меня... Это все благородство. Я ни одного пошлого поступка за ним не заметила. Так что я и до сих пор люблю его. Кто бы за мной ни ухаживал, сразу вставал перед глазами Саша. И я понимала: нет, не сравню его ни с кем.

А, может быть, это все я нарисовала и живу в этом придуманном мире. Это тоже может быть. Ну, во всяком случае, это очень красивая личность, безупречная личность, которую я «создала». Так что не удивляйся. И потом я не страдаю национализмом, у меня его нет. Мне кажется добрый, хороший человек близок к Богу настолько, насколько это возможно. Ты не принимаешь такое? Добрый, хороший человек – он очень близок к Богу. Даже не имеет никакого значения, через религиозные верования ты или через научное понимание пришел к этому.

– Меня смущает не столько религиозная принадлежность, сколько то, что он воспитывался в других национальных традициях. Вот какие могли быть отношения у него с Вашей семьей, у Вас с его семьей в нормах этикета? – Мирзоева Н.

– Сейчас я тебе скажу. Если бы я вышла за него замуж, я уверена, что мы жили бы очень мирно, очень. Когда человека любишь, для него можно все сделать. А он тоже меня любил. Ну что мать? Мать – женщина, которая подарила мне такого парня. Господи! Я бы обожала ее как родную. Я бы уважала его родителей, традиции, какие у них есть.

– Вы – понятно, Вы бы уважали, а как он бы? – Мирзоева Н.

– Безусловно. А как же муж Майи (племянница Е. Дж. Налоевой была замужем за русским. – А. М.) [38]. Он соблюдал все обычаи и во время смерти моего брата, и во время смерти моей сестры. После смерти Нафо он даже плакал вместе с нами. Он – больше кабардинец, чем даже кабардинцы. Это из-за любви

к Майе он такой. В то же время он не потерял национального самочувствия, самосознания: если что-нибудь плохое скажут о русских, он горой становится. А почему бы и нет?

– **Это здоровое явление. – Мирзоева Н.**

– По-моему, да. А потом у меня нет ненависти к русским, у меня есть ненависть к политическим системам, созданным в России. Что царизм, что коммунизм – для меня это одно и то же. Обе эти формы были тюрьмой народов. Даже царизм, наверное, получше был. Царизм, монархия, пусть даже деспотичная, – это открытая диктатура, открытая. Никто не играет в демократию, как Сталин – вождь мирового пролетариата. Где этот пролетариат мировой и где он? Что он сделал для этого мирового пролетариата? Как жили рабочие здесь, на его родине? Его надо выкопать и судить как преступника военного, как преступника политического, как врага народа, кости его предать сожжению... Даже не знаю, как сказать... Вот кто враг народа, даже всего человечества! А если им суждено было победить, что было бы? Слава Богу, такой экономической системе не суждено было жить. Коммунизм – это исторический выкидыш, недородок какой-то, урод, еще острее могу сказать. Я ненавижу, ненавижу это все. Это было все основано на насилии, на лжи. Боже мой! Кто имел право решать, кто враг, а кто не враг? Я вообще не понимаю этого. Поэтому сейчас у нас вот этот бардак существует. Это создано тогда, это – наследие коммунизма, во-первых. Во-вторых, все руководство – бывшие коммунисты, они отошли от коммунизма, но создать новое они не в состоянии: их образование, их философское мышление не в состоянии создать что-либо. Если девятнадцать веков понадобилось, чтобы создать европейский капитализм, мы не можем за два-три года догнать и перегнать его, как хотел этого Хрущев. (Н. С. Хрущев – первый секретарь ЦК КПСС в 1953–1964 гг., ставил задачу догнать и перегнать капиталистические страны по уровню экономического развития и обещал, что современное ему поколение советских граждан будет жить при коммунизме. – А. М.) Я уже не была той дурной девочкой, которая верила во все. И эти слова «догнать», «перегнать» я все время представляла себе так: бежит нищий с котомкой, задница рваная, пятки торчат из дранных носков, а впереди бежит другой, во всем новом. И я думала, когда же он догонит и перегонит его? Если это случится, то тогда мы пропали. Вот они бегут, а я говорю: смотри, смотри, не дай себя догнать...

– **Кладов уехал. Вы остались. Да, тетя Женя? – Мирзоева Н.**

– Уехал. На этом все. Я больше его не видела, не слышала, хотя он очень, очень большую роль сыграл в моей судьбе и постоянно присутствовал в ней. А что бы Саша сказал, если бы вот так? Знаете, я советовалась мысленно с ним.

И когда говорят, что нет однолюбков... Есть, есть. Ну не будем больше говорить про него. Дай Бог ему здоровья, если он жив.

Еще один эпизод из периода моей работы в культпросветуправлении.

Была весна. Как раз шла посевная кампания, когда однажды в бане (тогда же не было квартир с ванными. Мы должны были и в холод, и в грязь, и в дождь, и в снег пройти километров пять пешком, чтобы выкупаться, освежиться и вернуться) украли у меня туфельки. Это были мои последние, хоть и стоптанные, туфельки. Вышла из бани, клеточку открыла – нет обуви. Можешь представить

мое положение? Я никогда не плачу, когда что-то теряю или когда что-то крадут у меня: я всегда вхожу в положение того, кто взял. Если этот человек взял что-нибудь подобное моим туфлям, то он, наверное, очень сильно нуждался. «Наверное, такая же бедолага, как и я, забрала. Черт с ними», – подумала я и пошла домой босая. Чулки надела и пошла.

Огорчила я очень сильно этой пропажей и маму и сестру, потому что денег у нас нет, а, самое главное, туфель нет ни на базаре, ни в магазинах. Надо сначала получить на работе талон на туфли, а это непросто: надо встать в очередь на получение такого талона, а если талон один на весь рабочий коллектив, то его кому-нибудь дадут, но не мне, я же не первая там. Плюс к тому надо еще заплатить и выкупить этот талон. Дома у нас обуви нет: сестра моя Нафо ходит на работу в стоптанных туфлях, у нее ноги – большие, 38 размер, я их не смогу одеть; у меня есть еще чупаки, но они – очень истоптанные, ужасные и никуда не годятся; есть старые галоши матери – а мама в чем будет ходить? Есть еще чесанки, красивые чесанки. Когда Владикавказ был в прифронтовой полосе, у нас во дворе сидели военные, и кто-то оставил эти чесанки.

– **А что это? – Мирзоева Н.**

– Это валенки, не простые, грубые, а очень изящные.

Я зашла в чуланчик, взяла их, с большим трудом отпилила голенища.

Весь вечер мы обсуждали, как мне быть, и после того, как сравнили все варианты, то остановились на этих чесанках. Бедная мама моя! Она была с большим юмором – надела эти валенки и протанцевала на месте. «Очень, – говорит, – удобная обувь, умница ты, иди завтра в них».

Но то, что я буду в них хромать, я не сказала им.

Выхожу из дома нормально, потому что все знают, что я – не хромяя. Там маленький домик – всего пять семей, все знают почти все друг о друге и в том числе то, что у меня туфли украли. Там нельзя это скрыть. А вот когда выхожу на улицу Максима Горького, когда иду на работу и на самой работе – я уже хромяя.

– **Вы хромали, потому что чесанки натирали ногу? – Мирзоева Н.**

– Нет, ничего подобного. Я стесняюсь говорить, что у меня туфель нет, а как объяснить, что я весной, в жару хожу в валенках? Поэтому я говорю, что у меня нога болит (когда-то я была ранена в ногу, и оставался шрам), в туфлю не помещается, поэтому туфель не одеваю, а хожу в валенках: не буду же ходить так, что одна нога – в валенке, другая в туфле.

Вдруг опять это извечная командировка в районы.

И вот сидит Хетагуров, распределяет инспекторов в районы.

– Налоеву, – говорит, – я послал бы в Виноградный и Моздокский районы, в эти два района, но ноги у нее болят.

А меня в жар бросило: знаю, что итак не хватает людей, некого посылать. Если большой район – одного посылают, если маленькие районы, то в два района тоже одного человека посылают. И тут я говорю:

– Георгий Соломонович, я поеду, у меня не настолько болят ноги, что не смогу поехать.

– Да, поедешь? Тогда я отвезу тебя сам в Виноградное.

– Хорошо, – говорю, – спасибо.

– А сейчас иди домой и приготовься.

Я вышла хромая и хромая пришла домой. Он сказал, что часа в три-четыре подъедет. А пока время было, затеяли мы с Майкой (племянница, дочь сестры Нафо. – А. М.) играть в прятки. Она спряталась, я заметила ее, выскочила из-за угла, вовсю бегу, и Майка бежит. С криком «Сейчас догоню» я оглянулась и застыла... Ужас. Хетагуров стоит, смотрит. Ничего я не сказала. Зашла спокойным шагом, а там забора нет (все в войну растащили): он видит, что я нормально хожу. Я поднялась по ступенькам, надела чесанки, взяла свой портфель и вышла уже хромая. Хромая, я подошла к машине. Он сидит с шофером, задняя дверь открыта для меня, я села, и мы поехали.

– Хм, – головой качает Хетагуров. – Удивительно. Хм, ну даже так, а?

Я поняла все.

– Георгий Соломонович, чему Вы так удивляетесь? Этим моим чесанкам, моей хромоте?

– Да, именно.

– Георгий Соломонович, я Вам скажу причину. В бане украли у меня туфли, туфель у меня нет и денег нет, на что купить, стесняюсь в такую жару в чесанках ходить, поэтому хромаю.

У него рот открылся:

– Да ты что? Девочка моя, Боже мой, да ты что?

– Да, и там буду хромать, мне стыдно.

Наверное, и десяти дней не была я в районе, когда телефонограмму дали, что меня отзывают. Я приехала, и мне вручили талон на туфли и деньги, на что их купить...

Вот такой высокопорядочный и добрейшей души человек был Хетагуров. Он очень ценил меня как работника, а я при таком начальнике выкладывалась вся, работала на совесть. Если мне говорили, что надо работать, я оставалась до вечера, являлась в любой час. В самые сложные районы мне предлагал ехать Хетагуров: «Поедешь, а?». Я всегда соглашалась. Если бы он сказал, что надо тушить пожар на краю света – я бы пошла.

...Наверное, я до сих пор оставалась бы там, стала бы чиновницей, если бы меня не выгнали оттуда.

Случилось все так. По сигналу, что запущены пшеничные поля в Эльхотовском районе, меня командировали туда на целый месяц. Я должна была обследовать поля, составить акт за подписью секретаря райкома и председателя колхоза и доставить к следующей сессии Совета Министров.

В Эльхотово я остановилась при горисполкоме: там диванчик был, на котором я ночевала. Гостиницы нет. Какие гостиницы? Какие столовые? Война же идет. Вот что-нибудь мать мне даст в дорогу – это моя провизия. Очень ласково принял меня председатель горисполкома (по-моему, Евлоев была его фамилия). Но стал говорить так: «Давайте отложим поездки, напишите что-нибудь и уезжайте». Но со мной так нельзя.

– Нет. Я – уши и глаза Совета Министров в данном случае. На вас есть жалобы, поэтому меня и прислали сюда проверить и доложить. Я ни за что не

уюду, пока сама не посмотрю поля. Я с крестьянской душой человек, я хорошо знаю, что такое пшеничное поле.

Тогда решили дать мне машину.

– Ладно, – он говорит, – завтра дадим машину, обследуйте Ставд-Дуртский, Аланский – два района, два села.

– Хорошо.

Назавтра подъехала какая-то голубая маленькая машина, и я уже собралась ехать, как в горисполком зашел мужчина. Красивый, с белозубой улыбкой, необыкновенно высокого роста, крупного телосложения. Он был шикарно одет. Пальто красивое, портфель толстый, набитый чем-то. У него был такой представительный вид, что, когда он зашел, я не просто поднялась, а вскочила. И по-осетински и по-русски поздоровался.

– Мне нужно, – говорит, – в Ставд-Дурт попасть. Где можно машину найти?

– Вот сейчас представительница Совета Министров поедет в Ставд-Дурт, с ней можете поехать, – говорит секретарь.

– Это Вы едете?

– Да, – говорю, – я.

– А где Ваша машина?

– Вот, – я в окно показала.

– Отлично, – обрадовался он и стал рассказывать анекдоты легкие такие, смешить всех.

Мне неудобно было спрашивать, кто он, с чем и как. А про себя подумала, что он – актер.

Мы еще не выехали, когда, при нас, с горисполкома позвонили в Ставд-Дурт и сообщили, что к ним едет инспектор Совета Министров по проверке состояния полей.

– Смотрите, – по-осетински секретарь сказал, – сделайте все, чтобы отговорить от поездок на поле или покажите то, где получше.

Я сделала вид, что ничего не поняла, ничего не сказала.

Наконец, мы вышли, сели. Я не люблю с шофером садиться. Тем более, он – мужчина, значит, сел с шофером, а меня посадили на заднее сиденье. Поехали. Подъехали к сельскому совету. Оттуда вышли четыре человека – осетины – секретарь партбюро, председатель сельсовета, председатель колхоза и еще какой-то чин.

Мужчина, поехавший со мной, вышел из машины весь такой солидный. «Добрый день!», все такое по-осетински. В общем, они приняли его за инспектора и завели в здание.

А я вышла из машины и остановилась. Стою. Что мне делать? Очень напоминаю себе персонажа гоголевской комедии («Ревизор». – А. М.). Думаю: зайду. Зашла, поздоровалась. Кто-то ответил: «Здравствуйте», а он там сидит и рассказывает им что-то, все смеются. По-моему, они еще не раскусили, кто он. Я говорю:

– Извините, пожалуйста, кто председатель сельсовета и председатель колхоза?

– Я буду председатель колхоза, – отвечает один из них, – а что Вы хотите?

– Я стою, жду уже полчаса, а мне нужно обследовать ваши поля и составить акт.

– Господи, о горе! – сказал он по-осетински.

– А Вы – кто? – обратился он к этому представительному мужчине.

Оказалось, что он – директор дома культуры, сказки собирать поехал, а сам сидит и рассказывает эти сказки. Вот такое было положение. Все встали, забегали, заволновались. Ну, наконец, выехали мы. Этот красавец там остался, а мы поехали по полям: они свою машину взяли, и мы на своей машине следом.

Я в жизни не могла бы подумать, что такое поле можно увидеть: оно было сплошь покрыто желтыми-желтыми цветами, длинненькими как пшеница. Они мешают росту пшеницы, она от них портится. Я забыла название этих цветов.

Потом начался спор. Они старались, правда, очень мягко, уговорить меня не составлять акт:

– Ну это бывает.

– Я знаю, что бывает, именно бывает, у вас тоже есть, и я должна зафиксировать этот факт. Почему не провели прополку, почему довели до цветения?

В общем, я составила акт, что все поля в колхозе Ставд-Дурта не прополоты и засорены этим растением. Оттуда я поехала в Алан, следующее село. Оттуда – в Эльхотово – районный центр. Точно такая же картина. Я вернулась и стала составлять акт. Вот как будто я сейчас его вижу, добрый такой председатель райисполкома, очень попросил:

– Я вас очень прошу, не пишите так. Пожалуйста. Вы понимаете, что это значит для нас?

– А что вы предлагаете?

– Ну, напишите, что поля где-то хорошие, а где-то не прополоты.

– Вот я так напишу, а тот, который писал эту анонимную жалобу, из-за которой меня и направили сюда, может здесь присутствует, слушает, что Вы говорите. И он разоблачит меня? Я не могу этого сделать, у меня за спиной нет партийного стажа, как у Вас. Я – молодая, меня могут сразу уволить.

Он пошел к секретарю обкома партии, пригласили меня к нему, разговаривали очень мягко, даже с улыбкой, но не смогли меня сломать. «Ладно, давайте, пишите», – согласились они наконец.

На следующий день, в воскресенье, мне предоставили большой зал, где заседания проходят. Я сижу там пишу. Пришел снова председатель райисполкома, и с ним – третий секретарь. Очень красивый молодой человек, как будто сейчас его вижу: черные глаза, черные брови, волнистые волосы, нахальные усики, как у грузин; бриджи на нем красиво сидят; сапоги, обтягивающие тонкие ноги, блестят как зеркало; рубашка красивая – ну, картинка. В общем, его подослали, чтобы он уговорил меня не писать. Он зашел, улыбнулся, сел.

– Слушай, ну как можно так делать? Ты знаешь, чем это пахнет? В лучшем случае их снимут с работы. А это такие хорошие люди!

Я его слушаю, сама пишу, говорю ему:

– Ты мне мешаешь.

Он же молодой, поэтому я с ним так разговариваю, тем мужчинам я доводы приводила, почему я не могу так поступить, а тут – мальчишка.

– Ну как я мешаю? Ради Бога, ради Бога, я прошу, не пишите, – он, шутя протянул руку, наклонился и тут – тихий такой звук «туут» – ІэщІэкІащ макъ ищІу (нечаянно выпустил газы).

Молодость есть молодость: вместо того, чтобы сделать вид, что я ничего не слышала, я разразилась смехом: «Господи, ха-ха-ха!». Я так хохотала. Бедный, он соскочил, через окно прыгнул.

Спустя какое-то время зашел председатель:

– Слушайте, что Вы сделали с нашим парнем? Он хочет покончить с собой... Если б уступили Вы... Пожалуйста, я Вас прошу.

– Знаете что, я не люблю комедий, в конце концов я даже просто скажу, что мне отказали и уеду.

– Хорошо, давай, пиши.

Я составила акт, они подписали, я вернулась в город.

Эти люди, наверное, были не одиноки, у них были свои связи и в Совете Министров, и в обкоме. Может быть, они и вышли бы из этого положения: тогда некого было даже назначить на эти должности... Во всяком случае, это обострило отношения.

Это почти последний эпизод из периода работы в культпросветуправлении.

Итоги моей экспедиции в Эльхотовский район обсуждал Совет Министров (там не только Эльхотовский район, другие тоже, но в данном случае слушали отчет руководства Эльхотовского района). Меня предупредили, что я должна выступить. Я наизусть знала названия всех колхозов, кто руководитель, как, что сделали. Я подготовила хорошее выступление.

Но перед этим моим выступлением случилась одна беда.

Все мои беды, знаете, чаще всего связаны с мужчинами. И все равно я уважаю мужчин, мне интереснее с ними беседовать. Вот эти мелочи – одежда, пуговицы, пудра и все такое, о чем любят говорить женщины, – все это отсутствует в общении с мужчинами. С мужчинами можно обсудить какие-то проблемы. Вы понимаете, меня это привлекает. Но вот чаще всего я страдаю от мужчин.

Господи, из-за того, что у меня не было денег поехать в Москву сдавать экзамены, я перевелась в филиал ВЗЮИ – Всесоюзного заочного юридического института, который только открылся в Северной Осетии. Мне надо было закончить обучение, сдать государственные экзамены.

И черт меня дернул пойти на лекции, которые читали там (Я же сама читала их на республиканских курсах!).

В тот день лекция проходила в здании библиотеки, читал ее прокурор Северо-Осетинской Республики Зангиев, не помню, как его звали. Будь проклят он! Небольшого роста, крупные, черные глаза с синеватыми белками. Я его ненавижу, поэтому сейчас могу обрисовать его чуть ли не дьяволом. На самом деле, если бы он чуть выше был, – то довольно-таки видный мужик (чтоб он сгорел!). Он читал лекцию, я присела (я люблю всегда садиться близко к лектору, чтоб слышать все). Я писать лекции не умею, но что-то важное, новое для меня я тут же записываю. Вот, значит, лежит у меня записная книжечка, я сижу за

первым столом. Он все время смотрит на меня. Ну, понятно, его лекции уже были (он читает «Уголовное право»), а меня не видел, и я для него – новый человек. Я слушаю внимательнейшим образом и потом записываю. Когда он рассказывал о первых законодательных актах Германии, я чуть не вскрикнула – что-то он не совсем был грамотный, ляпнул что-то. Но он быстро перешел на практику, как он ведет следствие и так далее.

Он прочитал нам цикл лекций. Я посетила четыре из них. Не скажу, что они по сравнению с тем, что мне доводилось слушать, были очень познавательные, но все-таки даже самая плохая лекция может помочь внимательному ученику: она может привлечь интерес к каким-то проблемам, она заставляет думать, сравнивать с тем, что ты уже когда-то читала, когда-то слышала. И все это необходимая тренировка для ума. Поэтому я все эти четыре лекции посетила. Еще одну лекцию мы должны были прослушать, когда он во время перерыва как бы невзначай подошел к моему столу и спросил:

– Что-то я Вас раньше не видел. Кто Вы, что?

Я ему чуть ли не отрапортовала, что работаю в управлении у Хетагурова при Совете Министров.

– А, это культпросвет? А ну, смотри, молодец, какие набирает кадры! А до этого чем Вы занимались?

Нельзя мне было говорить, что меня вытурили из парткабинета и что я была директором детской библиотеки. Я это и не сказала.

– Я, – говорю, – педагог, историк.

– Это великолепно. Раз Вы – историк, значит, могли бы читать лекции и на юридическом.

Ну вот так поговорили. Последнюю лекцию прослушала.

Вскоре ко мне на работу позвонили, меня не было, и просили передать, что он, Зангиев, меня вызывает.

Я пришла. Господи! шикарный кабинет. Я зашла.

– А-а-а, – он вышел из-за стола, поздоровался со мной, усадил меня и на ключ закрыл дверь.

Я это усекла очень быстро, думаю, сейчас разочарую его. Самец. Я ненавижу самцов, я люблю мужчин, но не самцов. Меня нужно завоевать, надо, как Кладов, расположить, чтобы я уважала тебя, любила. А это все на меня действует наоборот: я стала очень агрессивная, и уже улыбка сошла с моего лица, я очень серьезно сижу. Он подошел, поставил стул под рукой.

– Как, где Вы учились? А впрочем, зачем Вы учились? Вы и так прекрасны.

Он хотел, наверное, схватить меня за голову, но я быстро соскочила.

– Вы знаете что? Я – не игрушка. Из-за того, что Вы занимаете такой пост, я не стану бесплатным приложением к Вашей личности.

– Что-о-о?

– Да. Как Вы смеете вызывать меня в свой кабинет и закрывать дверь на ключ? Что подумает Ваш секретарь? Девушка молодая зашла к нему, а он что там делает? Для чего Вы меня привели? Сейчас же откройте дверь, хотя я не боюсь закрытой двери. Если на то пойдет, я Вас выкину в окно.

В таких случаях – все одно, надо наступать. Ни единым словом не возражая, он подошел, открыл дверь широко и сказал:

– Пожалуйста.

Гордо вышла я. Дверь прикрыл за мной.

А теперь я выступаю на заседании Совета Министров по делу Эльхотова, а прокурор присутствует на нем с правом совещательного голоса. Я раньше никогда не была на заседании Совета Министров, и я не помню, чтобы я когда-нибудь докладывала. Это было в первый и последний раз.

Я увидела Зангиева, очень внимательно посмотрела на него, и он – на меня. Я поняла, что он забьет гвоздик в мой гроб. Я думаю, все равно надо выступить. И постаралась выложиться, доложить то, что я видела в Эльхотова, с прикрасами со всеми, конечно, без случая с этим молодым человеком.

Я еще разговариваю, стою, когда записка идет, передается. Он сзади сбоку сидит, а впереди – члены Совета, министры и все прочие. Записка ложится на стол Хетагурова. Он прочитал, поднял глаза, посмотрел на меня и быстро перевел взгляд туда, к Зангиеву. Я постаралась поскорее завершить свой доклад, сбежала с трибуны, обошла с той стороны. Лежит перед Хетагуровым эта записка раскрытая, и он напряженно смотрит на нее. Я посмотрела через плечо и прочла (я тогда не была слепая, как сейчас): «Где вы откопали это троцкистское охвостье? Это политический преступник! Зангиев». У меня перехватило горло. Там не место было разговаривать. Я тихонечко отошла. Я поняла, что судьба моя решена: меня вытурят, конечно.

По-моему, в таком же состоянии дождалась я Хетагурова после окончания заседания у себя в кабинете. Он пришел в управление, сел, достал записку, развернул ее, прочитал еще раз.

– Женя, откуда вот это все, почему Вы это все скрыли?

Я подошла.

– Я знаю, о чем Вы говорите. Я – не троцкистское охвостье. Что такое троцкизм не знал ни мой отец, ни мои дяди, ни мои братья, ни мои сестры, ни я. Я вообще не знаю, что такое троцкизм, честно сказать. Никакой не классовый враг я. Отец мой был одним из активнейших участников утверждения Советской власти на Северном Кавказе, он гораздо больше сделал, чем даже Катханов. Очень рано его загубили и все, что он сделал, предали забвению. А потом, конечно, его арестовали, конфисковали все наше имущество, я попала в детский дом, а из детского дома, скрывая свое происхождение, кое-как окончила я один вуз, а сейчас надо государственный экзамен сдать по юриспруденции. Ну вот, работаю у вас. А до этого я работала в детской библиотеке, была там директором. Вряд ли когда-нибудь эта библиотека обслуживала такое количество читателей, чем тогда, когда я там работала. Сейчас пойдите в рабочее время – закрыто это помещение. А у меня и выставки, и собрания, и лекции проходили. Иногда даже я сама их читала. И вот меня вытурили из библиотеки, а потом и из парткабинета. Вы поинтересуйтесь, какие лекции я читала на предприятиях, в учреждениях, в школах. Работая у Вас, когда-нибудь что-нибудь противозаконное где-нибудь в этих районах я сделала?

Я не зря думала, что он – порядочный человек. Он запустил руки себе глубоко в волосы.

– Не надо больше, – он сказал. – Но придется тебе уйти.

– Я знаю. Я уйду. Но если... если бы Вы смогли написать, хотя бы подписать, что я по своему собственному желанию...

– Не могу, – он сказал, – не могу я этого сделать.

Это сделала я. У меня и сейчас в трудовой книжке есть запись, как будто я ушла по собственному желанию, и там написано, что у меня одиннадцать лет стажа до поступления в управление. Из-за того, что я не могла подтвердить, что я работала, я уговорила человека, который печать умел подделывать: «Я тебе откровенно говорю: меня на работу не возьмут никуда. У меня опять начнутся голодные хождения из учреждения в учреждение. Спаси меня, сделай это. Я исчезну».

Я исчезла. Исчезла каким образом? Приехала я к брату.

– **Тетя Женя, значит, он Вас увольняет по статье? – Мирзоева Н.**

– Да. По этой статье никогда никто меня не взял бы на работу.

– **Вы теряете трудовую книжку? – Мирзоева Н.**

– Нет, я забрала эту трудовую книжку, но завела новую книжку, в которую написали просто «педагогическая работа», общий стаж педагогической работы до поступления в управление – одиннадцать лет.

С той трудовой книжкой в Осетии мне нельзя было сунуться ни в одно учреждение. Зангиев – прокурор республики, это уже сильный враг.

Вот в такой момент, когда я увольнялась, кто-то звонит в управление и спрашивает Налоеву. Мне говорят: «Тебя вызывают к телефону». Я подхожу. Незнакомый голос. Я спрашиваю:

– Кто это?

– Мне необходимо с Вами встретиться. Не могли бы зайти к нам?

– Что это значит – к нам?

Он говорит адрес, известный всем, – адрес МГБ (с 1946-го по 1953 г. Министерство государственной безопасности СССР. – А. М.).

– **Это Вас уже уволили, но Вы еще приходите на работу? – Мирзоева Н.**

– Нет, еще оформляют увольнение, а я прихожу на работу потому, что мне надо было сделать что-то... И там, наверное, знали, что я уволена, но еще хожу на работу. Поэтому к телефону позвали.

Я пришла. Меня встретил бывший следователь мой – красивый, дородный мужчина с солидным опытом кэбэшника. Долго разговаривали с ним. Он уже открыто делает мне предложение о сотрудничестве.

– Ну, Вы же сейчас в таком положении: у Вас нет денег, у Вас нет возможности устроиться. Мы поможем Вам.

– Я в штатные работники в любой орган пойду, в том числе МГБ. Штатные. Но во внештатные – никогда, – сказала я ему.

– **Они Вас уговаривали стать доносчиком? – Мирзоева Н.**

– Да, да. Он мне назначает свидание. А я не знаю, что хочет он сказать мне на этом свидании. Я хотела выйти из этого здания: я боялась, что меня оставят там. Понимаете? ...Все бывает там. Даже если начнут копаться, все мои подделки с документами выйдут на свет... Меня бы арестовали, я не чувствовала себя в безопасности... Поэтому говорю:

– Хорошо, давайте встретимся. Где вы хотите?

Он мне назвал местом встречи мечеть за Тереком.

– Вот там, – говорит, – скверик, ждите меня там.

– Хорошо.

Я пришла на свидание рано, раньше назначенного срока. Уже стало темнеть, но я не торчала там. Там очень красивая роща, зашла в рощу, стою и смотрю, придет ли он. Да, он пришел, фонарь у него, фонарем осветил раз, посмотрел, даже по мне скользил этот фонарь, но я стояла глубоко в роще. Я дрожала... Нервы были на пределе. Он постоял, повернулся в ту сторону и пошел, а я вышла, тоже пошла вслед за ним. Он освещает – там же темно, я иду вслед за ним. Через мостик такой трясучий он перешел, грузный мужик такой – даже мостик дрожал. Темно. Если бы он обернулся... Нет, было темно, он не увидел бы меня. А я не знаю, почему я шла. Я посмотрела – он пошел в МГБ. Не домой (я не знаю, где он живет), а в МГБ. Я проследила, как он зашел в здание МГБ, и пошла домой.

Наутро рано я пошла на работу. Между прочим, бедный Хетагуров, он мне заплатил еще за десять дней. В это время, дай Бог ему всего хорошего, каждый рубль для меня – это была сумма.

Я подошла к Хетагурову поблагодарить:

– Георгий Соломонович, я не знаю даже, как благодарить Вас. Огромное Вам спасибо.

Он писал что-то, поднял голову, посмотрел на меня так участливо, задержал взгляд и потом сказал:

– Я потрясен тем, что я увидел. Мы мало знаем свой народ.

– Чем же Вы потрясены? – спросила я.

– Боже мой... с этой обувью Вашей.

Переезд из города Орджоникидзе к брату Аслангери в село Жемтала Кабардинской АССР. Начало работы в Кабардинском пединституте в городе Нальчике

Одновременно с тем, что меня уволили, и в семье нашей тоже обстоятельства осложнились. В 1947 году случайно мы получили известие из Старого Уруха о том, что родной брат мой жив. Это было событием для нашей семьи. Почему-то мы плачем, когда нам хорошо и когда нам плохо – мы все рыдали.

Он работал в Чеченстрое, где выпускали катюши, снаряды для катюш, ракеты. За то, что он активно работал, его досрочно освободили. Потом он, бедный, приехал в Орджоникидзе. Приехал, надеясь на то, что раз его с похвалой досрочно освободили, то ему помогут трудоустроиться. Но не нашел он в Осетии работу. Месяц, два, три пытался прописаться. Ничего не выходит. «Уезжай» – и все. А потом ему дали двадцать четыре часа, чтобы он покинул город. Ему некуда идти, очень тяжело было. И он поехал в Кабардинскую республику (тогда балкарцы были выселены, и она называлась Кабардинской Автономной Советской Социалистической Республикой), в Советский район,

в котором его друг детства Бетрозов Хажисмел был секретарем райкома. Там в селе Жемтала было какое-то предприятие, на которое он и устроился технологом.

А теперь, когда меня вытурили из Совета Министров и мной заинтересовался МГБ, мне пришлось покинуть Северную Осетию. Мама сказала: «Поезжай к брату».

Второй раз я еду к брату: то в Среднюю Азию, а теперь в Кабарду. Я очень боялась, честно говоря, ехать. Приехала в Жемталу. Ему готовлю, стираю, убираю – хочется чем-то полезной быть. Потом как-то в этот же район Советский приехал старый друг брата и наш родственник Мирзоев Асланбек (Мирзоев Асланбек Хатутович. – *А. М.*). И вот они сидят втроем с Хажисмелом Бетрозовым и между собой говорят: «Разве можно такую образованную девушку здесь держать кухаркой?». Бетрозов говорит: «Я устрою тебя в школу учительницей», а Мирзоев сказал: «Я попытаюсь, чтобы в пединститут взяли». Я ему говорила, что я аспирантка и так далее. Через некоторое время Мирзоев позвонил, сказал, чтобы я приехала к нему в Нальчик. Он устроил встречу с директором Кабардинского пединститута Петром Анисимовичем Лебедевым. Он написал вызов, прошение и меня устроили на работу ассистентом кафедры истории народов СССР.

8 сентября 1948 года я вышла на работу в пединституте. Работа была для меня нетяжелая: я до этого преподавала на кафедре марксизма-ленинизма в мединституте Северо-Осетинском, пока не выгнали, потом в Црау в школе я тоже преподавала, кроме того, читала лекции по теории и истории государства и права для работников суда и прокуратуры – в общем, солидный педагогический стаж у меня был.

Вначале лекции мне не дали, а дали практические занятия. Я эти семинары проводила довольно-таки хорошо, затем дали мне лекционный курс на заочном отделении, а потом и на дневном.

Но я проработала очень мало.

Сейчас, вспоминая этот период, я поражаюсь, как все-таки это сложилось удивительно для меня.

Вот здесь, в Кабарде, я столкнулась с большим нарушением, как бы сказать, даже той куцей советской демократии.

Исключали, сейчас я не помню фамилию, с пятого курса студента за то, что он во время ссоры выразил недовольство по отношению к секретарю парткома. Меня это удивило: как можно за это исключать с института? Секретарь парткома – тоже ведь человек, тоже может ошибаться. Я попросила слово на общем собрании пединститута, где обсуждался вопрос об исключении этого парня.

– Этого парня я не знаю, собственно. Но я не вижу, что он хулиган. А здесь за хулиганство и проявление неподчинения чуть ли не уголовщина светит парню. Все-таки вуз потратил столько средств: четыре года обучали парня, до пятого курса довели, а теперь, когда должна быть отдача от него, вы его выгоняете. Я считаю, что так нельзя делать. Здесь комсомольская организация, здесь партийная организация, здесь педколлектив. Давайте перевоспитаем, воздействуем как-то. А если он еще где-то что-то проявит, тогда уже можно принять такие крайние меры.

Вот в таком плане я выступила. Потом, год спустя, это мое выступление представили так, что якобы этот парень из «классовых врагов», и Налоева защищала представителя «классового врага». А я даже не знала, кто он. Это первое.

Второе, что меня удивило, – отсутствие кабардинцев в этом пединституте. Я – единственный человек из кабардинцев, который читал историю. И на других факультетах такая же картина. Абитов (Абитов Мухаб Лукманович. – А. М.), Карданов Буба (Карданов Буба Мацикович. – А. М.), я и заместитель директора пединститута по заочному отделению – вот и все кабардинцы. Больше никого не было – здесь были кто угодно, только не кабардинцы. Мирзоев Асланбек мне не говорил об этом, но, как оказалось, сам Петр Анисимович попросил его найти кабардинца, который мог бы работать в пединституте. «Помоги, поищи», – сказал он. Сказал, потому что решением ЦК было указано обкому укрепить национальные кадры в Кабардинской республике. Всех грамотных посадили, расстреляли – осталось совсем мало кабардинцев в государственных органах. Именно на волне этого постановления пленума ЦК я и была приглашена в этот пединститут. И меня это очень удивило, что так мало образованных кабардинцев. Еще, что меня удивило: кабардинцев было очень мало в общем количестве студентов, и почти все они были из сел и не владели русским языком. Городского населения среди кабардинцев было очень мало, можно сказать, их вообще не было среди моих студентов. И вот на семинарских занятиях они задают примерно такие вопросы: «Что такое кодификация? Что такое манифест?». Ну, просто неграмотные. Это тоже меня удивило.

– **В Северной Осетии уровень грамотности был выше? Здесь всех грамотных перестреляли, поэтому? – Мирзоева Н.**

– Гораздо. Вы знаете, мне кажется, здесь очень сильно поработал Калмыков. Ни в одной автономной, даже союзной, республике не было так много расстреляно грамотных людей, как это было сделано в Кабардино-Балкарии. Это меня удивило. И еще что меня удивило. Семейственность Петра Анисимовича Лебедева. Работает его жена, работает еще один родственник, еще один родственник... И еще что интересно: членами Ученого совета считаемся все мы, я – ассистентка, тоже прихожу на Ученый совет, как будто так демократично вопрос ставится. Но выступают, говорят одни и те же ораторы, а другие – некоторые спят, некоторые вообще никакого участия не принимают. И удивительная вещь. Вот выступает Петр Анисимович и дает установку, что говорить – все повторяют его слова. Жуткая атмосфера.

На кабардинском отделении работали Адам Шогенцуков, Абитов, еще кто-то и все. И даже вообще вопрос ставился: надо ли иметь кафедру кабардинского языка? Вот примерно такое было положение в пединституте. И дальше что получается у меня: чем дольше я там нахожусь, тем больше прихожу к выводу, что просто нарушается советский закон, обыкновенный советский закон. Деканом исторического факультета работает Петросян Гурген Погосович. Его жена – студентка. У нас не только четырехгодичные курсы, но и двухгодичные. Двухгодичные курсы выпускают учителей начальных школ, а четырехгодичные – преподавателей средних школ. И вот жена его учится на этих двухгодичных

курсах. Я преподаю там: читаю лекции, веду семинарские занятия (потом приехал довольно-таки подготовленный молодой кандидат наук, он стал вести этот курс). И вот если я задаю, например, вопрос жене Петросяна, она встает и начинает говорить: «Наши студенты ведут себя безобразно». Я задала вопрос, ну скажем, «Киевское государство», а она вместо ответа начинает говорить о чем-то другом. Странное такое положение. Я ей говорю: «Слушайте, товарищ Петросян, отвечайте по сути вопроса, это не профсоюзное собрание, я прошу вас ответить на поставленный вопрос по существу». Она начинает кричать: «Она затыкает мне рот, значит, я не имею права разговаривать». Убегает, бежит к декану, своему мужу, декан вызывает меня на ковер. Ужас какой-то. Они там едят с мужем. Вот она идет домой, приготовит кушать, кастрюлю принесет из дому и они с мужем едят там. Заходишь к декану, и если ты спрашиваешь что-то у Петросяна, она может ответить вместо него. Хочет – посещает занятия, не хочет – не посещает занятия. Какой-то кошмар. Я возмущалась. Все-таки в Осетии: ни в медицинском, ни в педагогическом институте, ни на этих курсах республиканских ничего подобного я не видела. Мне было просто не по себе.

Спустя много лет после того, как я вернулась в Нальчик, я их встретила. Тхъуэ мыр зи КъурІэн, ухуейм уи фІэш шІы, ухуейм – умышІ: а и гу цІыкІур зыгуэрым хуищІыжри, абы зыгуэр ирильхъауэ къокІуэ. Сэ зы гуфІэгъуэ сиІащи (Клянусь Кораном, хочешь верь, хочешь не верь, кто-то починил ей маленькую тачку и она, положив в нее что-то, везет мне навстречу. Я так обрадовалась), что она оказалась живая еще. Это жена Петросяна. НытІэ. Ар мыпхуэдэу къыдыхъжу, и лЫр иужь иту. «БжесІатэкъэ, – сыщыдыхъэшхыу жызоІэ, – мы си пщІантІэм укъыдэмыхъэну. Зыкъигъазэри, уи анэр жери, мыст жери, адыгэбзэкІэ къызжиІащ. (Она впереди, ее муж за ней заходят во двор. «Я же тебе говорила, – смеясь над ней, говорю, – чтобы ты ко мне во двор не заходила»). Она развернулась и на кабардинском языке обматерила меня.) Я опешила, а она повернулась, пошла. Иджы мыдрейр къэсащ, мыр слъэгъуатэкъым сэ (Теперь он, Петросян подошел. Я его только тогда увидела.) «Не обижайтесь. Она такая, хулиган. Не обижайтесь, пожалуйста», – говорит. Даже, что сказать, не знала. Ничего я не сказала. И вот она была моей студенткой.

И потом еще я водила студентов на практику. Как базовые были 2-я и 4-я школы. Я сейчас не помню, кто были директорами школ, но все были русские, ни на одном уровне не было кабардинцев, везде были одни русские.

Вы же знаете, что я отношусь к русским совершенно равнодушно, но это же национальная республика. Не потому, что я против русских, а потому что просто уже нет кабардинцев, вот в чем дело. Затерли их просто.

– **Можно я Вам один вопрос задам? – Мирзоева Н.**

– Пожалуйста.

– **У Вас не было такого инстинкта самосохранения? Один раз уже побывав в местах лишения свободы, Вы не чувствовали, что нельзя Вам быть особо на виду? Что где-то надо смолчать? – Мирзоева Н.**

– Нет, я все время чувствовала, что я никакого преступления не совершаю, и никакого страха у меня не было. Наоборот, я – за справедливость. Раз меня освободили, значит, КГБ – орган справедливый, там не может быть никаких

безобразий. Можете себе представить: я так думала, вот с таким чувством я освободилась, несмотря на все, что видела тогда.

Итак, в 4-й школе я проверяла группу студентов. Хорошо принял меня директор, ну вроде все нормально. Начали мы давать уроки. Мой практикант очень боялся, робел, слабенький был, кое-как подготовил двадцатиминутный рассказ на русском языке, потому что все велось на русском языке. И вдруг на его уроке внезапно включается школьное радио: «Внимание, внимание! Говорит школьный радиоузел, сегодня случилось очень безобразное дело». И дальше говорится, что в таком-то классе такой-то ученик ударил студента, все лицо измазал краской, плюнул в лицо, проявил хулиганство. И вот так минут шесть работало радио – радиопередача в классе. Мой практикант пытается успокоить класс: «Тише, тише». Какое там «тише». Я очень была возмущена: урок был сорван и по времени и по форме, мой студент плакал и не хотел больше продолжать урок. Я его успокоила, посадила, сама дала урок, объяснила тему, домашнее задание задала и, когда я закончила, раздался звонок. Я захожу к директору школы и говорю:

– Слушайте, кто же автор этого безобразного акта? Кто позволил во время занятий включать радио? Это можно же было во время перерыва, а не во время академических занятий.

Оказывается, это его нововведение – я же этого не знала.

– А что Вам не понравилось? Это мой методический прием, призванный воспитывать учеников.

Тут во мне стал говорить педагог со стажем. До меня еще не дошло, что он сам – автор. Я спорю с ним:

– Как это можно, Вы что? Вы сорвали моему практиканту занятия. Если так будет, я просто уведу своих студентов со школы. Так нельзя, это нарушение всех педагогических правил. Если мы требуем тишину во время объяснения, а радио орет, то это что, воспитательный прием?

– Знаете что, мы с Вами не сойдемся.

– Не надо сходиться.

Повернулась и ушла. А он возмутился, позвонил директору. Они – друзья, рыбачат вместе, на охоту ходят вместе. «Ваша преподавательница Налоева сделала мне замечание, забрала мои новые педагогические открытия – мой радиоузел». Созвали всех практикантов, всех преподавателей, обсуждают меня. Вопрос стоял вот в такой плоскости – грубое вмешательство преподавателя пединститута во внутренние дела школы, где студенты проходят практику.

– Тетя Женя, в Северной Осетии дышалось легче? Намного здесь тяжелее была атмосфера? – Мирзоева Н.

– Намного. Они себя чувствовали героями.

– Они – это кто? – Мирзоева Н.

– Осетины. Там было много грамотных людей, много генералов, а нам, кабардинцам, угрожали, что могут еще выслать и часть уже была выслана. Положение было совершенно разное. Другие преподаватели тоже, не обязательно быть кабардинцем, ведь со мной работали и евреи, я сейчас фамилии

их не вспомню, тоже этот пресс испытывали. Это что-то даже не русское, а казачье было давление.

А потом меня очень удивляла безграмотность самого Лебедева. Я сидела на его выступлениях, слушала его доклады. Вы знаете, он не мог сказать «квалификация», «калификация» говорил. Он не может произносить вообще очень много слов, такое говорит, что даже студенты смеются над ним. Я не знала, какое у него образование, там написано было «доцент», раз доцент, я считала, значит и кандидат наук.

Ну, значит, проходит собрание, обсуждение моего вмешательства в дела школы. Студенты загнаны, никто не смеет свое мнение высказать. Единственный мальчик, сейчас фамилию не помню, его мать – кабардинка, а отец – еврей, встал и сказал: «Я не понимаю, за что вы обсуждаете преподавателя Евгению Джамурзовну. Я слушаю ее лекции и на практике тоже бываю под ее руководством, я очень доволен ее работой, а в данном случае я считаю, что вы утрируете просто, не хотите видеть, что она правильное замечание сделала. Как это может во время занятий работать радиоузел? Или радио, или преподаватель...». Заставили его замолчать. Выступил сам Лебедев, этого студента посадил, не дал до конца сказать: «Вы не вмешивайтесь в наши дела. Ты, что, думаешь, мы менее грамотные, чем ты? Ты что нас – преподавателей и самого директора – учишь? Впредь я запрещаю всем моим преподавателям, приходя в школу, вести себя некорректно. Не вмешивайтесь во внутренние дела школы, ваше дело – привести студентов. Пусть они проходят практику под руководством учителей. Ставьте оценку и уходите. Это не ваше дело делать им замечания». Собственно, я согласна, что вмешиваться в дела школы не надо. С этим я и сейчас согласна. Но ведь там я защищала своего протеже, своего студента. И потом, мне кажется, если достаточно образованный педагог, можно и поговорить, где там нарушения бывают, ничего преступного в этом действии я и сейчас не усматриваю. Ну, в общем, мне дали по шее за это тоже.

Вот тогда-то мне и припомнили то собрание, когда я защищала якобы «классового врага». Нелепица какая-то, ерунда.

Вскоре получился еще один конфликт.

У Лебедева была псарня целая: там охотничьи собаки обученные для охоты на птиц, на лис и так далее. Я слышала, что Петр Анисимович кормит своих собак шоколадом, но не верила в это. Однажды я шла с библиотеки поздновато. Уже начинало темнеть. Вдруг вижу такую картину: на ступеньках парадного входа своей квартиры стоит Петр Анисимович в окружении шести-семи собак. Он держит большую корзину, кричит: «Але-оп» и кидает им что-то черное. Сначала одна собака ловит на лету это «что-то», потом – следующая. Оказывается, он шоколад бросает собакам. А они так дрессированы, что этот шоколад по очереди ловят. Именно одна только ловит, другая не трогает, пока до нее не дойдет очередь. Тут же стоят детишки (в подвальных помещениях дома, где были квартиры научных работников, проживала обслуга. Эти помещения часто заливало, там сырость всегда, и жили там многодетные, очень бедные семьи разных национальностей), одетые в отрезанные штаны отцовские, старые рваные рубашки, может быть, с плеча старшего брата... Голодненькие

они... Послевоенный период. Я остановилась. Дети видят, что это шоколад. Они, бедные, дергаются: тоже хотят словить, но страх перед собаками ставит их на место. Они стоят, голодными глазами провожая этот шоколад: вдруг собака не поймает? Теребят штанишки, облизываются... Ты знаешь, я вспомнила, как голодала в Средней Азии, и у меня перехватило горло. Если бы в эту минуту я почувствовала физическую силу, что справлюсь, я бы вырвала у него эту корзину из рук, дала бы детям, а его отколотила бы с большим удовольствием. Очень возмущенная, я подошла к Петру Анисимовичу:

– Безобразный цирк Вы здесь устраиваете. Что это такое? Как Вам не стыдно? Вы не видите, сколько здесь детей собралось? Хотя бы по одной конфетке дали бы этим детям. Это же дети наших сотрудников, а Вы собак шоколадом кормите.

Он так занервничал, что не мог даже разговаривать.

– Идите к себе! К себе! – прокричал он. – Не Ваше дело!

Я ушла, пригрозив ему.

Но после этого не он, а я сама камнем пошла вниз. Можно понять, что после этого он захотел избавиться от меня. Это вполне дерзко было для того времени, это был вызов власти. Ну, я опять в это не верю. Я верю, что я работаю честно, и он не сможет меня выгнать. Можете себе представить такое?

Еще один конфликт. Уже лето. Вот уже несколько дней, как я принимаю вступительные экзамены. Зашла какая-то девочка, русская, довольно-таки красиво одетая. Я никогда не знаю, у кого принимаю экзамен, никогда в жизни не интересуюсь и поэтому не знаю, кто она. Если бы даже знала, я поступила бы точно так же. Она вытащила билет, посмотрела и спросила: «Я могу поменять?». Я говорю: «На один балл снижу оценку: если «пять» получишь, я поставлю «четыре». «Ничего», – ответила она и поменяла билет. После этого она села, думала, думала, написала что-то и, естественно, ответила очень слабо. Я помогла ей, подсказывала, наводящие вопросы задавала и поставила ей «тройку». Это оказалась дочь главного редактора кабардинской газеты «Къэрэхъэлькъ».

– **Русский?** – **Мирзоева Н.**

– Да. А как же? Сейчас фамилию не помню. И он пришел к Петру Анисимовичу. Я еще принимала экзамен, когда меня вызвали. «Я не могу уйти: у меня билеты, экзамен» – «Ничего, мы посидим вместо Вас, идите». Я пошла. Петр Анисимович сидит, сидит эта девочка, сидит мужчина. Я зашла. «Садитесь», – меня усадили.

– Что у Вас получилось?

– Я эту девочку знаю, она сдавала мне экзамен вчера.

– Ну, а почему Вы ей поставили «тройку»?

– Она даже ниже «тройки» ответила, а я ей поставила «три».

– Моя дочь не может «тройку» получить. Я знаю, как моя дочь знает историю, – машет пальцем перед моим лицом этот мужчина.

– Что за разговоры? Уберите, во-первых, палец. Во-вторых, нельзя таким тоном с женщиной разговаривать. Что же это такое? По-вашему, я специально занизила оценку Вашей дочери? Я не знаю, кто она, и сейчас не знаю, кто Вы, и не знала, что она – Ваша дочь.

– Вот именно, не знали и поставили, а теперь знаете, давайте изменим.

Вот тут, наверное, любой нормальный человек уступил бы. Я сказала:

– Петр Анисимович, по-моему, Вы не так говорили, когда предупреждали, как надо принимать экзамены. Из-за того, что она, как Вы говорите, дочь главного редактора газеты, я менять оценку не буду. Пусть она подготовится, или примите ее с этой «тройкой», и пусть учится. Не буду менять.

Еще один конфликт. На нашу кафедру пригласили работать жену Лебедева. Она до этого преподавала в партийной школе, не кандидат наук, просто где-то кончала пединститут. Теперь кафедра может сидеть до второго пришествия Христа – мы не можем разойтись, потому что Мушхалевой (это жена его) нету. Ждем, ждем, ждем, сидим – нет ее. Теперь смотрите, что дальше происходит. Один раз мы разошлись. Второй раз она с опозданием на час является. Как же ее, проклятую, звали? Так часто это имя говорили эти подхалимы, особенно Мужев (Мужев Иван Федорович. – *А. М.*). Я раза два возмущалась: «Слушайте, что же это выходит? Она где-то занимается своими делами, а мы – все члены кафедры – каждый день должны здесь сидеть до второго пришествия Христа?». Когда Мужев однажды сказал: «Но как же? Мы не можем заседать в отсутствие супруги директора», я не выдержала: «А почему мы не можем заседать? Она – пуп земли, что ли?». Язык мой – враг мой. Всю жизнь. Наконец она приходит. У нее были очень красивые носовые платки с кружевами. Она говорит: «Петр Анисимович сказал по этому вопросу вот так...». Все. Мы так и решаем. Знаете, я в комсомоле привыкла по три-четыре раза вставать, говорить, участвовать в дебатах. А тут ни дебатов, ничего – как она сказала, так и будет. Наверное, я все равно сорвалась бы, поссорилась бы с ней, но до этого не дошло.

А еще знаете, что меня возмущало: ни одного кандидата наук не было на историческом факультете, ни одного. Вот этот Петросян, марксизм-ленинизм читает – не кандидат. Мужев – не кандидат. В общем, все мы закончили какие-то пединституты и работаем в пединституте, одна я – аспирантка. И вот как-то прибежала секретарь Лебедева, сказала: «Немедленно на Ученый совет. Петр Анисимович собирает». Я пошла. На Ученом совете он выступил так, что хочет уехать в докторантуру, хочет писать докторскую диссертацию и просит, чтобы Ученый совет дал рекомендацию на учебу. По-моему, я первая сказала, что надо поддержать: человек хочет учиться, это прекрасное желание.

Давайте будем честны: я хотела избавиться от него. После этой истории с шоколадом и собаками я его не выносила. Я подумала: «Слава Богу! Какой-то другой будет теперь, более грамотный, более сообразительный». Дали мы ему направление. Те, кто выступал в качестве его рупора, как обычно, сказали в его поддержку дежурные фразы и отправили. Уехал он в докторантуру в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б).

Прошло несколько дней после его отъезда. Как-то я шла по коридору и встретила секретаря Лебедева. Она – девушка моего же возраста – говорит: «Женечка, зайди ко мне». Директора нет, она осталась как секретарь. Я зашла, посмотрела, никого нет. Она ящик открывает, вытаскивает оттуда большой пакет.

– Читай, – говорит, – ответ из Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) директору Кабардинского государственного пединститута Лебедеву Петру Анисимовичу.

Дословно там написано: «Прежде чем поступить в докторантуру, Вам необходимо окончить одно из высших учебных заведений Советского Союза». Я обалдела: «Что это?». Она засмеялась, забрала у меня и положила. Наверное, она тоже страдала от него. Мы поохотали и разошлись. Буквально через день она забегает ко мне бледная и говорит:

– Женечка, родненькая, ты кому-нибудь сказала о письме Лебедеву?

– Нет.

– Умоляю, прошу, никому. Ты знаешь, этот кровопийца приехал, зашел и говорит: «Где мое письмо?» Я достала. «Почему Вы открыли его?» Я говорю: «Как? Я же все письма открываю». «Ты читала?» «Я, – говорю, – читала». «Я наступлю на одну ногу, другую выдерну и по голове дам, если только кому-нибудь скажешь... Кому-нибудь сказала?» «Нет, никому», – ответила я. Умоляю, прошу, никому не говори.

– Я никому ничего не сказала. Ну а вообще, моя девочка, не надо молчать.

– Нет, пожалуйста.

– Хорошо.

Вот такой состоялся с ней диалог. Она ушла.

Через некоторое время – общеинститутское собрание. На этом собрании вопрос стоит – о росте научных кадров Кабардинского пединститута. Мне показалось, кто-то умный поставил такой великолепный, такой хороший вопрос. И зачли большой список. Почти всех. Там, знаете, по пальцам можно было сосчитать всех кандидатов наук: один химик, один биолог и один физик. Кандидатом уже был Абитов – кабардиновед, вот и все. Вот что меня удивляло по сравнению с Северо-Осетинским пединститутом: там профессора, доктора и так далее и так далее. Ну, вот, прочел этот список директор наш и говорит:

– Так дело не пойдет. Калификацию надо поднять, товарищи, калификацию. Понятно?! Ну, хорошо. Кто будет говорить?

Опять все те же выступают, хвалят взхлеб, что Петр Анисимович вовремя заметил этот пробел, и теперь обязательно все должны прикрепиться к аспирантуре, у нас будут кандидаты и т. д. А в списке, который прочел Петр Анисимович, нет ни его самого, ни его жены. Разве это я выдержу? Нет. Я попросила слово:

– Я тоже поддерживаю мнение, что лучше поздно, чем никогда. Наконец решили, что в институтах должны читать лекции люди с большим образованием, чем просто окончившие институт. Однако я не понимаю, почему в этом списке нет Петра Анисимовича и его жены Мушхалевой. Насколько мне известно, Мушхалева окончила высшее учебное заведение, а Петр Анисимович поступил на первый курс заочного отделения руководимого им института, и в одни сутки ему поставили двадцать шесть экзаменов и зачетов, перевели в течение двух дней на второй курс. Такого я еще никогда не слышала – это равносильно тому, что директор средней школы учится в первом классе своей школы.

Он с криком подскочил, губа трясется:

– Товарищи, регламент – пять минут. Налоева выступала семь минут. Кто за то, чтобы прения прекратить?

Лес рук поднялся. Я посмотрела в зал и громко засмеялась.

– Кто за то, чтобы продолжать?

Три руки подняли. Я развернулась и ушла.

Тогда Петр Анисимович пошел в МГБ, и там узнал, что я когда-то сидела. Понимаете, он сел в свою машину, поехал в Северную Осетию. Какой материал он собрал – не знаю, но он оттуда приехал вооруженный.

– **Какой он был чисто внешне, тетя Женя? – Мирзоева Н.**

Чисто внешне он был очень неприятный: полный, короткие жирные око-рока, пузо здоровое, мясистое белое лицо, седая голова. Наверное, лет пятьдесят было ему тогда.

А в это время новый заведующий кафедрой – кандидат наук, доцент, красавец – приехал из Пятигорска. Я его там видела, когда ездила сдавать экзамены в аспирантуру. Я очень обрадовалась, что такой образованный человек заведует теперь нашей кафедрой. Он очень возмутился, он задыхался, не знал, что делать в этом институте, очень жалел, что согласился на перевод. Я его фамилию не могу вспомнить, он сейчас в Грозном преподает. И вот этот новый заведующий кафедрой решил организовать взаимные посещения лекций преподавателями с последующей рецензией на прослушанный цикл лекций. Не просто на одну лекцию, а на цикл лекций. Какую-нибудь большую тему прослушать и рецензировать. И надо же было так, чтобы он меня поставил к Мушхалевой.

– Не надо, я не пойду, – говорю я.

– Ну что Вы! Вы не имеете права отказываться. Кафедра решила – Вы пойдете к Мушхалевой. Кто, Вы думаете, пойдет? Они вообще ничего не напишут.

– А Вы хотите, чтобы я написала, как следует?

– Да.

Ну вот – дуракам закон не писан, а я ведь дура. Я пошла и говорю:

– По решению кафедры я должна прослушать цикл лекций у Вас.

– Очень хорошо, очень хорошо. Давайте так, Евгения Жамурзовна. Я начинаю на днях новую тему «Первая мировая война». На нее отводится четыре часа – Вы их прослушаете и рецензию напишите.

– Хорошо.

Я даже удивилась, что она так хорошо приняла меня. Я специально тетрадь приготовила для этой цели и пришла. На первой лекции она меня убила. Я никогда в жизни не слышала такую лекцию: как будто она находится на партийном собрании и ведет его. К примеру, она говорит: «14 августа 1914 года началась Первая мировая война. Капиталистические страны, они всегда любят воевать, вот они и начали войну и воюют. Ну, спрашивается, а почему наша Россия вступила туда, это уму непостижимо, тем не менее, так получилось, товарищи, что и она подключилась в эту войну». Вот такую лекцию она читает, а потом переходит к какому-нибудь преподавателю, которого не уважает, и начинает критиковать. Я не могу сидеть, не могу слушать, не выдержала я. Я говорю:

«Еще два часа?». Она говорит: «Да». Я пришла домой, написала рецензию на эти два часа, рецензию – убийственную. Ни вопросов, ни литературы и, вообще, это не лекция. Я принесла свою рецензию, прочел ее этот новый наш заведующий – хохотал, говорил, что я молодец, а сам оказался подлец. Он отдал мою рецензию ее мужу Петру Анисимовичу.

Утром я веду занятия, забегает Крысько.

– **Это кто Крысько?** – **Мирзоева Н.**

– Это вы потом узнаете кто, это очень важная личность. Залетает и говорит: «Евгения Джамурзовна, на Вас готовится нападение». Я говорю: «Уйди, у меня занятия». Она ушла, следом за ней открывается дверь, и мне говорят: «Вас вызывает Петр Анисимович». Что-то у меня туманно в голове: я не думаю, что из-за рецензии. Я думала, что заведующий на моей стороне и никаких последствий из-за этой рецензии быть не может. Я захожу, а там сидят секретарь партийной организации Хелик – казак с Дона, декан Петросян Гурген Погосович (я про себя его называла Пурген Поносевич). Правда, Гурген Погосович встал и стал смотреть в окно, как будто его не касается ничего. Я только зашла, как Петр Анисимович стал кричать:

– Ты, что, решила Мушхалеву сожрать, проглотить?

– Петр Анисимович, Петр Анисимович, здравствуйте, во-первых. Во-вторых, я – не крокодил и не могу проглотить кого-то. Зачем вы так? Ну что это такое?

– Вы не знаете, кто она такая, – обратился он к присутствующим и повернулся ко мне с криком: Ваше место – в МГБ.

Когда Лебедев это сказал, я поняла, что соответствующий материал на меня он собрал и сделал донос в МГБ. Во главе МГБ стоял некий Габитов (Габитов Абдулла Гисматуллович. – *А. М.*) [39]. Я не знала, как его зовут, но знала, что он – татарин.

– А МГБ я не боюсь, – я сказала, – в МГБ мне делать нечего. Если работать, я пойду, а так мне там делать нечего. За отсутствием состава преступления освобождена. Ясно Вам это выражение или нет?

– Я вас сотру, я вас сожру, – кричит.

– Вот это Вы можете сделать: у вас пасть широкая, – я ответила. – Я возмущена, что коммунист, член партии, директор института, доцент, защищая свою жену, вот так поносит свою сотрудницу. Я написала абсолютно объективную рецензию, давайте, хотите, отдавайте меня под суд – ее текст лекции у меня (я забрала у нее текст лекции), я докажу в любом месте, что это – не лекция, я даже не знаю как это назвать.

Он кричал, орал, вопил.

Через несколько дней вышел приказ. На 8 марта, в Международный женский день, мне принесли бумагу за подписью Петра Анисимовича: Евгению Джамурзовну Налоеву уволить в связи с несоответствием занимаемой должности по 47-й статье Трудового кодекса. Я посмеялась: во-первых, просто-напросто я была уверена, что посреди учебного года никто не имеет права меня уволить, и, во-вторых, я соответствовала занимаемой должности и могла это доказать.

Ну, начинается хождение по мукам. В Наркомпрос (народный комиссариат просвещения – А. М.) нечего было идти, потому что пединститут не подчинялся ему. Поэтому мне надо было идти в обком партии. Все вопросы тогда решались в обкоме партии. А в обкоме не только второй или третий секретарь, даже просто инструктор, заведующий школьным отделом не принял меня. Милиция уже знает меня и уже на входе не пускает.

Я не один день – каждый день с утра выходила и до конца рабочего дня ходила по разным инстанциям.

Наконец, я опротестовала это дело в прокуратуре. Прокуратура поддержала меня и в связи с этим Петру Анисимовичу, которому так легко было меня вытолкнуть из института, пришлось подключить профсоюзы, партконтроль. В общем, кто-то поддержал меня, но они еще не знали, что я – «враг народа», они думали, что я – обыкновенный человек. Директору предложили собрать конфликтную комиссию. Конфликтная комиссия должна была состоять из специалистов, причем они должны были присутствовать на лекциях, на занятиях, чтобы составить объективное представление о том, что из себя представляет человек, о котором идет речь. Когда мне сказали, что вопрос об увольнении будет решать конфликтная комиссия, я как-то успокоилась, думая, что есть еще какие-то контролирующие органы. А тут конфликтную комиссию по профсоюзной линии составили один биолог, один химик, преподаватель кабардинского языка Абитов и один из секретарей. Когда я зашла в эту комиссию, мне стало странно и я спросила:

– Кто вы такие?

– Как кто такие? Комиссия.

– Вы – химик, вы – биолог, вы – кабардиновед. Как вы можете судить о моей профпригодности? Вы были на моих лекциях?

Конфликтная комиссия, созданная якобы для защиты моих интересов, оказалась, наоборот, против меня. Во-первых, в таком составе рассмотреть пригодность мою к избранной профессии я сочла за оскорбление, а они возмутились. И даже русские не так спорили, как Абитов – преподаватель кабардинского языка. Он вступил в такую полемику со мной, просто нотацию мне прочел.

– Вы что, – говорит, – ведете себя так? Вы считаете нас за дураков? Мы можем определить пригодность Вашу к занимаемой должности.

Я посмотрела на него, я бы его хорошо срезала, но он мужчина – кабардинец: по воспитанию я не умела ругаться с мужчиной. Я потом этому научилась, я так научилась, один Бог знает, какой язык у меня теперь, но тогда еще я стеснялась. Я ему сказала:

– Вы старше меня, вы – мужчины. Если бы я не была женщиной, я бы вам сказала, насколько вы способны определить мою пригодность к моей работе. Я не считаю себя обязанной слушать ваши вопросы и давать вам ответы.

И я ушла.

Потом, знаете, обстановка стала тяжелая, неважно, меня уже нигде не принимали. Никто, никто не хотел выслушать меня, потому что уже Лебедев донес на меня, что я сидела по политической статье, что я – неблагонадежная.

Лебедев для этого ездил в Осетию, но что он мог там откопать, я не знаю, что там в деле есть, черт его знает. Но они не обращали внимания, что я освобождена за отсутствием состава преступления. Раз ты по политической сидел, то ты – уже меченый. Вот почему в Осетии не брали на работу – то же самое и здесь.

Когда я поняла, что здесь ничего уже не смогу сделать, решила поехать в Москву – мне ничего больше не оставалось.

Но прежде чем эту поездку совершить, я познакомилась еще с одной личностью, участницей этого события, представителем органа МГБ.

Специально, с ведома, конечно, директора Лебедева, лаборанткой взяла некую Крысько Марию Федоровну. Очень шустрая, очень пронырливая, очень лживая, нечестная женщина. Сразу она нашла меня и очень ласково, очень лестно стала обо мне говорить, как будто я красивая, как будто я очень умная, как будто никто так не читает лекции, как я. Вот так льстит мне, чтобы ближе познакомиться со мной. Ты понимаешь, это противно. Может быть, кому-то нравится, когда льстят им, а мне противно это.

Однажды, когда я читала лекцию, я почувствовала, что кто-то тайком наблюдает за мной, заглядывая в лекционный зал. Я очень не люблю это. (А потом у меня бывало так – я захожу на лекцию, а там вместе со студентами сидят посторонние, видимо подосланные. Я делала вид, что их не замечаю, и читала лекцию. Мне было все равно: если они тихо сидят, пусть сидят. Я никогда не выгоняла их. Кто они такие, что они писали (тогда диктофонов не было), я не знаю, но почти на всех моих лекциях присутствовали два-три посторонних человека.) А тут дверь приоткрыта, я расхаживаю. Я незаметно подошла к двери близко и внезапно открыла ее. Крысько стоит у двери.

– Ой, Евгения Джамурзовна, ради Бога, извините. Вы знаете, я так влюблена в ваши лекции, что слушаю стою.

Разве я могла поверить ей? По ее словам, она окончила Киевский университет. Как я могла читать лучше, чем профессора Киевского университета? Я же не дурочка. Я бы с удовольствием плюнула ей в лицо, но я поняла, что она – один из стукачей. Интуиция у меня очень развитая. Может быть, из-за того, что всю жизнь преследуют, выработалась такая осторожность. А сейчас мне это мешает и иногда, мне кажется, начинаю подозревать совершенно нейтрального человека.

– **Тетя Женя, у Вас не было желания скрыться, как в старые времена?**
– **Мирзоева Н.**

– О, мне очень много раз хотелось исчезнуть как невидимка. Господи, это какая была мечта уехать за границу! Я думала: буду ассенизатором, что угодно буду делать, но чтобы меня не преследовали. Но в те времена у меня не было никаких связей, никаких возможностей для этого. Я не могла исчезнуть. Я мечтала, только мечтала. Об одной такой мечте рассказать?

Помнишь, я тебе рассказывала? Я была заключенная. В Баку, в тюремных вагонах в тупике мы стояли много месяцев. Тысячи умерших людей побросали в море, остаток погрузили в корабль «Профинтерн». И вот канаты скрученные стоят, на канате я сижу. Так много народа, что места нет, поэтому я на канате сижу. Подошел корабль, военный корабль, я не знаю, чей он, как называется.

Он ниже нашего корабля – наш очень крупный. Наш корабль стоит выше и я вижу в иллюминатор рукав командира военного корабля, он пишет что-то, представляет что-то. Вдруг крик, там что-то случилось, кто-то совершил побег, все бросились туда. Я осталась. Я могу прыгнуть с этого корабля на тот корабль, но не решаюсь: подымаюсь – сажусь, подымаюсь – сажусь. Я понимаю, что надо быстро принять решение. Если я прыгну туда, они могут хватиться меня. А там как я устроюсь? Вдруг там мужчины, давно не видевшие женщин?! Вдруг они изнасилуют меня, выбросят в воду? Как быть? А я же не знаю, как попасть в кубрик или кабинет этого начальника корабля? Может, он более человечный? А вдруг он меня выдаст? За побег еще хуже будет. Пока эти мотивы боролись между собой, стража вернулась, встала на свои места. Я с болью смотрела, как отплывал военный корабль, и плакала. Я ночами видела во сне, что перехожу границу, меня собаки поймали, рвут меня, тащат. Но фактически я ни одного шага не сделала, чтобы сбежать или куда-то уйти. И еще больше я вам скажу: после того как мне один старик, совершивший побег, рассказал, как с ним поступили, я начисто исключила для себя попытку бежать.

Итак, мы возвращаемся в Нальчик, в Кабардинский государственный пед-институт.

Когда я поймала Крысько у двери подслушивающей, у меня не осталось никакого сомнения насчет нее. Я еще несколько раз ловила ее, когда она следила за мной. Потом меня насторожило, что она стала меня спрашивать о том, почему я так поступила с Лебедевым, когда застала его, кормящего собак шоколадом. У меня возник вопрос, откуда она знает. Но если бы я спросила прямо, я спугнула бы ее. Я решила раскрыть ее, узнать ее цели. У меня нет сомнений, что Крысько – стукач, но кто ее подослал, я не знаю. Я не знаю, что МГБ меня ищет, оказывается, там есть все уже, но я думаю, что она подослана Лебедевым. И вот однажды она стала ходить ко мне обедать, она очень кашляла, с мокротой. Я не знаю, туберкулез это или нет, она говорила, что у нее просто бронхи болели. Я и брезговала, но, тем не менее, мне было и жалко ее. Я ей сказала: «Приходи, Маша, каждый день – будем обедать. Какая разница: я на одного человека буду готовить или на двоих». (А к этому времени мать моя и Нафо поменяли дома и из Владикавказа тоже перебрались в Нальчик. Им казалось, что теперь уже не так страшно, что теперь можно жить в Кабарде, в Нальчике. Вы знаете, как странно, мы выменяли дом родственника моей матери генерала Шипшева (Шипшев Темирхан Актолович. Двоюродная сестра Хажгуаши из рода Кудабердоковых была замужем за Шипшевым Зарамуком. – А. М.). Мама моя раньше, когда была девушкой, приезжала к нему в гости, знала этот дом, как он был обставлен, и она плакала, когда мы ее привезли показать его. Она не хотела в нем жить, но мы ее уговорили).

Крысько так повелась ко мне, что иногда говорила: «Дай я останусь у тебя ночевать». В общежитии у меня – комнатка и у нее тоже комната, но хуже чем у меня. Она говорит: «Давай я принесу постель». И я подумала – не надо ее отталкивать, надо даже приблизить. Я ее привела домой, познакомила с мамой, с Нафо, с невесткой. До этого я им сказала, в чем я ее подозреваю. «Но не подавайте вида, хорошо относитесь к ней», – предупредила я их.

Как-то она завела разговор: «Ты что-то одна живешь, не заводишь кавалера... Не пьешь». Я говорю: «Да, я никогда не пила, мне и не надо пить. А кавалер... Не знаю, кто может как кавалер за мной ухаживать? Все достойные уже погибли на фронте или еще продолжают службу. Я не знаю, какой может быть кавалер у меня? Это судьба большинства советских девушек. Я не испытываю никакой потребности, чтобы у меня был какой-то любовник». Мне даже стыдно было это слово произносить. Раз она заговорила про выпивку, подумала я, наверное, она любит выпить. И у меня созрел план: напоить ее и разговорить, чтобы подтвердить свои подозрения. Я пришла домой, рассказала свой план Нафо, маме – они одобрили, купили мне бутылку вина «Кагор». Водку... я даже не знала, как это можно водку предлагать женщине. И вот когда она на обед пришла, говорю:

– Не знаю, будешь ты меня осуждать или нет, но я купила винца. Хочу выпить, но вечером.

– А ты все-таки пьешь?

– Да.

Мы пообедали, поболтали, пошли в кино, пришли. Я закуски приготовила и поставила бокальчики (тогда только появились пластмассовые, прозрачные).

– Первый, говорят, надо наливать себе, – сказала я и налила себе немножко, а потом ей.

Я сразу заметила, что у нее глаза заблестели, так она хотела пить. Я пожалела, что купила одну только бутылку, но для нее и этого оказалось достаточно. Она даже не замечала, что я не наливаю себе, вылакала эту бутылку, опьянела сильно. Я положила ее на свою кровать, подушку подложила, и, смотрю, она очень много болтает. Выболтала мне одну очень интересную вещь: что по ее, такой советской патриотки, доносу, посадили какую-то учительницу – преподавателя английского языка. Этого только мне и надо было.

– Маша, давай будем открыто: кто тебя подослал ко мне? – спросила я.

– Ой, ты что это говоришь?

– Нет, я ошиблась.

Болтовня продолжалась до полуночи. Она рассказала, что она – тайный представитель органов госбезопасности, в годы войны была заброшена на Украину, говорит свободно на украинском языке, на русском, английском и еще каком-то иностранном языке, назвала фамилии, дела других, на кого она доносила, поведала, как работала в Грозном. Короче говоря, она сказала, что и за мной МГБ послало ее следить. Так она заснула. А я, поборов чувство брезгливости, овладевшее мной, легла с ней валетом. Когда ее горячее тело прикасалось ко мне, это жгло меня. Я не могла спать – я вставала, ходила, воду пила... Не плачу, а злая, одержимая. Мне хочется задушить ее – я не могу это сделать. Хочется выбросить ее из окна – тоже не могу сделать: слабая я. В конце концов я решила: утром, когда она проснется, я возобновлю этот разговор. То, что она на пьяную голову сказала, это не то. Я задам ей вопрос, она подтвердит все это в здравом уме, и я заставлю ее работать на меня.

Господи, часы показывали уже пятый час. Она храпела, а я еще не сомкнула глаз. С какой ненавистью я смотрела на нее, один Бог только может знать. Наконец, она проснулась:

– Ой, ты уже встала?! – и все такое.

– Да, Машенька, я проснулась, тихонечко встала, чтобы тебя не будить. У меня уже чай готов, попьем. А хочешь бутылочку еще?

– Нет, – она сказала, – нет, на вечер.

– Хорошо, на вечер еще мы бутылочку с тобой разопьем. Я как убитая спала. Я люблю спать под вино.

– Слушай, ты часом не меньше меня пила?

– Нет, пополам я делала все. А теперь, Маша, повтори все, что ты сказала вчера. Ты специально подослана собирать материал против меня, так?

– А? что ты говоришь? – и сразу падает на пол.

Вот как сейчас ее вижу: локтями об пол (я в жизни не видела припадочных!), пена у нее изо рта. Ой, Господи, я так перепугалась! Мне так жалко теперь ее. Боже мой! Я себя теперь ненавижу – не знаю, что с ней делать, по лицу ее бью, водой побрызгала, воду пить дала. Она открыла глаза.

– Вот как хочешь, если ты не подтвердишь, что ты действительно конспиративный работник органов госбезопасности, специально подосланный ко мне, я сейчас пойду к Габитову и расскажу все.

О, у нее – еще припадок! Я еще раз ее откачала. Она стала сильно плакать:

– Да, все, я теперь в твоих руках. Теперь я не смогу жить без тебя. Когда ты не со мной, я буду бояться, что ты пойдешь туда и все про меня расскажешь.

– Не пойду, – я говорю.

Мы с ней заключили мир на условиях, что она не будет неправду доносить на меня.

– А правду, – я ей сказала, – пожалуйста, говори. Ты видишь, как я работаю со студентами, ты видишь, как я преподаю, ты видишь, что я говорю, что я делаю, кто ко мне приходит. Пожалуйста, доноси все, но не ври. Если соврешь, на меня что-то наговоришь, я тебя убью. Убью, но не руками, – я это не смогу. Но я теперь знаю имена, фамилии и отчества всех людей, вся твоя история у меня в памяти.

Вот так мы с ней живем в перемирии. Она мне как-то говорит, что ее вызывает инструктор МГБ, назначает ей встречу в конспиративной квартире, где она обычно видится с ним, и что там ей должны дать плату за работу.

Она пошла и оттуда принесла богатый шерстяной отрез на костюм, фильдеперсовые, очень дорогие, чулки (они только появились тогда), какую-то сумму денег, потом еще что-то, туфли что ли, я не помню сейчас. И она меня попросила: «Твоя сестра красиво шьет, пусть сошьет мне платье из этого материала». Я повела ее к сестре, попросила Нафо, мерки сняли с нее, то есть приняли ее заказ.

Вот такая была обстановка, когда 8 марта мне прислали копию приказа Лебедева об увольнении меня с работы как не соответствующей своему назначению. И дальше шла эта борьба – то, о чем я тебе рассказывала. Она все это время была со мной: и приказы вместе читали, и обсуждали. Многих деталей не помню, но она была полностью в курсе дел, что я делаю, и мне тоже казалось, что я в курсе того, что она делает. Она периодически ходила встречаться с конспиративным сотрудником МГБ, иногда она врала, что там спрашивали обо мне, и она дала очень хороший отзыв, но я не очень была в этом уверена.

И вот я оказалась в капкане – я не имею права куда-нибудь пойти без нее. Понимаете? Она все время боится, что я пойду к Габитову, и совершенно потеряла самообладание. Мне нужно пойти позвонить в Москву, подготовить квартиру перед поездкой по моему делу. Она не дает мне ни шагу сделать без себя: «Нет, ты идешь в МГБ звонить».

Да, когда получилось так, что меня уже нигде не принимали, я говорю: «Раз обком не принимает, раз прокуратура не принимает, раз уже никто не принимает, единственный орган, который остался, – МГБ. Я пойду к Габитову». «Не пойдешь, ты обо мне все расскажешь». Вот так у нас с ней обострились отношения, когда мне все-таки удалось без нее пойти на телефонную станцию. Я успела позвонить в приемную, к Габитову. Мне сказали, что меня сегодня не могут принять: они тоже не хотели принимать меня. В это она ворвалась ко мне в кабину и начала кричать: «Ты меня предала, верни мне отрез». (Ее отрез был у Нафо.) Я говорю: «Ради Бога, отвяжись от меня». Вернула я ей этот отрез, она опять увязалась за мной.

Второй арест МГБ КАССР. Следствие

Все-таки, когда я собралась уезжать, Крысько провожала меня.

– Почему ты идешь провожать меня?

– Я должна сегодня быть с тобой. Я должна проводить тебя. Я же тебе сказала, что меня к тебе приставили.

Я стою на автостанции с чемоданами и с вещами, хочу взять «Победу» [40] и уехать. Маленькая у нас автостанция в Нальчике, а такси только появились – вот эта машина «Победа» только и была. От того, что поездов не было с Нальчика на Москву, я хотела поехать в Пятигорск, а там скорый поезд Пятигорск – Москва или Кисловодск – Москва.

Крысько эти мои планы доложила в МГБ, и выехали военные машины – они решили арестовать меня по пути следования в Пятигорск. Я же этого не знала... Она говорит: «Может, кто-то следит за нами?».

Я долго ждала эту «Победу». Наконец, она приехала. Я попрощалась с Крысько, сказала «До свидания», села в машину и уехала.

Хороший такой день. Новенькая машина. До Баксана ехали быстро. Заехали в Баксан. Много машин стоит – красным флажком машут, останавливают машины. Остановили и нашу машину. Кто-то подошел, пригласил куда-то шофера. Это МГБ. Шофера предупредили: ты везешь человека, который нужен нам, поэтому езжай, но не очень быстро, потому что наши машины такую скорость не могут развивать. Они хотят, чтобы я не смогла уехать в Москву. Теперь что делается. Когда мы выехали из Баксана, шофер заметно снизил скорость. А мне надо поехать в Кисловодск, там купить билет на Москву. Я боюсь опоздать на поезд.

– Слушай, я могу опоздать на поезд. Я потеряю сутки, дай побольше скорость, – говорю я.

– Да у меня что-то неисправно...

Тогда я ему сделала замечание:

– Разве можно в такой дальний рейс выехать на неисправной машине? Зачем вы подвели меня? Вы не делаете даже десять километров в час. Я опоздаю.

Когда я так прошу, он добавляет немного скорости, потом опять делает вид, что поломалось что-то. И вот так мы едем. Вдруг с желтым саквояжем какой-то мужчина просит остановиться. Водитель спрашивает:

– Что делать?

Я же вообще очень простая, коммуникабельная.

– Останови, – говорю. – Это же человек, без никого, один. Разве можно его оставить?

(А это сотрудник органов МГБ, его из машины военной высадили. Военные едут дальше.)

Посадили, значит, его, и он говорит:

– Большое спасибо, что вы меня подобрали. Я еду в Москву с жалобой, а тут машина поломалась, меня высадили и уехали.

– Надо же какое совпадение, – говорю. – Я тоже в Москву еду с жалобой. Вот такая я открытая, дурная...

Короче говоря, он очень словоохотливый оказался и совершенно незаметно мы стали разговаривать обо всем. В это время я вижу одну, вторую, третью – шесть машин военных мы обогнали. Дали они ему какой-нибудь знак, я не знаю, но, во всяком случае, мы их обогнали.

Наконец, мы приехали в Пятигорск, и я попросила остановиться. Мне нужно было заехать в пединститут, где я аспиранткой значилась, и взять там справку, что я – аспирантка, и оценки мои. (Я всю жизнь отличница, да только без толку.) Шофер остановил машину. Я пересекла большую улицу с бульваром и зашла от угла в первый парадный подъезд. Когда я зашла туда, наверное, военные машины подъехали и сделали ему замечание: куда, почему ты ее отпустил.

Я не рассчиталась с водителем: «И вы, и вы сидите, я вот в это здание зайду, выйду, потом заплачу».

В институте все были очень возмущены, что со мной так поступили, что меня уволили: «Ой, Боже! Там, видно, одни дураки у вас работают, поэтому ясно, что вас уволили как несоответствующую». Очень много доброго, хорошего они сказали. Я там не задержалась, сказала, что меня ждет машина, что я еду в Москву. Мы расцеловались, и я ушла. Выхожу с института и вижу: тот мужчина с желтым саквояжем стоит у подъезда института.

– А почему Вы здесь? – говорю я. Понимаешь, вот только тогда я созрела. – Почему Вы здесь?

– Вы понимаете, он меня высадил, ругается.

А мы же должны были на вокзал вместе ехать, поэтому я заподозрила что-то неладное. Теперь смотрю, эта моя машина пересекла бульвар и подъехала. Когда он подъехал, я села: «Езжай. Хватит. Я не должна его катать». Мы поехали.

Эти военные машины бросились на больших скоростях, чтобы оказаться раньше нас на вокзале. А эта сволочь – таксист – колесил по всему городу, и когда мы подъехали к привокзальной площади, военные машины стояли уже

там. Но я все-таки и тогда не поняла. Вот я говорю про интуицию, а тут глазами все видела, но голова не соображала...

Я быстренько зашла в здание вокзала, и тот мужчина со мной тоже зашел. В кассу, в очередь, он первым встал, подал деньги: «Билет до Кисловодска на электричку». В это время в форме два человека подходят с той и с другой стороны: «Гражданин, ваш паспорт». Он делает вид испуганный. «Чей этот саквояж?». «Мой». «Берите». Он его берет, его уводят. Я еще вслед ему посмотрела: «Господи, неужели шпион?». Мы же все шпиономанией страдали тогда. Я думаю: «Господи, надо же было мне, несчастной, еще привезти такого человека! Как же я его подобрала?» Я корю себя – во мне опять коммунистка заиграла. Думая об этом, я тоже протянула деньги на билет на электричку до Кисловодска.

– Евгения Джамурзовна, можно Вас?

Кто меня по имени-отчеству? Оглядываюсь: стоит с синими глазами сотрудник МГБ. Я посмотрела на него:

– Что Вы хотите?

– Откуда Вы знаете этого человека?

– Я его не знаю.

– Как не знаете? Вы же его привезли.

– Да, я его привезла. Но, простите, по дороге он попросил подвезти, мы не могли отказать.

– Нет, этого не может быть. Ну-ка пройдемте.

– Да как я пойду? Мне надо ехать – билет у меня на руках (я уже успела его купить). Я должна ехать, сейчас посадка.

– Ничего, Вы не опоздаете. Мы только уточним, знаете Вы его или нет.

Вот под таким предлогом он меня вывел из здания вокзала. Мы пересекли площадь. Я говорю:

– Куда Вы меня ведете?

– Ничего, не бойтесь. Я – представитель госбезопасности, я не только государство защищаю, я и граждан защищаю.

Мы подошли к тому месту, где стояли шесть-семь машин. Все машины, судя по номерам, – кабардинские. Открывает дверь:

– Садитесь.

– Я не сяду.

– Как не сядете?

– Очень просто. Кто Вы такой? Мало ли кто переодет, может, ты сам – шпион. Я не сяду.

Он улыбается, достает из кармана удостоверение, показывает с фотографией свои документы. Я читаю. «Теперь другое дело». Сажусь.

– Евгения Джамурзовна, нам нужно вернуть вас в Нальчик и допросить, уточнить некоторые детали. Этот человек, которого вы привезли, очень опасный. Если вы с ним не связаны, это одно дело, а если вы с ним связаны, другое дело.

Понимаешь теперь мое положение? Я, дурочка, опять переживаю и говорю:

– Да что вы на самом деле? Я в жизни живого шпиона не видела. Я даже не знаю, кто он такой.

– А он говорит, что знает вас.

– Да как это можно?

– Ну вот, мы хотим дать очную ставку.

Вот так заговаривая мне зубы, он перешел на политику, философию, китайскую проблему. Обо всем говорим.

– Да вы очень образованы и рассуждаете шикарно, но все-таки мы думаем, что с этим человеком у вас что-то общее есть.

Вскоре эти люди в форме с красными фуражками вернулись к машинам, и кто-то дал команду: «Поехали». Я говорю:

– Куда едем?

– Евгения Джамурзовна, мы должны проверить, знаете вы этого человека или нет. Вы не шутите с нами, это не простой был человек.

– Знаете, на кого вы похожи? – говорю я. – Вот я вижу восемь машин здесь. Вы напоминаете охотников, которые думали, что оленя поймали, а там всего кролик был. Какие вы странные люди: у вас все на подозрениях. До сих пор я верила, когда говорили, что зря не арестовывают. А теперь я этому не верю – оказывается могут.

– Но мы же вас не арестовали, мы хотим выяснить.

Вот с такими разговорами выехали мы из Пятигорска. Я повернулась взять свою сумку.

– Тихо, не трогайте.

– Как не трогать? Какое ваше дело? Я свою сумку...

– Вы арестованы.

И он забрал мою сумку, и мой чемодан.

– Слушай, – я говорю, – я есть хочу.

– Пожалуйста, я посмотрю. Он раскрыл, нашел курицу отварную, которую мама мне приготовила в дорогу, разорвал ее. Булки разломал, сыры разломал. В это время я еще думала, что он – честный кэбэшник, этого шпиона хочет разоблачить, поэтому такое обращение со мной.

Они меня привезли в Нальчик, машину подогнали вплотную к парадному входу МГБ и высадили так, чтобы меня никто не видел.

Боже мой! На мой вопрос, почему меня не арестовали в Нальчике, а дали уехать в Пятигорск, мне сказали: «А потому, что у нас был сигнал, что вы связаны со студентами кабардинской национальности. И вы их оставили...». «Да пошли вы – не знаю куда! Дураки вы! Какие связи?.. Какие?».

Боже праведный!

Господи! Мне хочется сейчас орать, кричать от боли! Господи!

– Следуй за мной, – и он пошел вперед.

– **Это там, где сейчас здание КГБ на углу улицы Ногмова – проспекта Ленина? – Мирзоева Н.**

– Да, да, там раньше стояла школа. Тогда не было других зданий и вот это здание под МГБ устроили. Подняли меня на второй этаж, завели в какое-то помещение, посадили... Бегают, заходят, выходят – нервотрепка где-то около часа продолжалась. Потом опять: «Следуй за мной».

Меня вывели оттуда во двор, подвели к подвалу, спустились туда по ступенькам, и я увидела на двери замок – в голубой краске большой замок и задвижки. Боже мой! Это то, что я видела во сне в ночь накануне вот своего выезда в Пятигорск.

А сон был вот какой: Я поехала сдавать экзамен в Пятигорск. Еду оттуда. В руках держу на подносе графин (я действительно когда-то покупала там набор: хрустальный поднос, а на нем – красивый графин с двумя бокальчиками). Я роняю его: поднос исчезает, а графин падает на пол и ровно пополам раскалывается. Я оказываюсь в каком-то дворе. Мать ты моя! Что же это такое? Двор весь в дерьме. Треснутая, с трещинами, усохшая земля старая. Вроде это туалет, но возле – забор. Я хочу выйти оттуда: вижу какую-то дыру, не знакомую мне, и дверь. И я думаю: «Господи, ну как я могу перейти эту грязь, ведь я же провалюсь». Там – плетень. Я хватаюсь за него и как-то иду. Вроде запачкалась я не очень, но все-таки запачкалась. Вот дверь. Но эту дверь открыть я не могу: на ней висит в голубой краске большой замок – именно такой, который висит вот здесь. Этот сон я запомнила на всю жизнь.

Подошел какой-то человек в военной форме и ключом открыл этот замок на двери. Вошли. Идем куда-то зигзагами, зигзагами. Искусственное освещение. Под ногами – бетонный пол. Кинули меня в камеру. Какая-то женщина молодая обняла меня: «Женечка, неужели и тебя сюда бросили?». Она оказалась соседкой моей матери, не по Советской улице, где жила Нафо, а по улице Свободы. Улица Свободы, 8 – моей матери квартира, и она жила где-то рядом. Но я ее не знаю. Откуда, спрашиваю ее, она меня знает. «Да как же? Ты же приходишь к матери, к сестре, там я рядом живу, соседка. Вы не слышали, что меня арестовали?». Я говорю: «Нет, не слышала». Оказалось, она сидела с преподавательницей английского языка, арестованной по доносу Крысько.

Ну, недолго там мне дали сидеть. Сразу вызвали на допрос.

Да, я забыла рассказать, как они обыскивают, как они унижают достоинство человека. Завели в комнату, привели двух женщин – надзирателей, которые стали обыскивать меня. Все, абсолютно все перерыли, даже эту пищу нельзя было уже есть – ломали все. Изъяли все: и деньги, и цепочку на шее, и кольцо, и заколки, и шпильки. Вы видите, у меня волосы какие, они – непослушные. А тогда я – молодая, у меня густая копна волос... Ни расческу, ни заколок, ничего не оставили, все в сумку сложили и убрали. Отдали мне белье, что на мне: даже резинки из трусов вырвали. Трусы, когда резину выдрали, я завязала узлом. Могут упасть эти трусы и, в случае чего, поддерживаешь. Даже из лифчика вырвали крючки – это железо. А как без них лифчик надеть? Я его и не смогла надеть.

Вызвали меня на допрос. Снова во двор, потом на второй этаж, завели в кабинет. Он представился – полковник Новиков. Рослый такой, острые синие глаза у него, делает вид такой злючий.

– Я возмущен, что вы занимаетесь антисоветчиной.

– Что вы говорите? О какой антисоветчине вы ведете речь?

– Это какой год, тетя Женя? – Мирзоева Н.

– Это 9 мая 1950 года. С 1948-го по 1950 год я проработала в пединституте. Он задает вопрос и кричит:

– Смотрите на меня.

А волосы мне мешают, я их держу.

– Что, постоянно я должна держать эти волосы? Они – непослушные. Что я могу сделать?

Вызвали женщину-надзирателя, она принесла какую-то маечку и завязала ею волосы на макушке. И, наверное, уж очень смешной у меня был вид: он не может смотреть на меня, ему хочется смеяться. Понимаешь? Я говорю:

– Вообще о чем разговор идет? Вы этого шпиона, которого арестовали, в чем-то обвиняете или меня? Я не хочу, чтобы вы меня дурачили. Вы мне скажите, что хотите от меня?

– Вы арестованы.

– Тогда дайте санкцию прокурора на мой арест.

А у них ее нет. Очень долго не было санкции на арест. Когда прокуратура делала обход в тюрьме, меня прятали, чтобы я не встретила с прокурором.

Вот так началось следствие, которое продолжалось год и два месяца.

Я вам скажу: одиночный режим мне создали. Сейчас, наверное, я не смогу все рассказать: очень тяжелые воспоминания, издевательства... Я не скажу, что меня били, не скажу, что меня материли, нет, такого никогда не было.

– **Что от Вас хотели? В чем Вы должны были сознаться?** – Мирзоева Н.

– Я не знаю до сих пор, что они хотели от меня. Они обвинение мне не предъявили. Я не знала, в чем меня обвиняли. «Что вы хотите от меня?», – спрашиваю я. «Вы сами знаете. Вы всю жизнь вели антисоветскую пропаганду, вот и рассказывайте».

Довели меня до такого состояния, что я – кожа и кости, ноги от колена пухлые, в волдырях. Боже мой, я умираю с голоду, мне не отдают передачи. Мне не дают спать, самое главное.

Меня вызывают на допросы рано утром, может быть, на полчаса, на час, потом возвращают в камеру. В камере я должна сидеть на высоких нарах с опущенными ногами, которые не достают до пола. Я не имею права ни прислониться к стене, ни лечь. За этим следит специальный надзиратель – он постоянно смотрит в глазок.

– **А почему Вы не можете лечь?** – Мирзоева Н.

– Не имею права. Пытка, самая настоящая пытка. Надзиратель только увидит, что я прислонилась к стене или закрыла глаза, открывает дверь, кричит: «Открой глаза!». Я ему говорю: «Иди, держи веки». Я не могу, не имею права хотя бы закрыть глаза.

Боже мой, я не смогу вам передать этот период. Я так устала, что уже ничего не хотела, хотела только умереть... Вот они спрашивают:

– Кого вы знаете из антисоветчиков?

– Я не знаю никого.

– Кто вас сделал антисоветчиком?

– Да меня никто не делал антисоветчиком. Я – не антисоветчик.

Кого я могла оклеветать? А? Меня спрашивают за профессора. Боже мой, добрый такой, хороший профессор... Как же его была фамилия? Древнюю историю читал. «Я никогда не слышала, чтобы он вел антисоветчину. Разве со мной можно было вести антисоветскую пропаганду?». За Сомаха (личность установить не удалось. – А. М.) спрашивали, еще за кого-то. Я говорю: «Я клянусь, не могу ничего сказать». Потом за брата, потом за отца...

– Простите, сколько лет было мне, когда отца моего арестовали. Откуда я знаю, был ли он троцкистом. Может быть, его ни за что посадили – как меня?

Потом за двоюродного брата, который бежал за границу. А я, что, знаю, что он сбежал? (Была бы на его месте, я бы тоже убежала, правильно сделал.) Протокол пишут – не пишут, не знаю. Истязали меня до одури.

Вечером дают раздеться, лечь. Только-только положу голову, только глаза закрою – от усталости сразу отключаюсь... Тут же с треском, шумом, скрежетом открываются замки, дверь, раздается крик: «Встать!». Соскакиваешь. «Давай выходи на допрос». Уводят на допрос. Ночь. Следователи сменяют друг друга: один устает – уходит, приходит другой, сидит, дежурит возле меня, устает – уходит, заходит другой... Табурет привинчен к полу в полуметре от стены – прислониться к ней невозможно. Встать не имею права, он следит за мной. «Сиди, как положено, руки – на колени».

А тут уже «подъем» кричат: уже рассвело. Меня ведут обратно в камеру, но уже не разрешают лечь – наступил день.

Вот так истязали меня.

И решила я наклеветать на себя. Я их уже стала просить: «Бога ради, дайте мне срок, отправьте в лагерь, там буду работать, хоть что-то буду делать. Я все равно обжалую, я все равно добьюсь правды, но я уже больше не могу... я уже умираю».

Мой следователь исчез. Как потом я узнала, он с ума сошел, этот Новиков. И не помню уже сколько времени меня уже не вызывают на допрос.

Потом бросили ко мне женщину. Боже мой, какая она была бесчестная! Она прикинулась такой мягкой... Только тогда, когда я разглядела у нее в волосах искусственную косу, я поняла, что ее подкинули ко мне («наседка» называется), что это шпионка. А до этого я не знала, я ее жалела. Она говорит: «Вот я ухаживала за немецким офицером». Я говорю: «Как ты могла ухаживать за врагом народа? Это же враг, это фашист, как?». «Ну, так получилось», – прикидывается, сволочь. Не знаю, сколько недель она сидела вместе со мной. Вот ее вызывают, якобы, на допрос. А меня – нет. Я переживаю, не знаю, почему меня не вызывают. Не говорят ничего.

Дальше смотрите, что происходит. Как обычно они это делали, только дали лечь, сразу же грубо открыли дверь и вызвали меня. Едва лишь я вышла в коридор, как нахлобучили на меня балахон: брезентовый холодный мешок без рукавов. Пуговицы застегнули и опустили на голову колпак. Руки, ноги, все тело туго стянуто в этом мешке. Он – глухой, на нем – лишь узенькая прорезь для глаз. Через нее я могу видеть только маленькую полоску освещенного лампой бетонного пола под ногами. Только и всего. Надзиратель крикнул:

– Шагай вперед! Вперед, я сказал!

Я стала топтаться на месте.

– Что ты топчешься на месте, вперед шагай! – засмеялся он.

– Как я пойду? Я не вижу ничего.

– Шагай!

Я тогда пошла, не отрывая ног от пола. Не иду, а ползу, ползу. Я сидела около четырех месяцев в этой камере и уже знала дорогу. Он говорит «налево», я налево повернула, «направо» – направо повернула. И так доползла, дошла до двери, где голубой замок висел. Там столько задвижек – все это открыли и меня вывели на маленькую бетонную площадку. Потом – ступеньки, ведущие наверх. Я раньше не считала их, а теперь сосчитала – их было тринадцать. Вышли во двор. Чтобы дойти до здания, где идет следствие, надо было пересечь его по диагонали. Только я пошла, поползла, как на меня с диким ревом набросилось какое-то животное. Я думала, что это тигр – такой сильный толчок сбил меня с ног. Я упала – завернулась и упала боком. Я не кричала, я онемела от страха – от такого жуткого страха человек может и умереть... Я не помню, ушиблась я или нет, больно мне было или нет, настолько я испугалась этого зверя, который свалил меня. Он сел на меня и стал царапать тянуть когтями брезент...

Вдруг я почувствовала, физически, физически ощутила, что сжимаюсь... И это было очень приятно... Я сжималась, сжималась, пока не превратилась в маленькую пуговку коричневого цвета, без дырочек... Когда я стала пуговкой, я полетела. Я полетела вверх легко, так легко... Так я была счастлива, что поднимаюсь... Я посмотрела на небо. Оно было чистое, синее-синее, и три яркие звезды смотрели на меня. Я почему-то, не знаю почему (я нерелигиозная сейчас, а тогда и подавно), обратилась к ним, обратилась с мольбой: «Возьмите меня, спасите меня!» Я посмотрела вниз... Я клянусь своим здоровьем, своей жизнью, я увидела весь тюремный двор: себя я увидела, лежащей на цементе в брезентовом мешке. Из-под брезента торчала одна моя нога. На этом брезенте сидел огромный пес без хвоста желто-черного цвета. Стояли два надзирателя, поводок собаки держал какой-то солдат...

И в это время кто-то крикнул: «Ты – болван, даже собакой управлять не можешь!». И я упала...

– Тетя Женя, а Вы не могли через полоску на колпаке увидеть этих надзирателей? – Мирзоева Н.

– Нет, никогда в жизни. Я себя видела, эту собаку видела, которая сидела на мне, видела солдата, который поводок держал, видела двор весь и двух надзирателей... Как я могла это все в щелочку увидеть? Я до сих пор задаю себе вопрос: что это было? Я не могу ответить на него.

Я разрыдалась сильно. Я голосила на весь двор: мне не было жалко, что я перестала быть пуговкой легкой, что опять будет допрос, опять вот это все, собака эта... Я хотела умереть. И в это время один из надзирателей схватил меня как мешок вниз головой и понес. Я орала на весь двор. Он ничего не говорил. Я почувствовала, что он поднимается, поворачивается по лестнице, потом он меня поставил на ноги. Я была все в этом же балахоне. Потом он опять дал команду: «Вперед». Я перестала орать, когда он меня поставил, и потихонечку не пошла, а поползла по полу. «Стой», – он скомандовал. Чувствую, что он

дверь открыл. Слышу как докладывает: «Надзиратель Беркут доставил з/к (заключенную. – А. М.) Налоеву». «Вводите», – раздался голос следователя (это уже новый следователь). Я почувствовала (ничего же не вижу) порог двери, вошла. «Ты чего, приоткрывай фату», – сказал ехидно следователь, имея в виду опущенный колпак балахона. Очень ловко (наверное, не первый раз он это делал) Беркут снял с моей головы колпак, и я впилась глазами в необычное лицо человека, который сидел передо мной.

Ничего не преувеличивая, я сейчас опишу его портрет, который поразил меня. Он улыбался: вместо губ была ниточка, растянутая чуть ли не до ушей; носа не было на лице, вместо ноздрей – две скобочки – то, что осталось от носа, а вместо глаз – две тонкие щелочки. Эта улыбка закрылась через какие-то доли секунды, и нос – равнобедренный треугольник с задратым кончиком, и двумя дырками – вернулся на место. Щелочки превратились в глаза – синие, едкие такие глаза, очень сверлящие, как бы пронизывающие тебя. Губы на место встали нормально. Ну, человек передо мной. А там, понимаете, передо мной был красный блин, с двумя щелочками, двумя скобочками и ниточкой до ушей. Меня удивила эта метаморфоза. Вот сколько он вел мое дело (долго, продолжительно), я не могла привыкнуть к этой перемене: каждый раз меня пугало, когда он начинал улыбаться и когда от улыбки переходил в состояние серьезности.

И вот этот человек, когда у него рот «вернулся на место», сказал: «Раздевайте быстро и уходите». Надзиратель поспешно расстегнул пуговицы, забрал балахон и вышел. Мы остались лицом друг к другу. Я разглядела его получше: морщинистый лоб, рыжеватые брови, лопатообразный подбородок, подстриженный под «ежика» мужчина среднего возраста, слишком жирноватый для своего роста. «Идите, – говорит, – садитесь». Привычный табурет, приблизительно на 25–30 сантиметров отстоящий от угла комнаты. Ты не можешь прислониться к стене – привинчен этот табурет. Наверное, это было придумано тоже как орудие пытки. Я села на него. И он снова улыбнулся. Боже праведный! Опять этот красный блин. Жутко мне как-то, что-то нечеловеческое в нем. А когда он в обычном состоянии, он не производит вид жестокого человека, даже кажется безвольным, несмотря на тяжелый подбородок. Кажется, неумный. Это потом впоследствии подтвердилось. Почему-то (видимо, из-за багрово-красного лица) мне показалось, что у него есть пристрастие к алкоголю. Забегая вперед, скажу: он действительно оказался алкоголиком. И когда много лет спустя я вернулась в Кабарду, он очень часто просил у меня «рубль двадцать» – на рубль двадцать он покупал чекушку водки [41]. А я ему давала три, пять рублей...

Вот в руках этого человека находилась теперь моя судьба. И весь этот спектакль с собакой, балахоном, как я полагаю, была его фантазия. Это была прелюдия к началу следственного процесса. Первое, что он мне сказал:

– Мы располагаем богатым материалом, неопровержимо доказанными фактами вашей антисоветской деятельности, и чтобы облегчить вашу судьбу, предлагаю рассказать объективно, подробно, с кем и как вы вели антисоветскую пропаганду, кто повлиял на вас в этом направлении.

Я должна была рассказывать о своей антисоветской деятельности, которую я не могла вести, хотя я могла сочинить все, что угодно, – насчет этого у меня фантазии хватало бы. Но я считала, что выдумывать что-то сейчас перед этим ничтожеством, как мне казалось, наговаривать на себя, клеветать на кого-то – это преступление. Поэтому я сказала:

– Я не вела антисоветскую пропаганду, никто не повлиял на меня в этом плане и мне рассказывать не о чем.

Потом он куда-то позвонил и явились человек пять во главе с начальником следотдела Кумаховым [42]. Кумахов – был здоровый, рослый мужчина. Между прочим, он ни разу не нагрубил мне. Он не вмешивался никогда в ход следствия и на этот раз он сидел молча. У меня создавалось впечатление, что он – единственный человек, у которого была какая-то жалость ко мне.

Начался перекрестный допрос. А вы знаете, как это делается? Задают тебе вопрос, совершенно неожиданный, как обухом по темени. Ты только собираешься ответить на него, как задается другой вопрос. Ты не успеваешь еще взглянуть на автора этого вопроса, как задается третий вопрос. В результате тобой вертят так, что невозможно осмыслить и однозначно ответить на любой из этих вопросов. Но они все довольно-таки изощренные.

– Почему вы считали, что Сталина надо было убить?

– Здравствуйте, – я им говорю.

– А мы располагаем данными: у вас было оружие – пистолет ТТ [43].

А я вообще не знала, как этот ТТ выглядит.

– Простите, как можно пистолетом ТТ убить Сталина? Вы соображаете, что спрашиваете?

– Я-то соображаю, но вот вы соображали, когда планировали?

– В вашем представлении я просто дурочка. Я просто прекращаю разговаривать с вами.

Ни на один вопрос не стала я отвечать. Зашли в тупик. Спрашивают что-то. А я оградила себя от этих неумных в моем представлении, жестоких людей какой-то защитой: я не слышу их вопросы и не реагирую на них, я фактически отсутствую... Я представляю, как в отношении меня восстановили справедливость в Москве, вот я вернулась на работу, вот я читаю лекции... Абсолютно ничего не слышу. Только когда кто-то из них стукнул по столу, я вздрогнула и вернулась к реальности.

– Хорошо, – сказал следователь, – ладно, пока оставим вопрос. Вы не вели антисоветскую пропаганду и на вас никто не воздействовал. Но если мы приведем факт, вы подтвердите?

– Подтвержу. Подтвержу. Если это мои слова, я обязательно подтвержу.

– Так, – следователь посмотрел на меня. Он улыбнулся – опять образовался блин, а потом все стало на место. – А Вы антисоветские анекдоты рассказывали?

– Вы знаете, я очень люблю анекдоты, хохочу до слез, когда умные анекдоты слышу. Похабные анекдоты мне никогда никто не рассказывал, я не позволяю, а вот умные анекдоты – да. Я всегда восторгаюсь авторами умных анекдотов, но сама никогда в жизни ни одного анекдота не сочинила. Я не умею пересказывать анекдоты – обязательно их забываю. Но если я услышала что-то и пересказала, я обязательно подтвержу.

– Вот здесь, – он поднял бумагу.

– Если вот там находится материал, который я рассказывала или я слышала, я подтверждаю.

– Тогда я читаю.

Все сидят. И он начал читать. Сейчас я не могу дословно рассказать, но передам очень близко к тексту содержание анекдота, в пересказе которого меня обвиняли. Причем, забегаю вперед, скажу, что слышала его в первый раз из уст этого следователя – полковника Сковородкина (имя не помню). Вообще к ним по имени-отчеству заключенные не обращались, только «гражданин следователь, гражданин полковник». Иначе не разрешалось. Наверное, я и не знала, как его зовут. Нет, я знала. Потому что, когда он стал забулдыгой, и я давала ему деньги на водку, меня вызывали в КГБ и просили этого не делать. Вот тогда-то я слышала его имя, но забыла.

Итак, он начал:

– Немцы подошли близко к Москве. Москва вся эвакуирована, остались там Сталин и Ворошилов. И вот Ворошилов уговаривает Сталина: «Йоська, умоляю тебя, давай уедем». «Ты что шутишь?». «Никто не остался здесь, только мы с тобой, давай уедем». Так он ходит за Сталиным, уговаривает. Сталин сначала никак не реагирует, но, наконец, говорит: «Давай найди транспорт, уедем». Потому что бомбежка там, все уже налицо. Побежал Ворошилов за транспортом, долго не было его. Вернулся и говорит: «Йоська, все эвакуировались. Во всей Москве из транспорта я нашел только бричку, запряженную ишачком». «Ну что ж, – говорит Сталин, – на нет и суда нет». Они ставят свои чемоданы в бричку. Сталин садится сзади: «Ты – кавалерист, ты правь ишачком». Ворошилов берет вожжи: «Но-о!» Ишак – ни с места, бьет, задом отдаст, никак не сдвинется с места. «Слушай, уважаемый кавалерист, ты меня уговорил эвакуироваться. Что же мы стоим на месте, в чем дело?». «Не получается». Тогда тихонечко Сталин слез с брички, подошел к ишаку, что-то сказал ему на ухо. Ишачек сорвался с места, пошел галопом, таким галопом, что чемоданы выпали. Ворошилов обернулся, видит, что Сталин идет, а чемоданы валяются на дороге. Спрыгнул и Ворошилов. Тогда уже они взяли свои чемоданы в руки и идут, а ишака уже не видно, он ускакал. «Йоська, скажи, пожалуйста, что ты сказал этому ишаку?». Сталин посмотрел: «А ты не знаешь, что я мог сказать?». «Нет». «Я ему сказал, что запишу его в колхоз».

Вы знаете, посмотрели следователи друг на друга. А я, глядя на них, с чистой совестью, совершенно честно сказала:

– Я впервые слышу этот анекдот из ваших уст. Если этот анекдот – анти-советский, то давайте сейчас в присутствии этих уважаемых граждан составим протокол, акт о ведении антисоветской агитации. И тогда надо вас привлечь к уголовной ответственности. Я первый раз слышу его от вас. Это массовая пропаганда: кроме вас, здесь еще пять человек.

О! Реакция была отвратительная. Он бы убил меня на месте. Побагровел весь. Но мягко встал, ушел, ни единого слова не сказав. Вмешался Аксельруд – симпатичный, высокого роста, вроде неглупый еврей. Во время допросов следо-

ватель, когда сам уходил отдыхать, часто оставлял его вместе со мной. Я видела, что он всегда находился в подавленном состоянии.

– Посмотри, какая наглость, – сказал он, – наглость, попытка пришить свою грязную антисоветскую деятельность полковнику Сквородкину.

– А чем я ниже этого полковника?! – вскочила я.

– Сядь!

Я не имею прав – я села. Но я была очень удовлетворена реакцией, которую произвела. Меня хоть успокаивало, что я отомстила им.

– Все, – сказала я, – больше от меня ни одного слова вы не услышите.

Так закончился первый допрос нового следователя. Следствию же суждено было продолжаться еще очень долго...

А что после допроса? Тебя приводят в камеру. Нары устроены так, что ноги висят, не достают до пола, и они отекают. Постель ты должен в трубочку свернуть и положить далеко к стене, чтобы не облокачиваться на нее. Нельзя также прислоняться к стене сбоку. И ты должен сидеть так: ноги висят, руки держишь на коленях, чтобы, когда надзиратель смотрит в глазок, он видел, что ты сидишь смиренно. Поскольку ты всю ночь была на допросе и не спала, ты хочешь спать, у тебя глаза закрываются. Надзиратель кричит: «Подыми веки, открой глаза, не смей спать!». Два надзирателя специально не отходят от твоей камеры. Такой режим устанавливают следователи для тех заключенных, которые не дают нужных им показаний.

Для меня это было ужасно. Если я встаю, начинаю ходить, у меня голова кружится: моя камера – от стены до стены всего три шага. Если я сижу, начинаю смотреть не в глазок, а в стену, мне уже мерещатся какие-то картины. На побеленной известью стене я вижу: Сталин, букет и ребенок. Это картина, которую часто я видела. Меня раздражает эта картина – еле я сдерживаюсь, чтобы не соскочить, ногтями не расцарапать это изображение.

В моей камере живет паук: он сплел в одном углу большую сеть. Я все время думаю, чем же он питается. Живут в моей камере две мухи. Это пара. Господи, может, покажется это кому-то смешно, но для меня эти три живых существа были сокамерниками моими, я разговаривала с ними молча. А потом я обнаружила большое количество муравьев, которые взад-вперед ползали вдоль стены. Меня очень занимало, что они несут. Иногда я вижу: маленький муравей несет что-то, что в два раза больше его самого. То задом крутится, то вперед толкает, но упорно несет. Короче говоря, это большие трудяги. К ним у меня отношение одно. А мои наблюдения за моими двумя мушками – это целый роман. Вы не поверите! Я клянусь: у них, между ним и нею, был роман любовный. Очень интересно! И она вела себя по отношению к нему, и он по отношению к ней, повторяя то, что между воспитанной девушкой и парнем происходит. Она отлетает, садится совершенно спиной и тихонько подглядывает, смотрит ли он на нее или нет. Но никогда она не улетит так далеко, чтобы выйти из его поля зрения. Он тоже обиженный, что она улетела, а все-таки идет, он – просящий. Как они красиво ухаживали друг за другом – это надо было видеть. И вдруг в один день открывается камера, надзиратель заносит большой веник и говорит:

– Сними паутину с потолка и подмети пол.

Там не было сора, но я взяла веник и подмела. Не знаю, следил надзиратель за мной или нет, только он открыл опять дверь и сказал:

– Снимай паутину.

– Я не буду, – говорю я.

– Я приказываю.

– Приказывай хоть сто раз. Я не буду.

– Почему?

– Потому что он такой же живой, как я. Меня вы третируете, не кормите, унижаете. Вы бьете меня в самое больное место. Мне плохо, а я не хочу делать плохо другому.

Очень сильно он захохотал и закрыл дверь. А паук остался. Через некоторое время я слышу: «вууу». Смотрю: мошка моя попала в паутину. Тут я соскочила, взяла тапок и ударила паука. Убила, я думала, не только паука, но и мушку. Но нет, мушка упала на нары. Посмотрела: где-то части ног нет у мушки, еле-еле шевелится. Не трогая руками, носом тапка я забрала всю паутину и похоронила паука в парашу. Дальнейшие наблюдения превзошли все мои ожидания. Вы знаете, как лечилась мушка? Она спряталась под столиком где-то... Надо было видеть, как он ухаживал за ней: никогда не оставлял ее одну, летал рядом. Я плакала даже, глядя на эту пару. И, знаете, произошла реставрация ног этой мушки. Они еще жили, когда спустя два с половиной года уводили меня из этой камеры. Вот не поверишь, это правда. Они в спячку уходили и потом опять просыпались. Но почему-то детей у них не было – только эти две мушки. Так было странно.

Господи, сейчас весь мой рассказ похож на повествование психически больного. Тогда, наверное, я была близка к этому, потому что одиночный режим действует на любого человека скверно. Я очень страдала от одиночества, хотя скажу искренне: и толпу не люблю. В такой тесноте, когда с тобой живет кто-то с другими привычками, на первых порах это новое, пока выговорится человек, еще интересно. Потом все, как выведенное яйцо знаешь ты его: какие жесты он сделает, что скажет, с чего начнет. И уже невыносимо становится совместное нахождение в одной камере – этого человека нужно убрать. Я это тоже делала.

А тут я очень требовала, чтобы ко мне в камеру посадили кого-нибудь.

И вот, понимаете, открывается дверь. Тюремный врач показывает мне знаками, чтобы я молчала, а сам тихо говорит: «Тебе подруга ведут, радуйся». Через некоторое время послышались топот ног, «гы-мы-гы» – нечленораздельные какие-то звуки. В проеме двери показалась худая, очень высокая ростом женщина, светлой пигментации. Я испугалась: она – косоглазая, с большим носом, у нее есть только два передних зуба, других нет зубов и на хомяка лицо похоже. Она – «хы-хы-хы», засмеялась. Мать моя! Выражение лица, этих косых глаз и этого беззубого рта на всю жизнь врезалось в мою память. Я поняла, что дело имею с психически больной. Одна нога обута в ботинок, под ним – полосатый, черное с белым, шерстяной чулок, а другая нога – в туфле, мужской туфле, без носков, потом какие-то панталоны. Не надо было мне ничего объяснять, а врач мне тихо все повторяет: «Это подруга». Она это повторила, усмехнулась, и дверь закрылась. Господи! Она посмотрела на хлеб у меня на столе, палец

вот так наставила, «га-а-а» засмеялась. Я очень испугалась, честно скажу. Но я решила собраться с силами. Во-первых, это заключенная, во-вторых, она больная, а я как юрист, уже имела опыт общения с психически больными. Мне надо помочь и ей и себе, чтобы я сама не чокнулась. Я поняла, что ее бросили ко мне специально с определенной целью. Ведь на слабого человека это может оказать такое влияние, что он может чокнуться. Вот, думаю, не поддамся я. Я должна выдержать это испытание. Но я еще никаких мер не принимала, просто сказала: «Пожалуйста, покушай, покушай этот хлеб». Она не стала есть и с диким хохотом посмотрела на кусочек сахара. Потом она стала раздеваться, наголо разделась. Мне было очень неудобно: я вижу, что в глазок заглядывают надзиратели. Но я ничего не говорила – я понимала, что тут не поможешь словами. Дверь открылась: «Анна Антоновна, одевайтесь, что такое, безобразия». Она говорит: «Это цветики, еще будут ягодки». Мне показалось это все так логично в данной ситуации. Потом она обратилась ко мне.

Уже несколько месяцев я без расчески. У меня была железная, черт возьми, советская расческа и ее отобрали. Я не могла причесываться. Можете себе представить, какие были мои волосы.

Она подошла, разделила мои волосы пополам и начала расчесывать их пальцами. Затем сделала прямой пробор: плюнула в одну ладонь и пригладила одну сторону, плюнула в другую ладонь и пригладила другую сторону. Я молчу, не дышу. Я знаю, что такое плевок. Но, ты понимаешь меня, я не шевельнулась даже. «Вот теперь хорошо, – она сказала, – вот так положено у христиан, у женщин, у тебя прямой пробор, а то ты как безбожница расчесываешься». Это тоже мне показалось довольно-таки назидательно. Потом она достала свой пиджак, вытерла ноги об него. Всю свою одежду по порядку складывала на пол, вытирая обо все ноги. Последним сняла обувь и поставила сверху всей одежды. Затем залезла на нары, легла на спину, вытянула ноги, сложила руки на груди, как у покойника, и уткнулась взглядом в потолок. Через некоторое время большие гримасы появились на ее лице. Как мне было ее жалко. Я теперь знаю, что ее зовут Анна Антоновна. Вот верь мне или не верь: она не спала, она лежала неподвижно сутки. И я не спала эти сутки – я боялась уснуть, ведь в камере у меня был непредсказуемый субъект.

После этой бессонной ночи меня вызвали на допрос.

– Меня допрашивать нельзя, – сказала я. – Вы истерзали меня. Вы применяете пытки в самой жестокой форме. Я не буду отвечать на ваши вопросы. Во-первых, я не спала, а во-вторых, я настолько напряжена, что могу сказать то, что не хотела.

– А-а-а, у вас, значит, есть что рассказывать.

– Я не это имела в виду. Я боюсь оскорбить вас.

Тогда, может быть, он смягчился, не знаю.

– Евгения Джамурзовна, это же вы просили, вы же хотели, чтобы вам дали напарницу.

– Я хотела напарницу, но не психически больную.

– Ну что вы говорите, она абсолютно здоровая.

– О чем можно после этого разговаривать с вами? Неужели вы считаете, что я даже не могу отличить психически больную, которая вообще утратила свой ум, разумность. Посмотрите, сутки она лежит неподвижно, в одну точку смотрит, она не спит, щеки ее горят. Я боюсь к ней подойти, но я вижу, что у нее температура. Как вы смеете сажать ее в общую камеру? Кто вам дал такое право? Советское уголовное право разрешает такие вещи?

Я стала даже нападать на него, а он начал кричать. Меня отправили в камеру. Я пожалела, потому что в камере мне было труднее, чем там. Когда я пришла, она лежала неподвижно. Потом она запела песню. Боже праведный! Горькая какая-то русская народная песня, душераздирающая песня. Потом она стала причитать, вызывала маму, папу, мужа. Она рассказывала во втором лице о себе, об Анне Антоновне. Она рыдала, била себя по голове, по лицу руками. Господи, я подползла к ней, говорю:

– Анна Антоновна, родненькая, ну, пожалуйста, успокойтесь.

Она сразу села. Она же голая, я взяла из ее вещей платок, хотела накрыть ее. Она его отбросила и сказала:

– Я тебе отравлю жизнь, тебя подкинули ко мне, я тебе сделаю...

Тогда я поняла, почему она агрессивна по отношению ко мне.

– Анна Антоновна, я тоже сижу уже больше полугода. Я – не подброшенная, я – заключенная. Ну, пожалуйста, родненькая, не надо, не обижай меня.

Она встала, оделась, села. Принесли нам по кусочку хлеба, она не подошла. Я взяла для нее хлеб, положила на край стола, на другой край – свой паек. Кружки у нее не было, принесли железную кружку. Кипяток я поставила и ей и себе. «Давай, – говорю, – будем завтракать». Знаешь, все подробности не расскажешь. Я с ней сидела долго, очень долго. Я полюбила ее, я привязалась к ней. Действительно, она каждый день пальцами расчесывала мне волосы, также плевала и делала мне пробор... Она меня «Женька» звала, ласкала, рассказывала, за что ее посадили. Она оказалась немкой, замужем за русским, проживала здесь в Нальчике. Она – из рабочих, была секретарем парторганизации какого-то предприятия. Она хотела эвакуироваться, но начальство уехало, а таких, как она, не взяли, и она оказалась на оккупированной территории. Свой партийный билет она спрятала за каким-то портретом и его нашли при немцах. Она говорила: «На мое счастье красные вернулись, а то бы меня расстреляли немцы». И вот смотри, что получается: при всех властях человек плохо живет. Черт знает что. О Боже, начинался опять у нее приступ. Она ложится на спину и начинает причитать. Это были душераздирающие моменты...

А потом убрали ее от меня. И лучше бы не убрали, потому что она и день и ночь кричала: «Женя, Женя, Женя». Никому из людей не было покоя в этой тюрьме, в том числе и мне. Я просила вернуть ее ко мне, но не давали мне ее. Зато сделали так, что мы попали с ней в один вагон, когда спустя уже много времени увозили нас из тюрьмы этапом. Об этом я чуть позже расскажу.

Потом бросили ко мне монашку одну, тоже забрали быстро, потом еще одну монашку... То я просила – дайте хоть кого-нибудь, а дадут, я говорила – убирайте, не хочу. «Ну да, прямо по вашему указанию, то вам давай, то не давай», – следователи мне говорили. Действительно, вы знаете, вот в такой

тесноте жить с человеком, который по всем статьям не совместим с тобой, – это тоже пытка.

Больше Сквородкин не устраивал мне перекрестных допросов. Хотя иногда он какого-то капитана приглашал или вот этого Аксельруда. И при них начинался допрос. Следователь тоже устает, ему же тоже хочется спать. Он оставляет вместо себя другого следователя – Кужокова, уходит и спит. А я сижу молча. Кужокову нечего сказать, тоже молчит. Я умираю, спать хочу. Не могу. Мне кажется, что сейчас я упаду на пол, щипаю себя. Господи! Потом я начинаю с ним разговаривать, а он говорит: «Молчать, не разговаривайте со мной».

Эти пытки невозможно описать. По крайней мере, я не в состоянии более понятно изложить, что делали со мной там.

Вы знаете, это ежедневно меня допрашивают – с утра до обеда и с вечера всю ночь. После ужина дают раздеться и лечь. Только лягу, вызывают на ночной допрос. После допроса к утру ведут обратно в камеру, а там уже подъем, ложиться нельзя. Днем и ночью в камере горит огромная, очень яркая лампа (Это, по-моему, плохо действовало на мое зрение. Я потеряла зрение там, в камере МГБ. Уже я не могла читать: когда я начинала читать, у меня слезы текли. Мне было очень трудно, на мои просьбы пригласить врача-глазника никто не реагировал). Опять садишься на эти нары, опять висят ноги, опять руки на коленях, как на допросе. Надзиратели в глазок постоянно смотрят, вот даже на минуту не бывает закрыт этот глазок. Или оставляли открытым... я же не вижу, кто оттуда смотрит. Во всяком случае, только глаза закрываются, сразу окрики: «Не спи». Еще знаете, что было ужасно? Я засыпаю сидя. В жизни не храпела, а тут начинаю храпеть. Они слышат, подбегают. «Че спишь?», – кричат. Мать моя! Я слышала, что я храпела, но я спала, понимаете, сама себе мешаю. И меня уже вызывают опять на допрос. К обеду меня возвращают. Утром паек – 400 грамм хлеба, кусочек сахара, кипяток в кружке. Обед... Как будто сейчас вижу эти железные ржавые миски, в которых была перловая не то каша не то суп, нечто среднее. Хлеба уже не дают. Хлеб дают только один раз – утром. Вечером – кусочек ржавой селедки и кипяток. Поначалу я не съедала их. Я как будто сейчас вижу эти пайки. Я не ела – они друг на друге лежат, обрастают мхом, и их выносят. Я не ела, только жидкость – кипяток или воду употребляла. Я истощилась: кожа и кости. Физиологические процессы, такие как менструация, у меня уже не происходили. В первые два-три месяца они были и всегда со страшной болью, я прямо ползала по полу от боли. А потом, слава Богу, их не стало. Как и во время первого ареста, когда как немку меня посадили, у меня опять почему-то и грудей не стало. Я снова была похожа на девочку-подростка, а лицо было как у старухи... Вот такая я была...

Я помню, как мне стало плохо после одного допроса, и врач сделала мне укол. Когда я пришла в себя, она спросила меня:

– Что с вами?

– Я не знаю, что этот бандит сделал со мной. Это бандиты, фашисты, с ними нельзя разговаривать.

– Тихо, тихо, нельзя такое говорить.

– Почему нельзя, если это правда. Партия учит говорить правду, невзирая на лица.

– Тихо, тихо, не надо. Разве можно? Не надо, а то вам еще прибавят срок, – она опять мне рот закрыла.

Я удивилась: тюремный врач, а еще уговаривает меня. Она должна была донести на меня... Но, наверное, люди разные...

Запомнила я и другой допрос. На этом допросе мне Сквородкин сказал:

– Ты думаешь, ты одна мучаешься? Я тоже мучаюсь. (Меня удивило это признание). – С меня-то требуют, я должен что-то услышать. Вот теперь я перед тобой ставлю один вопрос. Я располагаю данными, в полном смысле этого слова данными. Ты вела антисоветскую пропаганду на основе увиденного сна.

Я посмотрела на него очень удивленно.

– Сон? – я спросила.

– Да, – он повторил.

– Даже и за сон судят?

– Нет, не за сон, – он сказал, – а за комментарии к этому сну.

Я улыбнулась. Я вспомнила, что однажды действительно видела сон антисоветского содержания. Ведь моя голова была устроена так же, как и у большинства советских людей, я мыслила как все коммунисты: все, что против вождей наших, против Советской власти, – это уголовно наказуемое деяние. Понимаете? И потом я хорошо помнила, кому я рассказывала этот сон. Это была Крысько.

– У вас есть запись? – улыбнулась я.

– Да.

– Пожалуйста, – говорю, – прочтите.

И он прочел, правда, искаженно.

А сон был вот какой.

Я – студентка. Я лежу на узенькой студенческой кровати в комнате в общежитии (я же много лет в общежитии прожила), а над моей головой висят на стене два портрета – Ленина и Сталина. (Они у меня действительно были, я сама их вешала на стенку. Господи, я однажды даже похитила из Чечено-Ингушского педагогического техникума портрет Ворошилова на коне. Красавец, конь-то какой! Я принесла его домой и поставила у нас в доме. Без улыбки, без ощущения умиротворения я не могла смотреть на этого красавчика, на этого сталинского командира, который одержал столько побед в Гражданскую войну.) Эти портреты (только головы) – в прямоугольных рамках под стеклом. Я лежу на спине на кровати. Потом кто-то мне что-то повелительно говорит. Я встаю. Стоит тумбочка, выкрашенная в красный цвет, которая, сколько я помню, сопровождала общежитский быт. Это тоже я вижу. Лежит там железный молоток с деревянной ручкой. Беру я этот молоток. Повелительный тон продолжает мне приказывать, и я молотком ударяю по портретам: раз, раз. Я слышу «жи-и-и»: посыпались стекла. Я увидела эти овалы без стекол – изображения двух моих любимых вождей: Сталина с зачесанными наверх волосами с проседью (да мне в то время казалось, что он красивее всех мужчин на свете!) и Ленина (это был гений в моем представлении). И вдруг оба портрета исчезли – только две дырки овальные остались в рамках. Я испугалась. Испугалась и говорю: куда делись эти портреты? Ну, стекла разбились и полетели. А портреты? «Они исчезнут», – сказал голос, по повелению которого я взяла молоток и ударила.

Страх. Я слезла с кровати, на которой стояла, когда разбивала их: хочу собрать стекла, чтобы никто не поранился. Собрала в кучу осколки. Когда я проснулась, была потная, измученная...

Я ходила под впечатлением этого сна несколько дней. Я – неверующая, я – материалистка, человек, который преподает в вузе историю. И вдруг на меня подействовал этот сон так. Я, клянусь, матери не рассказала этот сон, сестре не рассказала. А Крысько же меня постоянно преследовала: она без меня не кушала, без меня не спала, все время была со мной. Думаю, дай-ка я ей расскажу и проверю, передаст ли она это в МГБ? Я же добивалась тогда приема к Габитову, министру МГБ. Я наивно думала, что МГБ – это орган, который выше прокуратуры, выше всех инстанций, где действует правда, только и только правда. Я верила, что это очистительный орган и именно этот орган защитит меня, потому что я работаю честно, я ничего противоправного не совершаю, а меня преследуют совершенно незаконно. Поэтому я добивалась приема...

На одном из ночных допросов открылась дверь, и влетел чрезмерно полный, низкого роста, изысканно одетый мужчина. На нем был черный костюм, из-под которого выглядывали белоснежные манжеты и воротничок рубашки. Галстук был туго повязан, а на груди с двух сторон были нашивки, свидетельствующие о том, что он участник войны. Черные волосы зачесаны наверх – не скажешь, что это некрасивый мужчина. Но он – уголовный тип: татарский нос, припухлые черные глаза, при этом довольно-таки большие, с синеватыми белками.

Мой следователь соскочил, вытянулся, скомандовал «смирно». Я тоже встала (так было положено).

– Как она ведет себя? – спросил он Сквородкина.

– Отказывается признать себя виновной, товарищ полковник! – доложил мой следователь.

Не успел он договорить, как тот повернулся ко мне лицом и сказал:

– Сделала ты – не сделала, агитировала ты против Советской власти – не агитировала, занималась ты антисоветчиной – не занималась, я тебя сгною в тюрьме. Я тебя не выпущу отсюда живой.

А я не знала, кто он. Только когда я услышала «товарищ полковник», и следом он обернулся ко мне, я сразу (интересно!) вспомнила обстоятельства, при которых впервые увидела его. Это случилось незадолго до всех этих событий на углу улицы Почтовой (современная ул. им. Ш. Ногмова. – А. М.). Когда я переходила дорогу, меня ударила, чуть не сбила с ног машина. Шофер выскочил, а из машины посмотрело лицо, и я запомнила его. Тогда мне сказали, что это был полковник Габитов.

Я поняла, что передо мной стоит министр госбезопасности.

Очень быстро я усвоила то, что он сказал.

– Тогда зачем вы весь этот спектакль устраиваете? Раз вы хотите сгноить меня здесь, виновата я или не виновата, зачем весь этот спектакль? Давайте или убивайте меня, или дайте срок. Но расстрелять по той статье, по которой меня обвиняют, вы не имеете права.

– Какой? – он спросил.

– 58–10.

Он пальцем провел перед моими глазами:

– Не выйдешь отсюда.

Потом закричал:

– Передайте ее мне, передайте мне ее! – и убежал.

Я села перед следователем. Мне показалось, что он был перепуган, что он боится этого Габитова. Он сказал: «А теперь последний раз я делаю попытку».

После этого начали меня водить на допросы к Габитову. Это были очень страшные дни. Меня приводят к нему, сажают на стул. Он пьет чай, чайник стоит, наливает, таблетки какие-то глотает. Он не дает мне отвечать, не дает – сам за меня говорит. Ну, в общем, такое противостояние у нас получилось. И вот, тоже знаете, воспитание мое: мужчину обругать я не могла и плакала от зла, от обиды. Он мне говорит:

– Че плачешь? Не надо, не надо мне слезы: Москва слезам не верит.

Я решила это использовать.

– Как вы сказали? – говорю. – Москва не верит слезам? Извините, со всех концов мира обращаются к Москве с надеждой получить помощь. Москва дворянская, Москва буржуазная не верила слезам, а не наша социалистическая. Вот это и есть антисоветчина, вот ты сейчас пропагандируешь антисоветские высказывания, вот тебя надо посадить.

О-о-о! Он готов был взлететь! Он начал кулаками стучать по столу, кричать: «Убрать ее! Убрать! В карцер! В карцер!».

С этого дня меня не приводили в камеру. Ведут на допрос, оттуда – в карцер. А в карцере обстановка ужасная. Вот этот столик ты видишь? (показывает на журнальный столик. – *Мирзоева Н.*) Вот такой по размерам был карцер. Вот эту шахматную доску видишь? Вот такого размера была низенькая табуретка, на которой я сидела. Кусочек пола, на которой стояли ноги, здесь дверь и там кормушка [44] и глазок. Надзиратель не отходит от глазка, чтобы я не закрыла глаза, чтобы веки я не опустила, чтобы я не прислонилась к стенке ни сбоку, ни назад. Лечь там – места нет. Поэтому ночью выводят оттуда, дают раскладушку. Огромная лампа горит, надо мной стоят два здоровых мужика, и я должна одетая лечь и спать. Это где-то в одиннадцать часов ночи дают мне лечь, а утром уже в шесть часов меня опять заводят в этот карцер. Ты знаешь, как мне хотелось умереть... я тебе сказать не могу. Жизнь была адом, настоящим адом. Ноги у меня страшно отекали, стали огромные, тяжелые, покрылись багровыми, красными пятнами. Я никогда в жизни ни до, ни после не видела своих ног в таком состоянии. Я не могла ходить. Я едва передвигалась: тащила сначала за собой одну ногу, потом другую. Я и есть не хотела и от голода мне что-то начало мерещится. Понимаешь, дают мне 350 грамм хлеба и стакан воды в сутки. Я умираю – воды хочу. Но мне ее не дают. А хлеб я не съедаю. Господи! Когда я подымалась на второй этаж к этому проклятому министру... Я не могла подниматься уже... Правда, мне разрешали хвататься за перила, а иногда, когда кто-нибудь не разрешал, я стояла, задыхаясь, не могла подняться. Тогда палку мне протягивали: цепляйся за нее. Один раз я и палку выронила и сама упала на колени на ступеньках. Конвоиры поддели две палки под мышки, чтобы не дотронуться до «врага народа», подняли и так довели.

Каждый день он меня допрашивал:

– Ты знаешь, с кем ты водилась, ты знаешь, где ты пропаганду вела, ты антисоветчиной всю жизнь занималась, ты ненавидишь Советскую власть, ты ненавидишь Сталина, ты его хочешь убить.

– Мать ты моя! Как убить, вот скажите? Я могу так же обвинить вас, что вы хотите убить его.

Он начинал кричать.

– Позвольте, а почему вы тогда мне это говорите? Ну как я могла его убить?

Это был донос Шуевой. Она донесла туда, что у меня было оружие – пистолет, которым я хотела убить Сталина: «Пистолет лично не видела. Я постучалась к Налоевой. Когда она дверь открыла, тряпочкой прикрытой держала в руках похожий на пистолет предмет. И она сказала, что это у нее оружие, которым она хочет убить Сталина. На мой вопрос: ты что, разве можно убить Сталина, Налоева сказала, что она поедет в Москву, на демонстрацию, когда он бывает на Мавзолее, выстрелит и убьет его».

Это я узнала позже, во время повторного следствия, а тогда мне этого не говорили. Я не знала, откуда, кто мог такую глупость придумать. Мне даже во сне не приснилось бы убивать кого-то, не то что Сталина. И потом я же не такая дурная: как это можно пистолетом на демонстрации достать Сталина? Кто бы дал? Там бы руки вывернули тут же. Это только такая дура, как Шуева, могла такой донос сделать. Они могли верить или не верить доносам, но меня терзали.

И вот в очередной раз меня вызвали на допрос. Подняли меня на второй этаж, завели к Габитову, посадили. Небольшой величины бумажечка, листочек, он ее сгибает, складывает.

– Вот видишь, все, все! – начал кричать он.

– Что все?

В общем, он мне прочел текст: решением особого совещания от такого-то числа приговорить к изоляции сроком на восемь лет, содержать в исправительно-трудовых лагерях. Я обрадовалась. Ты веришь мне или нет, я радовалась, что отсюда уйду.

– Ну что ж, дали вам восемь лет. А можно не сидеть восемь лет. Можно получить освобождение отсюда, – сказал он мне.

– А как это сделать?

– Очень просто, работайте на нас.

Ты понимаешь? Теперь войди в мое положение. Освободиться каждому хочется. Но какой ценой?! Меня будут подбрасывать к таким же несчастным как я, которые там сидят. Я должна буду у них что-то выведывать, доносить это эмгэбэшникам, и за это, я буду надеяться, что если не умру, то меня когда-нибудь освободят. Это было неприемлемо.

– Нет, никогда в жизни я не буду работать на вас.

– Я предложил, – он сказал, – а вы как хотите. Идите.

Меня увели и все. Допросов нет, следствия нет, этапа нет. Я просто погибаю.

В конце концов я объявила голодовку. Потребовала бумагу и написала, почему я объявила голодовку: я уже осуждена на срок содержания в исправительно-трудовых лагерях. На каком основании, в нарушение законного решения

особого совещания, меня держат на строгом режиме в тюрьме? В знак протеста отказываюсь принимать пищу.

С этого дня я не стала принимать ни кусочка сахара, ни хлеба, ни воды – ничего. Прошли сутки, вторые, третьи. Сначала они не верили, что я смогу голодовку держать. Потом меня вызвал замминистра. Его фамилию тоже забыла, проклятый, это кабардинец, он стал меня уговаривать, что нельзя голодать. Я требовала:

– Отправьте меня в лагерь! Я хочу, во-первых, обжаловать это решение особого совещания. Во-вторых, я хочу пожаловаться на вас, на неправильное содержание меня, на то, что вы подвергли меня различным притеснениям, не положенным законом. Что я буду делать – это мое дело. Я хочу в исправительно-трудовой лагерь.

– Вы думаете там лучше? – спросил он меня.

– Я думаю, что да. Я буду хотя бы работать, пользу приносить.

Я всего не помню – что я говорила, что он говорил, но, во всяком случае, наши беседы не привели ни к какому взаимопониманию. Он требовал, чтобы я приняла пищу, а я требовала, чтобы он меня отправил на этап.

Когда я отказалась от еды, меня вынесли из карцера и перевели в камеру. В камере я лежала одна. Врач приходила, делала уколы. Ты знаешь, я даже начала видеть галлюцинации. Вот я смотрю на стену, плохо побеленную, и вижу там какие-то картины. Мне было очень плохо... Правда, меня ежедневно выводили на прогулки во двор, не помню, на сколько минут. Приделанный к стенке, прогулочный двор был маленький, вот как эта моя комнатка (показывает комнату в своей квартире. – *Н. Мирзоева*). И там не разрешали ходить взад-вперед, надо было как цирковая лошадь по кругу ходить. Снаружи сверху сидели два солдата – в лагерях их «попками» зовут. Когда я противилась, говорила, что не хочу по кругу ходить и разворачивалась в другую сторону, чтобы прямо туда и обратно пойти, эти «попки» кричали: «Стрелять буду! Кругом. Иди слева направо».

Это был кошмар. Я ходить уже не могла...

Меня перевели по моему настоянию в камеру, где были две женщины – мои знакомые, с которыми я раньше сидела (не помню их фамилии). Одна – инженер-технолог, была очень фальшивая. А другая – малограмотная женщина, большевичка. Она верила Ленину, а вот Сталина ненавидела. Когда ее допрашивали, бывало, что ее даже лупили. Она возвращалась с допроса с подбитыми глазами и со штанами на руках. Потому что когда ее били, штаны падали – они же без резинок. Она забирала их и приносила в камеру. Она мне очень много рассказывала, отвлекая меня и в то же время, бедная, когда ее допрашивали, она на меня наговаривала... А меня, в свою очередь, натравливали на нее...

Самое страшное: когда ты голодовку объявляешь, ты думаешь, они дают тебе ее держать? Нет, они прибегают к принудительному кормлению. Первые трое, четверо, пятеро суток они еще не думали, что я сумею волю проявить, а вот уже после пятых суток стали применять ко мне силу. Правда, сначала привели какого-то врача. Он осмотрел меня, уговаривал, спрашивал что-то, но ни лекарств, ничего мне не дал.

Когда уговоры врача не подействовали, надзиратели попытались насильственно накормить меня. Вот что они сделали: этих двух женщин вывели, перевели в другую камеру, а меня одну оставили. Затем меня поставили на пол. Половину камеры, занимали сплошные, высокие – почти до половины моего роста – нары. Край этих наров пришёлся мне как раз ниже лопаток. Меня прижали позвонком прямо к краю нар, скрутили руки и ноги. Третий надзиратель начал совать мне резиновую трубку в горло. Я рот не открывала, тогда – в нос... Я орала, сопротивлялась, била их ногами. Одного из них сильно ударила, очень сильно. Я сказала: «Я вас убью». Господи, откуда еще силы брались у этой умирающей женщины? Я вырвалась, упала. Вот тогда тогда мне повредили позвоночник. С тех пор у меня спина в этом месте болит – врачи обнаружили, что у меня смещены позвонки. В общем у них ничего не вышло.

Потом меня вызвал сам министр. Это уже было на девятый день голодовки. У меня губы полопались, вонь из-за рта идет... Еле-еле я зашла.

– Ну что ж, раз вы не хотите стать человеком, раз вас не устраивают наши условия, я в ближайшее время вас отправлю в лагерь, но в такой лагерь, что вы мою тюрьму будете вспоминать. – Вот такой угрозой он меня встретил. – Приказываю принять пищу.

– Я не приму, пока вы не дадите мне слово, что отправите меня в лагерь. Почему вы меня не отправляете? Почему я должна сидеть в этой дыре? Одна прогулка что стоит? Как цирковая лошадь я должна только в одну сторону по кругу ходить.

Он мне дал слово:

– В самое ближайшее время я вас отправлю, примите пищу.

Тогда я стала кушать. Да что там кушать? Ржавую какую-то жидкость давали, кусочек сахара, хлеб, воду и все. Ну, все-таки, мне разрешили, врач мне дал возможность, лежать днем...

Забегая вперед я скажу: когда я много лет спустя после освобождения из лагеря возвратилась в Кабарду, ко мне обратились люди и сказали, что Габитов был следователем Туполева [45]. Туполев освобожден, реабилитирован и как ученый восстановил свои права. В связи с этим Габитова отстранили от работы. А теперь и я могу написать заявление на него. Я подумала и сказала:

– Нет, я не буду лежачего бить, его сняли с работы не из-за меня, а из-за Туполева. Я – маленький человек, маленькая девочка, которую смяли, стерли и выбросили из тюрьмы без реабилитации, без ничего. Но я все-таки поставлю себя выше этой обстановки, я жалобу на него писать не буду.

А Габитов умер от инфаркта. Он сказал мне как-то на следствии: «Я тебя сгною, сгною. Сказала ты – не сказала, вела ты антисоветскую пропаганду – не вела, как представителя классового врага сгною, не выпущу». А получилось вон как: не он меня сгноил, хотя я тоже была гнилая, я очень была больная, когда вернулась, но все-таки я осталась, а он ушел туда, откуда не возвращаются. Он скончался до возбуждения против него уголовного дела. Не скажу, что злорадствовала. Наоборот, мне было жаль – мне очень хотелось, чтобы он испытал на себе жестокость тех органов, которыми он руководил, чтобы он посмотрел, как с ним стали бы обращаться его коллеги. Но тогда уже наступила хрущевская оттепель, не знаю, что было бы с ним...

Отправка в лагерь.

Этап

В один прекрасный день вызвали на этап. Был уже вечер, когда подогнали закрытый воронок [46]. Темно. Я ничего не видела. Во дворе МГБ одну меня посадили в воронок и привезли на железно-дорожную станцию. Меня завели в вагон. Я забыла, как заключенные называют эти вагоны: на вид пассажирский, но приспособленные для отправки заключенных. В вагоне – маленькие закрытые купе и один проход [47]. Когда меня вели по проходу, мужчины-заключенные закричали: «О, это Вы, вот Вы! Слава Богу! Слава Богу!». Они же все слышали про меня, про голодовку, болезнь. Даже как-то в тюрьме они забастовали в мою защиту. Что с ними сделали тогда, не знаю. А сейчас надзиратели стали кричать и угрожать им прикладами. Меня провели через весь вагон и завели в предпоследнее купе. Когда я зашла, там никого не было. Я, чтобы не сидеть, – ноги отечные, залезла на вторую полку и легла. Где-то через полчаса привели много женщин, завели в последний отсек и ко мне. Их было так много, что они уже не только сидели, но и стояли. Через некоторое время в соседнем купе раздался дикий крик. Ужас, какой был крик. Надзиратели бегом открыли дверь. Женщины кричали: «Там дьявол!». «Гха-ха, гха-ха», – услышала я знакомый смех. Это Анна Антоновна лежала там наверху. Она радовалась, что перепугала этих женщин, и хохотала. Я через коридор обратилась к надзирателям:

– Давайте я пойду туда. Пусть эти женщины все сюда перейдут, а я к ней пойду.

Я зашла:

– Анна Антоновна, ты перепугала всех.

Бедная, она спрыгнула, обняла меня, посадила рядом. Она и я – больше никого нет в купе, верхние ярусы – свободные. Она посадила меня на нижний ярус и начала гладить мои волосы. «Ты прямой пробор делаешь как христианка, вот умница, вот ты хорошо сделала», – сказала она мне. Боже мой, не знаю даже, никто в жизни не обласкал меня так, как в этот день Анна Антоновна. И мы сидели вдвоем, обнявшись. Так тронулся этап. Нас привезли под Ростов на какую-то станцию.

...Вот видишь, что сделало это облучение [48], я стала забывать, абсолютно нарушена у меня память. Не помню даже эту тюрьму, тоже пересыльная, огромная тюрьма. Там нас всех завели в одну большую камеру. В этой камере опять Анна Антоновна поругалась. Боже мой, она ревновала меня – не разрешала никому подходить ко мне, дралась. Её забрали. Я очень переживала, я просила, чтобы ее вернули. Ее вернули на второй день, потому что тех женщин, с которыми она подралась, уже отправили этапом. И вот в этой большой камере я познакомилась с одной женщиной из Нальчика, тоже по политической статье осужденной. До самой вологодской тюрьмы я была с этой женщиной. Вскоре попали в Батайск, там пересыльная тюрьма, оттуда опять прямо в вагоны. Ты знаешь, когда бывает посадка, это что-то страшное. Весь вокзал оцеплен. Я посмотрела и сразу даже не сообразила: что-то все заключенные низкого роста. Оказывается, они на коленях стоят вдоль железной дороги, вдоль вагонов, куда

их будут сажать. Мужчины стоят на коленях в четыре ряда и женщины – на коленях, но женщин меньше. Нас посадили.

И теперь Анну Антоновну вывели. Я в окно смотрела ей вслед. Господи, как она кричала, когда ее уводили, как она цеплялась за мою одежду. Я очень переживала, я тоже плакала. Удивительно, когда ее вывели из вагона, она перестала драться и спокойно пошла между двумя надзирателями.

Увели ее и мы остались вдвоем с этой женщиной из Нальчика. Мы простояли ночь в Москве, потом этапом повезли нас в какой-то город. Нам не говорят куда везут, сколько будем в пути – мы ничего не знаем, как скотину нас везут. Где-то около семи-восьми суток мы были в дороге. Наконец, остановились и нас вывели из вагона.

Боже мой, сколько было людей на земле! Всех высадили из вагона и все на коленях стоят. Подъезжают воронки, наполняют их и увозят, увозят, увозят. Последними посадили нас вдвоем. В воронке полно мужчин, а по краям с двух сторон одиночные карцерные маленькие отсеки – это наказанных туда сажают. Нас посадили туда, чтобы отделить от мужчин и чтобы не делать два рейса.

Я никогда не забуду, как было мне плохо... Я задыхалась, воздуха не было, я еще после голодовки не пришла в себя. И когда нас завезли во двор тюрьмы, и дверь открылась, я вывалилась оттуда. Я очень хорошо все помню: я не теряла сознание, я была просто как сопля, я вывалилась вниз головой. Подняли. Какая-то скамейка стояла во дворе, на эту скамейку меня положили, и эту женщину оставили около меня. Врачи, уколы, что-то сделали, мне стало лучше. Я просто лежала, слабая, доходяга. Потом какой-то шум, гам. Смотрю, заводят группу заключенных: с бантиками, коротенькие юбочки, старухи. Ну, знаете, старухами там начинают выглядеть очень рано. Они без зубов. Господи! Крик, шум, мат. На нас посмотрели, обматерили нас тоже. Потом мы узнали, что это штрафные, изгнанные из Волгостроя, Волгограда. Это одна партия, вторая, третья. А потом подошли к нам сотрудники: «Давайте в баню мыться». Самое страшное, что делается в этих пересылках: ты приезжаешь откуда-то, у тебя забирают всю одежду – пальто ли, меховое ли, шуба ли – в какие-то газовые камеры. Там их жгут, обдают паром, и эти вещи, которые тебе возвращают, уже узнать нельзя. Вот так опять забрали у нас вещи, завели нас в баню. И что же я вижу. Предбанник, где раздеваются, и баня открыты. Огромное помещение с низким потолком, невысокие скамейки. На этих скамейках стоят голые женщины, четыре здоровых мужика бреют их под мышками и все такое там. Я в жизни не видела такого. Я забастовала, сказала, не разденусь и купаться не буду. Ну, там же, знаете, какая грубая обслуга, там скандал. «Только подойди, – говорю, – я тебя убью, насмерть уложу». Откуда им знать, что я доходяга. Та женщина тоже согласилась со мной, не так ярко, но все-таки поддержала меня. Короче, они убежали. Вывели нас из бани. Подбегает полковник какой-то.

– Товарищ полковник, вот эти две зк (заключенные. – А. М.) не хотят мыться.

– Че-е? – орет.

– Слушайте, вы не имеете права так издеваться, вы лишаете нас стыда, – говорю я ему. – На каком основании голые – мы, я, – должна стать перед этими мужиками, чтобы они меня брили? Что это? Кто вам дал такое право?

– Мать ее... – загнул он сильно матом. – Пускай ходит лохматая, ладно.

И нас не купали, вывели оттуда, снова привели к этой скамейке, посадили. Теперь вот они, эти с бантиками, с бани выходят. «А, это те, которые не захотели мыться. А, ладно, ладно, мы увидимся еще», – вот так примерно угрожают нам эти женщины и все это с матом, матом, матом. Потом на нас была одежда – в моде тогда были длинные платья с оборкой. И они нам говорят: «А, они актрисы, ах вы, блядинушки». И что только не говорили на нас. Когда все закончилось, нас – сотни мужчин и триста женщин – завели в коридор, чтобы рассадить по камерам. И когда по коридору вели, я смотрела и поражалась: это тюрьма, построенная при Иване Грозном, – удивительное здание. Но даже то, что Иван Грозный построил, изменили Советы. Там были ажурные, вот как в коридорах бывают, железные, с рисунками двери – не закрытые, окна – то же самое, открытые. А теперь где-то до половины окон поставили доски, где-то совсем их закрыли. Где открыто, оттуда заключенные матерятся, кричат на нас. Но мы не знали, что нас туда бросят. Обыскали нас, ощупали, дверь открыли – в одну из этих камер хотят завести. Оттуда, знаешь, только мат идет на нас: «Вы не хотели купаться, а-а-а, вы актрисы, мы вам сейчас покажем, да подожди». И вот я запротестовала, а эта женщина, моя напарница, зарыдала просто. «Как, – говорит, – мы туда пойдем?». Я говорю: «Мы – политзаключенные, нас отдельно должны держать, вы не имеете права нас туда сажать». Бегали долго они, но все-таки, наверное, не было свободных камер – этап был огромный, пришел опять тот самый полковник, который очень матерился, и сказал: «У меня больше камер нет, толкайте их туда». Нас стали толкать туда, а там: «Ну-ка, ну-ка», – стоят те женщины у входа, встречают нас. Я говорю: «Тихо, тихо, девочки». Рыдает сзади меня эта женщина, держится за меня, за мою юбку. Мы зашли.

– Девочки, – говорю, – она больная, пожалуйста, тихо, тихо. Я вам, знаете, сколько романов расскажу.

– Ладно, ну-ка, давай.

Они, знаете, тоже простые, залезли на нары и ждут. О, эти нары, описать их невозможно. Это шикарное сооружение. Ну вот, мы зашли. Сзади себя я положила ее, говорю: «Пожалуйста, не трогайте ее». Я начала рассказывать. Я выдумывала, различные иностранные имена придумывала, там королевы, короли – в общем, сочиняю. Они все калачиком ножки сложили, сидят и слушают. Такая тишина и вдруг началось... Я увидела: по окнам (наверху сидят мужчины) спускаются на веревках спичечные коробочки, оттуда вытаскиваются записки от мужчин. В эти спичечные коробки что-то кладут, отправляют наверх, и так они идут вверх, вниз. Это, наверное, стража увидела. Дверь открыли, кричат: «Прекратите переписку». Раз, два, три, орали. Я – в шоке, я же в жизни не видела такого. Вот в такой обстановке я оказалась. Человек, наверное, пятьдесят было в этой камере. Раньше там были только одинарные нары, а Советы сделали трехъярусные, и арестанты плотно очень сидели – народу было очень много. Теперь открывается дверь и входит какой-то мужчина бритоголовый в сопровождении двух надзирателей. «Кто написал?», – что-то такое говорит. Я увидела, как две женщины заходят сзади к этому майору. Я бы никогда не

догадалась, что они собирались сделать. Они взяли парашу [49] и надели ему сзади прямо на голову. Надо было это видеть, все это разлилось, это вонь... Выскочили все трое.

И через некоторое время эти женщины, знаешь, что сделали? Как будто у них нервный припадок: локтями бьют об пол, пена со рта – они симулируют так, чтобы их не взяли. Но не тут-то было. Дверь открывается, врывается бригада надзирателей, военизированной охраны, берут и выбрасывают их, а другие ловят и куда-то несут. Выбрасывают их просто, вот как мешки кидают, без разбора всех. Моя Люба бедная перепугалась, спрыгнула и... попала. И вот, когда ее несли, ее длинная юбка висит, я ее хватаю, говорю: «Мы не виноваты, вы нас сюда затолкали, а теперь что вы там...». «А-а-а». Все, схватили и утащили. А я вижу, что подряд всех забирают, спрыгнула и залезла под нары, в самый уголочек и там лежу. Сыро там, грязно очень, пахнет неприятно. Опустело. Палкой они проверяют под нарами, но палкой не достанешь то место, где я спряталась. Все опустело. Они уже успокоились, что всех наказали. А куда их дели, я не знаю. Потом мне рассказали, что их побросали в подвал, где ступенек нет, а просто спуск. Тишина гробовая. Я уже боюсь. Что я буду здесь делать? И вдруг... «э-э-э» – звук. Я никогда в жизни это не забуду. Ко мне ползет (я постепенно адаптировалась, кое-что вижу) молодая, по сути, женщина, женщина моих лет, но она от этих лагерей постарела, уже зубов нет, два клыка только. Она ползет ко мне и «а-а-а» – стонет. Как я орала, это невозможно. На этот крик ворвались надзиратели: «А ну-ка, выходите!». Вытащили ее или она сама вышла, не знаю.

– **Света нет там, там темно. Да, тетя Женя? – Мирзоева Н.**

– Какой там свет? Дело в том, что день это. Но там же намордники [50] стоят. Ты понимаешь, намордники эти закрывают окна и там наверху чуть-чуть падает свет и все. Там ничего не видно. И только, когда я адаптировалась, я видела свет около двери и возле окна, но дальше я ничего не видела. Ее с криком вынесли, а я осталась, осталась и всю ночь там пролежала. А их, оказывается, наказали: всю ночь без постели, кто в чем был, на цементный пол их бросили, и они там, в подвале, лежали. А я выползла оттуда ночью, на нары поднялась и там спала. Утром дверь открывается. Как только я услышала шум, я спрыгнула и снова спряталась. Они, бедные, заходят, голодные, холодные, и Любу мою привели. И я оттуда тоже вылезла.

Ты знаешь, там все сделано для того, чтобы человек страдал. Туалет там, знаешь, какой? Зонт, круглый столб стоит, от этого столба – ножки, чтобы стояли, вот такая яма, ты понимаешь, и вот так сидишь у всех на виду. Не так что-то сделаешь, ты упадешь. Двенадцать человек садится на этот один зонт, это я рассказать не могу.

Когда я узнала, что это при Иване Грозном еще построенная знаменитая тюрьма, я начальника тюрьмы попросила разрешить осмотреть ее. Я не знаю, почему, но он не отказал, факт, что вывели и показали мне. Это нельзя описать...

Ну вот, там нас уже разъединили: эту женщину куда-то увезли. А меня из этой вологодской тюрьмы XVI века увезли в Киров, кировскую пересыльную тюрьму. Не дай Бог, в дороге что пришлось терпеть: воды нет, еды нет, теперь мы – политзаключенные – со всеми этими рецидивистками. Там драки, мат.

И в кировской тюрьме долго я сидела, ждала этапа. Оттуда меня увезли в Соликамск. В Соликамске заканчивалась железная дорога. Это последний железнодорожный путь. Я вспомнила, что, когда была маленькая, очень хотела сесть в поезд и поехать до последней станции, где уже нет ничего. Я подумала: пожелала бы себе лучшее что-то, тоже, наверное, сбылось. Там, в Соликамске, меня уже высадили.

Это пересыльный пункт. Большая часть этого огромного лагеря – мужчины. Женская половина – меньше и отделена. Там не только пересыльный пункт, там и рабочий пункт. На разных объектах работали мужчины, но я не общалась, не виделась с ними. Но вот в зоне, в этом маленьком отсеке, где одни были женщины, я наблюдала такую удивительную черту того периода – это отношения мужчин и женщин. Они не могут ни поговорить между собой, не могут видаться, с женской половины орут, матерят мужчин, а мужчины оттуда кричат. Это было похоже на то, как, разъединенные перед тем соседские собаки грызутся. Главным образом, это рецидивистки. И я тогда еще не знала, что это такое, это позорное, что там происходило, – лесбиянство. Знала я, что есть в мужской форме, но что есть такие женщины уродливые, нет. Они – не то мужчины, не то женщины. Они мало задерживались, отправляли их сразу дальше. Но я увидела, я запомнила в Соликамской тюрьме или Соликамской пересылке два события.

Первое. Цыганка находилась в этой зоне, за что она сидела – я не знаю, но только не за политику, ну цыганка. Довольно-таки смазливая женщина. Она начинала петь, и ее голос сразу привлекал мужчин к забору, отделяющему наш отсек от лагеря. Раз они в зоне, значит, они или больные или по какой-то другой причине не находятся на объекте труда. И вот удивительно, она как магнит тянула к себе этих мужиков и, главное, они не слушают, а кричат, матерятся на нее и уходят. В деревянных бочках на двухколесной тележке, запряженной мулом, привозили к нам еду из мужской зоны. Две бочки там, в одной – жидкость, бурда, а в другой – наполовину каша, хлеб, сахар, что положено нам в этот день. И вот она, эта цыганка, решила попасть к ним. Почему ее тянуло туда, я не знаю, я с ней не беседовала. Я, очень убитая, сидела наверху, смотрела вниз, что там происходит. Так вот, эта цыганка умудрилась, когда вычерпали суп из этой более высокой бочки, залезть туда и закрыть крышку. Заключение, который возит еду, не заметил, что она сидит в бочке. А потом, когда тележка заехала на территорию мужской зоны, наверное, она знала, где примерно остановилась, вылезла оттуда и бросилась к мужчинам. Сначала ничего не было слышно. Крик, ее жуткий крик раздался в полночь. Наверное, мужчины, вернувшиеся в лагпункт с работы, издевались над ней. От такого душераздирающего крика мертвые могли бы проснуться. Я тоже проснулась. Несли ее. То, что я увидела, даже не поддается описанию. Ее несли двое мужчин: один держал ноги, а другой – плечи, ее длинные волосы были разбросаны, руки висели. Она была без одежды, вся разодранная. Ужас, она продолжала кричать. Положили ее напротив меня. Вагонкой называются отдельные двухъярусные нары для четырех заключенных. Эти вагонки шатаются, иногда ломаются и падают. Так страшно, как будто ты на море качаешься. Я посмотрела вниз, ее положили, и я ее уже

не вижу из-за слабого света. Но этот крик я уже не могла сидеть и слушать. Я сошла, хотела чем-то помочь ей. Я никогда в жизни я не забуду, какие у нее были глаза, ее лицо, ее страдания. Кто знает, сколько мужчин ее насильовало.

... Она умерла. Я так плакала, сама не знаю, от чего я плакала, но сам факт этого насилия и сам факт, что она добровольно пошла туда – я не могла это понять. Этот поступок труднообъясним для нормального человека. Просто страшно. Как я буду здесь жить? Что дальше буду делать? И потом на этой пересылке я не встретила ни одного политического заключенного. А эти рецидивистки, язык их, обращение их – это просто ужас.

Второе событие, которое меня удивило. Там невозможно спать – я не видела такого количества клопов в жизни. Вы знаете, как только лампочку тушат, набрасывается на тебя, в особенности на свежего человека, невероятное число клопов. Как они кусают, это что-то страшное, и от них не избавиться – не раздеваться же наголо. Знаете, как избавляются – бутылку берут, одежду кладут и вот там давят их.

И как-то ночью я не спала, сидела наверху, чесалась, сбрасывала что-то, трусила что-то, когда зажгли свет и раздалось шушуканье. И что я вижу: стоит мужчина в женском халате, а халат этот – мой. Я его повесила, они меня не спросили, взяли и дали этому мужчине. Как его завели, я не знаю. Халат, который был мне очень длинный, ему чуть ниже колена, его плечи в халат не умещаются – все обтянуто. Я даже не сразу узнала свой халат. Я, прежде всего, увидела мужчину. Надо было видеть, как эти рецидивистки – поголовно все – подходили, гладили его, целовали подол. Ему хотели почистить обувь, хотели надеть на него свою одежду. Каждая откуда-то что-то нашла, его кормят, посадили, окружили, на коленях кругом сели, может быть, человек двадцать в этом отсеке было женщин. И я тоже слезла и пошла посмотреть на него. У меня не было никакого желания, ни малейшего интереса ни обнимать, ни что-то делать... Потом, я же недавно в лагере, странно мне показалось, что это мой халат оказался на нем. Через некоторое время начался какой-то шум, кого-то бьют, где-то свист, где-то крик. Женщины забегают. «Прячьте, мусора идут», – заорали. Ворвались человек, наверное, шесть-семь охранников. Я видела, как несли его – один мужчина одну ногу, другой другую ногу держит. Он бил многих, такой здоровый мужчина, ну ему тоже досталось. Вот такого избитого вытащили его. Он уперся ногами, а дверца – узкая, и не могли его вынести. Кто-то ударом вышиб косяк, что-то свалилось. Плачут, матерятся, кричат женщины, они все столпились у ворот, где выход в мужскую половину. Ну, потом, как и все на свете, улеглось вроде. Свет опять включили, и вот кто-то качает вагонку, где я лежу, кто-то меня за ногу тянет. Я посмотрела: там два надзирателя. Я поняла, что они думают, якобы я пригласила этого мужчину – халат-то мой. На допрос меня повели, я зашла. А всего двое суток, как я приехала туда. И этот мужик сидит: в крови у него все лицо, халат мой уже разодранный – тряпка, а не халат.

– Вы его знаете? – спрашивают меня.

– Я его не знаю, – отвечаю я.

А его спросили, он говорит, что тоже меня не знает.

– А почему ваш халат на нем? – это уже кто-то донес, а кто, я не знаю.

– Я сама удивлена, почему мой халат на нем. Я повесила на край нар и легла, а как оказался мой халат на нем, я не знаю.

Они тоже психологи хорошие, поняли, что я – не рецидивистка, тут же спросили статью, я им сказала, где работала, и они поняли, что это не мои проделки, просто воспользовались моим халатом.

– Ладно, ладно, идите.

Я ушла.

Прибытие в лагерь – Волимский лагпункт, Молотовская область

Вскоре меня этапировали с одной женщиной. Она приехала накануне вечером, сопровождая какую-то больную. Вот с ней мы вместе. От нее я узнала, что меня этапируют на Волим, Волимский лагпункт. «Нижний, Средний, Верхний Волим – вот три лагпункта, – говорит, – тебя везут в Верхний Волим». Мне было все равно куда. Нас посадили на катер; долго, целый день, мы плыли по течению реки. Потом завезли в какое-то место, где находилось главное начальство волимских лагерей. Женщина-врач, женщина-зк (заключенная. – А. М.), женщина-фельдшер, остальные все – мужчины. Эту женщину и меня не знали куда деть. Там не было специальных помещений для женщин-заклученных, а уже наступила ночь. От этого центра до лагпункта было шесть-семь километров, которые только пешком можно было преодолеть. А ночью этапов не делают. Я не знаю, куда дели эту женщину, а меня провели к старухе-фельдшеру в санчасть. Очень осторожно с ней разговариваю – она мне понравилась, хорошая женщина. Врач пришла, женщина молодая, осмотрела меня, сделала распоряжения.

Утром какой-то гул возле окна в маленькой палате, где я ночевала со старухой-фельдшером. Она подбежала ко мне, говорит:

– Знаешь что, сейчас мужчин привезли в санчасть. Они хотят на тебя посмотреть, будь осторожна.

– Что это значит? – испугалась я, вспомнив тот случай.

– Ничего не значит.

Там срубные здания. Кто-то стучит, кричит «откройте». Открыли. Ей сказали, пусть в окно она покажется, мы посмотрим на нее, тогда пойдем на работу, а так не выйдем. Старуха мне говорит: «Подойди, подойди, они сейчас померят тебя». То, что я увидела, потрясающая была картина. Стояли мужчины: и молодые, и старые, и среднего возраста. Кто-то рыдал, кто-то кричал: «Дай обувь, у тебя есть что-нибудь, а?». У меня еще туфельки были, я бросила туфельки. К груди прижимали эту обувь, кто-то к щеке прижал, кто-то шапку снял, говорит: «Вот видишь, мы даже волос не имеем права носить, мы такие бритые». Кто-то кричит: «Может, у тебя есть платочек носовой? Девочка, кинь, пожалуйста». То, что у меня было, я все выбросила туда. Ты бы видела, что они делали с этими: вещами, нюхали, целовали, запихивали в карманы, кто-то отбирал у другого... И потом, когда уже мне нечего было бросать, они ушли.

А меня этапом повели на Волим.

Когда мы прибыли в Волим, подошли к воротам, как из-под земли, явилась эта женщина опять. Ну, вместе мы зашли. И приняли нас совершенно нормально. В лагере всегда собирается много людей встречать этап, независимо от того, много людей или мало привели. Все, кто остается в зоне, бегут, думают: может родственника, может землячку привезли, мало ли что. И в этот раз тоже было очень многолюдно.

Меня поместили в барак для политзаключенных. Лагерь вообще исправительно-трудовой, главным образом заключенные – это «бытовики» [51]. В нашем же бараке проживало шестьдесят человек политзаключенных. Я зашла после обысков, после расспросов. Поздоровалась с дневальной. Показали мне место свободное наверху, недалеко от печки. Я даже обрадовалась, что недалеко от печки, залезла туда. Эта женщина успела распустить слух про меня: она – не заключенная, вольная женщина, просто ее подкинули к нам, это наседка [52], она будет выпытывать все, что здесь делается, и потом ее заберут, и она донесет все. Я не знаю, почему она так думала обо мне. Вот я не сплю (я спала хорошо в санчасти прошлую ночь), я просто лежу, думаю, как приспособиться к новым условиям, что я буду делать, какую работу буду выполнять. И вдруг слышу:

– Я ей дам, я ее ... – и это в сопровождении мата, – ...ее такую-то мать, я ее вниз головой скину, сейчас как дам головой об стенку, мозги вылетят, я такое сделаю, что ни один инженер по чертежам не соберет, я покажу ей.

Вот так, ты понимаешь? А я не знаю, кому такая угроза, я не знаю, что это меня касается, я лежу спокойно.

– Смотри, не шевелится, сука, ну-ка сойди, ну-ка...

Тогда я поняла, говорю:

– Простите, к кому вы обращаетесь?

Стоит плотная, грудастая женщина в телогрейке, широко расставив ноги в валенках. На ней – рабочая одежда, телогрейка, бушлат нараспашку, шапка-домик. Она манит рукой:

– Вот сойди-ка, сойди! Я сейчас тебя раздеру на части.

Я сразу спрыгнула.

– Ну-ка давай. В чем дело? Что, что вы имеете ко мне? Ну?

Тишина какая-то наступила. Они не ожидали.

– А правда, что ты наседка? – спрашивает все-таки эта баба.

– А что такое наседка? – действительно, я не знала.

– Ха, не знаешь кто такая наседка?

– Нет, не знаю.

– А ты наседка сама.

– Что это такое, объясните мне, тогда я вам отвечу.

– А ты правду ответишь?

– Конечно.

– Наседка – это доносчик. Ты – вольная эмгэбэшная баба, тебя прислали сюда узнавать, как мы здесь...

Ну, я поняла.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я.

– Это не важно, – ответила она очень развязано.

– Ну, хорошо, не говори, как тебя зовут. Скажи, пожалуйста, какая вольная свободная женщина позволит себе поехать в такую даль, чтобы узнать, что делают такие, как ты? Мне это надо? Я могу хоть один день своей свободы пожертвовать ради этого? Вы что, с ума сошли? Если вы хотите меня убить – давайте. Вас много. Ну давайте, если вы считаете, что я повинна перед вами. Я – политзаключенная. Я имею статью, к моему несчастью, абсолютно без вины.

– Как без вины?

– Да, – говорю, – я не совершала политических преступлений.

– А ты Советскую власть любишь? – она говорит.

– Да, я работала при Советской власти, я родилась при Советской власти и все, что я могла, лучшее, что во мне было, я отдавала работе в пользу Советской власти.

– Во, видите, а это что, мало?

– Да такой ведь весь народ советский, всего Советского Союза народ, тогда давай всех убивать.

Я поняла, что среди всех этих женщин (там не все шестьдесят, наверное, человек пятнадцать в это время было неработающих) нет ни одного человека, совершившего политическое преступление. Просто, наверное, они оказались на оккупированной территории и, может быть, обслужили там кого-то, может кто-то там и переспал действительно с кем-нибудь из офицеров или солдат немецких, что-то примерно вот так. Вот я этой женщине, Сирма была ее фамилия, говорю:

– Вот ты скажи, есть ли среди вас хоть один политический преступник? Ну, что с того, что ты, вот говоришь, была директором школы, была, конечно, членом партии.

– Да-а.

– Так что ж, ты тогда тоже насадка? А я не была членом партии, я – просто советский человек. Ну и что получается? Что ты такого сделала? С офицером переспала и все. Какую политическую деятельность ты вела?

Она опешила, даже что ответить не нашла.

– Скорее всего, ты – хулиганка, ты похожа на рецидивисток, – говорю ей, – как будто ты много лет отсидела.

– Нет, – говорит, – я очень интеллигентная была женщина, это жизнь меня сделала такой. Посмотрим, что с тебя останется.

– Нет. Я никогда в жизни выразаться вот так, как ты выражаешься, не буду. Никакая среда не изменит меня. Тогда я не смогу вернуться к своей матери, я не такого воспитания, – ответила я.

Ну, короче говоря, никто меня не тронул. Я забралась снова на свои верхние нары, и началась моя жизнь в этом лагпункте [53].

Это был ужас: и работа была ужас, и люди были ужас, и режим. Мать моя! Если есть где-то ад, то советские лагеря – это ад.

– **Хуже тюрьмы, тетя Женя? – Мирзоева Н.**

– Да. Я вспомнила, только ты меня опередила, слова Габитова, министра госбезопасности, который сказал, что пошлет меня в такие лагеря, что я буду вспоминать его тюрьму. Хочешь верь, хочешь нет, я вспоминала свою одиночную

камеру в тюрьме. Мне хотелось как-нибудь, хотя бы на один час, остаться с самим собой – без мата, без шума, без крика. Мне хотелось где-то укрыться так, чтобы я могла хотя бы подумать о себе.

Я уже не плачу – высохли у меня глаза, там нет слез. Обстановка невыносимая. Допустим, дали нам всем одинаковые лопаты, чтобы снег почистить. У меня такая натура – то, что я делаю, я должна сначала изучить и делать это хорошо. Я и раньше, дома, очень любила убирать снег. В бригаде, где я работаю, рецидивистки в основном. Вот подбегает одна из них с матом: «Интеллигентка, такую-то мать твою, дай сюда», – вырывает лопату, свою кидает мне. Я начинаю работать этой лопатой также хорошо. Тогда другая начинает: «Ты чего, такая-сякая, без конца работаешь? Мы перекур тут делаем, твою мать там». Это было что-то ужасное. Оказывается, и работать-то возможности нет.

Если меня отправляли рубить дрова за зоной... Там же масса людей – около четырех тысяч женщин в этом лагпункте. Бараков много и они все печками отапливаются. Поэтому целая бригада рубит дрова. Деревья распилены на небольшой длины поленья, надо колоть их, для этого топоры-колуны там. Честно говоря, я никогда не любила рубить дров. Ну не умела я это делать, это было для меня наказание. Я видела как колуном работают: вгоняют топор в полено, поворачивают и обухом бьют – «дын» и полено пополам колется. У меня так не получалось. Не могу и все. Я отказывалась от этого вида работ.

А вот на лесоповале я очень быстро научилась валить деревья.

Хвойные леса. Лес – разный: есть делянки, где деревья – тонкие, а где – толщиной в обхват.

Ты чувствуешь, узнаешь, какие они деревья живые, когда начинаешь пилить. Пила останавливается, дальше не идет: дерево волнуется, как будто предсмертная судорога у него. Оно плачет, вода стекает на снег...

Я думаю, что по этой причине на валку леса возили нас только зимой.

Глубокий снег, очень глубокий. Нижний слой – утрамбованный, верхний – пушистый. Надо сначала расчистить его, добраться до земли, сесть (в глубине леса, в снегу сравнительно тепло: все снимают бушлаты и кладут под себя как сиденье), отмерить примерно сантиметров двадцать, не выше, от основания дерева и начать пилить. Просто так пилить нельзя, надо знать технику, а там никто это не показывает. Надо посмотреть, как это делает тот, кто давно уже работает на лесоповале, или соображать самому.

Ты можешь себе представить: до неба кажется высота дерева, и ветки на нем растут не одинаково – на южной стороне, где солнце греет сильнее, гораздо больше их, и они тяжелее. Иногда дерево накренится в ту сторону, с которой ты его пилишь, – и зажимает пилу так, что невозможно ее вытащить. Иногда ты подруб делаешь с одной стороны, а ветки с другой стороны такие увесистые, что дерево перекручивается и падает туда. Когда дерево начинает падать, все кричат: «Бойся!». С каким грохотом, шумом, как будто самолет летит, падает оно! А на этом поле снежном много женщин – и из моего звена, и из другого звена – крыжуют поваленные деревья. Крыжовать – это значит обрубать ветки и отделять деловую древесину от ненужной, которую можно использовать только

для топки, на костер. Эти женщины стоят в глубоком снегу в тяжелых валенках, наполненных снегом. Они не могут бежать. Так вот: мощной веткой падающего дерева, если достанет, насмерть убивает. Господи! «Бойся» крикнешь несколько раз и сама должна отскочить в ту сторону, где оно не упадет, иначе и тебя может прибить. Вы знаете, сколько людей может погибнуть, пока спилишь и свалишь это все: чуть ли не каждую неделю кто-то погибал на лесоповале. И я все время очень боялась кого-нибудь нечаянно убить...

Вскоре после моего приезда там случился несчастный случай. Две сестры родом из Литвы, литовки, очень работающие. О, какие они деловые были женщины – я у них научилась лес пилить. Одна крыжевала, а другая пилила. Она убила свою собственную сестру. Боже мой, когда с делянки убитую привезли, она выла по-волчьи. Мы все сочувствовали ей, плакали вместе с ней. Необыкновенная теплота и сострадание были проявлены к покойной и к ее скорбящей сестре. Но она не переставала выть. Она отказывалась от пищи, она онемела, лишилась сознания, она выла трое суток, день и ночь. Господи, этот лагерь стал просто адом каким-то. Слава Богу, потом ее куда-то увезли. Что с ней стало, я не знаю. И даже до сих пор, когда я вспоминаю этот случай, со мной что-то плохое происходит, я сжимаюсь почему-то. Убить человека, тем более родную свою сестру... Я понимаю ее. Мы изначально жалели ее, а потом я видела, как ее хотели бить, окружили в санчасти, где она лежала.

– **За то, что она плакала? – Мирзоева Н.**

– Да, потому что она выла душераздирающе. Люди не могли уже это переносить. Если это бараки, которые далеко, где менее это слышно или не слышно совсем, то это одно, а наш-то барак был рядом.

Бог меня любит. Я долго не работала на лесоповале – заболела и уже не стала пилить лес. Но я вам скажу: ни разу у меня не было ни увечий, ни убийств, ни другого несчастья – Бог наверное не хотел добавить мне душевных испытаний.

Эпизод из жизни в Сухуме

– Я тебе не рассказывала, как в Сухуме я пилила деревья?

– **Нет. – Мирзоева Н.**

– Нет? Я тебе расскажу этот момент.

Я уже живу в Сухуме. Это место моего жительства после окончания срока, после того, как меня освободили.

Многие соседи не знали ни моей фамилии, ни имени, часто говорили «вот та высокая блондинка, которая живет у Нато». Нато была моя хозяйка: я снимала у нее квартиру – однокомнатную кирпичную времянку. Когда-то хозяева построили ее для себя и жили там, пока не возвели шикарный двухэтажный дом. Хороший сад цитрусовый, ограждение в виде лавровых насаждений, красивые железные ворота. Я живу в этом домике. Над моим домиком возвышается гора. Там тропинка, по которой ходят люди. Мне это особенно не мешало. Но с некоторого времени каждое утро меня стали будить громкие голоса бурно спорящих о чем-то местных жителей. Я не понимаю языка, не могу понять, в чем дело. Не дают мне спать. Я долго работала вечерами, а утром любила по-

спать (что и сейчас люблю делать). И вот я не выдержала – это продолжалось уже больше недели. Я вышла из ворот, обошла с другой стороны и поднялась по этой тропинке. Когда я подошла к ним, то увидела несколько мужчин и женщин. Некоторых из женщин я знала в лицо – вместе приходилось стоять в очередях то за хлебом, то за помидорами, то за сыром, то за молоком, мало ли еще за чем.

– Здравствуйте, – поздоровалась я.

– Послушай, ты еще зачем сюда явилась? Слюшай, тебя тоже не хватает тут. Опять прибавилось! – сказал один из мужчин (с грузинским акцентом. – А. М.).

Он стоял с топором, а другой мужчина держал огромную пилу.

– Вы извините, пожалуйста. Вы каждое утро начинаете здесь такой галдеж, что невозможно ни спать, ни отдыхать. (Рано это, где-то в шесть, полседьмого утра начиналось.) Я пришла узнать, в чем дело. Может, я могу помочь?

– Да отвяжись, слюшай. В чем ты можешь помочь, слюшай, женщинына. Вот посмотри, посмотри.

Посмотрела: две горные сосны, одна чуть выше, а другая ниже, очень близко стоят. Они засохли. А земля, раз уже корневище вымерло, не может держать, и есть угроза, что они упадут. Это заметили женщины – хозяйки близлежащих домиков. Домик к домику прилип – на горе их расположилось кругом больше сотни. Между ними проложена тропинка.

Один мужчина говорит:

– Вот посмотри, мы ж говорили, вот туда положу – я ей на крышу положу. Сюда положу – другой на крышу положу. Службу присылать надо. Слуши, ну что такое пятьдесят рубли, слуши.

– Давай семидесят рубли, мы как-нибудь сделаем.

Как будто бы, если больше денег дашь, вопрос решится. Мне это так показалось смешно. Боже мой! Я ничего не сказала, ушла от них, вернулась в свой домик. А у моего хозяина дома (он капитан, летчик в отставке) был очень богатый инструментарий. Я взяла там маленькую пилу, лучок называется (тоненькая она – чем тоньше, тем лучше), другую пилу чуть побольше, топорик, конечно же, и вернулась.

– А слюши ти, ти слюши, ты куда, что это такое, а?

– Подождите, тихо.

Я, прежде всего, подпилила ту сосну, которая поменьше была. Тишина. И женщины и эти два мужика с большой пилой (как можно пилить такой пилой!) стоят, смотрят изумленно. Подпилила, значит, топориком подрубила, сделал откос: когда сосна будет падать, упадет в ту сторону, где я сделала подруб. А я подруб сделала так, чтобы легла на тропинку. Понимаете? Вот я отпилила. Грохнула одна сосна, потом вторая, и легли они ровно по тропинке. Это надо было видеть: какой там поднялся вдруг крик! И женщины, и мужчины! Мужчина, который с большой пилой стоял:

– Эй, слюши, ты – мущина, мущина, слюши. Ты, ей-Богу, мущина!

– Не надо никаких денег, – сказала я.

Положив так красивенько эти сосны, я ушла.

Я тебе скажу: наверное, такого авторитета я не заработала бы, если даже всю тайгу выпилила бы.

– Это, которая у Нато живет, слюшай, это которая высокая блондинка! Ух, слюшай, ты знаешь, как она положил! слюшай, положил слюшай! один, другой, вот так, клянусь Богом! Мущина, да, вот мущина, – вот так обо мне говорили у меня за дверью, в очередях, на застольях... Столько нашлось сразу знакомых!

Жизнь в лагере

Этот лагпункт на всю жизнь запомнился по многим причинам.

Природная красота. Природные явления – как умно все создано! В году – десять месяцев зима, весна начинается в мае и в одночасье проходит процесс цветения, пробуждения природы. Это красотище не раз я видела. Боже мой! Какие грозы бывают! Тают снега, страшное половодье: куда глаза ни глядят, везде – вода. А лето – коротенькое, нежное, теплое. Вот закатывается солнце. Это удивительно: вечером, после заката, мы видим друг друга, нормально можно работать, шить, и вдруг снова восходит солнце и снова начинается день. А сколько там животных, мама родная! Как мне хотелось поддержать в руках этих белок! Вы знаете, мне особенно нравятся пушные звери... Какой богатый растительный мир! Чего там только нет, как они растут высоко, как они цветут шикарно. Все в темпе, в темпе, быстро надо успеть, созреть надо. Какое количество ягод! Там белые грибы – самые ценные – неимоверной величины. Какое-то другое, умное государство, миллиарды рублей зарабатывало бы на этих ягодах, на этих грибах...

Мы не имели право даже нагнуться, сорвать немножко этих ягод, в рот положить, мы не имели право принести эти грибы, хоть на железке поджарить и покушать – за это могли наказать...

Начальником этого лагеря был подполковник по фамилии Каменец. Он был женат на немке. Немцев выселили в начале войны, вот он на севере нашел эту женщину и женился.

Там нет городов, нет сел – это глубоко на севере. Наверное, скучно было этой женщине... Как-то она пришла в соседний барак. А там же много подхалимов, вот мне говорят, что жена Каменца в том бараке находится, она – очень хорошая баба, подари ей что-нибудь из своих вещей, тебе работу дадут подходящую и так далее. Я сказала: «Я этого не хочу. Я буду отбывать срок наравне со всеми, а не особо. Я взятки никогда не давала – никому и не дам. Так подарить, пожалуйста...». Короче говоря, она заняла по отношению ко мне какую-то неприязненную позицию, что чувствовалось и в отношении Каменца ко мне.

Я сталкивалась с начальником несколько раз по бытовым вопросам, по поводу кражи моих вещей и т. д. И начальник и заключенные разговаривали между собой, густо пересыпая свою речь матом. Когда это происходило в моем присутствии, я тут же разворачивалась и уходила.

Как-то в очередной раз, когда я стала свидетелем такого разговора начальника с одной заключенной, я развернулась, чтобы уйти. Он меня остановил:

– Почему вы уходите?

– Я не представляю, как можно вот так выражаться, как вы? Как вы можете перевоспитывать эту массу людей, когда ругаетесь хуже их? У меня такое впечатление сложилось, что вы опоздали водвориться в лагерь, которым руководите, – ответила я.

Он не кричал, только сказал:

– Подождите, вот побудете здесь, тогда увидим что с вами станет.

– Это невозможно. У меня – мать, у меня – сестры, я должна вернуться в общество, я не хочу вот так разложиться. Как можно быть женщиной и вот таким языком разговаривать? По-моему, само название «исправительно-трудовой лагерь» уже говорит о том, что нужно перевоспитывать здесь людей, приучать их к труду, к нормальному поведению.

– Хватит этой пропаганды, мне это все надоело.

Когда начальство приезжало с проверкой в наш лагерь, я тоже считала своим долгом сказать им, что тут происходит.

Короче говоря, начальник не раз сталкивался со мной. Но на этот раз он вызвал меня, чтобы предложить мне работать на лошадях. Женщин, которые умели бы запрягать лошадей, управлять ими, было мало, и он подумал, что раз я с Кавказа, то, значит, смогу работать на них. Очень люблю лошадей, обожаю. Работа с лошадьми мне показалась интересной и я спросила: «Что мне делать?». «На тележке будешь управлять». Я это тоже предпочла другим работам: я буду ездить, значит, на телеге. А я и не представляла себе, что это за телега. Вы знаете, это апперцепция моя – вот то, что я в жизни видела раньше, думаю, что подобное и будет сейчас происходить. Я согласилась.

Когда утром я вышла в эту бригаду, пока суть да дело, женщины уже облюбовали каждая свою лошадь и запрягли их. И вот стоит одна кобыла с поднятым хвостом. Я не знала отчего, я думала, она временно подняла, отпустит, не знала, что такие вещи бывают. Я запрягла эту кобылу. А там режимная дорога и в тележку вставлены колесики, они не снимаются, ты, куда хочешь, не поедешь, быстрее тоже не поедешь, друг за другом по этой железке ездят эти тележки, везут соответственно древесину или груз какой-то. Короче говоря, замыкающей была я.

Зима. С другой стороны дорога поливалась водой. Это такая искусственная дорога по льду для того, чтобы вывозить лес, пока зима. По ней едет впряженный трактор, пневмат называется, который тащит огромные баланы (баланы – бревна, приготовленные для сплава. – А. М.).

И вот отъехали, наверное, с полкилометра от нашего лагпункта, когда я увидела вот эту дорогу и по ней что-то едет, приближается – это трактор впряженный, вот этот пневмат. Они едут нагружать древесину и везти туда, где сваливают сплав. О, сразу крик, сразу крик! Мужчины стали кричать: «Ковырялки, коблы», сопровождая это матом. А женщины в ответ: «Козлы», все такое и тоже с матом. Когда я доехала, они мне крикнули: «Эй девка, что ты сделала с кобылой? Почему у нее хвост не опускается?». Это надо было слышать, как они меня оскорбляли. Они знают, отчего это, а я то и не знала. За этот день много раз проезжали эти мужики, и каждый раз меня вот так окрикивали.

В общем, я решила больше не работать с лошадьми. Вечером зашла и сказала:

– Гражданин начальник, я завтра выйду с бригадой, куда вы пропишите. Но на лошади работать не буду.

Он начал кричать, допытываться:

– Почему? Что произошло?

– Ни почему, просто не могу, я не умею, не хочу работать. – И ушла. Теперь эта лошадь будет стоять, работать некому. Пришел начальник сам в барак. Все подскочили, и я в том числе. Он стал меня уговаривать.

– Не буду, не буду работать и все.

– Я тебя посажу в карцер.

– Ладно, сажайте.

Я не пошла на работу. Меня вызвали к нему. Я находилась у него в кабине, когда забежала одна из работающих рецидивисток.

– Гражданин начальник, вот почему я не вышла на работу, – сказала она и показала свои валенки. У валенок «рот» открылся – оторвались подошвы. Валенки подшивали много, что уже нельзя было больше подшить. Оба валенка такие. Так знаете, что сказал Каменец этой женщине? «Пойди, – сказал он, – на большую дорогу, переспи там, и заработай себе валенки». Вот так вульгарно. Она его матом в ответ прикрыла. Вот такой примерно разговор. Я встала, он начал кричать: «Налоева, Налоева!». Я хлопнула дверью и ушла. Следом за мной прислали надзирателя. Что будешь делать? Если не пойдешь, тебя потащат. Я не хотела, чтобы меня тащили. Я пришла и сказала:

– Гражданин начальник, ведите себя как положено. И пусть люди, которые приходят к вам разговаривать, тоже говорят человеческим языком. Я не могу слушать такие вещи.

– Я виноват, что ли?

И в это время зазвонил телефон. Он в трубку: «Гау, гау» (ругается), доказывает что-то. «Да вот здесь, – говорит, – одна дама сидит, а то бы я тебе ответил». Мне это понравилось: все-таки хоть сдерживается. Уговорил он меня на этой лошади поработать. Но долго я не работала: там и время прошло, наступило лето, а когда снег растаял, дорога закрылась.

Был еще такой случай в этом лагпункте. Прибыл этап. Когда этап прибывает, вновь прибывших заключенных в отдельный барак помещают дней на пятнадцать. Ну, может быть, они заразные, пока это не проявится. Это называется карантин, карантинный срок. Ну, кто этот карантин будет соблюдать? Они не должны были выходить, а они стали выходить. День, два, три, потом стали общаться. И эта публика такая ужасная. Ну и надзиратели, которые на вышках сидят вооруженные, тоже, наверное, жаловались. Другой этап был отсюда: с лагпункта увозили коблов, пять коблов.

– **А что это такое?** – **Мирзоева Н.**

– Это женщина, которая женится на другой женщине, как мужчина. А их жены (их ковырляки называют) объявили голодовку, порезали себе животы. Мама родная! Это что-то ужасное. Лагерь огорожен двумя рядами высоких, в несколько метров, столбов, на которые натянута колючая проволока. Рас-

стояние между этими двумя рядами – примерно восемь-десять метров. Это территория называется запретная зона. К ней нельзя приближаться. Зимой, когда снег лежит, на снегу даже точки не должно быть, а летом она должна быть распахана и гладко разграблена. И вот на эту запретную зону начали лезть заключенные. С вышек часовые вверх стали стрелять. Прибыли несколько охранников, и с ними Каменец. Эти женщины, которые не хотели расставаться, взбунтовались. Может, это был повод, черт его знает... Это надо было видеть. Они окружили Каменца, чтобы задавать ему вопросы, а потом свалили его. Как его били! Сколько людей сидело на нем! Мне уже было жалко его, думала, он задохнется. Охранники вверх стреляли. А что делать? В них-то стрелять нельзя, вдруг убьешь самого Каменца. А потом ворвались сотрудники лагеря, начали разбрасывать их. Вы знаете, когда вытащили Каменца, то, конечно, ни шапки, ни одежды верхней на нем не было, кто-то даже сапог содрал с одной ноги. И он весь был такой страшный на вид, как будто бандит с большой дороги: оборванный, избитый, кровь из носа...

Вот такой был лагерь, где меня исправляли.

Еще один случай расскажу. В этом лагпункте я подружилась с одной женщиной. Она – русская. По ее словам, когда свершилась революция, она, молодая оперная певица, очень хотела уехать, но не смогла бежать. Какой-то аферист обманул ее. «Все богатства, что у тебя есть, забери, и уедем. Я хочу жениться на тебе, я тебя люблю», – так он ей сказал. Повез ее до Таллина, а потом исчез со всем этим богатством, а она осталась там. Поскольку она петь уже перестала (может по возрасту), она стала преподавать немецкий язык, была директором гимназии до и во время оккупации советской, а когда немцы пришли, она стала переводчицей [54]. И когда уже русские, коммунисты вернулись в Прибалтику, ее осудили и отправили сюда, в этот лагпункт. Очень умная, образованная, интеллигентная женщина была. Она не материлась. Ей было 67 лет. Что она могла там делать, какую работу выполнять? Она инвалид, даже по возрасту она не могла работать. Я тоже была уже больная. Мы обе на работу не выходим, остаемся в бараке. Скучно мне. И вот мы с ней очень сдружились. К этому времени у меня был очень большой авторитет в этом лагпункте. Во-первых, я руками научилась шить. Рецидивистка – не рецидивистка, мне все равно. Всем кто обращался ко мне, я шила и перешивала одежду. Во-вторых, я помогала составлять заявления, жалобы, письма. Когда я получала посылку из дома, я никогда сама ее не съедала. Раздавала. От того пункта, где надо было получить посылку, до барака было немалое расстояние. Редко кому удавалось донести посылку до барака, без сопровождения надзирателей. Рецидивистки отбирали их. А я несла сама, потому что они уважали меня.

Вот знаешь, хулиганы хулиганами, но они тоже ведь люди, имеют чувства. Мы их бантиками называли. Среди них было очень много талантливых девочек. Ой, с какими голосами! какие танцоры! какие актерские данные! Но это все не обработано, не развито, загублено. И вот именно мое доброе отношение расположило их ко мне. Сначала меня дразнили «интелигон» и все такое. Но со временем я стала тетя Женя. «Тетя» – это почетное обращение в лагерях, ко мне обращались так все, в том числе эта старуха. «Тетя Женя», – она мне

говорила, хотя сама мне в тети годилась. И вот эту тетю Женю очень любили, особенно молодые девочки, рецидивистки. Я выспрашивала, за что они сидят. Большинство из них, знаете, кто? Это дети, осиротевшие в годы войны, в голодные годы Питера (они любили говорить не Ленинград, а Питер). Очень мне было их жалко. Я по-хорошему, как могла, наставляла их, что не надо всем этим безобразиям заниматься. Хотя они не соглашались со мной, все равно уважали меня.

Еще знаешь, почему меня не трогали, когда я носила посылку? Они знали, что эту посылку никогда в жизни тетя Женя сама не будет кушать. Я захожу в барак. Там – широкая доска, обыкновенная, не отшлифованная, на грубых ножках, в землю вкопанная. Это вместо стола у нас. С двух сторон тоже такие же доски, только ниже и уже – это наши сиденья. И вот я ставлю посылку на стол и говорю: «Давайте делите поровну, по-Божьи. Если кто-нибудь зайдет к нам, его долю тоже выделите». Вот почему я могла посылку донести. А моя новая приятельница Ирина Александровна (фамилию ее не помню) была, бедная, очень жадная. Очень. Она любила меня по-своему, называла меня находкой. А вместе с тем она могла один зубчик чеснока принести трясущимися руками и сказать: «Евгения Дамиловна (она не выговаривала «Джамурзовна»), это Вам». Я говорю: «Ирина Александровна, не надо. Я люблю жить как все. Я не хочу. Пожалуйста, не надо». «Ну, хорошо», – она может обратно отнести и положить этот зубчик. Она получала посылки ежемесячно, а мне разрешали всего-навсего два раза в год. И вот, удивительно, ей присылали очень много полуфабрикатов, витамины разные, шоколад, бекон, сало, всякую вот такую всячину и, самое главное, все это было красиво упаковано в пакеты. Половину ее лежанки занимала коробка, которая до верха была заполнена этими продуктами, потому что она не успевала съесть то, что ей присылают. Она сама спала полусидя. И вот если сегодня рыба соленая, я ее не ем, она подойдет: «Евгения Дамиловна, Вашу рыбу можно взять?». Я говорю: «Пожалуйста, берите». И она мою рыбу брала.

И вот, бедненькая, что с ней случилось.

Однажды я проснулась от шума, свиста, крика. Смотрю: длинные сосновые палки с зажженными паклями освещают барак. Женщины с распущенными волосами, голые по пояс (зима!) (ой, какие груди страшные у этих лесбиянок, обсосанные, чуть ли не ниже пупа висят, какие-то противные, фу, все в наколках «я тебя люблю», «ты мой»), одни – длинные и худые, другие – толстые коротышки заполнили весь наш барак. Это была ужасная картина. Клянусь, я испугалась. Я думала, что в преисподней где-то мы оказались. Я видела, как просто выбросили Ирину Александровну на этот проход широкий и начали выносить ее пакеты, коробки. Одна другой передает и уносят, а другие факела держат. Кто-то из жильцов нашего барака, наверное, дал «наколку» (сведения), как говорят рецидивистки, кто-то открыл им дверь, потому что там был засов, они не смогли бы поломать, это бы услышала стража. В общем, вынесли все, что у нее было. Она очень страдала. Она рыдала: «Это, мои лекарства, это мои родные посылают, чтобы я не умерла, чтобы я вернулась. И теперь меня всего этого лишили». Мне так жалко было ее.

Я решила пойти туда, в шалман, где эти лесбиянки жили. Шалманом называется барак, где живут «суженые» («муж, жена»). Как только заметят, что любовные отношения возникли у осужденных, то сразу же переводят туда... [55].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воспоминания Евгении Джамурзовны Налоевой были записаны на диктофон в период с 1999-го по 2001 год ее студенткой (с 1983-го по 1988 год), выпускницей исторического отделения ИФФ КБГУ Казанчевой (Мирзоевой) Нателлой Сафарбиевной. Воспоминания Е. Д. Налоевой охватывают период с детства (1920-е гг.) до ее второго ареста в 1950 г. и отправки в исправительно-трудовой лагерь. Они подаются с незначительными редакционными правками и сохраняют особенности устной речи и стилистику автора воспоминаний. В виду объективных причин Н. С. Мирзоевой пришлось прервать записи, и такие вехи в биографии Е. Д. Налоевой, как нахождение в лагере до 1958 г., принудительное водворение в Научно-исследовательский институт психиатрии им. Сербского, годы жизни в Абхазии в гор. Сухуме, борьба политическую реабилитацию, восстановление на работу в Кабардино-Балкарский государственный университет, не вошли в эти воспоминания. Сохранившиеся документы из личного архива Е. Д. Налоевой в виде обращений в различные судебные, государственные, партийные органы, отрывочные эпизодические воспоминания, сообщенные ею своим ученикам и родственникам, личная переписка позволяют частично восстановить картину ее дальнейшей жизни.

2. Шичепшина (шикапшина) – черкесский народный струнный смычковый музыкальный инструмент. При исполнении инструмент зажимается между коленями сидящего исполнителя.

3. Наиболее почитаемые суры (главы) и аяты (стихи) священной книги мусульман – Корана.

4. ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР. Образовано из ГПУ при НКВД РСФСР постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 ноября 1923 года после учреждения в 1922 году СССР – союза четырёх советских республик. В 1934 году ОГПУ вошло в состав НКВД СССР (образованного из НКВД РСФСР) как Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Председателем ОГПУ (а ранее председателем ГПУ при НКВД РСФСР) до 20 июля 1926 года являлся Ф.Э. Дзержинский, затем до 1934 года – В.Р. Менжинский.

5. Дыженуго – сословная категория в традиционном феодальном кабардинском обществе. Наряду с другой категорией – тлекотлеш, составляли так называемое перво-степенное дворянство, старинную потомственную родовую знать. В сословной иерархии выше них стояли только князья. После отмены крепостного права на Северном Кавказе в 1867 году сословные привилегии дворянства были в большей части аннулированы, но оно сохраняло свой моральный авторитет и уважение в обществе вплоть до Октябрьской революции и установления Советской власти.

6. В черкесском этикете существовала специальная форма сообщения родственникам плохих известий, будь то смерть, пленение или другое печальное событие. Специальные гонцы-всадники, вестники горя (щхьэкIуэ) спешили, держа сложенную плетью в левой руке, опускали обе руки вниз вдоль тела и не сразу, а выдержав паузу, сообщали плохое известие.

7. Семья Хажгуаши Мирзоевой, супруги Налоева Джамурзы, включая ее отца, мать и всех родных братьев, еще до революции выселилась в Турцию, а ее, так как она была уже замужем, оставили на родине.

8. Накях (никах) – брачный договор, который заключается между женщиной и женщиной по правилам шариата.

9. По обычаям жених некоторое время, до и после свадьбы, не показывается на глаза старшим рода, избегает их.

10. Уалаги, билаги – принятая у черкесов клятвенная форма именем Аллаха.

11. Налоев Магомет Кубатиевич – родной дядя Е.Д. Налоевой, отец известного ученого, писателя и общественного деятеля Заура Налоева.

12. НЭП (нэп) – новая экономическая политика, проводившаяся в 1920-е годы в Советской России. Была принята 14 марта 1921 года X съездом РКП (б), сменив политику «военного коммунизма», проводившуюся в ходе Гражданской войны, которая привела Россию к банкротству. Новая экономическая политика имела целью введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений.

13. Катханов Назир Адиль-Гиреевич – видный деятель революции и Гражданской войны на Северном Кавказе, командир 1-й Ударной Шариатской колонны, сформированной им в августе-сентябре 1918 года из кабардинцев, осетин и ингушей. В годы Гражданской войны со своим отрядом дважды (22.09.1918, 10.03.1920) освобождал Нальчик от белогвардейцев. Участник 1-го съезда Нальчикского округа, провозгласившего Советскую власть в Кабарде и Балкарии (март 1918 г.). С 1918 г. – член Областного и Нальчикского ревкома, начальник Окружной милиции по Нальчикскому округу. Катханов был убежден, что советская власть и шариат – свод исламских канонов, вполне совместимые вещи. Это, по его мнению, означало обеспечение равенства религий, обучение детей шариату, а также введение советских шариатских судов. 23 апреля 1928 года Катханова арестовали. Его обвинили в создании контрреволюционной националистической группы, ставившей своей целью совершение террористических актов. Коллегия ОГПУ своим постановлением от 3 августа 1928 года приговорила Катханова к расстрелу.

14. Калмыков Бетал Эдыкович – один из организаторов и руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, советский государственный и партийный деятель. С марта 1918 г. член Терского народного совета, один из руководителей 1-го съезда Нальчикского округа, провозгласившего советскую власть в Кабардино-Балкарии. С августа 1918 г. чрезвычайный комиссар Кабардино-Балкарии и комиссар по делам национальностей Терской области. С марта 1920 г. председатель ревкома, облисполкома Кабардино-Балкарии. С 1930 г. 1-й секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б). С 1937 г. депутат Верховного Совета СССР. Один из организаторов политических репрессий в КБР, член «тройки» – внесудебного органа, выносившего обвинительные приговоры в отношении заключенных по политическим статьям.

15. Ткаченко Михаил Иванович – не был начальником ГПУ, но входил согласно постановлению Кабардино-Балкарского областного комитета партии № 39 от 18 сентября 1922 г. в состав областной «тройки», членами которой были также А. И. Павлович и А. К. Руден. Тройка была создана для борьбы с гражданами, причастными к бандитизму и контрреволюционной деятельности, и непосредственно подчинялась Б. Э. Калмыкову – председателю облисполкома и секретарю обкома. М. И. Ткаченко входил туда с 1920 г. как начальник Нальчикской окружной, а с 1922 г. Кабардино-Балкарской областной милиции.

16. Налоев Ахмедхан Хамурзович – один из ярких представителей послевоенной кабардинской литературы, выдающийся ученый-лингвист, педагог, активный участник Великой Отечественной войны.

17. Улица Советская города Нальчика в настоящее время носит имя Алима Пшемачовича Кешокова.

18. Менжинский Вячеслав Рудольфович – российский революционер, советский партийный деятель, один из руководителей советских органов государственной безопасности, преемник Ф.Э. Дзержинского во главе ОГПУ (1926–1934), один из организаторов сталинских репрессий.

19. ККОВ – комитеты крестьянской общественной взаимопомощи, были организованы с целью оказания общественной взаимопомощи беднякам хозяйствам крестьян, семьям красноармейцев, инвалидам.

20. Баксанские события – события, имевшие место с 8-го по 12 июня 1928 года в Баксанском округе КБАО, квалифицированные властями как антисоветский мятеж, орга-

низованный кулаками и духовенством. Основными причинами недовольства восставших, в основной массе представлявших крестьянство, были продразвестка (изъятие из хозяйств излишков сельхозпродукции), закрытие мечетей и медресе, аресты духовенства, политика раскулачивания и принудительного создания колхозов. Мятеж был подавлен силами местной милиции, армии и войск НКВД. (Дзуев Г. К. Кровавое лето 1928 года. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 49–51.)

21. Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годы, предшественник ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту).

22. Налоев Шупаго (Пагуэ) Мурзабекович – родился в 1898 году в сел. Хатуей (Старый Урух). В 1916 году в возрасте 18 лет призван в армию, воевал на фронтах Первой мировой войны. В 1917 году дезертировал, в Гражданскую войну вступил в красный партизанский отряд в Кабарде, боровшийся с белогвардейской армией Даутокова-Серебрякова. В 1919 году взят в плен и с Белой дивизией Даутокова-Серебрякова дошел до Царицына, где вынужденно воевал на их стороне против красных, однако через шесть месяцев сбежал и снова вступил в красный партизанский отряд, который был в 1921 году влит в состав Красной армии. В 1922–1923 гг. проходил обучение на кавалерийских курсах. В 1924 году вступил в ВКП (б), поступил на учебу в ЛУГ (Ленинский учебный городок). Через год по решению обкома партии КБАО направлен на работу секретарем партийного комитета Урванского округа, а затем переведен секретарем Терского района КБАО. В 1930 году назначен первым секретарем Нальчикского городского райкома партии, заведующим орготделом обкома партии. В декабре 1937 года исключен из партии вместе с Водаховым Асламбеком, Бетровым Хажисмелом, Амшоковым Хамурзой, Кишевым Шахбаном. В феврале 1937 года арестован 2-м отделом НКВД КБАО как участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. 25 июля 1937 года расстрелян в гор. Нальчике по приговору Военной коллегии ВС СССР. Реабилитирован 26 декабря 1957 г.

23. Хунвэйбины, «красные охранники», «красногвардейцы» – члены созданных в 1966–1967 годах отрядов студенческой и школьной молодежи в Китае. Отряды хунвэйбинов были созданы для борьбы с противниками Мао Цзэдуна во время проведения культурной революции и отличались крайним пренебрежением к традиционной культуре, крайней жестокостью по отношению к людям и неуважением к правам личности. Они использовались властями для репрессий и подавления свобод.

24. Цицкиев Висангирей Дзаулиевич (1903–1965), родился в сел. Длинная Долина Пригородного района. С 1931 г. занимал должности председателя Ингушского облсовпрофа, председателя райисполкома Пригородного района, первого секретаря Пригородного райкома ВКП (б). С 20 июня 1937 года содержался в тюрьме НКВД Чечено-Ингушской АССР. 5 марта 1940 года был освобожден в связи с прекращением дела.

25. Налоев Жансох Мырзабекович (1906–1937) – основатель Союза писателей КБАО, прозаик, драматург, поэт. В 1929 г. окончил совпартшколу при Ленинском учебном городке в Нальчике, обучался в Горском институте в Ростове. В 1930 г. проходил службу в Советской армии. С 1931 г. кандидат в члены ВКП (б). В 1934 г. назначен директором Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, в том же году оставляет этот пост и избирается председателем правления Союза писателей КБАО. 25 августа 1936 г. арестован. 25 июля 1937 г. на заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР осужден по статьям 58-8 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу.

26. Налоев Залимхан (МлитІэ) Иналукович (1914–1983) – род. в сел. Старый Урух (Хатуей) Урванского района КБР. До начала репрессий 1936–1937 гг. учился в гор. Орджоникидзе на бухгалтерских курсах. Когда начались репрессии в 1930-х годах в отношении представителей рода Налоевых, уезжает в гор. Ташкент Узбекской ССР, где скрывается у

сестры Налоевой Марии (Псыгъуэ) Иналуковны, бывшей замужем за военным летчиком Абдулаевым Хабиба Алиевичем. Но и там постоянно передвигался, менял место жительства, благодаря чему и выжил. С началом Великой Отечественной войны ушел на фронт. После возвращения на родину в КБАССР работал бухгалтером на МТС сел. Старый Урух, в райисполкоме в сел. Старый Лескен Урванского района. Последние годы жизни жил и работал в гор. Нальчике.

27. Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель. В 1919 году Л.Д. Троцкий назвал его «всероссийским старостой», после 1935 года его стали называть «всесоюзным старостой», поскольку с 1919 г. и до года своей смерти Калинин занимал должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. У граждан СССР в 1920–1940-е годы было принято писать письма М. И. Калинину с самыми разными просьбами о помощи – при раскулачивании, несправедливом аресте, поступлении на учебу или сложностях в трудоустройстве. Часто Калинин лично или посредством своего секретариата помощь тем, кто ему писал, оказывал.

28. Кафтанов Сергей Васильевич – председатель комитета по делам высшей школы при СНК СССР с 11 декабря 1937 г. по 10 апреля 1946 г.

29. Город Владикавказ был основан в 1784 году как русская крепость на входе в Дарьяльское ущелье. До 1920 года город был административным центром Терской области. С 7 ноября 1924 г. – центр Северо-Осетинской автономной области в составе Северо-Кавказского края и Ингушской автономной области (до 15 января 1934 года). При этом город не входил в состав указанных автономных областей. 2 сентября 1931 года город получил новое название Орджоникидзе. 15 января 1934 года после объединения Ингушской АО и Чеченской АО в Чечено-Ингушскую автономную область город Орджоникидзе стал центром только Северо-Осетинской АО, войдя в ее состав. В 1936 году Северо-Осетинская АО была выведена из состава Северо-Кавказского края и преобразована в Северо-Осетинскую АССР, а Орджоникидзе стал её столицей. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 795 от 28 февраля 1944 года город Орджоникидзе переименован в город Дзауджикау. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1954 года город Дзауджикау Северо-Осетинской АССР переименован в город Орджоникидзе. Постановлением Верховного Совета Северо-Осетинской АССР № 185 от 20 июля 1990 года город Орджоникидзе переименован во Владикавказ. Кабардинское (черкесское) название города – Тэрчкълэ.

30. Озеро Хасан, река Халхингол – место военного конфликта на монгольско-маньчжурской границе, длившегося с 11 мая по 16 сентября 1939 г. между СССР, ее союзницей Монголией, с одной стороны, и Японией, с другой.

31. Советско-финская война (1939–1940). По результатам войны 11 октября 1940 г. в Москве было подписано соглашение СССР и Финляндии. В декабре 1939 г. СССР как агрессор был исключен из Лиги Наций.

32. Дувал – глинобитный забор или стена в Средней Азии, отделяющая внутренний двор местного жилища или дома от улицы.

33. Санация – лечебно-профилактические меры по оздоровлению организма. Процедура, подразумевающая очистку определенного участка ткани или органа. В хирургии так называют хирургическую обработку раны – медицинскую процедуру для удаления мертвых (некротических) тканей с язв, ожогов и других ран или удаление разложившегося органа (например, при некротическом панкреатите). Основной целью является удаление того, что мешает своевременному заживлению.

34. Какучая Варлам Алексеевич (1905–1982) – советский деятель госбезопасности, генерал-майор. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. В органах внутренних дел и госбезопасности с марта 1930 г. С 7 мая 1943-го по 26 марта 1947 года нарком – министр госбезопасности Северо-Осетинской АССР. 5 июля 1953 г. арестован. Обвинен в причастности к незаконному аресту в Северной Осетии 321 чел. 17 июля 1956 г. приговорен военным трибуналом Закавказского военного округа к 15 годам лишения свободы по ст. 58-7, 58-2 УК РСФСР. Отбывал наказание в ИТЛ в Мордовской АССР, освобожден 4 июля 1968 г. по отбытии срока. Не реабилитирован.

35. Виллис (Willys MB) – американский армейский автомобиль повышенной проходимости времен Второй мировой войны. Самыми массовыми поставками техники по ленд-лизу из США в СССР в годы Второй мировой войны были поставки автомобилей. По ленд-лизу было получено свыше 400 тыс. Из американских автомобилей самыми известными стали легковые автомобили-вездеходы «виллис», или как их называют – джипы.

36. Ленинский учебный городок (ЛУГ) в Нальчике, самое известное учебное заведение КБАО 1920–1930-х гг. Был создан по решению III областного съезда Советов в Нальчике 18 февраля 1924 года на базе совпартшколы, педтехникума и школы-интерната. Первый набор в ЛУГ осуществлялся по принципу – 7 человек от каждого села. Из этой семерки предполагалось подготовить и направить в родные села – председателя и секретаря исполкома сельского Совета, учителя, агронома, кооператора, председателя женсовета, секретаря ячейки РКП (б). ЛУГ был организован как интернат – его питомцы находились на полном государственном обеспечении, бесплатно получали одежду, питание, жили в общежитии. При ЛУГе действовало подсобное хозяйство, где выращивались овощи и хлеб, разводились кролики. Учебный городок – в какой-то мере личный проект председателя Кабардино-Балкарского Облисполкома Бетала Калмыкова, который много сил потратил на обеспечение его материальной и технической базой, на создание среди людей его положительного образа и репутации. Для укомплектования учебного городка слушателями, а также для обеспечения его всем необходимым была создана Чрезвычайная тройка под председательством Бетала Калмыкова.

37. Лемешев Сергей Яковлевич (1902–1977) – русский советский оперный певец (лирический тенор) и оперный режиссер, педагог.

38. Холодная Майя Мисостовна (1936–2007) – племянница Евгении Джамурзовны Налоевой, дочь ее старшей сестры Нафо от брака с Мисостом Абазовым. Замужем за Холодным Петром Макаровичем (1938–2005). Сын – Холодный Константин Петрович (1962 г.р.).

39. Габитов Абдулла Гисматуллович (1910–1959) – с 12 марта 1948-го по 26 марта 1954 года министр внутренних дел (в связи с объединением МГБ и МВД) Кабардинской АССР, с 26 марта 1954 года органы госбезопасности вновь были выведены из МВД и стали называться КГБ при Совете Министров Кабардинской АССР. По национальности татарин.

40. «Победа» – советский легковой автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе в 1946–1958 годах.

41. Чекушка – небольшая бутылка водки или вина емкостью в четверть литра, то же, что четвертинка.

42. Кумахов Хазиз Муридович – 1911 г.р., уроженец сел. Мисостово Нальчикского округа Терской области, кабардинец. В органах НКВД – КГБ КБАССР в 1936 – 1964 гг., следователь, начальник отдела, полковник.

43. Пистолет ТТ – пистолет Тульский Токарева обр. 1933 г. – первый армейский самозарядный пистолет СССР, разработанный в 1930 году советским конструктором Фёдором Васильевичем Токаревым.

44. Кормушка – маленькая дверца-окошко, встроенная в дверь тюремной камеры, через которую надзиратели передают в камеру пищу для заключенных. Закрывается, как и дверь, ключом на замок.

45. Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) – русский и советский авиаконструктор, генерал-полковник-инженер (1968), доктор технических наук. Академик АН СССР (1953). Герой Труда (1926). Трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972). Заслуженный деятель науки РСФСР (1947). Лауреат Ленинской премии (1957), четырёх Сталинских премий (1943, 1948, 1949, 1952) и Государственной премии СССР (1972). Член ЦИК СССР. Депутат ВС СССР (1950–1972 гг.). Под руководством Туполева спроектировано свыше 100 типов самолетов, 70 из которых строились серийно.

21 октября 1937 года А. Н. Туполев был арестован по обвинению во вредительстве, принадлежности к контрреволюционной организации. Вместе с ним были арестованы

многие ведущие специалисты ЦАГИ и ОКБ, директора большинства авиационных заводов. 28 мая 1940 года приговорен ВКВС СССР к 15 годам ИТЛ. Его обвинили в создании вредительской организации, передававшей чертежи самолетов иностранной разведке. Компрометирующие факты, рассматриваемые следствием, никакого отношения к содержанию приговора не имели (дело вел сотрудник 2-го следственного отдела НКВД А. Г. Габитов). Находясь в заключении, работал в закрытом КБ НКВД – ЦКБ-29 («Туполевская шарага»). В июле 1941 года от дальнейшего отбытия наказания был освобожден со снятием судимости. Туполев был полностью реабилитирован 9 апреля 1955 года.

46. Воронок (автозак) – специальный автомобиль для перевозки подозреваемых и обвиняемых на базе грузового автомобиля, оборудованный для перевозки подозреваемых и обвиняемых (спецконтингента) в условиях, исключающих нарушение установленного режима содержания, в том числе совершение побега. В кузовах автофургонов и рабочих салонов автобусов оборудуются помещения для караула и камеры для осужденных. Камеры для осужденных подразделяются на общие и одиночные и располагаются в задней части спецкузова и рабочего салона автомобиля.

47. Столыпинский вагон (вагонзак) – специальный вагон для перевозки подследственных и осужденных. В 1908 году обычные товарные вагоны были приспособлены для перевозки переселенцев из Европейской России в Сибирь. По имени инициатора этого массового переселения, министра царской России Столыпина, такие вагоны стали называться «стольпинскими». С торцов такого вагона имелись подсобные отсеки, где размещался сельхозинвентарь и перевозился скот. Когда переселенческая кампания пошла на спад, «стольпинские вагоны» начали использовать для перевозки осужденных.

48. В 2001 г. Евгения Джамурзовна Налоева лежала в онкологическом диспансере в связи с образованием доброкачественной опухоли, где ее оперировали, а перед этим облучали.

49. Параша – ведро или кадка, чан для испражнений и помоев в тюремной камере.

50. Намордник – тюремное наоконное устройство, в виде продольных под углом полос железа, загораживающее вид из окна.

51. Бытовики – категория спецконтингента (заключенных) относящаяся к «общему контингенту» (осужденных по разным статьям Уголовного кодекса в основном по бытовым преступлениям), в отличие от «особого контингента» (осужденных по политической 58 статье УК).

52. Наседка – осведомитель, агент, посаженный в следственную камеру для получения нужной информации о совершенном преступлении, иногда имеет задачу оказать психологическое давление на сокамерника с целью склонить его к даче показаний.

53. Лагпункт, лагерный пункт – отдельный пункт в комплексе исправительно-трудового лагеря. 11 июля 1929 г. СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», по которому содержание всех осужденных на срок 3 года и больше передавалось в ОГПУ. 25 апреля 1930 приказом ОГПУ № 130/63 во исполнение постановления СНК СССР «Положение об исправительно-трудовых лагерях» от 7 апреля 1930 было организовано Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (УЛag ОГПУ). С 1 октября 1930 УЛag ОГПУ преобразовано в Главное Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (ГУЛag). 10 июля 1934 года был создан Народный комиссариат внутренних дел СССР, в состав которого вошли пять главных управлений. Одним из них было Главное управление лагерей (ГУЛag). Система объединяла лагерные управления с тысячами лагерных отделений и пунктов, колонии, а также спецкомендатуры. ГУЛag осуществляло руководство системой исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

54. Эстония и другие страны Прибалтики были оккупированы СССР в 1939 г., а в 1941 г. нацистской Германией.

55. Здесь записи воспоминаний Е. Д. Налоевой обрываются.

1. Диктофонная запись, сделанная Налоевым А. А. Женитьба Джамурзы

– Иджы, тэмэму сцIэжу пIэрэ а зэманыр? Мы сэ бжесIэжыну хыбарыр кьуэлэн хьунуш. Псоми дошIэ бзитIри, иныкьуэр урысыбзу иныкьуэр адыгэбзу...

– Ягъэ кIынукуым!

– Си акьылым, сэ сцIэжым и гьунэ дыдэрашч мыр. 24-нэ гъэра, е 25-ра, атIум язшч мы ныбжесIэнур кьышыхьуар.

Сысабийт, махуэр гъэмахуэт, Iейуэ хуабэу, шэджагъуэ мыхьупауэ лэгьунлейм зыгуэр ишIэу ди анэр шIэтт. НафIэ ильтэкьым хьэкум, апхуэдэ хуабэхэм ягъэплъу шытакьым ар, ауэ зыгуэр ишIэт сытми. Сэ сыхуейт нэхь гу кьысльитэм, «ы-ы-ы» жыслуэурэ и кIэм селэрт, езыр кьызэплътэкьым. И в эту минуту я услышала – наверно, она раньше меня услышала – топот конских копыт. Восемь копыт одновременно били по земле, и эта музыка звучала, ахьырзэману Iурэ дунейр зырихьэу. ЗаншIэу кьигъазери ди анэр кьышIэжат лэгьунлейм. МыбыкIэ плъэри – дэ ди гьунэгъуу кьыдбгъэдэсыр родной дядя Нало Мэмэрти, абы и шIапIэмкIэ уплъэм моуэ лъагэу шытти, а лъагэм кьэсау шууитI шырутIыпшкIэ кьажэрт. Адыгэ хабзэмкIэ адыгэ кьуажэхэм адыгэ шIыпIэхэм хабзэу шытакьым жэрыжэу шым тесу апхуэдэу кьажэу. Кьуажэ кIуэцIым дэтхэнэ уэрамми, даже сабий цIыкIухэр шы тесу кьажэм, Iэпэ хуагъэсырэ яхуэгуфIэу шыташ. Мыр лIитI, бынунагъуу шытын ныбжь зилэ лIитI жэрыжэ, жэрыжэ кьабзэкIэ кьажурэ шым тесу кьыкьуэжри... ИтIанэ адыгэм ди хабзэу шыташ, пшэдджыжкьым нэху кьекIам, кьэтэджт, затхьэщI–зальэщIырти я бжэр Iуахырт. Куэбжэри Iуахырти, Iухау шытт кIыфI хьууэ ягъэбыдэжыху. И, когда два всадника поравнялись с нашими воротами, круто, не сбавляя бег, завернули, ворвались к нам. ПшIантIэм и кум деж пхьэлъантхьуэ шытт, коновязь, бгъэдэлъадэщ абыми кьепсыхри я шыр фIадзащ.

– Мэмэд дежи? НытIэ а шухэр Мэмэд деж дыхьауэра?

– Мэмэд и шIапIэм кьыблэжри ди куэбжэм, Хьэзизи шыту, ди куэбжэм хуэзаншIу зэуIуу кьауантIэри кьыдэлъэдэри, пхьэлъантхьуэм шыр фIадзэри я Iэр едыхау уващ, мис моуэ мыпхуэду. Дянэр шташ: – Кьэхьуа мыгъуэр сыт, – жиIащ. – ЛIо кьэхьуа мыгъуэр? Зоплгыж, зыгуэр уэ жыIэ жи, мыдрем уэ жыIэ жи. – ШымыIыжу мыгъуура езыр, сыт кьэхьуар? – жиIащ, ну, она подумала о муже.

– Уэли, шыIыжым, – жиIащ, – икIи псэум, умыгузавэ, абы лажьэ имыIэ.

– НытIэ сыт итIанэ, – жиIащ, – шхьэкIуэ сурэт зыфшIауэ си псэр шIыIуфхар?! – Уэлыхьи, – жиIащ, – а шымыIыжу пIэрэ жыпIэу а ушIэгузавэм фыз кьышати зыкьэтIэтри дыкьышIэкIыри япэ дыкьыхуу дыкьэкIуэжауэ арам, – жиIащ.

– Ана, – жиIащ, – нытIэ лIо фыз кьышам, – жиIащ, – фыз кьэзышэхэм яхуэдэтэIэ ар?! Абы шхьэкIэ фэ лIышхуитIыр фызышэ фыздагъэкIуам фыкьыхэжрэ фыкьэкIуэжрэ мыбы фи IитI едыхауэ шхьэкIуу фышыту лIо, – жиIащ, – фызиIысыр?! Конечно кьыша, кьышэ хьунуIэ?! АIе, обалдели оба мужика. Почему это так было. Во-первых, у моей матери не было близких родных, вся ее родня – братья, сестры, отец, мать – выехали за границу, поэтому и по мате-

ринской линии и по отцовской линии родственники очень нежно относились к ней. Ярэби, Жамырзэ кытегушхуэну пIэрэ, ярэби, зыщышынэн щыщымыIэкIэ иригэкIыжыну пIэрэ, икIи узыншэIым, и нэ мыгъуэми тыхуэри ари ныкъусэн хъуаш, саби куэд иIэщ, езы лIыр нэхь докIуей, сытши, зыгуэркIэ пуд кьищIыну пIэрэ?! – жалэрти кыыхуэгумашIэхэти, аращ ар апхуэду щIэхъуар. Мыдрейм яжриIащ апхуэдэ дыдэуи: – ФынакIуэ, – жиIащ, – модэ фыныщIыхьы жытIынщ, – жери, унэм кыщIыхьэжхэри, меня удивила та простота обращения, жытIэн. Она поставила стулья, ну, комната такая была у нас, просто прихожая. В этой комнате стол. Ар кыигъэуври, Iэнэм бгъэдэтIысхьащ щыри. IэлъэщIи телIыым...

– Езыр тIыса?

– НытIэ, нытIэ. хьэншокоь фIэлъ фIэкIа IэлъэщIи телIыым, езыри тIысыри, щыри Iэнэм бгъэдэсщ. Так они двоюродные братья ее по материнской линии, Кудабардоковы. Ди къуажэт. И душевный, доверительный разговор идет. Къудэбэрдокъуэ ПытIэрэ Къудэбэрдокъуэ Болэтрэ. – Дау хъуа, дау кызырэрыкIуар кызыжефIэт, – жери, мойтIум жалараш:

– ДыщIэст, – жалаш, – дыгъуасэ. – Иджы ар здэщыIар дыгъуасэ Зеикъуэт. В Заюково они поехали за невестой. Ведь преодолеть расстояние от Старого Уруха до Заюково и обратно в одни сутки невозможно. Поэтому они где-то остановились, потом приехали там заночевали, там танцевали, теперь утром собираются выехать. И какая-то красивая женщина средних лет, как они рассказывают: – Уей, дымышIэ фызабэмикI, ямышау хьыджэбзыжь кыдэнэжамикI, ныбжь иIэу цIыхубз дахэ, щIалитI игъусу ныщIыхьащ, – жиIащ, – лIы хьэщIэхэр зыщIэс, щышхэм. НытIэ, абы щыгъуэ хъурэ бзырэ зы Iэнэ тIысу щытаIым. – КыщIыхьэри псори кьэтэджаш. Зым иIыгъщ бжьэ, адрем иIыгъщ зы лы тыкбыр, зыри жимыIуу я кум дэтщ цIыхубзыр. – Хэтыт укызыыхуэжIуар, сытыт уи Iуэхур? – жиIуу зыгуэр кьеупшIа, лIы игъусэм жиIащ: – Налэ Жамырзэ бжьэ кыыхуихъуаращ, – жиIащ. НытIэ, сядэм и гуапэ хъуауэ кыщIэкIынщ мо цIыхубз дахэм бжьэ кыыхуихъауи, кьэгуфIэри: – Хэтхэ уранысэ мыпхуэду пщIэ сэ кысхуэзыщIа цIыхубз дахэр? – жиIэри, – си шыпхъу дахэр, – жиIуу щыжиIым: – Сэ мыгъуэ, – жиIащ, – Алыхь зыри щхьэгъуси симыIэ, зыми сырамынысэ, хэт мыгъуэм сыранысэн?! – жиIащ, – Уэ хуэдэ сэ сызыдэкIуэ хъунухэр я щхьэгъусэхэм я бостеикIэ яIыгъыу щысщ, нэгъуэщI сызыдэкIуэн згъуэтырIым, – жиIащ, в качестве шутки. НытIэ мыдрейр кьэдыхьэшхри: – Iэу, зи унагъуэр бэгъуэн, хьэ апхуэду фэ кызыуплIа сэ зыгуэрым и кIэ сIыгъыу сыщысу, уэлихьы, сыхьэзырым укьэсшэну укыыздэкIуэм! – жиIащ. – Алыхь сыбдокIуэм! – жиIащ. Иджы нэчыхь зытха ефэндыр щысти: – АлыхькIэ соIуэ, – жиIащ, – арам нэчыхь нэс жыхуалэр, фэйтIур фыарэзыу щытым абы нэхь нэчыхь пэж щыIэIым, – жиIащ. – ЦIыхухьумрэ цIыхубзымрэ зыарэзыу зэгъусу щытмэ аракьэ нэчыхьыр. – НытIэ, тхы, – жиIащ, си адэм. Она тоже захохотала. Арати, Iэбэри цIыхубзым и IэрикI сядэм и Iэри кьищтэри трильхьэри, «Алахьу» жери зыгуэр жиIэщ, хьэрыпыбзэкIэ зыгуэр кыыбжри: – Нобэм щыщIэдзау фэйтIур фызэщхьэгъусу фызэлIэфызу обьявить фызощI! – жери, дядэм и жыпым иIэбэри кьрихри ахьшэ кыигъэтIыльащ. Дапщэ, – жери щIэупшIащ си анэр. – Уэ-лыхьы, точно сымышIэ, ауэ уэлихьы ахьшэшхуэ игъэтIыльам, – жиIащ. – Е зы тумэнипщI, – жиIа, е тумэнитху хъун, нэхь мащIэIым игъэтIыльар. Абы щыгъуэ сомибгъу-сомипшI ирату арат.

– Ар сыт щитар?

– Нэчыхытхыпщлэу. Нэчыхь тхыпщлэу. И она интересовалась вот так. Абы хэту, нытлэ, дэ ди дежкээ здэщылэтэр, Іэнэм кытрагъуващ шхын. Зыдошхэ цырикІ. Фади тетщ, йофэхэ, сянэр ефэІым, ауэ здошхэхэ зопсалъэхэ. – Нытлэ, – жиІащ, – мы сэ кызыжепІа Іуэхур дауэ тшыІын? – Уэлыхьы, зэрызыгурыІуарам, – жиІащ, – кьежьэжынущ, зы сыхьэт дэкІым дежьэжынщ жаІэу кьэхьуащ а Іуэхури, апхуэдэу цыхьуакІэ, етІанэрей кьакІуэ щымыІэу ныситІри зыуэ зыдэтшэнщ жари зыгурыІуати, дыкьэтэджри дыкьыщІэкІыжащ, – жиІащ. – Нытлэ дэпщэщ кьыщысынур? – Уэлыхьы, ныщхьэбэ, – жиІащ, – ичындыхэм, ахьшэм нэхь мыгуву кьэсынурам. – Нытлэ абы щыгъуэм мыдеж дыкьавэу дыщыс хьуну-кьым, – жиІащ, – сэ хьыбар езгъэщІэн хуейщ, «щІэхьу» жари тІитІэ мыгъуэр кьагъуэтащ. Абы щыгъуэ для меня он был очень большой мужчина, но как теперь я представляю, это был молодой человек очень опытный, очень неразбитной, понимаешь. – ЩІэхьу иджысту кІуэи Ахьуэт кьашэ, – жери игъэкІуащ. Ахьуэт жиІэрэт абы нэхьыжь кІуэи кьашэ жери, – нэхьыжькІэ зэдждэр а зэшхэм я нэхьыжь Ахьуэт, Жэмхьуэт, Мамэт, Жамырзэ зэшищ хьууэрати, нэхьыжьт абы зэредждэр. Иджы ар абы и малъхьэт – и двоюродная сестрар сянэм нэхьрэ куэдкІэ нэхьыжь цыхьубз и щхьэгъусэт Ахьуэт. Мэрзейхэ япхьу тІуми кьашат. И малъхьэ щхьэкІи и цІэр жиІэкьым, нэхьыжь жери. Арати, тІитІэ жэри мор кьыдыхьащ. – Дэ дыкІуэжынщ, – жари, кьэтэджащ адреј лІитІыр. Кьэтэджа щхьэлэ сянэм жиІащ: – Хьэуэ ар фэ яжефІынщ, сэ ар жысІынІым, – фэращ же-зыІын хуер ар абы. Ахьуэтыр кьыщІыхьащ унэм. Зизэ ІэльэщІ зытрильхьэри ауэ нысащІэ кьашам хуэду и Іэр, и ІэфракІэр кэмодым телъу кІэрыувэжащ, модрей тІур кьэтэджри сэлам зэрахаш, Ахьуэт дыхьэри тІысри: – ФытІыс фэ, – жери игъэтІысащ. Теперь он уже хозяин там. Апхуэдэт хабзэу зэрыщытыр. Кьуэш нэхьыжьыр щынэхьыжьт а унэм.

– Зы Іуэху гуэркІэ фыкьызэджа сигугъэщ.

– Уэли, дыноджам, мырам зэрыхьуар, – жари жыраІащ. Зыри жимыІуу едэІуащ жаІэу хьуам. Ліла мыгъуэр щІэтащ. А я никогда не выходила в таких случаях, Ахьуэт и куэщІым сису сыщыст. Абы щыгъуэм БицІыкІу мыгъуэри диІэтэІым. И, жаІынур яухри: – Зэ, – жери итІанэ яритащ вопрос: – Дэнэ здэщылэр иджысту, игъусэу кьашэну жаІа, сытым деж кьыщысыжынур, хэтхэ япхьу, сыт и цІэр, хэт иІэ, яша, ямыша. Мыдрем жиІаращ: – Уэлыхьы, точну дымыщІэ. ау зэрыжаІамкІэ хьыджэбз кьыдэнэжащ, ХьэтІохьушоқкьуэхэ япхьущ, и Іыхьлы псори хэкум икІыжащ, зэшыпхьуитІ кьэнауэ кьуажэм унэм кьыщІагъэкІауэ пэш тІэкІу иратауэ щІэсуращ, – жиІа.

– Щыпсор дэнэ, кьыжиІаІэ?

– Зеикъуэ.

– А, Зеикъуэ, а и цІэр щэ?

– А, Кьуэжэкъуеипщэ, Кьуэжэкъуеипщэ дэсщ жаІащ. Я щІапІи я уни сыти кьытырахауэ зыгуэр тІэкІу щІыб тІэкІу иратау абы хьыджэбзитІыр щІэсу аращ. А и шыпхьу нэхьыжьыр генерал гуэрым и фызащ жаІащ, сщІэжІым ар, белэхэм яхэта гуэрым. Ар хэкум икІыжащ, бын имыІуу, яшагъащІэу щытати, зэшыпхьуитІым язакъуэщ. Зы фызыжь гуэр яІэщ, зыпІыжа, быдз езыгъэфа сытауэ апхуэдэ зыгуэрщ. А кьомыр зыхигъэкІщ, и щхьэр кьіІэтыри: – Уэ сыт жы-

пlэрэ? – жиlаш. – Сэ сыт жыслын?! – жиlаш унафэр уэ пщlыну аращ. – Хьэуэ, – жиlаш, – унафэ сэ сщlыныр сщlынщ, ауэ уэ жыплэным сыхуейщ сэ. – Тхэ сэ сфlэфlыратэм, – жиlаш, – абы я кьэсыжыгьуэм ирихьэлlу ди ерыскырикл, ди цlыхурикл, ди гушыlэри, ди кьафэри, ди джэгури, ди пшынэри – псори нэхь ину lэтауэ пщлантиэр кьаплэуэ кьрихьэлlэжатэм. Почему она захотела так встретить его так – я до сих пор не знаю, но это было ее желание. Куэдрэ зыри жимылэу еплэщ Ахьуэт мыгьуэр, итlанэ: – Апхуэду дымышlым нэхьыфlуу пlэрэ, – жиlаш, – сидежкlэ ныдашэм итlанэ дызэпсэлээнщ. – Хьэуэ, – жиlаш, – сэ сыарэзы сыфщlыну щытым аращ сэ сызэрыхуейр. «Кlуэт Мэмэт кьеджэт» – жиlаш. «Мэмэт лэжьаплэм щылэу ягьэкlуащ кьашэжыну» жари, Мамэтыр кьыщlыхьат, видно было, что он уже осведомлен, моуэ штlэщтабл, я lэ иубыдри тlысахэщ, и кьуэш нэхьыжыыр щытти, Птитlэ игьусу ари щытт. Мо ллитlри щыст, итlанэ: – Мыбыхэм жалахэр зэхэпха, – жиlаш. – Уэй зыхэсхам, – жиlаш, – апхуэдэ зиунагьуэрэ ящlэрэ?! Иджы абы щыгьуэ езым физ кьишэну яужь иту араг.

– Етlуани?

– Етlуану. Кьуэ иытlэыми... И жьэри пхат и тем не менее жиlаш, потому что си адэм кьуэ иыт, ныбэ илт зыгуэри. И не известно кто родится. И: – Ар зэрыхьун хьуащ, – жиlаш, – ауэ...

– Уянэр икlи уэндэгьут?

– Нытlэ хье! Пшытlи цlыкlу нэхьыщlэтlэ сэ нэхьрэ, си Кlэкlунэ цlыкlу мыгьуэ нэхьыщlэт сэ нэхьрэ! Как я его люблю, это невозможно! Сытми, щlа-литlым «дыкlуэжынуу» жари кьыщlыхьэтlым. Дянэм жиlаш: – Сэ иджы хьыбар езгьашlэу Кьудэбэрдокьуэхэ кьезгьэблэгьэну кьыщlэкlынlым, ауэ фэйтlур фымыкlуэжу фыхэт мы lуэхум, – жери. Они согласились и даже я цеищlэхэр щахри лэжьэну сытынуэ загьэхьэзыращ. – Нытlэ унафэщlым «псыншlу» жари Птитlэ мыгьуэр ягьэкlуащ, старший рода Нало Бэтырбэч деж. Нало Бэтырбэч псы lуфэм lуст Ахьуэтхэ я бгы льапэм дежи, кьэкlуащ. Как будто я сейчас вижу, абы цей щыгьыр иратхауэ фlэкlа пщlэнтэкьым, е зы шэрыб цlыкlу е зlулlа имылэу, вот как точеный. Апхуэду ар щыгьыу, и башлгыкь хужыыр дэлэу, мыбдежым ар дэупщlау, и хьурыфэ пыlэри щхьэрыгьыу, я помню, льяхьстэн вакьэ, льяхьстэн льей по типу чута, шитый особым покромом и одевается как чулок.

– Без каблука?

– Без каблука. На него одевают льяхьстэн вакьэ. Апхуэдэу льяхьстэн вакьэрэ льяхьстэн льейрэ зэфlэту щыгьуу. Абы гьэщlэгьуэну моуэ и башыр игьэуври, стlолым деж моуэ гуэту, быдэу япкьырупщlыхьащ ар ллитlми, Ахьуэти, Мэмэти, сянэр щlэттlэым абдеж. Сытми, ар щыжралэм: – Ар хьунlым, – жиlаш, – Ахуэду пщlэ хьун?! Ахьуэт мыгьуэм: – Уэй, хэзмыгьэзыхьыфыну, – жиlаш, – зыхуейр арауэ желэ.

Сразу двор заполнился молодыми людьми и девушками, и старушек человек наверно человек одиннадцать. Это поварихи известные в селе. Хэт джэдыкlэ еудэ, хэт хупщlынэ епщ, хэт лы ехьэж. Яукlаш, я сама своими глазами видела, жэмьщlэ, мэлитl, джэд куэдlей. Вот так выкопали ямы и поставили четыре вот такой величины из особого сплава меди шыуан. Лэгьупщ абы зэреджэр. Гьуаплгэ лэгьупиплl из хьуащ а яукlа жэмьщlэр. Шыуан хьурейуэ ягьэуври мэлыр халхьащ. Итlанэ шыуанщlэт цlыкlухэм тету шыуан фlыщlэ цlыкlу

к'баг'г'уах'эщ зыгуэрхэр щаш'ыну лаг'унлейми. Ныт'э ц'ыхубзхэм яхэтт п'цаф'энк'э л'эзэхэр – хэт джэд'ык'л'эрып'щ ещ'л, хэт дэлэн ещ'л, хэт х'элывэ ещ'л, сытми м'элаж'эхэ. П'шынауищ к'ашаш, зэшит'ыр ейуэ Куф'л'эхэ Н'эк'ют'эж'хэ. Данэпс дахэ ятел'ю Налохэ яп'х'ухэр п'сори дэт'щ гуф'л'ху. Веселая, лаж'э и'эу умыщ'л'эну п'аш'л'эу, л'эф'л'у, хэт шат'э хуейм ириту, хэт т'х'у хуейм ириту, апхуэду яхэт'щ м'элаж'эри сянэр. Н'эфоик'л холэж'ьыхь, Лиладэ мыг'уэр дахэу яхуап'эри яшауэ к'аф'эхэм хэт'щ. Ит'анэ зыгуэр моуэ к'э'л'уаш. П'сори щ'л'эп'х'уах'эщ, сэ сыщ'л'эп'х'уа'л'ым, п'ырх'уэм сытету сыпл'эри сл'эг'уаш шым к'ызэреп'сыхар сядэр. Он был такой красивый... Не знаю, я его очень любила, и мне было приятно, что это мой папа, мой родной. Арати, башыр мыпхуэду трпшэщ'лау сл'эг'уаш, тезышэщ'лар Албэч'щ. Иджы абы Налодэу дэт'щ, н'эх'ыж'ь д'ыдэр аращ. Малэ мыг'уэри к'эк'л'уащи, Албэч'ри к'эк'л'уащи, Налодэ Анзор, Налодэ Х'э-эк'л'ашэ, Налодэ Х'эшыр, ара'лэ, п'сори Налор дэу дэт'щ.

– Ты понимала то, что происходит?

– Сэри? Х'эуэ. Я рада, что у нас танцуют, я рада, что у нас так, а что там происходит и что переживает моя мать, это не доходило до меня. Арати, а башыр абы тришэщ'лау шысл'аг'ум, «Уэуэит'ыр к'ысхуэк'л'уаш» – жыс'л'эри сыг'аш, п'ырх'уэм сытету л'аг'уэк'л'э мыпхуэду сщ'ыуэ. Арщ'х'элэ, зауэ л'эп'к'ь хэмыту дэж'аш си адэр, шыри дашыж'аш. Сэ зыгуэр'ым сыщ'ил'эф'эж'аш лэг'унлейм. Си напэр, си нэхэр схуал'эщ'ыж'ри тах'тэбаным дэж сраг'эт'ысх'ауэ сису мы ф'ыз к'ом зых'эсым, к'лэ бжэ ц'ык'л'у и'эу шытащ лэг'унлейм, л'упх'рэ хадэм шыг'уэгу хадэм уих'эу, там, где женский туалет, огород. Абык'лэ моуэ к'ы-к'уэпл'аш сядэр. Исчезли все женщины, никто не остался, кроме меня и мамы. Мама держала белый кофейник с молоком. Мыпхуэду и'ыг'ьти шэ к'ыпыж'т, а шэ к'ызэрып'ыж'ри ищ'л'эт'э'л'ым, она уже не реагирует на это, мы и л'аг'уэмк'лэ к'ыж'эх шэр.

– Бабо, ибок'лут шэр! – жызори, а шэр л'ейуэ сф'л'эуэхуу жызо'лэ сыщ'ысу. Мыбык'лэ бжэр к'ы'л'уих'ри к'ыщ'ых'аш си адэр, очень мрачный, вроде перепуганный, вроде раскаивающийся вот такой мужчина. А и дэ дахэхэр, и н'к'л'уш-х'эпл'эхэр дэнэ к'л'уат. Мыдрер а шэр зэрик'л'утым хуэду и л'эр ишиящ: – Алых'уу дэ д'ык'эзыг'эщ'л'ам ущ'л'емыг'уэж'ын уищ'л! – жи'л'аш. – Алых'уу д'ык'эзыг'эщ'л'ам л'абж'э шищ'л, ж'ы т'х'эм ф'ызэдищ'л, дунейм ф'ыг'уу Алых'ым к'ырих'эх'ыр фи л'апэм т'х'эм к'ыщ'ил'эх'э! – жери. Зыри жимы'л'эу шыт'щ сядэр. л'эбэри а шэ к'ык'л'уту и'ыг'ьыр к'ыри'л'х'ри, и пы'лэр щ'х'эрих'ри: – Уэлых'ы, мыр зыхуэф'ашэр уэрам! – жи'л'аш, пы'лэр щ'х'эрит'л'аг'эри, – сэра'лым, – жи'л'аш, – мы пы'лэр зыхуэф'ашэр уэращ, Алых'уу д'ык'эзыг'эщ'л'ам п'щ'лэ к'ыпхуищ'л! – жи'л'аш. – Сэ уэ нобэ уи гум дэб'г'ахуэу к'ысхуэп'щ'лар сыл'эхук'лэ сщ'ыг'уп'щэн'лым! – жи'л'аш, – Мы дунейм упс'эуэ утету, уэлых'ы ц'ыхубз сэ си унэ... ыыы, мыдежым шытым и ц'лэр сытыт?

– Скамейкэ мыр, ауэ...

– Х'эуэ л'ей! Бжэщ'х'элэу, сэ си бжэщ'х'элэу к'емыб'эк'уэн! Пэж'щ к'ыбжа'лар, пэж'щ зы к'эмыну, – жи'л'аш. – В такие условия она меня поставила, я не смог, ну тут л'уэхур п'сынщ'л'эу зыф'л'экл'а х'уаш, – жи'л'аш.

– Тхэ д'ыдэ, – жи'л'аш сянэм, – а уэ к'ып'щыщ'л'ам сэ модэ зыгуэр си'л'ыщи ит'анэ сегуп'сысынщ жып'л'эу жеп'лау шытам сэ с'ыдэк'л'ыж'ынти сеж'эж'ынтэм! – жи'л'аш.

– Къызгурыуаҕым иджы жыпIэр, Женя...

– А уэ узыхэтам щэ, а цыхубзыр къыщыхьэу нытIэ, «нытIэ и кIэ пыгыщ, уэ пхуэдэ сызыдэклэу хьунухэм фызым и кIэр я Iыгыщ, хэт мыгыуэм сишэн, сэ щхьэгьусэ силэIым» – жиIатэIэ? «Iэу сэ ахуэду хьэ сыкыпфIэщIа сэ си щхьэгьусэ и кIэкьуагь сыкьуэсу сыщысу, уэлыхьы укьыздэклэуэм укьызошэм!» – жиIатэIэ?

– НтIэ.

– «Алыхь, сыпшу щытым сыбдоклэуэм». «Мис арам нэчыхь жыхуаIыжыр» жаIэри ятхатэIэ?

– НтIэ.

– НтIэ аращ жыхуиIэр сянэм. – А уэ узэрыта пIэм уиту, – жиIащ, – сэ модэ зыгуэр силэщ, бын силэщ, щхьэгьусэ силэщи сыгупсысэнщи итIанэ жэуап уэстынщ, – жыпIэу а фызым уешауэ щытам сэ иджы сыдэклынти сежьэжынт! Си напэр тепхат, – жиIащ, – лIым ящIэIым ахуэдэ, лIы хуэду укьыщIэклэащ! Дэгьуу пщIащ! Алыхьым жьы фыздищI! Си шыпхьу хуэдэу слъагьунщ, – жиIащ, – умыгузавэ. Сэ Алыхьым узыншагьэ ин къызимытами зыгуэр тIэклэу къызитащ, цыхум сыдэклэуэфу, сэ абы игу зэзгьэбгьэным. Это что то было!

– И она была искренней в этом, как тебе казалось?

– Абсолютно! Абсолютно!

– Она любила его.

– Очень. Он, знаешь и гур къызэфIэнэри, чтобы не опозориться, не заплакать, повернулся и убежал. И пыIэр мыдрейм кIэлъыщIихри иритыжащ. Вот этот эпизод на этом закончилась, но жизнь на этом не кончилась. Мы с этой женщиной встретились.

– Он что сделал после этого сразу, что стало с этой женщиной?

– Мы ничего не знали. Он не привез ее. Он сказал: – Почему мою жену должны вести вместе с чужой женой, что я, не смогу ее забрать?! Нэчыхьы ятхат, икIи хуэзащ, епсэлъащ и шыпхьуми епсэлъащ. Ауэ, итIанэ абыхэм щыгьуэ уэркъ яIэу щытащ абы я Iуэхухэр зыфIагьэкIыу. – Мыращ, мыпхуэду хьуащи, сэ жысIа псалъэм сытетщ, си щхьэгьусэщ. – жери къыдэклэыжащ. Къыбгурыуа?

– НытIэ.

– Алыхь икIи дэпсэуам, Алыхь икIи кIуам, икIи щыIам, икIи дэIэпыкьуам...

– Где? Куда он ее отвез?

– Я не знаю. Об этом никогда не было разговоров в нашей семье. Никто ничего не знал. Как будто не случилось ничего. Жизнь идет своим чередом. Даже езы къуажэм «ДэнщыIэ и фызыр къиша, къиша?!» жиIэу даже вопрос не задавали. Вот так заглохло так.

– Ну, видимо не в этом селе. Поэтому. Однозначно.

– Ну, естественно. Где, как, я не знаю. Время проходит, по моим подсчетам лет пять. В 1929 году арестовывают моего отца.

– Первый раз?

– Первый раз. Это все случилось по вине Ашнокьуэ Амин. Ашнокьуэ Амин къыльыхьуш Леля мыгыуэми, иритатэIыми абы щхьа бампIэурэ мы дунейм къытримыльхьэ къимыгьану ищIэурэ, причем сядэр уже абы щыгьуэм щытыжтэIым комиссару, он сложил с себя полномочия и ушел.

– Комиссаром Терского района или как?

– Нет, Урванского района. И он перестал быть им, сам ушел.

– А тот тоже был из каких-то там?

– Ашнокьюэ Аминыр ди кьюажэ щІалэт. Даже ди благъэ хуэду шыту, я унэкьюэщым ди пхьурьлху ису абы я деж. Но очень вредный оказался он. И, собирал сход, расспрашивал: «Сыт ищІауэ фльэгъа дунейм? Ар мохуэдэш, мыпхуэдэш», жиІэу приговор сходым выносить щищІыу, ирагъэкІын хуейщ, жиІэу къещэт.

– Должность у него была какая-то, да?

– А он был председателем, теперь это председатель райисполкома. Вместо комиссара председатель. Вот он место моего отца занял. ИгъэтІысаш. В 30-м году ди унэр ищати якъутэ дашыну. И почему то...

– Хэт зыщар?

– Дядэм ищат унэр. Хуейт ди унэр ищэу моуэ нэхъ тхьэмышкІэ хуэдэу зищІыну. Ди унэр якъуту дашти, – там в одном конце магазин был приделан к этому дому. Под магазином черный подвал без освещения. Фонарь пІыгъыу ущІыхьэм сщІэым, ахьум зыри умыльагъуу. Ну, то, что нужно прятать, туда клали. И вот когда белые пришли, Серебряков, мы бежали в Осетию, а туда запихали все что могли. ИужькІэ кІыфІти къамыгъуэтыжарэ зыгуэр, – разговор пошел, Налохэ я дыщэр абы къыщІэнауэ щІэльщи, иджы лъэгур къызэтрач, щхьэщытщ ХьэжгуащикІ ипхьухэрикІ, пхьу мыгъуи иыжт Нэфо яшат, Лила мыгъуэри арати псэужтэым, А мы даже не смотрели, но такой разговор пошел. ИтІанэ а унэр къзыщэхуа Биту Хьэзешэ жиІаш, е жырагъэІа трикьюзу а Аминым: пхьэбгъульэгур къызэритчу зыгуэр моу Іуву къэзгъуэтати зыкъызидзри, уэли си щІыбыр стричу стрихри я унэм щІыхьэжам Хьэжгуащэ жери. Этого было достаточно, чтобы возбудить уголовное дело.

В одно утро на коне заехал Жылэ Нартшу. Ты знаешь, он сидел на коне не так, как кабардинцы сидят. На коне кабардинец сидит с уважением к коню, прежде всего с уважением к себе, к сбруе, к обычаям. А этот так, вразвалку, и пхэшхуэжыр мобыкІэ-мыбыкІэ къыщІэпІиикІыу. Къыдыхьэри: – Пщэдджыжь, – жиІаш, – нэху шыщым деж Дохьушыкьюеу ГПУ–м я деж укыщыдмыгъуэту щытмэ Алыхьыр сыгъэпцІащ Іэпх–лъэпхыу Сэлэвким уземыгъашэм!

– Хэт ар жызыІэр?

– Жылэ Нартшу. Шына мыгъуу шытт сянэр. – Сыт мыгъуэ къэхьуар? – Къэхьуар къэпщІэнщ, – жиІаш, – зызэщІэкъуи тедзи кІуэ ГПУ-м я дежи, мис а дыщэ Биту Хьэзешэ къеІыпхар пІыгъыу кІуэи етыж ар зызейм. Ар зейр уэраІым. – Ана, Нартшу, ар дауэ, жыпІэр сыт, дауэ, сыт а жыпІэр?! – Хватит! – жери, дэжыжаш шым телъу. Арати, пщэдджыжьым дэйтІур дыдэкІащ. Это уже 30-й год, это зима, или поздняя осень. Мыпхуэдиз хьууэ уэс дахэІей къос. МэткІу къыттеткІуэу. ДэитІу мыгъуэр дыдэкІауэ лъэсу докІуэ гъуэмылэ тІэкІуи тІыгъуу. Ну как, я же ребенок, я не могу так быстро пойти. Когда мы добрались туда, я не знаю.

– Куда?

– В Старый Черек. Где ГПУ районный, куда мы направились. Только еще мы до Анзорей не дошли, когда брчка догнала нас. Это как раз Ашнокьюэ Амин и ани и ади къылхуа и кьюэш нэхьыжырат, зыщІыпІэ ІуэхукІэ ягъакІуэу

колхоз, колхозтэҮым коллективное хозяйство ККОВ, ККОВым я Үуэху гуэркӀэ зыщӀыпӀэ ягъакӀуэу кыигъэувыӀэщ гу шитӀ щӀэщӀауи, кьелъэщ гуми сянэм и Ӏэр иубыдщ, сэри сыкыӀэтри сыригъэтӀысхъэщ, сянэри нызбгъуригъэтӀысхъэжри Арщыдан нэсыху дишаш. Арщыдан дыдишри: – Иджы, – жиӀаш, – кыысхуэгъэгъу Хъэжгуашэ, уэлыхы билыхы, унэгъэсынтэм, – жиӀа, – мыбы мащӀэщ къэнар, ау сэ кызащӀэнур пшӀӀэ, – жиӀаш. – Хъэуэ, хъэуэ, кӀуэ! – жери, уже уэсыр мыхуэду телъу ткӀуэу псыуэ – дыхъэлэчт тӀурикӀ. Лъэсу дыкӀуэурэ дыщӀэрыхъаш мэзым кыикӀыжу зы хъэмкӀэшыгу. А хъэмкӀэшыгум бгъурыт лӀым сыкыӀэ-тыри сэ абы сытригъэтӀысхъэри Зизэ мыгъуэр лъэсу абы игъусэуэ дыдыхъаш Дохъушыкыуей, Старый Черек. Ар здэкӀуэнур нэгъуэщӀыпӀэти, хъэмкӀэшыгум дэ дыкыӀкӀри уже кыӀфӀ хъуауэ дылухъаш районный центрым. Абы яжриӀар сщӀӀыым, ауэ Ӏейуэ псынщӀэу дыкыагъуэтри дыщӀашаш зы унэ гуэрым. Зизэ мыгъуэр кыагъанэри сэ сыщӀашэщ пэш нэху гуэрым, я впервые увидела электролампочку тогда, апхуэду игъэнэхуу, кресло щыту, стӀолхэр щыту. Зы кресло гуэрым срагъэтӀысхъауэ систи, сэ псы кыыспыжыр ежэхт по крашенному полу от ребенка, столько было на мне снегу, воды. Очень артистически играл со мной. Расскажи, – жиӀаш, – у вас есть золото? Если ты расскажешь мне правду, я тебе куклу куплю. – Мне куклы не надо! – жысӀаш, – У меня есть красивая кукла. Ауэ пэжыр бжесӀын, уэй диӀэм дыщэ. Ар вот, знаешь, иджы Налшыч кыикӀауэ урыс зытхыныр щысщи, сэ адыгъэбзэкӀэ кыызоупщӀри, сэ жысӀар урысыбзэкӀэ мобы жери, модрейм етх. Сразу написал, что сказала.

– Зыгуэр кыыбгурыӀуэрэт уэ...

– Ӏейуэ! ФиӀэ дыщэ? – жиӀаш. – Тхъэ дикуюдым, – жысӀаш, – дыщэ! – Пиши, – жери мобы жреӀэ. – Девочка отвечает, что у них очень много золота. Так, нытӀэ сыт, иӀэ, иӀэ кыдыжеӀэ! – жи. – Тхъэ, – зысӀаш, – мыпхуэду уи бгым кыекӀуэчу дыщэ защӀуу бгырыпхищ диӀэм, – жысӀаш, – щӀыӀубгырыпх диӀэм. – Хъэуэ, хъэуэ, дэ араӀым дызыхуер... ИтӀанэ щэ, тхъэкӀумэм иральхъэм хуэду ину ухуей, цыкӀуу ухуей, уей апхуэди диӀэм! – жысӀаш. – ИтӀанэ, Ӏэпэм Ӏэральхъу мыщӀӀэ ису, мыщӀӀэ имысу, псыгъуу, гъуму ахуэди диӀам. – АраӀым, – жиӀаш, – хъэ дызыхуер, моуэ мис мыхуэду хъурейуэ, – жиӀаш, – ахъшэ хуэду мис мыр плъэгъуаӀэ? – жиӀа, – апэсы плъэгъуа? – Сыт щӀэзмылъэгъуар, сэ апэсыр сщӀӀэ?! Сом ныкыуи щыӀэщ, жысӀаш. – О, о, о, мис а сом ныкыуэм хуэдиз хъууэ дыщэу, – жиӀаш. Опустила я челюсть: – Алыхъ сымылъэгъуа, апхуэди щыӀэ?! Ари жиӀэри саӀуэнтӀаи сыкыӀуэнтӀэжаи, все на этом. «КӀуэ» жари сэ сыкыӀыщӀагъэкӀыжри Зизэ мыгъуэр яшэри, и макъ мыгъуэр зыхэсхыу: – Алыхъ уиӀӀэ уэ, ар щхъэ жыпӀыфрэ?! – жиӀэу, они очную ставку давали, мучили ее там. И в полночь нас отправили в тюрьму. Мы не знали, что нас в тюрьму, но просто повели нас. Ехъе, шхын щхъа дылӀэт! Тыгъ тӀэкӀу мыгъуэри дымышхауэ. ДыӀуашэщ аби Ӏуахыр бжэри, тхъэуэ мор зи кӀурӀэн, ар зэрытюрмар кыызгурыӀуам, игъашӀэм сымылъэгъуарэ пэт. Мыбдежым Ӏунчэбзыжъ Ӏуахри дыщӀадзэри ягъэбыдэжаш. Зизэ мыгъуэр маджэ: – А муслъымэн, мыбы цыху щӀэс, хъэмэ зыри щӀэмыс?! – Ая, дыщӀэс мыгъуэм алыхъ, мыбыкӀэ кыакӀуэ! – жари, на голос идем. Подошли мы. Там оказалось две женщины. Темно, освещения нет, я не видела их, они нас тоже, но они стали спрашивать кто что, – оказалось, соперницы встретились там. Может, хватит?

– Нет, нет, нет! Говори, говори!

– Соперницы встретились. Я бы ничего на свете не хотела, чтобы суметь мне, чтобы у меня хватило бы изысканных фраз древнекабардинского языка, которыми они обменялись. Я не в силах это сделать. Самое вежливое, самое изысканное объятие друг друга. И шыпхурикI, езыри, сэри. Ало-ахь Алыхь! – жиIащ си анэм.

– По этому делу, по отцовскому делу все там, да? Так получается?

– Нет. Мы по делу золота.

– А они?

– Они тоже. Абыи яIэ мыгъуэIыми ягъэтIысауэ арат. Дыщэ яIэтэIыми, я яIэу ягъэпщIкуат, откуда я знаю. Абы шыгъуэ зэрапхуу шытащ, яIыж хъунтэIым. ЗэрыщIыхури: – Ало-ахь, Алыхь! – жиIащ, – мы щIыпIэ Iейм Алыхьым дызыхуигъэзэну унафэ ищIа хъунти, – жиIащ, – аращ мыр мыпхуэду шIэхъуар, сыту Iейуэ сыпщыукIытэрэ! – жиIащ. Жансурэт жиIам сщIэжIым, Жанфо жиIам сщIэжIым. – Сыту Iейуэ сыпщыукIытэрэ, – жиIащ, – сэ си зэранкIэ Алыхьым къуита щхьэгъусэм и бжэкъу уебэкъуаIым, уи IэфракIэ и унэ къыщозгъэгъэшаIым, и бын улузгъэпльаIым, – жиIащ, – Алыхьым къысхуигъэгъуатэIыми, мис мы щIыпIэ Iейм сыкъыщIишар аращ!

– И цIэр сытыт абы?

– Жансурэтым сщIэжIым, Жанфом сщIэжIым. – Алыхь, Хьэжгуащэ, – жиIащ, – уэмыра къуаншэр, къуаншэр сэращ. – Сэ си унагъуэбжэр хуимыщIыжынутэм, – жиIащ, – сэ Алыхьым и ней къыстемыхуамэ, щхьэ сыгушыIат сэ а махуэм?! СыгушыIа мыгъуэт, Хьэжгуащэ, – жиIащ. – Лы дахэ, лы къулыкъу зиIэ, лы зызыгъэбэлшэвич игъащIэм сымылэгъуауэ нэкIуауэ а фызышэм хэту слъэгъуати, къэфэну къытральэфати къахуэмыфу текIыжат, укIытэх хуэду сфIэщIати сытезэрыхьынщ тIэкIу жысIэ мыгъуэри жысIа мыгъуэурат, – жиIащ. – Апхуэду сэ уи унэ скъутащ, уи гум сеуащ, – жиIащ. – Лы хьарзынэ и бын зыпIыжыр къыщхьэщысшри, Iэджэ лей, Iэджэ зыхумей ищIауэ къыщIэкIынщ сэ щхьэкIэ. Алыхьым и хьэтыр пльэгъуау шытым къысхуэгъэгъу, сыкъуаншэщ. – А Фаризэт, пэжIэ?! – жери и шыпхьум йоупщI.

Зыкъом нэхьрэ нэхь къэсцтэнт сэ абы жаIар иджысту къэзгупсысыжуфыну абы жаIа псалъэхэр, иджы жамыIэжхэр, абы и дахагъыр, абы и кууагъыр, акъылу хэлъыр абы жаIам. Ар схужыIыжынуIым. И шыпхьум си щхьэм Iэ къыдилгэм, моуэ къепэщэщ хуэдэу ищIурэ и куэм си щхьэр трильхьэри сыжеящ. Махуэ ен мыгъуэм лъэсу мобы нэс сыкыкIауэ мо доэпросым сеша къыщIэкIынти сыжеящ. Сэ сыкъыщыушар, дэ пIэ диIэтэIым, дэ зыри тщыгътэIээм дызыхэгъуэлъхьэни, унафэ ящIа къыщIэкIынщ сэ сыкъалэту сыкъамыгъэушу пIэ ящIыну. Аращ сэ сыкъыщышыуар. АпхуэдизкIэ Iэ шабэу къызэлусэт IитIи, я притворилась, что не проснулась. «ШхыIэн нэхь Iувыр уэншэкуу гъэтIылъ, щхьэнтитIри – зы щхьэнтэм дэйтIур дытелъынщ, адреи щхьэнтэм фэйтIур фытелъынщ, адреи шхыIэныр зытетпIэнщ», – жиIыри вот они поделились последним с нами. «ДэйтIур дытелъынщ» жызыIар шыпхьу нэхьыжьырат. Си гъащIэм сыкъызыралъхурэ цIыху апхуэду сабий щхьэлэ и псэр иритыну къызгурыуаIым сэ, даже мать по-своему, конечно, любила, ауэ я такого не испытала. Сихьри сигъэгъуэлъри езыр къызбгъурыгъуалъхьащ, си щIыбымкIэ Iэ дилъэт, адэкIэ еIэбыхти си лъа-

кьуэхэм щихуэт и Iэр, ар фIэмащIэти си напэм и напэр кьыщихуэт, и бгьэр кьысщIикьузэт шабэу, ауэ сикьузыну зэрыхуейр кьысгурыIуу.

Верись, Аскер я хотела никогда не проснуться, чтобы продолжать вот это! Модрей тIур Iушащэт гьуэльбыжауэ, жали зыхэсхалым. Апхуэду си жэщыр икIащ. Пщэдджыжьым жьыуэ зыгуэр лъэдакьэкIэ, е бжэгьукIэ бжэм кьытеуIуэри: «Встать!» – жиIыри кьаджэри дыкьыщыльэтащ псори. Сэ зысхуэпэжыфыну апхуэдэт, сэ даже тыкуэнхэм сагьакIуэрэ гьунэгьухьэр зыхуейр кьэсщэхуфыну апхуэдэт, арщхьэIа сихуэпащ а цIыхубзым. Сихуэпау, даже си вакьэр щызмытIэгьауэ, «гьургу-гьургу!» жари бжэр Iуахри ныщIыхьащ. «Хьыджэбзыжь цыкIур кьыщIэкI!» – жари. Сигугьащ аргуэру кьызэупщIыну дашэну. И, тIэкIу сыгужьея кьыщIэкIынти си анэмкIэ сеплъащ. Иджы плъагьурэ си анэр адыгэ хабзэкIэ абдежым езым и быным IэплIэ хуищIыу зыгуэр абдежым щыту екIутэIыми, и IитIыр едзыхауэ щытщ. Мыдрейм: «Умышынэ хье, умышынэ, иджысту укьашэжынщ!» – жиIэри IэплIэ кьысхуищIащ быдэу, сэри хуэсщIри, итIанэ си анэнэпIэс хуэду щытми ба кьысхуищIащ мыбдеми, мыбдеми, мыбдеми. Си анэр щытщ, зыри ба кьысхуищIалым, ауэ и Iэр мы си щхьэщыгум кьытырильхьэри быду трикьузащ. «Щыт губзыгьэ цыкIуу!» – жиIащ. Меня увели. Завели не во двор, а площадь перед районным центром. Iэжьэ цыкIуу щытщ, е мэкьу имылъу, е зыгуэр имылъу пхьэ тIэкIу, чий телъу, абы лIищ тесу. ТIур зэбгьурысу и гупэмкIэ щысу, адэкIэ зыр щысу. А пщыхьэщхьэм кьызэупщIауэ щытам щыщу зыри слъэгьужалым. А сыкьыщIэзыша лIитIым: «Итысхьэ мыдежым!» – жари сырагьэтIысхьащ. СцIыхурт щырикI. Арат дэ щхьэ зэупщIу дызыгьэтIысар. Дыщэ кьагьуэтауэ жалэу. Настроение у меня было воинственное, ненавистное. Сэ кьызгурыIуэт а щым я зэранкIэ си анэр тутнакьым кьызэринар. Сэ сыкьыщIаутIыпщыжари кьызгурыIуэт – сыщысабийкIэ сагьэтIысыну хуиттэIым жызолэ, кьызгуролуэ ар. «Но!» жалэри дыкьежьэри зэ-тIо кьыззэпсэлъэну мурад ищIащ а кьызбгьурысыр. Абы и джэдыгур кьызэлусу сыхуэтэIыми мис мыпхуэду сщIыри джабэкIэ зызгьэзауэ сепсалъэлым. Си жьэр зыщIэсхалым Хьэтыуей дыкьыдашэжыху. Старый Черек укьыкIыу Хьэтыуей укIуэхукIэ на лошадях долгий путь, много времени уходит. Арати модрей тIур езы-езыру зыгуэр зыжыраIалами сщIэIым, сытми общем «щымыкIыкь» дыджэгуу дыкьэкIуэжа. Я кьуажэм дызэрыдыхьу псынщIэу икIри кьыгьазэри Биту Хьэзешэ джащ, арат абы исыр, арат и унэри, и куэбжэм деж шыр кьыгьэувылащ. Кьэувылаи-кьэмывылаи жиIуу сыкьельэщ Iэжьэми гьуэгу занщIэу ди унэм, ди унэщIыбымкIэ дэсурат ахэри, сежьэжащ. Е дэсвидание, е спасибо, зыри яжесIалым, езыми жалалым. Сыкьэсыжыри ди куэбжэ мыгьуэр гьэбыдат, иджы абыкIэ дыдагьэхьэжтэIым дэ куэд щIауэ. АдэткIэ кьэскIухьэри си адэкьуэш Нало Мэмэт и пщIантIэм сыдыхьащ. ФIыуэ хэкIуэтат. А си адэкьуэщри щIыдэсри кьызгурыIуалым. Махуэ кьэс лэжьапIэ ягьакIуэт ахэр, ауэ дэсу срихьэлIащ. КьыщIэжахьэщ. Фызит иIэт абы. Мис иджы мы Заур и анэмрэ, абы япэм иIа фызымрэ, ТIасутIэ мыгьуэ. Алыхьым и хьэдрыхэ дахэ ищI ТIасутIэ лъагьуныгьэшхуэ кьытхуиIащ дэ сабийхэм. Апхуэдиз сабийр абы и пщIантIэм, абы и унэм, абы и лэгьунлейм дыщIэсу, абы и джэдыкIэхэр кьэддыгьуу, абы и хадэр тфыщIыу. ИгьащIэм псалъэ «Хьэ мыхуэдэ фщIа?!» жиIэу кьыджиIалым. Кьальхуу хьуар она вместо акушерки принимала у моей матери. Мы очень многим обязаны этой женщине.

– У нее были свои дети?

– У нее было четверо детей: два сына и две дочери. Оба сына умерли. Она осталась с двумя дочерьми. И она попросила своего мужа, моего дядю: «Хэкум, лъэпкъым уахэкӀуэдыкӀыжу уи пхъуитӀыр зэрэшэу уи щӀапӀэр хуищӀыжынураш, сэ апхуэдэ укъанэу сыхуейӀым, къашэ зыгуэр!» – жери. Арат къыщӀашар Заур и анэр. Иейуэ цӀыхубз хьарзынэ, IэфӀыу пщӀафӀэу, лажьэрейуэ, цӀыху хьарзынэт. Абы къильхуащ Уэлий, Къарэ, Заур, абы нэмышӀкӀэ тӀу лӀащ. Дэлъхуищыр балигъ хьуауэ къытхуэнауэ дилахэщ. Арати, псори къыщӀэжри сыкъызыфӀэнати си щхэ Iэ къыдалгъэри сыщӀашащ, яжесӀащ псорикӀ, кроме встречи с этой женщиной. Ар щӀыжызымылар мыраш жысӀэу сщӀэӀым. СыбыщӀын хуейуи зыри сегупсысаӀым, ауэ си адэм и фызымрэ абы и шыпхьумрэ тутнакъым щӀэсу дахуэзащ жыӀэу жысӀаӀым, цӀыхубзитӀ IщӀэсащ жысӀащ ахьумэ. Быду зыхэльадэри куэдлейрэ пщӀафӀахэщ. Бабэ мыгъуэм жиӀащ: «Вгъэхъэзыр! Уэри кӀуэжи, – жиӀащ, – и щыгъынхьэр зэкӀуэцӀыльхэ!» Ар къаутӀыпщыжыну зыри гугъэтӀым, апхуэдэ дашар кӀуэдырти. И щыгъын, и IэльэщӀ, и вакъэ, пэльтэ – псори Тинэрэ сэрэ зыкӀуэцӀытльхэащ, мохэр пщӀафӀащ. Зы кэструл мэлыл гъэвауэ илӀу дияуэ, нэгъуэщӀ зы кэструлым джэд псор лыбжьэ щӀауэ гъэдияуэ, хьыдан хужькӀэ къепхэкӀауэ пӀастэ шыуан цӀыкӀу, мыӀэрысэ дикудти мыӀэрысэ, сщӀэжыӀым нэгъуэщӀ, а, дэлэн, дэлэн ягъэжьати тху иральхэащ. Тху щӀыральхьаращ, Аскер, адыгэм нечетное число считают несчастливым: один пирог, три пирога, пять пирогов, семь пирогов, и т. д. Четные – это гуӀэ шхынщ, зыгуэрым ей лӀамэ ягъэпщӀафӀэӀым, гъунэгъум ягъэшхэн хуейуэ я фарзщи, а гъунэгъум дэлэн ящӀыу щытым дэлэнитӀ, дэлэниплӀ, дэлэних яхь. Абы къыхэкӀкӀэ дэлэнитху зыкӀуа-цӀальхьэри, ари зыкӀуэцӀапхэжащ. Бабэ мыгъуэр Иейуэ гузавэт, къамыщӀэу сэ сишэу ар ирыдигъэту дыкъэкӀуэжыну арат унафэу ищӀари, тхэ сымышӀэ, сэ сыхьэтым сеплъаӀым, ауэ жэщ ныкъуэм дыдэкӀащ дымыжеяу. КӀыфӀт, уэс щы-телькӀи жэщыр кӀыхьтӀэ?! Къуажэр жейт дыщыдэкӀам. АпхуэдизкӀэ кӀыфӀти, гъуэгур Бабэ мыгъуэм и нэми фӀыуэ ильагъу къыщӀэкӀынтӀэӀым, дыгъуащэри кхьэм дылухьащ. И жагъуэ Ией хьуауэ а кхьэм дызэрылухьар, ар къызэригъэ-зэжар, абы зыгуэр Ией къыкӀыну пӀэрэ жиӀэу гузавэ мыгъуу. ПсалгъэрейтӀэӀым си адэкъуэшыр. ГъэщӀэгъуэну и жагъуэ хьуа мыгъуэт а кхьэм дызэрыхуэзар, дызэрыгъуэщар. Наверно было где-то часов семь-восемь, не больше, когда мы были уже в Старом Черее. А площадь дыдэ сэ сыкъызэрыдэкӀыжам деж къыщыувыӀащ. Куэбжэм калиткэ гуэр Iухат. И Iэ, щӀэхьы, пхуэхьыныр сыт, жиӀэри, зы IэмкӀэ джэдлыбжьэр сӀыгъыу, мыдреймкӀэ дэлэныр мыпхуэдэ си бгъэм кӀэрылӀу сыкӀуащ, Иейуэ къызэхьэлъэкӀыу.

– Щыгъыныр къэна?

– Щыгъыныр илӀщ шыгум. ЩыгъыныраӀым схьар япэ, шхыныраш схьар, джэдлыбжьэ кэструлымрэ дэлэнымрэ. Сыдыхьэри, абыкӀэ удыхьэрти къэбгъэ-зэжырти, щхьэгъубжэшхуэ хэлът, абдж цӀыкӀу-цӀыкӀуу плӀиму щӀауэ шытти, адэкӀэ щӀэсхьэм яхуеуэ шытым къаӀэтырти башыр кӀэщӀагъакъуэрт. Иджы абде-жым пхъуэбгъукӀэ нывэ лъакъуэ щӀэту ящӀау ари абы хуэдиз хьууэ апхуэдэ тельхьэпӀэ гуэр иӀэт. А тельхьэпӀэм тезгъэувэри сьдэпщейри щхьэгъубжэм нэхь гъунэгъуу згъэкӀуату хуежьащ. Мо тӀум сыкъальагъуащи, зэрогъэкӀий. Башыр къыщӀаӀури къаӀэтащ а щхьэгъубжэшхуэр. «А сэ си псэ, а си нэху, а си

дахэ, укьэкӀуа», – жари Ӏейуэ ӀэфӀу, фэрыщӀ хэмыльу я гуапэ хуэат сызэрыкӀуар, сыкьызэралъагӀур. «Уи анэр яугӀыпщыжащ», – жари, ехье, ар щыжалам хэмбыӀуу сыщысыр сигугъащ сщӀэым сыукӀурийуэ сыкъехуэхын кьысфӀэщӀащ, ауэ сыкъехуэхаӀым. СыгуфӀауэ кьысщыщӀами сщӀэым, ауэ зыгуэрым сиггызгри сыкъехуэх хуэду сфӀэщӀащ. ЗыцӀыкӀу схужыӀыжтэӀым. «НытӀэ мыхьэр фэ, мыхьэр фэ...» сэ есту ерагькӀэ, езыхэм ямыдэу езым мыбыкӀэ къадзыжу а каструлыр, итӀанэ сыкъэгъыным сынэсау щалъагӀум сӀахаш. СӀахри, – «Мыдэ къапльэт зэ, – и шыпхьум и цӀэр жиӀэри: «Еплъыт, – жиӀащ мобы и нитӀым, – мо хьыджэбз цӀыкӀум и нитӀым еплъыт, абы зы ахьырзэман, зы фӀыгӀуэ гуэр щӀэлъщ. Апхуэдэ зы цӀыкӀу мыгӀуэ сиӀэну мы дуней мылькум нэхрэ нэхь къэсщтэнт!». Ар зэрыжиӀам щхьэ сигугӀэу щытащ сэ губзыгӀэ Ӏей, насыпыфӀэ Ӏей сыхьуну, ауэ не оправдалось ни то и ние другое. Езыр хьэлъакъуиплӀыу кьыдэпщейщ щхьэгъубжащхьэми «КъэкӀуатэт хье!» – жиӀэри ба кьысхуищӀащ. На этот раз си напитокӀымрэ си пэм дерэ ба хуищӀащ. Сыкъелъыхри: «Догуэт зэ, догуэт зэ, сэ сыкъэкӀуэжынущ!» – жысӀэри сыкьыдэжри иджы пӀастэр, лыр, мыӀэрысэр – а псор схуэхьынутэӀым, Бабэ мыгӀуэм нихьащ пӀастэмрэ мыӀэрысэмрэ, а лы кэструлыр сэ схьащ. Абы дыӀухьэри тедгӀэуэври моуэ нысащӀэ хуэду Ӏейуэ укӀыта хуэду защӀащ тӀуми, моуэ фэрыщӀыгӀэ тӀэкӀу хэлъу. Бабэ мыгӀуэм мобы дэпщеуэ я Ӏэ иубыдаӀым, тригӀэуващ мыӀэрысэри шхынри. Щыгъыныр кьитхакъым, «къаутӀпщыжащ» жесӀэри Бабэ, ты знаешь как он обрадовался. Сэ кэструлыр тезгӀэуэври псынщӀэу кьыӀукӀыжащ си адэжӀуэшыр. Я Ӏи иубыдаӀым, абы щхьэ а дэпщеин хуейт, модрери кьыщӀэпщын хуейт. Наверно, неприлично было, вот он и ушел.

– Но не догадались, кто именно, он знал эту женщину?

– ЖесӀаӀым, бжесӀаӀэ, жесӀаӀым.

– А он сам когда увидел – не догадался?

– Не знаю. Он не вестъ такой псалгӀэрей был, чтобы рассказывал что-то.

И жьэр зыщӀихаӀым по поводу этих женщин. Ауэ фӀыуэ дышынауэ: «Муслъымэн мыбы зыгуэр щӀэс», – жиӀэу си анэр щыджэм: «МыбыкӀэ дыщӀэсщ, къакӀуэ», жари дызэрашӀар, я пӀэм дызэрыхагӀэлъар, мис ахэр жысӀыжат, ауэ хэтми жысӀатэӀым. ИщӀэми имыщӀэми иджыри кьэсыхункӀэ ари сщӀэӀым.

Сэ сыкьыӀунати аргуэру сыдэпщейщ абы хьэлъакъуиплӀыу. Гьырт Ӏейуэ а цӀыхубз дахэшхуэр, си анэнэпӀэсыр. Ӏейуэ зыщыджэу гьырт. «Ы-ы» щыжиӀыкӀэ и бгӀэшхуэр кьийэт-ехуэжыжу. Абы щыгӀуэ сэ сыщӀыкӀути Ӏейуэ сехьуапсэт абы бгӀэшхуэ зэриӀэм. Ар кьызэриӀэтым сеплгӀурэ сыгъыжаӀым сыувыӀэжри. ИтӀанэ и напэхьэр илгӀэщӀыжри, сӀахаш схьауэ хьуар. Дахэ кьызжалащ: «ГъащӀэ кӀыхь Алыхьым уищӀ. ЦӀыхугӀэшхуэ цӀыхум кьильхуа цӀыху мэхьу жыхуа-Ӏэр плъэгъуалэ?!» – жиӀыри и цӀэр жиӀэт и шыпхьум, а сымьщӀэжым зи цӀэр. «ПлъагӀурэ мыфӀэкӀа ныбжь зимыӀэм мыбы ищӀар?!» – жари ягӀэщӀэгъуащ. Зыгуэр жысӀэнут, ауэ жысӀэфтэӀым, сэ си ныбжьым, си акъылым кьилэжӀу кьыщӀэкӀынтэӀым абы щыгӀуэ зыгуэр жысӀыну, ауэ «Сэ, сэ иджыри сыкъэкӀуэнщ!» – жысӀащ сыкьыщепкӀэжам. Я ӀитӀыр мыхуэду ящӀыу «ба» жаӀуу щхьэӀункӀэшхуэр кьыӀуахауэ, а кэструлри щыту – иджыпсту хуэдэу слъагӀу хуэдэщ а кэструл гъуэжыыр. Я Ӏэр ящӀу къэзгъанэри сыкьыдэжыжри Ӏейуэ псынщӀэу дыкьэкӀуэжа. Иджы абы: «ФыщӀэрыхьэнкӀэ хьунщ», – кьызжалаат. Хэт ищӀэрэ, лъэсу кӀуэж мыгӀуу пӀэрэ, е...

– Лъэсу кӀуэжу щытатэм фызэхуэзэнт.
– Лъэсу щытамэ дыщӀэрыхьэнут арат Бабэ мыгъуэм щӀихур псынщӀэу.
– Хьэуэ. Когда вы оттуда ехали вы бы могли встретиться, если б она пешком.
– Нет, мы не встретились «Иджысту щӀашыжащ» – жаӀэу восемь часов хьуаами арат.

– Утра?

– Да. ДыхуэзаӀым. ДыщӀэрыхьаӀым. Езым жиӀыжыри, зыгуэр Къуэргъуэлькьуей кӀуэуэ кьрихьэлӀэри, абы кьшэжащ кьуажэм нэсыху. Абы щыгъуэ адыгэхэм хабзэ зырахьэу щытащ цӀыхубз кьригъэтӀысхьу Къуэргъуэлькьуей е дэнэ кӀуэнуми ар здэкуэм нигъэсын хуейт и гъуэгуи текӀыу. Ар кьыдыхьэщ кьуажэми и унэм Ӏуишэри кьыригъэкӀыжри: «Тхьэразэ кьыпхухьу!» – жриӀэри ежэжащ. Хэтми сщӀэжӀым, си анэм жиӀэжу щытащ а кьэзышэжар.

– Год какой был, Женя, напomini.

– Год? 1929 год. Дядэр ягъэтӀысат абы щыгъуэ. А может быть, тридцатый.

– Интересно, они там встречались. Он там был, где допрашивали, ваш отец?

– Нет. Отца не было, мы не видели его. Я один раз видела отца, я тебе рассказывала это. Мы приехали к нему, привезли передачу. Это зима двадцать девятого-тридцатого года, осудили его и очень быстро выслали, не было его вообще в Кабарде и писем не было, мы не знали даже, где он. Когда мы привезли передачу, в это время Леля бедная была замужем за Абазовым Мисостом, и мы у них остановились. Мы с Зисой (мать Е. Д. Налоевой. – А. М.) передачу возили. Тогда наш зять очень здорово нам помогал в решении всех этих вопросов, он подсказывал нам. Это здание находилось вот где сейчас арка от ул. Ленина к садику, вот на этой территории находилось здание с особой острой крышей ГПУ. Мне, маленькой девочке, казалось, что назвали ГПУ из-за этой острой крыши. Нам устроили с ним встречу, его вывели, как будто чистить снег. Снега была полная бричка, лопата была воткнута в снег, ее вез какой-то мужик, а отец вышел из ворот, сопровождая эту бричку. Я сразу узнала своего отца, бросилась к нему, он подхватил меня, поднял. Тогда у кабардинцев не принято было целовать детей, он прижал меня к себе, я крепко обхватила его шею, и так он шел со мной на руках до того места, где должны были выгрузить снег. Этот мужик сам выгружал снег, пока я была с отцом. Когда бричку опорожнили, я вернулась обратно с отцом держа его за руку. Когда мы вернулись, меня оторвали от него, я кричала, плакала, а его завели обратно во двор и закрыли ворота. Больше я его не увидела.

Сыхуауэ убж хьунуш, дыкьакӀуэжри, ди унэми дыкьыщӀадзри, хэкум дикӀыжри, а цӀыхубзитӀым я Ӏэху зетхуэнуи, абы гъуэмылэ яхуэтхьыну, е зыгуэркӀэ дыщӀӀэупӀэну Ӏэмал диӀэжакьым. Сыт щхьэкӀэ жыпӀэм, Хэкум дикӀыжащ, гьэтхэ кьыщыхьуам.

– ФыздэкӀуар дэнэ?

– Таджикистан дыкӀуащ. Ар Таджикистану тшӀӀэтэкьым, Бухара жытӀэт. Иджыри кьэсыху согъэщӀагъуэ, дауэ дэ Душэнбе дызэрынэсар. Мы думали, что едем в Бухару, больше ничего мы не знали. Видимо, на бумажке, которую нам дал наш зять, где было написано, какой билет нам надо купить, он наверное знал, что это уже не Душанбе, а Сталинабад. Мы дунейм тету, щыӀэу я хьыбар

тщлэым. Си напэр мэукытэ, гуэныху сэ Іэджи сщІа хьунщ, а псом ящхьэу собж сэ а цыхубзитыр дауэ хьуа жыслэу сызэрыщІэмыупщІар. ЩІэупщІапІэ силакьым: си адэр здашар сщІэт, си ядэр яуклауэ сщІат, Сталин лІэуэ реби-летацэр кьежьэху, апхуэдэхэм ущІэупщІэ хьурэт, дунейр Іейт, итІанэ дэ хэкум кьэдгьээжакьым, сэ мыбы япэ дыдэ кьыщызгьээжар 1948-ращ. Апхуэдэу из нашей жизни ушли эти две женщины. Мы оставили их в этой страшной тюрьме, и вот это окно, и вот эта доска, и вот эти два лица на всю жизнь останутся со мной. Алыхьым кьисхуигьэгьу. Попытка сщІат Зеикьуэ Жылаухэ ейуэ дэст зыгуэр а кьуажэм я историер итху, ськыгьэгугьауэ щытащ, абы иужькІэ сэ езгьэджа студенткэ цыкІуи сельэури, ари хуээри, жырилат абы: ХьэтІокьу-щокьуэхэ я цыху, я историер изучать сощІ, цыхухьуу щыІар псори сощІэ, ауэ цыхубзхэм интересоваться сщІакьым, зыри хэщІыкІыркьым, кьыджилащ. ИтІанэ сэ ськІуэну сигугьати, мис Алыхьым си нэр стрихащ, дауэ ськІуээн сэ Зеикьуэ. Аращ си адэм фыз кьизэришам и хьыбарыр.

1. Перевод с кабардинского на русский язык Ларисы Маремкуловой

– Не знаю, сумею ли точно воспроизвести все события того времени. Наверное, рассказ мой получится разношерстным, кьуэлэну, на русском и адыгском вперемешку.

– **Ничего страшного. – Налоев А.**

– У нас же сейчас как – все говорим на смеси двух языков... Может, так даже своеобразнее получится разговор – поток сознания на двух языках, которыми владеем одинаково...

Так вот, это самые начальные границы моей памяти, год примерно 24-й или 25-й.

Летний день, солнце еще не так высоко, но жара уже на дворе. Мать хлопчет на кухне – печь в такую жару, ясное дело, не топят, но мать все равно вечно чем-то занята. Мне хочется обратить на себя ее внимание, тяну ее за подол, хнычу, но ей все недосуг. И в эту минуту с улицы раздается – а мать наверняка услышала это раньше меня – топот конских копыт. Восемь копыт разом колотили по земле, и эта музыка, как сохранила моя память, заполнила собой весь мир. Мать выбежала во двор. Глянула в ту сторону, откуда доносился топот. Рядом с нами жил родной дядя Налоев Мамед (Магомед. – А. М.). Подворье его было немного на возвышенности, и вот к этой возвышенности мчались сломя голову два всадника. А по хабзе вот так скакать по адыгскому селу считалось верхом неприличия. Даже мальчишки, бывало, расшались и понесутся на лошади по улице – старшие только погрозят пальцем, и они все понимали. А тут взрослые мужчины, по возрасту уже семейные наверняка, несутся во весь опор...

А еще по хабзе положено было так: с утра, как пробудится семья, домо-чадцы умоются – оботрутся – и тут же открывают ворота. До самой ночи держали нараспашку. И вот несутся эти двое, поравнялись с нашими воротами и круто, не сбавляя бег, завернули к нам, спешили на ходу и кинули поводья на коновязь посреди двора.

– К Мамеду заехали или как? – Налоев А.

– Нет, проехали дом Мамеда – и к нам, у ворот еще Хазиз стоял. Круто завернули в наш двор, поводья на коновязь – и встали так, смотри, руки по швам. Мать перепугалась: «Что стряслось, – говорит, – беда какая?» Те переглядываются молча. Она уже прямо: «Его больше нет?» О муже сразу подумала. «Нет, с ним хорошо все», – ответил наконец один. «А что ж вы из меня душу вынули, едете, как вестники смерти». «Уаллахи, – говорят, – тот, за кого ты так испугалась, жив и здоров, только вот женился, и мы сразу в путь, к тебе, чтобы сообщить». А мать им в ответ: «И что с того, чем он хуже тех, кто женится. И из-за этого вы, двое взрослых мужчин, оставили порученное вам дело и примчались сюда? И стоите, опустив руки, как на похоронах?». Те, понятное дело, опешили.

Объясню, почему они себя так неловко чувствовали. У моей матери, можно сказать, не было близкой родни. Братья, сестра, мать с отцом – все выехали за границу. Поэтому все родственники – и по материнской, и по отцовской линии – относились к ней с нежностью и очень жалели. Ну, мало ли, защитить ее некому, Джамурза может не считаться ни с кем, вдруг решит оставить ее, а детишек куча. Сам-то он мужчина хоть куда, а она здоровьем не блещет. А эти двое, что прискакали – двоюродные братья ее по материнской линии, из Кудабардовых.

Так вот, мать говорит: «Пошли в дом, там и поговорим». Вспоминаю сейчас и удивляюсь той простоте обращения, что была между ними. Зашли, посреди комнаты – вроде прихожей у нас была – стоит стол, поставила стулья и сели втроем.

– Она тоже с ними села? – Налоев А.

– Да, села, легкая повязка вокруг головы, не закрывающая волосы – при братьях можно. Вот сидят они втроем, разговор идет тихий, доверительный – мать и братья, Кудабардовы Пита и Болат. Спрашивает, как все вышло, они и рассказывают. «Сидим, – говорят, – в доме вчера...» – А в доме – это в Заюково, от Старого Уруха до Заюково за одни сутки не обернешься. Потому едут с остановками, заночевали где-то, их принимают, как положено, с застольем и танцами до зари, а с утра – дальше в путь. А ездила вся эта процессия, как я понимаю, за невестой для кого-то.

И вот в комнату, где сидят за столом мужчины – а тогда женщинам не место было за мужским столом! – заходит красивая женщина, не молодая и не старая, в сопровождении двух юношей. Один держит в руках рог, другой – кусок мяса. Женщина стоит между ними молча. Все встали. «Не знаем, – рассказывали братья, – может, вдовая, а может, старая дева. Спросили у них, кому они хотят оказать честь, те отвечают, мол, женщина желает преподнести чашу, бжьэ, Джамурзе из рода Налоевых». Отцу, конечно, польстило такое внимание от красивой женщины, он принял чашу и говорит: «Чья ты невестка, оказавшая мне такую честь сестра?» Она в ответ, как бы в шутку: «Ничья невестка и ничья супруга. Пошла бы за такого как ты, да вы все сидите, уцепившись за подолы жен. А другие мне не нужны». Он рассмеялся: «Ты приняла меня за того, кто держится за женский подол? Я готов жениться на тебе, если ты согласна!» А та

возьми да скажи: «Видит Аллах, я согласна!». Сидел как раз за тем столом и эфенди. «Именем Аллаха клянусь, – сказал он, – нет крепче и праведнее уз по обоюдному согласию». Отец ему: «Чего же ты ждешь!». И она стоит, смеется. Эфенди берет его руку, ее руку, читает молитву по-арабски, а потом объявляет: «С сегодняшнего дня вы муж и жена». Джамурза достал из нагрудного кармана деньги и положил перед эфенди. «Сколько отдал?» – поинтересовалась мать. «Точно не знаю, – ответил один из братьев, – может, сто рублей, может, полста, но было довольно много». А в ту пору за услуги эфенди при бракосочетании положено было платить рублей девять-десять...

Мать между делом накрыла стол, поставила и выпивку, сама не пьет, а братьев угощает. «Ладно, говорит, что дальше будем делать?». – «Мы выехали раньше, они собирались через час двигаться в путь. К вечеру доберутся, может, попозже, к ахшаму (время вечернего намаза. – *А. М.*). Ну, тогда, – мать говорит, – нам некогда рассиживаться, надо же родню оповестить. Быстро позвали Титу (Аслангери Налоев. – *А. М.*), моего старшего брата. Он мне казался большим и взрослым мужчиной, а теперь понимаю, что был он тогда совсем молодым, хотя очень степенным и разумным. «Скорее разыщи да приведи Ахота», – велела ему мать. Хотя дядю Ахота (Жанхот. – *А. М.*) она не называла никогда по имени, звала просто Старшим. Среди трех братьев – Ахота (Жанхот), Мамета (Магомет), Жамурзы – он был старшим, и потому мать из уважения никогда не произносила имя деверя. Он приходился ей еще и зятем – был женат на маминой родственнице, тоже из рода Мирзоевых, как и она. Но статус деверя она ставила выше, чем статус зятя, и потому всю жизнь скрывала его имя. И вот пришел он, а двое вестников встали, собираясь уйти. Но мать велела остаться – не самой же ей рассказывать новость братьям мужа. При виде Ахота она прикрыла голову платком и молча встала у комода, опершись локтем, как сейчас вижу, прямо как невеста.

Ахот прошел на место старшего, как и положено главному в семье – у младшего брата в доме старший становится хозяином. Сел сам, затем указал на стулья другим. «Вижу, позвали меня по важному делу», – сказал дядя, стараясь быть спокойным. «Да, именно так, мы должны сообщить новость», – ответили те. Мы все в комнате – Лейла, сестра моя, а я вообще никогда не выходила, усядусь на колени к дяде и сижу. Бицук (Адальгирий, брат Е. Д. Налоевой. – *А. М.*) тогда еще не родился. Рассказали ему все – и наступила тишина. Потом дядя Ахот стал спрашивать: где теперь молодая, точно ли собираются ее привести в дом, чья она дочь, из какого рода, как зовут, была замужем или нет. Братья мамины ответили, что точно не знают, говорят, что старая дева из рода Хатохшоковых. Родня покинула родину, осталось их две сестры, у них и дом отобрали, оставили комнатенку, там и живут. «Из какого села?» – «Из Заюко». – «Заюко большое, в какой части именно?» – «Верхний Кожекей, сказали. Дом и подворье забрали, выделили малую часть с двориком, так и живут вдвоем с сестрой. Старшая, говорят, замужем за генералом каким-то была, он в белой армии служил. За границу подался, ее оставил, и детей у нее нет, замужем недолго была. Вот и живут вдвоем, с ними еще старушка, вроде как кормилица».

Дядя выслушал молча. Потом поднял глаза на мать: «А ты что скажешь?» – «А что я, тебе решать». – «Я-то решу, но мне нужно слышать твое слово». –

«Если меня спросишь, то я бы хотела, чтобы к их возвращению в доме у нас было готово угощение, чтобы людей был полон двор, а во дворе играла гармошка, танцевала молодежь, шутили и веселились гости». Почему она так хотела встретить его – для меня до сих пор непостижимая загадка. Дядя Ахот смотрел на нее долго и молчал. Потом говорит: «Может, не надо так? Пусть ко мне завезут, а там все обсудим». А мать стоит на своем: «Если вы меня спрашиваете, то я хотела бы так».

Послали теперь за другим братом, за Маметом. Он на работе был, его вызвали спешно. Зашел в дом, растерянный такой, видно успели рассказать, что случилось. Поздоровался со всеми, старший брат с двумя приезжими сели, а он с Титой остались стоять. «Слыхал, с какой новостью к нам гости пожаловали?» – спросил Старший. «Слыхал... Да как же так?..». Он и сам в то время собирался жениться.

– Во второй раз? – Налоев А.

– Да. От первой жены у него сыновей не было, и это было оправданием. В то же время судить брата он вроде бы и не имел права. И все же не одобрил поступок брата – ведь у него-то есть сын, еще ребенок в утробе жены, неизвестно еще, кто родится...

– А ваша мать тоже была беременна? – Налоев А.

– Да! Малыш Пита (Адальгирий. – А. М.) ведь был младше меня. Маленький мой, как я его люблю, это невозможно!

Те двое, что принесли весть, снова засобирались. Но мать опять за свое: «Вряд ли я смогу Кудабардовых на торжество позвать. Так что вы будете здесь за всех». Парни послушались, даже черкески новые сняли, рукава засучили, чтобы по хозяйству где надо помочь. Дядя Ахот велел немедля звать старшего в роду – Налоева Батырбека. Дом Батырбека тоже был недалеко, как раз в подножье холма, где стоял дом Ахота. Тита сбегал за ним, и он вскоре пришел. Как будто сейчас его вижу, черкеска-цей на нем сидела как влитая, ни морщинки, ни складочки, как нарисованная! Фигура точеная, на плечах башлык белоснежный, за пояс заправленный, папаха каракулевая, на ногах ноговицы – знаешь, такие кожаные ноговицы особого покроя, одевались на ногу как чулок, а поверх – кожаная обувь ручной работы – лъэхъстэн вакъэ.

Вот пришел Батырбек, трость свою к столу ловко так приставил и стал обо всем выспрашивать у вестников, у Ахота и Мамета тоже. Матери в комнате не было. Послушал и покачал головой: «Нельзя так, – говорит, – как же можно?». А Ахот ему: «Я не стану его отговаривать. Сам так решил, значит, душа лежит».

Сразу двор наполнился молодыми людьми и девушками, и соседских женщин человек десять собрались, самые искусные поварихи в округе. Закипела работа – кто яйца взбивает, кто тесто месит, кто мясо рубит. Я видела своими глазами и хорошо помню, что зарезали телку, двух овец, кур множество. Мужчины выкопали ямы, развели огонь и поставили огромные котлы, их тогда из особого сплава меди делали. Лэгъупщ абы ззреджэр, гъуапльэ лэгъупиплI из хьуащ а яукIа жэмышцIэр. Вот в эти четыре котла едва поместилось мясо забитой телки. На треноги поставили котлы поменьше и поставили баранину варить. На кухне еще что-то готовилось. В селах же как было – одна женщина

мастерица дэлэн готовить, адыгские пироги, другая – халву, третья – хрустящие тонкие лакумы. В общем, всем работы хватало в тот день. Трех гармонисток привезли. Одним словом, торжество на дворе, радость. Все женщины рода Налоевых в нарядных платках хлопочут, радуются все.

А мать моя тут же хлопочет, среди всех, веселая такая, словно счастье ей привалило, всюду на подхвате, кому масла принести, кому сметану подать. И сестра старшая Нафо за всем следит, командует. Лила (Лейла. – А. М.) тоже приделась и крутится среди танцующих.

И тут что-то стало происходить, все заволновались, к воротам кинулись. Я не стала бежать, на веранде осталась, оттуда виднее было. Смотрю – отец подъехал верхом и спешился. Он такой красивый был, я любила его всем детским сердцем и гордилась, что вот он – мой отец, самый лучший. А потом вижу – кто-то палкой на него замахивается. Это был Альбеч, самый старший из Налоевых, что во дворе собрались. Тут и Мала, и Анзор, и Хакаяша, и Хашир – весь род.

– Ты понимала, что происходит? – Налоев А.

– Я? Нет, что ты. Просто радуюсь, что у нас праздник, все веселятся, танцуют, гостей много. Что там мать моя переживает – откуда мне было знать. Но как увидела, что моего отца хотят палкой побить – как закричу во весь голос, «уэуэуитЫр кысхуэКлуаш» жысІэри сыгъаш, слезы ручьем, ногами по доскам веранды колочу. Ну, обошлось все, конечно, отец быстро скрылся, и коня его вслед за ним увели. Меня на кухню отвели, лицо умыли, утерли, на тахтабан усадили. А там рядом дверка была в сад, шыгъуэгубжэ, запасная дверь для женщин, оттуда тропка к женской уборной вела, дальше огород был. Смотрю – тихонько дверь приоткрывается, и заглядывает в щелку отец.

Все женщины вдруг исчезли из кухни, только я и мать остались. Она держала в руках белый кофейник с молоком. Молоко проливается, течет по переднику, по ногам, а она и не замечает. «Бабо, – кричу, – ты молоко пролила!» А он стоит, мрачный такой, виноватый. И где улыбка его белозубая, где лицо румяное – словно другой человек. А мать, все так же не замечая пролитого молока, говорит ему: «Дай тебе Аллах никогда не пожалеть об этом шаге. Дай Аллах, чтобы она корни в твоём доме пустила, дай Аллах вам состариться вместе». Он протянул руку, взял у нее кофейник и поставил на стол. Потом снял папаху и говорит: «Уаллахи, тебе, а не мне пристало носить шапку. – И надел ей на голову! – Аллах возблагодарит тебя за ту честь, что ты оказала мне сегодня. До смерти я не забуду того, что смогла ты сегодня осилить. Пока ты живешь в этом доме, ни одна женщина не переступит порог! Тебе уже все рассказали, как было. В такую переделку она меня втянула, что я не мог иначе ответить, и быстро так все обставили...»

А мать в ответ: «Если бы ты сказал там: дома жена у меня и дети, спрошу у них и потом решу, – я бы повернулась и покинула твой дом».

– Почему она так сказала? – Налоев А.

– Не понимаешь? Это значит: если женщина сказала напрямик, что мужчина держится за подол жены, а он бы не смог ответить достойно и сослался на жену и детей – это был бы позор, и не только для него! Вот мать и сказала, что, поступи он иначе, покрыл бы позором и себя, и ее. А так он ответил, как

подобает мужчине, и тут же их сочетали браком, так что все пошло путем. Вот и сказала мать: ты поступил как мужчина, иначе я не осталась бы с тобой жить. «Ты все сделал по хабзе. Дай вам Аллах состариться вместе. А я относиться к ней буду как к сестре, об этом не тревожся. Бог не наградил меня большим здоровьем, но дал мне разум, чтобы с людьми ладить. Не обижу ее». Ты представляешь себе такое?

– **Она искренне говорила это, как ты думаешь? – Налоев А.**

– Абсолютно, абсолютно!

– **Любила, наверное, его сильно. – Налоев А.**

– Очень. А у него голос дрогнул, он резко повернулся и вышел в ту же дверь, чтобы не заплакать и не осрамиться. А мать выбежала за ним и папаху отдала. Вот этот эпизод я помню всю жизнь. На этом все разговоры закончились. И мы еще нескоро с этой женщиной увиделись. Как увиделись – это отдельная история.

– **Что с ней потом стало? – Налоев А.**

– Не знаю, в дом он ее не привез. Они же оттуда из Заюково везли другую невесту. Он сказал: зачем мою жену должны везти на пару с другой. Сам заберу. И с ней, и с ее сестрой поговорил, так и решили. Брак уже заключил эфенди. Тогда положено было у уорков такие вопросы решать через представителей из родни, он так и договорился: мол, сегодня я по другому делу здесь, а ее заберу в свой час. Слово свое держу, она мне супруга по божьему закону. С тем и уехал.

– **И как потом? – Налоев А.**

– К нам не привез. Он ездил к ней, жил с ней, помогал. Где именно – не знаю. Никаких разговоров об этом в нашем доме не было. Как будто и не было ничего. Даже в селе никто не спрашивал, где же его вторая жена. Вот так и заглохло все.

– **Ну, видимо, в другом селе где-то. – Налоев А.**

– Да, в другом. Где именно – не знаю. Проходит время, лет пять, наверное, по моим подсчетам. В 1929 году арестовывают моего отца.

– **В первый раз? – Налоев А.**

– Да, в первый. И случилось это по вине Амина Ашнокова, был такой в нашем селе. По какой причине – мы знали. Он сватался к нашей Лиле, ему отказали, вот он и затаил злобу, так и искал, на чем бы нас подловить. Какую только напраслину он на моего отца не городил, куда только не доносил. К тому же отец тогда уже не был комиссаром, сам сложил с себя полномочия и ушел.

– **Он комиссаром какого района был? – Налоев А.**

– Нашего, Урванского. И он сам ушел добровольно.

– **А тот, Ашноков, тоже из этих кругов был? – Налоев А.**

– Он после моего отца место комиссара занял, теперь это называется председатель райисполкома. Он нам даже родней дальней доводился – внучатая племянница Налоевых была замужем за кем-то из их рода. Но он вредный был, злобу затаил на всю жизнь, он прямо сходы собирал и выпрашивал у всех, кто что знает про Джамурзу, «сыт ишҗауэ фльэҗьуа дунейм», – жиҗэу. Он на этих сходах что только не говорил про моего отца, фактически приговор ему выносил – арестовать, выслать, и все тут. Мало что место его занял, так еще и все сделал, чтобы его посадили.

На следующий год, в 30-м, ломали наш дом – до этого его продали...

– **Кто продал? – Налоев А.**

– Отец до ареста продал, хотел домик поменьше, чтобы не особо выделяться. Время плохое было. Ну вот, начали его сносить и вывозить. А к нему с одного конца магазин был пристроен, под магазином – темный подвал без освещения. Без фонаря ничего было не разглядеть. Складывали туда то, что нужно спрятать от посторонних глаз. Когда белые пришли, серебряковцы, мы бежали в Осетию, а в подвал запахали все что могли из домашней утвари. В доме не могли ничего ценного найти, и слух пустили: Налоевы свое золото в подвале спрятали. И вот ломают дом, пол вскрывают, рядом мать стоит, сестры мои – Нафо замужем уже была, и Лила тоже.

В общем, что произошло. Тот, кто дом наш купил – Хазеша Битуев, – сказал, а может, заставили сказать, что, когда вскрывали пол, он нашел какой-то плотный сверток, а Хажгуаша – мать наша – набросилась на него со спины, вырвала сверток и унесла к себе в дом. И этого было достаточно, чтобы возбудить уголовное дело.

В одно утро заехал к нам верхом Жилов Нартшу. Ты знаешь, на коне он сидел не так, как сидят адыги. Кабардинец сидит в седле с уважением к коню, к себе в первую очередь, к обычаям. А этот развалился в седле, толстый зад так и выпирает со всех сторон. Вот заехал он и, не сходя с лошади, говорит: «Завтра на рассвете явишься в Докшукино в ГПУ, а не явишься – свяжу по рукам и ногам – и в Соловки!»

Мать стоит, бедная, трясется от страха: «Да что случилось?» – «А то ты не знаешь! Возьми с собой золото, что отобрала у Битуева Хазеши, принеси в ГПУ и сдай, это уже не твое золото». – «Да что ты, – мать попыталась протестовать, – откуда у меня... о чем ты, Нартшу?..» Тот накричал на нее грубо и, не слушая, ускакал, все так же распластавшись в седле.

Что делать, мы с матерью вышли из дому затемно. Это уже 30-й год, поздняя осень, почти зима уже, и снег шел, помню, вот такими хлопьями огромными, я любовалась. Падает на нас снег и тут же тает. Мы идем пешком, в руках у мамы небольшой сверток с едой. Я ребенком была, идти так быстро не могла, и не помню, когда мы добрались. Хорошо хоть нас подвезли. Мы еще до Анзореев не дошли, как нас догнала бричка, запряженная двумя лошадьми. Это был родной старший брат того самого Ашнокова Амина, ехал куда-то по делам колхоза, нет, тогда это называли ККОВ (крестьянский комитет общественной взаимопомощи. – А. М.). Вот по делам ККОВа его куда-то направили. Он остановил бричку, взял мою мать под локоть и помог взобраться, меня на руки поднял и рядом с ней усадил. Довез до Аршидана – теперь говорят «Аргудан», – за Аршиданом остановил лошадей и говорит: «Аллах видит, доvez бы я тебя, Хажгуаша, уэлэхь билэхь, унэзгэсынтэм, – жи!аш, тут осталось немного, но прости, не могу, ты же понимаешь, что со мной потом будет». Мать, конечно, все понимала, поблагодарила и говорит: «Что ты, езжай, езжай!». А снега уже навалило, он мокрый, подтаивает, и мы насквозь промокли. По пути опять нагнали повозку, кто-то из леса вез дрова, сам вел лошадь под уздцы. Этот мужчина посадил меня, бедная Зиза рядом пошла, так и доехали до Докшукая – это Старый Черек.

На окраине он поехал своей дорогой, ему в другую сторону надо было, а мы опять пешком – и уже в сумерках добрались до районного центра.

Куда заходить – не знаем, но нас быстро разыскали и повели куда-то в дом. Мать оставили за дверью и меня завели в комнату, светом залитую, я тогда впервые увидела электрическую лампочку. Стояли столы, стулья. Меня в какое-то кресло усадили, и человек за столом стал со мной разговаривать. А я вся в снегу, с меня вода течет ручейками по полу. Этот человек не говорил со мной, а просто играл, как артист, понимаешь? А у меня и в мыслях не было, что мне могут причинить зло. «Расскажи, – говорит, – у вас есть золото? Если ты расскажешь мне правду, я тебе куклу куплю. – Мне куклы не надо! – жыщ!щ. – У меня есть красивая кукла». За другим столом сидит мужчина русский, тот первый меня спрашивает, а мои слова ему переводит. «А золота, – говорю, – у нас много». Тот переводит и говорит ему тут же: «Пиши: девочка отвечает, что у них очень много золота. Ну, давай, рассказывай все по порядку». – «У нас есть, говорю, три пояса золотых, и нагрудник на платье золоченый». – «Нет, нет, нам не это нужно». – «А еще у нас есть сережки золотые в ушки, колечки с камушками и без камушков, и толстые, и тоненькие такие колечки». – «Нет, девочка, – он опять перебивает меня, ерзает от нетерпения, – вот такие круглые, как денежки – ты видела такие апасы, 20 копеек?» – «Конечно, видела, – обиделась я даже, – я и полтинники видела». – «Ага, – обрадовался он, – вот такие, с полтинник, золотые деньги у вас есть?». У меня челюсть отвисла: «А что, есть такие? Я никогда не видала». Они меня и так, и этак расспрашивали, а я на своем – не видела никогда.

– **Ты что-нибудь понимала? – Налоев А.**

– Куда там, дитя совсем! В общем, поняли, что больше толку от меня не будет, и вывели в коридор, потом Зизу завели. Как они ее мучили, я голос ее, бедной, слышу, она причитает: «Аллаха у тебя нет, как ты можешь такое говорить!». Очные ставки ей устраивали, как только ни мучили...

В полночь отвезли нас в тюрьму. Мы не знали куда, просто вывели и повезли куда-то. Мы, конечно, голодные, и еду свою из дома съесть не успели. Подвели к какому-то зданию, дверь большим ключом отперли – клянусь Аллахом, я сразу поняла, что это тюрьма, хотя никогда ее не видела! – запихнули нас и закрыли.

Темно, хоть глаз выколи. Зиза кричит: «Есть тут живые люди, или нет никого?» Из темноты в ответ: «Есть, мы тут, иди к нам, несчастная». Осторожно пошли на голос. Там оказались две женщины. Никто никого не видит, разговаривают только, спрашивают, кто есть кто. И что ты думаешь? Одна из них оказалась соперница моей мамы. Вот где им довелось встретиться... А вторая женщина – сестра ее. Может, хватит?

– **Нет, нет! Говори, говори! – Налоев А.**

– Соперницы встретились. Если бы хватило мне изысканности древне-кабардинского языка, чтобы передать в точности те слова и фразы, которыми они обменялись! Жаль, мне это не под силу. Обнялись они, как родные, искренне, тепло. А мы молчим – и сестра ее, и я...

– **Выходит, все там сидели по делу вашего отца? – Налоев А.**

– Нет, скорее, из-за золота, которое они пытались найти у нас – в нашем доме и у второй жены. У них тоже ничего не смогли найти, вот и бросили в

застенок. Может, не было у них ничего ценного, а может, припрятали – кто знает. А может, другие успели раньше нагрянуть и отобрать у них...

И говорит тут моя мать, Ало ахь, Алыхь! – жиҭаш: «Аллах судил нам встретиться в этом страшном месте, и я виновата в этом, прости! Из-за меня ты не переступила порог супруга, данного тебе Аллахом, из-за меня ты локтя не согнула – в смысле, куска ко рту не поднесла – в его доме, детей его не увидела, и все по моей вине. Аллах меня наказал за это зло, потому я здесь».

– **А как ее звали?** – **Налоев А.**

– То ли Жансурат, то ли Жанфо – не помню.

«Нет, Хажгуаша, – она в ответ, – не на тебе, а на мне вся вина. Если не проклял меня Аллах, не уготовил злую судьбу, почему позволила себе так пошутить в тот день? Я ведь те слова в шутку сказала, верь мне, Хажгуаша! Видный мужчина, при должности, большевик знатный – я таких сроду не видала. На той свадьбе его попытались в круг вытащить, да он отказался и не стал танцевать, я и решила, что скромненько не в меру, ну и решила смутить его... Так и вышло, что очаг разрушила – и свой, и твой. Увела достойного отца семейства, и много плохого, ненужного происходило в вашей жизни из-за меня. Грех большой на мне, прости меня, ради Аллаха. Хотя нет мне прощения. Правда ведь, Фаризат?» – это она свою сестру спросила.

Я и малой доли сейчас не смогу воспроизвести из того разговора, всей красоты, мудрости, глубины, степенности слов, сказанных ими в тот день. Сестра ее тихо гладила меня по головке, потом мягко так положила мою голову к себе на колени, и я уснула. Весь день пешком по холоду, потом допрос этот – умаялась, конечно, вот и уснула.

Проснулась, когда меня тихонько подняли на руки и стали стелить постель. У нас-то ничего своего не было, чтобы подстелить. Слышу, они шепчутся: «Теплое одеяло положи вниз, на одну подушку мы с тобой ляжем, а они вдвоем – на другую. Вторым одеялом все накроемся». Я все слышала, но притворилась спящей – так ласково держала, гладила, прижимала меня к груди старшая из сестер. До сих пор помню эти нежные прикосновения женщины, которая жизнь бы отдала за ребенка. Даже мать, которую я обожала, никогда не была так ласкова с детьми. Она бережно положила меня, сама легла рядом, продолжая гладить-то по спинке погладит, то по ножкам рукой проведет, то к лицу щекой прижмется. Веришь, Аскер, я хотела никогда не просыпаться, чтобы продлить это состояние ласки и нежности. А те двое не могли наговориться, а я ничего не слышала, о чем они там шепчутся.

А утром спозаранок кто-то грохнул в дверь сапогом или палкой, раздался крик: «Встать!». Мы вскочили. Я уже умела сама одеваться, меня даже соседские женщины в магазин посылали за покупками, такая смышленная была. Но та женщина сама меня одела. Даже обуться не успела, как со скрежетом распахнулась дверь, зашел кто-то и грубо так: «Девчонку на выход!». Я подумала, меня опять допрашивать поведут. Испуганно глянула на мать, а она стоит, бедная, не знает что делать. По хабзе мать не должна обнимать детей при посторонних, вот она и стоит с опущенными руками. А та, что приласкала меня, снова обняла крепко, поцеловала: «Не бойся, дитя, скоро тебя вернут обратно». И сестра ее,

которая вроде как мачеха моя, тоже обняла и поцеловала в обе щеки и в лобик. А мать только и могла, что положить руку мне на макушку и сказать: «Будь умницей», губзыгъэ цыкӀуу щыт, – жиӀаш.

Меня вывели не во двор, а на площадь перед райцентром. Там сани запряженные стояли, на них ни соломки, ничего не постелено, просто жерди вместо сидений. Трое мужчин в саях, двое спереди, один сзади. Но среди них не было тех, что допрашивали меня вечером. Посадили меня в эти сани. Я знала всех троих. Это они донесли, будто золото у нас спрятано, значит, из-за них нас в тюрьму бросили. И я всем детским сердцем ненавидела их, понимала, что из-за них моя мать осталась в тюрьме. Ребенка сажать не имеют права, это я тоже понимала почему-то. Потому и отпустили.

Тронулись в путь. Сидевший рядом несколько раз пытался заговорить со мной, но я упрямо молчала. Даже боком повернулась, чтобы его тулуп меня не касался. Так и ехали от Старого Черека до Хатуея. Поравнявшись со своим домом – бывшим нашим, – Битуев Хазеша придержал лошадь, и я на ходу выпрыгнула и тут же направилась домой. Попрощаться со спутниками я не пожелала, а благодарить было не за что. Они и сами промолчали.

Обогнула дом, дошла до наших ворот – они заперты. Нас уже давно с той стороны не пускали. Тогда пошла дальше, во двор моего дяди Мамета. Дядя оказался дома почему-то – он каждый день на работу уходил, а тут дома сидит. Все выбежали из дома. А у Мамета было две жены: мать Заура и старшая жена Тасута, да будет ей милость Аллаха на том свете. Очень она нас любила, всех детей налоевских. Вечно мы у них во дворе носимся, яйца из курятника таскаем, сад обдираем – хоть бы когда слово сказала. Все роды у моей матери она принимала. Мы в вечном долгу перед этой святой женщиной.

– У нее свои дети были? – Налоев А.

– Да, четверо детей: два сына и две дочери. Оба сына умерли. Она осталась с двумя дочерьми. И сама попросила мужа, моего дядю: «Выйдут замуж твои дочери – и иссякнет род твой, закроется твоя дверь. Я этого не хочу. Женись». Вот почему он взял вторую жену. Тоже хорошая была женщина, добрая, готовила очень вкусно. От нее родились трое братьев – Уалий, Кара, Заур, и двое детей еще умерли в детстве. Трое братьев, на наше счастье, выросли и дожили до солидного возраста...

Выбежали все во двор, я расплакалась, меня стали утешать и завели в дом. Рассказала им все, только одно утаила – встречу с этой женщиной. Даже не знаю, почему я скрыла, что в тюрьме мы встретили жену отца и ее сестру. Просто сказала: там были еще две женщины.

Тут же стали суетиться, готовить еду, мне дядя – мы его Бабэ звали – говорит: «А ты беги домой и одежду ее собери». В то время, если забрали человека, он не возвращался, все уже были научены горьким опытом. Вот и готовили еду, теплую одежду, чтобы в тюрьму передать. Мы с Тиной собрали вещи матери – пальто, обувь, платок, еще что-то. Дядины жены приготовили кастрюлю вареной баранины, в другой кастрюле – жареная курица с либжей, в белую ткань завернули пасту. У нас яблок много было, тоже положили. Еще пять даленов (пирогов. – А. М.) с сыром завернули. Почему пять – у адыгов

четное число считается несчастливым. Два, четыре или шесть пирогов делают на поминки. Если кто-то умер, в доме не готовят первые три дня. Еду приносят соседи, и они так и пекут – два, четыре или шесть даленов.

Дядя очень беспокоился, хотел, чтобы мы успели обернуться, пока никто не пронюхал о случившемся. Нам с ним надо было передать матери вещи и еду и сразу вернуться, так он решил, и мы выехали, не ложась спать, – наверное, было уже около полуночи. Темно, снегу навалило, все село спит, нигде ни огонька. И мы как-то не той дорогой свернули, заблудились и выехали напрямик к кладбищу. Бедный дядя так расстроился, что мы к кладбищу завернули, видно, увидел в этом дурной знак. Он и так неразговорчивый был, а тут совсем закрылся, настолько переживал, и лошадь гнал через сугробы.

Было, наверное, часов семь-восемь, когда мы доехали до Старого Черека. Дядя остановил лошадь на той самой площади, откуда меня отправили домой на санях. С этой площади через калитку в ограде можно было попасть в тот самый двор. Он говорит: быстренько возьми, сколько сможешь донести. Я и пошла – подмышкой зажимаю кастрюлю с гедлибже, другой рукой прижимаю к груди пироги - далены. Тяжело, но иду упрямо. Одежда осталась на повозке, я сначала еду решила отнести. Зашла в калитку, обогнула дом, а там окно большое было с маленькими прямоугольными секциями. Изнутри это окно высоко находилось, там подвал почти, дотянуться можно только с большим трудом. Оттуда можно было одну секцию приоткрыть, подцепить палкой и поднять окошко. Со стороны улицы прибита доска, чтобы класть передачу. Я подтянулась изо всех силенок, поставила кастрюлю и стукнула в окно. Изнутри заметили меня, закричали, подняли палкой стекло. Вижу, это те две женщины.

«Ах ты, милая, хорошая, душенька, как же ты пришла», – и много еще ласковых слов слышу, они рады мне без притворства, но матери что-то не вижу. «Отпустили, – говорят, – твою мать». Я как услышала это – чуть не свалилась за землю. Меня затрясло от радости, так, что еле удержалась на приступке. Молчу, словно язык проглотила, потом говорю еле-еле: «Тогда это... это вам... вам...» – и двигаю кастрюлю, они отодвигают назад, а я снова к ним. Как сейчас помню, как мы эту желтую кастрюльку туда-сюда двигали... Видят, что я расплакаться готова, и тогда взяли передачу. Я их едва вижу, сестра маминой соперницы с трудом влезла на подоконник, лицо придвинула близко-близко к окошку и поцеловала меня в щеки, в нос. «Посмотри, – сказала она сестре, – посмотри в глаза этого ребенка, в них столько ума и силы, вот увидишь, вырастет из этой девочки что-то прекрасное. Была бы у меня такая дочка – и не надо бы большего счастья». Я эти слова долго помнила, верила, что действительно вырасту очень умной и счастливой. Не сбылось – ни то, ни другое...

Я забеспокоилась, говорю: «Я сейчас, я скоро», – и побежала снова к повозке. Сама бы я все не донесла, поэтому мне помог дядя. Он принес пасту и яблоки, а я – кастрюлю с мясом. Они увидели его и засмутились, будто молодые невестки. Он не стал лезть на приступок и здороваться с ними за руку – наверное, неудобно было. Просто поставил передачу перед окошком и ушел. Одежду мы не стали передавать, я уже сказала дяде, что маму отпустили. Он так обрадовался, бедный, заторопился – надеялся, что мы ее нагоним по дороге.

– Он что, не знал вторую жену брата? – Налоев А.

– Я не знаю. По крайней мере, вида не подал. Я же не сказала никому, кто именно сидел с нами в том подвале. Просто рассказала, что две женщины были, что они поделились с нами одеялами. А для меня так и осталось загадкой, знал ли дядя, кому передавал еду. Он вообще не большой охотник был разговаривать. Ни слова не проронил по поводу этих женщин.

Я задержалась и снова полезла к окошку. Как она плакала, мачеха моя, рыдала, и я тоже заплакала. Большие груди ее так и вздымались и опадали. Я смотрела на ее груди как завороченная, даже плакать перестала. Она тоже успокоилась, вытерла слезы и забрала все, что мы принесли. Помню, благодарили меня, сказали много ласковых слов, удивлялись, как же я, такая маленькая, способна на такие разумные и взрослые поступки. Вряд ли я в силу возраста что-то могла им ответить путное, помню, что обещала прийти еще – и спрыгнула. Они махали мне руками, на подоконнике все еще стояла кастрюля, я ее так и вижу перед глазами, эту желтую кастрюлю.

Я выбежала через калитку, и мы поехали быстро-быстро. Они же сказали, что мы можем ее догнать – наверняка же пешком пошла, горемычная...

– Догнали? – Налоев А.

– Нет, не догнали. Мать рассказывала, что встретила ее повозка, что ехала в Коголкино, и ее довезли до самого дома. Тогда ни один адыгэ не позволил бы себе высадить женщину на полпути, даже если он ехал в другое село. Вот этот человек и довез ее до самого дома, попрощался и уехал. Не помню, кто это был, мать называла его имя...

– А мать с отцом не могли в тюрьме встречаться, на допросах? Он ведь уже сидел тогда? – Налоев А.

– Нет, не встречались. Мы видели его один раз после ареста, зимой 1929–30 года, когда привезли ему передачу. Ведь после ареста его сразу осудили и выслали, его не было уже в Кабарде, а где он – мы не знали, и писем от него не было.

Когда мы привезли передачу, остановились в доме Мисоста Абазова, нашего зятя – наша Лейла была за ним замужем. Мы с Зисой не справились бы без помощи Мисоста, он поддерживал нас во всем, советы давал, вопросы решал. Здание ГПУ стояло в том месте, где сейчас находится арка у входа в садик со стороны проспекта Ленина. Мне тогда казалось почему-то, что из-за острой крыши этот дом называли ГПУ.

Встречу с отцом, думаю, устроил нам именно Мисост. Его вывели во двор, как бы для расчистки снега. Из-за ворот выехала бричка, груженная снегом до верха. В снегу торчала лопата. Лошадь вел за узду какой-то мужик, а следом вышел мой отец. Я как увидела его – бросилась к нему, он подхватил меня на руки и поднял. А ведь тогда кабардинцу стыдно было проявлять чувства к своим детям, обнимать их или целовать. Но он взял меня на руки и прижал к себе, я крепко обняла его за шею, и так он шел со мной на руках до того места, где должны были выгрузить снег. Тот мужчина сам выгружал снег, пока отец был с нами. Когда бричку опорожнили, я до ворот шла с отцом, держа его за руку. А потом... меня оторвали от него, я кричала, плакала, а его завели обратно во двор и закрыли ворота...

Вот и все мои ранние воспоминания об отце. Вскоре после этого нас арестовали, потом выкинули из дома, и мы покинули родину. Узнать о судьбе тех двух женщин, хотя бы передачу еще раз отнести у нас не было никакой возможности. Весной мы оказались в Таджикистане. Мы и не знали, что нас занесло в Таджикистан, – мы-то ехали в Бухару. Для меня до сих пор остается загадкой, как мы попали в Душанбе. Видимо, на бумажке, которую дал нам зять, было написано, на какое направление покупать билеты, и он-то наверняка знал, что Душанбе уже зовется Сталинабадом. Ну, я была маленькая, таких тонкостей не запомнила. Так вот, о тех двух женщинах мы потом так и не слышали ничего, и по сей день я не знаю, остались ли они живы, что с ними стало. Мне очень стыдно, что не смогла разузнать об их судьбе. Поначалу такой возможности не было: арест и расстрел отца, наше бегство – до тех пор, пока не умер Сталин и не начались реабилитации, даже спрашивать о ком-либо из репрессированных было крайне опасно. Время было страшное, и нам лучше было оставаться вдали от дома. Я сюда в первый раз вернулась в 1948 году.

Вот так из нашей жизни ушли эти две женщины. Мы оставили их в той страшной тюрьме, и вот это окно, эта доска, эти два лица на всю жизнь останутся со мной. Я и сейчас чувствую себя виноватой перед ними и прошу у Бога прощения.

Я пыталась связаться с теми, кто интересуется историей села Заюково, один человек из рода Жилиевых обещал мне разузнать все что возможно. Потом еще студентка моя по моей просьбе встречалась с ним. Он ответил, что изучал историю рода Атажукиных, но только мужскую линию, а про женщин он ничего не знает. Думала сама съездить, да вот Бог лишил меня зрения, куда мне в Заюково ехать...

Вот и вся история женитьбы моего отца.

2. Эпизоды из воспоминаний Е. Д. Налоевой, записанные А. А. Налоевым в апреле 2004 года

Хэкум дызэриклар, ар зэрыхуар иджыпсту бжесІэнщ. Иджы си анэр къэ-кІуэжри, ди унэм дикъыщІагъэкІри лэгъунлейм дагъэкІуащ. Унэр зарыщыту тІахаш. Шы куэд къыдыхъэщ тхылъымпІэшхуэхэр ялыгъыу, папкэ ялыгъыу, полностью описать ящІащ пщІантІэм дэлъыр. ИужькІэ къакІуэри дашаш. Зы шыбзрэ зы нэбгъэф цыкІурэ диІэт. А нэбгъэф цыкІум хуэдэу слъэгъу дунейм тет хъунтэкъым: и щхъэц цыкІухэр хуэзжъу, и натІэцхэр сыхуэну, езыми Іупэ щабэ цыкІумкІэ къызэпэщэщу щытащ. Ар щыдашым для меня было очень, очень обидно. Си ядэр щыдашам иужь етІуанэу сыгъат сэ а махуэм. В это время коллективизацию в более примитивной форме начали: и гусей, и индюков, и коров, и лошадей полностью объединяли. Арати, здахуари сщІэрккъым, ауэ ямыгъэшхэфу, яхуэмылыгъыу, емынэр я унэм ихъэри, ягуэшыжащ щІэрыщІэу. Дэ шыри къыдатыжакъым, а цыкІур щэхуу къакІуэт хье, къакІуэ мыгъуэти къыкІухьт, сызыригъэдэхашІэт сэ, зыгуэр езгъэшхт. Е къакІуэти дашыжт, е езыр дэкІыжт, янэм деж къуэжын хуейтэкъэ. Вот такая была обстановка.

А в 31 году весной нас уже из кухни выселили. Ковер на земле расстелили и туда побросали матрасы, одеяла, все из кухни наши вещи выбросили, нас

выкинули, дверь закрыли и ушли. Мы стояли на снегу до самого послеобеда. Баба, дядя наш Магомет Налоев, как сейчас его вижу, со слезами на глазах через перелаз перешагнул, подошел, на руки взял моего младшего брата и сказал: «Моего брата семья, дети чтобы стояли на снегу, и чтобы я пошел лег спать?» Моя мать ему говорила, чтобы не подходил к нам, с тобой тоже что-нибудь сделают. Страшно было, помочь нам нельзя было. Пойдемте, – он сказал, и повел к себе домой. Всю ночь не спали, говорили о чем-то, в конце концов договорились вот так: К Тите (Аслангерию. – *А. М.*), что мы поедем в Таджикистан. Опять дядя мой поздно ночью запряг телегу, положил туда наши вещи, посадил всю нашу семью, чтобы люди не слышали, потихоньку вывез нас в Муртазово (г. Терек. – *А. М.*). В Муртазово наш зять (Абазов Мисост. – *А. М.*) был секретарем райкома, из-за того, что он был зятем Налоевых, его понизили в должности. Нас привезли туда, Нафо была его женой и жила там. Она очень сильно рыдала, как сейчас помню, была беременна. Мы, дети – Тина и я, очень хотели поехать к брату, у нас ничего не было уже, хотя бы будем рядом с ним. Нафо не раз говорила мне, что наш младший братик Адальгири не хотел туда ехать, говорил: не отправляйте меня туда, я не вернусь оттуда. Так и случилось, он остался там. В общем, наш зять нам помог, купил нам билеты железнодорожные от Муртазова до Сталинабада. А между Сталинабадом и Муртазово еще море. Мы ехали от Муртазова до Баку, а потом морем от Баку до Красноводска. Доехали до Баку. Десять дней мы были в Баку, деньги проедая свои, очень тяжелое было положение. Сколько там было людей, казалось, весь мир оказался в движении, бедная мать моя, если бы не было этой гармонии, она, наверное, с ума сошла. Она находила такие мелодии-плачи (гъыбзэ), слезы ее текли, сидела, ни слова не говоря. Потом люди стали просить ее играть. Десять дней мы живем под открытым небом в Баку. Я была ребенком, танцевала под ее музыку черкесские танцы. Вот эту несчастную публику, которые были такие же, как и мы, в общем развлекали. Нам помогли, достали нам билет на всю семью, на корабль. Сели мы, уехали. Удивительная радость охватила меня. Море произвело на меня сильное впечатление. Пока мы жили на берегу, мы наблюдали, как отходят от берега корабли. День был хороший, погода была прекрасная, мы отплыли недалеко, когда поднялся сильный шторм. Бросает вверх вниз, вбок. На Черном море я уже позже жила, знаю что там в шторм волны в одном направлении, а здесь, на Каспии, это же озеро фактически, и поэтому корабль качает вверх-вниз, слева направо. Прежде чем это случилось, была вот такая картина. Какого-то мужчину под надзором везли куда-то, он сумел улизнуть от них. Жарко было, многие разделись, он тоже разделся, только брюки оставил, и, улучив какой-то момент, он прыгнул в воду. Как он плыл красиво. А мы были на верхней палубе, открыв рот, я смотрела: я никогда не видела, чтобы так красиво плавал кто-то. Сразу сбросили шляпку, посадили сразу моряков, а командир, который сидел на корме стал командовать, и догнали его. Корабль сначала плыл в сторону Ирана, а потом поворачивал на Красноводск. И вот когда стало близко к границе Ирана, вот тогда он прыгнул в воду, надеясь, что в их территориальных водах его не тронут. Но его догнали. Боже мой, вот это я запомнила, так было страшно. А потом началась такая буря, ничего не было видно, кругом было темно, ночь наступила, до самого темна я бегала, вся мо-

края. Огромные массы воды падали на палубу. Страшнее этой ночи, наверное, не было. А потом не помню. Утром мы проснулись. Солнце, тишина. Рвота у людей, вещи разбросаны, я лежу под лодкой, а рядом старик храпит. От его храпа я проснулась. Я стала искать маму. Маму и Адатика (Адальгири. – А. М.) нашла под шлюпкой в другой стороне. Страшно было, как после погрома. Очень много тряпок, обуви, головных уборов валялось на верхней палубе. Я несколько раз переплывала через Каспий. Каспий всегда капризный в это время – весной и осенью. Но такого шторма я не видела. Когда я утром проснулась под шлюпкой, недалеко от меня с белой бородой старик лежал. Когда вечером мы отплывали, молодая пара приготовила себе такое место на палубе типа лежанки, матрас, белыми простынями укрыли себя. После шторма не было этой лежанки, матрас мокрый, она в одном конце, а он в другом. Истрепанные ее волосы, вид. Народу почему-то стало мало, может, убежали на нижнюю палубу. Ну, а этот мужчина задержанный, который так красиво плыл, я очень хотела, чтобы его не поймали, чтобы его не достали. И вот что интересно, вот так на этой палубе лежит свернутый кругом канат. И на этом канате стоит кривоногий, наверное, казак, на голове буденовка, плюгавый, плечи покатые. И вот он стоит и кричит: «Ловите его, берите его за сраку». А я этого слова не знала, что это такое – «срака». И в это время лодка его догоняет, он вот так приподнимается и в другую сторону плывет. Пока лодку развернут, он пошел в другую сторону. Но он измотался, этот человек, он немножко не рассчитал, вынырнул из воды прямо перед лодкой. Все за волосы его схватили и втащили в лодку. Это было еще утром, до шторма. Вот такая картина.

Ну, высадились в Красноводске. Долго нас здесь мурыжили. Билет, купленный в Муртазово до Сталинабада, почему-то не хотели принимать, мы долго ходили, просили, и наконец нам закомпостировали этот билет, мы приехали поездом в Каган [1]. В Кагане уже мы пересели в поезд, который едет в Таджикистан. Вот мы приехали в Сталинабад. Всего в этом городе европейского типа было, четыре или пять зданий. Наркомзем, правительственный дом, почта. Остальные глиняные дома. Одна улица – Сталинский проспект, какие-то кибитки, кругом чайханы, много базаров, базары огромные. Сколько там арбузов, дынь, все в изобилии. В следующем году было все наоборот. Боже мой, я вспоминаю этот город со страхом. Сначала меня очень поразило изобилие всего, но мы не нашли нашего брата. Оказывается, его послали в командировку в Обигарм, но зато мама нашла своего племянника по материнской линии Кудабердокова. Красавец был такой, добрый, интеллигентнейший человек. Вот он повел нас к себе домой, кибитка глиняная из одной комнаты, безо всяких удобств, крыша глиняная, стены глиняные. И он нам купил на наши деньги тоже кибитку недалеко от него, в ста метрах. Вот туда мы вселились и начали жить. Мама стала шить тапки. Все осетины, кабардинцы с удовольствием носили эту легкую обувь, потому что там пыль, жара, ноги горят. Ну, я начала продавать воду. У меня чайник, Адатик (Адальгири. – А. М.) тоже со мной, у него тоже маленький чайник. Мы посмотрели, как таджики торгуют водой, и решили, что мы тоже можем так зарабатывать на жизнь. Сбегаем вниз с горы к Душанбинке, набираем эту воду и приходим на базар. Жара, люди хотят пить и поэтому таджик с бурдюком на плече кричит по-таджикски: «Об дари! Оби худои яхтай! Яхта кини яхоб».

Это мы выучили и тоже кричим с Адатиком: «Об дариа! Оби худои яхтай! Яхта кини яхоб». Вот удивительно, русское население или кавказское население чаще покупали у нас воду, с нашего чайника, у нас кружка, при этом с этой кружки пили все. Потом мама нашла своего двоюродного брата Мирзоева Гису. Гиса, его сыновья, племянники, около пяти человек, вот они пришли, перед нашей кибиткой была площадка, на площадке стали жить, это же наши родственники. Гиса, между прочим, оказался умным мужиком. Они бричку купили, потом несколько бричек, молодые работали. Он как-то пришел хорошо подвыпивший и сказал: «Хэжгуацэ, умыгузавэ, Алыхьыр зыгъэпцIащ сэ Мэрзейхэр мыбдеж шызгъалIэм, ухуейуэ шытым узошэж ди гъусэу» (Хажгуаша, не беспокойся, клянусь тебе, я не оставлю Мирзоевых здесь умирать. Если хочешь, заберу вас с собой). «Хьэуэ, сэ сынакIуэж хьунуркьым, сэ Къэзакъ сыпэплъэн хуейщ». (Нет, – она ответила, – мне нельзя возвращаться, я должна дожидаться Казака). Казак это ее сын Аслангери. «НытIэ Алыхьу дыкьэзыгъэщIам узэрыхуейм хуэдэу уи Iуэхур ищI, ауэ, уэлахьы сэ мыбы сыщымыIэну, икIи сыщымыпсэуну. Нобэ сщаш си шыри, си шыгури. Все, фIыуэ сефэри сыкьэкIуэжаш». (Тогда дай Аллах, который нас сотворил, чтобы ваши дела устроились так, как вы хотите, но я, клянусь Алахом, здесь не останусь. Я сегодня продал и коней и брички. Все. Хорошо выпил я сегодня и пришел). У нас в кибитке лежал на полу палас, посередине него подушки и с двух сторон мы все лежали, человек восемь в общей сложности. А Гиса был очень известный такой шутник. «Ана, дауэ мыгъуэ ухьуну, шы уимыIэжу, иджы ахьшэ дэнэ кьипхьину, дауэ укIуэжыну?» (Ана, бедный, без коня, где ты теперь деньги возьмешь, как домой (в Кабарду) вернешься?) Когда моя мать так беспокоясь за них сказала, он сразу встал на четвереньки, руками уперся в палас и сказал: «Гьисам Тхьэр игъэпцIащ, зылI Мэрзейуэ кьыдинэм, фыкьипщхьэ мыдэ». (Гиса клятвопреступник если одного Мирзоева здесь оставит, залазьте сюда, всех отвезу). Действительно, утром он всех собрал и увел. А так они б там погибли. Боже мой, какой голод страшный там был, я тебе сказать не могу. Вот идет мужчина, особенно бедненькие русские мужики. Штаны висят, «пык» – упал и все умер. Мама нашла еще одного своего двоюродного брата – Кудабердокова Пыта. Она удивительная была женщина. В Красноводске при таком нашем положении она знала по адресу, письма к нам приходили от Кудабердокова Брак. Просто из-за того, что он из знатного рода, его сослали. Она знала, что он там где-то сидел, и стала его искать там. Я с ней ходила, а Адатик и Тина оставались в порту с нашими вещами. Этот орган, куда мы обратились, они сообщили нам у ворот, что Брак умер и похоронен в таком-то месте. Ты думаешь, что она сдалась. Она стала требовать, чтобы показали его могилу. Тогда еще кое-какие приличия существовали. Дали нам одного мужчину, долго мы шли и дошли до одного места, ничем не огороженного, просто кладбище, где хоронили покойных заключенных. Надпись была там на деревянной табличке: «Кудабердоков Брак Тукович», – и статья 58-10 и дата смерти. Мама моя нашла черный камень, выглядовавший из глины, там нет ни деревьев, ни травы, одна глина. Она попросила этого мужчину выкопать этот камень и выбить на нем «Кудабердоков Брак». Ты знаешь, он пошел куда-то и принес острый молоток и молотком вот так вот выбил «Кудабердоков Брак»

крупными буквами. Мать моя поплакала, потом успокоилась, дала немного денег этому мужчине, тогда только мы уехали.

У нас было немножко денег. Мы спрятали их в двух кусках мыла. Мы ехали уже от Красноводска к Кагану, там были и осетины, и грузины, кого только там не было, это было светопреставление, на крыше, на подножках, в тамбурах было полно людей. И вот кто-то из осетин сказал маме, что идет обыск по вагонам. Мама испугалась, даже хотела избавиться от этих двух кусков мыла с серебряными и золотыми деньгами. Если бы она их выбросила бы, мы бы сдохли от голода. А я лежала, уже была больная, неважно себя чувствовала. Я лежала на верхней полке, сказала маме: «Бабо, сэ кьызэт» (Дай мне). Моя мама беспокоилась, паниковала, но оба куска мыла мне отдала. Я убрала их под одеяло. Действительно, обыск шел. Зашли, все перевернули, а ко мне подошли, им сказали, что у меня температура, и они ушли. Вот так я спасла эти деньги. Эти деньги спасли нас. Ни вода, которую мы продавали, ни тапки, которые мать шила, не могли нас прокормить. А Аслангери все еще не приезжал. И вот кибитку купили, это тоже деньги.

И еще такой эпизод. Его звали Музырач, высокий с красивыми глазами и бровями, такой был красивый наш родственник Мирзоев. Он погиб на войне. (Как нам сообщил Мирзоев Борис Хацукевич, Мирзоев Музырач был племянником Гисы, сыном его старшего брата Этеча. Музырач погиб в 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны. Он был убит в лескенском лесу, где находился в «антисоветской банде». – А. М.). Они же наши родственники, возле нас стояла их бричка, запряженная лошадьми. Они спали на паласе в кибитке у нас. Утром он встает и говорит нам: «Накгуэ хье, хьарэбыз кьыфхуэсцэхунш». Наша мама действительно верила, что он будет нам покупать арбузы, или делала вид, я не знаю. Адатика он не берет, потому что он маленький. А вот меня и Тину берет. Приходим на базар. «Мыдей фыщит!» Хорошую позицию нам выбирает, ставит меня в одном месте, в другом месте Тину. «Хьарэбыз къажэ фльагъум къэвубыди фи гьунэгъуу фгьэтЫль». Теперь я вот так стою, он подходит к куче арбузов, разговаривает с продавцом, поддевает арбуз ногой, пяткой катит в нашу сторону, я или Тина подбираем эти арбузы. Вот когда он таким образом толкнет три-четыре арбуза, на этом успокаивается и приходит. Значит, Тина берет два арбуза, я один, а он тоже два. «Мы кьомыр кьатцэхуаш» – «Вот купили», – говоря, приносит арбузы, и мы их с хлебом едим. Хлеб мы сами пекли из муки, готовый хлеб был очень дорогой, его мы не могли купить. И вот мы все заболели. Попатач. Это настолько страшная болезнь – попатач, так называли среднеазиатский тиф. Симптомы его такие: очень высокая температура, кашель, рвота. Если ты выдержишь три-четыре дня, не умрешь, тогда наступает спад, и через семь дней ты обессиленный, но остаешься живой. Сколько людей умерло от этой болезни. Это ужас. А мы все переболели, кроме мамы. Я лежала в таком бредовом состоянии, ни о смерти, ни о чем не думала, ничего не понимала, очень легко умерла бы, очень скверное состояние. И после этих болезней, голода я в своем физическом развитии остановилась в возрасте одиннадцатилетней девочки и была в таком состоянии до семнадцати лет. После этого еще раз мы переболели тифом, тогда и мама заболела. Короче говоря, я пошла в Таджикизаготскот, так как мои родственники нам сказали,

что это учреждение командировало Аслангери в Обигарм [2]. Я пошла туда, и мне там сказали, что да, у них есть такой сотрудник, он командирован, скоро вернется. Я им говорю, что мы приехали к нему, вот у нас такое бедственное положение. Меня взяли на работу в качестве рассыльной. Я разносила их бумаги по всему городу пешком, платить за транспорт – такого там не было, да и самого общественного транспорта там не было. Очень было трудно, мама только успевала шить мне тапки, я их изнашивала за один день.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каган – город в Бухарской области Узбекистана.
2. Обигарм – поселок городского типа в Рогунском районе Таджикистана. В 1930-е годы был центром Оби-Гармского района Таджикской ССР.

Перевод с кабардинского на русский язык Ларисы Маремкуловой

Теперь расскажу, как мы покидали родину, спасаясь бегством.

Итак, мою мать отпустили. Нас уже выгнали из дома, и мы жили в пристройке, которая раньше служила нам кухней. Большой дом у нас забрали. Помню, как заявились к нам много мужчин, с бумагами какими-то в руках, с папками, и описали все имущество, что было в усадьбе. А потом еще раз явились и забрали все. Больше всего мне жалко было нашу кобылу с жеребенком. Я так его любила, расчесывала ему гриву, заплетала челку, а сам он все трогал меня мягкими губами. Как же мне горько было, когда его забирали. Я тогда плакала во второй раз, а в первый раз убивалась, когда отца пришли арестовывать. Шла коллективизация в самой примитивной форме, у людей забирали подчистую всю живность – гусей, индюков, коров, лошадей, и все в общее хозяйство пытались объединить. Ничего хорошего из этого не вышло, колхоз не справлялся, живность пришла в упадок, и ее снова раздали по дворам. Но нам не вернули лошадь с жеребенком. Представь себе, этот малыш прибежал домой тайком, играл со мной, я его кормила чем-нибудь вкусненьким, и он снова убегал к матери, или за ним приходили и угоняли обратно на колхозный двор. Вот такая была обстановка.

А весной 31-го года нас уже и из кухни выселили. Расстелили на земле ковер, побросали туда наши матрасы и одеяла и вынесли, все пожитки наши из кухни выкинули, следом нас вытолкали, за нами заперли дверь и ушли. Мы полдня простояли во дворе прямо в снегу. Потом наш дядя Магомет Налоев, как сейчас его вижу, перешагнул через перелаз, взял на руки моего младшего братика и сказал: «Пойдемте к нам». А у самого слезы на глазах. Мать умоляла его не подходить к нам, боялась, что его накажут за это. А он: «Чтобы семья моего брата ночевала на улице, а я пошел и лег спать?» Мы все-таки пошли к дяде. Не спали допоздна, взрослые о чем-то совещались. Наконец решили, что мы поедem к Тите (Аслангерию. – А. М.) в Таджикистан.

И вот дядя поздно ночью опять запряг телегу, погрузил туда наши вещи, посадил нас и тихонько, чтобы соседи не слышали, вывез нас в Муртазово

(гор. Терек. – А. М.). Наш зять Мисост Абазов был секретарем райкома. Его тоже понижали в должности из-за родства с Налоевыми, но он удержался. Моя сестра Нафо, его жена, была беременна. Мы приехали к ним. Сестра сильно рыдала, как сейчас помню.

Мы, дети, очень радовались отъезду. Хоть радовались мы с Тиной, а наш братик Адалгыри не хотел ехать. Мне Нафо не раз рассказывала, как он плакал и говорил: я хочу остаться здесь, я не вернусь оттуда. Так и случилось, он остался там...

Зять помог нам, купил билеты на поезд от Муртазова до Сталинабада. Точнее, мы доехали сначала до Баку, оттуда морем надо было до Красноводска. В Баку мы дожидались отплытия десять дней. Положение было очень тяжелое, вокруг толпы людей, таких же беженцев как мы. Казалось, весь мир пришел в движение. Мы проедали свои деньги. Бедная моя мать, наверное, с ума бы сошла, если бы не было у нее гармони. Она наигрывала все время песни плачигыбза, сама плачет все время и молчит. Потом люди стали просить ее сыграть на гармошке. Я ребенком была и без всякого стеснения танцевала под ее наигрыши наши адыгские танцы. В общем, развлекали мы всю эту несчастную публику. Там и просидели на берегу под открытым небом десять дней.

Наконец добрые люди помогли нам купить билеты на корабль, и мы отплыли. Какой же это был восторг для меня! Море меня потрясло. Все десять дней, что мы ждали на берегу, мы наблюдали, как отплывают корабли, и я мечтала попасть на них. Когда вышли в море, погода была чудесная. Но вскоре начался сильный шторм. Нас бросало то вверх, то вниз, то вбок. Много лет спустя я оказалась на Черном море и узнала, что там во время шторма волны идут в одном направлении. А Каспий – это же озеро, ветер переменчивый, и судно может бросать во все стороны.

Но еще до шторма мы наблюдали одно происшествие. Какого-то мужчину сопровождали надзиратели, и он сумел от них улизнуть прямо в открытом море. Жарко было, многие разделись, и он тоже оголился по пояс. И вот, улучив момент, он спрыгнул с борта и поплыл. Мы были на верхней палубе, я видела это своими глазами и следила за ним восхищенно – как же он красиво плыл! Конечно, тут же спустили с борта шлюпку, посадили моряков и погнались за беглецом. Корабль плыл сначала в сторону Ирана и потом поворачивал на Красноводск. И вот когда мы уже были близко к водам Ирана, он и спрыгнул, наверное, надеялся, что в чужих территориальных водах его не посмеют трогать. Но его поймали. Как же мне было страшно за него, я так хотела, чтобы его не смогли догнать. Командир стоял на корме и оттуда командовал погоней. Как сейчас вижу, лежит на палубе свернутый в круг канат, на нем стоит этот человек, кривоногий такой, наверное, казак, на голове буденовка, сам плюгавый, с покатыми плечами. И вот он кричит с борта: «Ловите его, берите его за сраку». А я и слова такого не знала. Только лодка нагонит беглеца – он приподнимается, ныряет и плывет в другую сторону. Лодка за ним разворачивается, а он тем временем опять на другой стороне. Наконец он вымотался совсем, в какой-то момент не рассчитал и вынырнул прямо перед лодкой. Его тут же за волосы – и втащили на борт...

Это было еще утром, до шторма. А потом поднялась ужасная буря на море. Кругом тьма, как будто ночь наступила среди дня. Люди бегают в панике, мокрые все, огромные массы воды падают на палубу. Это была одна из самых страшных ночей, что я запомнила. Это продолжалось очень долго, наверное, всю ночь. А утром проснулись – тишина на море, солнце. Я лежала под лодкой, а недалеко от меня какой-то белобородый старик храпел. Его храп меня и разбудил, наверное. Вылезла, пошла искать маму. Кругом вещи разбросаны, как после погрома, – обувь, тряпки, головные уборы. Люди по бортам стоят, у многих рвота. Я за свою жизнь несколько раз переплывала Каспий. Весной и осенью море всегда капризное. Но такого шторма я никогда больше не видела.

Маму и Адатика (Адальгири. – *А. М.*) я нашла на другой стороне под шлюпкой – их отнесло туда качкой. Когда мы отплывали, я видела, что молодая пара готовила себе лежанку на палубе, постелили матрас и укрылись белыми простынями. А наутро мокрый матрас оказался в одном месте, она в одном конце палубы, он – в другой. Народу вокруг было меньше, чем вчера, может, скрылись на нижней палубе.

Наконец доплыли до Красноводска и высадились. Тут мы тоже долго промывались – наш билет на поезд до Сталинабада, купленный в Муртазово, почему-то не хотели принимать. Долго ходили от окошка к окошку, в кабинеты какие-то, наконец, билет закомпостировали, и мы отправились в Каган [1], оттуда пересели на поезд в Таджикистан.

И вот мы в Сталинабаде. В этом городе зданий европейского типа было четыре-пять, вроде Наркомзема, правительственного дома, почты. Все остальные строения – глинобитные домики. Даже на главной улице – Сталинском проспекте – одни сакли, чайханы какие-то, огромные базары. Всюду горы арбузов, дынь – всего в изобилии. В следующем году было все наоборот. Боже мой, я вспоминаю этот город со страхом. Сначала меня поразило изобилие. Но ужас заключался в том, что мы не нашли моего брата. Оказалось, его послали в командировку в Обигарм [2]. Но зато мать нашла своего племянника по материнской линии Кудабердокова. Красавец был такой, добрый, интеллигентнейший человек. Вот он повел нас к себе домой. Дом – это кибитка глиняная из одной комнаты, безо всяких удобств, крыша глиняная, стены глиняные. И он нам тоже помог купить кибитку недалеко от него, в ста метрах.

Вот туда мы вселились и начали жить. Мама стала шить тапки. Все осетины, кабардинцы – а их много там оказалось – с удовольствием носили эту легкую обувь, потому что там пыль, жара, ноги горят. А я продавала воду. Я ходила по базару с чайником, Адатик (Адальгири. – *А. М.*) тоже был со мной, у него тоже маленький чайник. Мы видели, как таджики торгуют водой, и решили, что мы тоже можем так зарабатывать на жизнь. Сбегаем вниз с горы к «Душанбинке» – место такое, набираем воду и приходим на базар. Жара, люди хотят пить, таджик с бурдюком на плече кричит: «Об дари! Оби худои яхтай! Яхта кини яхоб». Мы выучили эти слова и на два голоса с Адастиком кричали: «Об дари! Оби худои яхтай! Яхта кини яхоб». Вот удивительно, русское население и переселенцы с Кавказа чаще покупали у нас воду, из нашего чайника. У нас кружка была, хотя из нее пили все.

Потом мама нашла своего двоюродного брата Мирзоева Гису. Он, его сыновья, племянники, около пяти человек наших родственников перебрались на

площадку перед нашей кибиткой и остались жить с нами. Гиса был работающим человеком. Он купил одну бричку, потом еще пару, все стали работать. Помню, пришел как-то подвыпившим и говорит: «Не тревожься, Хажгуаша, никого из Мирзоевых я не брошу здесь на произвол судьбы, Алыхьыр сыгъэпцIащ сэ Мэрзейхэ мыбдеж цызгъалIэм. Если хочешь, я и вас с собой увезу. Мать отказалась: «Нет, – говорит, – я не могу уехать, мне надо Казака дожидаться. (Это она о своем сыне Аслангери говорила). «Тогда, – говорит Гиса, – дай Аллах, чтобы все сложилось так, как ты хочешь. А я здесь больше не останусь, все, возвращаюсь домой. Продал сегодня коней, брички, заодно и выпил как следует».

Мать забеспокоилась: как он без лошади доберется, на эти деньги далеко не уедешь. У нас в кибитке лежал палас на полу, ряд подушек посередине, а все мы, человек восемь, укладывались с двух сторон. Гиса был известный шутник. Он встал на этот палас на четвереньки, руками уперся в пол и говорит: «Залезайте все, никого из Мирзоевых здесь не оставлю!» И действительно, наутро собрал всех и увез. А так они бы все погибли там. Какой голод был страшный, словами не передать. Бывало, идет какой-нибудь мужичок – особенно русские ослабли сильно, – кожа да кости, на чем только штаны держатся, потом вдруг валится с ног – и все, умер.

Мама нашла здесь еще одного своего двоюродного брата – Кудабердокова Пыта. Вообще она удивительная была женщина. В Красноводске при таком нашем положении она знала адреса родственников, кто где находится. Еще одного она потом разыскала, это был Кудабердоков Брак. Письма к нам приходили от него. Его сослали просто из-за того, что он из знатного рода. Потом письма перестали приходиться, и она стала его искать по тому адресу. Меня взяла с собой, а Адатик и Тина оставались в порту с нашими вещами. Обратились в какой-то орган, нам у ворот сообщили, что Брак умер. Ты думаешь, она сдалась? Она стала требовать, чтобы показали его могилу. Тогда еще какие-то приличия существовали. Дали нам в сопровождение одного мужчину, шли долго, наконец дошли до кладбища, ничем не огороженного, где хоронили умерших заключенных. Нашли могилу, на деревянной табличке надпись: «Кудабердоков Брак Тукович, статья 58-10» – и дата смерти. Мама моя с трудом отыскала черный камень, выглядывавший из глины, – там нет ни деревьев, ни травы, одна глина. Попросила этого мужчину выкопать камень и выбить на нем «Кудабердоков Брак». Ты знаешь, он пошел куда-то и принес острый молоток и выбил фамилию и имя крупными буквами. Мать моя поплакала, потом успокоилась, дала немного денег этому мужчине, тогда только мы уехали.

У нас было немного денег. Мать спрятала их в двух кусках мыла. Когда ехали от Красноводска к Кагану, в поезде были и осетины, и грузины, кого только там не было. Просто светопреставление, на крыше, на подножках, в тамбурах было полно людей. И вот кто-то из осетин сказал маме, что идет обыск по вагонам. Мама испугалась, даже хотела избавиться от этих двух кусков мыла с серебряными и золотыми монетами. Если бы она их выбросила, мы бы подошли от голода. А я лежала больная, на верхней полке, и говорю маме: «Бабо, дай мне, сэ кызэт». Она страшно беспокоилась, паниковала, но оба куска мыла мне отдала. Я убрала их под одеяло. Действительно, шел обыск. Зашли, все перевернули, а ко мне подошли, им сказали, что у меня температура – и они

ушли. Вот так я спасла эти деньги. И эти деньги спасли нас. Ни вода, которую мы продавали, ни тапки, которые мать шила, не могли нас прокормить. Кибитку купили, это тоже деньги. А Аслангери все не приезжал.

Вспоминается еще такой эпизод. С нами был один из наших родственников, Музрач, высокий, с красивыми глазами и бровями. Он потом погиб на войне. (Как нам сообщил Мирзоев Борис Хацукович, Мирзоев Музырач был племянником Гисы, сыном его старшего брата Этеча. Музырач погиб в 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны. Он был убит в лескенском лесу, где находился в «антисоветской банде». – А. М.). Мы, все родственники, жили кучкой, возле нас стояла их бричка, запряженная лошадьми. А спали на паласе в кибитке у нас. Утром он встает и говорит нам: «Накгуэ хье, хъарэбыз къыфхуэсщэхунщ» – «Пошли, я вам арбуз куплю». Наша мать действительно верила, что он будет нам покупать арбузы, или делала вид – не знаю. Адатика он не берет, потому что он маленький. А вот меня и Тину берет. Приходим на базар. «Стойте здесь!» Хорошую позицию нам выбирает, ставит меня в одном месте, в другом месте Тину, и дает команду: «Как увидите, что арбуз катится, хватайте и кладите рядом с собой». А сам подходит к куче арбузов, заговаривает с продавцом, незаметно поддевает арбуз каблуком и толкает к нам. А мы с Тиной подбираем. Наберется четыре-пять – он возвращается к нам. Тина берет два арбуза, я – один, он тоже два. Приносим домой: «Вот, купили», – сообщает он, а мы молчим. Потом все вместе едим эти арбузы с хлебом. Хлеб мы пекли сами, в магазине он стоил дорого.

А однажды мы все заболели. Это была страшная болезнь – попатач, среднеазиатский тиф. Симптомы – очень высокая температура, кашель, рвота. Если выдержишь первые три-четыре дня – будешь жить. После этого наступает спад, через неделю ты совершенно обессиленный, зато живой. Столько людей умерло тогда от эпидемии, это был ужас. Мы переболели все, одна мама устояла. Я лежала в бреду, не понимала, что со мной происходит, почти что при смерти. Очень тяжело перенесла болезнь, да еще постоянный голод, в результате мое развитие сильно затормозилось. Мне было тогда одиннадцать лет, и в таком состоянии оставалась до семнадцатилетнего возраста. Мы потом по второму разу переболели тифом, тогда уже и мать заболела вместе с нами.

Оправившись, я пошла в Таджикзаготскот – нам сказали, что именно это учреждение командировало Аслангери в Обигарм [2]. Мне сказали: да, такой сотрудник есть, он в командировке и скоро должен вернуться. Я объяснила, что мы приехали к нему и находимся сейчас в бедственном положении. Меня пожалели и взяли на работу в качестве рассыльной. Разносила бумаги пешком по всему городу – общественного транспорта в городе почти не было, да и платить за него было бы нечем. Мать едва успевала шить мне тапки, они изнашивались за один день.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каган – город в Бухарской области Узбекистана.
2. Обигарм – поселок городского типа в Рогунском районе Таджикистана. В 1930-е годы был центром Оби-Гармского района Таджикской ССР.

Раздел IV
СТАТЬИ О Е. Д. НАЛОЕВОЙ И ИСТОРИИ ЕЕ СЕМЬИ

Заур Налоев

Кулачное право

Документальная повесть Александра Сарахова «Остров ГУЛАГ», изданная в Майкопе, – книга, полная инквизиторских документов, осененная авторской справедливостью и пронизанная человеколюбием. Она вышла тиражом в 500 (только!) экземпляров. Случайно увидел ее в книжном магазине (Ленина-Головка), приобрел и прочитал запоем, обуреваемый ненавистью к тем, кто клеветал на хороших людей, обвинял и пытал их, а потом расстреливал, не моргнув глазом. Эту ненависть, брезгливую и жгучую, я испытывал к сталинскому сатрапу Б. Калмыкову, командовавшему заплечных дел мастерами, которые насквозь были заражены палаческой радостью – это бывший нарком Н. И. Антонов, второй бывший нарком Н. В. Карнаух, замнаркома Д. В. Кашеев, П. Ф. Спиридоничев, Е.С. Гоммель, А. Д. Юдин, Н. Ф. Нестеренко, Т. Хапов, Белинский, Харько и некоторые другие.

Книга начинается с цитаты из открытого письма акад. И. П. Павлова Совнаркому СССР: «Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было». Он ясно видел то, на что другие закрывали глаза. Нам всем вбивали в головы, что гениальный Ленин был великим гуманистом, демократом, строителем народного счастья, и у меня волосы встали дыбом, когда прочитал выдержку из его телеграммы Пензенскому губисполкому (независимо от ее первопричины): «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Через два дня он уже требовал: «Образец надо дать. Повесить (непреренно повесить, дабы народ видел) не меньше 100. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат». А наркому финансов указывал: «Тайно подготовить террор: необходимо срочно. А во вторник решим через СНК оформить или иначе».

Можно ли после этого удивляться тому, что его последовательный ученик Сталин убивал людей миллионами, а их выкормыш Калмыков ради своей власти копировал главарей, расстреливая крестьян, рабочих, учителей, служителей культа, писателей, революционеров, партийных и государственных деятелей, вчерашних сподвижников, предварительно избив и замучив многодневными допросами, голодом, жаждой, бессонницей, карая их молодых жен и малолетних детей. Но, кажется, они не сжигали «преступников», как средневековые инквизиторы. Впрочем, кто его знает!

Кстати, дорогой читатель, страна, где все это происходило, – наша родная, и ее будущее счастье или несчастье зависит от того, какой мы ее построим. Вы это знаете не хуже меня. Ах, да: отцы и братья уничтожили гитлеровский

нацизм — это их деяние, подвиг каждого воина от солдата до маршала, также заслуга тыловых стариков, женщин и детей, ибо фронт обеспечивали и оружием, и одеждой, и продовольствием мы все. Но наш большевизм, истреблявший честных, порядочных людей, каравший любого, кто осмеливался думать иначе, чем обожествленный вождь, никто не тронул до Н. Хрущева, М. Горбачева, Б. Ельцина. Так все же что из них хуже — нацизм или большевизм?

Впрочем, я еще не все обнаружил. Есть очень серьезные показатели, мимо которых не пройти. НКВД (или ГПУ, ОГПУ) вел свои репрессии вне конституции и законов, игнорируя элементарные права человека и гражданина. Стоило кому-либо навлечь на себя недоверие или неприязнь самодержавного Калмыкова, заплечных дел мастера брали его под стражу без возбуждения уголовного дела, без ордера на арест. Для начала человека сажали за решетку, потом сочиняли обвинение; если не оказывалось улик, то заплечные мастера высасывали их из пальца. Ко всем обреченным предъявляли стандартное обвинение, сформулированное по трафарету. Вот что инкриминировали, например, Хабале Жанхотовичу Бесланеву: «Являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 года убийство С. М. Кирова и подготовившей в последующие годы террористические акты против руководителей ВКП (б) и советского правительства». Точно такую же вину в идентичной формулировке вменяли и Ж. Налоеву, и Л. Агзагову, и К. Максидову, и С. Кожаеву, и Х. Бетрову и всем остальным. Видимо, и заплечным надоедало постоянно повторять одну и ту же формулу и некоторым подопечным стали приписывать троцкизм, фашизм, шпионство, руководство контрреволюцией, покушение на божество, то бишь на Калмыкова. Получался истый анекдот: почти все чиновники мечтают убить Калмыкова, захватить его власть, расправиться с руководителями партии, учинить политический переворот! У всех арестованных выпытывали, выколачивали признания. После допросов, шантажа, обмана и пыток истощенные, едва живые подписывали какие угодно признания, и тогда военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело обвиняемого без прокурора, адвоката, свидетелей и приговаривала, как правило, к расстрелу и расстреливали в тот же день, как предусмотрено в варварском Постановлении ЦИК СССР от 1. XII. 1934 г. От этого шаблона редко отступали: Сосруко Кожаеву и Мурадину Шандирову дали по 10 лет тюрьмы, однако, вопреки приговору Верховного суда СССР, С. Кожаева застрелил Н. Антонов, а М. Шандирова расстреляла особая тройка Полтавы по требованию того же палача. А Жантемира Хапова фашиствующие молодчики допросами и пытками сознательно довели до смерти.

Да простит мне уважаемый читатель, что я так надоедливо пересказываю материалы А. Сарахова, но должен привести еще небольшую выдержку: «Сколько жизней загубил Калмыков? — ставит вопрос наш автор. — Скольким людям он искалечил судьбу? Кто это считал? Никто!» Но далее он, со ссылкой на «Историю Кабардино-Балкарии» М. Бекалдиева, сообщает: «Всего по КБАССР было подвергнуто аресту по политическим мотивам 17000 человек. Из них привлечено к уголовной ответственности 9547, в том числе расстрелянных — 2184». Для маленькой республики это чудовищная цифра.

Но у меня есть другая цифра, еще более чудовищная.

Сыновья Назира Катханова – профессор, заслуженный работник профтехобразования СССР Керим Назирович и генерал-майор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР Магомед Назирович обратились в КГБ СССР в отношении Калмыкова, убийцы их отца, и 27.X. 1989 г. получили из Прокуратуры СССР ответ № 13/1575-89 с таким признанием: Калмыков, участвуя в заседаниях «тройки» НКВД КБАССР, подписал ряд протоколов, по которым было репрессировано более 3000 человек». Кстати, председателем «тройки» были Антонов (после него Карнаух), членами – Калмыков, прокурор Кулик. Если суд вершат первый секретарь обкома ВКП (б), прокурор республики и нарком внутренних дел, кто может взять под защиту невинного? Увы, в то время в Кабардино-Балкарии не было такого орла! Спора у них не возникало, все смотрели владыке в рот. Как известно, «тройка» не просто репрессировала, а приговаривала к смерти, так что эти 3000 наших сограждан насильственно отправлены в рай, но в это число не входят те наши отцы, братья и сестры, которых судила военная коллегия Верховного суда СССР – она тоже действовала беспощадно, ибо над ней стояли и Сталин, и Ежов, и Берия. К тому ошеломляющему числу надо прибавить и тех безгрешных, которые были расстреляны, убиты, задушены, умерли от пыток без подписи Калмыкова, а по его велению; нельзя обойти молчанием и тех честных тружеников, которые по приказу диктатора были сосланы на Соловки, в Севвостлаг и черт знает еще куда и навеки остались там: смерть в лагере намного ужаснее, чем мгновенный расстрел. А мой отец, семидесятилетний старец, жертва калмыковщины, в 1942 г. умер в лагере на Северном Урале.

Если бы Калмыкова не убрали 15 ноября 1938 г., что стало бы с республикой? Нам остается благодарить бога или случай, что он и его шатия не успели убрать К. Н. Керефова, К.Т. Тлостанова, А.Н. Ахохова, А.А. Шогенцукова, А. П. Кешокова, Х. У. Эльбердова, И. М. Казмахова, К. Б. Мечиева, К.Ш. Кулиева, Х. И. Теунова, А.Т. Шортанова, А. Тухужева, М. Сонова, Т. Жигунова, Х. Камбиева, Б. Мисостышхова и др.

К книге приложен «Список жертв политических репрессий 30-х годов XX века», который, конечно, далеко не полон, всего 138 имен. В перечне расстрелянных только два брата Налоевых, но другие два, очевидно, остались вне поля зрения автора – это Джамурза Кубатиевич (мой родной дядя) и Айтек Мурзабекович (старший брат Шупаго и Жансоха). Все четверо расстреляны в августе 1937 г. Другие Налоевы – мой дядя Анзор Шабазгериевич, мои двоюродные братья Хамурза Жанхотович и Аслангерий Джамурзович и мой отец Магомед Кубатиевич – были приговорены каждый к 10 годам лагерей. Из них живым вернулся только пелуан (богатырь) Аслангерий, высокий, статный красавец с пышными усами, которого продолжали преследовать за то, что позволил себе жениться летом 1949 года: не удивляйтесь – неслыханное тоже случается.

Дядя Джамурза – мы называли его Буза – был удивительный человек: обожал поиграть с детьми, любил шутки, смеялся заразительно, умел говорить убедительно и неторопливо, покуривая гнутую трубку. В гражданскую войну дрался на стороне большевиков, потом работал комиссаром Урванского окружкома, пока Калмыков не научился лгать и преследовать соратников. Тогда Джамурза откровенно ему высказался и оставил свою должность. 30.XI. 1929 г.

Налоев Джамурза Кубатиевич арестован по статье 58-10 УК РСФСР. Справка уполномоченного КРО КБОО ОГПУ Канцельсона от 16 января 1930 г.: «Выделенных и прекращенных дел нет. Вещдоказательств по делу нет. Обвиняемый с сего числа перечисляется за Особым совещанием коллегии ОГПУ». Говоря точнее, направляется дело для внесудебного рассмотрения. Краевая тройка Северо-Кавказского края 29 января 1930 г. постановила: Налоева Джамурзу Кубатиевича в «концлагерь на восемь лет. Семью выслать в Севкрай. Имущество конфисковать. Секретарь коллегии ОГПУ Голованов». Это якобы за «антисоветскую агитацию, направленную к срыву проводимых на селе партий и Соввластью мероприятий и кампаний, как то: срыв планировки села, ослабление хода хлебозаготовок, распространяя при этом панические слухи о скором падении Соввласти и возбуждения среди населения недовольства Соввластью». На самом деле речь шла о мести Калмыкова за высказанную в лицо правду. В 1933 г. по ходатайству ряда малокабардинских сел и по распоряжению М. И. Калинина Джамурзу Налоева освободили и местным властям предписали вернуть ему дом, двор со всеми постройками и конфискованное имущество. Калмыков принял его угодливо и пообещал вернуть все отнятое, но не вернул даже дом. Джамурза со своей супругой поселился в кунацкой старшего брата и каждый день аккуратно ходил на колхозное поле работать.

Однако в 1937 г. его арестовали вторично и к прежним надуманным обвинениям добавили другие, ставшие уже рутинными: «участие в контрреволюционном восстании против Советской власти», «был связан с известным главарем банды Хурзановым, которого материально поддерживал», «считал себя принципиальным противником колхозного строительства», «проведение контрреволюционной агитации против Соввласти и колхозов в период 1936–1937 гг.», «продолжал активную к-р (контр-революционную. – А. М.) борьбу совместно с братьями (арестованными в 1937 г. как троцкисты-террористы), ведя подрывную пораженческую агитацию».

Следствие постановило: «Дело по обвинению Налоева Жамурзы Кубатиевича направить на рассмотрение тройки НКВД КБАССР». В этой тройке диктовал Калмыков, которого однажды Джамурза спас от смерти. Выписка из акта: «Постановление НКВД по КБАССР от 17. VIII-1937 г. о расстреле Налоева Жамурзы Кубатиевича приведено в исполнение 17 августа 1937 г. в 22 часа.

Секретарь НКВД КБАССР мл. лейтенант Тарасов
Комендант НКВД КБАССР, сержант госбезопасности Арустамов».

Чуть не забыл. После первого ареста Джамурзы вся семья – жена Хажгуаша (1883 г. р.), дочери: Нафо (1911 г. р.), Фардаус (1918 г.р.), Евгения (1920 г. р.), младший сын Адалгерий (1922 г. р.), – спасаясь от высылки в Севкрай, спрятались в Сталинабаде, где скрытно работал старший сын Аслангерий (1907 г. р.). Жили они там впроголодь. Джамурза после своего освобождения вернул дочерей на Кавказ и устроил в г. Орджоникидзе (Владикавказ), а сам с супругой возвратился в родное село (это была его серьезная ошибка). Старший сын, обнаруженный НКВД, был арестован в Душанбе. Младший сын Адалгерий, заразившись тифом, умер и похоронен в том же городе.

Младшая дочь Евгения Джамурзовна с двумя университетскими дипломами историка и юриста работала в Совете Министров СОАССР, после войны была приглашена в Кабардино-Балкарский пединститут, где преподавала историю СССР, однако в республике все еще витал дух калмыковщины, и 9.V. 1950 г. МГБ КАССР арестовало ее и Особым совещанием при МГБ по статье 58-10, ч. 1. УК РСФСР она приговорена к 8 годам ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь): она была оболгана приставленными к ней доносчиками. После отбытия срока наказания, поправив расшатанное здоровье и добившись реабилитации, защитила кандидатскую диссертацию по истории Кабарды, опубликовала ряд интересных статей, написала генеалогию кабардинских князей. Умерла 3 марта 2007 г.

Фардаус Джамурзовна была медработником, до конца войны работала в санитарном поезде увозила с фронта раненых. Награждена орденами и медалями. Нафо, вдова Мисоста Абазова, выжила и вырастила дочь, благодаря псевдониму и умению шить. Все дети Джамурзы были Налоевы, т.е. талантливые и красивые.

Да, господа, мы привыкли было отходить ко сну «проклятым большевистским родом», хотя мы никого не расстреливали, не раскулачивали, не сажали, не исключали, а в какое-то пригожее утро проснулись «проклятыми врагами народа» и не можем до сего дня отвыкнуть от калмыковского духа – сослали моего родного брата Уалия, двоюродную сестру Евгению. Вашего покорного слугу просто не успели: умер Сталин, расстреляли Берию, словно по пословице «Аллах не торопится, ездит на хромой лошади, говорит тихо и бьет сильно».

Да, лют был Сталин. И каково будет ему, загубившему миллионы жизней, на страшном суде предстать перед Богом? Но мы с вами не вожди и не боги, а просто люди, и нам пристало быть справедливыми, объективными: говоря о грехах, не забывая о заслугах. Уинстон Черчилль, выступая в палате лордов, постарался быть беспристрастным к нему: «Сталин был человеком необычайной энергии, был жестоким и беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он был необычайно сложной личностью. Сталин создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов». К сожалению, уничтожал не только своих врагов.

Ну что ж, сколько бы его достоинств мы ни собрали, они на божьих весах не уравновесят грех загубленных душ: Бог не создал ни одной ценности, равновесной жизни человеческой.

Война с фашистской Германией тоже не очень жаловала нас. Налоевы род небольшой, однако, на фронт ушли 11 мужчин и одна женщина. Трое – Мухарбий, Заурбек и Андербий – остались на поле боя, с орденами и медалями вернулись Фардаус, Хашир, Хажисмель, Залимхан, Ахметхан.

По вине калмыковщины и войны Налоевы потеряли, если не ошибаюсь, 36 человек обоего пола. И все же мы выжили. И не только выжили, но сохранили в себе одаренность наших предков. Евгения – искусный лектор-педагог, любимица студентов, историк, автор глубоких трудов. Бабула – талантливая танцовщица Кабардино-Балкарского ансамбля песни и пляски. Лилиана – кино-

режиссер, заслуженный деятель искусств Таджикистана, все ее фильмы шли по Центральному телевидению. Карэ – отличник народного просвещения РСФСР, заслуженная учительница КБР, учитель I категории. Арфужан Жанхотовна – первая учительница-кабардинка из Хатуея. Нон Жанхотовна – колхозная стахановка, автор нового метода прополки кукурузы. Маша Исмеловна, моя мать – стахановка, за световой день наламывала сто сапеток кукурузных початков вместо тридцати. Ахметхан – педагог, языковед, народный писатель КБР, автор романов, повестей, рассказов, статей. Залим Алиевич – педагог, 2 апреля 1991 г. провел первое в СССР соревнование авиамodelистов; с 1992 г. такие соревнования проводятся в стране на «Кубок Налоева З.А.» (его дело продолжает сын Юрий). Аскерхан Хамурзович – полковник в запасе, в мирное время заработал орден Красной Звезды и 20 медалей, отличный журналист, часто печатается в «Адыгэ псалъэ». Георгий (Аскер) – даровитый актер, играет в театре Мухадина Нагоева. Кроме того, у Налоевых прекрасные спортсмены, наша гордость: полковник Аскерхан – мастер спорта по легкой атлетике, по вольной борьбе и по самбо; Леонид – мастер спорта РСФСР по поясной борьбе; Алим – по регби; Радина – по настольному теннису; Анзор Каншаевич – чемпион США по вольной борьбе; Андрей, внук Залима, в 2003 году стал чемпионом РФ по авиамodelьному спорту (г. Орел), в 2004 году в классе планеров занял первое место, получил кубок и золотую медаль чемпиона страны (г. Пенза); в том же 2004 году во французском городе Монкутье на чемпионате мира по авиамodelьному спорту удостоился серебряной медали и кубка.

Очень надеюсь, что на том свете нам не будет стыдно перед нашими предками.

Я в жизни не резал кур, птиц не убивал. Не мог. И теперь не смогу, даже пережив все то, что довелось. Но окажусь ли в силах простить Сталину и Калмыкову и их присным моего отца, братьев, дядей, Назира Катханова, Хажисмеля Бетрозова, Жансоха Налоева, Михаила Талпу, Адама Дымова, Евгению Налоеву, Сосруко Кожаева, Али Шогенцукова и тысячи других? Нет, не смогу! Как легко бездумно оправдывать палача, если его топор не коснулся тебя! Самый веский ответ – «Остров ГУЛАГ» Александра Сарахова.

Но защитники Сталина и Калмыкова спросят меня: «Если тебе дадут заряженное ружье, а к стенке поставят Калмыкова, ты убил бы его?» Не знаю. Не смог бы. Нет! «Ну а если бы ты судил Калмыкова, ты приговорил бы его к расстрелу?» Боже, как трудно на это ответить! Однажды я змею не смог убить... Отпустил.

Кабардино-Балкарская правда. 2 октября 2007 г. № 300 (22175). С. 3

Нало Заур

Нало лъэпкыр. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012

§ 12. Бохъшэ къагъуэтам дэлар

Къубатий и къуэ нэхьыщIэр Жамырзэт, дэ щIэжьей къомыр дызэреджэр Бузэт. Ар къыщальхуар, документым къызэригъэлягъуэмкIэ, 1875 гъ.

Бузэ си гум къызэринар лIы нагъуэ дахэшхуэуш, пащIэ фIыщIэ дахитI тетрэ лулэ IурылIу, баш хъэнчакъи иIыгъыу; гупсысэрэ мыпIащIэу псалъэу, псалъэ нэхьыщхъэр хэкъузауэ жиIэу. Абы сабий фIыуэ ильагъути, къытхуэгупIэурэ

кыддэдэжэурт; хыринэ тхущищлэрти ину дригъашлэрт, ди лъакъуэхэр бгы-
кьум едгъэлусэу...

Ноби ящымыгыпщэжауэ Налохэ ялуэтэж ар Ахьмэтхьан дэгушылэу зэры-
щытар: Бузэ хывышклэм и клэ щлагьым клэнфет щилъхьэрти, Ахьмэтхьан
кьриджэрт: «Псынщлэу! Ди хыфышклэм клэнфет кьеклэцлри, кьажикъэщып!» –
жилэрти Ахьмэтхьаным ар ифлэщыпэ хьурти, хывышклэм кыкклэлыжыкхьырт,
клэнфет кыкклэрыхумэ кьищтэрэ ишхыу. Езым я хывышклэр «зэрымыклэщым»
щхьэклэ хузэгуэпурэ кьрихуэклырт. Апщлондэхуи Бузэ тхьэжу абы иридыкхь-
эшхырт, жалэ.

Иэсчэрхьанрэ дэрэ Тутуневич гуэрым дышигъэшынерт. Тутуневичыр цы-
хуми, дыгъужьми, шейтланми тщлэртэкьым, ауэ ар Бузэ и гьуэлъыплэщлагьым
щлэс хуэдэти, деплгынуи дыхуейт, деплгыни дышынэрт. Гьуэлъыплэ щлагьым
дыщлэплэну зыщедгъэзыкклэ, Бузэ и баш хьэнчакъыр ди ныбэ пцланэхэм кы-
ригъэлусэрти, дыклийуэ дыкыщылыэтыжырт. Бузэ тхьэжу дэхьэшхырт, дэри
дыдыкхьэшхырт. Апхуэдэу зы махуэ гуэрым гьуэлъыплэ щлагьым дыщлэпщ-
хьэну дытегушхуэри, дыщлэпщхьауэ, Тутуневичыр кыздэтлгыкхьуэм, си ныбэм
зыгуэр кьолусэ. Сэ сыкыыхоклииклри, сщлэр кыызгурымылуэжу, Тутуневичым
сопхьуэри соубыд, сыубыдар баш хьэнчакъырауэ кыщцлоклри... Бузэ и «пцлыр»
кыщыдыдогъэщ...

Ар зыклэ арэзыуэ дыкхьэшхырти абы щыгъуэ!..

Апхуэдэ гушылэклэ куэд илэт ди адэ кьуэшыжь мыгъуэм.

Бузэ кыщищауэ кыщцлэжыну 1898 гьэращ, езыр ильэс 23-м иту. Апхуэдэу
щыхуэдгъэфашэм тегъэщлэплэ илэщ. Документым кыызэрыхэщымклэ, Таукъан
цыклу мыгъуэр 1900 гь. кьалъхуат. Абы япэклэ зы щлалэ цыклуи яфлэлэжауэ
щытащ, цлэ флэща-флэмыщауэ. Атлэ 1899 гьэм сабий ягъуэтын щхьэклэ, мо
кьэдгъэлэгъуа датэм (1898) мынэхэ класэу Бузэ кьишауэ щытын хуеящ.

Бузэ кызэришам хыбар хьэлэмэт илэщ.

Еуэри, жалэ, Кьугьуэлъкьуей щыщ Мэрзей Кьуакъуэ Налэ зэххэм я шы-
пхьу нэхьыщлэ Бабынэм кьехьуэпсат. Жамырзэрэ Кьуакъуэрэ зэхуэзэщ, зэп-
салъэри, зэгурылуаш я шыпхьухэмклэ зэхьуэжэну – Жамырзэ Бабынэр Кьуакъуэ
иригъэхьыну, Кьуакъуэми Хьэжгуашэр Жамырзэм кьритыну. Арати, Бузэ и
псалъэр игъэпэжаш: Бабынэр Кьуакъуэм иригъэхьаш. Ауэ Мэрзейхэ щлалъэ-
фыжыну хуежыаш: ди адэм кызэришэрэ куэд щлатэкьыми уасэклэ хуэщлатэкьым.
Хьэжгуашэр унэм кыщцлэмыгъэклыу ялыгът. Бузэм Мэрзейхэ игъэбэлэрыгъри,
унэидзыкхьэу клуаш Кьугьуэлъкьуей, и ныбжьэгъухэр игъусэу. Кьуакъуэ, ежьэ
хуэдэу дэшэсыклауэ, щыкьуэ цауэм кыдэлэпыкьурт. Хьэжгуашэр Бабынэ деж
жэщгъуэлъу щылэт. Лпыжь-фызыжыым я бжэм пкьо щлагъакъуэщ, хьыджэбзыр
лэгъунэм кыщцлэхри кьрахьэжыаш. А зэманым Урыхужь и Гуфитлри мэзу ехти,
Бузэ а мэзым зыхигъапщклуэри епсыхщ, хьыджэбзыри кьыригъэуэвэхри, жрилащ:

– Мэрзейхэ укызамытыну жалати аращ укыщцлэсхьэжбар, – жилэри. – Ауэ
уэ укысхуэмеймэ, узоутгыпщыж.

Хьэжгуашэм ар идакьым:

– Ан-на, ар сыт хабзэ, сыкьепхьэжбарэ сыкыыхыфлэбдэжу! Тхьэ, мыхьун:
сыкьепхьэжамэ сыхь!

Бузэр мэшэсыжри, Хьэжгуашэр Шэгуолэ Цэрикайхэ (и анэшым) ехь. Мэр-
зейхэ уэри щлыри ягъэзри я пхьур кьахуэгуэтыжакьым. Сыт ящлэжынт, Налохэ

я деж кьаклуэщ, нэчыхьыр ятхри, Къубатий и пщІантІэм Іэщу дагьуатэр дахуш абы, уасэу яхуаш.

Бузэ лэгьунэ хуашІыну хунэсатэкьыми, нысашІэр ТазутІэ и лэгьунэм щІашэн хуей мэхьу. ЩІашэри – кьахушІэкІыжакьым: дэни кІуэнт? Арати, Бузэ унэ имышІу хьуакьым.

XX лІ. и пэм кьэбэрдейхэм сондэдэжэр кьахэкІыу хуожьэ. Жамырзи сатум похьэри тыкуэн цыкІу кьызэІуех, кьуажэдэхэр зыхуеин хьэпшып щІэлъу: щэкІ, шыгьу, фошыгьу, ІэфІыкІэ-бжьэфІыкІэ, ауэ нэхьыбэу щІэлъар щэкІ зэмылІэужьыгьуэщ. Бузэ ищэ хьэпшыпхэм теухуауэ хьыбар цыкІу жаІэж: еуэри, зы махуэ гуэрым абы и тыкуэным КьуйщІыкІу Іэсхьэд кьыщІыхьащ, жи:

– Ярэбий, Жамырзэ, лулэ щхьэ кьыумышэрэ, занщІэу зэрапхуэнт! – жиІэри. Іэсхьэд тутнакьэщым щесат лулэкІэ тутын ефэуи, и лулэр кьута хьунт.

Бузэм ар ифІэщ хьури, лулэ ашык кьишаш. Іэсхьэд зы лулэ закьуэ ищэхури, лулэ ашыкыр цыху кьыщІэмыупщІэу тыкуэным кьыщІэнэжащ, жаІэ.

Бузэ зэрысондэдэжэрам теухуауэ документ гуэрхэр щыІэщ.

1906 гь. апрелым и 26-м Анзор Хьэту и кьуажэм щыщ уэркь (узденъ) Налю Жамырзэ лъэлу тхыль етх Тэрч областым и генерал-губернаторым деж:

«Сэ сатум сыхэтщ, кьуажэм уни, щэкІ тыкуэни, нэгьуэщІ мылькххэри щызиІэщи, товар кьэсщэхуу областым куэдрэ кьыщыскІухьын хуей мэхьу, абы кьыхэкІкІи Іэщэ зезмыхьэу хьунукьым.

Аращи, Іэщэ зесхьэну сызэрыхуитым и щыхьэт тхыль № 165 Фи пашхьэ нызолъхьэри, зыфхуэзгьэлъахьшэу Фи Превосходительствэм сывольэу мыпхуэдэ Іэщэхэр зесхьэну хуит сыкьэфшІыну: кьамэ, кІэрахьуэ, мыкІэзонэ шапхьэу фоч закьуэрыуэ, абы кьыдэкІуэуи сывольэу зи гугьу сщІа Іэщэхэр мафІэгуми щысІыгьыну хуитыныгьэ кьызыэфтыну». («Его Превосходительству вр. Генерал-губернатору Терской области жителя сел. Хату-Анзорова Нальчикского округа узденя Джамурзы Налоева Прошение. Занимаясь торговлей и имея в селении дом и мануфактурный магазин, а также и другое имущество, мне часто приходится разъезжать по области за покупкой товаров, а потому мне необходимо иметь оружие. Ввиду этого, представляя при сем свидетельство на право ношения оружия за № 165, покорнейше прошу Ваше Превосходительство о разрешении мне права на ношение оружия, а именно: кинжала, револьвера, бердановского ружья неказенного образца, а также разрешить ношение просимого оружия и по железной дороге. К сему Джамурза Налоев. 26 апреля 1906 г.».

Жэмырзэ и лэжыгьэм, и дунейтетыкІэм, дзыхьу хуэпщІ хьунур зихуэдэм теухуауэ Хьэтуейм я старшынэ Анзор Заурбэч мыпхуэдэ тхыль хуэтх округым и тетым: «Налю Жамырзэ Хьэтуей кьуажэм тыкуэн щІІэу мануфактурэ сату щещІ... мы гьэм февралым и 4-м Владикавказ казначействэм кьырита промысловэ щыхьэт тхыль № 810 ипкь иткІэ, езыр и дуней тетыкІэкІи, и псэукІэкІи хьарзынэ дьдэщ, судми следствиими зейкІ яІыгьакьым, иджыпстуи яІыгькьым, икІи сыт и лъэныкьуэкІи дзыхь хуэпщІ хьунуш» («... Джамурза Налоев занимается в сел. Х. Анзоровом в собственной лавке мануфактурной торговлей по промысловому свидетельству <...>, выданному из Владикавказского казначейства от 4 февраля сего года за № 4810; поведения и образа жизни Налоев весьма хорошего, под судом и следствием никогда не был и ныне не состоит и

в общем во всем благонадежен. Старшина селения Хату-Анзорова З. Анзоров. № 1006, 26 июля 1906 года»).

Зэрытлѡагыуши, Бузэ и тыкуэныр кышыцэлуиха 1906 гъ. кыужэ тхьэ-мадэр шыхьэтуи тоувэ ар зэрыкыайгъэншэм, сыт и лъэныкыуэкIи дзыхь хуэпщI зэрыхъунум, шытыкIэ хьарзыни зэриIэм. Мыхьэнэшхуэ иIэщ ар судми, Iуэху зэхэгъэкIми зэрамыIыгъам. МэкъумэшыщIэм апхуэдэ тыкуэн зэригъэпэщу зэригъэлэжьэфам къегъэпэж Бузэ лэжъакIуэфу, хьэрычэти иIэу зэрыщытар, цIыху Iушу, цIыху гъэсауэ дунейм зэрытетар.

Бузэ и зэманыгъуэр, ПашIэ Бэчмырзэ зэрыжиIауэ, «цIыху натIэм итыр шыратхьыкIыж» лъэхьэнэм хуэзащ: Урысейм я пащтыхьыр тырадз, пIалъэкIэ ягъэува Хьукумэтыр ягъэтIыс, цIыхур зэса псэукIэр якъутэри, большевикым тепщэгъуэр яубыд: фабрике-заводхэр лэжъакIуэм иратыну, щIыр мэкъумэшыщIэм хуагуэшыну, ягъэпщылIрэ зыгъэпщылIрэ щымыIэжу, цIыхухэри лъэпкъхэри зэхуагъадэу псэукIэ захуэ яухуэну гуашIэрыпсэхуэр къагъэгугъэ, уеблэмэ щIым, мамырыгъэм теухуа декретхэри къащтэ. ГъэпщылIакIуэ буржуазией яхуолажьэ, жалэри, демократием и тельхьэ партхэри зэхуащIыж. Арати, 1918–1920 гъэхэм екIуэкIа граждан зауэр къохьейри, цIыхур лъэныкыуитI зэрощIыкI – плыжьэрэ хужьу. Коммунист программэр зифIэщ хьуахэр плыжьыым (большевикым) яхохьэ, мыдрейхэр хужыым ягуохьэри, зэшзэрыукIыр къожьэ. Къэбэрдей шэрихьэтыдзэри, Къатхьэн Назир я пашэу, плыжьыхэм къащож.

Большевизмэмрэ шэрихьэтымрэ зэзэгъыну зи гугъахэм яхэтащ Налэ Жамырзи.

ИтIани а лъэхьэнэм ятха документхэми, иужькIэ совет тхыдэтххэм кыдагъэкIа тхылъхэми, граждан зауэм хэтахэм я гукъинэжхэми кышыкIуэркъым Жамырзэ и цIэ. Тхьэ шызмылуэжынымэ, тхылъитIым пылуэнтIыкIауэ зэрызэ ущрохьэлIэ. Гуг Рэшад етх: «В отряде осетинских партизан, которым командовали Хамби Халлаев и другие, сражались кабардинцы из сел. Хату-Анзорова Жамурза Налоев, Тазрит и Имурхан Бетрововы, Маша Нотов и др.»; Къалмыкь БетIал етх: «В Урванский [окрревком назначены] Предревкомом т. Лукман Бозиев и членами т.т. Налоев и Клопцев». Ар апхуэдизу пылуэнтIыкIауэ кыщIраIуэр (е кыщIрамыIуэххэр) Къалмыкыым къригъэжьа репрессииер хуимыдэу къазэры-хэкIыжар, иужькIи абы зэрытекIуэдэжараш, армыхъумэ, абы и цIэр документхэм кышымыкIуэ щхьэкIэ, Жамырзэ большевикхэм я гъусэу хужьхэм зэрапэщIэтар цIыхухэм ямыщIэу аратэкъым.

Жамырзэ большевикым я тельхьэу щIэзэуар къулыкыу щIэхьуэпсу, улахуэм шыгугыу аратэкъым; Жамырзи, и кыуэшхэри арыншэуи хуэщIауэ псэурт; ар дэзыхьэхыу революцэм хэзышар псэукIэ захуэм щIэхьуэпсти, цIыхур цIыху хуэдэу псэуну хуейти, коммунистхэм я псальэр ифIэщ хьурти аращ: ухуейм гъэкъуаншэ, ухуейм гъэзахуэ.

Сэ иджыпсту зэхэсхым хуэдэу сошIэж мы Iуэхум теухуауэ Тэрчокъуэ Чыцу жиIэжар (Чыцу кIышым нэкIуауэ щIэтт, уэршэру): «Уа Жамырзэ, уэ властым уахуэмейуэ уакыыхэкIыжа, хьэмэрэ кышхуэмейуэ укыызэхажужа?» – жалэу зыгуэрхэр шеупщIым, къажриIар фщIэрэ? КъажриIаращ: «Моуэ уздэкIуэм бохьшэ ухуозэ. Къэпщтэну, хьэмэ уельэпэуэну? Сэ селэбыхри къэсщтащ. Бохьшэр зэтебгъэпкIрэ шывей дэзу кыщIэкIмэ, ело пщIэнур: хыфIэбдзэжыну, хьэмэ уи кIэ жыпым иплъхьэну? Сэ си жып схуильхьакъым. Аращ зэрыхьуар».

Налохэ кыызэрашцІэжымкІэ, Жамырзэ ар зыжриІар Ботщей шыщ Абазэ Данилт (Бузэ деж шыхьэщІэрейуэ шытащ Абазэ Данили, Бэгъэтыр Ахьмэтхьани, Къатхьэн Назири, революцэм хыхьа нэгъуэщ Іэджи), абы кыхуидактым ар:

– Мы узыыхьар кхуэ зетехухьами, баш пІыгъыу япэм уитын хуейщ, – жиІэри.

– Іау, ар дауэ жыпІэрэ! Шывей яшхми ядэсшхын хуейуэ ара?

– АтІэ зебгъэукІыну? Мыхэр зэрымыджэгур плъагъуркьэ!

– Уэлэхьи, саукІынуми ядэзмышхын!...

Къэхьуамрэ къэхьуам и хьыбарымерэ зэщхьэщыкІ ямыІэу зэтохуэ жысІэмэ, сыщоуэ: къэхьуам шыщ хэхункІи, шымыщ кыхыхьэнкІи, зы псалгэм ипІэкІэ нэгъуэщІ хэувэнкІи мэхьу. Жамырзэрэ Данилрэ я уэршэрыр зэрекІуэкІа дьдэм темыкІыу къэлүэтэжа хьуауи схужыІэнуктым: сэ зэхэсхактым а псалгэмактыр. Ауэ жанрым зэрихабзэщи, мы хьыбарым тэмэму кыхошчыж Жамырзэ иІа Іуэ-хуеплъыкІэр, шытыкІэр, псэм япэ напэр иригъэщу зэрыщытар.

Апхуэдэ ІуэхуеплъыкІэкІэ большевизмэм пикІуэтыжар Жамырзэ и за-кьуэктым.

Иджы Жамырзэ революцэм зэрыхэтам теухуа хьыбархэм дыхыхьэхэнщ.

1918 гь. октябрым и 7-м Даутокъуэ-Серебряков и хужьыдзэм Налшык яубыдащ, октябрым и 13-м Аргудан дыхьащ. Мис абы шыгъуэ, – жиІэжырт Тохьу Хьэмац мыгъуэм, – Жамырзэ Хьэтуейр дыкьызэщІиІэтащ, шур шууэ, лъэсыр лъэсу, фоч зиІэм фоч иыгъыу, къамэ зиІэм къамэр кІэрыщІауэ, Іэщэ зимыІэм гуахьуэр и дамэм телъу. Къущхьэхэм я деж дэжейри шу гупыфІ къришэхаш. Арати, Къугъуэлькъуейри, Хьэтуейри, АнзореитІри дызэхэту дишэри Аргудан къуажэ гупэм Джэрмэшычымы деж дигъэуващ, Сырибриковым и дзэр къыдэд-мыгъэкІыу. Къытпэмылгъэщ шыхьум, дэлэл кыигъэкІуаш:

Сырибырикоф, фи къуажэхэм ныдэмыхьэу, занщІэу Къущхьэм кІуэнущ, фыкыпэмыуву блэвгъэкІмэ, – жиІэри. – Ауэ физэуэну фи мурадмэ, топрэ шыплІэ пылимоткІэ физэтриукІэнщ. Дызэгурывгъауи нэхьыфІщ.

Кэмэндирхэр зэхуэсри зэгурыІуаш Сырибриковым пэмыуву благъэкІыну. Жамырзэ ягурыІуактым:

Ар зэвутыпщыну къущхьэр къэрэхьэльктым ящыщкьэ? – жиІэри.

Нэхьыбэм жаІэрат: Сырибырйкофым и дзэр къежъащ, япэ итым ныпышхуэ иыгъыу. Шуупэ къалэр къуажэм кыызэрыдэкІыу, Жамырзэ еуэри, ныпыр зыІыгыр иригъэпсыхаш. Дзэм ягъазэри къуажэм дэльэдэжащ. Абы иужькІэ топ къагъэуувщ аби, къытхэуэу щІадзэри дызэбгырашуаш. Хэт мэзым щІэлгъэдэжащ, хэт къуажэм игъээжри зигъэпщкІуаш.

Арати, Серебряковым пэщІэтахэр зэрыунагъуэу щІэкІахэу Дигорейм макІуэ, Жамырзэ я пашэу. А зэманым къуажэ старшынэу шытар куэбжэпэм шытти, Бузэ шууэ шыблэкІым, старшынэм и пхэр къэгъэзауэ зигъэщхьри:

– Дэнэ укІуэжын иджы, Жамырзэ? – жиІащ. – Тхьэр умыгъэпщІмэ, къипщхьэ мыбы!

– Абы ипщхьэн сэ къыпхуэзгъуэтынщ иджыпсту! – жиІэри, Бузэ и фочыр шызэпщІыхыхым, старшынэр дэльэдэжащ.

Налохэр я анэшым (Цэрикайхэ я деж) кІуаш, мыдрейхэри унагъуэ-унагъуэкІэ трагуашэри, Хьэтуейр мамыр хьужыху, абы шыІащ.

Зыльгъахэм зэрыжаІэжу щытамкІэ, хужьхэмрэ плыжьхэмрэ зэригъ-экІуэт – кыызэригъэкІуэтыжу зэпэщІэтащ зыкъомрэ. А зэманым Хьэтуейр зы-убыдыжа хужьхэм къуажэ утым щхьэпыльэ щыхатІат: «Здесь будет повешен Джамурза Налоев», – жиІэу тетхауэ. Езы Жамырзэрэ и гупымрэ мэзым щІэст.

Зы пщыхьэщхьэ гуэрым Бузэ, ІуэхукІэ къуажэм къэкІуэжу, къуажэбгъум деж ди пхъурыльху гуэрым щыхуозэ. Пхъурыльхур Жамырзэ ишхэм ящыщ зым тесщ, и пыІэм хьыдан хужь хэщІаш, зы фочыжьы и плІэм ильщ.

– Мыр сыт: ажэгъафэу щхьэ зыкъэпхуэпа? – жи Бузэ.

– Уэлэхыи, Сырибырикоф и дзэм сыхыхьам! – жи модрейм, зигъэщІагъуэу.

– А хьэмэ кыльхуа, уэ узэуэну уигурэ уищхьэрэ зетельмэ, сэ укыызэмы-зауэу, щхьэ укыыздэмызауэрэ? Дэ зетхуэр ди щхьэ Іуэху? Фэракъэ дэ гугъу зыщІедгъэхьыр! – жиІэщ, мобы и пыІэм хэщІа хьыданыр кыыхитхьщ, шым кыыригъэпсыхщ аби щІопщкІэ и плІэм зэ фІыуэ иуэжри ирихужьэжаш. – Айдэ, укыызэмыплъэкІуэ кІуэжи зыгъэпщкІу: уи Сырибырикоф къэткъым уэ, уи пэшыныр плъэщІыжьыфу зегъаси нэхьыфІщ.

Езы Бузэ занщІэу я деж мыкІуэжу ди адэм и деж кыыдыхьэщ, и шыр абы щигъэпщкІури, итІанэ кІуэжаш. Ар кыыщІэкІуэжар пщхьэлтет Марудэ Алексей хуэзэну арат – Марудэ зэшищри а революцэм хэтт, большевикым я гъусэу, я шынэхьыжь Григорий а гъэм август мазэм Тэрчкьалэ деж кыыщаукІат. Жамыр-зэрэ Алексейрэ щІызэхуэзэн хуея Іуэхур Іуэху щэхут, абы и пэжыплІэм дэ ды-щыгъуазэкъым, ауэ, шэч хэмыльу, ар хужьымрэ плыжьыымрэ я зэзауэм пыщІат.

Арати, бзэгур куэдрэ – Жамырзэ кыызэрыкІуэжар Щэрдэн Берд деж нагъэ-сыжаш. Пщэдджыжьым, зэныбжьэгъуитІым я псальэмакыыр зэфІэкІри, Алексей щІэкІыжа къудейуэ хадэ защІэкІэ кІуэжу, Бердыр, шу гуп щІыгъуу къэсри, унэр къаувыхьаш (ар Бузэ япэу ищІа унэжьырат). Щэрдэныр бжэ щІыхьэплІэм хуэзанщэу увауэ маджэ:

– Жамырзэ, улІыр пэжмэ кыыщІэкІ – жи.

Зизэ кыыщІокІри:

– Еблагъэ, Берд, – жеІэ.

– ФІым дыхуиблагъэ, Хьэжгуащэ! – жи Щэрдэнми. – Дэ дыкыыщІэкІуар Жамырзэщи кыыщІэгъэкІ. Дэ дощІэ ар дыгъуасэпшыхь кыызэрыдыхьэжар.

– Тхьэ, Берд, а зигугъу пщІыр сэ зэрызмыльагъурэ мазэ мэхьум!

– Хьэжгуащэ, уэ уцІыхубзщ, пщІы кыыджумыІэу, езыр кыыщІэгъэкІ: уэ уи кІэ къуагъым къуэсу махуэ дапщэкІэ пхуэхьумэну ар?

– НтІэ, сэ бжесІэр уифІэщ щымыхьукІэ, щІІэлянщІэм и хьэтыр: нышІыхыи къэгъуэт. Ушынэмэ, сэ псальэ узот уи нэбжьыщ хэмыхуу укыыщІэкІыжынкІэ!

Берд дауэ зымыгъэлІыфІми, хьуагъэщагъэкІэ ар Зизэ кыыпэхьунутэкъым: Зизэ емыджа пэтми, дипломату Англием бгъакІуэ хьунут. Щэрдэныр унэм щІы-хьэни шынэрт, хьэуэ жиІэни укІытэрт: и гъусэхэм къэрабгъэу къалыгътэнут. Сыт ищІэнт, шым зыкъыригъэльэтэхри, и кІэрахьуэр кыихауэ щІыхьаш. Бузэхэ я бжэр унэ кІуэцІымкІэ ІукІ бжэти, Бердыр ельэпауэри, щІэбэкъуаш. Утыкум Іэнэ хьурей цІыкІур итщ, фади тету, шхыни телъу.

ЩІэмысу жыпІати, хэт мы Іэнэр зыхуэбухуар? – щыжиІэм, Берд и щІыбым кІэрахьуэ кърагъэкъу.

Щэрдэным бжэр лъапэкІэ щІылуидым, Бузэ, а бжэм и къуагъым къуэувар, кыыкъуээкъыжри «хІэщІэм» и щІыбым кыыдэувауэ арат.

– Илхъэж уи кІэрахъуэр, Берд, – жєІэ Жамырзэ. – Іэщэ кѳихакІэ уэркъ унэм щІыхъэ хабзэ? – «ХъэщІэм» и кІэрахъуэр ирелхъэж. – Армыраи хабзэр, зиунагъуэрэ! – Бузэ фадэбжъэ кѳрегъахъуэри ІэщІегъэуэ. – Мэ, мы зыбжъэм кѳефи ежъэж: услъэгъуакъым – сыкъэплъагъуажакъым.

Бердым фадэбжъэр иІыгъыу зыкыигъазэри:

– Уэлэхыи, Жамырзэ, уэ узигъусэн хуеяр мы лъапцІэрыщэхэр армырат, дэратэм, – щыжиІэм, Жамырзэм Іуригуэжащ:

– Абы и унафэр уэ узэгъэщІыркъым, – жиІэри, – абы и унафэр сэ сцІыжащ...

Щэрдэным фадэбжъэр ирифри щІэкІыжащ:

– ХущІемыгъуэжын Тхъэм уищІ, ауэ ущІегъуэжа нэужь, нобэрей махуэр уигу къэгъэкІыж, – жиІэурэ.

Хэт ищІэн, 1937 гъ. Бузэ мыгъуэм игу къэмыкІыжауэ пІэрэт а псалъэмакъыр?

Щэрдэныр щІэкІыжри, сышынащ жиІэн зыхуимыгъэфашэу шэсыжащ:

– ЩІэскъым дыкъагъэпцІащ, – жиІэри шу гупыр иришэхыжащ.

Пщыхъэщхъэм Жамырзэ щыдэкІыжым къалъагъури, шу гупыр кыкІэлъопхъэр. КыкІэлъыгуэу щыхуежъэм, Іуашхъэныкъуэ деж лъэгум зыдедзэр, Урыхужь зэпрыкІрэ пэт, и шыр щІаукІыкІ, езыр лъэсу зэпрожри, банэм кыыхотІысхъэ. Шухэр псы Іуфэм щыІульадэм, Жамырзэ къахэуэу щІедзэр аби хэт и шыр щІеукІыкІ, хэти и пыІэр щхъэреуд. Шухэм кыыжъэдакъуэжащ.

КъакІуэ, Берд, улІу пашІэ птетмэ, кыззэпрыкІ – къоджэ Жамырзэ.

Ауэ зэпрыкІын къахэкІакъым, ягъазэри ежэхыжащ.

Бузэ и кІэрахъуэм иплъэжри – зы шэ илъыжтэкъым.

Даутокъуэ-Серебряковыр хэкум шырахужым, ди пхъурылхури я гъусэу ядыдокІ. Царицын нэмысу уае къатохъуэри пхъурылхум и лъакъуэр щІыІэм ес. Къэзакъ гуэрым гушІэгъу кыыхуешІри и деж къегъанэ. И лъакъуэр е екІуэу щыхуежъэм, Жанхъуэт деж письмо кѳрегъэтх – а письмор кыщысари кыззэрыса щІыкІэри Тхъэм ещІэ, тхылъыр адресатым кыІэрыхъащ. Нэхыжыыр Жанхъуэтти Жамырзэм кыыжрелэ:

– Уэращ мыр къэзышэжыфыну дэ диІэри, тешанкІэр зэщІэщІи кІуэи къэшэж, – жи? – ТхъэмыщІкІэр къэзакъым яхэлІыхъмэ, ди шыпхъужь мыгъуэм сыт напэр диІэу дыІуплъэжын?

Жамырзэм кІуэн идакъым:

– Дэ кытпэуу кыдэзэуар сэ къэсшэжмэ, мы сызыхэтым сыт кыысхужалэн! – жиІэри. – ТешанкІэри, гъуэгум текІуэдэну ахъшэри сэ фэстынщ, ауэ сэ сыкІуэну кыыспэвмыубыд.

Арати, Бузэ иплэкІэ Хъэмырзэ ягъакІуэри ди пхъурылхур абы кыишэжащ, дохутыри кѳрагъэлэзэурэ хъужри ежъэжащ.

Зэман докІ. 1931 гъ. Жанхъуэт мыгъуэр нартыхудэчым щылауэ ІэжъэкІэ кыыздэшэжым, ди пхъурылхум хъэдэм и гъуэгур зэпиупщІри къемыплъэкІыу ехаш: абы иджы бэлъшэвичу зигъэубэлэцат. Мы дунейм зы лъэпкъи теткъым хъэдэм и гъуэгу зэпаупщІыну, мыбы хуэдэ цІыху зырыз фІэкІа. СэІихъэтрэ Нонэрэ гъуэгыу пхъурылхум кІэлъыджэрт:

Мы дэ кытщыщІа гуауэшхуэр плъагъуркъэ, щхъэ кыыумыгъазэрэ! – жаІэурэ, арщхъэкІэ ауи къахуеплъэкІакъым.

Хабзэмрэ цІыхугъэмрэ цагъэлъапІэ къэралхэм щІапхъаджэ, угъурсыз исми, абыхэм цІыху хуэдэ цІыхум зыхагъэгъуэщэну хэтщ, ауэ псэжыгъэ цагъэлъапІэ

кээралым псэжьхэм я псэжьыгээр цагьэпийуэ щадзэ. Апхуэдэ кээралт Сталиным иухуари, ди пхьурьльхуми и псэжьыгээр япэ иригьэщаш. Япэм адыгэм напэм ипэ псэр ихуэ жагэу шытамэ, иджы кьулыкьум, парт билетым ипэ напэр ихуэ жызыгэхэр багьуэу хуежьаш.

§ 13. Фы пщлауэ фыым ушымыгугь

Большевикхэм тепщэгьуэр яубыда нэужьым, Жамырзэ псэуклэщлэр зэфлэгьэуэным хэша мэхьу. 1918 гь. июным и 25-м Хьэтуей шатха протоколым мыпхуэдэ псалгэклэ кьыщледзэ: «Налшыч округым и 3 участкэм хэхьэ Хьэтуейм и комиссар Нало Жамырзэ, щыхьэту кьырагьэблагьа Дол Цурэ Щамей Мысхьудрэ шыту, мы [протоколыр] итхаш мыпхуэдэ Гуэхум теухуауэ...» («Комиссар селения Хату-Анзорова 3-го участка Нальчикского округа Жамурза Налоев, в присутствии приглашенных понятых Цу Долова и Масхуда Шамаева, составил сей [протокол] в следующем...»).

Протоколыр зытеухуар Хьэтуей шаубыда шыдыгьухэрат.

Мы протоколым япэкли кьоклуэ Хьэтуейм я комиссар Нало Жамырзэ и Гэ зыщлэлэ рапорт, Аргудан шыщ Бырс Хьэзрэтэлий шищ кьидыгьуауэ Хьэтуейм зэрыщаубыдам теухуауэ.

Шыдыгьур пасэрэй псэуклэм и щлэин мыгьуэти, абы ебэныныр, ар гьэбэяуныр Советхэм япщэ кьыдэхуа Гуэхушхуэт. Ауэ дэ мы документхэр кьыщлэтхьар нэгьуэщлэ Гуэхуш – япэ ревкому Хьэтуейм 1918 гь. апрелым шыхахар Жамырзэу зэрышытыр кьэдгьэнагуэн щхьэклэщ. А Гуэхум белджылыуэ кьегьэлагьуэ Бузэ а зэманым революцэм зэрыхэттар, и акьылрэ и цыхугьэклэ жылэм пщлэшхуэ зэрыщлар.

А лъэхьэнэм Хьэтуей революционерхэм кьуажэм шалэжьар адрей кьэбэрдей жылэхэм щеклуэклэм хуэдэ кьабзэщи, сэ абы сыкьытеувылэнукьым, ауэ 1982 гь. Болэтей шыщ Гуэбэчокьуэ Хьэмид мыгьуэм кьызжила хьыбарыр ныфхуэзмыгуэтэжу сыблэкьыфынукьым.

Хьэмид и цлэр Налохэ куэдрэ жалэрт, я кьуэш е я благьэ дьдэ игугьу ящлым хуэдэу, ар Бузэ и лыщлэу шыта пэтми. Зэрыжалэжымклэ, ар щлалэ бланэт, икьуклэ гушылэрейт, уэрэдрэ таурыхьклэ Гэзэт. Уэблэмэ езыми гушылэ уэрэд зэхильхьэрт.

Гуэрыгуатэ зэхуэхьэс Болэтей дыкгуауэ, Хьэмид и унэр кьэсльыхьуэри, сыдыхьаш. Ар лыжьи хьуат и льякьуэри узт, ауэ сы-Налоуэ кьыщищлэм кьэтэджди гьыуэ Гэпллэ кьысхуищлаш:

– Сэ си ныбэ изу япэ дьдэ сызыгьэшхар Хьэжгуащэт, Алыхьым псапэу кьритыж!.. Сэ кьуажэклэ Анзорхэ сыралыщлауэ, лыщлапщлэр кьызамыту Гэ-нэщлэу сыкьылукуьыжауэ, си щхьэр си куэщлым илэу абыхэ я куэбжэпэм деж сыщысу зы шу бэлыхь нылухьаш, шы пщлэгьуэплэ дэгьуэ тесрэ цей плыжь дахи шыгьыжу. Ар Хьэтуейм я комиссар Жамырзэт.

– Слэу, щлалэ, щхьэ унэщхьей: кьэхьуа-ла? – кьызоупщлэ.

Сыкьышолэтри, си Гуэхур зыгуытыр жызогэ.

– Уэлэхьи, уэ уи лыщлапщлэр Анзорхэ кьуатыжыфыну кьыщлэмыкьын, – жиаш. – Абы нэхьрэ ди деж кьуэи уагьэшхэну яжегэ, ушха нэужь уемыжьэжу кьыспэплэ.

Арати, Хьэжгуащэ тІэпЫжу сигъэшхаш. Жамырзэ къэкІуэжри, аргуэрым сьдэмышхэу идакъым. Шхэныр зэфІэкІри:

– Уэ, Анзорхэ къуатыжыным ущымыгугъыу, си деж лЫщІэу къыІуувэ, – жиІащ Жамырзэ.

– НтІэ дауэрэ ухуэлЫщІа, сыт уигъащІэу шытар? – соупщІ.

– Ноби сылЫщІэнти, сэ абы сызэригъэлЫщІам хуэдэу, сызыгъэлЫщІэн згъуэтамэ! – жи Хьэмид. – Быным ящыщ зыуэ фІэкІа сыкъалытакъым. Аслъэнджэрий джанэ хуадмэ – сэри схуадащ; вакъэ хуащІмэ – сэри схуащІащ. Аслъэнджэрий къуейщІеймэ, сэри сьдэкъуейщІеящ. Хьыджэбзхэр къызэмыдалуэмэ, сьукІ хьурт...

Сэ абдеж зыгуэр сигу къэкІыжри сеупщІащ:

– Хьэмид, матушкІэм убгъурылыу псым фыщызэпрахар пщІэжрэ?

– Ахай сщІэжрэ! – мэдыхъэш Хьэмид. – Аслъэнджэрий дэрэ дызэпэкхужу я пырхъуэ кЫхьым дытелът. МатушкІэ лЫщІэр мэкъум хэлъу шыгу дэрэбинэм илт. ТІури топ тщхъэщыбгъэукІам дыкъэмыушыну – дыапхуэдэт. Ти, Аслъэнджэрийрэ Бозийрэ зэгурыІуа хьунти, сызэрыІурихыу, сахъри матушкІэм сыбгъуральхъащ. ИтІанэ дэрэбинэр къытрахри, пщхъэлыпсым зэпрахщ аби, псы къыгъэхъуапІэм хуэзанщІэу ягъэуващ. ТІури хьэдитІ зэбгъуральхъам хуэдэу дыщылъщ, зыри дымьпцІэу. Нэху шыри пщэдджыжь Іэуэлыауэм дыкъыгъэушащ. Хэт былымыр псафэ неху, хэт псыхъэ нокІуэ, зопсалъэ, зэрогъэкІий, былымыр мэбу. Укъэушынтэкъэ?.. Дыкъэушащи цІыхум дыкъалъэгъункІэ дошынэ, дэри ди щІыфэ зэІусэнкІэ дошынэ, дызэІуплъэну дызэщоукІытэ... Къэхъуари къыдгурыІуэркъым, мэкъум зыщІэдгъэпщкІуауэ дыщылъщ. Зэм си щхъэр къыщІызогъэжри сыкъыщІоплль, соукІытэри сыщІопщхъэж; зэм матушкІэр къыщІоплльри, аргуэру зыныщІегъэуэж. ЦІыхум Іуэху дащІащи, нызэпрыкІыу гүфэр къащыну хэтщ... Ди насыпти, къэхъуар Хьэжгуащэ къищІэри, хьэблэ щІалэр нигъакІуэщ аби, дэрэбинэм дызэрилъу дыкъыдаыхъащ. Хьэжгуащэ езыри гушыІэрейт, гушыІэри зэхищІыкІырти, къэхъуар ибзыщІащ, ар Жамырзэ жраІэжаІым, ахъуамэ Аслъэнджэрий и кІэбдзыр хузэпиудынти.

– НтІэ дауэ фызэкІужа Аслъэнджэрий фэрэ?

– Аууей: дэ апхуэдэхэр уэим тщІыуэ шытакъым... А зэманым шыІа цІыхухэр куэдкІэ нэхъ тэмаккъКыхът, гушыІэри нэхъ къагурыІуэрт, нобэрейхэм нэхърэ. Аслъэнджэрий дэрэ зэхэтщІыхъу шытам хуэдэ нобэ щІэи еплъыт!

– Ари хьунщ, Жамырзэ слІот уигъащІэр?

– И къуэм иригъащІэрат сэри сигъащІэр, ауэ и къуэр пщІэншэу игъэлажэрт, сэ лажьащІэ къызитырт... Си лажьащІи зэикІ игъэгувакъым, хигъэхъуа мыхъуми кЫричакъым. Ичэзум гу къызитырти, схуильхъэр ислъхъэрт аби, ди унэ сшэрт. Абы шыгъуэ фи къуажапщэм дыдэсащ дэ. КуэдыІуэ иплъхІаа жиІэу зэикІ сыкъипщытакъым... Сэ Налохэ апхуэдизу сыкъыщІалъэгъуар морат жысІэну сщІэркъым, ауэ, уэлэхьи, къуэшым хуэдэу, дэлъхум хуэдэу, быным хуэдэу сыкъалъэгъуам! Алыхьым псапэу къаритыж!..

Иужьым Жамырзэ къызжиІаращ:

– Хьэмид, уи гъащІэр улЫщІэу пхыи хьункъым. Абы нэхърэ ІэщІагъэ зэгъэгуэти уи щхъэ гъэпсэуж. Сыт хуэдэ ІэщІагъэ уи псэм нэхъ фІэфІ? Къызжеи, сэ сьбдэІэпыкъунщ.

ГьукIэ IэщIагьэр кьыхэсхри, Жамырзэ гьукIэ Iээм гьэсэнү сритщ аби, сызэрылэжьэну Iэмэпсымэхэри кьысхуищэхури, си щхьэ сыхуэлэжьэжу сигьэ-тIысыжаш.

... Граждан зауэр 1920 гь. иухаш, мартым и 24-м Кьэбэрдейм Советхэм я тепщэгьуэр шагьэувыжаш. Дунейр кьытхуэнащ, жалэри, кьэрэхьэлъкьым пхьэIэщэкIыр яубыдыжаш, фIым щыгугьы.

А гьэ дьдэм июлым и 14-м Хьэтуей кьуажэ Советым, ревкомым ипIэкIэ, исполком хах: «Iэлэт наIуэкIэ хахаш: Советым и тхьэмадэу Налю Жамырзэ, абы и кьуэдзэхэу Зэчаун Мыхьэмэт, Iэщнокьуэ Плату, секретаруи Груша Николай» («Открытой баллатировкой выбраны: председателем – Совета Жамурза Налюев, товарищами его – Магомет Закаонов, Тату Ашноков и секретарем – Николай Груша»).

1921 гь. Жамырзэ Аруан окрревкомым хагьыхьэ.

Жамырзэ и сатур иригьэжьэжати, и пщIантIэм пхьэбгьу дуушхуищ дэтт, нартыхур ярызу (ду кьэс метр 40 и кIыхьагьыу кьыщIэкIынт), и амбарышхуэми гуэдзыр щIэйт.

А зэманым Джылахьстэнейм уэгьур кьатэуэри гьаблэ хьуат. Кьэбэрдей кьуажэхэр зрахуэзфIэкIкIэ ядэIэпыкьуу кьыщIэкIынт мэжэщIалIэм. Абы щыгьуэ Бузэ, езым игухэм нэмыщI гуищэ пщIэкIэ кьыщтэщ, дууищым нартыхуу ярыльымрэ амбэрым гуэдзу щIэлъымрэ гуищэм кьралъхьэщ, езым и кьуэ нэхьыжь Аслъэнджерии яхэту, гушхьэIыгьхэми пщIэ яритщ аби Джылахьстэнейм яхуригьэшаш; и кьуэшхэмрэ жылэмрэ зэхалъхар щхьэхуэу яшаш – псори Бжейкьалэ лъэмыжымкIэ Тэрч зэпрашри. Сэ ар лъыжьхэм кIыщым щалуэтэжуи, езы Налюхи жалэжуи мызэрэ-мытIэу зэхэсхаш, а лъэхьэнэм Жамырзэ фIы ищIауэ бгьэхьыбарыныр шынагьуэу щыта пэтми: лъыжьхэм апхуэдэ хьыбар зэ кьалурьбламэ, шынэри ящыгьупщэжырт.

Мис а 1921 гь. и ноябрь мазэращ Жамырзэрэ Кьалмыкь БетIалрэ зэщыIеин щыщIадзар.

Ноябрым и 25–30 махуэхэм Кьэбэрдей автоном областым и япэрэи Учредительнэ зэхуэсыр Налшык щекIуэкIырт, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденнэ, А. С. Бубнов сымэ хэту... Пщэдей хуэдэм (декабрым и 1-м) Кьэбэрдей облисполкомым и президиумымрэ и тхьэмадэмрэ хахын хуейти, большевикхэр кьэгузэващ, Кьалмыкьыр прагьэхуу, Кьатхьэн Назир хахынкIэ хьунуш, жалэри. Кьалмыкьыр цIэрыIуэ щыхьуар иужькIэщ. Мыбы щыгьуэ Назир граждан зауэм лъыгьэу щызэрихьар псоми ящIэжырти, Кьатхьэныр Кавказ гупэм ину шагьэлъапIэрт, Кьэбэрдейми Балъкьэрми фIыуэ щалъагьурти, ар текIуэным зыри хуэлуатэкьым. Зэхуэсым кьэкIуахэр жэщым гьуэлъыжу жеижа нэужь, Кьалмыкьым делегатхэр зырызу кьыгьэушурэ ехьуацаэу щIидзаш. Жамырзи кьыгьэушри еIушэшаш:

– Пщэдей председателыр щыхахкIэ, Назир хьумыхьыу, сэ щхьэкIэIэлэйт, – жиIэри. – Сэ ар сщыгьупщэнкьым.

Жамырзэ Кьалмыкьым и тельхьэт, ауэ апхуэдэу зэрылъялуэр, хабзэншагьэкIэ кьулыкьур иубыдыну зэрыхэтыр Бузэ и жагьуашэ хьури, и щхьэр игьэкIэрэхьуаш:

– БжэмкIэ сыщIамыгъыхьэмэ, щхьэгъубжэмкIэ сафIыщIыхьэнщ, жыпIэу аракъэ? – жиIэри. – Щхьэ умыукIытэрэ, зиунагъуэрэ! Сэ сигугъаш уэр щхьэкIэ Iэ слэтыну, ауэ мы уэ кызжепIам иужькIэ, уэлэхьи, сымылэтыжын!

– УщIегъуэжынщ, – жиIэри БетIалыр IубзэхыкIыжащ.

Нэху кьекIхэри, облисполкомым и тхьэмадэу Кьалмыкьыр хахаш, президиумым Фадеевыр, Кьатхьэныр, Павловичыр, Мыдыр, Боровицкэр, Ткаченкэр, Кьуэкьуэжьыр, Манжуло сымэ хагъэхьаш.

А жэщым Жамырзэрэ БетIалрэ яку кьихьуар, езы Бузэ жиIэжауэ, Налохэ ягу кьинэжащ.

Абдежым щегъэжьауэ Кьалмыкьыр нэхь бзаджэ, нэхь инат, нэхь напIтI, нэхь лIыукI хьуурэ макIуэ.

Кьалмыкьымрэ Жамырзэрэ я зэхушытыкIэр зэIызыгъэхьэпар кьэбэрдей студентитIым я Iуэхуращ. Бытырбыху университетыр кьамыуха щIыкIэу, ахэр зэрыхьзэрылIым кьырихужьэри, 1924 гъ. хэкум кьэкIуэжащ. Жанхьуэтхьэблэ (абы щыгъуэ а кьуажэм Псыгуэнсу фIашыжат) кьуажэ зэхуэс щыIэу абы екIуэлIащ лIэкьуэлIэш щIалитIыр:

– ДынывольэIу бысым фытхуэхьуу фыкьытщыжыну, кьуажэгъуу дыкьэфштэну, дыкьыфкьуэнэн хуэдэу, – жаIэри. – Дэ зыри дгъэпщылIакьым, зыми дезуакьым, деджауэ аркьудейщ.

Зэхуэсахэр арэзы хьуащ щIалитIым кьыщыжыну, адыгэ хабзэкIэ хьэщIэ зэрахьумэу яхьумэну. Кьуажэ тхьэмадэм ар и кьалэнти, окрисполкомым хьыбар кьаригъэщIащ сходыр студентитIым телхьэ зэрахуэхьуамкIэ. Жамырзи ар и кьалэнхэм хыхьэрти, щIалитIым я хьыбарыр Кьалмыкьым деж нигъэсащ. Кьалмыкьыри хьыбарым шогуфIыкI:

– Сыту фIыт апхуэдэ щIэныгъэ зиIэ кьызэрыкьуэкIар! – жи. – Сэ гимназие кьызэIусхыну яужь ситщи, тIури егъэджакIуэу кьэттэнщ. КьэгъакIуэ си деж.

Жамырзэ Iэнкун мэхьу:

– Бысымым я Iызыныншэу сэ ахэр нэзгъэкIуэну сыхуиткьым, уэ пщIэркъэ хабзэр.

– Ар куэдэр: сход зэхуэшэси, уэ шэсу уви кьелых.

– БетIал, сэ шэсыпIэ ситиу щIалэхэм зыгуэр кьащыщIмэ, сит напэкIэ жылэм саIуплэжын?

– Жамырзэ, сэ псалгэ узот тIури кьащымыщIауэ нэзгъэкIуэжынкIэ!

Арати, Бузэ шэсыпIэ йоувэри щIалитIыр кьалех, гъуси яхуешIри Кьалмыкьым деж ирегъашэ. БетIал льымэм игъэчэфати, студентитIыр лIыукI Ткаченко иретри ирегъэукI.

Жамырзэ а хьыбарыр кьыщыIэрыхьэм, занщIэу и щхьэр кьыфIоху, сит иджы жылэм яжесIэнури, афIэкIа напэрэ цIыхугъэрэ зимыIэ Кьалмыкьыи дауэ дяпэкIэ сызэрыдэлэжьэнур, жыхуиIэу. Жамырзэ и гъащIэ гъуэгур гъуэгушхьитIу цызэхэкIым деж нэсати, адыгэлIым кьыхихын хуей гъуэгуиу теуащ: Жанхьуэт хьэблэм яыхьэри Кьалмыкьым тхьэ кьызэрыхуигъэпцIар яжриIэщ, езыр и кьулыкьум кьытекIри, Хьэтуей кьыгъэээжащ, напэм ипэ псэр ихуэ, жыхуиIэу.

Абы щыгъуэщ Бузэ «шывей зыдэлъ бохьшэр» щыхьыфIидзэжар.

Жамырзэ и гур зэцагъэуати, афIэкIа политикэм хэлэбэжакьым; и хьэрычэтри, и акьылри, и мылкъури экономикэм иритащ: Югозаготзерном я уполномоченнэу мэлажэ; и щхьэм щхьэкIэ чырбышгъэжьапIэ Шэчэр Iуфэ, сивоскIэгъэсыпIэ

Мэнжакъым деж шрегъэщI, абы иужькIэ и унэ дахэр, и амбарышхуэр, и гуэщышхуэр, и мывэблыныр егъэщIын щIедзэ. Ар 1926–1927 гъэхэм яух.

Ар НЭП-м и зэманьгъуэти, къэралыр апхуэдэ Iуэхухэм и тельхъэт, ауэ дэнэ къуажи фыгъуэнэд, къыдэкIыркъэ – Хьэтуейм щыщ гуэрми цIыхум къахелъхъэ: «Урыху псыхъуэ дэль мывэр дывгъэгъуэш!» – жэлэри. ЦIыхур зэщIодыхъэшхэ: «Зэрыпшыныр сыт, уи хадэж тIэкIур къэпхухъыфашэрэт, мывэр умыгуэшу!» – жэлэри. «Дывгъэгъуэш, – жи, – сэ си Iыхъэр Нало Жамырзэ естынуш. Мывэр къемэщIэкI хъумэ, сыт хуэдэу лъапIэу ищэхун ар абы!»

Ар жылэм дыхъэшхэн къащыхъуами, а жьыр зыщIыпIэкIэ кърихуу къыщIэкIынут.

Абы уезыгъэгупсыс шыIэж?! НЭП-р еуэ иригъэшхыу екIуэкI пэтми, 1927 гъ. мартым и 28-м Хьэтуей къуажэ Советым унафэ тельдыджэ къаштэ: Анзорхэ я пщхъэльшхуэр, Нало Жамырзэрэ Анзоррэ я Iыхъэри зэрыхэту, зейхэм къытрахыу, ККОВ-м иратыну: а пщхъэлыр езыгъэщIам Налохэ яхэтакъым, икIи ар абыхэм къащэхуакъым, ййуи документ яIэкъым, – жэлэри.

Нало зэшитIым я Iуэху а пщхъэлым хэлъ зэрыхъуа щIыкIэр документым мыпхуэдэу итщ: «Аруан округым и народнэ судыр 1922 гъ. сентябрым и 11-м зэхэтати, абы къылгытащ Нало Анзоррэ Жамырзэрэ я щIыхуэу гуэдз пут 2950 Анзор Елбыздыкъуэ тельу, ауэ, а щIыхуэр зэрымпышыныжыфым къыхэкIкIэ, Анзор Елбыздыкъуэ и пщхъэлым и Iыхъэ ныкъуэр, щIыхуэм пэкIуэу, Налохэм ярет. Ар Анзор Елбыздыкъуэ 1922 гъ. октябрым и 13-м Iэ зытридза тхылъымкIэ егъэпэж, [а тхылъри] а махуэ дьдэм Хьэтуей Ревкомым къабыл ищIаш.

Налохэрэ Анзорыкъуэмрэ я зэгурыIуэныгъэм Хьэтуейдэхэр псори шыгъуазэщ, апхуэдэу щыщыткIэ Хьэтуей къуажэ Советри [щыгъуазэщ]. («Решением народного суда Урванского округа, состоявшемся 11 сентября 1922 года с владельца мельницы Эльбуздуко Анзорова в пользу Анзора и Жамырзы Налоевых присуждено долга 2950 пудов пшеницы, но т. к. Анзоров Эльбуздуко не имеет средств пополнить этот долг, то для погашения этого долга он уступил Налоевым половинную часть своей мукомольной мельницы, что подтверждается подпиской Эльбуздуко Анзорова, выданной им 13 октября 1922 года и засвидетельствованной Ревкомом сел. Старый Урух того же числа. Об этой сделке между Налоевым и Анзоровым было известно всем гражданам сел. Старый Урух, а потому – и сельсовету сел. Старый Урух»).

А псори иту, Анзор Елбыздыкъуэ и Iэ зыщIэль тхылъри щIыгъуу, Нало Жамырзэ тхылъ (заявление) етх Аруан окрисполкомым и Президиумым деж, пщхъэлым теухуауэ Хьэтуей къуажэ Советым къищта унафэр якъутэжыну елъэIуу.

1927 гъ. апрелым и 29-м Аруан окрисполкомым и Президиумым унафэ къещтэ Жамырзэ и лъэIур хуимыщIэну, щIыхуимыщIэм и щхъэусыгъуэри къыгъэлягъуэркъым.

А протокол дьдэм нэгъуэщI тельдыджи итщ – Советхэр текIуэным щIэззуа, я лъэр увыным зыщымысхъыжу телэжъа Нало Жамырзэ хэхыныгъэм хэтыну хуимытыжу! («Постановили... б) Вопрос о восстановлении гр-на Налоева Жамурзы в избирательных правах считать целесообразным обсудить на следующем очередном заседании Президиума в присутствии самого Налоева»).

Иджы нагуэ мэху нетІэ жыхуэтІа жьыр кьыздырихур: кьызэрымышынам, и напэм зэремыбэкьуэжам Жамырзэ залымыгэкІэ пигьэуджэжыну Кьалмыкьыр яужь ихьауэ арат: сэр щхьэкІэ Іэ умыІэтамэ – мэ! ПцІы сыупсу умыдамэ – мэ! СтудентитІыр зэрэзгьэукІар умыдэмэ – мэ! Ди ІуэхуэхьэкІэр уигу иримыхьмэ – мэ! Уи кьулыкьур кьэбгьанэрэ уежьэжамэ – мэ! Мывэ блынкІэ зыкьэпхухьыжмэ – мэ!..

Ар Сталин и залымыгьэр кьышежьэ лъэхьэнэти, мо зи кьулыкьум тегужьейкІа, сыт ищІэми кьыхуэгьуурэ удэфа Кьалмыкьым езым игу иримыхь псори, езыр зыщышынэ псори, лъэпкьым набдзэу ятет псори зэхэзехуэн ищІырт, игьэтІысырт, иукІырт. Ар 1938 гь. ягьэтІысыхукІэ Налокси яужь икІакьым: дэ ди Іуэхум нэхьрэ фи напэр нэхь фогьэлъапІэ, фытхуэбзэгухьыркьым жиІэри игьэтІысаш Жансэхьу, Шупагуэ, Жамырзэ, Хьэмырзэ, Анзор, Айтэч, Мыхьэмэт, Аслъэнджэрий сымэ. КьыкІэлъоІэбэри Жансэхьу и щхьэгьусэ Аннэ Николаевнэ, Лилианэ цыкІу зэрышІэсу, дапхуэу, итІанэ Шупагуэ и щхьэгьусэ Мария ягьэтІыс. Кьэралбии, ХьэкІаши!.. А пщыкІутІым щыщу кьэзыгьэзэжар щы кьудейщ – Аслъэнджэрий, Мария, Аннэ Николаевнэ. Аслъэнджэрий абы кьыщІелар пелуанти аращ, армышьумэ кьыхуэщабауэ аракьым. Андрей бгьур хэт яукІаш, хэт лагерым илІыхьаш.

Жамырзэ траха хуитыныгьэр кьратыжыным ипІэкІэ, езыр 1929 гь. ноябрым и 30-м ягьэтІысри (ст. 58-10 УК) Ищхьэрэ ирагьэх, и унэри, и мылькури, и унэлъащІэри, и псэуальэхэри (амбарышхуэр, гуэщышхуэр) кьытрах аби. А зэманым политикэ ІуэхукІэ яубыдхэм суд тращІыхьыртэкьым, атІэ, ар хабзэ яхуэхьауэ, Тройкэм (кьулыкьушщыщым) унафэ кьащтэрти, абыкІэ эфІэкІырт. Жамырзэ и Іуэхуми хэплъар Кавказгупэ крайм и Тройкэращ. Мис а Тройкэм 1930 гь. январым и 29-м ищІа унафэр:

«Слушали: № 12 868 по обвинению Налоева Жамурза Кубатиевича, 55 лет, женат, неграмотный, беспарт[ийный], кулак, жит[ель] сел. [Старый] Урух КБАО, содержится под стражей каб[ардинским] отделением] ОГПУ с 30/ХІ-29 г. по ст. 58-10 УК.

[Приговор]: Концлагерь на восемь лет. Семью выслать в Сев[ерный] край. Имущество конфисковать.

Секретарь Голованов».

Абы иужькІэ, 1931 гь., щымахуэу, Жамырзэ и бынунэр я унэм кьыщІахури, щхьэегьэзыпІэ ямыІэу щІыбым кьыдонэ, уэсым хэсу. ЦІыху кьабгьэдыхьэртэкьым, ягьэкьуэншэнкІэ шынэрти. Ди адэр колхозым кьызэрикІыжу ахэр ди унэ нишаш. МазитІ хуэдизкІэ ди деж щыІауэ хьыбар щэху кьалэрыхьаш: зэрыбыныр фырагьэукІыну унафэ щыІэщ, жаІэри. Абдежым ди адэмрэ Бузэ и малхьэ Абазэ Мысострэ зэгурыІуэри, жэщу ди адэм ахэр Мэртэзей ишаш. Мысост абыхэм билет кьахуищэхуш аби мафІэгум иригьэтІысхьэри, Сталинабад (Душанбе) иутІыпщаш, Жамырзэ и кьуэ нэхьыжь Аслъэнджэрий деж.

Сталинабадри тыншыпІэтэкьым, ауэ Ищхьэрэ ирагьэх нэхьрэ ар нэхьыфІт. Кьуйым ищІыІу – гуэрэф, жыхуаІэм хуэдэу, Сталинабад тиф кьыщохьейри зэрыбыныр сымаджэ мэху – Хьэжгуашэ, Фэрдаус, Евгения (Былау), Адэлджэрий. Узым кьела кьудейуэ гьаблэ кьохьу: адыгэри, Іэсэтинри, нэгьуэщІри бэгьурэ щэ бжыгьэкІэ уэрамхэм долІыхь...

А унагъуэм Сталинабад цагъэвар тхыдэкIи усэки кыпхуэлуэтэнукъым, ауэ абы щыц зы налгъэ вжезмылгъу сыблэкI хьунукъым. Жамырзэ и къуэ нэхьыщIэ Адэлджэрий (псори дызэреджэр Птгий цыкIут, езыхэр зэреджэр Адэт цыкIут), ар быным я нэхъ класэти, драхьейм гъушцэрт, кърахьэхым щытэрт. Илгъэс пщыкIузым иту Птгий цыкIур гъаблэм сымаджэ къыхохуэ.

Бабэхэ (ар ди адэрат) сыфшэж, Бабэхэ сыкIуэжым сыхъужынуш, мэжаджэ сшхымэ сыхъужынуш, – жиIэу гъыгурэ дунейм ехыжа мыгъуэщ.

Жамырзэ зэрагъэтIысар къащIа нэужь, къуажыбгъу зэхыхьэщ аби, ЦИК-м (Центральный исполнительный комитет СССР) и Председатель М. И. Калининым деж письмо ятхаш, Нало Жамырзэ Къубатий и къуэм кыщыбжу. Сталиныр иджыри удэфпауэ къыщIэкIынтэкъыми, 1933 гъ. къаутIыпщыжри къэкIуэжаш. Ар ди пщIантIэм къыщыдыхьэжым, Цурик къицIыхужщ аби, пежьэри, едэхашцIурэ, и лгъакъуэм зыщыхуэурэ, зыхуигъэлгъахьшэурэ къыдишэжаш.

Цурик фцIыхуркъым фэ. Ар хьэ гъуэжышхуэт, дыгъужь итхьэлэфын хуэдэу. Ар хьэпшыр цыкIуу Былау къигъуэтри къыхьат, я пщIантIэм дыгъуи дыгъужы димыгъыхьэу ихьумат. Хамэ дэнэ къэна, дэ Бузэхэ я деж дыкIуэн хуей хьуамэ, дыблмышу дыдиггэхьэртэкъым. Дыкъызэрильагъуу къэтэджырти, и дзэлыфэр тIауэ къэувырт, р-р-р-р-р, – жиIэу. Ар сытми пэльэщырт, зыпэмьлгъэщар къэралыраш. Арати, а унагъуэр я унэм къыщIахуауэ, сэ илгъэсищ фIэкIа сымыхьуу, къэхьуар къызгурымылуэу, ауэ къэмыхьун къызэрыхьуар слгъагъуу, Бузэхэ я шындэбзий ищхьэрэм деж сыкъыщыхутащ. Абдежым ашык цыкIуу гурэ щытт, тхылымпIэ пIимэ цыкIухэр изу – ахэр, къызэрызгурылуэжымкIэ, зэрыбкIэ тедза бланкт. Сэ абыхэм щыщ зыкъуом «къыхызодыгъукIри» сыкъуокIуэж. Сыкъэсыжмэ – Цурик ди бжэ щIыхьэпIэм деж щылыу, и лгъакъуитIым и щхьэр трильхьауэ (ар Зизэ сымэ ягъусэу ди деж къэлэпхьуауэ арат). Сышынэри сызэщIэувыкIаш. Цурик, гыи нэхьей къыхэпщIэукIри, тэджщ аби Iукуэтащ, дяпэкIэ уэраш си бысымыр, жыхуиIэу. Сэри чыржын ныкъуэ къыщIэсхри хуэдзаш, дяпэкIэ укысхуимыль жыхуэсIэу.

Цурик жьы дыдэ хьууэ лгъэжыху дэри дыкъыхьумащ.

Жамырзэ сымаджэу къэкIуэжати, хьужыху ди деж щылаш.

Абы щыгъуэ сэ къысщыщIа гурэ вжезмылгъу сыблэкIыфыркъым.

Щымахуэт, уэсышхуэ къесауэ, ди щхьэгъубжэ абджхэм тхыпхьэщIыпхьэр къытридзауэ. Бузэ сымаджэ хьэлгъуэ гъуэлгъыпIэм илгът. Нанэ дэлэн игъажьэри псори игъэшхаш. Сэ къыслгъыса дэлэн IупщIэр сфIэцIыкIути, зызггэгусауэ хьэку дапхьэм сытест, сыгъынанэу – сэ сыщыщIыкIум сыгъыринэу щыташ. Уэлий си дэлэн IупщIэм къещакIуэурэ, сигъэбэлэрыгъщ аби ипхьуатэри щIэжыжаш. Сэри уаутIыр си махуэщ, – жысIэри, сыгъыу къыщIэздзаш, си дэлэн IупщIэр Уэлий къысхутрахыжын сигугъуэ. АрщхьэкIэ, абы ипIэкIэ, Нанэ мэжаджэ къысхутрелгъэ. ЕI, дэлэным ипIэкIэ мэжаджэ къызэфтауэ! – жысIэри зысолIэж.

Бузэ мыгъуэм куэдрэ зыхуиггэшэчаш а сэ си гыи макъ гъуамэр. Щыхуэмыхьыжым къэтэджщ, сыкъипхьуатэщ аби, и блэгущIэм сыщIэлгъу сыщIыхри, уэс зэтетхьуам сыщIиIуаш, си щхьэ кIыхьыр адкIэ щыпхырыкIыжу. ИтIанэ си джанэкIэр дрихьейри, си ныбэ пщIанэм уэс къыщыхуаш. Сэ а дакъыкъэм щыIэ зэхэсщIакъым, ауэ, сызэрыкъуаншэр къызгурылуэжауэ къыщIэкIынти, сыкъыхудэплгъейри сельгъуаш:

– Алыхьым и хьэтыркIэ къысхуэггэгъу, афIэкIа сыгъыжынкъым, – жысIэри.

Арати, кысхуигьэгъури сыкышцИхьэжаш. Хьэлэмэтыракъэ, сэ абы щхьэкIэ Бузэ зыхуэзгьэгусакъым, ауэ си гыныр хэзнаш.

Жамырзэ хьужа нэужь, тридзэри Къалмыкъым деж кIуаш. Къалмыкъыр гуфIэжу, и Iэр шияуэ кыпежьаш:

Уэ кьохъусыж, Жамырзэ, кьохъусыж! – жиIэу. – Сыту фIыт укьызэры-кIуэжар! Дэ куэду дыпхуэныкыуаш уэ. Мыр сэ сыщымыIэу мобыхэм кьалэщIэщIа Iуэхуш. Сэ псори зэхэзгьэкIынщи уи унэри кьуезгьэтыжынщ...

Жамырзэ ифIэщ дьдэ хьуауи кышцIэкIынтэкъым Къалмыкъым и фo-шыгъупсыр, ауэ дауэ щытми кьуажэжь сьдэсыжмэ нэхьыфIш жиIэри, Сталинабад кIуэщ аби, и бынунэр 1935 гь. Тэрчкьалэ кьишэжаш. Ди унэр кьыдатыжыху мыбы фыщыIэ, жиIэри, Фэрдаусрэ Женэрэ а кьалэм кьигъанэри, езымрэ Зизэрэ 1936 гь. Хьэтуей кьэкIуэжаш.

АрщхьэкIэ и унэри кьрамытыжу, езыр колхоз губгъуэм шылажьэурэ 1937 гьэ мыгъуэжьыр кьэсащ. Бузэрэ Зизэрэ Ахьуот мыгъуэм и хьэщIэщым шыпсэууэ арати, хадэпщIэгъуэ зэману жэщныкыуэм куэбжэпэм деж маршынэ макъ кыш-цыIуаш. Абы шыгъуэ маршынэ кьэджамэ, цIыхур кьащтэу кьызэхэнати, зэлIэ-эфызыр кьышцылэтри псынщIэу захуэпаш. Ер зи IэщIагъэ лы угъурсызхэр кьызэрыщIэгъуэри унэр кьаща щхьэкIэ, Бузэ щIагъэкъуэншэн гуэри шагъуэта-къым – бомби, пылимоти, кIэрахъуи, сэшхуи, кьами, тхылы...

Ахэр, уагъэтIысын, уагъэкъуэншэн, уаукIын щхьэкIэ бомби, пылимоти, тхылы хуейтэкъым – напэ уиIэу, псэукIэ пщIэуэ, хьэрычэт уиIэу щытмэ, ар щхьэусыгъуэ ирикьурт. Арати Жамырзэ дашри кьигъээзжакъым, кIуэдаш, абы хуэдэ лыфIхэр зэрыкIуэдым ешхьу.

Нало Жамырзэ Къубатий и кьуэр ягъэкъуэншэн мурадкIэ пцIыуэ кьыкIэ-ральхьар наIуэу кьызыхэщ «Обвинительнэ зэключенэр», 1937 гьэм августым и 16-м лейтенант Гомель итхар, зэрыщытым хуэдэу кьызотхыкI, адыгэбзэкIэ зэмыдзэкIыу:

«Я, начальник оперативной группы Урванского НО НКВД – лейтенант государственной безопасности Гомель рассмотрев 16 августа 1937 года следственное дело по обвинению б. уздень, помещика Налоева Жамурзы Кубатиевича, установил следующее:

1. Налоев Жамурза Кубатиевич, 1873 г. р., уроженец и житель сел. Старый Урух Урванского района, КБАССР. Уздень, имевший полупомещичье хозяйство. До революции и после имел большие участки земли, на которой выпасывал табуны лошадей – помимо этого в хозяйстве имел хлебную ссыпку и магазин галантерейных товаров (магазин национализирован и в настоящее время переоборудован в школу).

В период революции часть имущества Налоева национализирована, почему Налоев Жамурза вместе с братом встал на открытый контрреволюционный путь вооруженной борьбы с Соввластью. Его братья Налоев Джансох и Налоев Шупаго добровольно служили в белых. Позже находились в банде Хурзанова.

2. <В этом параграфе рассказывается о том, что в 1929 году Жамурза был арестован и приговорен к 8 годам концлагеря, якобы за участие в контрреволюционном восстании против Советской власти>.

3. Вернувшись из ссылки в 1933 г. Налоев продолжал активную контрреволюционную борьбу совместно с братьями (арестованными в 1937 году как троцкисты-террористы), ведя подрывную пораженческую агитацию так:

В момент обсуждения проекта Сталинской конституции он среди колхозников сел. Ст. Урух говорил: «Советская власть испугалась требований буржуазных стран и теперь конституцией освобождает от угнетения крестьян. Скоро Советской власти не будет, будет другой строй. Вот попомните мое слово...».

По поводу организации МТС в сел. Старый Урух Налоев повел активную антисоветскую агитацию, направленную к возбуждению настроений колхозников против МТС и развалу работы самой МТС. Так в мае 1937 года он в кругу колхозников говорил: «Вот вам и барщина. Я уже говорил вам, что вы не для себя работаете. Вот организовали МТС, теперь весь доход пойдет в МТС за натуроплату и государтву, а вам – колхозникам – ничего не достанется. Выходите из колхоза, не то подохнете от голода...».

Постановил:

Следственное дело по обвинению Налоева Жамурза Кубатиевича направить на рассмотрение тройки НКВД КБАССР».

Зэрытлӕгъуыци, Жамырзэ къыкӀралъхъа псом япӕрей пунктым и пӕцӀӕдзӕмрӕ етӀуанӕрей пунктымрӕ фӀӕкӀа зы пӕж хӕткъым. Адрейхӕр яукӀыну е ягъӕтӀысыну концлагерым ирадзӕну мурад зыхуащӀа лажӕншӕхэм псоми къыхуагупсысу щыта пцӀы зӕфӕзӕщ. Апхуӕдӕ пцӀырыпцӀ цӀаупс адрейхӕми хуӕдӕу ди адӕ къуӕшри яукӀащ.

Абы теухуа актыр зӕрыщыт дыдэм хуӕдӕу къызотхыкӀ, адыгӕбзӕкӀӕ зӕзмыдзӕкӀыу:

«Постановление НКВД по Кабардино-Балкарской АССР от 17.VIII-1937 г. о расстреле Налоева Жамурза Кубатиевича приведено в исполнение 17 августа 1937 года в 22 часа.

Секретарь НКВД КБАССР мл. лейтенант Тарасов.

Комендант НКВД КБАССР

Сержант госбезопасности Арустамов».

Хъӕжгуащӕ мышкъышым зыцигъӕпщкӀури, цӀыху укӀыр нӕхъ кӀащхъӕ хъуа нӕужь, Тӕрчкӕлӕ къӕкӀуӕжӕщ ипхъухэм я деж.

Аслъэнджӕрий

Жамырзӕ и къуӕ нӕхъыжъ Аслъэнджӕрий 1907 гъ. къалъхуащ. Хъӕтуейр хужьхэм яубыдын щыхъум; Бузӕ и къуӕр Шӕгуолӕ къалӕ (Змейскӕ станицӕм) ихъри и ныбжӕгъу революционер Марудӕхӕ щигъӕпщкӀуат. Аслъэнджӕрий пелуант, шыгъу къӕп къыфӀӕмыуӕхуу къилӕтрӕ гум иридзӕу. Джӕщо и къару зӕрамышцӀӕжыр щӀӕблӕ къӕсыху зыгуӕрым лысырт. Джӕщо и бынхэм ящыщу а къарур зылъысар Джӕуищрӕ Жӕндӕррӕт. Джӕуищ и быным ящыщу – Къубатийт; абы и быным ящыщу – Жанхъуӕтт, къыкӀӕлбыкӀуӕу зылъысар Аслъэнджӕрийт. Бетрожъ Щамилрӕ Аслъэнджӕрийрӕ зӕрыубыдамӕ, махуӕ псокӀӕ зӕрытемыгъа-кӀуӕу зӕбӕнырт, жалӕ.

Гуэбэчокъуэ Хьэмид жиІэжырт: Хьэтуей зы лЫ Іэпэляпашхэ дэст, жэщыбгым кьежьэрэ, танэ, щынэ, гуэгуш сыт хуэдэхэр идыгъуу – абы зэридыгъур псоми ящІэу, ауэ къахуэмыубыду. Зы пщыхьэщхьэ гуэрым Аслъэнджэрий къытхелъхьэ, хедывгьэгъанэ мыбы и дыгъуэныр, жеІэри. Гот Хьидрэ сэрэ дыкьегъэдалуэри, щыми ди пэ гъуанэхэм, ди тхьэкІумэхэм пхьэ цІу кыреІу, и дамэ зырызым дегьэшэсри дехь абы и унэм. БжэІупэм дыІуоувэри доджэ. ЛЫр кышцІокІри – и бжэІупэм щхьих фІэту иныжь Іутщ, и пэбзиихми мафІэ бзийр кърихыу, жищцІэ псалъэу. УэуитІыр си махуэщ жиІэу лЫр кыхэкІиикІри кызыэфІэщэхаш. Аслъэнджэрий щІэщтэжщ аби и дамэм дызэрытесу кышцІэпхьуэжри шы кышцІэрымыхьэну дыкьихьыжаш.

Абы иужькІэ Іэпэляпашхэр жэщу къахушцІэкІыжакъым.

Сэ кьэсщІэжым Бузэ и куэбжэпэм деж мывэшхуитІ щыльащ, лЫ уэршэрхэм я тетІысхьэпІэу, сабийхэми я джэгупІэу, БищІо Мусэ и хадэ пІанэпІэм дежи хэтІауэ зы мывэ папцІэшхуи хэтащ. Хьэблэр абыхэм зэреджэр Аслъэнджэрий и мывэжыт. Я инагькІэ абыхэм языхэзри кьэп ныкьуэм ехьэехуэт. А мывищри Аслъэнджэрий зэрызурэ Урыху псыхьуэ кыдихри зимыгьэпсэхуу кыхьат, и ныбжьэгъухэм баз япихьэри. Абы щыгъуэ ар ильэс 18–20-м иту арат.

Иджыри зы хьыбар. Си кьуэшищым я нэхьыжь Батыр (Тылу) и ныбжьэгъу гуп кышауэ, гуэгушыхьу гьэвар яшхыу, сэ сырагъуэщІэсу зэхэсу, Аслъэнджэрий и хьыбар къаІурыблэри, мыр жаІэжауэ сигу кьинэжаш. Ахэр Аслъэнджэрий и гьусэу Кавказ щІыбми, Азиекуми щыпсэуа-щылэжьа лЫхэт.

Адыгэ щІалэ гуп Тифлис бэзэрым дытетт, – жи зэхэсым ящыщ зым, – Аслъэнджэрий къытхэту. Бэзэрыбгъум деж зы лЫ фЫщІэшхуэ пщІэкІэ щыбанэрт. Абы ебэныну е ІэштымкІэ езуэну хуейм и ахьшэр кьигьэтІылгырт, лЫ фЫщІэжьми апхуэдиз кыхилъхьэжырти – ар текІуэм кыхьу арат. Абы пэуухэр е Іэсэтинт, е шэшэнт, ауэ хэт кыпэмыувами лЫ фЫщІэжьыр псоми ятекІуэрт – даргу жиІэу тридзэрт, е еуэрти кьэмытэджыжыфу ириудырт. «Хуэдэм Алыхьыр согъэпцІ» – жиІэщ аби, тхуэмыубыду Аслъэнджэрий бгьэдыхьэри ахьшэу иІыгьыр игьэтІыльащ. Модрейм и ахьшэри кыттрильхьащ. Шы фЫщІэжьыр кьеуэри Аслъэнджэрийр фЫуэ къригьэщІащ. Аслъэнджэрийр еуэри, лЫ фЫщІэшхуэр щхьэпридзу ириудаш. Кьыщылъэтыжу кьеуэн хуейтэкъэ – абы ипІэкІэ щІэпхьуэри – макІуэ-мэцІыв! – кьалэм дэльэдежаш.

Апхуэдэ хьыбар куэд иІэщ ди кьуэшым.

Аслъэнджэрий революцэм хэтакъым, ар абы щыгъуэ щІалэ танэ къуа-мыхьуат. Ауэ граждан зауэм иужькІэ Хьэтуей комсомол гуп (ячейкэ) щызыгъуеям яхэтащ, Аруан округым я мылицэм и начальникыу лэжьащ. И адэм и Іуэхухэр кышцызэІыхьэм, ар комсомолми кыхадз, и кьулыкьуми кытрагьэкІ. Ауэ абы кыкІэлыкІуэнкІэ хьунур кыгурыІуэрти, зиуныгъуэджьыр нэхь кьэщтэри, Сталинабад (Душанбе) макІуэри пщІэ иІэу щолажьэ. АрщхьэкІэ хэкужьым, ядэ-янэм, лъэпкьым къахуэзэшырти, тогушхуэри Москва макІуэр аби и Іуэхур Орджоникидзе хуеІуатэ. Орджоникидзе и чэнджэщкІэ Аслъэнджэрий Кьэбэрдей-Балькьэрым кьегъээж. Кьызырысыжуи ягьэтІыс. Ауэ Орджоникидзе и псалъэм епщІыжакъым: абы тхыль кьэтхри, Аслъэнджэрийр къаутІыпщыж, комсомолми хагьэхьэж. АрщхьэкІэ Кьалмыкь БетІал зи тепщэ хэкум укьинэныр дзыхь-щІыгъуэджэти, тредзэри Сталинабад егьээж. Абы дзыхь кыхуашцІырти, Наус районым и комсомол райкомым и япэ секретару ягьакІуэ.

АрщхьэкIэ Къалмыкыыр тхьэшишэт: тIасхьэщIэх егъакIуэри, кьрегъэлыхьуэр аби, 1938 гь. Аслъэнджэрий аргуэру ягъэтIыс. Абы щыгъуэ езы Къалмыкыыр ягъэтIысакIэт, ауэ абы нэтIэрыIуапIэ ищIахэр иджыри къагъуэтурэ яубыдырт. Мы зыгъуэгум ар ильэсийкIэ лагерым исауэ 1946 гь. къаутIыпщыж. Мо пелуан лIы дахэшхуэр ильэс плIыщIым щIигъуу физ къишэ мыхьуу яIыгъащ е тутнакыу е зэхэзехуэну.

Ильэсий тутнакыым иужькIэ ар Тэрчкъалэ и анэм, и шыпхьухэм я деж къокIуэж, арщхьэкIэ а къалэм щыпсэуну хуит къащIыркыым: сыхьэт 48-м и кIуэцIкIэ ибгынэн хуейуэ къыпаубыд. Сыт ищIэнт, хэкужыым къокIуэжри, Бетрожь Хьэжысмел Анфокъуэ и къуэм и сэбэпкIэ лэжьапIэ хьарзыни мэув – Хьэжысмел а лэжьэнэм партым и Совет райкомым и япэ секретарт. АрщхьэкIэ аргуэру зэхэзехуэн ящIри лэжьапIэ зыбжанэ ихьуэжын хуей мэхьу.

1949 гьэм физ къешэ – Нартан щыщ Паз Маш ипхьу Женэ. И щыпэ-къашэти, зэрыхабзэу, хьэгъуэлIыгъуэ хуащI. Ар бзэгухэхьэхэм здынэсыпхьэм нагъэсыж. ЕIым-еIыж, уэ гьэмахуэ лэжьэгъуэм хьэгъуэлIыгъуэ пщIауэ! – жаIэри, обкомми, МГБ-ми, МВД-ми зыкъагъэубэлэц аби аргуэру и лэжьапIэм къыIуаху. ЛэжьапIэ лыхьуэ Тырныауз макIуэри шахтэм щолажьэ, ауэ 1951 гь. аргуэру пщIы къыкIэралхьэри ягъэтIыс. 1959 гь. хуит мэхьужри, Тырныауз егъээзж аби ухуакIуэхэм яхохьэ, инженер къалэн игъэзащIэу. 1967 гь. пенсэ макIуэ, 1993 гь. Аслъэнджэрий дунейм ехыжащ.

Аслъэнджэрий къуитI къыщIэнащ – Аслъэнрэ Iэсчэррэ (Георгий).

Нэфо

Жамырзэ ипхьу етIуанэ (нэхьыжь Лейла мыгъуэр 1931 гь. дунейм ехыжат). Нэфо 1911 гь. къальхуат. Ар ильэс 21 и ныбжьу Лейлэ ипIэкIэ Абазэ Мысост ират – ар а лэжьэнэм ВКП(б)-м и обкомым и секретархэм ящыщ зыт. 1937 гь. Майя зыфIаща хьыджэбз цыкIур къальхуагъащIэу Мысостыр ягъэтIыс, абы иужь иту Нэфори ягъэтIыс, сабий быдзафэр зэриIыгъуу. Ди малхьэм къыгъэ-зэжакыым, ауэ Майя тутнакыым сымаджэ хьэлээ щохьури, Нэфор пIалъэкIэ къаутIыпщ, и сабийр хьужыху щхьэхуиту зэрихьэн щхьэкIэ. Нэфо а пIалъэ тIэкIур къегъэсэбэпри, Тэрч – къалэ и анэмрэ и шыпхьумрэ я деж зышегъэп-щкIу, и унэцIэри и цIэри зэрехьуэкIри.

Хэку зауэшхуэм иужькIэ Нэфорэ Зизэрэ Налшык къоIэпхьуэж (Советская, 39, кв. 1); дэрбзэр Iээти, и лэжьыгъэм къыщыдэхуэм деж цIыхум яхуэдэу щытащ. 1996 гь. и ныбжьыр ильэс 85-м иту дунейм ехыжащ.

Фэрдаус (Тинэ)

Нэфо тральхуар (1918) Фэрдаусщ (Тинэ). Бузэ ягъэтIыса нэужь, бынунэм яхэту ари Сталинабад макIуэ. Бузэ хуит къэхьужу и бынунэр Кавказым къыщишэжым, Тинэ Тэрч – къалэ къыдонэ. Медсестрауэ мэлажьэ. 1938 гь. комсомолым хохьэ. Хэку зауэшхуэр къызэрыхьейуэ 1941 гь. июным ар дзэм хагъэхьэ, медпоездым и сестра нэхьыжьу, военфельдшеру щолажьэ. 1943 гь. лейтенант нэхьыщIэ цIэр къыфIащ. А гъэ дьдэми ВКП(б)-м хохьэ. Хэку зауэшхуэр зэриухуу, Япон зауэм ягъакIуэри, ар зэфIэкIыху абы къулыкыу щешIэ.

«Хэку зауэшхуэ» орденырэ медаль пщыкIуэрэ кыыхуагъэфашэ. 1946 гь. дзэм кыыхокIыжри пенсэм кIуэху и дохутыр IэщIагъэм иролажэ. 1999 гь. Тэрчкьалэ кьокIыжри Налшык кьолэпхьуэж.

* * *

Революционеру ущытыныр щышынагъуэм, щыгугъум – Налохэ революционераш; уреволюционерыныр льяпIэныгъэрэ тхьэжыгъуэрэ зэрыхуу – Налохэр трагъэкуэтри, гъуанэдэхэр «революционеру» кышIедзыж. Ар революцэ псоми я натIэщ. Коммунистхэм тепщэгъуэр яIэщIэлъыху, Налохэ я революционерыгъэм зэикI трагъэчыныхьакъым, тхылъхэм ихуэнми щIэбэнакъым, гушIэгъуу щIолъэIу, кьулыкъу шохъуэпс кыыхужамыIэн щхьэкIэ, ауэ я гуашIэ щымысхьыжу щхьэж и IэнатIэ Iутащ, япэ ищхэм ягъусэу. Иджы революционерыгъэми, коммунистыгъэми пщIэ щимыIэж, парт кьулыкъу зыIыгъахэм зыщабзыщIыж зэманым Налохэ зыри ябзыщIыну я мурадкъым, пэжыр нэхъапэу кьалъытэри. Налохэ Советым халъхьари, Налохэ Советым кьарищIэжари тхьэдэм кьинапхьэщ.

Дэ абы и хьыбарыр кьедгъэжъа кьудейщи, и кIэм нэдгъэсын дигугъэщ.

Евгения (Блау)

Жамырзэ ипхьу нэхьыщIэ Евгения кыщцалъхуам фIащыгъар Жанкьудаст, лъэпкьыр дызэреджэр Блаут. Ар кыщцалъхуар 1920 гъэм декабрым и 24-м Хьэтуейщ. ХуэшIауэ псэу и адэр а лъэхьэнэм Аруан округым и ревкому лажьэрт. Евгения дэлъхуитIрэ (Аслъэнджэрий, Адэлджэрий) шыпхьуищрэ (Лейла, Нэфо, Фэрдаус) иIащ. Абы еджэн щыщIидзар Хьэтуей пэщIэдзэ еджапIэрат, ауэ еджапIэ нэхьыщхьэ кыщиухар Орджоникидзе (Владикавказ) кьалэщ. Абы щхьэусыгъуэшхуэ иIащ. 1929 гъэм лажьэншэу Жамырзэ илъэсий телъу цагъэ-тIысам щыгъуэ, и бынунэри Севкрайм (Ищхьэрэ) ирагъэхьыну, я мылькури кытрахьыну «хьэщIэм» унафэ кьыштати, а хьэзабым зыщцахьумэн щхьэкIэ, унагъуэм заштэри Аслъэнджэрий зыщигъэпщIу Таджикистаным 1931 гь. Iэпхьуащ. 1933 гъэм Жамырзэ хуит кьашIыжу кьыгъэзэжа нэужь кьышэжхьэщ аби, ипхьухэр (Фэрдаусрэ Евгениярэ) Орджоникидзе щигъэбэзури, езымрэ и щхьэгъусэ Хьэжгуашэрэ Хьэтуей кьэкIуэжаш. Ар щыуагъэ ину кьыIэщIэщIат лIы Iушым: и щIапIи и мылькуи Кьалмыкъым кьритыжакъым, езыри 1937 гъэм иригъэгъэтIысри иригъэукIащ. Евгении дунейм тетыхукIэ а щIэпхьаджагъэр хьэзабу ирагъэпшынащ.

1937 гъэм курыт еджапIэр Сталинабад кыщцеухри, университетми щыщIотIысхьэ. 1940 гь. Орджоникидзе дэт пединститутым кыщIотIысхьэж аби, 1941 гь. ар хьарзынэу кьеух тхьэдэмрэ филологиемкIэ икIи тхьидээгъаджэу кьуажэ гуэрым курыт еджапIэм шолажэ, арщхьэкIэ и щIэныгъэр игъэлэжъэным хунамыгъэсу, ар 1942 гъэм октябрым и 3-м ягъэтIыс, политикэ Iуэху кыкIэрацIэлъри (РСФСР-м и УК и статья 58-10, ч. 2) икIи судыншэу (внесудебная ответственность) илъэсиплI кытралъхьэ. Ауэ, кьуаншагъэ зэрыбгъэдэмыльыр егъэнаIуэр аби, хуит зыкьрегъэщIыж 27.1V–1943 гь., а гъэ дыдэми реабилитациэ ящI.

Хуит зэрыхьужу Орджоникидзе дэт Всесоюзнэ юридическэ заочнэ институтам щIотIысхьэри, аргуэрыр 1947 гъэм кьеух, 1945–48 гъэхэм СОАССР-м и Совминым шолажэ дагъуэншэу, щытхьу иIэу. Ауэ Евгения абы зэрыщы-

лажьэр къэбэрдейм къахутэри, «еI, дэ дызыхуэныкъуэ уэ нэгъуэщIыпIэ щхьэ ущылажьэрэ, къэкIуэж Налшык!» – жаIэри Къэбэрдей пединститутым къашэж аби 1948 гъэм тхыдэдэж кафедрэм ассистенту Iуагъэуэвэ. АрщхьэкIэ, бзэгущэхэр къыкIэщIаутIыпщхьэри, ильэситI ямыгъэлэжьауэ, аргуэру политикэ Iуэху (УК-м и ст. 58-10, ч.1) къыкIэралхьэр аби, СССР-м и МГБ-м 1950 гъэм майм и 9-м ягъэтIыс (аргуэру внесудебнэ ответственносту!) икIи ильэси телъу ГУЛАГ-м ирадзэ. Ильэсийм каторгэм Евгения и узыншагъэр ишхауэ 29. VIII-1958 гъэм къаутIыпщыж. Зэрыхейм и хьэтыркIэ 1963 гъэм реабилитацэ ящI.

Блау апхуэдиз хьэзаб щIрагъэшэчар къэралым е цIыху гуэрым екъуэншэкIауэ аратэкъым, атIэ зэры-Нало къудейрат: и адэм, и адэ къуэшхэм, и дэлъхухэм ираха лейр абы къытралхьэу арат, акъыл, щIэныгъэ, напэ зэриIэр, пэж зэрыжиIэр къыхуамыгъэгъуу арат. «Социализмэр» къэблагъэу, убольшевикыныр тхьапIэ хьуа нэужь, тепщэу къыщIидзыжа лIы фIыцIэжхэм революционерхэри, абыхэм я щIэблэри пагъэуджэжаш совет псэукIэм. ЕвгеникI, цIыху псоми ещхьу, псэ Iуту къыгъэщIат, ауэ къэралым зэхэзехуэн ищIри, игъэтIыс-къыгъэтэдджыжурэ, лэжьапIэншэу къыгъанэурэ, лIы дэкIуэгъуи бынунэ зэгъэпэщыгъуи кърамыту щхьэзакъуэ – лъакъуитIу гьащIэр ирагъэхьащ. А гуэныхьыр зрагъэпшынынур хэту пIэрэ – Сталиныра, Къалмыкыра?

ГУЛАГ-м къыкIыжа нэужь, и нэмысымрэ и хуитыныгъэмрэ къаIихьыжын мурадкIэ, Мэзкуу куэд къыщикIухьащ, уеблэмэ К. Е. Ворошиловым деж нэсу, ауэ зыми зыри къыхуащIакъым 1963-м пщIондэ. Каторгэм зэтрикъута узыншагъэр зэфIигъэуэжын щхьэкIэ, ар ильэс зыбжанэ Сухъуум дэсаш, дэрбзэру, машинисткэу къилэжь тIэкIум ирипсэууэ. Ауэ Евгения тынш цIыкIукIэ икIуэтыжхэм ящыштэкъыми, къызэрызэфIэуэжү мурад ещI и лэжьапIэм Iуувэжыну. ИIэри имыIэри зэхельхьэр аби, Мэзкуу макIуэ, ЦК-ами, РСФСР-м ЩIэныгъэ нэхьы-щхьэмкIэ и министерствэми щотхьэусыхэ. Н. С. Хрущев къиIэтыжа захаугъэм ипкъ иткIэ, министерствэм хегъадэ лэжьапIэм (университет хьуам) Iуувэжы-нымрэ аспирантурэм щIэтIысхьэнымрэ. Блау аспирантурэр къыхех, и ныбжьыр ильэс 45-м нэса пэтми. Абы теухуауэ министерствэм и плано-финансово управленэм 1965 гъэм майм и 8-м ди шыпхьум къыхуэтх: фи «университетым и ректорым унафэ хуедгъэхьащ уэ стипендие лъагэ зратым ухатхэну, 1965 гъэм и япэрей махуэм щыщIэдзауэ мазэм хуэзэу соми – 100 къуатын щхьэкIэ».

Жамырзэ ипхьу Евгения (Блау) аспирантурэм иужькIэ диссертациэ етх «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» темэмкIэ икIи ар щIэныгъэлI советым ирегъа-щтэри 1973 гъэм июным и 26-м тхыдэ щIэныгъэм и кандидат лъагагъэр кърат. А темэм теухуа тхыгъэ зыбжани къытрегъадзэ.

Аспирантурэ нэужьым ар япэм (ягъэтIысын ипэкIэ) щылэжьа тхыдей кафедрэм ассистенту къамыштэжү куэдрэ зэгугъэпаш, гугъуи ирагъэхьащ. Къэбэрдей-Бэлъкъэрым гъуэгү къыпцрамытыххэм, ещанэрейуэ Мэзкуу макIуэри и Iуэху зыIутыр КПСС-м и ЦК-м яжреIэ.

– КIуэж Налшык, псори тэмэм хьужынщ, – къагъэгугъэ. – Обкомым яжеIэ уи проблемэр.

– Обкомым зы бзылхугъэ гуэрым деж сыщIыхьати, тIыси къызжимыIэу, си гугъэр хызыгъэхьащ: «Мы къалэм уэ лэжьапIэ ущиIэнукъым!» – жиIэри бжэр сигъэлэгъуащ.

- Абы деж тумыгъазу ШэкIыхъэщIэм деж щIыхъэ, – кыжжралэ.
- ШэкIыхъэщIэм деж щэней сыкIуати сыщIигъэхъакъым...
- Иджы ущIигъэхъэнщ.

ШэкIыхъэщIэм ди шыпхъур зыпимыгъаплъэу ирегъэблагъэ, кыщогуфIыкI, ректорыр къреджэри... Iуэхур псынщIэу зэфIокI: 1969 гъэм Евгения къратыж СССР–м и тхыдэ кафедрэм и ассистент къулыкъур. 1970 гъ. егъэджакIуэ нэхъыжь IэнатIэр кърат, «История первобытного общества», «Русская палеография» курсхэр ирегъэдж, спецсеминархэр ирегъэкIуэкI, студентхэм я егъэджакIуэ практикэри кыIэщIалъхъэ... Абы и лъжыгъэм щIэныгъэ-теоретическэ пщIэ лъагэ иIэ пэтми, егъэджакIуэ нэхъыжь къулыкъум фIагъэкIакъым, езым и гъэсэнхэм доцент цIэр фIашурэ. Блау доцент щашIар 1990 гъэм мартым и 20-раш: ЩIэныгъей кандидат хъуа иужькIэ илъэс 19-кIэ пагъэплъаш а щIэныгъэцIэ тIэкIум: ЩIэныгъэхэмрэ еджапIэ нэхъыщхъэмкIэ РСФСР-м и Министерствэм егъэщIылIа комитетым и унафэкIэ 1992 гъэм декабрым и 17-м Блау кыфIещ доцент щIэныгъэцIэр, икIи апхуэдэ къулыкъур иIыгыу 1993 гъэм пщIондэ СССР-м и тхыдэ кафедрэм щолажъэ.

1993 гъэм февралым и 13-м Жамырзэ ипхъу Евгения КБГУ-м и юридическэ факультетам къаштэ къралымрэ хуитыныгъэмрэ я теориэмрэ тхыдэмкIэ доценту (доцентом кафедры теории и истории государства и права), ауэ и узыншагъэр зэрымытэмэмым кыыхэкIкIэ, IэнатIэм и ныкъуэр яретыжри 1999 гъэм октябрым и 1-м шыщIэдзауэ улахуэ ныкъуэкIэ мэлажъэ.

2000 гъэм декабрым и 1-м университетам езым и лъэлукIэ кыIуокIыж, илъэс 63-кIэ лэжъауэ.

2007 гъэм мартым и 2-м илъэс 87-рэ и ныбжъу дунейм йохыж, и ахърэтыр Алыхъым нэху ищI!

Евгения и щIэныгъей тхыгъэхэр:

1. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века: Диссертация.

2. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 61–81.

3. К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1969. Вып. 40. С. 18–35.

4. К вопросу о термине «кунак» // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 143–152.

5. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик: Эльбрус, 1972. Вып. 6. С. 69–87.

6. Документальные данные о Казаноко Жабаги // Жабаги Казаноко (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985). Нальчик, 1987. С. 93–98.

7. Легендарный Казаноко // Кабардино-Балкарская правда. № 151.22.07.1971.

8. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 5–27.

9. Социально экономические и внутривластные отношения на Северном Кавказе в XVIII веке // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988. С. 336–407 (Соавторы Гаджиев В. Г., Гарданов В. К.).

10. Налшык, Грознэм, Махачкала шеклуэкла шэныгъей конференцэхэм докладхэр шидаш.

11. Генеалогия кабардинских князей: Рукопись.

Заур Налоев
Род Налоевых. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012
(Перевод с кабардинского на русский язык Ларисы Маремкуловой)

§ 12. Найденный кошелек

Джамурза был младшим из сыновей Кубатия, а мы, детвора, называли его Бузой. Он родился, как видно из документов, в 1875 году.

В моей памяти он остался высоким красавцем с карими глазами, с большими черными усами, неизменной трубкой в зубах и тростью в руке. Говорил он мало, с расстановкой, но главное слово всегда произносил с нажимом. Детей он очень любил и с удовольствием играл с нами. Бывало, привяжет качели – и давай нас раскачивать, да так высоко, что ногами до балки дотягиваемся...

А шутки Бузы до сих пор вспоминают в роду Налоевых. Особенно как он над Ахмедханом потешался. Положит под хвост буйволенку конфету и кричит: «Скорее сюда, наш теленок сейчас конфеты снесет!» Тот прибегает и носится за буйволенком, а как выпадет конфета из-под хвоста – он подбирает и ест. И страшно злился, что их теленок не несется конфетами, и гонял его. А Буза тем временем хохотал от души.

Аскерхана и меня он пугал каким-то загадочным Тутуневичем. Мы не знали – человек это, а может, волк или даже шайтан, знали только, что обитает он под кроватью Бузы. И посмотреть на него хоть одним глазком охота, и страх берет! Нагнемся с опаской, чтобы заглянуть под кровать, а он незаметно коснется наших голых животов кончиком своей трости – и мы с воплем вылетаем из комнаты. Буза смеялся, и мы вслед за ним.

Но как-то мы осмелели настолько, что решили залезть под кровать и найти этого страшного Тутуневича. И залезли! Вдруг моего живота коснулся кто-то, я, не успев опомниться от страха, с криком схватил «Тутуневича». Оказалось, это знакомая трость... Мы раскрыли дядин обман и были очень довольны собой. Смеялись на этот раз все от души.

И таких шуток у нашего дяди было множество...

Буза женился, по нашим подсчетам, году в 1898-м, в возрасте 23 лет. Судя по документам, бедный малыш Таукан родился в 1900-м. До него умер еще один младенец, ему даже имя не успели дать. Если в 1899-м у него уже был ребенок, значит, он женился не позднее 1898 года.

Легенда о его женитьбе сохранилась в нашей семейной истории.

Рассказывают, что некоему Куако Мирзоеву из Коголкино приглянулась младшая сестра братьев Налоевых – Бабына. Он встретился с Джамурзой, и они сговорились обменяться сестрами: Джамурза поможет Куако умыкнуть Бабыну,

а тот отдаст за него Хажгуашу. Он сдержал свое слово, Бабыну украли – не без его участия. А вот Мирзоевы почему-то дали задний ход. Дело в том, что мой отец женился недавно, и семья сильно поистратилась. И вот они держат в доме свою дочь и не выпускают. Буза улучил момент, взял с собой друзей и отправился умыкать невесту. Куако оседлал коня и уехал из дома. Вроде как по делам, а сам помогал своему шурину. А Хажгуаша осталась ночевать с его молодой женой, с Бабыной. Молодые люди подперли бревном дверь в покои стариков, ворвались в лагуну и умыкнули девушку. В роще у реки – оба берега Уруха в то время были лесистыми – Буза спешился, снял девушку с лошади, поставил перед собой и говорит:

– Я украл тебя, потому что Мирзоевы не желали видеть меня зятем. Но если ты не хочешь за меня выходить – тогда отпускаю.

А Хажгуаша в ответ:

– Разве есть такая хабза – украсть невесту и бросить? Нет, если умыкнул – вези к себе!

Буза снова посадил ее перед седлом и отвез к родственнику по матери – Царикати. Мирзоевы перевернули небо и землю – нет нигде их дочери! Что делать – прибыли они к Налоевым, заключили брак, как положено, а весь скот, что нашелся на подворье Кубатия, угнали в счет выкупа.

Отдельную лагуну для молодых еще не успели отстроить, и молодую завели в спальню Тасуты. Завести завели – а уходить оттуда она уже отказалась. Что делать – пришлось Бузе строить дом.

В начале XX столетия среди кабардинцев появились первые торговцы – сондэджэр. Джамурза тоже решил заняться торговлей и открыл бакалейную лавку, куда завозил всякие товары, нужные сельчанам: ткани, соль, сахар, сладости и прочее. Особенно в ходу были ткани. Старшие припоминают такую историю. Зашел в лавку Асхад Кайцуков и говорит:

– Послушай, Джамурза, что же ты не привозишь люли – трубки, значит, – вмиг бы расхватали.

Асхад отсидел в тюрьме в свое время и там пристрастился курить трубку. А на тот момент, надо полагать, люля его разбилась или сломалась. Джамурза повелся на это и завез целый ящик трубок. Асхад купил себе одну – а все остальные так и остались пылиться в лавке...

О том, как преуспевал Буза в делах торговых, остались документы.

(«Его Превосходительству вр. Генерал-губернатору Терской области жителя сел. Хату-Анзорова Нальчикского округа узденя Джамурзы Налоева Прошение. Занимаясь торговлей и имея в селении дом и мануфактурный магазин, а также и другое имущество, мне часто приходится разъезжать по области за покупкой товаров, а потому мне необходимо иметь оружие. Ввиду этого, представляя при сем свидетельство на право ношения оружия за № 165, покорнейше прошу Ваше Превосходительство о разрешении мне права на ношение оружия, а именно: кинжала, револьвера, бердановского ружья неказенного образца, а также разрешить ношение просимого оружия и по железной дороге. К сему Джамурза Налоев. 26 апреля 1906 г.»).

Характеризуя Джамурзу с наилучшей стороны и подчеркивая его благонадежность, главе округа пишет старшина Хатуея Заурбек Анзоров: «Джамурза

Налоев занимается в сел. Х. Анзоровом в собственной лавке мануфактурной торговлей по промысловому свидетельству <...>, выданному из Владикавказского казначейства от 4 февраля сего года за № 4810; поведения и образа жизни Налоев весьма хорошего, под судом и следствием никогда не был и ныне не состоит и в общем во всем благонадежен. Старшина селения Хату-Анзорова З. Анзоров. № 1006, 26 июля 1906 года»).

Как видим, документ 1906 года, подкрепленный мнением главы селения, свидетельствует о лучших качествах Джамурзы, о том, что ему можно всецело доверять. Важно заметить, что к суду он не привлекался и под следствием не был. Не каждый крестьянин, пусть и зажиточный, мог организовать торговлю. А Буза был работающим и предприимчивым человеком, и при этом уважал людей и закон.

Он жил в ту эпоху, когда, говоря словами Бекмурзы Пачева, «перечеркивалось то, что написано на роду человека». В России скинули царя, Временное правительство арестовали, привычный уклад жизни был сломан, к власти пришли большевики. Провозглашались невиданные ранее лозунги и обещания: фабрики и заводы – рабочим, землю – крестьянам, не будет больше рабов и господ, никакого социального неравенства. Даже приняли декреты о земле и о мире. Под запрет попали демократические партии – за то, что поддерживали буржуазную, эксплуататорскую идеологию. Все это заканчивается гражданской войной 1918–1920 годов, и общество раскалывается на красных и белых. Те, кто уверовал в коммунистические идеалы, примкнули к красным (большевикам), остальные – к белым. И началась братоубийственная война. В Кабарде шариатское общество во главе с Назиром Катхановым поддержало красных.

Среди тех, кто верил в совместимость большевизма и шариата, был и Джамурза Налоев. Но что удивительно – и в архивных документах, и в книгах историков советского периода, и в воспоминаниях участников гражданской войны имя его почти не упоминается, или упоминается крайне скупо. Для полной справедливости приведу два источника.

Рашад Гугов пишет: «В отряде осетинских партизан, которым командовали Хамби Халлаев и другие, сражались кабардинцы из сел. Хату-Анзорова Жамурза Налоев, Тазрит и Имурхан Бетровы, Маша Нотов и др.».

Из книги воспоминаний Бетала Калмыкова: «В Урванский [окрреком назначены] Предревкомом т. Лукман Бозиев и членами т.т. Налоев и Клопцев».

Вот и вся информация. Подобной сдержанности в упоминаниях (или замалчивании) есть своя очевидная причина. Джамурза открыто выступил против репрессивной политики Бетала Калмыкова и вышел из рядов его сторонников, за что и поплатился потом жизнью. Поэтому и была дана установка на замалчивание его имени, а вовсе не потому, что люди забыли о его заслугах в Гражданской войне и становлении Советской власти.

Да, он сражался в одном строю с большевиками, но вовсе не потому, что ждал от них должностей или больших денег: и Джамурза, и его братья были людьми состоятельными. Его привлекла вера в справедливость, которую провозглашала революция. Он поверил, что люди станут жить по-людски, поверил в коммунистические идеи – можно винить его в этом или нет.

Как сейчас помню слова сельчанина Тарчокова Чицу, который зашел в нашу кузницу, чтобы скоротать время за разговорами: «А ты знаешь, что ответил твой дядя Джамурза, когда у него стали выпытывать: по своей воле он откололся от революционеров или его выгнали? А сказал он так: «Представь, что идешь по дороге и видишь кошелек? Подберешь его или сапогом отбросишь? Я – подобрал. А если откроешь и увидишь там навоз конский – что будешь делать, бросишь или в карман положишь? Я в карман положить не смог. Вот как было».

По семейному преданию, эти слова он сказал Абазову Данилу из Боташея (а у Бузы часто гостили и Данил, и Богатырев Ахметхан, и Катханов Назир, и многие другие, которые приняли сторону революции). И вот, говорят, Абазов Данил на это отвечает:

– Если даже все, с кем ты пошел этой дорогой, обратились в свиней, ты должен с палкой в руке идти впереди них!

– Как ты можешь говорить такое! Выходит, если они едят навоз, я должен есть вместе с ними?

– А что делать, ждуть, пока тебя убьют? Ты видишь, что они не шутят?!

– Пусть убивают, дерьмо есть я не стану!..

Я не ручаюсь, что в точности воспроизвожу события тех дней. Возможно, я что-то упускаю или, наоборот, привношу от себя. Не уверен, что передаю разговор Джамурзы с Данилом слово в слово – ведь я лично того разговора не слышал. Но по закону жанра неизменным остается одно: непреклонность Джамурзы, верность чести, которую он ценил больше своей жизни.

И не один Джамурза в ту жестокую эпоху нашел в себе смелость отречься от большевизма.

Перейдем к тому периоду, когда Джамурза участвовал в революционных событиях.

В 1918 году, 7 декабря, белогвардейские части Даутокова-Серебрякова заняли Нальчик. 13 октября они вошли в Аргудан. «Вот тогда, – рассказывал наш односельчанин Тохов Хамац, – Джамурза поднял весь Хатуей, – кто на коне, кто пеший, кто с ружьем, у кого оно было, а у кого нет, те с кинжалами, а то и с вилами. Он быстро связался с осетинами и привел оттуда хорошую группу верховых. И вот собрал нас всех – из Коголкино, Хатуея, обоих Анзореевских сел, отправились в сторону Аргудана, заняли место возле Герменчика и преградили путь войску Сырибрикофа. И держали оборону так, что он не мог нас сдвинуть с места. Тогда прислал к нам переговорщика. Мол, Сырибрикоф не станет заходить в ваши села, он сразу уйдет в Осетию, так что вы бы пропустили его с миром. А если, говорит, хотите войны – он от вас ничего не оставит, у него пушки и тачанки с пулеметами. Лучше договориться.

Командиры посовещались и решили: пусть себе идет Сырибрикоф дальше. Но Джамурза не согласился: «Это как же, осетины – не такие же люди, как мы? Получится, мы на них войско вражеское натравили?»

Прошел слух: Сырибрикоф выдвинулся, впереди войска – знаменосец. Только высунулись первые ряды из села – Джамурза выстрелил, и знаменосец кубарем слетел с лошади. Остальные в панике повернули назад и скрылись между домами. Но потом они поставили пушку и как стали палить – мы разбежались, кто в лес, кто в селе спрятался».

После этого всем, кто выступил против Серебрякова, пришлось прятаться в Дигоре вместе со своими семьями, и Джамурза с ними. Когда они выезжали, возле своих ворот стоял сельский старшина. Завидев Джамурзу, он повернулся к нему задом, наклонился и говорит с издевкой:

– Ну что, Налоев, и куда ты теперь денешься? Залезай вот сюда!

А Буза в ответ:

– Я сейчас найду, что может туда залезть, – и как стал снимать с плеча ружье – старшина быстро убежал во двор.

Налоевы скрылись у родственников по матери – Царикаевых, остальных тоже по домам приютили, и там они жили, пока в Хатуей не вернулся мир.

По рассказам очевидцев, красные с белыми довольно долго противостояли друг другу, то одни захватят власть, то другие. В то время, когда в Хатуей очередной раз пришли белые, на сельской площади установили виселицу, и табличку прибили с надписью: «Здесь будет повешен Джамурза Налоев». В это время Джамурза со своим отрядом скрывались в лесу.

Как-то в вечерний час он тайком пробирался верхом в село и по пути встретил молодого родственника – его мать была родом из Налоевых. Парень верхом на лошади из конюшни Джамурзы, папаха по боку украшена полоской белой ткани, на плече ружьишко.

– Что ты вырядился, как ажагафа (шут)? – спросил Буза.

– А я в армию Сырибрикофа записался! – гордо отвечает тот.

– Собачий сын, если тебе нейдет воевать, почему воюешь против меня, а не рядом со мной? Ради кого мы стараемся? Не ради вас? – Он сорвал с его папахи белую тряпку, скинул с лошади, пару раз хлестнул плетью по спине:

– Ступай, прячься где-нибудь, нет тебе дела до всяких Серебряковых, сопли подбери лучше!

Так и прогнал его, лошадь свою забрал под уздцы, потом заехал к моему отцу, коня спрятал и только потом домой пошел. А в село он пробрался, чтобы встретиться тайком с мельником Алексеем Марудой. Их трое братьев было в селе, и все трое революционеры. Старшего брата в августе убили в Тереккале (Владикавказ). Что у него за дела были с Алексеем – осталось тайной, но ясно, что разговор шел о войне красных с белыми.

Ну, от чужих глаз и злых языков не скроешься. Быстро настучали Шарданову Берду (в Гражданскую войну – командир первого конного полка белогвардейской конной дивизии. – *А. М.*), что Джамурза в селе. Они с Алексеем просидели вместе всю ночь, на рассвете, едва гость успел уйти огородами, Берд нагрянул с группой всадников. Окружили дом – семья Бузы еще жила в своем старом доме. Встал Шарданов напротив входной двери и кричит:

– Джамурза, выходи, коли ты мужчина!

Выходит на порог Зиза и говорит:

– Будь гостем, Берд.

– Пусть к добру будут твои гости, Хажгуаша! – отвечает тот. – Мы пришли к Джамурзе, пусть выйдет. Мы знаем, что он ночью вернулся.

– Верись, Берд, я сама его не видела вот уже месяц.

– Хажгуаша, ты женщина, не пристало тебе обманывать. Пусть выйдет. Долго он будет за твоей юбкой прятаться?

– Не веришь мне – зайди в дом и найди его. Если боишься – обещаю, что ни одна ресница с тебя не упадет!

Берд хорохорился, но против Зизы у него дух был слабоват. Зизу можно было бы в Англию дипломатом послать, хоть и не училась нигде. И вот стоит Шарданов. Зайти в дом боязно, не зайти – люди засмеют, за труса посчитают. Что делать, слез с лошади и направился к дому, держа револьвер наизготовку. Дверь открывалась вовнутрь, он пнул ее сапогом и шагнул в комнату. Видит – стоит трехногий круглый столик, на нем еда, выпивка.

– А говорила, дома нету. Для кого стол накрывала? – И в эту минуту в спину ему уткнулся ствол револьвера.

– Опустит револьвер, Берд, – сказал Джамурза. – Разве в дом уорка входят с обнаженным оружием? – «Гость» послушно вложил револьвер в кобуру. – Это другое дело. – Хозяин налил стопку и протянул Шарданову:

– Выпей и ступай своей дорогой: я тебя не видел, ты – меня.

Тот обернулся со стопкой в руке и говорит:

– Тебе бы не с босяками этими, а с нами быть больше пристало...

Джамурза резко оборвал:

– Не тебе решать. Я за себя сам решил.

Шарданов выпил, поставил стопку на стол и ушел, сказав на прощание:

– Дай тебе Бог не пожалеть. Но когда пожалеешь – вспомни этот день.

Вспомнил ли эти слова Джамурза в свой роковой 37-й год – кто знает...

Берд вышел и, боясь признаться в трусости, сказал своим людям:

– Нет никого. Обманули нас. – С тем и уехали.

Но они все-таки следили за домом, и когда в сумерках Джамурза выехал со двора, тут же снарядили погоню со стрельбой. Он сумел скрыться за холмом, потом спуститься в балку. Когда переправлялся через Урух, коня под ним убили. Сам выбрался из воды и затаился в прибрежных колючих зарослях. Преследователи еще суетились на том берегу. Джамурза стал стрелять, под кем-то лошадь убил, с кого-то папаху сбил, так что у тех охота пропала продолжать погоню, тут же стали заворачивать коней. А Джамурза кричит из укрытия:

– Что же ты, Берд, давай, иди сюда, если ты мужчина и носишь усы!

Но желающих лезть под пули не нашлось, они свернулись и ускакали. А Буза смотрит – в револьвере ни одной пули.

Когда погнали Даутокова-Серебрякова из наших краев, наш родственник – тот, которого встретил Буза и отобрал лошадь, – ушел с белыми. На подступах к Царицыну их настигла жестокая стужа, и он обморозил ноги. Его пожалел и приютил у себя какой-то казак. Когда с ногой стало совсем худо, он перепугался и написал письмо старшему из братьев – Жанхоту. Как и кто передал это письмо – не знаю, но оно дошло до адресата. Жанхот говорит Джамурзе:

– Ты один можешь поехать и забрать его, а то помрет среди казаков – с какой совестью мы предстанем перед нашей бедной сестрой?

Но Джамурза тут послушался старшего брата:

– Если я поеду выручать того, кто против нас воевал, что про меня скажут? Я дам тачанку, дам деньги, пусть кто-нибудь съездит. А меня не просите.

Что делать, вместо него снарядили Хамурзу, он поехал и привез больного родственника, докторов ему нашли. Вскоре он вылечился и встал на ноги.

Прошло время. В 1931 году прямо в поле во время сбора кукурузы умер Жанхот. Когда его везли домой на санях – а уже снег выпал, – спасенный родственник, даже не взглянув, перешел дорогу саням с покойным дядей и пошел своей дорогой: теперь он заделался большевиком, а они, как известно, таких условностей не признавали. Нет на свете ни одного народа, у которого принято переходить дорогу перед умершим, разве что вот такие подонки. Саихат и Нона кричат ему вслед:

– Разве ты не видишь, какое горе у нас? Вернись!

Но он даже не обернулся.

Там, где в чести хабзэ и достоинство, даже последний человек пытается скрыть свои пороки. Только не в нашей стране и не при Сталине, когда псэжыгыгэ, продажность возвели до уровня закона. Вот продажные люди и начали выпячивать свою продажность, гордиться ею. Если раньше адыги говорили, что скорее расстанутся с жизнью, чем с честью, – теперь все больше становилось тех, кто готов был расстаться с честью прежде, чем с должностью, с партбилетом.

§ 13. Сделав добро – не жди добра

Власть большевиков окончательно укоренилась, и Джамурза был среди тех, кто хотел строить новую жизнь. Составленный 25 июня 1918 года в селении Хатуей протокол начинался со слов: «Комиссар селения Хату-Анзорова 3-го участка Нальчикского округа Жамурза Налоев, в присутствии приглашенных понятых Цу Долова и Масхуда Шамаева, составил сей [протокол] в следующем...».

Документ был составлен по факту задержания конокрадов в селе. Есть и другие задокументированные свидетельства за подписью комиссара Джамурзы Налоева, например, рапорт о поимке жителя Аргудана Бирсова Хазретали, угнавшего трех лошадей.

Конокрадство испокон веков было в традициях горцев, и вот с этим «проклятым наследием прошлого» надлежало бороться молодой советской власти. Но это к слову. Мы приводим отрывки из документов того времени с одной лишь целью – показать, что первым ревкомом в нашем селе в апреле 1918 года был избран Джамурза. Это фактическое подтверждение его участия в революции и всеобщего к нему уважения и доверия среди односельчан за его мудрость и доброе отношение к людям.

Задачи и дела революционеров в сел. Хатуей того времени мало отличались от происходившего в других селах, так что подробно останавливаться на этом нет смысла. Но не могу не поделиться историей, рассказанной мне ныне покойным Губачиковым Хамидом из сел. Больтей в 1982 году.

Имя Хамида в доме Налоевых упоминали часто, словно это был близкий родственник или друг. А служил он на самом деле батраком в хозяйстве Бузы. Вспоминали, что это был парень недюжинной силы, к тому же большой шутник, прекрасный рассказчик и певец. И даже сам сочинял шуточные песни.

Во время одной фольклорной научной экспедиции мы поехали в Больтей. Я расспросил, где находится дом Хамида, и навестил его. Он был уже старцем, ходил с трудом, но когда узнал, что я из Налоевых, расплакался. Встал и обнял меня:

– Впервые в жизни я досыта поел в доме Хажгуаши. Да воздаст ей Аллах на том свете!.. Я тогда совсем юнцом был, батрачил у Анзоровых, что в конце аула жили, но они мне не заплатили за работу, так и отправили восвояси с пустыми руками. Куда идти? Присел у их ворот, сижу, голову опустив. И тут подъезжает видный такой всадник, на гнедом красавце-жеребце и в красной черкеске. Это был комиссар из Хатуей, Джамурза.

– О чем печалишься, парень, случилось что? – спрашивает. Я вскакиваю и как на духу все ему рассказываю. Он подумал с минуту и говорит:

– Вряд ли Анзоровы отдадут тебе долг. Ты лучше сходи ко мне домой, скажи, что я велел накормить тебя. А потом не уходи, дождись меня.

Я так и сделал. Хажгуаша накормила меня. Потом Джамурза вернулся и заставил меня еще раз поесть вместе с ним. Я отнекивался, потом сел. А потом он говорит:

– Не жди, что Анзоровы тебе заплатят долг. Лучше оставайся у меня, поработай...

– И как потом было, какую работу надо было выполнять у Джамурзы? – спрашиваю я.

– Я бы и сегодня батрачил так, как у него, кто бы нанял только! – говорит Хамид. – В доме меня ставили вровень со своими детьми. Сошьют рубашку Аслангерию – и мне такую же. Шалит Аслангерий – и я с ним. Девчонки не слушаются – мог их призвать к порядку...

Тут я вспомнил одну смешную историю и не удержался, чтобы не ввернуть:

– Хамид, а правду говорят, что тебя на тележке с одной «матушкой» (русской) через реку перенесли? Помнишь такое?

– Как не помнить! – Он рассмеялся детским смехом. – А было так. Дрыхли мы с Аслангерием на их веранде. А батрачка русская, «матушка», спала во дворе на тележке с сеном – такие назывались раньше «дарабина». Спим все – пушкой не разбудишь. Аслангерий с Божием сговорились, видно, заранее, взяли меня за руки-ноги – и положили на тележку рядом с женщиной. Тихонько сняли дарабину с колес и понесли к мельничной запруде, перенесли через мосток и поставили прямо против того места, где женщины воду набирают. А мы спим себе мертвецким сном. А как рассвело – нас и разбудил утренний шум – как не проснуться, кто-то скотину выгоняет, коровы мычат, женщины ведрами у реки звякают, разговоры рядом. Проснулись – и не понимаем, что случилось. Перед людьми стыдно, боимся высунуться, то я голову из-за сена высуну, то батрачка в щелку посмотрит. И при этом боимся соприкоснуться, глянуть друг на друга! И люди нас заметили, обсуждают, как бы перебраться и посмотреть, что там, в тележке. На наше счастье, Хажгуаша прознала о случившемся, прислала ребят с округи, и они так же, в тележке, и принесли нас домой. Хажгуаша шутки понимала и сама любила пошутить, так что все обошлось, но только Джамурзе про это ни слова не сказали, иначе несдобровать бы Аслангерию.

– И как вы потом помирились с Аслангерием?

– Да что там, мы на такие шутки не обижались... Тогда люди другие были, терпимые, и шутки понимали, не то что нынешние. Попробуй сегодня пойти на такие проделки, что мы творили!

– А какие обязанности были на тебе в хозяйстве Джамурзы?

– Да такие же, что и на его сыне. С той разницей, что Аслангерию не платили за работу. А мне всегда платил, никогда не задерживал и не убавлял, только прибавлял. Как подойдет день – он мне дает повозку, я нагружаю ее заработанным и везу домой. Мы тогда жили кверху от вас в другом конце села. И никогда он не проверял, не взял ли я чего лишнего... Уж не знаю, за что, но любили меня Налоевы как сына, как брата!.. Да воздаст им Аллах!..

А со временем Джамурза сказал:

– Хамид, не век тебе в батраках ходить. Выбери-ка себе дело по душе, научись ремеслу и живи своим трудом. А я тебе помогу.

Я мечтал работать в кузне, и Джамурза определил меня в ученики к искусному кузнецу, купил все, что надо для работы, и начал я на себя работать.

...В 1920 году закончилась гражданская война, а в марте 24-го в Кабарде окончательно установилась власть Советов. Народ поверил, что теперь весь мир в его руках, снова взялся за соху с верой в лучшее будущее.

14 июля того же года в сельском Совете села Хатуей выбрали исполком, вместо бывшего ревкома. В архивном документе значится: «Открытой баллотировкой выбраны: председателем Совета – Жамурза Налоев, товарищами его – Магомет Закаонов, Тату Ашноков и секретарем – Николай Груша».

С 1921 года Джамурза становится членом Урванского окрревкома.

Он возобновил свою торговлю. Теперь во дворе его стояли три большие деревянные клетки с кукурузой, метров, наверное, до сорока каждая, и большой амбар был забит пшеницей.

В ту пору случилась в Малой Кабарде страшная засуха, и урожай погиб. Людям грозил голод. Села Большой Кабарды помогали, чем могли, голодающим братьям. Вот тогда Буза велел запрячь все повозки, что были у него на подворье, еще сотню нанял за плату, погрузили на них всю кукурузу из трех клеток, всю пшеницу из амбара – и отправил в села за Терекком.

Среди погоньчей был и его сын Аслангерий, остальным он заплатил. Отдельным обозом отправили зерно, собранное его братьями и другими односельчанами.

Эту историю я не раз слышал в роду Налоевых, не раз пересказывали ее мне и сельские старики, заходившие к нам в кузницу. В то время сказать доброе слово про Джамурзу было большим риском, но разве наших стариков испугаешь. Как начнут рассказывать свои истории – их уже не остановить.

Вот в том самом 1921 году, в ноябре месяце, и начали портиться отношения Джамурзы с Беталом Калмыковым.

В Кабардинской автономной области проходило первое Учредительное собрание с участием К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, А. С. Бубнова. Было это 25–30 ноября. А через день, 1 декабря, были назначены выборы председателя и президиума Кабардинского облисполкома. Волнение чувствовалось в рядах большевиков, они боялись понижения Калмыкова и выбора на его место Назира Катханова. Это потом Калмыков стал популярным, а тогда все помнили про подвиги Катханова на гражданской войне. Его очень ценили по всему кавказскому краю, его любил народ в Кабарде и Балкарии. Так что его победа была вполне вероятна. Когда почетные гости из столицы отправились

спать, Калмыков стал по-одному будить делегатов и перешептываться с ними. Дошел и до Джамурзы и сказал прямо:

– Завтра проголосуешь не за Катханова, а за меня, а я тебе этого не забуду.

Буза уважал Калмыкова и всегда был на его стороне. Но эта просьба разочаровала его, огорчили попытки Бетала пролезть в руководство нечестным путем:

– Выходит, в дверь не впускают – в окно пролезешь? Собирался я за тебя голосовать, а вот теперь не стану.

– Как бы не пожалеть, – произнес Калмыков и ушел.

Назавтра главой облисполкома выбрали Калмыкова, в президиум вошли Фадеев, Катханов, Павлович, Мидов, Боровицкий, Ткаченко, Кокожев, Манжуло.

А про ночной разговор Джамурзы с Калмыковым братья узнали позже от него самого.

С того времени Калмыков сильно изменился. Он стал жестоким, мстительным, кровожадным и двуличным. Окончательно отношения двух бывших соратников испортились после известного дела двух студентов. Молодые люди учились в Петербургском университете, но окончить его не успели из-за политических гонений – они происходили из благородных семей. В 1924 году им пришлось вернуться на родину. Явились на сельский сход в Жанхотхабле (к тому времени его уже успели переименовать в Псыгансу) (в воспоминаниях Е. Д. Налоевой и ее старшего брата А. Д. Налоева указывается сел. Аушигер – Дыгъужыкъуей. – *А. М.*) обратились к сельчанам:

– Просим вас быть нашими бысымами (бысым – хозяин, принимающий гостей) и принять нас как своих односельчан, чтобы мы остались жить среди вас и под вашим заступничеством. Мы мирные люди, ни с кем не воевали, никого не угнетали, только учились.

Сельчане не отказали им в просьбе и взяли под свою защиту, как и подобает по адыгскому обычаю. Сельский старшина, как и обязан был, сообщил в окрисполком, что сельский сход принял двух молодых тлякотлешей и обещал им заступничество. Джамурза, в свою очередь, довел это до сведения Калмыкова. Тот, казалось, обрадовался этой новости:

– Хорошо, что есть у нас столь образованные люди! Я собираюсь открыть гимназию, обоих возьмем учителями. Пусть придут ко мне.

Джамурза смутился:

– Но я не могу принимать такие решения без ведома бысымов. Так по хабзе ведется.

– Долго ли, собери сход, объяви им о моем решении и привези их под свою ответственность.

– Бетал, – опять возразил Джамурза, – вдруг я возьму на себя ответственность, а с парнями что-нибудь случится? Как я тогда людям в лицо буду смотреть?

– Даю слово, что с ними ничего не будет, вернутся живые и здоровые!

Что ж, Джамурза дает свое слово перед сходом, забирает молодых людей и отправляет их к Калмыкову. Тот, опьяненный запахом крови, отдает их Ткаченко под расстрел.

Джамурза после этого случая совсем пал духом: как теперь перед людьми предстанет, и как дальше работать с Калмыковым, человеком без чести и совести? Он оказался на распутье и сделал выбор, подобающий адыгскому мужчине.

Встал перед сходом в Жанхотхабле и рассказал людям о клятвопреступничестве Калмыкова, сам отказался от должности и вернулся в Хатуей. Для него честь всегда была дороже жизни.

Тогда-то Буза и выбросил тот самый «кошелек с навозом».

После такого разочарования Джамурза окончательно порвал с политикой. Все свои усилия, знания и опыт он посвятил экономике. Работал уполномоченным в Югзаготзерно. Запустил собственный кирпичный завод на берегу речки Шечер, соорудил цех для гашения извести. А для своей семьи начал возводить просторный красивый дом, большой амбар, сарай, каменный забор. В 1926–1927 годах стройка была закончена.

Это было время расцвета НЭПа, и государство поощряло частное предпринимательство. Но ведь в каждом селе найдутся клеветники и завистники. И вот один из односельчан закидывает такую шутку – не шутку: «Давайте поделим камни в пойме Уруха». Народ, конечно, поднял его на смех, тебе бы, мол, свой забор в огороде подправить, а не о камнях думать! А тот: «Я свою долю потом Налоеву Джамурзе продам. Вот понадобятся ему булыжники – знаете, как дорого он их купит!»

Посмеяться посмеялись, но ведь откуда-то дул этот ветер... И что же? 28 марта 1927 года, в разгар НЭПа, Совет сел. Хатуей издает примечательный указ: большую мельницу Анзоровых, вместе с долями братьев Налоевых, отобрать и передать в собственность ККОВ (Крестьянский комитет общественной взаимопомощи. – *А. М.*). Отдельно подчеркивалось, что в строительство этой мельницы Налоевы своего труда не вложили, они ее и не покупали, и бумаги на право владения этим имуществом у них нет.

Если говорить о бумагах, есть документ, который проясняет, каким образом доля в мельнице перешла к Налоевым:

«Решением народного суда Урванского округа, состоявшемся 11 сентября 1922 года с владельца мельницы Эльбуздуко Анзорова в пользу Анзора и Жамырзы Налоевых присуждено долга 2950 пудов пшеницы, но т. к. Анзоров Эльбуздуко не имеет средств пополнить этот долг, то для погашения этого долга он уступил Налоевым половинную часть своей мукомольной мельницы, что подтверждается подпиской Эльбуздуко Анзорова, выданной им 13 октября 1922 года и засвидетельствованной Ревкомом сел. Старый Урух того же числа. Об этой сделке между Налоевым и Анзоровым было известно всем гражданам сел. Старый Урух, а потому – и сельсовету сел. Старый Урух».

Джамурза Налоев пишет заявление в президиум Урванского окрисполкома с просьбой отменить решение сельсовета и прикладывает к заявлению решение суда, на котором стоит подпись Анзорова Эльбуздуко. 29 апреля 1927 года из окрисполкома приходит ответ: в прошении Налоеву Джамурзе отказать. И никакого объяснения причины отказа.

В том же протоколе выносятся и другое, не поддающееся разумению решение – о лишении Налоева Джамурзы, борца за Советскую власть и за ее становление, избирательных прав: «Постановили... б) Вопрос о восстановлении гр-на Налоева Жамурзы в избирательных правах считать целесообразным обсудить на следующем очередном заседании Президиума в присутствии самого Налоева».

И вот тут становится совершенно понятно, откуда подул тот ветер. Калмыков мстил ему за строптивость, за несговорчивость, за то, что он не пошел против совести тогда, перед выборами. Не хотел голосовать за меня – получай! Обвинял меня во лжи – получай! Рассказал всему миру, что я велел расстрелять студентов – получай! Не по нраву наши дела – получай! Ушел с должности самовольно – получай! Отгородился каменным забором – получай!..

Начинались сталинские репрессии, и Калмыков, который трясся за свою шкуру и свой пост, но при этом привык, что ему все дозволено, преследовал, сажал, расстреливал всех, кто был ему неугоден, кого он боялся, кто по сути был цветом и гордостью нации. До тех самых пор, пока его самого не арестовали в 1938 году, Налоевым не было покоя. В одном он их обвинял: они не желали ставить общее (якобы) дело превыше своей чести совести, не желали доносить и быть покорными власти. Таким образом, посадили Жансоха, Шупаго, Джамурзу, Хамурзу, Анзора, Айтека, Магомета, Аслангерия. Следом нагрянули и забрали жену Жансоха, Анну Николаевну, вместе с маленькой Лилианой, затем и Марию, жену Шупаго, потом арестовали Каральбия, Хакяшу!.. Из двенадцати репрессированных вернулись живыми только трое – Аслангерий, Мария, Анна Николаевна. Аслангерий смог выжить лишь благодаря своей недюжинной физической силе и выносливости, иначе и он сгинул бы в том аду. Остальные девять были расстреляны или умерли в лагерях.

До восстановления Джамурзы в правах дело не дошло. Вместо этого его самого арестовали по статье 58-10 УК и отправили в сибирские лагеря, а все имущество его – дом, домашнюю утварь, амбары, пристройки, сараи – все отобрали. Для политических заключенных не предполагалось никаких судов и следствий, все решалось на уровне печально известной тройки. И Джамурзе приговор выносила тройка Северокавказского края. Вот постановление тройки от 29 января 1930 года:

«Слушали: № 12 868 по обвинению Налоева Жамурза Кубатиевича, 55 лет, женат, неграмотный, беспарт[ийный], кулак, жит[ель] сел. [Старый] Урух КБАО, содержится под стражей каб[ардинским] отделением ОГПУ с 30/XI-29 г. по ст. 58-10 УК.

[Приговор]: Концлагерь на восемь лет. Семью выслать в Сев[ерный] край. Имущество конфисковать.

Секретарь Голованов».

Зимой 1931 года семью Джамурзы выкинули из дома, и они оказались на улице, прямо на снегу. Никто не осмеливался подойти, прийти им на помощь, до того люди были запуганы. Вечером вернулся из колхоза наш отец и забрал их к нам домой. Жили у нас около двух месяцев, но тут отцу под большим секретом сообщили, что есть указание ликвидировать всю семью. В спешном порядке он договорился с Абазовым Мисостом, зятем Бузы, вывез их под покровом ночи в Муртазово, там Мисост купил им билеты и отправил поездом в Сталинабад (Душанбе), где в то время находился Аслангерий, старший из детей Джамурзы.

В Сталинабаде жизнь тоже была не сахар, но все же лучше, чем Сибирь. Но одна беда тянет за собой другую, как у нас говорят, кьуйим ищЫу – гуэрэф, поверх плеши – да чирей. Случилась в Сталинабаде эпидемия тифа, и

вся семья слегла, Хажгуаша и трое детей – Фардаус, Блау, Адальгерий. Только пережили тиф – грянул голод. Прямо на улицах сотнями умирали люди, среди них много беженцев – адыги, осетины, другие...

Никаким пером не описать всех страданий, что вынесла семья за годы жизни в Сталинабаде. Но мимо одного момента не могу пройти. Самый младшенький из детей Джамурзы – Адальгерий (мы звали его Птий, Пита, а дома называли по своему – Адатик) – был для всех любимчиком, его прямо на руках вся семья носила. И вот в возрасте одиннадцати лет Птий сильно заболел – это во время голода. И он все время плакал и просился: «Хочу домой, к Бабе (Баба – это наш отец, дети его так называли), я поправлюсь, если приеду к Бабе, если поем у них мажаджу (кукурузный хлеб). Так он и умер там, в Таджикистане...

После ареста Джамурзы от жителей девяти сел было отправлено письмо на имя Председателя ЦИК СССР в защиту Налоева Джамурзы Кубатиевича. Сталин в то время, видно, еще сохранял остатки человечности, и в 1933 году вышло постановление об освобождении. Когда Джамурза вернулся и зашел к нам во двор, пес Цурик узнал его, бросился навстречу, ластился к нему, бросался под ноги, и так довел до самого порога. Вы не знаете, кто такой Цурик. Его маленьким щенком нашла на улице и принесла домой Блау. И вырос из него огромный бурый волкодав, который вполне оправдывал название породы – мог и волка придушить, и незваные чужаки обходили дом стороной. Да что чужаки – мы и то побаивались. Если надо было зайти в дом к Бузе, кто-то из домочадцев должен был провести нас мимо сторожа. Как увидит нас – сразу на дыбы, издает угрожающее «р-р-р-р-р». Правда, не бросался на нас никогда. Никого не боялся, только вот с властью ничего не смог поделаться...

В те дни, когда семью Бузы выгнали из дома, я, трехлетний несмышлениш, никак не мог взять в толк, что же случилось, но понимал, что происходит что-то плохое. И как-то очутился за домом Бузы и увидел там небольшой ящик, а в нем – какие-то листочки. Как я сейчас понимаю, это были печатные бланки. Я тут же «присвоил» несколько листочков и пошел себе домой. Прихожу – а у нашего порога сидит Цурик, положив голову на лапы. Он тоже перебрался к нам с Зизой и детьми. Я все еще боялся его и остановился в страхе. А он заскулил, словно заплакал, встал и отошел в сторонку, словно говоря: здесь ты хозяин. Я вынес ему кусок чурека, давая понять, что ему не следует теперь пугать меня. Цурик жил у нас и охранял дом, пока не умер от старости.

Джамурза вернулся больным и измученным, и долго потом восстанавливался. Жил, конечно, у нас. Вспоминаю одну историю, что приключилась со мной тогда. Была зима, на улице сугробы, на стеклах морозные узоры. Тяжело больной Буза лежал на кровати. Нана испекла далены (пироги) и накормила всех. А я разобиделся, пристроился на теплом припечке и хныкал, что мне достался слишком маленький кусок далена – я в детстве был плаксой. Уалий охотился за моим куском, потом, улучив момент, вырвал его из моих рук и убежал. Я давай плакать, полагая, что брата догонят и отберут у него мою долю. Но вместо этого нана положила передо мной ломоть мажаджи. Я как начал голосить – как же, вместо далена дали мажаджу!

Бедный Буза долго терпел, потом не выдержал и встал, схватил меня в охапку – и на улицу. Ткнул меня головой в снег, так что длинной своей башкой

я вынырнул по ту сторону сугроба, потом задрал мою рубаху и пощекотал голый живот горстью снега. Я думал не о холоде в тот миг, видно, понял свою вину, и взмолился:

– Прости, ради Аллаха, я больше не буду плакать!

Я, конечно, был прощен и занесен обратно в теплый дом. Обижаться на Бузу у меня и в мыслях не было. Но плакать после этого я стал меньше.

После выздоровления Джамурза сразу же отправился к Калмыкову. Тот встретил его с улыбкой, с вытянутой рукой:

– Ну, со встречей, Джамурза, очень рад твоему возвращению! Мы очень в тебе нуждались. То, что произошло, было без моего ведома и участия, поверь. Меня тогда не было здесь, а другие упустили по недоразумению. Я выясню все, и дом тебе вернут...

Вряд ли до конца поверил Джамурза елейным речам Калмыкова, но решил не возражать – лучше все же остаться жить в родном селе, в своем доме. Поехал в Сталинабад и привез свою жену и дочерей. Правда, не домой, а в Тереккале (Владикавказ). Было это уже в 1935 году. Оставил там Фардаус и Женю – до тех пор, пока дом не отдадут, – а сам в 1936 году с Зисой вернулся в Хатуей. Но дом ему и не собирались возвращать, сам он продолжал работать в колхозе, Буза с Зисой все еще жили в гостинной Ахота. Так наступил проклятый 37-й год. Как-то в пору прополки полей поздней ночью у ворот остановилась машина. А если подъехала машина – в то время это было предвестником беды. Супруги встали и быстро оделись. Черных дел мастера ворвались в дом и со знанием дела перевернули все кверху дном, но никакой зацепки для обвинения Бузы не нашли – ни бомб, ни пулеметов, ни ружей, ни пистолетов, ни кинжалов, ни книг, ни писем...

Только для ареста не требовалось тогда ни бомб, ни книг запрещенных. Достаточно было быть человеком чести, предприимчивым, умеющим жить. Забрали Джамурзу, и пропал он бесследно, как пропадали многие достойные люди.

Я дословно привожу здесь обвинительное заключение, вынесенное 16 августа 1937 года лейтенантом Гомелем:

«Я, начальник оперативной группы Урванского НО НКВД – лейтенант государственной безопасности Гомель рассмотрев 16 августа 1937 года следственное дело по обвинению б. уздень, помещика Налоева Жамурзы Кубатиевича, установил следующее:

1. Налоев Жамурза Кубатиевич, 1873 г. р., уроженец и житель сел. Старый Урух Урванского района КБАССР. Уздень, имевший полупомещичье хозяйство. До революции и после имел большие участки земли, на которой выпасывал табуны лошадей – помимо этого в хозяйстве имел хлебную ссыпку и магазин галантерейных товаров (магазин национализирован и в настоящее время переоборудован в школу).

В период революции часть имущества Налоева национализирована, почему Налоев Жамурза вместе с братом встал на открытый контрреволюционный путь вооруженной борьбы с Соввластью. Его братья Налоев Джансох и Налоев Шупаго добровольно служили в белых. Позже находились в банде Хурзанова.

2. <В этом параграфе рассказывается о том, что в 1929 году Жамурза был арестован и приговорен к 8 годам концлагеря, якобы за участие в контрреволюционном восстании против Советской власти>.

3. Вернувшись из ссылки в 1933 г. Налоев продолжал активную контрреволюционную борьбу совместно с братьями (арестованными в 1937 году как троцкисты-террористы), ведя подрывную пораженческую агитацию так:

В момент обсуждения проекта Сталинской конституции он среди колхозников сел. Ст. Урух говорил: «Советская власть испугалась требований буржуазных стран и теперь конституцией освобождает от угнетения крестьян. Скоро Советской власти не будет, будет другой строй. Вот попомните мое слово...

По поводу организации МТС в сел. Ст. Урух Налоев повел активную анти-советскую агитацию, направленную к возбуждению настроений колхозников против МТС и развалу работы самой МТС. Так в мае 1937 года он в кругу колхозников говорил: «Вот вам и барщина. Я уже говорил вам, что вы не для себя работаете. Вот организовали МТС, теперь весь доход пойдет в МТС за натуроплату и государству, а вам – колхозникам – ничего не достанется. Выходите из колхоза, не то подохнете от голода...».

Постановил:

Следственное дело по обвинению Налоева Жамурза Кубатиевича направить на рассмотрение тройки НКВД КБАССР».

Как видим, из всех преступлений против Советской власти, в которых пытались обвинить Джамурзу, отдаленно соответствовали истине только начало первого пункта и второй пункт. Все остальное – абсолютная ложь, которую приписывали всем, кого решили без суда и следствия бросить в концлагеря. По такому же пути пошли и те, по чьей злой воле арестовали и убили нашего дядю.

Привожу акт об этом деянии без изменений:

«Постановление НКВД по Кабардино-Балкарской АССР от 17.VIII-1937 г. о расстреле Налоева Жамурза Кубатиевича приведено в исполнение 17 августа 1937 года в 22 часа.

Секретарь НКВД КБАССР мл. лейтенант Тарасов.

Командант НКВД КБАССР сержант госбезопасности Арустамов».

Хажгуаше удалось скрыться в Ингушетии, и лишь спустя время, когда расправы стали происходить реже, она смогла вернуться в Тереккале к дочерям.

Аслангери

Старший сын Джамурзы Аслангери родился в 1907 году. Когда в Хатуей нагрянули белые, Буза отвез своего сына в станицу Змейскую (Шэгюлэ) и спрятал его там, в доме своего друга, революционера Маруды. Аслангери был настоящим силачом, он без труда поднимал мешок соли и бросал в телегу. Богатырская сила нашего далекого предка Джашо кому-то да передавалась в каждом поколении. Из его детей такими были Джауиш и Жандар; из сыновей Джауиша огромной силой обладал Кубати; из его сыновей сила передалась Жанхоту; в следующем поколении силачом был Аслангери, сын Джамурзы.

Рассказывали так: если сцепятся Аслангери и Бетрозов Шамиль, они могли весь день бороться, и ни один не мог победить.

Еще одну историю слышал я от Губачокова Хамида. Жил, говорит, в селе один вороватый мужик. По ночам, как село успокоится, выходит на промысел и украдет у кого телку, у кого барашка или индюка – без добычи не возвращался. Все знали, чьих рук дело, но поймать его никак не могли. И как-то вечером Аслангери предлагает: давайте проучим воришку, чтобы руки у него перестали чесаться. Вот он подговорил меня и Готова Гида, сунул нам в ноздри и уши тлеющие палочки, сам посадил нас к себе на плечи и понес к дому того мужика. Мы позвали его, он вышел на крыльцо – а перед ним великан с тремя головами, из всех ушей и ноздрей огнем дышит, тремя ртами говорит. Так и рухнул бедолага со страху. Аслангери и сам перепугался и давай бежать, так на плечах и донес нас до дома, да так быстро, что его бы на лошади не догнали.

После этого вороватый мужичок по ночам из дома не выходил.

Помню, у ворот Бузы всегда лежали два здоровенных валуна. На них присаживались мужчины во время разговоров в свободный час, дети любили поревизиться, попрыгать с них. А в углу огорода Биждоева Мусы находился еще один – вкопанный в землю остроконечный камень. В округе его называли камнем Аслангери. Так вот, каждый из этих трех валунов был размером с добрых полмешка. В свое время Аслангери принес их от берега Уруха до ворот без передышки – на спор. Было ему тогда лет 18–20.

И еще одну историю поведаю. Старший из моих трех братьев – Батыр (Тылу) пригласил друзей в дом и угощал их вареным индюком. Как младший, я прислуживал за столом. Начали они вспоминать про Аслангери. А это были взрослые мужчины, которые с ним и в Закавказье, и в Средней Азии успели побывать и потрудиться.

Были мы в Тифлисе на базаре, несколько адыгских парней, – рассказывал один из гостей, – и Аслангери с нами. На краю базара один мужик, смуглолицый такой, боролся или дрался на кулаках за деньги. Кто хотел с ним потягаться, клал деньги, смуглый клал столько же, и победивший забирал все. В схватку с ним вступали больше осетины или чеченцы, и этот здоровяк вмиг всех отделявал – кого пластом уложит, кого кулаком так двинет, что тот растягивался по земле и долго не мог в себя прийти.

«Я ему покажу сейчас, Аллахом клянусь», – Аслангери так и сорвался с места, и мы никак не могли его удержать. Подошел к мужику и выложил все деньги, что у него были. И тот положил столько же, размахнулся и врезал Аслангери так, что тот едва на ногах удержался. А потом наш друг со всей силой нанес ему такой удар, что смуглолицый мешком рухнул. Все ждали, что он встанет и снова полезет в драку, но куда там, вскочил и убежал, только его и видели!

Много таких историй рассказывали про нашего брата.

Аслангери в революционных действиях не участвовал, он тогда подростком был. Но после гражданской войны был среди тех, кто организовывал в селе первую комсомольскую ячейку, потом работал начальником милиции Урванского округа. Когда начались гонения на отца, его исключили из комсомола и сняли с

работы. Он понимал, что за этим последует, и спешно покинул Кабарду, уехал в Сталинабад (Душанбе), работал там и пользовался уважением. Но тосковал по дому, по родным, и потому решился на отчаянный шаг: поехал в Москву и встретился с Серго Орджоникидзе. По его совету вернулся в Нальчик – и тут же оказался в тюрьме НКВД. Но Орджоникидзе сдержал свое слово. По его письму Аслангери освободили, и даже в комсомоле восстановили. Однако оставаться там, где безраздельно властвовал Бетал Калмыков, было опасно, и он предпочел снова уехать в Сталинабад. Там его назначили первым секретарем Науского райкома комсомола.

Но Калмыков не успокоился. Его лазутчики разыскали «беглеца», и в 1938 году Аслангери снова оказался в тюрьме. К тому времени сам Калмыков уже был арестован, но тех, за кого он взялся, все еще продолжали преследовать. На этот раз брат попал в лагерь на восемь лет. Освободился в 1946 году. В свои лучшие годы этот красавец и богатырь был лишен возможности нормально жить и работать, и завести семью было некогда, его все время или преследовали, или держали в тюрьме.

После освобождения Аслангери отправился в Тереккалу (Владикавказ. – А. М.) к матери и сестрам. Но и тут не сложилось: его лишили права оставаться в этом городе и предписали покинуть его за 48 часов. Что делать, приехал в родное село на свой страх и риск. Спасибо, с работой помог Бетров Хажисмель Анфоквич – он тогда был первым секретарем Советского райкома партии. Но гонения на него не прекратились, и он вынужден был сменить несколько мест работы.

Женился Аслангери, когда ему было уже за сорок лет. В 1949 году его супругой стала Пазова Женя Машевна, родом из Нартана. Хоть и в возрасте он был, а все же впервые женился – и родные устроили ему свадьбу как полагаются. Оказалось, и это было недозволено ему! Длинные языки донесли куда следует, и «проступком» его занялись в обкоме, МГБ и МВД разом. Обвинение смехотворное: как посмел он в разгар летней полевой страды играть свадьбу! И – долго ли – его опять уволили с работы. Тогда он уехал в Тырныауз и устроился в шахту. Ненадолго – в 1951 году его по клеветническому доносу посадили в очередной раз. Снова восемь лет заключения, в 1959-м освободился. Вернулся в Тырныауз и начал работать инженером в строительной организации. Оттуда в 1967 году вышел на пенсию.

Аслангери ушел из жизни в 1993 году. У него остались двое сыновей – Аслан и Аскер (Георгий).

Нафо

Вторая дочь Джамурзы – Нафо (старшая – Лейла, умерла в 1931 году), родилась в 1911 году. В возрасте 21 года, после смерти старшей сестры Лейлы, ее выдали замуж за вдовца Абазова Мисоста, в то время одного из секретарей обкома ВКП(б). В 1937 году Мисоста арестовали, вслед за ним забрали и Нафо с новорожденной дочкой Майей на руках. Наш зять так и не вернулся. Из-за тяжелой болезни ребенка Нафо отпустили из тюрьмы на время, пока дочка не поправится. Она воспользовалась этим промежутком и сбежала в Тереккалу к матери и сестрам, спряталась там, сменив имя и фамилию.

Только после войны Нафо с матерью смогли вернуться в Нальчик и стали жить по адресу: Советская, 39, квартира 1. Она была отличной портнихой и этим зарабатывала на жизнь.

Нафо умерла в 1996 году в возрасте 85 лет.

Фардаус

Следующей после Нафо в 1918 году родилась Фардаус (Тина). После ареста Бузы мать с детьми перебралась в Сталинабад. После освобождения отец забрал их обратно на Кавказ, но на время оставил дочерей в Тереккале. Тина работала медсестрой. С 1938 года – член ВЛКСМ.

В июне 41-го, как только началась война, ее записали в армию. Была старшей медсестрой медпоезда, военфельдшером. В 1943 году получила звание младшего лейтенанта и в тот же год вступила в ВКП(б). После окончания войны ее перебросили на японский фронт. И там она воевала до полной победы. Удостоена ордена Отечественной войны и одиннадцати медалей.

Уволилась из армии и вернулась к медицинской практике в 1946 году. В Нальчик вернулась только в 1999 году.

* * *

Когда быть революционером было опасно – Налоевы были революционерами. Когда это стало почетным и доходным делом – Налоевых отодвинули в сторону, и «революционерами» стали считаться отсиживавшиеся по углам тараканы. Это участь всех революций. Пока коммунисты были у власти, Налоевы считали зазорным напоминать о своих революционных заслугах, никогда не пытались попасть в книги и в историю. Боялись, что их заподозрят в жажде славы и должностей. А теперь, когда ни революционные подвиги, ни пламенное коммунистическое прошлое не имеют никакого значения, Налоевы хотят открыть правду, не скрывая ничего. Они заслуживают, чтобы в истории сохранилось все, что сотворила с ними Советская власть.

Мы только начали рассказывать об этом и намерены довести повествование до конца.

Евгения (Блау)

Младшую дочь Джамурзы при рождении называли Жанкудас, а родня дала ей другое ласкательное имя, как это всегда бывает, – Блау. А когда подросла, у нее появилось третье имя – Женя, Евгения. Родилась она 24 декабря 1920 года в селе Хатуей. Семья была обеспеченная, отец был тогда ревкомом Урванского округа. У Жени было двое братьев (Аслангери и Адальгери) и три сестры (Лейла, Нафо, Фардаус). Учиться она начала в начальной школе в родном селе, а высшее образование получила в Орджоникидзе (Владикавказ). Почему в Осетии – на то была причина. В 1929 году Джамурза по незаконному обвинению был осужден на восемь лет. А «справедливый суд» приговорил его семью к ссылке в Севкрай с конфискацией имущества. Чтобы избежать расправы, мать с детьми тайком перебралась в Таджикистан, где скрывался старший сын Аслангери.

В 1933 году Джамурзу освободили. Он забрал из Средней Азии свою жену и дочерей и вернулся в Кабарду. Дочерей Евгению и Фардаус устроил в Орджоникидзе, а сам с супругой Хажгуашей вернулся в Хатуей. Это была роковая ошибка. Калмыков не вернул ему ни землю, ни дом. В 1937 году по его воле Джамурзу снова арестовали и расстреляли. А Евгения всю свою жизнь расплачивалась за мнимые грехи своего отца.

В 1937 году она окончила среднюю школу в Сталинабаде, а в 40-м вернулась в Орджоникидзе и поступила там в пединститут. Окончила с отличным дипломом историка-филолога, и ее направили в сельскую школу селения Црау Алагирского района СОАССР учителем по истории. Но недолго пришлось Евгении применять свои знания. В 1942 году, 3 октября, ее арестовали по обвинению в антисоветской агитации (ст. 58-10, ч.2 УК РСФСР) и без суда посадили на 4 года. На этот раз ей удалось доказать свою невиновность, и в 43-м году 27 апреля ее освободили, в том же году она добилась реабилитации.

После освобождения снова взялась за учебу, на этот раз во Всесоюзном юридическом зочном институте, что находился в Орджоникидзе. Окончила его в 1947 году. В период с 1945-го по 1948 год работала в Совмине СОАССР с успехом и хорошими отзывами. До тех самых пор, пока в Кабарде о ней не вспомнили. Теперь уже стали звать ее обратно – как же, республика нуждается в кадрах, а ты работаешь в другом регионе. Одним словом, переманили ее в Кабардинский пединститут на должность ассистента кафедры истории. И снова злые языки, доносы, снова обвинение по статье 58-10, ч.1 УК, и решением МГБ СССР 9 мая 1950 года – опять же по внесудебной ответственности! – она попадает в ГУЛАГ. Восемь лет каторги подорвали ее здоровье. Отсидела весь срок и вышла на свободу 29 августа 1958 года. Реабилитирована со снятием всех обвинений в 1963-м.

Блау была виновата лишь в одном – что была из рода Налоевых. Ей одной выпало вынести на себе все, за что власть пыталась содрать три шкуры с ее отца, дядей, братьев. И еще непростительным грехом стало то, что она была разумна, образованна, при этом всегда оставалась человеком высокой чести и не боялась говорить правду. С воцарением социализма быть большевиком стало выгодно, руководящие посты заняли темные личности, а настоящим революционерам, а затем и их детям вместо обещанного советского образа жизни была уготована расправа или участь вечных изгоев.

А Евгения – она разве не заслуживала человеческого счастья? Но с малолетства ее преследовала власть, то сажала, то выпускала, то давала работу, то увольняла. И не было у нее ни времени, ни возможности создать семью, как все, иметь детей. Так и прожила в одиночестве всю свою жизнь. И кто будет расплачиваться за этот грех? Калмыков? Сталин?

После ГУЛАГа она неоднократно ездила в Москву, чтобы защитить свою честь и достоинство и добиться снятия обвинений. Даже к Ворошилову на прием ходила. Но ничего у нее не получалось до 1963 года. Несколько лет жила в Сухуме, восстанавливая подорванное на каторге здоровье, и жила все это время, подрабатывая то портнихой, то машинисткой.

Но Евгения была не из тех, кто легко сдается. Восстановившись, она решила во что бы то ни стало вернуться на работу. И снова она едет в Москву, подает жалобу и в ЦК, и в Министерство просвещения РСФСР. Это было время хрущевской оттепели и волны реабилитаций безвинно осужденных. В итоге ей предлагают на выбор: либо вернуться на прежнюю работу – тогда уже в университет, либо поступить в аспирантуру. Блау выбрала аспирантуру, хотя было ей уже 45 лет. 8 мая 1965 года наша сестра получила извещение из планово-финансового управления Минпросвещения, в котором сообщалось: «Ректору вашего университета отправлено распоряжение о присуждении Вам повышенной стипендии в размере 100 рублей в месяц, начиная с 1 января 1965 года».

После окончания аспирантуры Евгения Джамурзовна защитила диссертацию на тему «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века». Впоследствии она издала ряд публикаций на эту тему. В 1973 году, 26 июня, по решению ученого совета она становится кандидатом исторических наук. А вот восстановить на должности, которая была у нее до ареста, – ассистента кафедры истории, – ее долго не хотели, и это было продолжением цепи испытаний. Ничего не оставалось делать, кроме как снова ехать в Москву и жаловаться в ЦК КПСС. Там ее успокоили: отправляйтесь в Нальчик, все будет в порядке. И посоветовали обратиться в обком партии. На что она сказала:

– Уже была. Заходила к одной чиновнице из обкома, она, даже не предложив сесть, указала на дверь со словами: «В этом городе у вас работы не будет».

– Идите на прием к Шекихачеву.

– Пыталась трижды, но он меня не принял.

– Теперь примет.

Действительно, теперь Шекихачев был очень любезен, сразу ее принял, вызвал ректора... и вопрос решился быстро. С 1969 года Евгения снова на кафедре истории СССР в должности ассистента, а с 1970-го – старший преподаватель. Она ведет курсы «История первобытного общества» и «Русская палеография», проводит спецсеминары, ей поручают и педагогическую практику студентов. Ее труды неизменно получали высокую научную и научно-теоретическую оценку, однако выше старшего преподавателя ее так и не пустили, тогда как ее ученики один за другим становились доцентами. Лишь через 19 лет после защиты диссертации, 20 марта 1990 года, ее удостоили этого звания. Решением аттестационного комитета высшего образования при Министерстве просвещения РСФСР от 17 декабря 1992 года ее утвердили в научном звании, и в этом статусе она проработала на кафедре истории СССР до 1993 года. 13 февраля 1993 года Евгению Джамурзовну перевели на юридический факультет доцентом кафедры теории и истории государства и права. Однако здоровье уже не позволяло ей большие нагрузки, и с осени 1999 года она перешла на полставки. А через год уволилась по собственному желанию, проработав в общей сложности 63 года.

2 марта 2007 года в возрасте 87 лет Евгения ушла из жизни. Да пошлет ей Аллах свет в ахрате.

Научные труды Е. Д. Налоевой:

1. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века: Диссертация.
2. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 61–81.
3. К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1969. Вып. 40. С. 18–35.
4. К вопросу о термине «кунак» // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 143–152.
5. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик: Эльбрус, 1972. Вып. 6. С. 69–87.
6. Документальные данные о Казаноко Жабаги // Жабаги Казаноко (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 г.). Нальчик, 1987. С. 93–98.
7. Легендарный Казаноко // Кабардино-Балкарская правда. № 151. 22.07.1971.
8. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии, Нальчик, 1980. С. 5–27.
9. Социально экономические и внутривнутриполитические отношения на Северном Кавказе в XVIII веке // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988. С. 336–407 (Соавторы Гаджиев В.Г., Гарданов В.К.).
10. Доклады на научных конференциях в Нальчике, Грозном, Махачкале.
11. Генеалогия кабардинских князей: Рукопись.

И. Гукемух

Последние мастодонты

По каналу «Культура» недавно показывали очередную передачу из познавательного цикла «Academia». Замечательная, надо сказать, передача, состоящая из серии лекций по самым разным дисциплинам. Как выпускника исторического факультета меня больше интересовали передачи, посвященные историческим проблемам. Увидев в аудитории горящие глаза студентов, обращенные к преподавателю, едва не позавидовал – сидят и не видят, что выступающие перед ними лекторы – это последние мастодонты старой академической закваски. В общем, счастья своего не понимают! Слушая эти лекции, я невольно сравнил их с теми, кто читал двадцать лет назад нам, студентам-историкам, и зависть мгновенно улетучилась. Что и говорить, нашим выпускникам повезло с преподавателями. Они были разными – и по темпераменту, и по возрасту, и по убеждениям, но каждый или почти каждый из них запомнился чем-то своим особенным.

Помню первый курс, лекции и семинары по истории СССР, которые вела Евгения Джамурзовна Налоева. Никому, даже самым скромным студентам не удавалось отмолчаться на ее занятиях. Евгения Джамурзовна умела разбудить в студентах активность, заставить работать, напрягать внимание. Когда же сталкивалась с небрежением кого-либо из слушателей, реакция следовала молниеносно. После короткой, но бурной «головомойки» разгильдяй выставлялся

из аудитории, и ему стоило больших трудов вновь заслужить право посещать лекции Налоевой. Хуже всего приходилось озабоченным своей внешностью девушкам. Не раз красоткам приходилось ретироваться в коридор, роняя на ходу карандаши, косметички и другое «оружие».

*На портале СМИ КБР. Горянка. 07.10.2010.
Горянка. 2010. № 40 (581). 6.10.2010. С. 16.*

Калмыков Ж.

Жизнь как подвиг. Вопреки сталинскому ГУЛАГУ в науку
(К 90-летию со дня рождения Е. Дж. Налоевой) // Размышления историка в поисках истины. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. С. 42–61

Евгения Джамурзовна Налоева принадлежит к старшему поколению работников Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Она до ухода на пенсию в 2000 г. большую часть своей жизни трудилась на кафедре истории России, а последние пять лет на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета [1].

Е. Дж. Налоева родилась 24 декабря в 1920 г. в сел. Старый Урух, в крестьянской семье [2].

Отец ее Налоев Джамурза Кубатиевич, 1875 г.р., принял идеи Октябрьской революции 1917 г. В 1918 г. он был комиссаром ревкома в своем сел. Хату-Анзорово. В годы Гражданской войны 1918–1920 гг., возглавлял крестьянский повстанческий отряд, который воевал против белогвардейцев во главе с Даутоковым-Серебряковым. В годы деникинской оккупации Северного Кавказа, в составе партизанского отряда, участвовал во многих боевых действиях на территории Кабарды и за ее пределами.

В первые годы советской власти Джамурза Кубатиевич возглавлял Урванский округ в качестве комиссара. Но вскоре произошел конфликт с руководителем Кабардино-Балкарской области Б. Э. Калмыковым и он вернулся в свое село, где принялся за восстановление разрушенного за годы войны хозяйства, наладил производство строительных материалов: извести, кирпича и черепицы.

В 1929 г. на успешного хозяйственника, по доносу завистников, завели уголовное дело. Краевая тройка НКВД осудила его по ст. 58-10 УК РСФСР на восемь лет концлагерей с конфискацией имущества [3]. Семья его сначала вынуждена была укрываться в сел. Плановское и в г. Орджоникидзе, а потом уехать в Душанбе, к старшему сыну Аслангирею, который жил там и находился на комсомольской работе.

В 1933 г. крестьяне семи кабардинских селений, которые хорошо знали Джамурзу, написали Председателю Верховного Совета СССР М.И. Калинину письмо в его защиту и с просьбой об освобождении. После этого Джамурза Кубатиевич вернулся к своей семье в Душанбе, и вскоре они уехали домой, в КБАО. Однако в 1937 г., снова по доносу недоброжелателей, был арестован и

«Постановлением НКВД по Кабардино-Балкарской АССР от 17 августа 1937 г.» приговорен к расстрелу, что и было исполнено в тот же день в 22 часа [4].

Таким образом, семья Евгении Джамурзовны разделила участь и судьбу многих тысяч советских людей, по политическим мотивам безвинно осужденных на расстрел, на концлагеря, на изгнание.

Вот почему в 1937 г. она вновь оказалась в Душанбе и поступила на первый курс исторического факультета Таджикского государственного университета. В 1940 г. она перевелась в Северо-Осетинский государственный педагогический институт им. К. Хетагурова, где учебу совмещала с преподавательской работой [5].

После окончания пединститута в 1941 г. ее направили учителем истории в Цраускую среднюю школу Алагирского района. Во время войны, а точнее в октябре 1942 г., ее репрессировали по политическим мотивам, без указания срока лишения свободы, но через восемь месяцев ее реабилитировали. В 1945 г. она вернулась в г. Орджоникидзе, где трудилась методистом культурно-просветительской работы Управления культурно-просветительских учреждений при Совете Министров Северо-Осетинской АССР [6]. В 1948 г. ее пригласили в Кабардинский государственный пединститут ассистентом кафедры истории СССР [7].

На новом месте она проработала с 1948-го по апрель 1950 г. В это время она училась заочно в аспирантуре при Пятигорском госпединституте. В мае 1951 г., по ложному доносу и известной в то время зловещей ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР от 1924 г., она была осуждена на восемь лет сталинского ГУЛАГа [8].

16 апреля 1963 г. определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР Е. Дж. Налоева была реабилитирована с правом восстановления на прежнее место работы и учебы [9]. Реабилитация с такой формулировкой свидетельствует о чудовищном произволе, допущенном дважды по отношению к честному, порядочному и лояльному власти человеку. Единственная вина Налоевой заключалась в том, что у нее, как и отца, были независимый характер и обостренное чувство справедливости. Несмотря на все превратности судьбы, она до конца своей жизни придерживалась этой линии. Поэтому ей всегда было нелегко.

В 1964 г. она вернулась в Нальчик и восстановилась в аспиранту Кабардино-Балкарского государственного университета [10]. Кандидатская диссертация была на тему: «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века». Руководил ее научной деятельностью доктор исторических наук, профессор Кумыков Туган Хабасович, который в 1949–1950 гг. был ее студентом.

Выбор такой темы был весьма смелым и рискованным шагом, так как в советском кавказоведении долгие годы господствовал тезис о том, что горцы Северного Кавказа до Октябрьской революции 1917 г. в своем развитии находились на стадии «первобытно-натурального хозяйства», что у них общественный строй соответствовал только «патриархально-родовому быту». Лишь в 60-х годах прошлого столетия в кавказоведении стала утверждаться мысль о

господстве феодальных отношений, но о наличии государственности вопрос еще не ставился.

Защита кандидатской диссертации состоялась 26 июня 1973 г. на заседании Специализированного совета Кабардино-Балкарского государственного университета [11]. Ее оппонентами по диссертации были известные тогда кавказоведы – доктор исторических наук Е. Н. Кушева (г. Москва) и кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории КБГУ А. Х. Касумов [12].

Оппоненты и ряд членов Совета отметили высокую степень актуальности и новизны темы диссертации, ее широкую источниковедческую базу, глубокое научное осмысление выявленных фактов и событий, четкую аргументацию новых идей, познавательную и практическую значимость достигнутых результатов. Интерес к теме диссертации был настолько высок, что на защите кроме членов Совета присутствовало много людей, из которых некоторые приняли участие в обсуждении. Такой активности прежде не приходилось видеть. Одни из выступавших восхищались смелостью автора и достигнутыми результатами, другие высказывали сомнения, что эту работу утвердит Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Совете Министров СССР.

В целом, состоялась очень острая и содержательная дискуссия, в которой автор своими четкими и вескими аргументами убедила членов Совета, что в Кабарде в первой половине XVIII в. имелись основные признаки и атрибуты государственности. 14 мая 1974 г. ВАК утвердила решение Совета Кабардино-Балкарского университета о присуждении Е. Дж. Налоевой ученой степени кандидата исторических наук [13].

За годы научной работы Е. Дж. Налоева опубликовала более десяти статей [14]. Неопубликованными остались материалы диссертации и рукопись книги «Генеалогия кабардинских княжеских фамилий». Появление в печати каждой из статей являлось значимым событием в исторической науке республики, так как они вносили весомый вклад в изучение актуальных проблем истории Кабарды. Свои исследования она вела по трем основным направлениям истории Кабарды первой половины XVIII в.: социально-экономическому развитию, государственно-политическому строю и внешнеполитическому положению.

В советском кабардиноведении 60-х гг. наиболее изученной считался социально-экономический строй Кабарды дореформенного периода (1867), благодаря опубликованным трудам Г. К. Гарданова, Т. Х. Кумыкова, Н. Х. Тхамокова, Т. Боцвадзе и др. [15]. К этому времени были завершены дискуссии об уровне развития феодализма в Кабарде в XVIII – первой половине XIX в. Однако периодически возникали споры по отдельным аспектам этой проблемы.

Так, например, некоторые ученые, признав в целом господство феодальных отношений у кабардинцев, в то же время отрицали наличие у них частной собственности на землю, т.е. складывалась ситуация, когда феодалы не имели средств производства, и совершенно непонятно было, на каком основании они владели зависимыми крестьянами. По их мнению, в частной собственности феодалов находились только скот, орудия труда и предметы личного пользования, а что касается пахотных, покосных и пастбищных земель, то они были

в общем пользовании феодальных фамилий, получался феодализм без частной собственности на землю, что, естественно, противоречило принципам историзма и реальному положению вещей в дореформенной Кабарде.

Проблемам изучения особенностей феодального землевладения и социальных отношений в Кабарде в XVIII в. были посвящены следующие статьи: «К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине 18-го века» и «Об особенностях кабардинского феодализма» [16]. В первой из них она показала сложный иерархический характер земельных отношений и в соответствии с этим вассалитетный характер социальной структуры в кабардинском феодальном обществе.

Характерной чертой феодальных отношений в Кабарде в первой половине XVIII в. она считала частную семейную (семейную) собственность на землю, «переходившую по наследству к потомкам владельцев» [17].

Во второй из вышеуказанных работ Е. Дж. Налоева вернулась к особенностям феодального землевладения у кабардинцев в связи с выходом монографического труда известного кавказоведа Л. И. Лаврова «Историко-этнографические очерки Кавказа» (Ленинград: Наука, 1978), где автор фактически отрекся от своих прежних позиций по данной проблеме и утверждал, что «земельная собственность к XIX в. еще не успела окончательно сформироваться у ногайцев и кабардинцев» [18]. Он считал, что феодализм у кабардинцев базировался преимущественно «на военных трофеях, торговых пошлинах и дани», а земля в изучаемое время не стала предметом купли и продажи, владельцы не имели юридических актов на право владения землей и т. д.

В своей статье Налоева показала, что в Кабарде, «несмотря на отсутствие городов, письменности, феодальные отношения развивались по тем же объективным законам, что и в любой другой стране, и они содержат все формационные признаки» [19]. В связи с этим она отметила, что главная ошибка Л. И. Лаврова заключается в том, что, «признавая феодальную надстройку, он лишает ее базиса, представляя кабардинский феодализм как некий исторический раритет». Используя архивные источники и данные фольклора, она показала, что верховным собственником земли, начиная от Инала, считался старший князь Кабарды. В вассальной зависимости от него находились остальные князья, хотя его власть заметно падает со второй четверти XVII в. в результате экономического и политического усиления удельных княжеств, а со второй половины XVIII в. она существовала чисто номинально, по традиции.

После распада Кабарды на отдельные части удельные князья в сущности превращаются в правителей феодальных государств, обладающих правом собственности на принадлежащие им деревни, имеющих своих вассалов, дружины, аппарат управления и др. Первыми из них были тлекотлеши и деженуго, занимавшие в сословной иерархии второе и третье места после князей. Они были вассалами князей и наряду со своими сеньорами владели землей на вотчинном праве. Вторыми были вассалы вассалов беслан-уорки и уорки-шауатлугусы, стоявшие соответственно на четвертом и пятом местах сословной лестницы [20]. Они в XVI–XVII вв. владели землей на праве условного держания, т. е. на условиях службы своим сеньорам. Но, как свидетельствуют источники, в XVIII в.

права последних на землю с кабаками (деревнями) уравнились с правами первостепенных дворян. При этом в Кабарде не было дворян, не владеющих населенным пунктом хотя бы в размере одного квартала – хабла.

Отношения между привилегированными сословиями регулировало обычное право (уоркхабза), а взаимоотношения князя с дворянами – институт «уоркътын» [21], нормы которого определяли права и обязанности сторон. Согласно «уоркътын» сюзерен вознаграждал своего нового вассала за службу ценными подарками, в том числе землей, населенной крестьянами.

«Таким образом, – пишет Налоева, – уоркътын закреплял многосословность господствующего класса и соподчиненность сословий» [22]. К этому надо добавить, что такая многосословность и соподчиненность базировались именно на иерархическом характере феодального землевладения.

На первый взгляд менее содержателен анализ о зависимых крестьянских сословиях: тпрофкотлах, азатах, огах, лагунопятах и унаутах. Но Налоева, в отличие от предыдущих авторов, сделала акцент на анализе норм адата, скрупулезно предусматривавших размеры земельной ренты, начиная от добычи соли и кончая объемом оброка хлебом. Она совершенно справедливо утверждала, что, не владея землей, невозможно было осуществлять столь масштабную эксплуатацию [23].

Говоря об особенностях кабардинского феодализма она обратила внимание историков на практику учета феодального землевладения по количеству в нем общин – деревень. Понятно, что в XVII–XVIII вв. в ряде других стран, где уже имела письменность, утвердились другие математические единицы измерения земельной площади. Статус владельца, его место в сословной иерархии определялись в зависимости от размера земельной площади феодальных владений. В связи с этим Налоева пишет: «Этот принцип соблюдался и в Кабарде, т. е. социально-экономический вес феодала был прямо пропорционален количеству его вассалов и подвластного населения, что уже предполагает определенный размер земельного владения. Более того, в Кабарде были понятия о границах собственности. Каждый князь четко представлял рубежи своей вотчины, обозначенные по рекам, горам и другим ориентирам, в пределах которых располагались деревнями его подданные и вассалы. Ему было известно и то, сколько деревень из них принадлежит тому или иному вассалу. Надо думать, что и каждая община представляла границы приданных ей пахотных, покосных и пастбищных земель» [24].

Многие путешественники и ряд исследователей, в том числе и Л. И. Лавров, отрицали земельные споры в Кабарде до установления российской власти как свидетельство отсутствия земельной собственности у кабардинских феодалов. Глубокий анализ архивных источников позволил Налоевой опровергнуть это ошибочное мнение, доказать, что многочисленные судебные споры из-за деревень, междоусобные войны из-за территории и вассалов были на самом деле борьбой за землю и крестьян (работников) – двух основных компонентов феодального способа производства. Эту опосредованную собственность кабардинских феодалов не смогли разглядеть Л. И. Лавров и его единомышленники.

Сложившаяся практика перехода вассалов от одних сюзеренов к другим с последующим поселением на новом месте, многочисленные примеры передачи

территории и деревень по наследству, как по прямой, так и по боковой линии, не что иное, как право владельцев распоряжаться собственной землей. Наличие таким образом устоявшегося и широко практикуемого института наследства и дарения убедительно опровергает концепцию сторонников безземельного феодализма в Кабарде.

В заключении автор пишет, что «в Кабарде феодализм близок к европейскому типу феодализма, несмотря на его выраженный местный колорит» [25]. Современные историки-кавказеды продолжают придерживаться этой концепции.

В исследованиях Евгении Джамурзовны центральное место занимала работа «Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII века» [26]. Она подчеркивала, что эту проблему в той или иной степени затрагивали многие кавказеды, одни из которых отрицали и феодализм, и всякую политическую систему в Кабарде, а другие признавали феодальные отношения и наличие системы политического правления. Но последние затрагивали лишь отдельные аспекты этой системы, не подвергая ее комплексному изучению.

Советские историки 60–70-х гг. XX в. обосновали наличие феодализма в Кабарде до реформы 1867 г., но говорить о государственно-политическом строе не решались, поскольку еще был «жив» известный тезис И.В. Сталина о том, что горцы Северного Кавказа вплоть до Октябрьской революции 1917 г. сохранили «патриархально-родовой быт...» [27].

В исследовательском плане проблему политического строя в Кабарде впервые поставил Н. Х. Тхамоков [28]. Но он ограничился лишь указанием на характерную черту Кабарды того периода – феодальную раздробленность [29]. Н. Х. Тхамоков не смог с должной полнотой раскрыть специфику политической системы и развития государственности у кабардинцев.

Забегая вперед, отметим, что с этой задачей Е. Дж. Налоева справилась.

В первую очередь она обобщила все разрозненные сведения предыдущих авторов и на базе новых материалов, извлеченных из различных архивохранилищ страны, дала анализ сложившейся в Кабарде политической системы, определив ее как феодальную со всеми атрибутами государственного строя. «Феодальное общество, разделенное на два социально противоположных класса: феодалов и крестьян, не могло обходиться без учреждения соответствующего механизма внеэкономического принуждения» [30], – отметила она.

Теоретически обосновав сущность государства, она впервые изложила полную картину политического строя в Кабарде. Кратко и четко показала, что Кабарда состояла из пяти княжеских уделов, каждый из которых располагал собственной территорией, определенным количеством вассалов, подвластным населением, судом, войском и управленческим аппаратом [31]. В отличие от своих предшественников Налоева сумела показать всю систему и механизм функционирования исполнительной власти в удельных княжествах, что позволило определить их как самостоятельные феодальные государства.

Наряду с Е. Н. Кушевой, Г. Х. Мамбетовым, Б. М. Моковым и Н. Х. Тхамоковым, Е. Дж. Налоева подтвердила слабовыраженную тенденцию княжеских уделов к объединению, о чем свидетельствовало наличие в Кабарде ряда органов власти общекабардинского масштаба. «Однако в силу слабого развития базиса

эта тенденция в изучаемый период не могла привести к созданию централизованного государства» [32], – пишет она.

Фактически первой в науке подробно осветила деятельность Хасэ – Совета всех удельных князей и их вассалов, который в XVI–XVIII вв. был законодательным органом в Кабарде. Хасэ, как правильно установила Налоева, решала все важные вопросы внутренней и внешней политики: переселение деревень, выборы старшего князя, объявление войны и мира, отправка послов в соседние державы и т. д. [33]. По сведениям С. Броневского, на заседание Хасы в особых случаях допускались, кроме князей и дворян, и представители от крестьянского сословия, в связи с чем, оно становилось трехпалатным законодательным органом [34].

Позже эту мысль расширил и дополнил в своих трудах современный исследователь традиционных институтов кабардинского общества В. Х. Кажаров [35].

С такой же скрупулезностью Налоева исследовала и другие общекабардинские институты власти: институт олиипщ (старший князь), суд и судопроизводство, армия и т. д. До Налоевой о таких институтах власти в Кабарде говорили лишь в общих чертах, не затрагивая сущностные функции и механизмы их функционирования. В целом политический режим в Кабарде в XVIII в. она характеризует как «тип аристократической республики во главе с пожизненно выборным князем – олиипщ» [36].

Третье направление исследовательской тематики Налоевой – это «Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII века». Свое изложение она начала с 1700 г. и завершила итогами и значением Белградского мирного трактата 1739 г. для Кабарды. Такое хронологическое ограничение рамок исследования она обосновала тем, что «с 40-х гг. XVIII в. историческое развитие Кабарды приняло несколько иное направление, требующее специального исследования» [37]. Такой подход был совершенно оправданным.

В рамках обозначенного периода она изучила четыре наиболее значимых военно-политических события в Кабарде в первой половине XVIII в. Это: разгром кабардинцами крымско-турецких войск в 1707–1708 гг. (в настоящее время эти события известны как Канжальская победа), совместный и успешный русско-кабардинский поход на Кубань в 1711 г., поражение в Кабарде крымского хана Саадат-Гирея в 1720–1721 гг. и, наконец, итоги Русско-турецкой войны (1735–1739) и статус Кабарды по Белградскому мирному трактату 1739 г.

В связи с тем, что сегодня балкаро-карачаевские фальсификаторы истории адыгов называют Канжальскую победу «недавно изобретенным мифом» стоит процитировать один из многочисленных архивных документов (официальный лист кабардинцев императрице Анне Ивановне), где сказано: «На владение наше Каплан-Гирей хан со многочисленным войском своим для завоевания владения нашего приходил, но божиим изволением войско его разбито и бесчисленно много побито, которое войско на нас напало, а не мы на них». Эту выдержку из архивного документа Налоева процитировала еще в 1973 г. в своей кандидатской диссертации [38]. Этим мы хотим сказать, что для кабардинских историков разгром крымского хана в 1708 г. является давно известным событием, но оно было актуализировано лишь в 2008 г. в связи с 300-летним юбилеем.

О политическом значении победы над Крымом в 1708 г. Евгения Джамурзовна писала: «Победа над Крымом в 1707–1708 гг. была важным событием в борьбе кабардинцев за свою независимость. Она сорвала план Оттоманской Порты обогнуть Кавказ с Севера и подойти вплотную к Дагестану» [39].

Что касается разгрома в 1711 г. кубанской группировки войск Крыма и Ногайской орды, то Налоева подробно не осветила эти события, но уточнила некоторые очень важные детали. Она впервые подробно проанализировала содержание грамоты Петра I кабардинскому народу, датируемой 4 марта 1711 г., в которой были изложены договорные условия вхождения Кабарды в состав России:

1. Принять Кабарду в состав России на правах Калмыцкого ханства (на правах автономного княжества. – Ж. К.).

2. Оказывать военную помощь в необходимых случаях «для обороны и защиты» страны.

3. «Никаких налогов и податей не требовать».

4. «Погодное жалованье князьям».

5. Кабардинцам соблюдать верность России и нести пограничную службу.

6. В войну против Порты немедленно вступать и «показать ныне службу и верность против салтана турецкого и хана крымского» [40].

Анализируя эти условия, Евгения Джамурзовна согласилась с известным кавказоведом С. К. Бушуевым в определении политики Петра I в Кабарде. «Петровская дипломатия, – писал он, – ставила задачу парализовать турецкое влияние в Кабарде и консолидировать ее как государственную единицу в составе России» [41]. По мнению Налоевой, предложение Петра I было воспринято кабардинцами единодушно, так как оно отвечало их национальным интересам [42].

Совместный Кубанский поход 1711 г. завершился успешно, но поражение Петра I на р. Прут не позволило реализовать указанное соглашение. Поэтому в 1721 г. Порта решила воспользоваться благоприятной для себя конъюнктурой и направила на Кабарду крымского хана Саадат-Гирея с 40 тыс. войском. На этот раз Крым требовал от Кабарды признания протектората Османской империи [43]. Многие из того, что связано с этим походом, в общих чертах уже было известно историкам по данным Ш.Б. Ногмова, В. Кудашева, Г. Кокиева, С. Бушуева, Н. Смирнова, Н. Тхамокова и др. Но Евгения Джамурзовна и здесь сумела закрыть одно из оставшихся «белых пятен» в истории Кабарды первой половины XVIII в. Речь идет о причинах и политических последствиях раскола кабардинского феодального общества на долгие годы на две враждующие между собой группировки, получившие названия, по русской терминологии, Баксанской и Кашхатауской партии.

Е. Дж. Налоева обстоятельно рассказала об участии кабардинцев в Каспийском походе Петра I, о подписании так называемого Сулакского соглашения, по которому Россия очередной раз брала на себя обязательства по защите Кабарды от Турции и Крыма. Она доказала, что кабардинцев в этом походе возглавляли не Эльмурза Черкасский с Асламбеком Келеметовым, а Асланбек Кайтукин, который накануне был избран старшим князем Кабарды после ареста прежнего старшего князя Ислам-Бека Мисостова, лидера протурецкой Баксанской партии

[44]. При Асланбеке Кайтукине, как свидетельствует об этом Ш. Ногмов, в советниках состоял Казаноко Жабаги, признанный на Северном Кавказе как общественный деятель и мыслитель. Они встречались с Петром I в Дагестане, а не в Астрахани, как считалось до недавнего времени [45].

Е. Дж. Налоева подробно осветила дипломатическую деятельность Асланбека Кайтукина в период пребывания в русском лагере. Кабардинский князь добивался покровительства России, обеспечения полной и долговременной безопасности Кабарды. Петр I пошел ему навстречу по некоторым вопросам, но его политика, как правильно отметила Налоева, носила двойственный характер [46]. С одной стороны, в целях обеспечения безопасности южных границ России, он хотел удержать под своим влиянием Кабарду и даже присоединить ее, но в условиях продолжающейся Северной войны боялся лишиться раз спровоцировать военный конфликт с Турцией.

Е. Дж. Налоева считает, что дальнейшее обострение борьбы между Россией и Турцией связано именно с проблемой определения статуса Кабарды. Стараясь противодействовать домогательствам Турции и Крыма, русская дипломатия первоначально утверждала, что Кабарда всегда была «вольною», т. е. независимой от Крымского ханства страной. Затем стала доказывать, что кабардинские князья не только не являлись вассалами крымского хана, но издавна находились в подданстве России [47].

Тогда турецко-крымская сторона стала в свою очередь развивать тезис о «вольности» Кабарды, предлагая объявить ее нейтральной территорией. Идея нейтрализации Кабарды нашла поддержку и у французского посла в Константинополе Вильнева, который всячески пытался осложнить русско-турецкие отношения.

Новым дополнением к тому, что мы знали к концу 60-х гг. прошлого столетия, было установление того факта, что русская политика начала 30-х гг. XVIII столетия выработала более ясную и твердую позицию. Правительство Анны Ивановны, предвидя неизбежность столкновения с Турцией, закрепила союз с Кабардой в 1732 г., согласно которому Россия брала на себя ответственность за ее оборону [48].

Турция в свою очередь проявила твердость по кабардинскому вопросу по тем же соображениям, что и Россия. В конечном итоге все это привело к Русско-турецкой войне (1735–1739), в которой кабардинцы участвовали на стороне России. Но по вине Австрии эта война закончилась с неблагоприятными для России последствиями, что прямо отразилось и на международном положении Кабарды. Белградский мирный трактат 1739 г. объявил Кабарду барьерной (нейтральной) страной между Турцией и Россией [49].

Некоторые историки, в том числе и Евгения Джамурзовна, правильно считают, что указанный договор был направлен против русско-кабардинского союза [50]. Тем не менее следует отметить, что 6-я статья Белградского мира о нейтрализации Кабарды имела большое значение для нее, так как она объявляла ее суверенным государством и тем самым становилась субъектом международных правовых отношений. Это – во-первых. Во-вторых, она сняла угрозу крупномасштабных вооруженных акций со стороны Крыма и Турции почти на

треть века. По нашему мнению не правы те историки, которые утверждают, что «нейтрализация Кабарды не отвечала ни интересам России, ни потребностям самого кабардинского народа» [51]. На самом деле потребностям кабардинцев не отвечал не статус «нейтральной» и «вольной» страны, а то, что и Россия и Турция сознательно не оговорили внешние границы Кабарды под предлогом их «неопределенности», что в будущем сделало уязвимым ее территориальный и политический суверенитет [52].

Подводя итоги своим исследованиям о политическом положении Кабарды, Е. Дж. Налоева пришла к следующим основным выводам:

– в первой половине XVIII в. Кабарде приходилось проводить очень напряженную и гибкую политику. Она вынуждена была лавировать между державами-соперницами – Россией и Турцией – на равновесии которых, собственно, и держалась ее независимость;

– неустойчивость внешней политики Кабарды объяснялась двумя факторами: а) обострением вообще «кавказской» проблемы; б) экономической и политической отсталостью самой Кабарды [53];

– в этих условиях Кабарда не могла противостоять турецко-крымской агрессии без помощи России. А русское правительство, в целях укрепления своих позиций на юге страны, шло на включение Кабарды в состав Российской империи с сохранением ее внутреннего строя. Но поражение русских на войне с турками и подписание в 1739 г. Белградского мира затормозили процесс вхождения Кабарды в состав России.

Надо сказать, что научные интересы Е. Дж. Налоевой выходили за рамки названных нами выше направлений, о чем свидетельствует ее участие в 1985 г. в региональной научной конференции, посвященной 300-летию со дня рождения Жабаги Казаного [54]. Налоева опубликовала газетную статью о Жабаги Казаного еще в 1971 г. [55] и на указанной конференции выступила с очень серьезным сообщением: «Документальные данные о Казаного Жабаги» [56]. Она долгие годы, по крупицам, в различных архивохранилищах страны, собирала документальный материал, позволивший установить, что Казаноговы были довольно состоятельным и влиятельным дворянским родом, находившимся в вассальной зависимости древнейшей княжеской фамилии Кабарды Кайтукиных, что сам Жабаги был одним из активнейших участников сложных политических событий первой половины XVIII в. на Северном Кавказе, что он в составе посольств от Кабарды побывал в России, в Крыму и в Дагестане.

Таким образом, благодаря исследованиям Налоевой и других участников конференции 1985 г., Жабаги Казаного из мифического персонажа устного народного творчества кабардинцев превратился в реальную историческую личность, заслужившую славу искусного дипломата, общественного деятеля, философа и мудреца. Он был известен и среди соседних народов Кавказа. Итоги своим научным изысканиям о Жабаги Налоева подвела словами: «Искренне восхищаюсь прозорливостью, твердостью характера и мужеством великого нашего соотечественника. Редко такие качества сочетаются в одной личности» [57].

В свое время историки также высоко оценили научную статью Е. Дж. Налоевой «К вопросу о термине кунак», где она показала принципиальную разницу

между терминами кунак и канак — «къанакIуэ». Под куначеством кабардинцы подразумевали проявление гостеприимства, тогда как под канаком понималось социальное явление, поскольку термин канак означал обычай, согласно которому человек мог отдаваться (уходить) под покровительство (под защиту) более сильного [58]. Имеется в виду более высокого по социальному статусу человека (рода, фамилии).

* * *

Научная работа вузовского работника не самоцель. С одной стороны, его служебный статус и даже оплата труда напрямую зависят от того, какой ученой степенью он обладает. С другой стороны, ученый-педагог обязан вовлекать студентов в исследовательский процесс, чтобы они научились самостоятельно добывать знания путем изучения и поиска первоисточников, анализа исторических фактов и событий, обобщения полученных результатов и т. д. И действительно, Е. Дж. Налоева много делала для развития научного кругозора студентов. Она, как правило, ежегодно руководила контрольными, курсовыми и дипломными проектами. Те студенты, которые занимались у нее, всегда шли от курсовой работы к дипломной, что способствовало получению студентами не только исследовательских навыков, но и системных знаний. Такой профессиональный и конкретный подход к научно-исследовательской работе студентов (НИРС) высоко оценивался руководством кафедры. Поэтому ей была оказана честь руководить долгие годы научно-студенческим кружком при кафедре истории России. Кружковцы, многие из которых поощрялись призами и грамотами, как правило, участвовали в традиционных ежегодных научно-практических конференциях.

Евгения Джамурзовна оказывала благотворное влияние и на своих коллег. Благодаря широкой эрудиции и опыту, она советами и консультациями оказывала помощь молодым коллегам в творческом становлении. Она охотно читала рукописные труды своих коллег на стадии их подготовки к печати, писала отзывы на предмет допуска к защите и оппонировала диссертационные работы.

Но все это она делала избирательно. Помогала тем, кто самостоятельно и творчески работает. Такую помощь и влияние ощутили на себе ныне известные ученые и педагоги: Башир Хубиев, Валерий Кажаров, Артур Кажаров, Петр Кузьминов, Валерий Сокуров, Валерий Пшемурзов, Амирби Кармов, Кашиф Унежев, Мадина Текуева, Лена Тхакахова, Хамитби Мамсиров и автор настоящего очерка Жиляби Калмыков и др. Она больше всего не могла терпеть недобросовестных в науке людей, особенно, плагиаторов, компиляторов и пустых интерпретаторов, которых так много стало в 90-х гг. прошлого и начале нынешнего столетия. Она всегда была бескомпромиссна, когда в угоду идеологии и по конъюнктурным соображениям нарушались основные принципы историзма, искажались факты и события.

Вузовский преподаватель – это прежде всего лектор и воспитатель. Его авторитет и влияние среди своих коллег и студенчества прежде всего зависят от того, на каком профессиональном, методологическом и методическом уровне он читает лекцию, проводит семинарские занятия. Е. Дж. Налоева была педагогом

с большой буквы. На лекциях она восхищала слушателей своей эрудицией и мастерством слова, последовательностью и четкостью изложения материала, глубокой аргументацией своих мыслей и несколько эмоциональным характером изложения конкретных фактов и событий. Именно поэтому ее очень уважали и любили студенты.

Ее глубокие профессиональные знания, научно-педагогическое мастерство и опыт реализовывались не только на лекциях и семинарах, но и в ряде учебно-методических изданий и материалов, которыми продолжают пользоваться ее коллеги. Спецкурсы и спецсеминары, разработанные ею или с ее участием остаются и сегодня актуальными, являются своего рода эталоном проведения специализации студентов на кафедре.

Евгения Джамурзовна активно участвовала и в общественной жизни университета. Многие годы она была куратором (наставником) академической группы, как правило, первого курса исторического отделения. Работа с первокурсниками во все времена считается наиболее сложной. В арсенале ее воспитательной работы были беседы, диспуты и читательские конференции, походы в краеведческий музей и музей изобразительного искусства, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., известными деятелями науки, культуры и искусства. Поэтому в праздничные дни руководство факультета и ректорат КБГУ часто ее награждали грамотами и объявляли благодарностью с характерными для того времени формулировками: «за добросовестное отношение к служебным обязанностям», «за большую идейно-воспитательную работу среди студентов», «за активное участие в работе научного семинара по истории народов Северного Кавказа», «за методическую помощь молодым ученым» [59]. Но особое место среди всех поощрений занимает «благодарность», объявленная ей приказом по Северо-Кавказскому научному центру за подписью его председателя Ю. А. Жданова, за участие в написании и подготовке к изданию «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» [60].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Кабрдино-Балкарского государственного университета (далее: архив КБГУ). Личное дело Налоевой Е. Дж. Л. 40.

2. Там же. Л. 3.

3. ЦГА КБР, ф. Р-183, оп. 3, д. 292, с. 273.

4. Там же.

5. Архив КБГУ. Личное дело Налоевой Е. Дж. Л. 3.

6. Там же.

7. Там же. Л. 2.

8. Там же. Л. 3, 28.

9. Там же. Л. 29.

10. Там же.

11. *Налоева Е. Дж.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук // Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века. Нальчик, 1973.

12. Там же.

13. Архив КБГУ. Личное дело Налоевой Е. Дж. Л. 8.

14. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века // Вестник КБНИИ. 1968. Вып. 1; К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII в. // Ученые записки КБГУ. 1969. Вып. 40; К вопросу о термине «кунак» // Ученые записки КБГУ. 1971. Вып. 43; О государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6; Автореф. дисс. ... Нальчик, 1973; Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980; В соавторстве с известными кавказоведами Гардановым В. К. и Гаджиевым В. Г.: Социально-экономические и внутривластные отношения на Северном Кавказе в XVIII веке // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Гл. 15.

15. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1; *Гарданов В. К.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1965. Т. 23. С. 88–111; *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963; *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961 и др.

16. См.: Вестник КБНИИ. 1968. Вып. 1. С. 61–81; Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 5–27.

17. Вестник КБНИИ. Нальчик, 1968. С. 68.

18. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Ленинград: Наука, 1978. С. 26, 27.

19. Из истории феодальной... С. 18.

20. Там же. С. 21.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же. С. 23.

24. Там же.

25. Там же. С. 27.

26. *Налоева Е. Дж.* О государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6. С. 69–87; Автореф. дисс. . С. 12–17; См.: Рукопись дисс. ... Гл. 2; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 366–402.

27. См.: *Калмыков Ж. А.* Советская историография об уровне развития социально-экономического строя Кабарды и Балкарии накануне Октябрьской социалистической революции // Молодежь и общественные науки. Нальчик, 1983. С. 117–120.

28. *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961.

29. Там же.

30. *Налоева Е. Дж.* Автореф. дисс. ... С. 13.

31. Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6. С. 78, 79.

32. *Налоева Е. Дж.* Автореф. дисс. ... С. 14, 15.

33. Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 79.

34. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 115.

35. *Кажаров В. Х.* Адыгская Хасэ. Нальчик, 1994; Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII– первой половине XIX века. Нальчик, 1994 и др.

36. Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 87.

37. *Налоева Е. Дж.* Автореф. дисс. ... С. 18.

38. *Налоева Е. Дж.* Рукопись дисс. ... С. 175.

39. Там же.
40. *Налоева Е. Дж.* К вопросу о политическом положении Кабарды в первой половине XVIII века // Ученые записки КБГУ. 1971. Вып. 43. С. 21.
41. *Бушуев С. К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 79.
42. *Налоева Е. Дж.* К вопросу о политическом положении... С. 21.
43. Там же. С. 22.
44. Там же. С. 29, 30.
45. Предания о Жабаци. Нальчик, 1985. С. 11.
46. *Налоева Е. Дж.* К вопросу о политическом положении... С. 32.
47. История Кабардино-Балкарской АССР. М. 1967. Т. 1. С. 166.
48. *Налоева Е. Дж.* Автореф. дисс... С. 20.
49. Там же.
50. Там же.
51. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 167.
52. *Калмыков Ж. А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления. Нальчик, 2007. С. 31.
53. *Налоева Е. Дж.* Автореф. дисс. ... С. 21.
54. *Джабаги Казанок* (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 года). Нальчик, 1987.
55. Кабардино-Балкарская правда. 22 июня 1971. № 151.
56. *Налоева Е. Дж.* Документальные данные о Казанок Жабаги // *Джабаги Казанок* (300 лет). Материалы... С. 90–104.
57. Там же. С. 103.
58. *Налоева Е. Дж.* К вопросу о термине «кунак» // Ученые записки КБГУ. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 143–152.
59. Архив КБГУ. Личное дело Налоевой Е. Дж. Л. 13, 20, 38.
60. Там же. Л. 20. Рукописный вариант, 2009 г.

П. А. Кузьминов

Свет ее глаз

2 марта интеллигенция республики провожала в последний путь одного из самых ярких и сильных преподавателей историко-филологического и юридического факультетов КБГУ Евгению Джамурзовну Налоеву.

О таланте педагога и ученого рассказывает ее бывший ученик, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Петр Кузьминов:

«1 сентября 1974 года мы, еще совсем дети, перешагнули порог родного КБГУ. Был ясный осенний день, в светлую аудиторию вошла белокурая женщина с удивительно приветливым, доброжелательным лицом. Глубокие, сияющие, голубые глаза излучали свет и ум. Прекрасно поставленным голосом она сказала, что ее зовут Евгения Джамурзовна, и она будет преподавать историю СССР в течение первого курса. Признаться честно, я сразу почувствовал непреодолимую симпатию и уважение к этому интересному человеку.

Когда мы вспоминаем людей, сыгравших положительную роль в нашей жизни, мы скрупулезно воскрешаем в памяти мельчайшие детали. Так и с Евгенией Джамурзовной. Вспоминается ее оригинальная манера одеваться, изящно завязанный тюрбан, который она носила с достоинством королевы.

Поступая в университет, я считал, что преподавателями должны быть мужчины, так как мягкий женский ум более склонен, скорее, к творчеству, нежели

к железной логике. Но лекции и семинары Евгении Джамурзовны постоянно доказывали обратное – ее ум, глубокий, вдумчивый, ищущий, стремящийся найти истину в исторических событиях, поражал.

Она удивительно воодушевляла студентов, подчеркивала достоинства, деликатно указывая на недостатки. У этого замечательного человека была истинно искренняя, сочувствующая и добрая душа. Являясь нашим куратором, она приглашала нас к себе домой, а за чашкой ароматного чая делилась воспоминаниями о былых днях. Жизнь Евгении Джамурзовны была трудной и трагичной, как пишет Лариса Алоева в «Литературной Кабардино-Балкарии» в последнем интервью с Налоевой, «трагические изломы ее судьбы достойны пера великого Шекспира». Но эта честь выпала не гениальному писателю, а «заурядному писарю, который корявым почерком вписывал в лагерные и расстрельные списки ГУЛАГа имена мужчин и женщин из рода Налоевых, которые обречены были сгинуть во мраке вечности, так и не удивив мир своим талантом, кроме таких людей, как Евгения Налоева, ставшая впоследствии известным ученым-историком».

Мы были восхищены, что, несмотря на все перипетии судьбы, наш великодушный педагог сохранил душевную мягкость, сочувствие и всегда предлагала нам свою помощь – не только моральную, но и материальную. В своем последнем интервью эта мудрейшая женщина сопереживает Родине, ее глубоко волнует проблема незанятости молодежи и идеологического кризиса. Трагичные для республики события 13–14 октября она оценивает не только с исторической точки зрения, но и как подлинный патриот. Евгения Джамурзовна видит корень зла в непросвещенности молодежи: «если бы в свое время с этими ребятами проводились дискуссии, где участвовали бы ученые всех стран мира, возможно, ложная доктрина богоборцев была бы разбита, причем не силой оружия, а силой разума – ведь это величайшая сила человечества».

Мы, студенты, любили ее как мать, и она отдавала нам свою нерастрченную материнскую любовь. Евгения Джамурзовна была очень эрудированным человеком, убежденным в своих мыслях, которые красиво и грамотно излагала. Прекрасно разбиралась в родной культуре, обладала врожденным артистическим талантом, часто шутила, создавая атмосферу дружелюбия и раскованности, при этом оставаясь строгим и требовательным преподавателем. Хотелось бы отметить ее важные научные публикации, внесшие огромный вклад в развитие кабардинской истории, в числе которых «Об особенностях кабардинского феодализма», «К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в 18 в.» и многие другие.

Провожая Евгению Джамурзовну в последний путь, мы низко склоняем головы перед ее гением и испытываем благоговейную гордость, ведь это наш учитель, наш наставник, наш вдохновитель ...»

Университетская жизнь. 2007. Март

Память. Наша Женечка, наш «Ломоносов в юбке»

«Налоева Евгения Джамурзовна (1920–2007 гг.)» – эти слова высечены на надгробном камне, который на ее могиле установил один из нас – ее многочисленных учеников. Вот уже год ее нет с нами. Больно и... странно – нам казалось, что она вечная и каждый раз, возвратившись в родной город или оставив все дела и заботы, мы можем увидеть ее и снова обрадоваться – как родному и очень близкому человеку. Низкий поклон Вам, наш любимый университетский преподаватель истории, Евгения Джамурзовна, «наша Женечка» (так мы ее называли).

Ее первые лекции по истории СССР взорвали наши школьные зашоренные представления об истории как науке. На ее лекциях был аншлаг. Умная, интеллигентная и талантливая, она передавала нам события далеких времен «в лицах», словно сама являлась современницей тех далеких времен.

К сожалению, страшные страницы новой истории России коснулись и ее судьбы. Дочь «врага народа», не подписавшая отказ от отца, получила 8 лет сталинских лагерей. Ее «университетом» стали лесоповалы. Но жажды знаний они в ней не убили.

Среди преподавателей нашего исторического факультета КБГУ она всегда выделялась «недостаточной гибкостью» – прямолинейная, честная и смелая, она в тоже время была очень мудрой. Мы, молодые, это очень остро чувствовали, наверное, поэтому не только любили, но и глубоко уважали ее. Низкий поклон Вам, Евгения Джамурзовна, за Вашу искреннюю радость нашим успехам, за ту гордость, которая светилась в Ваших глазах, когда мы, Ваши ученики, получали ученые степени и звания.

Мы тоже гордились ею. Ее блестящими лекциями, ее бескомпромиссностью, интересной исследовательской работой, публикациями и научными трудами. Это все давало нам повод хвастаться ею перед студентами других факультетов, ведь «наша Женечка» была самой лучшей, самой умной, самой честной.

Она была ученым от Бога. Ее безграничная любовь к отечеству, к его богатейшей истории явно видна в ее научных трудах и публикациях. К ее мнению прислушивались крупнейшие ученые-кавказеды страны. Да, не для всех она была удобной. Ее разум не был замутнен идеологией, а честность, неподкупность и высокая нравственность некоторых даже раздражали. Она никогда не прощала предательства – так научила ее нелегкая судьба. Но в ее сердце всегда жила любовь.

Говорят, что человек бессмертен, если оставил после себя хотя бы одного ученика, продолжающего его дело. За более чем сорок лет педагогического стажа у Евгении Джамурзовны – «нашей Женечки» было очень много учеников... Низкий поклон Вам, Евгения Джамурзовна, за Вашу любовь к нам...

Ваши ученики.

Советская молодежь. Нальчик, 2008. № 12. 26 марта. С. 5.

Раздел V
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ РЕПРЕССИЙ
В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ Д. К. НАЛОЕВА

**Архивные справки из фондов Центрального госархива
КБАССР о Налоеве Жамурзе Кубатиевиче**

**Центральный государственный архив гр. Налоеву Аслан-Гери
Жамурзовичу г. Нальчик, ул. Мусукаева, 34, кв. 46**

20.06.1977 г.
№ 240, г. Нальчик,
ул. Горького, 13.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

На Ваше заявление сообщаем, что в фондах Центрального госархива КБАССР о Налоеве Жамурзе имеются следующие документы:

1. В протоколе от 23.06. 1917 г. Налоев Жамурза проходит как комиссар сел. Хату-Анзорово.

ЦГА КБАССР, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 126.

2. Удостоверение, выданное Нальчикским окружным революционным комитетом 29 июня 1920 г. Жамурзе Налоеву, как председателю сельского ревкома.

ЦГА КБАССР, ф. Р-201, оп. 1, д. 39, т. 1, л. 61.

3. Протокол заседания Хату-Анзоровского сельского Совета от 10 июля 1920 г. об избрании Жамурзы Налоева Председателем сельсовета.

ЦГА КБАССР, ф. Р-264, оп. 1, д. 18, л. 35.

4. В удостоверении, выданном Старо-Урухским исполкомом от 22 августа 1920 г. № 909 записано: «дано сие гражданину сего селения Жамурзе Кубатиевичу Налоеву в том, что он с 8 марта по 10 июля с.г. состоял в должности председателя сельского ревкома, а с 10 июля по 20 сего августа председателем сельского Совета и исполкома сего селения и оставил службу вследствие болезненного состояния.

Во все время службы Налоев строго следил за выполнением распоряжений Советской власти, сам являлся аккуратным исполнителем этих распоряжений, постоянно вел агитацию среди населения за Советскую власть, вел строгую борьбу с воровством и грабежами и в настоящее время Налоев принимает деятельное участие в работе за Советскую власть, состоя членом Народного Совета сего селения, что и удостоверяется.

Председатель	подпись
Секретарь	подпись

ЦГА КБАССР, ф. Р-20, оп. 1, д. 39, л. 62.

5. Протокол заседания Нальчикского окрисполкома Жамурза Налоев временно утверждается членом райисполкома.

ЦГА КБАССР, ф. Р-201, оп. 1, д. 20, л. 71 об.

Директор Центрального
Госархива КБАССР
Зав.столом справок
ЦГА КБАССР

В. И. Горбатовская

Т. П. Пахомова

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 57.

Выписка из ЦГА КБАССР, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5

«10 июля 1920 г.

Протокол заседания Хату-Анзоровского сельского совета об избрании Исполнительного Комитета.

Постановили: образовать Исполнительный Комитет сельского Совета в составе 4 лиц: председателя, двух его товарищей и секретаря.

Открытой балатировкой избран председателем Совета Жамурза Налоев, товарищами его – Магомета Закаонова, Тату Ошнокова и секретарем Николай Груша.

Председатель	подпись
Секретарь	подпись

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 57.

Выписка из газеты «Красная Кабарда» № 75 (144) от 21 июля 1922 года (пятница) Создание Ревкома Урванский округ

По постановлению Облисполкома Округом Урванского округа распущен. Причиной роспуска является неработоспособность, хаотичное состояние советов Урванского округа.

Для управления округом создан Ревком в составе: т. Мутайя Сокурова, т. Налоева Жамурзы и ответственного секретаря т. Чикина.

Выписка из газеты «Красная Кабарда» № 130 (189) за ноябрь 1922 г.

Областная сельско-хозяйственная конференция (25–29 ноября 1922 года)

«Выборы президиума ... состав следующий: почетный председатель т. Калмыков, члены – Карашаев, Налоев, Ахохов, Гуденко, Карданов, Яхонтов, Мидов».

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 57.

Выписка из протокола Краевой тройки КБАССР от 29 января 1930 г. по обвинению Налоева Ж. К.

«Слушали: д. № 12868 по обвинению Налоева Ж. 55 лет, женатый, б/п, кулак, житель селения Ст. Урух КБАО. Содержится под стражей при Кабардино-Балкарском отд. ОГПУ с 30.XI – 1929 г. по статье 58-10 УК.

Постановили: концлагерь на 8 лет. Семью выслать в Север. край. Имущество конфисковать».

**Выписка из Обвинительного заключения по след. д. № 412 по обвинению
Налоева Жамурзы Кубатиевича по статье 58-10, ч. II УК РСФСР**

В ноябре месяце 1928 г. в Кабардино-Балкарский отдел ОГПУ поступили сведения: кулак, лишенец Налоев Жамурза систематически ведет агитацию среди населения против проводимых на селе советской властью мероприятий, в частности против хлебозаготовительной кампании, подрывая, с одной стороны, доверие к власти, с другой – ослабляя ход хлебозаготовок.

На основании указанных сведений Налоев Ж. 30.XI – 1929 г. был арестован и заключен под стражу при КБО ОГПУ.

Расследованием установлено: Налоев Ж. в прошлом крупный торговец. Прекратил торговлю только в 1927 г. Скупал хлеб в большом количестве, отправляя его вагонами в Баку и др. города, привозя оттуда крупные партии мануфактуры.

В настоящем Налоев кулак, лишен избирательных прав, вел систематически антисоветскую агитацию против мер, проводимых партией на селе, в том числе вел усиленную агитацию за срыв хлебозаготовительной кампании. Пользуясь большим авторитетом среди местного населения нанес огромный ущерб политике партии в деревне.

Спрошенные в качестве свидетелей по настоящему делу граждане села Ст. Урух – Долов Бита Бердович, Шидов Хазеша, Закаунов Магомет Хажисетович, Хачетлов Хатокшуко Хазешович полностью подтвердили указанные выше сведения.

Долов Бита: «Авторитетен как в старое время, так и сейчас. Без ведома сельского совета созвал сход в 200 человек, чуть не сорвал планировку села».

Шидов Хазеша: «Пользуясь неограниченным доверием среди крестьян ведет систематически агитацию против мероприятий советской власти».

Налоев Жамурза по существу предъявленных ему обвинений виновным себя не признал, агитацию против хлебозаготовок не вел, что в 1927 г. в селении произвели планировку земли, когда он был в отъезде. По возвращении в село граждане заявили, что это немыслимо и он по своей инициативе собрал 200 человек в мечети, где решили отложить планировку до следующего года по его предложению.

На основании изложенного обвиняется Налоев Жамурза Кубатиевич, 55 лет, женат, четверо детей, уроженец сел. Старый Урух, кабардинец, б/п, малограмотный, из крестьян, кулак, лишенец, имеет 5 лошадей, 5 штук рогатого скота. До революции занимался крупной торговлей.

В том, что среди населения вел антисоветскую агитацию, направил на срыв проводимых в селе партией и советской властью мероприятий, срыв планировки села, ослаблял ход хлебозаготовок, распространял панические слухи о скором падении советской власти, возбуждал среди населения недовольных советской властью, т. е. в преступлениях предусмотренных ст. 58-10 УК

Постановил:

Направить дело в Особое совещание при Коллегии ОГПУ для внесудебного разбирательства.

Составлен: 16 января 1930 г. уполномоченным КРО Кацнельсон.

Согласен: Пом.нач. Кабардино-Балкарского отдела ОГПУ Раев.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 56, инв. № 3047.

**«С нами не по пути!». Из стенограммы Кабардино-Балкарской областной
XIV партконференции, состоявшейся 27 мая 1937 года.
Из доклада Б.Э. Калмыкова, первого секретаря ОК ВКП(б)**

(Речь Калмыкова, в том числе и против Жамурзы Налоева)

Кто не хочет работать в стиле Сталина, с ее сталинской принципиальностью к врагам партии, кто не стал на широкий сталинский путь, кто не пожертвует собой во имя построения социализма, тому в нашей среде не место (аплодисменты). И мы должны прямо заявить, что те, кто не за Сталина, кто не за генеральную линию партии, тому с нами не по пути!

Должен откровенно заявить тем, кто собирается быть с нами и одновременно быть врагами: если вчера его не разоблачили, если сегодня он не разоблачен, так мы завтра его все равно разоблачим. Если мы завтра его разоблачим, то пусть он не ждет пощады с нашей стороны! (апл.).

Некоторые думают – катхановцев кончили и все. Мы не давали обещания, что на этом закончим. Мы не давали обещания, что не разоблачим Вадахова и Бесланеева. Я должен категорически заявить: ни один человек и вся партийная организация не даем такого обещания! Я хочу кое-кого обдать холодной водой. В этом году мы проверяем не только то, что в прошлом году подытожено, что проделано за 15 лет, но и то, что было за 1936–1937 годы. В смысле очищения от предателей и шпионов проделана и делается колоссальная работа. А какой коммунист может носить в своем кармане партийный билет, если он за сталинскую бдительность, если знает врага и не разоблачает? Мы должны организовать дело разоблачения врагов так, чтобы все коммунисты своевременно сигнализировали в первичную парторганизацию, в РК, в НКВД, ОК ВКП(б) о каждом враге или о подозрении, даже малейшем, кого-либо во враждебной деятельности. Все мы должны быть чекистами.

Но того надо бить беспощаднее, кто думает только о себе, о своем благополучии, не видит классовых врагов, у кого бдительность отсутствует, кто смыкается с террористами, с классовыми врагами, ходит с ними под ручку.

Вчера здесь выступал Настуев, держал большую речь. А ему надо было сказать: «Я в своей работе допустил целый ряд ошибок, не вел борьбы с буржуазными националистами в Балкарии».

Я должен заявить на конференции: любить буду и поддерживать буду, если ты покончишь с антипартийными делами, а если нет, тогда выбросим лозунг: «Огонь по Настуеву!» (апл.).

Сложилось так, что на протяжении ряда лет я являюсь руководителем у нас в области. Мне известно, что меня все знают, и не буду преувеличивать, если скажу, что в области я хорошо уважаемый основной частью трудящихся, которая предана партии (продолжительные аплодисменты). Я, товарищи, не настолько непонимающий человек, я отдаю себе отчет и знаю о той живой ненависти со стороны врагов народа, которой нет предела. Знаю, что определенный процент населения относится ко мне враждебно.

Враг, который нас ненавидит в душе, идет против нас. Вот родственник, который нас подводит, вот братья, вот сестры. И у них в душе сидит: «Калмыков руководитель, а почему я не такой, почему я не имею авторитета как Калмыков, почему у меня не такая машина, почему у меня не лучше квартира». Если брат секретарь, то он родственник, хочет председателем СНК, другой хочет быть председателем суда, третий – председателем потребсоюза. Зять жениться на сестре руководителя с расчетом быть

не меньше прокурора и не меньше председателя потребсоюза (смех). Этого зятя даже сторожем в приличный магазин не возьмут, а если и возьмут, он и там проспит и наделает вреда (смех).

Из выступлений:

Текуев: Враги народа, разоблаченные ОК и НКВД вели идеологическую линию Катханова, Гемуева, Ульбашева и прочей сволочи. До конца должны выкорчевать этих гадов-бандитов и троцкистов Водахова, Бесланеева, Максидова, Хашкежева, Налоевых, Бетровых, физически их уничтожить.

Мирзоев (Урванский район): У нас бывает, что едет беспартийный милиционер с винтовкой и созывает коммунистов на собрание.

Баскаков: Несколько слов относительно снабжения нашего района секретарями (смех). Прислали Карпенко, оказался пьяницей, ставят Платонова, мальчишку, который ни в чем не разбирается. Теперь поставили Хашкежева, идиота.

Антипова (пединститут): Максидов разлагал студенчество института. Комсомольцев называл собаками, 18-летних девочек – проститутками. Он брал установку на то, чтобы с кабардинцев спрашивать меньше, с русских больше. Цель: затормозить подготовку кадров.

Хазуров: Притупление бдительности дало возможность фашистским бандитам Водахову, Максидову, Бесланееву, Хашкежеву развернуть подрывную вредительскую работу.

Сербин: Аргудан – одно из пораженных контрреволюцией селений. Урух – родовое селение махровых контрреволюционеров Налоевых и Бетровых. Урух – родина бандита Водахова.

Сребцов: В Балкарии некоторые руководители работали как подлецы, разлагались политически и морально.

Крутиков: Наши руководители Аппаев и Жабелов классовую принадлежность определяют по тучности. Аппаев говорит: «Ты худой потому что советская власть тебе не по нутру».

Подготовил к печати А. Тхагонсоев.

Выписка из газеты «Альтернатива» № 7 от 8 ноября 1990 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 47, инв. № 3038.

Автобиография Налоева Аслангери Джамурзовича

Налоев Аслангери Джамурзович – род. в 1907 г. в сел. Старый Урух КБАССР. С 1914-го по 1916 г. учился в средней школе сел. Старый Урух. В 1917 г. был отдан на обучение в Змейское станичное ремесленное училище, в связи с Гражданской войной обучение мое было прервано. В 1924 г. я поступил в Урванскую сельско-хозяйственную школу. После одного года обучения в названной школе отец перевел меня в Чечено-Ингушский индустриальный техникум в гор. Владикавказе (Орджоникидзе), который окончил в 1928 г. С 1926-го по 1932 г. состоял в рядах ВЛКСМ. После окончания техникума я вернулся в Кабарду, поступил в органы милиции при б. Урванском окружном административном отделе вначале старшим милиционером, а затем уполномоченным по борьбе с бандитизмом, где проработал до 1930 года. В связи с арестом отца был уволен из органов милиции. В этом же году (1930) я поехал в Москву и устроился в московское коммунальное хозяйство десятником по ремонту жилья. В этом же году решением ЦК КСМ был направлен на работу как молодой специалист в Таджикскую ССР, где работал до 1937 г. в должности начальника автотранспорта. В 1937 г. 31 де-

кабря я был арестован и осужден тройкой УГБ НКВД Таджикской ССР сроком на десять лет без указания статьи. Дело по обвинению меня пересмотрено судебной комиссией Верховного суда Таджикской ССР 24.05.1957 г., а постановление тройки УГБ НКВД Таджикской ССР от 31.12.37 г. в отношении меня отменено и дело производством прекращено за недоказанностью предъявленного мне обвинения. С момента освобождения из мест заключения по апрель 1943 года я проживал в Узбекской ССР и работал бригадиром стройгруппы в колхозе имени Кадырлык. В 1948 году я вернулся в КБАССР, где и проживаю. За это время я работал на ряде предприятий, которые указываю в анкете, однако не могу скрыть, что имел и второе несчастье быть осужденным повторно в 1954 году по статье 107 УК РСФСР, но был амнистирован и освобожден досрочно со снятием судимости в 1958 году. 12.01.1959 г. работаю мастером и проживаю в гор. Тырныаузе. На временно оккупированной территории не проживал и близких родственников за границей не имею.

С 1950 г. состою в зарегистрированном браке с женой Пазовой (Налоевой) Евгенией Машевной. Имею двоих детей школьного возраста, жена моя работает в Тырныаузском продснабе.

Отец мой Джамурза Кубатиевич Налоев занимался крестьянством и одновременно торговлей. В годы гражданской войны он был из одних активнейших борцов за победу Советской власти в Кабарде. После установления Советской власти отец занимал ряд должностей в разных учреждениях вплоть до его ареста в 1930 году. Тройкой Северо-Кавказского края он был приговорен к 8 годам лишения свободы, конкретно в чем он обвинялся, мне не было известно. В 1934 году он был досрочно освобожден и возвратившись в родное село работал рядовым колхозником до повторного его ареста в 1937 г. Он умер в местах заключения в 1943 г. Ныне мой отец посмертно реабилитирован, как по 1930 г., так и по 1937 г. Мать моя Зиза Налоева была домохозяйкой, после реабилитации отца Совет Министров КБАССР назначил моей матери персональную пенсию за заслуги ее мужа при установлении Советской власти в Кабардино-Балкарии. Она умерла в 1961 г.

Налоев

Личный архив Налоева Аскера Аслангериевича

Заявление Налоева Аслангери Джамурзовича в комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30–40-х и 50-х годах по отношению к членам его семьи [1]

В комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями имевшими место в 30–40-х и 50-х годах члена КПСС, пенсионера, ветерана труда Налоева Аслангери Джамурзовича, проживающего по адресу: 360004, г. Нальчик, Мусукаева, 4, кв. 32

Заявление.

Создание специальной комиссии при Политбюро ЦК КПСС для дополнительного изучения материалов репрессий 30–50-х годов считаю гуманным, справедливым и важным политическим актом. Однако меня настораживает одно обстоятельство –

практика недавнего прошлого объявлять жертвой сталинского террора махрового его палача бывшего первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии Бетала Эдиговича Калмыкова. Он был ярым проводником сталинщины, организатором массовых репрессий в 30-х годах в Кабардино-Балкарии. Калмыков лично виновен в массовом истреблении талантливой молодежи республики, ее интеллигенции, самых уважаемых советско-партийных работников!

И вот этого изверга по чьему-то велению сверху реабилитировали! Больше того, в столице республики г. Нальчике соорудили ему скульптурный памятник, его имя присвоили одной из лучших здравниц республики!!!

На мой взгляд – это глумление над жертвами сталинщины и калмыковщины!!! Я не оговорился, сказав «калмыковщина». Иначе не назовешь страшные годы правления этого некоронованного «царька» в Кабардино-Балкарии! Калмыковщина – сталинщина в миниатюре, тот же культ, только калибр иной. Калмыкова здесь обожествляли, как и Сталина по всей стране. В честь его слагали песни, стихотворения, местные панегиристы взхлеб распевали ему дифирамбы, за него писали речи, статьи, книги, ему приписывали несуществующие достижения в области экономики, политики, культуры и даже заслуги им же расстрелянных людей! Его именем «величали» колхозы, совхозы, села, предприятия и, самое страшное, каждое слово этого малограмотного сноба возведено было в ранг закона, а между его персоной и советской властью поставлен знак равенства, в силу чего любая критика в его адрес квалифицировалась как антисоветская деятельность!

Чем же это не культ?

Калмыковщина возвращена самим Сталиным. Она – его детище, неизбежное порождение самой политической системы. Без таких местных «божков», которым, с одной стороны, все дозволено было, а с другой, сами были способны на любые злодеяния ради собственного благополучия, наверняка, Сталин не удержался бы у власти, а тем более не смог бы осуществить столь беспрецедентный по времени, масштабам и жестокостям террор! Поэтому Сталин и его окружение всячески поощряли Калмыкова, оправдывали до поры до времени все его действия. Они его награждали орденами «за успехи», в гости к нему приезжали и самого в объятия принимали, тем самым предоставив неограниченную власть своему вассалу в его «уделе».

Как видно, калмыковщина не отделима от сталинизма и сталинщины, они – одного поля ягоды.

Однако в отличие от многих своих современников Калмыков служил Сталину не за боюсь. Как говорится, вассал пришелся ко двору сюзерена: террор оказался родной стихией Калмыкова. С упоением он разорял крестьянские хозяйства и морил их голодом, дабы первым рапортовать шефу о сплошной коллективизации в области!

Об этих преступлениях Калмыкова упорно молчат у нас политики, историки и философы. С садизмом проводил он массовые репрессии. Пытал, вымогал нужные показания, а потом ссылал или расстреливал арестованных. После каждого очередного массового расстрела Калмыков хвастливо выступал по радио, смакуя имена расстрелянных людей, угрожая и впредь нещадно уничтожать «врагов народа», когда, в сущности, он сам был врагом народа!

Само собой понятно, что Калмыков не мог так свирепствовать без соизволения Сталина. Об этом он понимал и потому фактически – был более сталинистом, чем сам Сталин, ибо он кровно был заинтересован в упрочении и увековечивании сталинизма. Спекулируя его именем, Калмыков постоянно твердил о святости и мудрости Сталина. Именно такие проходимцы, как Калмыков, возвели «вождя» на пьедестал демиурга, физически уничтожая сомневающийся!!!

Другое дело, что «демиург» рассматривал калмыков всего лишь в роли козла-провокатора. Конечно, когда Калмыков, сделал свое черное дело, стал опасным свидетелем, его убрали подобно Ягоде, Ежову и др. пособников. Как говорится собаке – собачья смерть! А причем здесь реабилитация?

Во всем цивилизованном мире принято считать тяжким преступником умышленного убийцу, а у нас, в Нальчике, соорудили статую душегубу, подписавшему тысячи смертей!!! Это равносильно возведению изображения Сталина на Красной площади в Москве!!!

Пожалуй, не будет большим преувеличением, если скажу, что ни в одной другой национальной области или республике нашей страны не проводились репрессии в 30-х годах с такой методичностью, массовостью и жестокостью, как это имело место в Кабардино-Балкарии под бдительным оком сталинского сатрапа Калмыкова! Без его подписи ни один человек не был расстрелян в республике! А расстреляно соответственно ее населению чрезвычайно много. Об этих преступлениях Калмыкова у нас не только молчат, но еще продолжают и теперь славословить в его честь, а идол стоит как символ диктатуры! Символ сталинизма! Многие наши историки, написавшие свои кандидатские и докторские диссертации на темы, связанные с именем Калмыкова, к сожалению, и теперь продолжают считать его национальным героем, забывая о том, что Калмыков был бессменным председателем зловещей тройки, которая расправлялась с арестованными людьми без следствия, защиты и суда! Местом же расправы служило подвальное помещение бывшего здания ОГПУ в г. Нальчике, по улице Степной, ныне Республиканская [2] (оно разрушено прямым попаданием бомбы в Великую Отечественную войну), где был установлен тракторный движок, чтобы заглушить вопли пытаемых и расстреливаемых! Вот такой он – герой!

В упомянутом адском подземелье в одну ночь, 27 июля 1937 года, было расстреляно 420 человек по одному росчерку Калмыкова! И вот я думаю: что же общего у этого изверга с кабардинским народом и социализмом? Чем же он краше фашиста Гитлера?!

Столь же варварски калмыковщина обращалась с трупами несчастных жертв тройки: их, просто, голыми вывозили ночью на городскую свалку и, предварительно оцепив район, сбрасывали в общую яму!

Такого никогда не было прежде в Кабарде! Даже при царизме тела казненных возвращали родственникам, чтобы предать их земле по местным обычаям, а вот у тысячи людей, расстрелянных или отправленных в лагерь по воле трижды орденоносного Калмыкова, нет ни у кого могилы! За одно это преступление надо его проклясть навечно, а не увековечивать память о нем!

Мне глубоко памятна сталинщина-калмыковщина. Немало близких и дорогих мне людей погибло в их застенках, да сам я такого натерпелся за 17 лет пребывания в сталинских тюрьмах и лагерях, что не описать и не рассказать!

К сожалению, я не располагаю документальными данными, подтверждающими изложенное в настоящем заявлении. Во-первых, у меня нет доступа к засекреченным источникам. Во-вторых, не будучи специалистом, вряд ли я смог успешно воспользоваться ими, если бы и дали такую возможность, к тому же и годы уже не те, мне уже 83-й год идет [3].

Поэтому здесь я описываю только достоверно известные мне факты и личное свое суждение о них. Другими словами, я хочу на примере бед, выпавших на долю моих близких людей, показать настоящее лицо Б.Э. Калмыкова и малую долю его огромной вины перед нашим народом, которого наши историки преподносят народу как национального героя.

Со всей ответственностью заявляю, что Калмыков сознательно, планомерно истреблял мой род Налоевых и, очевидно, преуспел бы, если бы его самого не репрессировали

в 1938 г. Из маленькой, всего восемь семейств, фамилии Налоевых в пору сталинщины пострадало 19 человек! Одни из них умерли с голоду, другие погибли в лагерях, третьи расстреляны и лишь трое: я, моя сестра и двоюродный брат остались в живых.

Трагедия Налоевых началась с моего отца Налоева Джамурзы Кубатиевича, одного из заслуженных деятелей периода гражданской войны и первого ревкома Урванского округа КБАО, но о нем я скажу чуть ниже, а сейчас:

Амбициозный Калмыков, чтобы козырнуть перед нерадивыми секретарями обкомов ВКП(б) на виду у Сталина, после первой неудачной попытки коллективизации крестьянства, провел серию арестов по области. Дело дошло тогда до того, что гул приближающейся автомашины приводил в ужас жителей сел. Мужчины, боясь показаться, тайком следили, у чьих ворот остановилась она, ибо появление машины было равносильно бедствию – исчезновению хозяина дома! Как говорится, прочесав с боем область, Калмыков удалил мыслящих сельчан, на остальных нагнал смертный страх, обобрал всех состоятельных крестьян, вывез весь хлеб и голодом уморил массу людей, оставшихся согнал в колхозы! Так он первым рапортовал Сталину о сплошной коллективизации сельского хозяйства, за что получил орден!

Вот в эти годы из Налоевых умерло 6 человек от голода. Приведу эту печальную статистику.

1. Мой дядя Батырбек Налоев хозяйственный мужик, великий труженик, обобранный до нитки, стыдясь попрошайничать, умер с голоду вместе со своей старухой и двумя взрослыми сыновьями: Али и Каральби Налоевыми.

2. Другой мой дядя Батгери Налоев, который был в состоянии прокормить несколько семей целый год, так же умер вместе со своим сыном Хаспи от голода! Все они проживали в сел. Старый Урух Урванского района.

В этот список следует включить еще одну жертву. В самом начале 1930 г. в первый поток арестованных попал мой отец, которого приговорили к 8 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества. Меня отстранили от работы и я уехал, а точнее скрылся в Средней Азии. Мою мать с тремя детьми выселили из дома прямо на снег. Люди боялись приютить их и бросились искать меня, не имея точного адреса. Когда я их разыскал в гор. Сталинабаде – ныне Душанбе – в 1933 г. ужаснулся: передо мной стояли ходячие скелеты, питавшиеся одним жмыхом! Этого не выдержал детский организм и мой десятилетний братик умер! И эта жертва – на совести Калмыкова!

Второй этап погрома Налоевых относится к 1934 году. На этот раз репрессировано 10 человек. Вот их список.

1. Налоев Джамурза Кубатиевич – мой отец повторно арестован, расстрелян. Посмертно реабилитирован.

2. Налоев Анзор – дядя мой – погиб в лагере. Посмертно реабилитирован.

3. Налоев Магомет – дядя мой – погиб в лагере. Посмертно реабилитирован.

4. Налоев Хамурза – мой двоюродный брат. Погиб в лагерях. Посмертно реабилитирован.

5. Налоев Айтек – мой двоюродный брат. Расстрелян. Посмертно реабилитирован.

6. Налоев Шупаго – мой двоюродный брат. Расстрелян. Посмертно реабилитирован.

7. Налоева Мария – супруга Шупаго. Погибла в лагерях. Посмертно реабилитирована.

8. Налоев Джансох – мой двоюродный брат. Расстрелян. Посмертно реабилитирован.

9. Налоева Анна – супруга Джансоха. Посмертно реабилитирована.

10. Я сам Налоев А.Дж. Трижды репрессирован, отсидел в общей сложности 17 лет. Вся фамилия была предана анафеме и потому аресты и позже продолжались:

11. Налоев Оли – мой двоюродный брат. Отсидел 14 лет. Пенсионер, ветеран труда.

12. Налоева Евгения – младшая моя сестра. Дважды подвергалась репрессии. Работает в КБГУ.

После такого погрома в родном селе из Налоевых осталось всего два старика, женщины и подростки!

К приведенному списку не могу не причислить друзей моего отца, расстрелянных также по воле Калмыкова: легендарного героя гражданской войны Назира Катханова [4], Абазова Данила, Беспланеева Хабалу, Пшиншева Азамата, Карашаева Хажумара. Последний умер до большой репрессии, похоронен с почестью, но потом Калмыков передумал и объявил его врагом народа, приказал вынести его прах из братской могилы и разгромил всю семью, т.е. потомство Хажумара пресекалось по мужской линии!

До сих пор не могу без боли вспоминать группу молодых, талантливых советско-партийных работников, также погибших от рук Калмыкова: мои односельчане, принципиально честные ребята: Бетрозов Х. К., Бетрозов А. Х., в высшей степени интеллигентный, образованный Максидов К., муж моей сестры Абазов М. М. Особо отмечу еще одну жертву Хромова Султана. Ещё в 20-х годах мой отец устроил сироту Султана в интернат. За отличную учебу его отправили в Москву в один из вузов. Он был уже студентом старших курсов, когда донесли Калмыкову о том, что Хромов называет его диктатором. Этого было достаточно, чтобы вызвать срочно его в Нальчик. Этот юноша не вышел из калмыковского подземелья! А сколько бед выпало на долю их семей?! Сколько не вернулось из мест заключения или ссылок! Сколько вдов, сирот и одиноких матерей пустил по миру этот Гном?! Моя родная сестра Налоева Н. Дж. (Налоева Нафо Джамурзовна. – А. М.), ныне персональная пенсионерка, 20 лет скрывалась, т. к. после расстрела ее мужа Абазова М. М. ее тоже арестовали с большим грудным ребенком, т.к. у ребенка обнаружили тяжелое кишечное заболевание, мать временно выпустили из тюрьмы. Жить негде и нечем! Она уехала куда глаза глядят!

Здесь невольно возникает вопрос: почему именно Налоевых преследовал Калмыков? Может они выступали против советской власти? Сам факт реабилитации всех репрессированных Налоевых дает ясный ответ на поставленный вопрос и сама реальность сталинщины тех лет. Однако нельзя забывать о том, что Сталин не ведал о нашем существовании, он давал лишь общие указания, а остальное – детали, полностью зависевшие от Калмыкова. Я уже сказал, что без его ведома по политическим вопросам никого не арестовывали, а тем более не судили в республике. Здесь речь идет не только о Налоевых, хотя я пишу именно о них. Речь идет о другом, о калмыковщине, ставшей национальным бедствием для кабардинцев и балкарцев, о калмыковщине, которая, которая отбросила уровень развития наших народов минимум на 100 лет назад! О калмыковщине, которая сравнивала с землей лучших сыновей и дочерей, а их семьи обрела на мытарства! О калмыковщине, которая отняла самое дорогое – свободу!

Не пойму, как могут коммунисты, ученые, руководители республики, закрывая глаза на тяжкие преступления, совершенные Калмыковым, спокойно проходить мимо его идола в центре столицы! Совсем недавно наш обком КПСС принял решение соорудить в г. Нальчике обелиск жертвам сталинщины. Интересно, как думают там, в обкоме, совмещать эти два памятника: жертвам и их палачу?!

При Калмыкове достаточно было нелестно отозваться о нем или его деятельности, чтобы угодить в тюрьму с ярлыком контрреволюционера. В этих условиях все случившееся с нами вписывается в рамки тоталитарно-террористического режима.

Этим все сказано. Но помимо этой общей ситуации для всей страны у Калмыкова были свои счеты с Налоевыми. Последние представляли на редкость спаянную большевистскую фамилию, со значительным социальным весом в Кабарде и Осетии. В те времена клановая солидарность ещё носила устойчивый характер, в силу чего, когда мой отец возвратился в 1915 г. убежденным социалистом-большевиком из западного фронта Первой мировой войны, все его братья последовали ему. Налоевы были великие труженики, деловые люди с крепкими хозяйствами. Среди них было много грамотных и даже образованных. Сами один в один рослые, красивые, смелые, которые умели за себя постоять и правду в глаза сказать. Калмыкову такие люди не нужны были и это – главная причина истребления моего рода, а вторая причина – конфликт между моим отцом и Калмыковым.

Спустя столько лет вспоминая отца, я горжусь и восхищаюсь им: восхищаюсь его добротой и щедростью, природным умом и врожденным тактом, мужеством и принципиальностью. Я рад, что он не соблазнился, не продался, не струсил, не стал слепым орудием злодея Калмыкова, а выдержал испытание – принял мученическую смерть, чтобы не уронить честь и достоинство человека!

Мой отец Налоев Джамурза Кубатиевич и Калмыков Бетал Эдигович знали друг друга. Они даже поддерживали полуприятельские отношения. Но в процессе совместной работы эти отношения переродились в несовместимость. Вот как об этом рассказывал отец.

Накануне Учредительного собрания народов Кабардино-Балкарской Автономной области съехавшиеся делегаты разместились в каком-то здании за неимением гостиницы в г. Нальчике. Поздно вечером, когда все выговорились и улеглись спать, кто-то стал шептаться в темноте, мешая уснуть. Вскоре некто подошел к постели моего отца тихо спросил: «Джамурза, можно я прилягу к тебе?» Мой отец, предполагая, что Калмыкову не досталось место, это был он, отодвинулся и предложил место. Калмыков не теряя времени, стал обрабатывать Налоева, чтобы он завтра на предстоящих выборах председателя облисполкома голосовал не за Катханова Н., а за него, Калмыкова. Неоднократно вспоминал отец, что он тогда от неожиданности такого недостойного поступка со стороны Калмыкова не смог вымолвить слова. Последний, также молча поднялся и пошел дальше шептаться.

По тогдашним понятиям кабардинцев, в том числе и моего отца, стать главой революционного правительства имел моральное право один из тех, кто с оружием защищал советскую власть. Из такой когорты, по общему мнению, самым достойным был Катханов Н. А тут какой-то выскочка Калмыков, который ошивался вокруг уполномоченных из Москвы и не сделал ни единого выстрела, рвется к власти, да еще таким путем! Для моего отца поступок Калмыкова был высшим проявлением бесчестия. Поэтому он был огорчен и удивлен, когда на утро Калмыков победил. Он был по большинству голосов избран председателем Облисполкома, а отец мой – ревкомом Урванского округа.

По словам отца, на первых порах все шло нормально, а они проработали вместе около трех лет. Новые черты в характере Калмыкова: спесивость, категоричность раздражали ревкома, особенно возмущали его неоправданная жестокость Калмыкова по отношению к знати. Расстрелы стали обычным явлением, жертвы огромны.

Не могу сказать, были ли стычки между ними по этому поводу, но объясняя причины своего ухода с поста ревкома в самом начале 1925 года, отец рассказывал следующее. В конце 1924 г. два бывших студента Петроградского университета (фамилии их не помню) возвратились в родное село Дугужоково и, боясь расстрела, т. к. репрессировались, попросили убежище у своей общины. За годы гражданской

войны сельские общины приобрели было большую самостоятельность, которая по инерции продолжала действовать и в первые годы советской власти. Пользуясь этим «правом», сельский сход удовлетворил просьбу молодых людей и обратился к ревкому округа дать гарантию безопасности бывшим студентам, т.к. они никакого зла не содеяли и лояльно относятся к советской власти.

Грамотные люди очень были нужны, но, памятуя паталогическую ненависть Калмыкова к знати, ревком дал уклончивый ответ: «Обсудим и известим», а сам доложил о студентах предоблисполкома (председателю областного исполнительного комитета. – А. М.).

– Очень хорошо. Мы открываем училище в Нальчике и они пригодятся. Пришли их ко мне.

– Им надо дать гарантию безопасности. Они находятся под опекой сельской общины Дугужева, – напомнил ревком.

– Им мало разве слова ревкома? Гарантируй и пришли их, – заключил Калмыков.

Не сомневаясь в правдивости этого распоряжения, мой отец выступил на сельском сходе в качестве гаранта безопасности молодых и увез в округ, снабдил необходимыми бумагами и в сопровождении охраны отправил в распоряжение Калмыкова.

Вскоре Налоев узнал, что оба студента расстреляны в тот день по приказу Калмыкова! Здесь комментарии излишни. Отец в тот день сложил с себя полномочия ревкома, выдвинув вместо себя молодого коммуниста Хачетлова Жамбота Картуловича.

«Я боялся, – вспоминал позже отец, – что убью Калмыкова при встрече, почему так поспешно ушел со своего поста»

Любопытно другое: Калмыков даже не поинтересовался о причинах ухода с работы Налоева. Он сделал вид, будто ничего не произошло, а сам тихонько вывел его из состава Президиума Облисполкома. Молчал и отец.

Спустя три года, кажется в 1926 г., когда Хачетлов, совершив ряд служебных преступлений, скрылся, а розыски не увенчались успехом, Калмыков вспомнил Налоева и вызвал его в Нальчик. «Ты выдвинул Хачетлова на пост ревкома (теперь уже предокрисполкома) и ты в ответе за него, он преступник. Бери сколько людей надо и разыщи его!»

«Чтоб ты расстрелял Хачетлова, как тех студентов?» – возразил отец.

Калмыков не был бы Калмыковым, если бы он не умел выходить из таких ситуаций. Как рассказывал отец, Калмыков, широко раскинув руки, добродушно улыбнулся и молвил: «Стоит ли, Джамурза, вспоминать о двух студентиках, когда миллионы полегли? Действительно, я горячку спорол тогда. Сам жалею. Прости, если сможешь, а сейчас речь идет о коммунисте, сбежавшем к бандитам в лес! Если ты его не остановишь, этот негодяй может наделать много бед. Неужели все это тебе безразлично?»

Отец также считал, что Хачетлов совершил преступления и должен ответить за них. Поэтому согласился, но поставил условие. «Я попытаюсь, – сказал он, – разыскать его, если он еще жив, но мне нужна гарантия, что Хачетлова отдадут под суд, а не расстреляют без суда и следствия».

– «На этот счет двух мнений быть не может, Джамурза, даю слово», – сказал Калмыков.

– «Я тоже даю слово, – ответил отец, – если и на этот раз коварно будет нарушено данное поручительство, его нарушитель последует за студентами!»

Месяца через два-три (точно не помню) отец напал на след беглеца, вступил с ним в переговоры и убедил его в необходимости явиться с повинной, ручаясь снова за его безопасность.

Калмыков без задержек принял моего отца с Хачетловым в присутствии Карашаева Х., устроил своеобразное открытое разбирательство. Перечисляя совершенные Хачетловым преступления, Калмыков пришел в раж и вскочил ударить виновного. Но между ними встал отец и сказал: «Бетал, мы сбросили царя не для того, чтобы вместо царского пристава ты бил морды и расстреливал людей! Если ты хоть пальцем посмеешь его тронуть – не ручаюсь за себя!»

Калмыков и здесь сумел не только сдержаться: «Поблаговари этих почтенных людей, негодяй, а то понес бы ты заслуженную кару!»

Действительно, Хачетлова суд приговорил к 10 годам, но отцу моему не простил критическое замечание в адрес Калмыкова. Его опричники состряпали политическое дело против моего отца и изъяли на 8 лет по ст. 58-10 УК РСФСР с конфискацией всего имущества, а мать с детьми пустилась по миру в поисках пристанища!

Может на этом успокоилась бы месть этого инквизитора: куда же боле! Но случилось непредвиденное: в защиту моего отца выступили старые большевики, боровшиеся с ним вместе за советскую власть, села, спасенные им во время гражданской войны и от голода в неурожайном 1921 году. В общей сложности 12 сельских общин на своих сходах вынесли постановления просить Президиум ЦИК СССР пересмотреть несправедный суд над Налоевым Дж. К.

Калмыков не ожидал такого оборота. Общественное мнение оказалось на стороне Налоева.

Досрочно освобожденный из мест заключения отец возвратился в родное село в 1934 г., но здесь не нашел ни дома, ни семьи, ни средств к существованию. Трудно сказать, какими соображениями руководствовался тогда отец, но он пошел на прием к Калмыкову. Последний в тот же день принял его демагогически очаровательно: вышел от стола, обнял постаревшего и исхудавшего своего «друга», усадил его в кресло и сказал: «Я все знаю, Джамурза, не надо ничего говорить! Я был занят «Баксанскими событиями» [5], когда тебя арестовали, а молодые, не согласовавши со мной, наломали много дров. А когда я узнал о случившемся, уже было поздно. Но не волнуйтесь, еще все поправимо. Я прикажу вернуть дом, усадьбу, скот, до нитки все конфискованное и устроим на работу. Ты еще нужен революции и мы не забыли твои заслуги перед ней! Ты с оружием в руках боролся за советскую власть, и ты должен пожить по-человечески! Все это я беру на себя! А ты разыщи свою семью и сообща будем восстанавливать справедливость!»

Как ни странно, отец поддался этой демагогии. Почти полтора года бедный старик потратил на розыск своей семьи. Наконец, в 1936 году на свою беду он привез оставшихся в живых детей, жену, снял комнату, письменно уведомил Калмыкова о своем возвращении с семьей и стал ждать! Однако вместо обещанного рая приехали калмыковские опричники и на этот раз забрали его навсегда. Семья вторично распалась: скрылись кто куда.

Узнав об аресте отца, я тогда проживал в Таджикистане, написал письмо Калмыкову, доказывая о том, что отец мой не может быть врагом народа. Вместо ответа Калмыков прислал провокатора некоего Гяургиева со списком лиц, подлежащих аресту по политическим соображениям, в котором значился и я. Уверен, если меня арестовали в Кабарде, непременно и меня расстреляли бы. В конце 1937 г. меня арестовали. Один единственный раз меня допросили и задали два вопроса: «Кто тебя завербовал в троцкисты?» и «Кто еще, кроме тебя участвовал в заговоре с целью убийства секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии?». Когда я категорически отверг нелепое обвинение, ударом в голову сбили меня с ног, и я потерял сознание. Не знаю, сам пришел

в сознание или привели меня, но я был весь окровавлен. Повели по узкому коридору, в конце которого дверь открыли и мне велели спуститься вниз. Там в открытую дверь я увидел мужчину, который привязанный за руки, а к половым органам – бутылка с водой. Несчастный сильно кричал, и я остановился в шоковом состоянии. Тут нанес кто-то еще один удар по голове. Я свалился и потерял сознание. Пришел в себя в камере. Вскоре перевели меня в лагерь и, спустя 5 лет, я узнал о том, что мне дали 10 лет лишения свободы по 58 статье.

Спустя 10 лет я узнал и другую новость: Калмыков, превративший маленькую свою родину в «котлован» Андрея Платонова, бесславно окончил свою подлую карьеру на дне сталинского котлована!

Я был рад и не скрою и теперь рад, что он сам испытал все ужасы, созданного им же порядка.

Если этот палач не убивал никого, кроме тех, о которых я вам написал – заслуживает проклятья!

Если мы хотим, действительно восстановить демократию, свободу, социальную справедливость – мы должны не только демонтировать калмыковский истукан [6], у подножия которого никто никогда не видел ни одного свежего цветка, но вырвать с корнем возможности повторения подобного в будущем.

Извините за не совсем складное повествование. Мне трудно писать по многим причинам.

Хочется верить в торжество справедливости!

Налоев А. Дж.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 59.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Заявление А. Дж. Налоева представляет собой 14 машинописных страниц без даты, хранившихся среди бумаг Налоевой Е.Д.

2. Улица Республиканская гор. Нальчика была также переименована и в настоящее время носит имя А.А. Шогенцукова.

3. Учитывая, что Налоев Аслангери Джамурзович был 1907 г. р. (Налоев Заур. Налолъэпкъыр. Нальчик: Тетраграф, 2012. С. 123), данный документ можно датировать 1989 годом.

4. Катханов Назир Адиль-Гиреевич (1891–1928) – один из организаторов и руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, советский государственный, культурный деятель, командир 1-й Ударной Шариатской колонны, сформированной им в августе-сентябре 1918 года. В 1928 г. был репрессирован – постановлением Коллегии ОГПУ от 3 августа 1928 приговорен к расстрелу.

5. Баксанские события – стихийное выступление кабардинского крестьянства, проходившее с 8 по 12 июня 1928 г., в котором приняли участие жители г. Баксана и окрестных кабардинских сел. Восставшие выступили против политики советской власти: продразверстки, закрытия мечетей, медресе, арестов представителей мусульманского духовенства. Мятеж был подавлен войсковыми частями Красной армии и подразделениями ОГПУ. Манифестация протестующих была расстреляна, на месте погибло 20 человек, 7 ранено. 118 человек репрессированы, их них 11 человек приговорены к расстрелу, остальные к различным срокам лишения свободы.

6. Памятник Б. Э. Калмыкову стоит в городе Нальчике на пересечении ул. Шогенцукова и Лермонтова рядом с Атажукинским садом.

**Книга памяти жертв политических репрессий
Кабардино-Балкария 1920–1941.
Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009**

АБАЗОВ Мисост Алиевич, родился 9 сентября 1904 г. в с. Плановское, кабардинец, б/п, среднее образование, зам. управляющего Кабпещтреста. Жил в Нальчике, ул. Свободы, 6. Арестован 23 января 1937 г. Приговорен к расстрелу 25 июля 1937 г. Военной Коллегией ВС СССР по обвинению по ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР. Расстрелян 25 июля 1937 г. Реабилитирован 18 июля 1957 г.

АБАЗОВА Нафо (Нина) Жемурзовна, родилась в 1911 г. в с. Старый Урух, кабардинка, из крестьян-кулаков, б/п, малограмотная, нигде не работала. Жила в Нальчике. Арестована 1 сентября 1937 г. Приговорена к высылению на поселение в с. Старый Урух сроком на 5 лет 9 декабря 1937 г. тройкой НКВД КБАССР по обвинению в недоносительстве о контрреволюционной деятельности мужа. Реабилитирована 4 сентября 1989 г.

Раздел VI

ПИСЬМА, ОБРАЩЕНИЯ Е. Д. НАЛОЕВОЙ, ПЕРЕПИСКА С ГОСОРГАНАМИ И ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Заявление Е. Д. Налоевой в Комиссию по разбору дел заключенных

Зак. Налоевой Евгении Джамурзовны,
осужденной Особ. Совещ.
при МГБ СССР по ст. 58-10, ч. I УК РФСР
сроком на 8 лет

Заявление [1]

1. Я никогда не совершала преступления против основ Советской власти, чтобы предстать перед судом в качестве обвиняемой!

2. Произвели меня в преступники провокаторы, предвзятое следствие, безучастие прокуратуры и заочный суд вместе взятые.

3. Многолетняя моя борьба против клеветы, шантажа и беззакония окончилась в самом МВД СССР водворением меня в психдом с последующим признанием меня сумасшедшей при полном разуме!

4. Так парадоксально потеряв не только свои политические права, но общеправовые права человека, я очутилась перед дилеммой: либо признать себя врагом Советской власти, сумасшедшей вопреки истине и молча отбывать срок, либо продолжать безнадежную бумажную борьбу.

Избрав последнее дилеммы, я написала жалобу министру МВД СССР Круглову, Г.М. Маленкову, Н.С. Хрущеву, «Правде», Генеральному Прокурору СССР.

Однако никто из них не ответил мне.

(Разве сумасшедшим отвечают?)

5. В силу заключения судебно-медицинской экспертизы обо мне, я полагаю, что Вы не можете ни сослаться на мои слова, ни тем более считать меня юридическим лицом, поскольку нет другого документа, опровергающего это заключение. Это тем более важно, что нет в моем л/д (личном деле. – А. М.) ни обвинительного заключения, ни копии приговора. Следовательно, настоящего рассмотрения дела с целью выяснения степени преступности здесь иметь место не может. А принять прощение (мне) наказания я не могу от кого бы то ни было, по каким бы мотивам ни было – это оскорбительно!

6. Провокация, репрессия, лишения, страдания, к которым подвергли меня незаслуженно, полное бездушие к моей несчастной судьбе со стороны властей и, наконец, парадоксальный финал – признание нормального человека сумасшедшим не только оскорбили все мое существо, но и вытравили во мне всякую цель жизни, не дав взамен ничего!

7. В знак протеста против чудовищного зла, учиненного надо мной, я хочу отбыть своё наказание до конца!

Поэтому прошу Вас оставить моё дело без рассмотрения.

Заклученная Налоева.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 65, инв. № 3055.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Заявление представляет собой рукописный текст на двух страницах, являющийся очевидно копией отправленного по назначению оригинала.

Письмо Е. Д. Налоевой из лагеря в редакцию газеты «Правда» от 25.06.1955 г. [1]

В редакцию газеты «Правда»

Дорогая Редакция!

Потерпев полную неудачу во всех своих попытках найти законную защиту, я решила целиком положиться на Ваш суд – суд газеты «Правда».

Итак, я начну свое печальное повествование. В нем я буду несколько многословна, за что прошу извинить меня.

Арестована я органами МГБ КАССР в мае 1950 г. и Решением Особого Совещания при МГБ СССР от 17/II-51 г. приговорена к 8 годам лишения свободы по ст. 58 § 10, ч. I УК РСФСР.

До ареста я работала ассистентом кафедры истории СССР Кабардинского Госпединститута в г. Нальчике.

Обвинение, предъявленное мне, целиком и полностью основано на клеветническом измышлении бесчестных лиц, главным из которых является Мария Аркадьевна Крысько.

За полгода до моего ареста, эта сама Крысько как-то в нетрезвом состоянии рассказала, что она конспиративный сотрудник оперотдела МГБ КАССР. Тогда же сообщила ряд важных секретов из своей конспиративной деятельности.

Гнусная Крысько, опасаясь возможных последствий разглашения государственной тайны, возвела клевету на меня и добилась моего ареста. Правда, Крысько не была одинока в этой фальсификации. Её подстрекали и идейно помогали бывший директор Кабардинского госпединститута П. А. Лебедев, бывший секретарь Партбюро ин-та Мацкевич, бывший декан истфак. И. М. Ткачев. Последние за мою смелую, справедливую и резкую критику третировали, травили меня и готовы были на все, лишь бы убрать меня. Вот почему между ними возник клеветнический сговор.

В ходе следствия провокационная деятельность Крысько и наличие клеветнического сговора между выше называемыми лицами неопровержимо фактами было доказано мной.

Однако следственные органы совершили чудовищное зло: скрыли провокатора Крысько, её подстрекателей, явно обнаруженный клеветнический сговор, обошли полным молчанием все мои показания о них, как якобы не имеющие отношение к моему делу.

Этим маневром следственные органы очевидно-фальсифицированную уголовщину представили Особому Совещанию в выгодном для клеветника аспекте.

Так вопреки справедливости, правосудия я понесла тяжкую кару и попала в ... (текст неразборчив. – А. М.) лагерь. В лагере меня ожидали большие испытания. Почему-то как из рога изобилия, жизнь сыплет одну беду за другой на меня. Так вот по прибытии в лагпункт «Верхний Волим» [2], в сентябре 1951 г. я заболела тяжело.

С высокой температурой, в бреде, без всякой медицинской помощи, без постели я пролежала в бане больше недели.

Продажность, алчность, аморальность и др. пошлых качеств медперсонала этого лагпункта не имели предела. Как правило, госпитализировали только тех, кто давал им вещи, посылки, деньги, вышивал, шил или холуйничал бессовестно.

Я не делала себе иллюзию относительно лагеря, но то, что пришлось мне видеть и испытать на себе, – превзошли все мои ожидания и глубоко возмутили меня.

Не то было страшно и возмутительно, что в этом л/п (лагерном пункте. – *А. М.*) преобладал уголовно-бандитский элемент, который устраивал кошмары, а то, что люди, поставленные для руководства и перевоспитания этой массы, по своим морально-политическим качествам стояли гораздо ниже некоторых заключенных. И это превращало лагерь в какую-то страшную адскую машину, которая живо обрабатывала новичков на свой лад.

Вот такую «обработку» я и проходила теперь в бане. Разве новичок мог попасть в лазарет, чем бы он ни болел, пока не подаст медикам «положенное»? Так было там.

Когда всё же силою обстоятельств, положили меня в больницу – горько отомстили мне. Я попала под такой произвол врача Горалевича, когда это не поддается описанию.

Предполагая найти деловое вмешательство в жизнь л/п в Управлении Нороблага, в систему которого входил наш л/пункт, я написала заявление в Оперотдел, изложив в нем положение вещей в лагпункте.

Как я полагаю, моё заявление дальше Горалевича не пошло, ибо единственным его результатом было то, что меня объявили сумасшедшей.

С такой настойчивостью распространяли этот вымышленный слух о моем сумасшествии, так нагло внушали мне о том же, такую систему травли организовали надо мной, что надо было иметь железные нервы, чтобы снести всё это.

Характерен такой факт из этого периода: так за мной не было должного ухода, а я сама была тяжело больна, естественно, у меня завелись насекомые.

На мою просьбу произвести санобработку, фельдшер больницы – зав. медпунктом Надежда Суворова пожала плечами и сказала: «Откуда здесь быть вшам? Это тебе кажется. Ведь ты же сумасшедшая?».

На такую мою просьбу медсестра ... (фамилия неразборчиво. – *А. М.*) ответила ещё лучше: – «О, на мою бабушку перед смертью так напали вши, что не было сил её отчистить. Она так и умерла».

Из этого небольшого эпизода ясно, какие были там медики и какова цена их заключениям.

Правда к нам приезжали и другие врачи, но всё это носило эпизодический характер и все они ссылались на «наблюдения» лагерных обывателей, наряженных в белые халаты.

На самом деле я болела тогда тяжело и даже галлюцинировала тогда, когда повышалась температура. Но галлюцинация не является исключительно симптомом психических заболеваний.

Во всяком случае, если я до сих пор жива и пребываю в своем уме, этим я обязана исключительно неистощимому своему оптимизму и материальной помощи моих родных. Я боролась с недугом, не допуская мысли о смерти, чисто эмпирически подыскивая себе лечение, верила твердо, что добьюсь правосудия и помогу органам власти устранить укоренившиеся искривления уголовной политики Правительства.

Однако результаты моих стараний были ничтожны в последнем вопросе, тогда как лично мне приносили они тяжелые испытания.

Так возникла дилемма: либо смириться со всем, что делается вокруг и думать лишь о себе, либо бороться дальше, не заботясь о возможных последствиях.

Я выбрала последнее, ибо, первое я понимала как идейное перерождение. Поэтому я добилась вызова в Москву, чтобы рассказать высшим органам власти о положении в лагерях, где отбывали срок.

20/VII-53 г. меня привезли во внутреннюю тюрьму МВД СССР. Прибыла туда и «моя история болезни» с диагнозом: психически больная.

Последнее вызвало некоторую предвзятость ко мне, к моим показаниям. Конечно, я не могла этого не заметить и это ещё больше усилило мою моральную подавленность.

Вскоре вместо обещанного переследствия, я попала в психдом.

Если бы, имея возможность, я рассказала Вам подробности моего пребывания на экспертизе, Вы бы не только меня поняли, но поняли бы то, почему эксперты ошиблись. А так как я лишена такой возможности, сошлюсь на небезызвестную повесть А. П. Чехова «Палата № 6».

Как Вы полагаете, дорогая редакция, почему этот черствый, бездушный чеховский Андрей Ефимович Рагин умер от разрыва сердца, когда его водворили в палату № 6, которой сам некогда заведовал?

И как Вы считаете, если этого не случилось со мной – больше того нахожу ещё в себе силы вести почти безнадежную борьбу с тиранией медицины за свое человеческое достоинство, – делает ли этот факт честь моим экспертам?

Здесь необходимо остановиться на одном эпизоде в НИИ им. Сербского, т.к. на мой взгляд в нем – вся ошибка экспертизы. Как-то психбольные, с которыми я кое-как поддерживала мирные отношения, постепенно разъехались по больницам. С отъездом последней больной, палату закрыли и меня поместили по статейному признаку в палату, где под замком содержалось трое очень тяжело больных, т.н. бытовиков. Несправедливость этого перемещения не требует пояснений.

Один из этих несчастных оправлялась тут же; безумно и без умолку говорила ни к кому не обращаясь. Патологические изменения её лица наводили ужас. Вторая, – вымазанная в крови, диким голосом орала, отбиваясь от воображаемых ею нахальных мужчин. Третья – была страшнее гоголевского черта. Ни читать, ни думать, ни писать, ни есть, ни вообще, жить в этой палате не было возможности.

Я вызвала ст. (старшую. – *А. М.*) медсестру и попросила перевести меня к менее тяжело больным, каких там было много, но к которым меня не допускали в виду моей статьи.

– С вашей статьей (политической – антисоветская агитация. – *А. М.*) мы не можем поместить вас с бытовиками – повторила мне ст. сестра.

– Простите, а эти существа по каким статьям Уголовного Кодекса? – спросила я ели сдерживая себя.

– Они по всем статьям ... (здесь, видимо опущено матерное, нецензурное слово. – *А. М.*) – и, не договорив и так ясное слово, захлопнула дверь.

В отчаянии я простояла ещё некоторое время у двери. Было жутко. Нервная лихорадка била. Затем обманным путем выбралась из палаты с намерением: умереть, но не возвращаться в эту страшную палату.

Дело кончилось тем, что меня водворили в карцер. Искренне сожалею теперь, что я тогда проявила сдержанность и не дала свободу накопившемуся во мне гневу – ведь исход один и тот же.

Будучи бессильной выбраться из этого омута, бессильной доказать, что я нормальная, также бессильной показать виновного во всем моем бедствии, я наказала себя – я не ела 4 суток.

Надо полагать, что именно в этот период я и «дала» обильный материал экспертам, который в сущности решил исход экспертизы.

Вспоминая теперь подробности этого периода, я заверяю, что немного людей найдется, которые смогли бы реагировать иначе, будь они на моём месте.

Поэтому ссылаться на поведение человека, поставленного в такие жуткие условия, при определении его психического состояния – преступно.

Я не подозреваю ни проф. (профессора. – А. М.) Лунца [3], ни эксперта Е. С. Москвачеву и др. лиц из НИИП (научно-исследовательский институт психиатрии. – А. М.) в злонамеренном решении моей судьбы. Они ошиблись. Но эта ошибка – предвиденная.

Из этого карцера я и попала на комиссию, где впервые я увидела проф. Лунца. Заключение экспертизы примерно таково:

«Испытуемая Налоева Е. Д. действительно страдает психическим заболеванием – шизофрения» (Не спешите опережать события, уважаемые эксперты! Теперь уже 1955 г., но я ещё в своем уме!)

«Наблюдаются истерические припадки (ещё бы!) психического происхождения (!?) В больничном лечении не нуждается. В местах заключения может содержаться»
Подписи.

Чего же больше, дорогая Редакция!

Моя участь трагичнее повести Чехова. Пользуясь удачным выражением полковника Шабера из рассказа Оноре де Бальзака, я ныне погребена под горами бумаг и судебных дел.

Да, именно под горами бумаг и судебных дел, будучи совершенно нормальным человеком и сознательным патриотом своей страны. Со времени этой злополучной экспертизы, я написала несколько жалоб и писем, но все они – без последствий. Даже не могу установить: посылает ли спецчасть мои пакеты адресам или же уничтожает их, как бред сумасшедшей.

Во всяком случае, выход из бумажного погребения ещё не найден, за чем и обращаюсь к Вам.

Согласиться с наглой, гнусной клеветой и признать себя антисоветчиком вопреки своим политическим убеждениям я не могу, как не могу признать себя сумасшедшей только потому, что так сказал проф. Лунц.

Я виновна настолько, насколько ненормальна.

Я хотела сознательным трудом здесь в лагере поднять себя в глазах лагедминистрации, убедить, что я в своем уме и заручиться их ходатайством о перекомиссовке. Но люди (некоторые) привыкли больше верить бумаге, чем живому человеку – таков уже закон бюрократии.

Я болею туберкулезом легких. Сердце и печень часто беспокоят. Да и вообще организм мой так ослаб, что потеряла способность к физическому труду. А лагедминистрация кроме физического труда ничего не доверяет – по-своему они тоже правы.

В заключении поделюсь и последним своим размышлением. Стоит ли мне кончать срок заключения, мучиться 8 лет за чужие грехи, чтобы потом попасть в дом инвалидов или проситься на иждивение кого-то, как умалишенная?

Право, мне это кажется безумным, но я надеюсь еще на Вашу помощь. Именно надеясь найти помощь в «Правде», а в лице её редактора и сотрудников – подлинных коммунистов, отзывчивых чутких людей я и обращаюсь к Вам, дорогая Редакция.

Я никогда не прибегала к посторонней помощи при изложении своих переживаний.

Данное письмо, как и копия письма к Г.М. Маленкову написаны мною. Хотя мои письма далеки от совершенства, они написаны логично. На мой взгляд этот факт – в пользу бедного автора.

Зак. (заключенная – А. М.) Налоева Е.Д.

25-VI-55 г.

Адрес мой: Молотовская область, Чердынский р-н, п/я (почтовый ящик. – *Сост.*)
320/6

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 45, инв. № 3036.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текст письма представляет 6 листов (11 страниц) рукописного текста, видимо, копия, черновой вариант отправленного по назначению письма.

2. Лагпункт «Верхний Волим» – Пермская область, ж/д станция Соликамск Пермской железной дороги. Отдельный лагерный пункт (ОЛП) – низовое лагерное учреждение в системе исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД-МВД СССР в 1920–1950 годы, организуемое для выполнения конкретных производственных задач. Отдельные лагерные пункты (ОЛП) входили в состав лагерных отделений (ЛО) и подчинялись исправительно-трудовому лагерю (ИТЛ), который в свою очередь подчинялся напрямую Главному управлению лагерей и спецпоселений НКВД СССР. Лагпункты – это уже непосредственно сами зоны, которые создавались в непосредственной близости от производственных работ (лесозаготовки, строительство объектов, добыча полезных ископаемых и т.д.).

3. Даниил Романович Лунц (1912–1977) – советский психиатр, доктор медицинских наук, профессор, полковник КГБ СССР, один из известных представителей практики использования психиатрии в политических целях в СССР. В 1950-е годы вел в институте им. Сербского дела политических заключенных. В 1956–1958 гг. комиссия Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, включавшая в себя известных профессоров психиатрии, руководителей крупнейших психиатрических учреждений в стране, установила личную ответственность Д. Р. Лунца за принудительное помещение психически здоровых людей в психиатрические больницы. В 1960-е и 1970-е годы был со-президентом (вместе с А. В. Снежневским) стационарной судебно-психиатрической экспертизы института им. Сербского, дававшей заключения относительно психического здоровья известных советских диссидентов, на основании которых они подвергались принудительному лечению в психиатрических больницах.

Письмо Е. Д. Налоевой Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову от 28.10.1954 [1]

Председателю Совета Министров СССР
Г. М. Маленкову [2].

Уважаемый Георгий Максимилианович!

Лишить человека доброго имени значительно легче, чем восстановить его. Борьба с неправдой куда тяжелее, чем утверждать ее.

Если бы мне не пришлось на себе испытать, если бы меня не постигла столь жестокая несправедливость, я бы никогда не поверила ни одному человеку, что у нас – в Советской стране человек может так пострадать. К великому сожалению, на горьком опыте убедилась, что темные, реакционные силы, враждебные пережитки: зависть, месть, клеветничество, равнодушие и формализм в разборе судьбы человека и т. п. так еще сильны, что легко стать их жертвой.

Эти силы могут объявить тебя без вины врагом, преступником, добиться суда над тобой и ты, обреченный, правды не найдешь.

Вот уже 5 год как я стала жертвой клеветы. В борьбе с этой клеветой я одинока, как это ни страшно, беспомощна и в силу этого, будучи честным советским человеком, горячим патриотом своей страны, убежденным марксистом, я нахожусь в заключении, как враг советского общественного строя.

Особенно трагичным стало мое положение с тех пор, как признали меня душевно больной.

Как я попала сначала в разряд врагов, а потом и в сумасшедшие? 9/V-50 г. сотрудники МГБ КАССР арестовали меня. Судя по предъявленному мне обвинению, меня подозревают в распространении антисоветской агитации.

Всякий человек, в котором сложилось определенное мировоззрение (кроме фанатиков-мистиков) имеет свой политический идеал, во имя которого он и живет.

К моменту моего ареста я была вполне зрелым человеком с твердо сложившимся марксистским мировоззрением.

Ясно понимала, что Советская власть является единственно правильной формой претворения в жизнь теории Марксизма-Ленинизма.

Как педагог-историк я не только агитировала, но и всю сознательную часть своей жизни посвящала пропаганде идей Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина. Таким образом, мой политический идеал не расходился с тем общественным строем, который господствовал в нашей стране.

Напротив, сознавая ясно все величие нового общественного строя, его закономерность, сознавая всю глубину великих возможностей, предоставленные мне и моему народу благодаря Советской власти, я стремилась учиться еще больше, достичь своего максимума и без остатка отдать себя делу построения коммунизма.

Однако оборвалось все. Оборвалось не потому, что я допустила политическую ошибку, не потому, что совершила преступление, а лишь потому, что бесчестный человек, способный строить свое благополучие на несчастье другого, не брезгающий никакими средствами в борьбе с личными неприятелями, сделал клеветнический донос на меня.

Следственные органы не разобрались в сложных житейских отношениях людей, породивших эту пресловутую уголовщину. Не вникли в психологию, идеологическое направление этих людей, интересы которых столкнулись здесь.

Следственные органы, базируя все свое отношение к делу односторонне лишь на этих клеветнических доносах, не беря во внимание ни мои доводы, ни факты, без улик, доказательств и подтверждений указанных доносов, решили дело сугубо тенденциозно.

Вот небольшой эпизод из моего дела: в августе м-це 1949 г. в Кабардинский госпед-институт поступает лаборантом кабинета истории некая Крысько Мария Аркадьевна. С гр. Крысько у меня установились нормально-деловые отношения, как и полагалось, т. к. и я работала на истфаке того же института. Но очень скоро я стала испытывать неприятное чувство к ней, вызванное, исключительно ее поведением.

Живейший интерес Крысько к моим служебным делам, отношениям с дирекцией, постоянные ее доносы, ничем не обоснованные ее выпады против директора, с которым я была в очень натянутых отношениях, а также приторно-подхалимское отношение Крысько ко мне сразу насторожили меня.

К стыду некоторых тогдашних руководителей Кабардинского госпединститута, обстановка в нем была нездоровой. Сам тогдашний директор П. А. Лебедев [3] окружал себя провокаторами-доносчиками, через посредство которых, выявляя лично неугодных ему лиц и, невзирая ни на что, удалял их из института. В свете всего этого личность Крысько показалась мне подозрительной, фальшивой и я решила распознать ее.

Дело кончилось тем, что Крысько, изрядно опьянев в моей квартире, сообщила мне о том, что она является конспиративным сотрудником МГБ КАССР.

Крысько назвала массу лиц, арестованных, а затем и осужденных по ее доносу, из коих я запомнила Модвигину Нину Ивановну, ее мужа, Рижеволу, за которой якобы Крысько вела наблюдение по поручению МГБ КАССР и др. весьма важные секреты.

Сообщенные Крысько сведения были весьма убедительны. Я поверила. Этим самым Крысько рассеяла мое прежнее подозрение о ее неблаговидных связях с Лебедевым. Однако на утро, когда я попыталась возобновить наш разговор, прерванный

сном (Крысько заночевала у меня), Крысько не только отказалась от всего сказанного ею, но даже, состроив нагло-возмущенное лицо, попыталась запугать меня.

Здесь я проявила полную бездарность. Вместо того, чтобы не обострять отношений с Крысько, сообщить о ней в МГБ КАССР, я вступила в спор, назвала ее провокатором и пригрозила выяснить всё.

Зато, битая шантажистка Крысько ловко вывернулась: подтвердила достоверность своих сообщений, убедила меня еще дополнительными фактами; не забыла упомянуть и о том, что это разглашение грозит ей тюрьмой, а потому заручилась моим честным словом хранить все в строгой тайне и пообещала помочь мне в борьбе с нарушениями в институте. Так начинается между нами своего рода сотрудничество. Я знала, в какие дни недели Крысько встречалась с сотрудником МГБ КАССР, иногда провожала ее до полдороги, записывала факты, которые я ей доверчиво сообщала систематически. И когда Крысько получила из МГБ КАССР вознаграждение за свои труды, – она их принесла ко мне.

Было выдано ей: дорогой шерстяной отрез на костюм, темно-синего цвета, отрез на блузу из шелкового полотна бледно-кремового цвета, модельные туфли цвета беж и чулки-капрон такого же цвета.

В конце марта 1950 г. Крысько с возмущением передала мне парадоксальную новость: якобы декан истфака И. М. Ткачев в уединенной беседе предложил ей состряпать какой-либо материал на Налоеву Евгению Джамурзовну, т.е. на меня, который смог бы скомпрометировать политическое ее лицо. Далее сообщила, что гр. Ткачев долго пытался вовлечь её в сговор против меня с целью подстрекательства Крысько на клевету и посулил за эту услугу должность ассистента кафедры Всеобщей истории.

К этому сообщению Крысько я отнеслась со всей серьезностью и потребовала от Крысько подтвердить попытку гр. Ткачева втянуть её в клеветнический сговор в Кабардинском Обкоме партии и донести об этом в МГБ КАССР.

К моему удивлению Крысько категорически отказалась это сделать, мотивируя тем, что боится быть уволенной с работы.

Вторично ссорюсь с Крысько и выгоняю её из квартиры. Сама пишу заявление о Крысько министру МГБ КАССР Габитову [4].

Видимо встревоженная нашей ссорой Крысько рано утром пришла ко мне. Я забыла убрать свое заявление со стола. Крысько садиться за этот же стол и обнаруживает моё заявление. Было уже поздно, когда я выхватила его из рук Крысько.

Крысько впадает в истерику, падает в обморок. Подлый, искусный провокатор Крысько, очнувшись, умаляет меня не губить её, обещает везде, где мне угодно подтвердить попытку гр. Ткачева втянуть её в клеветнический сговор.

Об этом мною было заявлено инструктору Кабардинского обкома партии Караеву. Караев вызывал Крысько, но вскоре меня арестовали и дело осталось без последствий.

В свою очередь я внешне примиряюсь с Крысько, рву свое заявление при ней тут же и обещаю хранить тайну.

Дальше каждый из нас делает своё: Крысько пишет клеветнический донос на меня.

Я же, не имея ни таких связей как Крысько, ни опыта, не подозревая Крысько в таких шантажах, тщетно пытаюсь попасть на прием к министру МГБ КАССР с тем, чтобы ему все рассказать.

С болью теперь вспоминаю, как я наивно тогда добивалась к министру, потратив более 15 дней на это. Я хочу одну деталь этого периода рассказать Вам. В апреле 1950 г. (числа не помню), все надеясь попасть к министру, я говорила с его секретарем по телефону через переговорную. Крысько подслушала мой разговор (видимо она следила за мной). Крысько как безумная врывается в кабину и кричит: «Отдай мой костюм!» Речь шла об отрезе, выданный ей из МГБ, который находился у моей сестры для

шитья. В переговорной было много народу. Они могли подумать, что я обокрала эту гражданку. Крысько была почти неменяемой. Я поспешно покинула почту; Крысько четко следовала за мной с тем же повелением: «Отдай костюм!»

Много пришлось потратить времени и приложить усилий, чтобы убедить разъяренную Крысько в том, что я прошусь к министру МГБ по личному делу, а не по делу Крысько. Затем в присутствии Крысько я написала заявление Габитову, обращаясь к нему как к депутату Верховного Совета СССР (для большей убедительности Крысько) с просьбой принять меня для личных переговоров, как было предложено его секретарем.

Через три дня секретарь министра уведомил меня, что в приеме мне отказано.

Да, теперь мне понятно, почему тогда министр не принял меня: судьба моя была решена доносами, вымыслами Крысько. Но я не знала об этих закулисных шантажах тогда и глубоко была возмущена.

Так как я собиралась – в Москву с жалобой на несправедливость дирекции Кабардинского госпединститута, – решила и этот вопрос выяснить там. Однако попасть в Москву не было мне суждено. В пути следования арестовали меня и вернули в г. Нальчик.

Так я попала в разряд врагов. Я не чувствовала ни одного преступления за собой. Моя совесть была чиста. Поэтому мой арест я понимала, как явное недоразумение и была уверена, что в стенах МГБ не только мой арест, но и те вопросы, из-за которых я вынуждена была ехать в Москву, найдут свое справедливое разрешение. Поэтому совершенно честно, искренне, доверчиво я рассказывала следственным органам всю правду о себе и о людях. В том числе рассказала и о Крысько.

Очень многие и много раз допрашивали меня по этому вопросу. Однако мои показания о Крысько не нашли своего отражения ни в одном протоколе. Мало того, принудили меня подписать протокол о том, что я не имею никаких личных счетов с гр. Крысько, тем самым протаскив её в качестве честного и беспристрастного свидетеля по делу.

Я не знала о том, что меня арестовали по доносу Крысько; даже не подозревала её в такой подлости, так как у неё не было ни какого основания на то.

Но ведь люди – сотрудники МГБ КАССР, призванные соблюдать справедливость, решать судьбы людей, знали же ведь об этом?

Разве они должны были ограждать в данном случае такого бесчестного человека?

Разве факты, сообщенные мною о Крысько, не говорили за то, что мне достоверно было известно её сотрудничество в органах МГБ?

Из каких других источников я могла знать о таких секретах, если бы сама Крысько не разгласила их?

Тут сам по себе напрашивается вопрос: станет ли сколько-нибудь благоразумный человек рассказывать о своем антигосударственном настроении и действии сотруднику МГБ?

В стадии доследования я не располагала никакими средствами защиты, кроме заявления правды.

Несмотря на длительный период содержания в режимной тюрьме и на тяжелую репрессию я утверждала правду, но не верили ей!

Доведенная до изнеможения бессонными ночами, бесплодной борьбой против клеветы и провокации, я порой готова была подписать любое преступление. Я начинала лгать, но моя ложь не совпадала с той ложью, которой располагали следственные органы.

Абсолютное большинство лиц, допрошенных по моему делу, дало положительные показания обо мне. И те немногие, которые попытались воспользоваться моим паде-

нием, чтобы свести старые счеты, личные обиды, не смогли привести ни одного факта о моей враждебной деятельности.

На них, т.е. на показаниях этих людей я в своем письме не останавливаюсь в виду их незначительности, тенденциозности, а порой и смехотворности. Достаточно познакомиться с моим делом, чтобы убедиться в этом.

Ход следствия вскрыл, что была допущена излишняя поспешность в моем аресте, также вскрыл отсутствие улик, нужных аргументов в возбужденном против меня деле, вскрыл слабость работы оперотдела МГБ КАССР, где вместо тонкой, честной конспирации разводят каких-то Крысько-провокаторов.

Следственные органы были бессильны подтвердить следствием хотя бы что-нибудь из множества сплетен, клеуз, клеветы, враждебных измышлений, собранных оперотделом против меня.

Таким образом, следственные органы оказались перед лицом необходимости прекращения дела производством и освобождения меня из-под стражи.

Это означало: признать свои ошибки, извиниться перед человеком, которого так долго и жестоко репрессировали.

К сожалению, не все находят в себе мужества, честности, чтобы признать свои ошибки. Почему-то неизбежные последствия их упрямства не тревожат совесть таких людей.

Какое им дело до того, что там какая-то Налоева просидит 8 лет в лагере, потеряет перспективу жизни, честь, доверие, лишится здоровья и станет вечным инвалидом, лишним человеком.

Так сфабрикованное дело – вернее полуфабрикат – передали на рассмотрение Особому совещанию [5] при МГБ СССР.

В апреле м-це 1951 г. меня известили, что я приговорена к 8 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию!

Однако и эта жестокая несправедливость не сломила во мне веру в то, что найду правду и защиту.

По прибытии в лагерь (август 1951 г.) я начала писать жалобу. Болезнь надолго приковала меня к постели. Лишь в марте 1952 г. мне удалось послать первую свою жалобу на имя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Жалобу мою передали на рассмотрение прокуратуры СССР. Прокуратура СССР ответила мне за подписью ст. советника юстиции А. Сучкова от 10/V-52 г. отказом в удовлетворении моей жалобы.

На старую мою жалобу в Президиум Верховного Совета СССР тот же ст. советник юстиции А. Сучков ответил тем же.

Зная правду, нельзя согласиться с неправдой кем бы она ни была подписана!

Ст. советнику юстиции А. Сучкову куда легче с высоты своего поста безапелляционно отвечать: «осуждена правильно», чем мне писать, писать и писать о несправедливости, разрушившей всю мою жизнь.

Я сочла преступным бездействием прекращать борьбу с таким чудовищным злом-клеветой, смириться с судьбой. К тому же жизнь становилась абсолютно бесцельной. Решила обратиться к газете «Правда». Но тут я столкнулась с другим злом, мимо которого не могла пройти: в лагере, где я отбывала срок, грубо попирали советские законы, нарушали партийную линию, уголовную политику Правительства, отдельные руководители лагеря были морально идейно разложившимися людьми. Они своим поведением, потворствуя одним, возмущая других, способствовали разложению заключенных масс.

В каком бы положении я не была, мои убеждения и мой гражданский долг подсказывали мне необходимость борьбы с этим явлением. Но бороться не под силу было

мне на месте. Поэтому я решила добиться вызова в Москву любой ценой с тем, чтобы разрешить оба вопроса, в которых я была в равной мере заинтересована.

В июле 1953 г. меня привезли в Москву. С 20/VII–17/IX-53 г. содержалась во Внутренней тюрьме МВД СССР г. Москвы.

По окончании предварительных допросов, я была допрошена министром МВД СССР [6], которому я искренне рассказала всю клеветническую сущность моего дела.

– Хорошо. Я лично займусь вашим делом, а пока побудьте у нас – был заключительным ответом министра.

Нет слов, чтобы передать, сколько надежд возлагала я на это обещание.

И что же? 17/IX-53 г. меня водворили в Научно-исследовательский институт психиатрии им. Сербского для эксперимента.

Трудно и не берусь описать, каким это было ударом для меня.

Удивляюсь, как я не сошла с ума: окончить всю тяжелую борьбу против клеветы финальным шествием в психдом при полном сознании!

С уверенностью заявляю: поместите таким же путем любого здорового человека – он не менее меня будет потрясен, оскорблен и морально убит.

Что я должна была сделать? Очевидно, ждать, терпеливо ждать решения экспертизы. Но ждать решения экспертизы здоровому человеку в среде сумасшедших – тяжелое испытание. Чтобы сократить своё пребывание в психдоме, я обратилась к экспертам с заявлением, в котором описала своё положение и просила отправить меня обратно в тюрьму. При этом я хотела убедить врачей, что я совершенно здорова и на следствии могу отвечать за свои слова и действия.

Я прошу Вас убедительно, дорогой Георгий Максимилианович, запросить моё заявление из Института им. Сербского и разобрать: является ли оно бредом сумасшедшего или же заявлением человека, попавшего в столь безвыходное и необычайное положение как я?

С ума сходят люди и поумнее и пообразованнее меня. Не было бы ничего удивительного, если бы я в результате всего изложенного, сошла бы с ума.

Но ведь, к счастью, этого ещё не произошло, – зачем же заживо хоронить меня?

В конце октября 1953 г. меня перевели из больницы во Внутреннюю тюрьму МВД СССР.

Снова надежда! Снова у цели! Увы! Не тут-то было.

Без единого допроса, без единого пояснения «сумасшедшего жалобщика» этапом отправили в тот же лагерь, на который она ездила жаловаться в Москву.

1/III-54 г. уже из лагеря пишу заявление министру МВД СССР с просьбой выполнить своё обещание о пересмотре моего дела.

Министерство не отвечает на мое заявление.

7/VI-54 г. пишу напоминание – нет ответа.

Наконец узнала, что экспертизой Научно-исследовательского института психиатрии им. Сербского установлено, что я шизофреник.

Разумеется, при таком положении дел, сколько бы жалоб я не писала, – все они останутся без последствий.

Что делать дальше? Согласиться с тем, что я враг советского строя, что я сумасшедшая, вести бесцельное существование и тем самым признать собственное бессилие? Нет! Надо бороться! А как бороться? Кто станет читать «бред сумасшедшего?»

Удивительно и то: почему меня не послали на лечение, если экспертиза признала меня душевно больной? Может безнадежно сошла с ума? Может быть нет мне места среди нормальных людей? Эти вопросы мучительной болью раздирают мою душу.

В довершение всего моего несчастья заболела я туберкулезом легких.

В таком положении дел застаёт меня указание об акции [7] больных заключенных.

Могла ли я активироваться, храня в себе столько обид: быть осужденной без вины, быть отвергнутой в своих попытках добиться правды и, наконец, – признанной сумасшедшей? Нет, не могла.

Я не могу допустить того, чтобы меня простили, помиловали за преступление, которое я не совершала. Мне дорога моя честь, поруганная клеветником. Мне дорого не простое освобождение, в котором для меня нет настоящей свободы, а мне дорого возвращение меня в социалистическое общество, как честного и дееспособного человека.

Поэтому, я отказалась от акции, подав об этом заявление комиссии. К сожалению, мой отказ от акции не был понят никем. Его интерпретируют как результат душевной депрессии.

В процессе мучительных дум, борьбы надежд и сомнений, многих бессонных ночей, в процессе длительной борьбы мотивов окончательно созрело во мне решение обратиться к Вам.

Несомненно одно: если Вы прочтете мое письмо – дело примет справедливый оборот. Во имя Великого дела, которому служите Вы, прошу прочесть моё письмо.

Зак. (заключенная. – А. М.) Налоева Евгения Джамурзовна.

Адрес: Молотовская область

Чердынский р-н, п/я 320/6.

23-Х-54 г.

Налоевой Е. Д.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 65, инв. № 305.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письмо Е. Д. Налоевой представляет собой 7 листов рукописного текста с обеих сторон (14 страниц), представляющих, по всей видимости, копию письма, отправленного Г. М. Маленкову.

2. Маленков Георгий Максимилианович – Председатель Совета Министров СССР с 5 марта 1953-го по 8 февраля 1955 года.

3. Кимов Руслан, со слов Е. Д. Налоевой, сообщил нам некоторые обстоятельства сложившихся недоброжелательных отношений между ней и директором Кабардинского госпединститута П. А. Лебедевым. «Дело в том, что Лебедеву нравилось окружать себя людьми, заискивающими перед ним. Женю (Е. Д. Налоеву. – А. М.) это раздражало. В то время как вокруг него бегали некоторые сотрудники, холуяствуя, Женя демонстративно показывала свою независимость. Она была свободолюбивой, не могла равнодушно видеть несправедливость и молчать. Другие видели и молчали, хотя им это не нравилось, а Женя так не могла. Во многом её трудная судьба была следствием её характера, жизненных принципов. Она не считалась со временем, с системой, вела себя слишком независимо. В пединституте она дружила с такими же близкими ей по духу независимыми людьми, в частности, с профессором Гриневичем, преподававшим одно время в Киевском университете, имевшим несколько дипломов, в том числе диплом Берлинского университета. Это был уже старик с благообразной седой бородкой. Он и его жена часто принимали Евгению Джамурзовну у себя дома и очень хорошо к ней относились. Эта семья тоже считалась у начальства неблагонадежной. Что касается директора, то у Жени как-то случился с ним такой инцидент. Она жила в общежитии института рядом с «пяточком». Как-то она встретила здесь директора института. Он стоял возле своего автомобиля – зеленой «Победы» и, по-моему, собирался ехать на охоту. Рядом с ним стояли две охотничьи собаки – английские красношерстные сеттеры. Он доставал из кармана шоколадки и кидал им, а они ловили их на лету. Это были трудные послевоенные годы, многие люди в это время голодали. Женя высказала ему свое возмущение: «Какой вы строитель коммунизма?! Люди многие голодают, а вы своих собак шоколадом кормите».

На что он в числе прочего ей пренебрежительно ответил: «Вы пойдете в коммунизм пешком, а я – на легковой машине». В общем, её независимый характер и привычка говорить то, что думает, невзирая на чины и звания, сыграли в её судьбе роковую роль. В институте многие её любили, но и врагов было немало, кто постоянно доносил на нее руководству».

4. Габитов Абдулла Гисматуллович, полковник, министр МГБ Кабардинской АССР.

5. Особое совещание – внесудебный орган, заочно, без присутствия обвиняемого и адвоката, выносящий приговор исходя из материалов следствия. «Особое Совещание при МГБ СССР» с 1922-го по 1953 г. имел полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в общественно опасных преступлениях и выносить приговоры по результатам расследования.

6. Министром внутренних дел СССР с 1945-го по 1956 г. был Круглов Сергей Никифорович

7. Актация – освобождение из заключения, помилование до истечения срока отбывания наказания по состоянию здоровья.

Заявление Е. Д. Налоевой в отдел по спецделам Прокуратуры СССР

В отдел по спецделам Прокуратуры СССР
Налоевой Евгении Джамурзовны

Заявление.

29/VIII-56 г. Комиссия Президиума Верховного Совета СССР освободила меня из-под стражи со снятием судимости. Однако это освобождение меня не удовлетворяет. Я считаю обвинение, которое предъявлено было мне полностью клеветническим измышлением и требую пересмотра моего дела.

О результатах моей жалобы прошу сообщить мне по адресу: г. Сухуми, почта, до востребования.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 65, инв. № 305.

Заявление Е. Д. Налоевой Прокурору РСФСР

Прокурору РСФСР
Налоевой Евгении Джамурзовны

Заявление.

9 мая 1950 года в городе Нальчике я была арестована Органами МГБ КАССР по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58, 10, I УК РСФСР.

В предъявленном мне обвинении себя виновной я не признала да и предварительное следствие не смогло собрать улики против меня.

Однако особое совещание при МГБ СССР 17 / II 1951 года приговорило меня к 8 годам лишения свободы.

Все мои жалобы на решение ОСО остались без удовлетворения.

Одна из моих жалоб в мае 1956 года была направлена в прокуратуру КАССР.

30/VI-1956 года Президиум отклонил протест прокурора. Следующая моя жалоба от 7/IX-1956 года в прокуратуру СССР была направлена туда же, но на этот раз прокурор КАССР отказал мне в жалобе.

Обвинение, предъявленное мне в то время, считаю полностью клеветническим, а все решения, связанные с этим – не справедливыми.

Поэтому прошу прокуратуру РСФСР:

1. Пересмотреть снова уголовное дело по обвинению меня и принять справедливое решение.
2. Признать неправильным мое увольнение с должности ассистента кафедры Истории СССР за месяц до моего ареста.
3. Вызвать меня за мой счет в Москву во время разбора дела, по адресу: г. Нальчик, ул. Советская 29. Налоевой Е. Д.

27 июня 1962 г. Налоева

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Письмо прокурора Кабардинской АССР старшего советника юстиции
Дубцова Налоевой Евгении Джамурзовне от 30 ноября 1956 г.**

Прокуратура РСФСР
Прокуратура
Кабардинской Автономной
Советской Социалистической
Республики

Гр. Налоевой Евгении Джамурзовне,
гор. Сухуми, почта, до востребования.
30 ноября 1956 г.
№ 105 жс-56 г.
Нальчик, Кабардинская, № 56.

Ваша жалоба адресованная Генеральному прокурору
СССР от 17/IX-56 г. получена и рассмотрена.

За отсутствием оснований к опротестованию приговора по делу Ваша жалоба
оставлена без удовлетворения.

Прокурор Кабардинской АССР
Старший советник юстиции /Дубцов/

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Письмо из Верховного суда Кабардинской АССР
Налоевой Евгении Джамурзовне 15 сентября 1956 г.**

Верховный суд
Кабардинской АССР
Адрес: г. Нальчик, ул. Кабардинская, 56
№ с-44-у-24 15 сентября 1956 г.
Абхазская АССР, гор. Сухуми, почта, до востребования
Налоевой Евгении Джамурзовне

На Ваше заявление от 6/IX-1956 г., сообщаю, что уголовное дело по обвинению Вас по протесту Прокурора КАССР рассмотрено Президиумом Верховного

суда Кабардинской АССР 30/VI-1956 г. и протест Прокурора Кабардинской АССР отклонен.

Зам. Председателя
Верховного суда КАССР

Т. Урманчиев

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Заявление Е. Д. Налоевой Первому секретарю Кабардино-Балкарского
обкома КПСС т. Т. К. Мальбахову**

Первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС т. Т. К. Мальбахову
Налоевой Евгении Джамурзовны

Заявление [1].

С 1948–1950 гг. я работала ассистентом кафедры истории СССР в Кабардинском госпединституте, ныне преобразованном в Кабардино-Балкарский госуниверситет и одновременно заочно обучалась в аспирантуре.

В мае 1950 г. я была репрессирована органами МГБ КАССР, а затем решением Особого совещания при МГБ СССР от 8/1-51 г. приговорена к 8 годам лишения свободы по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 58-10 ч. I УК РСФСР 1924 г.

Уголовное дело по обвинению меня вновь было пересмотрено Коллегией Верховного суда РСФСР и определением от 23/V-1964 г. указанное решение Особого совещания отменено за отсутствием состава преступления в моих действиях, а также полностью реабилитирована с восстановлением на работу и учебу.

В виду большого пробела в образовании и перерыва в педагогической работе я предпочла возобновить занятия в аспирантуре, где и проучилась с 1965-го по 1968 г. по специальности «История СССР». В мае текущего года закончила её. Диссертация в стадии завершения. Отдельные её фрагменты сданы в печать.

Таким образом, все необходимые условия для возвращения меня к прежней своей профессии были созданы. Также положительно был решен вопрос о трудоустройстве, о чем ректорат КБГУ официально уведомил меня и Министерство ВС и СО РСФСР (Министерство высшего, среднего и специального образования. – А. М.). В самом деле на моем заявлении была резолюция: «В приказ. Зачислить старшим преподавателем кафедры истории СССР с 1 / IX-68 г.»

К сожалению, приказ так и не был издан, а заявление мое, видимо, аннулировано. Во всяком случае, ректорат КБГУ снова официально известил меня о том, что не может предоставить место преподавателя.

О мотивах такого оборота дела конкретно ничего неизвестно. Очевидно, это связано с моим прошлым, но правы ли товарищи, поступая так?

Прежде чем беспокоить Вас своей жалобой, я упорно добивалась её рассмотрения в соответствующих инстанциях. Однако мои просьбы о приеме для собеседования не были уважены. Правда, с большим трудом удалось попасть к т. Кешеовой, которая пообещала объективно проверить обстоятельства дела. Спустя некоторое время, она передала через своего инструктора следующее: « В пределах республики т. Налоевой не можем предоставить работу по её специальности. Пусть поищет в соседних областях».

Это уже в который раз ...меня за пределы республики! Да и на что рассчитывать «в соседних областях», если в своей республике не доверяют?

Не скрою, я вышла из здания обкома партии разбитой морально. Только беседа т. Тимофеева [2] – председателя КГБ при СМ КБАССР помогла мне несколько собраться.

В настоящее время я не имею не только работы, средств к существованию (если не считать 26 р. пенсии, как инвалиду труда III гр. И помощь со стороны родственников), но даже определенного места жительства. Временно пока проживаю в общежитии университета, где не прописывают, да и в любое время могут выселить.

Таким образом, когда, казалось, дело увенчалось успехом, его лишили смысла!

Я бы не хотела, чтобы мои искренние признания и сомнения были превратно интерпретированы, т.е. как проявления истерии. Вы меня извините, т. Мальбахов, но к оценке моего положения и состояния надо подойти с позиции обыкновенного человека: не слишком ли много бед на одну жизнь?

Надеюсь, это моё заявление не оставите без внимания.

28/XI-68.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Заявление представляет собой рукописный черновой текст на трех страницах.
2. Тимофеев Михаил Александрович – председатель КГБ при СМ Кабардино-Балкарской АССР (13 марта 1968–2 июля 1973 г.)

Письмо Е. Д. Налоевой члену Верховного Суда КБАССР Урманчееву

Гражданин Урманчеев!

Если Вы пожелаете передать официальный характер моему письму, – я не возражаю.

Не испытывая ни малейшего желания обратиться к настоящему составу Президиума В/С КАССР (Верховный Суд Кабардинской АССР. – *А. М.*), пишу Вам, как официальному лицу, подписавшему, полученный мной документ.

Что касается рассмотрения уголовного дела по обвинению меня, – следует отметить, что Суд решил правильно отклонить протест прокурора. Нельзя же оправдать такого тяжкого преступника как я? Следовало даже усилить меру наказания, применить максимум санкции статьи.

Буду надеяться, что суд ... (неразборчиво. – *А. М.*) состав суда этим решением показал своё высокое соц. (социалистическое. – *А. М.*) правосознание, острую бдительность и глубокое знание не только юриспруденции, но вообще жизни и людей.

Надо надеяться, что жизнь достойно оценит благородные деяния этих мужей и история впишет в свою страницу их имена.

От души желаю Вам всем быть осужденными так справедливо, как меня осудили.

Закл. Налоева.

21-IX-56,

г. Сухуми.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 65, инв. № 305.

**Справка Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1963 г.
о реабилитации Е. Д. Налоевой**

РСФСР
ВЕРХОВНЫЙ СУД
26 апреля 1963 г. № ОСЗ-85 Москва, К-289,
пл. Куйбышева, д. 3/7

СПРАВКА

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1963 г. постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 17 февраля 1951 года и Президиума Верховного Суда Кабардинской АССР от 30 июня 1956 года в отношении Налоевой Евгении Джамурзовны 1920 года рождения отменен и дело производством прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Гражданка Налоева Е.Д. по настоящему делу реабилитирована.

Согласно материалам дела Налоева Е.Д. до ареста работала ассистентом кафедры истории народов СССР в Кабардинском государственном педагогическом институте.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР
Нк Печать
ВЕРХОВНОГО
СУДА РСФСР

Орлов

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Решение Верховного суда Кабардино-Балкарской АССР от 10–11 сентября
1963 г. по иску Налоевых Аслангерия Джамурзовича, Евгении Джамурзовны,
Нафо Джамурзовны и Фардаус Джамурзовны о возврате дома или его стоимости
конфискованных в 1930 г.**

РЕШЕНИЕ

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
10–11 сентября 1963 г. г. Нальчик

Верховный суд Кабардино-Балкарской АССР

В составе:

Председательствующей Шекихачевой

Народных заседателей: Котляр и Тухужева

При секретаре Жамбековой

С участием прокурора Маркова

Рассмотрел в открытом судебном заседании в селении Старый Урух дело по иску Налоевых Аслангерия Джамурзовича, Евгении Джамурзовны, Нафо Джамурзовны и Фардаус Джамурзовны о возврате дома или его стоимости 3220 руб. 80 коп.

Выслушав стороны свидетелей, осмотрев строения на месте, суд

УСТАНОВИЛ:

Отец истцов – Налоев Джамурза Кубатиевича в сел. Старый Урух имел домо-
владение, состоящее из 3-х комнат, кухни, сарая и амбара.

В 1930 году Налоев Джамурза был осужден постановлением тройки к 8 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

В 1937 году он был вторично осужден и, находясь в местах лишения свободы умер.

Постановлением Верховного суда КБАССР от 30 декабря 1959 года постановление тройки НКВД от 17 августа 1937 года отменено, и дело в отношении Налоева производством прекращено за недостаточностью предъявленного ему обвинения.

В связи с этим в июне 1961 года дети Налоева Д. К. – Налоевы Аслангери, Евгения, Нафо и Фордаус обратились в народный суд с иском о возврате дома с надворными постройками или взыскании его стоимости с колхоза «Шекер» по тем мотивам, что указанные постройки сохранились и используются колхозом «Шекер» для своих нужд и что они были конфискованы в связи с осуждением их отца.

Представитель ответчика – председатель колхоза Долов предъявленный иск признал полностью и просил суд вынести решение о возврате Налоевым в натуре дома и всех надворных сооружений по тем мотивам, что колхоз в указанных строениях не нуждается, что они свободны и освобождены с февраля месяца 1963 года.

Проверив материалы дела, осмотрев оспариваемые строения на месте, заслушав стороны, свидетелей, заключение прокурора, полагавшего иски требования истцов удовлетворить, возвратить в натуре дом с надворными постройками, взыскать с них стоимость крыши дома в сумме 493 руб. возведенную колхозом, суд считает иски требования истцов обоснованными, домовладение с надворными постройками (сарай, амбар, кухня) подлежит возврату истцам в натуре со взысканием стоимости крыши в сумме 493 руб. с истцов в пользу колхоза по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, объяснений истцов и свидетелей, после осуждения их отца в 1930 году постановлением тройки от 29 января 1930 г. сроком на восемь лет с конфискацией имущества и выселением семьи из пределов КБАССР (л. д. 106), что по существу и было сделано, имущество конфисковано, а семья выселена из дома в кухню, а затем окончательно и кухни и амбара и вовсе со двора. После чего они вынуждены были уехать в Среднюю Азию к своему брату Аслангери, который в то время находился там.

О том, что дом и надворные постройки Налоевых были конфискованы и переданы колхозу в порядке исполнения постановления тройки ОГПУ СКК от 29 января 1930 г., а не в порядке раскулачивания видно из приложенного к делу письма (л. д. 100) Комитета Госбезопасности при Совете Министров КБАССР от 26 июня 1962 года, из которого видно, что в прекращенных уголовных делах по обвинению Налоева Д. К. за 1930 и 1937 годы сведений о его раскулачивании не имеется и что передача его имущества колхозу имело место не в порядке раскулачивания, а в порядке исполнения постановления тройки о конфискации имущества Налоева.

Из показаний свидетелей Жилова, непосредственно осуществлявшего выселение семьи Налоева видно, что по указанию председателя РИКа он выселил семью Налоева из дома, но жена Налоева пожаловалась в Облисполком т. Калмыкову, по указанию которого было предложено заселить обратно в дом, но поскольку дом был занят, он выселил их в кухню, и амбар, где они проживали до 1932 года.

Тот факт, что семья Налоева Д. К. оставила дом отца после его осуждения, в результате чего они были выселены, подтверждается показаниями других свидетелей, допрошенных судом Ошнокова и Бараова. Ошноков, в частности показал, что семья Налоевых была середняцкой семьей, а не кулацкой, что во время обобществления, Налоев добровольно сдал колхозу все деревянные постройки, а каменные постройки

не обобществляли. Свидетель Бараов показал суду, что после войны, дом он видел без крыши, остальные постройки – под крышей.

Других доказательств о том, что данные надворные строения были обобществлены, представителем ответчика не представлено и судом не добыто.

При таких обстоятельствах суд считает исковые требования истцов обоснованными и в соответствии со ст. 418 ГК РСФСР, ст. 60 ГК РСФСР и ст. 28 Основ гражданского законодательства Союза ССР и Союзных республик подлежат удовлетворению, так как дом и надворные постройки имеются в наличии и колхоз не возражает передать им все строения в натуре, за исключением крыши дома, стоимость которой определена сторонами в 493 руб. и стороны согласны с такой оценкой.

В данном случае вопрос о форме возврата строений, суд считает, что поскольку стороны не возражали раньше принять строения в натуре, а колхоз не возражал возвратить им строения, то суд считает возможным удовлетворить законное требование колхоза, которому принадлежит право выбора или строений или в денежном выражении.

Как заявил представитель ответчика, строения Налоевых колхозом освобождены давно и ждут их, а колхоз не нуждается больше в них, что этот вопрос выносился специально на обсуждение правления колхоза, которое еще в декабре месяце 1962 г. не возражало возвратить Налоевым строения, о чем вынесено решение правления колхоза.

Но поскольку истица Налоева Е. Д. добилась исполнения решения народного суда и получила денежную сумму с колхоза путем снятия со счета колхоза 3220 руб. без согласия колхоза, эта сумма должна быть возмещена колхозу, а строения в натуре переданы истцам, так как имеющиеся в деле акты свидетельствуют о том, что колхоз и ранее не возражал в возврате строений истцам, но просил истицу подождать, поскольку там хранилось семенное зерно. Последний акт составлен 4 февраля сего года, других актов о том, что колхоз не освобождал строений, нет и с февраля месяца строения освобождены колхозом.

Истцы в настоящее время отказываются получить строения в натуре, ссылаясь на то, что деньги ими израсходованы и им, нечем платить колхозу.

Суд считает такие мотивы истцов необоснованными, так как колхоз полностью удовлетворил их исковые претензии и возвратил им строения своевременно и никогда не возражал в их возврате. В данном случае выбор принадлежит колхозу, поскольку нужды в строениях нет у колхоза, а истцы были согласны получить его в натуре.

Поэтому в силу ст. 254 п. «д» ГПК РСФСР сумма, полученная с колхоза, подлежит обратному взысканию с истцов Налоевых. Кроме того, с них же подлежит взысканию стоимость крыши в сумме 493 руб., поскольку она сделана колхозом, чего сами истцы не отрицают, а строения подлежат возврату истцам в натуре.

Дополнительный иск Налоевой Е. Д. на сумму 107 руб. 62 к. подлежит отклонению как необоснованный, так как в этом вины колхоза нет, да и сама истица не настаивала на удовлетворении его в суде, не предъявив таковые в суде, не предъявив таковые колхозу.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 418, 60 ГК РСФСР, ст. 28 Основ гражданского законодательства Союза ССР и Союзных республик, а также Инструкцией Министерства финансов СССР от 30.01.1956 г. п. 68 и ст. 176 ГПК РСФСР, Верховный суд КБАССР

РЕШИЛ:

Возвратить истцам Налоевой Евгении Джамурзовне, Налоеву Аслангери Джамурзовичу, Налоевой Нафо Джамурзовне и Налоевой Фордаус Джамурзовне на праве

личной собственности дом, сарай, кухню и амбар стоимостью 3220 руб., находившийся в пользовании колхоза «Шекер» Урванского производственного управления, взыскав с них стоимость крыши в сумме 493 руб. в пользу колхоза «Шекер».

Произвести поворот исполнения решения, сумму 3220 руб. 80 коп., полученную истцами взыскать с Налоевой Евгении Джамурзовны, Налоева Аслангерия Джамурзовича, Налоевой Нафо Джамурзовны и Налоевой Фордаус Джамурзовны солидарно в пользу колхоза «Шекер» Урванского производственного управления.

В иске Налоевой Е. Д. к колхозу «Шекер» о взыскании 107 руб. 62 коп. отказать за необоснованностью.

Решение может быть обжаловано в Верховный суд РСФСР в 10-дневный срок.

Председательствующий:	Шекихачева
Народные заседатели:	Котляр и Тухужева.
Верно Член Верховного Суда КБАССР	Е. Шекихачева

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 60, инв. № 3051.

Раздел VII
ДОКУМЕНТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ РАЗНЫЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ
Е. Д. НАЛОЕВОЙ

**Архивная справка, подготовленная Управлением ФСБ РФ по КБР
по материалам архивного уголовного дела в отношении Е. Д. Налоевой
по запросу КБИГИ**

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ экз. № 1
УПРАВЛЕНИЕ по Кабардино-Балкарской Республике
Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН
(УФСБ России по КБР)
04 марта 2012 г. № 62/10/ 133
Директору Бгажнокову Б. Х.
360000, КБР, г. Нальчик, пр. им. В. И. Ленина, д. 4
г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

На № 01-22/60 от 14/02/2013 г.

Уважаемый Барасби Хачимович!

Направляем Вам архивную справку, подготовленную по материалам архивного уголовного дела № 4102-П в отношении Налоевой Евгении Джамурзовны, 1920 года рождения, а также копии материалов, отражающие ее биографию и трудовую деятельность.

Приложение: – архивная справка рег. № 62/132 от 6 марта 2013 г. – 1 лист;
– копия анкеты арестованного – 2 листа;
– копии протоколов допроса – 2 листа. Только в адрес.

С уважением,

Начальник Управления

С. Л. Кменный

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ по Кабардино-Балкарской Республике
экз. № 1
(УФСБ России по КБР)
04 марта 2012 г. № 62/10/ 133
360000, КБР, г. Нальчик, пр. им. В. И. Ленина, д. 4

Архивная справка

В Управлении ФСБ России по КБР хранится архивное уголовное дело № 4102-П, по которому проходит Налоева Евгения Джамурзовна 1920 года рождения, уроженка с. Старый Урух КБАССР, проживавшая на момент ареста в г. Нальчике.

Согласно материалам дела Налоева Е. Д. была арестована 09 мая 1950 года. Ей предъявлено обвинение по ст. 58-10 ч. 2 УК в том, что она, будучи враждебно настроена

к советской власти и коммунистической партии, проводила среди своего окружения антисоветскую националистическую агитацию.

17 февраля 1951 года Налоевой Е. Д. постановлением Особого совещания при МГБ назначено наказание в виде заключения в ИТЛ сроком на 8 лет.

Ранее Налоева Е. Д. была арестована в 1942 году по ст. 58-10 ч. 2 органами НКВД СОАССР и освобождена в апреле 1943 года, а также в 1945 году по ст. 169 УК дело по данной статье прекращено.

16 апреля 1963 года Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР Налоева Е.Д. реабилитирована.

Основание: *Архив УФСБ России по КБР, АУД № 4102-П.*

ВрИю начальника подразделения

С. М. Дешева

МГБ Кабардинской АССР

гор. Нальчик

Передавать анкету для заполнения арестованному – запрещается. Заполняется со слов арестованного и проверяется по документам.

Анкета арестованного

1. Фамилия, имя и отчество	Налоева Евгения Джамурзовна
2. Год и место рождения	1920 года, сел. Ст. Урух, Лескенского р-на, Каб. АССР
3. Постоянное место жительства до ареста (подробный адрес)	гор. Нальчик, Затишье, в здании пединститута
4. Профессия и специальность	преподаватель истории
5. Постоянное место работы или род занятий до ареста. Если не работал, когда и откуда уволен	преподаватель истории народов СССР при Кабардинском государственном
6. Национальность	кабардинка
7. Гражданство (при отсутствии паспорта указать какой документ удостоверяет гражданство)	а) гражд. (подд.). СССР
б) паспорт серии РФ № 548853
выдан 1-м отд. РКМ СОАССР 19-го июля 1947 г.
8. Партийность	б/пар
9. Образование общее, специальное (подчеркнуть) и указать, что закончил	высшее, окончила в 1941 г. пединститут в гор. Дзауджикау и училась в Московском юрид. ин-те
10. Социальное и политическое прошлое	из крестьян-кулаков
11. Судимость (состоял под судом и следствием, где, когда, за что приговор)	в 1942 г. сентябре м-це была арестована по ст. 58-10 ч. 2 УК НКВД СОАССР. Освобождена в апреле 1943 г. В 1945 г. арестована по ст. 169 УК в г. Дзауджикау. Дело прекращено.
12. Участие в Отечественной войне (где, когда, в качестве кого)	не участвовала

13. Был ли на оккупированной территории противником
(указать: где, когда, что делал) нет

1. Состав семьи

Степень родства

Фамилия, имя, отчество, год и место рождения

Место жительства, работы и должность

Отец Налоев Джамурза Кубатиевич арестован органами ОГПУ в 1929 году
Мать Налоева Зиза она же Хажгуаша Хатокшуковна гор. Нальчик, ул. Советская дом № ...
Жена (муж) нет
Дети нет
Братья брат Налоев Аслангери Джамурзович, работал
Сестры: Налоева Нафо Джамурзовна, гор. Нальчик, домохозяйка; Налоева Фардоус Джамурзовна, г. Дзауджикау...

2. Словесный портрет (нужное подчеркнуть)

1. Рост: средний (165–170 см)
2. Фигура: средняя
3. Плечи: горизонтальные
4. Шея: длинная
5. Цвет волос: светловолосые
6. Цвет глаз: светлокарие
7. Лицо: овальное
8. Лоб: высокий
9. Брови: дугообразные
10. Нос: малый, тонкий, спинка носа: прямая.
Основание носа: опущенное.
11. Рот: малый.
12. Губы: тонкие.
13. Подбородок: прямой.
14. Уши: малые.
Особые приметы: три шрама на левой ноге
Прочие особенности и привычки нет
Когда арестован 9 мая 1950 г.
Основание ареста: постановление на арест, санкционированное прокурором КАССР за следотделом КАССР
За кем зачислен за следотделом КАССР
Анкета заполнена в МГБ КАССР
Город, село, ж.-д. ст. гор. Нальчик, каб. 17
Кем зам. нач-ка следотдела КАССР, подполковник
Подпись

Место для фотокарточки арестованного

Личная подпись арестованного

*Архив УФСБ России по КБР, АУД № 4102-II
Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой*

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой.

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия	Налоева
2. Имя	Евгения
3. Отчество	Джамурзовна
2. Пол	ж
3. Год, число и м-ц рождения	24/ХІІ-1920 г.
4. Место рождения	сел. Ст. Урух, Урванского района КБАССР
5. Национальность	кабардинка
6. Соц. происхождение	из крестьянок
7. Партийность	б/п партстаж партбилет №
8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета	
9. Образование.	высшее
Название учебного заведения и его местоположение	Северо-Осетинский госпединститут им. К. Хетагурова г. Орджоникидзе
Факультет	историч.
Год поступления	1937 год
Год окончания	1941 год
Специальность	учит. ср. школы
№ диплома	диплом не получила
10. Какими иностр. языками и языками народов СССР владеете	русским и кабардинским языком свободно; читаю и перевожу со словарем по англ. свободно.

11. Ученая степень, ученое звание

12. Какие имеете научные труды и изобретения –

В «Ученых записках» КБГУ (сороковом выпуске) напечатана статья один печат. лист «К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века»; в первом номере «Вестника» НИИ КБАССР за 1968 г. – «К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века»; сдана в печать статья в 28 машинопис. страниц: «К вопросу о политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века».

13. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая учебу в высших и средних специальных заведениях, военную службу, участие в партизанских отрядах и работу по совместительству)

Месяц и год	Должность с указанием учреждения
поступления	Местонахождение учреждения
IV	Общий стаж педагогической работы до
III	поступления на работу в Управление
1945	по делам культпросветучреждений 7 лет
	Методист культпросветработы при Управлении
культпросветучреждений при Совете Министров СОАССР г. Орджоникидзе	IX 1948
IV 1950	Кабардинский госпединститут. Ассистент кафедры истории СССР г. Нальчик
XI 1964	V 1968 Кабардино-Балкарский госуниверситет
	Аспирант кафедры истории СССР г. Нальчик

14. Пребывание за границей

15. Участие в центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, городских, районных партийных, советских и других выборных органах

16. Какие имеете правительственные награды? нет

17. Имеете ли партвзыскания нет

18. Отношение к воинской обязанности
и воинское звание не в/о
19. Семейное положение на момент
заполнения личного листка незамужняя
20. Домашний адрес: г. Нальчик, общежитие КБГУ № 1, ком № 147
Дата заполнения 8 сентября 1969 г.
Личная подпись

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 2.

Автобиография

Я, Налоева Евгения Джамурзовна, родилась в 1920 г. в сел. Ст. Урух Урванского района КБАССР. В 1931 г. привезли меня в Таджикистан, где окончила школу и поступила в 1937 г. на первый курс исторического факультета Таджикского университета. В 1940 г. перевелась в СО Госпединститут им. К. Хетагурова, который закончила в 1941 г.

Работать преподавателем я стала со второго курса университета, а по окончании пединститута направили в Алагирский район преподавателем истории в Црауской средней школе. В 1945 г. переехала в г. Орджоникидзе, где работала до 1948, т.е. пока не пригласили на работу в Кабардинский пединститут ассистентом кафедры истории СССР. На этой должности я была арестована представителями органов Госбезопасности в 1950 г., а затем осуждена по ст. 58-10 ч. I УК РСФСР к 8 годам лишения свободы. Документ о реабилитации прилагаю. После реабилитации меня восстановили в число аспирантов КБГУ, которую окончила в 1968 г.

Подпись
10/IX-69

Архив КБГУ. Личное дело Е.Д. Налоевой. Л. 3.

Выписка из приказа № 304

по Кабардино-Балкарскому государственному университету

15 сентября 1969 г. гор. Нальчик
§ 6.

Налоеву Евгению Джамурзовну принять с 10 сентября 1969 г. на должность ассистента кафедры истории СССР с окладом 105 р. в месяц.

Основание: заявление Налоевой Е. Д., представление зав. кафедрой Кумыкова Т. Х., декана Апажева М.Л., резолюция ректора Керефова К. Н.

Ректор КБГУ К. Керефов
Зав. канцелярией Стеценко

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 5.

Выписка из приказа № 326

по Кабардино-Балкарскому государственному университету

1 октября 1969 г. гор. Нальчик
§ 9

Налоевой Е.Д., ассистенту кафедры истории СССР, установить с 10 сентября 1969 года оклад 135 рублей в месяц, как имеющей стаж вузовской работы свыше 10 лет.

Основание: Заявление Налоевой Е. Д., резолюция ректора Керефова К. Н.

Ректор КБГУ
Зав. канцелярией

К. Керефов
Т. Стеценко

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 6.

Выписка из приказа № 129

по Кабардино-Балкарскому государственному университету

29 апреля 1970 г.
§ 18

гор. Нальчик

В соответствии с решением Совета ИФФ от 16 марта 1970 г. Налоеву Е. Д., ассистента кафедры истории СССР, считать избранной по конкурсу, сроком на пять лет на должность старшего преподавателя той же кафедры. Оклад 165 руб. в месяц.

Основание: выписка из протокола заседания Совета ИФФ от 16 марта 1970 г., резолюция ректора Керефова К. Н.

Ректор КБГУ
Зав. канцелярией

Керефов К. Н.
Стеценко Т. М.

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 7.

Выписка из приказа № 336/Л

по Кабардино-Балкарскому государственному университету

28 ноября 1974 г.
§ 2

гор. Нальчик

Налоевой Е. Д., старшему преподавателю кафедры истории СССР, с 12 мая 1974 года установить оклад 320 рублей в месяц в связи с присуждением ученой степени кандидата исторических наук.

Основание: представление отдела кадров.

Ректор КБГУ
Зав. канцелярией

Тлостанов
Лобжанидзе

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 7.

Выписка из приказа № 336/Л

по Кабардино-Балкарскому государственному университету

24 мая 1975 г.
§ 32

гор. Нальчик

Объявить благодарность за подготовку и проведение научной студенческой конференции следующим преподавателям:

8. Налоевой Е. Д.

Основание: представление деканата ИФФ, резолюция ректора Тлостанова В. К.

Ректор КБГУ
Зав. канцелярией

В. К. Тлостанов
А. М. Ашнокова

Выписка из приказа № 336/Л

по Кабардино-Балкарскому государственному университету

21 мая 1975 г.

гор. Нальчик

§ 32

В соответствии с решением Совета ИФФ от 13 мая 1975 г. Налоеву Е. Д. считать переизбранной на должности старшего преподавателя кафедры истории СССР на следующие пять лет.

Основание: выписка из протокола № 7 заседания Совета ИФФ от 13 мая 1975 г.

Ректор КБГУ
Зав. канцелярией

В. К. Глостанов
А. М. Ашнокова

Архив КБГУ. Личное дело Е.Д. Налоевой. Л. 12.

Общественно-политическая характеристика на ст. преподавателя кафедры истории СССР Налоеву Е. Д.

Тов. Налоева Е.Д. к выполнению служебных обязанностей относится добросовестно. В первом семестре являлась куратором студенческой группы. Проводит большую идейно-воспитательную работу среди студентов. Проводила еженедельные занятия с выпускниками СШ республики. Тов. Налоева Е.Д. принимала активное участие в работе научного семинара по истории народов Северного Кавказа. Участвовала в научной конференции в г. Грозном. Оказывает методическую помощь молодым ученым.

Пользуется авторитетом в коллективе.

Отделенческое собрание оценило работу Е.Д. Налоевой на удовлетворительно.

Партгруппорг
Завкафедрой
Профгруппорг

Г. Х. Мамбетов
Т. Х. Кумыков
Б. Н. Березгов

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 13.

Производственная и общественно-политическая характеристика старшего преподавателя кафедры истории СССР Налоевой Е. Д.

Ст. преподаватель Налоева Е.Д. читает курс истории СССР, проводит семинарские занятия на высоком уровне, руководит подготовкой дипломных и курсовых работ. Налоева Е.Д. является куратором первого курса. По мнению педагогов этот курс проявил себя, как дружный, работоспособный коллектив. Налоева Е.Д. принимала участие в общественных мероприятиях, во главе с курсом выходила на субботники и хорошо организовала работу студентов. Налоева Е.Д. пользуется авторитетом, имеет связь с учителями, читает им лекции по методике преподавания истории в школе.

Пожелание: активизировать НИР.

Производственная и общественно-политическая деятельность оценивается на хорошо.

Партгруппорг
Завкафедрой
Профгруппорг
15.06.85

Мамбетов Г. Х.
Кумыков Т. Х.
Кудаев Н. М.

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 15.

**Общественно-политическая и производственная характеристика
Налоевой Е.Д., старшего преподавателя кафедры истории СССР**

Налоева Е. Д., 1920 года рождения, беспартийная, работает в университете с 1948 года, читает курсы: история СССР, палеографии, хронологии и метрологии, проводит практические занятия на должном уровне, руководит семинаром, курсовыми и дипломными работами студентов. В этом году Налоева Е.Д. представила на Всероссийский конкурс одну студенческую работу, в учебном процессе применяет ТСО. Налоева Е. Д. является руководителем научного кружка по истории СССР периода феодализма. Ведет НИР, но нет публикаций. На научной конференции, посвященной 300-летию со дня рождения Ж. Казанкова Налоева Е. Д. выступила с докладом на тему: «Документальные данные о Казанкове». За истекший год она не имеет публикаций.

Налоева Е. Д. принимает участие в общественно-политических мероприятиях, проводимых на факультете, является куратором 3-го курса исторического отделения. В первом полугодии она организовала проведение ряда мероприятий, способствующих формированию у студентов коммунистического мировоззрения. В феврале ею была организована экскурсия в г. Сухуми.

Во втором семестре Налоева Е. Д. ослабила кураторскую работу.

Пожелание: своевременно выполнять поручение кафедры (составление личных отчетов, рецензирование кандидатских диссертаций, представление планов по контрпропаганде, тематика дипломных работ и т.д.), быть более терпимой к мнениям коллег, активизировать научно-методическую работу.

Е. Д. Налоева аттестована.

17.05.86 г.

Партгруппорг

Кудаев Н. М.

Завкафедрой

Кумыков Т. Х.

Профгруппорг

Боров А. Х.

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 18.

**Общественно-политическая и производственная характеристика Налоевой Е. Д. –
старшего преподавателя кафедры истории СССР дореволюционного периода
на 1986 – 1987 год**

Налоева Е. Д., 1920 года рождения, беспартийная, работает на кафедре с 1948 года, читает курсы лекций по истории СССР, палеографии, хронологии и метрологии, проводит практические занятия, руководит курсовыми и дипломными работами, возглавляет кружок НСО, учебные поручения выполняет на должном научно-теоретическом и методологическом уровне.

Налоева Е. Д. принимает участие в общественной жизни факультета. В первом полугодии была куратором 4-го курса исторического факультета и провела ряд интересных и полезных мероприятий. Выполняет разовые поручения. Продолжительная болезнь помешала выполнению плановых заданий по НИР.

Налоевой Е. Д. следует обратить внимание на научно-исследовательскую работу. Решением кафедры Налоева Е. Д. аттестована.

Зав. кафедрой

Т. Х. Кумыков

Партгруппорг

А. Х. Бижев

Профгруппорг

П. А. Кузьминов

25.05.87 г.

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 19.

**Министерство высшего и среднего специального образования СССР
Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР
Северо-Кавказский научный центр высшей школы**

Приказ

От 07.05.88 г.
г. Ростов-на-Дону

№ 24

Выход в свет «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (М.: Наука, 1988 г.) – первой книги многотомной серии – важное событие в культурной и общественной жизни Северного Кавказа, итог многолетних исследований историков всех республик, областей и краев нашего региона, Москвы и Ленинграда.

Объявить благодарность преподавателям и сотрудникам вузов СКНЦ ВШ, принимавшим участие в написании и подготовке к изданию «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.»:

Кабардино-Балкарский госуниверситет:

Налоевой Е. Д. – канд. ист. наук, ст. преподавателю кафедры истории СССР до-октябрьского периода.

Председатель Совета СКНЦ ВШ,
член-корр. АН СССР

Ю. А. Жданов

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 20.

**Выписка из приказа № 227-И/Л
по Кабардино-Балкарскому ордена Дружбы народов
государственному университету**

30/П-1989 г.

г. Нальчик

Согласно постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 30 августа 1989 г. № 231 и в соответствии с приказом Госкомобразования СССР от 30 августа 1989 г. № 703 приказываю:

Установить должностные оклады профессорско-преподавательского персонала ордена Дружбы народов Кабардино-Балкарского госуниверситета с 1 декабря 1989 г. по кафедре:

Истории СССР

Налоева Е. Д. – ст. преподаватель канд. наук – 335 р.

Основание: представление начальника УЭФ, резолюция ректора Тлостанова В.К.

Ректор КБГУ

подпись

Инспектор ОК

подпись

**Выписка из приказа № 88/0
от 17.05.89 г.**

§ 1

2. За большой вклад в написании и подготовке к изданию двух томов «Истории народов Северного Кавказа» объявить благодарность и награждать денежной премией в размере 50 руб. Налоеву Е. Д.

Основание: представление проректора Лесева В. Д.
Выписка верна:

Зав. канцелярией А. М. Ашнокова

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 22.

**Выписка
из протокола № 24 заседания Ученого Совета ИФ КБГУ от 20.03.90 г.**

Слушали: О проведении по конкурсу на должность доцента по кафедре истории СССР ИФ КБГУ от 20.03.90 г.

Постановили:

1. Протоколы счетной комиссии утвердить.
2. На основании результатов тайного голосования считать избранной по конкурсу сроком на 5 лет в должности доцента по кафедре истории СССР (д/п) Налоеву Евгению Джамурзовну.

Секретарь Ученого Совета ИФ КБГУ А. Х. Боров

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 23.

Выписка из приказа № 35/Л

24.03.1990 г.

г. Нальчик

§ 24

В соответствии с решением совета исторического факультета от 20.03. 1990 г. считать избранной на должность доцента кафедры истории СССР (д/р период) Налоеву Евгению Джамурзовну, сроком на 5 лет. Оклад: 335 руб. в месяц.

Основание: выписка из протокола № 24 заседания совета ИФ от 20.03.90 г., резолюция проректора Бозиева Б. З.

Выписка из приказа № 60/Л

12.04.1993 г.

г. Нальчик

§ 2

Налоевой Евгении Джамурзовне, доценту кафедры отечественной истории дореволюционного периода в связи с присвоением ученого звания доцента установить оклад:

– с 17.12. 92 – 13248 руб.

– с 01.02.93 – 16560 руб.

Основание: аттестат доцента ДЦ № 007052 от 17.12.92.

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 24.

форма: I.101

шифр: А

СПРАВКА

о присвоении Налоевой Е. Д. ученого звания ДОЦЕНТА
по кафедре отечественной истории дореволюционного периода.

Рег. №

1. Представление

Ученым советом историко-юридического факультета избрана по конкурсу 20.03.90 и утверждена в должности доцента кафедры отечественной истории дореволюционного периода 20.03.90 г. приказ от 24.03.90, № 35/Л.

При рассмотрении представления 27.04.92 г. Ученый совет КБГУ в составе 49 человек из 62 членов совета голосовал: за – 46, против – 1, недействительных бюллетеней – 2. Протокол № 4 от 27.04.92 г.

2. Основные сведения о представляемой.

1. Налоева Евгения Джамурзовна, 1920 года рождения, кабардинка.

2. 1941 г. Северо-Осетинский госпединститут, учитель средней школы.

3. Кандидат исторических наук с 1973 г. Диссертацию защитила 26 июня 1973 г. при специализированном Совете Кабардино-Балкарского госуниверситета.

4. Общий стаж педагогической работы в КБГУ – 44 года. Педагогический стаж работы до поступления в КБГУ – 7 лет.

С сентября 1948-го по май 1950 г. ассистент кафедры истории СССР Кабардинского госпединститута и аспирант при кафедре истории СССР Пятигорского госпединститута заочно.

С мая 1950-го по ноябрь 1957 г. находилась в местах заключения по ст. 58.10 УК РСФСР от 1924 г. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1963 г. реабилитирована с правом восстановления на прежнее место работы и учебы.

01.11.64 г. – аспирант при кафедре истории СССР дореволюционного периода Кабардино-Балкарского госуниверситета.

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 28.

Выписка из приказа № 20/Л от 13.02.95.

§ 7

Налоеву Евгению Джамурзовну, к.и.н., доцента, принять с 01.02.95 по 30.06.95 на I ставку доцента кафедры теории и истории государства и права. Оплата – по 15-му разряду. Основание: заявление Налоевой Е.Д., резолюция и.о. ректора Иванова И. В.

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 32.

Ректору КБГУ проф. Карамурзову Б. С.
доцента кафедры теории и истории государства и права
Налоевой Евгении Джамурзовны

Заявление.

Прошу перевести меня на 0,5 ставки доцента кафедры теории и истории государства и права с 1.09.99 г. по состоянию здоровья.

30.08.99 г.

Налоева

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 36.

ПРИКАЗ

г. Нальчик

26.10.99.

№ 221/Л

§ 5

Налоеву Евгению Джамурзовну, доцента кафедры теории и истории государства и права, перевести с 01.09.99 г. на 0,5 ставки в должности доцента этой же кафедры с оплатой по 15-му разряду ЕТС.

Основание: заявление Налоевой Е.тД. с резолюцией ректора Карамурзова Б. С.
Выписка верна:

Нач. ОК В. Беляков

Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой. Л. 37.

КБГУ

ПРИКАЗ

01.12.2000 г.

№ 248/Л

§ 12

Налоеву Евгению Джамурзовну, доцента кафедры теории и истории государства и права, уволить с 08.11.2000 г. по собственному желанию, ст. 31 КЗОТ РФ.

Основание: заявление Наоевой Е. Д. с резолюцией ректора Карамурзова Б. С.

Выписка верна:

Нач. ОК В. Беляков

Архив КБГУ. Личное дело Е.Д. Налоевой. Л. 39.

Диплом Северо-Осетинского педагогического института им. К. Хетагурова

ДИПЛОМ

№ 057208

Предъявитель сего тов. Налоева Евгения Джамурзовна

В 1937 г. поступила и в 1941 г. окончила полный курс Северо-Осетинского педагогического института им. К. Хетагурова по специальности история и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 1 июля 1941 г. ей присвоена квалификация преподавателя истории в средней школе и звание учителя средней школы

Председатель Государственной
экзаменационной комиссии

подпись

Директор

подпись

Секретарь

подпись

Гор. Орджоникидзе 1941 г.

Регистрационный № 165

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 55, инв. № 3046.

Зачетная книжка филиала Всесоюзного юридического заочного института гор. Дзауджикау

СССР – НКЮ

Дзауджикау филиала Всесоюзного юридического заочного института

Зачетная книжка № 113

Студенческий билет № 113

Фамилия, имя, отчество Налоева Евгения Джамурзовна

Специальность педагог
Поступил в августе 1944 г.
Зам. Директора по учебной части роспись (неразборчиво. – *Сост.*)
Дата выдачи зачетной книжки 15 сентября 1944
1-й семестр 1943 учебного года Первый курс Налоева
Теоретический курс

Пор. № дисциплины	Наименование	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Теория права и государства	Дорфман	отлично	10/VII-44
2.	Всеобщая история	(неразборчиво)	отлично	14/IX-44
3.	Латинский язык	Касимов	отлично	22/VII-44
4.	Полит. Экономия	Бицаев	отлично	26/IX-44
5.	Основы Марк.-Лен.	Цалласс	отлично	26/IX-44
6.	Адм. право	Карпов	отлично	30/III-44
7.	Русс. яз.	Попова	отлично	3/IV-44
8.	Англ. яз.	Акимова	отлично	14/IV-44

Письменные контрольные работы

Пор. № дисциплины	Наименование	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Теория права и государства	Дорфман	зачет	10/VII-44
2.	Латинский язык	Касимов	отлично	22/VII-44
3.	Адм. право	Карпов	отлично	30/III-44

Пом. зав. учебной частью подпись

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 55, инв. № 3046.

Зачетная книжка Северо-Осетинского государственного педагогического института

Народный Комиссариат Просвещения РСФСР
Северо-Осетинский государственный педагогический институт

Зачетная книжка №

Фамилия, имя, отчество Налоева Евгения
Факультет исторический
Переведена на IV курс из Таджикского государственного пединститута
Зам. директора по учебной части
Декан факультета
Дата выдачи зачетной книжки 9 декабря 1940 г.

1-й семестр 1937/38 учебного года Первый курс
Теоретический курс

№ дисциплины	Наименование	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Русс. язык	Елоева	отлично	1/IV-38

2. Таджик. язык	Михайличенко	отлично	15/IV-38
3. Психология	Машко	отлично	15/IV-38
4. Физкультура	Абрамов	отлично	
5. Политэкономия	Пальчиков	удовлетв.	4/I-38
6. Военн. дело	Чухлинов	посредств.	
7. Англ. язык	Бежан	отлично	5/V-38
8. Эконом. социал.	Пальчиков	отлично	28/VI-38
9. Полит. эк. геогр.	Таноевский	отлично	13/VI-38
10. Ист. Др. мира	Володарский	отлично	30/XI-38

2-й семестр 1937/38 учебного года
Теоретический курс

Первый курс

№	Наименование дисциплины	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Всеобщ. литература	Астафьев	хорошо	28/X-38

Студентка Налоева сдала все предметы за I курс
Студентка Налоева Е. переведена на 2-й курс

Декан факультета
3-й семестр 1938/39 учебного года

Второй курс
Теоретический курс

№	Наименование дисциплины	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Русс. лит. 18 в.	Петров	посред.	23/XI
2.	Англ. яз.	Бежан	отлично	2/I-39
3.	Ист. Ср. веков до XIV	Астафьева	хорошо	19/I-39
4.	Педагогика	Гусак	хорошо	21/I-39
5.	История ВКП(б)	Арсентьев	отлично	13IX-39
6.	Ист. СССР	Мулабаев	хорошо	7/X-39
7.	Истор. Ср. вв. до XVIII	Астафьева	хорошо	27/XI-39

5-й семестр 1939/40 учебного года
Второй курс
Теоретический курс

№	Наименование дисциплины	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Ист. СССР (19 в.)	Гаврилкин	хорошо	23/XII-39
2.	Основы Марк.-Лен.	Арсентьев	отлично	8/I-40
3.	Нов. ист. I период	Скорман	хорошо	6/I-40
4.	Метод. ист.	Аксенов	посред.	18/VII-40
5.	Нов. и нов-я			
6.	Зап. лит.	Калитов	посред.	19/VII-40
7.	Нов. ист. II и III ч.	Хитняк	посред	24/VII-40
8.	Н. Т. алф.	Хашраев	хорошо	26/VII-40

6-й семестр 1939/40 учебного года

Третий курс

Теоретический курс

№	Наименование дисциплины	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Англ. яз.	Бежан	отлично	24/VII
2.	Педпрактика	Гусак	отлично	25/VII
3.	Ист. СССР (20 в.)	Гаврилкин	хорошо	23/ VII
4.	Ист. русс. лит.	Солдатова	хорошо	
5.	Ист. Ср. Аз.	Тарицкий	отлично	
6.	Основы Марк.-Лен.	Арсентьев	отлично	
7.	Истмат	Кашин	отлично	
8.	Н.Т. алф	Хашраев	хорошо	14/I-41

Студентка Налоева Е. переведена на 4-й курс

Декан факультета

7-й семестр 1940/41 учебного года

Четвертый курс

Теоретический курс

№	Наименование дисциплины	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Школьн. гигиен.	Вергун	отлично	23/I-41
2.	Ист. колон. и завис. стран	Куполов	хорошо	10/IV-41

8-й семестр 1940/41 учебного года

Четвертый курс

Теоретический курс

№	Наименование дисциплины	Фамилия профессора или доцента	Экзаменационная отметка	Дата сдачи
1.	Прак.нов. ист.	Даукша	зачет	13/III-41
2.	Нов. ист. III ч.	Даукша	отлично	26/III-41

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 55, инв. № 3046.

**Приложение к диплому Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К. Хетагурова.
Выписка из зачетной ведомости**

Приложение к диплому № 057208

Выписка из зачетной ведомости

(без диплома недействительна)

Тов. Налоева Евгения Джамурзовна за время пребывания в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте им. К. Хетагурова сдала следующие дисциплины:

1. Основы марксизма-ленинизма – отлично.
2. Диамат – истмат – отлично.
3. Политэкономия – отлично.

4. Психология – отлично.
5. Педагогика – хорошо.
6. История педагогики – посредств.
7. Английский язык – отлично.
8. Русский язык – отлично.
9. Латинский язык – отлично.
10. Военное дело – посредств.
11. Школьная гигиена – отлично.
12. Эконом. география – отлично.
13. Эконом. география СССР – отлично.
14. История колон. и зависим. стран – хорошо.
15. Всеобщая литература – хорошо.
16. История Древнего мира – отлично.
17. История Средних веков – хорошо.
18. Новая история – отлично.
19. История народов СССР – хорошо.
20. Методика истории – посредств.
21. Педпрактика – хорошо.
22. История Средней Азии – отлично.
23. Спец. семинар по истории Сред. веков – зачтено.
24. Физкультура – зачтено.

Тов. Налоева Е. Д. в июне 1941 г. сдала Государственные экзамены со следующей оценкой:

1. Основы марксизма-ленинизма – отлично.
2. История народов СССР – посредств.
3. История Средних веков – отлично.
4. История Нового времени – отлично.
5. Педагогика – отлично.

Директор института	подпись
Декан истфака	подпись
Секретарь	Серая

Гор. Орджоникидзе, 8/VII-1942 г.
Регистрационный № 165.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 55, инв. № 3046.

**Справка Налоевой Евгении Джамурзовне Народного Комиссариата
Внутренних Дел Узбекской ССР от 28 апреля 1943 г. в том, что она с 3 октября
1942 г. по 28 апреля 1943 г. содержалась в тюрьме НКВД Уз ССР и освобождена
за прекращением уголовного преследования.
НКВД СССР**

Народный Комиссариат Внутренних Дел Узбекской ССР
28 апреля 1943 г.

СПРАВКА

Выдана Налоевой Евгении Джамурзовне. Год рождения 1920, паспорт № в том, что он с 3 октября 1942 г. по 28 апреля 1943 г. содержалась в тюрьме НКВД Уз ССР и освобождена за прекращением уголовного преследования.

Справка видом на жительство не служит

Нач. ст.оп.уп НКВД Уз ССР
Ст. лейтенант Госбезопасности
Печать подпись

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Справка Налоевой Е. Д. в том, что она состоит в должности преподавателя истории на подкурсах при Северо-Осетинском государственном мединституте от 8 мая 1944 г.

РСФСР – НКЗдрав
Северо-Осетинский государственный
медицинский институт
№ С – 44, 8 мая 1944 г.
гор. Дзауджикау
Телефон №

СПРАВКА

Выдана настоящая Налоевой Е. Д. в том, что она состоит в должности преподавателя истории на подкурсах при Северо-Осетинском госуд. мединституте, что удостоверяется.

Зав. курсами СОГМИ	(Цаболова)
Секретарь	(Доева)

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Справка народного суда Ленинского района гор. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР от 7.08.1945 г., что дело по обвинению Налоевой Евгении Джамурзовны по ст. 169 ч. I УК 11/VII 1945 г. производством прекращено на основании указа от 7/VII-45 г.

РСФСР

Гор. Орджоникидзе, Ленинский район
Северо-Осетинской АССР
Народный Суд Ленинского района
гор. Орджоникидзе
7/VIII-1945 г.
№ 3-Н

СПРАВКА

Дана Налоевой Евгении Джамурзовне в том, что дело по обвинению её по ст. 169 ч. I УК 11/VII 1945 г. производством прекращено на основании указа от 7/VII-45 г. Амнистирована.

Нарсудья	подпись
Секретарь	Морозов

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Характеристика Налоевой Евгении Джамурзовны за период своей работы в Управлении по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров СО АССР

Характеристика

Налоева Евгения Джамурзовна, 1920 г. рождения, кабардинка, беспартийная, образование высшее педагогическое.

Тов. Налоева в своей работе аккуратная, исполнительная и настойчиво-последовательная. Идеейно выдержана, политически развита, практически деловито способна к труду. За период своей работы в Управлении по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров СО АССР т. Налоева показала себя с весьма положительной стороны.

Поступив на работу в Управление в трудный организационный период т. Налоева проявила большую организаторскую способность, оперативность в работе и настойчивость в деле организации и поднятия работы культурно-просветительных учреждений.

Помимо своей методической работы т. Налоева, личными выездами в районы, вложила ценный труд в дело образцовой постановки культурно-просветительной работы.

Будучи прикрепленной к бывшим оккупированным районам: Малгобек, Аланский, Курпский и Моздокский, т. Налоева добилась в кратчайший срок создания отделов культпросветработы при РИКах, Районных домов культуры, полностью восстановления сети культпросветучреждений и укомплектование этих учреждений соответствующими кадрами. В дальнейшем культурно-просветительные учреждения в этих районах заняли первые места.

Налоева, умело совмещая свою обязанность с общественной работой, активно участвовала во всех политических компаниях.

По поручению парторганизации и начальства Управления т. Налоева была постоянным агитатором на избирательном участке, уполномоченной по политпросветработе в районах, в период избирательных компаний руководителем агитвагона и т.д.

Все поручения сделанные т. Налоевой всегда выполнялись своевременно и точно. Налоева ушла с работы по собственному желанию.

Инспектор по кадрам Управления
по делам культурно-просветительных
Учреждений при Совете Министров
Северо-Осетинской АССР

Цакулов

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Выписка из приказа директора Кабардинского пединститута Лебедева от 18.01.1949 г.

Выписка из приказа № 5

По Кабардинскому гос. пед. и Учит. институту от 18. I-49 г.

Во изменение приказа № 3 § 5 от 11. I-49 г. считать в отпуску ассистента кафедры СССР Налоеву с 18. I-49 г. по 18. II-49 г.

Основание: резол. директ. КГПИ Лебедева от 19.I-49 г.

Директор института П. Лебедев
Управ. делами Даусон

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Выписка из приказа по Кабардинскому государственному педагогическому институту от 8 апреля 1950 г. об увольнении Е. Д. Налоевой с работы ассистента кафедры истории СССР

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 20

По Кабардинскому государственному педагогическому институту
8 апреля 1950 г.

г. Нальчик

В соответствии со ст. 47 Кодекса Законов о Труде РСФСР, пункт «в» уволить с работы ассистента кафедры истории СССР Налоеву Е.Д. с 8 апреля 1950 года.

Бухгалтерии произвести расчет.

Основание: решение РКК от 7/IV-1950 г., протокол № 1.

Директор Кабардинского пединститута Лебедев

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Справка от 27 апреля 1950 г. Налоевой Е. Д., что она работала в Кабардинском государственном педагогическом институте в должности ассистента кафедры истории СССР в 1948–1949 учебном году

Министерство просвещения РСФСР
Кабардинский государственный педагогический и учительский институт

27 апреля 1950 г.

г. Нальчик, тел. 1-45

При ответе ссылаться на наш № 17/27

Справка от 27 апреля 1950 г. Налоевой Е.Д., что она работала в Кабардинском государственном педагогическом институте в должности ассистента кафедры истории СССР в 1948–1949 учебном году

СПРАВКА

Дана тов. Налоевой Е. Д. в том, что она работала в 1949–1950 уч. г. (учебном году. – *Сост.*) в качестве ассистента и выполнила следующее количество часов:

1. Семинары на II к. П.И.	72 час.
2. Зачеты практ. занят.	13,5
3. Семинары на II к. У.И.	22

4. Семинары на I к. УИ.	44
5. Руковод. по пед. практ. на I Ук.	252
6. Шк.	225
7. Консульт. по курс. раб.	8
Итого:	636,5 час.

Справка для предоставления в

Директор института Лебедев

Управ. делами Даусон

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Заявление Е. Д. Налоевой прокурору Кабардинской АССР старшему советнику юстиции А. Аргасцеву с жалобой о неправильном ее увольнении с работы ассистента кафедры истории СССР Кабардинского пединститута

ПРОКУРОРУ КАБАРДИНСКОЙ АССР

Ст. Советнику юстиции тов. А. Аргасцеву

От ассистента кафедры истории СССР Налоевой Е. Д.

Заявление.

8/IV-1950 года на основании решения РКК дирекцией Кабардинского госпединститута – я, ассистентка кафедры истории СССР – уволена с работы, как не пригодная к работе в вузе.

В этом факте я усматриваю следующие нарушения:

1. Согласно Устава вузов запрещается увольнение преподавателей в середине учебного года.

2. Создавать РКК о пригодности того или иного работника согласно статьи 47 КЗОТ – о труде, допускается лишь после 2-х или 3-х предупреждений.

За период моей работы с I/IX-1948 года по настоящее время мне не было сделано ни одного предупреждения. Ни разу кафедра, членом которой я являюсь, не обсуждала мою плохую или недостаточную работу.

Не было установлено никакого идеологического, методического или теоретического извращения в работе, если и иметь ввиду заключение доцента кафедры педагога т. Гурьянова В.В.

Тов. Гурьянов В. В. посетил семинарское занятие на 1-м курсе учительского института еще в октябре 1949 г. Он, не обнаружив никакого извращения в ведении семинара, установил, что семинар проходил по школьному методу.

Несмотря на мою просьбу провести методическое совещание о методах проведения семинарских занятий в помощь как мне, так и другим молодым специалистам, дирекция института отказала.

Вместо помощи, дирекция, нарушая решение кафедры о распределении учебной нагрузки между ее членами, лишила меня всех семинарских часов.

В результате этого я была лишена практической базы для перестройки школьного метода ведения семинара, как указывал доцент Гурьянов на вузовский метод.

С декабря месяца 1949 года не имела я ни одного часа по своей специальности – история СССР.

Это явно доказывает несправедливое и вместе с тем тенденциозное отношение дирекции ко мне.

3. В исключительных случаях, когда снимается преподаватель с работы, если это не связано с последующей репрессией уволенного лица, согласно Устава вуза,

оплата производится до конца учебного года. Вопреки этому положению и решению РККА, бухгалтерия института произвела расчет со мной по день увольнения с выдачей 2-х недельного пособия.

4. РККА была создана из лиц заинтересованных, с которыми я имела личные счета. Несмотря на мой протест, состав РККА не был изменен. Поэтому я не имела возможности привести свои доводы РККА дело рассмотрено заочно.

5. Решение РККА по определению моей «пригодности», как историка в составе одного физиолога, кабардиноведа и 2-х химиков при отсутствии специалистов по истории СССР, а также решения кафедры о плохой моей работе и несоответствии своему назначению считаю незаконным.

В таком случае дипломы и прочие документы об образовании становятся фиктивными. Я имею законченное высшее образование, успешно сдала кандидатский экзамен в аспирантуре по специальности, что определяет степень моей теоретической подготовленности.

6. Приказ об увольнении мне вручен еще утром 8 апреля 1950 года, а решение РККА до сих пор не могу получить по неизвестным мне мотивам. Сегодня уже 14 апреля.

7. Мое увольнение идет в разрез указанию Центрального Комитета ВКП(б) о выдвижении кадров коренной национальности.

Имея дважды высшее образование, проявляя усердие в дальнейшем повышении своей квалификации учебой в аспирантуре, я могла надеяться на помощь дирекции института, но не на увольнение. Это показывает несправедливое отношение дирекции ко мне, результатом которого является незаконное увольнение меня с работы.

8. Мотивы дирекции о том, что мое социальное происхождение и прошлое несоместимы с работой в вузе явно противоречит ст. 47 Кодекса Законов о труде п. 1-й.

Увольнение мое я рассматриваю не только формальным нарушением закона, но и направленным на срыв моей учебы в аспирантуре и получении ученой степени.

На основании всего вышеизложенного прошу Вас вмешаться в мое дело и оказать законное содействие по восстановлению меня на работе, как неправильно уволенную.

Ассистент кафедры истории СССР (Налоева)

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Письмо гражданке Налоевой Е. Д. от прокурора Кабардинской АССР,
старшего советника юстиции Аргасцева по поводу жалобы
о неправильном увольнении с должности ассистента кафедры истории СССР
Кабардинского пединститута**

1950 г. Гражданке Налоевой Е.Д.

№ 5ж-107 г. Нальчик, общежитие Пединститута ДИР.

В результате рассмотрения Вашей жалобы, о неправильном увольнении с должности ассистента кафедры истории СССР и ознакомившись с решением РКК при институте от 7/IV050 г. по поводу Вашего увольнения оснований для вмешательства прокуратуры не нахожу.

Если Вы не согласны с приказом директора института и решением РКК от 7/IV-50 г. с Вашим увольнением рекомендую обратиться в вышестоящую организацию в порядке подчиненности и в ЦК Союза работников высшей школы.

Прокурор Кабардинской АССР
старший советник юстиции

Аргасцев

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Письмо А. Н. Савченко, бывшего преподавателя Кабардинского государственного педагогического института К. К. Кошевому – заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии Кабардинского госпединститута от 10.11.1962 г.

Письмо А. Н. Савченко К. К. Кошевому от 10.11.1962 г. [1].
10 ноября 1962 г.

Глубокоуважаемый Константин Кузьмич!

Посылаю Вам брошюру П.В. Чеснокова «Логическая фраза и предложение» и свою – о частях речи.

Могу также сообщить Вам некоторые данные к характеристике преподавателя Вашей кафедры Гургена Петросяна. Вам, по-видимому, следует знать, что представляет собой работник Вашей кафедры.

Я знаю Петросяна потому, что я работал в Кабардино-Балкарском пединституте по сентябрь 1945 года. После того я работал в Черновицком университете. В 1950–51 году я вместе с некоторыми другими работниками Черновицкого университета выступал против произвола, деспотизма и несправедливости ректора (об этих его действиях позже было написано в газете «Правда Украины» за 4 февраля 1953 года. Чтобы отомстить мне, ректор осенью 1951 года командировал в Нальчик своего доверенного человека с поручением добыть компрометирующий материал на меня. Этот человек привез из Кабардино-Балкарского пединститута официальную справку, подписанную секретарем партбюро Г. Петросяном, в которой сообщалось, что я во время войны якобы дезертировал из армии, во время оккупации Нальчика немецкими войсками грабил имущество института, дружил и выпивал с немцами, получал от них какое-то снабжение и т. д., и много всяких других гадостей, вплоть до того, что моя жена жила с немецким офицером. Что все это сплошные выдумки, Вы можете видеть хотя бы из того, что я, несмотря на все старания ректора, остался незапятнанным в Черновицком университете, получил потом хорошую характеристику в этом же университете и в 1954 году был избран по конкурсу в Ростовском университете на должность заведующего кафедрой русского и общего языкознания. Но грязная клевета, написанная Г. Петросяном от имени партбюро пединститута, стоила мне больших трудов и тяжелых переживаний в течение почти года, в результате чего я заболел сердцем. Ректор, получив эту справку, развернул широкую кампанию за опорочивание меня и изгнание с позором из университета. В течение всего 1951/2 учебного года я, подвергаясь постоянно нападкам и оскорблениям, не мог заниматься научной работой или, хотя бы, готовиться как следует к лекциям, а только был занят разысканием доказательств, опровергающих клевету Петросяна. Наконец мне удалось разыскать документы о том, что я в 1942 году был возвращен из армии в распоряжение Нальчикского гор. военкомата, а не дезертировал из армии, получил также справку Кабардино-Балкарского обкома КПСС, объективно характеризовавшую мое поведение и образ жизни во время оккупации Нальчика, и некоторые другие документы, полностью восстановившие мое доброе имя.

Мне кажется, что Вам как заведующему кафедрой следует знать эти факты.

Уважающий Вас А. Н. Савченко

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. А. Н. Савченко, как становится понятным из текста письма, бывший преподаватель Кабардинского государственного педагогического института. Письмо адресовано Константину Кузьмичу Кошевому – работавшему заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии Кабардинского госпединститута, где работал также упоминаемый в письме Гурген Пагосович Петросян (к.и.н., доцент). Письмо представляет собой одну машинописную страницу текста, подписанную личной подписью А. Н. Савченко.

Протокол обыска в квартире Налоевой Евгении Джамурзовны сотрудниками 2 отдела МГБ КАССР 9 мая 1950 г.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1950 г. мая 9-го дня

гор. Нальчик

Я, начальник 2 отдела МГБ КАССР майор Пивоваров на основании ордера МГБ КАССР № 3624 от 2 мая 1950 г. в присутствии понятых сотрудников МГБ КАССР Муратова Г. А. и Павленко Р. А. произвел обыск в квартире гр-ки Налоевой Евгении Джамурзовны, проживающей: гор. Нальчик, Затишье. Дом Пединститута.

При обыске обнаружено и изъято для доставления в МГБ КАССР: 1. Паспорт сер. РФ № 548853 выд. I отд. РКМ СОАССР г. Орджоникидзе 10/VII-37 г. на имя Налоевой Е. Д.

2. Фотокарточки разные 8 (восемь) шт.

3. Деньги Советскими знаками на сумму 1487 руб. (одна тысяча четыреста восемьдесят семь руб.).

4. Диплом № 057208 и копия диплома об окончании Северо-Осетинского ин-та на имя Налоевой Евг. Дж.

5. Листок по учету кадров – один.

6. Выписка приказа по Кабард. гос. пединституту о назначении три шт. и об увольнении одна.

Жалоб и претензий на производство обыска

(заявлено)

Обыск произвел

Обыскиваемый

Понятые

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Заявление начальнику Березовского лаготделения капитану внутренней службы Вopilкину от заключенной Налоевой Евгении Джамурзовны

Начальнику Березовского Лаготделения капитану в/с (внутренней службы. – *Сост.*) Вopilкину з/к (заключенной. – *Сост.*) Налоевой Евгении Джамурзовны

Заявление.

30-VIII-55 г. распоряжением капитана Вострикова на меня наложено административное взыскание: лишение права переписки на 2 месяца. Капитан Востриков мотивирует свою меру наказания якобы моим отказом от работы.

Как Вам заявлено мною 24/VIII с/г (сего года. – *Сост.*) з/к Матуленко обокрала меня. В числе других вещей Матуленко похитила и мой головной платок, который был на ней, о чем официально было заявлено капитану Вострикову. Однако вместо принятия своевременных мер к розыску и пресечению явно уличенной в этой краже Матуленко, к-н Востриков снял меня с работы, перевел в производственную бригаду, где по состоянию здоровья я не могла работать, принудил выходить на работу без платка в осеннее время и в довершение своих несправедливых, жестоких мер, лишил меня права переписки.

Эти наказания, как и ранее наложенные на меня наказания: перевод в ШИЗО (штрафной изолятор. – *Сост.*) на 7 суток, на 3 суток считаю совершенно незаконными. Теперь, когда самим нач. Сано управления ИТЛ (санитарного управления исправительно-трудового лагеря. – *Сост.*) дана мне инвалидность с диагнозом: туберкулез легких и миокардит дистрофия сердца я полагаю, что Вы обратите должное внимание на мое заявление и поймете насколько несправедливым было отношение администрации ко мне.

Исходя из этого я прошу Вас снять с меня все эти наказания с изъятием документов о наложении на меня административных взысканий из личного дела.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Рапорт ст. инспектора медчасти врача Агабабова зам. начальника
Березовского лаготделения капитану Вострикову о состоянии здоровья
заключенных от 30 мая 1955 г.**

Зам. Начальника
Березовского лаготделения
капитану Вострикову
от и.о. ст. инспектора
медчасти врача Агабабова

Рапорт

В связи с улучшением состояния здоровья з/к з/к:

1. Пока С. Ф.
2. Дягович У. Ф.
3. Мягкова В. П.
4. Налоева Е. Д.
5. Манюшеки А. И.
6. Болбад Я. К.
7. Беншток Л. С.
8. Гомон П. К.

прошу их считать на основании приказа МВД № 0620 трудоспособными. Данные заключенные могут использоваться на легких физических работах.

30/V-55 г.

Ст. инспектор
Врач Агабабов

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Характеристика от 30 июля 1956 г. на гражданку Налоеву Евгению Джамурзовну,
в том, что она срок наказания отбывала в лагерном
подразделении АТ 247/7 с 2 июля 1956 года**

Характеристика

На гражданку Налоеву Евгению Джамурзовну, 1920 года рождения. В том, что она срок наказания отбывала в лагерном подразделении пз АТ 247/7 с 2/VII 1956 года.

Работала в качестве ... (неразборчиво. – А. М.) к своим обязанностям относилась добросовестно, работу знает. За период нахождения на данном подразделении нарушений трудовой дисциплины не допускала, взысканиям не подвергалась, в быту вела себя скромно.

К социалистической собственности относилась бережно, в общественных мероприятиях принимала участие.

Начальник л/подразделения п/я 247/7 майор	Богуш
Инструктор полит. отдела	Гордиенко
30/VII-1956 года	

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Справка Е. Д. Налоевой об освобождении, в том, что она содержалась в местах
заключения МВД с 9 мая 1950 г. по 29 августа 1956 г. откуда освобождена
по решению комиссии Президиума Верховного Совета СССР
от 27/VIII- 1956 года со снятием судимости**

СССР	
Министерство	БЮ/н
Внутренних дел	Справка № 019783
Управление ИТЛ «АГ»	
29 августа 1956 г.	

Выдана гражданке Налоевой Евгении Джамурзовне

год рождения 1920, национальность кабардинка

Уроженке сел. Старый Урух Лескенского р-на КАССР в том, что она содержалась в местах заключения МВД с 9 мая 1950 г. по 29 августа 1956 г. откуда освобождена по решению комиссии Президиума Верховного Совета СССР от 27/VIII –1956 года со снятием судимости.

Следует к месту жительства
гор. Сухуми Абхазской АССР

Начальник лагеря	подпись
(колонии, тюрьмы)	
Начальник отдела	подпись

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Почтовая карточка 4846 от Прокурора РСФСР Налоевой Е. Д.
в гор. Нальчик 12/VII-1963 г.**

Почтовая карточка 4946

Гор. Нальчик, КБАССР, ул. Советская, 29. Налоевой Е. Д.
Прокуратура СССР
Прокурор РСФСР
Москва, Центр, Кузнецкий мост, 13
Отдел по надзору за следствием в органах госбезопасности
№ 9/5-3231-62 12/VII-1963 г.

Ваша жалоба направлена на рассмотрение Прокурора Кабардино-Балкарской АССР. Куда и надлежит обращаться за справками и результатами.

Прокурор отдела О. Радзивилл

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Почтовая карточка 4991 от Прокурора РСФСР Налоевой Е. Д.
в гор. Нальчик 4/III-1963 г.**

Почтовая карточка 4991

Гор. Нальчик, КБАССР, ул. Советская, 29. Налоевой Е. Д.
Прокуратура СССР
Прокурор РСФСР
Москва, Центр, Кузнецкий мост, 13
№ 9/3231-62 4 марта 1963 г.

Сообщается, что Ваша жалоба о пересмотре дела, по которому Вы были осуждены в 1950 г., Прокуратурой РСФСР проверяется. Если у Вас имеются какие-либо дополнительные данные, сообщите нам.

Результаты Вам будут сообщены дополнительно.

Прокурор отдела подпись

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Почтовая карточка 4918 от Прокурора РСФСР Налоевой Е. Д.
в гор. Нальчик 25/III-1963 г.**

Почтовая карточка 4918

Гор. Нальчик, КБАССР, ул. Советская, 29. Налоевой Е. Д.
Прокуратура СССР
Прокурор РСФСР
Москва, Центр, Кузнецкий мост, 13
№ 9/5-3231-62 25/III-1963 г.

Сообщаю, что дело в отношении Вас направлено с протестом в Верховный Суд РСФСР, куда и надлежит обращаться за справками и результатами.

Прокурор отдела О. Радзивилл

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Почтовая карточка 4994 из Прокуратуры РСФСР Отдела по надзору
за рассмотрением в судах гражданских дел Налоевой Е. Д.
в гор. Нальчик 19/IV-1963 г.**

Почтовая карточка 4994

Гор. Нальчик, КБАССР, ул. Советская, 29. Налоевой Е. Д.
Прокуратура РСФСР
Отдел по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел
Москва, Центр, Кузнецкий мост, 13

Сообщается, что Ваша жалоба направлена при отношении от 19/IV-1963 г. за № 3п 5983-23 на рассмотрение Прокурора КБАССР. Куда и надлежит обращаться за справками и результатами.

Прокурор подпись

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Почтовая карточка из Верховного Суда РСФСР Налоевой Е. Д.
в г. Сухум 5/X-1963 г.**

Почтовая карточка

Гор. Сухум, ул. В. Пшавела, дом 22. Налоевой Евгении Джамурзовне.
Верховный Суд РСФСР
Москва, К-289, пл. Куйбышева, д. № 3/7

Сообщаю, что дело по кассационной жалобе дело по иску Налоевых Н. Д., А. Д. и Ф. Д. к колхозу «Шекер» о вз. 3220 назначено к слушанию в Верховном Суде РСФСР на 10 октября 1963 г. на 11 часов.

5/X-1963 г. № 21-38

Начальник канцелярии
Верховного Суда РСФСР подпись

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Справка Верховного суда РСФСР от 26 апреля 1963 г., что Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1963 г. постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 17 февраля 1951 года и Президиума Верховного Суда Кабардинской АССР от 30 июня 1956 года в отношении Налоевой Евгении Джамурзовны отменен и дело производством прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления. Налоева Е. Д. по настоящему делу реабилитирована

РСФСР
ВЕРХОВНЫЙ СУД
26 апреля 1963 г.
№ ОСЗ-85 Москва, К-289,
пл. Куйбышева, д. 3/7

СПРАВКА

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1963 г. постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 17 февраля

1951 года и Президиума Верховного Суда Кабардинской АССР от 30 июня 1956 года в отношении Налоевой Евгении Джамурзовны, 1920 года рождения отменен и дело производством прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Гражданка Налоева Е.Д. по настоящему делу реабилитирована.

Согласно материалам дела Налоева Е.Д. до ареста работала ассистентом кафедры истории народов СССР в Кабардинском государственном педагогическом институте.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР
Нк Печать
ВЕРХОВНОГО
СУДА РСФСР

Орлов

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Справка ВТЭК Министерство социального обеспечения Грузинской ССР
гор. Сухуми о признании Е.Д. Налоевой инвалидом второй группы
от 25 января 1961 г.**

Действит. до установленного срока переосвидетельствования

Министерство

Справка сер. № 140

Социального Обеспечения

(выдается на руки инвалиду)

Грузинской ССР

Сухуми

Гр. Налоева Евгения Джамурзовна

Врачебно-трудовая

Год рождения 1920 Акт № 197

экспертная комиссия

Освидетельствована 25/І-1961 г.

(ВТЭК)

Признана инвалидом (2) второй группы

№ 17

25/І-1961 г.

Назначен срок переосвидетельствования 25 января 1962 г.

Причина инвалидности общее.

Трудовая рекомендация

Указать условия и приметные виды труда.

Заключение ВТЭК об условиях труда лиц, частично утративших трудоспособность, является обязательным для администрации предприятий и учреждений при предоставлении этим лицам работы.

Из п. 16. Положения ВТЭК утвержденного СНК СССР.

5.ХІІ-1942 года № 1936

Нетрудоспособен

Председатель ВТЭК подпись

Секретарь подпись

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Справка КБГУ от 8 июля 1963 г. Налоевой Евгении Джамурзовне для предоставления в Сухумский Горсобес в том, что она действительно работала в КБГУ в должности ассистента кафедры истории народов СССР с окладом 1200 рублей в месяц с 1 сентября 1948-го по 29 августа 1956 г.

Министерство высшего и среднего
специального образования РСФСР
Кабардино-Балкарский
университет
8 июля 1963 г.
№ 93
Гор. Нальчик

СПРАВКА

Дана Налоевой Евгении Джамурзовне в том, что она действительно работала в КБГУ в должности ассистента кафедры истории народов СССР с окладом 1200 рублей в месяц с 1 сентября 1948-го по 29 августа 1956 года.

Справка дана для предоставления в Сухумский горсобес.

Начальник отдела кадров
КБГУ
Гл. бухгалтер

В. Тимофеев
П. Кудалиев.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Письмо начальника отдела аспирантуры управления кадров РСФСР
Министерство высшего среднего и специального образования М. Мальцева
Е. Д. Налоевой о выделении места в очную аспирантуру по специальности
«История СССР» при составлении плана приема на 1964 год. РСФСР**

Министерство высшего и среднего
специального образования
Управление кадров
14 II 1964 г.
№ II-14/69
г. Москва

т. Налоевой
Тырныауз, Баксанская, 13, кв. 15 [1].

Письмом Управления кадров от 13 января 1964 года № 11-14/69 Кабардино-Балкарскому университету сообщено, что Вам будет выделено место в очную аспирантуру по специальности «История СССР» при составлении плана приема на 1964 год.

Начальник отдела аспирантуры

М. Мальцев

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Указанный адрес принадлежал старшему брату Е. Д. Налоевой – Аслангери Налоеву. Видимо, он ею был указан при переписке в виду того, что после возвращения из гор. Сухума в гор. Нальчик у нее еще не было своего жилья и официального адреса. Часто ею также указывался в переписке адрес сестры – Налоевой Нафо (гор. Нальчик, ул. Советская, 39).

**Письмо Высшей аттестационной комиссии от 6 VII 1972 г.
ректору Кабардино-Балкарского государственного университета
профессору Керефову К. Н.**

Министерство высшего и среднего
специального образования СССР
Высшая аттестационная
комиссия
6 VII 1972 г.
№ Н-1
Москва, центр, ул. Жданова,
д. № 11

Ректору Кабардино-Балкарского
государственного университета
профессору Керефову К. Н.
копия: тов. Налоевой Е. Д.

При ответе ссылайтесь на наш № и дату.

Высшая аттестационная комиссия разъясняет, что кандидатские экзамены по философии и истории СССР, сданные Е. Д. Налоевой в 1949–50 гг. в Пятигорском педагогическом институте действительны и выданное ей удостоверение по форме № 6 соответствует установленному образцу.

Заместитель ученого
секретаря ВАК

П. Костычев

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Удостоверение Пятигорского государственного педагогического института
иностранных языков от 29 мая 1972 г. Налоевой Евгении Джамурзовне в том,
что она подвергалась кандидатским экзаменам в 1949–1950 гг.**

РСФСР
Министерство просвещения
Пятигорский государственный педагогический
институт иностранных языков

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано тов. Налоевой Евгении Джамурзовне.

В том, что она подвергалась кандидатским экзаменам и получила следующие оценки:

№	Наименование дисциплин	Оценка, дата	Фамилия, имя, отчество, ученое звание и степень членов экз. комиссии
---	------------------------	--------------	---

1.	Диалектический и исторический матер-м.	хорошо 27.09.49	
----	--	-----------------	--

2.	История СССР с др. времен до XVIII в.	хорошо 7.02.50	
----	---------------------------------------	----------------	--

Пятигорский госпед. институт ин. языков.

Пред.:

Комин В. В.

Зам. директора по научной работе, к.и.н.,

доцент

Арутюнян С.М.

Выдано на основании подлинных протоколов, хранящихся в архиве института.
Руководитель высшего учебного заведения, научно-исследовательского учреждения

Ученый секретарь Совета

подпись

29 мая 1972 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Выписка из приказа по Кабардино-Балкарскому государственному университету ректора КБГУ Х.М. Бербекова от 3 ноября 1964 г. о зачислении аспирантом Кабардино-Балкарского госуниверситета с отрывом от производства Налоевой Евгении Джамурзовны по специальности «История СССР».

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 347

по Кабардино-Балкарскому государственному университету 3 ноября 1964 г. § 2.

В соответствии с утверждением МВ и ССО РСФСР планом приема аспирантов в КБГУ на 1964 год и на основании результатов вступительных экзаменов и решения Приемной комиссии зачислить со 2 ноября 1964 года аспирантами Кабардино-Балкарского госуниверситета с отрывом от производства:

6. Налоеву Евгению Джамурзовну по специальности «История СССР»

Основание: протокол заседания Приемной комиссии КБГУ в аспирантуру от 2 ноября 1964 г.

Ректор КБГУ Х. Бербеков

Выписка верна:

Зав. канцелярией Е. Журтова

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Письмо отдела аспирантуры Кабардино-Балкарского госуниверситета Налоевой Е. Д.

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР
Кабардино-Балкарский госуниверситет
№ 9-3/950, гор. Нальчик, от 2 ноября 1964 г.
Тов. Налоева Е. Д.

Отдел аспирантуры Кабардино-Балкарского госуниверситета сообщает, что решением Приемной комиссии от 2 ноября 1964 г. Вы приняты в аспирантуру КБГУ с отрывом от производства по специальности «История СССР».

Зав. аспирантурой Т. Цагова

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Письмо начальника Планово-финансового Управления Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР Л. Карпова Налоевой Е. Д. от 8 мая 1965 г. о зачислении на повышенную стипендию в размере 100 рублей в месяц с 01.01. 1965 г.

РСФСР
Министерство высшего и среднего специального образования
планово-финансовое управление
8 мая 1965 г., № 12-1/228
г. Москва, Ленинский проспект, 6.
Тел. 1-90-69

гор. Сухуми
В. Псковели, 22
тов. Налоевой Е.Д.

В связи с вашим заявлением Планово-финансовое управление сообщает, что дано указание ректору университета о зачислении Вас на повышенную стипендию в размере 100 рублей в месяц с 01.01 – 1965 года.

Начальник Планово-финансового
Управления Министерства

Л. Карпов

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Выписка из протокола кафедры истории СССР от 13 января 1965 г. об утверждении темы кандидатской диссертации аспирантки «Кабарда в период русско-турецких войн второй половины XVIII в.».
Научный руководитель доктор исторических наук, профессор Анчабадзе З. В.

ВЫПИСКА

Из протокола кафедры истории СССР от 13 января 1965 г.
Слушали: Об утверждении темы кандидатской диссертации аспирантки Налоевой Е. Д.

Постановили: Утвердить тему кандидатской диссертации аспирантки Налоевой Е. Д. «Кабарда в период русско-турецких войн II половины XVIII в.». Научный руководитель доктор исторических наук, профессор Анчабадзе З. В.

Зав. кафедрой истории СССР
Доцент

Шикова Т. Т.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Выписка из приказа № 304 по Кабардино-Балкарскому государственному университету ректора КБГУ К. Керефова от 15 сентября 1969 г. о принятии с 10 сентября 1969 г. на должность ассистента кафедры истории СССР Налоевой Евгении Джамурзовны

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 304

по Кабардино-Балкарскому государственному университету

15 сентября 1969 г.

гор. Нальчик

§ 6

Налоеву Евгению Джамурзовну принять с 10 сентября 1969 г. на должность ассистента кафедры истории СССР с окладом 105 р. в месяц.

Основание: Заявление Налоевой Е. Д., представление зав. кафедрой Кумыкова Т. Х., декана Апажева М. Л., резолюция ректора Керефова К. Н.

Ректор КБГУ
Зав. канцелярией

К. Керефов
Т. Стеценко

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Характеристика от 15 декабря 1972 научно-педагогической, производственной общественной деятельности старшего преподавателя кафедры истории СССР КБГУ Налоевой Евгении Джамурзовны

Характеристика

научно-педагогической, производственной, общественной деятельности старшего преподавателя кафедры истории СССР Налоевой Евгении Джамурзовны

15 декабря 1972 г.

Налоева Е. Д. работает на кафедре истории СССР Кабардино-Балкарского государственного университета с 1970 г. С 10.XI-1970 по март 1971 г. – ассистент, а с марта 1971 г. по настоящее время занимает должность старшего преподавателя. Налоева Е. Д. читает курсы «История первобытного общества», «Русская палеография», проводит спецсеминары. Кроме того, она является руководителем педагогической практики студентов.

Лекции и семинары Налоева проводит на высоком научно-теоретическом уровне. В учебном процессе умело применяет наглядные пособия и кинофильмы, широко использует наглядные пособия и редкие источники.

Налоева Е. Д. принимает активное участие в общественно-политической жизни факультета. Являясь прикрепленной к академической группе, она ведет хорошую воспитательную работу среди студентов.

Налоева Е. Д. написала кандидатскую диссертацию на весьма актуальную тему: «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.». В своей диссертации она подняла очень интересные и малоизученные проблемы из социально-политической истории Кабарды XVIII в. Диссертация написана на основе многочисленных архивных источников, извлеченных из АВІР и ЦГВИА. По теме диссертации Налоева Е. Д. опубликовала ряд статей, получивших положительную оценку в научной и читательской общественности.

Налоева Е.Д. относится к своим обязанностям добросовестно и систематически повышает свой научно-теоретический уровень и педагогическое мастерство.

Характеристика дана для представления в Совет по месту защиты диссертации.

Ректор КБГУ, профессор	К. Керэфов
Секретарь парткома	В. Лесев
Председатель месткома	Б. Кумехов

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Решение Совета Кабардино-Балкарского государственного университета
от 26 июня 1973 г. о присуждении ученой степени кандидата
исторических наук Налоевой Евгении Джамурзовне**

Копия

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
ДИПЛОМ КАНДИДАТА НАУК
МИТ № 011151
Москва, 12 мая 1974 г.

Решением Совета Кабардино-Балкарского государственного университета от 26 июня 1973 г. (протокол № 3) Налоевой Евгении Джамурзовне присуждена ученая степень – кандидата исторических наук.

Председатель Совета	В. Тлостанов
Ученый секретарь	Т. Савченко

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Удостоверение факультета повышения квалификации преподавателей
высших учебных заведений Министерство высшего и среднего
специального образования СССР Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова**

Удостоверение № 17654

Выдано тов. Налоевой Евгении Джамурзовне.

В том, что она с 15 февраля 1978 г. по 17 июня 1978 г. являлась слушателем факультета повышения квалификации преподавателей вузов в МГУ по специальности «История СССР» и выполнила установленный для нее план учебной и научной работы (см. приложение).

Первый проректор МГУ член-корреспондент АН СССР Декан факультета повышения квалификации преподавателей вузов профессор	Е. М. Сергеев И. В. Ракобольская
--	---

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Отчет о работе ст. преподавателя кафедры истории СССР Налоевой Е. Д.

Отчет

о работе ст. преподавателя кафедры истории СССР Налоевой Е. Д.

I. Педагогическая работа.

1. На кафедре истории СССР с некоторыми перерывами работаю с 1948 г. Общий стаж в данном вузе около 22 лет.

2. Читаю курсы лекций по истории СССР с древнейших времен по 50-е годы XIX в., русскую палеографию, хронологию и метрологию, а также провожу практические занятия по указанным предметам.

3. На III и IV курсах веду спецсеминар по теме: «Крестьянские войны в России XVII века».

4. Ежегодно руковожу группой стажеров по педагогической практике, поддерживаю связи со школами города № 1, 2 и 23.

5. Занимаюсь подготовкой студенческих докладов к научно-студенческим конференциям. Всего за пятилетия подготовила 10 студентов к участию в названных мероприятиях.

6. За отчетный период рецензировала 11 кандидатских диссертаций, в том числе работы моих коллег: Соблирова М. З. Калмыкова Ж. А., Сокурова В. Н. и др.

7. Оказываю помощь студентам-выпускникам по написанию и рецензированию дипломных работ. Всего подготовлено и рецензировано мной за указанный период 12 и 9 дипломных работ соответственно.

8. В течение 7 лет бессменно была куратором академической группы (на 1-м курсе исторического отделения), за что приказом ректора КБГУ мне объявлена благодарность.

9. Мною изготовлено значительное количество наглядных пособий (схемы, карты, диаграммы и т. д.) по преподаваемым дисциплинам.

10. В целях усиления восприятия материалов читаемых курсов провожу коллоквиумы и индивидуальную работу со студентами.

11. В помощь учителям республики по линии ИУУ (институт усовершенствования учителей. – *Сост.*), читаю циклы лекций по истории СССР и истории первобытно-общинного строя.

12. Активно участвую во всех мероприятиях, проводимых факультетом и университетом, прилежно выполняю учебные планы и социалистические обязательства, за что в 1975/76 г. ректорат и факультет удостоил меня медали «Победитель соцсоревнования».

II. Научно-исследовательская работа.

Я занимаюсь проблемами истории Кабарды XVIII в., которым посвящен ряд публикаций.

1. «К вопросу о политическом и международном положении Кабарды в первой половине XVIII в.», размером в 1,5 п.л. (Ученые записки КБГУ. Вып. 40. 1969 г.).

2. «К вопросу о термине «кунак»», размером в 1,0 п.л. (Ученые записки КБГУ. Вып. 43. 1971 г.).

3. «К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в.», размером в 1,0 п.л. (Вестник КБНИИ. № 1. 1971 г.).

4. «К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в.», размером в 1,5 п.л. (Вестник КБНИИ. № 6. 1972 г.).

5. «Новые данные о Казанокко Жабаци», размером в 0,7 п.л. (г. «Кабардино-Балкарская правда». № 20. 1973 г. Ж. «Ошхамахо». 1974 г.).

6. На объединенном заседании Ученого Совета секторов периода феодализма и советского периода Института истории АН СССР прочла доклад на тему: «Система государственного управления в Кабарде в первой половине XVIII в.», получившей положительный отзыв.

7. К данному времени подготовлены к печати 4 работы:

а) для 4-х томной истории народов Северного Кавказа написала две статьи, объемом в 1,0 п.л. (§ 1 и 4, XV главы, I тома) «Турецко-крымская агрессия на Северном Кавказе в первые десятилетия XVIII в.», «Русско-турецкая война 1753–1739 гг. и народы Северного Кавказа»;

б) «Генеалогическая карта кабардинских князей», представляющая большой справочный материал с развернутой родословной картой со времени легендарного князя Кабарды Инала до первой четверти XIX в.;

в) статья «Основные причины обострения кабардино-русских отношений во второй половине XVIII в.», размером в 1,0 п.л.

Ст. преподаватель кафедры истории СССР Е. Д. Налоева

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Отчет о научно-педагогической работе старшего преподавателя кафедры истории СССР Е. Дж. Налоевой на 1970–1971 учебный год

Отчет

о научно-педагогической работе старшего преподавателя кафедры истории СССР
Е. Дж. Налоевой на 1970–1971 учебный год.

I. Выполнение учебной программы:

а) первый семестр на стационаре.

В истекшем учебном году мной прочитан курс русской палеографии на I и II курсах исторического отделения в объеме 36 часов на каждом, так и было предусмотрено планом кафедры. На обоих курсах экзамены были приняты, результаты могли быть значительно выше. Так на I курсе из 25 человек получили оценку «5» только пятеро, «4» – десять, «3» – 9 человек. На II курсе соответственно получили 8 отличных, 10 – хорошо, 3 – удовлетворительно и четыре человека – неудовлетворительные оценки.

Более успешному выполнению задач настоящей дисциплины препятствовал ряд обстоятельств. Во-первых, курсы не разбиты на группы для практических занятий. Обучение студентов чтению сложных скорописных текстов требует индивидуальной работы с каждым из них. В условиях, когда на курсе по 28–34 человек, практически невозможно уделить студенту хотя бы 2 минуты. Во-вторых, острый недостаток в альбомах, фотокопиях исторических источников снижает качество практических занятий. И, в-третьих, отсутствие учебников по палеографии принуждает педагога сокращать содержание лекции, порой диктовать, что сужает круг затрагиваемых вопросов. С другой стороны, сами студенты при подготовке к экзаменам вынуждены ограничиваться только своими записями, полноценность которых сомнительна.

В целях повышения качества преподавания в наступающем учебном году следовало бы устранить отмеченные помехи.

В том же семестре прочитан курс истории первобытного общества на I курсе исторического отделения в объеме 40 часов, приняты экзамены. Результаты таковы: три отличных, тринадцать хороших, пять удовлетворительных и четыре неудовлетворительных.

По окончании теоретических курсов и практических занятий у меня сложилось впечатление, что нынешний первый курс по своей общей подготовке не на высоком уровне;

б) по ОЗО (отделение заочного обучения. – *Сост.*) на I семестре читала курс истории первобытного общества. Курс очень большой – 99 человек. Еще летом были прочитаны им установочные лекции 10 часов и даны задания, указана литература. На зимней экзаменационной сессии дочитала оставшиеся 10 лекций и приняла экзамены. Итоги таковы: отличных оценок 14, хороших – 36, удовлетворительных – 30. Остальные не явились.

Чрезвычайно трудно в сжатые сроки принимать экзамены по курсу, где 99 человек, а практические занятия почти невозможно проводить.

II. Педагогическая практика:

(II семестр на стационаре).

С 9/II–10/III-1971 г. проходила учебную практику со мной группа студентов III курса исторического отделения в 7 человек. Практика показала хорошую подготовку группы студентов, дисциплинированность и работоспособность. Практиканты получили за практику отличные оценки. Администрация школы № 2, где мы проходили практику, высоко оценила практикантов.

По ОЗО во втором семестре прочитан мной курс лекций по русской палеографии на II и III курсах исторического отделения и проведены практические занятия в объеме 18 часов на каждом. Вряд ли можно считать полноценными практические занятия по палеографии на курсах, где по 80–100 человек и это сказалось на итогах летней экзаменационной сессии.

III. Научно-исследовательская работа:

С I/IV–15/V 1971 г. была в научной командировке в московских архивах. Я работала в Архиве внешней политики России, в Центральном государственном военно-историческом архиве и в научной библиотеке им. В.И. Ленина. Собранные мною материалы заполняют имевшиеся в моей диссертации белые пятна, а также позволяют в хронологическом порядке проследить ход исторических событий. Кроме того, написала статью «Институт балета у кабардинцев» (видимо опечатка – не балета, а барамта. – *Сост.*), которую думаю опубликовать в этом, в 1971 году. Главная моя задача – завершить свою диссертацию и предоставить ее на обсуждение. Для этого – мне не хватает времени. По сути дела у меня нет и профессионального отпуска, т.к. фактически на ОЗО я занята по 12/VII, а с 28/VII подготовкой к вступительным экзаменам, которые оканчиваются лишь 26/VIII с/г. С I/IX начинаются практические занятия и лекции на 3-х курсах. Я бы просила кафедру пойти мне на встречу, т.е. несколько разгрузить меня с тем, чтобы я могла уделить больше внимания завершению диссертации.

IV. Воспитательная работа:

В процессе чтения теоретических курсов воспитательная работа проводилась в строгом соответствии с марксистско-ленинской методологией, вырабатывать у студентов чувства патриотизма и пролетарского интернационализма, чувство гордости за свою родину, подражая выдающимся личностям наших народов.

Всего за истекший учебный год было запланировано 568 часов лекционных, практических и семинарских занятий фактическое выполнение составляет 652 часа, что на 100 часов больше.

Ст. преподаватель

кафедры истории СССР

Е. Д. Налоева

1971 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Отчет о научно-педагогической работе ст. преподавателя кафедры истории СССР дооктябрьского периода Налоевой Е. Д. на 1975–1980 годы

Отчет

о научно-педагогической работе ст. преподавателя кафедры истории СССР дооктябрьского периода Налоевой Е. Д. на 1975–1980 годы.

Учебная работа.

На кафедре истории СССР я работаю с 1948 г. В настоящее время по штату числюсь старшим преподавателем.

В течение 1975–1980 гг. читала ряд лекционных курсов: история СССР с древнейших времен по 50-е годы XIX в., русская палеография, хронология, метрология, а также проводила по этим дисциплинам практические занятия, как на стационаре, так и на ОЗО.

Кроме того, все эти годы вела на III курсах исторического отделения спецсеминар по теме: «Крестьянские войны в России».

По всем преподаваемым мной предметам составляла рабочие программы. Ежегодно, в течение отчетного периода, руководила группой студентов, которые писали дипломные и курсовые работы, доклады для научных студенческих конференций и студенческим историческим кружком.

С 1978 г. руковожу архивно-музейно-экскурсионной практикой студентов III курса. Впервые в практике нашего университета в 1979 г. организовала поездку в гор. Ереван, где студенты получили богатейшую экскурсионную практику.

В 1978 г. (с 15/II–15/VI) окончила ФПК (факультет повышения квалификации. – А. М.) при МГУ.

Научно-исследовательская работа.

В течение 1975–1980 гг. наряду с учебной работой я проводила определенную научно-исследовательскую работу.

1. Подготовила к печати учебное пособие по русской хронологии.
2. Для 4-х томного издания истории народов Северного Кавказа написала раздел объемом в 1 п.л.
3. Сборник статей Кабардино-Балкарского НИИ поместил мою статью «Об особенностях кабардинского феодализма» в 1,5 п.л.
4. В 1979 г. на Всесоюзной научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» прочла доклад на тему: «Участие кабардинцев в русско-турецких войнах XVIII века».
5. В соавторстве с Т.Х. Кумыковым и Ж.А. Калмыковым составила методическое пособие: «Тематика контрольных работ по истории СССР с древнейших времен по 50-е годы XIX в.» (находится в производстве).
6. На постоянно действующем научном семинаре при кафедре истории СССР дооктябрьского периода в 1979 г. прочла доклад на тему: «Особенности и формы феодального землевладения в дореформенной Кабарде».
7. На региональной научной конференции «Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа» я сделала доклад на тему: «Вопросы феодального землевладения в Кабарде в современной советской историографии». Тезисы этого доклада опубликованы в сборнике Дагестанского филиала Академии наук СССР в 1980 г.

8. По плану Института усовершенствования учителей прочла цикл лекций для учителей ср. школ Кабардино-Балкарии об особенностях кабардинского феодализма.

9. Во дворце культуры курорта «Нальчик» прочла цикл лекций на тему: «Проблемы современной советской семьи» в 1979-м и 1980 гг.

10. В настоящее время работаю над темой: «Этногенез адыгов и обособление Кабарды от Западных адыгов».

11. За отчетный период рецензировала ряд кандидатских диссертаций:

а) *М. Х. Герандоков*. Становление и развитие социалистической культуры Кабардино-Балкарии (1922–1947);

б) *Е. Х. Мельниченко*. Развитие русско-осетинских культурных связей в 60–90-х годах XIX в.;

в) *Г. И. Кусов*. Развитие русско-осетинских культурных связей в 30–60-х годах XIX в.;

г) *Т. Х. Муталиев*. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.;

д) *Г. А. Гантемирова*. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России.

Общественная работа.

На протяжении 1975–1980 гг. я была куратором на 1-м курсе исторического отделения. В феврале текущего года я освобождена от кураторства в связи с болезнью.

Как куратор и член кафедры я активно участвовала во всех мероприятиях, проводимых кафедрой, деканатом и университетом.

Ст. преподаватель кафедры

истории СССР дооктябрьского периода Е. Д. Налоева

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 37, инв. № 3028.

Отчет об учебно-методической, научно-исследовательской и общественно-воспитательной работе ст. преподавателя кафедры истории СССР дореволюционного периода Налоевой Е. Д. за время с 1984–1989 годы

Отчет

об учебно-методической, научно-исследовательской и общественно-воспитательной работе ст. преподавателя кафедры истории СССР дореволюционного периода Налоевой Е. Д. за время с 1984–1989 годы.

I. Научно-методическая работа.

На кафедре истории СССР дореволюционного периода я работаю с 1 сентября 1948 года. В течение отчетного периода я читала следующие лекционные курсы: «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века», «История СССР XVIII века», «Русская палеография», «Хронология и метрология», «Введение в специальность», «История Кабардино-Балкарии дореволюционного периода», а также проводила практические занятия по всем указанным выше учебным дисциплинам. Кроме того, вела спецсеминары по важнейшим проблемам отечественной дореволюционной

истории для студентов III–IV курсов очного и заочного видов обучений исторического факультета: «Крестьянские войны в России в XVIII веке», «Первая крестьянская война в России», «Реформа первой четверти XVIII века в России».

Ежегодно готовлю к дипломной защите 5–6 выпускников очного и заочного видов обучения, с которыми поддерживаю связь по линии института стажорства. В частности, посещаю их уроки в школах, оказываю посильную научно-методическую и практическую помощь.

По всем преподаваемым мной учебным дисциплинам составила «Учебно-методические комплексы», теперь – «Рабочие программы» и «Календарно-тематические планы работ».

В меру своих возможностей пытаюсь совершенствовать методику чтения лекций, проведение семинаров и практических занятий, т.е. учебный процесс в целом. В этих целях применяю на своих занятиях ТСО (технические средства обучения. – *Сост.*) и учебные фильмы, которые, к сожалению, не отвечают современным требованиям по количеству и техническим данным.

Ежегодно практикую чтение открытых лекций с последующим обсуждением на кафедре, а также сама принимаю участие в прослушивании и обсуждении лекций и семинарских занятий своих коллег.

В своей преподавательской деятельности определенное внимание уделяю учебно-методической работе. В соавторстве с Ж. А. Калмыковым разработала и опубликовала методическое пособие «Тематика контрольных и курсовых работ по истории СССР», ч. I. В настоящее время подготовила к печати «Методические указания» по организации, проведению и контролю нового компонента учебной программы «индивидуальная работа студента» (текст прилагается).

II. Научно-исследовательская работа.

За отчетный период мною опубликовано три научных статьи:

1. Кабардино-русское боевое содружество в XVIII веке – Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1985.

2. Документальные данные о Казанко Жебаги. – Жебаги Казанко. Нальчик, 1987.

3. Северный Кавказ в период Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988.

4. Статья «Страницы прошлого Кабарды / К 250-летию Белградского мирного трактата. Находится в производстве. Текст статьи прилагается.

В 1985 г. выступила на Региональной научной конференции, посвященной жизни и деятельности выдающегося общественно-политического деятеля Кабарды XVIII века Казанко Жебаги с докладом «Документальные данные о Казанко Жебаги». В 1989 г. выступила на республиканской научной конференции, посвященной 125-летию окончания Кавказской войны с докладом о причинах и начале этой войны.

Участвую в работе научного семинара «История народов Северного Кавказа» (руководитель проф. Т.Х. Кумыков). В частности, в апреле 1989 г. я сделала доклад на тему: «Генеалогия кабардинских князей – важнейший исторический источник по истории родного края».

III. Общественная работа.

...ее пределами (часть текста отсутствует. – *А. М.*). В частности, я побывала со студентами (кратковременные и продолжительные экскурсионные поездки) в Абхазии, Армении, в городах Кисловодск, Пятигорск, Георгиевск и др. В настоящее время являюсь куратором I курса историков и, как обычно, полна забот хлопот.

Определенную работу проводила и провожу и по профориентации учащихся средних школ республики. Так, я участвовала в проведении Олимпиады по истории среди выпускников средних школ Баксанского района, выступала на слетах десятиклассников Терского и Баксанского районов.

Е. Д. Налоева,
1990 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 37, инв. № 3028.

Удостоверение Налоевой Евгении Джамурзовне в том, что она с 15 февраля 1978-го по 17 июня 1978 г. являлась слушателем факультета повышения квалификации преподавателей вузов в МГУ по специальности «История СССР»

Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Приложение к удостоверению № 17654

Москва, 1978 г.

Выдано Налоевой Е.Д. в том, что она в качестве слушателя факультета повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с 14 февраля по 14 июня 1978 г. прослушала следующие дисциплины по специальности «История СССР»:

Наименование дисциплины	Объем в часах
I. Вопросы методологии и истории историч. науки	60
II. Важнейшие проблемы современной историографии отечественной истории:	
Период феодализма	28
Период капитализма	52
Советский период	
III. Методика преподавания истории СССР в университете	6
IV. Семинары по методике преподавания истории СССР	36
V. Музейно-экскурсионная работа	104
VI. Работа в архивах по индивидуальному плану	126
VII. Психолого-педагогические основы обучения в высшей школе	
VIII. Мастерство речи лектора	
IX. Использование кино и диапозитивов в учебном процессе	
X. Введение в информатику	
XI. Вычислительные машины и их использование	
XII. Применение технических средств в учебном процессе	

Декан Исторического факультета МГУ
профессор Ю. С. Кукушкин

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Письмо из Института истории СССР АН СССР Налоевой Е. Ж.
о совещании руководителей и авторов глав первого тома региональной
«Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней»
31 января – 2 февраля 1977 года в г. Махачкале с участием
главного редактора – академика Б. Б. Пиатровского**

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19
Институт истории СССР АН СССР
Кабардино-Балкарский государственный университет
кафедра истории СССР
Налоевой Е. Ж.

Уважаемая Евгения Джамурзовна

31 января – 2 февраля 1977 года в г. Махачкале состоится совещание руководителей и авторов глав I тома региональной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней» с участием главного редактора – академика Б. Б. Пиатровского и его заместителей. На этом совещании будут рассмотрены все вопросы для выработки конкретных мер по своевременному написанию и представлению глав.

Убедительно просим Вас связаться с авторами Вашей главы и срочно подготовить и выслать в институт Истории СССР перечень вопросов, которые, по Вашему мнению, могут быть обсуждены на данном совещании. Одновременно просим сообщить директору Института ИЯЛ тов. Гамзатову о своем приезде для бронирования мест в гостинице.

С искренним уважением

Ученый секретарь по координации
научно-исследовательских работ к.и.н.

Г. Е. Трапезников

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Справка Комитета госбезопасности КБССР Налоевой Е. Д.
от 11 марта 1992 г. для предъявления в органы социального обеспечения**

КОМИТЕТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
Кабардино-Балкарской ССР,
гор. Нальчик, пр. им. Ленина, 51
№ Н-3

11 марта 1992 г.

СПРАВКА

Дана НАЛОЕВОЙ ЕВГЕНИИ ДЖАМУРЗОВНЕ 1920 г.р. урожен. сел. Старый Урух, Лескенского района, КБАСР в том, что она была репрессирована по политическим мотивам 17 февраля 1951 г., привлечена Особым Совещанием при МГБ СССР к внесудебной ответственности по ст. 58-10 ч. I УК РСФСР и осуждена к лишению свободы сроком на 8 (восемь) лет, с зачетом отбытия наказания с 09 мая 1950 года.

Из мест лишения свободы освобождена 29 августа 1956 г.

Реабилитирована в 1963 г. определением судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР.

Справка дана для предъявления в органы социального обеспечения.

Председатель КГБ КБССР

В. М. Новодничий

Копия верна:

Начальник Управления

социального обеспечения г. Нальчика

М. Н. Ашинова

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

**Справка Комитета госбезопасности КБССР Налоевой Е. Д.
от 31 марта 1992 г. для предъявления в органы социального обеспечения**

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ

Кабардино-Балкарской ССР

Г. Нальчик, проспект им. Ленина, 51

31 марта 1992 г.

№ Н-3

СПРАВКА

Дана НАЛОЕВОЙ ЕВГЕНИИ ДЖАМУРЗОВНЕ, 1920 года рождения, уроженке сел. Старый Урух Лескенского района КБАССР в том, что она была репрессирована по политическим мотивам 03 октября 1942 г., привлечена НКВД СОАССР к внесудебной ответственности по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР и осуждена к лишению свободы сроком на лет, с зачетом отбытия наказания с 3 октября 1942 г.

Из мест лишения свободы освобождена 27 апреля 1943 г.

Реабилитирована в 1943 г.

Справка дана для предъявления в органы социального обеспечения

Министр

В. М. Новодничий

Копия верна:

Начальник управления

социального обеспечения г. Нальчика

М. Н. Ашинова

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027.

Раздел VIII

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. Д. НАЛОЕВОЙ

Апшева Мадина.
Евгения Джамурзовна Налоева

Евгению Джамурзовну я узнала, став студенткой исторического факультета КБГУ, в 1984 г. Но дружить с ней я стала только через год после окончания университета, т.к. она казалась мне каким-то далёким недоступным идеалом и я не смела даже подумать о том, чтобы сократить дистанцию между нами. И даже когда мы начали общаться ближе, я называла её только по имени-отчеству.

Буквально с первых минут её первых лекций, даже для таких несмышлёнышей как мы, первокурсники, было понятно, что это необыкновенный человек. Конечно, я тогда не могла чётко сформулировать для себя, в чём именно эта необычность, но интуитивно я понимала это совершенно чётко.

Евгения Джамурзовна была, прежде всего, Личностью – необыкновенно сильной, цельной, сложной и многогранной. Конечно, интеллектуально она была на голову выше всех, но главным её отличием от других, на мой взгляд, была её необыкновенная врождённая внутренняя интеллигентность. Это была именно природная черта, а не просто долготелняя привычка следовать определённым правилам. А её личным подвигом было то, что она сумела сохранить в себе это свойство, несмотря на все перипетии своей удивительной трудной жизни. Её речь, все её манеры говорили о том, что она из другого более совершенного мира. Во всяком случае, я её воспринимала именно так.

Евгения Джамурзовна как преподаватель всегда была очень требовательна и строга, никогда не миндальничала со студентами, не стремилась к дешёвому популизму среди них, но при этом студенты её всегда любили, т.к. она же была и абсолютно понимающим человеком, её помощь была всегда своевременной и весомой.

Евгению Джамурзовну я считаю не только своим Учителем, но и духовным наставником, потому, что именно она научила меня тому, что мир, а значит, и история, яркий, разный, и его нельзя понять, если видеть и оценивать его только в чёрно-белых красках. Точно помню ситуацию, которая подвела меня к этому пониманию. Евгения Джамурзовна читает лекцию о декабристах. Когда она доходит до вопроса о следствии по их делу, она зачитывает несколько отрывков из воспоминаний самих декабристов и следователей о том, как вели они себя во время допросов – выдавали друг друга, каялись перед царём, просили прощения, и т.п., т.е. часто вели себя малодушно. Она читала это по одной очень редкой книге дореволюционного издания, которая была у неё. То есть эта книга, во-первых, в корне противоречила утвердившемуся в советской историографии взгляду на декабристов как на первых революционеров-борцов с самодержавием и героев. Во-вторых, в библиотеке взять и прочитать эту книгу, было невозможно, это была редкая антикварная книга. И для меня, вчерашней

школьницы, воспитанной на официальной точке зрения и фильме «Звезда пленительного счастья», лекция Евгении Джамурзовны стала настоящим открытием и культурным шоком. (Ведь тогда ещё у нас не было интернета и того моря разнообразной и противоречивой информации, как сейчас). Я слушала Евгению Джамурзовну с округлившимися глазами и открытым ртом, спросила, как же так, неужели это правда, ведь нас учили совсем другому. Во время этой лекции меня совершенно чётко озарила мысль о том, что на каждое событие и каждого человека можно посмотреть, по крайней мере, с двух разных точек зрения и что в мире есть место всему, надо видеть этот мир в его разнообразии, и давать себе интеллектуальный труд анализировать самые разные его стороны. Главный урок этой лекции применительно к декабристам, в том, что, несмотря на всё то, что я знаю сейчас о них, это не мешает мне смотреть «Звезду пленительного счастья» обливаясь слезами.

Разнообразие мира очень гармонично сочеталось в самой Евгении Джамурзовне. Во время общения с ней я неоднократно ловила себя на мысли о том, что в ней очень органично сочетаются европейское образование и культура и адыгская культура и менталитет. В университете она была абсолютно европейским передовым человеком, космополитом, в лучшем смысле этого слова, а дома она была настоящей кабардинкой. Евгения Джамурзовна умела быть и старшей, и младшей. Несколько раз мне приходилось быть свидетельницей её разговоров с сестрой и другими родственниками. При этом разговор происходил чаще всего на кабардинском языке, с применением традиционных речевых оборотов и словесных формул, соответствующих ситуации – со старшими могла быть послушной и покладистой, с младшими – доброй и терпимой. Но при необходимости могла и поспорить и поставить на место собеседника. Была очень гостеприимна, даже с нами, своими студентами, бывшими и настоящими. Обязательно всех накормит, угостит чем-то. Наверное, все кто у неё бывал, помнят её чудные пироги с сыром и зеленью. Её дом был открыт для всех – и для студентов, и для солидных состоявшихся людей – учёных, художников, музыкантов, поэтов. С каждым она могла не просто поддержать беседу, а каждому было интересно слушать её – её оценки, суждения, мысли, которые часто бывали более новаторскими, чем у молодых. При этом она никогда не играла на публику, не выпячивала себя, не занималась самолюбованием, она придерживалась того принципа, что не люди для неё, а она для людей – качества настоящего интеллигента. Духовный вакуум, который образовался в интеллектуальной жизни республики с её уходом, будет заполнен ещё не скоро.

Думэныц Iзулэдин.

Убых лъапэрыфэ.

1993 гъ., гъатхэ, Налщыч

Къэйсэр хасэм дригъэблэгъауэ «Кабардинкэ» къэфакIуэ ансамблър Тыркум дыкIуэн хуейуэ щытт. А Iуэхум ирихьэлIэу си деж Сэралъп Алберт къэкIуащ, «Нэло Женэ къыпхуэзэну хуейт Iуэху гуэркIэ» – жиIэри.

А махуэ дызэм Албертрэ сэрэ теддзэри Женэ и унэм дыкIуащ. ДыздэкIуам дригъэблэгъащ – шей Iэнэ дахэ къытхуиухуауэ шейфэ уэршэрыр здекIуэкIым,

Женэ кызыуэпщIащ: «Тыркум фыкIуэу зэхэсхащи, пэж?» – жери. «Пэжщ, докIуэр», – щыжысIэм, абы кыпищащ мыпхуэдэу: «Мазэ ипэ ди лъэпкыгъухэм срагъэблагъэри Тыркум сыщыIащ. СагъэхьэщIащ сагъэлъэпIащ, си нэгу зрагъэужьащ – фIыуэ щыIэр Тхьэм къахуищIэ. Ар Iуэхум ипэращ».

«Мыдрейуэ ныбжесIэнур гъэщIэгъуэн кысщыхъуа Iуэхугъуэщ. Тыркум Iескищыхьэр жаIэри зы квалэшхуэ щыIэщ. Абы ди лъэпкыгъу шапсыгъхэр куэдэ дэщ. Хэгъэрей шапсыгъхэм сыздагъэхьэщIэм джэгущхуэ кызащIэкIащ, «ухэку хьэщIэш» жаIэщ аби. Джэгур щаублэм пхьэбгъум пхьэкI IурыгI яIыгъуэ лIитI ину теуIуэу щIадзаш, ритмкIэ гум и кьеуэкIэм техуэу пIэрэ жыпIэу. Пшынэр абы кыыхьэжащи, игъащIэми зэхэзмыха пшыналъэ къраш. Утыкум зы хьыджэбзрэ зы щIалэрэ хьэтиякIуэм къришащи, сымылъагъуххар абы я къэфэкIэраш. Си нэр тедияуэ соплъ, содалуэ, – сыздэщыIэр сщыгъупщэжарэ зызымыщIэжу, уэгум урахъауэ укыщрахьэкI хуэдэт. Сыту къафэ дахащэ, сыту гъэщIэгъуэн а слъэгъуар. Апхуэдэ къафэкIэр дэ диIэжкыым. Тхьэр узогъэльэIу, Тыркум фыкIуэмэ, Iескищыхьэр дыхы а къафэр зэгъэлыагъу, зэгъащIи, Хэкум къэшэжи щыгъэувыж».

ЗэрыгурыIуэгъуэщи, мыпхуэдэ псалъэхэр дызыхуейуэ тхуэмыгъуэт зыгуэрти – ар пщыгъупщэнт, е пхьэтэпэжмышь пщIынт. Тыркум дыщыIэу Iескищыхьэр дыкыщыхутэм, къафэ гъэщIэгъуэныр зэдгъэлыагъуш, зэдгъащIэри Хэкум щыдгъэувыжа хъуащ. Iескищыхьэр щыпсэу адыгэхэм я нэхьыбэр убыхщ, шапсыгъ псэлъэкIэр къащтауэ. Абы кыыхэкIыу къафэм «убых лъапэрыфэ» цIэри игъуэтащ. ПхьэтIарпIри (пхьэкIри) абы лъандэрэ ди пшыналъэ Iэмэпсымэхэм кыыхэтIысхьэжаш.

Нобэ зы джэгуй, гуфIэгъуэ дауэдапщи щыIэкъым убых лъапэрыфэр щамыгъэзащIэу – кыщымыубыхуэ.

Ар зи фIыщIэ цIыхубз щэджащэм и хьэдыхэр фIы, дахэ Тхьэм ищI!

Ауладин Думанишев.

Убыхский танец тляпарифа (лъапэрыфэ).

1993 г., весна. Нальчик

(Перевод с кабардинского на русский язык Ларисы Маремкуловой)

Ансамбль «Кабардинка» готовился к поездке на гастроли в Турцию по приглашению хасы города Кайсары. Незадолго до отъезда ко мне пришел Альберт Саральп и сообщил, что со мной желает встретиться Женя Налоева.

В тот же день мы с Альбертом отправились домой к Жене. Хозяйка приняла нас, как всегда, радушно, накрыла чайный стол. За непринужденным разговором она спросила: «Слышала, вы в Турцию едете?» Я подтвердил, и она продолжала: «Я была там месяц назад, меня соотечественники пригласили. Приняли меня с почестями, много интересного показали, пошли им Бог всех благ. Это первое. Еще хочу сказать, что меня там поразило.

Есть в Турции город, который зовется Эскишехер (Iескищыхьэр). Там много наших соотечественников-шапсугов. Здесь тоже меня приняли с почетом, как гостью с Родины, устроили в мою честь джэгу. Во время танцев двое мужчин отбивали ритм палочками по деревянной доске – это очень напоминало сердечный ритм. Вступила гармошка и заиграла незнакомые для меня мелодии. Хатияко-

распорядитель вывел в круг молодую пару, и они танцуют кафу, которой я в жизни не видела. Я не могу оторвать от них взгляд, кажется, я в забытьи и парю где-то в небесах. Какой красивый и необычный танец! У нас он давно утерян. Богом тебя прошу, когда будешь в Турции, съезди в Иескищыхьэр, посмотри этот танец, разучи его. Когда вернетесь, ты сможешь его здесь поставить».

Понятно, что такие слова для нас дорогого стоят, забыть их или пренебречь было бы невозможно. Мы выполнили наказ Жени: съездили в тот город, увидели и разучили танец, а потом включили его в репертуар «Кабардинки». В Иескищыхьэр живут в основном убыхи, но говорят они на шапсугском наречии. Потому и получил у нас этот танец свое название – убыхский тляпарифа, если точно – убыхский танец на пальцах. И деревянные палочки – пхьэтIарпI – вернулись в число наших музыкальных инструментов.

И сегодня ни одно торжество, ни одна свадьба не обходится без этого танца убыхов, без духа убыхского.

Это память об удивительной женщине, благодаря которой танец вернулся на родину.

Нащэ жылэ

СагъэтIысауэ а щыIэжьым сыщыщыIэм щыгъуэ си анэм тхыгъэ нысхуригъэхьат, тхыгъальгэм нащэ жылэ цыкIуищи дэлъу, тхыгъэм мыпхуэдэу иту: «А тIасэ, а уздэщыIэ щыIэжьым нащэ кыщыкIыу зиужьынукъым, ауэ мы нащэ жылэ цыкIуищыр хэси къэкIмэ уепэмурэ ди Къэбэрдейм, ди щыIм и мэр къыпщIихьэнщ» - жиIэу. Бэракым укыщIэкIым шындэбзиймкIэ дыгъапIэм щыхэссэщ, кыххэжри и тхьэмпэ цыкIухэм сепэму сыгъуу Iэджэрэ сыщхьэщысащ. Мы хыбарыр Налю Женэ и гъащIэм щыщу езым сэ къисхуиуэтэжаш.

Семена огурца

(Перевод с кабардинского на русский язык Ларисы Маремкуловой)

Когда я отбывала срок в суровых краях, мать прислала мне письмо, в котором между листками лежали три огуречных семечка. Она писала: «В тех местах, где ты находишься, огурец не сможет взрасти и вызреть. Но все же посади эти три семечка, если взойдут – будешь нюхать и чувствовать дух Кабарды, запах родной земли». Я посадила семена за баракком, там, где иногда пригревало солнце. Появились всходы, и я часто садилась на землю, нюхала листочки и обливалась слезами.

Этот эпизод из своей жизни мне рассказала сама Женя Налоева.

Хамид Кажаров.

Фрагменты из эссе о Налоевой Евгении Джамурзовне

Есть такая теория: в этом мире не происходит ничего случайного, и если тебе суждено с кем-то встретиться, то обязательно так или иначе это случится.

Не знаю, насколько это правда. Но с уверенностью могу сказать: для меня много значило знакомство и общение с Налоевой Евгенией Джамурзовной. И считаю для себя большим везением, что на протяжении довольно длитель-

ного времени я работал с ней в одном коллективе (это бывший историко-филологический факультет КБГУ). Я и сейчас, оказавшись перед тем или иным нелегким выбором, мысленно советуясь с ней, думаю, а что Евгения Джамурзовна сказала бы по этому поводу, как она отнеслась бы к этому? И, признаюсь, это нередко выручает.

1.

Я преподавал в КБГУ с 1967-го по 2013 год. И на протяжении десятилетий имел возможность общаться с Евгенией Джамурзовной.

Здесь важно и такое обстоятельство.

Еще учась в седьмом-восьмом классах Исламейской средней школы, я стал заносить в особую тетрадь свои каракули (с детства у меня был жуткий почерк), в твердой уверенности, что это – стихи. Исписав общую тетрадь, мне захотелось познакомить с ее содержимым поэта Бетала Куашева. Куашев передал тетрадь Зауру Налоеву, который терпеливо разбирал мои опусы и при этом разъяснял мне, какими должны быть стихи – если это стихи. И с тех пор Заур Налоев стал для меня непререкаемым авторитетом. Я смотрел на него как на мэтра. И это не могло не сказаться на мое подчеркнуто почтительное отношение к его близкой родственнице.

И это не все.

Учась в аспирантуре, я познакомился и подружился с Русланом Кимовым, тоже аспирантом, мать которого, урожденная Налоева Арфужан, приходилась Евгении Джамурзовне двоюродной сестрой. Мы с Русланом жили в общежитии в одной комнате, а по соседству с нами, на том же этаже, находилась и комната Евгении Джамурзовны. И мы с Русланом по вечерам часто захаживали к ней, как говорится, на чашку чая. Так что я не понаслышке знаю о кулинарных способностях Евгении Джамурзовны.

Безусловно, эти два обстоятельства очень сильно поспособствовали тому, чтобы у нас с Евгенией Джамурзовной сложились тесные дружеские отношения.

Бывало, мы всей компанией отправлялись к Зауру на улицу Горького. Провожая нас, он обычно говорил:

– Ну, мои хорошие, раз вы так крепко дружите, вам надо получить квартиры в одном доме!

2.

Я как сейчас помню день, когда впервые увидел Евгению Джамурзовну.

Еще в школе у кого-то из авторов я вычитал, что многие литераторы не находили ничего зазорного в том, чтобы на людях декламировать стихи вслух, не обращая никакого внимания на реакцию окружающих (так, И. Эренбург вспоминал, что впервые увидел Маяковского, декламировавшего знаменитые предсмертные стихи Ф. Вийона). Должен сказать, что я в детстве очень любил, просто обожал Маяковского. И в случае со мной это было, наверное, подражанием, затем перешедшим в привычку. Так вот иду я по общежитию КБГУ, как раз по четвертому этажу, где в основном жили аспиранты, и довольно громко декламирую мартыновские строки:

Ведь бывало и похуже,
а потом, в итоге,
оставались только лужи
на большой дороге...

Я слишком поздно заметил незнакомку, которая сперва замедлила шаги (она шла навстречу), а затем совсем остановилась и, чуть ли не прижавшись к стене, внимательно слушает...

Это я потом понял (когда узнал, кто – эта незнакомка), что стихи замечательного поэта Леонида Мартынова как нельзя лучше подходили к случаю. В безжалостную бериевскую эпоху Евгения Джамурзовна целых 8 лет «отмотала» (ни за что!) как политзаключенная. Затем вернулась в вуз, где она преподавала, правда, вуз этот из заштатного пединститута успел превратиться в первый – и по времени и по другим параметрам – и самый солидный университет в Северо-Кавказском регионе. И у Евгении Джамурзовны хватило воли и мужества начать все с нуля, поступить в аспирантуру наравне с молодыми выпускниками... Блестяще защитила кандидатскую диссертацию; опубликовала интереснейшие работы, вызвавшие отклик в самых высоких научных кругах Москвы и сделавшие ее имя известным далеко за пределами нашей республики. Словом, – вопреки всему и несмотря ни на что, – состоялась личность, сильная, характерная, яркая. Собственно, об этом и стихи замечательного поэта Леонида Мартынова: должное – случиться, здоровое победит, справедливость восторжествует; а зловерное, мешающее здоровым росткам жизни – некогда казавшееся всесильным и незыблемым – окажется на обочине истории и оставит после себя лишь жалкие, грязные лужицы...

3.

С увлеченностью поэта Евгения Джамурзовна отдавалась изучению истории родного народа. Порою казалось, что она свободно перемещается во времени и легко общается с великими предками, жившими в далеком прошлом и оставившими неизгладимый след в жизни адыгов (чаще всего она называла одно имя – Инальшхуэ – и собиралась посвятить ему специальную работу), народа с героическим и трагическим прошлым, с громкой историей и тяжелейшей судьбой. Она видела свой долг историографа в том, чтобы скрупулезно и объективно рассказать о «делах давно минувших дней» (Пушкин) – во имя сегодняшнего благосостояния родного народа и его счастливого будущего.

4.

О том, какой вклад Евгения Джамурзовна внесла в историческую науку, мне судить. Об этом компетентнее скажут ее коллеги-историки. Я могу сказать о другом: на факультете все знали, что студенты были в восторге от ее лекций (а такое имеет место обычно в тех случаях, когда профессионализм граничит с артистизмом).

Действительно, говорить она умела. А слушать ее было одно удовольствие: богатая лексика, и убедительные сравнения, и остроумные, парадоксальные сопоставления, и, конечно же – юмор, словом все то, что украшает хорошую

устную речь; и все это в удивительно гармоничных пропорциях и, я сказал бы, в поразительно аристократичной манере в своей совокупности действовало на слушателя завораживающе.

5.

Безупречен был и ее кабардинский язык. В числе ее друзей и знакомых были и писатели, и журналисты, и композиторы, и живописцы. Я думаю, многим из них было чему поучиться у Евгении Джамурзовны.

6.

А как она танцевала «Кафу»!
Как умела готовить джэдлыбжьэ!
Выходит, это был ее стиль – доводить до совершенства все, за что берется.

7.

Учитесь честно достигать успеха
И привлекать благодаря уму.

Не знаю, как Евгения Джамурзовна относилась к этим строкам великого Гёте. Но полагаю, что ее педагогическая деятельность соответствовала такой установке: учить детей добиваться всего в жизни честным способом, прилежанием, неустанным ежедневным трудом. Она была не из «добреньких» преподавателей. Очень требовательная к себе, она была достаточно строга к студентам (в пределах классической нормы). Предельно объективная, не завывала и не занижала оценки. Не любила, когда кто-то просил за кого-то. И стояла на своем, хотя многие видели в этом ее педантизм (а, возможно, и бессердечие). Я же думаю, что Евгения Джамурзовна была права и в этом: давая студентам многое, она была вправе рассчитывать на адекватную отдачу. Впрочем, профессия педагога – из сложнейших, и у каждого педагога, помимо общих установок, могут быть и свои, только ему присущие «секреты».

В конечном счете, я полагаю, у Евгении Джамурзовны был прирожденный дар – «сеять разумное, доброе, вечное» (Некрасов).

В процессе общения со студентами она могла, как говорится, вычислить тех, кто тяготел к «историческому мышлению», как она выражалась.

Со временем эти молодые люди становились аспирантами, а затем кандидатами и докторами наук, преподавателями университета или сотрудниками НИИ.

Да. Талантам надо помогать, как сказал поэт. Выдвигать и поощрять следует тех, кто этого заслуживает. Это и есть, как мне кажется, нормальная, здоровая преемственность поколений. И это – один из важнейших уроков Налоевой Евгении Джамурзовны. Потому что, к сожалению, сегодня это весьма актуально: много позорного и трагического даже в масштабах страны – результат «деятельности» совершенно случайных людей, непрофессионалов, но чьих-то выдвигенцев... А ведь достойные и достойнейшие в нашей стране всегда были... И есть.

8.

Общение с Евгенией Джамурзовной было чрезвычайно содержательным и потому, что она не принадлежала к тем исследователям, которые безразличны ко всему, что выходит за круг их узких научных интересов. Она знала много. И при этом неустанно пополняла свои знания. Здесь я имею ввиду не только ее сферу деятельности и специальную литературу. Евгения Джамурзовна хорошо ориентировалась в мировой классике. С ней можно было обсуждать литературные проблемы, говорить о Бальзаке и Пушкине, Кешокове и Гамзатове. Мне было известно, что она следит за произведениями Чингиза Айтматова, регулярно появлявшимися на страницах «Нового мира» в 60–70-е годы прошлого века. И очень часто меня поражали ее выводы и наблюдения, для не литературоведа весьма тонкие и глубокие.

9.

Увы, пожелание Заура Налоева не сбылось: покинув общежитие и получив квартиры, мы (Евгения Джамурзовна, Руслан Кимов и я) оказались в разных микрорайонах Нальчика. Но дружба наша продолжалась.

Более того, приятели и друзья одного из нас с течением времени становились нашими общими приятелями и друзьями.

Однажды композитор Хаупа Джабраил, встретившись со мной в парке, стал читать мне свои недавно написанные (как он сказал) дружеские шаржи. Они мне показались довольно милыми, с хорошим чувством юмора. И тут же мне захотелось, чтобы и Евгения Джамурзовна послушала их (и обязательно в авторском исполнении). И вот буквально через полчаса нас было уже трое, а у Джабраила два слушателя. Евгении Джамурзовне тоже понравились стихи Хаупа. И не только стихи, но и автор. Мне было приятно, что они (Евгения Джамурзовна и Джабраил), отнеслись с симпатией друг к другу. Позже Евгения Джамурзовна не называла его иначе, как «Хаупа красавчик».

Также я представил Евгении Джамурзовне и Мухамеда Кипова. И они тоже впоследствии стали большими друзьями.

Помнится, в каком-то торжественном мероприятии [1] они станцевали «Кафу». Какая это была пара! Как великолепно они дополняли друг друга! Можно было подумать, что они репетировали месяцами. А ведь они станцевали то, как говорится, «с ходу», импровизированно (и, насколько мне известно, в первый и последний раз вместе). И это я объясняю тем, что мои друзья были утонченными художественными натурами.

10.

Я никогда не видел Евгению Джамурзовну несимпатичной. Когда она шла по улице, прохожие на нее оглядывались. Наверное, здесь важно и то, что она всегда была хорошо одета. Со вкусом.

Если бы... Да, возможно. Однако не будем забывать, что время безжалостно. Оно не знает чувства справедливости. И вершит свой жесткий суд, не разбирая, кто прав, кто виноват. И Евгения Джамурзовна не вышла замуж. Полагаю, не без ее же вины (всегда самокритичная, по всей вероятности, сама же оказалась

жертвой собственной самокритичности). Но одинокой она никогда не была. Она была хорошей сестрой. Я знал ее старшего брата, Аслангери, и старшую сестру, Нафо. Я видел, как они относились друг к другу. Я ни разу не слышал, чтобы Евгения Джамурзовна обратилась к брату по имени – Асльэнджэрий, она называла его трогательно-ласково ТитИэ, и он, в свою очередь, называл ее Бажэ.

Для бытописателя, пожелавшего изобразить нравы адыгской семьи из класса аристократов XVIII–XIX вв., лучшего образца не понадобилось бы. Мне же, лишенному дара бытописателя, оставалось только наблюдать за ними и думать про себя: «Да, жили семьи, в которых у каждого было свое место, и были братья и сестры, умевшие дарить друг другу радость».

11.

Про таких, как Налоева Евгения Джамурзовна в других республиках пишут книги. И ставят фильмы.

Евгения Джамурзовна сделала все, что от нее зависело, – и ушла. Остальное зависит не от нее...

ПРИМЕЧАНИЯ

По словам Хамида Кажарова, это было торжество в честь защиты кандидатской диссертации Е. Д. Налоевой в доме ее старшей сестры Нафо на ул. Советской. Было лето (Е. Д. Налоева защитила кандидатскую диссертацию 26 июня 1974 г.). Во дворе дома был накрыт стол, гармонистка играла национальную музыку, и художник Мухамед Кипов пригласил на танец Е. Д. Налоеву. Это был старинный кабардинский танец «Кафа» – медленный, величественный парный танец. Все были поражены красотой и безупречностью исполнения этого сложного танца, многие не верили, что они первый раз вместе исполняют его. Уже к концу вечера Мухамед Кипов с досадой вспомнил, что ни он сам и никто из его друзей не догадался преподнести букет цветов виновнице торжества. Утром, на следующий день, когда Евгения Джамурзовна поднималась по ступеням в здание главного корпуса КБГУ, где располагался историко-филологический факультет, ее встречал с огромным букетом роз Мухамед Кипов.

Нателла Казанчева (Мирзоева). **Случай с распределением в школу**

В 1983 году я стала студенткой исторического отделения ИФФ КБГУ. Куратором на наш курс была назначена преподаватель кафедры истории СССР дореволюционного периода Евгения Джамурзовна Налоева. Сначала мы часто с ней общались, потому как я была старостой группы. Постепенно между нами сложились очень тёплые, доверительные отношения, переросшие в многолетнюю дружбу, укрепившуюся установившимися впоследствии родственными узами. Особо берегу в памяти сказанные ею как-то слова «Пхъу сиІатами уэ нэхърэ нэхъыфІу схуэльэгъуну къыщІэкІынтэкъым» (Если б у меня и была дочь, вряд ли смогла бы любить её больше тебя).

И это при том, что я могла исчезнуть и исчезала из поля её зрения порой даже на месяцы и появлялась зачастую тогда, когда мне необходимы были её помощь и поддержка. Так было и в этот раз.

Окончив университет, я по распределению попала в одну из школ на окраине Нальчика. Очень скоро стало ясно, что работа учителя – не для меня: я могла преподносить подготовленный почти идеально учебный материал учащимся, заинтересованным в получении знаний, но «держат» дисциплину в классе, чтобы насильно впихивать знания в детей, я категорически не умела. Едва дотянув до конца свой первый в качестве учителя учебный год, я явилась к директору. Объяснив, что моё здоровье не выдержит второго учебного года и не хотелось бы найти свой конец в школе, попросила помочь мне уволиться (в СССР выпускник был обязан отработать по распределению три года и только потом мог поменять место работы по собственному желанию, эти три года были обязательны как для самого выпускника, так и для работодателя – такого работника нельзя было уволить без специального разрешения министерства). В ответ я услышала, что обязана отработать при любых обстоятельствах, а первый год работы в школе легко не дается никому. Но начало второго года только усугубило моё депрессивное состояние, и, не видя выхода из сложившейся ситуации, я поплелась к Евгении Джамурзовне поведать о своём горе.

Посмотрев «сквозь» меня своими добрыми пронизательными глазами, она сразу поняла все моё плачевное состояние. Внимательно выслушав мой рассказ, коротко спросила, кто директор школы. Услышав, что директор Нонна Б. – женщина средних лет, в свое время обучалась у неё на историческом отделении, поинтересовалась, не падка ли она на всякие женские истории и не все ли мне равно, что она, Евгения Джамурзовна, скажет ей сейчас, чтобы добиться моего открепления со школы? Получив утвердительные ответы, Евгения Джамурзовна взяла телефонную трубку.

– Нонночка? – начала она. – Добрый день. Это Евгения Джамурзовна Налоева, хотя вся республика зовёт меня просто тётя Женя. Да-да, миленькая. Та самая преподаватель университета. Нонночка, у тебя учителем истории работает моя бывшая студентка и родственница. Мыбы и Іуэхур зэрыщытыращ: и ади, и ани ямышцІу, и шыпхъу нэхъыжьри къыдину военнэ щІалэ дэкІуэсэну и мурадщ, щІалэр здэщыІэм кІуэуэ (У неё дела сейчас обстоят так: она хочет без ведома отца и матери, не дождавшись, пока старшая сестра выйдет замуж (в традиционном кабардинском обществе это порицалось. – *Прим. автора*), тайком от всех уехать со своим возлюбленным – военнослужащим к месту его службы и там выйти замуж за него). Ты понимаешь, Нонночка, что эта девочка сейчас столкнется с массой проблем?! Я тебя очень прошу... помоги ей разрешить одну из них, связанную с будущим трудоустройством. Освободи её от работы, дай ей открепление со школы.

Послушав другой конец провода и заручившись согласием, тётя Женя трогательно поблагодарила Нонну Б., попросив её напоследок (видимо, щадя мою репутацию) не предавать огласке их разговор.

Пошла я на следующий день в школу. Первый же встретившийся мне в дверях школы ученик с дежурной повязкой на рукаве доложил, что меня искал парень в военной форме. Удивившись тому, что слухи могут возникнуть и распространиться со скоростью света, я шагнула в кабинет директора.

Нонна Б. взволнованно поднялась мне навстречу. Напрасно она зывала к моему дочернему долгу, разуму...

Я была непреклонна в отстаивании своего права на личное счастье, пока, наконец, не получила долгожданное разрешение на увольнение.

С тех пор прошло много лет, но до сих пор с огромной благодарностью и восхищением я вспоминаю, как тогда Евгения Джамурзовна решительно протянула мне руку помощи и с присущим ей остроумием и легкостью нашла выход из казалось бы безнадежного положения.

Сухумский период

Когда Евгения Джамурзовна освобождалась из лагеря, она была больна активной формой туберкулеза и отказалась ехать домой: «Определите мне место жительства, чтобы лечиться. Что, я должна ехать домой, чтобы заражать свою старую мать или маленькую племянницу?» Местом жительства ей определили город Сухуми. По прибытии туда её госпитализировали в больницу для лечения туберкулеза. «Кого они там лечили? Каждый день из этой больницы выносили труп, и это ждало, как я понимала, всех лежавших там больных – изможденные, худые, с землистыми лицами, одетые в балахоны мышинового цвета, некоторые передвигались едва, большинство же лежало... Я решила бежать из этой больницы». Убежав, Евгения Джамурзовна сняла комнату у какой-то бабушки на окраине города. Денег не было на продукты, поэтому она питалась в основном тем, что находила в ближнем лесу и к чему лежала душа: ягоды, плоды лесных деревьев, травы, коренья... В сосновом бору проводила целые дни. Ходила на берег моря, купалась, загорала...

По прошествии какого-то времени её разыскали через милицию и водворили обратно в больницу. «Врач, лечивший меня, очень сильно удивился, не поверил своим глазам. Еще бы: вместо исхудалой неопределенного возраста, с телом подростка и безжизненным лицом, больной перед ним стояла молодая цветущая девушка со здоровым румянцем на щеках и округлившимися женскими формами. Выругавшись матом, врач затолкал меня в рентген-кабинет. Снимок показал, что очаги туберкулеза зарубцевались, в лёгких чисто. В проведенных лабораторных анализах палочка Коха не была обнаружена. Врач заставил меня написать объяснительную, что, якобы я бежала из больницы, захватив с собой те лекарства, которые он мне прописал, и лечилась ими. Моё выздоровление он приписал себе и даже выступил на каком-то врачебном форуме. Сопrotивляться неправде, отказываться писать эту бумагу у меня уже не было сил».

Ещё один эпизод. «Я очень любила шторм на море и старалась находиться в это время на берегу. Однажды во время сильного шторма я стала свидетелем того, как море разделилось на две половины, и я увидела все, что находилось под водой. Через мгновение море сомкнулось».

Вор

Когда мы учились на первом курсе, Евгения Джамурзовна поехала в Индию по туристической путевке. По возвращении она обнаружила, что её квартиру обокрали. Прокомментировала она это так: «Мыр игъащIэ лъандэрэ университетым щолажьэри мылькы гуэр зригъэпэща хъунщ, жери зыгуэр къэкIуати,

игъуэт мыгъуэ щымыІэу щІэкІыжашщ)(«Кто-то решил, что если я с давних пор работаю в университете, то обзавелась каким-никаким имуществом и пришёл за ним, но бедолаге не повезло – вряд ли ему удалось обнаружить что-либо путное у меня»).

Спустя некоторое время этот незадачливый вор, попавшись на другой квартирной краже, признался добровольно и в краже, совершенной им на ул. Пушкина, 60, кв. 16. Опираясь на это признание, Евгению Джамурзовну пригласили в отделение милиции и предложили написать заявление по поводу ограбления квартиры в её отсутствие, чтобы привлечь парня и за это к уголовной ответственности. Мало того, что Евгения Джамурзовна категорически отказалась сделать это («Аллыхьым жимыІэкІэ, сэ тутнакъкІэ зыгуэрым сыхуэупсэнун») («Не дай Аллах, чтобы при моем содействии кто-нибудь оказался в заключении»), она носила в тюрьму передачи тому молодому человеку, жалеючи его.

Воспоминания о Е. Дж. Налоевой Кимова Руслана Мухарбиевича, 1937 г.р., сел. Псыкод Урванского р-на КБР, проживающего в гор. Нальчике, ул. Кирова, 5-а, кв. 81. Аудиозапись интервью сделана в январе 2016 г. В беседе принимали участие К. Т. Хамтуев и А. С. Мирзоев

Мирзоев А. С. Руслан, Женя Ваша родственница? По какой линии?

Кимов Руслан. Женя – двоюродная сестра моей матери. Моя мама – Арфужан (Гоца) Налоева – дочь Жанхота Налоева. Жанхот и Жамурза – отец Жени – родные братья. Моя мама – родная тетя Ахмедхана Налоева и двоюродная сестра Заура Налоева.

Мирзоев А. С. Руслан, когда и как Вы познакомились с Евгенией Джамурзовной?

Кимов Руслан. С детства я слышал о ней от родственников, но они ее звали не Женя, а Блау. Она приезжала в Хатуей (Старый Урух), здесь мы и познакомились. Я увидел ее впервые, еще будучи школьником, когда она освободилась из лагеря. Ближе мы познакомились, когда я пришел с армии. Хотя мой отец, который погиб на фронте в 1941 году, был родом из Псыкода, большую часть моего детства и юношества я проводил в Старом Урухе, у родственников моей матери. Женя после реабилитации восстановилась в аспирантуре, а я был студентом. С первого нашего знакомства она очень мне понравилась – характер ее, взгляды, ее простота и раскованность. Она не похожа была на других женщин. С тех пор, как мы познакомились, подружились и до конца ее жизни общались, доверяли друг другу, между нами не было секретов. Во многом, но не во всем, наши взгляды совпадали. Конечно, я был молодой, очень патриотично настроен, верил в идеалы социализма и коммунизма. Когда я был в армии, клянусь вот этим хлебом, если сказали бы, есть ли адыги, которые готовы ехать убивать тех, кто предал идеи социализма, уалаги, первым поехал бы. Причем полагая, что делаю добро. Вот чем страшна идеология. Вот почему Наполеон сказал, что самые лучшие воины – 16-летние мальчишки. Ну, я был не 16-летний мальчик, но молодой был, дурной, это естественно. Помню, когда был в армии, где-то – то ли в Сирии, то ли в Ливане, то ли в Иордании был международный кризис.

Кажется, это был 1958 год. Построили весь гарнизон. Кто там на кого напал, не знаю, но когда сказали, что требуются добровольцы, со всего гарнизона я вышел один. Уже после армии, когда был Карибский кризис, я написал заявление в ЦК партии: «Лично Никите Сергеевичу Хрущеву, Центральному Комитету партии. Прошел действительную военную службу, отличник боевой и политической подготовки, коммунист, прошу меня послать защищать завоевания кубинского народа». Когда Женя об этом узнала мы с ней даже поругались. Она мне по-кабардински сказала: «Твой труп собака туда отнесла?! Что ты там оставил? За этого с бородой удода ты собрался погибать?», – имея в виду Фиделя Кастро. Мой отец тоже ушел на фронт добровольцем, имея бронь, и погиб 11 ноября 1941 года.

Мы с Женей, бывало, и спорили. Женю можно было победить в споре только логикой, убеждением, доводами разума. Только так, запугать ее было невозможно. В свою очередь, она свое мнение всегда аргументировала, а не просто навязывала.

Мирзоев А. С. Когда Женя восстановилась в университете, в аспирантуре, Вы тоже к тому времени стали аспирантом, начали работать в университете. Как начиналась ее педагогическая деятельность в университете, как складывались ее отношения с руководством?

Кимов Руслан. Надо сказать, что Женю не хотели сначала восстанавливать на работе ни первый ректор Бербеков [1], ни позже Керефов [2]. Понимаешь, хоть ее и освободили, для партийных функционеров она была с пятном, несмотря на то, что времена изменились, репрессии осудили. А вдруг политика опять поменяется – зачем рисковать? Перестраховывались. Мальбахов [3] ей сказал: «Понимаете, власть не на вашей стороне». А она ему ответила: «Тогда зачем меня выпустили на свободу, если она не на моей стороне». Под разными предложениями Жене отказывали в восстановлении на работе, говорили, что нет места, гоняли ее по разным инстанциям, отфутболивали. Она им представила архивные справки о том, что до ареста работала в университете, училась в аспирантуре, сдала все кандидатские минимумы, но на них ничего не действовало, говорили, что эти документы уже недействительны. Тогда она поехала в Москву, в ЦК партии, в отдел по науке, если мне память не изменяет, там был некто Бубельников. Она ему объяснила, что при Сталине работала в Кабардинском пединституте, ее посадили только за то, что она всегда говорила, что ее отец не был ни в чем виноват, что его ни за что расстреляли. Это ее единственное преступление.

Наши чиновники какие? Скажут им снять голову – снимут, не скажут – не снимут. В Москве приняли решение восстановить ее. Многим здесь это не понравилось, но деваться было некуда. С кандидатской диссертацией тоже было у нее много трудностей, но она, хоть некоторым тема ее диссертации и не нравилась, защитилась с помпой. Помню, был такой преподаватель, уже в возрасте, Гуревич, так он все негодовал: «Государственности в Кабарде не было», а мой брат с кафедры педагогики Юрий Кимов [4] его успокаивал: «Ну, Ефимович, поберегите свои нервы». На защиту собралось очень много людей не только с кафедры истории, но и с других кафедр. Так Женя защитилась, начала работать, со временем вписалась в коллектив. Конечно, не все преподаватели ее любили,

были даже попытки ее уволить, но Женя сама была не подарок, даже перед пушкой не остановится, да и новый ректор Тлостанов [5] дал понять наиболее ретивым, мол, успокойтесь. Женя одно время носила брючный костюм. Одна сотрудница, не найдя никакого другого компромата, донесла Тлостанову, что Налоева ходит в штанах, а он ее осадил: «А Вы что, без штанов ходите?».

Мирзоев А. С. А что, Тлостанов так хорошо относился к Евгении Джамурзовне, так любил ее?

Кимов Руслан. Нет, что ты! Такие чувства как любовь для партийных функционеров, какими были Тлостанов, Мальбахов, непозволительны. Но и у него были просветы. Он знал, что она не халтурщица, хороший специалист, да и какое-то сострадание, наверное, было в нем, как и в любом человеке. Он знал, что Женя – честный человек, не взяточница, что она незаконно пострадала. При нем дали ей двухкомнатную квартиру.

Мирзоев А. С. Женя долго жила в общежитии? Когда ей дали квартиру?

Кимов Руслан. Она долго жила в общежитии, наверное, лет семь. Мы с матерью, будучи без жилья, года два тоже прожили в этом 1-м общежитии университета. Правда я, уже как взрослый мужчина, занимал отдельную комнату. Потом Ахмедхан Налоев сказал, что не позволит, чтобы его тетька жила в общежитии и забрал мою мать к себе на квартиру. А Жене сказал, что и ее забрал бы, но тогда она не сможет получить квартиру. В общежитии ее очень любили все: и аспиранты, и студенты. Женя была очень душевная, сострадательная. Если увидит кого-нибудь несчастного, могла сесть и расплакаться со словами «родненький ты мой». Голодного если увидит, затащит к себе в комнату, накормит. Все обращались к ней со своими проблемами: кому-то надо написать заявление, кому-то ходатайство. Начальник перед ней, не начальник – ей было все равно: она не отстанет, пока человеку не помогут. В общем, если это было в ее силах, она никому не отказывала. При этом была легко ранима, открытая душа, могла легко обидеться, но также легко отходила.

Мирзоев А. С. Вспыльчивая была?

Кимов Руслан. Она была вспыльчивая и отходчивая. Когда выйдет из себя, она как как шрапнель – лучше не подходи к ней. И тут же могла погладить по голове со слезами: «Прости, миленький, меня, я была дурой. Я виновата, а не ты». Хотя и не была виновата, она не могла долго враждовать с человеком, особенно с близкими ей людьми. Как только помирится, с облегчением вздыхала. Жалостливая была и всегда была за справедливость.

Мирзоев А. С. Руслан, будучи студентом Евгении Джамурзовны, и я, и другие обращали внимание, что она была очень требовательна к девушкам, а к нам, юношам, относилась более снисходительно. С чем это было связано, по-твоему?

Кимов Руслан. Не знаю, не могу сказать. Больше всего она не любила девушек легких, поверхностных, которые ходили в университет не учиться, а демонстрировать наряды. Она говорила, что самые бесстыжие – это женщины. Может, пока сидела, в женском лагере много чего навиделась. Не говоря о женщинах, из 10 000 мужчин один выйдет чистым, не испорченным, сохранив свою честь и человеческое достоинство, после тех испытаний, которые выпали на ее долю. Женя умела ценить добро и преданность. Она сама не способна была на

предательство. На презентации Жениной книги в университете [6] Аскер [7] говорил о Наде Мясик – ее подруге, с которой они в лагере познакомились. Правда, он там сказал, что она несла Женю на себе 50 километров. Это он, конечно, преувеличил, километров 5–8 она несла ее, когда их перевели из одного лагеря в другой. Так Женю там еще в больницу не хотели положить. Надя хорошо умела материться, она там шум подняла, скандал устроила медперсоналу, чтобы Женю приняли. И Женя это не забыла, столько лет они дружили, она к ней в Павлодар ездила, потом ее в Нальчик уговорила переехать и всегда она говорила: «Клянусь Къураном, отцом, матерью, нет честнее и преданней Нади. Не верю, пусть будет адыг, русский, цыган, что есть человек честнее и преданнее Нади». Моя мать была знакома с начальником участка в совхозе «Нальчикском» и через нее помогла Наде устроиться на работу. Надя сама очень трудолюбивая женщина, ее оценили, через год однокомнатную квартиру дали. Ей уже под 90 лет, она до сих пор ездит на дачу трудиться. Когда Женя умерла, она моей матери сказала: «А можно мне помогать, хоть я не мусульманка, когда тело будут обмывать?». Моя мать Гоца ей ответила: «Конечно, Надя, можно».

А сама Женя потом в том же лагере, в той больнице, куда ее не хотели ложить, работала на приеме, записывала больных. Из-за слабого здоровья ее освободили от тяжелой работы. Как-то привели в больницу полуживую женщину, татарка, кажется, она была. Врач ей сказал, что она не больная, симулянтка. Женя за нее заступилась, с врачом поругалась. И ее с этого места убрали и обратно в лагерь отправили.

Мирзоев А. С. Руслан, как ты думаешь, почему у Жени жизнь так сложилась? Есть такое выражение: судьба – это характер. Может, ее характер определил ее судьбу?

Кимов Руслан. Безусловно, характер. Она натура такая. Другой увидит несправедливость, промолчит, хоть в душе и не соглашается с этим. А Женя так не могла, она была не из покладистых. Таких не считают правильными. Я тоже в этом чем-то на Женю стал похож. Характер, наверное, с рождения закладывается. Нестандартная она была. А иначе, с ее способностями, она еще в 50-х годах должна была доктором наук стать, профессором, замуж выйти и правнуков уже имела бы.

Такой случай был с Женей. Был у нее один студент, звезд с неба не хватал, да еще и сам учиться не хотел. Женя ему двойку поставила. А его отец – начальник милицейский. Пришел он на пересдачу за сына ходатайствовать и, видимо, не зная, что Женя – бывшая заключенная, для пущей важности возьми и скажи: «Евгения Джамурзовна, я без формы пришел, чтобы Вас не пугать». Тут Женя как взорвалась: «Что?! Меня бериевские костоломы не смогли запугать! Вон отсюда!». В общем, наш полковник еле ноги унес. Не знаю, что она ему еще сказала. Сейчас он, говорят, уже генерал.

Мирзоев А.С. Руслан, я сам часто бывал у Евгении Джамурзовны в квартире на Пушкина. К ней часто приходили в гости и родственники, и студенты, и преподаватели, и ученые, и художники... У нее жили годами племянники, племянницы, те же студенты. Это тоже с ее характером было связано?

Кимов Руслан. Да, кто только у нее не гостил. Понимаешь, она не могла без людей. Жизнь без людей, без общения она не считала жизнью. Хочешь на-

казать Женю – изолируй ее, лиши общения с людьми. Многие преподаватели не понимали, когда у нее на квартире жили студенты. Обычно это были девушки из сел, иногородние, кому общежитие не досталось по какой-то причине. Некоторые преподаватели на Женю смотрели как на ненормальную. Если ты не похож на других, тебя считают ненормальным.

Мирзоев А. С. Руслан, о чем вы с Женей общались, что обсуждали?

Кимов Руслан. О чем общались с Женей? Власть обсуждали. Не любили мы эту власть, чиновников, а вот Ахохова Асланби [8] хвалили. Асланби Нахович Ахохов был единственный человек в обкоме, остальные копейки не стоили. За свое кресло на все пошли бы. После того случая, когда случились беспорядки на нальчикском базаре [9], Мальбахов не имел права оставаться у власти. Во время этих событий только Ахохов вышел к народу, сумел людей убедить разойтись, чтобы не было жертв, чтобы люди не пострадали. И народ он сумел остановить.

Мирзоев А. С. Руслан, а Женину маму вы знали?

Кимов Руслан. Как не знал Хажгуашу? Она была по своей натуре оптимист, всегда шутила, никогда не унывала. Мужа расстреляли, сына посадили, дочь посадили, другой на ее месте стал бы сетовать на судьбу, жаловаться, унывать. Она была очень музыкальная и с большим чувством юмора. Нас детей, бывало, заведет к себе, на шичепшине играет, шутит, и все шутки такие, что невозможно не смеяться. Мы животы свои надрываем, уже не можем, думаем, хоть бы она замолчала. Она нас накормит, пошутит с нами и так отпустит.

Это чувство юмора от нее, наверное, Жене передалось. Женя умела так передразнивать людей, так их пародировать, что сразу можно было их узнать. При этом она делала это так тонко, чтобы не перейти ту грань, когда это стало бы унижать человека. Мы с Женей любили давать прозвища людям. Если Женя давала кому-то прозвище, то все – оно прилипало, многие из этих людей, кто умер, кто живой, но до сих пор их так называют. Был у нас в университете один человек – очень сильный подхалим. Если ты хоть на одну ступень будешь выше его рангом – он будет подлизываться, заискивать перед тобой. Знаешь, какое она ему прозвище дала? Выбзэгу (Воловий язык) – в любую дырку достанет, оближет. Сам бедный умер, а прозвище Выбзэгу осталось. И так остальные. Нафо, сестра Женина, у нее было такое характерное выражение: «Анаа?!», выражающее удивление или недоумение. Так она Жене говорила: «Анаа! Как это ты придумала? Анаа, это только ты, Женя, могла придумать».

Мирзоев А. С. То, что Женя сохранила свое человеческое достоинство, пройдя через все испытания, это, наверное, заслуга ее родителей, семейного традиционного адыгского воспитания?

Кимов Руслан. Наверное. Есть, видимо какой-то генетический код, который передается от родителей. Но я не верю, что какая бы власть ни была, чтобы ее любили. Нестандартных людей не любят. Надо быть похожим на всех. Надо быть как все.

Мирзоев А. С. Руслан, Женя была очень мудрой женщиной. Она хорошо знала наши национальные традиции, семейные обычаи, хабзэ было в ней. Очень многие супружеские пары были созданы благодаря ей, многих она мирила, с ее помощью улаживали семейные конфликты, к ней приходили советоваться,

просить помощи в такого рода делах. Она очень любила детей и как педагог, и как женщина, знала, как их надо воспитывать. Многие ее племянницы и племянники росли у нее. Почему она сама не создала семью?

Кимов Руслан. Я знаю, что многие к ней сватались, но она почему-то всех отвергала. Достойного мужа она заслуживала, за кого попало она не вышла бы. Всем отвергнутым Женя давала прозвища, вернее эпитет, который выражал качество, которое не понравилось ей в этом человеке и которое оттолкнуло ее от него.

Мирзоев А. С. Руслан, Вы застали и сталинские времена, и эпоху так называемого развитого социализма, и сегодняшнее время. Идеология и партийная элита говорили об одних идеалах, о моральном кодексе строителя коммунизма, а в жизни было совсем другое. Я, например, когда учился в университете, знал совершенно точно только трех преподавателей, которые не брали взятку с нерадивых студентов за зачеты, экзамены и т.д. Среди этих, кристально честных людей была Евгения Джамурзовна. С тех пор ситуация с коррупцией в нашей стране ухудшилась в разы. Почему и тогда и сейчас таким людям не дают дорогу, сдерживают их карьерный рост, не выдвигают на первый план? Такие люди всегда в тени, а бездарные, далеко небезупречные в моральном отношении люди всегда оказываются на виду, на высоких должностях. Разве не такие, как Женя, нужны были государству для строительства коммунизма, социализма с их честностью, принципиальностью, преданностью, высоким профессионализмом и ответственным отношением к работе?

Кимов Руслан. Таким людям, как Женя, памятники надо ставить, а не тем проходимцам, которым наше государство ставит. К сожалению, в нашем государстве значимость человека, личности определяется не его человеческими, моральными, духовными качествами, а другими критериями.

Взятки и коррупция всегда были и есть в нашем государстве. Просто раньше с этим хоть как-то боролись, этого меньше было, а сейчас, если ты не воруюешь, то на тебя смотрят как на ненормального, ты не пользуешься почетом и уважением в обществе. Конечно, Женя была честная абсолютно, про взятки и речи быть не могло, правду всегда говорила, чтобы ей это ни стоило. Надежная, никогда не предала бы, как говорят, с ней в разведку можно было ходить. Такие качества как раз и пропагандировала партийная элита. Но сама жила совершенно по другим принципам. Это, как в том кабардинском анекдоте про эфенди, который сказал людям: «Делайте то, что я говорю, но не делайте то, что я делаю».

Хамту Кадир. Эфенди, муллы не все, наверное, такие были?

Кимов Руслан. Настоящие религиозные авторитеты, эфенди, муллы были перед революцией и некоторое время после революции. Они пользовались уважением в народе. Но потом их власть уничтожила, оставив в живых только приспособленцев и фарисеев. Видимо, вот в это более позднее время и появились такие анекдоты. Я лично считаю, что после Кавказской войны окончательно кастрировала наш народ Советская власть, тогда мы потеряли свое адыгство, хабзэ. Окончательный перелом в традиционной психологии кабардинцев произошел в 50–60-е годы при Мальбахове. Рассказывают, когда умерла его мать, с Терского района приехали родственники, старики выразить соболезнование. Она жила в Нальчике на углу улиц Ногмова и Шогенцукова вместе с дочерью

и зятем. Так Мальбахов этих стариков прогнал со словами: «Что вы в рабочее время, в рабочий день сюда приехали? Я, что, без вас не смогу похоронить свою мать». Именно при нем оголтелая пропаганда атеизма и так называемого интернационализма, лозунгами которого прикрывались русификация и ассимиляция народа, достигла своего пика.

Мирзоев А. С. Руслан раз мы затронули тему религии, Вы можете сказать, как Женя относилась к религии, какие у нее были убеждения?

Кимов Руслан. Женина мама Хажгуаша была очень религиозным человеком. Но как сама Женя относилась к религии? Я знаю точно, что она была чистым человеком. Она точно знала, что нельзя делать зло, что это не простится и не останется безнаказанным. Она не признавала посредников между собой и Господом в лице так называемых партефэнды. Это бывшие коммунисты, атеисты, партийные работники, которые на старости лет становились вдруг религиозными, начинали выполнять функции религиозных служителей, связанные с похоронными и свадебными обрядами за вознаграждение. Она говорила, что когда человек умрет, нельзя жалеть никакие средства для эфенди, который готовит тело покойного к погребению, исполняет похоронные обряды, а во всем остальном, она говорила, мне эфенди не нужны для моих отношений с Господом.

Женя была очень милосердна к людям, особенно к несчастным, обездоленным, падшим, про которых кабардинцы говорят «дэхуэха». Она не различала людей, одинаково относилась ко всем как к людям, будь то интеллигент или опустившийся алкоголик. Я видел это своими глазами в Сухуме, куда нас детьми возила Нафо в гости к Жене. У нее на квартире постоянно собирались какие-то непонятные люди: Дуська, муж ее Андрей – алкоголик, оба дураки дураками, Ира, Надя – все юродивые. Нафо, когда их увидела, стала возмущаться по-кабардински: «Анаа, Женя, это мои друзья говоря, как ты можешь общаться с этими людьми? Эти воровки и шалавы разве достойны тебя?». На что ей Женя твердо и лаконично отвечала: «Никто меня не обворовывает, шалавой если захочу стать, то и без их помощи стану. Они меня знают, я их знаю. Что ты хочешь от этих несчастных?». Она их всех кормила у себя, они собирались у нее и при этом ревновали друг друга. Эта Дуська Женю наставляла: «Женька! Это здесь не столовая, не столовая у тебя здесь, нечего каждого тут кормить». При этом эта Дуська и ее муж-алкоголик, нигде не работающий, постоянно ели у Жени.

Вот такая она была человечная, не знаю насколько религиозная, но то, что Бог есть, она знала, и у нее было свое личное отношение к этому.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бербеков Хатута Мутович (1916–1965) – доктор исторических наук, профессор, ректор КБГУ в 1957–1965 годах. Вуз ныне носит его имя.

2. Керефов Камбулат Наурузович (1912–1999) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ректор КБГУ в 1965–1973 годах. В 1958 году Камбулат Наурузович – директор КБНИИ – был приглашен первым ректором университета Х. М. Бербековым на должность проректора по науке.

3. Мальбахов Тимбора Кубатиевич (1917–1999) – советский государственный и партийный деятель, первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС в 1956–1985 годах.

4. Кимов Юрий Сафарбиевич (1931–2011) – кандидат педагогических наук (1955), завкафедрой педагогики и психологии КБГУ (1957–1974).

5. Глостанов Владимир Калиметович (1931–1994) – кандидат философских наук, ректор КБГУ в 1973–1994 годах.

6. 27 декабря 2015 г. в зале Ученого совета КБГУ состоялась презентация книги Е. Дж. Налоевой «Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории» и приложения к ней – сборника генеалогических карт «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник».

7. Налоев Аскер (Георгий) Аслангериевич – племянник Е. Дж. Налоевой.

8. Ахохов Асланби Нахович (1912–1980) – советский партийный и государственный деятель, Председатель Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в 1957–1969 годах.

9. 13 июля 1968 г. в Нальчике на центральном городском рынке произошли массовые беспорядки на почве конфликта местных жителей с правоохранительными органами, приведшие к человеческим жертвам. С целью успокоить участников беспорядков на рынок прибыл первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т.К. Мальбахов, однако толпа забросала его помидорами и огурцами. Беспорядки были подавлены при участии военнослужащих Советской Армии и сотрудников МВД СССР. В общей сложности было арестовано 30 участников беспорядков возрастом от 17 до 71 года. Суд приговорил троих наиболее активных участников к высшей мере наказания – расстрелу, а остальных к различным срокам лишения свободы от 6 месяцев до 15 лет. Верховный Суд СССР отказал осужденным в помиловании, оставив приговоры в силе.

Воспоминания о Е. Дж. Налоевой Мялик Надежды Николаевны, 1927 г. р. (27 ноября), Белоруссия, Пинская обл., пос. Телеханы, проживающей в гор. Нальчике, ул. Профсоюзная, 212, кв. 12.

Аудиозапись интервью сделана 15 мая 2016 г. В беседе принимали участие А. С. Мирзоев и Н. С. Мирзоева.

Мирзоев А. С. Вы знали Евгению Джамурзовну?

Мялик Н. Н. Я ее не звала Евгения Джамурзовна, мы звали друг друга: я – Надька, она – Женька.

Мирзоев А. С. Расскажите, как вы познакомились. Но сначала расскажите немного о себе, как Вы оказались в лагере.

Мялик Н. Н. Я – сирота. Нас было три сестры и брат. Младшая сестренка умерла в детстве, старшая Елена жила в Варшаве и брат Василий – фронтовик, воевал на фронте пулеметчиком. Их уже нет в живых. Родилась я в Белоруссии, в Брестской области, раньше она называлась Пинская область, в поселке городского типа Телеханы 27 ноября 1927 года.

Я познакомилась с Женей в лагере. Мне было 22 года, когда меня посадили в 1949 году в январе месяце. Я работала бухгалтером в райфо (районный финансовый отдел. – А. М.). Понимаешь, как получилось, не было у нас растраты, но кэзэбэшники или энкавэдэшники нашли причину, чтобы посадить нас. Мы сделали ревизию у одного человека, он работал налоговым агентом. Мы у него обнаружили недостачу и мы ее скрыли. Он фронтовик, пришел с фронта, и мы решили ее не афишировать, решили помочь ему, скрыть недостачу. Он же в свою очередь продал скотину, имущество и восстановил недостачу. Но это стало известно энкавэдэшникам, и его и нас – несколько человек – всех посадили.

Сначала я попала в Соликамск – распределительный, пересыльный лагерь, а потом в тот лагерь, где мы познакомились с Женей. Это Урал, Молотовская область, но названия лагеря не помню. Сначала я туда попала, а потом Женю туда привезли. Это было приблизительно в 1951 году. Она там была в другом бараке, а потом ее перевели в наш барак. Тут долго мы не жили. Там мы работали на лесоповале, а тут стали нас вывозить в другой лагерь. Сказали, якобы женщинам запретили лес валить. Женя в том лагере еще работала, лес валила, но уже там она здоровая не была. У нее спина была больная, ходила она криво – она сказала, что когда ее кэзэбэшники на нары повалили, повредили ей позвоночник. А потом, как я сказала, повезли нас в другой лагерь – 8 километров разница. Не повезли, погнали под конвоем. Это была весна. Там много снега бывает, а весной снег подтаивает, и внизу вода стоит. У меня валенки хорошие были, а Женя в бурочках кавказских была, это войлочные такие черные сапожки. Больная она была. Там еще были больные. Моя знакомая Вера взяла Марию – женщину больную, а я Женю взяла на руки и понесла до самого того места, куда мы шли, – до другого лагеря. Конвоиры были молодые ребята, военнослужащие. Я кричу: «Приставить ногу». Все остановятся и стоят. Я Женьку на пенек поставлю, она стоит, пока я отдохну немного. Женька же легкая была, худая, больная, а я сильная – мешок картошки, мешок муки могла на плече нести. А Женька легкая была – цыпленок, прости, Господи, меня. Мы вышли утром, шли медленно, дошли только к вечеру. Мы с Женькой уже были знакомы, подружились, жили в одном бараке, курили обе. Я доставала у ребят махорку. Я же бойкая была, хотя Женька тоже не тихая была. И вот пришли мы в этот лагерь, а Женьку в больницу не хотят ложить. Я поругалась с этими медицинскими работниками. Места у них не было, но ее в коридоре положили. В этом лагере мы долго вместе жили в одном бараке. Барак большой был, конца не видно, человек сто, наверное, жило в нем. Когда с больницы выписали ее, она по инвалидности уже на работу не ходила. Вместе с Женей в бараке оставалась одна татарка-старушка, воровка в законе, на работу она не выходила. Когда я приходила с работы, мы с Женей вместе кушали. Женька там стала шить, портнихой стала. Ребятам военным, офицерам кроила, шила брюки, они очень довольные были. Как-то она сшила брюки, продала, а на деньги 10 штук яиц купила. Восемь съела, а два мне оставила. Я прихожу с работы, а она мне говорит: «Надька, ты меня извини, но я так яиц захотела поесть, восемь съела, тебе только два оставила». Мы за зоной работали, лес валили, я там малины собираю, Женьке принесу. «Женька, – говорю, – здесь черви в малине». «Надька, черт с ними, мы кушаем их, а не черви нас». В общем, не пропадали мы там. Конечно, она больная была, туберкулез был у нее, позвоночник мучил ее, ноги слабые были.

Потом ее оттуда в Москву забрали. Увезли ее, не помню в каком году, а нас перевели после из Ныробского района в Березовский район (гор. Березово – недалеко от Соликамска). Когда меня в тот лагерь привезли, смотрю, за воротами меня Женька встречает. «Батюшки, Женька, ты как здесь?» – говорю. «Вот меня обратно привезли с Москвы» – отвечает. Это уже был третий по счету лагерь. Пожили мы немного там и потом отправили нас оттуда в Мариинск, там еще мы вместе были. А в Кемеровской области нас с Женькой уже разъединили. У нее была 58 статья, и их отдельно держали. Я была в одном лагере, а она в другом.

Я освободилась в 1959 году. Поехала домой в Белоруссию, там год пожила, замуж вышла и поехала с мужем в Казахстан, в Павлодарскую область. В Павлодарской области с мужем прожили почти 10 лет. В Казахстан как приехали, проработав два года, я поехала Женьку проведать в лагерь в Кемеровскую область (название лагеря уже не помню). Приехала, а ее уже там нет, оказывается, она раньше меня освободилась.

Мирзоев А. С. Надя, между Казахстаном и Кемеровской областью неблизкое расстояние. Как Вы туда добирались? Вы поездом ехали?

Мялик Н. Н. Я приехала поездом в Барнаул, нет Мариинск. Дальше добиралась на лошадях, на попутках. Я приехала в тот лагерь, где Женя была, а мне говорят: ее тут нет, она освободилась.

Мирзоев А. С. Надя, значит, вы дружили, близкими были, раз поехали проведать ее, в такую даль?

Мялик Н. Н. Ну, конечно дружили, как же не дружили? Мы вместе кусок хлеба делили, она ко мне в Казахстан приезжала тоже не просто так.

Мирзоев А. С. А год Вы не помните, когда она к Вам в Казахстан приезжала?

Мялик Н. Н. Я сюда (в Нальчик. – *А. М.*) приехала в 1973 году, через два года, после того, как Женя ко мне приезжала в Казахстан. В 1970 году она приезжала ко мне в Казахстан, в Павлодар. Два года она уговаривала меня, чтобы я продала хозяйство и переехала сюда. Когда она собиралась ехать в Казахстан, Хамид Кажаров [1], ей сказал: «Женщина – русская, работает свинаркой. Ты почему едешь туда, а не в Кисловодск отдыхать?» Она ему сказала: «Я к Надьке поеду. Тебе что, жалко корзину яблок и груш?» Вот так она ко мне приехала.

Мирзоев А. С. Вы там работали на свинарнике?

Мялик Н. Н. Я там работала и на пекарне, и на свинарнике и на утках. Меня там брали и бригадиром, и заведующей в магазин. Но я никуда не шла. Я им сказала: «Хватит с меня портфеля». Потому что я боялась людей. Я когда приехала сюда, работала в теплице в совхозе «Нальчикском», цветы выращивала. Там начальником работала женщина, Мовсисян [2] привез ее с Днепропетровска, с Украины. И она мне говорит: «Возьмите ведро роз, идите на улицу Ленина, там стойте – розы продавайте» А я говорю: «Я розы продавать не буду». Да меня же посадят в тюрьму за розы, зачем мне это надо. Понимаешь, я человек порядочный, честный, меня ни за что посадили, еще мне за розы сидеть не хватало. Скажут: она сидела в тюрьме – теперь опять, за розы что ли, сидеть. В Казахстане директор, помню, мне говорит: «Надя, иди на утки бригадиром». Я говорю: «Слушай-ка, Алексей Корниенко топчется на это место, аж писчит. Вот поставьте его на это место. Мне ваши портфели не нужны». Я так всегда всем говорила. Бухгалтер приехал сюда (в Нальчик. – *А. М.*) с Казахстана отдыхать в санаторий Калмыкова. Я получаю письмо, думала, что Женька мне написала, смотрю – не ее почерк. Прихожу туда – это, оказывается, бухгалтер совхоза в Казахстане, где я работала. Он мне предлагает обратно в Казахстан ехать. Я ему говорю: «Я обратно не поеду, я в теплице совхозной работаю, мне квартиру здесь обещают дать». Они знали, что я человек грамотный, им было со мной легко, они знали, что я никого, никогда не продам. Но я никогда никуда не лезла. Мне их портфели не нужны были.

Мирзоев А. С. Так Вы с Женей первый раз после лагеря встретились в Казахстане?

Мялик Н. Н. Нет, в Москве. Завпекарни мне говорит: «Надя, я пойду в отпуск, а ты будешь за меня. А потом ты пойдешь в отпуск». Женя как раз в Москве шесть месяцев была, она там что-то писала, готовилась к защите. Она мне пишет: «Надька, я к тебе приехать не могу, и ты ко мне в Нальчик приехать не сможешь. Давай приезжай в Москву». Я приехала в Москву с Казахстана в общежитие МГУ. С лифта вышла, а там черные стоят негры – мужики высокие, у них только здесь (на ладонях. – *А. М.*) белые полосочки. Я рот раскрыла, а потом Женьку увидела и как закричу: «Женька!». Я там пожила у нее неделю, может больше. А потом она ко мне в Казахстан приехала.

Мирзоев А. С. Вам не скучно было вместе?

Мялик Н. Н. Скучно? Мы с ней, Господи, два дурня старых. Мы носы мерили сантиметром, какой нос у меня, какой у нее. Мы же действительно похожи были друг на друга, только она беленькая, а я черненькая. Нафо, сестра ее, нам платья одинаковые шила. Нам друг для друга ничего не жалко было. Вот этот диван, уже не годный, – это ее диван. Он уже старенький, а я его не выбрасываю. Женька мне его на новоселье, когда квартиру дали, купила. Я прихожу с работы, а она спит во дворе на этом диване. День жаркий, солнце светит, люди кругом ходят, а она во дворе на этом диване разобранном спит. «Женя, ты че здесь спишь?». «Надька, – говорит, – я заснула». Понимаешь, Женя какая была: она никогда не ставила себя выше людей, настолько она была простая и человечная.

Мы с ней пойдем на базар, купим рублей на 500 продуктов, на следующий день прихожу к ней – у нее уже ничего нет. Все раздала.

Мирзоев А. С. Да, она хлебосольная была. Кроме друзей, родственников, у нее и студенты часто гостили.

Мялик Н. Н. Очень хлебосольная. Я когда приехала в Нальчик, она еще в общежитии жила. Я к ней приходила туда. Помню, мы с ней ходили по Нальчику: никак не могли найти хорошую машинистку. Она столько денег отдала, чтобы ее диссертацию нормально отпечатали. Мы с ней читали: я рукопись, а она – то, что уже напечатано. Кажаров тоже приходил, помогал. Он уже, по-моему, женился, квартиру получил. Когда он приходил или если он там был, я быстро уходила. По делу пришла и ушла. Как-то он ей сказал: «Женя, единственный человек культурный к тебе приходит – это Надя. Женя, где Надя? Я по ней соскучился». А она: «Что? Ты забыл, как говорил: «Русская женщина, работает свинаркой, зачем ты к ней едешь?». «Если бы я знал, я б тоже поехал», – ответил он.

Мы знаешь, как друг к другу относились? Мне не было никогда жалко для нее ничего. Она для меня тоже ничего не жалела. Я до сих пор жалею, что когда она ослепла, не забрала ее к себе сюда. К тому времени муж мой уже умер, я одна жила.

Мирзоев А. С. Когда Вы в Москву приехали, она тогда Вам предложила в Нальчик переехать?

Мялик Н. Н. Нет, я в Москву приехала просто повидаться, столько времени не виделись. А потом она когда в Казахстан ко мне приехала, говорит: «Слушай, Надька, к старости надо жить там, где тепло. Что ты будешь тут делать? У нас

в Нальчике и не такие люди живут, и ты проживешь. Хуже тебя в сто раз живут, и ты проживешь». Два года я все никак не решалась, надо было продать корову, телку, теленка. И гуси, и утята, и куры были. Я когда на утках работала, помню, ей перину сделала, она долго на ней спала. В общем, в 1973 году я с мужем в Нальчик переехала.

Мирзоев А. С. Ну и как вы с работой, с жильем определились?

Мялик Н. Н. С работой мне Гоца, Руслана Кимова мама, помогла. Я по объявлению пошла: набор был в совхоз «Нальчикский». А мне сказали, что в теплицах места уже нет. Я зашла до Нафо, потому что я у Нафо три месяца жила, пока квартиру не сняла, а там как раз Гоца была. Она мне записку написала для управляющей тепличным хозяйством – Богатырева Зоя Ивановна. Она когда-то работала в Урухе и с Гоцей была знакома. И когда я пошла с запиской Гоцы к ней, Зоя Ивановна сразу взяла меня за руку: «Надя, все. Вы – наша». Через год совхоз «Нальчикский» дал мне квартиру. Я до последнего к Гоце ходила, бедная Гоца заболела, ее инсульт ударил.

Муж мой умер уже как 22 года – в 1994 году.

Мирзоев А. С. А в лагере как Женя жила? Как к ней относились заключенные, администрация, характер какой у нее был?

Мялик Н. Н. Относились к ней как ко всем людям хорошо, дружелюбно. Что там характер, характер там сильно не покажешь. Она добрая была женщина. Нафо ей посылку пришлет – она все в бараке раздаст всем понемногу. Она была очень добрая, дружелюбная. Мы очень дружно жили – как одна семья. Конечно, там люди всякие были. Вот эта татарка Машенька – воровка была. Но многих ни за что сажали. Строить государство надо было, рабочая сила нужна была – вот и сажали людей. И заведующую, и бухгалтера, и мужика того, и меня – всех нас за просто так посадили. Мы, правда, все освободились. Отсидела я почти десять лет.

Начальство очень дружелюбно относилось к нам. Мы начальника Батя называли. Он поехал как-то в Цхвалтубо [3] на лечение (у него подагра была и на руках и на ногах), я его на станцию повезла. А когда он возвращался, приехал в Барнаул. Я должна была поезд ночью встретить. Жена его, я ее Мать называла, пошла к начальнику новому. Батя по болезни сдал начальство и у нового начальника был заместителем. Новый начальник не хотел меня отпускать. Я до него под конвоем никогда не ходила, ездила везде одна, под конвоем меня только в лагерь привезли. Мать (тетя Таня) в конце концов, договорилась, и я запрягла жеребца (Жезл его звали), поехала ночью на санях за 25 километров на станцию в Барнаул. Пошла к поезду, встретила его, тулуп теплый взяла для него. Приехали в лагерь, коня отвела в конюшню, сама пошла к себе. Я в лагере не жила, работала в инструменталке (помещение для хранения рабочих инструментов, выдававшихся заключенным во время работы. – А. М.) и жила там же, напротив лагеря. Прибегает их дочка – девочка Галя и зовет: «Теть Надя, папа с мамой Вас ждут, не садятся кушать». Я вхожа была к ним и ему даже говорили, упрекали из-за зависти: «Дети ваши ходят к ней, она ходит к вам». А он говорит: «Ну и что, она порядочнее, чем ты, кто это говорит. Мало ли что ее осудили, а ты не судимый». Они когда с женой уезжали куда-нибудь, меня оставляли дома с их девочками за хозяйку. Пчелы у них были – я и за ними

присматривала. Я там жила, понимаешь, как вольная, только что судимость у меня была. Мне надо – я поехала в Барнаул, мне надо – поехала в Мариинск. У меня был пропуск. Пришел другой начальник. Батенька был уже старенький, написал заявление, чтобы его заместителем оставили. А новый начальник вопрос поставил – почему она за зоной живет, почему она питается не в лагере. Пусть работает в инструменталке, а ночует в зоне. Свои порядки стал устанавливать. Ну что ж – хорошо. Батя договорился с врачом, будто у меня аллергия. Положили меня в больницу, я две недели там полежала. А Батя меня научает, что делать, чтобы нового начальника сломать. И мы его сломали. Я ушла с инструменталки, поставили туда одну женщину – она после освобождения осталась там жить, у нее двое детей. Время прошло – все там растащили, не осталось инструментов. Новый начальник пришел ко мне на поклон – чтобы я вернулась. Я говорю: «Я не пойду». Закончилось тем, что вызвал меня, дал коня, телегу, посадил Батю со мной и отправил в Троицк за 40–50 километров весь инструмент заново закупать. Вернулась я в инструменталку и как раньше стала жить. Я даже не помню, чтобы мне там было голодно или что.

Фамилия Бати – начальника лагеря была Лукьянчиков Андрей Иванович. Жена его тетя Таня. Очень был хороший человек. Он мне говорит: «Давай напишем помилование». Я говорю: «Не буду писать». Батя говорит: «Тебе что – встречаться с ними? Плевать тебе на них». Взял, написал от моего имени на тетрадном листочке и отослал. А жена его Таня говорит: «Надя, тебя освободят». Я говорю: «Как освободят – шесть месяцев прошло, а ответа нет». Она говорит: «Если бы отказали – ответ сразу пришел». А мне снится сон, будто я у себя дома, на своей родине якобы. Я иду, а по дороге лошади стоят – жирные, гнедые, одна лошадь ногу подняла, как будто хотела ударить. Но не ударила. Я к Бате захожу и жене его говорю: «Тетя Таня, я сон видела». А тетя Таня говорит: «Тебя, Надя освободят. То, что лошадь хотела ударить, но не ударила – это один дурак хотел против тебя сказать, но не сказал. Тебя освободят. Загадай сон на свое освобождение под субботу». Я пришла к Тане и говорю: «Тетя Таня, меня не освободят». Она: «Как не освободят, скажи, что ты видела во сне». «Картошку, – говорю, – копали в запретной зоне. И там была картошка сухая и не сухая». «Тебя осенью освободят». Точно, меня осенью освободили в сентябре месяце 1959 года. Я захожу к Бате, кричу: «Батя, Батя, меня освободили!». Я знаешь, девчонка дикая, цивилизации там нет никакой. А он лежит на кровати так и говорит: «Ну, хорошо, иди к Бородихину».

Я к начальнику домой захожу, у него там плита, восемь конфорок, быка зарезали, мясо готовят. Я ему говорю:

- Меня освободили – давайте дела буду сдавать.
- Я за тебя как за человека рад, но как труженика отпускать жалко. Может, останешься вольной.

- Отстань, отцепись, ради Бога.
- Садись, покушай. Выпей за освобождение.
- Я не буду бражку пить, я человек непьющий.
- Но потерпи два дня, пока я человека найду.

Я два дня потерпела еще, поработала. Батя с Таней были уже старенькие – поехали в Кемерово, купили мне на дорогу пальто драповое, чемодан. Они очень

хорошо ко мне относились, писали мне письма, я даже поехала их проведать после освобождения, а лагеря уже нет – ликвидировали.

Мирзоев А. С. А Женя с Вами была в это время?

Мялик Н. Н. Нет. Нас уже разъединили. Жени здесь не было.

Мирзоев А. С. А Женя как общий язык находила с администрацией? Были ли у нее конфликты с начальством? У нее же такой характер был – она всегда справедливость искала.

Мялик Н. Н. В Березовском лагере я помню, прихожу с работы, спрашиваю: «А Женя где?». Мне говорят: «Она в карцер пошла, с начальником поругалась». Начальником лагеря был Бородихин, полный такой мужчина. Она взяла пайку хлеба, бушлат, веревочкой подвязалась, стоит возле карцера. Я ей говорю:

– Зачем? Женька, ты че здесь стоишь? Пойдем домой, что ты дурака валяешь. Пошли.

– Я с начальником поругалась. Пусть меня посадят.

– Ну и что? Что ты выгадаешь? Женька пойдем.

– Нет, пусть меня посадят.

Ее знаешь, любили все. В одно время она работала на приеме у врача – вела запись больных. Она и здесь старалась помогать людям. Она особенно жалела «бантиков» – это воришки-малолетки, дети еще. Мы их «бантики» называли. Они жили отдельно от нас в другом бараке. До Березова Женя не работала. Я в пожарке работала, за лагерем жила. Нас команда – 6 человек было. Помню, лошадь у нас была, Кум звали, красивая очень, видимо, цирковая была, а потом забраковали и она к нам попала.

За что Женю осудили, не знаю. Ни за что. Мы многие там такие были. Поэтому начальство, это зная, нас не преследовало.

Мирзоев А. С. Ко всем так относились?

Мялик Н. Н. Ко всем. Я не знаю, что там Солженицын пишет, но мне в лагере неплохо было. Из всех нас, кого посадили, все живые освободились, никто не умер. Я не могу судить о всех. Всякое было. Если нас посадил Зубков, начальник НКВД, то когда мы освободились, то Зубков сдох. Когда я приехала домой в Белоруссию, мне тут же однокомнатную квартиру дали. Я работала в доке год, а потом поехала в Казахстан. Нигде меня не преследовали – ни здесь, ни там. В лагере нашем женском и беременные сидели, и больные. Больных работать не заставляли, беременные рожали, и их дети с ними находились, их досрочно освобождали. К нам в женский лагерь приезжали с другого лагеря мужчины с концертом, мы там танцевали. И такое было. Помню, летчик там был Коля Кобзев, фронтовик, красивый такой. Тогда очень много военных сажали невиновных – не понимаю, что это было. Я так думаю, что им люди нужны были – лес валить надо было. Помню, там одного генерала посадили, а он не выдержал, застрелился. У нас в лагере и священник сидел – Иван Федорович. Очень хороший был, царство ему небесное. Все наши начальники – офицеры у него детей своих крестили. Его посадили на пять лет за то, что когда немцы пришли, он при них остался в церкви служить.

Когда Сталин умер в 1953 году, я думала, что Женька радоваться будет, что он сдох. А она с ума сходила – как она редела по этому Сталину. У, Боже

ты мой, она газеты, документы все про это собирала. Да все, эти заключенные дуры, плакали.

Мирзоева Н. С. И Вы плакали, Надя?

Мялик Н. Н. Я? Черт его знает. Мне что по Сталину плакать? Если у меня папы и мамы нет, сиротой выросла. Ой, Господи, я очень мало, что помню. Я забыла много чего, мне уже в следующем году 90 лет будет. Всякое было: и в кабинете посидела, и в тюрьме и в теплице поработала. Жизнь прошла.

Мирзоев А. С. Когда Вы с Женей познакомились в лагере, она уже не работала?

Мялик Н. Н. Да, Женя не работала, у нее туберкулез был. Может до этого она работала, но при мне она уже больная была. Уже после освобождения, в Сухуме когда она жила, ей пенсию по инвалидности платили – 18 рублей, что ли. Там в Сухуме она у какой-то старухи на квартире жила. Ела только зелень, ей не разрешали купаться, а она рано утром ходила купаться на море. У нее три каверны было на легких. И вот так она сама залечила свой туберкулез. У нее эту пенсию по инвалидности забрали потом, заставили платить обратно, вычитали из зарплаты, когда она уже в университете работала.

Мирзоев А. С. Она мне про это сама рассказывала. Ее положили в больницу для туберкулезников, когда она в Сухуми приехала. Каждый день там кто-то умирал, и покойников увозили из больницы. «И я поняла, – вспоминала она, – что когда-то и меня так вывезут». Она сбежала оттуда и поселилась у какой-то старушки, не в городе, а в горах. Кушать ей было нечего, она не работала, денег у нее не было. Она уходила в лес, питалась травами, кореньями, ягодами – как-то инстинктивно выбирала. Вот душа ее просит – это поешь и она это ела. Ее два года милиция искала, чтобы водворить обратно в больницу. Наконец, ее нашли, привезли и водворили обратно в больницу туберкулезную. Когда она убегала, она была больная, худая, полутруп. Она все это время себя в зеркале не видела – у старухи, где она жила, не было, наверное, зеркала. А тут она на себя в зеркало посмотрела и увидела в нем молодую, цветущую женщину. Врач, который ее лечил, увидел ее, удивился, понял, что все с ней в порядке, иначе у нее такого вида не было бы. Он затолкнул ее в рентгенкабинет. Снимок показал, в легких все чисто, каверны зарубцевались. Врач заставил ее написать, что якобы, когда она сбежала из больницы, захватила с собой таблетки, которые он ей прописал. Так как она не хотела попасть обратно в тюрьму, то вынуждена была подписать эту бумагу. А врач после этого на конференциях выступал, говорил, что вылечил такую туберкулезную больную.

Мялик Н. Н. Да, легкие, бронхи у нее всегда были проблемные. Чуть она простынет, у нее сразу кашель. Ну и курила она долго. Потом она курить бросила и мне говорит: «Надька, ты курить бросишь, человеком будешь». А я говорю: «А ты что, когда курила, человеком не была?».

Мирзоев А. С. А Вы не помните, в каком году она курить бросила?

Когда мы поступили в университет в 1983 году, она, по-моему, уже не курила. Тетя Женя рассказывала: стояла она как-то на автобусной остановке, к ней подбежала миленькая собачка, виляя хвостиком. Из-за того что она долго курила, у нее бывали неожиданные приступы кашля. И тут она так громко за-

кашляла, что собачка испугалась и убежала. Она пошутила, что даже собаки стали от нее шарахаться, и с этого момента перестала курить.

Мялик Н. Н. Не знаю. Я в 1982 году ушла на пенсию, она, как я помню, еще курила.

Мирзоев А. С. Надя, у Вас переписка с тетей Женей не сохранилась?

Мялик Н. Н. Нет ни одного письма, ни ее, ни моих. Нафо получала мои письма, но почему-то не отдавала их Жене. Я же долго искала ее, даже думала: может, умерла уже. Она же больная была очень Женька. Я даже помню, как писала из лагеря Нафо, что если она умерла, я поеду к ней на могилку.

Мирзоев А. С. А Вы знали адрес Нафо?

Мялик Н. Н. Женя дала мне адрес Нафо. Я же не знала, что это Кабардино-Балкария. Мы же не спрашивали, кто какой нации там, нас это не интересовало. Понимаешь деточка? Нам было это безразлично. Мы с Женькой дружили очень, жили в одном бараке, все вместе, вместе. Вообще мало кто так дружил, как мы с ней. Понимаешь, она не считала, что была старше, грамотнее меня. У нас не было в отношениях, что она выше или я, мы общались как равные. Я – Надька, она – Женька. Вот так. Видишь, как она фото свое мне подписала: «Твоя Енька не лучше, чем на этом фото». Моя Женя такая была. Я всегда говорила – моя Женька, моя Женя. Как-то Господь связал нас с ней. Мне было все равно, что она – кабардинка, а я – белоруска. Мы людей по нации не разделяли. Мы настолько подходили друг другу. Мы и матом матерились. Она такая была, что могла и матом сказать. «Надька, ты не думай, что ты только можешь матом. Я тоже могу 33 этажа матом сказать». Нам было весело с ней. Мы друг друга дополняли. Душу отводили друг с другом. Мой муж никогда не мешал встречаться с ней.

Вспоминаю, как я ей с Казахстана выслала туфли белые в посылке. В эти туфли яйца положила – хотела, чтобы она яйца поела. Ну, дура же, Господи! Конечно же, яйца побились – туфли стали желтые. Когда у нее пропали деньги в квартире, все искали. Женька мне тогда сказала: «Надька, знаешь, я говорю: всех могу подозревать, только не Надю. Надя – вне подозрений».

Мирзоев А. С. Надя, может, потому что я мужчина, родственник ее, я лично, когда общался с Женей, не замечал этого, но вот другие люди говорят, что она была иногда очень вспыльчива.

Мялик Н. Н. Вспыльчивая? Господи, да она и со мной была вспыльчивая. Но она быстро отходила, зла не держала. Помню, в лагере поругается со мной, а потом придет мириться. Я на втором ярусе лежала в бараке. Придет и снизу жалостливым голосом: «Надька, я к тебе лезу». А я ей: «Лезь, Женька, лезь». Я не считала, что это большая проблема.

Мирзоев А. С. А вы и здесь, в Налъчике, ссорились, бывало?

Мялик Н. Н. Здесь я с ней не ссорилась. Она с Нафо ссорилась. Прихожу до Нафо, а Нафо плачет. «Надя, Женя пришла, поругалась со мной, убежала, не покушала. Надя, бери кушать, неси ей». Ну, я беру, несу ей в общежитие. О, Господи, Женька такая была – иногда могла вспылить на пустом месте. Но это, наверное, старость, возраст. Бывало, поедем вместе на базар, едем обратно, а она уже обиделась, молчит, пока едем. Всякое бывало, это жизнь. Но пакости мы друг другу не делали.

Мирзоев А. С. А Нафо почему письма Ваши скрывала от Жени?

Мялик Н. Н. Нафо объясняла это тем, что сюда, в Нальчик, к ней приезжала какая-то татарка, которая вела себя не так, как надо. Она боялась: кто такая я и не напакощу ли я Жене. А тут принесли мое письмо к Нафо, а там Женя сидит. «О, – говорит она, – Надька объявилась».

Она была очень добрый человек, умница. Но, не хозяйка, конечно, была, не экономист. Все раздавала. Царство ей небесное, я как вспомню ее, она была, во-первых очень красивая, худенькая, беленькая. Ну, конечно, была умная. Интересная была. И, конечно, считались с ней. Даже там, в лагере воришки – «бантики» уважали ее, все ей доверяли. Как-то она смеется и говорит мне: «Надька, бантики собаку съели оперуполномоченного». Оперуполномоченный уехал куда-то, а «бантики» его собаку съели. Они от Жени ничего не скрывали, она дружила с «бантиками».

Мирзоев А. С. Евгения Джамурзовна уже в пожилом возрасте, когда мы студентами узнали ее, действительно была красивая женщина.

Мялик Н. Н. Она всегда была красивая, очень красивая.

Мирзоев А. С. Когда она жила в Сухуме, вы переписывались?

Мялик Н. Н. Нет. Я же не знала, что она в Сухуме жила. Я ее искала. Я Нафо писала. Я работала в Казахстане, когда мы с ней установили связь.

Мирзоев А. С. Надя, Вы не жалеете, что в Нальчик переехали?

Мялик Н. Н. Я не пожалела. Что мне жалеть, мне везде было хорошо жить, ко мне везде люди хорошо относились. Нафо, Майя как к родной ко мне относились. Нафо нам с Женей всегда платья одинаковые шила, мы с Женей и похожи были. Майя и Нафо были как бы связующим звеном у Налоевых и у всех родственников Жени. Дом Нафо был как штаб. Все у нее собирались. Братья ее придут: Ахмедхан [4], Заур [5], Уали [6], Аси отец, – так они меня за закуской в магазин посылали. Хорошие были все ребята. Когда Женя защитилась в 1973 году, у Нафо дома вечер, банкет сделали. Человек семьдесят собралось. Еще одна москвичка – старуха (Кушева Екатерина Николаевна. – А. М.) приехала. Простое платьице синенькое было на ней, туфельки простые и в сомбреро – соломенной шляпе она была, как сейчас помню. Но она ночевала в гостинице, университет снял ей номер. На Жене и мне, были одинаковые платья, из серого кримплена – Нафо нам сшила. Только у Жени черная заставка была на платье.

Женя, когда в университете работала, говорит мне: «Надя, а давай будешь заочно учиться – я тебе помогу. Агрономом будешь работать». Я ей говорю: «Я 5 лет отучусь, через 11 лет мне на пенсию. А зачем мне это надо? Зачем мне портфель? Ты же знаешь, мне портфель не нужен». Мне в Казахстане директор, Алексей Васильевич Голицын, царствие ему небесное, предлагал бригадиром быть на утках. Я ему говорю: «Ты же знаешь мой характер. Ты же через три месяца меня выгонишь». Мы в Казахстане с мужем работали, оба по 500 рублей получали, вместе 1000 рублей. За бригадирство 70 рублей давали. Мне это надо? Чихать я хотела на это.

Как-то я пришла в контору, а женщины мне говорят: «Надя, твои утки пришли». Кушать нечего, закончился корм. Они кушать хотят и по моему следу пришли – знают же, где я хожу. Вот и пришли сюда в контору. Не все, конечно, маленькая партия – 200 штук. А их было 5000 у меня. «О, вы мои хорошие,

ну-ка пошли к директору!». Я иду с ведром, они за мной – га-га-га, га-га-га. Мы идем по коридору. А у них знаешь, какие лапки, они же громко стучат: топ-топ, топ-топ. Коридор длинный, двери с двух сторон. Люди двери открывают – утки, двери открывают – утки, там утки, и там утки. Директор мне говорит: «Надя, ты что делаешь?». Я ему говорю: «Я что ли их привела? Они меня сюда привели. Давай кушать». Директор отправил комсомольцев на поле, там как раз горох собирали. А потом уборка подошла, зерно пошло. Вот такая я была настырная. В этом мы с Женькой похожие были характером.

Женя, конечно, прожила длинную и трудную жизнь, как и я. Вот в следующем году мне будет, если доживу, 90 лет.

Мирзоев А. С. Дай Бог Вам Надя еще долгих лет жизни, спасибо Вам за Женю, что Вы ее так любили, что Вы нам о ней так много рассказали.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кажаров Хамид Хатунович (1936 г.р.) – поэт, педагог, критик и литературовед, профессор кафедры зарубежной литературы. В 1962 г. окончил историко-филологический факультет КБГУ по специальности «Кабардинский язык и литература». Кандидат филологических наук (1967), член Союза писателей РФ, работает в КБГУ с 1967 г.

2. Мовсисян Черкес Бахшиевич (1922–2015). Родился в Нагорном Карабахе. Окончил сельхозтехникум г. Степанакерта. Ветеран Великой Отечественной войны. По постановлению правительства был призван на трудовой фронт по восстановлению разрушенного фашистской оккупацией народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Свыше 30 лет возглавлял совхоз «Нальчикский» – одно из лучших хозяйств не только в Кабардино-Балкарии, но и на всём Северном Кавказе.

3. Цхалгубо – город-курорт на западе Грузии, известный своими целебными источниками.

4. Налоев Ахмедхан Хамурзович – один из ярких представителей послевоенной кабардинской литературы, выдающийся ученый-лингвист, педагог, активный участник Великой Отечественной войны.

5. Налоев Заур Магометович – двоюродный брат Е. Дж. Налоевой, сын ее дяди Налоева Магомета Кубатиевича, народный писатель Кабардино-Балкарской Республики, заслуженный деятель науки КБАССР, заслуженный деятель культуры Республики Абхазия, видный общественный деятель, ученый-фольклорист и поэт.

6. Налоев Уали Магометович – двоюродный брат Е. Дж. Налоевой, родной старший брат Заура Налоева.

Налоев Аскер. **Первое знакомство**

Первое знакомство с тетей Женей (родной сестрой моего отца) состоялось, когда мне было лет пять, в родовом «гнезде» Налоевых, где сейчас стоит Танцевальный зал, на бывшей улице Советской (ныне ул. им. А. П. Кешокова. – А. М.).

Дети всегда чувствуют, когда их любят, и я с первых минут был очарован ею. Помню, сижу у нее на коленях, она рассказывает о какой-то волшебной стране, которую я никогда не видел и не знал, что она существует. (После освобождения из мест заключения, Женя не сразу вернулась в Нальчик, так как у нее была открытая форма туберкулеза, а поселилась в Сухуми, зарабатывая на жизнь кройкой и шитьем). Она говорила об этом городе с такой любовью

и с такими подробностями, что я всецело погрузился в мир ее рассказа. Море, корабли, чудные дома, чайки... и вот я плыву с ней в воображаемой лодке, у меня в руках удочка, мы ловим рыбу и, вдруг, клюнула здоровенная щука, вместе затаскиваем ее в лодку и... приходят гости из реального мира. Женя предлагает мне побегать во дворе, пока гости не разойдутся. Но они очень долго, как мне казалось, не расходились, а рыба-то может испортиться в такую жару. Забыв обо всех нормах приличия, я забегаю в комнату, где сидят гости, и предлагаю пожарить щуку. Почему-то этот случай ее развеселил, и она часто вспоминала его: «А шукэжьыр гъажьэт» (Пожарь ту щуку).

Мы очень подружились с Женей, ходили на речку, на базар, по магазинам, она покупала мне мороженое и шипучку, на которой красовался Буратино. Мне казалось, что мы не можем жить друг без друга (детей у нее своих не было), и когда она предложила поехать с ней в Сухуми, счастливей меня не было человека. Отец был не против, и я был на седьмом небе от счастья. Однако на перроне, откуда отправлялся поезд в далекие края, в моем сердце появилась тревога, и оказалось, что не напрасно. Когда отец спросил: «А машин у вас в городе много?», Женя с радостью стала говорить об огромном количестве машин разных марок, отец перебил ее: «А если он попадет под машину?». Женя начала плакать и я понял, что никуда я не еду и путь в волшебную страну мне «заказан». (Нашу фамилию коснулись серьезные репрессии, мы с братом были только двое по мужской линии).

В общей сложности я у тети прожил около тринадцати лет. После поступления в КБГУ жил у нее в общежитии. Благодаря ей мне довелось побывать в столице нашей родины Москве. Там остановились в квартире ее племянницы, моей двоюродной сестры (Майя – дочь Нафо. – *А. М.*), которая была замужем за военным врачом. Именно он достал два билета в Большой зал консерватории. Мы с Женей будем слушать орган в исполнении знаменитого музыканта, как сейчас помню, Гарри Гродберга. Он будет исполнять органные произведения И. С. Баха, а также токкату и фугу ре минор. Я никогда не видел и не слышал этого инструмента. И вот когда зазвучала музыка, со мной стали происходить странные вещи. Ощущение, как будто меня кто-то тянет за ноги вверх и нет сил этому сопротивляться, по позвоночнику бегут мурашки, в животе холодно, чувствую, что теряю сознание... Женя толкает в бок, думая, что я засыпаю. Не знаю, как долго продолжалась эта борьба, но окончанию концерта я был очень рад. Мы хлопали в ладоши, она кричала: «Браво!». Затем всю дорогу ругала меня, беспощадно, за мое невежество (откуда было взяться образованности в интернате). И вот, когда от метро до дома оставалось метров пятьдесят, и она окончательно успокоилась, я стал насвистывать токкату Иоганна Себастьяна Баха. Надо было видеть ее лицо. Она подвела меня к фонарному столбу и стала рассматривать мою физиономию: «Ты раньше ее слышал?». Я ответил, что нет. Это была правда.

Самым ценным, на мой взгляд, уроком, который получил я от Евгении Джамурзовны, было умение рассуждать и анализировать, но непременным условием этих понятий должна быть основа нравственная. Согласитесь, что для мальчика, вступающего в жизнь, – это важно.

Саралып Альберт.
Тетя Женя

Есть люди, с уходом которых на душе тяжело и очень жаль от того, что мало времени провёл с этим человеком... недоговорил, недослушал, недопонял...

В памяти часто всплывают образы людей, чьё сильное влияние испытал на себе, с которыми был знаком и кого тебе больше всего не хватает. Заур Налоев, Женя Налоева, Мухамед Кубатиев, Баграт Шинкуба, Александр Сокуров, Михаил Пиотровский, Яков Гордин, Андрей Вознесенский, Тонино Гуэра...

Отдельный след в моей душе и судьбе – это НАЛОЕВА ЕВГЕНИЯ ДЖАМУРЗОВНА... ТЁТЯ ЖЕНЯ... Вспоминая её, перед лицом встаёт гордая, интеллигентная женщина с ухоженными руками... Маленькая, но уютная квартира, рукописи на столе, постоянное присутствие у неё дома студентов, аспирантов, племянников, политиков, деятелей культуры.

Так случилось, что по лживому доносу своих коллег по Пединституту, в 1948 году, Евгения Джамурзовна была осуждена Нальчикским судом на 8 лет лагерей...

Её редкие рассказы о жизни в заключении врезались в мою память... Вот некоторые из них.

Свобода

В 1953 году в Советском Союзе объявили амнистию называемую «бериевской», по которой из лагерей было выпущено более миллиона заключённых. Евгения Джамурзовна рассказывала, что её вызвал комендант лагеря и объявил ей, что её отпускают... Отсидев 8 лет по ложному доносу своих «коллег» по пединституту, перенеся столько испытаний и горя, Женя отказалась от «справки об освобождении» по амнистии, потребовав от лагерного начальства документа о своей полной реабилитации.

Но лагерное начальство, пригрозив ей новым сроком за неповиновение, выдворило её за пределы зоны...

Сразу вернуться в Кабарду Евгения Джамурзовна не захотела. Было огромное желание обрести «человеческий облик» и набраться сил. Все годы заключения, проведённые в холоде и сырости, она мечтала о солнце и тёплом море. Женя решила добраться до Абхазии.

Сейчас трудно себе представить, как со справкой об освобождении, без денег можно было добраться до Кавказа через всю страну! Мне запомнилась её история, которая произошла с Женей по пути в Абхазию.

Это была вторая неделя в пути... грузовики, паромы, поезда, но до Кавказа было ещё далеко. Как-то повезло и удалось попасть в купейный вагон, где проводница разрешила присесть на откидное сиденье в коридоре. Очень боялась заснуть, т.к. могла упасть на пол, поэтому отвлекала себя пейзажами за окном... И вдруг на одной из станций она видит высокого мужчину в папахе и длинном кожаном пальто. Это точно кавказец подумала Женя. За 8 лет тюрьмы она первый раз увидела мужчину с Кавказа. Он зашел в вагон, в котором находилась Женя. Когда он проходил по коридору вагона, Женя встала, подошла к нему и запла-

кала... Мужчина обнял её. Сколько они так стояли Женя не помнит. Кавказец ни сказал ни слова, а когда он ушёл она обнаружила в кармане ватника деньги.

Благодаря этим деньгам Евгения Джамурзовна смогла доехать до Сухуми.

Сухуми

Поезд в Сухуми прибыл к 10 утра... Было солнечно и жарко... Женя почувствовала себя как в сказке.

Море... Солнце... Ухоженные женщины в красивых платьях и купальниках и главное ТЕПЛО...

Она вышла на набережную и присела на лавку... Смертельная усталость, жара и как следствие – провал в сон.

Сколько она проспала не помнит, но вскоре над ней нависла какая-то тень, заслонившая солнце. Открыв глаза увидела перед собой две, до боли знакомые фигуры сотрудников органов. Они ей объяснили, что она, своим лагерным видом портит благостную картину курортной набережной и потребовали предъявить документы. Справка об освобождении привела их в бешенство! Схватив её за телогрейку блюстители потащили её обратно на вокзал, передав её дежурному, приказали ближайшим поездом отправить её подальше из Абхазии.

Женя поняла, что дальше так существовать нельзя, она вспомнила, что в Абхазии жил друг её отца и она попросила дежурного по вокзалу помочь найти его, сказав, что она ехала через всю страну к нему. Фамилия, которую назвала Евгения Джамурзовна, оказала на него сильное впечатление. Друг её отца оказывается занимал крупный пост в правительстве Абхазской АССР [1]. Задержанную не только отпустили, но и лично сопроводили до Дома Правительства.

В те времена простому человеку было проще попасть к тому или иному чиновнику любого ранга и, несмотря на внешний вид гостьи из Магадана, она попала в его приёмную!

Реакция недовольной секретарши на посетительницу не предвещала ничего хорошего и тогда Евгения Джамурзовна решила прорываться силой в его кабинет. Секретарь увидев намерения гостьи преградила ей путь, но Женя легко убрала её с пути (сказалось физическая закалка полученная ею на лесоповале). Влетев в кабинет, Женя невольно сорвала какое то совещание... Когда недовольный хозяин кабинета пытался выгнать непрошенного гостя она произнесла четыре слова, которые остудили его: «Я дочь Джамурзы Налоева!». Собрание было тут же закрыто, а Женю сразу проводили в комнату отдыха, находившуюся рядом с рабочим кабинетом. «Мне некуда ехать... я согласна на любую работу и прошу меня не высылать из Абхазии...!», – такими словами гостья пыталась объяснить свою дерзость, но чиновник, словно не слышал её! «Я не виноват! Я не понимаю, почему меня тогда тоже не арестовали! Я не виноват!», – пытался в свою очередь что-то объяснить Жене хозяин кабинета. Затем он подошёл к сейфу и достал оттуда деньги. Протягивая их Жене, он сказал, что «это на первый период, пока все устроится», но она денег не взяла. Тогда премьер стал кричать на неё: «Девчонка! Ты ничего не понимаешь! Возьми эти деньги!». Женя вышла из кабинета, а уже на улице её догнала секретарша... Благодаря

этому человеку она смогла остаться жить в Сухуми, снимать здесь квартиру, найти себе работу.

Евгения Джамурзовна прожила в Абхазии несколько лет и всегда с теплотой вспоминала о людях и земле, которые приютили и отогрели её в самые тяжёлые годы жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Личность этого человека нам удалось установить благодаря сохранившемуся в архиве Е. Д. Налоевой письму от известного абхазского историка Шалвы Денисовича Инал-ипа, в котором он просит Евгению Джамурзовну прислать свои воспоминания о А. М. Чочуа. Андрей Максимович Чочуа – советский партийный и государственный деятель, в то время, когда Е. Д. Налоева приехала в г. Сухуми, занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. С ее отцом – Налоевым Джамурзой Кубатиевичем А. М. Чочуа мог познакомиться в 1920 -е годы, когда он с марта 1921 г. последовательно занимал посты заведующего Отделом школ Народного комиссариата просвещения ССР Абхазия, заместителя народного комиссара просвещения АССР Абхазия, комиссара народного просвещения АССР Абхазия. В эти годы государственного и культурного строительства партийные, государственные, хозяйственные деятели северокавказских автономных образований часто встречались на различного рода рабочих совещаниях, съездах, где могло и произойти знакомство А. М. Чочуа и Д. К. Налоева.

Светлана Тохова. **Тётя Женя**

Воспоминания – удивительная штука: согревает изнутри и тут же рвёт на части.

Я где-то читала, что человек начинает накапливать воспоминания и четко соотносить их со временем именно в тот момент, когда начинает дифференцировать себя как самостоятельную личность.

Евгения Джамурзовна Налоева была двоюродной сестрой моей мамы – Налоевой Кары Магометовны. Я узнала о её существовании, когда мне было уже 14–15 лет. Запомнился её облик – лёгкий, таинственный, загадочный. Талантливая молодая женщина из поколения, которое было спроектировано для участия в важных, простых хороших делах, с запасом жизнелюбия, одаренная силой, умом, житейской хитростью. Мы – все её племянники и племянницы называли её «тётя Женя» и она принимала это как данность. Она была штучная, не похожая ни на кого. Я бывала у неё дома, но не часто. У неё в доме всегда было многолюдно, словно собирался поэтический салон.

Дверь в квартиру никогда не закрывалась. Все её студенты, коллеги и просто друзья приходили к ней в любое время, постоянно и часто. И она была счастлива. Я знаю, что она помогала студентам, у которых не было возможностей жить на те, мизерные деньги, которые от себя отрывали родители, и это повторялось не единожды. Она бесплатно с ними занималась, и, по-моему, постоянно у неё жил кто-то из её студентов. Её любили. За бодрое слово, за

дружескую сердечность, за твердость характера. Она не терпела лжи. При ней робели мужчины, прислушиваясь к ее Слову. Ее смелость была ошеломляющей. Она была умна – я бы даже сказала, что она была вызывающе умна, если бы не боялась, что поймут неверно. Она никогда не эпатировала, но любила споры и на споры вызывала. Её абсолютно не интересовали материальные блага, хотя любила одеваться модно, следила за собой. И ещё над крышей её балкона жили голуби, которых она ежедневно кормила. В те годы я не видела, чтобы тётя Женя занималась бытом, не могла представить её у плиты. Казалось, что эта сторона жизни никогда не касалась её. Но я ошибалась. Она очень вкусно умела готовить, особенно осетинские пироги с различными начинками. О её непростой жизни, я и не догадывалась. Как-то Женя рассказала мне о днях своей молодости. Я долгое время пребывала в шоке от услышанного. Женя прожила на редкость тяжёлую жизнь по выпавшим на её долю испытаниям жизни. Она пережила на себе все ужасы того периода, столкнулась с неумолимой жестокостью государственной машины, но при этом нашла в себе силы не сдаться. Она прошла через тюрьмы, допросы, издевательства, карцеры, этапы и лагеря. Я не представляла, как такая хрупкая маленькая женщина работала на лесоповале, голодала, болела и чудом осталась жива. Но в этих нечеловеческих условиях она сумела выжить и отстоять свое достоинство, столкнувшись с невероятной жестокостью, но при этом, нашедшая в себе крупницы сил, чтоб не сдаваться. Проходят годы – одни бесследно, другие оставляют в памяти неизгладимый след. Сохраняются в памяти дела, совершенные людьми во имя своего народа. Далеко не у каждого человека так складывается, далеко не каждый может этим похвалиться. Женя одна из тех, кто делал историю своего народа, своей республики. И потому ее жизнь, и творчество заслуживают глубокого исследования. Сиддхартха Гаутама – легендарный индийский духовный учитель был прав, когда сказал: «Жизнь есть страдания». Чтобы избавиться от этого страдания, каждый должен искать свой путь. Но следует помнить, что путь у человека только один. Если он потеряет его – потеряет и себя. Женя выстрадала своё право на жизнь. Она нашла свой путь и не потеряла себя, сохранив при этом человеческое достоинство.

Црымхэ Русльан

- сыт хуэдиз гуауэ кытемыпсыхами
- сыт хуэдэ гуызэвэгъуэ хэмытами
- сыт гуыгъуехъ имыгъэвами
- къэмыланджэу
- и щхьэр имыгъэщхьыу
- тхьэуысыхафэр кырымьшу
- и натIэм кыритхар ирихьэкIащ
- апхуэдэхэр мащIэщ
- мащIэ дьдэщ

- апхуэдэ цыыхуым хуэзар – цыыху хуэзаш
- апхуэдэм уыщыхуээклэ уызэрыцыхуыр кыуегъэцыху
- зыкыуегъэцыхуыж
- сэри Нэлохэ Женэ сыхуэзат...
- сэри Нэлохэ Женэ сцыыхуу щытат...
- здэкIуам уывыIэпIэ дахэ Тхьэм кыырит...
- напэ хуыжкIэ Тхьэм дызэхуигъээж...

**Перевод с кабардинского на русский язык Ларисы Маремкуловой.
Руслан Црим.**

- сколько бы горя на нее ни свалилось
- сколько бы испытаний ни пришлось пережить
- сколько бы трудностей ни довелось преодолеть
- оставаясь стойкой
- головы не склоняя
- на жизнь не сетуя
- встретила все, что судьбой уготовано
- таких мало на свете
- слишком мало
- встретивший их обретает Человека
- обрета – ощущает себя человеком
- познает себя
- и я встретил Налоеву Женю...
- и я был знаком с Налоевой Женей...
- пусть светло ей будет там, где она сейчас...
- дай Бог мне прийти к ней с чистой совестью...

Раздел IX
ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА Е. Д. НАЛОЕВОЙ

Письма к Е. Д. Налоевой от супругов Дружинина Николая Михайловича и Дружининой Елены Иоасафовны
№ 38 [1].

Налоевой Е. Д.
Московская область, г. Звенигород, пос. Мозжинка, дача № 2
От Е. Дружининой
22.06.1966.
22/VI-1966 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Простите и Вы меня за задержку ответа! Ваша телеграмма и Ваше милое письмо очень тронули меня, хотелось сразу же Вам написать. Но в то время очень болел Николай Михайлович, настроение было тревожное и много было всяких хлопот. Писать монографию и быть хозяйкой семьи, хотя бы и маленькой, трудно, – Вы это и сами знаете. А потому, наверно, не будете на меня сердиться.

Мне очень больно было узнать, что Вы попали под машину и к тому же у самого моего дома. Как это я не догадалась перевести Вас через дорогу! – ведь это место очень плохое, едут со всех сторон. Ради меня Вы отлучились с заседания, – это тоже меня очень мучит. Напишите, пожалуйста, как Вы чувствуете себя сейчас; восстановили ли полностью свои силы? Как идет Ваша работа? Не нужно ли чего-нибудь прислать?

Я взяла сейчас отпуск, чтобы не ходить в Институт, но работаю изо всех сил, так как в сентябре я обязана представить свою новую монографию. А работе конца не видно ...

Вы пишете по-русски очень хорошим, выразительным языком! Желаю здоровья и счастья!

Е. Дружинина

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Нумерация всех писем соответствует данным им номерам в Научном архиве КБИГИ (НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 36, инв. № 3027) в отдельной папке с перепиской Е. Д. Налоевой, сами письма публикуются в хронологическом порядке. – А. М.

№ 36.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв.25. Е. Дружинина
05.03.1967.
05/III-1967 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сердечно поздравляю Вас с Международным Женским днем!

Как Ваше здоровье и Ваша научная работа?

Когда собираетесь в Москву?

Ваша Е. Дружинина

№ 25.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв.27. Е. И. Дружинина
12.03.1967.
12/III-1967 г.

Дорогая Женя!

Я вспомнила, что Вы разрешили мне называть Вас по имени, – правда?

Спасибо большое за Ваше письмо! Очевидно, что-то из нашей переписки не дошло, так как после получения Вашей посылки с южными фруктами я послала Вам наш московский шоколадный набор в красивой коробке с изображением балерины. Я думала, что мой подарок понравится, – но я не получила подтверждения, что Вы его получили. Если он до Вас не дошел, сообщите, пожалуйста, и мы узнаем через почту, кто за Вас его получил и расписался. У меня сохранилась квитанция на Ваше имя (от 11/1 67). А может быть Вы писали и подтвердили получение бандероли, но Ваше письмо не дошло?

У нас все по-прежнему. Трудимся изо всех сил. Оба устали и решили отдохнуть по воскресениям – хоть часть дня. Ездим в окрестности Москвы погулять и посмотреть что-нибудь из загородных дворцов-музеев.

Монографию все еще дописываю. Через месяц должна (по плану) и представить. Очень трудно успеть!..

Будьте здоровы и счастливы. Мы гордимся Вами и вспоминали Вас в женский день.

Ваша Е. Дружинина

№ 31.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Москва, Б-321, санаторий «Узкое», комн. 6. от Е. И. Дружининой
25.04.1967.
25/IV 67 г.

Дорогая Женя!

Вчера, наконец, состоялся мой доклад по монографии «Южная Украина в 1800–1825 гг.» Это – моя плановая работа, я не совсем уложились в срок, поэтому сидела дни и ночи. Теперь у меня руки развязаны, и я могу спокойно сесть за письмо.

Мне очень знакомы все Ваши волнения и тревоги, связанные с подготовкой диссертации. Они вполне естественны и закономерны, и Вы не должны приходить в отчаяние. Всякая творческая работа связана с душевными волнениями, неудовлетворенностью – и внезапными радостями. Недаром говорят: «муки творчества». А Вы молодец уже потому, что преодолели столько трудностей – и вернулись к научной работе! Дорожите возможностью заниматься наукой, Вы еще молоды, у Вас много сил, впереди – столько интересного. Приходится ли Вам заниматься хозяйством? Наверно, да. Кто из женщин свободен от этого? ...Это, конечно, затрудняет сосредоточенную работу.

Я сердечно поздравляю Вас с наступающим праздником 1 мая и прошу принять от меня маленький подарок, который отправила сегодня посылочкой.

Моя пропавшая посылка была послана на Ваш адрес в Сухуми 14 декабря 1966 г. Номер квитанции: 705. Я на днях наведу справки на нашей почте, а Вы попробуйте со своей стороны узнать на почте в Сухуми, кто расписался в получении этой посылки. Это, точнее говоря, была «ценная бандероль», и получатель и должен был предъявить свой паспорт.

Будьте здоровы, бодры и счастливы!

Ваша Е. Дружинина

№ 30.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Елена Иоасафовна. Дружинина
20.05.1967.
20/V-1967 г.

Дорогая Женя!

Спасибо Вам большое за Ваше милое письмо! Доброе отношение к нам со стороны Вас и Ваших родных очень растрогало нас с Николаем Михайловичем. Будь мы покрепче, мы сейчас же воспользовались бы Вашим приглашением посетить чудесный горный край и своих гостеприимных кабардинских друзей. Но, увы, Николай Михайлович на далекие путешествия не отваживается по состоянию здоровья. А я не должна его покидать. Сейчас он на обследовании в больнице (я туда носила ему Ваше письмо и мы вместе его читали).

Мы просим Вас и Ваших близких принять нашу горячую благодарность за приглашение и извинить нас за то, что мы не можем им воспользоваться. Будем ждать, когда Вы придете в Москву и придете к нам в гости.

У меня к Вам маленькая просьба: сообщите мне, пожалуйста, точный адрес, по которому я послала Вам ц(енную) бандероль в Сухуми 14 декабря. (Он у меня не сохранился, а на квитанции стоит только Сухуми).

Это нужно для почты, которая хочет навести справки насчет бандероли (кто именно ее получил). Любителей незаконных действий нужно выводить на чистую воду! Я очень рада, что с новой бандеролью все получилось хорошо и что она была у Вас на столе в дорогой для нас всех День Победы над фашистской Германией!

Будьте здоровы и счастливы! Пишите о Вашей работе!

Ваша Е. Дружинина

№ 35.

Сухуми. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
14.12.1967.
14/XII-1967 г.

Дорогая Женя!

Сердечно поздравляю Вас с наступающим праздником и прошу принять в подарок маленькую посылочку. Мы с Николаем Михайловичем вложили в нее и наше фото, а от Вас нам хотелось бы получить Ваше.

Спасибо за Ваше письмо! Хорошо, что нечестная женщина (Сария) наказана. Будет впредь вести себя лучше.

Почему Вы решили ехать так далеко – на Ю. Сахалин? Мне кажется, что Вы очень нужны на родине и должны работать здесь. Вы знаете язык, знаете нравы своего народа. Не так уж много у Вас людей с таким образованием, – так зачем же бросать родной Кавказ. Нет вакансии, – пусть похлопочут и получат дополнительное место. Это не только Ваше личное дело.

Через две недели я сдаю в печать свою монографию, а еще столько нужно сделать! Ищу помощницу, которая работала бы три дня в неделю (вела бы наше хозяйство), получая по 4 руб. в день. Но найти нелегко ... Будьте здоровы и счастливы!

Е. Дружинина

P.S. Посылочку я послала по адресу: Советская ул., д. 39.

№ 40.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв.27. Е. Дружинина
16.08.1967 г.

*Р.С. Я забыла, как правильно: Жамузовна или Джамузовна? Кажется, последнее?
Мозжинка.
16/VIII-67 г.*

Дорогая Женя!

Мы постоянно чувствуем Ваше доброе отношение и заботу. Приехав на три дня в Москву, узнала, что нас ждет посылка. Большое Вам спасибо! Нам только неловко, что Вы затрудняли себя отправкой этих вкусных яблок, это ведь хлопотливо!

Живем мы за городом, но все время работаем. Я читаю с аппаратом микрофильмы архивных документов и, кроме того, много времени трачу на хозяйство. Так хотелось бы найти и поселить у нас какую-нибудь хорошую женщину, которая бы выполняла несложную, но занимающую время и внимание домашнюю работу! По объявлению, «с улицы» брать рискованно. Николай Михайлович мне помогает по хозяйству, и мы справляемся. Но все же моя научная работа страдает. Буду искать хотя бы подходящую – на 3–5 дней в неделю.

Как Вы устаете с хозяйством? У Вас, наверно, есть мама или кто-нибудь из родных, кто Вас разгружает от домашних хлопот?

Почта наша уже давно вручила мне ответ, полученный из Сухуми, по поводу пропавшей посылки. Сообщается, что 2 января посылка была вручена кому-то, назвавшей себя Налоевой и предъявившему паспорт III ЦЯ 610580. Если Вы узнаете, кто именно обладатель такого паспорта, – сторонитесь этого человека. Посылаю Вам выданные мне документы от 21 и 22 июня, а также квитанцию.

Когда же Вы приедете в Москву? Мы будем очень рады Вас видеть. А пока сообщите мне, пожалуйста, не нужно ли Вам каких-нибудь книг или еще чего-нибудь из Москвы? В сентябре мы вернемся в город и с удовольствием Вам вышлем.

Желаю здоровья и личного счастья!

Ваша Е. Дружинина

№ 32.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв.27. Е. Дружинина
1967 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Примите наше поздравление с праздником пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Желаем Вам новых успехов в борьбе за идеалы коммунизма!

Е. Дружинина.

№ 52.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
10.03.1968.
10/III-1968 г.

Дорогая Женя!

Большое спасибо за Ваши добрые пожелания! Мы с Николай Михайловичем, со своей стороны, желаем Вам всего самого лучшего.

Как решился вопрос о Вашей дальнейшей работе? Телеграмма пришла из Нальчика, значит, Вы еще там. Как здоровье и настроение?

Мне сейчас работать легче, так как удалось найти помощницу на 4 дня в неделю. Правда, она старенькая (лет 70) и больная. Долго ли останется, не знаю. Н. М. хворал, но теперь ему лучше.

Пишите, не забывайте! Целую.

Е. Дружинина.

№ 39.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
04.11.1968 г.

Дорогая Женя!

Сердечно поздравляю Вас с праздником Октября!

Как Вы живете, в каком положении Ваша диссертация, какие планы относительно работы?

У меня весь отпуск прошел в напряженном труде: изучала ведомости по Черноморской торговле (цифровой материал). Чувствую, что прошла серьезную школу, так как раньше обработкой таких данных не занималась. Обязалась представить диссертацию в январе, хотя это и очень трудно.

Мы с Николай Михайловичем от всего сердца желаем Вам, дорогая Женя, хорошего здоровья и веселого настроения.

Напишите о себе, пожалуйста!

Целую.

Ваша Лена.

№ 51.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
28.11.1968.
28 / XI-1968 г.

Дорогая Женя!

Большое спасибо, что подробно написали о себе!

Тяжело и больно, что так бездушно относятся к человеку, которого нужно было бы окружить особенным вниманием и заботой.

Но Вы не должны вешать головы. У Вас так много, оказывается, уже сделано по диссертации, есть две печатные работы! Ни в коем случае не оставляйте диссертации, ее нужно закончить во что бы то ни стало.

Нет ничего удивительного в том, что Вы не уложились в срок. Разве кто-нибудь в него укладывался? По гуманитарным дисциплинам это почти невозможно, потому что источников и литературы по любому вопросу накопилось море необозримое.

Напишите, пожалуйста, где опубликованы Ваши работы. Мне хотелось бы их прочесть. А, может быть, Вам принесут пользу рецензии на эти работы? Как сейчас обстоят дела у Вас с работой и учебой? Трудно будет завершить подготовку диссертации, состоя на работе. Но зато Вы, вероятно, не будете связаны жестким сроком и тогда сумеете закончить.

Я сейчас изучаю состояние черноморской торговли в 1800–1825 гг., работаю со счетной машинкой, так как очень много цифр. Неделя выпала: написала статью о краеведении на Горном Алтае (край этот мне знаком и очень мил; мне оттуда пишут, приезжают в Москву знакомые алтайки и алтайцы). Статью заказали мне из «Истории СССР», – а теперь вот я «зашилась» с плановой работой и не знаю, как успеть... У всех у нас одна беда: сроки!

И все-таки не будем унывать, дорогая Женя! В моих глазах Вы – герой. После большого перерыва и стольких бедствий сумели вернуться к серьезной исследовательской работе! Пожалуйста, берегите здоровье, не теряйте бодрости духа. Мелкие человечки в конце концов попадут в мусорную яму. А все честное и передовое пойдет вперед. Пишите! Сообщите, если что-нибудь понадобится. Крепко Вас обнимаю.

Ваша Лена.

P.S. Николай Михайлович так же, как и я, радуется, что Вы написали две главы, шлет Вам привет и желает новых успехов.

Е. Д.

№ 4.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Москва, Б-321, санаторий «Узкое», комн. 6. от Е. И. Дружининной
Декабрь, 1968 г.

*Дорогая Женя!
Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым годом и просим принять от нас этот маленький подарок.
Желаем успешно завершить диссертацию!*

*Ваши Дружинины.
Декабрь, 1968 г.*

№ 53.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
05.03.1969.
5/III-1969 г.

*Дорогая Женя!
Сердечно поздравляю Вас с Международным Женским днем!
Давно получила Ваше милое письмо, восхищаюсь Вашими разносторонними способностями и трудолюбием (Вы даже шить умеете!)
У меня в последние месяцы было трудное время: болел Николай Михайлович (теперь ему лучше); в отпуску была моя помощница и было много домашних хлопот. Сейчас заседаю в суде, наказываю преступников, развожу супругов, не умеющих жить как нужно. Рецензирую, пишу свою работу и т.д.
Как Ваша работа, как здоровье?
Желаю счастья!*

Ваша Е. Дружинина.

№ 46.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
26.04.1969.
26/IV-1969 г.

*Дорогая Евгения Джамурзовна
Сердечно поздравляем Вас с праздником 1 мая, желаем Вам много радости и счастья, а главное – успехов в Вашей научной работе.*

*Ваши
Е. и Н. Дружинины.*

№ 33.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Москва, Б-333. Ленинградский проспект, 61/1, кв. 27. Санаторий «Узкое», комн. 6.
от Е. И. Дружининой

2/Х-1969 г. (дата определена по содержанию письма – Е. И. Дружинина защитила докторскую диссертацию в 1969 г., в письме упоминается дата защиты докторской диссертации – 11 ноября, год не указан. – А. М.)

Дорогая Женя!

Когда пришло ваше милое письмо с книгой и посылочкой, я готовилась к докладу в университете по теме моей диссертации, поэтому не смогла ответить Вам сразу. Не сердитесь на меня, пожалуйста! Обсуждение доклада прошло хорошо. Работу рекомендовали к защите, которая назначена на 11 ноября. Теперь я свободнее и смогу ознакомиться с Вашей статьей.

Спасибо большое и за статью, и за добрые вести о приглашении Вас в университет! Мы с нетерпением будем ждать дальнейших сообщений: начали ли Вы работу, нравится ли она Вам? Вначале у Вас будет очень много времени уходить на подготовку, но постепенно сумеете выкраивать какие-то часы и для продолжения Вашей научной работы.

Пока я на этом кончаю. Посылаю Вам свой автореферат. Подготовка к защите совпала для меня со срочной подготовкой к печати моей книги «Южная Украина в 1800–1825 гг.». Еще нужно сделать карту, закончить подбор иллюстраций и многое другое.

Напишите мне свое мнение о моем реферате, а я, как только ознакомлюсь с Вашей статьей, сообщу свои соображения по этой работе. Не сердитесь, если задержусь!

Будем ждать Вас в Москву в качестве докладчика!

Крепко Вас обнимаю.

Николай Михайлович шлет Вам сердечный привет.

Ваша Е. Дружинина.

№ 48.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
13.11.1969.

13/ХI-1969 г.

Дорогая Женя, верный друг!

Спасибо за Вашу телеграмму с пожеланием мне «попутного ветра».

Доброжелательное отношение согревает. Я чувствовала его со всех сторон, и, может быть, поэтому одержала победу над собой, т.е. совершенно не волновалась. Сама удивляюсь, как это мне удалось ...

Диспут прошел хорошо. Были споры – вполне корректные с обеих сторон. Потом тайное голосование. Все 20 голосов – за присуждение «искомой степени».

Теперь изо всех сил работаю над книгой, которая в декабре должна пойти в набор. Желаю Вам удачи на Вашем педагогическом поприще, уверенности в себе, дружбы со студенческим коллективом!

Обнимаю Вас.

Е. Дружинина.

№ 37.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
05.03.1970

5/III-1970 г.

Дорогая, милая Женя!

Мы с Н.М. горячо поздравляем Вас с праздником. Желаем, чтобы поскорее прошла Ваша рука! Простите меня за долгое молчание. От Екат.(ерины) Ник.(олаевны) узнала

о Ваших делах и очень тревожусь. Спасибо за письмо и телеграмму. Книга моя идет в набор.

Ваша Лена Дружинина

№ 43.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
25.04.1970.
25/IV-1970 г.

Женя, голубушка!

Знаем от Е.Н. Кушевой про все Ваши беды, восхищаемся Вашей стойкостью, Вашим мужеством, успехами в овладении предметом преподавания – новым и трудным!

Желаем, чтобы поскорее прошла Ваша добрая и сильная рука и чтобы ширился круг Ваших друзей.

Пока Вам будет трудно писать – не отвечайте! Мы все пойдем.

Целую. Ваша Е. Дружинина

№ 34.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Н. М. Дружинин
26.01.1971.
26 / I-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Горячо благодарю Вас за дружеское поздравление с днем моего 85-летия и добрые пожелания! И я от всей души желаю Вам сил и возможностей для самостоятельной творческой научной работы!

Передайте пожалуйста мою благодарность всем, присоединившимся к Вашему поздравлению.

Н. Дружинин.

№ 28.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Тов(арищу) Налоевой Е. Д.
Московская область, г. Звенигород, пос. Мозжинка, дача № 2
От Е. Дружиной
18.06.1971.
18/VI-1971 г.

Дорогая, Женя!

Спасибо за теплые строки, переданные мне через В. П. Мирко! Он приезжал к нам дважды на дачу, и мы познакомились. Мне понравилась его целеустремленность, стремление самостоятельно разобраться в сложных и спорных вопросах. Мне кажется, это у него хорошие способности и к тому же великолепное здоровье, – все это очень важно для успешной работы. Только ему необходимо поработать в центральных архивах длительное время.

Мы с Екатериной Николаевной говорим о Вашей защите и решили, что мне следует быть в резерве на случай, если Вам не хватит оппонентов. На такую роль я, конечно, согласна. Но мне все труднее становится отлучаться из Москвы и оставлять Николая Михайловича, который часто хворает.

Мои товарищи, ездившие во Францию, рассказали мне, что мой доклад был оглашен (Л. В. Черепниным) и имел успех. Это – большая радость. В это же время эта поездка принесла и трагические последствия: 16 июня скончался А. А. Губер, глава делегации (Губер Александр Андреевич – советский историк, специалист по истории стран Юго-Восточной Азии, доктор исторических наук, академик АН СССР. – А. М.), утомленный неувязками, которые предшествовали выезду группы, и самой поездкой. Л. В. Черепнин вернулся тяжело больной (чем-то отравился на торжественном приеме).

Я сейчас в отпуске, лечу Николая Михайловича. Мне помогает хорошая наша знакомая из Ленинграда (ведет наше хозяйство).

Мы шлем Вам сердечный привет и крепко Вас обнимаем.

Ваша Е. Дружинина

№ 3.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
Декабрь 1971.

Дорогая Женя!

Пишу Вам в постели: грипп меня не пощадил.

Мы с Николаем Михайловичем шлем Вам наши лучшие новогодние пожелания. Главное – быть здоровой и успешно защитит диссертацию. Обнимаю Вас.

Е. Дружинина.

XII 71 г.

№ 62.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
Январь 1972 г.

Дорогая Женя!

Сердечно благодарим Вас за подарок! Только нельзя Вам тратить драгоценное время на отправку посылок! Пожалуйста, поберегите его! У Вас и без того очень трудное положение. Хотелось бы знать, как обстоят дела с подготовкой к защите диссертации?

Мы оба хвораем, у меня – грипп. Начавшийся отпуск будет теперь продлен, как жется, до 1 марта. Николай Михайлович волновался во время моей болезни и тоже стал чувствовать себя неважно.

Просим Вас беречь здоровье!

Е. и Н. Дружинины.

№ 63.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
18.02.1972.
18/II-1972 г.

Дорогая Женя!

Спасибо за дружеское письмо!

Положение наше Николай Михайлович назвал «катастрофическим». Не потому, что мы по очереди болеем и ухаживаем друг за другом (сейчас – у него постельный режим на 2 недели в связи с болезнью глаз и переутомлением). Надо надеяться, что все это миновало и мы станем вполне трудоспособными. Удручает нас отсутствие постоянной помощницы (наша Вера Фед. состарилась и ее пришлось освободить). Это страшно отвлекает меня, а зачастую и Н. М., от научной работы. Появляются старушки-пенсионерки, получающие у нас 4 руб. за 7-часовой раб. день. Мы их обучаем, затем – трах! – они заболевают или у них рождаются внуки ... Надо обучать новых, – хотя это почти тоже, что делать все самой...

В науке не идти вперед значит терять квалификацию. Сейчас у меня отпуск, я рассчитывала использовать его для интенсивной работы над очередной монографией, но из этого ничего не вышло. Провожу много времени в кухне и пока что-то не предвидится выхода из этого положения.

*Попробую поискать живущую помощницу (хоть на год).
Надеюсь, что Вам удастся работать научно. Вы молодец, все успеваете!
Шлем Вам сердечный привет.
Крепко целую.*

Ваша Е. Дружинина.

№ 1.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский пр(оспект), 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
19.03.1972.
19/III-1972 г.

Дорогая Женя!

Из-за ангины я отвечаю Вам с таким опозданием. Спасибо большое за письмо и поздравление, за все добрые советы! Про мумии мы ничего не слышали, постараемся узнать. Домработницу нашли. Кажется, это человек надежный и подходящий. Теперь мне будет легче.

Мирко, если попытаться передать его настроение, иногда бросает в жар, а потом в холод. Дело в том, что тема у него очень сложная, острая. Относятся к ней по-разному: одни объективно, другие предвзято. Я говорю ему: привыкайте к трудностям, отражайте несправедливые нападения; когда нужна поддержка – приходите к Е. Н. Кушевой и ко мне, мы люди уравновешенные.

Я верю в его способности, целеустремленность, здоровые нервы и думаю – выдюжит. Вырастит хороший историк.

Почему-то с Н. А. Смирновым, как и у ряда других историков с Кавказа, у него не получилось контакта...

Жаль, что Вы так перегружены. Будем надеяться, что Ваши удивительные душевные силы все преодолеют.

9/IV-1972 г.

Понять не могу, как могла я оборвать письмо на слове «удивительные», не дописать его и не отправить! Простите, пожалуйста, мою рассеянность! На меня навалилась масса срочных дел (большей частью общественного характера). Не замечаю, как время бежит. Сейчас решила посидеть после 12 час. ночи, написать письма – и вдруг обнаружила свое письмо, которое считала давно отправленным...

Простите, не сердитесь!

Ваша Е. Дружинина.

№ 44.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
05.11.1972.
5/XI-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Давно не имеем от Вас известий, беспокоимся. Как Ваше здоровье? Кладу конвертик, чтобы Вам легче было черкнуть несколько строк.

Берегите себя!

Примите сердечные поздравления с праздником Великого Октября!

Целую.

Е. Дружинина.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Е. Д. Налоевой
 117333 Москва, В-333. Ленинский пр., 61/Л, кв. 27
 От Е. Дружининой
 11.03.1973.
 Москва, 11/III-73 г.

Дорогая Женя!

Я с большим интересом и удовольствием прочла Вашу диссертацию, от начала и до конца. Глава III – «Кабарда в сфере международных отношений» поразила меня богатством совершенно нового архивного материала, извлеченного из АВПР. Он умело проанализирован и не вызвал у меня никаких принципиальных возражений. Есть мелкие замечания, о них я скажу ниже. Думаю, что разработка этой темы сама по себе дает Вам право на кандидатскую степень. Но Вы сделали больше: глубоко изучили и переосмыслили все то, что написано о внутренних отношениях в Кабарде. Они изложены стройно, последовательно, иногда полемично и главное – вполне самостоятельно.

Не считая себя специалистом по истории народов Кавказа, я все-таки хочу с Вами поделиться некоторыми сомнениями и пожеланиями, возникшими при чтении первых глав Вашего исследования.

«Вопрос о критериях развития феодализма, – пишете Вы на стр. 81, – дискуссионный». Вы не беретесь определить признаки этой стадии. Тем не менее, Вы говорите о «о высоком уровне феодализма» в Кабарде (стр. 95), называете его «развитым» (стр. 81 и заключение). Но присмотримся ближе к социальным и политическим отношениям на основании приведенного Вами документального материала. Налицо семейная община, большая семья, которая, как известно, является основной хозяйственной единицей в период разложения родового строя (см. статью «Община» в Сов. Истор. Энциклопедии, т. 10, стр. 419). Вы сами пишете о такой «семье-общине в 40–50 человек» у чагаров, предполагая, что в ней была «коллективная форма труда и распределения» (стр. 73). В других местах Вы показываете большие семьи господствующего класса. Далее. Вы убедительно показываете низкую ступень в общественном разделении труда, отсутствие внутренней торговли, использование скота в качестве «валюты». По-видимому, еще нет ремесленников, которые занимались бы только ремеслом, т.е. промышленность еще не отделилась или слабо отделилась от сельского хозяйства. Широкое использование рабского труда, в частности труда захваченных насильственно пленников, не говорит ли о том же – о сравнительно низкой стадии феодализма; ведь для последнего характерна неполная собственность на работника?

На таком незрелом социально-экономическом базисе, естественно, вырастает и весьма неупорядоченная надстройка. Это видно хотя бы из тех данных, которые вы приводите относительно «Хасы». Ваши заключительные строки параграфа «а» о том, что хаса «решала» важнейшие внутриэкономические отношения и внешнеполитические вопросы (стр. 99) не вытекают из приведенных фактов: пыталась решать, но «сии шумные собрания» распускались, «большую частью, не положив ничего на мере» (цит. на стр. 97); внесенные предложения ... оставались «втуне» (стр. 99).

Я оперирую только Вашими фактами. Но оппоненты, наверно, укажут Вам на то, что Вы только бегло, недостаточно привлекаете факты, связанные с остатками патриархально-родового строя – такими, как кровная месть, аталычество и др. А ведь они переплетались с феодальными отношениями, накладывая на них печать большого своеобразия. Мне кажется, в них не следует видеть только что-то косное, отсталое. Разве побратимство, гостеприимство, навыки коллективизма у народов Кавказа, входящие к родовому строю, не являются красивой стороной их жизни?

Об аталычестве Вы упоминаете только как о моменте, связовавшем (сближавшем) знать с разбогатевшими чагарами, знать со знатью (стр. 73 и 95). Между тем оно

смягчало социальные противоречия в Кабарде, как об этом пишет Е.Н. Кушева на стр. 124–125 своего труда, поскольку у феодалов оказывались дядьки-аталыки и молочные братья в семьях, стоявших ниже по социальной лестнице. (На стр. 73 Вы упоминаете патриархальный институт «шауако» – это то же, что аталычество?). Таким образом родовой институт влиял на общественные отношения, замедляя развитие феодального строя. И это важно было бы показать. Не только на примере аталычества, но и кровной мести и т.д. (Вы употребляете между прочим, т.е. вскользь, выражение «кровники» на стр. 60 и не связываете существование кровной мести с социальными отношениями в Кабарде).

Какие же выводы и пожелания у меня возникают? Я бы очень советовала Вам заменить выражение «развитой феодализм» словами «сложившийся феодализм с сильными остатками родовых отношений», устранить формулировку «высокий уровень» феодализма. Мне кажется недостаточно обоснованным и неожиданным также Ваш вывод (на стр. 110), что Кабарда представляла собою «аристократическую республику». Сошлюсь опять-таки на Ваше утверждение о том, что «выборы» (старшего князя) в сущности сводились к формальному узаконению традиционного права» (стр. 99, 100). Что же это за выборы и что за республика? Избрание (точнее: формальное утверждение) старшего по возрасту удельного князя, очевидно, восходит к родовым порядкам. Словом, я бы воздержалась от приведенной формулировки.

Вы ничего не говорите о классовой борьбе. (Отдельные факты, напр. на стр. 76, приводятся Вами для выяснения формы феодальной зависимости крестьян и т.п.). Очевидно, она была сравнительно слабой. А почему? Может быть, и к этому времени в какой-то мере применимо положение Е.Н. Кушевой о том, что «нормы обычного права, их патриархальная форма заглушали открытые проявления классовой борьбы» (стр. 128 книги Е. Н. Кушевой)?

Таковы мои главные замечания. Мне хотелось бы, чтобы Вы их учли при составлении автореферата и окончательной доработке текста диссертации. Мне кажется, что от этого во многом будет зависеть успех Вашей защиты.

Остальные замечания носят частный характер:

1) Вы убедительно показали, что животноводство играло главную роль в хозяйстве кабардинцев. Было бы правильнее дать его характеристику прежде всего, а земледелие поставить на второе место.

2) Во введении Вы не разграничили источников и литературы. Может быть, следует оговорить, что ученые путешественники и др. наблюдатели (материалы которых являются первоисточниками) сделали и первые попытки научных обобщений. Таким образом их труды относятся и к источникам, и к литературе.

3) Есть неудачные выражения, напр., «единственная альтернатива» означает наличие двух или нескольких возможностей, исключаящих друг друга. На стр. 190 я совершенно не понимаю, что Вы хотите сказать, употребляя выражение «сакраментальность».

Не буду перечислять других мелочей – при подготовке рукописи к печати Вы их заметите. Опечатки и неясности постарайтесь устранить до защиты (напр., на стр. 114 у Вас «ногайцы», а в других местах «ногаи»). Кое-что я заметила карандашиком.

Ваш труд отличается глубиной мысли, богатством фактического материала, прекрасной формой изложения. Я от души желаю Вам успеха на диспуте и, чтобы способствовать этому, напишу отзыв на ваш автореферат. Очень прошу вас: постарайтесь укрепить физически, ибо всякая защита, даже самая успешная и радостная, стоит большого напряжения и сильно утомляет.

Мы с Николаем Михайловичем шлем Вам сердечный привет.

Обнимаю Вас.

Ваша Е. Дружинина.

№ 15.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
02.04.1973.
2/IV-1973 г.

Дорогая, милая Женя!

Я очень рада, что мой отзыв представляет для Вас интерес и что Вы согласны с основными моими предложениями. Что касается семейной общины, то этот институт был очень живучим. У народов Югославии он сохранялся даже во второй половине XIX в. Мне хотелось бы, чтобы Вы прочли заметку «Задруга» в «Исторической энциклопедии», т. V. А если захотите знать подробности, посмотрите монографию Ю. В. Бромлея по истории Хорватии. Большая семья, в которой имелаась и прикрепленная к земле зависимая «челядь», известна и в Прибалтике в начале XIX века (Латвия). Особенно углубляться в этот вопрос Вам, конечно, некогда, да и не стоит. Но мне хочется, чтобы Вы выступили на диспуте вполне вооруженной, поэтому я и решила сообщить Вам об этих материалах.

Вы напрасно думаете, что чтение вашей диссертации обусловлено с моей стороны только расположением к Вам. Ваша работа очень много дала мне как историку. Она читается с большим интересом. Все, что Вы пишете и делаете, продиктовано исканием истины и служением людям. Потому-то и результаты Вашего труда действуют всегда как свежий ветер.

А когда к удовольствию читать Ваш труд прибавляется еще и желание быть Вам полезной, то это доставляет двойную радость.

*Так то, голубушка моя, Женя. Берегите здоровье – и все будет хорошо.
Крепко Вас целую.*

Е. Дружинина.

№ 17.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
27.04.1973.
27/IV-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Шлем Вам наш первомайский привет!

Мы с Екатериной Николаевной беспокоимся, давно не имея от Вас известий.

Напишите, как здоровье, как дела?

Обнимаю Вас.

Е. Дружинина.

№ 67.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Налоевой
Москва 1 37030 25 01/05 0738
1.05.73 (телеграмма)

Дорогая милая Женя горячо поздравляю с праздниками желаю счастья на долгие годы Дружинина

№ 20.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
02.06.1973.
2/VI-1973 г.

Дорогая Женя!

Сердечно поздравляю Вас с завершением работы над диссертацией! Спасибо за автореферат. Через 5–6 дней я вышлю свой отзыв в Кабардино-Балкарский университет, а копию пришлю Вам.

*Готовиться Вам не нужно, Вы уже готовы. Нужно гулять, дышать, мечтать!
Крепко целую.*

Ваша Е. Дружинина.

№ 26.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
06.06.1973.
6/VI-1973 г.

*Дорогая Евгения Джамурзовна!
Посылаю Вам копию отзыва, который завтра заверю печатью и направлю (2 экз.)
в Кабардино-Балкарский университет.
Екатерина Николаевна чувствует себя хорошо и готовится к поездке.
Крепко обнимаю Вас!
Н. М. (Николай Михайлович Дружинин. – А. М.) шлет сердечный привет.*

Е. Дружинина.

№ 16.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
04.08.1973.
4/VIII-1973 г.

*Дорогая Женя!
Простите, что с таким опозданием отвечаю на Ваши от сердца идущий привет в
виде художественно оформленной, удивительно изящной посылки.
Большое Вам спасибо!
Только Вы не должны делать никаких подарков. Для всех, любящих Вас, самое дорогое
– Ваш успех и Ваши сердечные письма, в которых чувствуется темперамент кабардинки.
В последние месяцы Николай Михайлович у меня сильно хворает, даже лежал в боль-
нице на обследовании желудочно-кишечного тракта. Нашли, что «организм хороший», а
недомогания связаны, как и в других случаях, с его нервным состоянием. Сейчас, когда он
сдал в печать полемическую статью о промышленном перевороте, причина нервозности,
как мне кажется, исчезнет, и дело пойдет на поправку.
Вчера к нам приезжал В. П. Мирко, которому я сообщила свои замечания на его дис-
сертацию. Очень способный, самостоятельный молодой ученый и искренний, скромный,
симпатичный человек.
Пишите о Ваших дальнейших планах – научных и личных. Мне все хочется знать.
Крепко Вас целую.*

Е. Дружинина.

№ 18.

Гор. Нальчик, ул. Чернышевского 173. Кабардино-Балкарский государственный уни-
верситет кафедра истории СССР
Москва 333/80 29 6 1720 (телеграмма). 1973 г.

*Горячо поздравляем Евгению Джамурзовну Налоеву с блестящей защитой диссер-
тации желаем новых успехов коллективу вашей кафедры академик Дружинин доктор
Дружинина*

№ 57.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
04.11.1974.
4/XI-1974 г.

Дорогая Женя!

Мы с Николаем Михайловичем шлем Вам и дорогому кабардинскому народу сердечные поздравления с годовщиной Октября! В секторе у нас успешно прошло обсуждение диссертации В. Сокурова (рекомендовали рукопись к защите и к печати). В декабре будет защищать у нас в институте милая горянка Таус Исаева. Молодцы горцы Кавказа! Крепко Вас обнимаем Е. и Н. Дружинины.

№ 55.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
06.03.1975.
6/III-1975 г.

Дорогая Женя!

Сердечно поздравляем Вас с женским днем! Просим беречь свое здоровье! Тревожимся за Вас.

У меня то и дело оживляются связи с Кавказом. В Дагестане печатают мою статью. Армянских историков защищают от несправедливых обвинений В. П. Шерстобитова в «Истории СССР». Участвовала в обсуждении реферата В. Н. Сокурова из Кабарды. Желаем здоровья и счастья!

Ваши Дружинины.

№ 59.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
03.08.1975.
3/VIII-1975 г.

Дорогая, милая Женя!

Жду встречи с Вашей знакомой, чтобы расспросить о Вас подробнее и передать Вам маленький сувенир.

Тяжело сложился у меня этот год. Всего то у меня два близких человека – и оба болеют. Мама выписалась из больницы, слегка полегчавшись, 20 июня. В этот же день положили в больницу Николая Михайловича. У мамы трофическая язва на ногах, болезнь очень мучительная, но она держится и в свои 80 лет сама себя обслуживает.

У Н. М. несколько раз были головокружения. В больнице ему не стало лучше, и теперь лечу его я (мне разрешили находиться с ним в двухкомнатной палате). Слежу за «микроклиматом», поднимаю его настроение. Головокружения большие не повторяются. Надеемся на выписку в середине или во второй половине августа.

Стараюсь выкраивать время для работы над монографией «Южная Украина в период кризиса феодально-крепостнической системы, 1826–1861 гг.»

Мы оба шлем Вам горячий привет, сердечно благодарим Вас за память и внимание, просим беречь здоровье и от души желаем успехов в Вашей работе!

Крепко целую Вас

Е. Дружинина.

№ 65.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
08.11.1975.
8/XI-1972 г.

Дорогая Женя!

Я слышала, что Вы занимаетесь генеалогией. Посылаю Вам книгу, которая может быть Вам полезной. Держите ее, сколько хотите. Мне здесь легче достать в библиотеке, если потребуется.

Целую, шлю лучшие пожелания в связи с годовщиной Октября.

Ваша Е. Дружинина.

№ 65.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
17.08.1975.
17/VIII-1975 г.

Дорогая Женя!

Спасибо Вам большое за конфеты и письмо, за хлопоты с лимонами и медом! Вы не должны тратить свое драгоценное время на такие дела! С конца апреля и до конца мая нас не было в Москве (мы были в санатории Узкое), и я даже не знала, что Вы задумали угостить нас такими вкусными вещами. Посылать жидкости очень сложно, почта могла Вас даже оштрафовать. Больше не делайте этого! Конфеты Люда довезла отлично, но ей было нелегко ехать с ними через весь город. Какая умная, красивая у Вас племянница! Очень радуется широта ее интересов и умение правильно использовать свое свободное время. От нее Вы уже знаете, что мы оба в больнице. Мама выписалась и занимается дома самолечением (т.к. болезнь ее, трофическая язва, далеко не прошла). Выходить из дома она не может, и я посылаю ей продукты. Очень мне ее жалко!

Николай Михайлович понемногу крепнет, и мы надеемся в конце августа выписаться домой. Но лето проходит. На даче мы не были с августа прошлого года.

В больнице я все-таки работаю над своей монографией. Недавно привозили корректуру наших статей, которые печатаются в сборнике в честь Л. В. Черепнина: Н. М. (Н. М. Дружинин. – А. М.) написал вместе с Паишто о Черепнине, а я – по своей теме (о промышленности Украины).

Но главная моя задача здесь в больнице – заботиться о Н. М. От этого во многом зависит его выздоровление.

Мы очень рады, что Вы получили квартиру, которую заслужили очень давно. Желаем Вам жить в ней счастливой жизнью, работать (но не переутомляться), встречаться с родными и друзьями, быть здоровой и веселой!

Крепко Вас целую!

Н. М. шлет Вам сердечный привет!

Ваша Е. Дружинина.

№ 66.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
21.10.1975.
21/X-1975 г.

Дорогая Женя!

Сердечное спасибо Вам за поздравление с юбилеем Академии наук СССР, к которой и Вы имеете самое непосредственное отношение. В ее стенах Вы с блеском выступили

с докладом. Ее сотрудники горячо сочувствуют Вашей научной деятельности. Поздравляем Вас с юбилеем.

*Мы с Н. М. оказались в числе награжденных: Н. М. получил третий орден Ленина, а я – орден Дружбы народов. Вы знаете, как дороги мне эти два слова!
Целую Вас. Николай Михайлович шлет Вам сердечный привет!*

Ваша Елена.

№ 49.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
04.03.1976.
4/III-1976 г.

Дорогая Женя!

Только что вынула из почтового ящичка на нашей двери (в который обычно не заглядываю, т. к. вся почта идет в другой – нижний ящик) Ваше милое письмо от 13/II, из которого узнала Ваш новый адрес: ул. Пушкина, 60, кв. 16. До сих пор мы писали на ул. Советскую. Н. М. ответил на Ваше поздравление.

Простите, что пишу неаккуратно. Только на днях закончила освобождение маминой квартиры и сдала ее государству. Пишу биографию мамы по просьбе Музея Октябрьской революции в Ленинграде. А на служебные дела остается мало времени. Когда-то наверстаю ...

Мне очень приятно было узнать, что Вы помните о нас с Н. М. и рекомендуете наши работы студентам.

Спасибо за доброту, за сочувствие нашему горю, за все подарки, переданные Лидой. Крепко Вас целую

Ваша Е. Дружинина.

№ 50.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
04.03.1976.

*Сердечно поздравляем с Женским днем!
Желаем счастья!*

Е. Н. Дружинины.

4 / III-1976 г.

№ 45.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
07.05.1976.
7/V-1976 г.

Дорогая Женя!

Сердечное спасибо за поздравление с моим 60-летием! Все похвалы и добрые слова, которые Вы высказали, я отнесла бы к Вам, – женицине тонкой и чуткой – и в то же время такой сильной, мужественной, целеустремленной!

Крепко целую.

Е. Дружинина.

№ 58.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
27.10.1977.
27/X-1977 г.

Дорогая Женя!

*Шлем Вам наш праздничный привет и лучшие пожелания! Радуемся, что новые горянки и горцы защищают диссертации (Таус Исаева, Валерий Сокуров и др.)
Как Ваша работа и как здоровье?
Берегите его!*

Ваши Е. и Н. Дружинины.

№ 56.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
30.11.1977.
P.S. Спасибо за телеграмму! Д.
30 / XI-1977 г.

Дорогая Женя!

Мы с Николай Михайловичем читали Ваше письмо с большим волнением: Вы сообщаете в нем, что был у Вас душевный и физический кризис, а сейчас (это очень заметно) Вы почему-то стали сомневаться в своих силах и способностях. Да Вы талантливая, целеустремленная, волевая женщина !!! Откуда вдруг такие сомнения?

Язык у Вас не «дубовый», а очень выразительный и точный (я уже не говорю о том, что Вы пишете абсолютно правильно в грамматическом отношении).

Мы очень Вас просим помнить, что мы – Ваши друзья, и не замыкаться от нас в случае каких-нибудь внутренних трудностей. Сейчас Вам очень важно развеять неуверенность в своих силах, которые, уверяем Вас, совершенно необоснованна! Все, что можно, нужно печатать. Непременно. В том числе и результаты Ваших генеалогических разысканий. У нас еще так мало сведений о Кабарде!

Участвуете ли Вы в подготовке коллективного обобщающего труда по истории Северного Кавказа?

Я, кажется, не писала Вам подробно о защите диссертации Исаевой Таус из г. Грозного. Эта защита круто изменила мои отношения с Е.Н. Кушевой, которую я раньше, как Вы знаете, ставила очень высоко как человека и научного работника. Вероятно, под влиянием кого-то из работников университета г. Грозного, Кушева перед защитой Исаевой развила бешеную агитацию против присуждения ей степени, причем действовала только из-за кулис, а на защите быть не захотела (даже уехала в Ленинград). Но ее агитация привела к обратным результатам. Вместо ленинградца Лаврова, который перед самой защитой внезапно отказался выступить, официальным оппонентом стал, по моей просьбе, А. П. Новосельцев (терский казак по происхождению), другим офиц. оппонентом была Аполлова Н. Г. (оба – доктора наук). От Лаврова все же выцарапали официальный отзыв (он был положительным). А кроме этих трех ученых, выступили неофициальными оппонентами грузин Цулая (если правильно помню фамилию, а м.б. Цулая), дагестанец В. Г. Гаджиев, еврей А. И. Клибанов и я. Всего – 7 докторов за присуждение степени. Голосование – единогласное.

Кушева теперь редко бывает в Институте, вид у нее плохой, общего языка с товарищами она, по-видимому, не находит...

Мы с Н. М. крепко Вас обнимаем. Н. М. просит дать Вам нагоняй за неверие в свои силы и повторяет, что язык у Вас хороший!

Пишите. Не забывайте.

Ваша Дружинина

№ 60.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
07.02.1978.
7/II-1978 г.

Дорогая Женя!

Спешу ответить на Ваше письмо, которое пришло вчера. Мы радуемся предстоящей встрече с Вами. Вы знаете, что Николай Михайлович, так же как и я, участвует во всех делах, связанных с подготовкой ученых в национальных республиках, в особенности на горном Кавказе. Когда Вы были у нас, Вы обсуждали с ним многие вопросы. Потом он читал мой отзыв на Ваш труд, – отзыв, подготовленный в ходе обсуждения втроем Вашей темы. Когда Таус готовилась к защите, он говорил, что это талантливая девушка и тревожился в связи с возникшими перед ее защитой осложнениями. Таус препетировала у нас свое заключительное слово, а еще раньше мы читали вместе с Н. М. некоторые (наиболее сложные) части ее работы. Вот почему я не могла не упомянуть на диспуте Таус Исаевой о консультациях Н. М. и о том, что первая горянка, первая чеченка защищает диссертацию у нас в Институте.

Вы правильно, по-хорошему реагируете на нашу размолвку с Е. Н. и хорошо, что не собираетесь поднимать этого вопроса во время встречи с нею.

Крепко целую Вас и жду

Е. Дружинина.

№ 64.

Гор. Москва, В-234, МГУ, зона Ж, комн. 301 (правая) ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
02.03.1978.
2/III-1978 г.

Дорогая Женя!

Мы с Н. М. взаимно шлем Вам праздничный привет! Вы пишете, что адрес Ваш «несколько изменился». А я и не знала, что Вы в Москве. Я в отпуске, интенсивно работаю, но с Вами поговорить буду рада.

Целую.

Ваша Е. Дружинина.

135-52-77

№ 7.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
06.10.1978.
6/X-1978 г.

Дорогая Женя!

Простите, что давно не писала и не подтвердила получения пакета. У меня с июля болит правая рука, пишу плохо и с трудом. А монографию нужно представить к сроку – 5 декабря. В секторе у нас на очереди доклад Е. Н. Кушевой о социальном строе у вайнахов в XVI–XVII веках. Кавказоведов у нас в секторе нет, и с кем она будет вести полемику, я не знаю (наверно, с отсутствующей Таус Исаевой).

Порадовалась я за В. Мирко, который целый месяц работал в ГДР (он звонил мне, проезжая через Москву). Много видел городов и памятников культуры.

Как Вы живете и работаете? Когда приедете в Москву?

Доклад Е. Н. Кушевой назначен на 24 октября.

Мы с Н. М. (Николай Михайловичем Дружининым. – А. М.) шлем Вам сердечный привет!

Ваша Е. Дружинина.

№ 21.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
1980.

*Дорогая Евгения Джамурзовна!
По поручению Николая Михайловича посылаю Вам дополненное издание его «Вос-
поминаний». Сам он писать не может из-за плохого зрения.
Взаимно желаем Вам здоровья и счастья в 1980 году!*

Е. Дружинина.

№ 12.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина

*Дорогая, милая Женя!
Спасибо Ваш праздничный привет!
Мы с Николаем Михайловичем восхищаемся Вами – талантливой дочерью кабар-
динского народа, – желаем Вам здоровья и счастья!*

Ваши Дружинины.

Март 1981 г.

№ 27.

Москва 449, ул. Телевидения, 19
Налоевой
Москва 333/89 18 30 1301 (телеграмма)

*Дорогая Женя поздравляем Вас с праздником будем рады повидаться позвоните
нам Дружинины*

№ 24.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Налоевой
Москва 1933 24 03 1658
Серия Ж-62 (телеграмма)

*Дорогая милая Женя спасибо за праздничный привет желаю здоровья счастья до-
брых друзей целую Елена Дружинина*

№ 14.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Москва 269/38 19 2 1541 (телеграмма)

Дорогая Женя Желаем Вам здоровья и счастья в новом году целуем Дружинины

№ 2.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
(без даты)

*Дорогая Женя!
Большое, сердечное спасибо Вам за чудесный подарок! Нам особенно приятно, что
эти яблоки Вы сорвали своими руками. В этом – их целебная сила.
Николай Михайлович очень серьезно болел у меня летом и осенью. Я лечу его Вашими
яблоками, чеченским медом и латышским «черным бальзамом». Все это – выражение
добрых чувств наших друзей.*

Посылаю Вам два оттиска наших новых статей (отдельным пакетом). Мои воспоминания о Платтене я Вам, кажется, уже послала? Напишите, если нет.

Мы по прежнему трудимся изо всех сил.

Вчера В. П. Мирко сделал доклад о своей диссертации. Два раза упоминал Вашу фамилию как исследователя, на чьи труды он опирается (наряду с трудами Е. Н. Кушевой и др.).

Обсуждение прошло интересно и работа его рекомендована к защите. Хорошо, что история Вашего народа продвигается вперед.

Обнимаю Вас и шлем праздничный привет!

Е. Дружинина.

№ 5.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
(без даты)

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Примите искренние поздравления и наилучшие пожелания в Новом году.

Е. и Н. Дружинины.

P.S. Еще одна горянка подружилась с нашим Институтом – Таус Исаева из г. Грозного (чеченка). 23 декабря она защитила у нас кандидатскую диссертацию. Вотум – единогласный, все 19 членов Совета «за». На защите выступили с одобрением ее диссертации 6 докторов наук. Е. Н. Кушева на защиту не пришла ...

Будьте здоровы и счастливы!

Е. Дружинина.

№ 6.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина

Дорогая, милая Женя!

Взаимно желаем Вам в Новом году здоровья и счастья!

Ваши Дружинины.

№ 8.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина

Дорогая, милая Женя!

*Очень грустно, что Вы хвораете. Поскорее выздоравливаете, будьте бодрой и веселой!
У меня сейчас отпуск, провожу его в труде и заботах о моем «ребенке».*

Ваши Дружинины.

№ 9.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина

Дорогая, милая Евгения Джамурзовна!

*Примите поздравления с праздником Великого октября, пожелания успехов в труде,
здоровья и счастья!*

Ваши Е. и Н. Дружинины.

№ 10.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина

Дорогая, милая Женя!

Примите поздравления с праздником Великого октября, пожелания успехов в труде, здоровья и счастья!

Спасибо за поздравление и добрые пожелания!

Е. и Н. Дружинины.

№ 11.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е.И. Дружинина

Дорогая, милая Женя!

Примите поздравления с праздником Великого октября, пожелания успехов в труде, здоровья и счастья!

Н. и Е. Дружинины.

Спасибо за Ваш праздничный привет. Берегите здоровье!

Д.

№ 13.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина

Дорогая, милая Женя!

Взаимно желаем Вам здоровья и счастья.

Спасибо за Ваш праздничный привет. Но почему ни строчки о себе?

Ваши Дружинины.

№ 22.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
Без даты.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Примите искренние поздравления и наилучшие пожелания и наилучшие пожелания в день Международного праздника трудящихся 1 мая!

Е. и Н. Дружинины.

№ 23.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина д. 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. Дружинина
Без даты.

Дорогая, милая Женя!

*Сердечно благодарю Вас за праздничный привет. Желаю здоровья, радостей успехов!
Крепко целую*

Е. Дружинина.

№ 29.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
Без даты.

Дорогая Евгения Джамурзовна!
Сегодня я отправила Вам в подарок коробочку, в которой, кроме конфет, Вы найдёте и маленький сувенир. Это – на память от меня.
Хочется, чтобы посылочка попала в Ваши руки и ни в чьи другие.

Ваша Е. Дружинина.

№ 41.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
Без даты.

Дорогая Женя!
Примите сердечные поздравления и наилучшие пожелания в Новом году!
Главное – скорее выздороветь!

Е. и Н. Дружинины.

№ 42.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 27. Е. И. Дружинина
Без даты.

Дорогая Женя!
Примите искренние поздравления и наилучшие пожелания в день Международного праздника трудящихся 1 мая!
С днем Победы!

Е. и Н. Дружинины.

№ 47.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
Без даты.

Дорогая Евгения Джамурзовна!
Мы с Николаем Михайловичем поздравляем Вас с праздником и желаем успеха в Вашей педагогической работе. Вы войдете в историю высшей школы как первый преподаватель палеографии в Кабарде.
Статья Ваша мне очень понравилась: Вы пишете ясно, логично и интересно. Приезжайте скорее с докладом!
Желаем здоровья, бодрости, уверенности в себе!

Ваши Е. и Н. Дружинины,

№ 54.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/1, кв. 25. Е. Дружинина
Без даты.

Дорогая Женя!
Шлем Вам лучшие пожелания в связи с 1 мая!

Е. Дружинина.

№ 61.

Гор. Нальчик. Евгении Джамурзовне Налоевой
117333 Москва, Ленинский проспект, 61/Г, кв. 25. Е. Дружинина
Без даты.

Дорогая Женя!

Спасибо за поздравительную телеграмму! Она ждала нас в Москве по возвращении с дачи.

Как Ваше здоровье и настроение? Знаю, что у Вас очень много работы. Но успешное выступление должно Вас окрылить и придать Вам новые силы!

С наилучшими пожеланиями в Новом Году!

Ваши Е. и Н. Дружинины.

Письма к Е. Д. Налоевой от Кушевой Екатерины Николаевны

№ 91.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв.27. Е.Н. Кушева
06.02.1969
6/II-1969 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваше письмо, благодарю за добрые пожелания. Когда приедете в Москву, свяжитесь со мною по домашнему телефону – 228-82-07. Рада буду повидаться с Вами и потолковать на темы, которые нас интересуют. Рецензию свою писала совершенно объективно, а уделила Вашей статье внимание потому, что она меня заинтересовала. Желаю Вам успеха в дальнейших Ваших занятиях!

Всего хорошего. Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 117.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
04.07.1969.
4/VII-1969 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я не ответила на Ваше поздравление с майским праздником и с запозданием отвечаю на Ваше письмо, т.к. с 28 апреля была в длительном отпуске и в отъезде. Вернулась из отпуска 26 июня и ликвидирую свою задолженность по переписке.

Как я понимаю, Вы хотели бы, чтобы я написала бы рецензию на Вашу статью. Прочту ее с большим интересом и, прежде чем писать текст рецензии, спишусь с Вами. Не поняла, пришлете ли Вы статью – частным образом, или, как в прошлый раз, пришлют ее из редакции «Ученых записок». В ближайшие месяцы уезжать я не собираюсь, в сентябре поеду в Ленинград, но на короткое время.

Я не знаю, кто же Ваш куратор. Хотела бы знать план Вашей диссертации. Между прочим, здесь у нас считают, что две напечатанные статьи по теме диссертации уже дают право на защиту.

Когда кончается у Вас срок пребывания в аспирантуре? Каковы Ваши дальнейшие планы?

Целую Вас и жду текста статьи.

Е. Кушева.

№ 136.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
26.08.1969.
26/VIII-1969 Гор.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Мне задержали перепечатку на машинке отзыва, поэтому я задержала его пересылку Вам.

Известите о получении и напишите о Ваших делах.

Желаю Вам всего хорошего, целую Вас.

Е. Кушева.

№ 116.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
07.09.1969.
7/IX-1969 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Откликаюсь несколькими словами на Ваше письмо. С нетерпением жду дальнейших сообщений о ходе Вашего дела. Но, независимо от решения вопроса об устройстве на работу в Университет, повторю Вам то, что говорила в Москве: Вам необходимо завершить работу над диссертацией и защитить ее. Вы человек творческий, и сил у Вас хватит.

Отзыв, перепечатанный на машинке, я Вам послала – в 2-х экземплярах. Целую Вас, от всей души желаю Вам всего хорошего.

Е. Кушева.

№ 142.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
18.09.1969.
18/IX-1969 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваше письмо с хорошей вестью, конечно поделилась этой новостью с Еленой Иоасафовной. Понимаю, понимаю, что первое время Вы будете очень заняты по работе – ведь Вам надо будет войти в рабочую колею, вероятно надо будет готовиться к занятиям. Но когда будет у Вас время, напишите мне подробнее, в чем заключаются Ваши обязанности, как ассистента, каков состав кафедры, состав студенчества.

Если будут у Вас какие-либо вопросы ко мне, пишите. Текст статьи готовьте к печати, надеюсь, теперь у Вас явится возможность напечатать статью в каком-либо университетском издании.

Целую Вас, желаю Вам всего хорошего.

Е. Кушева.

№ 110.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
17.10.1969.
17/X-1969 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваш подарок. У меня понемногу составляется коллекция подарочных заграничных ручек. Я так привыкаю к вещам, что пишу ручкой, которая уже несколько раз чинилась. Надеюсь, привыкну и к присланной Вами. Благодарю Вас – но ведь и Вам нужна хорошая ручка писать диссертацию.

На днях поговорю с Л. В. Черепниным о сроке Вашего доклада, сообщу Вам о результатах.

Теперь о палеографии. Полагаю, что надо будет не только читать лекции, но и вести практические занятия по палеографии. Сообщите мне, сколько на это отводится часов и на каком курсе читается эта новая (в наших университетах) – и увлекательная – «вспомогательная историческая дисциплина».

В связи с этим данным Вам поручением у меня к Вам такой вопрос. Как-то Борис Муратович (Б. М. Моков. – А. М.) писал мне, что предполагает вести студенческий кружок по палеографии, у него много снимков документов XVII века, ведь тема его диссертации по 2-ой половине XVII в. Не помню точно, когда Б. М. писал мне об этом, и не знаю, осуществил ли он свое намерение. Может быть, Вам удобно поговорить с ним? Если Вам поручаются не только лекции, но и практические занятия по палеографии, не привлечь ли Вам для занятий по текстам XVII века Бориса Муратовича? Мне Б. М. так давно не писал, что я не знаю, как идут у него дела по университету. Очевидно он, как и ранее, работает на кафедре истории средних веков и оторван и от истории СССР, и от истории Кабарды.

Моя знакомая ведет занятия по палеографии в МГУ. Получив от Вас справку об объеме курса, поговорю с нею.

Конечно, готова дать Вам советы, полагаю, что курс этот может быть увлекательным. Сейчас я указываю Вам две книги и альбом, которые попытайтесь выписать в Нальчике по межбиблиотечному абонементу. Есть много альбомов, но они очень громоздкие. Считаю, что Вашей кафедре необходимо иметь альбом фотоснимков, которые ведь можно заказать и в Нальчике, и в Москве. Об этом напишу подробнее, получив Ваш ответ на вопросы.

М. Н. Тихомиров и А. В. Муравьев. Русская палеография. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966.

Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1966.

Палеографический альбом. Учебный сборник снимков с рукописей русских документов XIII–XVIII вв. Л-д: Изд. Ленинградского ун-та, 1968.

Вы просите называть Вас Женей. Так я буду называть Вас при встрече, а в письмах Вы – Евгения Джамурзовна.

Целую Вас, желаю Вам всего хорошего.

Е. Кушева.

№ 137.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
18.10.1969.
18/X-1969 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера послала Вам письмо, сегодня пишу еще несколько слов.

Мы с Еленой Иоасафовной говорили о Вашем докладе с заведующим сектора истории СССР периода феодализма Л. В. Черепниным. Он дал согласие поставить Ваш доклад

на заседании сектора. В декабре свободно 16 число (у нас заседания по вторникам). В январе вторники еще не заняты, но Л. В. уходит в отпуск, его будет заменять в качестве председателя кто-либо из сотрудников. Необходимо, чтобы по крайней мере за неделю (лучше – за 10 дней) до заседания мы имели бы текст доклада в 3-х экз., чтобы сотрудники сектора могли бы с ним познакомиться.

Лев Владимирович предупреждает, что из Ин-та в Ваш университет пошлют приглашение, но командировку в таких случаях Ин-т не оплачивает.

Сообщите заранее, возможно ли для Вас 16 декабря и сможете ли Вы поехать без оплаты командировки в Москву.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 118.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

10.01.1970.

10/I-1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Благодарю Вас за поздравление и письмо.

Всего, всего Вам хорошего в Новом году!

Пишите мне о всех делах и новостях. Целую Вас, шлю приветы товарищам.

Е. Кушева.

№ 123.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

27.02.1970.

27/II-1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Не получая от Вас вестей, я думала, что Вы очень заняты и что вам не до писем.

Оказалось, что причина не только эта, что Вы сломали себе руку в кисти! Очень вам сочувствую. Дочка моей племянницы тоже упала на правую руку, у нее растяжение связок в кисти руки. Это не так серьезно, как у Вас, но писать очень мешает.

Шлю Вам привет и пожелания здоровья.

Берегите руку, писать Вам вероятно вредно. Хорошо представляю себе как осложнены занятия со студентами.

Целую Вас крепко.

Е. Кушева.

P.S. Надеюсь повидать Ел. И. (Е. И. Дружинину. – А. М.) во вторник 3 марта.

№ 99.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

18.03.1970.

18/III-1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Вашу телеграмму с красивым цветком. Благодарю Вас, желаю Вам здоровья, удовлетворения плодотворной педагогической и научно-исследовательской работой.

Целую Вас

Е. Кушева.

№ 90.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
05.04.1970
5/IV- 1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Третьего дня я вспомнила Вас, думала о том, что не получала от Вас вестей. И вот на другой же день пришло Ваше интересное письмо. Оно очень меня порадовало. Я так и думала, что палеография заинтересует студентов. Очевидно, Вы будете читать этот курс и в будущем учебном году, тогда и Вы сами получите еще большее удовольствие, и студентов увлечете. Понимаю, что курс «Первобытное общество» сложен. Понятно мне и то, что у Вас не остается времени для работы над диссертацией. Это не уйдет от Вас. А в первый год преподавания Вам конечно необходимо было упрочить репутацию преподавателя высшей школы. Вот если удастся Вам получить отпуск и командировку в Москву, это будет чудесно.

Елену Иоасафовну вижу на заседаниях сектора по вторникам. Она здорова, как всегда много работает. А у меня март был неудачным – отдала дань гриппу. Сейчас здорова, но что-то не вошла в рабочую колею.

Руку надо терпеливо разрабатывать, не переутомляя ее.

Пишите мне о всех своих делах, и о радостях, и о трудностях.

Целую Вас, желаю Вам всего хорошего, шлю приветы товарищам. Увидите Тугана Хабасовича, передайте ему мой привет. Ему надо серьезно лечиться.

Е. Кушева.

№ 87.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
04.05.1970.
4/V-1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Своевременно получила Ваш теплый привет к празднику. Благодарю Вас, желаю Вам увлечения и удовлетворения творческой исследовательской работой. И здоровья, благополучия конечно.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 115.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв.27. Е.Н. Кушева
03.08.1970.
3/VIII-1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваше письмо перед отъездом в Ленинград, пишу после возвращения, поэтому отвечаю с запозданием. Конечно, жаль, что... (неразборчиво. – А. М.) не позволит Вам поработать над диссертацией. Но не огорчайтесь очень. Вам необходимо было завоевать хорошую репутацию преподавателя вуза, и это Вам вполне удалось.

Первый год моего пенсионного положения оказался очень загруженным. С 28/VII смогу несколько отдохнуть, а с 16/VIII начнется в М(оскве) международный конгресс историков. Хочется побывать на заседаниях. После конгресса напишу Вам... (неразборчиво. – А. М.).

Целую Вас крепко.

Е. Кушева.

№ 121.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
11.11.1970.
11/XI-1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Очень рада тому, что получила Вашу весточку, благодарю Вас. Приветы ваши передаю товарищам при встречах.

Но я жду от Вас и письма. Понимаю, что Вы очень заняты по университету, но все же надеюсь на рассказ о том, как Ваше здоровье, как сложились занятия в этом году, удастся ли уделить время исследованию.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 114.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
30.11.1970.
30/XI-1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Только несколько дней тому назад, встретила в ин-те с Еленой Иоасафовной, узнала от нее, что Вы болеете. Это меня встревожило. Что же вы мне ничего не писали о болезни? Если Вам нетрудно, известите меня, как Вы себя чувствуете. Желая Вам скорейшего и полного выздоровления.

Целую Вас крепко.

Е. Кушева.

№ 93.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
25.12.1970
25/XII- 1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваше письмо, вернее два письма, читала их с большим волнением – за Вас, за Ваше здоровье. Прошу Вас – не надрывайтесь, поберегите себя. Вы пишете, что диссертация вчерне готова. Я поражаюсь Вашей творческой... (неразборчиво – А. М.), целеустремленностью. Но нельзя губить свое здоровье.

Шлю Вам привет к Новому году и пожелания всего, всего хорошего.

Одно из пожеланий – получите отпуска, но не только для работы, но и для полноценного отдыха, который так необходим Вам для восстановления здоровья.

О конгрессе, о Москве и москвичах напишу в другом письме. Елену Иоасафовну вижу очень редко. 14 января исполняется 85 лет Николаю Михайловичу (Н. М. Дружинину – А. М.). Славный юбилей!

Обнимаю и целую Вас.

Е. Кушева.

№ 120.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв.27. Е.Н. Кушева
31.12.1970.
31/XII-1970 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваш привет в самый канун Нового года – благодарю Вас.

*Будьте здоровы и благополучны. Желаю Вам большого успеха в творческой и педагогической работе – но без ущерба для здоровья.
Целую Вас.*

Е. Кушева.

№ 122.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
11.02.1971.
11/1-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Ваше письмо получила как раз в те дни, когда подумывала – что-то давно нет от Евгении Джамурзовны писем, надо послать открытку. Очень обрадовалась письму и хорошему настроению. О том, что диссертация «позорно затянулась», и не думайте. Не сможете же Вы представить спешно написанную работу, между тем Вы так заняты по Ун-ту. Если сможете закончить диссертацию в этом году – но не надрывая сил – это будет хорошо. Закончите в следующем году – тогда хорошо. Ведь тема Ваша и те наблюдения и выводы, с которыми я уже знакома, очень интересны.

О том, где Вам лучше защищать, потолкую с Еленой Иоасафовной и порасспрошу уч. секретаря ученого совета Ин-та о формальностях. Надеюсь повидаться с ними во вторник 16-го.

Вы спрашиваете, как прошел юбилей Николая Михайловича. Он категорически отклонил торжественное заседание, да и врачи считали для него волнение противопоказанным и были конечны права. Делегации от Ин-та истории и от Отделения исторических наук поздравили его на дому, принесли подарки. Как мне рассказывали, все прошло тепло и хорошо; Елена Иоасафовна была в роли гостеприимной хозяйки. Но юбилей все же доставил Н. М-чу работу – ведь он считает своим долгом отвечать на поздравления, а их было очень, очень много.

А я не очень-то хорошо начала год: в январе болела гриппом, не тяжелым, но затяжным. А сейчас болеет дочка племянницы – видно, от меня заразилась. Сидя дома, я занималась. Читала диссертацию аспиранта – дагестанца, защита которой намечена на март-апрель. Приводила и привожу в порядок машинопись сборника документов по истории Чечено-Ингушетии XVII века. За эту работу я взялась по просьбе Чеч.-Инг. н.-и. ин-та еще в 1969 году. Из Грозного меня просили подготовить сборник по образцу «Кабардино-русских отношений», т.е. с комментариями. Но если по XVII в. по Кабарде в ЦГАДА очень много материала и сборник отразил небольшую их часть, то по Чеч.-Ингушетии удалось найти не так-то много документов. Но интересно. Работа по сборнику мне по душе.

А вот другая моя тема совсем не связана с Северным Кавказом – «Холопство в России во 2-й пол. XVII и в начале XVIII в.». Архивный материал огромный, двигается она у меня медленно.

От Ин-та не отрываюсь, бываю на заседаниях, пишу отзывы. Работа товарищей живо меня интересует.

На лето, как обычно, предполагаю вместе с семьей племянницы снять две комнаты на даче под Москвой. Вот уже 11 лет снимаем дачу по Беларусской ж. дороге. Там хорошие места, лес. Хочу побывать у своих родных в Саратове и в Волгограде. В прошлом году этому помешала эпидемия. Я ведь саратовка, волжанка, очень люблю Волгу, отдых на пароходе.

Не предполагаете ли приехать в Москву в командировку в течение тех месяцев, когда будете свободны от занятий?

Тугану Хабасовичу шлю привет.

Целую Вас, жду очередного письма.

Е. Кушева.

№ 126.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
23.02.1971.
23/II-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сообщаю Вам результат справки, наведенной у уч. секретаря Секции Уч. Совета Ин-та истории СССР. Правда, это дальний прицел, т.к. Ваша работа еще не закончена.

Чтобы защищать диссертацию в Уч. Совете Ин-та в Москве, нужно следующее.

Когда работа будет закончена, надо, чтобы она была обсуждена у Вас в ун-те на заседании, рекомендована к защите с пожеланием провести защиту в М(оскве). Затем от ректора ун-та должна быть направлена бумага в Дирекцию Ин-та Истории с просьбой поставить работу на защиту в М(оскве). По получении такой бумаги, Дирекция дает указание в соответствующий сектор – обсудить работу на заседании и дать заключение об ее соответствии требованиям, предъявляемым к канд. диссертациям.

После всех этих процедур на двух ученых советах – сначала Малом, потом Большим утверждаются оппоненты (вероятно, рекомендованные ун-том – я не уточняла). Затем намечается срок защиты печатается автореферат, и соблюдаются все нужные формальности.

Недавно звонила мне Ел. Иоас., но по другому делу и я с нею не советовалась по поводу Ваших планов.

Целую Вас, будьте здоровы и благополучны, работайте с интересом, даже больше – с наслаждением.

Е. Кушева.

№ 119.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
11.03.1971.
11/III-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Спасибо Вам за привет и пожелание. Будьте и Вы здоровы, благополучны и так же творчески активны, как всегда.

Мысль о печатании статей не оставляйте. Здесь с печатанием также очень, очень трудно.

Разве Вы не знали, что я ушла на пенсию? Ведь это уже давнее событие – с 1 января 1970 г. Я не жалею об этом, т.к. чувствую себя свободной от сроков и поручений. Шаг этот был связан с общими мероприятиями по Ин-ту. Всем сотрудникам, переступившим «возрастной барьер» – 70 лет, – было предложено уйти на пенсию. Я отозвалась на это предложение, как и многие другие. Некоторые предпочли сокращение. Были попытки получить ставки консультантов, но дали только Н. А. Смирнову – специалисту по Кавказу, и А. В. (фамилия неразборчивою. – А. М.) – специалисту по Ср. Азии.

Повторяю – я довольна своим положением. Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 135.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
22.05.1971.
22/IV-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

По моим предположениям, Вы уже в Нальчике. Но перед отъездом Вы не сообщили мне, нужен ли Вам том III «Вспомогательных историч. дисциплин».

С Еленой Иоасафовной я уже беседовала о Ваших делах, с В. К. Гардановым еще не виделась. Надеюсь повидать его во вторник 25-го, затем напишу Вам, получив от Вас известие из Нальчика.

Всего хорошего, целую Вас

Е. Кушева

№ 156.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
07.06.1971.

7/VI-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я получила бандероль с книгой, плиткой шоколада (!) и письмом. Конечно, Вы совершенно напрасно волновались, т.к. книга всё это время не была мне нужна. Я напишу в Ленинград, попытаюсь раздобыть для Вас I и II тома «Вспомогательные исторические дисциплины».

Я разговаривала о Вас и с Еленой Иоасафовной, и с В. К. Гардановым. С Е. И. мы порешили так: когда Ваша диссертация будет готова, обсуждена и рекомендована к защите, надо будет решать вопрос об оппонентах; если я буду здорова и поездка в Нальчик будет для меня возможна, я сообщу о своем согласии; если я окажусь ненадежной, Е. И. даст согласие – как она сказала, – «в крайнем случае». Оппонирование её смущает, т.к. она не занималась историей кабардинцев.

В. К. Гарданов говорил о вас вполне благожелательно. Сказал, что книга Н. Тхамокова не исчерпывает вопросы и источников. Вместе с тем он очень советует изменить название Вашей диссертации так, чтобы оно отличалось от названия книги Тхамокова. Это нужно для ВАК'а, где не любят повторений по тематике диссертаций. В. К. считает, что в названии надо оттенить политическую историю.

Напишите мне, как Вы сейчас себя чувствуете, как идет работа. Я довольно много времени провожу на даче, где мы снимаем две комнаты. Но бываю и в городе – как всегда много дела.

Целую Вас, желаю удовлетворения результатами работы.

Е. Кушева.

P.S. Когда принесли бандероль, я была на даче, поэтому ответ задержался.

№ 155.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
10.07.1971.

10/VII-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Это письмо Вы получите, когда начнется Ваш – к сожалению, недолгий – отпуск. Надо бы Вам отдохнуть после напряженной работы, а Вы, видимо, возьметесь за диссертацию. Будьте благоразумны.

Я не думаю, что защита Ваша может состояться этой осенью. Ведь надо пройти ряд этапов. Сначала Вашу диссертацию в машинописи и без переплета, должны обсудить на кафедре. Очевидно, будут замечания, часть которых нельзя будет оставить без внимания. Когда диссертация уже оформлена, её посылают на отзыв в какое-либо «постороннее» научное учреждение. Лишь по получении отзыва оттуда, можно назначать срок защиты и давать публикации в газету. Оппоненты утверждаются Уч. советом ун-та. Как видите, хлопот много. Но главное – закончить диссертацию так, чтобы Вы были удовлетворены достигнутыми научными результатами.

Рада, что Вы чувствуете себя неплохо, несмотря на непрерывную работу. У меня лето проходит мало удачно. Погода чаще плохая – дожди и холод. Не могу спокойно пожить на даче, где мы снимаем две комнаты, т.к. в доме ремонт, нужен присмотр. Да и по Ин-ту дел много – я не отказываюсь от отзывов, если предлагаемая мне для отзыва работа меня интересует. Кроме того, как я Вам кажется рассказывала, готовлю сб-к док-в по истории Чечно-Ингушетии XVII в. для Грозного.

*Моя статья в сб. в честь Н. М-ча (Н. М. Дружинина. – А. М.) написана на материалах, которые я собирала еще в 1920-е годы, когда работала при Саратовском ун-те. Я выбрала эту тему, т.к. Н. М. в 1905–1906 гг. был в ссылке в Саратове. Сегодня получили от Н. М. письмо, из которого поняла, что статья его заинтересовала – тем контрастом, который для него, побывавшего в Саратове в начале XX в., особенно ясен. Всё же хоть немного отдохните!
Всего хорошего, целую Вас.*

Е. Кушева.

№ 88.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
24.07.1971.
24/VII-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сегодня получила Ваше письмо. Благодарю Вас за сердечное приглашение, но Ваши планы завлечь меня в Нальчик совершенно нереальны. Причин несколько, одна весомее другой.

Врачи рекомендуют мне отдых в Подмоскovie, без перемены климата. У нас сняты под Москвой на все лето две комнаты на даче.

Кажется, я рассказывала Вам, что готовлю для Чечно-Инг. н.-и. ин-та сборник документов по ист. чеченцев и ингушей XVII в. Работаю над ним – с перерывами – уже два года. Месяца два тому назад приезжал сюда новый директор ин-та – тов. Байбулатов. Просил не задерживать окончание работы, в чем я и сама заинтересована (чтобы освободить голову для своей «русской» темы). Занимаюсь я сборником с большим интересом, но без напряжения, которое мне тоже противопоказано!

Сейчас в Москве моя сестра, приехавшая из Саратова, где я не была два года.

Над нашей квартирой чинят крышу (перекрывают новым железом всю крышу). Вы вероятно заметили, что крыша протекает. Дело это важное и требует внимания и со стороны обитателей 7-го этажа. И т.д.

Конечно, Вам необходимо отдохнуть. Ведь у Вас работа действительно напряженная. Вот жара неблагоприятна для сердца. Желаю, чтобы погода в Нальчике изменилась – но не так радикально, чтобы приблизиться к московской.

Встречаете ли Вы Бориса Муратовича (Борис Муратович Моков – преподаватель исторического факультета КБГУ. – А. М.). Если да, каковы Ваши впечатления, не лучшие ли ему? Вспоминаю, как в годы аспирантуры он вчитывался в документы XVII в. и извлекал из них ценные сведения.

Вы привлекаете меня фруктово-ягодными благами кабардинской земли. Но ведь я совсем не хозяйка – не только не умею заниматься всякими заготовками, но у меня нет и вкуса к этому. У моей младшей племянницы хороший сад под Волгоградом. Но и туда я едва ли выберусь в этом году.

*Всего хорошего, целую Вас.
Отдыхайте!*

Е. Кушева.

№ 86.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
07.11.1971.
7/XI-1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера принесли мне Вашу телеграмму – благодарю Вас, желаю Вам всего, всего хорошего. И радостей творческого труда!

Я не отозвалась на присылку оттиска Вашей интересной статьи о термине «кунак». У меня сейчас трудное положение. Бывшая моя учительница истории по Саратовской гимназии приехала из Саратова в Москву к своей сестре, упала, сломала ногу (17/IX), лежит в больнице, 30/X ее выписали. Ей 88 лет, и, видимо, она останется лежачей. Стараюсь оказывать помощь и устаю не столько физически, сколько морально.

Над сборником по ист. Чеч.-Ин. работаю, но медленно. Довольно много занята и по Ин-ту истории.

Целую Вас, пишите мне.

Е. Кушева.

№ 60.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
25.11.1971.
25/XI- 1971 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Два Ваших письма в которых Вы пишете о своей болезни (нога), очень меня обеспокоили. Надеюсь, теперь Вы поправились. Но, конечно, болезнь ослабляет, и Вам необходимо браться за работу с оглядкой – не переутомляться.

Пишу только открытку, т.к. 30-го на заседании сектора должна дать отзыв на большую публикацию.

Вы спрашиваете о состоянии моей знакомой. Ничего хорошего написать не могу. Очевидно, она не сможет ходить даже на костылях. Ее сестре, у которой она сейчас живет, помогают в уходе хорошие знакомые, я в том числе.

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. Кушева.

№ 64.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
19.12.1972.
19/XII-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Шлю Вам привет к Новому 1973 году, желаю Вам здоровья, благополучия и завершения Вашей интересной работы.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 52.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
03.01.1972.
3/1-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сегодня принесли мне Ваш подарок – любите Вы побаловать меня. Благодарю Вас, желаю Вам всего, всего хорошего в наступившем году – Вам и Вашим близким. Педагогической работой Вы занимаетесь с увлечением. Это очень хорошо. Надеюсь, в этом году условия работы сложатся так, что Вы займетесь плотную и Вашей монографией. Желаю Вам радостей творческого труда. И здоровья, здоровья, конечно.

Шлю привет товарищам, целую Вас.

Е. Кушева.

№ 71.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
12.01.1972.
12/1-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получив 3 января экземпляр Вашей диссертации, я послала Вам телеграмму с просьбой ответить мне также телеграммой, но Вы мне не ответили. Я предполагала – большие того, надеялась, – что спешное печатание автореферата и рассылка его не состоялась, следовательно, тот срок защиты, о котором Вы мне говорили по телефону (31 января), не может быть назначен. Между тем, мне надо же знать это, чтобы распределить свое время и планы.

Сегодня, наконец, получила от Вас письмо, из которого поняла, что предположения мои оправдались. Но все же Вы ничего не сообщаете о том, какой же срок защиты намечается. В одном из писем Вы писали, что Туган Хабасович с февраля на долгий срок должен ехать в Москву. Если так, Вы вероятно не захотите защищать диссертацию без него, и защита будет отложена на весну. По правде сказать, для меня это было бы удобнее, чем поездка зимой. В Москве началась эпидемия гриппа (как обычно, все последние годы). Я гриппу легко поддаюсь. Конечно, стараюсь беречься, но не уверена в том, что уберегусь. Между тем, болезнь оппонента создает затруднения, хлопоты: надо срочно искать замену. Сообщите мне без задержки, какой же срок защиты намечается.

Некоторые фразы Вашего последнего письма меня удивили. С одной стороны Вы пишете, что Туган Хабасович Вас «разнес», с другой, что переработка автореферата у Вас займет один день. Автореферат очень ответственный этап защиты. Он широко рассылается, тема вызовет интерес, ее решение – отклики. Каждое слово автореферата должно быть продумано, спешка в этом деле исключается.

Еще одно из Вашего письма вызвало у меня вопрос и недоумение. Вы пишете: «После защиты перепечатаю с учетом всех замечаний». Как это понимать? Или Вы думаете, что можно послать в ВАК на утверждение исправленный после защиты текст? Насколько знаю, надо посылать в ВАК именно тот текст диссертации, который был у оппонентов и защищался. Проверьте это у секретаря и председателя Ученого совета. Вместе с тем, я считаю, что некоторые исправления необходимо внести в текст диссертации еще до защиты. Есть неточности в библиографических ссылках, недоразумения. Ведь один экземпляр диссертации будет передан в Ленинскую библиотеку, другой – в библиотеку Вашего университета. Неточности недопустимы. Жалею о том, что Вы не прислали мне текст диссертации до переплета.

Вместе с диссертацией я получила отношение от профессора Балкарова с просьбой «срочно выслать предварительный отзыв о диссертации для опубликования автореферата». Я до сих пор не послала этот предварительный отзыв, т.к. мне надо дать его на выверенный текст диссертации. Пришлите мне выверенный текст, получив его я верну Вам тот экземпляр, который сейчас находится у меня.

На Вашей защите несомненно возникнет дискуссия по вопросу об уровне развития Кабарды в первой половине XVIII века. Как Вы пишете при обсуждении Вашего доклада в Москве, я говорила о том, что Вы завышаете уровень развития. Конечно, это не мешает мне дать положительный отзыв, но мне необходимо время, чтобы продумать свои замечания.

Ваши последние письма оставляют такое впечатление, что Вы не вполне оправились после болезни и крайне переутомлены. До защиты Вам необходимо и полечиться, и отдохнуть. М.(ежду) прочим я получила из Нальчика поздравительную телеграмму от 29 декабря – без подписи. Если это Вы ее послали, благодарю Вас, но это еще один признак переутомления.

Не уверена в том, что я знаю все Ваши печатные работы по теме диссертации. Перечислите их. Прошу ответить еще на несколько вопросов. На стр-це 198-й Вы называете ряд использованных вами фондов ЦГВИА – но глухо, только под номерами. Обращение к печатному путеводителю по ЦГВИА не позволило мне определить все перечисленные Вами номера фондов. Мне надо это знать. В тексте последней главы у Вас ряд ссылок на ф. ВУА, № 45 и 47. Что это за дела? Тоже хочу знать.

Не задерживайте ответа на это мое письмо.

Всего хорошего, будьте здоровы – это так важно.

Целую Вас.

Е. Кушева.

Р.С. Вы как-то упоминали о возможности напечатать в будущем Вашу работу. Надеюсь, Вы не будете так стеснены листажом, как сейчас – благодаря новым правилам защиты.

№ 56.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39-1. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

22.01.1972.

22/1-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Понимаю, что Туган Хабасович обеспокоен. Ведь руководитель отвечает за работу своего ученика. А вот результатом своего разговора с Т. Х. о диссертации Вы должно быть удовлетворены.

Почему эта неприятность с диссертацией Саблирова вызвала у Вас «апатию ко всему»? У Вас интересная тема, собраны интересные материалы. Творческая работа над ними – это радость. Если условия работы дают возможность писать – пишите. Процесс исследования должен быть не мученьем, а наслаждением. Конечно, в разрешении возникших вопросов могут встретиться трудности. Иногда исследователь, столкнувшись с ними, вынужден признать невозможность решения. А вот успешное преодоление встретившихся затруднений доставляет большое удовлетворение. Пишите мне о том, как идет Ваша работа над диссертацией.

А вот на мой вопрос о Борисе Муратовиче Вы мне ничего не ответили. Я очень сожалею о том, что он не закончил своего исследования.

Берегитесь от гриппа. Вот Елена Иоасофовна не уберглась. Я еще не видела ее после выздоровления.

20 градусов ниже нуля в Нальчике! Я думаю, это непривычно. В Москве стояли сильные морозы, не могу сказать, что это было приятно. Очень остыла квартира. Сейчас потеплело (17 гр.).

Всего хорошего, будьте здоровы.

Е. Кушева.

№ 143.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
03.02.1972.
3/II -1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваше письмо о Борисе Муратовиче, а через день он позвонил мне по телефону и условился о встрече. Побывал у меня, и мы подробно поговорили с ним о работе над диссертацией. Б. М. считает, что в этом учебном году его преподавательская нагрузка дает ему возможность возобновить исследовательскую работу. Если удастся ему заниматься целеустремленно, он сможет к концу года написать основные разделы. В те годы, когда Б. М. был аспирантом МГУ, а я – его куратором, я с большим удовлетворением следила за приемами его работы над документами XVII века.

И Ваша исследовательская манера мне нравится. Конечно, Вы – автор. Желаю Вам успеха и удовлетворения результатами исследования. Елену Иоасафовну я еще не видела после её болезни. Думаю, хозяйственные хлопоты так тяготят ее из-за того, что у нее нет навыков. Как мне представляется, так у неё сложилась жизнь, что ей не пришлось заниматься хозяйством смолоду. Мой стаж в этой области – с 1917 года. Никогда не увлекалась кулинарным искусством, но по необходимости хозяйничала и привыкла выполнять эти обязанности почти механически, не прерывая мыслей о научной работе.

Получила из Ин-та археологии автореферат А. Х. Нагоева и пойду на его защиту. Всего хорошего, целую Вас.

Е. Кушева.

№ 65.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
29.03.1972.
29/III- 1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Только сейчас отвечаю на ваше серьезное письмо, которое получила еще в начале марта. Так получилось из-за того, что для ответа мне нужно было прочесть «Вопросы литературы». Я была очень занята, затем простудилась и только на днях в Ленинской библиотеке взяла № 2 за 1972 г. Я считаю, что Б. А. поступил не так, как нужно. Совершенно неуместные упреки в ошибках стиля и недостаточном знании русского языка. Вообще написал Б. А. так, как не следовало бы писать, – ведь надо беречь дружбу народов. Не знаю, кто такая Алиева, чем вызвана ее позиция – только ли научными мотивами или есть и другие мотивы. Не знаю и Голубевой.

Вопросы приоритета всегда чрезвычайно щекотливы, мне приходилось наблюдать столкновения такого рода.

Вероятно, и в характере Т. Х. есть такие черты, которыми он нажил себе недоброжелателей. Я его недостаточно знаю. Я ценю целеустремленность его исследовательских работ.

Как Т. Х. чувствует себя сейчас? Кончилась ли у Вас практика в школе? Есть ли возможность продолжить Ваше интересное исследование? Напишите мне о своих делах подробно.

Предполагалось, что 3–4 апреля состоится в Москве годичная сессия ин-тов археологии и этнографии. На такие сессии съезжаются ученые из национальных республик. Я думала, что повидаяю и кабардинцев. Но вчера узнала, что сессия отложена – как я поняла, из-за невозможности сейчас обеспечить иногородних участников местами в гостиницах.

Вчера в Ин-те видела Мирко и Елену Иоасафовну – ведь она назначена его куратором. Из слов Мирко поняла, что он очень много работает – и с интересом. Только вчера узнала, что он прикреплен уже не к нашему сектору – феодализма, а к сектору капитализма. Это вызвано изменением хронологических рамок секторов. Первая половина XIX в. отошла в сектор капитализма.

Кажется, я рассказывала Вам, что по просьбе Чечено-Инг. н.-и. ин-та уже несколько лет работаю над сборником документов по истории вайнахских народов конца XVI–XVII вв. Поиски документов можно было бы и продолжить, но надо кончать и постараться продвинуть сборник в печать. Условия работы над сборником «Кабардино-русские отношения» были иные. Тогда в выявлении документов принимала участие группа сотрудников ЦГАДА. А эти годы над выявлением работала я одна.

*Сказочка, которую Вы рассказали в письме, мудрая.
Целую Вас, желаю Вам всего хорошего.*

Е. Кушева.

№ 61.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
18.04.1972.
18/IV-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваше письмо и сейчас же отвечаю, т.к. понимаю, что надо ответить срочно.

Очевидно Туган Хабасович торопит Вас из хороших побуждений. Боюсь, что перенапряжение скажется на Вашем здоровье, к тому же у Вас не будет полного удовлетворения от текста диссертации. Но конечно вопрос о сроках обсуждения и защиты должен решаться на месте.

Теперь относительно моего участия в Вашем деле. Вы знаете, какой живой интерес возбуждает у меня Ваша работа. Но обстоятельства сейчас у меня складываются так. 24–25 апреля годичная сессия ин-тов археологии и этнографии (вероятно, приедут на нее и из Кабардино-Балкарии). Я дала заявку на доклад или вернее сообщение, подготовкой которого и занята. После сессии мне надо несколько деньков отдохнуть. Весь май буду целиком занята подготовкой к докторской защите С. М. Троицкого, которая должна состояться 1-го или 8-го июня (скорее 8-го) Я один из 3-х оппонентов. К оппонированию я всегда отношусь с полной ответственностью и не смогу в мае читать Вашу работу несмотря на интерес к ней. Когда же предполагается защита? В июне? Ведь в июле – августе обычно ученые советы не собираются. Июнь для моей поездки в Нальчик мало благоприятен (по погоде). Решайте вопрос о защите на месте.

Мне помнится я писала Вам о болезни моей бывшей учительницы истории по Саратовской гимназии, беспомощной старушки. Сейчас положение ее еще осложнилось болезнью ее младшей сестры (84 года!). Обе старушки очень меня тревожат.

11-го на защите Думанова познакомилась с Вашим племянником, который подошел ко мне и отреккомендовался. Очень приятный молодой человек.

Вы упоминаете, что я не ответила на Ваше поздравление, что Вас встревожило. О каком поздравлении Вы пишете? Я не поняла. На новогоднее я ответила, а с 8 марта Вы меня не поздравляли – это естественно, ведь это женский день.

Я понимаю, что Вы отчасти заняты. Как Ваше здоровье, как Вы переносите перенапряжение? Я уже не рискую сидеть ночами, работаю медленно. Елену Иоасафовну эти дни не видела, когда увижу, расскажу ей о Ваших делах. Крепко целую Вас.

Е. Кушева.

№ 141.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
05.05.1972.
5/V-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я получила два Ваших письма и открытку с красивыми розами. Мои – бледнее и скромнее. Я желаю Вам всего, всего хорошего.

Я понимаю, что первое письмо Вы писали в большом расстройстве. Вам необходимо успокоиться, чтобы кончить работу в состоянии равновесия и душевного покоя.

Теперь о деловой стороне Вашей защиты. Как я поняла из второго Вашего письма, защита может быть отложена на осень. Но ведь осенью я смогу приехать – если буду здорова. Одно предупреждение – Вы вероятно предполагаете выразить мне благодарность – в тексте диссертации, а м.б. и в автореферате. Если я не ошибаюсь, тогда я не смогу быть оппонентом или же это вызовет осложнение в ВАК'е. Не надо благодарностей! Защита Троицкого намечена на 8 июня, весь май и начало июня я буду занята его диссертацией.

Целую Вас крепко.

Е. Кушева.

№ 53.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
05.05.1972.
5/V-1972 г.

Начало письма на открытке.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

На открытке моей не уместились все деловые советы. Очень важное обстоятельство – участвующие в обсуждении не могут быть оппонентами.

Вы не упоминаете о том, в какое «постороннее» учреждение будет послана Ваша работа на отзыв – еще до рассылки автореферата. Ведь так полагается.

Мое впечатление от Ваших писем такое, что защита никак не может состояться летом. Ведь в июле Ученый совет Каб.-Б. ун-та вероятно не собирается? Автореферат надо разослать за месяц до защиты.

Если обстоятельства сложатся так, что я не смогу быть оппонентом, я во всяком случае пришлю подробный отзыв на автореферат. Думаю, и Елена Иоасафна поступит так же, как я.

Сейчас очень важно, чтобы Вы успокоились и были здоровы. Всего хорошего, целую Вас!

Е. Кушева.

№ 13.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
10.06.1972.
10/VI-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я ждала Вашего письма терпеливо, т.к. хорошо понимала и то, как Вы заняты и необходимость уточнения хода дела.

Ваша творческая работоспособность поразительна. Я поздравляю Вас с прохождением важного этапа и радуюсь за Вас.

У секретаря Вашего Ученого совета Вы узнаете конечно о всех дальнейших мероприятиях, о подготовке дела к защите. У нас диссертация всегда посылается в какое-либо «постороннее» научное учреждение на отзыв. Автореферат утверждает к печати (тем или иным способом) куратор. Автореферат должен быть разослан по научным учреждениям не позже, чем за месяц до защиты. Мне конечно нужен не только автореферат, но и диссертация в ее окончательном виде. Я всегда была медлительна, с годами это мое свойство обострилось. Поэтому мне надо было бы получить самый текст диссертации за месяц до защиты.

Очевидно сейчас еще не определилось, в каком месяце состоится защита. Когда будет намечен предполагаемый срок, согласуйте его со мною. Я не предполагаю уезжать куда-либо надолго.

8-го состоялась защита ... (неразборчиво. – А. М.) «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии)» – серьезное исследование. Защита прошла не формально – с признанием больших научных достижений и вместе с тем с указанием на спорность некоторых выводов. Результат голосования – 20 за, один недействительный. Ни одного голоса против.

Сейчас немного отдыхаю, а затем опять за дела. Ведь и Вам необходим отдых. Крепко целую Вас.

Е. Кушева.

P.S. Борис Муратович молчит. Как его здоровье?

№ 55.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

23.06.1972.

23/VI-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Отзываюсь на Ваше письмо. О Касумове хорошо отзывался Борис Муратович. Специалист по всеобщей истории сможет оценить Вашу работу с более широких позиций.

Жду сообщения о заседании 21/VI.

Работа С. М. Троицкого рекомендована к печати, но это очень длинная история – издательство загружено. Значительную часть монографии С. М. печатают в «Историч. Записках».

Когда же у Вас будет возможность отдохнуть?

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 57.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

12.07.1972.

12/VII-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Пишу Вам вдогонку и сообщаю некоторые сведения, которые Вам обещаны.

Очень полезно справочное пособие ленинградского историка А. А. Шапиро: Библиография истории СССР. М.: Издательство «Высшая школа», 1968. Оно конечно уже разошлось, но Вы сможете выписать его по межбиблиотечному абонементу, если в Нальчике его нет.

В этом справочнике на стр-х 193–197 указана литература по хронологии – и дореволюционная, и советская.

Как я понимаю, особенно нужны два учебных пособия: Л. В. Черепнин Русская хронология. М., 1944 и Е. И. Каменцева. Хронология. М.: Высшая школа, 1967. К сожалению, ни той, ни другой книги у меня нет. Понимаю, что для курса в Каб.-Балк. ун-те необходимы сведения и по хронологии Востока. Вероятно, Каменцева дает эти указания. Очень краткие сведения по трудам доревол. периода имеются в «Очерках истории историч. науки в СССР», т.т. II и III.

Меня очень заинтересовал Ваш рассказ о спецсеминаре по истории крестьянской войны и интервенции. Когда сравниваю с семинаром П. Т. Любомирова 1918–1922 г., ясно выступает разница. Наш семинар был источниковедческим, Ваш – проблемным. Я думаю в дальнейшем Вам надо усилить источниковедческую сторону, сохраняя основной характер семинара – проблемность.

Я обещала Вам дать точное название книги Корецкого: В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во 2-й пол. XVI в. М.: Наука, 1970. Попробуйте выписать эту книгу. Заказы надо посылать так: Москва В – 463. Мичуринский просп., 12 «Академкнига». Магазин «Книга – почтой».

В № 1-м ж. «История СССР» за 1972 г. напечатана весьма серьезная рецензия на книгу Корецкого – ленинградского историка Панеяха.

И последнее указание:

В «Кабардино-Балкарской правде» от 9/X 1971 г. напечатана статья Б. В. Виноградова и Т. Магомадовой «О чем рассказала древняя карта» (авторы – из Грозного). Статья интересна, но, к сожалению, есть в ней и досадные недоразумения. Редакция газеты допустила ошибку, не дав эту статью кому-либо из историков Кабарды.

Как Ваши дела? Отдыхаете ли Вы? Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 58.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
08.08.1972.
08/VIII-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Конечно, очень жаль, что Вам не удалось отдохнуть. Вместе с тем лечение зубов такое серьезное и необходимое дело, что нельзя было откладывать. Надеюсь, Вы приедете к «новым» зубам.

Стаж моей преподавательской работы в вузах небольшой. И самое неприятное в этой работе для меня были экзамены. Я жалела тех студентов и студенток, которые волновались и терялись. В других случаях понимала, что, не зная материала, студент старается выкрутиться, обмануть. Вторая весьма неприятная сторона – в довоенное время полагалось контролировать преподавателей. Иногда на лекции и семинары неожиданно присылались стенографистки; иногда появлялся декан и садился где-нибудь позади...

Очень рада, что Ваше исследование включено в издательский план. Поговорим об этом конечно после защиты.

Текст автореферата – очень ответственное дело. Ведь автореферат широко рассылается. Нельзя писать его торопливо.

Как в Нальчике? Жарко? В Москве стало прохладнее, но такая погода держалась всего несколько дней. И дождя не было. А сейчас опять жарко.

Целую Вас, желаю Вам всего хорошего, шлю приветы товарищам.

Е. Кушева.

№ 59.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
25.08.1972.
25/VIII- 1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Отзываюсь на Ваше письмо.

Очень советую Вам пойти к зубному врачу и сделать рентген. Если зуб болел под коронкой, может быть серьезное осложнение.

Вы все зовете меня отдыхать в Нальчик. Отдых на Северном Кавказе мне запрещен врачами. Но независимо от этого, я в сентябре занята и не могу отдыхать.

Как я понимаю, защита Ваша не может состояться ранее октября. Ведь автореферат надо разослать за месяц до защиты, иначе она не будет утверждена.

Когда я получу от Каб.-Балк. ун-та официальное извещение об оппонентстве, я попрошу обеспечить мне на несколько дней место в гостинице. Вы вероятно будете звать меня к себе. Мне, как оппоненту, неудобно останавливаться и пользоваться гостеприимством диссертанта. Это мое твердое правило. Приеду я на несколько дней – дела, дела.

Елену Иоасафовну давно не видела – ведь летом заседаний в ин-те не было.

В Москве только что прошел международный конгресс архивистов. Я не стремилась получить гостевой билет и не бывала на заседаниях – доклады были специальные архивоведческие.

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. Кушева.

№ 68.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
01.10.1972.
1/X-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вот и октябрь наступил, а от Вас нет вестей. Это меня беспокоит – здоровы ли? Жду письма.

Вы знаете конечно от секретаря Ученого совета Вашего ун-та, что ВАК утвердил новые правила защиты кандидатских и докторских диссертаций. Я этих правил не читала, говорят, они очень пространные. Знаю, что одно из постановлений касается объема диссертаций. По гуманитарным наукам кандидатская диссертация не должна превышать 200 страниц. Но Ваша диссертация, которая, я предполагаю, превышает этот объем, была рекомендована к защите до того, как правила были утверждены. Наводили ли Вы справки об этом?

У меня август и сентябрь месяцы прошли трудно из-за болезни двух знакомых старушек. Одна из них 23 сентября скончалась, ей было 84 года. Уже не один год она болела.

Повлияла на меня и резкая перемена погоды. Еще в августе стояла жара. А сегодня и несколько дней тому назад в Москве уже шел мокрый снег. Я чувствую себя утомленной.

Елену Иоасафовну очень давно не видела.

Целую Вас, шлю приветы товарищам.

Е. Кушева.

№ 67.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
04.10.1972.
4/X-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Мое беспокойство оправдалось – Вы болеете. Понимаю, что это результат работы сверх человеческих сил. Пишу всего несколько слов. Будете благодарны мне, выполняйте все предписания врачей. Не волнуйтесь, не горюйте о том, что защита откладывается. Необходимо восстановить полностью здоровье, об этом надо думать.

Обнимаю и целую Вас, будьте здоровы, здоровы.

Е. Кушева.

№ 157.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
01.11.1972.
1/XI-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Шлю вам привет к празднику и пожелания всего, всего хорошего. Прежде всего здоровья и здоровья. Давно нет от Вас весточки, и это меня беспокоит.

Как-то повстречалась в Ин-те истории с Еленой Иоасафовной, и мы с нею потолковали о Вас, о Ваших делах. Мы обе ценим ваши исследовательские труды, Вашу целеустремленность. Вместе с тем понимаем, что Вы работали с перегрузкой. Берегите себя.

Целую Вас, еще раз – всего хорошего.

Е. Кушева.

№ 50.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
11.11.1972.
11/XI-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера получила сразу два Ваших письма. Очень меня обрадовали вести о том, что здоровье Ваше восстанавливается. Но будьте благоразумна, не работайте сверх силы.

Какие ванны Вам рекомендованы? Я лечила сердце после войны и перенесенного сыпного тифа. Заключительным этапом лечения был Кисловодск.

Там я лечилась нарзанными ваннами в 1950 г. – очень успешно.

Чувствую себя удовлетворительно, бываю на заседаниях сектора.

Книг моих мне не высылайте пока, Вам они могут быть нужны. Сб. (сборник. – А. М.) в честь Н. М. Дружинина вышел еще в 1971 г. Если он не распродан, вышлю Вам экземпляр.

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. Кушева.

№ 63.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
28.11.1972.
28/XI-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Жду от Вас вестей. А в свою очередь сообщаю Вам, что вчера в общем собрании Ак. Наук СССР Лев Владимирович Черепнин избран действительным членом Ак. Наук

СССР. Думаю, ему приятно было бы получить поздравления от кабардинцев в связи с этим событием. И вообще из Кабардино-Балкарии. Писать можно на ин-т.

Вы как-то писали мне о сборнике в честь Н. М. Дружинина. Мне помнится, я вручила Вам эту книгу (там есть моя статья), когда Вы были у меня в Москве. М. б. ее у Вас зачитали? Тогда я пришлю Вам другой экземпляр.

Елена Иоасафовна сейчас очень занята окончанием монографии – по плану, я ее давно не видела.

Всего хорошего, целую Вас и желаю здоровья, здоровья.

Е. Кушева.

№ 64.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
19.12.1972.

19/XII-1972 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Шлю Вам привет к Новому 1973 году, желаю Вам здоровья, благополучия и завершения Вашей интересной работы.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 76.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
14.02.1973.

14/II-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера я была в Ин-те истории и виделась с Еленой Иоасафовной. Она еще не читала Вашей диссертации, поэтому и я не посылаю Вам 1-го экземпляра. Пошлю тогда, когда получу от Ел. Иоас. (Елены Иоасафовны Дружининой. – А. М.) переданный ей экземпляр.

Я напечатала для Балкарова предварительный отзыв на Вашу работу с выражением согласия на оппонирование. Но сегодня его не посылаю, т.к. надо напечатать отзыв на машинке. Вероятно, надо заверить мою подпись печатью Ин-та истории. Выясню это у секретаря Уч. совета Ин-та.

Туган Хабасович мне не звонил (или звонил, но не застал дома).

Посылаю Вам два отдельных листочка. На одном несколько указаний на библиографии, которыми полезно пользоваться. Надеюсь, что Вы найдете их в Нальчике. Указатель А. Л. Шапиро издан, как справочник для студентов вузов. Надеюсь, б-ка Вашего ун-та его имеет. А это ключ к ряду библиографий.

На другом листочке несколько указаний на труды, которыми Вы могли бы пополнить список литературы. Попробуйте выписать Байова и Мышлаевского по междубиблотечному абонементу. Если не удастся получить, придется обойтись без этих книг.

Я уже говорила Вам, что едва ли нужно Вам указывать в списке литературы книгу Гуревича. Она вызвала в свое время резкую критику (см. «Вопросы истории». 1970 г. № 9). Сейчас острота миновала, но все же указывать эту книгу надо лишь в том случае, если Вы разделяете концепцию автора и готовы отстаивать ее правильность. Между тем я не почувствовала, что Вы этой книгой воспользовались. Критике подвергался и сборник «Проблемы истории докапиталистических обществ» (особенно вступительная статья).

«Хронологию» не нашла и не помню кому отдала. Целую Вас, будьте здоровы. Не задерживайте ответ на это мое письмо.

Е. Кушева.

№ 80.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
22.02.1973.
22/II-1973 г.

*Дорогая Евгения Джамурзовна!
Отвечаю на Ваше письмо от 14/II.*

Рада, что Вы доехали благополучно и уже взялись энергично за преподавательскую работу. Но все же помните, что Вам необходим режим, необходим отдых.

Вы начали лекции по хронологии. Ведь мне не удалось дать Вам книгу Черепнина. Как же Вы вышли из положения?

Учиться печатать на машинке не надо. Не так просто приобрести нужные навыки. Предлагаю другой путь – пришлите сюда на мое имя Вашу рукопись, я передам автореферат хорошей машинистке. И честно сообщу Вам, сколько это будет стоить.

Туган Хабасович звонил мне по телефону 16-го. Условились, что он позвонит еще раз и что после этого мы встретимся и побеседуем. Но пока звонка нет. Очевидно, он занят своими делами. Елена Иоасафовна тоже еще не читала Вашу диссертацию. Поэтому я Вам не посылаю пока первый экземпляр. Отзыв для Балкарова я еще не оформила.

Всего хорошего, целую Вас. Будьте здоровы, будьте здоровы.

Е. Кушева.

№ 82.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
11.03.1973.
11/III-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я задержала ответ на два Ваших интересных письма, т.к. все поджидала встречи и беседы с Туганом Хабасовичем. Но встреча до сих пор не состоялась. Т. Х. позвонил мне 16/II, мы условились на 21/II, но он не позвонил. Недавно, числа 5/III, опять был телефонный звонок, но он не застал меня дома. А я не знаю, как с ним связаться. Поэтому пишу Вам, не дожидаясь беседы с Т. Х.

Сегодня звонила мне Елена Иоасафовна, сказала, что прочла с интересом всю диссертацию, что пошлет Вам свои замечания (гл. образом, на первые две главы), а диссертацию вернет мне. Тогда я смогу выслать Вам 1-й экземпляр диссертации, свои замечания – и карандашом на полях, и на отдельных листках. Но об этом не говорите – официально я дала Вам замечания на автореферат!

Балкарову я еще не послала письма и краткого отзыва с выражением согласия на оппонирование. Все дожидалась встречи с Т. Х. Определение срока защиты во многом будет зависеть от Вас. Ведь изменения текста автореферата потребуют и некоторых изменений в тексте диссертации. Ждите замечаний Е. И. (Е. И. Дружининой. – А. М.) – как я поняла из телефонного разговора, во многом мы с нею сходимся.

Из писем Ваших я поняла, что Вы много и серьезно работаете – и над авторефератом, и над курсом, и по педпрактике студентов, и по семинарским занятиям. Вы настоящий педагог высшей школы. Но Вы ничего не написали о своем здоровье – как Ваше сердце справляется с большой нагрузкой?

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. Кушева.

P.S. Относительно Гуревича решайте так, как считаете нужным. Я обращаю Ваше внимание на то, что в тексте диссертации не отражено знакомство с этой книгой, а она вызвала критику.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
18.03.1973.
18/III-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Отвечаю на два Ваших письма – одно со штемпелем 7 марта, другое с датой 12 марта. А вот телеграммы (19 слов!) я не получила. В связи с 8 марта мне так много надо было писать откликов, что в одном случае я ошиблась, перепутала адрес, и письмо мне вернулось обратно.

Благодарю Вас за поздравления, хотя и не получила его.

Знаю, что Елена Иоасафовна послала Вам свои замечания на диссертацию. Жаль, что Вы отдали автореферат машинистке, не дождавшись ее письма. Вероятно у Вас появилось желание учесть замечания Е. И. и в автореферате. Как я поняла из разговора с Е. И., ее основной упрек – Вы завышаете уровень соц.-экономич. развития кабардинцев. Это серьезно. Вы пишете, что пошлете мне автореферат и прибавляете: «если Вы найдете нужным, внесите свои поправки». Я не считаю возможным вносить поправки в содержание автореферата; если сочту необходимым, снова напишу Вам свои замечания.

Елена Иоасафовна передала мне экз. Вашей диссертации, там есть ее заметки карандашом. Я пошлю Вам оба экземпляра заказными бандеролями, в два приема. Полагаю, что, если в автореферат внесены изменения, необходимо что-то изменить и в тексте диссертации. Иначе могут возникнуть вопросы при утверждении защиты в ВАКе.

К сожалению я до сих пор не повидалась с Туганом Хабасовичем. Мы условились встретиться в ин-те 12-го. Но утром Т. Х. позвонил мне о том, что простудился и просил перенести встречу на 14-е. И снова сообщил, что нездоров. Мне хотелось бы послать Вам диссертацию и некоторые свои замечания после беседы с Т. Х. Если он завтра не позвонит, очевидно, пошлю, не дождавшись.

Хорошо, что Вы сообщили мне об изменениях в составе Уч. Совета и о новом председателе его. Эти перемены уже утверждены министерством?

Возможный срок защиты мне не ясен. Не знаю, какого объема изменения предполагаете Вы внести в текст диссертации, потребуют ли они перепечатки всей работы или только отдельных страниц. Понимаю, что и Вам и Тугану Хабасовичу желательно осуществить защиту уже в этом учебном году.

Из Ваших писем понимаю, что Вы серьезно работаете над авторефератом. Статью Гарданова я считаю важной, т.к. он показывает, как в условиях развития феодальных отношений трансформировались нормы обычного права. Ведь в этом существо его статьи. Термин «раннефеодальный» я в своих работах не употребляла. Основное, что мне представляется особенно интересным – это глубокое своеобразие кабардинского феодализма, замедленность процесса его сложения, устойчивость пережитков (и у кабардинцев, и у других народов Сев. Кавказа). Этим вопросам Вы уделяете в Вашем труде мало внимания.

Книгу Гарданова я от автора получила, поблагодарила его, но до сих пор не прочла, занятая текущими делами.

Вы ничего не пишете в последнем письме о своем здоровье, о том, как ведет себя Ваше сердце.

Всего хорошего, целую Вас и желаю Вам здоровья.

Е. Кушева.

№ 72.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
23.03.1973.
23/III- 1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Откликаюсь на Ваше письмо от 15/III. 19/III я послала Вам заказной бандеролью экз. диссертации, полученной мною от Елены Иоасафовны. Ее замечания мне посылать не надо, она дала мне копию.

Вслед за этим письмом посылаю Вам 1-й экз. диссертации с (карандашными пометками) и другим пакетом свои замечания, совпадающие в основном с замечаниями на автореферат. Но с Т. Х. я так и не виделась, он молчит. А мне хочется показать ему мой краткий, т. наз. предварительный отзыв на диссертацию, чтобы он убедился в том, что я официально выразила согласие на оппонирование.

Пошлю этот отзыв на имя Апажеева. Очень рада тому, что Вы чувствуете себя лучше, что лекарства помогают. Если Вам надо возобновить запас, пришлите рецепты. Известие о болезни Тхамоковой, Карданова меня обеспокоило. Нефрит – болезнь тяжёлая, упорная. Желаю им выздороветь поскорее.

Надеюсь, метрология Устинова и Каменцевой Вам поможет. В этом году следуйте за этой книгой, а на будущий год можно оживить курс дополнениями о мерах на Кавказе. Но сейчас не затрудняйте себя.

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. Кушева.

№ 75.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
29.03.1973.
29/III- 1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

27 марта я получила пакет с авторефератом (удивительно то, что и 20 рублей дошли благополучно; ведь не полагается посылать деньги в почтовых пакетах). 28-го я просмотрела текст, внесла некоторые исправления. Как Вы понимаете, я не могла серьезно менять ваш текст – ведь наши концепции не сходятся. Жаль, что в автореферате Вы уделили мало внимания 3-й главе.

Сегодня состоялась, наконец, моя встреча с Туганом Хабасовичем. Поговорили подробно, вполне дружелюбно.

Я надеюсь получить текст автореферата от машинистки в понедельник 2-го или во вторник 3-го. Уговорила с Т. Х. о том, что мы снова встретимся, он посмотрит текст, поставит свою визу, затем я свою визу, отошлю Вам автореферат и одновременно пошлю предварительный отзыв на диссертацию Апажееву.

Как и я, Т. Х. считает, что необходимо привести текст диссертации в соответствие с авторефератом. Свои замечания на диссертацию я несколько задержала до встречи с Т. Х., мне надо было знать его отношение к вопросу об изменениях в тексте диссертации. Как я поняла, и он (еще до своего отъезда в Москву) дал Вам ряд замечаний по тексту, которые Вы тоже можете учесть.

Вместе с тем Т. Х. считает возможным осуществление защиты до летнего перерыва. Он должен вернуться в Нальчик в конце мая. Вопрос о сроке защите решайте сами, многое зависит от состояния Вашего здоровья. Вам нельзя работать сверх сил. Я приеду тогда, когда это будет нужно.

Наша встреча с Т. Х. состоялась в ин-те истории, а этажом выше, как Вы знаете, Ин-т этнографии. Так удачно сложилось, что сегодня В. К. Гарданов был в ин-те этнографии, и Т. Х. повидался и с ним.

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. Кушева.

Р.С. Я послала Вам экземпляры диссертации заказными бандеролями 19/III и 25/III. Известите о получении. 20 руб. на перепечатку конечно слишком много.

№ 191.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К – 452 Неглинный переулок, 1, кв 27. Е. Н. Кушева

07.04.1973.

7/IV -1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

3-го я получила автореферат с машинки. Заплатила 8 руб., следовательно, у меня еще 12 руб. Ваших денег. К сожалению, есть опечатки. Но так как автореферат будет печататься типографским набором, это не имеет большого значения.

Вчера я снова повидалась с Туганом Хабасовичем. Он поставил свою визу на 1-м экз. машинописи автореферата, однако один экземпляр (2-й) взял с собой, сказав, что должен прочесть внимательно. Думаю, у него, как у руководителя, будут еще поправки. Я связываю его настороженность с тем обстоятельством, которое отражено в «Правде» от 29 марта. Как я понимаю, во многом мы с ним – в отношении текста Вашей диссертации – сходимся.

Я посылаю в этом письме свои замечания на диссертацию. Но помните – как оппонент, я дала Вам замечания на автореферат. Так и говорите.

Послать автореферат я могу только после того, как Т. Х. внесет свои поправки. Дело тянется, но не огорчайтесь этим. Уже после защиты явится для Вас возможность напечатать книгу, и Вы снова обдумаете Ваши выводы, их обоснование.

И будьте здоровы!

Целую Вас.

Е. Кушева.

Р.С. До получения текста автореферата советую Вам заняться библиографией к диссертации.

Р.С. Я получила Ваше письмо с копией ответа Елене Иоасафовне. Выражение «сложившийся феодализм» не вполне отвечает моему представлению, но я в этом вопросе не хочу давить на ваше решение. Повторяю – для меня главное: глубокое своеобразие сложившихся в Кабарде феодальных отношений.

Замечания на диссертацию (я дала Вам замечания на автореферат, как оппонент).

Как я Вам, Евгения Джамурзовна, писала, автореферат должен соответствовать диссертации в основных выводах и формулировках. Так как Вы внесли ряд изменений в автореферат, надо, очевидно, их учесть и в тексте диссертации. 6 апреля Туган Хабасович взял последний вариант автореферата, чтобы посмотреть его внимательно. Полагаю, что он внесет поправки. Объем переделок во многом зависит от того, как Вы решите – перепечатывать ли снова весь текст диссертации или отдельные страницы. Решайте сами.

Вы уже знаете общие мои замечания. Коротко повторю их.

Считаю, что в первых двух главах Вы завышаете уровень соц.-экономического развития Кабарды и развития государственности.

Это сказывается прежде всего на страницах, где Вы говорите об экономике, о базисных явлениях. Неверно определение хозяйства кабардинцев 1-й пол. XVIII в., как «товарного» (стр. 42, 45, 49, 51). К тому же это определение вступает в противоречие с Вашей же характеристикой каб. хозяйства, как «натурально-потребительского» (стр.

50). Невозможно сравнение с уровнем развития земледелия в России XVIII в. (стр. 39). В России давно трехполье с применением удобрений, совсем иные условия.

В разделах о социальных отношениях не считаю правильным определение феодализма в Кабарде, как «развитого». У Вас стерты особенности кабардинского (и вообще горского) феодализма, которые выражались, в основном, в замедленном процессе феодализации, в устойчивости патриархально-родовых пережитков. А это очень интересно.

Одно из оснований Вашего определения уровня кабард. феодализма то, что господствовала продуктовая, а не отработочная рента (стр. 51 и др.). Но сейчас в историч. литературе высказаны мнения, что страницы Маркса, посвященные смене форм ренты, нельзя понимать, что такой порядок обязателен для процесса феодализации во всех случаях, у всех народов. В частности, высказано мнение, что на Руси продуктовая рента развилась из дани натурой, которая взималась князьями путем «полюдь» на раннем этапе феодализации и образования раннего государства.

Считаю, что Вы завышаете и уровень развития государственности в Кабарде. Вы пишете, что в XVIII в. здесь шел процесс централизации. Напоминаю, что уже в в. источники говорят о «старших князьях» в Кабарде, о народных собраниях. О том же для раннего времени говорит по преданиям Ногмов. Сравнивая те явления, которые можно по источникам проследить в Кабарде XVI–XVII вв., с I-й пол. XVIII в., я не вижу прогресса в развитии централизации. В частности, не уверена в том, что в это время был один «старший князь» и для Большой, и для Малой Кабарды. В государственности Кабарды XVIII в. очень много примитивных черт.

Это общие замечания, которые Вам уже знакомы. Далее я пишу и более частные замечания. Вы сами решите, что принять, что отклонить.

На всех страницах проверьте и уточните ссылки. При ссылке на дела АВГР везде надо сначала ставить год, а затем № дела, т.к. там нет сплошной нумерации дел.

Проверьте ссылки на классиков м.-л. (марксизма-ленинизма. – А. М.) и цитаты.

Внесите там, где сочтете нужным, ссылки на те труды, которые в автореферате Вы использовали дополнительно.

Далее замечания по страницам.

Стр. 3 – здесь желательна ссылка на статью Гарданова «Обычное право», а на стр-це 17-й на Косвена (о М. М. Ковалевском).

Стр. 6 – надо переработать.

Стр. 22–24 – дополните указаниями на Байова, Мышлюевского, Орешкову, Шульмана.

Гл. I.

Стр. 31. К. (Кабарда. – А. М.) по численности населения уступала лишь Кубанской орде и Дагестану – а западные адыги?

Ее территория самая обширная на Сев. Кавк. А Дагестан? А зап. адыги?

Стр. 32. Правильен ли перевод термина мэкъумашьшэ?

Стр. 37 – весенне-полевые работы – 2, 2 ½ месяца – недоразумение.

Стр. 37, 38, 41 и др. Чрезвычайно подчеркнуто крепостничество. Феодальная зависимость крестьян в Кабарде имела свои особенности, которые стерты.

Стр. 38. Полевые работы – основа и гарантия благосостояния крепостников – так ли? Ведь главное в хозяйстве феодалов – скотоводство?

Стр. 43 – 1720 г. – командир кизлярских войск И. Кикин. Но ведь Кизляр основан в 1735 г.

Стр. 49, 80, 108 – ряд преувеличений – колоссальный прибавочный продукт; огромное богатство; могущественный феодал.

Стр. 53 – не эмиграция ремесленников, а отход.

Стр. 63–75 – о тльхукотлах. Вы не объясняете, на чем основано Ваше толкование термина.

Стр. 79 – уорки – русское дворянство. Какого времени? Неудачное сравнение.

В конце главы надо дать дополнение об особенностях феодализма в Кабарде.

Гл. II.

Стр. 83–84 – вопрос не ставился до сих пор – не верно!

Стр. 88–89. Анализ карты 1744 г. Желательно дать подробнее.

Стр. 94 – о зависимости соседних народов – тоже.

Стр. 95. Кланово-родовой принцип расселения, вытеснен территориальным – слишком категорично.

Стр. 96 – борьба за гегемонию ... – сомневаюсь.

Стр. 98 – противник – о ком Вы говорите?

100 – столица, политич. центр – преувеличение.

101 – подать – 2 головы овец в год. Со двора? Какой это примитив!

104 – Все спорные дела решались судом – так ли? А на стр-це 105 Вы говорите о слабости публичной власти.

110 – Аристократич. республика – в автореферате Вы уже сняли.

Гл. III.

Третью главу я подробно не рассматривала, считая, что Ел. Иоас. (Елена Иоасафовна Дружинина. – А. М.) даст свои замечания.

Обратите внимание на следующее. Вы часто пишете – Москва, в Москву и т.д. Но ведь в это время столицей был Петербург. Правда, иногда двор и учреждения перебились в Москву. Последите за текстом документов.

Не указала страницу, но Вы найдете. Вы пишете что «Петр I в 1722 г. подписал соглашение с Портой, по которому Кабарда была признана в сфере влияния Крыма». Это очень ответственное место. Какой документ был у Вас в руках? Правильно ли поняли Вами? Проверьте свои выписки. В изложении международных актов нельзя допускать неточности.

Текст заключения надо очень продумать.

Туган Хабасович сказал мне, что он дал Вам и на текст автореферата, и на текст диссертации подробные замечания. Отнеситесь к ним внимательно.

Я превысила свои обязанности оппонента. В дальнейшем буду следовать правилам. Дам визу на автореферат, сообщу в Уч. Совет о своем согласии оппонировать и пошлю краткий отзыв на диссертацию. А затем буду ждать печатный текст автореферата и окончательный текст диссертации.

У меня осталось 12 руб Ваших денег. По какому адресу прислать их?

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. К.

7/IV-1973 г.

№ 69.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

16.04.1973.

16/IV-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сегодня заказным письмом на имя М. Л. Апажеева я посылаю предварительный отзыв на Вашу диссертацию с заверенной мной подписью и письмо к Апажееву с сообщением о своем согласии выступить оппонентом.

Сегодня же ценным письмом посылаю автореферат. Перечисляю экземпляры:

1. Присланный Вами экземпляр автореферата, в который я внесла некоторые поправки и с которого машинистка напечатала 4 экз.

2. Первый экземпляр этой перепечатки с визами «в печать» Тугана Хабасовича и моей и с рядом поправок, которые мы внесли совместно (сидели несколько раз, просматривая каждую страницу). Поправки все направлены на то, чтобы смягчить завышение уровня социально-экономических отношений и государственно-политического строя. Т. Х. предупреждает, что визы действительны лишь в том случае, если Вы принимаете поправки. Если Вы не можете принять поправки и предложите новую редакцию, Вам придется вновь прислать ее на просмотр Т. Х-чу и мне на утверждение. Это задержит

печатание автореферата и его рассылку, и очевидно придется отложить защиту на осень. Между тем Туган Хабасович хочет, чтобы Вы защитились в июне. Напоминаю, что текст диссертации тоже требует поправок, так как автореферат должен соответствовать диссертации.

Я не дала текст автореферата на новую перепечатку, т.к. не знаю, как Вы отнесетесь к поправкам.

3. 2-й экземпляр перепечатанного автореферата, в который я поправки не вносила.

Третий и четвертый экземпляры не посылаю. Один взял себе Т. Х., другой я оставила себе.

Посылаю Вам также копию предварительного своего отзыва, который я послала на имя Апажеева.

Держите меня в курсе Ваших дел. По получении автореферата с поправками сообщите, принимаете ли Вы их. Когда можно ждать напечатания и рассылки автореферата? Можно ли рассчитывать на защиту в июне? Т. Х. говорил, что обычно последнее заседание Уч. совета созывается числа 20 июня. Мне необходимо получить текст диссертации не позже, чем за две недели до защиты.

Давно не было от Вас письма, не знаю, как Вы себя чувствуете, как Ваше здоровье. Всего хорошего, целую Вас.

Е. Кушева.

P.S. Туган Хабасович говорил мне, что его замечания, которые он давал Вам и на текст диссертации, носили тот же характер, что и внесенные нами поправки. Понимаю, что лекции, которые Т. Х. сейчас слушает, и получаемая им информация заставляют его отнестись особенно внимательно к Вашей работе – ведь он Ваш руководитель.

№ 49.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

29.04.1973.

29/IV-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Ваше письмо от 20-го я получила только 27-го – сказалась загруженность почты перед праздником. Вы писали его, еще не получив автореферат с теми поправками, которые мы с Т. Х. (Туган Хабасович Кумыков. – А. М.) вносили. Жду отклика.

Я внимательно отнеслась к Вашей работе не только из-за интереса к теме, к Вашим наблюдениям. Это и заставило меня быть придирчивой.

Сейчас жду сообщения о том, когда же может осуществиться защита. Т. Х. говорил мне, что обычно последнее заседание Уч. Совета перед летним перерывом назначается на 20 июня.

Как Ваше здоровье, как ведет себя Ваше сердце? Как проходят занятия в ун-те?

Шлю Вам, Вашим близким и товарищам приветы к празднику.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 70.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

03.05.1973.

3/V-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера я получила одновременно и поздравление ваше, и письмо от 25 / IV, оно шло очень долго. Благодарю за поздравление и желаю Вам и Вашим всего, всего хорошего.

Должна сознаться, что в Вашем письме мне не все ясно. Я не поняла, к какому ученому секретарю Вы ходили с авторефератом и с тем экземпляром отзыва, который я Вам послала. К уч. секретарю Ученого совета? К автореферату я приложила экземпляр отзыва для Вас лично, а одновременно послала официальное письмо на имя Апажсва и отзыв, где подпись моя заверена печатью (я Вам об этом писала). Почему Вы не упоминаете об Апажсве? Если надо было идти к ректору, то очевидно с официально заверенным отзывом, а не с тем, который я для Вас послала.

Теперь о поправках. Все поправки в том экземпляре автореферата, который завизирован Туган Хабасовичем и мною, это совместные наши поправки. Два раза сидели мы с ним по несколько часов, думали о формулировках и, согласовав их, вносили в текст. Поэтому и поправка на стр-це 3-й – совместная наша с Т. Х. поправка. В тексте на стр-це 3-й у Вас сказано то завышение государственного строя Кабарды, о котором я Вам писала. Можно ли говорить о «сложившейся в Кабарде государственной системе правления» – здесь завышение.

По правде сказать, читая на стр-це 3-й Ваши строки, я не поняла, о какой «внутренней форме» идет речь. На стр-це 26-й Вы пишете о «форме правления» и определяете ее для Кабарды, как княжество. Какая-то неясность.

Вчера мне звонил Туган Хабасович и спрашивал, нет ли от Вас письма. Я не сочла возможным сказать ему о том, что Вы написали мне о стр-це 3-й. Об этом Вы обязаны написать ему. Без согласования эту страницу нельзя печатать так, как изложено у Вас.

Письма идут очень медленно. Т.к. я боюсь, что Вы уже передали автореферат в печать так, как изложено у Вас, я посылаю Вам телеграмму, чтобы задержать печатание. Сообщите мне о ходе Ваших дел.

Всего хорошего, целую Вас.

Е. Кушева.

№ 73.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

12.05.1973.

12/V-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Из-за праздничных дней письма последнее время шли очень медленно. Только 11 мая я получила одновременно два Ваших письма – от 29 апреля (!) и от 7 мая. Первое из них очевидно где-то залежалось. Думаю, и мое письмо Вам от 3 мая (писанное на Ваше письмо от 25 апреля) задержалось. Ваше письмо от 25 апреля я поняла так, что Вы дали печатать автореферат, сохранив свой текст на стр-це 3-й. Этим и была вызвана моя телеграмма.

После Ваших неудачных телефонных звонков 6 мая я все поджидала звонка от Вас, но Вы не позвонили. Боюсь, не заболели ли Вы.

Ваше письмо от 7 мая было написано до получения Вами моего письма от 3 мая. Поэтому я не знаю, как Вы поступили со страницей 3-ей автореферата.

Ваши письма об автореферате ставят меня в неудобное положение перед Туган Хабасовичем. Он Ваш руководитель, как это и обозначено на автореферате. Ставя свою визу, он отвечает за содержание автореферата. Понятно, что после неприятности с Саблировым он особенно придирчив. Моя виза иного характера – она говорит о том, что автореферат передает основное содержание диссертации. Между тем Вы Туган Хабасовича обходите – ведь в первую очередь Вы должны писать об автореферате не мне, а ему.

Так как у Тугана Хабасовича нет телефона, мне нелегко с ним связываться. Сегодня я случайно встретила с ним в читальном зале Ленинской библиотеки. К сожалению, со мною не было Ваших писем. Я рассказала Т. Х. об их содержании, но не могла точно

передать ему предложенную Вами формулировку к стр-це 3-й. И Т. Х., и я думаем, что Вы напрасно осложнили печатание автореферата, не приняв нашего текста. Мне кажется, что Ваш текст (изменений) менее удачен, чем предложенный нами. Повторяю, Т. Х. новой вашей формулировки не видел. Он снова напоминает Вам о своей визе и об ее значении.

Относительно вставки на стр-це 24-й. Она точна – письменного делопроизводства в Кабарде не было. Отсылка «листов» не делопроизводство (этот термин имеет определенный смысл). В Вашем письме я не могла прочесть одного слова: «листы писались на...? языке». Внесенная нами вставка не так важна для автореферата, чтобы настаивать на ней. Но считаю, что в тексте диссертации надо сказать и том, что письменного делопроизводства в Кабарде не было.

В среду 16-го я уезжаю на неделю в Ленинград, куда меня пригласили на заседание в Ленинградск. отделение Ин-та истории. Приеду вероятно 25-го. Надеюсь, что до своего отъезда получу от Вас известие.

Целую Вас.

Е. Кушева.

P.S. Я отмечаю для себя и дату получения Ваших писем, и дату своего ответа на каждое из них. Иначе можно запутаться. Советую и Вам вести такой дневничек.

№ 81.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
31.05.1973.
31/V-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вернувшись из Ленинграда, получила Ваши письма, автореферат, официальное именование за подписью Камбулата Наурузовича. Поджидаю и диссертацию.

Узнала расписание поезда «Эльбрус». Предполагаю выехать 22-го июня с тем, чтобы приехать 24-го утром. Отзыв постараюсь послать и Вам, и в Ученый совет заранее.

Как я Вам уже писала, в Нальчике я хотела бы остановиться в гостинице, мне так удобнее. Я отличаюсь полной неприхотливостью, мне не нужен отдельный номер, могу жить в номере на двоих, троих. Дня отъезда из Нальчика в Москву пока еще не определила. Посоветуйте, кому писать о том, чтобы мне забронировали место в гостинице, – Керефову (Керефов Камбулат Наурузович – ректор КБГУ. – А. М.) или Апажеву (Апажев Мухамед Лукманович – декан ИФФ КБГУ. – А. М.). А 24-го, надеюсь, Вы встретите меня и проводите в город. Когда у меня будет на руках билет, я напишу Вам или пошлю телеграмму.

Туган Хабасович очевидно уже в Нальчике.

Готовьтесь к защите спокойно, все будет хорошо. С Еленой Иоасафовной я еще не виделась, она ведь предполагала писать отзыв на автореферат.

Целую Вас, будьте здоровы, это так важно.

Е. Кушева.

№ 62.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
11.06.1973.
11/VI-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Только вчера во второй половине дня получила с почты диссертацию: Сегодня пришло и Ваше письмо авиа от 6 / VI.

Так как я напишу и перепечатаю на машинке отзыв едва ли раньше 18-го числа, а 22-го выезжаю, я не буду пользоваться почтой – так долго ходят письма, даже авиа, – а привезу отзыв 24-го утром. Надеюсь, Вы встретите меня, и я передам Вам же отзывы 24-го – воскресенье. 25-го я пойду в ун-т и передам 2 экз. отзыва Савченко.

Вы предлагаете мне остановиться у Вашей подруги. Все же мне удобнее остановиться в гостинице. Я уже заказала ж/д билет на «Эльбрус» на 22-е. Уже написала письмо Тугану Хабасовичу с просьбой забронировать мне место в гостинице с 24-го по 30-е. Билет на поезд мне принесут 14-го. Когда получу его, пошлю еще телеграмму на имя Апажеева о выезде и о гостинице. Вам посылать телеграмму не буду.

24-го я хочу отдохнуть после дороги. Правда, я хорошо сплю в вагонах. Заказала нижнее место в купированном вагоне. Но стоит жаркая погода, и возможно, буду утомлена поездкой.

Почитаю Вашу диссертацию свежими глазами, с интересом. Маловато мне времени для отзыва; выручает знакомство с диссертацией в январе, когда я посмотрела литературу, ранее мне не знакомую.

Не волнуйтесь, все пройдет хорошо.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 134.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

04.07.1973.

4/VII -1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Приехала вполне благополучно и вхожу в рабочую колею.

Вчера я побывала в Ин-те истории, зашла к главному бухгалтеру Ин-та и изложила все обстоятельства. Гл. бухгалтер Варвара Ивановна сказала мне, что, когда Ин-т приглашает иногороднего оппонента, ему оплачивают расходы по приказу Дирекции. Позицию гл. бухгалтера вашего ун-та она объяснила (предположительно) тем, что ун-т экономит на командировках, т.к. в I полугодии 73 года слишком свободно тратил ответную для командировок сумму.

Посылаю Вам в этом пакете:

ж.-д. билет;

вызовы – два – за подписью Б. Х. Балкарова, как председателя уч. Совета, и за его же, как проректора (вместо К. Н. Керефова);

мое обращение в бухгалтерию с московским адресом в бухгалтерию Кабардино-Балкарского гос. университета.

Причитающуюся мне сумму за проезд по вызову из Москвы в Нальчик на защиту кандидатской диссертации Е. Д. Налоевой и оппонирование на заседании Ученого Совета университета 26 июня с.г. прошу перевести по адресу:

103045 Москва К-45, 2-й Неглинный пер., д. 1, кв. 27, Екатерине Николаевне Кушевой.

Доктор исторических наук Е. Кушева

Москва, 4 июля 1973 г.

Не совсем удачно то, что первая бумага почему-то без даты, и там названа ст. науч. сотрудником Ин-та Истории АН, хотя я на пенсии, а во второй названа профессором, а у меня этого звания нет). Между прочим об этих недоразумениях я писала Тугану Хабасовичу еще из Москвы, а в Нальчике специально предупредила Тамару Матвеевну Савченко, что я пенсионерка, что у меня нет звания профессора, но что имею уч. степень доктора исторических наук.

Надеюсь, все кончится благополучно. Приехала я 1 июля поздно вечером, добралась на такси домой, лифт, к счастью был исправен. А вот розы появили еще в вагоне, хотя и стояли в воде.

2-го позвонила секретарю М. М. Зайцевой, сообщила, что приехала, и узнала, что Елена Иоасафовна на даче под Звенигородом. В тот же день Е. И. позвонила мне с дачи. Моего письма о Вашей защите она не получила, т.к. не была в городе. Я подробно рассказала ей и о защите, и о вечере. Вчера в Ин-те видела Л. В. Черепнина, рассказала, как хорошо прошла защита. Он был доволен, сказал, что Вам он уже написал в ответ на присылку автореферата.

Отдыхаете ли Вы? Это так нужно. Завтра пойду в архив, в ЦГАДА. Возможно, в июле поеду в Саратов к сестре, но не предполагаю там задержаться.

Обнимаю и целую Вас. Шлю приветы Нине Джамурзовне и родным.

Е. Кушева.

P.S. Елене Иоасафовне разрешено жить на даче с Николаем Михайловичем, т.к. он не очень хорошо себя чувствует.

№ 83.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

11.07.1973.

11/VII-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Откликаюсь на Ваше письмо от 1/VII, которое очень тронуло меня. Но очень уж Вы преувеличиваете мои «заслуги». Все дело в том, что познакомившись с Вашими работами, я живо заинтересовалась ими, а попозже, лучше познакомившись с Вами, прониклась искренней к Вам симпатией.

Уже два раза говорила по телефону с Еленой Иоасафовной, рассказывала ей о Вашей защите, о «вечере», который так меня заинтересовал. Вероятно Вы уже получили от Е. И. письмо. Сейчас она с Н. М. (Николай Михайловичем Дружининым. – А. М.) в городе, т.к. он проходит какое-то медицинское обследование.

В связи с нашей беседой заинтересовалась я вопросом о русских монетах удельного периода, уже посмотрела кое-какую литературу, попозже напишу Вам подробнее. Какие курсы будете Вы читать в ун-те в следующем учебном году?

Принялась за доделку машинописи сборника документов по истории Чечено-Ингушетии XVII века. Мне нужно бывать в Ленинской библиотеке и ЦГАДА. В Москве похолодание, это благоприятно для работы.

Удается ли Вам отдыхать, какие у Вас планы на лето?

Крепко Вас целую, шлю привет Вашим родным, Нине Джамурзовне, братьям, молодежи. Шлю привет и товарищам.

Е. Кушева.

P.S. Обратный билет и вызовы послала ценным письмом еще 4/VII.

№ 77.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

19.07.1973.

19/VII-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

17-го я получила Ваше письмо от 14/VII, 18-го принесли мне посылку с хорошеньким самоварчиком, а сегодня получила я и деньги из бухгалтерии университета. Успокойтесь, все в порядке.

Очевидно, Вы отдыхаете сейчас в Чегемском ущелье. Желаю Вам хорошего отдыха, который Вы так заслужили. А в августе опять начнется для Вас экзаменационная страда.

Мне очень приятно, что Е. И., Н. М. и Л. Вл. (Е. И. Дружинина, Н. М. Дружинин, Л. В. Черепнин. – А. М.) Вас поздравили. Лев Владимирович живет сейчас на даче, но он не в отпуске и 2 раза в неделю бывает в Ин-те. Ведь Вы хотите откликнуться на его поздравление?

Когда улягутся волнения, связанные с защитой, когда получено будет утверждение ВАКа, начните думать о подготовке к печати Вашей работы. Полезно оторваться от знакомого текста на длительное время и затем читать его свежими глазами.

Вы уж очень преувеличиваете мою помощь Вам. Ведь если бы Вы не были бы щедро оделены исследовательскими способностями, ничего бы не получилось.

Целую Вас крепко, благодарю за приветы Ваших родных и в свою очередь шлю им приветы.

Е. Кушева.

Р.С. Пожалуйста напишите мне имя и отчество Морская-Меерзон, жены Б. Х. Балкарова (Балкаров Борис Хазешевиц – проректор КБГУ по учебной работе в это время. – А. М.), и ее домашний адрес. Когда мы сидели рядом на вечере 26-го, мы разговорились, и я хотела бы ей написать по одному вопросу.

Е. Кушева.

№ 78.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

11.08.1973.

11/VIII-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

После 1 августа стала ждать письма от Вас и рада была письму от 4/VIII.

Как жаль, что Вы не отдохнули, как следует, в Чегемском ущелье. Как я хорошо Вас понимаю – для полноценного отдыха нужна тишина!

Вы беспокоитесь о здоровье Н. М. (Н. М. Дружинин. – А. М.). Он прошел длительное медицинское обследование, жил в городе. Его референтка сказала мне, что ничего тревожного не обнаружено. Сейчас Н. М. на даче с Е. И., под Звенигородом. Елена Иоасафовна бывает в Ин-те по вторникам, была и 7-го. К сожалению, я с нею не встретилась. Но мне передают, что на вопрос о здоровье Николая Михайловича она ответила: у Н. М. продолжается состояние недомогания.

Лев Владимирович не в отпуске, бывает в Ин-те по вторникам. Напишите ему письмецо – продумайте, чем объяснить задержку с ответом.

У Вас, как обычно, перегрузка. Я все вспоминаю поездку в Нальчик. У меня хорошая зрительная память. И вот перед моими глазами Вы – танцуете кафу, лицо даже несколько строгое, движения рук удивительно грациозны.

Вернулся ли Туган Хабасович, как его здоровье?

Вы советуете писать Рите Давыдовне (Рита Давидовна Морская-Меерзон. – А. М.) на имя Бориса Хазешевица. Не понимаю почему. Объясните.

Благодарю Ваших родных за привет. Вечер у Нины Джамурзовны мне очень запомнился.

Целую Вас, будьте здоровы и благополучны.

Е. Кушева.

№ 79.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
07.09.1973.
7/IX-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Что-то давно нет от Вас вестей. Здоровы ли? Или так заняты по университету, что Вам не до писания писем? Откликнетесь.

У меня тяжёлые хлопоты. 18 августа скончалась в Ставрополе Татьяна Максимова Минаева, о которой я Вам рассказывала. Когда положение ее было признано безнадежным, мне продолжали твердить не приезжайте. И телеграмму об ее кончине прислали так, что бы я и не думала приехать или прилететь на похороны. Но просили похлопотать в Ин-те археологии, чтобы научный архив Т. М., как археолога, поступил бы в архив Ин-та. Кажется, это удастся, но из-за отсутствия ряда ответственных лиц не сразу удалось добиться положительного решения. Второй вопрос – о некрологе. Представьте себе – ж. (журнал. – А. М.) «Советская археология», и ж. «Советская этнография» рекомендовали помещать некрологи только в исключительных случаях. Но наметилась возможность помещения в «Сов. археологии» обзора научной деятельности Т. М-ны (написание его осуществит кто-либо из археологов, меня привлекают для биографических данных).

Вот такие у меня были дела – долг памяти.

По работе же я была больше всего занята сборником док-в (документов. – А. М.) по истории Чечено-Ингушетии XVII в. Напишите, чем заняты Вы, поднимался ли вопрос о напечатании Вашей диссертации?

Елену Иоасафовну вижу изредка – в Ин-те. Николай Михайлович не очень хорошо себя чувствует, но обследование дало утешительный результат.

Целую Вас, шлю приветы сестрице и всем Вашим хорошим родным.

Е. Кушева.

№ 51.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
24.09.1973.
24/IX-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Откликнулась на Ваше письмо от 14/IX. Оно меня в какой-то степени успокоило – Вы пишете, что здоровы, хотя и утомлены. Если Ваше сердце выдержало нагрузку сверх всякой нормы, следственно советы московских врачей помогли Вам.

Конечно, я так хотела бы, чтобы Ваш приезд на курсы повышения квалификации состоялся.

Вы пишете, что не было у Вас возможности поработать над книгой. Ведь это может послужить на пользу. И по своему опыту, и по опыту товарищей знаю, что такой временный отрыв помогает затем взглянуть на свой текст свежими глазами. Но хотелось бы знать, включена ли Ваша книга в издательский план.

Понимаю, как Вы заняты, но все же задаю Вам вопросы. Какие же курсы должны Вы читать в 1973–74 уч. году? Какие семинарские занятия вести? Если будете читать вспомогательные историч. дисциплины, то, очевидно, и нумизматику. В связи с этим вспоминаю наш с Вами разговор о монетах удельного периода на Руси. Мне кажется, у Вас не вполне правильное об этом представление. Ведь у Вас есть II том «Вспомогательных исторических дисциплин»? Там напечатана очень полезная обзорная статья Спасского

с перечнем нумизматических исследований 1917–1967 гг. Среди указанных там работ – 1-й выпуск труда А. А. Ильина «Классификация русских удельных монет». Л-д, 1940.

Работа в колхозе вероятно была бы для Вас отдыхом, а Вас отозвали. Моя племянница два раза ездила с товарищами по работе на уборку овощей – теперь лежит больная. В Москве и Подмоскovie ранняя осень, дожди, холод.

Я, как обычно в последние годы, не справляюсь с делами, постоянно отстаю, не выдерживаю сроков. Самое приятное мое занятие – ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов. – А. М.). Вы хорошо знаете это радостное чувство – радость находок.

Как новый ректор? Как дела на факультете, на кафедре?

Шлю приветы хорошим Вашим родным и товарищам-историкам.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 74.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

28.10.1973.

28/X-1973 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Созвонилась по телефону с почтамтом, и сегодня мне принесли Вашу посылку на дом. Ни одно яблочко не попортилось. Конечно, мне приятно думать, что эти яблоки собраны Вами. Но знаю, как Вы заняты, а отправка посылки требует времени и хлопот.

Благодарю Вас.

Понимаю, как Вам приятно стало работать в саду. Но как же выдержало эту нагрузку Ваше сердце?

Была отвлечена от работы по «сборнику» несколькими поручениями, и она все еще не кончена. Очень на это досажаю.

Здоровье удовлетворительно.

В ин-те чувствуется конец года, завершается планирование работы. Е. И. (Елену Иоасафовну Дружинину. – А. М.) увижу завтра на заседании сектора.

Целую Вас, шлю Вам и родным приветы к праздничным дням.

Е. Кушева.

№ 84.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К – 452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

12.06.1974.

12/VI-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я получила из К.-Б. н.-и. ин-та (Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – А. М.) договор на рецензирование Вашей книги, подпишу один экземпляр и пришлю в К.-Б. институт.

Сроком предоставления рецензии указано 15 августа. Напишите мне, как Вы относитесь к этому сроку. Ведь в Вашем договоре срок – 1 июля. Очевидно, Вы представите машинопись в срок, а дальнейшее движение она получит уже осенью. Июль обычно месяц отпусков и перерыва в занятиях.

Напишите мне свои соображения и пожелания.

Какие отклики в Нальчике на защиту Мирко?

Еду в Ин-т на заседание.

Целую Вас, приветы Вашим родным и товарищам.

Е. Кушева.

№ 48.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
26.06.1974.
26/VI-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

От Вас нет вестей, и это мне не нравится.

Я предполагаю поступить с отзывом на Вашу книгу так. Во второй половине июля пошлю Вам предварительные свои замечания, чтобы договориться о том, что включить в официальный отзыв, а это оставить для Вас.

Вероятно Вы уже представили или представите машинопись в Ин-т. Каковы же возможные сроки передачи в издательство?

Вероятно Вы очень заняты университетскими делами, этим я объясняю Ваше молчание.

Целую Вас, шлю привет Вашим родным и товарищам.

Е. Кушева.

№ 140.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К – 452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
14.07.1974.
14/VII-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Наконец-то получила от Вас письмо, которое меня несколько успокоило. Действительно, аллергии у меня не было, но у двух моих знакомых это заболевание периодически повторяется. Очевидно у Вас период обострения болезни из-за переутомления и нервного перенапряжения. Надеюсь, Вы принялись за лечение, и оно Вас поправит. Желаю Вам скорейшего выздоровления.

Теперь о Вашей работе. У меня так складываются домашние дела, что в ближайшую неделю я совсем не смогу заниматься ею. Срок представления официального отзыва – 15 августа, я этот срок выдержу. Спорные замечания для Вас (если они будут) смогу послать не ранее 25–27 августа. Поэтому советую Вам следующее.

Когда успокоится Ваша аллергия, займитесь внимательной поправкой опечаток в тех двух экземплярах, которые 1 августа Вы обязаны предоставить в Ин-т. До моего отзыва их едва ли будут смотреть. Когда мой официальный отзыв придет в ин-т, вам конечно будет дан срок – недели две, а м.б. и больше – для учета замечаний. Следовательно, у Вас будет время внести поправки.

Сейчас главное – выздоровление и отдых.

У нас в Ин-те истории сейчас летний перерыв в заседаниях. Многие сотрудники в отпуске, в том числе и Елена Иоасафовна.

Недавно звонил мне В. П. Мирко, сказал, что уезжает в Нальчик. Вопрос о дальнейшей работе у него не выяснен, что его беспокоит.

Знаю, что В. К. Гарданов сейчас в Орджоникидзе. Я не виделась с ним после защиты Мирко. Очевидно в ВАК'е вопрос о диссертации В. П. будет рассмотрен лишь к концу года, не раньше.

Сборником документов по Чечено-Ингушетии я сейчас не занимаюсь, решила это дело несколько задержать.

Крепко Вас целую, шлю привет родным. Будьте же здоровы.

Е. Кушева.

№ 154.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
28.07.1974.
28/VII-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Ничего не знаю о Вашем здоровье и беспокоюсь. Жду от Вас известия.

У меня так сложились домашние дела, что я не смогла послать Вам свои замечания в 20-х числах июля, как обещала. Был ремонт комнаты, совершенно необходимый. Кончился он 22-го, но до сих пор комната не приведена в порядок.

Не беспокойтесь о моих замечаниях. Сдавайте в срок машинопись. К 15/VIII я пошлю официальный отзыв, после чего Вам конечно будет дан какой-то срок для ознакомления с отзывом и учета замечаний. Отдельно я пошлю свои замечания Вам – если будут такие, которые нежелательно помещать в официальный отзыв.

Давно не была в Ин-те и не видела Елену Иоасафовну. Вероятно Дружинины на даче. Как-то звонил по телефону Мирко – перед своим отъездом в Нальчик. Сказал, что вопрос относительно его дальнейшей работы неясен. Думаю, и Валерий Нануевич в Нальчике.

В январе 1975 г. исполняется 70 лет Льву Влад. Черепнину. Предполагается сборник в его честь. Мне очень хочется дать туда статью, т.к. в предшествующем сборнике я не участвовала.

Будете ли Вы вести занятия по палеографии в 1974–75 учебном году? Разбирая свои бумаги отложила ряд фото с документов, которые могла бы Вам послать.

Целую Вас, желаю здоровья.

Шлю приветы родным.

Е. Кушева.

№ .

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
11.08.1974.
11/VIII-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

В последнем письме Вы писали о несчастье с Вашим братом. Я беспокоюсь и об нем, и о Вас, зная Вашу привязанность и глубину ваших родственных чувств. Жду вестей.

Писали Вы и о том, что с 15 августа надеетесь пойти в отпуск и что Вам надо бы поехать в Трусовец. К сожалению, я еще не успела написать отзыв на Вашу книгу. Сейчас вплотную занята её просмотром, но к 15/VIII отзыва послать не могу. Одновременно пишу об этом Галиму Хизировичу (Г. Х. Мамбетову. – А. М.) (на Ин-т), предупреждая о задержке. Возможно, он ещё не вернулся из отпуска, тогда письмо моё попадет к тов. Гугову (забыла его имя и отчество).

Вы пишете о том, что выправили опечатки и стиль. Читая экземпляр, который Вы мне дали, я делала отметки карандашом. Ведь этот экземпляр я верну Вам, а посылать в Ин-т не буду.

Прошу Вас, не ждите моего отзыва, если у Вас есть возможность поехать в Трусовец. Вам конечно будет дано время для учета моих замечаний. Сейчас я Вам о них не пишу, т.к. еще не всё обдумала, они у меня еще не сложились. Думаю, выскажу некоторые пожелания.

Мне кажется, Ваша аллергия связана с состоянием нервной системы и переутомлением. В своем последнем письме я спрашивала Вас о том, какова будет у Вас нагрузка по ун-ту, нужны ли Вам снимки с документов – если Вы будете вести палеографию.

Ремонт кончился, он и отнял у меня уйму времени. Но это мероприятие было необходимо.

Целую Вас, желаю благополучия и здоровья Вам и Вашим родным.

Е. Кушева.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
 Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
 29.08.1974.
 29/VIII-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сегодня получила Ваше письмо. Прежде всего о здоровье брата. Сотрясение мозга требует длительного лечения и покоя. Знаете ли Вы, что Елена Иоасафовна перенесла сотрясение мозга при одной поездке за границу? Это случилось ок. 10 лет тому назад, в Германии или Вене – ее сбила машина. Положили ее в больницу (Н. М-чу не сообщили), потом на самолете переправили в Москву, где она тоже лежала в больнице. Но и позже, пожалуй, в течении полутора или двух лет последствия чувствовались, были головные боли, головокружения, ей запрещали напряженно работать. Вашему брату необходим покой, терпение.

Вы глухо упомянули о своем здоровье, что на нем сказалась болезнь брата и отсутствие отпуска. Как Ваша аллергия?

Завтра я передаю свой отзыв машинистке, на той неделе получу и пошлю 2 экз. в ин-т и один Вам. Ценной бандеролью пошлю Вам машинопись Вашей книги и частные свои замечания.

Читая машинопись, я, по привычке, карандашом поправляла опечатки и на полях отмечала неловкости стиля. Возможно, часть Вы уже поправили.

В отзыве я должна была повторить некоторые замечания, которые высказала на защите (несколько меняя формулировки). Делаю это прежде всего конечно в интересах научной истины. Кроме того, понимаю, что если книга будет напечатана так, как сейчас читается машинопись она может вызвать в рецензиях справедливые упреки – а это совсем нежелательно.

Печатание книги еще более ответственное дело, чем защита диссертации. Поэтому я очень внимательно следила и за концепцией, и за точностью фактов и цитат. Часть уточнений дала и в отзыве, большую же их часть пошлю Вам в качестве частных замечаний. Перечитайте внимательно весь бывший у меня экземпляр машинописи с моими карандашными пометками.

Кто же будет ответственным редактором вашей книги?

Я не знала о том, что в ун-тах введен новый курс «Введение в специализацию». Никаких разговоров об этом не слышала. Кажется, никто из сотрудников моего Сектора (бывшего моего!) не связан сейчас с вузами. Постараюсь поговорить с Н. Б. Голиковой из МГУ, но не уверена в том, что у нее есть телефон – в прошлом году она переехала в новый район.

Вы не ответили на мой вопрос: послать ли Вам фото документов, которые мне теперь не нужны. Правда, они в одном экземпляре и мало удобны для занятий со студентами. Теперь относительно книг, которые Вам нужны. Если эти книги издательства «Наука», тираж которых еще не разошелся, выписывайте наложенным платежом (адреса магазинов указаны на книгах этого изд-ва). Между прочим, имеются книги, вышедшие сравнительно давно и уцененные. Если тираж книги исчерпан, то ее находка в букинистических магазинах – дело случая. Если же Вам крайне понадобится какая-нибудь книга, которая у меня имеется, пишите, я пошлю Вам на тех же началах, как и монографию Черепнина, т.е. во временное пользование.

В каком порядке Вы читаете «вспомогательные дисциплины»?

Попробую позвонить в ВАК и узнать положение с Вашим дипломом. Но, возможно, мне, как постороннему лицу справку не дадут. Я Вам напишу.

Если у Вас будет новоселье, постараюсь приехать!

Целую Вас, желаю Вам и Вашим здоровья и благополучия, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 138.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
12.09.1974.
12/IX-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Одновременно с этим письмом я посылаю ценной бандеролью по адресу Вашей сестры папку с машинописью книги, отзывом и частными замечаниями. Мамбетову послала особо два экземпляра отзыва.

Я уже писала Вам о том, что публикация книги – ответственный этап для научного работника. На том тексте, который был у меня, лежит отпечаток спешки. Среди частных моих замечаний есть бесспорные, которые необходимо учесть.

Как Вы понимаете, я расхожусь с Вами в концепции уровня развития Кабарды XVIII в. Здесь основное мое пожелание к Вам – лучше обосновать свою точку зрения.

В отзыве я упоминаю о том, что, возможно, потребуется некоторое увеличение листажа. Надеюсь, Вам разрешат это, а также предоставят срок для доработки.

Я звонила в ВАК. Мне сказали, что секретарь по отделу историч. наук в отпуске до 20/IX, а без нее справки дать не могут.

Представляю себе, как Вы загружены по университету. Как же Ваше здоровье, как чувствует себя Ваш брат?

В Ин-те еще тихо, заседания не начались, поэтому я там и не бываю.

Целую Вас, шлю приветы и пожелания здоровья.

Е. Кушева

№ 153.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
27.09.1974.
27/IX-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Откликаюсь на Ваше письмо от 17/IX.

Еще 15/IX я послала Вам ценным письмом Вашу машинопись, отзыв, мелкие замечания. Одновременно послала в Каб.-Балк. н.-и. ин-т на имя Мамбетова 2 экз. отзыва. Несколько беспокоюсь, выдали ли Вам ценное письмо. Ведь я послала по адресу Вашей сестры, а Вы там не прописаны.

25/IX послала опять-таки на Советскую ул. пакет с фото документов. Одна их группа – документы, напечатанные в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова», другие – напечатанные в «Каб.-русск. отношениях», т. I. На обороте везде написала №№ документов в этих изданиях. Вы сможете познакомить студентов и с фото подлинных документов, и с современными приемами их археографической обработки.

Вы пишете, что очень заняты и что готовитесь к лекциям с увлечением. Несомненно, у Вас талант педагога. Очевидно, Вы уже прочли Вашу часть курса «Введение в специальность» (кажется, так?). Вот только сообщение о том, что Вы болели гриппом, мне не понравилось. Надеюсь, теперь Вы здоровы.

Еще не навела справки в ВАК'е и не уверена в том, что мне справку о Вас удастся получить.

Виделась с Еленой Иоасафовной 24-го на заседании сектора. Спросила её о Мирко. Е. И. (Е. И. Дружинина. – А. М.) сказала, что ему не удалось устроиться в Ин-те истории, т.к. у него нет московской прописки. Н. М. (Н. М. Дружинин. – А. М.) здоров и работает.

Вы спрашиваете о сборнике док-в по Чечено-Ингушетии. Сейчас я отложила в сторону работу по его доделке, т.к. мне предложили участвовать в юбилейных сбор-

никах – в честь 70-летия Л. В. Черепнина и 90-летия Н. М. Дружинина. Ремонт у меня кончился, и могу заняться этими статьями.

Жду известия о том, получили ли Вы машинопись и отзыв. Целую Вас, шлю приветы Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 164.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
12.10.1974.
12/Х-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Пробовала навести для Вас справку в ВАК'е, но это не удалось. По телефону мне ответили, что справки о защитах даются на приеме лично диссертанту или по его доверенности, официально заверенной. Не получили ли Вы извещения на университет? Если нет (мне говорили, что сейчас ВАК очень задерживает утверждения, там какие-то перемены), то доверенность лучше прислать не на мое имя – ведь я была оппонентом.

Что-то давно нет от Вас известий. Здоровы ли Вы? Или на уборке кукурузы? Не получила я отклика и из Каб.-Балк. н.-и. ин-та на посылку отзыва. Послала я его на имя Мамбетова.

Елену Иоасафовну видела 8-го. Она показалась мне похудевшей. Знаю, что Н. М. работает над большой монографией. Тогда же видела и В. Н. Сокурова, он готовится к сдаче экзамена кандидатского минимума.

Я занята отзывом на большую монографию сотрудницы сектора феодализма Н. А. Горской (о монастырских крестьянах XVIII в.). Тема мне очень интересна. Вообще соглашаюсь дать отзыв в том случае, если работа мне интересна. Это мое жизненное правило.

Пригодились ли для Ваших занятий фото документов?

Целую Вас, жду известий.

Е. Кушева.

№ 159.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
24.10.1974.
24/Х-1974 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Не получая от Вас писем, я так и предполагала, что Вы болеете. Ваше письмо это подтвердило. Поправляйтесь, поправляйтесь хорошенько и пока не думайте о моих замечаниях. Спишемся об этом тогда, когда Вы будете здоровы.

Сейчас по другой совсем теме я часто бываю в Ленинской библиотеке. Попутно наведу кое-какие справки, чтобы уточнить некоторые свои замечания. Но об этом – позже.

Вы пишете, что получили все мои письма «и пакет». Очевидно, Вы пишете о пакете с машинописью Вашей книги. 25/Х я послала Вам второй пакет – бандеролью – с фотографиями документов для Ваших занятий по палеографии. Очевидно Ваша сестрица получила и этот пакет, но это конечно не для больницы.

Обнимаю и крепко целую Вас и желаю здоровья и здоровья.

Е. Кушева.

№ 10.

360000. Г. Нальчик, Кабардино-Балкарская АССР
Советская, 39, кв. 1.
Евгении Джамурзовне Налоевой
103045 Москва. К-452 Неглинный переулок 1, 27 Е. Н. Кушевой
15.11.74.
15/ХІ-74.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Не получила от Вас традиционного поздравления к празднику, и это меня беспокоит. Как Ваше здоровье! В начале 20-х чисел ноября я еду недели на две в Ленинград хочу позаниматься в архиве ЛОИИ. Перед отъездом я напишу Вам и сообщу Ленинградский адрес. Но надеюсь получить от Вас известие еще до отъезда из Москвы. Целую Вас и шлю привет Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 139.

Гор. Нальчик, общежитие № 1, Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
05.01.1975.
5/І-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сегодня получила Ваши новогодний привет. Благодарю Вас, но он коротенький, и Вы ничего не написали о Вашем здоровье и о Ваших делах.

Наши предыдущие письма разошлись – Вы писали мне 12/ХІІ, а я Вам – 13/ХІІ. Из этого моего письма Вы знаете, как прошла моя ленинградская поездка. Вернувшись я была занята статьей в сб-к в честь 90-летия Николая Мих-ча (исполняется в январе 1976 г.). Что-то не писалось, и статьей я не довольна. Не знаю, как отнесется к ней редакция.

В конце декабря вся наша квартира болела гриппом – без большой температуры, вялым, но неприятным. Я и сейчас не вполне здорова – затянулся бронхит.

Ел. Иоас. я давно не видела. Завтра пойду в ин-т, м.б., встречу её.

Как Вы знаете, меня беспокоит Ваше здоровье. Как сейчас?

Желаю Вам, Вашим близким здоровья и благополучия в Новом году. И опубликования Вашей книги. И получения квартиры. Надо же, наконец, чтобы жилищные Ваши условия позволили бы Вам отдаться вполне творческой работе – и как исследователю, и как педагогу высшей школы.

Жду Вашего письма. Подробного. Напишите и о себе, и о своих, и об университете. Крепко целую Вас.

Е. Кушева

№ 9.

360000. Гор. Нальчик, Кабардино-Балкарская АССР
Советская, 39, кв. 1.
Евгении Джамурзовне Налоевой
103045 Москва К-45 2 Неглинный переулок 1, 27 Е. Н. Кушевой
27.01.1975.
27/І- 1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Одновременно с этой открыткой посылаю Вам на университет письмо. Как я понимаю, Вы не получили моего письма, посланного в начале января по адресу Советская, 39. Целую Вас.

Е. Кушева.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
 Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
 30.01.1975.
 30/1-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Ждала от Вас ответа на мое письмо от 6 / I, где я откликнулась на Ваше поздравление и послала Вам свои пожелания к Новому году. Из последнего Вашего письма поняла, что мое от 6 / I не дошло до Вас. Очевидно из-за того, что мои письма шли по адресу сестры, а Нина Джамурзовна в отъезде.

Конечно, дорабатывать книгу в спешке, надрывая силы, не следовало. Уверена, что если Вы сдадите машинопись книги в первой половине года, для нее найдется «окно» в издательстве, и она пойдет в производство.

Очень жду известия о том, получили ли Вы, наконец, жилплощадь, это так необходимо.

Немного утешил меня Валерий Сокуров, который сказал, что видел Вас в Нальчике и что Вы выглядели «нормально». Желаю Вам возможности отдохнуть весной.

Выскажу несколько соображений относительно герба кабардинской земли, о котором Вы пишете в своей книге. Мне помог справкой наш большой специалист С. М. Каштанов.

В книге Кудашева (Киев, 1913) на странице I указано, откуда он взял изображение герба Кабардинской земли, воспроизведенное на обложке: Свод законов Российской империи. Ч. I. Свод основных государственных законов. 1906 г. Примечания. Приложение I – о государственном гербе. А. Большой государственный герб § 2, VI.

Следовательно это изображение оформлено в XIX или даже в начале XX в. С. М. Каштанов указал мне источник гербов, которые в своде законов даны к полному царскому титулу, – это так называемый «Титулярник», составленный в Москве в 1672 г.

Титулярник этот издан: «Портреты, гербы и печати большой государственной книги 1672 г.» СПб. 1903. К сожалению, едва ли Вы найдете это издание в Нальчике.

В «Титулярнике» к (полному царскому титулу даны гербы областей и земель, перечисленные в титуле. В книге Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова «Русская сфрагистика и геральдика». М., 1963 рассказывается, как московские дьяки и ... (живописцы - ?, неразборчиво. – А. М.) составляли гербы «Титулярника» (стр. 125 и др.), используя изображения на городских и областных печатях.

Так как в полном царском титуле упоминались Иверская земля, Кабардинская земля, черкесские и горские князья, гербы этих земель и князей изображены в титулярнике, причем герб Кабардинской земли в основном уже содержит эмблемы герба, воспроизведенного Кудашевым. Герб «черкасских и горских князей» изображает всадника с копьем. Конечно, такого герба у «черкесских и горских князей» не было, даже не ясно, кого так называют в царском титуле; этот герб – сочинение московских дьяков и живописцев. Можно думать, что и герб кабардинской земли был сочинен в Москве для «Титулярника». Имелись ли у кабардинских князей печати, которые могли послужить для него образцом? Сомневаюсь. Посмотрите как описываются печати кабардинских князей в документах «Кабардино-русских отношений» – например, т. I, стр. 287, 311, т. II, стр. 17, 23, 25, 35, 47, 81, 92 и др.

Не знаю были ли личные печати у князей Черкасских, служивших в XVII в. в Москве и в 18 в. в Петербурге.

Мой совет: опустить абзац о гербе в тексте книги. Позже Вы как-нибудь займетесь вопросом о гербе специально.

4-го Валерий (Валерий Сокуров. – А. М.) читает у нас в секции свой первый доклад. Напишу Вам, как пройдет обсуждение.

Что Вы знаете о Борисе Муратовиче? В январе я болела гриппом и с 14 января не бывала в институте. А в 1-й половине января Ел. Иоасафовна (Е. И. Дружинина. – А. М.). Поэтому я не смогла поговорить с ней, рассказать ей о ваших делах.

Получили ли Вы какое-либо известие из ВАКа? Не пробовали ли навести справку? Надеюсь, что мое письмо дойдет до Вас.

Целую Вас, желаю Вам здоровья, сил, успешной работы. Шлю приветы Вашим родным и товарищам.

Е. Кушева.

№ 165.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39, кв. 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

14.02.1975.

14/II-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Откликаюсь на Ваше письмо от б/П коротеньким письмом.

Я опять ездила в Ленинград, на этот раз поездка была очень грустной. Ездили на похороны С. Н. Валка, который скончался 5/II. Ему было 87 лет. Судьба была милостива к нему в том смысле, что до последних дней он сохранил ясную голову, образ его остался в памяти всех, кто его знал, не искаженным болезнью.

На днях я видела Елену Иоасафовну, говорила ей о Вашем письме. Впечатление такое, что ни она, ни Н. М. Ваших посланий не получали.

Звонил мне Борис Муратович (Б. М. Моков. – А. М.), приехавший в Москву на курсы повышения квалификации. Повидаемся вероятно завтра, тогда узнаю его планы.

Вы читаете новый для Вас курс. Знаю, с какой ответственностью Вы относитесь к педагогической работе, и понимаю, как много отнимает у Вас подготовка. Хотелось бы мне невидимой побывать на Вашей лекции.

Как я желаю благополучного устройства Ваших жилищных дел! Я обещала Вам приехать на новоселье. Но не на шумное торжественное новоселье, а попозже, когда Вы обживетесь, чтобы спокойно побеседовать с Вами. Сейчас трудно загадывать, когда может осуществиться эта моя поездка.

Обнимаю и целую Вас, желаю здоровья, успешной работы, шлю приветы Нине Джамурзовне и родным.

Е. Кушева.

№ 160.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

07.03.1975.

7/III -1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваш сердечный привет, благодарю Вас, желаю Вам и всем Вашим близким всего, всего хорошего.

Борис Муратович сказал мне, что Вы получили диплом. Что же Вы мне об этом не написали? Жду от Вас подтверждения, чтобы порадоваться с Вами и заочно обнять Вас.

Целую Вас

Е. Кушева.

№149.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
14.03.75.
14/III-1975

Дорогая Женя!

Я получила Ваше письмо, которое так ждала, благодарю Вас.

Отвечу Вам письмом, когда получу точную справку, по какому же адресу Вам писать. Одновременно посылаю открытку на Пушкинскую.

Обратный адрес на конверте мне не вполне ясен. Не уверена в том, что мой конверт дойдет до Вас.

Целую крепко, приветы Н. Д-не (Нине (Нафо) Джамурзовне . – А. М.), родным.

Е. Кушева

№ 16.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
18.03.1975.
18/III-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам сборник в честь 90-летия Николая Михайловича (Н. М. Дружинин. – А. М.). В нем напечатаны мои источниковедческие статьи, которые в какой-то степени интересны и для историков народов Северного Кавказа.

Я очень задержала ответ на Ваше письмо от 25 / II. Вероятно до Вас дошло известие о беде в нашем секторе феодализма: 26 / II скоропостижно скончался Сергей Мартинович Троицкий. Ведь Вы его помните по Москве? Ему было всего 45 лет. В 1972 г. он перенес тяжелейший инфаркт. Первые годы берегся, а затем снова начал играть с напряжением. Сердце не выдержало.

Это тяжелое сообщение выбило меня из колеи. Жаль его вдову и сына – мальчика 15 лет.

В феврале – в первой половине марта я была очень занята. 12 марта в Институте востоковедения состоялась защита. Я была одним из оппонентов по огромной диссертации в 842 страницы. Диссертанту разрешили не сокращать эту объемную рукопись.

Борис Муратович не писал мне, что сдал статью. Догадываюсь, что эта статья о кабардино-русских экономических связях в XVII в., ранний вариант которой я читала.

В. Н. Сокуров читал у нас в секторе доклад по одной из глав будущей своей диссертации. Он много работает, у него интересные архивные находки. Доклад его был посвящен последним десятилетиям XVII в. Прения вызвали у меня вопрос, частный, но любопытный, который связан с новой Вашей темой. Еще в конце XVI в. в полный титул русских царей была включена «Кабардинская земля». В 1739–74 гг., когда Кабарда считалась барьером между Турцией и Россией, – как поступали в сношениях с другими государствами, с Турцией, с Крымом? Исключали ли «Кабардинскую землю» из полного титула русских императоров?

Как Вы поживаете, чем заняты, сдали ли статью? Удастся ли готовить к печати книгу?

Вы жаловались на холода. В Москве зима еще держится. Надеюсь, в Нальчике чувствуется весна, и Вы не сидите в шубе за письменным столом.

В письме Вы спрашиваете, не прислать ли мне книгу Гугова. Тема ее очень интересна и несомненно привлечет внимание. Книга очень нужна в связи с региональной историей Северного Кавказа. Очевидно, это докторская диссертация Гугова? Конечно, книга не по моей специальности. Если она кому-то в Вашем окружении нужна, отдайте ее. Если нет, пришлите.

На днях здесь будет обширный проспект трехтомной истории Калмыкии. Меня просили посмотреть проспект I тома.

Целую Вас, шлю привет Нине Джамурзовне и Вашим хорошим родным.

Е. Кушева.

№ 17.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

30.03.1975.

30/III-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Наши мартовские письма разошлись, и я еще не получила от Вас отклика на мое сообщение – о том, что я узнала от В.Н. Сокурова о Вашем утверждении. Какого же числа Вы были утверждены, как датирован диплом? Ведь я, как оппонент, очень заинтересована в этом деле.

Желаю здоровья Вашим близким и Вам. Мы здоровы удовлетворительно, но не справляюсь с делами. Я не позволяю себе работать с напряжением, т.к. хорошо понимаю, что в моем возрасте поступать так неблагоприятно.

В. Н. (В. Н. Сокуров. – А. М.) работает в архиве, в ЦГАДА, и, видимо, увлечен поисками. Вы хорошо знаете, как радуют находки.

Надеюсь, Т. Х. (Т. Х. Кумыков. – А. М.) здоров и освободил Вас от дополнительной нагрузки. Вероятно Вы не «читаете» лекции в буквальном смысле, а говорите свободно, пользуясь конспектом или выписками. Не уничтожайте бумажек, они Вам пригодятся.

Напоминаю, что 12 апреля исполняется 70 лет Льву Владимировичу Черепнину. Он уклоняется от чествования, ушел в отпуск и очевидно уедет из Москвы. Но поздравления конечно можно и надо послать – по домашнему адресу или на Ин-т истории.

С Еленой Иоасафовной встречаюсь на заседаниях сектора феодализма в Ин-те. А вот Николая Михайловича давно не видела. Знаю, что он работает над большой монографией, но соблюдает строгий режим, а Е. И. следит за его выполнением. Ведь Н. М-чу уже исполнилось 89 лет!

Обнимаю и целую Вас, приветы родным.

Е. Кушева

№ 145.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

18.04.1975.

18/IV-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Отвечаю на Ваше письмо от 12/IV. Конечно, почта и в Москве не всегда на высоте. А я 30 сентября пыталась добиться сведений в ВАК'е – безуспешно! Между тем Вы были давно утверждены. Помните, еще в апреле А. А. Преображенский сообщил мне, что Вы прошли экспертную комиссию. Очень удачно, что Вы защитились до реорганизации ВАК'а. Говорят, сейчас с утверждением большая задержка.

Конечно, читая курс первый год, Вы не все лекции можете подготовить так, как Вам хотелось бы. Мне очень нравится то, что Вы не читаете написанного текста, а говорите свободно. Совсем иначе студенты слушают лектора, если он рассказывает, а не читает по тетрадке.

Очень жду известия о квартире, Вам это так нужно для успешной работы, и так Вы заслужили улучшение жилищных условий.

12 апреля Л. В. Черепнину исполнилось 70 лет. Он уехал из Москвы в отпуск, и никакого официального чествования не было. 22-го возвращается из отпуска. Очевидно мы поздравим его в секторе. В честь его 70-летия сектор подготовил сборник, но он запаздывает, еще не вышел в свет. К сожалению, я не смогла дать в этот сборник статью – помешал летний ремонт квартиры и комнаты.

Надеюсь, у Вас будет в этом году полноценный отдых, и это поможет Вам закончить подготовку книги к печати. Если в Нальчике найдете книгу: Сперансов Н. Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М., 1974, посмотрите на странице 188–189 гербы Иверской, Карталинской, Грузинской, Кабардинской, Черкесской и горской земель, из Титулярника 1672 г. Считаю, что они были составлены в Москве. М. (ожет) б. (ыть), я Вам об этой книге уже писала. Не помню.

Привет Нине Джамурзовне и родным.

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. Кушева.

№ 37.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
4.05.1975.

4/V-1975 г.

Дорогие Нина Джамурзовна и Евгения Джамурзовна!

Благодарю вас за привет, шлю запоздалые поздравления вас с днем Победы. Будьте здоровы и благополучны.

Поджидая от Вас, Евгения Джамурзовна, подробного письма и о научных и педагогических делах, и о делах жилищных. Больших Вам успехов желаю.

И у нас в Москве цветут фруктовые деревья!

Целую Вас обоих.

Е. Кушева.

№ 4 А.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 18. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
07.06.1975.

7/VI-75 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Ваше письмо от 31 мая принесло мне радостную весть. Наконец-то Вы получили нормальные условия жизни, это Вы так заслужили (до 1975 г., когда она получила квартиру, Е. Д. Налоева жила в университетском общежитии. – А. М.).

Несмотря на тяжелую обстановку общежития Вы написали очень интересную подлинно исследовательскую диссертацию. Уверена в том, что Вы много полезного, творческого сделаете для истории своей Кабардино-Балкарии. На очереди у Вас подготовка к печати книги. Желаю Вам успеха.

Я так рада, так рада, не могу и передать (далее неразборчиво. – А. М.)

№ 4 Б.

Продолжаю.

Вы и Нина Джамурзовна зазываете меня к себе. Конечно, я приеду посмотреть, как Вы устроились. Но когда?

26 июня здесь в институте кандидатская защита, я оппонент. В июле я едва ли смогу приехать по семейным обстоятельствам. В августе? Но совсем не знаю, как сложится август, трудно загадывать и планировать.

Напишите мне, когда у Вас отпуск, куда Вы поедете отдохнуть. Ведь Вы много болели, Вам необходимо полностью восстановить здоровье и избавиться от Вашей аллергии. Помнится Вас послали на море. Напишите мне о Ваших планах.

Положение Елены Иоасафовны действительно трудное. Она взяла отпуск – для забот о матери (Ольга Владимировна лежит в больнице) и о Николае Михайловиче. Я очень давно не видела Е. И. (Елену Иоасафовну Дружинину. – А. М.).

Знаете ли Вы когда предположено написание 4-х томной истории народов Северного Кавказа? Ваша книга очень нужна.

В институте в июле обычно летняя... (неразборчиво. – А. М.), но как раз перед перерывом особенно много дела – защиты, обсуждения и т. п. Что-то не вижу просвета.

Обнимаю и крепко целую Вас, поздравляю Вас с новосельем и Ваших родных, которые конечно так рады за Вас.

Е. Кушева.

№ 162.

Гор. Нальчик, ул. Пушкинская, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
09.07.1975.
9/VII-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера я получила Ваше письмо от 6/VII. Отвечаю на него совсем коротко, т.к. не надеюсь, что письмо мое застанет Вас в Нальчике.

Конечно, Вам необходимо и отдохнуть, и полечиться. Но очевидно Вы едете «дикарем». Желаю Вам хорошо устроиться и в Крыму, и в Трусковце. В последнем я не бывала и совсем не представляю себе условий жизни там и лечения.

Вы предполагаете вернуться к 20 августа, а отпуск у Вас до 18 сентября. Мне трудно сейчас наметить время поездки в Нальчик, предполагаю, что мне удобнее будет побывать у Вас в сентябре. Но надолго приехать не могу, о чем Вас и предупреждаю. Уж очень много всяких дел.

Ваше письмо показывает, как Вы были заняты. Такая перегрузка не может отразиться на здоровье. Трудно понять Тугана Хабасовича.

26–27 июня в Нальчике было совещание по региональной истории Северного Кавказа. Я не могла приехать, т.к. 26-го была оппонентом на защите диссертации здесь, в Ин-те истории. Меня уговаривали прилететь в Нальчик (т.е. в Минводы) вечером 26-го или утром 27-го. Но такие полеты уже не для моего возраста. Надеюсь ознакомиться с ходом совещания по стенограмме.

Обнимаю и целую Вас, целую и Нину Джамурзовну. Будьте здоровы и благополучны.

Е. Кушева.

№ 25.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
23.07.1975.
23/VII-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Откликаюсь на Ваше письмо от 16 / VII.

Я понимаю, что жизнь в новых хороших условиях для Вас отдых. Но все же – Вы в городе, к тому же вам нужно санаторное лечение. Не знала, что у Вас болезнь почек. Трусковец Вам необходим, желаю, чтобы Вы получили туда путевку. Могу назвать и

народные средства – петрушка во всех видах: и свежая, и варенная, и отвар, сейчас она как раз молодая и особенно целебная.

Поведение Т. Х-ча нельзя одобрить, мне оно кажется даже странным. Знаю, что дни совещания совпали с тяжелым несчастьем в семье Хутуева. Ваши красивые горы таят опасности.

Николай Михайлович в больнице Ак. Наук. Мне говорили, что его состояние вызвано переутомлением (и возрастом!). Мать Елены Иоасафовны дома, но не вполне поправилась. Я давно не видела Е. И., она редко бывает в Ин-те, хотя и живет в городе, навещая Н. М-ча каждый день.

Вы посылали в Москву лимоны и мед! Но ведь Москва хорошо снабжается. Лимоны, можно сказать, круглый год и в магазинах, и на улицах. В специализированных магазинах мед всегда есть, часто продается и в... (неразборчиво. – А. М.) фруктовых. Помните, что Москва на особом положении.

Как обычно, молчит Борис Муратович. Если что знаете о нем, напишите мне. Сокуров уехал в отпуск в Нальчик. Его работа, как аспиранта, очень меня интересует.

В июне я была занята подготовкой к защите – 26 / VI она прошла благополучно для диссертанта. В июле писала статью, небольшую по листажу, но тем более для меня трудную. Вчера сдала ее на машинку, поэтому сегодня пишу письма.

Надеюсь, Нина Джамурзовна хорошо проводит время в Крыму.

Целую Вас. Будьте здоровы.

Е. Кушева.

№ 5.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 18. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

29.08.1975.

29/VIII-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Отвечаю на Ваше письмо от 26/VIII.

Конечно, я извещу Вас о дне приезда, когда это выяснится. Но уже сейчас могу сказать, что смогу выехать едва ли раньше 15/IX, скорее – во второй половине сентября. Основные причины две. Сюда приехала моя сестра из Саратова (она на два года старше меня) и прогостит здесь еще с недельку.

Вторая причина: я сдала в «Археографический ежегодник» статью (не на кавказскую тему!); ее читали по моей просьбе трое, есть пожелания и замечания; но ответственный редактор «Ежегодника» – Шмидт – в отпуске, вернется 1-го. Он также должен прочесть статью. Знаю, что окончательный текст я должна сдать не позже 15-го IX. Вы знаете мою медлительность, вероятно, я не смогу внести дополнения и поправки раньше назначенного срока.

Из-за постоянной занятости я не смогу у Вас задержаться. Отвожу на всю поездку неделю, поеду поездом, уже более 10 лет не пользовалась самолетом, и у меня нет желания летать. Следовательно, проживу у Вас дней пять. Хорошо представляю себе, как много у Вас будет дел по университету в сентябре. Да у меня есть свойство – я не скучаю, поэтому я не помешаю Вашим занятиям.

Жалею о том, что Вам не удалось полечиться. Пользуйтесь советами хорошего врача. Как дочь врача, я верю врачам – но хорошим. Вам нужны режим и диета. Ведь Вы себя не жалели, когда совмещали университетскую нагрузку с завершением диссертации.

Книгу Вам нужно подготовить к печати. Но не перегружая себя. Об этом мы поговорим при встрече.

Хронологические рамки диссертационной темы Сокурова – последняя четверть XVII и первая XVIII века, т. е. широкие. При обсуждении темы в секторе раздавались голоса о необходимости сузить тему. Статья же небольшая, Валерию Нануевичу дали небольшой листаж. По нему же он выбрал тему, по которой смог привлечь новый ма-

териал. В его работе по диссертации привлекает стремление использовать турецкие источники. Он с большой настойчивостью изучает турецкий язык.

Целую Вас, шлю привет Нине Джамурзовне. Напишите мне, будет ли для Вас удобен мой приезд во 2-й половине сентября.

Е. Кушева.

№ 28.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

16.09.1975.

16/IX-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Вашу телеграмму и заказала билет на поезд «Эльбрус» на 24-е, следовательно, приеду в Нальчик утром 26-го. Так как поезд приедет рано утром, Вы сможете встретить меня до начала занятий в ун-те (университете. – А. М.). Билет мне принесут на дом 18-го, но уже сейчас могу назвать № вагона – одиннадцатый. Если никакой перемены не будет, я не пошлю телеграммы о выезде.

Хотела заказать и обратный билет (кажется, летом в Москве принимались), но это не удалось, поэтому обращаюсь к Вам с просьбой – закажите мне билет на 1-е октября, к 3-му мне хотелось бы приехать в Москву, т.к. 3-го заседание с интересным мне докладом. Конечно, 1-го Вы будете днем заняты в ун-те и не сможете меня проводить, но об этом не беспокойтесь.

Мне хочется провести немногие дни в Нальчике спокойно. Когда я приеду, мы вместе обсудим вопрос о том, кого мне повидать. Хочу посмотреть в рукописном отделе н.-и. ин-та (научно-исследовательского института. – А. М.) машинописные копии документов, не вошедшие в I том «Кабардино-русских отношений», – тогда повидаясь с Мамбетовым. Бориса Муратовича я о своем приезде извещу. Нину Джамурзовну Вы позовете к себе – не правда ли? Может быть и еще кого-нибудь из Ваших родных, это уже Ваше будет решение. Я утратила с годами подвижность, поэтому мне не хочется куда-либо из Нальчика поехать. Погода, надеюсь, будет хорошей, я люблю в Нальчике парк.

До свидания, дорогая Евгения Джамурзовна, целую Вас. Конечно, поговорим и о Вашей книге.

Е. Кушева.

№ 26.

Гор. Нальчик, ул. Советская 39. Нине Джамурзовне Налоевой.

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

06.10.1975.

6/X-1975 г.

Дорогая Нина Джамурзовна!

В Туле Ваша дочка и ее муж встретили поезд, зашли в вагон, принесли мне цветы и тульских пряников. Мне было очень приятно познакомиться с ними – только остановка уж очень короткая.

Проводница была очень любезна, вручила Вашу посылку. Конечно, Вашей дочери было очень, очень приятно получить от Вас подарок. И мне было так приятно почувствовать, что она рада.

Прошу Вас не обижайтесь на мой отказ. Я так благодарна Вам и Евгении Джамурзовне за ваше гостеприимство, за искреннюю привязанность ко мне. Но подарки меня стесняют. Все повторила Евгении Джамурзовне, что лучшие подарки мне с ее стороны – это ее успехи в университете и в научной работе. Все жду, когда она закончит подготовку к печати своей книги и сдаст в издательство.

Я заметила, что мой отказ принять Ваши подарок обидел Аскера. Мне хотелось бы, чтобы он меня понял. Я шлю Аслану и Аскеру мои приветы и пожелания всего хорошего. Жалею, что мне не удалось посмотреть Аскера на сцене.

Крепко Вас целую, желаю Вам здоровья и всего хорошего. Хотелось бы, чтобы обмен комнатами удался.

Е. Кушева.

Р.С. Одновременно я посылаю Евгении Джамурзовне письмо и бандеролью книгу по ее адресу – на Пушкинскую. Я не спросила ее при отъезде, как лучше посылать – на Советскую или на Пушкинскую. Надеюсь, она получила и письмо, и книгу.

№ 24.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
31.10.1975.
31/Х-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

26-го вернулась из Саратова в Москву и нашла ваше письмо от 15 / X. Задержала ответ, т.к. хотела повидаться с Еленой Иоасафовной. Вчера мне это удалось, и я пишу прежде всего о ней.

23 октября скончалась ее мать, Ольга Владимировна. Сейчас Е. И. говорит об этом спокойно. У О.В. была трофическая язва, причинявшая тяжелые страдания. Е. И. понимает, что смерть была для О. Вл. избавлением от этих мучений.

Е. И. рассказывала, что Николай Михайлович очень тепло относился к О. Вл., для него это тоже потеря. Но Е. И. старалась все это время держаться спокойно, при нем не плачет. Она хорошо понимает, как необходимо беречь здоровье Н. М-ча (Николая Михайловича Дружинина. – А. М.).

Вашу поздравительную телеграмму я получила перед отъездом в Саратов, но тогда не успела поблагодарить Вас. Ваше внимание меня тронуло. Очевидно, и Л. Вл. (Лев Владимирович. – А. М.), и Дружинины получили Ваши телеграммы, я об этом не спрашивала.

Я так рада тому, что выпуск «Новгородских берестяных грамот» продолжился! Хотела послать Вам книгу М. Е. Бычковой «Родословные книги XVI–XVII вв». Не нашла ее в магазине, о чем упомянула в разговоре с Ел. Иоас. М.Е. Бычкова подарила ей свою книгу, но Е. И. занята, читать ее сейчас не может и сказала, что пошлет Вам для длительного пользования.

Теперь о Ваших сощобязательствах. Ведь генеалогическая карта у Вас в основном готова, поправки и дополнения можно вносить и позже. Там статья очень ответственна, над ней надо думать и думать, взвешивать формулировки. Но ведь Вы – умница, Вам это по силам.

Как я поняла из Вашего письма, курс источниковедения остался за Туганом Хабасовичем. Еще до моего возвращения из Саратова в Институте истории состоялась кандидатская защита чеченца С. Исаева, из Грозного. Жалею о том, что пропустила эту защиту.

Погода баловала меня и в Нальчике, и в Саратове. А вот в Москве наступили холода, выпал снег. Начали ли отапливать Ваш дом, как сейчас Ваше здоровье?

Судовольствием вспоминаю о днях проведенных в Нальчике, в вашей гостеприимной квартирке. Шлю привет к праздику и Нине Джамурзовне, и Аскеру, и Аслану, и Руслану. И Вам, конечно. Желаю всем здоровья, благополучия, увлечения каждому своим делом.

Саратовской поездкой я тоже довольна. Ведь это мой родной город. Повидала сестру, друзей, знакомых. Побродила по улицам, побывала на истфаке Саратовского ун-та, где прошли мои студенческие годы. Конечно, была и на кладбище.

Цветы, которые Ваша племянница вручила мне в Туле, долго стояли у меня на столе, распускались все новые и новые бутоны.

Целую Вас, будьте здоровы.

Е. Кушева.

Р.С. Я помню, что обещала Вам свою фотографию, но мне надо поискать, руки еще не дошли. Пошло и маленькую фотографию Елене Иоасафовне.

№ 27.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

19.11.1975.

19/XI-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Благодарю Нину Джамурзовну и Вас за поздравления с праздником. 17-го я получила и Ваше письмо, из которого поняла, что мое письмо от 7 октября не дошло до Вас, а вот от 31 октября Вы письмо получили. Между тем мое письмо от 7 / X было пространным, написано оно было вскоре после моего возвращения из Нальчика и было посвящено нальчикским впечатлениям. Ваша почта пошаливает, посылаю это свое письмо заказным, тем более что в нем две фотографии – маленькая Елены Иоасафовны и моя 1954 года. Это увеличение маленькой фотографии для паспорта, и оно не очень удачно. При увеличении лицо получилось широким.

Я очень редко фотографировалась, и не могу послать Вам карточку, которая передавала бы знакомый Вам облик. Я не помню точно, в каком году Вы в первый раз пришли в М. в ин-т истории и состоялась первая наша беседа. В начале 60-х годов?

Теперь о серьезных делах.

Я не поняла фразы Вашего письма: «Меня занимают сейчас составление плана и сбор материала для статьи». Для статьи о 2-й половине XVIII века? Очевидно, так. Но как же Ваша книга? Нельзя терять возможности напечатания диссертации. Повторяю это.

Курс источниковедения интереснейший. Он должен вводить студентов в процесс исследовательской работы. Уверена в том, что у Вас он получится увлекательным, Ваше намерение готовить курс «потихоньку» одобряю.

В курсе Вы не обойдетесь без берестяных грамот. Меня конечно заинтересовало Ваше сообщение о том, что один из Ваших студентов сделал доклад на семинарских занятиях (не помню каких?). Но для доклада на научно-студенческой конференции ему очевидно необходимо будет расширить круг источников и литературы. Не знаю, что можно найти в Нальчике, на всякий случай даю ряд библиографических справок.

Первый выпуск издания «Новгородские грамоты на бересте» вышел в 1953 году. За ним последовала целая серия выпусков, которую я целиком не приобрела, и не знаю, какой вышел последним. Если нет в б-ке (библиотеке. – А. М.) Нальчика, то у кого-нибудь из профессоров возможно есть – ведь находки берестяных грамот расцениваются, как научное открытие. Для конференции как бы помочь автору доклада познакомиться и с другими выпусками.

Надеюсь, найдется популярная брошюра В. Л. Янина «Я послал тебе бересту ...», увлекательно написанная. Она недавно вышла вторым изданием.

Л. В. Черепнин посвятил грамотам ряд статей в журналах и книгу: «Новгородские берестяные грамоты, как исторический источник». М., 1969 (его статьи в «Истории СССР», 1966, № 2, в «Вопросах истории», 1969, № 2, в ж. (журнале. – А. М.) «Русская речь», 1971, № 4).

На выпуски берестяных грамот были рецензии в журналах. Вероятно, Л.В.Ч. (Л. В. Черепнин. – А. М.) говорит о грамотах и в «Русской палеографии» 1956 г. Тогда 1-й выпуск Н б гр-т (Новгородских берестяных грамот. – А. М.) уже вышел в свет.

На днях пошло Вам книгу Кулябко и Бешенковского – «Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова». Она пригодится Вам для будущего (надеюсь, оно будет) курса источниковедения. Это тоже научное открытие.

Что Вы знаете о здоровье Веры Шахимовны (супруга Б. М. Мокова.– А. М.) и о Б. М. Мокове? Когда я уезжала из Нальчика, В. Ш. плохо себя чувствовала, хотя только что вернулась из санатория.

Целую Вас. Шлю привет Аслану, Аскеру, Руслану. Когда будете писать Н. Дж. (Нине Джамурзовне. – А. М.), передайте и мой привет.

Е. Кушева.

№ 15.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
29.12.1975. (Письмо на поздравительной открытке с новым годом)
29/XII-1975 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера мне звонила Люда, передавала Ваш привет, справилась о телефоне Дружинных. Сказала, что 29-го улетает. Не могла повидаться с ними, т.к. вчера провела большую часть дня у больной.

Ваше молчание меня беспокоит. Еще 21 ноября я послала Вам заказной бандеролью книгу и заказно же письмо, куда вложила и свое фото – правда, оно не дает никакого представления о теперешней моей наружности. Получили ли Вы эти два заказных почтовых отправления? Здоровы ли Вы? Здесь был Туган Хабасович (Туган Хабасович Кумыков. – А. М.), в середине декабря звонил мне по телефону. Конечно, я спрашивала его о Вас. Он сказал, что все благополучно.

Наступает новый – 1976-й год. Пусть он будет для Вас годом новых творческих достижений – и исследовательских, и педагогических. Хотелось бы, чтобы в Новом году вышли в свет и Ваша книга.

Шлю привет Нине Джамурзовне, Руслану, Аслану, Аскеру.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 163.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
07.01.1976.
7/I-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Напоминаю Вам, что 13 января исполняется 90 лет Николаю Михайловичу. Сообщите об этом в ун-те, в ниш-те (научно-исследовательском институте. – А. М.). Конечно, юбилей этот не отмечается торжественным заседанием – здоровье Н. М. не позволяет ему волноваться.

Вчера видела Елену Иоасафовну, она рассказывала, что Ваша Людочка повидала таки Николая Михайловича.

Е. И. упомянула, что она послала Вам книгу Бычковой, но не получила от Вас отклика. Ведь эта книга (Бычкова М. Е. Родословные 16–18 веков как исторический источник. М., 1975. – А. М.) полезна Вам для составления генеалогической схемы. Книга предназначена Вам для длительного пользования.

К 13 января должна быть готова книга, которая издается в честь 90-летия Н. М. Это сборник статей, среди них печатается и моя небольшая статья. Не дожидаясь

оттисков, я посылаю Вам самую книгу. Пошлю и Борису Муратовичу, которого в статье упоминаю. Что Вы о нем знаете, как здоровье Веры Шахимовны?

Сейчас очевидно Вы очень заняты экзаменационной сессией. Будет ли некоторое облегчение во время студенческих каникул?

Целую Вас, шлю приветы Нине Джамурзовне и Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 158.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

31.01.1976.

31/1-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Ваше большое письмо от 14/1 очень интересно. Прежде всего отзовусь на сообщение о том, какие основные вопросы Вы освещаете в своей статье о 2-ой пол. XVIII в. Вы перечислили три вопроса. Напоминаю о том, что вопрос о политике царизма по отношению Кабарды и её соседей необходимо рассматривать в связи с международной обстановкой. Когда в 1974 г. в Ин-те истории чеченцев Ахмадов защитил диссертацию о движении шейха Мансура, её утверждение было задержано, и ему предложили диссертацию доработать, показать международную обстановку (гл. образом, политику Турции на Сев. Кавказе). Я не знаю, утверждена ли его защита в ВАК'е.

Конечно, Вы знаете монографию Е. И. Дружининой о Кучук-Кайнарджийском мире. Недавно Е. И. написала статью в связи с 200-летием этого мира. Статья опубликована не один раз, Вам проще всего найти её в сборнике: «Вопросы истории Дагестана» (досветский период). П. Махач-Кала. 1975.

Надеюсь, договор на книгу Вы перезаключили. Не понимаю, почему Вы называете свою монографию «неудачной». Как Вы знаете, я и диссертацию Вашу, и книжку оценила высоко, таково было и общее мнение.

Генеалогическая карта – большое дело. В общем, 1975-й год был у Вас плодотворным. Вы мало написали о педагогической Вашей работе, об успехах Ваших учеников и студентов. Ведь Вы их любимица.

Юбилей Николая Михайловича прошел без приличного чествования, которое было запрещено врачами. Весьма представительная делегация поздравила Н. М. на дому, было прислано много поздравлений, адресов, квартира превратилась в зимний сад. Выходит и на днях должен поступить в магазины сборник статей, изданный в его честь. Я пришлю Вам экземпляр. Там напечатана и моя небольшая статья, которая интересна для историков Северного Кавказа.

Сведения о Борисе Муратовиче (Б. М. Мокове.– А. М.) меня огорчают.

Посылаю Вам письмо, но как-то не уверена, дойдет ли оно до Вас, – не надеюсь на нальчикскую почту. Поэтому у меня к Вам просьба. Сообщайте мне о получении моих писем и бандеролей – конечно, я не прошу Вас делать это сразу по получении – но в очередном Вашем письме. Последнее мое письмо Вам было от 7/1. Получили ли Вы его? Вот Елена Иоасафовна была удивлена тем, что Вы не известили её о получении посланной ею книги Бычковой. Объясню это Вашей занятостью, но всё же это упущение с Вашей стороны.

Не надеясь на свою память, я веду запись своей переписки. Это помогает не очень-то задерживать ответ.

Шлю приветы Нине Джамурзовне и всем Вашим близким, целую Вас. Но в этом году едва ли попаду в Нальчик. Обязательной для себя считаю поездку в Ленинград на заседание памяти Сигизмунда Натановича Волка. Но срок его еще не определен.

Всего хорошего!

Е. Кушева.

№ 17.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
27.02.1976.
27/II-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Отвечаю на Ваше письмо от 13 / II, которое получила 19-го. Что-то почта очень задерживает пересылку писем.

Письмо Ваше интересно. В статье Вашей никак нельзя обойтись без международной обстановки во всей ее сложности. И положение в Закавказье надо учитывать.

Тема монографии для пятилетки и очень интересна, и очень ответственна. Конечно, работа в архивах необходима, надеюсь, что Вам удастся получить командировки. Ведь у Вас уже есть большой опыт архивных изысканий, и Вы хорошо знаете, насколько они увлекательны.

Ведь о том, что Елена Иоасафовна (Е. И. Дружинина – А. М.) не получила от Вас отклика на посылку Вам книги Бычковой, она говорила мне давно, несколько месяцев тому назад. Сейчас, очевидно она уже получила Ваше письмо с благодарностью. А Николай Михайлович получил так много поздравлений к 13 / I, что отвечать на них не мог. Он все же не вполне здоров.

Вы заываете меня в гостеприимный Нальчик. Благодарю Вас, но что-то не думаю, что в 1976 г. смогу отозваться на это приглашение. Мне обязательно надо побывать в Ленинграде.

У нас в секторе тяжелое несчастье, и я не хочу скрывать его от Вас. Вчера скоропостижно скончался Сергей Мартинович Троицкий, которого Вы помните вероятно по его выступлениям на Вашем докладе в Москве. В 1972 г. он защитил докторскую диссертацию, ему было тогда только 42 года. Очевидно напряжение сказалось, через два месяца после защиты у него был тяжелый инфаркт. Поправился, первый год осторожничал, а потом начал работать с большим подъемом, считая себя здоровым. Мы потрясены его смертью. Осталась вдова и сын 12 лет. Конечно, будет некролог в «Истории СССР».

Как только выйдет сборник в честь Н. М. (Николай Михайлович Дружинин. – А. М.), пошлю его Вам. К юбилею выпустили ограниченное количество экземпляров, а в продаже все нет.

Целую Вас и шлю привет Нине Джамурзовне и Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 14.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
25.04.1976.
25/IV-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Ваш телефонный звонок 24 / IV несколько меня успокоил. Заглянула в свой дневник переписки (я веду такой краткий дневник уже ряд лет). Убедилась в том, что последнее письмо от Вас, которое я получила, датировано 13 февраля. Ни во второй половине февраля ни в марте, ни в апреле я ничего от Вас не получала; Вы не ответили на несколько моих писем (от 7/I, от 27/II, от 17/III); не было отклика и на бандероль со сборником в честь Н. М.-ча (Николай Михайлович Дружинин. – А. М.). Это заставляло меня думать о неблагоприятии, о том, что Вы болеете.

Должна сказать, что письма я предпочитаю телефонным звонкам. Письмо можно перечитать, ответ обдумать. К тому же, как Вы убедились, не так-то просто застать меня дома.

Я уже говорила Вам вести краткий дневник переписки. У меня память отказывает из-за возраста. Ваша рассеянность объясняется другими причинами – педагогической нагрузкой, увлечением творческой работой. Вот пример Вашей забывчивости. Вчера вы меня спросили, жива ли мать Елены Иоасафовны. Ольга Владимировна скончалась в последних числах октября прошлого года. Я тотчас же об этом Вам написала, и в своем ноябрьском письме Вы сообщили мне, что послали Е. И. (Елена Иоасафовна Дружинина. – А. М.) телеграмму соболезнования!

Вчера у нас шел разговор о проспекте т. I-го региональной истории народов Северного Кавказа. Мне кажется, Вы не вполне понимаете задачи этого издания. Оно предположено как обобщающий труд, в котором основное внимание будет уделено советскому периоду (2 тома из 4-х). Первый том – листов 40, а либо и меньше – будет посвящен истории народов Северного Кавказа по 18 в. включительно. Но это не сумма историй отдельных народов. Основная задача – показать общие линии развития, общность в судьбах, во внешнеполитической истории. Так составлялся и проспект, причем Л. И. Лаврову и мне было предложено не превышать 35 страниц; мы не уместились – 39 страниц! Но конечно проспект очень сжатый. При обсуждении едва ли будет возможно его расширение, скорее всего речь будет идти об уточнении формулировки.

Мне кажется, что доводы замечания лишь по Кабарде в таком положении не удобны.

Предполагается, что текст будет писаться на местах, что авторский коллектив будет составлен из историков национальных республик. Конечно, еще не ясно, что же получится. Самый замысел представляется мне правильным.

Очень меня заботит Ваша книга. Вам необходимо подготовить окончательный текст к печати. Состоялось ли перезаключение договора? Нельзя терпеть возможность не печатать кандидатскую диссертацию.

В одном из своих писем я писала о том, как обсуждалась в секторе глава (или §) диссертации Сокурова. В этой связи я предлагала Вам проследить в вашей новой работе по 1739–1774 гг., в какой форме употребляли полный императорский титул в тот период, когда «Кабарда» формально считалась «барьером». Возможно, что в грамотах в Крым и Турцию Кабарда в полном титуле опускалась, а в переписке с другими странами сохранялась. Просмотреть это любопытно.

Прочли ли Вы мою статью в сборнике в честь Н. М-ча (Николая Михайловича Дружинина. – А. М.). В ней я упоминаю Б. М. Мокова. Т.к. в этом упоминании звучит в какой-то степени упрек, Б. М. мне не ответил на письмо и посылку ему книги.

Отправляю письмо заказным, чтобы была хоть какая-то уверенность в том, что Вы его получите.

Шлю Вам и Вашим поздравления с праздником. Так хотелось бы, чтобы у Вас была возможность отдохнуть, полечиться.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 100.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

06.05.1976.

6/V-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила чудесные тюльпаны и теплые приветы.

Благодарю Нину Джамурзовну и Вас и желаю всего хорошего всем членам «фамилии» Налоевых.

На следующей неделе совещание по «Проспекту» в Махач-Кале. Я не поеду, такие мероприятия уже не для моего возраста. Если что узнаете о том, как совещание прошло, напишите мне.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 32.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
28.06.1976.
28/VI-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Валерий Сокуров едет или уже уехал в Нальчик. Я попросила его повидаться с Вами и сообщить мне, здоровы ли Вы. Но два дня тому назад получила Ваше письмо, которое и обрадовало и обеспокоило меня.

Вы еще и художница! Свинка очень симпатичная.

Нагрузка Ваша просто невероятна. Трудно представить себе, как ее выдерживает Ваше здоровье. К тому же еще больной зуб. Известите меня открыткой, как Вы себя чувствуете.

Вы пишете о серьезной болезни Туган Хабасовича. Очевидно, болезнь почек.

О несчастьи в семье Хутуева я знаю от В. Н. Сокурова. Глубоко сочувствую родителям. Хутуева я не знаю лично, когда я гостила у Вас в Нальчике в прошлом году, он был в Москве.

Поздравляю Аскера с окончанием ун-та. Как же сложится в дальнейшем его работа? Вспоминаю его увлечение театром.

О Вашей книге я и не спрашиваю, понимаю, что у Вас не было никакой возможности заняться ею. Есть ли надежда на отпуск и отдых?

Я занята интересными делами. Готовлю к обсуждению сборник документов XVII в. по Чечено-Ингушетии и, в связи с этим, статью для «Советской этнографии». Касаюсь в ней вопроса соц.-экон. отношений у вайнахов в XVI–XVIII вв.

Целую Вас, желаю Вам здоровья, шлю Вашим приветы.

Е. Кушева.

№ 35.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
8.07.1976.
8/VII-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила почтой одновременно два Ваших письма. В одном Вы писали о повторных операциях во рту, в другом о том, как, еще больная, принимали экзамены. Мне так Вас жаль, так жаль. Конечно, Вам придется заняться зубами, ничего не поделаешь. Но необходим хороший зубной врач. Надеюсь, в Нальчике есть стоматологи высокой квалификации. Или Вы поедете в Орджоникидзе?

Пишите мне почаще, как Вы себя чувствуете, как Ваши дела, иначе я буду о Вас беспокоиться.

Для развлечения сообщаю Вам, что в № 6 «Вопросов истории» появилась статья В. Б. Виноградова и Т. С. Магомадовой (из Грозного) о карте Северного Кавказа 1719 г. (она напечатана в т. I «Кабардино-русских отношений»). Статья эта первоначально была опубликована в «Кабардино-Балкарской правде» – кажется, я Вам о ней писала. Сейчас статья вышла с некоторыми поправками.

Надеюсь, В. Н. Виноградов повидал Вас и, вернувшись в Москву, расскажет мне о Вашем здоровье.

Студенты Вас ценят и любят – отсюда то трогательное к Вам внимание, о чем Вы мне написали.

Желаю Вам хорошенько поправиться, целую Вас.

Е. Кушева.

№ 33.

Гор. Ялта, ул. Таврическая 7, кв. 33. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
12.07.1976.
12/VII-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сейчас получила Ваше письмо из Ялты. Наконец-то Вы отдыхаете! Вы пишете, что начнете принимать процедуры. Какие же? Можно ли купаться в море, или оно еще холодное?

После получения Ваших писем о болезни (зубы, опухоли) я написала Вам два письма в Нальчик – 28 / VI и 4 / VII. Последние Вы очевидно не успели получить до отъезда в Ялту. В нем я прислала Вас писать почаще о здоровье.

Сейчас Вы под присмотром Нины Джамурзовны, под ее опекой. Желаю Вам хорошенько поправиться и отдохнуть.

Валерий Сокуров вернулся в Москву, не повидав Вас из-за Вашей болезни. Очень сожалеет об этом, он ценит Ваши исследования, очень Вас уважает. Вот о Б. М. не смог рассказать мне ничего утешительного.

М. (между. – А. М.) прочим, он привез книгу Мамбетова о 50-летию Каб.-Б. НИИ (Кабардино-Балкарского НИИ. – А. М.). Среди фотографий там помещена и моя – такая, какую я Вам присылала. Конечно, ее подретушировали и еще более омолодили.

Спасибо за пожелание в связи с моей работой по Чеч.-Инг. сборнику документов. В № 6-м «Истории СССР» за 1975 г. напечатана статья акад. Меликишвили. Она убеждает меня в том, что сборник будет полезен.

Целую Нину Джамурзовну и Вас, желаю всего, всего хорошего.

Е. Кушева.

№ 94.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
28.07.1976.
28/VII-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сегодня получила Ваше письмо из Ялты. Из него узнала, что как раз сегодня – 28/VII – Вы и Нина Джамурзовна вылетаете в Нальчик. Очевидно, Вы найдете тоже мое письмо а, м.б., (может быть. – А. М.) и два, писанные еще до Вашего сообщения из Ялты.

Надеюсь, в августе Ваш отпуск продолжится? Надо ли Вам заниматься зубами? О книге я не решаюсь и спрашивать.

Крепко целую Вас и Вашу милую Нину Джамурзовну, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 131.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
14.08.1976.
14/VIII-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Отвечаю на Ваше письмо от 30 / VII.

По 17 / VIII Вы опять чрезвычайно заняты. Ну, а после 17-го продлится ли Ваш отпуск? Как Вы сейчас себя чувствуете?

У меня так сложилось лето, что я почти не бываю за городом. Одна из причин – погода: холодно и дождливо. Но основная все же занятость. Ни помню, писала ли я Вам, что сдала в редакцию «Советской этнографии» статью, над которой долго мудрила. Это в какой-то степени отклик на очень интересную статью акад. Груз. АН (академика Грузинской Академии Наук. – А. М.) Г. А. Меликишвили в № 6 «Истории СССР» за 1975 г. Прочтите ее. Была работа и по «Проспекту». Я познакомилась с замечаниями, которые нельзя было не учесть. К сожалению всегда спешат. В короткие сроки составлялся «Проспект». И сейчас доработка проходит в условиях ненормальных.

В некоторых замечаниях меня поразило невнимательное отношение к тексту «Проспекта». Особенно отличаются этим замечания за подписями Т. Х. и Т. Т. Как сейчас здоровье Т. Х-ча?

Освободившись от неотложных дел, села вплотную за сборник документов по Чечено-Ингушетии. В последнее время я прочла ряд статей молодых историков и археологов Грозного и поняла, насколько нужен этот сборник. Пора, пора его кончать и продвигать в печать, я очень затаюла.

Узнала, что предполагает держать в целевую аспирантуру Ин-та Истории СССР балкарец А. А. Алафаев. Знаете ли Вы его по студенческим его годам?

Сейчас в ин-те затишье. Е. И. и Н. М. (Елена Иоасафовна и Николай Михайлович Дружинины. – А. М.) живут за городом, и я давно не видела Е. И.

Целую Вас, желаю Вам здоровья и возможности отдыха. Приветы Нине Джамурзовне и родным.

Е. Кушева.

№ 34.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
08.09.1976.
8/IX-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера получила два Ваших письма в одном конверте. Очень сочувствую Вашему горю. В многодетной семье моей тети Кати (сестра моей мамы) у меня было 6 двоюродных братьев и 3 двоюродные сестры. А сейчас в живых только один брат и две сестры, все младшие. Я была особенно дружна с одним из братьев, с ним мы были почти ровесники и дружили с детства. Я считаю, что двоюродные братья и сестры – близкие родные.

Хорошо, что сразу же на Вас навалились дела по университету. Это отвлекает от тяжелых мыслей, в работе – спасение.

Вы пишете о большом наплыве абитуриентов на истфак. Приемные экзамены в таком случае – большая нагрузка. А вместе с тем эта тяга к исторической науке значительна.

Но вот о работе над своей книгой Вы не упоминаете. А я так хочу держать ее в руках!

Вы зовете меня в гости. Благодарю Вас, но никак не могу воспользоваться этим приглашением. Всецело занята доработкой сборника, надо кончить.

Статью Меликишвили в № 6 «Истории СССР» за 1975 г. прочтите обязательно, а вот моя статья о документе 1658 г. еще не знаю, когда и выйдет. Я еще не получила ответа из «Советской этнографии» о том, что она принята. Статья не совсем подходит к профилю журнала. Если там не пойдет, не знаю, куда ее пристроить. Хотелось бы напечатать ее в Москве.

Елену Иоасафовну давно не видела.

Обнимаю и крепко Вас целую.

Всегда рада Вашим письмам, если нужна книга или какая-либо справка, пишите.

Шлю приветы Нине Джамурзовне и Аскеру.

Е. Кушева.

P.S. О «Проспекте» как-нибудь в другой раз.

№ 36.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
10.11.1976.
10/XI-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Наконец-то получила от Вас весточку. Благодарю за нее, но, конечно, очень жду письма. Так давно не знаю, как Вы и Ваши поживаете, как идет работа. Хорошо понимаю, как Вы загружены, но все же повторяю – жду письма.

У меня состояние обычное – работа идет медленно, отсюда чувство неудовлетворенности. Годы сказываются.

Целую Вас, желаю всего хорошего, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 30.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
28.12.1976.
28/XII-1976 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваш чудесный привет к Новому году; но не могу не огорчиться известием о Вашем нездоровье. Будьте же здоровы, здоровья в наступающем 1977-м году, желаю Вам радостей творчества.

Целую Вас крепко и шлю привет Нине Джамурзовне и Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 95.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
08.03.1977.
8/III-1977 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я так жалею о том, что Вы не застали меня по телефону и что я не слышала Вашего голоса. Благодарю Вас за этот звонок. Но Вы сказали моей племяннице, что Вы болеете. Это очень, очень беспокоит меня. Я прошу Вас все же написать мне подробнее о Вашем самочувствии, о делах. Правда, 24-го защищает диссертацию Валерий Нануевич (В. Н. Сокуров. – А. М.). От него я узнаю о Вашем здоровье, но все же мне надо получить сведения и от Вас.

У меня как-то несладко проходит время. Первые месяцы этого года занята отзывами, которые оказались сложными, даже щекотливыми. Устала от этой неблагодарной работы.

Здоровье – удовлетворительно, но годы сказываются.

Шлю приветы всем Вашим близким, особе – весенние – Нине Джамурзовне и женщинам Вашей семьи. Обнимаю и целую Вас.

Е. Кушева.

№ 7.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
07.04.1977.
4/IV-77 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Валерий Нануевич передал мне Ваш привет, сказал, что Вы чувствуете себя лучше – чему я очень порадовалась. От Вашего имени и от своего имени зазывал меня в гости в Нальчик. Тронута этим вниманием и благодарю Вас, но понимаю, что в этом году не удастся мне совершить такую далекую поездку. Что-то не вижу просвета в делах, работаю медленно, постоянно в цейтноте. Отдых конечно нужен, но врачи обычно советуют отдыхать в Подмоскowie, не меняя климатических условий.

24-го Валерий Нануевич защитился – очень хорошо, с единогласным решением. Этот случай, эта защита принадлежит к числу тех, когда Ученый совет никакой скидки, послаблений не делает. Доброкачественная, интересная работа.

В. Н. (Валерий Нануевич Сокуров. – А. М.) конечно расскажет Вам все подробности.

Перед отъездом он был у меня, толковали о дальнейшей его работе, о выборе новой темы, о возможности напечатать часть диссертации. Предполагает продолжить занятия турецким языком, это очень хорошо.

А я все думаю о Вашей диссертации, которую Вы подготовили к печати несколько лет тому назад. Как я понимаю Вы не возобновили договоры с издательством, когда срок истек? Все так? Каковы же теперь перспективы? Когда будет у Вас свободная минутка, напишите мне об этом. И о всех Ваших делах, об университете, о здоровье, о родных.

О своих делах напишу Вам попозже, когда они несколько прояснятся. С осени у меня что-то неладно идут дела, отчасти из-за того, что я не умею отказывать, когда просят об отзывах. А ведь работы то не всегда нравятся.

Целую Вас крепко, желаю Вам здоровья. Шлю привет Нине Джамурзовне и Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 8.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
25.09.1977.
25/IX-1977 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сегодня получила Ваше письмо, читаю и перечитываю его. Вы пишете глухо о причине душевного кризиса, мне она не ясна, но понимаю, что случилось что-то серьезное. Я так хочу помочь Вам, а как помочь, не знаю. Но я хочу, чтобы вернулась Ваша увлеченность Вашим кровным делом, которое стало делом Вашей жизни. Вы так талантливы и как педагог, и как исследователь.

Вы пишете о том, как Вы ждали моего письма. Мне напишите, Вы не получили каких-то моих писем. Помните, так случилось несколько лет назад. Поэтому посылаю письмо заказным. Получив его тотчас сообщите мне об этом короткой открыткой.

Последний год и у меня оказался нелегким. Мне и сейчас нелегко. Я люблю следить за творческой работой молодых историков, за их успехами. Ваша диссертация доставила мне большое удовлетворение, радость. И вот пришлось столкнуться с прямой нечестностью молодой исследовательницы, обманувшей мое доверие. Это было для меня ударом, я еще не вошла в нормальную колею. Меня поддерживают воспоминания о хороших жизненных встречах – с нужными людьми, работающими увлеченно, самоотверженно. И встреча с Вами, и с Валерием Сокуровым – он очень честный молодой человек.

Большая жизненная опора для меня – сердечные привязанности. Сейчас самая большая моя привязанность – дочь моей племянницы, студентка 3-го курса МГУ. Вы так привязаны к своим родным, и они к Вам. Это должно Вам помочь.

Напишите мне еще раз, дорогая Женя. Тогда мне будут ясны Ваши переживания и печали.

Посылать соболезнование о кончине Льва Владимировича сейчас нельзя – уже поздно. Умер он от тяжелого инсульта. Его вдова Евгения Вениаминовна говорит правильно: инсульт был настолько тяжелым, что надежды на полное восстановление не было. Для Л. Вл.-ча конец был благим.

Вы помните, конечно, его заключительное слово по Вашему докладу. Л. Вл. Был скуп на похвалы, а Ваш доклад ему очень понравился, это чувствовалось.

Сейчас сектор феодализма возглавляет А. А. Преображенский.

Напишите, какие курсы Вы читаете, какие занятия ведете. Я хочу это знать.

Обнимаю и крепко целую Вас, дорогая Женя.

Шлю привет Нине Джамурзовне и Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 92.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

14.10.1977.

14/X-1977 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

26 сентября я послала Вам ответ на Ваше письмо. Я просила Вас известить меня о получении, т.к. предполагала, что не все мои письма до Вас доходят – помните, уже были такие недоразумения. Прошу Вас откликнуться на это мое письмо, т.к. я беспокоюсь.

Понимаю, что Вы сейчас очень заняты в университете, что начались и лекции, и семинары. Но все же, найдите минутку и напишите мне.

Обнимаю и крепко целую Вас, милая Женя.

Шлю привет Нине Джамурзовне и родным.

Е. Кушева.

№ 6.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

12.11.1977.

12/XI-1977 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Наконец, могу откликнуться на Вашу просьбу помочь советом в публикации Вашей генеалогической статьи. Вот только если это мое письмо дойдет до Вас через месяц или хотя бы через две недели, боюсь, оно запоздает. Поэтому тотчас по получении письма известите меня короткой открыткой.

Считаю, что Ваше генеалогическое исследование можно публиковать, предпослав ему одну-две фразы о широком применении генеалогических сведений в современной исторической литературе и о большом значении генеалогии для изучения эпохи феодализма – для понимания процесса формирования класса феодалов, истории феодального землевладения, феодальной государственности. Важно подробно рассказать, какие источники Вы используете для Вашей генеалогической таблицы.

Я не могла посоветоваться по Вашему вопросу с А. А. Зиминим, т.к. он уехал от осенней слякоти в Крым. Вам полезно посмотреть статью М.Е. Бычковой в т. VII «Вспомогательных исторических дисциплин» (Ленинград, 1976): «Генеалогии в советской

исторической литературе». Там приведена и обширная библиография. Но для Вашей цели не надо, я думаю, давать обширное введение к исследованию, достаточно нескольких фраз, и статья Бычковой поможет Вам их сформулировать. Если у Вас возникнут вопросы, уже после сдачи статьи в институт (чтобы ее не задерживать) спишитесь снова со мною.

Найдете ли Вы в Нальчике т. VII «Вспомогательных исторических дисциплин»? У меня слабеет память, помнится, я Вам кое-какие тома посылала или рекомендовала приобрести. На днях буду в магазине «Наука» и, если этот том еще есть в продаже, также Вам pošлю.

В Ваших двух письмах много верных сообщений. Обязательно воспользуйтесь возможностью издать диссертацию двумя брошюрами по 5 п.л.

О том, что Г. Х. Мамбетов перешел из института в университет, я уже знала, но не думала, что он возглавляет кафедру истории советского общества.

Все порученные Вам курсы и занятия очень интересны. Хорошо представляю себе, как Вы умеете заинтересовать, увлечь студентов.

Я писала Вам не о том, что меня «обманула аспирантка», а том, что она обманула мое доверие. Это другой оттенок. К сожалению так случилось.

Обнимаю и целую Вас, дорогая Женя, будьте здоровы и благополучны со всеми своими родными. Большой привет Нине Джамурзовне.

Ваша Е. Кушева.

№ 3.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

16.11.1977.

16/XI-1977 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

13-го послала Вам письмо с некоторыми справками по вопросу о генеалогии. А сегодня, одновременно с этим письмом, посылаю заказной бандеролью VII выпуск «Вспомогательные исторические дисциплины» со статьей М. Е. Бычковой, которая Вам пригодится.

В 1977 г. вышел еще один сборник статей «История и генеалогия», М.: изд-во «Наука». Думаю, статья Бычковой Вас удовлетворит.

Известите меня о получении двух писем и бандероли – короткой открыткой.

Целую Вас, Женя, и шлю привет.

Е. Кушева.

№ 2.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

09.12.77

9/XII-1977 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

В Вашем письме от 22/XI и 1/XII чрезвычайно обрадовало меня сообщение о ФПК (факультет повышения квалификации. – А. М.). Вот когда и повидаемся, и наговоримся. А сейчас Вы постоянно заняты.

Ваш рассказ о прочитанной Вами без конспекта лекции еще раз убеждает меня в том, что Вы природный педагог высшей школы. Но никак не думала, что Т. Х. может так сорваться (неразборчиво. – А. М.).

Нехорошо, нехорошо.

Очевидно, защита на осетинскую тему уже прошла. Послушала бы я Ваше выступление – да Нальчик далеко от Москвы.

Капризы... (неразборчиво. – А. М.) очень неприятны. М. б., надо ... (неразборчиво. – А. М.) повесить ... (неразборчиво. – А. М.) на видном месте? Вот, пишу и не знаю, дойдет ли до Вас мое письмо.

Обычно Вера Шахимовна и Борис Муратович присылали мне поздравление к ноябрьскому празднику, а вот на этот раз поздравление к ноябрю не было. Это признак какого-то неблагополучия. Что Вы о них знаете?

У нас зима, выпало много снега. Когда будете собираться в Москву, одевайтесь теплее.

Целую Вас, Женя, желаю всего хорошего Вам, Нине Джамурзовне, родным. Пока еще рано говорить до свидания.

Е. Кушева.

№ 105.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

31.12.1977.

31/XII-1977 г.

Дорогая Женя!

Так жалею, что Вы не застали меня дома, позвонив по телефону. Спасибо Вам за поздравления. Горячо желаю Вам и Вашим близким здоровья и благополучия в Новом году. Известие о том, что вы болеете, конечно, меня беспокоит. Напишите мне более подробно, как Вы себя сейчас чувствуете. Понимаю, что нездоровье – результат перегрузки.

Жду Вашего приезда в феврале и желаю Вам возможности творческой работы; и условий для подготовки к печати хотя бы частями Вашей монографии.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 108.

Гор. Москва В-234, МГУ, зона Ж, комната № 301.

Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

09.05.1978.

9/V-1978 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Из Вашей открытки узнала, что Вы не поехали в Тулу. Понимаю, что Вы заняты и увлечены работой по генеалогии. Прочла Введение с большим интересом, много у меня и вопросов к Вам, думаю и о том, что Вы мне говорили при встрече. Нам надо опять повидаться, но так сложились дела, что числа до 18-го я очень занята – не справляюсь с делами.

Пишу в День Победы и шлю Вам запоздалое поздравление и самые теплые пожелания.

У меня праздничные дни прошли и без отдыха, и без возможности спокойно поработать. Много больных среди моих добрых знакомых, навестила четверых, но программа еще не выполнена.

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 18.

Гор. Москва В-234, МГУ, зона «Ж», комната 301.

Евгении Джамурзовне Налоевой

103045 Г. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
19.05.1978.

19/V-1978 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Думала, что после 18-го буду свободна.

Между тем я сейчас в трудном положении. Кажется, я рассказывала Вам о своей давней хорошей знакомой М. К. (фамилия неразборчиво. – А. М.), которая с января этого года в пансионате, около Химки, т.к. не удалось устроить ее обслуживание дома – ей нужен больничный уход. В начале января с нею там случилась беда – она упала и сломала шейку левого бедра. Лежит в одной из клинических больниц, в ортопедическом отделении. Заключение врачей – операция невозможна по общему плохому состоянию и возрасту (М. К. – 80 лет). Каждый день кто-либо из друзей М. К. или ее племянница (она, конечно, работает) навещает Марию Константиновну, у меня тоже определенные дни и часы посещения. Все это совсем выбило меня из колеи.

Напишите мне – так лучше, чем телефонный звонок – как Ваши дела, исправен ли Ваш телефон и когда Вы бываете дома.

Нам нужно повидаться – на этот раз у меня, я какая-то утомленная и разбитая.

Как долго Вы побудете в Москве?

Целую Вас.

Е. Кушева.

№ 109.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

30.06.1978.

30/VI-1978 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

28-го в Ин-те обсуждали несколько глав II тома «Истории народов Северного Кавказа». Меня пригласили, и я слушала обсуждение не без пользы для работы над I-м томом.

Встретила Тугана Хабасовича, узнала от него, что Вы благополучно вернулись домой. Жду от Вас письма.

Во время одной из наших бесед в Москве зашла речь о том, когда появилось название «Малая Кабарда». В I-м томе «Каб.-русских отношений», № 178 напечатан перевод грамоты Алегуки и Хатокиуки 1647 г., где это название употреблено. В деле сохранился и подлинник – вероятно, на татарском языке. Помните, я показывала Вам вайнахский документ 1657 г., который сохранился и в подлиннике, и в переводе XVII в., а новый перевод показал, что перевод XVII в. недостаточно точно передает смысл подлинника. Грамота 1647 г. имеет большое значение. Важно было бы иметь новый ее перевод, чтобы – прежде всего – установить, употреблено ли в подлиннике название Малая Кабарда.

Если я буду в ЦГАДА, попробую заказать фотокопию, и в Нальчике Вы конечно найдете квалифицированного переводчика с татарского или турецкого. Возможно, что об этой грамоте Вы напишите источниковедческий этюд. Что Вы на это скажете?

У меня неудача – болит левое ухо, лечусь и сижу дома.

Целую Вас и Нину Джамурзовну.

Е. Кушева.

№ 29.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
19.07.1978.
19/VII-1978 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

По долголетнему опыту знаю, что Вы не любите писать письма. Поэтому сообщаю Вам, что у меня изменился № домашнего телефона – 200 – 34 – 07. Но сейчас время летнее, не так то легко застать меня дома, общение письмами вернее.

Писала Вам 29 / VI – получили ли Вы это мое письмо? В нем я писала Вам о Малой Кабарде.

Конечно, хотела бы знать, как Вы поживаете. Очень заняты? И как Ваше здоровье? Боюсь, Туган Хабасович, как обычно, дал Вам трудные поручения.

Целую Вас и шлю привет Нине Джамурзовне и Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 175.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
30.08.1978.
30/VIII-1978 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я не получила от Вас отклика на два моих письма, посланных в июне и июле. Это меня и беспокоит, и огорчает.

Вчера в Ин-те ко мне подошел Х. Ж. Беров, приехавший из Нальчика, чтобы держать экзамены в целевую аспирантуру. Заговорил о том, что если выдержит экзамен, хотел бы просить меня быть куратором. Я объяснила Х. Ж., что после ухода на пенсию не беру на себя обязанности официального куратора. В отделе аспирантуры мне рассказали, что в этом году большой конкурс, что поступить в аспирантуру нелегко. Вероятно, Вы знаете Берова, как бывшего Вашего студента.

Конечно, я воспользовалась этой встречей, чтобы расспросить Х. Ж. о Вас. Поняла его так, что перед отъездом в Москву он повидался с Вами, очевидно, советовался. Это меня несколько успокоило – следовательно Вы здоровы.

У меня лето прошло неудачно – и не отдохнула, как следует, и работалось плохо. Тогда не было хороших солнечных дней.

Целую Вас, жду письма. Вероятно уже выяснилось, какие курсы Вы будете читать, какие семинары вести. Хотела бы знать об этом.

Приветы Нине Джамурзовне и родным.

Е. Кушева.

№ 1.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
30.09.1978.
30/IX-1978 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Наконец-то получила Ваше письмо с объяснением причин молчания. Не могу сказать, что оно меня успокоило – уж очень тяжело сложились у Вас обстоятельства. По правде сказать, вся история с ремонтом для меня неинтересна – зачем, зачем при Вашей занятости и при отсутствии помощников, взялись Вы за это дело? Ремонт – это бедствие, и осуществлять его нужно в случае крайней необходимости. Вам нельзя не думать о здоровье, а Вы нанесли ему такой урон. Одна у меня надежда – Нина Джа-

мурзовна (старшая сестра Е. Д. Налоевой Нафо. – А. М.) вернувшись, позаботиться о Вас и поможет Вам отдохнуть.

Вы тронули меня приглашением отдохнуть. Благодарю Вас, но отозваться на это приглашение никак не могу. Ведь мне не удалось отдохнуть летом не потому, что негде было, а из-за занятости и из-за того, что в июле поболела. И сейчас не выхожу из цейтнота, главным образом, из-за Истории народов Северного Кавказа. Совсем не по мне это дело.

Вызвалась прочесть в «своем» секторе доклад «К вопросу об общественном строе вайнахов (по материалам русских архивных фондов XVII в.)», готовлю его с интересом. Полемицировать с Т. Исаевой не буду – не говорить же о том, что она не умеет понять тексты XVII века и что она как исследователь глубоко нечестная.

Не знаю результатов экзаменов, которые сдавал Х. Беров (Беров Хасанби Жамалович – выпускник Исторического факультета КБГУ 1972 г., в 1978–1982 гг. аспирант института истории СССР Академии наук СССР. – А. М.). Заведующую отдела аспирантуры Института истории, еще задолго до получения Вашего письма, я предупредила, что тема его автореферата совпадает с темой Вашей монографии, что Вы над ней уже работаете и что тема эта несколько сложная, что она для кандидатской диссертации не подходит. Заведующая сказала мне, что в этом году большой конкурс и что Берову нелегко будет поступить. Слышала, что по специальности он получил четыре.

Вот в отношении Валерия Сокурова Вы отозвались, я считаю, несправедливо. Он порядочный, честный и скромный, много работает. Когда он поступил в аспирантуру, я уже была на пенсии и не брала на себя кураторства. Его куратором назначили Л. А. Никифорова (д.и.н., ст. н.с. Института истории Академии наук СССР. – А. М.), специалиста по внешней политике Петра I. Потому что он предложил Валерию Нануевичу (Сокурову. – А. М.) тему (неразборчиво. – А. М.) эпохе. Конечно, о Вашей диссертации шла речь, но тогда я считала, что Ваша книга вот-вот выйдет и что он сможет на нее отозваться. Говорилось и о Борисе Муратовиче (Моков Б. М., преподаватель ИФ КБГУ. – А. М.); узнав о том, что как он завершает работу, Л. А. (Леонид Алексеевич Никифоров. – А. М.) решительно сказал, что ждать уже нельзя (и Вы ведь считаете, что это безнадежно). В. Н. (Сокуров. – А. М.) очень целеустремленно работал в архиве и для конца XVII и первого десятилетия XVIII века нашел интересные документы. Его анализ документов 1718–24 гг. (неразборчиво. – А. М.), самостоятелен. Сейчас он взял тему о кабардинских посольствах в Москву XVI–XVII вв. (конечно, хронологическая грань еще не определилась и, получая командировки в Москву, с увлечением (я бы сказала) работает в ЦГАДА. В моей книге, которая писалась мной еще в 1950-е годы, материалы кабардинских посольств использованы бегло. Очень рада тому, что они снова привлекли внимание и будут изучены подробно.

Как раз два дня тому назад В. Н. (Сокуров. – А. М.) был у меня перед отъездом в Нальчик и рассказывал о результатах работы в ЦГАДА (Центральный Государственный архив древних актов. – А. М.). Вас душит педагогическая нагрузка. Вместе с тем у Вас талант преподавателя вуза, не так часто он сейчас встречается. Думаю, Вы уже не сможете расстаться с университетом – даже в том случае, если бы это удалось.

Жду Вашего отзыва о новой книге Л. И. Лаврова. И будьте здоровы и благополучны, возьмитесь за отложенные в долгий ящик исследования.

Крепко Вас целую и шлю привет Нине Джамурзовне.

Е. Кушева.

P.S. Сейчас идет корректура новой книги Николая Михайловича (Дружинин Н. М. – А. М.), которую ведет его помощница Б. Е. К... (неразборчиво. – А. М.).

№ 172.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
09.11.1978.
9/XI-1978 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Спасибо за розы, за поздравление. Хорошо, что Вы прислали мне все письма – хотя и не посланные вовремя. Это дало мне живое представление о том, как Вы эти месяцы существовали. Хорошо представляю себе успех ваших лекций по источниковедению, Вам и надо читать этот курс.

Интересно, будут ли изданы составленные Вами пособия.

Подробнее напишу, когда пришлете рецензию на книгу Лаврова.

Шлю приветы Нине Джамурзовне и Вашим родным, благодарю за память и тепло. Целую Вас, Женя.

Е. Кушева.

№ 38.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
12.01.1979.
12/I-1979 г.

Дорогая Женя!

Спасибо Вам за Хан-Гирея. Вы пишете, что В. К. и Г. Х. издали этот труд в обход Тугана Хабасовича. Причина, думаю, в том, что Т. Х. не уложился в назначенный срок. Но, независимо от этого, издание ценного источника не может не радовать.

Вы заняты рецензией на книгу Леонида Ивановича. По правде сказать, была бы удовлетворена иным сообщением – о том, что Вы заняты подготовкой к печати своей монографии.

По высказываниям Л. И-ча (Леонида Ивановича Лаврова. – А. М.) могу сказать следующее. Абазинское происхождение имен Тоболду и Тамбий не вызывает у меня никакого сомнения. Очевидно, абазинское же имя Елбузду. Вообще же по состоянию источников, определить точно происхождение династии кабардинских князей, думаю, нет возможности.

Серьезен вопрос о землевладении на Северном Кавказе и об его роли в генезисе феодализма. Очевидно, Вы считаете, что Л. И. допускает теоретическую ошибку. На своем долгом веку никогда не участвовала в теоретических дискуссиях, но пережила многие из них и наблюдала, как специалисты-теоретики приходят к противоположным выводам. Благодаря знанию конкретного материала для меня ясно необычайное своеобразие северокавказского феодализма по сравнению с западноевропейским и русским, и выявление своеобразия особенно интересно. В своих высказываниях Л. И. (Лавров. – А. М.) близок к Г. А. Меликишвили, у того и у другого – творческие поиски, которые привлекают мое внимание.

Во всяком случае в Вашей рецензии надо продумать каждое слово, каждую формулировку, самую форму критики.

Знаю, что Т. Х. (Туган Хабасович Кумыков. – А. М.) вернулся из своей поездки, следовательно, Вы будете свободнее. Надеюсь, свалившийся на вас курс по источниковедению был для Вас не только обузой, что Вы им увлеклись. Моя особая склонность к источниковедению сказала уже в первой моей печатной работе 1926 года.

Когда получу оттиски моей с М. А. Усмановым статьи-публикации из журнала «Советская этнография», пришлю Вам. Очень были стеснены листажом, мой доклад был интереснее.

Целую Вас, Женя, пишете.

Е. Кушева.

№ 39.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
12.01.1979.
12/1-1979 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Этими розами откликнулась на ваше красивое поздравление. Очень рада была весточке от Вас, т.к. беспокоилась – как Вы?

Желаю Нине Джамурзовне, Вам, всем родным всего, всего хорошего в наступившем Новом году.

Целую Вас.

Е. Кушева.

P.S. О делах – на листочках! (Данное письмо написано на поздравительной открытке с фотографией живых роз и приложено к письму № 38. – А. М.)

№ 41.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
04.05.1979.
4/V-1977 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Так давно нет от Вас вестей, это меня беспокоит. Шлю Вам, Вашим близким запоздалое поздравление с майским праздником и поздравляю с Днем Победы – может быть оно придет к этому знаменательному дню.

Посылаю статью – публикацию документа из «Советской этнографии». Нас с М. А. Усмановым очень стеснили с объемом, и не удалось сказать обо всем, о чем стоило бы сказать в связи с уникальным документом.

Целую Вас и Нину Джамурзовну и очень жду письма от Вас, милая Женя.

Е. Кушева.

№ 176.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
27.05.1979.
27/V-1979 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

12 мая я получила Ваше поздравление и письмо от 25/IV с почтовым штемпелем «Баксан» и гадала, что же это значит. Ваше второе – уже майское – письмо разъяснило мне, в чем дело.

Понимаю, как Вы перегружены, это меня беспокоит. Ваше отношение к педагогической работе – и чувство ответственности, и увлеченность и талант педагога – не позволяет Вам выполнять какую-то из нагрузок кое-как. Но ведь Вы и талантливый исследователь. Очень ценю Ваши работы и до сих пор горюю о том, что Ваша диссертация не опубликована полностью.

Вы считаете мою статью в «Сов. этногр.» убедительной. Получила несколько отзывов с такой же оценкой, мне это очень важно. Ведь еще до опубликования статьи я читала в секторе феодализма доклад, который считаю более интересным, чем получила статья, т.к. в журнале дан ограниченный листаж. На меня тогда обрушились Елена Иоасафовна и Н. Г. Аполлова. И сейчас мне тяжело вспоминать их выступления. Хорошо понимаю, что в Грозном статья далеко не всем понравится. А Таус Исаева конечно не изменит своей концепции, зная, какую поддержку она в Москве имеет. Все это так далеко от науки.

Жду текста Вашей рецензии, но должна предупредить, что едва ли смогу оперативно ею заняться. У меня на очереди 3 отзыва на работы, присланные мне неофициально, я задерживаю отклики. В мае плохо работалось. Одна из причин – сильная жара, которую я что-то плохо переношу несмотря на саратовскую закалку (я уехала из Саратова 30-ти лет). Что-то неладное происходит в природе.

Просили меня дать небольшую статью в один из секторских сборников. Очень хотелось бы дать, тему придумала, а статья не пишется.

Целую Вас, милая Женя, шлю приветы родным.

Е. Кушева.

№ 168.

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
01.07.1979.
01/VII-1979 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Ваше письмо от 2/VI я получила только 18/VI. Начала писать ответ 24-го, но не кончила. Сегодня пишу новое письмо.

Прежде всего откликаюсь на приглашение приехать погостить в Нальчике. Тронута этим вниманием и благодарю Вас и Ваших хороших родных. Но в этом году это не удастся, а на будущий год не стоит заглядывать. Весной уже съездила в Ленинград. Осенью предстоят две поездки – одна в Ленинград, другая в Саратов на юбилей 70-летия Саратовского ун-та, который я кончила в 1922 г., получив школу у замечательных учителей. Нередко выручала она меня на моем нелегком научном пути.

В июле или в августе предстоит ремонт комнаты, ... (неразборчиво. – А. М.) весной, сильно протекала крыша.

Известие о возможности для Вас напечатать монографию меня радует, обязательно используете её.

Знаю, что Вы мне не льстили, когда написали хорошие слова о моей с Усмановым статье. Поэтому мне особенно важно Ваше впечатление. А вот фраза о том, что мои оппоненты – т.е. Е. И. и Таус Исаева – располагают, возможно, источниками, которые мне не известны, меня поразила. В письме, начатом 24-го, захотелось мне подробно рассказать о том, как готовилась и продвигалась диссертация Таус. Но такая поднялась в душе муть, что бросила писать. Здесь пишу коротко.

Елена Иоасафовна не занималась историей Чечено-Ингушетии. Опекая Таус, Е. И. не только не смотрела дел в архиве, но не сочла для себя обязательным почитать то, что опубликовано, несмотря на мои сигналы о неблагополучии. Таус не читает скорописи XVI–XVII вв. Её прием использования сборников документов, который я, к сожалению, предоставила ей для использования, – игнорирование текстов, не подходивших ей для заранее продуманных выводов. Ведь и документ 1657 г. она обошла! Документы из архива... (неразборчиво. – А. М.), скопированные для Таус – с ошибками – сотрудницами архива, были мне известны (за исключением 3-х).

Поведение Елены Иоасафовны (отвечаю за свои слова) и Таус во всей этой истории было нечестным, и это стоило мне здоровья.

Конечно, в ЦГАДА (Центральный архив древних актов. – А. М.) очень много может дать для 17 века ретроспективный анализ документов 18 века (недавно читала неопубликованные документы из Кизлярского фонда, который сейчас в Махач-Кале; как они интересны!).

Для меня недоступен в подлиннике чеч.-инг. фольклор, научного издания его нет. Но, как я поняла, и Таус не знает так хорошо чеч. язык, чтобы читать подлинники.

Замечательные чеч.-инг. памятники архитектуры – вот для истории Кабарды такого источника не существует. Мнение археологов и историков об их датировке и значении так расходятся, что пока мне трудно пользоваться проверенными сведениями.

Сейчас очень тяжело для меня морально работать по «Истории народов Сев. Кавказа».

Данное в свое время согласие на участие в редактировании было с моей стороны ошибкой.

Вы пишете о своей рецензии на статьи Л. И. Лаврова, которая сейчас может быть напечатана в виде статьи же. Не зная Вашего текста, не могу высказать какого-либо мнения. В Леониде Ивановиче меня трогает широта эрудиции и неутомимый поиск. Обе его статьи, о которых Вы пишете, отражают эти две основные стороны его научной деятельности.

Вы написали мне о педагогической Вашей работе, читала эти строки этого Вашего письма с живым интересом. Давно поняла, что у Вас подлинный талант педагога. А вот фраза о трудностях, связанных с постоянным контролем напомнили мне годы моей педагогической деятельности – недолгой. Начала я ее в Саратове в 1920-е годы, в трудной обстановке. Затем был длительный перерыв после моего отъезда в Москву в 1929 г. Возобновила преподавание в Москве в вузе – в педин-те им. К. Либкнехта – в последние годы перед войной, по совместительству с основной штатной работой в ин-те истории Ак. Наук. Остались в памяти и хорошие воспоминания об установившемся контакте со способными студентами, но была и тяжелая сторона – иной раз, придя на лекцию или семинарские занятия, замечала где-нибудь на последней скамейке стенографисток.

Во время войны я была в эвакуации в Ташкенте. Вернувшись, узнала, что педин-т им. К. Либкнехта ликвидирован. Меня звали в педин-т им. Ленина, но я отказалась – по состоянию здоровья, и по воспоминаниям о преподавании в предвоенные годы. Но люблю общение с молодыми учеными. В Ин-те истории несколько лет заведовала аспирантурой и докторантурой. Тогдашние аспиранты сейчас почти все доктора наук, и так радостно следить за их успехами.

Сейчас нужно бы откликнуться на просьбу дать статью – небольшую – в один из подготавливаемых сборников сектора феодализма. И темы есть. А писать трудно, т.к. понимаю, что статья может вызвать замечания редакции.

Задерживаю ряд отзывов – неисправимая медлительность, которая с годами обострилась.

Целую Вас, дорогая Женя, и шлю приветы Нине Джамурзовне и Вашим родным.

Е. Кушева.

№ 19.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
12.10.1979.

12/X-79 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Просматривала внимательно программу конференции в Грозном 2–4 / X-79 г. и увидела Ваше сообщение. Хотела бы знать Ваши впечатления о том, как конференция проходила, о встречах с историками. Напишите мне.

Конечно, хочу знать и том, как прошло лето, как Ваше здоровье, дела, как Ваши родные. Сейчас Вы верно очень заняты по университету. Как Вы знаете, всегда очень жду рассказа о том, какие курсы читаете, как занятия ведете, довольны ли своими учениками. Давно нет от Вас вестей. Не было у меня последнее время и писем от В. Н. Сокурова, который обычно пишет и о Вас, и о Борисе Муратовиче.

Мне не удалось отдохнуть летом. Много кругом больных, я сама была не здорова. И работалось плохо. И сейчас среди близких знакомых две тяжело больные, требующие внимания.

Целую Вас, шлю привет Нине Джамурзовне и родным. Жду Вашего письма.

Е. Кушева.

№ 185.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
08.11.1979
8/XI-1979 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получив Ваше письмо от 25/X с вложением ... (неразборчиво. – А. М.) писем (как хорошо, что Вы мне их прислали) тотчас же хотела ответить, но не вышло. И сама была не вполне здорова, и тяжело больна одна моя знакомая. И вот дождалась Вашего поздравления. Благодарю Вас, благодарю Ваших родных.

Но конечно, что очень я беспокоюсь о Вашем здоровье. Необходим правильный диагноз – ведь есть же в Нальчике опытные врачи. И сейчас я не буду отвечать на Ваши письма – мне нужно знать, здоровы ли Вы. Напишите мне несколько слов о том, как Вы себя чувствуете.

7-го звонил мне из Нальчика Валерий Сокуров, поздравляя; сказал о резкой перемене погоды – с утра было холодно, затем сильно потеплело. Боюсь, такие капризы погоды мало Вам полезны.

Крепко Вас целую, целую Нину Джамурзовну и шлю приветы. Будьте же здоровы.

Е. Кушева.

№ 188.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Саратов, Набережная Космонавтов, д. 4, кв. 30. Е. Н. Кушева
14.12.1979.
14/XII-1979 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Пишу Вам всего несколько слов из Саратова, куда приехала навестить сестру.

Перед отъездом из Москвы получила письмо от Валерия Сокурова. Он написал, что Вы больны, что лежите в больнице. Я дочь врача, я верю в успехи медицины. Судя по последним Вашим письмам, Вы нуждаетесь в стационарном, т.е. больничном лечении. Уверена в его успехе. Обнимаю и крепко целую Вас, будьте здоровы, здоровы.

Если Вам писать почему-либо неудобно, попросите Нину Джамурзовну или еще кого-нибудь из Ваших родных написать мне о Вашем здоровье.

Будьте здоровы, милая Женя.

Е. Кушева.

№ 47.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
28.12.1979.
28/ХІІ-1979 г.

Дорогая, милая Евгения Джамурзовна!

Шлем Вам и Вашим родным новогодние приветы и самые теплые пожелания.

Не знаю, получили ли Вы мое письмо из Саратова от 15/ХІІ – я ездила навещать сестру и побывать на юбилее 70-летия Саратов. ун-та. Вернулась 19-го и нашла Ваше письмо из больницы, написанное в два приема из-за течения болезни. Двустороннее воспаление легких – болезнь серьезная, но сейчас медицина научилась с ней радикально бороться. Я не болела воспалением легких, но болела плевритом – это все также болезнь легких. По опыту знаю, что для восстановления сил необходим отдых в природе, с возможностью дышать чистым воздухом. Такой отдых творит чудеса. Знаю, что в Кабарде и вообще на Северном Кавказе есть замечательные санатории. Вам необходимо закончить лечение санаторным отдыхом, необходимо. Понимают ли это в ун-те?

Вы пишете хорошие слова о молодых врачах. Нужно их письменное заключение о необходимости санатория – возможно, с конкретной рекомендацией, куда именно просить путевку.

Я хорошо знаю обстановку в больницах Москвы. Картина тоже не веселая. Не хватает низшего обслуживающего персонала, не идут на эту трудную работу.

Миленькая моя, поправляйтесь хорошенько.

Когда будет у Вас возможность, пришлите мне тексты Вашей статьи.

Поездка моя в Саратов была полезной, но осложнилась капризами природы. Я не чувствовала себя здоровой и не смогла ездить из конца в другой конец города, чтобы повидаться с друзьями. А ведь остались – правда, уже немногие – и товарищи по Саратов. ун-ту, который я окончила в 1922 г. (!).

Обнимаю и крепко, крепко Вас целую, Женя, будьте же здоровы.

Е. Кушева.

№ 112.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
12.01.1980.
12/І-1980 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Благодарю Вас и Ваших близких за сердечный новогодний привет. Не знаю, дошло ли до Вас мое письмо, которое я писала на Пушкинскую, когда Вы лежали в больнице. Если не дошло, еще раз шлю Вам наилучшие пожелания к Новому году.

Ваша внучка меня обрадовала. Надеюсь, Вы выписались из больницы поправившейся от воспаления легких. Теперь надо восстанавливать силы.

Обнимаю и крепко целую Вас, Нину Джамурзовну, шлю привет.

Е. Кушева.

№ 144.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
21.02.1980.
21/ІІ-1980 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Давно нет от Вас вестей, и это не может не беспокоить меня. Как Ваше здоровье?

2 марта я еду на 24 дня в подмосковный санаторий – буду там лечиться воздухом. И в Москве почта неверно работает. Поэтому пишу Вам еще до отъезда и шлю Вам привет к женскому дню. Будьте и Вы и все Ваши близкие здоровы и благополучны.

Не могу похвастаться успешной работой. Хочу в наступившем году завершить работу над комментированным сборником документов по Чечено-Ингушетии. Но уже два месяца нового года промелькнули, а сделано мало.

Целую Вас и Нину Джамурзовну, шлю привет.

Е. Кушева.

№ 189.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

24.02.1980.

24/II-1980 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

На днях послала Вам письмо, выражая беспокойство из-за долгого Вашего молчания, а вчера получила Ваш пакет. Беспокойство мое имело основания – Вам было не до писем. В поведении и поступках Туган Хабасовича есть что-то, выходящее за пределы нормального, а Вы оказываетесь страдающей стороной.

Вы прислали мне свою дискуссионную статью «на суд». Как только получила ее, тотчас же и прочла. А вот «суд» не может состояться скоро. Как я Вам уже писала, на март я еду в санаторий – не отдыхать, а лечиться от гипертонии. Один из советов врача – полностью оторваться на этот месяц от научной работы. Мне очень трудно последовать этому совету, но я понимаю, что он разумен. Уж очень важно мне поправить здоровье – именно для того, чтобы научную работу продолжать. Между тем оценка Вашей статьи не простое для меня дело. Мне не только необходимо просмотреть приведенные Вами цитаты в контексте, но и познакомиться с рядом высказываний по теоретическим вопросам феодализма последнего десятилетия, в частности, о кочевом феодализме. Помните, была дискуссия – скот или земля, как основание средства производства. Тогда «скотисты» оказались в меньшинстве. В настоящее время, насколько знаю, снова вернулись к этому вопросу.

До моего отъезда осталось всего несколько дней, мне надо навестить кое-кого из знакомых – кругом болеют – и собраться. И после возвращения не смогу сразу заняться Вашей статьей – 8 апреля заседание сектора, мне надо подготовиться.

Вот таковы дела.

Напишу Вам письмецо из санатория. Напишите мне, по городскому моему адресу, в каком же положении сборник, в который входит Ваша статья, – когда он выйдет в свет? Крепко Вас целую, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 107.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

09.04.1980.

9/IV-1980 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

В санаторий я поступила 2 марта в плохом физическом и моральном состоянии. Вероятно до Нальчика дошли известия о том, что 25 февраля скончался Александр Александрович Зимин, похороны были 28-го. А. А. тяжело болел ряд лет – у него была болезнь легких – но конец пришел неожиданно. Я виделась с ним 16 февраля, у меня и мысли

не было, что это последняя наша беседа. 22-го А. А. исполнилось 60 лет. Всю неделю 17–23-го у него были посетители. 21-го он слег, но поток посетителей и поздравлений не прекращался. Но сам А. А. понимал уже в 1979 году, что ему надо спешить – лихорадочно писал, написал две новые книги.

Из санатория вернулась 25-го. Там усердно, слишком даже усердно лечили мою гипертонию. Пришлось несколько дней отдохнуть от лечения и привыкать к Москве.

Вчера состоялось заседание сектора, о котором я Вам писала. Выступали с докладами о холопстве на Руси XVII в. два ленинградца – М... и П... (фамилии неразборчиво. – А. М.), они между собой спорили. Тема мне очень, очень близка.

Вернувшись из санатория, я надеялась, что найду письмо от Вас с ответом на мой вопрос в письме от 24/II – я спрашивала в каком положении подготовленный к печати сборник с Вашей статьей. Письма от Вас нет, но в ин-те я виделась с Валерием Сокуровым. Он сказал, что сборник в ближайшее время должен поступить в типографию. Полагаю, что в таком случае мой «суд» не нужен. Я перечла статью. Сама никогда не высказывалась по вопросам теории, мне это нелегко. Вы исследователь другого склада.

Целую Вас, будьте здоровы, привет Нине Джамурзовне.

Е. Кушева.

№ 20.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

01.05.1980.

1/V-1980 г.

Дорогая Женя!

Вчера мне вручили Вашу телеграмму, благодарю Вас, шлю Вам и Вашим родным приветы и теплые пожелания к майским праздникам.

Как всегда, жду письма с рассказом о педагогической Вашей работе и об исследовательской. Вы знаете, как я ценю Ваши таланты. Целую Вас и Нину Джамурзовну.

Е. Кушева.

№ 22.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

23.12.1980.

23/XII-1980 г.

Дорогая Женя!

Вчера я получила Ваше письмо от 10/XII с нальчикским штемпелем 16/XII и московским 22/XII. Из письма поняла, что нальчикская почта работает из рук вон плохо. Я отвечаю на каждое полученное письмо – а тем более на Ваше, т.к. хорошо понимаю, как Вы ждете ответа. Если я на два Ваших письма не ответила, значит, я их не получила.

Не надеясь на память, я веду краткий календарь переписки. Посмотрела, когда я Вам писала в этом году: 13/I, 24/II, 11/IV, 1/V и 9/XI. М.б. (может быть. – А. М.) писала и в августе. Случайно мне достался билет на рейсовый теплоход Москва – Астрахань – Москва. Во время поездки не записывала отправление писем и не помню, писала ли Вам.

Так как в Ваших письмах был большой перерыв, я не раз спрашивалась у Валерия Сокурова, здоровы ли Вы. Ответы были удовлетворительные.

Я на Вас не обижалась, ни в связи с Вашей статьей о Л. И. Лаврове – Вы написали то, что думаете, ни в связи с Таус.

В конце ноября Таус была в Москве, читала доклад на «Черепнинских чтениях» – три дня были заседания памяти Л.В. Черепнина. Я не была на заседании, когда читала доклад Таус, но читала тезисы его. Она повторила ряд ошибок своей диссертации, о которых я ей в свое время говорила, и писала. Мне было неприятно, что на заседании памяти Льва Владимировича читался такой несовершенный доклад. Знаю, что была Елена Иоасафовна (Е. И. Дружинина. – А. М.), которая, по-видимому, была им восхищена. Она то главным образом и отвечает за ошибки Таус, т.к. не обращала никакого внимания на мои замечания.

Так и знайте – я на Вас не обижалась, виновата почта.

Вы вспоминали меня в связи с юбилеем Блока. И я вспоминала наш с Вами разговор о нем. Но передачи я не смотрела – глазной врач давным-давно запретила мне смотреть телевизор. Блоком я в этом году много занималась, т.к. готовлю для рукописного отдела Исторического музея небольшой личный фонд моей тети Кати Бек...вой (неразборчиво. – А. М.). Читала и Блока, и о Блоке, старалась составить свое мнение о нем и об его поэзии независимо от юбилейного фильма. Параллель с Пушкиным никак не могу принять, не могу согласиться и с тем, что он отразил эпоху. Уж очень далек он был от действительности; ... (неразборчиво. – А. М.); но ведь и «Двенадцать» показывают, насколько утопичными были его представления о революции. Её приближение он чувствует интуитивно, но сколько-нибудь ясных представлений о том, что происходит, у него не было.

Совсем чужды? (неразборчиво. – А. М.) мне его мистические стихи, такие, как «Стихи о Прекрасной Даме». После того как я начиталась воспоминаний об его отношениях с Л. Д. Менделеевой, они мне не только ... (неразборчиво. – А. М.), но и неприятны. Вообще та узкая среда писателей-символистов-мистиков, в которой он вращался в молодости, от которой старался оторваться, но не порвал с нею окончательно, мне чужда. Это была болезнь, в какой-то степени патология.

Можно ли считать Блока гениальным – не знаю.

Вы заываете меня в гости, Вы умоляете меня приехать. Нет возможности! Ведь у меня сошло здоровье, у меня гипертония, живу, как говорят врачи «на лекарствах». И приходится лечить глаза (постоянно под наблюдением). Из-за этого медленно работаю. Между тем в Грозном ждут моего сборника (по Чечено-Ингушетии) к июню. Следовательно, январь – май будут у меня заняты доработкой сборника – ведь напряженная работа мне запрещена, хорошо понимаю, что надо слушаться врачей.

Март этого года я провела в санатории. Нужно будет позаботиться о путевке и в 1981-м году – очевидно, на какой-либо из осенних месяцев. Летом получить путевку трудно, да я и не хочу санаторного отдыха летом.

Вы пообещали написать мне о своей работе.

Я жду этого письма.

Крепко Вас целую, желаю Вам, Нине Джамурзовне, всем близким хорошего Нового года. И мирного, конечно.

Е. Кушева.

№ 23.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

05.01.1981.

5/1-1981 г.

Дорогая Женя!

Получила я своевременно красивую поздравительную телеграмму и благодарю Вас – но ведь этого мне мало! Мне нужно знать, получили ли Вы мое письмо от 23 / XII или, как и раньше, думаете, что я на Вас за что-то обиделась. Послала я письмо заказным.

Жду на него ответа, жду и сообщения о получении этого письма – можно открыткой, несколькими словами.

Не знаю, как лучше посылать письма – заказными или простыми; либо лучше на университет?

13-го Николаю Михайловичу Дружинину исполняется 95 лет. Давно его не видела – ведь он уже не бывает в институте, а к нему Елена Иоасафовна посетителей не допускает. Ведь Н. М. очень плохо видит и плохо слышит. По-видимому, она не хочет, чтобы другие видели этот тяжелый процесс старения. Но память он сохраняет и светлую голову, диктует свои воспоминания б. (бывшей. – А. М.) сотруднице, которая помогает Елене Иоасафовне.

Вспоминанию, как и когда я познакомилась с Н. М. Это было весной 1929 г., когда, уволенная из Саратовского ун-та (университета. – А. М.), я переехала в Москву и искала работы. По рекомендации С. Н. Чернова пришла в Музей революции, где Н. М. был тогда уже секретарем. Выглядел он моложе своего возраста (очевидно – 45-летний). С большим смущением Н. М. сказал мне, что в Музее вакансий нет. Это и оказалось к лучшему – устроилась в издательстве общества политкор... (неразборчиво. – А. М.), где было прекрасное научное окружение. Там же, на научном заседании, слышала доклад Н. М.

Жду, что же Вы мне напишите о Блоке. В связи с юбилеем много было напечатано о нем статей, воспоминаний в журналах. Должен выйти 92-й том «Литературного наследства» в нескольких выпусках – специально блоковских.

Целую Вас, желаю Вам, Вашим близким всего хорошего.

Е. Кушева.

№ 187.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

30.01.1981.

30/I-1981 г.

Дорогая Женя!

Сейчас получила Ваше письмо, в котором Вы пишете о своих серьезных болезнях. Я отвечаю всего несколькими словами, чтобы Вас не утомлять.

Если врачи рекомендуют какое-то лекарство, которого нет в Нальчике, присылайте рецепт – мы здесь попробуем достать. У Екат. Иосифовны Индовой есть связь с поликлиникой повышенного типа.

Вы сбегали из больницы. Но как же обеспечен уход дома? Вероятно нужны инъекции. Ходит ли к Вам медсестра, нельзя ли с нею договориться о частных посещениях. Важен для восстановления сил и вопрос о питании.

Как дела с деньжонками, ведь болезнь требует расходов? Не стесняйтесь, напишите, если надо прислать.

Обнимаю и целую Вас крепко, крепко. Поправляйтесь от болезни, а затем надо подумать и о санатории.

Будьте, будьте здоровы. Шлю приветы Н. Дж. (Нине Джамурзовне Налоевой. – А. М.), родным.

Е. Кушева.

№ 124.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

15.02.1981.

15/II-1981 г.

Дорогая Женя!

В январе Вы писали мне о Вашей болезни, я тотчас же ответила – 30/I – с просьбой извещать меня о ходе болезни. Но известий нет, я беспокоюсь.

А между тем сама заболела гриппом. 4 дня температура держалась выше 38°, затем лекарства ее снизили, но нормы пока нет, и чувствую себя нездоровой. Это остановило работы – а так надо поработать!

*Если Вам трудно писать попросите Нину Джамурзовну, Аскера ...
Обнимаю и крепко Вас целую.*

Е. Кушева

№ 21.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
22.03.1981.
22/III-1981 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваше письмо от 13 / III, из которого узнала, что Вы вышли на работу, Т. Х. болеет.

Вы беспокоитесь обо мне. Надеюсь, получили уже мои письма.

Понимаю, что какое-то Ваше февральское письмо до меня не дошло. А в связи с 8 марта почта была отчаянно загружена.

Я уже писала, что поправилась от гриппа, погружена в разнообразные дела. Обнимаю и целую дорогую Женю и Нину Джамурзовну, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 184.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
03.05.1981.
3/V-1981 г.

Дорогая Женя!

1 мая получила я Вашу поздравительную телеграмму – спасибо Вам, желаю Вам и Вашим родным всего наилучшего.

Конечно, очень хотелось мне знать, как Ваше здоровье, как Вы работаете. Как раз в этот день зашел меня поздравить Валерий Сокуров. Расспросила его. По словам Валерия, Вы напряженно работаете и, как всегда, чрезвычайно заняты по университету. Я и радуюсь тому, что Вы здоровы, и беспокоюсь за Вас – снова перегрузки. А мое состояние обычное – не справляюсь с делами, годы сказываются.

Обнимаю и целую Вас, дорогая Женя, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 169.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
15.05.1981.
15/V-1981 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получив своевременно Вашу поздравительную телеграмму, я 3 мая поблагодарила Вас и написала о том, как жду Вашего письма. А Вы в это время уже его написали – 1-го и отправили. Но почта очень задержала доставку.

Сейчас откликаюсь коротко, подробнее отвечу позже. Хорошо поняла, как Вы были заняты выше головы. Вам так необходим санаторный отдых.

Поступок Т. Х. я объясняю тем, что Ваш педагогический талант вызывает его ревность. Вот ректор то все понимает и ценит Вас, как мне это нравится!

Вы заываете меня погостить. Дорогая моя Женя, благодарю Вас. Но ведь здоровье мое пошатнулось, врачи настойчиво говорят о том, что отдыхать мне надо в привычной климатической зоне. Я и сама хорошо это понимаю.

Обнимаю и целую Вас, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 1.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

12.08.1981.

12/VIII-1981 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна,

Дорогая Женя!

Отвечаю на Ваше письмо от 3/VIII, которое получила только вчера – почта очень задерживает доставку.

Вы пишете о тех мелких неприятностях, которые чувствуется, очень мешали Вам жить и работать спокойно. Догадываюсь, что это связано главным образом с Т. Х. В такой ситуации нужно защититься как бы внутренней броней. Мне случалось прибегать к такому средству.

Вся история с путевкой в Кисловодск досадна, надо о ней позабыть. У Вас есть свойство, вообще-то очень хорошее, – доверие к людям. Увы, оно далеко не всегда оправдывается.

Вы так живо описали свое времяпровождение, что я как бы побывала на берегу Нальчика под чудесной плакучей ивой. Но ведь, судя по газетам, на Северном Кавказе бывали и бывают и грозы, и ливни. Спасает ли Вас ива?

У меня 1981-й год проходит неудачно – подводит здоровье. В феврале я болела гриппом – не злым, но длительным. В марте-апреле пыталась возместить потерянный для работы месяц усердными занятиями. Как часто со мной бывало, прибавились и хлопоты иного порядка. Давняя моя знакомая, 87 лет, одинокая, благодаря заботам бывших ее сослуживцев по одному из академических ин-тов (по специальности Нина Алексеевна статист...) была принята в пансионат ветеранов науки, не так давно открытый. В таких случаях надо освободить жилплощадь. Я вызвалась сама заняться разборкой ее личного архива. Он оказался очень интересным, и удалось устроить его в Архив народного хозяйства. Я испытала чувство удовлетворения таким результатом, но немало времени и сил потратила на поездки, переговоры и знакомство с документами, бумагами, письмами, фотографиями. Сама Н.А. настолько уже пожилая и больная, что нельзя было обращаться к ней даже за какими-либо справками, разъяснениями.

Я переоценила свои силы и сорвалась. В мае обострилась моя ставшая уже хронической гипертония. К июню затихла было, а затем снова дала о себе знать. Лечащие мои врачи – терапевт и невропатолог – забеспокоились и заговорили о необходимости госпитализации. Мне представилась возможность полечиться в очень хорошей больнице, условия которой напоминают санаторий (на окраине Москвы в лесу). Там я и побыла с 23 июня по 17 июля.

Меня внимательно обследовали, уточнили диагноз, лечили. Понимаю, что нельзя ни прислушаться к наставлениям об осторожности, режиме и т.д.

За долгую свою жизнь я четвертый раз лежала в больнице – 2 раза в Саратове, 2 раза в Москве. И вспоминаю больницы с благодарностью. К тому же я как дочь врача, с большим интересом наблюдаю за врачами и больными. Так было и на этот раз.

Я написала «лежала». Это неточно, т.к. я была на этот раз «ходячей» больной. Было несколько интересных знакомств. Болезнь прервала работу над двумя статьями, связанными с тем, что в 1982 году исполняется 100 лет со дня рождения Бориса Дм. Грекова. Около 15 лет он был директором ин-та истории, и все эти годы я работала

сотрудницей ин-та. Сейчас возвращаюсь к работе уже над текстом статей (материал собран в марте-апреле). Если будет удача, напишу Вам подробнее о своих замыслах.

А поздней осенью надо будет подумать о подмосковном санатории. Я люблю осень в природе, даже позднюю.

Вот каковы мои дела. Надеюсь, Вы откликнитесь на это мое письмо. Тогда расскажите и о том, чем будете заняты в ун-те в этом учебном году, и о родных своих, и о занятиях «для души».

Крепко Вас целую и шлю приветы, Нине Джамурзовне и родным.

Е. Кушева.

№ 173.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

24.09.1981.

24/IX-1981 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Вчера в Лен.б-ке встретила с Т. Х. и узнала, что он в Москве на ФПК (факультет повышения квалификации. – А. М.). Спросила, как же распределяются без него университетские курсы и занятия, высказываю предположение, что Вы очень заняты. Он ответил, что Ваша нагрузка – нормальная. Что-то не верится! Хотя понимаю, что Вы очень заняты, все же жду от Вас весточку. Хотя бы коротенькую.

Здоровье мое удовлетворительное, но дел много, а работоспособность пониженная. Целую Вас, Женя, шлю приветы.

Е. Кушева

№ 146.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

09.11.1981.

9/X-1981 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Благодарю за телеграмму, но как хотелось бы получить от Вас письмо: телеграмма его не заменяет.

Валерий Нануевич прислал мне сборник со своей статьей – там напечатана и Ваша. Конечно, я прочла ее. Но сейчас не смогу написать о ней что-либо серьезно. Это требует от меня внимательного вчитывания в текст. Между тем долечиваюсь от нехорошего гриппа, которым проболела весь октябрь. Это выбило меня из режима работы, нарушило планы завершения двух статей – срочные.

Напишите же мне и о себе, и о своих.

Целую Вас, Женя и шлю приветы Вам, Нине Джамурзовне, родным.

Е. Кушева.

№ 40.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

15.12.1981.

15/XII-1981 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Посылаю Вам ксерокопию небольшой моей статьи, которая напечатана во 2-й части сборника «Историческая география России в XVIII в.» М., 1981 (Ин-т истории СССР).

Еще в 1977 г. директор ЧИНИИ (Чечено-Ингушского научно-исследовательского института.– А. М.) Сангариев попросил меня дать «официальное заключение» по той дискуссии о местах первоначального расселения гребенских казаков, которая проходила тогда в Грозном в весьма резких формах. Я ответила, что никакого «официального заключения» дать не могу, но занимаюсь этим вопросом и послала научную записку (1-й вариант текста). Представилась возможность опубликовать второй, несколько дополненный вариант текста в сборнике, подготовленном сектором исторической географии ин-та Истории – вышел он на репринте в количестве всего 300 экз-в.

Послала конечно свою статью и в Грозный, жду откликов – и от Вас тоже.

С осени я очень занята – хочется мне подать голос в печати в связи с тем, что в 1982 году отмечается 100-летие со дня рождения Б. Д. Грекова. Я всегда отличалась медлительностью, теперь это свойство сказывается. К тому же я увлекаюсь поисками материалов, а по условиям печатания нельзя использовать все собранное.

Здоровье – переменно, как и погода. Ведь и в Нальчике ее капризы неожиданные, не так ли?

Жду от Вас, Женя, вестей. Знаю, что Вы перегружены работой, но надежды не оставляю.

Почта не отличается оперативностью. Посмотрим, это мое письмо придет к Новому году. Целую Вас, Нину Джамурзовну, желаю вам, вашим родным всего, всего хорошего, благополучного, спокойного нового года.

Е. Кушева.

№ 166.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

12.01.1982.

12/1-1982 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Получила Ваш новогодний теплый привет, благодарю Вас. И жду обещанного «большого письма».

Вам, Нине Джамурзовне, Вашим близким желаю благополучного, хорошего 1982-го года.

Вам, милая Женя, нового творческого подъема, удовлетворения творческой работой и успехами Ваших учеников.

Целую Вас.

Е. Кушева.

P.S. И жду отклика на свою статью.

№ 167.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

16.01.1982.

16/1-1982 г.

Дорогая Женя!

Вот я и получила Ваше «большое» письмо! Оно напечатано на машинке. Понимаю, что Вы приобрели себе машинку – не югославскую ли – и уже научились на ней печатать.

Письмо прочла не один раз. Оно живо передает обстановку Вашей работы и жизни. Вы пишете о том, что Вы самолюбивы, и это заставляет Вас быть на высоте ун-те, что

это для Вас дело чести. Право, дело не в самолюбии. У Вас – талант педагога, и работа в вузе – дело Вашей жизни, Вы увлечены этим. И, конечно, у Вас развито чувство долга.

Если выберете еще время, напишите мне о «Вашем» студенческом кружке, о Ваших учениках. В свои студенческие годы и в первое время после окончания Саратовского ун-та, я участвовала в занятиях двух кружков, у замечательных своих учителей; один – «кружок любителей классической филологии» (тогда для студентов ист.- филол. фак-та были обязательны два древних языка – латинский и греческий); другой – краеведческий, о Саратовском крае. Как мы увлекались занятиями в этих кружках! Конечно, и Вы увлекаете своих учеников.

Бесконечные нагрузки не позволяют Вам, как Вы пишете готовиться к лекциям и занятиям, как следовало бы. Вот это серьезно. Но никаких советов дать не могу.

Вы знаете, как я Вас ценю, как исследователя. Поэтому я огорчена тем, что невероятная занятость не дает Вам возможности заниматься, как это следовало бы, исследовательской работой.

И домашние Ваши дела совсем не простые. У Вас двухкомнатная квартира, Вы приютили племянника и детей двоюродного брата. Как же Вы разместились? Доброе у Вас сердце. К тому же есть и потребность заботиться о ком-то с материнским чувством.

Вы ничего не написали о Нине Джамурзовне и других Ваших родных.

Благодарю Вас за то, что Вы прочли с вниманием мою статью. Написали весьма хорошие слова. Отзыв мне не нужен – ведь я пенсионерка, статья уже напечатана. Но никак не могу согласиться с Вами, что она вносит «ясность» в такие сложные вопросы, как появление казачества на Северном Кавказе и места первоначального расселения казаков. Слишком скудны источники. Поэтому я и призываю местных историков заняться продолжением поисков.

Ваша оценка тона статьи – по дискуссионному вопросу – мне важна. Ведь в Грозном дискуссия велась в очень резкой форме.

Я послала ксерокопию статьи в Грозный ряду лиц и получила ряд откликов. Мнение местных историков о терско-гребенском казачестве расходятся. Я, как и одна группа местных ученых, что их происхождение то же, что и других казачьих общин – на Дону, на Яике, т.е. бегство с Руси. Другие – в наиболее острой форме это мнение высказала Таус Исаева – связывают появление казаков на Тереке с политикой царского правительства, с продвижением русских крепостей на Сев. Кавказе, с поселением служилых казаков в стратегически важных пунктах. У Таус напечатана на эту тему статья на чеченском языке. Я знаю этот текст в переводе на русский, но уклонилась от полемики с нею. Это потребовало бы большой работы и большого листажу моей статьи.

Переписываюсь с Я.З. Ахмадовым, сотрудником ЧИНИИ. Его взгляды по этому вопросу близки мнению Таус, но лишены той заостренности, которая объясняется отнюдь не поисками научной истины. Переписка с Я.З. идет в спокойных тонах.

Но сейчас я занята совсем не Северным Кавказом. Кажется, я уже писала Вам, что в 1982 г. исполняется 100 лет со дня рождения Б. Д. Грекова. Ко мне обратились, ждут от меня две статьи, и я сама так хочу написать и опубликовать их. Всегда отличалась медлительностью, а годы и болезни в еще большей степени лишают меня оперативности. Обе статьи ответственные.

Когда читаю в «Известиях» прогнозы погоды, всегда обращаю внимание на то, какая погода на Северном Кавказе. Везде, не только в нашей стране, погода капризная, необычная.

Целую Вас крепко, милая Женя, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 171.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
16.03.1982.
16/III-1982 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна, милая моя Женя!

Я благодарна Вам за поздравления и особенно за письмо. О том, как Вы заняты, хорошо знаю, поэтому особенно ценю письма. Вот если удастся ваша поездка на ФКП (факультет квалификационного повышения. – А. М.), это будет чудесно.

Представляю себе, как был накрыт и уставлен вкусными блюдами стол для приема гостей.

Тема о баранте очень важна, и Вы её завершите. Ничего не припоминаю для совета Вам. Если вспомню, где об этом писала В. М. Букалова, сообщу.

Ограничиваюсь этой открыткой из-за критической занятости. Чем занята, напишу тогда, когда кончу статью и получу отзыв.

Целую Вас и Нину Джамурзовну, приветы родным и детям!

Е. Кушева.

№ 174.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
06.02.1983.
6/II-1983 г.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Я так привыкла к традиционным Вашим приветам – новогодним. А вот к 1983-му не получила. Конечно я беспокоюсь, т.к. понимаю, что это вызвано какой-то причиной.

Здоровы ли Вы, здоровы ли ваши родные, какова обстановка в университете. Ответьте мне – хотя бы коротко. Тогда я напишу Вам и о своих делах.

У меня новый почтовый индекс: 103031, Москва К-31.

Целую Вас, Женя, желаю Вам всего хорошего – наступил новый 1983 год.

Е. Кушева.

№ 43.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
08.03.1983.
8/III-1983 г.

Дорогая, Женя!

Сегодня я получила Вашу поздравительную телеграмму. Благодарю Вас, но она меня не успокоила. Мне нужно получить от Вас письмо, чтобы я знала о Вас, о Ваших близких. Ведь Вы давно мне не писали.

Сейчас здесь в командировке бывший аспирант нашего института еще не защитившийся Хасанби Беров – сейчас лаборант Кабард.-Балк. н.-и. ин-та. Расспрашивала его о Вас, но ничего не узнала – у него нет связей с университетом.

Целую Вас, шлю привет Нине Джамурзовне и вашим близким.

Е. Кушева.

№ 128.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
24.05.1983.
24/V-1983 г.

Дорогая Женя!

Откликаюсь на Ваше поздравление – с весенним праздником и с днем рождения. Вы написали обо мне такие высокие слова. Они ведь не соответствуют моему вкладу – скромному – в науку.

Сейчас я в ... (неразборчиво. – А. М.) нескольких работ. Когда несколько освобожусь, напишу Вам подробное письмо – с тем, чтобы Вы мне написали о себе, о своих, о своей работе. Понимаю, что сейчас в вузах горячая пора.

В Москве стоят жаркие прямо-таки летние дни – душно. Меня спасает саратовская закалка. Ведь я жила в Саратове до 30 лет.

Обнимаю и целую Вас, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 148.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
08.08.1983.
08/VIII-1983 г.

Дорогая Женя!

Звонила по телефону Маечке и узнала, что 31-го Вы уехали в Нальчик несмотря на нездоровье и что в Нальчике не чувствуете себя здоровой. Боюсь, 8-часовая беседа совсем не была Вам полезна. Но мы так долго не виделись, что никак не могли наговориться. На следующий день я все вспоминала, о чем мы с Вами беседовали. Очень нравятся мне темы Ваших спецсеминаров и приемы Ваших занятий со студентами.

Я мало преподавала в вузах, думаю, особых педагогических талантов у меня не было. У Вас они есть.

Сейчас я занята генеральной уборкой своей запущенной и захлавленной комнаты. Это дело напомнило мне о том, что мне надо позаботиться о судьбе моего большого личного архива – надо сдать его на госхранение. Но ведь для этого надо подготовить его к сдаче! Я живу в Москве с 1929 года и храню письма, полученные мною за долгие годы. Когда в ноябре 1941 г. уезжала в эвакуацию в Ташкент, везла с собой два чемодана (полагалось брать не больше). Тот, который побольше, был наполнен главным образом письмами – и я привезла его обратно в целостности и сохранности.

Храню я и бумаги, связанные и с научной работой – выписки, черновые статьи и т.д.

№ 111.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
22.01.1984.
22/I-1984 г.

Дорогая Женя!

Не получила от Вас традиционной телеграммы, но мне звонил Хасанби Беров и на мой вопрос о Вас сказал, что Вы отправились в туристическую поездку – экзотическую! Предполагаю, что Вы уже вернулись и жду большого письма о ваших впечатлениях.

Желаю всего, всего хорошего вам, Вашим близким в наступившем 1984 году.

Обнимаю и целую.

Е. Кушева.

№ 109.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
14.03.1984.
14/III-1984 г.

Дорогая Женя!

Я получила Ваше письмо, которое так ждала. Благодарю Вас за него, т.к. понимаю, что Вы писали, хотя и не чувствовала себя вполне здоровой. Я отвечу Вам письмом, когда получу известие, по какому же адресу Вам писать – по Вашему или по адресу, указанному на конверте – я не знаю, чей он.

Одновременно посылаю открытку и на Советскую улицу.

Крепко Вас целую и желаю здоровья, благополучия Вам, Вашим близким.

Е. Кушева.

№ 147.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
14.05.1984.
14/V-1984 г.

Дорогая, милая Женя!

Отвечаю на два письма – от 26/III и 28/IV, на два поздравления – с праздником и с днем рождения, с (неразборчиво. – А. М.). Хорошо, что Вы послали мне письмо от 26/III, в свое время оставшееся непосланным. Ваши письма дали мне полное представление о том, как трудно вам живется – и из-за нездоровья, и из-за непрерывной, ответственной работы в университете. В апрельском письме Вы пишете об улучшении состояния. Желаю Вам здоровья, здоровья. Надо бы Вам отдохнуть во время отпуска в хорошем санатории. Возможно ли это?

Вы спрашиваете о Н. М. и Елене Иоасафовне. Как Вы знаете, Н. М. не видит и почти не слышит. Поэтому его почти никто не посещает – Е. И. считает, что посещения для него тяжелы. Конечно, исследовательская работа исключена. Но он диктует свои воспоминания. Правда, проверить, как записали, не может.

Елена Иоасафовна много занята уходом за Н. М. У неё есть помощница, но и за ними нужен присмотр.

Я не знаю точно, чем она занята, как член-корреспондент. 7 мая в секторе феодализма, за чашкой чая (алкогольные напитки в ин-те И. запрещены) мы поздравили участников войны и слушали их воспоминания. Она поделилась воспоминаниями о том, как военной переводчицей допрашивала поляков, переходивших с большим трудом на сторону советских войск. Она не говорила по польски, но поляки, в условиях немецкой оккупации, обязаны были знать немецкий язык. Как Вы знаете из газет, в СССР побывал В. Ярузельский, ездил в Рязань на открытие памятника. Была там во время этой встречи и Елена Иоасафовна. Её выступление было очень интересным, думаю, воспоминания её будут напечатаны и у нас, и в Варшаве.

7-го, во время чаепития поздравляли и меня с д.р. (днем рождения. – А. М.). Была зачитана телеграмма мне Х.И. Хутуева, которому я послала благодарность. С таким глубоким интересом занималась я десятки лет историей Кабардино-Балкарии.

В эти юбилейные для меня дни подвожу итоги. О каких-либо замыслах нельзя и думать. Последний год сильно упало зрение, операция невозможна. О занятиях в архивах нельзя и думать. Хочется мне доработать наконец тот комментированный сборник по истории Чечно-Ингушетии, над которым работала в свои 70-е годы. В 1981 г. будут

отмечать 60-летие создания ЧИНИ Ин-та. Надо воспользоваться этим юбилеем. Вероятно и КБНИИИн-т отметит такой же.

Полагаю, Вы знаете, что в апреле в Грозном скончалась Таус Исаева. Ведь ей, верно, и 40 лет не было. Она погибла от рака, много лежала в специальном ин-те в Москве, летала на какие-то процедуры, но спасти её не смогли. Елена Иоасафовна уделяла ей много внимания.

Вы ничего не написали о своих, о том, что Вам помогает, когда Вы не здоровы. Ничего не знаю о Нине Джамурзовне.

Обнимаю и крепко целую Вас, дорогая моя Женя.

Е. Кушева.

№ 127.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

28.11.1984.

28/XI-1984 г.

Дорогая Женя!

Я не получила традиционной поздравительной телеграммы и беспокоюсь. Как Ваше здоровье, как близкие? Как Вы заняты в ун-те, велики ли нагрузки?

Не могу похвалиться успехами. Годы дают о себе знать. В этом году меня особенно беспокоит упадок зрения. Наступила зима – сегодня в Москве сильный мороз. Зима – трудное для меня время.

Обнимаю, целую Вас, жду известий, шлю приветы.

Е. Кушева.

№ 131.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

12.12.1984.

12/XII-1984 г.

Дорогая моя Женя!

Сегодня я получила Ваше большое письмо, спасибо Вам. Я всё, всё понимаю. Отвечу Вам тоже большим письмом – мне надо над ним подумать. Сейчас спешу ответить Вам, сообщить о том, что письмо получила.

Обнимаю и крепко Вас целую. Здоровья, здоровья желаю Вам, Нине Джамурзовне, брату, племяннице и племяннику, всем родным.

Е. Кушева.

№ 103.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

16.12.1984.

16/XII-1984 г.

Дорогая Женя!

Чтобы лучше понять Ваше положение как работника вуза, поговорила я с хорошей моей знакомой Ниной Борисовной Голиковой, проректором МГУ, доктором исторических наук. Ей 70 лет, она много лет работает в МГУ, сейчас консультант.

Н. Б. сказала мне, что МГУ, как и ЛГУ на особом положении, так утомительных, навязчивых требований, которые министерство предъявляет работникам ун-тов других городов, к преподавательскому составу столичных вузов не предъявляет. Но она хорошо

знает об этих требованиях, т.к. постоянно имеет дело с преподающими на ФПК (Факультет повышения квалификации. – А. М.).

Вторая беда, о которой говорила Н. Б. и которая постоянно сопутствует ее работе в МГУ, – перегрузки. У нее количество часов постоянно превышало норму вдвое. И сейчас, хотя она на положении консультанта, положение ее такое же. При этом совершенно не учитывается необходимость домашней подготовки к лекциям, семинарам. Ее выручает многолетний опыт. Думаю, это облегчает Ваше положение. К тому же педагогическая работа в вузе – одна из самых важных сторон дела Вашей жизни. Вы ведь обладаете талантом, именно талантом педагога.

Я не знаю точно состава кафедры, которой заведует Туган Хабасович. Очевидно распределение поручений, нагрузка не отличается равномерностью. Как же справляется Назир (Назир Хажмуратович Тхамоков. – А. М.) с требованиями?

У Вас талант не только педагога, но и исследователя. Понимаю, как тяжела для Вас невозможность творческой работы в этой области. Но поверьте мне, что творческая мысль исследователя не обрывается, хотя и не закрепляется на бумаге, не оформляется в текст, подготовленный для печати.

И здоровья, здоровья Вам желаю.

Я хорошо помню встречи с Ниной Джамурзовной, помимо Вашего брата в роли тамбды. Вы пишете о том, что их здоровье (нездоровье) Вас беспокоит. Как дочь врача, я верю в успехи медицины и верю хорошим врачам. Есть ли возможность постоянного внимательного наблюдения. Ведь и Вам это нужно.

Как же Вы справлялись с домашними делами, когда Вам надо было заботиться о двоих – племяннике и племяннице? И в период ее болезни? Сейчас племянник в армии, девушка с Вами, ее здоровье восстанавливается. Представляю себе, сколько глубокой любви, привязанности вкладываете Вы в заботы о них.

Дорогая моя Женя! Благодарю Вас за Ваше ко мне отношение. Напишите мне, чем я могу Вам помочь. Ко мне пришла старость – Вы знаете, мне идет 86-й год! – я не могу и думать о выезде из Москвы.

Обнимаю, крепко Вас целую, шлю теплые пожелания.

Е. Кушева.

№ 130.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева

28.12.1984.

28/ХІІ-1984 г.

Дорогая Женя!

Получила вчера ваше письмо. Вы заываете меня погостить у Вас. Меня трогает Ваше отношение ко мне, желание активно помочь мне в нелегкие годы наступающей для меня старости. Благодарю Вас, а откликнуться согласием на Вашу заботу не могу. Смена климата, обстановки, режима – все это уже не для меня. Даже подмосковье, какой-либо из здешних санаториев – не для меня. Вот если бы Вас послали в М(оскву) на ФПК, мы бы с Вами наговорились.

Вы спрашиваете меня о Н. М. и Е. И. (Дружинины Николай Михайлович и Елена Иоасафовна. – А. М.) ... (неразборчиво. – А. М.).

С Новым годом Вас, всего, всего Вам хорошего.

Е. Кушева.

28.12.1984.

Продолжаю письмо.

Недавно говорила по телефону с Еленой Иоасафовной. Как Вы знаете, Н. М. не видит и не слышит. Е. И. сказала, что голова у него ясная, память хорошая. Ведь в январе 1985 года ему исполняется 99 лет. Я понимаю, что невозможность знакомства с новой литературой, участия в научных заседаниях, общения с товарищами по работе

не могут не сказаться. Понимает ли это он сам? Не знаю. Ведь такая оторванность длится уже многие годы.

Последние месяца два Е. И. была чрезвычайно занята «предвыборной «компанией» – шла подготовка к выборам в академики и чл.-корреспонденты, и Е. И. активно в нее включилась – не только за себя, но и за Н. М. Выборы прошли, я еще не знаю точных результатов. Как и не раз, так и в этом году голоса разбивались и не все вакансии оказались использованными, что чрезвычайно досадно. Но вот, чему я очень, очень рада. Выбран в чл.-корреспонденты Ак. Наук Анатолий Петрович Новосельцев, кавказовед, талантливый исследователь, эрудит, полиглот, получивший в наследство от скончавшегося В. Т. Пацуто «сектор истории древнейших государств на территории СССР», т.е. сектор, организация работы которого чрезвычайно сложна. Вероятно, в Нальчике об этом уже известно, возможно, историки и вашего ун-та, и Ин-та уже поздравили его.

Вы написали мне, как трудно Вам печатать свои исследования. Отказ в напечатании генеалогической статьи о кабардинских пиши мне понятен. Ведь генеалогия в течение многих лет была совсем в забросе. В столичных научных учреждениях заметен некоторый перелом, о котором Вы сможете судить по монографии М. Е. Бычковой. До Нальчика этот сдвиг еще не дошел. А вот отказ в напечатании Вашей статьи в газете мне непонятен. Никак не могу помириться с тем, что осталась неопубликованной Ваша диссертация. Ваши наблюдения на тему социально-экономических отношений были и останутся такими ценными. И вся монография в целом.

Обнимаю и целую Вас, всего Вам хорошего в Новом году.

Е. Кушева.

P.S. Я не помню, два или 3 письма Вы мне отправили. Я получила два.

№ 106.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
05.03.1985.
05/III-1985 г.

Дорогая, милая Женя!

Шлю Вам теплые пожелания к весеннему нашему празднику. Сегодня ... (неразборчиво) в ин-те, в секторе феодализма, где было праздничное чаепитие. Сидела я рядом с Еленой Иоасафовной, мы вспоминали о Вас, говорили о том, как ждем от Вас вестей. Я очень жду.

Е. И. рассказывала мне о Николае Михайловиче. Глубокая старость, но голова ясная, он сохраняет память. Понимаю, как необходимо ему внимание Е. И., уход.

Обнимаю и крепко целую.

Ваша Е. Кушева.

№ 133.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
28.04.1986.
28/IV-1986 г.

Дорогая моя Женя!

Благодарю Вас за поздравление и за письмо. Вы педагог высшей школы по призванию, хорошо понимаю, как Вы умеете увлечь своих учеников.

Будьте же здоровы, здоровы.

О делах напишу как-нибудь подробное письмо.

(Неразборчиво. – А. М.) идут, что не может не сказаться на здоровье. Слушайте своих врачей. Обнимаю и крепко целую. Шлю приветы и теплые пожелания родным.

Е. Кушева.

№ 109.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
17.07.1985.
17/V-1985 г.

Дорогая Женя!

... (текст отсутствует. – А. М.) Вашему письму, ... (текст отсутствует. – А. М.) почувствовать удовлетворение благополучным окончанием очередного учебного года. Уверена в том, что студенты, Ваши ученики глубоко благодарны Вам, как своему учителю.

Вам предстоит ремонт комнаты, очевидно это необходимо. В этом деле Вам нужна помощь. Ведь Ваши молодые родственники вам ее окажут. И нужен хороший мастер этого дела. Я отремонтировала свою комнату в последний раз в 1979-м году. Упростила это дело так, что не выносила стеллажи с книгами, а тщательно закрыла их бумагой. Ремонт выполнила татарочка из жилищуправления, у меня с ней сложились добрые отношения. Работала она очень хорошо.

Моя работоспособность крайне ... (текст отсутствует. – А. М.) состояния зрения. Строгий режим.

Не помню, писала ли Вам о просьбах ко мне со стороны истфака Саратовского ун-та (окончила ун-т в 1922-м году). Просят отозваться... (неразборчиво. – А. М.). Сейчас медленно и трудно готовлю «Страницы воспоминаний» о моем дорогом учителе Павле Григорьевиче Любомирове (100 лет со дня рождения).

20-е годы, первая половина 30-х были сложными.

Павел скончался в 1935-м году 50-ти лет от поздно поставленного диагноза (рак желудка).

Лето в Москве по погоде было для меня нелегким – резкие перемены. Сейчас установилась теплая погода.

Обнимаю и крепко целую Вас, дорогая Женя, всего Вам и Вашим родным хорошего.

Е. Кушева.

№ 102.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
02.12.1985.
2/XII-1985 г.

Дорогая моя Женя!

Я не получила от Вас обычного привета к Новомуднему празднику и беспокоюсь о Вас. Очень... (далее неразборчиво, чернила размыты. – А. М.)

№ .

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
03.01.1986.
3/III-1986 г.

Дорогая, милая Женя!

Благодарю за Новогодний привет и теплые пожелания!

Шлю Вам, Вашим близким наилучшие пожелания в 1986 году.

Обнимаю, ваша Е. Кушева.

№ 45.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
28.01.1986.
28/I-1986 г.

Дорогая, милая Женя!

Вчера проездом через Москву побывал у меня Валерий Сокуров.

Рассказал мне о Вас, о том, что у Вас много работы по ун-ту, где вас так ценят студенты.

Говорили и о домашних Ваших хлопотах – обычай гостеприимства и родственные чувства!!

Обнимаю, целую, всего вам хорошего.

Е. Кушева.

№ 42.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
16.03.1986.
16/III-1986 г.

Дорогая, милая моя Женя!

Благодарю за телеграмму, но жду, жду письма.

Целую крепко. Будьте здоровы и благополучны, Вы и Ваши родные.

Е. Кушева.

№ 132.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
07.05.1986.
7/V-1986 г.

Дорогая, милая Женя!

Поздравляю Вас, Ваших близких с Днем Победы и шлю самые теплые пожелания.

В этот конверт я клеиваю и открытку, которую написала 28/IV и послала также в конверте. На днях он был мне возвращен, т.к. название улицы я написала неразборчиво! Причина – упадок зрения. Прошу племянницу четко написать адрес на конверте.

Обнимаю и целую Вас.

Е. Кушева.

№ 182.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
09.02.1987.
9/II-1987 г.

Дорогая Женя!

В конце прошлого года я посылаю Вам с Валерием Сокуровым (побывавшем в Москве) ксерокопию своей статьи из № 3 журнала История СССР за 1986 г. и письмо. Я предупредила, что статья не отражает точно мой текст и что по состоянию здоровья я не смогла внимательно следить за работой редакции по сокращению текста.

Очень ждала Вашего отклика на Вашу статью, но не получила его.

Вы присылаете мне поздравления телеграммами, но этого мне мало. Я хочу знать, как Вы живете и как идет работа в университете..

Крепко Вас целую, желаю всего хорошего.

Е. Кушева.

№ 177.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
15.03.1987.
15/III-1987 г.

Дорогая, милая моя Женя!

Я так благодарна Вам за большое письмо. Оно очень меня тронуло, благодарю Вас и Нину Джамурзовну. Вы зазываете меня к себе, в Нальчик. Понимаю, что Вы недостаточно осведомлены о состоянии моего здоровья. В этом году мне исполняется 88 лет. В этом или близком возрасте многие из моих родных и знакомых не выходят уже из квартиры, а некоторые и из постели. Я почувствовала настоящую старость года 2 тому назад. И общая слабость, и упадок памяти, и – тяжёлая беда – упадок зрения. По заключению специалистов операция помочь не может.

Я еще выхожу из дома всегда с палкой, иду с большой осторожностью, по квартире я хожу еще без палки, но в Ин-те истории, где изредко бываю, хожу тоже с палкой.

Выезжать из Москвы мне уже нелегко. И мне необходима родственная помощь, которую мне и оказывает племянница ... (имя неразборчиво. – А. М.), которая живет со мной в М(оскве) с 1946 г.

Я уже не могу читать. Она читает мне письма, а отвечаю я сама, хотя понимаю, что читать мой почерк нелегко.

Меня поддерживают обращения к моей памяти – и со стороны москвичей, и приезжих научных работников.

Так как мой научный путь был очень ломанным, тематика работ разнообразна, разнообразны и вопросы ко мне.

Меня навещают, навещают и приезжающие. Вот если бы Вы появились в М., это была бы для меня большая радость.

Вы написали о себе мало. Так вы заняты педагогической в высоком смысле этого понятия работой. Конечно, Вы профессор высшей школы, любимица студентов, это замечательно.

Написали Вы высокие слова о моей статье в журнале. А вот меня появление ее в свет не порадовало. Так сокращен текст, внесены некоторые коррективы, замечания. Мне трудно было следить за работой редакции. И литературного редактора.

Крепко, крепко обнимаю и целую Вас и Н. Д. (Нину Джамурзовну. – А. М.), мои сердечные пожелания.

Е. Кушева.

№ 183.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
27.05.1987.
27/V-1987 г.

Дорогая, милая Женя!

Благодарю Нину Джамурзовну и Вас за поздравление с праздниками, шлю ответные пожелания всего, всего хорошего.

Вы пишете письма мне, несмотря на болезнь, последнее – из больницы.

Как неопытны врачи!

Поправляйтесь, поправляйтесь хорошенько. После воспаления легких очень нужен санаторный отдых. Возможен ли он?

Я жду дальнейших сообщений.

Моя сестра Анна Николаевна (ей идет 90-й год) болеет, сейчас она у младшей дочери Оли в Волгограде. А я, по состоянию здоровья не могу её навестить.

Целую Вас обеих.

Е. Кушева.

№ 180.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
19.07.1987.
19/VII-1987 г.

Дорогая, милая Женя!

На Ваше письмо откликаюсь всего несколькими словами. Благодарю Вас очень за весточку, желаю Вам возможностей хорошего отдыха.

У меня хлопотное время – надо подготовить мой научный архив к сдаче на гос-хранение.

Целую Вас, ваша Е. К.

№ 177.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 60, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва К-452 Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушева
08.01.1988.
8/-1988 г.

Дорогие Нина Джамурзовна и Женя!

Благодарю за новогодний привет и шлю Вам пожелания здоровья, всяческого благополучия, а Вам, Женя, и успехов в творческом труде педагога высшей школы.

Конечно, хотелось бы получить от Вас и письмо. Как Н. Д. (Нине Джамурзовне. – А. М.) и Вам живется, как идут дела в республике, в ун-те? Любопытно, как же «перестроился» В. Б.?

По моему почерку Вы можете понять о состоянии моего зрения. Ведь я не вижу, что пишу. Меня поддерживает обращение к моей памяти, они идут из разных сторон.

Обнимаю и целую обеих.

Е. Кушева

№ 96.

Телеграмма

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Москва 153/558 18 27 1358
Телеграфируйте (по) моему адресу возможность доклада шестнадцатого декабря или звоните. Телефон 2288207. Кушева.

№ 97.

Телеграмма

Гор. Нальчик, Кабардино-Балкарский университет, ул. Чернышевского 173, профессору Апажеву.

Гор. Москва 153/114 23 14 1640

Выезжаю двадцать второго поездом прошу обеспечить место (в) гостинице с 24 июня. Кушева.

№ 98.

Телеграмма

Гор. Нальчик, Советская, 39. Налоевой.

Гор. Москва 153/12 16 3 1320

Получила второго диссертацию жду автореферат телеграфируйте окончательную дату защиты желаю здоровья Кушева

№ 190.

Телеграмма

Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Москва 153/8 15 3 1420

Получила письмо ждите ответа задержите печатание автореферата целую Кушева.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Письмо, судя по всему от заключенного, адресованное Е. Д. Налоевой. Е. Д. Налоева была арестована в 1950 году 9 мая и осуждена к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Возможно, что она в это время (август 1951 г.) находилась в одном пересыльном лагере с отправителем письма до своего этапирования к месту отбывания наказания (лагпункт «Верхний Волим» – Пермская область, ж/д станция «Соликамск» Пермской железной дороги).

№ 34.

*Дорогая Женичка
Поздравляю большой праздник 1 мая. Желаю, счастья, здоровья жизни. Целую крепко и крепко твоя Соня [1].
28. IV. 72 г.*

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Среди бумаг Е. Д. Налоевой есть пустой конверт от письма, отправленный из Сухума в Нальчик от некоей Липартия С. С., проживавшей в гор. Сухуме по адресу: ул. Пилия 1-й тупик 4. Возможно – это и есть автор данного письма.

№ 10.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
*Глубокоуважаемая Евгения Джамурзовна!
Тронут Вашим поздравлением и теплыми словами. Сердечно благодарю Вас и желаю счастливого нового года.*

Л. Черепнин

25/XII-72.

№ 29.

*Уважаемая Евгения Джамурзовна!
Поздравляем Вас с международным женским днем 8-го марта.
Желаем вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и больших успехов в работе.
От студентов IV курса ист. отд.
7/III-73 г.*

№ 22.

*Уважаемая Евгения Джамурзовна!
Поздравляем Вас с днем 8 марта и желаем много, много счастья и радости. Желаем, чтобы Вы всегда оставались такой же скромной и мудрой.
8/III-73 г.*

Борис и Мадина Чипчиковы

№ 13.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
*Глубокоуважаемая Евгения Джамурзовна!
Спасибо Вам за автореферат с теплой подписью. Желаю Вам успешной защиты и новых творческих достижений.
Сердечный привет.*

Л. Черепнин.

29/VI 73

№ 11.

Гор. Нальчик, ул. Советская 39. Евгении Джамурзовне Налоевой
163012 г. Архангельск – до востребования.
Балкаров А. З.
г. Архангельск, 31 мая 1974 г.

Женя, здравствуй!

Во-первых, приношу массу извинений, ибо так сложились обстоятельства, что я не смог ни повидаться с тобой, ни позвонить перед моим отъездом в Арх-к. Но ты не злопамятна и, надеюсь, простишь мою оплошность.

Во-вторых, Всеволод сообщил мне, что ты успешно завершила свою работу, с чем и поздравляю. Остается ждать знаменательного события, – выхода в свет твоей книги. Как это будет интересно!

В-третьих, мой друг успел переслать мне фото, где мы троим запечатлены ... Конечно, работа фотостудии не из лучших, но не это важно. Важно то, что у нас будет память о нашей встрече в столице. Вот и все, милая моя Женуля. На ответ не претендую. Будет желание, а главное время, – пиши. Мой искренний привет многоуважаемой Нафо.

№ 11.

Гор. Нальчик, ул. Советская 39. Налоевой Евгении Д.
163012 г. Архангельск-12, до востребования
Балкаров А.З.
г. Арх-ск, 27 сентября 1974 г.

Женя, дорогая сестра, здравствуй!

Получил оба твоих письма от 22 августа и 18 сентября. На первое я ответил еще 3 сентября заказным письмом, куда были вложены 4 фотографии с изображением собственной персоны. На второе я отвечу более обстоятельно позже, когда будет выяснена судьба вышеупомянутого послания. Кстати, дошли ли до тебя посланные мной еще где-то в июне виды Парижа? Итак, ответь, пожалуйста, на волнующие меня вопросы. Прими и Адониса (письмо написано на открытке с фотографией скульптуры Джузеппе Мацуолла – Гибель Адониса. – А. М.), для которого, полагаю, найдется у тебя место в доме. Завалил тебя всякими «безделушками». Но не значит ли это, что тем самым хочешь завоевать все больше твою благосклонность...

С добрыми пожеланиями, искренне твой, Саиенция.

№ 33.

Кабардино-Балкарская АССР, г. Нальчик, ул. Чернышевского 177, КБГУ, кафедра истории СССР.
Евгении Джамурзовне Налоевой
466206 Казахская ССР, Мангыш. обл. Ерашевский р-н, пос. Новый Жетыбай. Бар. 102, кв. 22.
Дышековой Фатиме.
18.10.75.

Дорогая Евгения Ж., здравствуйте!

Примите от нас самые наилучшие пожелания.

Хочется с вами поделиться своей радостью и счастьем, как с самым близким человеком – как с матерью. Евгения Ж., у меня родилась дочь, сразу после гос.экзаменов. Уже 4-й м-ц, и я счастлива. С мужем живем дружно очень и хорошо. Вы единственный человек кто знает правду о моем супруге (кроме моих близких родных) и мне хочется вас обрадовать тем, что с него вышел прекрасный отец и семьянин. Мы желаем вам самого

наилучшего счастья и семейного благополучия, которого вы достойны. Извините, что пишу на работу, я не знаю вашего домашнего адреса.

Понимаю, что вам некогда, и до моего письма, но мне очень хотелось, хотя бы так в письменном виде поблагодарить вас за вашу доброту и человечность. Оставайтесь всегда такой!

До свидания.

С уважением Фатима, Залим, Зариночка
18/Х-75 г.

№ 39.

Сухуми
17.11.75

Добрый день, моя дорогая Женечка!

Вот наконец собралась тебе написать.

Большое спасибо тебе родная за все и за отлично проведенный отпуск и за выкройку и за письмо, чтение которого доставило истинное удовольствие и за поздравление к празднику с шоколадными конфетами. Поздравления без конфет от тебя были бы также сладки. Еще раз спасибо тебе родная. И, конечно, извини, что я такая невнимательная, все делаю с опозданием с праздниками тебя не поздравила, а вот уже на носу новый год. У меня, что то совсем стало с временем в обрыз. Все не успеваю.

На праздники ездили на машине в Донбасс, устраивали Сашеньку на практику, у него с февраля будет 8-месячная практика, вот мы и договорились на Енакиевском металлургическом з-де о его трудоустройстве и его жилье, будет жить у сестры. Теперь будем готовить его к отъезду. Дома все хорошо, все живы и здоровы. А вот у тебя, как видно, со здоровьем, что-то неважно, ты приболеваешь больше положенного в твоём возрасте.

Учи и срочно исправляй положение.

Ты добрейшей души человек, всегда живешь заботами о других и это у тебя так искренне получается, что чисто по человечески завидуешь тебе, твоему человеколюбию после столь трудно прожитой молодости. Это и является той притягательной силой, которая формирует около тебя столь многочисленное количество родственников, друзей, знакомых, в число которых посчастливилось попасть и нам. Так держать мой добрый человек! Здоровья тебе и цели в жизни. Поменьше разочарований, побольше счастливых дней. Большой привет Женечка всем твоим, Нине, брату, племянникам, будешь писать Маечке, от нас не забудь добавить частичку теплоты и добрых слов.

Тебе передает привет и массу наилучших пожеланий Соня. Она сейчас занята хлопотами по подготовке к поездке в Челябинск, где живет ее Тамазик с женой и двумя сыновьями (у него уже два мальчика). Зурик остается дома на хозяйстве, стал совсем взрослым парнем, поговаривает о женитьбе. Больше не о ком писать, ты уже давно у нас не была, планируй обязательно побывать, а то забудешь всех сухумцев, столько уже прошло лет.

Платье еще не шила, буду готовить гардероб к весне, а сейчас зима, льют дожди, на душе тоскливо, то ли дело в Москве выпал снег, ходят на лыжах! В Сухуме это самое плохое время года, но зато потом мы наверстаем свое, правда? Не будем загадывать, но и забывать!

Ну вот, кажется и все моя хорошая Женечка!

Не болей, будь доброй, пиши нам, мы очень рады тебе и твоим письмам.

Все передают тебе привет – Саша, Миша и мама, а я целую тебя!

Ш. Эмма

№ 7.

Гор. Налъчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Сухуми, ул. Руставели, 34, АбНИИ, Ш.Д. Инал-ипа.
04.03.80.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сердечно поздравляю Вас с весенним праздником – 8 марта! Желаю много радости, удач, творческих свершений и, особенно, крепкого-крепкого здоровья!

Извините, пожалуйста, если только это возможно, за то, что так долго Вам не отвечал. Главная причина – часто болею из-за своей гипертонии и других недугов.

Разрешите, Е. Д., надеяться, что мы получим Ваши ценные воспоминания об А. М. Чочуа.

Обнимаем Вас с братскими пожеланиями.

Ваши Ш. Инал-ипа

4.Ш.80

№ 25.

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сердечно поздравляем вас с Новым 1982 годом! Желаем видеть Вас всегда такой бодрой и жизнерадостной, такой же строгой и требовательной. Желаем крепкого здоровья, творческих успехов в нелегком преподавательском труде, и еще пожелаем Вам любознательных и умных студентов.

Будьте счастливы!

Студенты 1-го курса отделения истории.

№ 3.

Гор. Налъчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Сухуми. Пилия I тупик. Розенцвайг
1984 г.

Дорогая Женечка!

Поздравляем тебя с наступающим новым 1985 годом. Желаем всего самого наилучшего. Здоровья, счастья, успехов, хорошего настроения.

Если есть время напиши пару строк о себе.

Эмма, Миша.

№ 4.

Гор. Налъчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Сухуми. Пилия I тупик, д. 3. Розенцвайг М. А.
1986 г.

Дорогая Женечка!

Поздравляем тебя с наступающим 1987 годом. Желаем тебе всего самого наилучшего в твоей жизни и на работе.

Целуем – Полина, Эмма, Миша.

№ 5.

Гор. Налъчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Сухуми. Пилия I тупик, д. 3. Розенцвайг М.
1987 г.

Дорогая Женечка!

Поздравляем тебя с наступающим новым 1988 годом. Желаем тебе всего самого наилучшего в твоей жизни. Здоровья, счастья, хорошего настроения и мирного неба.

Целуем – Полина, Эмма, Миша.

№ 6.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
384903. Гор. Сухуми. Пилия I тупик, д. 3. Розенцвайг М.
Без даты.

Дорогая Женечка!

*Поздравляем тебя с наступающим Днем Победы в Великой Отечественной войне.
Желаем тебе самого наилучшего в твоей жизни.*

Эмма, Полина, Миша.

№ 24 [1].

Женя, здравствуй!

*Понимаю, что давно должен был написать, но уж очень не люблю дежурные письма.
Зная, что и тебе подобные письма не приносят настоящей радости, надеюсь, что ты
меня поймешь и не осудишь.*

*Но вот, после нашего последнего разговора по телефону, я вдруг почувствовал сильное
волнение. Я как-будто проснулся после тяжелой и продолжительной дремоты. Дума-
ется это не случайно. Женя, если по-настоящему вдуматься, душевное равновесие – это
страшное явление в нашей жизни. Возможно я понимаю душевное равновесие по-своему,
не совсем правильно, не так как должно понимать данное определение. Душевное равно-
весие – это нейтральная эмоциональная зона между положительными и отрицательными
эмоциями. И человек, находящийся в этой нейтральной зоне, не живет – существует. На
протяжении двух последних месяцев, я и прозябал в этой «удобной» зоне. Признаюсь, ни
одно, пусть самое содержательное письмо, не заменит мне одного твоего живого слова.
Женя, я счастлив от того, что ты есть, что ты есть во мне. Переговорив с тобой по
телефону я вдруг сел ...*

*Ты однажды мне как-то сказала: – «Все-таки ты кабардинец». Эти слова на всю
жизнь засели мне в душу и с каждым днем, месяцем значимость этих слов для меня
увеличиваются. А иногда мне кажется, что именно в этих словах и заключается смысл
моей творческой жизни вообще.*

*Так вот – я вдруг сел, вспомнил тебя, твою последнюю работу и подумал: – Какой
же я все-таки маленький кабардинец.*

Женя! Я не мог не писать в этот вечер, не мог.

*В ночи,
 плетя дорог
 замысловатые узоры,
Который год
 блуждаю
 я в пути.
Устал,
 замучен
 серой мглою,
И некому
 на помощь
 страннику прийти.
Ворвись,
 прошей насквозь
 бесформенное покрывало ночи,
Лучом зари
 к родному краю
 мне дорогу укажи.*

№ 20.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина д. 60, кв. 16. Налоевой Е. Д.
Калинин [1] Свободный пер. 43/18 кв. 29
Мирзоевым.

Милая, родная Женя!

От всей души поздравляем тебя с наступающим Новым 1987 годом! Мы очень любим тебя! Желаем тебе крепкого здоровья, много радости. Пусть исполнятся все твои сокровенные желания!

Крепко обнимаем. Целуем – Залим и Валя.

22 декабря 1986 г.

№ 42 [1].

17.VI.92.

Здравствуйте Евгения Джамурзовна!

Мне очень жаль, что мне не удалось познакомиться с вами Олега. Он просил передать вам, большое спасибо, за предложение быть оппонентом. Мы решили написать вам совместное письмо. Буквально под диктовкой Олега я немного напишу о его работе. Его тема звучит так: «Использование средств аудио-визуальной антропологии в изучении образа жизни черкесов».

Черкесы ему интересны, как этнос распространенный во всем мире. Главной задачей он считает выявление единицы фиксации. Другими словами, он стремится разработать язык визуальной антропологии (отечественный). При возможности изучения этой общности в разных средах, Олег считает, что можно вычленил не только общее для народа, но при анализе материала, и единицы фиксации. Наши работы имеют уникальную возможность дополнять друг друга. Я в какой-то степени являюсь его консультантом, пытаюсь помочь ему найти фундаментальные основы образа жизни адыгов. В свою же очередь, снятые Олегом материалы, являются для меня лично базой моего анализа (а в будущем его работы будут представлять ещё большую ценность для деятелей науки (лингвист., история, психол., этнолог. и т.д.) и искусства, каким-либо образом, связавшим свою деятельность с черкесами).

Моя работа называется «Основания этнической (национальной) идентичности черкесов». Я ставлю перед собой цель показать основные моменты, объединяющие адыгов (живущих в разных странах мира), помимо их родного языка. Что на сегодняшний день их выделяет, как самостоятельную общность из другой среды на взгляд черкесоведов, скажем так, взгляд самих представителей общности, и на мой взгляд. Что касается второго – это методологический опрос масс, суть которого – с кем себя они идентифицируют, как черкесы и с чем они себя идентифицируют. Обзор будет вестись на бытовом уровне. Вот здесь мне и необходимы материалы Олега, которые будут перед моими глазами на экране. Я буду сравнивать материалы черкесоведов, результаты моих опросов и то, что они на самом деле (на не вербальном уровне) из себя представляют. Выводы буду делать буду я. Я уже вижу, чем моя работа, как исследователя культуры черкесов, будет отличаться от других работ...

Визуальная антропология одна из развивающихся научных дисциплин на западе. Она представляет собой синтез наук о человеке с методологией кино. В нашей стране она не имеет аналогов. Вот вам и роль Олега.

Это очень важная область знания, которая используется в общеобразовательной системе США, Канады, ФРГ ... как альтернатива обучения. Этот аналитический материал позволяет думать, сравнивать и развивать до сих пор не обозримые вещи. При возможности сравнивать (на примере Олега) жизнь адыгов в 3–4 странах – элементарно за этим следует внутренняя работа зрителя.

К сожалению, в письме невозможно написать обо всем том, что нас волнует. Олег рад, что у него появилась возможность советоваться и общаться с таким человеком

как вы. И потому наш следующий приезд обязательно ознаменуется встречей. Да и я не меньше рада всему этому.

Хочу вам еще сообщить, что уже веду дела по поводу возбуждения уголовного дела против издательства. Написала письмо в Чегем, своему брату (с которым также не удалось встретиться) следователю, с просьбой дать совет, и как-нибудь помочь разобраться в этих чудовищных делах. С Зауром так же не удалось встретиться. Надеюсь он меня не осудит. Напишите нам. Целуем вас и обнимаем.

Люба и Олег.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Авторы письма составителю не известны, как и их адрес, так как письмо без конверта.

№ 16.

Гор. Сухуми, 2-й Афонский проезд № 40. Жене Д.
Гор. Сухуми. Аптека № 2. Вероника
Без даты.

Милая Женечка!

Поздравляю Вас с праздником 1-го Мая, желаю всего доброго, наилучших успехов.

Целую Вера (Какаду)

№ 8.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Махачкала, ул. Горького, 15, кв. 8. В. Г. Гаджиев.
Без даты.

Глубокоуважаемая Евгения Джамурзовна!

Получил Ваше письмо. Спасибо.

Я согласен с Вашим предложением. Напишите текст § 4, а я напишу Валентину Константиновичу (В. К. Гарданову. – А. М.), чтобы он взялся за § 1. Только прошу Вас с отправкой текста не задерживать. Работа предстоит большая.

Пользуясь случаем прошу Вас передать привет Т. Кумыкову, Мамбетову и всем нашим коллегам.

С приветом и добрыми пожеланиями В. Гаджиев

№ 9.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Махачкала, ул. Горького, 15, кв. 8. В. Г. Гаджиев.
Без даты.

Глубокоуважаемая Евгения Джамурзовна!

Текст Вашего раздела получил. Спасибо. Бегло ознакомился. Есть кое-какие пожелания. Но в основном текст меня удовлетворяет. Что же касается предложения моего друга Тугана принять не могу поскольку § этот должен писать В. К. Гарданов. А он официально не отказался.

С приветом и добрыми пожеланиями В. Гаджиев.

P.S. Привет Т. Х. Кумыкову, Мамбетову, Т. Шиковой, А. Тетуеву и всем историкам Кабарды.

№ 1.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Ленинград. Бахтинский л/о, д. 3, к. 27. Горбатко
Без даты (дата на штемпеле конверта 1976 г.).

Дорогая Женечка!

Здравствуй дружочек наш непутевый! И все у тебя не «слава богу» и все не как ты хочешь! Милый ты наш человек! Ждали мы тебя очень! Миша даже приготовил оказию тебе на билет в обратный путь ибо в последних числах августа, т.е. к первому сентября (а ты же теперь, вернее он теперь «учитель», а порядочному учителю нужно быть к 1 сентября в школе (в институте), а ты и не приехала. Ну да ладно дружочек, будем надеяться, как в той песне, что «все еще впереди» лишь бы ты была жива-здорова. У нас пока все хорошо никаких проблем и переживаний. То же все еще впереди. Сашенька заканчивает в этом учебном году техникум, кончает на пятерки, если не заберут в армию пойдет в институт, на свой радиотехнический. Я езжу по командировкам. Пишу тебе из Ленинграда. Завтра вечером поезд в Москву, а оттуда уже домой.

Миша работает. Мама дома, немножко побаливает, а так ничего, она у нас героиня. Вот и все наши домашние дела.

Сочувствуем твоим неприятностям. Очень тяжело расставаться с людьми, а тем более с родственниками. Это очень трудно, но все уже позади. И дай бог, что б больше не было таких неприятностей.

Будешь писать письмо Майке передай ей от нас большой привет, и скажи, что приглашение остается в силе. Ждем Вас.

Целую тебя дружочек. Знаю что очень занята и писать нет времени, но ты просто помни о нас и все будет хорошо! Привет тебе от соседей. Они тебя помнят, у Сонички не особо хороши дела. Женился ее старший сын Тамазик, взял жену намного старше с детьми, да еще русскую, так что можешь себе представить как она переживает. А женщина попала видимо хорошая дрянь. Мне просто жаль мальчишку, он ведь почти ровесник моему Сашеньке. Вот видишь уже и посплетничала, но женщины без этого не могут.

Целую тебя!

Привет тебе из Ленинграда. Черт возьми! Здесь все-таки отлично. Вот если бы еще не работать! Совсем бы было хорошо!

Т. Эмма.

Передай большой большой привет твоей сестре Нине и брату.

А Майке обязательно напиши и не ленись!

№ 2.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой
Гор. Сухуми. Пилия I, д. 3. Горбатко
Без даты (дата на штемпеле конверта 1977 г. – А. М.).

Женечка!

Привет дорогой курортник!

Рада за тебя, что ты отдыхаешь, тебе это так необходимо, молодец твоя Нина, это конечно ее забота. Отдыхайте, не болейте, а на обратном пути приезжайте к нам, будем очень рады оплатить вам тем же гостеприимством. Миша сразиться с тобой в шахматы и независимо от результатов матча отвезет Вас в Н. Афон в пещеру. Это самое модное зрелище на Кавказе в этом сезоне. Приезжайте, мои хороши!

Ждем Вас!

Все мы живы здоровы, в это лето будем дома, поездки пока отменяются, нужно подкопить энергию.

Я напишу Майке письмо и приглашу и её, так что приезжайте все, соберемся вместе, будет хорошо.

Целую Вас и желаю самого самого наилучшего а пуще всего здоровья тебе и Нине.

Т. Эмма.

№ 14.

Гор. Нальчик, ул. Пушкина, 80, кв. 16. Евгении Джамурзовне Налоевой

От Керефова Камбулата

Без даты (дата изготовления открытки 1959 г.)

Дорогая Евгения Джамурзовна!

Сердечно поздравляю лично Вас, Ваших близких родственниц и подруг с наступающим праздником женщин 8 Марта! От всей души и от всего сердца Желаю Вам крепкого здоровья, много, много радостей и счастья!!

Пусть Вас всегда преследует здоровье, пусть всегда Вам сопутствует счастье, радость и благополучие!!! Желаю Вам абхазского долголетия!

С большим приветом Керефов Камбулат.

№ 36.

Милая, добрая и дорогая Женичка!

Поздравляю, желаю крепкого здоровья!

Весело и бодро провести новый год!

Пусть этот год будет самым счастливым!

Целуем крепко

Костик и Петя [1].

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Авторы поздравления сын и отец Константин и Петр Холодные – родственники Е. Д. Налоевой (Петр Холодный женат на дочери старшей сестры Е. Д. Налоевой Нафо – Мае).

№ 18.

КБАССР, г. Нальчик, ул. Советская, 29. Евгении Джамурзовне Налоевой

Гор. Омск, ул. Тарепая, 11, кв. 5.

Без даты

Дорогая Женечка и Руслан, поздравляю Вас с праздником 7 ноября. Желаю много успеха и долгой радостной жизни.

Костя Холодный [1].

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Костя Холодный – внучатый племянник Евгении Джамурзовны Налоевой: сын дочери старшей сестры Налоевой Нафо – Маи, от ее брака с Петром Макаровичем Холодным. Мая – дочь Нафо и Мисоста Абазова, расстрелянного в 1937 году.

№ 35.

*Дорогая Женя!
Поздравляю тебя с Новым годом, шлю самые наилучшие пожелания. Обнимаю и целую тебя.*

Нафо.

№ 21.

КБАССР, г. Нальчик, ул. Советская, 39. Налоевым.
Гор. Тырнауз, ул. Баксанская, 13, кв. 15
Налоевым.

Здравствуйтесь тётя Нафо и тётя Женя. Поздравляем вас с наступающим Новым годом. Желаем вам хорошо провести праздник и много-много счастья.

Аслан и Аскер.

№ 32.

*...Так кто ж ты, наконец?
– Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо.
Многоуважаемой Евгении Джамурзовне!
Примите мои сердечные поздравления с праздником Октябрьской революции.
Искренне желаю Вам крепкого здоровья и долгих лет плодотворной работы в КБГУ
во имя нашего народа.*

Прокуратор Кабарды Борис Бакуев [1].

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Бакуев Борис Михайлович, кандидат философских наук, выпускник КБГУ, бывший студент Е.Д. Налоевой, проживавший и работавший в г. Москве. В личном архиве Е. Д. Налоевой есть два письма-обращения Б.М. Бакуева (одно на имя главного редактора журнала «Огонек» В. А. Коротича, а другое главного редактора еженедельной газеты «Московские новости» Е.В. Яковлева с текстами статей для опубликования в этих изданиях), которые он прислал ей для ознакомления из Москвы в Нальчик. (НА КБИГИ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 68, инв. № 3059).

№ 23

(от неизвестного адресата без даты)

Дорогая моя Енька! Мы с Борей от души поздравляем тебя с днем 8 Марта! Желаем одних счастливых дней во всей твоей жизни и... и... и... (деремся кто из нас подпишет открытку, я победила!)

Я не могу даже ему уступить право написать тебе!

И верь мне, хоть я не так уж часто пишу, но ты каждый миг со мной, так было и будет всегда! Наступает весна, мне кажется, что и жизнь как-то обновляется у нас. Родная моя, незабвенная! Пусть эта грядущая весна заменит тебе все весны отнятые у тебя в молодости! Да проживешь ты долгую жизнь, и останешься в памяти людской символом доброты и самопожертвования. Целую тебя – твой Козлик!!!

Тут Борька обижается, что ему мало места отведено! Он действительно очень любил тебя и от души «поздравляет» и дарит («безвозмездно») эту чудесную открытку! Это он не читал, я ему не даю, а ему сказала, что написала все с его слов. Хи-хи!

Пока, Дружище! Привет большой Нафо и Динке!

№ 17.

(от неизвестного адресата без даты)

Милая дорогая Женька!

Мое семейство поздравляет тебя с Новым годом! Желаем счастья, здоровья, успехов во всем и всегда! Пусть этот год принесет тебе столько радости, сколько все остальные вместе взяты. Будь всегда такая мудрая, добрая, отзывчивая какой я тебя узнала много лет назад! Хочу чтобы моя дочь была похожа на тебя. Целуем все.

Боря, Кунечка и Я!!!

№ 26.

(от неизвестного адресата без даты)

Дорогих Налоевых с национальным Праздником Кабардинского народа.

Всегда помним, все также любим, ждем к себе. Хотим знать как живете, что нового у вас дорогие, что хорошего.

Хоть черкните о себе. Не забывайте.

Целуем всех вас, ваши искренние друзья Рита, Амуся, Иван Аркадьевич.

№ 40.

(от неизвестного адресата без даты)

Дорогая Женя!

Вчера получили Ваше письмо Михаил Петрович высылает вам статью ... «Получил фронтовик письмо ...» прочитайте. Ответ на письмо мы вам ответим. Спасибо за теплоту, за внимание, за огромную оценку к кино, Петровичу, я читала письмо и прослезилась.

Целуем.

Ваши Михаил и Валя.

№ 19.

(от неизвестного адресата без даты)

Милая Евгения Джамурзовна, здравствуйте!

Как здоровье? Очень скучаем за Вами. Вы часто повторяете на лекции, что человек должен быть человеком и т.д., что он не должен терять своего достоинства. Наши девочки именно так и поступают. Мы Вам очень благодарны за науку о жизни.

Ваши девочки.

№ 15.

(от неизвестного адресата без даты)

Бажа! (Бажа – имя-прозвище Е. Д. Налоевой, которым ее называли в кругу близких родственников. – А. М.)

Получили открытку и письмо, но не смогли ответить вовремя – прости нам.

Хочу обрадовать тебя, Заур защитил диссертацию и вернулся домой. Я поздравил его. Был у него дома, хотели отметить, но ... (неразборчиво. – А. М.) на днях еду на лечение в Москву с приездом оттуда он берет отпуск и побудет у меня, вот тогда и отметим, теперь дело за тобой и Русланом, а может быть все вместе отметим, рад был тем, что ты сообщила, что поездка оказалась полезной и главное – ты довольна.

Числа 7 мая я с деткой собираемся к Аслану в ... (неразборчиво. – А. М.) по приезде напишу о всем, желаю здоровье и успехов в твоих делах, нам ничего не требуется и все молимся за твое здоровье и добиться защиту удачно. Был у Руслана и Нафо все – хорошо, если надо помочь тебе в днях сообщу поможем и речи быть не может.

Салам от Детки ... (неразборчиво. – А. М.) и Я.

Будь здорова и счастлива.

8/V

№ 37.

*Дорогая Евгения Джамурзовна!
Приглашаем Вас отпраздновать вместе с нами знаменательный день нашего бра-
косочетания 28 ноября 1981 года в 18.00 по адресу: с. Шалушка, ул. Ленина, 106.*

Людмила и Леонид Собрлировы.

№ 27.

*Уважаемая Евгения Джамурзовна!
От всего сердца поздравляю Вас с Международным женским днем 8 марта!
Желаю больших творческих успехов, личного благополучия, крепкого здоровья, Кав-
казского долголетия и всего самого наилучшего – чистого мирного неба!*

С уважением студент 1-го курса Лойко С.

№ 30.

*Уважаемая Евгения Джамурзовна!
Поздравляю от всей души Вас с знаменательным днем в вашей жизни! Желаю вам
всего хорошего, пусть всегда исполняются ваши желания.*

*Вы самая хорошая! И я очень хочу быть всегда такой, как вы, милой, женственной
и обаятельной.*

Только улыбки, только цветы, только счастье пусть будут в вашей жизни.

С уважением, ваша студентка.

26.07.73 г.

№ 25.

*Дорогая Евгения Джамурзовна!
Сердечно поздравляем вас с Новым 1982 годом! Желаем видеть Вас всегда такой
бодрой и жизнерадостной, такой же строгой и требовательной. Желаем крепкого здо-
ровья, творческих успехов в нелегком преподавательском труде, и еще пожелаем Вам
любознательных и умных студентов.*

Будьте счастливы!

Студенты 1 курса отделения истории.

№ 28.

*Уважаемая наша Евгения Джамурзовна!
Поздравляем Вас с Международным женским днем 8 марта! Желаем вам крепкого
здоровья, много счастья, кавказского долголетия, отличных студентов. Выздоровли-
вайте поскорее!*

И исторический.

№ 31.

*Дорогая наша Евгения Джамурзовна!
Сердечно поздравляем Вас с нашим светлым праздником Днем Победы!
Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет счастливой жизни!*

С глубоким уважением ваши питомцы.

№ 29.

*Уважаемая Евгения Джамурзовна!
Поздравляем Вас с Международным женским днем 8 марта.
Желаем вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и больших успехов в работе.*

От студентов IV курса ист. отд.

7/III-73 г.

*Уважаемая Евгения Джамурзовна!
Поздравляем Вас с Международным Женским днем 8 марта и желаем Вам крепкого
здоровья, долгих лет жизни, хорошего настроения.
От всей души*

Студентки 2-го исторического.

**Письма Е. Д. Налоевой к Е. И. Дружининой, Е. Н. Кушевой,
Т. Х. Кумыкову и другим адресатам**

№ 1.

117333 Москва, Ленинский проспект 61/1, кв. 27. Е. Дружининой
Гор. Нальчик, ул. Советская, 39. Е. Д. Налоева
Без даты. [1].

Дорогая Елена Иоасафовна!

Меня глубоко тронуло и приятно удивило, что Вы с такой тщательностью проанализировали мою диссертацию.

Я прекрасно понимаю, что такого рода занятие не может доставлять удовольствие и что оно очень трудоемкое. Но я знаю также, что подобную услугу может оказать начинающему лишь большой благодетель и искренне преданный науке человек.

В моем бедном лексиконе нет такого слова, которым я смогла бы со всей полнотой выразить свою признательность Вам. Поэтому я просто скажу: большое русское спасибо Вам!

Отрадно, что III глава не вызвала у Вас серьезных возражений. Что же касается Ваших замечаний по I и II гл., я обязательно учту их при переработке диссертации.

Скажу прямо, эти главы доставили мне много труда. В начале я и не планировала исследовать соц. экон. отношения Кабарды. О них так много написано, что полагала ограничиться пересказом существующего мнения. Однако, знакомясь с обширной и весьма противоречивой литературой по этому вопросу, а также с некоторыми данными архивных материалов, я зашла в тупик. Признаться, и сейчас не все ясно для меня.

В Кабарде, действительно, в XVIII в. много было пережитков патриархально-родового быта. Кстати замечу, что их немало и в современной нашей жизни. Многие из них я не только не считаю унижительными, но даже соблюдаю сама.

Но обосновать причину их живучести, определить место и роль этих пережитков в общественной жизни, найти новое, господствующее в последней трудно. Очевидно, что я не справилась с этой задачей.

Патриархальные институты в XVIII веке уже успели трансформироваться и обслуживали интересы феодального строя наряду с чисто феодальными правовыми нормами. Видимо, это сложное переплетение и есть та специфика кабардинского феодализма, которая приводит исследователей к различным выводам. По-моему, главное здесь в подходе к определению признаков развитого феодализма. Как я поняла, по данному вопросу еще нет единого взгляда в нашей исторической литературе.

Если считать атрибутами развитого феодализма наличие централизованного государства, городов и ремесленных центров, развитых рыночных связей, господства денежной ренты, то, конечно, феодализм в Кабарде не достиг такого уровня.

Если же признать признаками последнего завершения процесса феодализации земли, господство натурального хозяйства и крепостничества, преобладание натуральной ренты над отработочной, как формы эксплуатации и, наконец, перерождение отдельных феодальных владений в обособленные удельные княжества, то, несмотря на сохранение отмеченных пережитков, феодальные отношения в Кабарде выглядят зрелыми.

Как известно, никакая новая социально-экономическая формация, кроме коммунистической, не ломает весь надстроечный аппарат предшествующего строя, а приспособляет его к новым условиям. В этом смысле, думаю, Кабарда не представляет исключения. Наверно, патриархально-родовые пережитки имелись и в общественной жизни Руси эпохи феодальной раздробленности и даже позже.

Никто из кавказоведов не отрицает, что в Кабарде в XVIII (в.) существовала феодальная раздробленность (удельные княжества).

В то же время, при определении уровня феодализма в дореволюционной Кабарде, одни авторы считали ее раннефеодальным, а другие развитым, «даже с элементами разложения» (Г. А. Кокиев).

В моем представлении «раннефеодальные отношения» и «феодальная раздробленность» – различные стадии развития феодализма. Причем первые предшествуют второй. Вот один из тупиков, в которых я постоянно застревала. Здесь я считаю отличной находкой предложенную Вами замену фразы «Развитый феодализм» «сложившимся».

Полностью принимаю и перестановку разделов «земледелие» и «скотоводство».

Не могу не благодарить Вас и за совет разграничить источники и литературу.

До слез смеялась над моей «единственной альтернативой». Я же часто говорила Вам и писала о том, что – я неуч. Вот и отличное подтверждение тому.

Вы совершенно правы и относительно «Аристократической республики». Я успела за это время прочитать ряд исследований о государстве. Это положение будет исправлено.

Екатерина Николаевна еще не вернула мне экземпляр диссертации. Я точно не помню, как в ней сказано об общине. Но я хочу обратить Ваше внимание на некоторые ее особенности.

Чагары – крепостные крестьяне, главным образом, оброчные, составлявшие в исследуемый период абсолютное большинство трудового населения. Каждое чагарское хозяйство имело право держать холопов в качестве рабочей силы. Холопы проживали во дворе чагаров со своими семьями. Таким образом, численность населения двора достигала 40 и 50 душ обоего пола. Так что состав «чагарского двора» разнороден и в социально-правовом, и в экономическом, и в кровнородственном отношениях. Мне не удалось уточнить взаимоотношения чагаров и их холопов. Известно только, что во время восстания чагаров в 1767 г. одним из требований восставших было запретить феодалам вмешиваться в дела чагаров с их холопами.

Как бы то ни было вряд ли правомерно приравнивать «чагарский двор» к семейной общине периода разложения родового строя.

Я еще не успела посмотреть рекомендованный Вами том энциклопедии. Завтра же сделаю это.

Я в диссертации обошла вопрос о классовой борьбе, а точнее сняла этот § из-за ограниченности размеров диссертации. Теперь убеждаюсь, что его необходимо восстановить.

Классовая борьба в I пол. XVIII (в.) принимала разнообразную форму вплоть до открытого выступления крестьян против феодалов.

Рабский труд широкого применения не получил в Кабарде. Рабов использовали только в качестве домашней прислуги. Исключение составляли ясыри, удельный вес которых был незначителен. Кроме того, ясыри с приобретением семьи и хозяйства пополняли категорию крепостных крестьян – лагунапытов.

Искренне благодарю Вас, дорогая Елена Иоасафовна, за бескорыстную помощь. Вы помогли посмотреть мне на свою работу со стороны. Это поможет мне устранить если не все, то главные ее недостатки.

Целую крепко и обнимаю Вас.

Ваша Женя.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Данное письмо представляет собой, по всей видимости, черновой вариант письма, которое должно было быть переписано вчистую и отправлено адресату.

№ 2.

Письмо Налоевой к Жанне (фамилия неизвестна) без даты и адреса.

Дорогая Жанночка!

Я возвратилась домой П/И с/г. и застала дома кучу писем и телеграмм от Вас. Содержание их тревожное. Вы просили сообщить срок Новогод. бала.

Были ли Вы здесь? Мне спросить пока некого. Я еще не виделась ни с кем из Кажаровых.

Я 15/ХП вывихнула ногу и ездила в Москву Ин-т травматологии им. Приорова. Ногу поставили, т.е. сустав, но еще сильно отекает и хромаю. Делаю ваночки. Со временем должно все пройти.

Теперь отвечаю на некоторые Ваши вопросы. После того, как у нас состоялся неприятный разговор с Кажаровыми, как-то я нашла у двери записку от Хамида. Он писал: «Граф был, граф ждал. Граф ушел». Откровенно говоря, я не думала, что он когда-либо посетит меня. Я была оскорблена им лично и его женой, не говоря уже об Асе, которая ворвалась ко мне, требуя фото Луизы. Вскоре Хамид пришел ко мне, после указанной записки. Зашел, словно ничего плохого не было между нами, весело. Я была рада и ни о чем не стала его упрекать. Тут он увидел фото (цветное) Лии. Он смотрел долго и с особым выражением. Я молчала. Потом он сказал: «Бедненькая, как жаль мне тебя!» Я стала рассказывать о Лии, что она очень смышленная, живая и не по возрасту развитая. «Дай бог, дай бог» – сказал он и попросил фото. Я, конечно, уступила. Как видно из вашего письма, он его отправил к Вам. Он еще сказал: «Мне не нужно делать что-то о дочери по подсказке или принуждению. Чем больше будут принуждать меня, тем хуже буду поступать». Жанна, у меня есть телефон 5-03-81. Если сможешь позвони. Утром и вечером всегда я дома. Обнимаю крепко Мастера и поцелуй ее в щечки, губки и глазки. Напиши обо всем подробно.

Я не пойду к Кажаровым, но если встречу Хамида, конечно, поговорю.

С приветом – Ваша Женя.

№ 3.

Кумыкову Т. Х. [1].

Здравствуйте, Туган Хабасович!

Видать времена пошли иные. Прежде писали коллегам те, кто бывал в отъезде, а ныне мы разыскиваем Вас через милицию. Видать, надоели мы Вам, что держите в строгом секрете адрес свой. Но мы не из таковых: нашли-таки Ваш адрес. Теперь берегитесь, не будет вам покоя и там.

Екатерина Николаевна [2] раздраконила меня, как и было предсказано Вами. Оставшись у «разбитого корыта», тицусь над злополучным своим авторефератом.

С учетом всех ее замечаний переработала автореферат и, как только отпечатают, вышлю на суд божий. Правда, уверенности нет в том, что я угожу ей и на этот раз. Однако «не жалею, не зову, не плачу». Ведь я еще молода, успела к «сроку».

Наш ученый совет преобразован – отделили от нас физиков и математиков. Ныне председательствует на совете М.Л. Апажев [3]. Назир [4] и Чалимат [5] лежат в больнице. Болел и Камиль [6]. Словом, кафедра «в полном сборе». Педпрактику нормально закончила, но хронология, пожалуй, меня закончит. Ей-ей наказали Вы меня порядком. Напишите хоть пару слов. Всех волнует вопрос о И.Д. Ковальченко [7]. Будет ли он председательствовать у нас?

С уважением к Вам Е. Д. Налоева.

Г. Нальчик, 1973 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письмо Е. Д. Налоевой к Т. Х. Кумыкову, судя по содержанию, было отправлено из Нальчика в гор. Москву, где тот находился в это время в командировке.
2. Екатерина Николаевна Кушева.
3. Апажев Мухамед Лукманович – декан историко-филологического факультета КБГУ (1968–1974), доктор филологических наук, профессор.
4. Назир Хажмуратович Тхамоков – преподаватель кафедры истории СССР дореволюционного периода.
5. Чалимат Эльдарович Карданов – к.и.н., преподаватель кафедры истории СССР дореволюционного периода.
6. Камиль Гетчиевич Азаматов – к.и.н., доцент кафедры истории СССР.
7. И. Д. Ковальченко – д.и.н., профессор, зав. кафедрой историографии и источно-коведения МГУ.

№ 4.

Кумыкову Т. Х. [1].

Дорогой Туган Хабасович!

Не верится, боюсь, что сорвется на самом деликатном месте! Но пока дела движутся с «космической скоростью». 17 страниц пришлось перепечатать, т.к. на них было много поправок. Тамара Матвеевна [2] не приняла их в таком виде. В тот же день отпечатала все 17 страниц Наталья Николаевна. 25/IV Савченко со мной пошла на прием к ректору, который принял нас любезно и тут же подписал соглашение отпечатать мой автореферат в количестве 250 экз.

Чалимат Эльдарович силком отвез меня в издательство и договорился, чтобы подготовили оттиск до майских праздников. Вчера и позавчера сидела (и не одна) в типографии, права гранки. Сегодня там выходной. А завтра – 30/IV дадут готовый оттиск. Мобилизую всех знакомых, чтобы не допустить опечаток. Согласно договоренности, 3 или 4/V будет готов. Скорей бы избавиться от реферата и его рассылки. Мне придется много переделать в диссертации да перепечатать заново. Успею ли? Странно утомила меня правка. Вот работенка! Так выдохлась, что и есть, не стала.

Как у Вас дела? Вы отвечаете на мои письма через месяц, поэтому не жду ответа. Весь завизированный вариант отдала в печать, за исключением двух поправок. Одна поправка касается 3 абзаца – 3 страницы.

Новая редакция: «исследование государственно-политической системы правления Кабарды позволит глубже взглянуть в ее социально-экономический строй, породивший эту систему правления, и тем самым внесет определенную коррективу...» дальше без изменения.

Ко 2 абзацу на 24 странице вами было приписано: «Посаженого делопроизводства в Кабарде не существовало». Это противоречит смыслу 1 абзаца на той же странице. Поэтому я перенесла к 1 абзацу следующей редакции: «Листы писались тюркским языком (арабским шрифтом) и заверялись печатями князей. Хочется верить, что согласитесь с двумя этими малюсенькими поправками, коль я на все остальные молчу. Конечно, я смеюсь. Я всегда смеюсь, Туган Хабасович, или ругаюсь. Если бы Вы были бы здесь, – не миновать бы скандала. А теперь из-за дальности расстояния я остываю, т.е. пока не побуцкала противника и сама не сгорела. У нас нет никаких перемен. Больные наши уже вышли на работу, т.е. кафедра в полном боевом сборе.

Моя дипломница отказалась писать, а я обрадовалась. «Бабе с возу – кобыле легче», – гласит пословица. Но кто же здесь кобыла или баба? Выходит, что она баба, а я ... До встречи.

Ваша Женя Налоева.

P.S. Какое свинство. Я снова забыла поздравить Вас с праздником. Погодите, Туган Хабасович, я приложу открыточку.

Г. Нальчик, 1973 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тексты писем Е. Д. Налоевой к Т. Х. Кумыкову были опубликованы составителем издания, посвященного жизни и деятельности Т. Х. Кумыкова П. А. Кузьминовым (Жизнь во имя науки: К 85-летию заслуженного деятеля науки РФ, профессора Т. Х. Кумыкова. Творческая лаборатория ученого в интерьере семьи, друзей и коллег. Нальчик: Печатный двор, 2013. С. 132–133) и любезно предоставлены нам, за что выражаем ему свою признательность.

Видимо, ученый секретарь научного совета.

№ 5 [1].

103045 Москва К-452. Неглинный переулок, 1, кв. 27. Е. Н. Кушевой

Нальчик, ул. Пушкина, д. 60, кв. 16.

Налоева Е. Д.

28.02.1987.

Дорогая Екатерина Николаевна! [2].

Я давно не писала Вам и каюсь. Молчу я не потому, что забыла Вас. Напротив, чем старею, тем чаще вспоминаю Вас с благодарностью, признательностью и горжусь тем, что я Ваша ученица!

Не знаю, чем объяснить мое оцепенение – не хочу писать писем. Все мои друзья и родственники перестали переписываться со мной из-за того, что не отвечаю на их письма. В принципе они поступили правильно, у меня нет оправданий и, тем не менее обидно, что никто из них, кроме Вас не понял мое состояние. Эта беда стряслась со мной уже много лет назад и с годами усугубляется. Иной раз стыжусь сама себя, принуждаю сесть за стол, но результатов не бывает.

Большое Вам спасибо, что не ругаете меня, что не корите, а по-прежнему верите мне в преданности к Вам. Я Вас ценю высоко и как человек, и как женщина, и как ученый. У Вас феноменальная память, от чего Ваши воспоминания приобретают большой интерес. Надеюсь, в скором времени встретимся и наговоримся. Было бы много лучше, если бы вы приехали ко мне в гости. Как Вы обрадовали бы меня!

Екатерина Николаевна, если Вам не жалко покинуть Москву – то я буду рада пригласить Вас к себе на постоянное жительство. Пожалуйста, не поймите меня превратно, я не думаю, что Вы нуждаетесь во мне, мне было бы хорошо вместе с Вами.

Не болейте, родная, бодритесь и будьте счастливы, а счастья в этом мире много и его можно везде найти.

Немного о себе. Работаю много и дома и в университете. Веду ряд предметов. В провинциальных вузах нет возможности иметь кафедры по всем периодам истории, в силу чего мы становимся своеобразными универсалами. Так, я читаю курс истории СССР с древнейших времен до конца XVII века, а практические занятия ведет новый наш ассистент Нагоев. На II-м же курсе читаю курс русской палеографии и практические занятия по этой дисциплине; кроме того, веду курс по введению в специальность, русскую хронологию и метрологию, а в старших курсах провожу спецсеминары по темам: «Реформы первой четверти XVIII века в России». Если к ним прибавить «исторический кружок» и кураторство, то согласитесь со мной, что я перегружена. Но для меня много труднее угодить Т. Х. Тяжелый, нудный скептик он, а самое главное то, что он законченный педант.

Вот видите, не писала, а тут простыню расписала. Извините... [4].

Милая Екатерина Николаевна, я отпечатала с превеликим трудом, чтобы Вам было легче читать [3].

Целую Вас и обнимаю. Хочется верить, что Вы отзоветесь положительно на мое приглашение. Все-таки здесь теплее, воздух чище, чем в Москве. Вам будет хорошо проводить время в парке с Ниной Джамурзовной. Она передает Вам привет и присоединяется к моей просьбе. Еще раз целую.

Ваша Женя.

28/II-87 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письмо от Е. Д. Налоевой к Е. Н. Кушевой, возможно, является черновым вариантом, а чистовой был отправлен. Письмо отпечатано на печатной машинке, что связано, на наш взгляд с тем, что Е. Д. Налоева, зная проблемы с ухудшением зрения у Е. Н. Кушевой, сделала это для облегчения чтения ею письма. На обратной стороне листа с отпечатанным текстом письма, есть написанный от руки небольшой текст, также адресованный Е. Н. Кушевой.

2. Эта напечатанный на машинке текст письма.

3. Это написанное от руки часть письма на обратной стороне листа с машинописным текстом.

4. Продолжение письма отсутствует, на этом текст на странице заканчивается.

Раздел X

ТЕЛЕ-, РАДИО- И ПЕЧАТНЫЕ ИНТЕРВЬЮ Е. Д. НАЛОЕВОЙ.

«Лъэпкъыр узыншэнуми, зиузэщӀынуми мы дунейм зыгуэр хилъхъэ-фынуми зэльытар бзылъхугъэрщ». Радиоинтервью Бэллы Аброковой для радиопередачи для женщин «Гуащэнэ».

Адыгэ бзылъхугъэхэм папщӀэ «Гуащэнэ» и фӀэщыгъэу радиожурнал згъэхъэзыру щытащ. Абы и япэ къыдэкӀыгъуэр Гъуэгу Махуэ тришэнэ хуэзгъэфашӀэри, Налэ Женья къезгъэблэгъат. А нэтыныр эфирым кӀуа иужь, Гуащхъэмахуэ журналыр къыщӀэупщӀэри, тхыгъэу къытрадзэжауэ щытащ. ИужькӀэ – «Советская молодежь» газетым адыгэбзэкӀэ и напэкӀуэцӀ – «Псынэм». Ди псалъэмакъыр апхуэдэ щӀыкӀэкӀэ хъума хъуаш.

– Женья, уи деж сэ сыкъэзышар гуныкъуэгъуэщ. Нобэ адыгэ бзылъхугъэр къызыхуигъэщӀам лъысыжкъым: и унагъуэ жьэгу, быным, щхъэгъусэм. Ахэр лъэныкъуэкӀэ екӀуэтэкӀри, бзылъхугъэр бзэрым теувэн хуей хъуаш. Ар ИзмэлыншагъэкӀэ къэхъуами, заманым и гугъуехъхэм къыхэкӀами, дэ къытщӀэхъуэнэ щӀэблэр а псом щӀэупщӀэнукъым, сьт ди Измал?

– А уи гуныкъуэгъуэр икӀукӀэ инщ, ауэ, «мырат абы и хущхъуэгъуэр», – жьысӀэфыну си фӀэщ хьуркъым. Нобэ къежъа Гуэхукъым бзылъхугъэр уэрамым зэрыкӀуари, бзэрым зэрытехъари, и щхъэр Изтауэ, къабзэу зэрыщытар зэрыфӀэкӀуэдари. Ар, си гугъэмкӀэ, «Совет лъэхъэнэм» и Изужьщ. Абы зыщӀишащ цӀыхубзым и къарур, лэжъэн хуейуэ игъэуващ. Тумэнибл иримыкъу фӀэкӀэ къэзымыхъ цӀыхухъум и пщӀэри ехуэхат, и лэжапщӀэмкӀэ унагъуэр имыгъэпсэужыфыну. Абы къыхэкӀыу леишхуэ къылыбсат «къэсыжаш», – жаӀэу унагъуэм исыр хуэблэжу кърагъэблэгъэжу, пщӀэ зыхуашӀу еса адыгэлӀым. И пщӀэр ехуэх хъуат. Ефэнри абдеж къыщегъауэ къысцохъу. Абы кърикӀуаш унагъуэм зегурымыгуэныгъэ къыхуэнри, ээбгъэдэкӀыжри нэхьыбэ хъуаш. ПщӀэшхуэ яӀэу къэгъуэгурыкӀуат цӀыхухъуми цӀыхубзми. ЖызыӀэ щыӀэщ, адыгэ цӀыхубзыр дэкъузауэ щытауэ, и щхъэ хуимытыжу ягъэпсэууэ щытауэ. Сэ си зэманым хэслъэгъуам фӀэкӀэ сыхуейкъым ахэр зэрыщыуэр къривгурызгъэгуэну. ЦӀыхубз гуп шыгу ису къакӀуэу яльэгъуамэ, уаршэру зэхэс цӀыхухъу гупыр къэтэ джырти, щыту благъэкӀырт шыгур. Адыгэ цӀыхубзым и щхъэгъусэ щӀымыгъумэ, гъуэгу щрикӀуэкӀэ, сьт имыныбжъми ижърабгъур лъагъэсырт. Унэм бзылъхугъэ къыщӀыхъамэ, щӀэсыр псори къэтэджт, «мыр я нэхъ лъапӀэщ жьантӀэщ», жыхуалэмкӀэ ягъэувырти, цӀыхухъухэр бгъэдыхъэурэ сэлам ирахырт, езым япэу зэи и Из ишийртэкъым. Си нэкӀэ слъэгъуауэ щытар зэи сщыгъупщӀэркъым абы и гугъу щысщӀкӀэ. СыщӀыкӀуу сэ пырхъуэм сьтест, ди пщӀантӀэ ГуэхукӀэ зылӀ къыдыхъати, ди хъэхэр ежаш. Хъэхэр бзаджэхэти, зедилъу и псэр шагъэгузавэм, пхъуэри и къамэр кърихаш. Арыххэу ди анэр къыщӀэжри, ар къыщилъагъум: «Ай-эй-эй», – жэуэ гузавэу къэкӀияти, хъэхэм яшхынуми, и къамэр сампӀэм ирильхъэжауэ щытащ лӀым. Хьэлэмэтыр аракъэ, къамэр зэрырилъхъэжу хьитӀри зэуэ увылат. Адыгэ нэмысым хъэхэми пщӀэ хуащӀа хуэдэт.

Ар си щлалэгъуэм хэслэгъуараш, ауэ срихьэллаш апхуэдизыпщлэ зила цыхубзым пудыныгъэ кыщылъысари, – лым бгъурыту пхъэ пиупщлу, гъуэгу игъэкъабзэу, пхъэнклий ирихыу, – колхозым и зманым. Игъащлэ дунейклэ сшыгъупщэжынкъым сэ ди къуажэ станым шыслэгъуар. Щлэныгъэми нэмысми пымылъ Совет властым и зманым цыхухъури цыхубзри зэхэклу тауэ губгъуэм ирахуэрти, мазэ нэблагъэклэ я щыфэ псы щрамыгъэлусэ шылэу, бэгу мыгъуэ хъужахэу, уполномоченнэр гъуагъуэу къащхьэщытрэ дыгъэрыжъэу, колхоз губгъуэм итт, абы къратыну трудодень тлэклум щхьэклэ. Жэщклэ хьэуазэплэм зыгуэр тлэклу тепларэ, зэльэпагыу жей жыхуаплэм хуэдэ мыгъуэхэу, псори зэхэклу тауэ...

Абы шыгъуэми, а трудоденыр апхуэдизклэ мащлэти, къахуэдэгъур я лыхьэу арат. Абдежщ цыхур дыгъуэным щесари. Пасэм, хьэсэ лухыжыгъуэм флэкла, губгъуэм ирагъыхьэу шытакъым цыхубзыр, – ар е уэндэгъунклэ хъунт, е сабий клэрыщлагъэнут. Сыт къэна абы ирамыщлэу?!

– *Уэ зи уз плуатэр уи зманыраш, Женя. Иджы сысеймклэ сыкъэклуэ-тэжынищи, дэ дызэхуэпсэнэу а фыфейм хэля дахагъэ куэд хэклуэдыклаш, а зманым дэ тлэщлхаш; ницащэ цыклухэм гъэсэнэгъэ луэхуклэ гулгытэу хуащлу шытахэр ди сабишгъуэм хэлыжаккъым: зылыгъыклэ, цыху хэтыклэ, псэлъэклэ, лэплэсагъэ, – лэмал имылэу ницащэм егъэщлэн хуейхэр, – ницащэ унэхэр, щлалэгъуалэ джэгъу дахэхэр. А псом дызэрышыщлар дэ ди узи. Къузауэ къэхъуа ди псэм ари хэлыщ.*

– Пэжу, ахэр шылэжаккъым. А сэ зи гугъу сщла колхоз зманым хабзэ зепхьэнэу, нэмысым упылэу, адыгагъэ пхэлэу уи бынри бгъэсэнэу ухущлхьэнутэккъым.

– *Иджыпсту араш, ауэ колхозым и плэ бзэрыр иувауэ аракъэ?*

– Иджыпсту мы тлэагъури а клуэдыжауэ къытцыхьэу Совет лъэхьэнэм и лъэужыщ. А лъэужыбыр шылэщ, мытклуужын мылу, щылэу, луву къэнащи, къэрал къулеишхуэр и плэм йоуджыхь... Флы куэди хэлыаш а дыуб властми. «Лъэпкъхэр зэхуэгъэдэн хуейщ. Хабзэм и пашхьэ ахэм зэхэгъэж щалэ хьунуккъым». Абы нэхьыфл сыт шылэн хуей, уегупсысмэ, ауэ жалэр зыт, ящлэр нэгъуэщл зыгуэрти, абыхэм къару ялаккъым.

Куэдрэ согупсыс: – «Адыгэ лъэпкъ мащлэ, лэгу из флэкла умыхьуу мыбы щеклуэкл хабзэхэм уадэгъуэгурыклуэфыну? Сытыр уи пщэдэи?! – лейуэ гугъуш жыплэнлауэ. Адыгэ нэмысыр зищлысамрэ къарууэ иламрэ къызыгурылуэжыр мащлэщ. Иджы нэхь лейжу къыдэуар бжеслэн? Зэхуэклыныгъэхэм яужьклэ ахьшэр тхьэпэлыгъэ хьуащи, цыхубзыр бзэрым тетщ.

– *Адыгэ бзылхуэгъэр дуней псом цлэрылуэ шыхьуфын хуэдэу, сытыт къахэзыгъэщыр адреи лъэпкъхэм? Хэти и щэн дахэрауэ желэ ар зи флыщлэр, хэти и луцагъым хуехь, хэти и псэм хелгагъуэ...*

– А зи гугъу пщлахэр зэулуу ззрыхэлыбрауэ къысщохьэу, зэбгъэдэпх мыхьуну.

Адыгэ цивилизацэм къильхуащ цыхубз къабзэ, – и псэкли и лэпкъльэпкъкли. Ар къахэзыгъэщырат: щэн дахэ хэлът, фылыгагъуныгъэм пылът. Сабий къыщлыхамэ, къэтэдэжт, хуабжыу псалъэртэккъым, мыпсэлъэхэу, нэ флэкл хэмылэу зэгуэжлуам зыкъригъэщлэфырт, а фыгуэ ильэгъуам зригъэшэфырт зы псалъэ жримылауэ, дэкла иужькли, апхуэдизклэ ар губзыгъэти, езым зыхуейм къытришэфырт мо лы пхьашэр. Пэжыгъэклэ бгъэдэтт, абы и щэхурэ нахуэрэ нэгъуэщлым къаримыгъащлэу.

*– Бзылхугъэм и щхьэгъусэм тхьэм нищIу ницIэ хуищIт, абы и щы-
хьэткэ Адыгейм «тхьэмадэ» псальэр щхьэгъусэ цIыхухъум зэрыхужалэр?*

– Арат абы и пщIэр нэхъри зыIэтыр, тхьэм и адэ хуэфэщэн пщIэ зэры-
хуищIырат. Уи адэ-анэм ядэплъагъур уигу нэхъ кьонэж... Нобэ кьрагъэувэха
нысащIэм хуэдэуш, тхьэ, сэ си анэр си нэгу кьызэрыщIыхьэжыр, апхуэдизкIэ ар
щэныфIэти. ИгъащIэм си адэм пэщIэувауэ сщIэжыркъым, «тхьэ сымыщIэн», –
жиIэу. Къыгъуэтт зэман, зыхуейр щыжриIэ хьун, щыжиIапхьэ дакьикъэ, арэзы
къыщищIыфын. Дэ кьызэрытхущытари хузохь адыгэ бзылхугъэм хэлъа щэным, –
«Ан-на, цIыхубзым джэдыкIитI ишхрэ», – жиIэрт. Дэри, зэшыпхьухэм ар зэхэ-
тхырти, мащIэ тшхьуэ десат. Дыльагэт, дызэкIужт. Пасэ дьдэу ди анэм шэкIэ
ди напэ итхьэщIу щидзат. ШэжыпскIэ ди щхьэцхэр ихущIти, хьэлэмэтыракъэ,
Iув хьужауэ дахэт. Ди щхьэцым елэжът.

(Нало Женья и щхьэцым и плъыфэм хуэдэ зэи слъэгъуакъым, ар тхьэм-
былыфэ-хьурыфэу хьэлэмэтщ, а бзылхугъэр езыр зыми емыщхьу зэрыцIыху
гъэщIэгъуэныщэм щыхьэт техъуэ хуэдэу).

А зи гугъу сщIа кьомым кьыхэкIкIэ дахэ хьууэ кьыщIэкIынт адыгэ цIы-
хубзыр. Губгъуэм уашэу лэжыгъэ гугъу щыуамыгъэлэжъмэ, удз гъэгъам хуэдэу
къыптэльэщIыхьу укьагъэхьумэ, ухьунтэкъэ дахэ. Ар Iушт, щIыкIафIэт, и щхьэр
Iэтат.

ЛьапIэныгъэшхуэ иIэу ар яшэрт адреи лъэпкьхэм, абы щыгъуэми абы
щIыгъут нэхъ мащIэ дьдэу цIыху щэныкьуэм нэблагъэ. Езым и хабзэр, и щэныр,
и нэмысыр здихьу дэкIуэрт, икIи а псор яхьумэрт зыхыхьа лъэпкьми. Абы я
дежкIэ адыгэ бзылхугъэр – налкьутт.

Арац дуней псом ар цIэрыIуэ щызыщIар.

*– Уэ иджыпсту ди блэкIа жыжъэм кьыхэпхыжа «фIэрафIагъэм и
сурэтыр» истамбылакIуэм щыгъуэ хэкум икIыжахэм здрахыжу, абы нэхъ
щахьумэжауэ кьысцохьу.*

– Уз ущыIауэ плъэгъуауэ арами сщIэркьым, ауэ пэжщ а жыпIэр. Зэгуэрым сэ
Тыркум зэманьшхуэкIэ сыщыIати, абы щыгъуазэ сыхьуащ, икIи згъэщIэгъуат,
апхуэдиз зэманкIэ Тыркум яхэсу, тыркубзэкIэ псальэу, дауэ захьумэфа, адыгэу
дауэ къэна, – жысIэри. «Мыр е-18-нэ лIэщIыгъуэм псэуауэ пIэрэ, яIэлыхьышхуэ,
жыуагъыIэу урохьэлIэ адыгэ унагъуи адыгэ бзылхугъи. Пасэрейм щащыху
тепхьуауэ зэрахьэу шыта тахьтэ нэгъунэ, адакъэ плъыжкIэ хэдыкIарэ куршавэ
Iуту, – ахэр яхьумаш. А тахьтэм щхьэнтэшхуищ исци, пщIэ нэхъ зыхуащIу
ягъэляпIэ бзылхугъэр абы кьису мэпсалгъэ. Зым нэхьрэ зым, сэ нэхъ дахэу
сыпсэлъэни, жаIэу щIыкIафIэу зэхьэзэхуэ хуэдэу, хьуэхьуэн хуей хьуми зым
нэхьрэ адреи нэхъ жьакIуэу зэрыхьуэхьуэным пылгъу, апхуэдэхэщ. «Уэ дуней,
лIэщIыгъуитIкIэ сыкъэкIуэтэжа хуэди», – жыуагъыIэу, унэм хьэпшыпу щIэлъри,
цIыхуу щIэсри, абы я зэхушытыкIэри апхуэдэщ.

*– АмIэ, апхуэдэу адыгэгу зиIэ ницащэхэр хамэщIым дэкIуэгъуей щымыхьуу
пIэрэ?*

– Яхэтщ куэд, икIи гу зэрылгыстамкIэ, ар я гуныкьуэгъуэшхуэщ. УрохьэлIэ
зи ныбжьыр илгъэс 30-м щIигъуа цIыхубз дэс, и щхьэ хуигъэфэщэн имыгъуэту,
нэгъуэщI лъэпкь щыщ дэкIуэну и гум имыдэу.

Пшынэ цыклым хуэдэу шлауэ я псэуальгэхэр еклуш, удз кьегьэкIэкларэ лъэс лъагьуэхэр кьыхэгьэшауэ жыг хадэ тIэкли егугьупэу ягьэклауэ. «Тобэ-тобэ, сыту дахэу псэурэ», – уогьэшлагьуэ ядэпльагьу псори, адыгэбзэкли псалъэрэ, адыгэ шхынри я Iэнэ телъу ушагьэхьэщIэклэ. Адыгэбзэр абы нэхь кьыщыс-щIэжат, ухуеймэ. Ауэ абыхэми захьуэжауэ кьыщIэклинщ сазэрыхэмыхьэрэ. Зэманым куэд хузэфIокI.

– *ЕмыкIу ницыхун зыри ядумылъэгьуауэ укьэкIуэжат?*

– Сигу нэхь иримыхьыну ядэслъэгьуар тутын зэрефэхэраш. Зым зыр уимыгьэпльагьужу, «мы тутынымэр тIэкли шIезгьэхунш, щхьэгьубжэр Iус-хынщи», – жэуи ягу кьэмыкIу, цIыхухьуми цIыхубзми зэхуэдэу драгьэхуейуэ зэхэсхэщ. ИтIанэ, жэщ КIЫХЬЫМ мэуэршэр-зопсалъэхэри зэхэсщ, махуэм – мэжей. «Фыщылажьэр сыт шыгьуэ»? – яжесIати, дыхьэшххэт. – Мы Алыхьым нэхуу кьыдита махуэм, дыгьэр кьыщепсым фыжейуэ сфIэтэмэмкьым, жысIати, акьылэгьу кьыздэхьуу я щхьэ яшIаш. ИтIанэ, фи цIыхухьухэм зэрызахьуэжар згьэщIэгьуаш, жысIаш, – адыгэлIыр унэм кьыщIыхьэу и вакьэр лъигьэхуу гьуэлъыпIэм итIысхьэнкIэ мы дуней зы Iэмал шыIэкьым, фыфейхэм арыххэу я кьатырыр зыльахри я лъакьуэ зэблэдзауэ гьуэлъыпIэм йотIысхьэ. ЛIым и шытыкIэр щхьэ яхьуэжа?

– *Женя, ди дежкIэ адыгэ цIыхухьум хуащIу шыта ницIэр здахьакьэ абы?*

– Мис ар сшIэркьым. Сэ слъэгьуаращ: псори зэхэсщ, шысщ псори, зопсалъэ, я гурыль зэхуауатэ, ауэ абы кьакIуэ лIыхэр я хамэ, хьэмэ я хэгьэрей? – Ар кьызэрысщIэн зэхушытыкIэ ядэслъэгьуакьым, демократиер нэхь ялъэIэсащ.

– *Дэ сыткIэ дефIэклIрэ?*

– Дэ гьэса нэхьыбэу тхатщ, ахэм нэхьрэ. ИнтеллекткIэ, щIэныгьэкIэ ди бзылхугьэр нэхь губзыгьэщ, ауэ зэуIуу абыхэм дэрэ зызэдгьапщэмэ, тхьэ, дэ нэхь нэмысыншэ дыхьуамэ.

– *Ар зэгьэпцэгьуафIэ шыхьур, Женя, си гугьэмкIэ, гуфIэгьуэ зэхыхьэхэм уцыхэпльэкIэщ. Адыгэ хьэгьуэлIыгьуэм хуэдэу хабзэ куэд зыхэлIи, зэхэтыкIэр шыпльагьуи шыIэу си фIэщ хьуркьым? Я хьэгьуэлIыгьуэ ухэпльа?*

– СыкIэлыпIыныу сыхэтэщ гуфIэгьуэ зэрызэхашэм. Дахашэу ирагьэклуэклI. Абы я цIыхубзым пуд зищIакьым, цIыхухьур кьыбгьэдыхьэрэ кьедэмэп-кьауэу, «накIуэ», – кьыжриIэн хуэдэу. А шыпкьагьыр кьэнауэ, абыкIэ адыгэр кьыхращIыхукI хьэрыпхэми, курдхэми. Дэ нэхь делъэхьшэхаш...

– Адэклэ кIуапIэ димыIэжу. Дэ икли дофэ, езы цIыхухьухэм дедэмэпкьауэу «накIуэ» жетIэнри зыхуэIуа шыIэкьым. Женя, уэ ди университетым ушколажьэ, пщашэ цыкIухэм уахэтщ. Абы узэрыув лъандэрэ ди бзылхугьэм и гьэсэнгьэм зэхьуэкIыныгьэ гуэрхэр хэпльагьуэрэ? – ЩIэныгьэкIэ кьапщтэмэ, цIыхухьухэр нэхь интеллектуальнэщ, ауэ цIыхубзхэми кьахокI зырыз. ЩIэныгьэ нэхь яIэну сыхуейт ди бзылхугьэхэм.

Ауэ, сызышыгуфIыкIыраш: генетическэу ди бзылхугьэм яхэлъа а зыгь-эльэпIар иджыри кIуэдакьым, ар кьыпхуэIэтыжынуш, ауэ! Тхьэ дыдэ, куэдым я зыхуэпэклэм сегьэукIытэм, я дыхьэшхыкIэм сегьэшынэмэ, телевизорым кь-иувыкIа цIыхуукIым хуэдэу макьхэр кьазэрыжьэдэхум си псэр Iуехымэ. Псоми мардэ иIэщ.

– *Бзылхугьэр зыгьэдахэр сыт?*

– ГушыIэклэ дахэмрэ укIытэмрэ.

– *Нобэ адыгэ бзылъхугъэр данхуэдэу пльагъуну хуейт?*

– Гъуни нэзи илэкъым абы хузэфлэкъыным, хуей къудеймэ. Лъэпкъыр ин хъунуми, зиузэщыным, мы дунейм зыгуэр хильхъэфыным зэлыгытар бзылъхугъэрщ. Аращи, сыхуейщ ди бзылъхугъэм щлэныгъэ ялэну. Абы илгыгыраш: араш зыплынур лъэпкъым къыщлэхуэу щлэблэр. Щлалэ цыкълу ирехъу, хъыджэбзу шрырет, сабийр балигъ хъуху дунейм зэрэплъыр анэм и нэклэщ, цыхур цыху зыщыр бзылъхугъэраши, япэ дыдэрауэ, анэр къытетшыжын хуейщ бэзэрым. Ар гъэшынэн хуейкъым, атлэ хабзэр зэритхэлэжыр къыгурыгъэлауэ гъэукълэнтэн хуейуэ араш. Дытекълуэфын хуейщ зэманым и гугъуехъхэм, ди щхъэ дымыгъэпудыжу.

Сыхуейт ди адыгэ хабзэм нэхьыфлу, мы зэманым къекълуну хэлъахэр къэдгъэщлэрэщлэжыфу, адреихэм яйми дызыхуейуэ хэлъыр щлэгъэкъуэн зыхуэтщлу, дуней псо культурэм хэлъхъэныгъэ хуэтщыну. Мис абы сыщлохуэпс. Детысэх хъунукъым, «хъуакъым» – жытлэу дыкъымыкълуэту, «хъунукъым» – жытлэу щыдымыгъэту дылэжъэн хуейщ. Диныр къыддрелэпыкъу, властыр къыддрелэпыкъу, щлэныгъэр къыддрелэпыкъу.

2000 г.

«И здоровье, и развитие народа, и способность его привнести что-то хорошее в этот мир – все зависит от женщины»

Интервью Бэллы Аброковой в радиопередаче для женщин «Гуащэнэ».

Перевод с кабардинского на русский язык Ларисы Маремкуловой

Одно время я готовила цикловой радиожурнал для женщин «Гуащэнэ». В самый первый выпуск я пригласила Женю Налоеву, чтобы она дала напутствие новому проекту. Кто бы лучше нее сделал это! После выхода передачи в эфир текст запросили в редакции журнала «Гуащхъэмахуэ» и опубликовали. Потом напечатали и в газете «Советская молодежь», на странице «Псынэ». Так наша беседа была сохранена трижды.

– *Женя, меня привело к Вам чувство тревоги. Сегодня женщина оказалась отдалена от той сущности, для которой она и была создана – домашнего очага, детей, супруга. Ей приходится отодвинуть в сторону все главное и зарабатывать на жизнь, идти на базар торговать. Да, это произошло по необходимости, из-за жизненных неурядиц, но ведь дети потом не спросят о причинах. Что нам делать?*

– Это огромная проблема, но сказать, каким лекарством ее лечить, вряд ли смогу. Это не сегодня началось – то, что женщина фактически на улице оказалась, что на базаре стоит, что чистоту свою потеряла, которая давала ей право ходить с гордо поднятой головой. Это все, по моему убеждению, наследие советской эпохи. Советская власть узаконила женский труд наравне с мужчиной. А достоинство мужчины при этом сильно принизилось. Как было ему прокормить семью на неполных семьдесят рублей? Мужчина адыг – он ведь привык, что он добытчик, что его встречают дома со всеми почестями, что у него незыблемый авторитет. И вдруг он этого лишился. Мне кажется, и

тяга к спиртному у наших мужчин имеет те же корни. А там ушло и согласие из семьи, и разводы участились.

Раньше большой авторитет в семье был не только у мужчины, но и у женщины. Вот говорят, что адыгская женщина раньше была угнетена, бесправна. Мне достаточно того, что я видела своими глазами на своем веку, чтобы опровергнуть эту ошибочную установку. Если, к примеру, проезжала мимо повозка с женщинами, мужчины вставали и стояли, пока они не проедут. Женщине, независимо от возраста, отводилось почетное место по правую руку от любого мужчины, за исключением супруга. Когда в дом заходила женщина, все вставали, ей отводили почетное место, мужчины сами подходили к ней поздороваться, сама она никогда не протягивала руку первой.

Никогда не забуду картину, которую наблюдала своими глазами, будучи еще ребенком. Я сидела на веранде. Вижу, во двор зашел мужчина, не помню, кто и по какому делу. На него набросились наши собаки, а они были очень злые, гость, конечно, испугался и выхватил кинжал. Но тут на крыльцо выбежала наша мать и с тревогой так воскликнула: «Ай, ай!». Увидев ее, он тут же вложил кинжал в ножны, хотя собаки могли его разорвать. Удивительно, но собаки тут же утихли, едва он опустил кинжал. Словно они тоже вспомнили про адыгский намыс.

Так было в моем детстве и юности. Но видела я и унижение женщин. Рядом с мужчинами они валили лес, расчищали пути, грузили мусор – так было уже в колхозное время. Никогда не забуду те дни на полевом стане. Это было время, когда власть нисколько не заботили вопросы просвещения и тем более этикета. Мужчин и женщин вперемешку загоняли на поля с ночевкой, бывало, их тел месяцами не касалась вода, и они, бедные, все были в стружьях. Над ними с окриками носились уполномоченные, и они трудились от темна до темна под палящим солнцем за нищенские трудодни. По ночам укладывались вповалку на соломенной подстилке... А трудодни эти были настолько маленькими, что никто бы не смог прокормиться, оставалось подворовывать понемногу. Тогда, наверное, и приучили людей воровать.

Раньше женщин до работ в поле не допускали, разве что до огородных грядок. А если она ждала ребенка, или у нее был грудной ребенок – тем более. Что только не сотворили с нашими женщинами?!

– Вы сейчас рассказываете о том, что происходило в Ваше время и потому болит у Вас. А я вернусь к нашему времени. Мы лишены многих красивых моментов, которые окружали женщин раньше. В нашем детстве уже не было тех бесценных уроков, которые по ходу жизни преподавались девочкам – особенностей поведения, этики, умения вести себя на людях, рукоделия, одним словом, всего того, что должна уметь каждая девушка. Не было уже понятия о девичьих гостиных, о тонкостях джэгу. Мы выросли со стесненными сердцами...

– Да, все это унесено временем. В колхозное время, про которое я говорила, у женщин уже не было возможности думать о хабзе, заботиться о своем намысе – достоинстве, воспитывать детей на образцах адыгства. На это попросту не оставалось времени.

– *А разве сейчас иначе? Разве что место колхоза занял базар.*

– Все, что мы наблюдаем сейчас – это наследие советского строя, который, как мы думаем, ушел в прошлое. Нет, он живет в нас, он залег в нас вечным слоем льда, потому и топчется на месте это огромное, богатое государство... Если быть честными, в той власти были и свои плюсы. Например, равноправие всех народов. Равенство всех перед законом. Что может быть лучше этого? Вот только слова чаще расходились с делами, потому они и не имели силы.

Я часто думаю: бедный мой маленький адыгский народ, как же ты сможешь идти в ногу с законами новой жизни? Что станет с тобой завтра? Трудно сказать. Мало кто сегодня помнит и понимает смысл адыгэ намыс, силу его. А знаете, что самое страшное постигло нас сейчас? То, что после эпохи перемен наступила эпоха денег, они стали божеством. Вот и женщины служат ему на базаре.

– *Какие качества адыгской женщины выделяли ее среди других народов, что делало ее знаменитой во всем мире? Кто-то считает, что дело в ее высоком воспитании, кто-то ставит превыше всего ее ум, кто-то – духовность...*

– Все свойства, что вы перечислили, нельзя разъединить, они – единое понятие, присущее нашей женщине. Адыгская цивилизация породила женщину чистую – и душой, и телом, с прекрасными манерами, любящую. Она вставала в знак уважения, если даже в дом входил ребенок. Она не говорила громко или много, она могла и без слов, одними глазами сказать возлюбленному о своих чувствах. А выйдя замуж, она силой своей разумности могла склонить на свою сторону самого строгого мужа. Она хранила ему верность, никому не открывала его тайных слов и намерений.

– *Мне кажется, она даже обожествляла своего мужчину. Не потому ли, например, в Адыгее женщина называет супруга не иначе как тхъмадэ.*

– Да, это означает, что она оказывает ему почтение, достойное отца Бога – Тхъэм и адэ. На всю жизнь запоминаешь тот пример, что показали родители. Моя мать вела себя так, будто только что вошла в дом мужа. Никогда в жизни она не возразила ему. Она находила подходящее время, нужную минуту, чтобы сказать ему то, что хочет сказать, и быть услышанной им. И к нам, своим детям, относилась так, как подобает адыгской матери в высшем понимании. Бывало, скажет: «Ан-на (возглас удивления. – А. М.), разве девушка может съесть два яйца?» Мы, сестры, вникали в это и старались мало есть. Мы росли статными, ухоженными. Мать с детства начала умывать нас молоком, чтобы кожа лица была нежная и белая. Волосы наши мыла только сывороткой, и они были у нас густые и красивые...

(Волосы Жени всегда поражали меня своей красотой и необычным цветом – розовато-русые, вьющиеся, они подчеркивали всю необычность этой женщины. – Б. А.).

Вот это все и отражалось не только на воспитании, но и на внешности. Ее не выгоняли на работу в поле под солнце и ветер, ее возвращали с лаской, как цветок, – отчего ей не стать красивой. К тому же она была умна, с изысканными манерами, с гордо поднятой головой.

Если нашу девушку сватали в семью другой национальности, ее забирали с большими почестями, присылая за ней не меньше полусотни всадников. Она привносила в новую семью свои традиции, воспитание, намыс, и это все перенималось семьей супруга. И для них адыгская невестка была сродни бесценному алмазу. Потому и прославилась на весь мир.

– Этот идеальный образ из далекого прошлого – мне кажется, наши предки забрали его с собой в изгнание и где-то на чужих берегах сумели сберечь его лучше, чем мы здесь, на родине.

– Тут я соглашусь с вами. Возможно, вы побывали у наших соотечественников за рубежом и увидели это своими глазами. Я жила в Турции довольно длительное время, и моему удивлению не было предела: как смогли они, живя столько лет в чуждой среде, говоря на чужом языке, сохранить свою адыгскую сущность и стать? Там встречаешь таких женщин, такие семьи истинно адыгские, что поневоле думаешь: может, они попали сюда из 18 века? Они даже интерьер старинный адыгский сохранили – те самые тахты, застеленные белыми покрывалами с кружевами, расшитыми красными петухами. На тахте обязательно три подушки большие – это место для самой уважаемой женщины. А как они разговаривают – словно состязаются в красноречии, так красив и образен их язык! И все время тебя не покидает ощущение, что ты попала в другую эпоху, на два века назад, настолько все соответствует представлениям о нашем замечательном прошлом – интерьер, вещи, люди, отношения.

– Но если девушки там настолько преисполнены адыгского достоинства, повышенных требований к себе и другим – не трудно ли бывает им найти себе спутника жизни?

– Да, у многих есть эта проблема, и это повод для беспокойства. Много встречаешь девушек за тридцать, которые не могут найти пару по своему уровню, а с представителями другой национальности связывать свою судьбу не хотят...

Жилища их компактны, красивы и строгие, как адыгская гармоника. Они увиты цветами, непременно есть небольшой ухоженный садик, лужайка с тропинкой. «Тоба, как же красиво они живут!» – так восхищаешься ими всякий раз, когда видишь все это, слышишь их адыгскую речь, угощаешься их адыгскими кушаньями. Признаться, родной язык я заново выучила именно там. Хотя сейчас, может быть, и там многое изменилось. Время всесильно.

– Неужели Вы не увидели у них ничего, что бы вам не понравилось?

– Нет, есть и у них такие вещи, которые мне трудно принять. Например, то, что почти все женщины курят. Даже не думают открывать окна время от времени, чтобы проветрить комнату, так и дымят все вместе – мужчины и женщины, так что друг друга в дыму не видят. И еще я не могла привыкнуть к тому, что они целыми ночами сидят, общаются, развлекаются, а днем спят. Я как-то спросила у них: когда же они работают? Они рассмеялись, а я снова: разве можно спать в то время, когда Аллах дает нам свет, солнце? Некоторые соглашались. И еще одно меня шокировало. Чтобы мужчина-адыг разувался у двери, а потом шел и садился на кровать – такого никогда не было. А у них так и происходит. Пришел домой, снял туфли у порога – и тут же на кровать, нога на ногу. Почему мужчины так изменились?

– *А разве они не сохранили почет и уважение в мужчине, как было у адыгской женщины всегда.*

– Вот этого я не знаю. Они сидят все вместе, разговаривают на равных, как со своими мужчинами, там и с чужими. Одним словом, у них более демократичные отношения.

– *Мы чем-то лучше их?*

– У нас больше умных, образованных, интеллектуальных женщин, чем у них. Но если взвешивать все качества разом – мы все-таки больше утратили скромность и этикет – намыс и адаб.

– *На мой взгляд, это легко сравнить во время свадебных торжеств. Ведь именно на свадьбах можно увидеть все традиции, соблюдение и несоблюдение хабза. Вам довелось побывать на свадьбе в Турции?*

– Да, и видела, как у них проходят торжества. Все очень красиво и достойно. Они к женщине подходят с уважением, там мужчина не станет подталкивать женщину плечом, чтобы пригласить на танец. Этим адыги выделяются среди турок и курдов. А мы себя все-таки принизили в этом смысле.

– *Да, дальше некуда. Мы и выпиваем, и можем сами толкнуть мужчину плечом. Женя, Вы работаете в университете, все время среди молодежи. С тех пор как Вы там работаете, произошли какие-то перемены в поведении, характере девушек?*

– Если взять чисто отношение к знаниям, то юноши более интеллектуальны, хотя и среди девушек немало таких. Хотелось бы, чтобы девушки больше тянулись к знаниям. Но радует одно: те ценности, что заложены были в наших женщинах генетически – они никуда не делись, они живы! Их можно еще разбудить. Но, опять же, мне часто бывает стыдно. Стыдно смотреть, как они одеваются, страшно слышать, как они смеются, пугает их манера разговаривать, грубо и отрывисто, подобно убийцам, сошедшим с экрана телевизора. Все должно иметь свою меру – а чувства меры у них уже нет.

– *Что украшает женщину?*

– Чувство юмора и скромность.

– *Какой бы Вы хотели видеть нашу женщину сегодня?*

– Нет для нее ничего невозможного, если только она пожелает. Выживет ли нация, будет ли развиваться, сможет ли чем-то улучшить этот мир – все зависит от женщины. И потому я мечтаю, чтобы наши женщины получали хорошее образование. От этого зависит, как она воспитает новое поколение. Ребенок – мальчик или девочка, неважно, – до самого взросления смотрит на мир глазами матери. Значит, в ее руках становление человека. И не место ей на базаре. Она должна понять, или ей нужно объяснить, что таким образом она уничтожает нашу основу – хабзэ. Мы обязаны победить трудности, которые выпали на нашу долю – все это временно, и не стоит того, чтобы принижать свое достоинство.

Очень хочу, чтобы мы сумели воскресить то лучшее, что есть в наших традициях и этикете. Нет ничего плохого и в том, чтобы опереться на лучшие качества и достижения других народов, с тем, чтобы мы смогли и сами потом сделать вклад в мировую культуру. Вот такая моя мечта. Нельзя успокаиваться,

нельзя сидеть сложа руки. Нельзя говорить, что нам это не под силу. Надо работать. Пусть нам поможет в этом наша вера, пусть поможет власть, пусть помогут наши знания.

2000 г.

«Девочка на снегу»
Радиоинтервью Раи Афауновой

Я выбрала нелегкую тему для разговора с вами, дорогие читатели. Мы будем говорить о людях малозаметных, неизбалованных прессой. Большинство из них и в самом деле не совершили ничего героического, разве что выжили они, не сломались в жерновах адской машины, известной у нас в стране под названием «политические репрессии».

У нас в республике создана и действует Ассоциация жертв политических репрессий, но она до сих пор не сумела точно сосчитать их число и уточнить имена всех. Это при том, что в 2009 году вышла первая «Книга памяти жертв политических репрессий в Кабардино-Балкарии». В ней 5270 имен людей, расстрелянных в те годы как «враги народа», и тех, кто умер в концлагерях, и тех, кто уцелел, но оставил свою молодость и здоровье в заключении и ссылках.

О каждом из них есть, что рассказать: что ни судьба, то трагедия.

Наверное, найдутся и такие среди моих читателей, которые скажут: а зачем нам столько трагедий и слез, жизнь сегодня и без того сложна...

Для памяти, – отвечу я им. Ведь памятью жив человек. Память можно хранить в архивах или музеях, но сохранить память можно только в сердцах людей.

В октябре 2000 года я записала интервью с Евгенией Джамурзовной Налоевой, кандидатом исторических наук, доцентом КБГУ. Вот ее рассказ без прикрас, почти без редакции.

Мне очень трудно говорить о своей судьбе.

Наверное, когда человек совершает какое-то преступление и отвечает за него – это одно. А когда ты не чувствуешь за собой никакой вины, и тебя лишают свободы, элементарного права ходить, дышать, видеть солнце, маму, – это тяжело, труднее всего на свете.

Да, я выжила, я вернулась, работаю, но жизнь моя надломлена, я до сих пор одинока.

Я никогда не совершала никакого преступления, но меня трижды репрессировали, потому что я была дочерью человека, который был расстрелян как враг советской власти...

Я поступила в Северо-Осетинский пединститут, одновременно я поступила во Всесоюзный заочный юридический институт. Уже в войну я окончила вуз и пошла в школу преподавателем.

Но не везло мне. Меня оговорил Владимир Кайтукин, или Кайтуков, уже забыла фамилию. Он сказал, что эта девушка не кабардинка, а немка, она ракетчица, она во всем мне открылась... Поверили ему, а мне – нет. Я по-немецки и говорить не умела, но ему поверили, и меня посадили. Одному Богу известно, что пришлось мне пережить. Это был первый арест. Я отсидела в следственном отделе 8 месяцев. В 1942 году меня освободили за отсутствием в деле состава

преступления. А вернуться в то время домой было страшно. К тому же я была истощена предельно. Спас меня тюремный врач. Я была очень больна, у меня руки по локоть были в язвах, голова, шея – все в язвах, авитаминоз такой. А меня записали в трудовую армию, я должна была ехать на восстановление Сталинграда, а врач меня освободил от этого. Я так подружилась с его семьей, что они хотели меня удочерить, они были бездетные. Но я сказала, что у меня есть мать, я не могу изменить ей, это нечестно. Они одели меня, обули, купили мне билет и отправили во Владикавказ. Я нашла там свою мать, сестру.

Сюда в Нальчик меня пригласили в 1948 году преподавателем Кабардинского государственного пединститута на кафедру истории народов СССР. Я очень боялась переезжать, но сначала вроде все было нормально.

Но потом... не знаю, как бы судьба моя сложилась, если бы я не столкнулась с тогдашним директором института. Оказывается, он поручил своим сотрудникам Петросяну, Мужеву, и они по очереди доносили на меня в КГБ.

Такая слежка велась повсеместно за всеми репрессированными. До марта 1950 года я работала – всего два года – такое подсиживание устроили, это было что-то страшное. Сняли меня по статье 47 Гражданского кодекса. Я жаловалась, меня никто не принимал, никто не хотел разговаривать со мной. Решила ехать опять в Москву. Не дали далеко уехать. В Пятигорске меня арестовали во второй раз, вернули сюда, и я сидела здесь более двух месяцев. Не нашли никакого материала, по которому меня можно судить, даже обвинительного заключения не было. Когда прокурор делал обход подобных учреждений, меня прятали, чтоб он не видел меня, чтобы я не пожаловалась. Потом послали материал в Москву, и тогда «тройка приговорила меня заочно к восьми годам лишения свободы. Оказывается «за антисоветскую пропаганду: вы были за границей, в Турцию поехали и вернулись». Никогда не была в Турции – глупости какие-то непонятные. «Вы разговаривали по-кабардински со студентами». Я говорю: «А разве кабардинский запрещен?»

Решение «тройки» прочел мне заместитель министра госбезопасности: восемь лет лишения свободы. Я уже была настолько измучена допросами, больна – кожа да кости, что обрадовалась – хоть в лагерь пошлют, воздухом можно будет подышать. Но с отправкой не торопились: день, два, месяц. Я объедала голодовку.

Понимаете, это одиночный режим, надо его испытать, чтобы понять. Доходило даже до того, что когда я смотрела на серую, непроницаемую стену, мне виделись художественные произведения – галлюцинации уже начались. Не давали даже спать. Я не могу сказать, что меня били, давили ногти. Нет! Никогда при мне не матерились, ни одного плохого слова. Но мне не давали есть, не давали спать. Нары, на которых мы сидим, сделаны очень высоко, чтобы ноги не доставали пола, чтобы они отекали, специально так сделано. Свет там такой яркий, наверное, двухсотваттная лампочка, просто слепил. Маленькое помещение: четыре шага туда, четыре обратно, параша и нары. Когда берут на прогулку, надо ходить кругом, как цирковая лошадь. Ну каждое движение, каждый твой шаг рассчитаны на издевательство, на унижение достоинства человека, на измывание.

А что от меня требовали, чтобы я рассказала? Чтобы я призналась, что ездила за границу, с каким поручением вернулась, от кого. Или говорили, что я написала книгу «Экономический строй в СССР» и послала для издания в Англию. Это ересь просто. Ересь!

Ко мне привезли даже на очную ставку женщину, которая при мне, не моргнув глазом, заявила: «Я копировала эту книгу».

Вот такие глупости.

Или я преподавала на кабардинском языке, и за это такого-то студента хотели исключить! Действительно, с 5-го курса хотели исключить студента, и я выступила в его защиту – проступок его не столь тяжкий, чтобы лишить его права на образование. Выходит, что я всегда защищаю уголовно наказуемые деяния студентов с черным прошлым...

А потом еще, что я придерживалась такой политики национализма, что с моим появлением студенты раскололись на кабардинцев и не-кабардинцев: «Она разговаривает по-кабардински со студентами». Да, разговаривала, но не на занятиях, а когда мы шли со школы, где они проходили практику. Я так скучала за родным языком в своих скитаниях, что, наверное, много говорила по-кабардински, когда мы шли с практики.

Закончились мои мучения тем, что отправили меня в Вольские исправительно-трудовые лагеря, где одни рецидивистки, и только один барак для политзаключенных. Следователь грозился мне, когда я объявила голодовку: «Если не прекратишь, я пошлю тебя в такой лагерь, что ты вспоминать будешь мою тюрьму как рай». Он так и сделал.

Я, наверное, неуживчивый человек. Ссорилась с начальниками, спорила, как можно исправиться в таких условиях!

До 1953 года я находилась в Вольских лесоповальных лагерях. В 53-м, после смерти Сталина, обратилась в Москву: «Ничего писать и говорить не буду, если заинтересуетесь моим делом, заберите меня в Москву, я вам расскажу все» Меня забрали, и я на Лубянке сидела три месяца. Вместо того, чтобы мне помочь, меня отправили в психиатрическую больницу. А там скажи, что ты нормальная, умная, все равно никто не поверит.

Вот тогда мне страшно стало. Но я добилась освидетельствования, и по заключению комиссии меня отпустили, написав на бумаге: «Выглядит много старше себя. На вопросы отвечает логично, едко, озлобленно. Вполне может отвечать за себя».

Мне местом жительства определили Сухуми. В Сухуми я девять лет прожила. За девять лет я написала 19 заявлений. Девять лет спустя мне разрешили вернуться и восстановили на работе в КБГУ.

В Сухуми я не имела возможности работать по специальности и на жизнь зарабатывала шитьем. Вот я сказала, что комиссия в своем заключении написала: «на вопросы отвечает логично, едко, озлобленно». Не подумайте, что я на самом деле такая. Нет. Это не совсем так. Я – откровенный человек, и потому скажу откровенно. Советская система была страшным экспериментом. Я как историк это заявляю. Но никогда не бывает абсолютных явлений, абсолютно белых, или абсолютно черных. Советы несли много полезного, много хорошего. Например, ликвидация неграмотности в стране. С чем ее можно сравнить? Или

возьмем национальный вопрос. Давайте сравним ту страну, которую оставили Советы, и то, чем это было при царизме. Если бы все было так хорошо, как об этом сейчас говорят, у революции не было бы шансов. Россия при царе была действительно «тюрьмой народов». Советы дали юридическое равенство всем народам, даже истребленный царизмом кабардинский народ получил право на свою государственность. Так что я не хочу чернить все то, что было при советской власти.

Вот сейчас спросите меня, какой у нас общественно-политический строй. Я не знаю. У нас в конституции записано, что мы строим правовое государство, а я не вижу правового государства. Да, я вижу, что рождается рынок, но он уродливый, рынок должен развиваться по своим законам, а у нас этого нет.

Наука старается «очеловечить» человечество, отучить людей от грабежа, кражи, от зависти. Сколько веков над этим бьются, а куда мы пришли? Сегодня все воруют, все берут взятки... Что происходит?

Так вот, я бы заключила так: зло нельзя ликвидировать злом – это мое убеждение. Войну нельзя кончать войной. Войну всегда заканчивают миром.

Нельзя права человека возвести в абсолют, а его народ оставить бесправным. Так не бывает. Каждый человек принадлежит к какому-то народу. Я – представитель кабардинского народа и где бы ни жила, я буду болеть за Кабарду, за ее язык и ее культуру. И этого нельзя отнять, пока я не умру. Интеграционные процессы происходят в мире независимо от того, хотим мы этого или не хотим. Может быть, когда-то будет единый человеческий язык на земле. Но этого пока не случилось! Мой язык, мои песни, мои поговорки, менталитет моего народа – это моё.

И это надо уважать, особенно в великом многонациональном государстве, как Россия.

Такой она была Евгения Джамурзовна Налоева, трижды репрессированная, но не сломленная и не озлобленная. Ее красивое лицо, стройная фигура и легкая походка, глубокие знания и равнодушное отношение к работе и к жизни – все в ней достойно было восхищения.

«Дауэ тшымы, тхыдэм Iэмал кыбэщIэтхаш».

Газетное интервью журналиста Алоевой Ларисы для газеты «Адыгэ псалгэ»

Акбыл узэщIам тету псэукIэр кышыцэрагъэпэща кэрал диIэным ди гугъэр хэтхыжыным дынэсащ. Гугъэр щымащIэкIэ, блэкIам ухуемыплъэкIыжынкIэ Iэмал иIэкъым, абы щыгъуэм нэхъыфIауэ уи фIэщ пщIыжыну, уеблэмэ а зманым кьэбгъэгъэзэжыну яужь уиту. Жэпуэгъуэм и 13-м кьэхъуам щхьэусыгъуэ куэд иIэнкIэ хьунуми, блэкIам и нэщэнэ хьболбагъуэ, езым я Iуэху еплъыкIэр IэщэкIэ пхагъэкIыныр кьезэгъуу кызыэралытамкIэ.

Нало Жамырзэ ипхьу Евгение и гьащIэр гьэщIэгъуэныщэт. Абы кызыэринэкIа илхэс 85-м кьриубыдэу Урысей кэралыгъуэм ХХ лIэщIыгъуэм щекIуэкIа гьэунэхуныгъэхэм щыщу зыри кьэнакъым ар зыпхрымыкIа. Щхьэхуитыныгъэмрэ зауагъэмрэ зыIэрагъэхъауэ кьащыщыхъуаи, кызыэрыпцIар кьагурыIуэжу хэкIыпIэншэу кышыцаи, щIакхъуэ тIэкIу кьащэхун щхьэкIэ чэзу мыухыжым

щыхэтаи, щыдэкъузаи, шауклыпаи ильэгъуаш Евгений. Ильэгъуам кышчымынэу, езыми ишэчаш а псори. Аргуэру зауэр, аргуэру цыхухэм я флэшхуныгъэр зи хэклыпэ нэхыщхьэу зыкъэзылэтыж кэралыр, «зызыхъуэжа социализмэр» и пэм шиуджыхъа зэманыр, ар зэриухыжа перестройкэр... А лъэхэнэхэм щыц дэтхэнэми Евгений и пэм кызышыфа яхэтакъым, сыту жыпэмэ, къэхукъащлэхэм япэ щыклэ ар гуклэщлэреплъар, иужьклэ – нэклэ. Ямылейуэ угужьейклэ кыкыныулатэкъым, кэралым щеклуэкыр дыхьэшхэну кыпшыхъунт, апхуэдизу мыгузэвэгъуэтэмэ. Жытлам и щыхьэтц Евгений дигъэлабгъу дэфтэрхэм язым итхар. КГБ-м щатха дэфтэрым «щлагъэкъуаншэр» графам деж иритхаш «нэмыцэ тласхьэщлэх», жиэу; «зыщыщ лъэпкъыр» жыхуиэм – нэмыцэу.

Нэгү губзыгъэ зиэ, зи теплър дахэ, ильэс 20 флэкла мыхъуа пщашэм бгъэдэла щлэныгъэмрэ гу зэрыклуэцылъамрэ арагъэнуц кыыхуамыгъэгъуфар. Андрей щхъэусыгъуэхэр мыпхуэдащ: и адэр яуклат, Къэбэрдейм и большевикхэм я комиссар нэхыщхьэ Къалмык Бетлал и жэрдэмклэ «антинародный элемент» кыфлащри. «нэгъуэщл гупсысэклэ зэралэм» кыыхэклыу Налохэ я щлалэ 27-рэ совет тутнакъэщхэмрэ лагерхэмрэ иклуэдат.

Зэ щысри къаутыпщыжауэ, Орджоникидзе дэт университетым щеджэрт Евгений, етлуанэу ягъэтлысу Гулагым шагъэклуам. И адэм и гупсысэклэр адрейхэм ейм зэрытэмыхуэр щхъэусыгъуэ хуащри, ильэсийклэ шагъэлащ ар псэми лэпкълэпкъми кытехьэлъэ щыпэм. Къуаншагъэ бгъэдэмылгу кыалытэгъу кышцаутыпщыжам, гъаблэмрэ жьэн узым ихын-кылыным и луэхур тету Абхъазым клуащ, Къэбэрдей-Балъкэррым кыыхъэжыну хуимыту унафэ щылэти.

1970 гъэхэм зыкыдыгъэзаш Евгений и насыпым. Зэрагъэкъуэнша псори щхъэшахыжри, абы лэжьэн щыщидзаш Къэбэрдей-Балъкэр кэрал университетым. Ильэс куэдкли кэралымрэ хабзэмклэ кафедрэм и егъэджаклуэу щытащ. Псори хъарзынэ хъужакъэ, щыжиэм, нэгъуэщл зы бэлыхыи кыпэплъэу кышцлэлащ: и нэхэр кьеузу, клуэ пэтми нэхъ лей хъууэ хуежъэри, ильэс и пэклэ зыри имылабгъуж хъуащ.

Иджы Евгений кызырэмыклуэу ирогузавэ нэхъ лэжыгъэшхуэу зи яужь итар – адыгэ лэпкъым и тхыдэр – нимыгъэсауэ кызырэнам. Клиникэфлым операцэ щашламэ, ильагъужынут, ауэ ар зэклэ хуэпсаплэ кудейщ, апхуэдэ мылгу зэрыбгъэдэмылбым кыыхэклыу.

Тхыдэ щлэныгъэхэм я кандидат, юристи Нало Евгениерэ сэрэ дыщызэпсальэм, и гугъу тцлащ мы зэманым цыхухэм я щылэклэ-псэуклэм.

Евгений, цыхум бэлыхъ куэд ишэчын хуей мэхъу зэса дунейр щыкътэклэ. Ильэс 20-м нэсауэ еклэуэклэ зэхъуэклыныгъэхэм теухуауэ къапсэлым цыхур иригъэшащ, жагъэмрэ ящлэмрэ зэрытэмыхуэм кыыхэклыу. Нобэ цыхум сыт ищлапхъэ и гур флэмыклуэдыпэн папщлэ?

– Мы упщлэр гугъуц икли щлэх жэуап игъуэтыну кышцлэкыныкыбым. Ди Хэкум зэман-зэманклэрэ зэрызехьэ кышцохъу, цыху гъащлэхэр, псэхэр хэутэн ищлу. Мис ноби цыхур гугъу йохъ, унагъуэми лэжъаплэми гупсэхугъуэ щызымыгъуэтыр, зэрыжалэщи, и цлэм емызэгъыжу кэнар мащлэкыбым, зылъэклэхэми зылъэмыклэхэми ящыщу. Акъыл зиэм, зи псэр зыхъумэну хуейм зыщигъэгъупщэнкыбым щхъэхуэщэу ущыт зэрымыхъунур, и фейдэ зыхильэгъуа луэхум щхъэклэ къуэшым, гъунэгъум, ныбжьэгъум уебэкъуэну кызырэмызэгъыр.

– *Сытри щегъэлея зманиц мы дыщыпсээр: къулейсызыгъэр, напэншагъэр, уеблэм Тхъэр я фІэщ зэрыхъу щІыкІэу, ваххабизм, зыфІащар. А псом я «хъым» дыкъимыхутэн папцІэ тицІэн хуейр сым?*

– Егъэлеяр лъэныкъуэкІэ къэдгъэнэнци, пэжым и гугъу тщІынщ. Ар (пэжыр) диным, напэм, щыпкъагъэм епхауэ лъым зэрыхэтыну щІыкІэр езы цІыхуращ зэльытар.

Хъэпсым сыщиса илъэхсэм, ажалыр зэрыспэгъунэгъур къызгурыІуэ пэтми, сэ сызэгупсысыр аратэкъым, атІэ а къысщыщІамкІэ къуаншэр хэтми зэхэзгъэкІынат: си адэра, цІыхухэра, къэралым и унафэщІра, къэрал ухуэкІэра е зэрымьщІэкІэ сыхэхуа хъуа щІэпхъэджащІэ щхъэхуещэхэм «я джэгум»? А гупсысэм сиубыду сыкъыІэщІэмыкІыжыфынкІэ хъунт нэхъыщхъэм си акъылыр хуэмыкІуамэ: «цІыхум хъэкъыу пхыкІауэ щытыпхъэщ ажал зэрыщыІэр. Цветаевэра си гугъэщ фІыуэ сыкъэфІагъу сызэрылэнум щхъэкІэ, жиІэу къыкІыу усэ сатырхэр зиІэр. Ар псоми къыдгурыІуэтэмэ, хъэрш сабэм хуэдэу дэри дунейм дызэрытрихыжыным дегупсыстэмэ, нэхъ дызэхуэтэмакъкІыхынут, ІэщэкІэ далъэхэри нэхъ мащІэнут. ЦІыхухэм псалъэ къызэхуагъуэтыфу, гъащІэмрэ ажалымрэ зыр зым яужь зэритыр ящымыгъупщэу щытын хуейщ.

– *ГъащІэмрэ ажалымрэ зыхащІэн къудейр хэкІыпІэ хуэхъуну милькукІэ, зыщыщ лъэккъкІэ, фІэщхъуныгъэ зыхуаІэмкІэ, нэгъуэщІхэмкІи зэтемыхуэ цІыху мелуан бжыгъэр зэгурыІуэным?*

– ЗэгурымыІуэми, нэгъуэщІ хэкІыпІэ щыІэкъым. Сыт хуэдэ жылагъуэми нэхъ зыгъэпІейтей Іуэхугъуэу иІэр цІыхухэращ. Абыхэм я псэм и узыншагъэращ псори зэльытар. Адыгэм игъащІэми игъэхъужыр сэращ. Абыхэм жаІэрт мыпхуэдэу: дунейр зэпэщІэтщ, цІыху мелуан бжыгъэхэм ящыщ дэтхэнэми езым и пэж къельыхъуж. АтІэ, пэжыр зыщ: щыхъ уиІэу гъащІэр епхъэкІын, уи щІэблэр щІэмыкІытэн дуней тетыкІэрэ ІуэхущІафэрэ къызэбнэкІын.

– *Уэ а пэжым ущІэбэну уи гъащІэр пхъащ. ИкІэм-икІэжым сым пхузэфІэкІауэ къэплъытэрэ?*

– Пэжыр жыпІэныр, уэ уи Іуэху еплтыкІэр ехъэкІ-къехъэкІ хэмылгуэ къэпІуэтэныр мащІэкъым. Абы цІыхур щтекІуадэ къохъу. Аращ си адэр щІагъэпшынар. Аращ сэри хъэпсыр унапІэ схуэхъуныр къызыхэкІар. Языныкъуэм къумым ущыкІийм хуэдэу, уи псалъэр зыми зэхихкъым, итІани уи щхъэр лъагэу уэзыгъэлабгъужщ уи гупсысэкІэрэ уи дуней тетыкІэрэ уиІэжыныр. Ар зыхузэфІэкІхэр цІыху лъэщхэращ: ІэнатІэм щхъэкІэ зызымыгъэщхъэрщ, щхъэхуещэу дунейм темытхэрщ. КІэщІу жыпІэмэ, уигурэ уи псэрэ ухуиту упсэун папцІэ Тхъэр акъылрэ зэфІэкІкІэ къыпхуэупсауэ щытын хуейщ.

– *Зэгуэр уи нэгум щІэкІа залымыгъэм къытригъэзэжынкІэ ушынэрэ?*

– Сышынэу схужыІэнукъым, ауэ согузавэ. Девгъэплъ Урысейми Кавказ Ищхъэрэми Іуэху щызэтрихъам. Абы тепсэльыхъыр куэд щхъэкІэ, унафэ пыуыкІа зэрыщымыІэм сегъэпІейтей.

– *Жэпуэгуэм и І3-м къэхъуам цІыху куэдым гуиттэ хахащ, ди щІыналгъэр гузэвэгъуэм хэхуэмэ, жаІэу. Уэ дауэ уеплгъэр а къэхъукъащІэм?*

– Абы уемыгупсысын плъэкІкъым, псоми къыдхъэлІауэ щытци. ГъащІэр зэпымыгъу зыгъэгчэнджащэщ. Хэт уи гъусэр, сыт хуэдэ Іуэху зепхуэр? ЦІыхур къыгъэщІри апхуэдэ хэдэкІэри къыгъэщІащ. Хэт гъусэ пхуэмыхъуами, сыт хуэдэ

гупсысэм уи акъылыр имыубыдами, цыыху зыхэкIуэдэнкIэ хьун Iуэху зепхьэ хьунукъым. Идеер зыри и уасэкъым, цыыхугъэмрэ экономикэмрэ хиутамэ, жылагъуэр шынагъуэ хидзамэ.

– **Нобэ щыIэ гугъуехьхэр зыхуэдэм нэIэщIэщ, къыпхужаIэнкIэ хьунукъэ, уи псалъкIэ зетеубыдар къызыгурымыIуэнухэм?**

– Иджы щыIэр гугъуехь сытми?! 30 гъэхэрат гугъуэгуэр, цыыхухэр гъаблэм щихьар. Иджыпсту псори щыIэщ, пэжщ, лъапIэщ. Ауэ ар щхьэусыгъуэу узэрыукIыжыныр емыкIущ. Шыуаныр зэрынэщIым щхьэкIэ узэзауэкIэ, абы зыгуэр къыхуэнукъым. ГъащIэр куэдкIэ нэхъ зэхэщIыхьащ, нэхъ кууц шыуаныщIэм нэхьрэ.

– **ИтIани сыноупщIыну сыхуейщ: уэ узэреплъымкIэ, дауэ узэрыхэпсэукIынуыр мы дуней зэрызехьэм?**

– Сыт хуэдэ гугъуехь упэщIэмыхуами, узэрыщытауэ укъызэтенэжыфын хуейщ. «Мы дунейм я нэхьыбэ дьдэу хуэфщIэфынуыр фэ нэхьыфI зыфщIынырщ» - жызыIам и гупсысэр акъылкIэ гъэнщIащ. Селекционерхэм ятхауэ седжащ мыбы: IэрыщIу къагъэкI къэкIыгъэхэр къафIэмыIуэхужу яутыпщыжрэ езырезыру я жылэкIэ зэхэзэрыхьыжмэ, тIэкIу-тIэкIуурэ къызытекIахэм ещхьыркъабзэ мэхъуж. Гугъэ къозыткъэ ар? Сталиным хуэдэ «селекционерым» властыр ильэс 30 хуэдизкIэ имыубыдмэ, жылагъуэм цыыхугъэмрэ хабзэмрэ щытепщэ хьунуц. Абы щыгъуэм цыыхухэм шагъэтынуц дуней гуэшыныр, я гуфIакIэм мывэ дэлыу кърахьэкIыныр.

Дауэ тщIыми, тхьдэм Iэмал кыIэщIэтхаш, зыдужыну дыхуеймэ. Ауэ тхуэхуэну пIэрэ захуагъэмрэ зэхэтыкIэ дахэмрэ щытепщэ, къулеи къулейсызи фIыуэ щалъагъу къэрал, хэку? Мы упщIэр зэкIэ жэуапыншэщ си дежкIэ.

Епсалъар Ало Ларисэщ.

Адыгэ псалъэ № 85 (20.743). 2006 гъэм мэлыжьыхьым и 29. Н. 2.

«Как бы там ни было, мы извлекли из истории уроки»

Интервью Ларисы Алоевой для газеты «Адыгэ псалъэ». № 85 (20.743).

29 апреля 2006 г. (Перевод с кабардинского на русский язык

Ларисы Маремкуловой)

Мы уже почти утратили надежду жить в стране, обустроенной по уму. А когда надежды на будущее остается мало, поневоле оглядываешься на прошлое, желая убедить себя, что тогда было лучше, а то и делаешь попытки повернуть время вспять... События 13 октября [1] могут иметь под собой много причин, но все же налицо и явные признаки прошлого – хотя бы в том, что кто-то счел возможным силой оружия утвердить свою точку зрения.

Жизнь Евгении Джамурзовны Налоевой сложилась удивительно. За свои 85 лет она не избежала ни одного из тех испытаний, через которые прошел народ России в XX веке. Она видела все: как замаячила надежда на свободу и правду, как эта надежда сменилась разочарованием и безысходностью, как за куском хлеба выстраивались бесконечные очереди, как зажимали, а то и убивали людей. И не просто видела – сама через все это прошла.

Опять война, период восстановления руками того же народа, вновь обретшего веру в справедливость, период застоя при «социализме с новым лицом», перестройка... Но во все времена Евгения Джамурзовна оставалась собой, потому что умела смотреть на происходящее сначала сердцем, а уже потом – глазами. Лишнее беспокойство и страхи бесплодны и ничего не меняют. То, что творилось в стране, могло бы показаться фарсом, если бы не было трагично. Это подтверждает один из обвинительных документов из архива КГБ, который показала нам Евгения Джамурзовна. В графе обвинения написано: «Немецкий шпион». В графе «Национальность» значится: «Немка».

Девушке 20 лет. У нее умные глаза, красивое лицо. Она прекрасно обзаванна, характер сложившийся и прямой. Не это ли вменялось ей в вину? Были еще причины неприязни к ней. Отца расстреляли по воле главного комиссара большевиков Кабарды Бетала Калмыкова, который приклеил ему ярлык «антинародный элемент». За инакомыслие погибли в советских тюрьмах и лагерях 27 молодых мужчин из рода Налоевых.

Освободившись после первого тюремного срока, Евгения поступила в Орджоникидзевский университет. И тут последовал второй арест. Она попала в ГУЛАГ, в самое жестокое место, жизнь в котором была невыносима физически и морально. Причина все та же – инакомыслие ее отца. А когда ее оправдали и отпустили – после восьми лет в том аду! – не верилось, что она оправится от туберкулеза и будет жить дальше. Отправилась в Абхазию – въезд в Кабардино-Балкарию ей был запрещен.

Поворот к лучшему в ее судьбе произошел с 1970 года. Ее реабилитировали, сняли все обвинения, и она начала работать в Кабардино-Балкарском госуниверситете. Много лет Евгения Джамурзовна преподавала на кафедре государства и права. Казалось, жизнь стала налаживаться. Но ее поджидала новая беда: зрение стало стремительно падать. Год назад она перестала видеть. И теперь ее больше всего угнетает одна мысль: ее большое исследование по истории адыгского народа осталось незавершенным. Вернуть зрение помогла бы операция в хорошей клинике, но это только мечты – таких денег у нее нет.

Во время разговора с Евгенией Налоевой, кандидатом исторических наук, юристом, мы затронули тему, близкую каждому – каково жить людям в наше непростое время.

– Евгения Джамурзовна, человек не может не страдать, когда рушится привычный для него мир. Все устали от пустословия на тему перестройки, что длится уже почти 20 лет. Что делать сегодня человеку, чтобы вконец не потерять себя?

– Трудный вопрос, и вряд ли на него найдется ответ в ближайшей перспективе. В нашей стране периодически происходят катаклизмы, которые разрушают жизни людей, их души. Вот и сегодня мы наблюдаем эту картину. Сколько таких, кто не находит покоя ни дома, ни на работе, как говорят, не в ладу с самими собой. И это не зависит от успешности или уровня благосостояния. Сохранивший разум сохранит и душу, он будет помнить, что нельзя ставить корысть превыше всего и всех. Перешагивать ради земных благ через брата, соседа, друга.

– Мы живем во время «чрезмерности» всего – нищеты, дефицита совести, даже веру в Бога переиначили, нашли где-то новое понятие ваххабизм. Как избежать нам расставленных сетей?

– Оставим чрезмерности в стороне и подумаем о правде. Только от человека зависит, в каком виде будет присутствовать в его крови эта самая правда, основанная на вере, совести, достоинстве. Находясь в заключении и зная, что смерть все время ходит рядом, я думала не о ней. Я пыталась понять, кто виноват в том, что произошло со мной и происходит с другими – мой отец, власть, государственное устройство в стране, другие люди? А может, я сама по незнанию попала в этот зловещий круг нечистых и корыстных людей? Возможно, эта мысль так и пожирала бы меня изнутри, если бы я не пришла к главному убеждению: человек всегда должен помнить, что он не вечен. Помните, как у Цветаевой: «Послушайте! Еще меня любите за то, что я умру». Если бы все об этом думали, не забывали, что и нас время сметет с земли, как космическую пыль, – может, мы стали бы терпимее друг к другу, научились бы находить общий язык. Жизнь и смерть – они всегда рядом.

– Но разве понимание единства жизни и смерти может привести к согласию миллионы людей разных национальностей, религий и психологий?

– А разве есть иной выход? Главная проблема любого общества – это люди. И все зависит от уровня их духовности. Адыги ставили душу превыше всего, и они же говорили: весь мир находится в противостоянии, каждый из миллионов людей ищет свою правду. А правда – она одна: жить по чести, оставить в память о себе такие деяния, за которые потомкам не будет стыдно.

– Вы жизнь прожили, борясь за эту правду. Уверены, что чего-то добились?

– Говорить правду, открыто выражать свое мнение – разве этого мало? Да, люди жизнью расплачиваются за это. За это репрессировали моего отца. За это я отбывала срок в лагерях. Да, часто это глас вопиющего в пустыне, и тебя никто не слышит, но зато ты ходишь с гордо поднятой головой и не изменяешь своим принципам. Это под силу только сильным людям, тем, кто не станет кланяться ради начальственного кресла, не пойдет на сделки с совестью ради личной выгоды. Одним словом, чтобы жить и сохранять свободу духа, Бог должен одарить тебя высшим разумом и силами.

– А вы не боитесь, что может повториться то насилие, что однажды уже свершилось?

– Бояться – нет, не боюсь, хотя беспокойство есть. Посмотрите, что творится в России, на Северном Кавказе. Об этом много говорят. Но определенных решений как не было, так и нет. Это меня очень тревожит.

– То, что случилось 13 октября, для многих людей стало трагедией. Многие боятся, как бы не случилось новой беды на нашей земле. А Вы думаете об этом?

– Об этом не думать невозможно, это касается нас всех. Жизнь – она заставляет все время сомневаться, взвешивать – кто с тобой рядом, тем ли ты занимаешься? Человек с рождения стоит перед выбором. Каким бы путем ты ни пошел, с кем, с какой целью, ради какой идеи – ты не имеешь права творить

то, из-за чего пострадают другие люди. Идея – ничто, если из-за нее страдают люди, разваливается экономика.

– *Ваши взвешенные философские суждения могут у некоторых вызвать подозрение, что Вы не до конца осознаете современные проблемы и трудности.*

– Трудности? Это разве трудности? В 30-е годы – да, вот тогда были и трудности, и проблемы. В те голодные годы. Сейчас-то все есть, правда, дорого. И что, из-за этого войну затевать? Воюй – не воюй, а в котелке от этого не прибудет. Жизнь гораздо сложнее, глубже, чем дно котелка.

– *И все же хочу спросить: как выжить в этом смутном мире?*

– Оставаться собой, какие бы напасти ни свалились на голову. «Лучшее, что ты можешь сделать для этого мира – это стать лучше самому», – так сказал мудрец. Я как-то читала в работах селекционеров: если искусственно выведенные сорта растений потом забросить и не культивировать дальше, их споры или семена перемешаются, и каждый вид со временем возвращается к своему исходному. Разве это не повод для надежды? Если только не придет к власти второй «селекционер» сталинского типа – лет так за 30 снова займут свои места человечность и закон. Тогда люди перестанут рвать мир на части и ходить с камнем за пазухой.

Как бы там ни было, мы извлекли уроки из истории, если только хотим развиваться дальше. Но сумеем ли мы построить государство, родину, где главенствовать будут справедливость и красота, где будут одинаково уважать и бедного, и богатого? На этот вопрос у меня пока ответа нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 13 октября 2005 года произошло вооруженное нападение на столицу Кабардино-Балкарии город Нальчик. Численность совершивших атаку на город боевиков составляла не менее 250 человек. В результате нападения погибли 35 сотрудников силовых структур и 15 гражданских лиц, 129 силовиков и 66 гражданских лиц были ранены. В результате боев в городе были убиты 95 боевиков.

(Источник: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/219748/> Кавказский Узел. – А. М.)

«Куда движется время»

Интервью журналиста Ларисы Алоевой для журнала «Литературная Кабардино-Балкария». (Литературная Кабардино-Балкария. № 3. 2006. С. 171–177)

История жизни Евгении Налоевой – вовсе не весёлые картинки из семейного альбома. Трагические изломы её судьбы достойны пера великого Шекспира. Но в XX веке в советской империи, естественно, не было пышных фамилий итальянских вельмож, а вместо достойного летописца был и вовсе заурядный писарь, который корявым почерком вписывал в лагерные и расстрельные списки ГУЛАГа скромные, ничем не примечательные имена мужчин и женщин из рода Налоевых, которые обречены были сгинуть во мраке вечности, так и не удивив мир своим талантом. Кроме Евгении, ставшей впоследствии известным ученым-историком, и Заура Налоева, двоюродного брата, явившего литературной элите Кабардино-

Балкарии начала 60-х годов свой яркий и искромётный дар детского поэта и писателя, теперь и некому всё это вспоминать. Тогда, в 1937 году, через жернова репрессивной машины КГБ были безжалостно пропущены жизни 27 мужчин, носящих фамилию «Налоев». Будущего поэта Заура Налоева от участи жертвы спасло лишь чудо. Его не усмотрели доносчики из-за малолетства.

Чиновников от компартии не волновали причины, по которым всем этим разным людям, но под одной фамилией, ломали судьбы, заставляли покидать семью, насиженные родные места. Проще и удобнее было объявить их врагами народа. Наклеить ярлыки. Первый камень бросили в отца Евгения Джамурзовны. В 1925 году комиссар Урванского района Джамурза Налоев, потрясённый практикой внесудебных расправ над ни в чём не повинными людьми, отказался работать с Главным комиссаром Кабардино-Балкарии – Беталом Калмыковым. Последовала мгновенная реакция – арест. Через некоторое время он был освобожден и, по возвращении в Нальчик, вновь подвергся преследованиям. Однако снова не поступился убеждениями, и за это вынужден был заплатить высокую цену: расстрелян как враг народа. Как рассказывает Евгения Налоева, обычные, нормальные люди, зависимые от вполне реальных обстоятельств жизни в условиях фашизма любого окраса, когда отказываются доносить, клеймить, выдвигать политические обвинения себе подобным, одинаково подвергаются суровым испытаниям. Только этого она ещё не знала. «Ген зла» в ней обнаружили к двадцати годам жизни. Белокурую красавицу причислили к немецким шпионам, а в графе национальность написали – немка. Затем – лагерные, бесконечно мучительные годы. Ей настойчиво внушали: так надо ради спасения души. С какой-то непонятной, почти болезненной настойчивостью 80-летняя Евгения Джамурзовна, кандидат исторических наук, автор научных трудов по истории средних веков, бывший юрист и преподаватель кафедры «Государство и право» КБГУ возвращается к прошлым годам культа и застоя. И что-то там ищет? Что?

Объясняет, не задумываясь. Будущее. Будущее для детей Кабардино-Балкарии. По её словам, в республике не хватает чувства перспективы. Не хватает, если хотите, эскизной модели будущего. «Жить сегодняшним днём рискованно, заблуждение коварнейшее, – говорит она и тут же роняет: – Своих детей нет». После горькой и желанной реабилитации Евгения Налоева – в поисках истины, в чрезвычайно тяжких трудах учёного-историка. «Как бы ни коверкали настоящую историю – её можно выправить подробностями, неизвестными деталями фактов», – рассказывает она. Достоин пережив испытания, выпавшие на ее долю, трагедию своего рода, поколения, Евгения Налоева через ломку стереотипов в исторической науке неустанно будет прописывать в своих трудах нравственное начало и ценности Человека вне временных ограничений.

Она может сказать сегодня без тени фальши: «Жизнь без идеи ужасна. Может, во имя этого и стоило пострадать, покричать от боли и отчаяния, поспорить, а главное – что-то сделать, что принесёт пользу другим». Последний труд Налоевой, сегодняшний смысл её жизни, восполняет «белое пятно» истории древнего народа – кабардинцев. Незаконченный, лежит он на столе аккуратными стопками исписанных бумаг. Получился довольно увесистый том, дающий представление о происхождении и начале исторического пути кабардинцев – одной из ветвей адыгского этноса. Она собирала его по крупицам в надежде, что в XXI веке «все тайны адыгской истории будут разгаданы и перестанут

быть предметом мистификаций». Она убежденно аргументирует – настоящая история кабардинцев существует.

Более того, ей удалось нащупать этот исторический клубок этноса. Она думала, искала доказательства. И судьба наконец-то улыбнулась ей, представив редкий шанс осветить и эту тайну загадочного народа кабардинцев. Многолетний труд Евгении Джамурзовны почти завершён, осталось только откорректировать, добавить или убавить какие-то штрихи. Но два года тому назад случилось непредвиденное. Евгения Налоева ослепла. Стало быть, не может довести главный итог жизни до конца.

«На мне найдешь, пожалуй, след вчерашний, но ничего от будущего нет», – скажет она стихами.

Всё же, несмотря на жестокость очередного испытания, Евгения Джамурзовна подтянута, элегантна, полна жизни, превосходный рассказчик, ироничный к себе и к другим. Её мозг в 80 лет работает безупречно. И зрение, говорят врачи, имеет шанс к восстановлению, сетчатка не повреждена. Было бы желание и средства оплатить счёт за дорогостоящую операцию. Мечтает Евгения Налоева о клинике хирурга Мулдашева. Наслышана. Наверняка нет ничего нелепее и противоестественнее, чем невозможность видеть мир и размышлять о его судьбах, будучи одаренным от Бога учёным. Когда-нибудь история нашей культуры, если она сохранится как общечеловеческое достояние в 21 веке, воздаст духовной красоте этой маленькой хрупкой женщины, проделавшей столь неопределимую кропотливую работу по собирательству и обработке исторических фактов, призванных стать фундаментальным открытием в «белой» летописи многострадального адыгского этноса.

Очень хотелось бы надеяться, что найдется Рыцарь Большого Сердца, который поможет ей, сидящей в небольшой каморке многоэтажного дома в Нальчике и всё самое сокровенное доверяющей голубям, слетающим на «хлебосольный» подоконник четвертого этажа.

Корр. Если не возражаете, поговорим о загадках нынешнего времени. Насколько я могу судить, Вы много размышляете об этом и не стремитесь навязать свою точку зрения, но пытаетесь разобраться в запутанных интригах недавних событий 13 октября. Сопоставляете мнения, суждения. Пытаетесь найти мотивацию...

Е. Налоева. Никогда не было таких трудностей в передаче накопленных социальных ценностей от одного поколения к другому, как сейчас. Я объясняю эти сверх сложности тем, что поколения молодёжи сначала были деформированы в эпоху социализма, насильственной оптимизмизации, а затем на них обрушился поток острокритической разоблачительной информации об эпохе социализма, которую они не были в состоянии переварить и освоить, а уж потом и вовсе бросили в пучину цинизма и воровского беспредела.

Пока устанавливали режим демократии, началась невероятная сумятица в мозгах. Испытывая сильнейшее давление нового, открывающегося нам негативного знания о самих себе, своей стране, своей истории, как говорят молодые, профукали «как у страны съехала крыша». Перебрали не только с цинизмом, перебрали с безответственностью власти к своим гражданам, которая и видеть-то не хочет дальше своей кормушки. И вот выяснилось: цинизм переходного времени не так страшен для старшего поколения, сколь опасен для молодых. Поначалу демократизация в России обещала многое. У массы молодых людей возникли

какие-то надежды, идеи, желания... – иллюзии, как оказалось, потом. Молодежь получала импульс через СМИ, приходила в активное движение поиска координат.

В большинстве своём мечты и желания были смутными и неясными, хотя бы потому, что большая часть молодёжи смотрела на мир через обывательскую культуру кино и ТВ. Такая культура сосредоточивает незрелого человека только на самом себе, на своих мелких страстях и желаниях, меркантилизме. Потому молодежь оказалась перед проблемой: как реализовать энергетический потенциал, когда ты не нужен собственной стране, а жить хочется не хуже, чем голливудские кино-герои. Вскоре появились и политики, и духовники, которые стали обращать «беспризорную» молодежь к идеям крови и почвы с позиции «торгово-посреднической религии». Это не только ваххабизм, в России религиозных сект наплодилось за последние годы тьма-тьмушая. Ну а потом люди очнулись от психотерапевтических сеансов ТВ и разных колдунов и захотели решать какие-то нравственные проблемы, чтобы смягчить «жесткий климат» жизни. Только бессознательного импульса смягчить все противоречия новейшего времени капитализма оказалось недостаточно.

Вообще трудно судить тех, кто моложе тебя. Тем более – не зная всех обстоятельств дела. Скажу одно: жизнь не имеет смысла, если у человека нет цели что-то сделать для других, проявляя себя при этом творцом.

Корр. 13 октября были задействованы в качестве детонирующей силы молодые люди с религиозными убеждениями. Что бы Вы могли сказать по этому поводу?

Е. Налоева. Противоречия между странами, народами и религиями во все века были и, видимо, останутся надолго. История человечества 21 века не будет исключением. Вопрос в том, чтобы «войну не решать войной», как вышибают «клин клином» в обычной житейской драке. Не только политики ясного ума, но и гражданские организации должны решать проблему войны и мира, ни в коем случае не доверяя военным. Мир слишком хрупкое явление, чтобы доверять его только политикам и военным. Знаете, если бы в своё время с этим новоявленным ваххабитами, бездарными по своей идее, проводились дискуссии, где участвовали бы учёные всех стран мира, и за всем этим наблюдали бы главы государств, которые сегодня ломают копья в борьбе с терроризмом, – возможно, ложная доктрина богоборцев была бы очень быстро и без всяких военных действий разбита. Надо учиться спорить с оппонентом, а мы ещё этого не умеем или не хотим. Бороться с ними надо интеллектом, разоружать в научном споре. Не всякий плюрализм есть мера здравого смысла. К тому же ваххабизм на Северном Кавказе не выдерживает критики, в особенности среди адыгского этноса.

Некоторые учёные рассматривают эту своеобразную ситуацию как проявление атеизма или как религиозное безразличие. Переплетение и мирное существование язычества с мусульманством, насильственно внедрённого эмиссарами султанской Турции в раннесредневековые адыгские сообщества, как не парадоксально, не сопровождалось, и даже в более поздние века, фундаментализацией религии. Многочисленные адыгские племена, отвергая фундаментализм мусульманской религии природой своего мышления – приспособили её к своим обычаям и традициям через феномен «Хабзэ» – архитезис нравственной культуры адыгов. В недрах языческих верований адыгов нормы «Хабзэ» занимали прочную, а со временем и вовсе основополагающую позицию веры, являясь продуктом дли-

тельного исторического процесса. Истоки её в рационализме, что уходит корнями в тысячелетний период накопления знаний и ценностей народом, который, естественно, стремился выжить в агрессивном противостоянии народов и религий.

В силу этих особенностей традиционная культура адыгов, при всей обращенности к небесному миру, никогда не отрывалась от земной среды и в то же время являлась частью общекавказской и мировой цивилизации. Незнание всегда порождает призраки, это – печальная примета и нынешних времён. Абсолютно уверена в том, что если основные игроки на мировой политической сцене договорятся между собой «не метать копий друг в друга», международная политика не будет знать терроризма с лицом религиозного фанатика. Но в истории не бывает «если». Войны связаны с незнанием либо нежеланием менять что-либо. Кто в нашей республике знает, что такое ваххабизм? Единицы. Где он возник? Какова его цель? И почему надо скрывать убогость этих убеждений? Или узнавать об этом, когда уже берут в руки автомат? Тут важно понять: выход из неразрешимой ситуации всегда есть. И он состоит в создании общественного мнения, общественного сознания и стыда.

Разве не ясно, что убивать другого человека иной веры и взгляда на жизнь – преступление перед Всевышним Создателем.

Что за мусульманин, который пять раз в день молится Аллаху, а затем берет в руки оружие и стреляет в себе подобных? Без всякого бряцания оружием людское сообщество легко разобьёт идею ваххабизма, если оно образованно и заинтересованно в мирном диалоге.

Корр. Значит, в прошлые годы людям не хватало знаний и дискуссии, чтобы снять напряжённость в этом вопросе? Чтобы силы добра и мира победили, нужно было просто снять «табу» на эту тему?

Е. Налоева. Свобода слова – вот ключ ко всему. Она должна быть всегда. Пусть каждый высказывает свою точку зрения. Если бы они имели право высказывать своё мнение в своё время, вряд ли они дрались бы.

И вообще, никакого интереса к ним не было бы. Всё запретное всегда сопротивляется. А что там они исповедовали – мы не знаем. Знаем, что пришли с оружием. Скорее всего, люди занятые своим делом и увлечённые даже не захотят узнать это. Мир знаний очень широк и интересен. А потому запрет как бы оправдывает их. И это, замечу – нехорошо. К чему я веду? Эти молодые люди взяли на веру чужие убеждения, а не знания. Вера, основанная на невежестве, безгласии, страхе, секретах, оторванности от мировой культуры, истории, философии – это тупик вырождения. Самомнение привело к печальным последствиям 13 октября. Замешенное на обмане, оно породило преступление. Молодёжь, не умеющая дышать разряжённым воздухом свободы, не привыкшая жить в условиях ужесточающегося капиталистического роста цен на жизненные блага, не защищённая культурным слоем своих предков – запасом духовности – стала добычей политических и религиозных авантюристов. Я понимаю, что многими людьми на Северном Кавказе эти события переживаются очень болезненно, ведь жизни их детей оказались разбитыми или уничтоженными ложными кумирами. Но другой возможности освободиться от плена тяжелых раздумий, последствий этой трагедии, у нас нет, кроме как взглянуть правде в лицо и заняться образованием своих детей.

Корр. 13 октября оставило нам не только правильное понимание прошлой эпохи, но и урок на будущее. Урок недопустимости ухода от политики и пассивного ожидания чего-либо?

Е. Налоева. Мы только-только начинаем от веры во что-то переходить к знаниям, начинаем получать жизненный материал, позволяющий знать о том, что было с нашей страной, как развивалось наше общество, и что с ним происходит сегодня. К сожалению, оно не скоро станет гражданским. Только сейчас зашевелились школы, вузы, стали делать какие-то усилия. Министерства образования и культуры, по делам молодёжи и спорту – вдруг вспомнили о своих главных обязательствах перед народом. В один голос заговорили о спасительной борьбе за юные души граждан России. В рамках национальных проектов и драматических событий на Кавказе пришло осознание необходимости диалога.

Мы очень долго шли к этому, дай бог, если пришли. Эти знания, помогут оценивать события и самочувствие молодёжи в контексте социального переустройства России, а не сбрасывать их на обочину дороги, чтобы довольствовались чужими истинами, навязываемыми им со всех сторон «знатоками» религий. Поверьте, цена этому знанию дорогая, и расплачиваться за него мы ещё будем долго. К сожалению, люди в нашей стране даже сейчас живут по твердо усвоенному принципу: другой человек не может и не имеет права быть другим человеком, со своими особенностями и традициями. Словом, объяснить это можно только дефицитом терпимости при дефиците знаний и культуры.

Корр. И это все опорные точки, которые помогут нам преодолеть кризис на Северном Кавказе?

Е. Налоева. Когда мы начинаем рассуждать о первопричинах «кризиса молодых», мы забываем о простом человеческом счастье – счастье удовлетворения от своего труда.

Оказывается, мы не даём молодым людям этого удовлетворения. Найти себя бесконечно трудно. Большинство молодых людей имеют неярко выраженные способности, размытые отсутствием хорошего образования и рынка труда. Сколько их стоит у Центра занятости населения? Многие заканчивают вузы, может и неплохие, а затем – пополняют ряды безработных. Все остальные причины, простите за резкость, выглядит болтовнёй, пока у молодых нет работы.

Сейчас недоумевают, как могли сочетаться энтузиазм, трудовой подъём с эпохой репрессий? Тут есть свои сложности, но, очевидная вещь – шёл процесс созидания страны, и в нём главной действующей силой была молодёжь. Я не берусь говорить об этом во всех подробностях – тут нужен экономический анализ, но скажу с уверенностью одно: в Кабардино-Балкарии любят работу и хотят работать, но нет экономической среды, она разрушена переделом собственности. Сменой общественного строя. А Вы знаете, как безработица дезориентирует людей. Сейчас, как ни странно, когда не стало коммунистического режима, люди больше стали коммунистами по вере. И как оглушённые повторяют один за другим: «Ой, как хорошо было при коммунистах!» Что было хорошего – не надо забывать. Но и не надо предавать забвению чудовищные преступления коммунистического режима. Советская империя была исторически нежизнеспособна, поэтому и развалилась. И мне очень жаль Путина, который, как президент, обречён привести в общий порядок с успешно результирующей в политике и экономике государственной системой эту огромную, многоязыкую, многоукладную, многонациональную, не уважающую друг друга стихию народов.

И сейчас продолжается агония той страны. Не берусь определить, какие задачи прежде всего надо решать на Северном Кавказе, но убеждена, что при-

ритетом номер один в России должна стать правда. Как прекратить ложь, каким образом изгнать ложь из всех кабинетов власти, каким образом восстановить доверие народа к власти? Очевидно, следует ввести строгую ответственность за обман. Если мы хотим бороться с массовым воровством, цинизмом, коррупцией, беззаконием мы должны помнить о будущем детей своего народа.

Корр. Неужели история нас ничему не учит? И не приведёт ли тот размах, с которым у нас в республике взялись за культивирование религии, это тенденция и по России в целом, к очередной крайности – клерикализму?

Е. Налоева. История учит – учит вообще. А надо – каждого и в отдельности. Чтобы созрел коллективный разум. Клерикализм делает человека фанатиком. Известно множество случаев во всём мире, когда именем Бога совершались мерзкие преступления. Поэтому дело не в том, чьи это заповеди: Христа или Мухаммеда? А в простом правиле: можно или нельзя совершать преступление против Человека. Вот с этих истин надо начинать жить взрослым, чтобы обеспечить будущее своим детям. Без этого любой нации угрожает скрытое самоубийство.

* * *

Евгения Налоева называет себя человеком из толпы. В определенной мере с этим можно согласиться. Но толпа бывает разной – праздной, ликующей, митингующей, подавленной горем, хмурой, в очередях за хлебом насущным, а то и обречённо жертвенной. За свои 80 лет Евгения Джамурзовна прошла через все толпы. После реабилитации перенесла тяжёлую изнурительную болезнь – туберкулёз, как следствие многолетнего голода и холода в сталинских лагерях. Но сила духа и огромное желание вернуться к полноценной жизни помогли ей подняться и над этим испытанием. Долгие годы работала чернорабочей в Сухуми, где под нещадным южным солнцем вытравливалась – вместе с воспоминаниями – палочка Коха. Чудесным образом Налоева выздоровела, благодаря климату и фруктам. В конце 70-х [1] ей разрешили вернуться в Кабардино-Балкарию. Начиная с этого момента, она неустанно священнодействовала за преподавательской кафедрой юридического и исторического факультетов Кабардино-Балкарского госуниверситета. И с высоты, доступной её жизненному опыту и мудрости, подсказывала студентам дорогу к здоровому смыслу. Прощаясь с нами, Евгения Налоева сказала: жизнь тем удивительна, что испытывает тебя на прочность и подсовывает всё новые сюрпризы. Не знаю. Знаю, что даже ослепшая – Евгения Джамурзовна не намерена сдаваться обстоятельствам. И верит, что завтрашний день будет лучше вчерашнего, потому что всегда есть люди, как и в отдалённом прошлом, так и в настоящем, которые выпрямляют зигзаги истории. Разумеется, в интересах человечества. «Как говорили древние, – повторяет она, провожая нас к двери, – в складках любой истории дремлет дьявол, но это не значит, что не бодрствует Господь».

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Евгения Джамурзовна Налоева вернулась из Сухума в Нальчик на постоянное жительство в конце 60-х гг. В тексте, скорее всего, допущена опечатка. – А. М.

Раздел XI
СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Е. Д. НАЛОЕВОЙ,
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ
СЦЕНАРИИ, СОЗДАННЫЕ ПО МОТИВАМ ЕЕ БИОГРАФИИ

ХБЭИУПЭ ДжэбрэИил

ГЪАЩІЭ ГЪУЭГУХЭР

Нало Женэ деж

I

ГъащІэ гъуэгухэр зэпэтхытхыу,
Стхыж ежъухэр кьоукъубий...
Ярэби, зи макъ зэхэсхыр
Хы макъамэ – Іэгъуапий?

Жъапщэ фийми сымышынэ –
Пшынэ макъкІэ згъэмэхынщ,
Е нэхъ уэххэм шынэшынэ
НапІэ хужьхэр кьыдэсхынщ.

Хы толькъуным теспхъэжынщи,
Зэрипхъуатэу, жеижынщ.
Жэщыр шабэу теспхъуэжынщи
ПщІыхь бырыбкІэ слъэщІыжынщ.

Жэщ слъэщІыжым ткІуэпс кьыхэхум,
Махуэм мыщІэу хэзгъэпщІэнщ,
ПщІыпщІ зэпыту зэхуагуэхум
Хуабэу хэльыр зыхэпщІэнщ.

А хуабагъэр зыхащІэнщи
ЩІым и гъуэгухэр дэпщІыпщІынщ,
Уи гурыщІэм уеупщІынщи,
УпщІэ куэди ІупщІ кьищІынщ.

ГъащІэ гъуэгухэр зэпэтхытхыу,
Хы толькъунхэр доукъубей...
Ярэби, псы макъ зэхэпхым,
Хэт кьуитами, – уэ убейщ!

II

БгъэщIа гъащIэм гъуэгу и мащIэт,
Псори кыпхуэщIэжым?!
Зым, лъэм щIэжу, уишэм мащэм,
Iуащхъэм зым уишэжырт.
...НэхуфIэщIыжти, ухэплъэжым –
Гъуэгущхьиблыр благъуэт...
Лъагъуэ закъуэр зэкIуэлIэжым
Жэщ кIапэ теплъагъуэт.

Е абрагъуэу жэщ-мэл фIыщIэм
Зибдзэм и тхы упщIэм,
Уидзт дунейр щымыджэмыпщIэ
ПщIыхь пхузэмыгъэпщIым.

ПцIащхъуэ унэу жей щэщэжым
КIэлыщыпэ псэми,
Гъуджэм хуэдэу укьищыжу,
Уоплъэж ущIэпсэуми:

Мы дуней хуэмыджэмыпщIэ
ПцIы-бэджихь зи лъахъуэ
Хъер зи гъуэгуи кытемыпсэм
Уи псэм пхеш зы лъагъуэ.

III

IукIэ къэсIункI макъхэм я макъамэр
Мо мей гъагъэм и мэм къеуткIэпщI...
Жыг къэшхьэлъэм жиIэ сфIощIыр «мамэ»,
И къудамэр щихуэм джыдэ куэщI.

Куэди мащIи щIым кыщыткIу ди гъуэгур
Уэгум псэкIэ зэм-зэм идохъуэж...
Гъуэжь хъуж тхьэмпэр мыплъэ зэи уэгум –
ЩIыгу зытехуэр псэхупIэ хуохъуж.

Щхъуэмчрэ пэт, бжыхьэпэ кыщылгъальэм,
Лъэр теувэм, вуууэ зыпыIуедз...
Удз зэмышхьхэм щхъэж иIэжщи пIалъэ,
ЩIыльэ-гуэным жылакIэр зэхедз.

Удзым, зыр гъужами, зыр къокIыжыр,
Жыгым къудамэщIэ кыдожыж...
Псэм щеджэжым, жаIэ вагъуэ ижу...
Хъэрш ешами вагъуэр имыбжыж!

Ауэ хьуркьым цыхур дымышуапсэу,
Псэр хуэпсэнырщ кызыхуигъэщар...
Мащли куэди гъащлэм сыт и уасэ,
Уи псэм лъагъуныгъэр зыхищам.

IV

Сыздишэр дэнэ мы гъуэгуанэ жыжьэм?
Е тлэклу хуэжьылуэу гъуэгу сытеува?
Зэман выгужьри адэ-мыдкIэ йощIэ...
Щымахуэщ, гъатхэщ, зэм бжьыхьэ уфаш...

Сыздишэр дэнэ мы гъуэгуанэ жыжьэм?
Пщэдджыжь дыгъэпсым тлэклу сыкыгъэпцIа?
ГупцIанэ псори сфIощIыр дыгъэпежьэ!
Алып хьыжьэ тесым хэт емышуэпсар!?

Гупсысэ цIахуцIэр зэм щIолъэтыр пцIащхуэу,
Зэм, уафэхуэпскIщи, дуней псор долыд...
Псэм зэпилыгъхэм, си щыхьэту Уашхуэ,
Щхьухь кыщыхадзэм нэгум щIолъэт вынд...

Сыздишэр дэнэ мы гъуэгуанэ жыжьэм?
Жьуджалэу ныбжьыр гъуэгум доджэрэз.
Ныбз мащIэ иIэ гупсысэм, зишэщIым!?
Зэм пщIыпщIу пфIэщIми, зэм блащхуэ шэрэзщ!

Шэрэзщи, хуэпскIыу си гум зыхеукIэ!
КIэлыпхуэу щIышхуэр, гъуэгухэр йошэщэх...
Зэхахкьым жысIэр, сыджэ пэтми IукIэ,
Зи кIэпкьыр ща выгужьри щэщэнщ Iлэх

АЦКЪАН Руслан

УНЭ

Мастерскойм Iэнэ щиухуауэ, сурэтыщIым кыщальхуа махуэр егъэляпIэ, дэри ар дыдоIыгъ. Хуэухуу жаIам щIэ щIэткьым. Абыхэм седаIуэрэ, хьэщIэхэм я нэгум соплъэ, щхьэж сурэтыщIым зэрыхушытыр зэхэзгъэкIыу: хуэухуу щыжаIэм и деж зыми игу илбыр хуэгъэпщIуркьым — хэт нэкIэ, хэти IупщIэкIэ кьелуатэ.

Щыслъэгъуар кысхуэмыщIэж цыхубз лъагъугъуафIэм си нэр тонэ. Нэгъэсауэ пагагъэм и сурэтщ. Щхьэц дыжьыныфэр Iуву зытель и щхьэр лъагэу иIыгъщ, уеблэмэ ерыскьыр и жьэм щыхуихьми. И IэбэкIэр кыгу дамэ IэтыкIэу щабэщ, и пщэ хужь кIыхьри кыгум ейм ещхьщ, и джийм ехыр уолъагъу жыхуалэм хуэдэщ. Къэзыгъэщар ирибгъэкъэншэну и нэкIум зы щхьэусыгъуэ ибгъуатэркьым, ныбжьым елбытауэ зэгуэр псоми квалбыс зэля закъуэтIакъуэм фIэкIа, ари

кьоклу. Зыщлыплэки еплэжыркыым, псалгэ зэрызыххэ кыжьэдокри – ахэри гум кьонэж. Кызыхэклар сымьщлэу согупсыс а цыхубзыр цыхухэм нэхэрэ бзухэм пэклэ нэхь япыщлауэ кызырэщлэкыным...

Цыхубзым сызэрэплым гу лытауэ, кызыбгэдэсым желэ: «Абы нэхь гугуэ ехьа адыгэ бзылхугэм яхэту кыщлэкынкыым, итлани еплэ кызырэзы-этенам. Уэркыым кызырэхэклар иггэгуэщакыым, и лым хэль пагагээрщ ар кызыгэлар. Лым куэд илыгщ, кьуэш...».

А псалгэхэм я щыб кыдэтым сегупсысу сыщысщ пщыхэщхьэ псом. Ахэр кызыжезылам дыщыклуэжккэ сыпкырыупщлыхын си мураду, дыщы-тэджыжыным сыхуоплащлэ. Сурэтыщлым псалгэ щратым согуфлэ: бысымым псалгэ щылысаклэ, ежьэжыгуэр кьэблэгъащ, арщхьэккэ нэхь иужылуэклэ жрагэлэну мэлылуэ, иджыри тлэклу дыщысмэ флэфлщ. Нэгъуэщлэ щхьэусыгуэ имыгъуэтыжу, мыдэ сэ зы бдзэжьей гэгъуа бэлыхь силэщи, сырэ дытефы-хьурэ тшхынщ, – жи. Бдзэжьейшхуэ лэнэм кыитрельхьэ, зыгуэрхэм абы зрадз, ныщхьэбэ адыгэ шхыну яшхар ящыгъупщэжауэ. Цыхубзым и лупэр занщлэу зэрыщхуэнтлам гу лызотэ, и фэри пыклащ. Сыту плэрэ игу иримыхьар? Кы-хуагэгъуэну мэлылуэри, мэтэджыж. Зэрыплащлэр щыжилам, хагъэзыхьыщэр-кыым, цыхубзщ, езэша кыщлэкынщ, жалэри. Кызыбгэдэсри мэтэджыж, ар иггэклуэтэжыну. Арати, си мурадыр зыхуей хуэмызауэ кьонэ.

Цыхубзым и гугуэ кысхуэзыщлар етланэ махуэм кызыогъуэт: зи клапэ кысылэрыхьа хыбарыр и клэм нэс кьэсщлэну сылэрт. «Езым кыпхуиуатам нэхьыфлэ, ауэ кыпхужьэдэшынкыым, гущлэгъуэ щлэлэлуу кьелытэж, абы те-ухуауэ зы псалгэ жиэху, – кьрегъажьэ сызыхуэклам. – Сэ слээкынураши, сщлэ тлэклур бжеслэнщ, сызэриыхьлыр кьэзггэсэбэпурэ, Гуащэнэ ильэс куэдккэ кыжьэдэсша мащлэр»...

Тутнакэщ ящла вагонхэр плланэпэ гуэрым дауклауэ дэтщ мазэ бжыггэ хь-уауэ. Нэгъуэщлыплэ зэрагэлэпхуэным и хыбар кьолу, ауэ мэклуэдыж. Зауэм и гуащлэгъуэщ, абы и луэхур зыгуэрым темыхьауэ тутнакхэр мы щлыплэ бзаджэм ирашыну кыщлэкынукыым. Нэгъуэщлыплэ яшэмэ, я луэху нэхьыфлэ хьуну щхьэ кьащыхьурэ? Цыхур пэуху нэхьыфлым щогугь.

Мо хуабэ цывыгъуэм мывэмрэ пшахуэмрэ зэбэклэ щлыр кыггэплэаши, псэр еггэбамплэ, пщлэнтлэпсымэм уетхьэлэ. Тенджызыр гьунэгъуш, ауэ абыккэ зы лэбакъуэ чьи еплыт – клэлыплэаклуэхэм шэ флыщлэр кьаутлыпщынщ.

Гуащэнэ тегуэульхьэплэм, кылылыса етланэ кьатым тесщ. Ильэс тлощлэ иримыкьуа а пщашэм апхуэдиз и дахаггэщи, цыхубз мэжэщлалэхэм я нэр кьафлы-тонэ, иджыри дахаггэ зэрыщылэр ягу кьеггэжыж. Хьыджэбзым и лэпэ псыгъуэ цыккымккэ хьэуам зыгуэр щретхьэ зэпымычу. Ихьуреггэклэ щлэурэ тхьэусыхэ макгэрэщ, ауэ абы зыри зэхимых хуэдэщ, и нэхэр лыду лэпэр зэреггэаклуэ. Пщашэр зи ужь итым кытезышыфу щылэр зы закъуэщ – цлэхэрэщ. Вагоным зы лэгуплэ илэкыым абыхэм кышамыпщыхьу – плыжьхьэу, щхьуэ-флыщлафэхэу, уеблэмэ, хужьхэу. Кыздикри дэнэ а кьомыр?

Хьыджэбзым зэ адэклэ, зэ мыдэклэ щызэхэщлэ аргуэру цлэхэр кызырэы-клэрыпщхьэр, абыхэм хэт ялэщлэкын. И гур кьоклуэ, и щхьэр уназэу хуожьэ. Кыхуэнэжа бдзэжьей закъуэр кьэщтэри, тегуэульхьэплэм кьопщых, ар зрита цыхубзым, гуфлэу, и щхьэцыгъуэшхуэм цлэхэр кыыхуещыпыккэ, еллэлапэу иплытгыжу. Ныбэм уимыггэщлэн щылэ.

Гуашэнэ кьрат бдзэжьей гьэгьуар ишхыркьым, апхуэдэу кьегьэсэбэп. Ар ишхмэ, псы хуэлэнущ, махуэ псом кьратыр псы лубыгьуэ зыбжанэщ – сыт и щхьэм и зэран кьыщилльыхьуэжынур, абы кьыхуищлэнум нэхьрэ и ныбэ нэщл и лэ телъыжмэ нэхьыфлщ. Модрей кьомым, мэгужьейри, яшх бдзэжьей шыугьэр, занщлэу лэнэу я гугьэщ, абыхэм я флэщ хьуркьым цыхум ныбэклэ хуэхьынур зыхуэдиыр.

Гуашэнэ, тегьуэлъхьаплэм допщеижри, зыкьомрэ нэхьхьейуэ шысщ: ерыскьы лыхьэклэ цыху зэригьэпудам ироукьлгэ, ауэ сыт ищлэн, цлэм зригьэшхын. Мэукьлгэж, мэукьлгэжри, лэпэклэ хьэуам зыгуэр щритхьэу мэтлэсыж. Абы «унэ ещл» мазэ бжыгьэ хьуауэ, ауэ иджыри кьэс унащхьэм нэсакьым, дахэ-дахэу ищдын хуейщ, иужьклэ щлэмыгьуэжын хуэдэу. Езыр шыжеину пэшыр дыгьэ кьыкьуэкьлпэмклэ егьазэ, дыгьэ бзийхэр и нэгум кьридзэу пщэдджыжьклэ кьэушынырщ игьащлэм и хьуэпсаплэр. Щхьэгьубжэхэр бгьуэуэ икли льягэу ещл, пэххэр нэху хьун щхьэклэ – абы нэху зыпищл шылэкьым. Блынхэри льягэу дрещлэй – унащхьэ льяхьшэ теплэ хьуркьым, кьытегупплэу, щлпльытлэу кьыщохьу. Псом нэхьрэ нэхь дахэр икли хуитыр шапла унэрт, ауэ абы трищыкьлну хуейкьым, гуауэ куэд щилъагьури игу шыкьлщ: и адэр а пщлэнтлэм даشري ягьэклэуэдащ, а гуауэм илльыкьлжаш анэри.

Гуашэнэ ещл нэгьуэщл унэ, насыпыфлэу щлэсыну, бын кьилъхуу щипльыжыну. И хьуреягьыр мэщлэу, мэгьуэж, мэгыз цыхуищэ бжыгьэхэр гугьэжьыркьым, хуэму ллэныгьэм зылэщлелъхьэ – Гуашэнэ «унэ ещл», ар имыхуы хьунукьым.

Псом нэхьрэ нэхь хьэлъэщ жэщыр. Пщлэнтлэпсымэ, пырхь, щлэу – абы нэгьуэщл гуэрхэр кьыхохьэжри, си фэм сипщхьэжарэт жыуагьылэ. Дауэ шымытми, жейм пэльэща шылэкьым, сыхьэт зытлущ хуэдэклэ мэжей. Вагонхэр зыхьумэ сэлэтхэм я клий макьым кьегьэуш: икьлнхэу унафэ кьыхуащлу аращ. Иджыпсту кьыпэплъэмэ нэхь мащлэу флэлльыркьым Гуашэнэ...

Зэхэбэгьжауэ цыхухэр вагоным кьох, языныкьуэхэр кьопщых. Пхьэ дэклэуеплэ зэупсея бошклэшхуэр утыкум итщ, аращ я псыунэр, чырэу абы ирахуллэ. Псоми укьалъагьуу абы утетлэсыхьэныр дауэ кьыпщыхьурэ, ауэ сыт пщлэн.

Вагоныр кьахужри, бдзэжьей гьэгьуа зырыз кьрат, шыугьэ хьужауэ. И лыхьэр щхьэнтэм щлэури, унэ щыным и ужь йохьэж Гуашэнэ. Апхуэдэу макьлэу сыхьэтхэр, махуэхэр, мазэхэр, зым нэхьрэ кьыкьлэтыкьлэуэр нэхь хьэлъэу.

Махуэ гуэрым тутнакьэщым исхэр ирахужьэ тенджыз лэныкьуэмклэ. Мо кьарууншэ хьуахэр зекьлэужыфыркьым, джалэр кьлэтыплъакьлэуэхэм я плэ кьрамыгьэклэу яукьл. Кьрагьэлын я мураду я гьусэхэм яльэф, лыпсыр кьижу я фэр трильэфуауэ. Тенджыз лүфэм кьрахуллэ кьхухьым нэсыным кьахуэнар лэбакьуэ зыбжанэщ, ауэ ахэр псом нэхьрэ нэхь хьэлъэщ. Гуашэнэ и кьарур мэкьлэуэщл, ауэ зымыгьэджалэу зылыгьщ, джалэмэ яукьлнущ. Иджыри зы лэбакьуэ, тлү, шы... Унэр иухын хуейщ. Иужьрей гьущлпунэр хеукьлэ. Иджы пщлэнтлэр кьыхухьын хуейщ. И лэпэмклэ бжыхьыр кьрегьэклэуэклэ. Ари зэфлэклэщ. Кьхухьым нэсыным кьыхуэнар лэбакьуэитхуш – зы, тлү... Удз гьэгьахэр дэнэ деж шыхисэну, ахэр кьышыгьушщэрти? Моуэ нэм кьыщлэуэу кьахуэгьуэтын хуейщ гьэтлэсыплэ. Ари кьыгьуэтащ. Сыту дахашэу гьэгьэну иджы ахэр, сыту мэ гуакьлэуэ кьапыхыну абыхэм, бжэхэри занщлэу кьепщлэнуш, кьепщлэнуш, кьепщлэнуш...

Кьхухьым иуващ. Иджы алыхьым жыхуилар хьунщ. Кьхухьри бжэуэ мэву... Си псэлъэгьур щым мэхьу. «Адэклэ-щэ?» – сытепылэркьым.

– Адэки? Адэки ахэр тенджыз гьуэгуклэ кьалэ гуэрым – и цэр сцлэжыр-кьым – лъэхуэщ ин зьдэтым яшэ. Куэд мышцлэу кьаутлпщыж Гуашэнэ емьзэш а луэхум и ужь ита гуэрым и фыгьэклэ, пцлы кьызэрытральхьари налуэ мэхьу. Кьаутлпщыж, ауэ ильэс зыбжанэ нэхь дэмыклыу аргуэру ягьэтлысыж. Цыху гумызагьэт, и нэр кьрихуу хэти жрилэрт пэжыр, абы и зэран кьеклэщ аргуэру, дауэ ящми ирагьэгьэтлысаш жагьуэгьухэм. Гьэпцлагьэклэ ирагьэгьэтлысаш. Мы зы гьуэгуанэм Сыбыр ягьаклуэри, мээ игьауэу абы щылащ ильэсийклэ. Мис аращ, кьуэш, гьашцлэм кьыпхуигьэфэщэнур пцлэнукьым, ауэ апхуэдиз гуауэмрэ гугьуехьымрэ плэзгуауэ, Гуашэнэ хуэдэу, цыхухэр фыгуэ плэагьуу укьызэтенэжыфынри насыпышхуэщ...

Зэрылащлэри желэри, си лэр кьекьузыж хьыбарыр кьысхуэзылуэтам.

– Унэ ищла сытми? – сыклэльоджэ, нэгьуэщл жыслэн сымьгьуэтыжу.

Ар, кьызэтоувьлэжри, тэлай щыму щытц. «Гуашэнэ попугай илэщ ады-гэбзэклэ псалъэу!» – жи сызыпэплэа жэуапым и плэклэ...

АЦКЪАН Руслан.

Унэ//Усэхэр новеллэхэр.

Налишк. «Эльбрус» 1993. С. 81–84.

Руслан АЦКАНОВ

ДОМ

Собрав друзей за праздничным столом в мастерской, художник отмечает день своего рождения. Тосты провозглашаются один за другим. Слушая их, я всматриваюсь в лица гостей, стараясь определить истинное отношение каждого из них к виновнику торжества: когда человек произносит тост, он не может скрыть то, что у него на душе, – кого-то выдает выражение глаз, кого-то – невольное движение губ.

Мой взгляд задерживается на привлекательной женщине, кажущейся мне знакомой. Весь её облик – олицетворение достоинства. Тонкие безукоризненные черты лица. Редкие морщинки, которыми время одаривает каждого, только украшают ее... Благодородный изгиб белой шеи... Лебединая плавность движений... Гордо посаженная голова в ореоле густых золотистых волос остается высоко поднятой даже когда она притрагивается к еде. Ни на кого не оглядывается, изредка вставляет в общий разговор короткие замечания, запечатлевающиеся в памяти. Почему-то, глядя на нее, я думаю о том, что душа этой женщины больше родственна миру парящих птиц, нежели миру людей...

«Нет, наверное, среди черкешенок второй такой, на чью долю выпали бы столь тяжёлые испытания, и посмотри, как она хорошо сохранилась, – прерывает мои размышления сидящий рядом мужчина. – Кровь, происхождение предопределяют многое в жизни человека, брат. Вот и она уцелела благодаря своему врожденному достоинству. Она же происходит из уорков (кабардинские дворяне. – Н. М.)».

Весь остаток вечера я провожу в раздумьях о том, что может стоять за этими словами. С нетерпением жду конца застолья, чтобы по дороге домой подробнее расспросить моего собеседника. Радуюсь, когда слово предоставляю

художнику, – тост хозяина означает закрытие праздничного стола. Но гости просят его не торопиться, хотят ещё посидеть. Художник немного теряется, но тут же вспоминает, что у него есть изумительная на вкус сушеная рыба, давайте, говорит, отведаем её вместе с пивом. Он кладет на стол большую рыбину. Некоторые, позабыв сколько было перепробовано за вечер адыгских национальных блюд, набрасываются на нее. Замечаю, как сразу бледнеет женщина, завладевшая моим вниманием, как синеют её губы. Что, интересно, ей не понравилось? Она просит прощения, объясняет, что спешит и встает из-за стола. Её особо не удерживают, понимая, что женщина могла устать за вечер. Мой собеседник тоже встает, чтобы проводить её. Итак, задуманный мной план остаётся неосуществленным.

На следующий день я разыскиваю своего вчерашнего собеседника: мне терпелось услышать продолжение той истории. «Лучше было бы если она сама рассказала, но из нее слова не вытянешь – не любит, когда её жалеют. Поведаю тебе то малое, что удалось узнать от Гошаны за долгие годы общения. Ведь мы – родственники...

Вот уже несколько месяцев стоят в тупике тюремные вагоны. Периодически возникают слухи, что заключенных отправят в другую местность. Война в самом разгаре, и пока на фронте не будет какой-либо определенности, вряд ли их увезут куда-то с этого проклятого места. И почему несчастным кажется, что в другом месте их положение станет легче? Поистине, человек, пока жив, надеется на лучшее.

От неимоверного жара, исходящего от раскаленных камней и песка, которыми изобилует эта земля, воздух так нагрелся, что дышать почти невозможно. Да и запах пота душит. Море близко, но попробуй сделай шаг в его сторону – пуля надзирателя быстро догонит тебя.

Гошана сидит на доставшихся ей верхних нарах. Яркая красота этой девятнадцатилетней девушки невольно привлекает взгляды измученных женщин, напоминая о том, что на земле еще существует прекрасное. Девушка же непрерывно что-то чертит в воздухе своими тонкими пальчиками. Глаза ее горят, лицо воодушевлено, будто и не слышит она причитаний и стонаний вокруг себя. Девушку от её занятия может отвлечь только одно – вши. В вагоне не найти местечка хотя бы с ладошку, где бы они не ползали – красные, чёрные, серые и даже белые. И откуда их столько берется?

Девушка чувствует, как они наползают отовсюду, и не спастись. Подступает тошнота, начинает плыть перед глазами. Она берет оставшуюся у неё рыбу, сползает с нар, протягивает её женщине, и та с радостью очищает длинные золотистые волосы девушки от вшей, старательно их давя. Голод и не на такое толкнет.

Сушеную рыбу, которую выдают заключенным, Гошана не ест, а использует таким вот образом. Если она её поест, будет мучить жажда, а за весь день дают несколько глотков воды – зачем ей наносить себе вред, легче голод перетерпеть, чем жажду. Остальные же, боясь голодной смерти, сразу съедают соленую рыбу, они и не верят в то, как много может вынести человек.

Гошана, вернувшись на свои нары, долго сидит неподвижно: ей стыдно, что она унизила человека, предложив за кусок еды заниматься таким неприятным

делом. Ей очень стыдно, но другого выхода она не видит. Глубоко вздохнув, примирившись вконец с собой, она начинает снова чертить что-то в воздухе. Вот уже несколько месяцев она «строит дом», но до сих пор не дошла до крыши, дом надо строить капитально, чтобы потом спокойно жить. Спальню свою она размещает на солнечной стороне: так хорошо, когда тебя по утрам будит ласковое солнышко. Окна должны быть широкие, потолки – высокие, чтобы в комнатах было светло – она очень любит свет. Самым красивым и просторным был ее родительский дом, но она не хочет похожий на него, слишком много несчастий она там пережила и сердце к нему охладело: со двора вывели арестованного отца и уничтожили, а позже с горя умерла и мать.

Гошана строит другой дом, в котором вся её семья будет счастлива. Кругом – стоны, плач потерявших всякую надежду сотен людей, многих уже забрала смерть, но Гошана «строит дом», ей непременно надо его закончить.

Тяжелее всего ночью. Скученность людей, запах пота, храп, стоны, многое другое – порой хочется просто исчезнуть. Как бы ни было, удаётся забыться хотя бы на пару часов. Но короткий сон прерывают резкие крики охранников – это заключенным приказывают выйти из вагона. То, что сейчас предстоит, – не менее мучительно для Гошаны.

Опухшие от жары и голода люди спускаются с вагона, некоторые сползают. Перед вагоном стоит огромная бочка, к которой приставлена деревянная лестница, это их туалет, вот туда их сгоняют. Каково это – справлять нужду на виду у всех?! Но что делать...

Загоняют обратно в вагон и выдают по одной сушеной рыбе, соленой-соленой. Свою рыбу Гошана кладет под подушку и вновь принимается за «строительство дома». Так проходят часы, дни, месяцы, один тяжелее другого.

Однажды заключенных гонят к берегу моря. Обессиленные, они передвигаются с трудом. Тех, кто падает, охранники расстреливают на месте. Поэтому более сильные стараются помогать слабым, тащат их на себе, стирая кожу до крови.

До корабля, который подогнали к самому берегу, остаётся несколько шагов, но они самые тяжёлые. Силы Гошаны на исходе, она едва волочит ноги, но падать нельзя, убьют. Ещё один шаг, второй, третий... Надо «заканчивать строительство дома». Вот забит последний гвоздь. Теперь следует обнести двор оградой. Пальчиками выстраивает штакетник. Готово. До корабля ещё пять шагов – один, два... А как же цветник? Чуть не забыла... Цветы, обязательно яркие, надо посадить на самом видном месте. Готово. Как же красиво теперь они расцветут, какой приятный сладкий аромат будут источать! На него слетятся пчелы, они будут кружиться, кружиться, кружиться...

Наконец ступила на корабль. Корабль тоже жужжит как встревоженный улей... Хвала Аллаху! Посмотрим, что дальше предопределил нам Всевышний...»

Мой собеседник замолкает. «А дальше что?» – вопрошаю я.

– Дальше? Дальше их отвезли по морю в какой-то город (название не помню), где была большая тюрьма. Спустя короткое время, Гошану, которая без усталости обращалась в различные инстанции с жалобой о том, что её, ни в чем не виновную, посадили по ложному доносу, освобождают. Но через несколько

лет сажают снова. И снова по злостной клевете завистников. Не могли ей простить прямой характер, достоинство, обостренное чувство справедливости, побуждавшие её заступаться за других. На этот раз она была приговорена к восьми годам каторжных работ на лесоповале и отбывала наказание в Сибири. Вот так, брат, ты не можешь знать, что тебе уготовила жизнь. Но это большое счастье оставаться такой жизнелюбивой, как Гошана, несмотря на перенесенные нечеловеческие страдания и горе, и так любить людей...

На этих словах мужчина стал прощаться.

– Так она все-таки построила дом? – успел спросить я.

Он остановился, чуть призадумался и вместо ответа сказал: «У Гошаны есть попугай, которого она научила говорить на кабардинском языке».

Перевод новеллы на русский язык Мирзоевой Н. С.

Лея Бжахова.

Сценарий телефильма «Соперницы» по рассказу Е. Д. Налоевой

Сценарий основан на реальных событиях из жизни семьи Е. Д. Налоевой. Автор сценария тележурналист Лея Бжахова. Автор идеи – актер театра и кино Аскер Налоев. Перевод текстов диалогов на кабардинский язык – писатель, поэт, драматург Борис Утижев. Телефильм планировалось снять с участием самой Е. Д. Налоевой в 2002 г. в сотрудничестве телевидения КБР и артистов Кабардинского государственного драматического театра.

Хьэжгуашэ – Жанна Тхашугоева

Жансорэт – Фатима Чехмахова; Фаризат ее сестра младшая

Братья Кудабердоковы:

Шытэ

Болэт

Жамырзэ Налоев – Вадим Мисостов

1-й старший, 2-е мужчин, женщины (массовка)

Ефынды

Женя Налоева (девочка-подросток, дочка Жамырзы и Хажгуаши Налоевых) – Амина Алоева

Нартшу – доносчик

1-й допрашивающий следователь ГПУ –

Эпизоды для съемок:

1. Приезд всадников – кони, дореволюционный дом, утварь и Хажгуашэ.
2. Свадьба – (шикапшина, танцующие пары, продукты, котлы).
3. Вечер у родственников – столы накрытые, массовка.
4. Встреча мужа и жены – кухня (лъэгъунлей).
5. Допрос в ГПУ. Дорога в ГПУ – учреждение с кожаным диваном, кабинетом. Парты, портрет Сталина, Ленина, пресс-папье, стулья с высокими спинками. Бричка.
6. Тюрьма: помещение с нарами.

В кадре: Е. Налоева рассказывает:

«Шел 1924–25 гг. Я девочка, летний жаркий день, время к обеду. Мама хлопочет на кухне, ей некогда. А я сижу и жду, когда она обратит на меня внимание».

В кадре: 2 всадников скачут галопом по селу к дому Налоевых.

Голос Е. Н.:

«Я услышала топот конских копыт. Восемь конских копыт тревожной музыкой зазвучали. Стало понятно: что-то случилось. Мама выбежала за порог. Во двор въехали двоюродные мамы братья Кудабердоковы».

В кадре: Е. Н.:

«По адыгским обычаям в селе, если не было беды, не принято гнать лошадей, даже если мальчуган случайно увлечется, ему грозят старшие, а здесь, двое солидных мужчин – стало тревожно».

В кадре: Хажгуашэ и братья во дворе. У коновязи идет разговор.

Хажгуашэ: «Он жив?!» (ЛЮ, зыщыпIэ кыщаукIа мыгъуэу ара?)

ШытIэ: «Хуже ... Он женился!» (Арами удэкIуэтэнт... Фыз кыптришаш).

Хажгуашэ (взяв себя в руки гневно): «Как вы меня испугали! Разве так говорят?! Он жив – это самое главное. Что вы устроили гомон по селу и стоите теперь передо мной как соболезнующие?! Вам ли себя так вести? Мужчины!?!» (Алыхьым фыдыхьжи фэ, – щхэ сывгэшына? ЯмыукIамэ, и псэр Iутмэ, адрейхэр Iуэхукьым. Къуажэр кыщIэвгэукхьуэн хуэдиз хьурэ-тIэ ар? Фыщы-хухьукэ, на-а, мыр, ауэрэ щхэ зыфщIрэ?)

Уже мягче: «Проходите в дом» (ФыныщIыхэ унэм, фынеблагэ).

В кадре: Е. Н. рассказывает:

«Они зашли в дом, накрыла мама стол, села рядом с Болэтом и Пытой. Надо сказать, что братья опекали маму, очень нежно относились к ней в связи с тем, что все ее родные выехали за границу, они следили, чтобы никто не обидел ее».

В кадре: Кухня, за круглым столом трое: Хажгуашэ, Болэт, Пыта.

Болэт: «Поехали мы в Заюково сватать невесту. Путь неблизкий. Остановились у друзей переночевать. Вечером был джэгу. А утром, когда встали, нам накрыли стол, накормили. Вдруг заходят трое, двое мужчин и женщина. Они держат в руках подносы с махсымой и едой. Один из мужчин говорит: «Эта женщина хочет угостить Налоеву Жамырзу». Жамырза в ответ улыбнулся, поблагодарил и сказал: «Как повезло твоему мужу, красавица!»

Женщина отвечает: «Выйдешь замуж тут, когда такие мужчины как ты держатся за фартуки и юбки своих жен». «Ау, – расмеялся Жамырза, – а почему ты решила, что я держусь за фартук своей жены. Да на такой красавице и я не отказался бы жениться». (Iагъугъу, апхуэдэу си фыз и кIэкъуашIэ сыкъуэсу щхэ кыпщыхьурэ уэ, дахэ? Уэ пхуэдэ тхэIухуд кыздэкIуэну сщIамэ, уэлэхьы, сыкъымыкIуэтынт)

«Я согласна», – не отступала девушка. (Деггэплъыт-тIэ укызыэрымкIуэтым!)

Тут в разговор вмешался эфенди, который сидел за столом: «Вот брак благословенный самим Аллахом! Я сейчас напишу накях». И дело стало набирать обороты.

Е. Н. в кадре:

«Отец достал из кармана положенные деньги за обряд и отдал 10–15 рублей. (Это были большие деньги по тем временам).

А братья поехали вперед, чтобы рассказать о происшедшем».

В кадре: трое: Хажгуашэ, Болэт, ПытІэ.

– «Когда же они приедут?»

– «Сегодня, к вечеру»

– «Что мы сидим?! У нас не так много времени. Скачите, предупредите старших рода»

В кадре Е. Н.:

«Привезли старшего – Жанхуэт Налоев. Я забралась к нему на колени, слушаю разговор старших. Они очень обстоятельно выясняют кто невеста, чья, сколько ей лет. После этого старший обращается к маме»

– «Что ты думаешь по этому вопросу?» (Уэ дауэ уеплърэ мы Іуэхум?).

Недолго помолчав, мама говорит:

– «Я хочу, чтобы к приезду моего мужа и его жены во дворе играла гармошка, шел джэгу, чтобы столы были накрыты. Встретить его надо по всем обычаям. Если мое слово для вас что-либо значит, сделайте так, как я прошу». (ДжэгушхуэкІэ дыпежьэну сыхуейщ сэ си лымрэ абы и нысащІэмрэ. Фи дежкІэ си псалъэм мыхъэнэ иІэу щытмэ, хабзэм тегу фапежьэ абыхэм).

– «А может вернее отвезти невесту к нам, пусть вся церемония свершится не в этом дворе?», – сказал Жанхуэт. (Ярэби, ди деж кърашалІэу хьэгъуэ-лЫгъуэри абы щыдэтхмэ мынэхьыфІу пІэрэ?)

Но мама настояла на своем.

В кадре: адыгский двор, дом, везде идут хлопоты, ставят котлы, играет гармоника. На кухне женщины.

За кадром звучит голос Е. Н.:

«До меня не доходило, что переживает мама в эти минуты. Мне было радостно, что праздник, во дворе люди и только с возрастом я поняла это».

В кадре:

– «Здравствуй, Хажгуашэ!»

Кухня, со стороны огорода входит Жамырза Налоев.

– «Пусть будет крепок твой брак, Жамырза!»

(Из кофейника, который она держит, бежит молоко, но она этого не замечает. Жамырза берет кофейник, ставит на стол).

– «Прости меня. Я попал в такую ситуацию» (Тхъэм щхъэкІэ уи щхъэ ирумьгъажэ: апхуэдэу хъуащ, зэрыхъуари кысхуэщІэркъым).

– «Я все знаю, Жамырза! И верю, что ты принял единственно верное решение, ты не стал предметом для шуток сельских острословов. Аллах не дал мне много здоровья, не обижу девушку, она станет мне сестрой» (Сэ псори кыызгуроІуэ, Жамырзэ. Шэчи кыитесхъэркъым а зэрыхъун хуейм хуэдэу Іуэхур зэрыпщІам, къуажэм ауану удамышъэным щхъэкІэ ар зэрыблэжьам. Узыншагъ-эшхуэ Алыхъым кыызитакъым сэ, ауэ цыху зегъэкІукІэ, зегъээзгъыкІэ сощІэ, шыпхъум хэдэу сыхушытынщ, и гуэныхъ къэсхъынкъым).

В ответ на это Жамырза снимает шапку с головы и одевает на голову маме:

– «Я не достоин носить шапку. Она достойна тебя. Я никогда не забуду о том, как ты меня поддержала. Клянусь Хажгуашэ, ты никогда не будешь по-

тревожена этой женщиной. Да, она по обычаям теперь моя жена, но ты ее не увидишь и ничто не смутит покой нашего дома».

Е. Н. в кадре:

– «И выбежал, чтобы не показать своих слез. Мама, опомнившись, вынесла вслед его шапку».

Отец сдержал свое слово. Все продолжалось по-прежнему. Мы росли, были будни и праздники, но никогда мы не почувствовали на себе, что у отца есть вторая жена. Где она живет, бывает ли он у нее – даже односельчане не смели спросить об этом у нас. На этом историю можно было бы закончить. Но жизнь щедра на события.

1927 г. Из Петрограда приехали двое молодых студентов и попросились жить в селе (Жанхуэйтхэблэ). Отец был тогда комиссаром Урванского района. Собрали сход и решили оставить их учителями в сельской школе. А так как во всем отчитывались Калмыкову, то ему сообщили, что есть такие грамотные ребята. Под предлогом, что их хотят использовать в городской гимназии, парней забирают из села. А потом выясняется, что их обвинили как контрреволюционеров и без расследования расстреляли.

Узнав об этом, отец не смог больше работать с Калмыковым, он сам снял с себя полномочия, зная, что этого ему не простят. И не простили. Первый арест – осенью 1929 г. Дали 8 лет. По ходатайству сходов в 18 селах Кабарды Налоева Жамурзу Кубатиевича освободили через три года. К этому времени семья была уже в Таджикистане. Он забрал семью, поселился в доме дяди. Но через год его опять арестовали как врага народа. Больше его никто не видел живым. По документам, представленным при реабилитации – расстрелян в 1937 г.

В кадре Е. Н.:

«Была поздняя осень. Однажды вечером во двор въехал на коне Нартшу. Очень неприятный тип. Он и на коне сидеть не умел. Адыги держатся гордо из уважения к коню, сбруе, обычаям. А этот – свисал просто со всех сторон.

– Эй, ты, – прикрикнул он маме, – завтра на рассвете, чтобы была в Докшукино, в ГПУ, иначе окажешься в Соловках». (Ей, уэракъэ сэ жыхуэсIэр: СэлэфкIий укышыщIидзыну ухуэмеймэ, пщэдджыжь Дохъушыкъуей станцым шыIэ ГПУ-м накIуэ).

– Что случилось? – спросила мама. (Сыт къэхъуар?).

– Случилось то, что ты должна вернуть золото, которое видел у тебя Хьэзешэ Битуев. (Къэхъуари? Биту Хьэзешэ фи деж щильэгъуа дыщэр къыдэфтыжын хуейщ, – уэт къэхъуа!).

– Да что ты говоришь Нартшу! (Сыт хьэдэгъуэдахэ, Нартшу, а жыпIэр!).

– Хватит! – крикнул тот и ускакал со двора. (ЗэщIэкъуэ уи жьэр!).

В кадре: Холодно. Идет снег. Женщина и девочка лет восьми идут из Уруха в Докшукино. По дороге их нагоняет бричка.

В кадре Е. Н.:

«Нас довели до Аргудана, дальше мы пошли пешком. Снег заносил нас. Я устала. Не хотела идти. Мы проголодались.

Вот показалось, наконец, Докшукино. Был уже вечер, стемнело. Завели нас. С оттаивавшей одежды капала вода прямо на пол. Меня усадили на кожаный

диван, а маму завели в другую комнату. Я впервые увидела электрическую лампочку».

В кадре: Комната, в ней двое допрашивающих и девочка.

Допрашивающий: – Скажи, девочка, есть у вас золото? Если скажешь – куплю тебе куклу красивую?!

Девочка: – Конечно, есть. Платье есть обшитое золотом, шапка и пояс – золотой. (Хьеймэ диІэ. Дыщэ ІудэнкІэ кьэдыхьауэ бостей диІэщ. Дыщэ пыІэ диІэщ. Дыщэ бгырыпх диІэщ).

Допрашивающий: – Нет же, ты глупая. Золото такое кругленькое, как деньги?! (Дэ апхуэдэкьым жыхуэтІэр, делэ цыкІу. Моуэ хьурейуэ, ахьшэм ещхьыу).

– Как рубль? А ... нет – такого золота у нас нет. (Уарэ, ахьшэм ещхьыуи дыщэ щыІэ? Дэ апхуэдэ лъэпкь диІэкьым).

Допрашивающий переводит секретарю:

– Девочка говорит, что не видела золото. (Хьыджэбз цыкІум зэрыжиІэмкІэ, дыщэ яІэкьым абыхэм).

В кадре Е. Н.:

«Меня вывели. Я ждала в коридоре и слышала, как допрашивали маму. Это было очень долго, до поздней ночи.

Наконец маму вывели и в сопровождении часового отвели в какое-то здание. А накануне ночью мне приснился сон – я видела большой амбарный замок – и тут я вижу его наяву. Я сразу поняла, что это тюрьма. Нас завели и закрыли за нами дверь на замок. Было очень темно. Мама спросила – есть ли здесь люди, мусульмане.

Из глубины отозвались, мы пошли на голос.

В кадре: Тюремная камера. Две женщины на нарах. К ним подходит Хажгуашэ с девочкой.

В кадре Е. Н.:

«И выясняется, что это женщина чуть постарше Жансорат – вторая папина жена. Другая ее младшая сестра Фаризат Хатокшокова».

В кадре: Диалог между женщинами:

– Прости меня, Жансорат. Это из-за меня ты не жила в доме мужа, не хлопотала возле очага, не возилась с его детьми. (Алыхьым урицІыхумэ кьысхуэгъэгъу, Жансурэт. Сэ си зэранц уэ уи лІым удэпсэужыну, фи жьэгъу пащхьэ фыдэсыжу фи бын зэдэфІыжыну Іэмал щІэвмыгъуэтар).

– Это я виновата, Хажгуашэ! Как это было несерьезно, вмешаться в жизнь порядочного семейства, нарушить ваш покой. Я не думала, что он женат. Накануне во время танцев приглашали его на танец, а он ушел из круга, смутившись. Я и хотела подразнить его, а вышло вот что. Прости меня, Хажгуашэ. Аллах наказал меня, заслав в такое ужасное место. (Хьэуэ, сэращ къуаншэр, Хьэжгуашэ. Акьылыншэ дыдэу Алахьым сыкьимыгъэшІамэ, щхьэ фи унагъуэ дахэм Іэ щыІэкІэ сыныфхэлэбат. Сыт мыгъуэм щхьэкІэ бэлыхь фыхэздзат. Си гущхьы кьэкІатэкьым сэ абы щхьэгъусэ иІэу. Кьэфэну утыкум кьрашати, укІытэри икІыжауэ щытащ. Абы щхьэкІэ моуэ тІэкІу щІэнэкІалэ сщІы щІыкІэурэ жысІати, а си псалэ зытІушым апхуэдизыр кьрихьуаш. Кьысхуэгъэгъу,

Хьэжгуацэ. Алыхьым, мис, а си щыуагъэр хьэзабкIэ сегъэпшыныж, мы щIыпIэ бзаджэм ськьидзауэ).

– Посмотри Фаризат, какая девочка у Жамырзы. Куколка, красавица иди ко мне, дай я тебя обниму. (Еплъыт мо Фаризэт, еплъыт Жамырзэ игъуэта пхуэ тхьIухудым. КъакIуэ, тIасэ, къызбгъэдыхьы IэплIэ зыхуэзгъэщ!).

В кадре Е. Н. рассказывает:

«Она ласково гладила мои волосы. И только на мягкой груди этой женщины, от которой исходили тепло и любовь, я начала успокаивается, страх отступил и, я заснула под звук мирной беседы женщин.

Утром меня отправили на бричке домой, а маму оставили. В знак протеста я долго шла пешком, не желая садиться в их бричку. Но это долго не продолжалось – меня насильно усадили.

Через неделю мы с тетей поехали в Докшукино с продуктами к маме. Но когда доехали, оказалось, что разминулись, – маму отпустили в то утро. А женщин Хатокшоковых оставили – мы поговорили с ними через окно, оставили им продукты.

Я помню, как Жансорат говорила: Какие у тебя красивые глаза, солнышко. Ты вырастишь красавицей».

В кадре Е. Н. плачет:

«Я так хочу встретить кого-нибудь из них. Может они выжили или живы их дети. Столько лет прошло, а я не могу их забыть».

В кадре:

Голос диктора: «Памяти Хажгуаши, Жьэмырзы Налоевых посвящается».

Конечные титры:

Режисер Кетова Л.

Редактор Алоева С.

Раздел XII

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ РАБОТЫ Е. Д. НАЛОЕВОЙ, ЕЕ РЕЦЕНЗИИ НА РАБОТЫ ДРУГИХ АВТОРОВ

Протокол обсуждения доклада Е. Д. Налоевой «К вопросу о политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века» на заседании сектора истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР от 16 декабря 1969 г.

Протокол № 35

Заседания сектора истории СССР
Периода феодализма
Института истории СССР АН СССР
От 16 декабря 1969 г.

Повестка дня:

Доклад Е. Д. Налоевой – «К вопросу о политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века».

Вопросы:

С. М. Троицкий.

1. Назначение доклада. Хронологическое обоснование его.
2. О правах и функциях старшего князя Кабарды.
В докладе идет речь о всей Кабарде или части?

Е. И. Заозерская.

4. Для чего нужна ваша концовка доклада?

Е. Н. Кушева.

5. Старшие князья были в каждой части Кабарды или один?
6. Как вы относитесь к концепции В. К. Гарданова о сохранении дуальных организаций в Кабарде и во второй половине XVIII в.?

Е. И. Дружинина.

Что скрывается под термином «замок» в этот период (для Кабарды)?

Е. И. Индова.

8. Какие источники положены в основу доклада?

Ответы:

1. Тема настоящего доклада является частью моей кандидатской диссертации.
2. Как правило, в Кабарде существовал только один ст. князь, который (номинально) был облечен властью над всей страной (Большой и Малой Кабардой), хотя вся полнота власти принадлежала удельным князьям.
3. В докладе рассматривается вся Кабарда, т.е. Большая и Малая Кабарда.
4. Думается, что говоря о политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в., нельзя игнорировать тот факт, что еще в 1710 г. Петр I предложил принять ее в состав России на правах отдельных княжеств, чем и вызвана настоящая концовка.
5. См. ответ на вопрос второй.
6. Я не нашла фактов подтверждающих этот тезис. Думаю, что это было не так.
7. К сожалению, для более подробной характеристики замков этого периода мы не располагаем данными.

8. Главным образом я опиралась на данные русских источников XVIII в. (архивные и опубликованные), а также использовала литературу.

Дополнительный вопрос **Л. В. Черепнина**.

9. Как Вы полагаете, достаточен ли выделенный вами период для характеристики соц.-эконом. отношений в Кабарде, учитывая замедленность темпов общественного развития края?

Ответ. Действительно, социально-экономическим отношениям дореволюционной Кабарды присуще чрезвычайно замедленный темп развития. Тем не менее, первая половина XVIII в. имеет свои отличительные черты, которые, по-моему, оправдывают хронологические рамки взятой темы. Во-первых, эти отношения носят более самобытный характер в первой половине XVIII в., тогда как во второй его половине резко усиливается русское влияние. Во-вторых, наличие огромного количества материалов в архиве серьезно осложняет исследование проблемы на 100 лет. Это не значит, что я в своей работе ограничивалась только данными рассматриваемого периода. Напротив, я часто обращаюсь к материалам предыдущего и последующего периодов с тем, чтобы выяснить эволюционный процесс развития социально-экономических отношений, а с ним и политический строй.

Выступления:

С. М. Троицкий.

Доклад произвел самое благоприятное впечатление. Вполне обоснованы и выбор темы и избранные докладчиком пути решения ее.

В отличие от многих предшественников докладчик не ограничивается рассмотрением чисто экономических тем, а обращает большое внимание и на вопросы политического развития, социальной структуры Кабарды в этот период.

Замечания:

Не убеждает тезис об очередности занятия места старшего князя представителями разных родов.

Следовало больше сказать о влиянии дофеодальных общественных форм, традиций и институтов родового строя.

Следовало провести сопоставления с соседними странами, сравнительный анализ.

Е. Н. Кушева. – присоединяется к высказанному С. М. Троицким мнению о благоприятном впечатлении от заслушанного доклада. Отмечает, что исследование Е. Д. Налоевой имеет значение не только для истории Кабарды, но и более общее социологическое значение, как изучение на основании русских источников XVIII в. ранних форм государственности. Подчеркивает удачное решение ряда вопросов:

Впервые изучена ландкарта Кабарды 1744 г. и примечания к ней 1753 г., на основании анализа названий населенных пунктов сделаны выводы, важные для изучения феодального землевладения в Кабарде;

Приведен ряд извлеченных их архивных материалов данных о наследственности феодальных владений;

Очень интересны конкретные сведения о деятельности малого и большого «советов», как органов политической власти, о взаимоотношениях с соседними народами, находившимися в зависимости от кабардинских князей (особенно интересно сообщение 1747 г. о присяге данной старшинами горских народов);

Впервые в научной литературе дан список старших князей Кабарды за 1-ю пол. XVIII в., с точными датами их княжения.

В докладе не затронуты кабардино-русские отношения, очевидно этот вопрос исследуется автором в другом разделе монографии.

Доклад Е. Д. Налоевой вызывает со стороны Е. Н. Кушевой ряд пожеланий.

В докладе не раз отмечаются черты примитивности, сохранение пережитков до-феодальной формации. Однако автор, не останавливается подробно на этом вопросе, благодаря чему уровень развития государственности Кабарды представляется завышенным.

Необходимо подчеркнуть отсутствие письменности и писанного законодательства, применение норм обычного права; задачей на будущее надо считать изучение вопроса о том, в какой степени в 1-й пол. XVIII в. обычное право кабардинцев отражало развитие феодальных отношений, что показано В. К. Гардановым на основании записи кабардинских адатов 1-й пол. XIX в. Отсутствие денежной системы, натуральный характер податей, отсутствие городов и городского населения накладывало отпечаток на развитие политического устройства Кабарды. Сравнение с XVII в. показывает, по мнению Е. Н. Кушевой, что в 1-й пол. XVIII в. не наблюдается прогресса в развитии централизации, скорее наоборот: обособление Малой Кабарды усилилось, старшие князья уже не выбираются из княжеских фамилий Малой Кабарды, а в Большой Кабарде идет ожесточенная борьба двух партий, которой следует уделить внимание, как и таким пережиткам, как аталычество и участие молочных братьев в политической жизни.

Ряд высказанных пожеланий Е. Н. Кушева считает пожеланиями для дальнейшей работы автора. Зачитанный Е. Д. Налоевой план кандидатской диссертации представляется удачным, надо пожелать автору успеха в его выполнении.

А. А. Преображенский.

Доклад не читал. Но и на основе прослушанного можно дать вполне положительный отзыв. Чрезвычайно разнообразна проблематика доклада. Большое значение имеют затронутые в докладе историко-географические вопросы.

Материал доклада подтверждает вывод о существовании в Кабарде 1-й пол. XVIII в. феодальных отношений.

Замечания:

Следовало более четко определить уровень социально-экономического и политического развития Кабарды.

Дать более полную характеристику употребляемых в литературе терминов.

Не следует игнорировать вопросы классовой борьбы, которая в этот период, безусловно, имела место в кабардинском обществе.

Нормы адата, конечно, ближе к предшествовавшим феодальному строю общественным формам.

Е. И. Дружинина.

Согласна в оценке доклада с предшествующими ораторами.

Доклад многогранный. Представляет интерес и для этнографов.

Мне кажется, больше внимания следовало уделить пережиткам родового строя, своеобразию психологического склада кабардинцев.

Хочу напомнить, что в центральных архивах есть еще много материалов, которые ждут исследователя. Представляют интерес и материалы экспедиции академика Палласа.

В целом доклад очень интересный и пожелаем докладчику дальнейших успехов.

Е. И. Индова.

В докладе показана одна сторона политического строя Кабарды. Следовало показать и другие направления эволюции политического строя, показать факторы, замедляющие и подталкивающие развитие Кабарды. Следовало провести сравнительный анализ политического строя Кабарды с соседними странами.

Надо дать ответ на вопрос: что дала Россия Кабарде?

В целом Е. И. Индова оценивает доклад положительно.

Л. В. Черепнин.

Доклад прочитал. Понравился. Понравился своей конкретностью. Легко читается, легко усваивается.

1. Требуется усилить социологическую сторону. Ясно, что это какой-то определенный тип феодализма. И в этом плане было бы интересно определить тот тип общественного организма, который вы изучаете.

2. Надо определить, что это за ступень социально-экономического развития. Но это невозможно сделать без того, чтобы не выяснить, что было до и после.

3. Вы определяете Кабарду как аристократическую республику. Так ли это? Мне кажется, что нет. Во всяком случае, это надо аргументировать.

4. Надо отвести больше места и характеристике источников и методическим приемам исследования.

5. Следует сказать и роли России в дальнейшем развитии политического строя Кабарды. Очень приятно было познакомиться и с докладом и с докладчиком, сказал в заключении Л. В. Черепнин.

В своем заключительном слове докладчик благодарит своих оппонентов за все замечания, советы. Постарается учесть их при дальнейшей работе.

П. (постановили. – А. М.). Утверждается тема кандидатской диссертации М. В. Гришиной «Крестьянство Удмуртии в XVIII в.»

Председатель: Л. В. Черепнин
Секретарь: М. А. Рахматулин

НА КБИГИ, ф. 48., оп. 2, ед. хр. 37, инв. № 3028

Протокол заседания кафедры истории СССР КБГУ посвященного обсуждению диссертации старшего преподавателя Налоевой Е. Дж. «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» от 25 мая 1972 г.

Протокол № 9

Заседания кафедры истории СССР от 25 мая 1972 г.

Присутствовали: и.о. зав. каф., доцент Шикова Т. Т., доценты: Тхамоков Н. Х., Тагиев Х. Ф., и.о. доцента Азаматов К. Г., ст. преподаватель Налоева Е. Дж., ассистент Саблиров М. З., аспирант Калмыков Ж.

Повестка дня:

1. Обсуждение диссертации ст. преподавателя Налоевой Е. Дж. «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.».

Слушали: Обсуждение диссертации ст. преподавателя Налоевой Е. Дж. «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.».

Ст. преподаватель Налоева Е. Дж. Предлагаемая на обсуждение кафедры диссертационная работа посвящена государственно-политическому строю и международному положению Кабарды в первой половине XVIII века. До сих пор нет ни одной монографии, посвященной проблемам истории Кабарды указанного времени. Не исследованы и такие важные вопросы, как кабардино-русские и кабардино-турецкие отношения, не выявлена специфика социально-экономических отношений и политической системы правления Кабарды рассматриваемого периода. Отрывочно, весьма поверхностно описано и международное ее положение. Как следствие этого, все еще остается

дискуссионным вопросом об уровне развития феодализма в дореформенной Кабарде, чем и вызван выбор настоящей темы.

Таким образом, одним из белых пятен истории Кабарды следует признать первую половину XVIII века. Между тем, в плане научном она – первая половина XVIII столетия – представляет несомненный интерес. Во-первых, в ту пору внутренне устройство Кабарды носило самобытный характер, так как русская колониальная система еще не успела оказать на него влияния. Во-вторых, этот отрезок времени богат событиями внутреннего и внешнего порядка, которые подготовили и во многом предопределили дальнейшую судьбу всего народа. И, в-третьих, обнаруженные новые материалы позволяют сузить хронологические рамки темы и рассмотреть ее глубже.

Не претендуя на полное освещение всех проблем исследуемого периода, настоящая работа ставит своей задачей: выявить специфику общественно-экономического строя кабардинцев в первой половине XVIII века, дать анализ государственно-политической системы правления и международного положения Кабарды.

Литература, непосредственно относящаяся к теме данной работы, малочисленна. Но круг исследований, соприкасающихся с ней по тем или иным вопросам, обширен (обзор использованной литературы дается в конце диссертации).

Поставленные задачи требуют не только внимательного освоения всего литературного наследия дореволюционной историографии, трудов советских кавказоведов, опубликованных источников, но и новых поисков. В этих целях изучен ряд фондов Архива внешней политики России (АВПР) и Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), в которых отложились ценные материалы, отражающие различные стороны экономической, общественной и политической жизни кабардинцев в первой половине XVIII в. В фондах названных архивов обнаружены и другие источники, проливающие свет на сферу международных связей Кабарды последующего периода.

Большой интерес представляют материалы сборника документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». Рассматривая их синхронно с новыми данными архивов, удастся проследить причинную связь ряда событий и ход их развития.

Исследование опирается и на другие источники и публикации, данные которых использованы в соответствующих разделах глав.

Теоретической и методической основой настоящей работы послужили труды классиков марксизма-ленинизма. (Список использованных трудов дан в разделе библиографии).

Доцент Шикова Т. Т. Не считая себя достаточно компетентной в вопросах социально-экономического и политического развития Кабарды рассматриваемого периода, не претендуя на глубину и принципиальность своих впечатлений. Диссертация Налоевой Е. Д. произвела очень хорошее впечатление, прежде всего тем, что она представила историю Кабарды первой половины XVIII века на основе огромного количества, хорошо ею изученных документов. События ею рассматриваемые, предстают перед нами не как нечто отвлеченное, а как живая картина очень сложных явлений экономической и политической жизни наших народов в XVIII в.

Диссертант на основе глубокого изучения трудов классиков марксизма дала правильную критическую оценку как дореволюционной, так и советской историографии исследуемого вопроса. Тем самым Е. Д. Налоева показала себя ученым, умеющим анализировать, исследовать вопросы истории в широком научном смысле. Об этом свидетельствует обширная библиографо-историографическая часть диссертации и все остальные главы работы.

Работа отличается еще тем, что в ней все главы в равной степени важны, серьезно рассмотрены и логически связаны одна с другой.

В первой главе, на наш взгляд, новым является стремление Е. Д. Налоевой определить более конкретно и точно территорию и население Кабарды в первой половине XVIII в. для чего она проанализировала уже имеющиеся данные (в частности, данные В. К. Гарданова и др.), сопоставив их со своими материалами, делает выводы, которые убеждают.

Е. Д. Налоева вносит уточнения и конкретизацию вопросы земледелия, скотоводства, в вопросы превалирования одного вида хозяйственной деятельности над другим. Весьма интересен анализ видов феодальной ренты и утверждение автора, что в скотоводческом хозяйстве преобладали отработочные системы, а в земледелии продуктовая рента, что является доказательством развитости феодальных отношений и даже начинающиеся тенденции их разложения. В разделе «Социальные отношения» Налоева Е. Д. утверждая сословно-классовое деление кабардинского общества, polemизирует с Тхамоковым и Боцвадзе в определении сословия свободных общинников «тльхукотлов». Не считая их таковыми, диссертант представляет его собирательным термином для лагунопьотов, огов (чагаров), азатов с промежуточными прослойками. Своего отношения к этому вопросу я выразить не могу, ибо нюансы, которые имеются в этом вопросе, являются делом исследователей.

Следующая глава «Кабарда в сфере международных отношений» – является оригинальной, решенной на основе новых материалов.

Все вышесказанное, как думается, позволяет считать работу Налоевой Е. Д. подготовленной для рекомендации к защите, хотя в ней есть погрешности:

1. Категоричность выводов.
2. Большое количество машинописных ошибок.
3. Отсутствие библиографии и названия диссертации.
4. В научном аппарате имеются описки.
5. Возможно, лучше диссертацию назвать «Кабарда в первой половине XVIII века».

Доцент Тхамоков Н. Х. Государственно-политический строй Кабарды и ее международное положение в первой половине XVIII века привлекает внимание не только историков нашей республики, но и ведущих ученых страны. И это вполне понятно: Кабарда в XVIII веке, особенно в первой ее половине, играла большую роль в развитии и укреплении связей народов Северного Кавказа, да и всего Кавказа с Россией.

Кабарда, поддерживавшая близкие экономические и политические связи с Россией, была заинтересована в укреплении положения России на Кавказе и в охране южных границ России от постоянных нашествий крымского хана и султанской Турции. С другой стороны, близость такого могущественного государства, как Россия, являлось серьезным фактором внутреннего развития Кабарды.

Притязания на Кабарду, пользовавшейся большим влиянием среди народов Северного Кавказа, имела и Оттоманская империя, которая в указанный период неоднократно пыталась захватить ее с помощью крымского ханства. В течение всего XVIII века, особенно в его первой половине, Кабарда была причиной столкновений между Россией и Турцией.

Царизм, заинтересованный в сохранении Кабарды в составе Российской империи, отстаивал ее от турецкого захвата не только через дипломатические каналы, но и вооруженной силой. Русское правительство неоднократно требует от кавказской администрации подробных сведений о быте и нравах кабардинцев.

До сих пор нет ни одного монографического исследования о государственно-политическом строе и международном положении Кабарды в первой половине XVIII века.

Поэтому диссертация Е. Д. Налоевой имеет большое теоретическое и практическое значение.

Диссертация Е. Д. Налоевой состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении автор дает обстоятельный и всесторонний анализ имеющейся литературы и источников по теме диссертации. Здесь же убедительно обосновывается актуальность и важность избранной темы.

В первой главе, посвященной социально-экономическому строю Кабарды в первой половине XVIII века, автор на основе широкого круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, исследует такие проблемные вопросы, как территория и население, земледелие и скотоводство, ремесло и торговля, землевладение и землепользование, сословно-классовое деление.

На основе глубокого анализа многочисленных источников автор по-новому освещает вопросы, связанные с землепользованием и сословно-классовым делением. В работе убедительно доказывается господство феодальной собственности на землю и наличие у феодалов крепостных крестьян.

Вторая глава посвящена государственно-политическому строю Кабарды в первой половине XVIII века.

В этой главе впервые в исторической литературе исследуются такие интересные в научном отношении вопросы, как хаса, олипш. В исторической науке эти вопросы еще не подвергались конкретному исследованию.

Автор приходит к правильному выводу о том, что в государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века преобладали феодальные отношения, хотя и сохранялись некоторые пережитки патриархально-родового строя и институты общинной власти.

Большой интерес представляет и третья глава, в которой исследуются вопросы, связанные с международным положением Кабарды в первой половине XVIII века. Автор привлекает большое количество новых архивных источников. На основе этих источников автор подвергает уточнению и глубокому изучению моменты, связанные с историей русско-кабардинских отношений в первой половине XVIII века и международным положением Кабарды в тот период.

В этой главе автор совершенно правильно отмечает, что основой укрепления международного положения Кабарды в первой половине XVIII века было развитие русско-кабардинских связей.

В заключении автор делает соответствующие выводы по главам.

Подчеркивая серьезность диссертационной работы, важность поставленных вопросов, глубину их исследования, хочется отметить и некоторые недостатки.

1. Тема диссертации слишком громоздкая и состоит из двух самостоятельных проблем: государственно-политический строй и международное положение в первой половине XVIII века. Каждая из указанных проблем могла бы стать самостоятельной темой кандидатской диссертации.

2. Уделяя большое внимание вопросу о территории Кабарды в первой половине XVIII в., стараясь привлечь большое количество источников для доказательства правильности своего мнения, автор не совсем верно определяет границы Кабарды. Утверждение, что Кабарда в первой половине XVIII века занимала территорию от «Прикумских степей до Дарьяльского ущелья» – не убедительно.

То же самое можно сказать и относительно населения Кабарды того периода.

3. Утверждение автора, что «... в усадьбах князей и знатных дворян не меньше людей, чем в крестьянских дворах» (стр. 29), нельзя признать правильным.

Отмеченные недостатки не умаляют достоинство диссертации. Автором проделана огромная исследовательская работа.

Е. Д. Налоева показала способность к самостоятельной научно-исследовательской работе. Автору удалось глубоко и научно раскрыть тему.

Диссертационная работа Е. Д. Налоевой вполне может быть рекомендована к защите.

Доцент Азаматов К. Г. Проблема, избранная автором для исследования, является весьма актуальной, т.к. данная тема недостаточно исследована в нашей исторической литературе.

Работа написана на основе архивного материала, извлеченного из АВПР и ЦГВИА г. Москвы. Кроме того, автором использована дореволюционная и советская историческая литература. В своей работе Е. Д. Налоева освещает довольно широкий круг вопросов истории Кабарды в первой половине XVIII века: экономический и политический строй, международные отношения Кабарды и т. д.

Во введении автор обосновывает актуальность избранной темы, дает анализ источников и литературы.

В первой главе, на основе неопубликованных источников, диссертант освещает основные черты хозяйственного и социального строя Кабарды в первой половине XVIII в.: подробно говорится о численности населения Кабарды и основных занятиях (земледелии, скотоводстве, домашних промыслах).

В этой главе автором исследованы вопросы землевладения и землепользования, а также сословно-классовое деление кабардинцев. Подобно описан процесс ведения земледелия и скотоводства.

Во II главе автор рассматривает государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII в. При этом диссертант на основе многочисленных источников раскрывает значение и роль каждого института государственного строя Кабарды: хасы, олиипша, судебных органов и вооруженной силы.

Вопросу международных отношений Кабарды в первой половине XVIII в. посвящена третья глава. Следует отметить, что в данной главе автором уточнены многие вопросы внутреннего и внешнего положения Кабарды в первой половине XVIII в., в научный оборот вводится ряд неизвестных документов. Выводы краткие, но вполне соответствуют изложенному материалу диссертационной работы.

Работа в целом написана хорошим языком, читается с интересом и вполне заслуживает всяческого одобрения.

Вместе с тем, в диссертации, на наш взгляд, имеются отдельные недостатки, которые можно без большого труда устранить:

1. Не совсем удачно название диссертации: «Политический строй Кабарды в первой половине XVIII в.».

Во введении надо сказать об актуальности, затем дать характеристику источников и литературы (может быть, часть стр. 1, 2 опустить), ибо характеристика советской литературы дается в конце введения. В конце введения следовало бы сказать о задачах исследования, используя стр. 3.

2. Несмотря на подробную характеристику дореволюционной и советской литературы, диссертант не всегда равномерно оценивает ту или иную литературу.

Например, работам Месяц, Пожидаева и др. авторов отведено значительное место, между тем о работе Н. Х. Тхамокова «Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в.» почти ничего не сказано, хотя она наиболее близка к теме диссертанта.

3. Не совсем правомерно освещать сословную структуру Кабарды в таком порядке как это делает Е. Д. Налоева. Нужно сначала о высших сословиях, затем о низших (у нее же сначала князья, затем унауты и т. д.).

4. Мало внимания уделяет пережиткам первобытнообщинного строя в социальном строе Кабарды. Ведь об этом свидетельствуют многочисленные факты, приводимые самим автором. Одним словом автор завышает степень социально-экономического развития Кабарды в первой половине XVIII в.

5. Есть страницы, перегруженные цитированием документов, иногда цитирование занимает 2/3 страницы.

Несмотря на эти недочеты, работа Е. Д. Налоевой носит оригинальный и самостоятельный характер, написана она с позиции марксистско-ленинской методологии и может быть рекомендована к публичной защите.

Налоева Е. Д. В своих выступлениях оппоненты подвергли тщательному анализу представленную на их усмотрение диссертацию и отметили ряд недостатков. Отмеченные ими недостатки будут учтены. Всем выступавшим приношу искреннюю благодарность.

Постановили: 1. Рекомендовать диссертационную работу Налоевой Е. Д. «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» к защите.

2. Рекомендовать в качестве официальных оппонентов доктора исторических наук Кушеву Е. Н. и кандидата исторических наук, доцента Касумова А. Х.

3. Направить диссертацию на внешний отзыв в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.

Зав. кафедрой, профессор

Т. Х. Кумыков

НА КБИГИ, ф. 48., оп. 2, ед. хр. 37, инв. № 3028

Отзыв о диссертации и автореферате Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» Елены Иоасафовны Дружининой от 6 июня 1973 г.

Елена Иоасафовна Дружинина

Москва, 6 июня 1973 г.

Москва В-333, Ленинский пр. 61/1 кв. 27

Отзыв о диссертации и автореферате Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века».

Круг вопросов, поднятых в диссертации Е. Д. Налоевой, представленной на соискание степени кандидата исторических наук, чрезвычайно широк и мог бы явиться предметом докторской диссертации. Помимо обстоятельного рассмотрения внутренней жизни Кабарды – ее социально-экономических отношений и политического строя, – автор поставил своей задачей осветить международное положение этого небольшого государства, расположенного на стыке нескольких политических объединений. Особо выделены отношения Кабарды с Россией, изложенные оригинально и вполне объективно.

Е. Д. Налоева исходит из марксистско-ленинского учения о смене социально-экономических формаций, об определяющем значении базиса по отношению к надстройке. Эти положения она умело применяет к конкретному материалу своей темы, пользуясь

при этом сравнительно-историческим методом и обнаруживая незаурядное исследовательское дарование.

В ходе изложения, которое ведется последовательно и отличается прекрасным литературным языком, автор полемизирует с рядом ученых, выступавших в печати по отдельным проблемам истории Кабарды. В отношении структуры диссертации можно было бы только рекомендовать поставить на первое место характеристику животноводства, а не земледелия, поскольку именно животноводство (как показывает сама Е. Д. Налоева) играло ведущую роль в хозяйстве кабардинцев.

Вывод исследовательницы о том, что Кабарда I-й половины XVIII века представляла собой децентрализованное государство со слабой публичной властью и наличием архаических институтов, восходящих к доклассовому обществу, не вызывает сомнений.

В главе, посвященной международным отношениям Кабарды, прослеживается сближение кабардинского и русского народов и выясняется причины тяготения Кабарды к России. «В рассматриваемый период, – формулирует свой важный вывод Е. Д. Налоева, – Кабарда постоянно опиралась на мощь и авторитет России в борьбе против турецко-крымской агрессии и сама вносила посильный вклад в упрочение позиции России на Юге».

Диссертация Е. Д. Налоевой является значительным вкладом в разработку истории Кабарды и русско-кабардинских отношений. Проникнутая духом дружбы по отношению к русскому народу, эта монография будет иметь, кроме познавательного, также политико-воспитательное значение.

Представленный труд, написанный с правильных методологических позиций, основанный на огромном документальном (преимущественно архивном) материале безусловно дает право Е. Д. Налоевой на присуждение ей степени кандидата исторических наук. Следует пожелать, чтобы рукопись Е. Д. Налоевой была как можно скорее напечатана с приложением карт и иллюстраций.

Доктор исторических наук,
ст. научный сотрудник Института истории СССР АН СССР Е. И. Дружинина
6/VI 1973 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019

Отзыв о кандидатской диссертации Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» официального оппонента кандидат исторических наук доцента А. Х. Касумова

Отзыв
о кандидатской диссертации Е. Д. Налоевой
«Государственно-политический строй и международное положение
Кабарды в первой половине XVIII века»

Диссертация Е. Д. Налоевой освещает актуальные и еще недостаточно разработанные в советской исторической литературе вопросы. В ней исследуется один из важных периодов в истории Кабарды, как отмечает автор, «внутреннее устройство Кабарды оставалось самобытным, так как ни Турция, ни Крым, ни Россия еще не оказали на нее заметного влияния», и когда «этот отрезок времени был богат событиями

внутреннего и внешнего порядка, которые подготовили и во многом предопределили дальнейшую судьбу народа» (стр. 4).

Автор рецензируемой работы ставит следующие задачи: 1) выявить специфику социально-экономических отношений Кабарды в первой половине XVIII века; 2) проанализировать государственно-политический строй того же периода; 3) рассмотреть кабардино-русские и кабардино-турецкие отношения до 1739 г., т. е. до объявления Кабарды «независимой».

Нужно прямо сказать, что Е. Д. Налоева вполне справилась с поставленными задачами. Автор правильно решает проблемы, поставленные в диссертации, а некоторые вопросы рассматривает даже по-новому. Поэтому диссертация Е. Д. Налоевой представляет определенный научно-политический интерес, хотя она и не исчерпывает полностью богатого содержания последней.

Достоинством рецензируемой работы является, прежде всего, ее оригинальный характер и прочное документальное обоснование выдвинутых положений. Это действительно самостоятельное исследование, основанное на изучении достаточно широкого круга источников и литературы. Заслуживает внимания тот факт, что автором введены в научный оборот новые архивные материалы, обнаруженные в Центральном Государственном Военно-историческом архиве и Центральном Архиве Внешней политики России.

В историческом обзоре автор дает правильную всестороннюю и глубокую характеристику, относящуюся к данной теме дореволюционной и советской исторической литературы. Анализируя состояние дореволюционной литературы, Е. Д. Налоева пришла к правильному выводу, что дворянско-буржуазное кавказоведение не сумело научно определить характер и уровень развития социально-экономического и политического строя Кабарды вообще и, в частности, XVIII в., что оно не оставило ни одной монографии, посвященной проблемам истории Кабарды первой половины XVIII в. Задача научного изучения социально-экономического строя кабардинцев, подчеркивает автор, оказалась под силу только советскому кавказоведению, вооруженному марксистско-ленинской теорией.

В первой главе – «Социально-экономический строй Кабарды в первой половине XVIII века» – Налоева Е. Д. солидаризируясь с мнением советских кавказоведов, которые считают, что с XVIII века в кабардинском обществе уже господствовали феодальные отношения, но еще отягощенные сильными пережитками патриархально-родового быта, делает попытку выявить специфику социально-экономических отношений Кабарды в первой половине XVIII века. В частности, автор конкретизирует и вносит некоторую определенность в такие вопросы, как численность населения Кабарды (250–300 тыс.), состояние земледелия и скотоводства, уровень развития феодализма формы землевладения и классовой структуры Кабарды в первой половине XVIII в.

Заслуживает внимания попытка автора рецензируемой работы по-новому рассмотреть термин «тлхукотль». Полемизируя с авторами, признающими под этим термином социальную группу лично свободных крестьян-общинников, Е. Д. Налоева утверждает, что этот термин, как и «уорк» – собирательный, обозначающий целое сословие: «неблагородные», т. е. люди физического труда. Однако, автор недостаточно убедительно разъясняет этот вопрос на конкретно-историческом материале.

Центральной главой диссертации Е. Д. Налоевой является вторая глава, посвященная государственно-политическому строю Кабарды в первой половине XVIII века. Здесь рассмотрены княжеские уделы, сложившийся в них аппарат классового угне-

тения и политические институты. Между тем этот вопрос является наиболее слабо изученным в современном кабардиноведении.

Е. Д. Налоева дает глубокий анализ сложившегося в Кабарде аппарата классового господства. Характеризуя княжеские уделы, а их в Кабарде было более пяти (три – в Большой и два – в Малой), автор рецензируемой работы правильно делает вывод, что они были типичными феодальными государствами со своей территорией, подвластным населением, определенным числом вассалов, судом, войском и др. атрибутами сеньории. К сожалению, причины феодальной раздробленности Кабарды на княжеские уделы и на Большую и Малую Кабарду автор не выясняет.

С большой глубиной и аргументацией в диссертации Е. Д. Налоевой освещен вопрос об общекабардинской публичной власти: хаса – высший законодательный орган, который был сословно-аристократическим; олиипш – высшая исполнительная и распорядительная власть в руках старшего князя; хей – суд и судопроизводство; дзэ – вооруженные силы. Автор не просто рассматривает систему политического правления Кабарды, а ее появление в чрезвычайно своеобразных формах, подчеркивая, что «юридической основой государственности Кабарды являлось обычное право, в котором наряду с чисто феодальным правом сохранились и архаические институты», как барамта, коначество, аталычество, кровная месть и др.

Нельзя не согласиться и с выводами автора, что государственно-политический строй Кабарды по форме правления был княжеским, по политическому режиму – представительной организацией господствующих сословий в лице хасы, а по своему устройству – децентрализованным с тенденцией к объединению (112 стр.).

Вместе с тем хотелось бы в порядке замечания и пожелания высказать несколько соображений по данной главе. На наш взгляд, в диссертации Е. Д. Налоевой не нашло отражение влияние религиозной идеологии на аппарат классового угнетения в Кабарде. Автор ограничился лишь ссылкой на работу Е. Н. Кушевой, где сказано, что в «XVIII в. мусульманское духовенство было немногочисленным и не играло особой роли». Это утверждение выглядит голословным.

Спрашивается, могли кабардинские феодалы без соответствующих идеологических соображений, в частности, религиозных, в тех конкретно-исторических условиях осуществлять политику классового угнетения крестьянства? Нет, конечно.

Другой вопрос, насколько сильно было влияние ислама (частично и христианства) на общественную жизнь кабардинцев. Это и надо было показать в диссертации на конкретных фактах.

Третья глава – «Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII века» – посвящена основным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим событиям, охватывающим период с 1700-го по 1793 г. На большом фактическом и, главным образом, архивном материале, автор рецензируемой работы подробно анализирует русско-кабардинские и кабардино-турецкие отношения. В диссертации Е. Д. Налоевой хорошо показано место и роль кабардинского вопроса в системе международных отношений того времени. «Находясь на стыке интересов двух империй – Османской Порты и России, – пишет автор в заключении, – Кабарде приходилось проводить очень напряженную и гибкую внешнюю политику. С одной она стремилась навязать свою власть малым и более слабым соседям, а, с другой, – лавировать между державами соперницами, на равновесии сил которых в этом районе, собственно, держалась относительная ее независимость».

Е. Д. Налоева правильно указывает причины неустойчивости внешней политики Кабарды, которая определялась двумя факторами: а) обострением «кавказской про-

блемы», и б) экономической и политической отсталостью самой Кабарды. В этих целях Кабарда не могла противостоять турецко-крымской агрессии без помощи России. Отсюда все растущая тенденция к укреплению кабардино-русских отношений, имеющих объективно-прогрессивное значение для истории Кабарды.

Говоря о политической обстановке на Кавказе к началу XVIII в. Налоева Е. Д. пишет, что западные адыги попали под власть Турции (стр. 114). Закубанские адыги не все находились под турецкой властью, и власть эта была чисто номинальной. Адыгские народы, которые на протяжении XVI–XVIII вв. вели упорную борьбу с турецко-крымской агрессией, никогда не признавали власти ни Турции, ни Крымского ханства.

Указанные недостатки не могут, однако, опровергнуть общего положительного впечатления о данной работе.

Она написана на основе марксистско-ленинской методологии. Автор ее, Е. Д. Налоева вполне достойна искомой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент,
Кандидат исторических наук,
Доцент (А. Х. Касумов).

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019

Отзыв о кандидатской диссертации Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» научного руководителя доктора исторических наук, профессора Т. Х. Кумыкова

Отзыв

о кандидатской диссертации Налоевой Е. Д. «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.»

Налоева Е. Д. написала диссертацию на весьма актуальную тему. Вопросы социально-политического строя Кабарды и ее международное положение в первой половине XVIII в. требуют углубленного изучения. По многим из указанных вопросов нет ясности, и в литературе встречаются разные точки зрения.

Во вводной части диссертации Налоева Е. Д. дает анализ существующей литературе, вскрывает пороки и методологические недостатки трудов дворянско-буржуазных авторов, принижавших социально-политический строй Кабарды в дореволюционный период. Все это делалось в угоду колониальной политики царизма, чтобы оправдать гнет и насилия, произвол и издевательства над местными жителями.

Диссертант анализирует и труды советских авторов, писавших о Кабарде. Налоева Е. Д. делает справедливое замечание в адрес тех историков, которые считали, что Кабарда находилась на стадии патриархально-родового быта.

Диссертационная работа Е. Д. Налоевой состоит из 3 глав и заключения.

В первой главе рассматриваются актуальные вопросы социально-экономической истории Кабарды первой половины XVIII века. Для характеристики социального строя кабардинцев диссертант привел новые документы, извлеченные из Центрального Государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики России. На стр. 70 приводится составленная Налоевой Е. Д. схема сословно-классовой структуры кабардинского общества. Следует отметить, что диссертант выявил особенности феодальных

отношений. Заслуживает особого внимания разделы, посвященные характеристике крестьянских категорий, хотя автор не всегда последователен в своих суждениях.

Во второй главе «Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII в.» исследуется политический аппарат феодальной Кабарды. В частности, дается подробный анализ удельным княжествам. Уделы, по мнению Налоевой Е. Д., «состояли иногда из нескольких семей». «Во главе удела, – пишет она, – обычно стоял старший годами князь. В его компетенцию входили военно-оборонительные административно-политические функции».

В специальном разделе: «Общекабардинская публичная власть» Налоева Е. Д. на основе архивных материалов подробно описывает институты публичной власти, в частности хасу, олипш, суд и судопроизводство, и вооруженную силу. В этот сложный период кабардинские князья стремились сохранить независимость и самобытное внутренне устройство. Это отвечало их узкоклассовым интересам. Диссертант сумел показать, что органы суда, имевшие демократические оболочки и внешние признаки народности, призваны были защищать интересы господствующего класса. Суд и судопроизводство стали носить явно выраженный феодальный характер.

В третьей главе диссертации рассматриваются вопросы международного положения Кабарды в первой половине XVIII в. Глава читается с неослабевающим интересом. Налоева Е. Д. сумела определить основные факторы, определившие неустойчивость внешней политики Кабарды, вскрыть агрессивный характер политики Турции по отношению к Северному Кавказу.

Налоева Е. Д. обнаружила глубокие знания по исследуемой проблеме. Ею собрано и изучено большое количество архивного материала. Диссертационная работа Налоевой Е. Д. «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» носит самостоятельный и оригинальный характер, является серьезным исследованием, содержит новые выводы по разным аспектам социально-экономической и политической истории Кабарды первой пол. XVIII в. Она отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям и может быть представлена к защите.

Научный руководитель
Доктор исторических наук, профессор /Т. Х. Кумыков/

20/XII-1972 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019

Отзыв о кандидатской диссертации Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» директора Кабардино-Балкарского НИИ, кандидата философских наук В. К. Тлостанова

Отзыв

о диссертации Е.Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Социально-экономический и политический строй Кабарды привлекал внимание многих кавказоведов в дооктябрьское и советское время. Однако большинство этих работ посвящено более позднему периоду. Таким образом, кандидатская диссертация

Е. Д. Налоевой является первой монографической работой, в которой ставится и решается проблема государственно-политической системы Кабарды в первой половине XVIII в.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении дается обоснование научной актуальности исследуемой проблемы, сформулированы задачи диссертации, даны обзор литературы и характеристика источников.

В первой главе – «Социально-экономический строй Кабарды в первой половине XVIII в.» – автор рассматривает численность населения страны, его социальный состав, экономическое и политическое положение классов и общественных групп, их отношение к основному средству производства – земле, иерархическую конструкцию феодальной земельной собственности, создание вассалитета внутри господствующего класса, превращение отдельных феодалов в государей со своей территорией, со своими войсками, подвластным населением, вассалами и другими атрибутами сеньории.

В главе автор исследует экономическое развитие Кабарды в первой половине XVIII в. Основным занятием кабардинцев этого периода, как правильно утверждает автор, было скотоводство, которое носило отгонный характер. Наряду со скотоводством, кабардинцы занимались земледелием, огородничеством, садоводством, ремесленным производством. Продукция сельского хозяйства и ремесла в основном употреблялась на месте, а излишки шли на продажу. В результате глубокого и всестороннего анализа большого фактического материала Е. Д. Налоева приходит к правильному, на наш взгляд, выводу, что Кабарда в рассматриваемый период находилась на стадии относительно развитого феодализма.

Во второй главе диссертации – «Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII в.» – обстоятельно исследуются вопросы политического устройства Кабарды, рассматривается аппарат феодального управления как орган классового господства. Как пишет автор, в первой половине XVIII в. Кабарда была разделена между пятью самостоятельными удельными княжествами. Но в ней происходил процесс консолидации княжеских уделов и уже функционировали такие государственные институты общекабардинского масштаба, как хаса – законодательный орган, олиипш – высшая распорядительная и исполнительная власть, хей – высшая судебная инстанция, дза – вооруженная сила, образуемая из дворянских ополчений уделов и личной охраны старшего князя и т. д. Налоева всесторонне характеризует каждый из этих государственных атрибутов. Из работы явствует, что хаса была сословно-аристократической, где каждое сословие заседало отдельно. В обычное время она состояла из двух «кругов»: княжеского и уоркского, но в военное или другое сложное время становилась трех палатной, так как к обсуждению создавшегося положения привлекались представители трудящихся – «старшины черного народа». Специальные уполномоченные докладывали мнение двух нижних палат «кругу» князей, где принималось окончательное решение. Аналогичное польскому праву вето, хаса не была правомочна принимать решение без согласия представителей всех уделов.

Хаса избирала главу высшей исполнительной власти – олиипш. Он избирался пожизненно. Избранным мог быть один из удельных князей – «старший остальных годами». Олипш или оли обладал сравнительно большими полномочиями. Соправителем князя, его ближайшим помощником избирался кодза (кьюэдзэ).

Большой научный интерес представляют рассматриваемые автором в данной главе вопросы о судоустройстве и судопроизводстве. Высший судебный орган Кабарды – суд – хей (правый) избирался при олиипше. Он рассматривал все уголовные и спорные дела. Главным судьей считался сам оли. Члены суда выбирались на хасе. Судебное раз-

бирательство происходило гласно и открыто. Юридической основой судопроизводства служило обычное право – адат, которое стояло на страже классовых интересов феодалов и закрепляло социальное неравенство и угнетение одних другими. В доказательство требовалось свидетельство двух лиц. Приговор выносился устно, а стороны присягой заверяли соблюдать его, после чего приводилось решение в исполнение.

В последнем параграфе второй главы диссертации автор рассматривает вопрос о вооруженной силе Кабарды исследуемого периода. Она составлялась из ополчений всех уделов. Перед лицом внешней опасности ополчения удельных князей объединялись, и старший князь автоматически становился главнокомандующим войсками – дзепш. В тех случаях, когда он не мог командовать (чаще всего по возрасту), дзепш выбирался из князей с учетом его личных качеств. Вооруженная сила, как и другие институты политической власти, была классовым орудием, призванным охранять господство феодалов и защищать страну от внешних врагов.

Основываясь на марксистском положении о взаимодействии базиса и надстройки, диссертант правильно отмечает, что сложившаяся в Кабарде в первой половине XVIII в. государственно-политическая система почти была аналогична политическому режиму эпохи классического феодализма, она могла зиждется лишь на относительно развитых феодальных отношениях.

В третьей главе диссертации – «Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII в.» – исследуются вопросы внутреннего и внешнего положения Кабарды, показывается совместная борьба русского, кабардинского и других народов против турецко-персидской и крымской агрессии, дальнейшего укрепления русско-кабардинских отношений.

Несмотря на опасную обстановку, создавшуюся на Северном Кавказе в первой половине XVII в. в связи с агрессивной политикой султанской Турции, в Кабарде не прекращалась междоусобная борьба. Кабардинские князья боролись между собой в целях расширения своих владений, за политическую власть. В ходе этой борьбы в Кабарде образовались две враждующие феодальные группировки, между которыми происходили вооруженные столкновения. И в этой борьбе каждая группировка часто прибегала к вооруженной помощи более сильных государств. Все это приводило к разрушению производительных сил Кабарды, разорению ее хозяйства, способствовало усилению экспансии других держав.

Е. Д. Налоева глубоко вникает во все детали сложного кавказского вопроса, служившего на протяжении многих лет причиной нескончаемых кровопролитных русско-турецких, русско-персидских, кабардино-крымских войн. Автор на конкретных и ярких примерах показывает место и роль Кабарды в решении кавказской проблемы.

Как правильно отмечает диссертант, в осуществлении своей внешней политики на юге царское самодержавие отводило большое место Кабарде, занимавшей центральную часть Кавказа. Активизации политики России на Северном Кавказе способствовало усиление агрессии Турции в этом регионе. Последняя, старалась при удобном случае оторвать Кабарду от России, чтобы использовать ее как плацдарм для порабощения остальных народов Северного Кавказа. Поэтому кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVII века занимал важное место.

В главе приводятся убедительные факты о том, как кабардинские князья со своими отрядами оказывали существенную помощь русским частям в борьбе с крупными силами турецко-крымских войск. Но во взаимоотношениях Кабарды с Россией в этот период основным и определяющим было, как это верно подчеркнуто в диссертации, не поведение отдельных кабардинских князей, являвшихся со своими отрядами на

помощь к русским, а отношение к России всего кабардинского народа, его тяготение к ней. Как справедливо отмечено в заключении диссертации, «Кабарда в исследуемый период искала сильного покровителя, под эгидой которого она могла бы сохранить самостоятельность своего внутреннего устройства. Таким протекторатом ею была признана Россия, на чьей стороне находились симпатии Кабарды на протяжении всего XVIII в.».

Таким образом, Е. Д. Налоева сумела глубоко и ярко нарисовать в своей работе картину социально-политической жизни и международного положения Кабарды первой половины XVIII века. Следует отметить, что соискатель обладает необходимой эрудицией, хорошо владеет методом научного исследования, свободно оперирует фактическим материалом.

Наряду с этим диссертация имеет и некоторые недостатки.

1. В диссертации недостаточно показана внутрикласовая и внутри сословная борьба в Кабарде в первой половине XVIII в.

2. В работе встречаются некоторые повторения и стилистические погрешности.

Однако эти недостатки не снижают большой научной ценности данного исследования. Она написана на основе марксистско-ленинской методологии и отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и ее автор заслуживает присвоения искомой степени кандидата исторических наук.

Отзыв о диссертации Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» подготовлен сектором истории и утвержден Ученым Советом Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института 25 мая 1973 года.

Председатель Совета

Директор Кабардино-Балкарского НИИ,
кандидат философских наук

В. К. Тлостанов

Секретарь Совета

кандидат исторических наук

М. Ч. Кучмезова

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019

**Отзыв на статью Е. Д. Налоевой «К вопросу о политическом строе Кабарды первой половины XVIII в.» старшего научного сотрудника Института истории СССР Академии Наук СССР
доктора исторических наук Е. Н. Кушевой**

Отзыв

на статью Е. Д. Налоевой «К вопросу о политическом строе Кабрды первой половины XVIII в. – 28 машинописных стр.

Статья Е. Д. Налоевой посвящена важному для понимания исторических судеб кабардинцев вопросу, еще не подвергавшемуся в советской исторической литературе детальному исследованию. Статья основана на изучении большого количества документов русских архивов, в значительной части неопубликованных и впервые вводимых в научный оборот. Привлечены также разнообразные источники другого характера – фольклорные, повествовательные и др. Отмечу прекрасное знание местности, где

происходили изучаемые автором события, что помогает понять и конкретизировать сообщения русских архивных документов.

Рассматривая Кабарду того времени, как феодальное государство, автор изучает в политической жизни Кабарды две противоположные тенденции – явления феодальной раздробленности с одной стороны, с другой – тенденцию к объединению, проявляющуюся в традиционных выборах «старшего князя». Детально изучены существовавшие на территории Кабарды владения различных княжеских «фамилий». Большой интерес представляет анализ сохранившейся в русских архивах карты 1744 г. и примечаний к ней 1753 г. До сих пор эти интереснейшие источники еще не подвергались исследованию, между тем как они дают ценные сведения о феодальном землевладении в Кабарде.

Впервые в исторической литературе с большой точностью прослеживается смена старших кабардинских князей в течение первой пол. XVIII в., смена, осложненная событиями внешнеполитического характера.

Изучены органы власти – малые и большие советы князей и их уорков и деятельность общекабардинского органа – «хаса», являвшегося собранием князей и уорков всей Кабарды, куда в редких случаях привлекались и представители «черного народа». Показан классовый характер суда и судопроизводства, а также вооруженных сил, основу которых составляли дворянские отряды. Правильно подчеркнута отсутствие в Кабарде сколько-нибудь сложившейся бюрократии.

Изученные в статье вопросы необходимы для понимания роли Кабарды в русско-турецких отношениях I-й пол. XVIII в., следовательно и для понимания внешней политики русского правительства того периода.

Текст статьи вызывает в одних случаях пожелания, а в других – замечания.

Пожелания следующие: автор основывает свои наблюдения и выводы на большом архивном материале: желательно расширить некоторые разделы статьи, пополнить цитаты из документов, вызывающих интерес, подробнее показать приемы анализа документов.

Желательно также пополнить аппарат ссылок, оттенить сведения, основанные на фольклорных источниках или личных наблюдениях автора.

Возникают и замечания.

В статье, посвященной политическому строю, автор неизбежно касается и вопросов социального строя, которому очевидно посвящены другие разделы работы автора, где она и дает свою аргументацию. Общее впечатление такое, что автор преувеличивает завершенность процесса развития крепостничества в Кабарде. Это вопрос дискуссионный, в этом случае, как и в некоторых других, следует смягчить или устранить категоричность высказываний.

Приведу примеры:

На стр-це 8-й: «процесс закрепощения крестьян был завершен».

На стр-це 26-й система хозяйства в Кабарде определена, как «натурально-крепостническая» и т.д.

В разделе о вооруженных силах преувеличенными представляются высказывания о том, что «дворянское ополчение не уступало регулярным войскам» (стр. 13). На стр-це 25-й об этом сказано в смягченной форме, но все же едва ли верно: «Военные сборы производились в очень сжатые сроки, что приближало кабардинское ополчение к регулярным войскам».

На стр-це 28-й такой признак государства, как «сбор налогов, податей и т.д.», характеризуется, как «сильнее прочих признаков (государства)» развитый в Кабарде. Надо сказать, по состоянию источников вопрос о налогах и податях в Кабарде остается мало изученным.

Автор часто дает разъяснение и перевод кабардинских терминов. Не знаю кабардинского языка и не могу судить об этой стороне работы.

Отдельные частные замечания, главным образом, редакционного характера, переданы мною автору.

После внесения некоторых исправлений статья может быть принята к напечатанию, как интересное и оригинальное исследование важных вопросов истории кабардинского народа.

Старший научный сотрудник
Института истории СССР Ак. Наук СССР
доктор исторических наук Е. Н. Кушева
25 августа 1969 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 33, инв. № 3025

Предварительный отзыв о диссертации Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» доктора исторических наук Е. Н. Кушевой

Предварительный отзыв о диссертации Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Диссертация Налоевой посвящена периоду, важному для понимания исторических судеб кабардинского народа, но еще не изученному монографически в советской исторической литературе. Исследование автором ряда вопросов носит самостоятельный характер и основанно на широком круге источников; в большей части это документы русских архивов, впервые вводимые в научный оборот и подвергнутые анализу на основе марксистско-ленинской методологии.

В двух первых главах изучается внутренне положение Кабарды первой половины XVIII века. Наблюдения автора имеют значение для понимания характера феодальных отношений и особенностей сложившейся в Кабарде государственности.

Тема последней главы – Кабарда в международных отношениях 1-й половины XVIII века. Изученные здесь вопросы важны для понимания роли Кабарды в русско-турецких отношениях этого времени, следовательно и для понимания внешней политики русского правительства. Следует подчеркнуть, что две специальные монографии советских историков о русско-турецких войнах 1-й пол. XVIII в. – С. Ф. Орешковой (1971) и Е. Б. Шульмана (1963) – совсем не касаются вопроса о роли Северного Кавказа, в частности Кабарды, в этих войнах.

Диссертация Е. Д. Налоевой, как самостоятельное серьезное исследование актуальной темы, отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и может быть представлена к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Доктор исторических наук Е. Н. Кушева
16 апреля 1973 г.
НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019

Отзыв на кандидатскую диссертацию Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» доктора исторических наук Е. Н. Кушевой

Отзыв на диссертацию Е. Д. Налоевой
«Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» Нальчик, 1973, 198 маш. стр., представленную на соискание научной степени кандидата исторических наук

Изучение социально-экономического и государственного строя народов Северного Кавказа представляет большой интерес не только для истории этих народов, но и более общий – теоретический интерес. Тогда, когда эти народы стали объектом наблюдений западно-русских и русских путешественников и русской администрации, т.е. примерно с XVI в., они стояли на разных ступенях социально-экономического развития, но у всех народов этого региона эти стадии были более ранние, чем в то время в Западной Европе и в России. Кабардинцы на Северном Кавказе были среди северо-кавказских народов одним из наиболее развитых. Но и они отставали в социально-экономическом развитии от России по крайней мере на несколько столетий. И это обстоятельство особенно подчеркивает важность углубленного изучения происходивших в кабардинском обществе процессов.

В советской исторической литературе поставлен вопрос о своеобразии социально-экономических отношений у северо-кавказских народов. Выявление этих особенностей – интереснейшая научная задача.

Е. Д. Налоева выбрала для темы специальной монографии по истории Кабарды первую половину XVI в. Она совершенно права в обосновании хронологических рамок исследования: первая половина XVIII в. мало изучена, между тем как она обеспечена архивными источниками, еще не введенными в научный оборот: в этот период внутренний строй Кабарды еще не подвергся сильному влиянию извне – ни со стороны Турции и Крыма, ни со стороны России; эти десятилетия насыщены событиями большого международного значения. Автор заканчивает главу о международном положении Кабарды 1739 годом. Действительно, Белградский договор между Россией и Турцией изменил международное положение Кабарды, и дата эта может служить обоснованной конечной гранью в изучении вопроса.

Исследование основано на широком круге источников. Основные – документы русских учреждений. Имеющиеся публикации, которые хорошо известны автору, ни в какой степени не исчерпывают богатства архивных фондов. Е. Д. Налоева посвятила много лет изучению материалов Архива внешней политики России и Центрального Военно-исторического архива (Москва). Знание кабардинского языка, прекрасное знание местности, где происходили изучаемые события, помогли автору в анализе источников XVIII в.

Основные задачи исследования, отраженные в заглавии диссертации, – изучение государственно-политического строя и международного положения Кабарды в первой половине XVIII в. Автор посвятила первую главу социально-экономическому строю Кабарды. Эта глава конечно необходима для правильного понимания задач исследования. Она является как бы вводной, но основана на самостоятельном анализе источников и дает свое решение ряда вопросов. Так, на основании сопоставления косвенных данных автор определяет численность населения Кабарды в первой половине XVIII в. – от 250 до 300 тысяч. В диссертации правильно подчеркивается ведущая роль скотовод-

ства в хозяйстве кабардинцев. Стремясь конкретизировать состояние скотоводства, автор опять-таки на основании косвенных данных, дает численность скота разных видов. Полемизируя с рядом авторов, Е. Д. Налоева показывает значение земледелия для кабардинцев, хотя и отводит ему второе по сравнению со скотоводством место. Особый небольшой раздел посвящен домашней промышленности, ремеслу и торговле. Правильными представляются выводы автора о натуральном хозяйстве, об отсутствии разделения труда, однотипности хозяйств, отсутствии специализации районов. Автор говорит о зарождении товарного производства. Иногда изложение в I главе несколько противоречиво: так, на стр. 49 мы читаем, что скотоводство «носило форму товарного хозяйства». Об этом противоречии подробнее скажу ниже.

Большое место в I главе отведено социальным отношениям, по ряду вопросов автор дает свое решение, вводит в научный оборот новые архивные материалы. Вопрос о том, существовали ли в Кабарде феодальные отношения, уже не является дискуссионным. Автор стремится уточнить уровень развития феодальных отношений, дает ряд таких формулировок, как «сложившийся феодализм», «сравнительно развитые феодальные отношения», «этап», «завершение» развития «феодальных отношений». Остановлюсь на нескольких вопросах, представляющих для темы уровня развития феодализма важность.

Один из них – вопрос о феодальном землевладении. Еще в 1963 г. я обращала внимание историков-кабардинцев на необходимость анализа названий кабардинских деревень, приведенных на русской ландкарте 1744 г. и на пояснениях к ней, составленных в 1753 г. С большим удовлетворением обнаружила, что такой анализ произведен Е. Д. Налоевой. Подробное сопоставление ландкарты с обнаруженным ею списком князей и уорков-дворян 1753 г. показало, что большинство названий деревень происходит от имен знатных и незнатных узденей-уорков. Это серьезный показатель развития феодального землевладения. Анализируя ряд примеров источников о наследовании деревень – кабаков по прямой линии (от отца к сыну) и о разделе владений умершего отца между сыновьями, диссертантка приходит к выводу о том, что «частная (семейная) феодальная собственность на землю и неполная собственность на крестьян, переходивших по наследству по прямой линии, характерная черта кабардинского феодализма первой половины XVIII в.». Этот вывод, основанный на нескольких отдельных примерах, представляется слишком категорическим. По этому вопросу нельзя не обратиться к подробным сведениям 1839–1846 гг. о кабардинском землевладении, внимательно изученным В.К. Гардановым в его монографии «Общественный строй адыгских народов» (М., 1967, стр. 144–148). В. К. Гарданов отметил тенденцию к замене «фамильной» феодальной земельной собственности малосемейной и индивидуальной, которую он обнаружил по источникам XVIII в., и показал, каких результатов эта тенденция достигла к 1840–1850 годам XIX в. В это время в княжеском и особенно уоркском землевладении индивидуальная и малосемейная формы стали господствующими, однако фамильная собственность, являвшаяся пережитком патриархально-родового строя, еще имела место. Если так было еще в сер. XIX в., то несомненно сто лет тому назад, в первой половине XVIII в., фамильное феодальное землевладение должно было занимать значительное место.

Второй вопрос, особенно дискуссионный, – это вопрос об одной категории кабардинского крестьянства – тльхукотлах. В советской литературе распространено мнение, по которому тльхукотлы – это лично свободные крестьяне-общинники, хотя и феодально-зависимые. В частности, эта точка зрения развита в монографии Н. Х. Тхамокова «Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в.» (Нальчик,

1961) и в уже названной монографии В. К. Гарданова. Для последнего автора именно наличие среди кабардинского крестьянства лично свободных – один из основных доводов для признания процесса развития кабардинского и вообще адыгского феодализма незавершенным.

Е. Д. Налоева считает, что термин тльхукотл – собирательный и означал сословие неблагородных (людей физического труда) – стр. 70–73, по ее мнению наиболее многочисленным слоем кабардинского крестьянства были оги-чагары – крепостные крестьяне. Автор часто употребляет выражения: крепостничество, крепостные, крепостники, приводит цитату из произведения В. И. Ленина «Проект речи по аграрному вопросу во II Государственной Думе» 1907 г. (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 130*), которая, если ее взять в контексте, относится к русским крестьянам, сидящим на ничтожном наделе и вынужденном арендовать землю у помещика за отработку.

Считаю, что вопрос о тльхукотлах остается дискуссионным. Нельзя обойти определение, данное Хан-Гиреем, адыгским автором первой половины XIX в.: «вольные земледельцы». Правда, Хан-Гирей пишет не о кабардинцах, а об адыгейцах. Но эти народности одного корня, и самый термин один и тот же. Сведения Шора Ногмова (*История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 112*) также подтверждают толкования Е. Д. Налоевой. Очень важны и многочисленные известия источников XVIII в. «о старшинах черного народа», которые приглашались на народные собрания в случаях решения особо важных вопросов. Очевидно, это главы семейных или патронимических крестьянских общин. Если это представители крепостного кабардинского крестьянства, то его положение надо признать очень своеобразным. На стр. 68 автор говорит о «старшинах», как о «зажиточной» верхушке крестьянства. В этом определении совсем не учитывается патриархальная основа влияния «старшин».

II глава диссертации посвящена государственно-политическому строю, мало изученному вопросу истории кабардинцев, который исследуется автором на основе марксистско-ленинского учения о государстве. Широко привлекая сведения архивных источников, автор изучает удельные княжества Кабарды, роль старших удельных князей, зачатки администрации, суд, войско, которое состояло из дворянского ополчения, подати с «подвластных». Чрезвычайно интересны сведения о заседаниях «малых» и «больших советов», которые созывались князьями для решения более или менее важных вопросов. Определяя первую половину XVIII в., как период феодальной раздробленности, автор вместе с тем уделяет большое внимание органам общекабардинского значения, отражающим к объединению княжеских уделов. Здесь Е. Д. Налоева говорит о роли старших кабардинских князей, давая впервые в исторической литературе точный их список за первую половину XVIII в., с точными датами правления. Совет всех удельных князей и их вассалов – хаса – рассматривается автором как высший законодательный общекабардинский орган. Даны сведения о деятельности главного суда, о сборе общекабардинского военного ополчения в тяжелые годы, когда Кабарде грозили нападения крымских войск, или в годы русско-турецких войн 1710–1711 и 1735–1739 гг., когда кабардинцы выступали на стороне России.

Третья глава диссертации – «Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII в.». Написанная на основе широкого привлечения неизданного архивного материала, эта часть исследования Е. Д. Налоевой дает яркую картину сложного международного положения Кабарды в период обострения русско-турецких отношений. Особенно детально изучены русско-кабардинские отношения этого периода и участие кабардинцев на стороне России в русско-турецких войнах 1710–1711 и 1735–1739 гг. Надо подчеркнуть, что две монографии советских историков об этих

войнах – С. Ф. Орешковой (М., 1971) и Е. Б. Шульмана (М., 1963) не касаются событий, происходивших на Северном Кавказе, и не раскрывают значения кабардинского вопроса. Глава, несомненно, привлечет внимание специалистов по истории внешней политики России первой половины XVIII в.

В целом диссертация Е. Д. Налоевой должна быть оценена как серьезное и оригинальное исследование ряда важных вопросов истории кабардинского вопроса первой половины XVIII в. Желательно ее опубликовать в более свободных по листажу рамках, чем это позволил жесткий объем кандидатской диссертации.

Мои замечания и пожелания направлены на то, чтобы при подготовке исследования к печати в текст были бы внесены дополнения и улучшения.

Основное замечание касается первых двух глав диссертации. Говоря о кабардинском феодализме и государственно-политическом строе Кабарды, автор не раз упоминает архаические пережитки, корни которых уходят в доклассовый период жизни кабардинского народа. Однако, это интереснейшая тема, которая и должна показать своеобразие кабардинского феодализма, в полной мере не раскрыта, это и повело к тому, что и уровень социально-экономических отношений, и уровень развития государственности Кабарды, автором, как я полагаю, завышены.

В разделе о хозяйстве кабардинцев более внимательного и осторожного рассмотрения требует вопрос о товарности хозяйства, в частности, скотоводческого. Надо напомнить, что экстенсивное скотоводство, при благоприятных природных условиях дает излишки, которые обычно обмениваются на промышленные изделия более развитых соседних народов. Таков был характер обмена между ногаями и русскими еще с XV–XVI вв.; И. Я. Златкин рисует аналогичную картину экономических взаимоотношений Джунгарии и Китая. Поэтому такие формулировки диссертанта, как «скотоводство, которое носило форму товарного хозяйства» (стр. 49), представляются неточными, к тому же они противоречат высказанному на стр. 45 мнению об отсутствии в кабардинском скотоводстве товарного производства.

Нет сведений о том, чей же скот шел из Кабарды на внешний рынок. По-видимому, главным образом скот феодальных хозяйств.

Автор совсем не упоминает о том, что в Кабарде не было своих денег – яркий показатель натуральности хозяйства, который не мог не отражаться и на уровне развития государственности.

Для раздела о социальных отношениях я уже говорила о том, что недостаточно учтен архаический характер «фамильного» феодального владения и дискуссионно решение вопроса о тльхукотлах. Надо обратить внимание и на следующее. При характеристике эксплуатации различных разрядов крестьянства феодалами автор пользуется записанными в XIX в. адатами; в какой степени точно отражали они нормы первой половины XVIII в.? Не отразилось ли на взаимоотношениях кабардинских феодалов и крестьянства влияние русских крепостнических порядков?

Автор не раз говорит о том, что господствующей формой ренты в Кабарде была рента продуктами, а не отработочная. По-видимому, для автора это один из показателей высокого уровня кабардинского феодализма (стр. 50). В советской исторической литературе высказано мнение, что нельзя страницы Маркса, посвященные смене форм феодальной ренты, понимать так, что такой порядок обязателен для процесса феодализации у всех народов. Высказано мнение, что на Руси продуктовая рента развилась из дани натурой, которая взималась князьями путем полюдьа на раннем этапе феодализации и образования государства.

Считаю, что и в ценной главе о государственно- политическом строе Кабарды уровень развития государственности завышен. Например, следовало бы уделить больше внимания роли аталыков в администрации – яркий патриархальный пережиток. Особый отпечаток налагало отсутствие письменного делопроизводства и письменного законодательства. Это сказывалось и на том, что феодальное землевладение не получило юридического оформления, что отсутствовали акты, закреплявшие земельную собственность. Взимание подати князьями или верховными собственниками носило примитивный характер – сбор баранами, по два баранами со двора, следовательно, финансовые возможности государственной власти были крайне ограничены.

В XVI–XVII вв. старшие князья Кабарды выбирались из различных линий княжеского рода и Большой и Малой Кабарды. По-видимому, в XVIII в. уже не было старших князей, представителей Малой Кабарды, следовательно, обособление ее усилилось. Вообще по сравнению с XVI–XVII вв. прогресса в развитии централизации не заметно.

В III главе диссертации желательно дополнить исследование вопроса о 6-м пункте Белградского мирного договора 1739 г., по которому Кабарда была определена «барьером» между Турцией и Россией.

Текст диссертации вызывает и некоторые частные замечания.

Выше я уже говорила о том, что автор приводит многочисленные кабардинские термины. Не зная кабардинского языка, не могу судить о точности их интерпретации. Но одно замечание себе позволю. На стр. 32 термин мэкъумашыщІэ переведен как земледелец. В литературе указывалось на то, что термин этот связан со словом мэкъу – сено. Такое происхождение слова указывает на значение скотоводства в хозяйстве кабардинцев и только подтверждает вывод автора о приоритете скотоводства над земледелием в кабардинском хозяйстве.

Досадна повторяющаяся опечатка в заглавии одного раздела такого важного для исследования труда, как публикация Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев», т. I, Одесса, 1882: «Полное собрание кабардинских древних актов» (стр. 21 и др.) вместо «обрядов», т. е. обычаев. Эта опечатка неприятна потому, что отсутствие актовое делопроизводства – одна из характерных для Кабарды черт.

Вызывает возражение формулировка «эмиграция ремесленников» (стр. 53), хотя на стр. 52 правильно – «отход». Слишком сильно звучит «экспорт хлеба» (стр. 34), хотя контекст показывает, что речь идет о вывозе излишков, которые к тому же обменивались, а не продавались. Но в целом в целом диссертация написана хорошим русским языком.

Приведенные замечания и пожелания не меняют общей оценки диссертации как интересного и серьезного исследования, написанного на тему, имеющую большое значение для изучения истории Кабарды и России, но и для решения общих вопросов феодализма, как формации, и развития государственности.

Исследования Е.Д. Налоевой вполне отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и дает автору право на присуждение ученой степени кандидата исторических наук.

Доктор исторических наук /Е. Н. Кушева/
Москва, 16 июня 1973 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019

Отзыв на машинопись книги Е. Д. Налоевой «Кабарда в первой половине XVIII века» доктора исторических наук Е. Н. Кушевой

Отзыв

на машинопись книги Е. Д. Налоевой
«Кабарда в первой половине XVIII века» (Нальчик, 1974, 262 стр.)

Книга Е. Д. Налоевой – серьезное и оригинальное исследование ряда важных вопросов истории кабардинского народа. Автор права, что говорит об актуальности изучения истории Кабарды первой половины XVIII века. Ни в досоветской, ни в советской исторической литературе этот период не изучен монографически. Между тем в это время внутренний строй Кабарды еще не подвергся сильному влиянию извне, ни со стороны Турции и Крыма, ни со стороны России: эти десятилетия насыщены событиями большого международного значения, в ходе которых русско-кабардинские отношения приобретали важное значение для той и другой стороны. Исследование Е. Д. Налоевой основано на широком круге разнообразных источников. Имеющиеся публикации хорошо известны автору, но они ни в какой степени не исчерпывают богатства архивных фондов. Автор вводит в научный оборот сведения неопубликованных документов центральных архивов – Архива внешней политики России и Центрального Военно-исторического архива (Москва). Знание кабардинского языка, знание местности, где происходили изучаемые события, помогают автору в анализе источников XVIII века.

Методологической основой труда Е. Д. Налоевой является марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях и о государстве.

Во Введении (стр. 1–23) дан краткий обзор и характеристика источников и литературы. Основное содержание исследования освещено в трех главах.

Первая глава – «Социально-экономические отношения у кабардинцев в I-й половине XVIII в.» (стр. 24–112). Глава эта основана на самостоятельном анализе источников, в том числе неопубликованных архивных, в ней автор предлагает свое решение ряда возможных вопросов. Так, на основании сопоставления косвенных данных автор определяет численность населения Кабарды в первой половине XVIII в. – от 250 до 300 тысяч. Правильно подчеркивая ведущую роль скотоводства в хозяйстве кабардинцев, автор стремится конкретизировать уровень его развития и, опять-таки на основании косвенных сведений, дает численность скота разных видов. Показано значение земледелия для кабардинцев, занимавшего второе по сравнению со скотоводством место. Особый небольшой раздел посвящен домашней промышленности, ремеслу и торговле. Правильными представляются выводы автора о натуральном хозяйстве кабардинцев, об отсутствии разделения труда, однотипности хозяйств, отсутствии специализации районов. Автор говорит о зарождении товарного производства, продукты которого шли не на внутренний рынок, а на вывоз.

Большое место в I-й главе отведено социальным отношениям, и эти страницы книги вызывают большой интерес. Вопрос о том, существовали ли в Кабарде феодальные отношения, уже не является дискуссионным. Е. Д. Налоева стремится уточнить уровень развития феодальных отношений; подчеркивая сложность перехода от раннефеодального периода к развитому феодализму, своеобразию этого процесса в каждой отдельной стране, автор дает такие формулировки, как «сравнительно развитые феодальные отношения», «сложившийся феодализм», «этап», «завершение» развития феодальных отношений (стр. 111, 256–260).

Изучая феодальные производственные отношения у кабардинцев, Е. Д. Налоева правильно уделяет большое место вопросу о феодальном землевладении. Очень интересен анализ русской ландкарты 1744 г. и пояснений к ней 1753 г. Подробное сопоставление названий кабардинских поселений со списком князей и уорков 1753 г. показало, что большинство этих названий происходит от имен знатных и незнатных узденей – уорков. Это серьезный показатель развития феодального землевладения. Приведен ряд примеров наследования деревень – кабаков по прямой линии (от отца к сыну) и раздела владений умершего феодала между его сыновьями. Автор приходит к выводу о том, что «частная (семейная) феодальная собственность на землю и неполная собственность на крестьян, переходивших по наследству по прямой линии, – характерная черта кабардинского феодализма первой половины XVIII в.» (стр. 77).

В разделе о феодально-зависимых слоях кабардинского общества привлекает внимание предложенное автором новое толкование дискуссионного вопроса о тльхукотлах. В советской литературе распространено мнение, по которому тльхукотлы – это лично свободные крестьяне-общинники, хотя и феодально-зависимые. В частности, эта точка зрения развита в монографии Н. Х. Тхамокова «Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. (Нальчик, 1961) и в монографии В. К. Гарданова «Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.)». М., 1967. Для последнего автора именно наличие среди адыгского крестьянства лично свободных – один из доводов для признания процесса развития адыгского феодализма незавершенным.

Е. Д. Налоева считает, что «слово «тльхукотль», как и «уорк», собирательное, это – сословное обозначение людей, занятых «неблагородным» (физическим) трудом, в отличие от уорков, пренебрегавших им» (стр. 90), пишет о том, что название тльхукотл было презрительным (стр. 79). По мнению автора наиболее многочисленным слоем кабардинского крестьянства были оги-чагары, крепостные крестьяне. Огам, как крепостным, платившим по преимуществу продуктовую ренту, противопоставляются лагунапыты, как крестьяне, обязанные барщиной. Особый раздел посвящен унаутам – рабам и ясырям (рабам-пленникам).

Подробно рассмотрены в I главе и категории класса феодалов.

II глава книги (стр. 113–164) посвящена государственно-политическому строю, малоизученному вопросу истории кабардинского народа, который исследуется автором на основе марксистско-ленинского учения о государстве. Широко привлекая сведения архивных источников, автор изучает удельные княжества Кабарды, роль старших удельных князей, характер администрации, суд, войско, которое состояло из дворянского ополчения, подати с подвластных.

Рассматриваются взаимоотношения с соседними народами, формы их зависимости от кабардинских князей. Чрезвычайно интересен документ 1747 г. конкретизирующий положение зависимых народов, разделенных на сферы влияния между княжескими уделами Кабарды (стр. 135–136). Подробны сведения о заседаниях «больших» и «малых» советов, которые созывались князьями для решения тех или иных вопросов. Определяя первую половину XVIII в. как период феодальной раздробленности, автор вместе с тем уделяет большое внимание органам общекабардинского значения, отражающим тенденцию к объединению княжеских уделов. Здесь Е. Д. Налоева говорит о роли старших кабардинских князей, давая впервые в исторической литературе точный их список за первую половину XVIII в., с точными датами правления (стр. 150–151). Даются сведения о «хасе», совете всех удельных князей и их вассалов, о деятельности главного суда, о сборе общекабардинского военного ополчения в тяжелые годы, когда

Кабарде грозили нападения крымских войск или в годы русско-турецких войн 1710–1711 и 1735–1739 гг., во время которых кабардинцы выступали на стороне России.

Третья глава книги – «Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII в.». Написанная также на основе широкого привлечения неизданного архивного материала, эта часть исследования Е. Д. Налоевой дает яркую картину сложного международного положения Кабарды в период обострения русско-турецких отношений. Подробно изучены русско-кабардинские отношения этого периода и участие кабардинцев на стороне России в русско-турецких войнах 1710–1711 и 1735–1739 гг. Надо подчеркнуть, что две монографии советских историков об этих войнах – С. В. Орешковой (М., 1971) и Е. Б. Шульмана (М., 1963) не касаются событий, происходивших на Северном Кавказе, и не раскрывают значения кабардинского вопроса. Автор заканчивает эту главу 1739 годом – годом заключения русско-турецкого Белградского трактата. Такая хронологическая грань для III-й главы обоснована – действительно, Белградский договор, Белградский договор изменил международное положение Кабарды.

Материалы III главы приводят автора к убедительному выводу о том, что на протяжении исследуемого периода Кабарда постоянно добивалась покровительства России и со стороны России искала защиты от крымско-турецкой агрессии.

Книга Е. Д. Налоевой представляет большой интерес не только для историков Кабарды. Первые две главы связаны с общими теоретическими вопросами развития феодальной формации и феодальной государственности. Третья глава привлечет внимание и широкого круга читателей-кабардинцев.

Именно важность изучаемых в книге вопросов заставляет высказать ряд пожеланий и замечаний.

Е. Д. Налоева ставит и решает ряд вопросов истории Кабарды, которые остаются спорными. Между тем, автор нередко категоричен в своих выводах, хотя не всегда изложение подтверждено ссылками и достаточно обосновано источниками. Находим и противоречивые суждения или недостаточно ясные формулировки.

Противоречивость заметна уже в решении вопроса о хозяйстве кабардинцев. С одной стороны, автор неоднократно говорит о «натуральном хозяйстве», о «натурально-потребительском хозяйстве», порождавшем экономическую однородность. С другой стороны в разделе о скотоводстве характер его в Кабарде определен, как товарный. Несомненно, значительное количество кабардинского скота (очевидно, принадлежавшего феодалам) шло на внешний рынок, в обмен на промышленные изделия. Это характерно для экстенсивного скотоводства феодального периода. Таков был, например, обмен между ногами и Русью еще в XV–XVI гг. Определение кабардинского скотоводства, как «товарного», вызывает сомнение. Вывод о зарождении товарного производства в крестьянской домашней промышленности представляется правильным. Желательно уточнить – мелкого товарного производства.

В ответственном разделе о феодальном землевладении автор, как сказано выше, приходит к выводу о том, что «частная (семейная) феодальная собственность на землю и неполная собственность на крестьян, переходивших по наследству по прямой линии, характерная черта кабардинского феодализма первой половины XVIII в.» (стр. 77). Этот вывод основан на нескольких, несомненно, интересных примерах. Между тем, имеются сведения 1839 и 1846 гг. о кабардинском феодальном землевладении, которые дают уже не отдельные примеры, а общую картину его состояния в первой половине XIX в. Сведения эти подробно изучены В. К. Гардановым в его монографии, названной выше. В. К. Гарданов отметил тенденцию к замене «фамильной» феодальной земельной собственности малосемейной и индивидуальной, которую он обнаружил по источ-

никам XVIII в., и показал, каких результатов эта тенденция достигла к 50-м годам XIX в. В это время в княжеском и особенно уоркском землевладении индивидуальная и малосемейная формы стали господствующими. Однако фамильная собственность, являвшаяся пережитком патриархально-родового строя, еще имела место. Если так было в середине XIX в., то сто лет назад, в первой половине XVIII в., фамильное феодальное землевладение должно было, несомненно, занимать значительное место. Эти сведения остались не учтенными Е. Д. Налоевой.

Остается очень неясным вопрос о мелком уоркском землевладении, которое в советской литературе обычно определяется как условное, – автор на эти высказывания не откликается. Анализ ландкарты 1744 г. дал автору основания говорить о 28 деревнях из 122, которые назывались по именам незнатных узденей и очевидно являлись их неотчуждаемой собственностью. Но незнатных узденей, составлявших конное войско, были тысячи. Стр. 96 и 115 о хаблях полной ясности в решении этого вопроса не вносят.

Очень неясен характер иммунитета в Кабарде, о котором лишь упомянуто (стр. 257).

Выше указывалось, что автор рецензируемой книги дает новое решение дискуссионного вопроса о тльхукотлах. Его важность вызывает пожелание ряда уточнений. Автор считает, что этот термин означал не определенный разряд крестьянства, а относился вообще к людям физического труда, что название это было презрительным. И то, и другое определение дано без каких-либо ссылок и обоснований (стр. 79, 90). Не основаны ли они на расспросных сведениях уже XX в.? В решении этого вопроса нельзя обойти данные Хан-Гирея и соображения о происхождении термина, изложенные В.К. Гардановым на стр. 196–197 той же монографии.

Важное положение автора об огах-чагарах, крепостных крестьянах, являвшихся по ее мнению наиболее многочисленным слоем кабардинского крестьянства (стр. 84 и след.), желательно подтвердить более подробным анализом имеющихся источников. Рассмотрение этого вопроса затруднено тем, что термин «чагары», часто употребляемый русскими источниками XVIII в., – не кабардинский. Необходимо также наблюдение за употреблением в России XVIII в. терминов: «черный народ», «черные люди». Ведь в XVII в. «черные волости» и «черносошные крестьяне» – это разряд крестьян, позже получивших наименование государственных.

В разделе о феодальной ренте Е. Д. Налоева правильно, по моему мнению, пишет, что наиболее распространенной формой ренты была продуктовая. Основываясь на известных высказываниях К. Маркса, автор считает это показателем высокого уровня развития кабардинского феодализма. В советской исторической литературе высказаны мнения, что страницы Маркса, посвященные смене форм феодальной ренты, нельзя понимать так, что такой порядок обязателен для процесса феодализации у всех народов. Так, высказано предположение, что на Руси продуктовая рента развилась из дани натурой, которая взималась князьями путем полюдьа на ранних этапах феодализации и образования государства. Нельзя не вспомнить известия источников XVII в. об ясаке и ясырных людях, как об одном из разрядов кабардинского крестьянства.

Автор нередко говорит о крепостничестве в Кабарде, о феодалах-крепостниках, о деспотическом характере кабардинского феодализма (стр. 50, 52 и др.). Однако такие факты, как участие «старшин черного народа» в больших «советах»-собраниях, привлечение кабардинских крестьян к присяге при вступлении на престол императрицы Анны Ивановны («Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 62 – присягали «кабардинские князья, узденя и весь их подлый народ»), право крестьянина, обиженного феодалом, уйти к другому, чтобы найти защиту, говорят о том, что в положении феодально-зави-

симого кабардинского крестьянства имелись чрезвычайно своеобразные черты. Автор приводит интереснейшее сообщение 1753 г. (стр. 106) о состоявшемся соглашении феодалов Б. Кабарды, отменявшем это право. Но необходимо сказать и о том, что в результате крестьянского восстания («Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 272) и что записанные в первой половине XIX в. адаты его повторяют (Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Тифлис, 1861, стр. 154–155, 165).

Как уже указывалось, автор ставит своей задачей определить уровень развития кабардинского феодализма, ссылаясь на мнение ряда ученых о признаках развитого феодализма (стр. 111) и находит наличие этих признаков в кабардинской действительности изучаемого периода. Концепция Е. Д. Налоевой несомненно вызовет отклики и дискуссии. Поэтому очень важно, чтобы формулировки с оценкой характера кабардинского феодализма в разных главах и частях текста были бы согласованы между собой. Формулировка на стр. 260 заключения, которую надо понимать так, что Кабарда в первой половине XVIII в. достигла «этапа завершения» развития феодальных отношений, в самом тексте книги не встречается. На стр. 111 формулировка иная – «сравнительно высокий уровень развития феодализма»: на стр. 110 читаем «укрепление в стране феодального способа производства». Эти формулировки неоднозначны, о них надо подумать.

Желательно большее внимание к специфике феодальных отношений в Кабарде.

Несколько пожеланий вызывает и содержательная II-я глава о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в.

Первая половина XVIII в. в Кабарде была периодом ожесточенной междоусобной борьбы княжеских группировок. На стр. 143 и след. Борьба кабардинских удельных князей определяется как борьба «за гегемонию». Очевидно, автор видит в этой борьбе выражение объединительной тенденции. В литературе высказано мнение, что борьба шла за земли и за крестьян (В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 179 и др.). Е. Д. Налоева не привела данных в подтверждение своей точки зрения.

В вопросах о старших кабардинских князьях олиипшах остается неясным, признавался ли в Малой Кабарде старшим олиипш из княжеских родов Большой Кабарды. В XVI–XVII вв. старшие князья выбирались для всей Кабарды из членов кабардинских родов и Малой, и Большой Кабарды. По-видимому, в XVIII в. этот порядок уже был нарушен, и обособление Малой Кабарды усилилось. Положение Малой Кабарды, происходившее на ее территории процессы и события, остаются вообще очень слабо изученными.

Я советовала бы исключить страницы 157–158 о гербе Кабардинской земли, наличие и эмблемы которого рассматриваются автором как показатель «этнической, экономической и политической общности народа, достигшего уровня государственности». Происхождение и датировка герба совершенно не изучены.

Факт существования в Кабарде XVIII в. феодального государства, как орудия господства меньшинства над эксплуатируемым большинством (стр. 164), не вызывает сомнений. Основное пожелание к тексту главы II – полнее показать специфику кабардинской государственности, уровень развития которой в изображении автора представляется завышенным. Отсутствие письменного делопроизводства и письменного законодательства, отсутствие монеты и примитивный характер подати – сбор баранами по 2 барана со двора, неразвитость административного аппарата, такие патриархальные черты, как значение аталыков, все это налагало особый отпечаток на политический строй Кабарды. Уже деление на уделы по княжеским родам – патриархальный пережиток; среди феодалов, несомненно, еще сохранялось фамильное владение землей

и движимым имуществом; крестьяне жили большими семьями или, как писал М.О. Косвен, патронимиями.

III глава книги – «Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII в.» – самая обширная, 91 страница.

Глава эта очень интересна, насыщена свежим материалом и вместе с тем очень ответственна. Тема международных отношений требует большой точности анализа документов, формулировок и точности употребления терминов. Так как многие ценные документы, привлеченные автором, еще не опубликованы, желательнее более подробное их изложение.

При анализе грамоты от 4 марта 1711 г. Петра I кабардинским князьям автор присоединяется к ее интерпретации, данной в 1956 г. С. К. Бушуевым. Приведенные в кавычках цитаты не совпадают с текстом грамоты, опубликованной во II томе «Кабардино-русских отношений», и даны, по-видимому, тоже по книге С. К. Бушуева (стр. 177). Желательно видеть в книге Е. Д. Налоевой самостоятельный разбор этого важного документа. Едва ли точно говорить о том, что грамота эта содержала «договорные начала» «союза» России с Кабардой. Это была грамота о подданстве, но о том значении этого термина, которое было обычным для русского правительства в XVII в. в его взаимоотношениях с нерусскими народами. Подданство в этих случаях не обозначало ни включения территории того или иного народа в государственные границы России, ни установления на этой территории русской администрации.

Толкование значения для Кабарды Прутского трактата 1711 г. вызывает возражения (стр. 180). Автор пишет что, так как Кабарда не была упомянута в Прутском договоре, он «сковал политику России на Кавказе, изолировал Кабарду и развязал руки Порте», что теперь «Россия ни юридически, ни фактически не могла выполнить взятие на себя обязательства» по обороне Кабарды. Но ведь ни один из предшествовавших русско-турецких договоров не содержал упоминания о Кабарде. Прутский договор не вносил по этому вопросу ничего нового. Что касается «юридической» стороны, то нельзя не вспомнить, что с XVI века «подданство» Кабарды России (в том значении, о котором сказано выше) оформлялось присягами. Неблагоприятная для Кабарды сторона Прутского договора заключалась в отказе России от Азова в результате неудачного Прутского похода.

Очень большой интерес вызывают три документа 1722 г. – заявление визиря и нота султана с протестом против вмешательства России в кабардинские дела и грамота Петра I турецкому султану от 20 марта 1722 г. (стр. 190–192). Эти документы не опубликованы. Между тем их изложение, приведенное в тексте книги, недостаточно полно (из грамоты царя приведены «некоторые пункты»), ясного представления об их содержании читатель не получает, тем более что на разных страницах книги содержание царской грамоты оценивается по-разному. На стр. 205 читаем о «русско-турецком соглашении 1722 г., которое официально признало Кабарду за Портой». Здесь автор целиком присоединяется к толкованию царской грамоты от 20 марта 1722 г., которое было дано ей крымско-турецкой стороной. Судя по изложению и цитатам из грамоты на стр. 190–192, такой формулировки в ее тексте не было: в условиях подготовки персидского похода и необходимости сохранить мир с Турцией, правительство Петра I дало на ноту султана уклончивый ответ. Вместе с тем автор права, определяя политику русского правительства в отношении Кабарды в эти годы двойственной.

Желательно более подробное и точное изложение листа кабардинских владельцев 1732 г. (стр. 219–220).

Нужна большая точность формулировок и терминов и в текстах о взаимоотношениях Кабарды с Турцией и Крымом. Термины «договоры» (стр. 207), «союз» (стр. 220) не отражают действительных отношений.

Цитату из 6 пункта Белградского трактата (стр. 254) надо привести полнее и со ссылкой на Полное собрание законов.

В II-й главе приведено много сведений о взаимоотношениях калмыков с Россией и с Кабардой. На эту сторону текста несомненно обратит внимание историки Калмыкии. Для освещения этой темы желательно обращение к трудам как досоветских, так и советских историков.

Если автор сочтет нужным откликнуться на некоторые из высказанных пожеланий, это вызовет необходимость некоторого расширения листа книги.

Перехожу к частным замечаниям.

В текст необходимо внести ряд фактических поправок.

Стр. 121–123. Князь Казый (Пшеапшоков) жил не во 2-й пол. XVII в., а во 2-й пол. XVI – начале XVII в.

Стр. 123. По Ш. Ногмову не Казый, а его сын Хадождуко разделили Б. Кабарду на 3 удела.

Стр. 126. Неточно изложены сведения об обращении осетин к русским послам в Грузию Никифору Толочанову и дьяку Иевлеву в 1651 г.

На 166–172 дана критика высказываний Н.Г. Волковой об абазинах в ее книге «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII– начале XX века», М., 1974, но уточнения не доведены до конца и допущена ошибка: князя Б. Кабарды Ходождуко не было в живых в 1674 г.

Стр. 199. Нужно уточнить сведения о князьях Сунчалеевых Черкасских в Терском городке.

Стр. 248 – Дата Рештского договора – 1732 (а не 1730) г.; необходимо также сказать о Ганжинском договоре 1735 г.

На стр. 3–4, в разделе об источниках, использованных автором, они разбиты на 3 группы. Первая – это архивные источники, не опубликованные. Такое деление надо заменить делением по типам источников, а не по признаку публикации их.

Необходима большая точность, когда речь идет о границах территорий. Предлагаю уточнить сведения на стр. 25 о границах Кабарды на западе и востоке, на стр. 125 о границах территории Кабарды и об ее соседях с востока и запада, на стр. 131 об абазинах на территории Кабарды в XVIII в.

Мелкие частные замечания переданы мною автору.

Книга Е. Д. Налоевой несомненно вызовет живой интерес и будет читаться не только специалистами-историками. Отсюда пожелание дать пояснения к некоторым датам и фактам, упомянутым в тексте глухо. Так, на стр. 3 перечислены номера фондов Центр. Военно-исторического архива, изученных автором. Необходимо дать названия фондов.

На той же странице упомянут 1739 г. без какого-либо разъяснения, что означает эта дата. Не каждый читатель поймет, что речь идет о Белградском трактате, завершившим русско-турецкую войну.

Не раз говорится о «разделе» Кабарды в 1753 г., о «расчленении» Кабарды в 1753 г. – опять-таки без пояснений (стр. 65, 146, 151–152). События 1753 г. выходят за хронологические рамки книги, но раз о них упомянуто, надо сказать, о чем идет речь. Формулировка «расчленение» вызывает возражение.

Той же заботой о широких кругах читателей вызвано пожелание реже употреблять иностранные слова, если в этом нет нужды, тем более, что не всегда они употреблены в точном их значении (так, на стр. 61 – «эмиграция ремесленников» – надо отход; см. также на стр. 104 – конфигурация; на стр. 119 – синхронизация и т. д.).

Вообще же текст книги написан хорошим русским языком. Некоторые стилистические погрешности, насколько знаю, устранены автором.

Автор, как кабардинка, дает много кабардинских терминов, что, конечно, должно быть отмечено как положительная сторона книги: не зная кабардинского языка, не могу оценить эту сторону работы в должной степени.

В тексте несколько раз упоминаются в качестве приложений схемы, но в том экземпляре машинописи, который мне передан, схем нет.

Напомню о необходимости проверки цитат. Имеются неточности.

Общий вывод: книга Е. Д. Налоевой – оригинальное и интересное исследование важного периода истории кабардинского народа, которое, после некоторой доработки может быть рекомендовано к печати.

Доктор исторических наук Е. Н. Кушева
Москва, 8 сентября 1974 г.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019

Отзыв на статью Кажарова В. Х. «О системе регулирования и землепользования в кабардинской сельской общине» ст. преподавателя кафедры СССР КБГУ, кандидата исторических наук Е. Д. Налоевой

Отзыв

на статью Кажарова В. Х. «О системе регулирования и землепользования в кабардинской сельской общине»
(Объем статьи – 30 машинописных страниц)

Статья Кажарова В. Х. посвящена малоизученной и весьма актуальной проблеме социально-экономической истории Кабарды периода феодализма. Так, большой научный интерес представляют исследованные автором вопросы, как земле распределительные функции кабардинской сельской общины, система податного земельного обложения, регулирующая роль обычно-правовых норм в земельных отношениях, характер привилегий феодального владельца при распределении земельных наделов и др. Все перечисленные аспекты кабардинской сельской общины глубоко изучены исследователем на основе архивных и литературных данных и сделаны им убедительные выводы.

Автор статьи обнаруживает широкую эрудицию, тонкую наблюдательность и умение извлечь всю информативную способность используемых источников.

Работа написана хорошим научным языком, она вводит в научный оборот значительное число архивных документов и дает обоснованную критику ошибочным суждениям ряда исследователей. Однако в этой части статьи, на наш взгляд, мало затронуты работы местных авторов, которые коснулись в той или иной степени предмет исследования Кажарова В.Х.

В целом рецензируемая статья производит солидное впечатление. Автор пишет как зрелый исследователь, которому по плечу сложная и трудная профессия историка.

Ст. преподаватель кафедры СССР КБГУ Е. Налоева
4 апреля 1979 г.,
г. Нальчик

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019

**Рецензия кандидата исторических наук Е. Д. Налоевой
на статью Л. И. Лаврова «Проблемы этногенеза кавказских горцев» –
Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа.
Л.: Наука, 1978**

Рецензия

на статью Л. И. Лаврова «Проблемы этногенеза кавказских горцев» –
Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.:
Ленинградское отд., «Наука», 1978. Цена 1 руб. 20 коп.

Проблемы этногенеза – одна из труднейших задач исторической науки. Особенно они сложны на Кавказе, где за каких-то семь-восемь веков сменилась масса этнических названий, миграционный и ассимиляционный процессы которых не прослеживаются четко по данным источников.

Постоянное внимание Л. И. Лаврова к вопросам происхождения народов Кавказа и вклад его в их разработку заслуживает большого уважения.

В рецензируемой статье он пересмотрел свои взгляды на происхождение некоторых народов Кавказа, подверг сомнению концепцию ряда исследователей и выдвинул новые гипотезы.

Вполне закономерно, что по мере развития исторической науки и смежных с ней наук, появления новых находок и комплексного изучения добытых материалов возникает необходимость заменить устаревшие положения. Но при этом предлагаемые решения должны опираться на более прочные основы.

В рецензируемом очерке рассмотрен весьма обширный круг проблем, но из них мы затронем здесь лишь три момента: 1) авторское определение ираноязычности племен Северо-Западного Кавказа; 2) вопрос об абазинах и 3) происхождение кабардинских князей.

«Принято считать, – пишет Л. И. Лавров, – что адыги произошли от смешения ахейцев, зихов, торетов, керкетов, синдов и меотских племен... (здесь и дальше курсив наш. – Е. Н.). Для утверждения этой гипотезы, – продолжает он, – кое-что сделал и автор этих строк. В настоящее время все это безнадежно устарело» [1, 38]. В новом же своем решении этого вопроса он признает протоадыгами только зихов и ахейцев и с «известной осторожностью» санигов, а всех остальных – ираноязычными [1, 38–41].

Для такого крутого поворота своей позиции исследователь должен располагать надежными источниками. Так какими данными подкреплено в очерке столь категоричное заявление, что «меоты не были предками адыгов»? [1, 39]. К сожалению, в нем нет новых свидетельств, кроме критических замечаний автора в адрес его оппонентов и лингвистического анализа названий меотских племен, к которым и обратимся.

«На ираноязычность меотов, – говорится в очерке, – указывает и окончание «ты» в ряде их этнонимов (меоты, фаты, яksamаты, тарпиты; ср. сколоты, сарматы, массагеты) – в осетинском языке «тх» до сих пор служит показателем множественности числа...» [1, 39–40]. На этом основании уже делается вывод, что «племя торет (или тореаты), обитавшее у Новороссийской бухты, считают бездоказательно протоадыгским, не обращая внимания на присутствие иранского суффикса «ты» в этнониме» [1, 40].

Наличие в осетинском языке окончания множественного числа «тх» не вызывает сомнений, чего, однако, нельзя сказать о присутствии «иранского суффикса» в перечисленных названиях племен. Последние могут быть как автонимами, так и этнонимами. Мы пока не знаем «меот», «фат», «тарпит», «синд» и др. – самоназвания племен или

же иноязычного происхождения. На наш взгляд, не уточнив эту деталь, по одним только названиям племен невозможно определить их этническую принадлежность. Нет уверенности и в том, что они точно транскрибированы. Обычно из-за фонетической сложности адыгские слова не поддаются четкой передаче на другие языки, чаще всего они изменяются до неузнаваемости.

Однако уязвимость выдвинутой Л. И. Лавровым гипотезы заключается не только в отмеченных сторонах, а в эфемерности идеи «иранского суффикса». Ведь интересующие нас названия обращены в множественное число при помощи русского окончания «ы»: меот – меоты, фат – фаты и т. д. Следуя этой логике, можно объявить ираноязычным любой этноним, оканчивающийся на букву «т».

По Л. И. Лаврову, «иранский характер меотского языка, его сходство с аланским подтверждаются присутствием на Тамани (т. е. по соседству с меотами) штата аланских переводчиков в III в. н. э.» [1, 40]. Приведенный факт не столько подкрепляет довод автора, сколько свидетельствует об обратном. Если бы аланский язык настолько был схож с меотским, как полагает Л. И. Лавров, то не было бы нужды в подобных переводчиках на границе с меотами.

Правильно полемизируя с исследователями, отождествлявшими термины «черкес» и «керкет», автор очерка спрашивает: «почему, например, этноним «керкет» имеет окончание «ты», не свойственное адыгам и легко объяснимое из иранской речи?» [Там же].

Нам кажется, что с такой легкостью нельзя решать вопросы этногенеза. Окончание «ты», во-первых, не иранское, во-вторых, оно вовсе не обязательно для ираноязычных этнонимов. Как известно, названия весьма далеких от последней группы хаттов, хеттов, семитов и хамитов также оканчиваются на «ты», если возвести их во множественное число, согласно русской грамматики. В тоже время этноним самой многочисленной группы – скифов – не содержит «иранского суффикса». Можно привести более десятка адыгских терминов, точно также как «фаты», «меоты», оканчивающихся на «ты». Так, тет (теты) – начальник, унаут (унауты) – раб, цыхут (цыхуты) – дань людьми, шихат (шихаты) – свидетель, лагунапыт (лагунапиты) – дворовый и т. д. Но дело не в том, что свойственно или несвойственно адыгским языкам, а в далеко идущих последствиях некритического использования автором источников. В результате искусственной иранизации абсолютного большинства племен Северо-Западного Кавказа, в очерке неоправданно сужен возможный круг предков самой многочисленной этнической группы данного региона – адыгов. Как мы видели, таковыми автор рецензируемого очерка признает только одно племя ахейцев и частично зихов и санигов, т.к. последние два этноса, по Л. И. Лаврову, – предки абхазо-адыгов [1, 39]. В таком случае, непонятно, каким образом столь малочисленным адыгам удалось ассимилировать многочисленных соседей, да еще заселить почти весь Северный Кавказ. Поглощение малых великими – обычное явление в историческом процессе, но обратно – спорно.

Переходя к вопросу об абазинах, Л. И. Лавров пишет: «Прошлое ныне немногочисленного абазинского народа таит в себе загадки, не разгадав которые нельзя понять некоторые весьма существенные вопросы истории Северо-Западного Кавказа» [1, 41].

По Лаврову абазины некогда были многочисленным и сильным племенем, но в процессе «многовековой ассимиляции адыгами», их численность значительно сократилась [Там же]. Так, шапсуги, абадзехи, бжедуги «были прежде абазинами и говорили на абазинском языке» [Там же]. Для такого категоричного заявления в очерке нет доказательств. Мы далеки от мысли отрицать возможность взаимной ассимиляции абазин и адыгов, но если абсолютное большинство адыгов (шапсуги, бжедуги и абазехи) – ассимилированные абазины, то непонятно, кто их ассимилировал.

Дискутируя с З. В. Анчабадзе о происхождении абазин, Л. И. Лавров замечает: «... так, как уже в начале н.э. абазги были известны отдельно от апсиллов, то значит уже

тогда не смешивали протоабазин и протоабхазов» [Там же]. Но сам он не находит никакой разницы между абазгами и абазинами, между адыгами и адыгейцами [1, 41–42].

По Л. И. Лаврову, абазги-абазины до VIII в. говорили на убыхском языке, занимали общую территорию от р. Бзыб в Причерноморье до Никопсии – Кубани, образовали мощное государство. «В этих условиях, – пишет он далее, – не удивительно, что абазгским (т. е. абазинским) феодалам Леону I и затем Леону II удалось распространить свою власть на соседних апсилов и тем самым дать иностранцам основание называть Абазгией всю территорию, которая подчинялась этим феодалам» [1, 44–45].

В VIII в., после образования Абхазского царства, по Л. И. Лаврову, абазины подверглись ассимиляции, т. к. культура апсилов стояла выше и это привело к «вытеснению древнего языка абазгов (протоубыхского) и распространению среди них абхазских диалектов. Однако южная ориентация политики Леона II и его приемников привела к превращению Абхазского царства в Грузинское и к политической независимости абазин, т. е. собственно абазгов. Это совпало с возросшим адыгским влиянием на абазин, многие из которых стали постепенно переходить на адыгейский и кабардинский языки» [1, 44–45]. Так, по автору, «ряд адыгейских «племен» (шапсуги, абадзехи, бжедуги) были прежде абазинами и говорили на абазинском языке» [1, 41].

Получается довольно-таки любопытная картина: многочисленные абазины, занимавшие столь обширную территорию, покорившие апсилов, создавшие известное царство, сначала подверглись ассимиляции, потеряли свой (убыхский) язык, а потом получили независимость от созданного ими же государства и попали под влияние малочисленных адыгов, в результате чего большинство абазин утратило свой язык и некогда могущественный народ потерял свое значение.

Маловероятно, чтобы абазины за такой короткий период (VIII–XII вв.) успели сменить два языка: убыхский, апсильский и перейти на третий – адыгский, как неудовлетворительно объяснение автором причины сходства абхазского языка с абазинским [2]. Как известно, абазины, всего 6 родов, с XIV в. находились в тесных экономических, политических, брачных и территориальных связях с кабардинцами, но, несмотря на это, они до сих пор сохранили свои этнические особенности, в том числе и язык.

Абазины, как этническая единица, сложились на Северном Кавказе и отождествлять их с абазгами, думается неправомерно. Смущает и употребление автором «адыгейский язык», «адыгейские племена». «Адыгея» – административное понятие, возникшее в годы Советской власти. Следовательно, в те времена не было такого языка и народа.

Остается неясным и вопрос, каким образом абазгские князья распространили свою власть на апсилов. Отвергая убедительную концепцию Ш. Д. Инал-ипа о слиянии родственных народностей (абазгов, апсилов и др.) в одно политическое объединение» [3, 204–313], Л. И. Лавров обходит его молчанием [1, 44].

В целях подтверждения гипотезы об абазинах, Л. И. Лавров допускает произвольные толкования некоторых данных источников. «Значительная роль абазин в прошлом, – пишет он, – нашла отражение в фольклоре... в кабардинском сказании о древнем герое Андемыркане рассказывается, как последний отдался под покровительство абазинского князя (Басхак-пши) [4, 295–296]. Оставляя в стороне то, что у абазин (речь идет не о абазгах) не было пши и такого термина в их языке, заметим, что в сказании, на которое ссылается автор, нет прямого указания на этническую принадлежность Басхак–пши, хотя по контексту сказания ясно, что он – кабардинский князь.

Не менее свободная интерпретация дана в очерке и труде Ш. Б. Ногмова. Описывая междоусобную борьбу кабардинских князей, Ш. Б. Ногмов передает, как потерпевший поражение князь Кошкао привел на Кабарду аварского уцмия с большим войском. «В этих условиях, – повествует Ш. Ногмов, – кабардинский народ решил прибегнуть под защиту абазинцев и других горских племен. Заключив союзы с единоверцами, ка-

бардинцы начали стягивать войска...» [5, 73–77]. Из дальнейшего содержания предания видно, что кабардинцам помогли отразить уцмия абазины, бесланейцы и др. соседи, а Л.И. Лавров, выхватив полфразы из контекста, передает: «Ш. Б. Ногмов пишет, что в трудные времена кабардинцы прибегали «под защиту абазинцев» [1, 46].

Ш. Ногмов ошибочно датирует описанное событие XIII в. Достаточно упоминание в нем калмыков, чтобы понять это. Кроме того, в этом пересказе Ш. Ногмова говорится, что междоусобица, послужившая поводом уцмию для вторжения в Кабарду, произошла «по смерти князя Шолоха» [5, 77], который княжил в Кабарде в 1606–1616 гг. [6]. Следовательно, данное событие имело место в начале XVII в. О том, что абазины в XVII в. не могли брать под свою защиту Кабарду, не требует особого доказательства.

Далее, ссылаясь на Ногмова, Л. И. Лавров пытается доказать, что кабардинские князья произошли от абазин. «Ш. Б. Ногмов, основываясь на преданиях, – говорится в очерке, – писал, что Инал прибыл в Кабарду с черноморского побережья, причем «оказывал свои милости опским или абазинским князьям Аше и Шаше», т. е. состоял в тесных отношениях с абхазскими княжескими фамилиями Ачба и Чачба», из которых первая, кажется, абазинского происхождения» [1, 46].

Во-первых, у Ногмова нигде не сказано о том, что он прибыл в Кабарду из Причерноморья. По нему, Инал – общеадыгский князь, которому подчинялись все адыги, в том числе кабардинцы и абазины [1, 51–56].

Во-вторых, милости, оказывавшиеся Иналом абазинским князьям Аше и Шаше, еще не говорят об абазинском его происхождении. Буквально в следующем абзаце «Истории адыгейского народа» рассказывается, что абазинский князь Оздемир поднял мятеж против Инала. Почему-то автор опускает этот эпизод. Преследуя Оздемира, по Ногмову, Инал пришел в Абхазию, «истребил много людей», в том числе и Оздемира. «После покорения Абхазии, – говорится далее, – находясь на Дзибе для заключения мира с абхазами, он, по окончании всех дел, скончался смертью праведника», чем Ногмов объясняет нахождение могилы Инала – «Инал-Кубе» – в Абхазии [5, 56].

Согласно Ш. Ногмову, со смертью Инала его государство распалось, но один из его сыновей положил начало династии кабардинских князей [5, 55].

Как видно, автор очерков использовал данные Ш. Ногмова выборочно, придавая им нужный оттенок. Все эти натяжки понадобились ему для обоснования своей гипотезы об абазинах. Приходится сожалеть, что последующие его аргументы не выдерживают критики. В этой части он прибег к анализу этимологии ряда имен. Так, фамильное имя знатных кабардинских урков Тамбий автор разложил на «Там» (якобы название одного из шести абазинских родов) и «бий» (искаженный турецкий термин «бей-князь») и из этого заключает, что «Тамбий» «означает князь или дворянин («бий») абазинского общества Там...» [1, 47].

По нашему мнению, для такого вывода мало оснований. Во-первых, ни один из шести абазинских родов: Лоо, Грам, Биберд, Дударука, Кяч и Клыч (или Клыш), как видно, не звался Тамом [7]. «Там» – кабардинское собственное имя. В первой половине XVIII в. урки Тамовы были вассалами князя А. Кайтукина, в удел которого входили владения Тамовых [8]. В 1753 г. урок Там Тамов в числе других дворян князей Жамболатовых подписал договор о разделе Большой Кабарды между Баксанской и Кашка-тауской группировками [9, 182].

Во-вторых, ни адыги, ни абазины не обозначали термином «бий» сословную принадлежность людей. Термины «хан», «гирей», «мурза», «бей», «бек», «бий» – чужды абазинскому и адыгским языкам. Они были привнесены сюда из татаро-тюрских диалектов и утратили свою смысловую нагрузку. Например, имена с окончанием «гирей» носили представители царствующего Дома Крымского ханства и писались через дефис, а в Кабарде (в источниках XVI–XVIII вв.) встречаются и князья, и дворяне, и просто-

людины с именами Асланджери (русское написание «гирей» не совпадает с местным произношением джери), Адельджери, Азаматджери и т.д. Точно также редуцировались «хан», «бек», «мурза» и пр., даже образовались новые имена из двух терминов: Мурзабек, Бекмурза, Ханджери и т. д. Зато слово «бий» на всех диалектах адыгского языка означает кровник и его не следует игнорировать. Несомненно, понятие «кровник» и его обозначение «бий» появились в адыгском языке раньше турецкого термина «бей» (бий) и отдавать приоритет последнему при анализе сложных слов нет оснований. В пользу этого говорит и тот факт, что в Кабарде не было ни одной княжеской фамилии с окончанием «бий». Правда, в переписках с иностранными государствами, чтобы не спутать князей с их дворянами, к именам первых прибавлялась частица «бек». Более того, из 500 княжеских имен, собранных нами из различных родословных и архивов, лишь одно (Хасан-бий) имеет окончание «бий» и оно относится к XIX в.

Адыгские имена с окончанием на «бий» этимологически распадаются на три группы. Для первой – характерно соединение личного имени со словом «бий» – Тамбий, Клыш-бий, Нат-бий и т. д. От этих имен произошли и фамильные названия Тамбиев, Клишбиев, Натбиев, но ни одна из них не была княжеской. Следовательно, здесь «бий» – кровник, а не князь, что показывает связь этих словообразований с институтом кровной мести.

По некоторым данным у кабардинцев (а может и у всех адыгов) существовал обычай давать новорожденным мальчикам символические имена при наличии неотмщенного кровника, т.е. если вдова осталась в положении после убийства мужа и она разрешилась рождением мальчика, то его называли именем кровника с частицей «бий», чтобы собственное имя его напоминало всем и ему самому о кровнике [10].

Вторая группа имён образуется из названия соседних народностей и слова «бий»: кушха (горцы) – бий, вместе образуют личное имя Кушхабий; эндер (народность Дагестана), а Эндербий – личное имя; науруз – ногайская орда, личное имя Наурузбий, означающее враг наурузовцев; урус – русский, отсюда имя Урусбий (враг русского) и т. д.

Имена третьей группы составляют из отвлеченных имён существительных с прибавлением «бий»: жила (село), Жилабий (враг села, общины); кала (город), Калабий (враг города); караль (государство), Каральбий (враг государства) и т. д. Несколько особняком стоит имя Пшибий – враг князя. Так или иначе, обе группы имён своим происхождением связаны с понятием кровной мести.

В заключении Л. И. Лавров приводит ещё один довод, пытаясь подвести под имя одного кабардинского князя слово абазинского происхождения. Его следовало обойти, если бы автор из таких сомнительных аргументов не делал далеко идущих выводов: «совокупность всех этих фактов склоняет к выводу об абазинском происхождении господствующего сословия в Кабарде» [1, 47].

Интересующее нас имя имеет разнописание: Табула, Тобулда и Тобулду. По данным «Пушкинской родословной росписи кабардинских князей», Тобулду – сын Инала. «А Тобулды мурзы, – читаем в ней, – дети Инармас да Янхот...» [6, 383]. Как видно, это имя склоняется по правилам имён существительных женского рода. Следовательно, оно в именительном падеже Тобулда, а не Тобулду, которое вообще не склоняется.

Согласно другой родословной этот князь зовётся Табулой, он сын Акабгу, внук Инала [9, 384]. Табула напоминает кабардинское имя Табылэ, которое по-русски невозможно иначе написать, кроме как Табула или Табулда. Такие разнописания кабардинских имён нередкое явление в русских документах. В последних, имя видного кабардинского князя XVIII века Кайтукина писалось: Арсланбек, Асланбек, Арасла-бек, Росланбек, Рослам-бек, Алам-бей, Ослан-бей. Разительное расхождение этих имён ввело в заблуждение даже видного кавказоведа Н.А. Смирнова, который усмотрел под этими именами двух князей Кайтукиных [11, 43].

Судить об этимологии адыгских слов и терминов по русским их написаниям невозможно. Тем более, когда имеются разнописания, неправомерно, игнорируя одних, строить свои выводы на других, как это делает Л. И. Лавров.

Из рассмотренных плохо согласуемых между собой фактов и мало обоснованных суждений автор делает вывод, что «есть серьезные основания для пересмотра наших представлений об исторической роли ныне очень маленького, а когда-то многочисленного и сильного абазинского народа» [1, 48].

Да, действительно, автор очерка имеет серьезные основания для пересмотра своих взглядов на происхождение адыгов и абазин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., Ленинградское отд., «Наука», 1978.

2. *Мнение З. В. Анчабадзе* о переселении части абхазов на Северный Кавказ не только убедительно, но подтверждается и архивными данными. Ср. *З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии*, 1964; КРО. Т. II. Литературный очерк. С. 42.

3. *Инал-ипа Ш. Д.* Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

4. *Кабардинский фольклор*. М., Л., 1936. С. 295–296.

5. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947.

6. КРО, т. I.

7. Комментарий к Карте Кабарды 1744 г. // КРО, т. I, с. 194.

8. Карта Большой и Малой Кабарды // КРО, т. II, с. 114.

9. КРО, т. II.

10. Данный обычай записан со слов Анзоровой Жан, которой было 126 лет. Она проживала в г. Орджоникидзе, ул. Ватутина, 127. Умерла в 1959 г. (Хранится в личном архиве Налоевой Е. Д.).

11. *Смирнов Н. А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 24, инв. № 3016

Текст выступления Е. Д. Налоевой на защите кандидатской диссертации «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века»

Уважаемые члены Ученого совета!

Товарищи!

Предлагаемая вашему вниманию диссертационная работа рассматривает государственно-политических строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.

Исследование этих проблем имеет большое теоретическое и практическое значение. Оно является одной из актуальных задач современного кабардиноведения.

Марксизм-ленинизм учит, что государство возникает на определенной стадии развития общества как необходимый орган господства одного класса над другим и что между государством и создавшим его общественно-экономическим строем существует прямая зависимость.

Изучение государственно-политического строя феодальной Кабарды позволит взглянуть глубже в породивший его базис и тем самым внесет определенную коррективу в дискуссионный вопрос об уровне развития феодализма в Кабарде.

В рассматриваемый период Кабарда постоянно опиралась на мощь и авторитет России в борьбе против турецко-крымской агрессии и сама вносила посильный вклад в упрочение позиции России на Юге. Раскрытие той сложной обстановки, в которой скреплялись кабардино-русские связи, имеет не только научно-познавательное, но и воспитательное значение.

Отмеченные аспекты истории Кабарды недостаточно освещены в нашей исторической литературе. Дореволюционная историография не оставила специальной работы о политическом строе Кабарды, хотя в трудах многих авторов находим ценные сведения о тех или иных политических институтах.

В советское время сделана попытка восполнить этот пробел. В частности, государственно-политический строй кабардинцев в XVI–XVIII вв. исследован Е. Н. Кушевой. Этот вопрос в более широких хронологических рамках XVI–XIX вв. рассмотрен Г. Х. Мамбетовым, для первой половины XIX в. – Т. Боцвадзе, а для XVIII в. он затронут лишь в одном параграфе монографии Н. Х. Тхамокова.

Вопросам международного положения Кабарды уделено больше внимания в дооктябрьское и советское время. Особенно в трудах П. Г. Буткова, Н. Ф. Грабовского, С. М. Соловьева, Г. А. Кокиева, Е. Н. Кушевой, Т. Х. Кумыкова, Н. А. Смирнова и др. затронуты важные стороны этого вопроса. Однако работы названных авторов специально не посвящены международному положению Кабарды.

Таким образом, первая половина XVIII в. и на сегодня остается одним из малоизученных периодов.

Между тем в научном плане этот период представляет собой несомненный интерес. Во-первых, в ту пору Кабарда все еще оставалась самобытной, т.к. ни Турция, ни Крым, ни Россия еще не оказали на нее заметного влияния. Во-вторых, этот отрезок времени богат событиями внешнего и внутреннего порядка, которые подготовили и во многом предопределили дальнейшую судьбу народа. И, в-третьих, обнаруженные новые архивные материалы позволяют глубже исследовать поднятые проблемы, чем и продиктован выбор настоящей темы.

Диссертация ставит следующие задачи: а) выявить специфику социально-экономических отношений Кабарды в первой половине XVIII в.; б) проанализировать ее государственно-политический строй; в) рассмотреть кабардино-русские и кабардино-турецкие отношения с начала XVIII в. по 1739 г., т. е. до объявления Кабарды «независимой».

Теоретической и методологической основой диссертации послужили труды классиков марксизма-ленинизма.

Диссертация состоит из введения, 3-х глав и заключения.

Во введении обоснована тема, поставленные задачи, охарактеризованы источники и дана историография вопроса.

В основе диссертации лежат документы, хранящиеся в архивах г. Москвы: Архив внешней политики России и Центральный государственный военно-исторический архив. Обнаруженные в фондах названных архивов источники отражают большой круг вопросов хозяйственной, внутривнутриполитической и международной жизни Кабарды.

Особенно богат материалами по Кабарде фонд «Кабардинские дела» АВПР, в котором сосредоточены уникальные источники и разнообразнейшие сведения. Удачно дополняют его и фонды ЦГВИА. Работа опирается и на другие источники и публикации. Очень содержателен II том сборника документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». В нем содержится разносторонняя информация по теме диссертации. Из других источников следует упомянуть «Акты кавказской археографической комиссии»,

«Крестьянскую реформу в Кабарде», «Материалы по обычному праву кабардинцев», «Войну с Турцией 1711 года», «Адаты кавказских горцев», статистические данные М. Пейсонеля и др.

В качестве источников повествовательного характера использованы записки иностранных путешественников и иностранцев, находившихся на русской службе, а также «Описания Кабарды», составленные представителями русской военной администрации на Кавказе.

Большой интерес для диссертации представляют исследования дореволюционных и советских авторов. В дореволюционной историографии о Кабарде – в основном два направления. Первое – более объективно отражает кабардинскую действительность, делает важные наблюдения. Здесь прежде всех следует назвать С. М. Броневского, чье исследование является первым значительным печатным трудом по истории Кабарды, М. М. Ковалевского и адыгских историков: Султана Хан-Гирея, Шоры Ногмова и В. Н. Кудашева.

Представители второго направления в целом принижали общественный строй кабардинцев, подчеркивая этим «цивилизаторскую миссию» царизма на Кавказе, события освещали тенденциозно, а русско-кабардинские отношения изображали односторонне, отрывочно, с шовинистической позиции.

В целом дворянско-буржуазная историография не смогла научно определить характер и уровень развития социально-экономического и политического строя Кабарды, как и ее международного положения. Эту задачу выполнила советская историческая наука, вооруженная теорией марксизма-ленинизма. С момента возникновения советского кабардиноведения в нем шла борьба двух направлений. Одно из них отстаивало по сути дела старую родовую теорию. Второе, опираясь на достижения прогрессивного крыла русской историографии, по-марксистски, научно доказывало зарождение феодализма в Кабарде задолго до отмены крепостного права. Этот спор оставался открытым до 50–60-х гг. Конец этой дискуссии положен исследованиями большой группы советских историков и этнографов: Г. А. Кокиева, А. В. Фадеева, Е. Н. Кушевой, Т. Х. Кумыкова, В. К. Гарданова, О. М. Смирнова и др. Их перу принадлежит большое число фундаментальных работ, служащее подспорьем и для данной работы.

И все же вопрос об уровне развития феодализма в дореформенной Кабарде остается пока еще дискуссионным. Одни ученые считают, что к моменту отмены крепостного права феодальные отношения в Кабарде или вступили в стадию завершения, или же полностью были завершены.

Другие полагают, что в дореформенной Кабарде процесс феодализации не был завершен.

Первая глава посвящена этой проблеме. Здесь рассматриваются территория, население, земледелие и землепользование, основные виды занятий, форма эксплуатации в них, социальная структура и классовая борьба в первой половине XVIII в. В этот период Кабарда занимала сравнительно обширную территорию в центральной части Северного Кавказа: от Кубани до Гребенских казаков с запада на восток и с севера на юг – от Прикумских степей до Дарьяльского ущелья.

По данным обследования 60-х гг. XVIII в., вся эта территория была плотно заселена. По нашим подсчетам, население Кабарды колебалось в 250–300 тыс. человек. Мнение большинства специалистов о приоритете скотоводства в экономике Кабарды находит подтверждение в материалах архивов. Однако земледелие было давним занятием адыгов и неотъемлемой частью их жизни. Оно удовлетворяло потребности страны и производились небольшие излишки, шедшие на внешний рынок как товар. Особенно к запросам рынка было приспособлено скотоводство и, в частности, коневодство и овцеводство. По нашим подсчетам, поголовье овец превышало 700 тыс. несмотря на

это, экономика Кабарды не знала отраслевого деления или районирования по производственному признаку. Каждое мелкое и крупное феодальное хозяйство одновременно занималось земледелием, скотоводством, ремеслами и домашними промыслами, что свидетельствует о натурально-потребительском характере экономики. Это препятствовало концентрации ремесленного производства, появлению поселков, городов, а в конечном итоге развитию внутреннего рынка.

Производственные отношения регулировало обычное право – адат. Фиксируемые им правовые нормы, определяющие взаимоотношения феодалов и крестьян, виды повинностей и их объем, на наш взгляд, свидетельствует об укреплении феодального способа производства.

Обрабатывающая промышленность, главным образом, обслуживала нужды феодальных владений и самих крестьян. Но, в силу стихийного процесса производства, крестьяне создавали излишки предметов потребления, поступавшие на внешний рынок в качестве товара.

Имелись и профессиональные мастера-ремесленники разного профиля, которые работали на заказ.

Как известно, политический статус социальной группы определяется ее отношением к основному средству производства – земле – и местом ее в общественном производстве.

В Кабарде существовала сложная иерархическая система землевладения и землепользования, которая создала многоступенчатую структуру общества.

Верховными собственниками земли являлись 5 княжеских фамилий, между которыми была поделена вся Кабрда.

Второй по знатности социальной группой считались тлекотлеши и дыжинуго, которые владели землей на вотчинном праве, но они являлись вассалами тех князей, в удел которого входили их вотчины.

Беслан-уорки и уорк-шаутлугусы сидели на землях первых трех категорий феодалов и соответственно значились их вассалами.

Эти 5 категорий феодалов составляли сословие пши-уорк (благородные).

«Неблагородное» сословие – тльхукотлы – так же было многоступенчатым. Здесь промежуточное положение занимали две социальные группы: пшикеу и бейголи, которые сидели на княжеской земле и лично служили князьям.

За ними стояли азаты – вольноотпущенные, но не вольные переселяться из владения прежнего господина. Затем следуют пшитли – крепостные двух категорий: чагары (оги) и лагунапыты (холопы).

Сохранились и домашние рабы двух категорий: унауты и ясыри – пленные. Последние не входили в сословие тльхукотль. Их презрительно называли «унаутуко».

Характер рассмотренных отраслей хозяйства и формы эксплуатации в них, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что феодальные отношения прочно сложились.

Мозаичность социальной структуры, резкое экономическое и политическое неравенство общественных классов, групп и подгрупп, наконец иерархическая система землевладения и землепользования и созданный ею вассалитет говорят о том же.

Подтверждением этого служат и острая классовая борьба, которая принимала разнообразные формы, вплоть до открытого выступления крестьян против феодального гнета.

Во-второй главе – «Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII в.» – рассматриваются княжеские уделы, сложившиеся в них аппарат классового господства и ряд общекабардинских органов власти.

Как известно, главным условием возникновения государства является раскол общества на антагонистические классы и, как следствие этого, классовая непримиримость.

«Государство возникает там, тогда и постольку, – писал В. И. Ленин, – где, когда и постольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены».

Как отмечено в предыдущей главе, эти условия были налицо в Кабарде.

На рубеже XVII–XVIII вв. Кабарда делилась на Большую (Къэбэрдей) и Малую (Келахстаней). В первой имелись три княжеских удела: Жамболатов, Атажукин, Мисостов, а во второй – два: Келахстанов и Талостанов.

Во главе удела стоял князь, старший годами остальных. Он вступал в свои права автоматически, по смерти его предшественника и правил пожизненно.

При нем функционировали два важных органа власти: «малой и большой советы». На малом совете предварительно обсуждались вопросы, а решение принималось на большом.

Исполнительная власть в уделе складывалась из суда хейзжа, казначея, дворецкого, писаря, телохранителя князя и сравнительно большого числа бейголей и пшикеу, выполнявших функции сборщиков податей, судебных исполнителей и т. д.

Военную силу удела составляло уоркское ополчение (исключительно конница). По призыву старшего князя Кабарды удельный князь выступал со своим ополчением и командовал им в бою.

Удельный князь имел и свою резиденцию – замок – «двор внутри каменной ограды». Он взимал подать с подвластного населения натурой.

Вассально зависимые от Кабарды соседние народы были поделены между уделами, с которых князья так же собирали дань.

Как видно, княжеские уделы носили характер сеньории.

Параллельно с феодальной раздробленностью наблюдается и стремление к объединению княжеских уделов и функционирование ряда общекабардинских органов власти. Однако, в силу слабого развития базиса, эта тенденция не могла привести к созданию централизованного государства.

Совет всех удельных князей с их вассалами – хаса – был законодательным органом. По всей вероятности, хаса возникла в доклассовую эпоху как народное собрание. Но с развитием феодальных отношений она трансформировалась, и в последующий период хаса уже была сословно-аристократической. Она состояла из двух «кругов»: княжеского и уоркского. В особо важных случаях к обсуждению вопроса приглашали представителей зажиточных слоев крестьянства.

Хаса решала все основные вопросы внутренней и внешней политики, но она не была правомочна принимать решение без полного сбора и единогласия всех удельных князей и их вассалов.

Другим общекабардинским органом власти являлся институт олиипш – старший князь. В руках олиипша, или оли, была сосредоточена высшая исполнительная власть, хотя последняя сильно ограничивалась удельными князьями и хасой.

Олиипшем мог быть избран только старший годами удельный князь. Несмотря на это традиционное право, выборы оли были большим политическим событием. Вмешивались в это и соседние державы, заинтересованные иметь в Кабарде своего ставленника.

Оли обладал сравнительно большими полномочиями. Он взыскивал штрафы с населения за провинности, слушание, уклонение от воинского долга и др.

В помощь оли уорки выбирали из своей среды кодза-соправителя.

При оли был важный орган власти – хей – суд. До 1753 г. хей функционировал как высшая судебная инстанция. Во главе хей стоял сам оли. Члены суда избирались из уорков. Юридической основой судопроизводства служило обычное право, которое стояло на страже классовых интересов феодалов.

На классовый характер суда указывают и меры наказания – теизыр, которые зависели от социальной принадлежности истца и ответчика.

Вооруженную силу Кабарды составляло дворянское ополчение всех уделов. В случае опасности оли призывал к оружию всех князей уделов.

Во время войны автоматически главнокомандующим – дзепш – становился оли.

Войско, как и другие институты, было органом классового господства. Военные занятия являлись классовой привилегией знати.

Марксистско-ленинское учение о государстве содержит три имманентных признака:

1. Наличие публичной власти, «которая не совпадает просто-напросто с совокупностью вооруженного народа».
2. Территориальный принцип расселения населения вместо кланового.
3. Сбор налогов, податей и т.д. «для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти».

Рассмотренный политический строй Кабарды содержит эти признаки, хотя в чрезвычайно своеобразных формах.

По всем данным, сложившееся в Кабарде государство было феодальным. Но в рамках феодального типа государства могут существовать различные формы правления, политического режима и государственного устройства. При всем этом многообразии тип феодального государства имеет свои существенные признаки, одним из которых является иерархическое строение публичной власти, кстати, характерное для Кабарды.

Подводя итог, отметим, что государственно-политический строй Кабарды по форме правления был княжеством, по политическому режиму – представительной организацией господствующих сословий в лице хасы, по форме государственного устройства – децентрализованным с тенденцией к объединению.

Третья глава – «Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII в.» – посвящена главным образом кабардино-русским, кабардино-турецким отношениям с начала XVIII в. по 1739 г.

Нарастающая борьба Порты и России за овладение Кавказом поставила Кабарду в чрезвычайное положение в виду особой стратегической важности занимаемой ею территории.

Экономическая и политическая отсталость Кабарды и ее малочисленность усиливали угрозу ее порабощения. Сознывая это, она искала покровителя, под защитой которого смогла бы отстоять самобытное свое развитие. Таким признанным авторитетом была Россия, на стороне которой постоянно выступала Кабарда. И Россия была заинтересована в союзе с Кабардой, который стал приобретать более реальные контуры с укреплением русских на Азове.

Потерю Азова Порты решила компенсировать захватом Кабарды. Но разгром кабардинцами крымского хана усилил политику реванша и кабардино-турецкие отношения балансировались на грани войны, когда началась Русско-турецкая война 1710–1711 гг.

Правительство Петра I предложило Кабарде вступить в начавшуюся войну, обещая принять ее в состав России на правах отдельного княжества.

Кабардинцы приняли эти условия и успели разбить крымцев. Но поражение царя на реке Прут свело это соглашение на нет. Скованная Прутским миром и Северной войной, Россия не смогла выполнить взятые на себя обязательства. Порты же, воспользовавшись благоприятной конъюнктурой, в 1721 г. оккупировала Кабарду.

В этот период острое борьбы за Кавказ перемещается на юго-восток, куда направляется и царь. Чтобы скрыть истинную цель продвижения русских войск в Прикаспий, Петр I в 1722 г. подписал соглашение с Портой, по которому Кабарда была признана в сфере влияния Порты.

Двойственная политика царя по кабардинскому вопросу изолировала Кабарду и запутала кабардино-русские отношения. В 30-х годах русская дипломатия заняла более твердую позицию. Правительство Анны Ивановны, предвидя неизбежность столкновения с Портой, закрепило союз с Кабардой в 1732 г.

По тем же соображениям Порта решила укрепиться в Кабарде, которой отводилось особое место в военных операциях против Персии.

В это трудное десятилетие происходит дальнейшее сближение кабардинского и русского народов, которые плечом к плечу дрались против общего врага в войне 1735–1739 гг.

Однако в ходе войны складывается ситуация, направленная против кабардино-русского сближения, и Белградский мир объявил Кабарду «барьерной».

В заключении сформулированы основные выводы диссертации.

1. Иерархическая структура землевладения и землепользования, натурально замкнутый характер экономики, наличие товарного производства, господства натуральной ренты как формы эксплуатации показывают, что феодальные отношения в исследуемый период достигли сравнительно высокого уровня.

Общество было расколото на два антагонистических класса: феодалов и крестьян, которые, в свою очередь, дробились на мелкие социальные группы и подгруппы. Иначе говоря, сложная система землевладения и землепользования создало многоступенчатое общество, в котором были налицо иммунитет, вассалитет и крепостничество.

2. Вся Кабарда была разделена на пять удельных княжеств, каждое из которых располагало своей территорией, подвластным населением, войском, судом, своими вассалами, управленческим аппаратом и др. атрибутами сеньории.

Функционировали также общекабардинские политические институты: хаса, олиипш, хей, дза и т.д. Страну раздирала междоусобная борьба. Своеобразием социально-экономического строя было сохранение ряда патриархально-родовых пережитков.

3. Находясь на стыке интересов двух империй – Порты Оттоманской и России – Кабарде приходилось вести напряженную и гибкую внешнюю политику. С одной стороны, она стремилась навязать свою власть малым и более слабым соседям, а, с другой, – лавировать между державами-соперницами, на равновесии сил которых, собственно, держалась ее относительная независимость.

Неустойчивость внешней политики Кабарды обуславливалась двумя факторами: а) обострением «кавказской проблемы» и б) экономической и политической отсталостью самой Кабарды.

В этих условиях Кабарда не могла противостоять турецко-крымской агрессии без помощи России. Последняя, в целях упрочения своих позиций на Юге, шла на включение Кабарды в состав России с сохранением ее внутреннего устройства.

Вследствие такой взаимной заинтересованности сторон происходило дальнейшее укрепление кабардино-русского союза. Но Белградский мир нарушил его, объявив Кабарду «независимой». В тоже время он предоставил право Порте и России наказывать ее по своему усмотрению.

Этим международным актом Кабарда была поставлена в исключительные условия.

Таковы основные черты хозяйственной, социальной, политической и международной жизни Кабарды в первой половине XVIII в.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 32, инв. № 3024

Раздел XIII

РАССКАЗЫ, СТИХИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ Е. Д. НАЛОЕВОЙ

Анекдот об анекдоте [1]

Обожаю умные анекдоты и с превеликим удовольствием слушаю талантливых рассказчиков, хохочу до слез при этом и тут же забываю их. Но, если паче чаяния, я вздумаю пересказать запавший в душу сногшибательный анекдот, – увы, никто не смеется! Поэтому я никогда не рассказываю их и ни одного анекдота не сочинила за свою жизнь.

Однако искренне восхищаюсь, даже несколько завидую по белому известным авторам этих емких и лаконичных произведений, тонкостью их наблюдений, умению видеть великое в малом, ничтожное в великом и способности преподнести все это в шутивно-легкой упаковке, которая катится по Миру, как колобок, принуждая людей добровольно смеяться до упаду над собой. Равно преклоняюсь и перед прирожденными артистами, в устах которых даже незначительный иронический сюжет вызывает гомерический смех.

На мой взгляд, анекдот – чрезвычайно интересный вид искусства, балансирующий между писаной и неписаной литературами. В нем чудесным образом переплетены абстрактное и конкретное, вечное и актуальное, божественное и омерзительное, политическое и бытовое, реалити и фантазия, мудрость и тупость, смех и боль, словом, вся земная и загробная жизнь от Бога до последнего дураля.

Без этой общественной сатиры, каким видится анекдот, мы бы еще глубже погрязли в бездуховном мусоре, а самое главное: лишились бы смеха!

Откровенно говоря, я так высоко ценю этот жанр фольклора, что будь на то моя воля, я бы учредила непременно Институт осведомления власть имущих о новых анекдотах (ИОВИНА). Ведь надо же каждому, хоть раз в день взглянуть в зеркало!

Однако прошу прощения, я слишком отклонилась от предложенной темы. Только, чур, я предупредила, что мои способности рассказчика – ниже нуля, даже шедевры в моем переложении начисто утрачивают весь заряд юмора. Нет сомнений в том, что и сей раз вас не рассмешит мое повествование. Но, что подделаешь? Так устроен человек: ему необходимо хоть кому-нибудь передать об услышанном, увиденном или пережитом!

Итак, глубокой ночью, когда обычные люди спокойно спят после мирских сует и забот, я с ужасом вскочила от дикого скрежета двери и неистово заорала, увидев в проеме полуоткрытой двери одиночной камеры.

Хотите увидеть ее? О! Эту феноменальную физиономию способны изобразить лишь первые мастера кисти или художественного слова. К сожалению, я могу передать только ее каркас.

Прежде всего, попрошу представить себе огромный форменный картуз кэбээшника, надвинутый на самые брови, а по бокам его большие уши-лопухи, шевелящиеся, как у быков. Лба не видно, но из-под козырька таращились два

лупастых бельма, размером меньше куриного яйца, с кроваво-красными прожилками и раскосыми зрачками. Последние, против правила, закатывались то под верхние, то под нижние веки. Между этими, с позволения сказать, глазами – фантастический нос, т.е. натуральная жаба с дышащими жабрами – ноздрями, но с клювом хищной птицы, основательно загнутый к толстым негритянским губам. Да, чуть не забыла: под самым клювом, словно на смех приклеены узкие черные усики, подчеркивающие цинизм их владельца. Довершали картину два ее атрибута: вечно разинутый рот с желтыми, редкими, короткими зубами и почти женский круглый подбородок, под которым так и сновал вверх-вниз мощный кадык.

Описанная физиономия – не плод фантазии, а реальное лицо бывшего надзирателя Внутренней тюрьмы МГБ КАССР [2] Беркута. Зэки боялись его, особенно новички. Создавалось впечатление, будто его специально держали здесь именно для этой цели.

Так вот, это чудовище молча, одними жестами и мимикой повелело мне немедленно собраться и выйти на допрос. В политических тюрьмах категорически запрещается разговаривать заключенным. Они могли лишь шушукаться, а надзиратели большей частью пользовались кинетической речью, особенно с лицами одиночного режима.

В коридоре на меня надели длиннучий, вонючий, как камень тяжелый брезентовый балахон, а точнее мешок, так как он был без рукавов. Застегнули на все пуговицы до самого подола, надвинули на голову колпак-капюшон, который закрыл обзор, оставив лишь узенькую полоску света у стоп ног.

Когда столь необычная даже для МГБ экипировка была завершена Беркут прошипел: «Уперед!» Я даже, не видя ничего перед собой, машинально протянула руки вперед, но упершись пальцами в брезентовую стену, стала топтаться на месте.

«Шагай, кажу, вперед!» – повторил охранник, тоном не допускающим ослушаний. Я двинулась с места мелкими, неуверенными шажками под улюлюкание надзирателей.

– Поворот улеваа! Прямее! Еще раз поворот улеваа! Стоп! Тут вновь загремели, залазгали засовы, затворы, задвижки, замки, связки ключей входной двери тюрьмы. Когда же утих скрежет этих средневековых сооружений, последовала очередная команда: «Упереет вверх по лэстнице!»

Тихо, но уже более уверенно стала подниматься по ступеням полуподвального помещения, по которым день и ночь водят меня вот уже три месяца. Однако не успела и десяти шагов пройти по тюремному двору, когда с диким рычанием набросилось на меня какое-то сильное животное и свалило на асфальт. Теперь зверь, буквально, сидел на мне и метал и рвал мешок, в котором замерла я от страха.

Не помню, о чем я думала в ту минуту и думала ли вообще, но запомнила хорошо, что экзекуция продолжалась меньше минуты. В финале зверь с силой дернул брезент и сорвал капюшон с головы. В безумной панике я открыла глаза, но вместо зверя моему взору предстало само провидение: неповторимая синева летнего южного неба с редкими, величественными звездами скорбно взирала на мою беду. Я не вскрикнула, не всплакнула, а только ощутила явно, что сжимаюсь, становлюсь невесомой былинкой и, наконец, обратившись в точку,

легко и свободно понеслась ввысь к небесам: никаких тебе бед и угроз – полное блаженство!

Не скажу, как долго длилось мое царство свободы, но судя по всему, оно было кратковременным, ибо очнулась на том же месте от чьего-то грубого окрика: «Что, болван, не можешь управлять собакой?»

Господи, какое горькое пробуждение! Как сожалела я о своем воскресении! Жестокая реальность вновь обступила меня, подчеркивая безысходность моего положения, с одной стороны, а с другой – вселяя неукротимую жажду борьбы против произвола!

Забарабанила мысль в черепке, облетела Мир со скоростью света (кто в силе ее остановить, кроме смерти!) и в какие-то доли секунды уяснила, что со мной разыграли экспериментальный «спектакль»! Что следствие, будучи не в состоянии предъявить обоснованное обвинение, прибегло к низменному фарсу с мешком и собакой, чтобы сломить во мне достоинство человека, а потом моими же руками лепить угодные им преступления! Но самое страшное было в другом: я поняла, что Здесь Правосудие – роскошь никому не нужная и ни один из моих мучителей и не помышляет об этом! Им необходимо любой ценой убрать меня! Следовательно, совершила я преступление или не совершила, не имеет никакого значения!!!

Вот тут-то я зарыдала горько и громко. Рыдала от обиды за свое бессилие, за бесправие моё! Рыдала от гнева, что нет средства против произвола! Рыдала от глубокого разочарования!

Сначала зашикали на меня, а потом подмяли мою голову под брезент и в очень неудобной позе понесли куда-то. Наконец, поставили на ноги и в таком состоянии ввели меня в кабинет нового следователя, сменившего полковника-параноика Сидорова.

Собственно, я еще стояла в мешке и ничего не видела, но Беркут привычным движением сдвинул колпак с головы, вытянулся как на параде и доложил: «Товарищ полковник, по вашему приказанию заключенная Н доставлена!»

– «Вольно! Снимите плащ и оставьте».

Пока Беркут расстегивал многочисленные пуговицы моего балахона, успела рассмотреть несколько скуластое серое лицо мужчины, сидевшего в кресле с погонами полковника войск МГБ. Оно показалось мне весьма заурядным. В нем поразительно все было мелко, то есть, если можно так выразиться малого габарита: и жиденькие неопределенного цвета патлы, безбровый низкий лобик, синие поросячие глазки, мясистый, палаточной формы, носик, сжатый рот и остренький, как гусиный копчик, подбородочек, даже округлившиеся узенькие плечи.

– Вот ты какой есть человек, по воле которого подвергли меня такому глумлению, – подумала, злобно уставившись в лицо полковника. Как мне показалось он не выдержал поединка и чтобы затушевать свое смущение спросил нагло: «С чего же эдак нарядили тебя?» (к заключенным любого возраста обращаются только на «ты») – спросил, а сам беззвучно по-кошачьи с особым шипением хихикнул. При этом мгновенно лицо полковника превратилось в багровый бесформенный блин: вместо цепких глазок появились две узенькие щелочки, исчез палаточный носик, оставив след в виде двух маленьких ско-

бочек, а сжатый рот растянулся на полблина, обнажив два ряда мелких зубов грызуна, почерневшие от табака.

Верите, от полной растерянности, как попугай, повторяла одно и тоже слово: «Какой пассаж!» Несознательно шептала: «Какой пассаж!»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рассказ написан на основе реальных событий имевших место после второго ареста Евгении Джамурзовны Налоевой в мае 1950 г. в гор. Нальчике.

2. МГБ КАССР – Министерство государственной безопасности Кабардинской Автономной Советской Социалистической Республики.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 42., инв. № 3033

Рассказ без названия (первый) [1]

На склоне высокой, крутой горы, прямо против моего окна стоит маленький домик. Два красавца-кипариса днем и ночью сторожат его. Изабелла полнободно обвила его со всех сторон; а старая мушмула, никого не спрося, заботливо накрыла сама. Чуть поодаль одиноко стоит высокий, стройный эвкалипт, распустив свои космы по ветру и, стыдясь своей наготы, кутается в шарфы свои.

Вокруг домика в строгом порядке расположились представители субтропической флоры: плодовые мандарины, обидчивые лимоны, бесплодные мимозы, инжир, хурма, фейхоа и всякое другое.

Над всем этим величаво, флегматично-неподвижно возвышается магнолия одна. Её редкие цветы – полные чаши мишолды [2] – белеют среди лакированной листвы.

Уголок этот отделен от нас глубоким рвом, прорытый по законам естества потоком горных рек. Огорожен он забором вечнозеленым, в ниточку постриженный со всех сторон, и, умело сплетенная стена, образует чуть неправильный квадрат. По углам его, небрежно ко всему, поднялись в небеса на чугунных стволах четыре зеленых зонта и, как зенитки в грозный час, несут пальмы службу там. У подножья одной пальмы, словно ковыль в вазе, невесомо повисла персидская сирень. А роскошная шеренга плакучих ив, склонив свои знамена в торжественно-траурном молчании, любитесь на дне рва в полуовальных «зеркалах» отражением своим. Поперек рва лежит огромный кругляк вместо моста. У конца кругляка в вечнозеленую стену вставлена калитка стальная с замком. А уж оттуда, совсем, как в сказке, узкая тропа к домику ведет, обсаженной с обеих сторон множеством красочных цветов. У калитки грациозно гнутся бамбуков тонкие стволы. Часто люблюсь я прекрасным этим уголком и невольно благодарно отзываюсь в душе о том, чьи руки и уменье произвели столько прелести, добра.

Несмотря на такую привлекательность этого сада и близкое соседство с ним, в этом доме никогда не был я. Не был, но, судя по хозяйке дома не должно быть уютно в нем. Старожилы говорят, будто завладела им она при каких-то

темных обстоятельствах. Однако оставим сплетни. Лучше мы более интересным займемся – рассмотрим события жизни.

В тридцатых годах, конечно, нашего века, к нам в город прибыл некий Полковников, пенсионер-инженер путей сообщения. Так вот он, по сделке с одним старожилом, приобрел этот склон горы. Трефолятной [3] огородив его, построил домик в нем, а потом, как художник на полотне, рассадил, описанный выше, сад.

Попервах старик пытался обзавестись семьей-супругой, но старушки наши по вкусу ему не пришлись, а к молодым сам, видимо, не посмел подойти, и так остался один.

Как бы ни мужался человек – конца не миновать. Так однажды старик занемог и слег.

Пелагея Ноздрюк или Палаша-Каланча, как звали в деревне ее, рано покинула родных и уехала неизвестно куда. В городе ей не повезло: учиться ей не пришлось – поздно было уже, да и не пыталась сама она. К ремеслам склонности не нашла, а замуж выйти не пришлось. При этом, имея крутой, дерзкий нрав, не уживалась с людьми она. Когда, откуда и зачем прибыла Каланча сюда, знает лишь она сама. Мы не тронем этот деликатный вопрос, а просто проследим за тем, как разворачиваются ее городские дела.

Послужной список Каланчи охватывает более тридцати предприятий, учреждений и частных лиц, в которых и у которых нанималась она. Должности, в которых пребывала она, не менее разнообразны: домработница, кормилица, ассенизатор, истопник и т. д. Говорят, даже, будто она и в пожарной команде служила три дня.

За то, трудовой стаж по найму Каланчи удивительно краток – один год всего! Такой неуспех по служебной лестнице Каланча объясняла исключительно подлостью людей, с которыми было уже противно работать ей. Видимо, поэтому Палаша вышла в отставку двадцати пяти лет, правда без пенсии и решила вести частную жизнь.

Вначале, по прибытии в город южный, ей казалось, что очень скоро станет она женой какого-нибудь городского богача и, назло врагам, пошлет к себе в деревню семейное фото.

Воображение Каланчи живо рисовало этот снимок: сидит Палаша, скрестив руки на груди, с гордо поднятой головой в красном сарафане, в белой блузе, в желтых ботинках рядом с мужчиной в черном костюме, в высоких сапогах, который держит руки с белыми, пухлыми пальцами на широко расставленных коленях. На безымянном пальце его правой руки, массивное, золотое обручальное кольцо и цепь золотая от часов видна из нагрудного кармана. Но почему-то всякий раз он бывал без головы. Бедной Каланче никак не удавалось дорисовать его и представить лицо воображаемого супруга.

Однако, прежде заветного снимка на свет появились два кретина, после чего окончательно поблек Палашин семейный снимок.

Подробности этого периода ее жизни мы не знаем. Одно достоверно известно: Каланча, получив от своих городских «женихов» с полсотни малых и больших тумачков в ее ежедневных попойках, во второй раз вышла в отставку тридцати лет, но уже на этот раз по старости. Так рано разорив себя духовно и

телесно, Каланча решила последовать Марии Египетской. Справедливости ради скажем – новоявленная послушница проявила большое рвение в ханжестве и вскоре постигла основы его.

– Прости, Господи, рабу твою Пелагею в ее великих погрешениях! – пропела с особой церковной интонацией старушка, подражая псаломщику Федоту, в которого в молодости была она влюблена, и, крестя большим деревянным крестом, стоявшую на коленях перед иконой спасителя, Каланчу. Полумрак комнатки, желтый свет лампадок, запах ладана, множество икон и певучая мольба старухи заставили съезжиться Каланчу. Из глаз потекли крупные капли.

– Господи Иисусе Христе, спаситель ты наш! – срывающимся голосом начала Каланча. – Господи, услышь мою мольбу! – истерически выкрикнула она, воздев к небу худые руки свои, и в такой позе продолжала: «Не оставь же Господи, меня без отпущения грехов моих великих! Спаси, Господи, рабу окаянную, душу ее грешную – дьяволом соvrащенную! Ты видишь, Боже, наш великий, я каюсь искренне, каюсь в премногих злодеяниях своих – прости же их! Прости, Господи, сквернословие мое, курение, пьянки, драки, блудные связи мои! О, пресвятая дева Мария! Заступись перед Господом Богом за меня несчастную мать, погубившую своих дет... – и не договорив последнее слово, упала, вернее, рухнула наземь. Сотрясаясь, вся в холодном поту, Каланча горько рыдала, причитывала, высказывая все скопившееся в ее груди, а хор десяти старушек, стоящих на коленях, вторил ей душераздирающей мелодией.

Горе ее было так неподдельно и велико, раскаяние ее до того убедительно, а страдания ее столь значительны, что даже старушка, выдавшая виды, утерла кончиком косынки мутную жидкость из глаз. «Видать девку проняло» – прошептала она, отходя от несчастной.

После исповеди, действительно, переродилась Каланча. Теперь, не в меру набожная, Пелагея безропотно выполняла всю черную работу у старух. Не зная устали, изможденная, раньше времени постаревшая, Пелагея работала с утра до ночи, то у одной, то у другой старухи-матушки. Молилась многократно перед едой и после еды. Крестила уши, рот всякий раз. Усердно читала по слогам псалмы, житие святых и заучивала их наизусть. Ежедневно по утрам и вечерам по сто поклонов клала перед иконой божьей матери с младенцем! Мозоли на коленях ее худых ног, да на ладони правой руки были свидетелями ее усердия.

Так, наконец, она нашла призвание свое! И в этом ей помогли, как могли уже догадаться, старые ее друзья – богобоязненные старухи, которые по-христиански предоставили Каланче и ее «страждущим» кавалерам кров за небольшую мзду.

В двадцатых годах в нашей стране как-то произошло катастрофическое перепроизводство служителей культа. Резко упал спрос населения на эти службы и мелкие сошки, оказавшиеся не у дел, разбрелись кто-куда. Как в разрытом муравейнике, со всех обитателей повысыпались эти самые сошки. Шли и ехали они группами и в одиночку, с пустыми руками и тюками, с деньгами и ценностями в кармане и, со вшами в длинных волосах, без гроша. Сновали они всюду, по всем направлениям. В только что покинутые места приезжали другие с тем, чтобы тут же покинуть или прижиться под любой личиной. И вот одна из таких групп, разбитого в ожесточенных боях воинства христова, остановилась на подступах нашего города. Группа эта, разумеется, не мечтала о штурме

или осаде города. Она лишь пристанища искала, чтобы незаметно рассосаться среди жителей других. Надо заметить, в последнем она преуспела, больше того, эти фанатики на редкость оказались жизнеустойчивыми, удивительно выносливыми и проворными.

Они очень быстро освоили местность и обосновались на ней, как рак на здоровом теле. И действительно, фанатички-старушки, подобно шприце образным вирусам рака, впрыскивали в общество религиозную «кислоту», поражая его слабых членов.

Несмотря на видимую общность этих людей, внутренне они не были едины. Их раздирали различные оттенки религиозного фанатизма. На этой почве среди них бытовала хроническая вражда, переходившая порой в открытые столкновения.

Так, одни фанатики крестили рот, уши, ноздри, окна, двери, словом, все отверстия, чтобы закрыть доступ нечистой силе туда. Другие, метко высмеивая эту глупость, сами проделывали еще большую глупость. Например, субботники замирали в субботу на целый день с библией в руках. Ты хоть умри, а помощи от них не жди, в такой день. Однажды две старушки из секты, противной субботникам, подожгли сарай субботниц, чтобы потешиться над тем, как они побегут тушить пожар, спасти свое добро, побросав библии. Да не тут-то было! Сарай со всем содержимым сгорел, а субботницы головы не подняли. За то в воскресенье у всех на виду у них повыщипали всю рассаду капусты и пошла драка. Рассказывают, что пришлось разнять с применением холодного оружия – воды.

Никто не мог бы более метко и зло выставить смешные, дурные и вредные стороны этих разновидностей религиозного фанатизма, как это делали они сами во время скандалов между ними.

Скандалы вспыхивают среди них с большой легкостью и почти однообразны, но один из них заслуживает упоминания. В маленьком домике, затерявшемся среди густой зелени цитруса, обитала с виду обычная семья. Старик – отец, мать – старуха и, немного престаревшая, дочь. Рядом проживали три старушки из секты «Зеленая пасха». Соседи решили разгородить свои участки и соорудили нечто подобие забора из разного хлама, т.к. не было материала на то. Старшая сектантка Аграфинья, вставляя в подобие забора помятый большой металлический поднос, приговаривала: «Оно и лучше с забором то, Савелич, каждому сваё видать и от греха защитой буде». «Пошто не так!» – поддакивал ей и Савелич. Законы людей хороши, если они не противоречат законам природы. Какое дело, например, растениям до ваших межей и ваших рассуждений: «каждому сваё?». Ветки мандарина переросли границу соседей и, плоды на ветках перебежчицах, стали яблоком раздора. Савелич и Аграфинья – встали в позу. «Корни всему голова, Савелич, побойся Бога, как же вы сорвете плоды, когда они питаются от их корней-то моих? А корни растут не тама-ди у вас, а туточки, на моей земле?» – пыталась Агрофиня урезонить соседа. «Пошто путаешь православных сектантка?» – не выдержал сосед и подставил козлиную бородку к самому носу Аграфини так, как бы это сделал маляр, собираясь что-то закрасить и, совсем повысил голос: «Али ты не видишь, что ветка держится на моей зямле и тень еённая мешает нам содить других?».

«Ух, ты антихрист, поганый! – топнула ногой Аграфиня, – это ты иуда, сиктат, да поклоны кладешь своему идолу Иоану Краштатскому! Это ты, христопродавец, обманываешь Бога и совращаешь людей! Рази те бабы, што отторгнуты тобой от веры святой и держишь при сябе, тебе жана али дочь? Виселица по тябе давно скучает, дьявол бородатый!» – орала Аграфиня, угрожая Савеличу перейти врукопашную. Старик схватил топор и со всего размаху всадил его в ветку мандарина, на которой зрели золотистые плоды. Ветка застонала. Застонала и сектантка. В одно мгновение она просунула руку между веток и, цепко схватив бородку старика, дернула её со всей силой. Старик ахнул и выронил топор. Со рта старика потекла обильно слюна. Потекла чистая слеза и с разрубленной ветки. Рот иоанита так и остался раскрытым, а бородка как-то криво приткнулась к груди. Оказывается, матушка вывихнула челюсть ему. С перепугу она бросилась на колени и стала голосить, словно, не она, а ей вывихнули челюсть. А тяжесть плодов совершила злодейский акт старика – огромная ветка с треском опустилась наземь и оранжевые шарики покатались по земле, как шарики бильярда.

Несмотря на такие жестокие сцены, все религиозные фанатики в критических случаях выручали друг друга, знали все друг друга. Дружили-спорили, ссорились-мирились, сплетничали сообща и занимались одним ремеслом: причитали по покойникам, лечили больных от дурного глаза и нечистого духа, размножали псалмы и сбывали их; тайно крестили новорожденных, венчали новобрачных, если попадались такие простаки, а самое главное, вели, каждая секта на свой лад, религиозную пропаганду среди населения. Все это объединяло их в особый мирок, в котором верховодила некая Прасковья Михайловна – дочь известного казачьего священника.

Крупная, властная с черными усами, бородой и мохнатыми бровями и огромным чувствительным носом на мясистом лице, Прасковья Михайловна была самой образованной в этом миреке. Она не была фанатичкой, хотя вся ее жизнь, так или иначе была связана с церковью. Видимо, несвойственный её полу внешний вид помешал ей выйти замуж, а эта обида сформировала вечно всем недовольный ее характер. В сущности, она светский человек со всеми запросами и страстями и в узком кругу она перерождалась, исполняя обе роли отменно хорошо. Её отец понимал боль и тоску дочери своей, купил ей особняк в Петербурге, когда Прасковье Михайловне было за двадцать лет от роду. Ассигновал приличную сумму на ее содержание и через свои связи устроил в капелле Исаковского собора, где её альти получил заслуженную хвалу. Сюжеты религиозных песен не могли удовлетворить Прасковью Михайловну. Она умела и любила петь светские песни и романсы.

Прасковья Михайловна в последнее время пела лишь по большим праздникам в соборе и по просьбе особо важных персон. Тщеславие и неудовлетворенность Прасковьи Михайловны частью этим были утешены. В соборном хоре и салонах знатных особ она была в своей стихии и могла дать волю своему характеру.

Однако все рухнуло! – Революция выкинула вон всю знать, кому пела она, а заодно и её.

Так, ветром революции, заброшенная с Севера на Юг без денег, без отца, и, самое главное, без привычной среды Прасковья Михайловна было растерялась, но спасение само пришло. Она как-то встретила женщину пятидесяти лет с живым умом, феноменальной памятью, у которой был порез обеих ног с детских лет и которая занималась хиромантией. Прасковья Михайловна, правильно оценив дело, приютила её, предварительно создав вокруг этой женщины авторитет болящей ясновидицы. Смеясь до слез от души и над «ясновидицей» и над теми, кто верит ей, Прасковья Михайловна ловко организовала это доходное дело, которое обеспечивало безбедное существование обоим женщинам.

Одним взглядом или движением густых бровей Прасковья Михайловна могла поставить на нужный лад «ясновидицу». Последняя нуждалась в Прасковье Михайловне, как в своего рода импресарио. Так возник этот необычный симбиоз, который стал своего рода, центром отщепенцев.

Властолюбивая Прасковья Михайловна постепенно стала авторитетом среди религиозного сброда, хотя и она имела своих врагов.

Соперничала с ней ярая иоанитка Елена Надуйкина – живая, не по возрасту увертливая, скрытная особа, которая гордилась своими связями и родством с высшей аристократией царской России. Она была как бы лидером правого крыла самой монархической группы религиозных фанатиков. Девиз иоанитов: «Бог, царь и безбрачие!» защищала Надуйкина яростно, хотя она сама никогда не отличалась целомудрием. Неизвестно верила сама Надуйкина в это или нет, но с большой убежденностью она рассказывала, как знак святости ее кумира – Иоанна Кронштадтского, что он в последние свои десять лет жизни во время молитвы приподнимался от земли на целый аршин и в такой невесомости продолжал молитву. Таких небылиц про него и организатора секты иоаннитов В. Б. Пустошкина она могла рассказывать уйму.

Третьим лицом этого мирка была тетя Фекла – рьяная поклонница Серафима преподобного, неуравновешенная, экспансивная, ехидная, чрезвычайно любопытная старушка, которая часто становилась приторно-елейной. Её за глаза называли обновленкой.

Все три матушки смертельно соперничали двенадцать лет тому назад, когда в поле их зрения появился было жених Полковников. Предпочти он тогда одну из троих, – пожалуй, не обойтись бы без жертв. К счастью, общее фиаско смягчило их гнев, потом улеглись страсти и как-то даже подружились дамы.

Особенно их утешило то, что Полковников не осчастливил никого. Со временем обида стерлась с их душ и матушки бывали рады, когда, в длинные зимние вечера, строго соблюдая очередность, педантичный инженер посещал одну из них. В честь визитера дамы собирались вместе, а хозяйка давала ужин.

Полковников, обычно, приносил что-нибудь из своего сада. Ровно в половине десятого он доставал массивные золотые часы швейцарской марки и, держа далеко от глаз, со звоном открывал одну за другой толстые крышки часов. Все это он делал с большой важностью. «Да мы и без часов сами – часы» бросала реплику Прасковья Михайловна, глядя на гостя с ехидцей.

Полковников возвращал часы на место с тем же достоинством, подходил к руке хозяйки, потом к остальным дамам и без лишних слов удалялся.

По меткому замечанию Прасковьи Михайловны «Полковников лишь по фамилии русак, а так чистокровный пруссак».

Дамы считали его скупым богачом. Они сходились во мнении в том, что немало должно быть добра припрятано в его сундуках. И дамы завидовали ему.

Вот почему болезнь Полковникова поставила на дыбы всю ватагу старух.

Никто в этом мирке не оставался равнодушным к этой вести. У всех на языке было одно: «На сколько тысяч рублей должно остаться добра после смерти Полковникова».

Все сходились в одном, что благоразумный господин Полковников во спасение души своей, постарается умастить служителей культа. Эта версия тем более считалась обоснованной ввиду знакомства больного с опытными, в такого рода вопросах, матушками. В случае удачи остальные рассчитывали, что и им попадет кое-что.

Весть о болезни Акима Акимовича всколыхнула тихую заводь людишек, нарушила обычный ход их мыслей, возродила старые мечты, забытые обиды и ненависть друг к другу. Если двенадцать лет назад дамы соперничали из-за жениха-Полковникова, то теперь шла борьба за обладание мертвым Полковниковым.

Надежда завладеть богатым наследством одиноко умирающего старика, не давала покоя, сна. Молниеносно менялись планы в головах претенденток. Старушки старались одна другую перехитрить, а все вместе – старика. В ход были пущены все средства, имеющиеся в арсенале каждой. К одной цели шли разными путями, а результат был один: Полковников был неуловим и непобедим! Он, деликатно отказываясь причащаться и исповедоваться, давал твердо понять, что препоручать свое имущество кому-бы то ни было, не собирается!

Чем сильнее защищался больной, тем сильнее наседали здоровые. Вокруг Полковникова витали старухи, как летом мухи у навоза.

Как знать, может хитроумный Аким Акимович, как говорят, тянул резину, мол, пускай старушки понячат меня, а там, куда кривая вывезет.

Так, или иначе, Полковников был обеспечен отличным уходом. Рвение соперниц угодить больному и, расположить его в пользу себя, не знало предела. Каждая старалась заставить больного наедине, охаять своих соперниц, убедить в великой выгоде его отдать свое имущество членам ее секты и полновластно обосноваться в доме Полковникова.

«Видать, Господь-Бог милостив к Вам, Аким Акимович, – начинала Прасковья Михайловна свою пропаганду. Видите, в какое смутное время решил он призвать к себе, когда его святые храмы разорены, а воины христовы истреблены и брошены в темницы. Великое испытание Вам дано Аким Акимович, дай же Бог вам способность здраво рассудить. Ведь не все, что кричат о Христе, придерживаются истинной веры. Упаси Бог вас от ошибок в этом деле, Акимыч! Вот, возьми ты этих самых субботников, иоаннитов, «зеленую пасху», обновленцев, молокан, пятидесятников и протчих – все они чистые анчихристы, Аким Акимыч. По моему слабому разумению не без божьего повеления встретили вы нас – маленькую кучку истинных христиан, среди моря безбожников, – будьте благодарны Всевышнему, Акимыч, непременно он хочет помочь вам искупить свои грехи, а их у нас у каждого видимо и не видимо, не иначе Аким Акимыч!

Господь-бог хочет уберечь вас, мой упрямый братец, от мук вечного ада и дает возможность вам совершить бессмертную славу: отдать свое имущество великомученикам святой русской православной церкви греческого закону, томящихся в темницах! Вы умный человек, Аким Акимыч, подумайте, што возьмешь с собою на тот свет, акромья того, чем прикроешь грех свой? А што станет с вашим добром по вашей смерти, коли вы благоразумно не распорядитесь им загодя? Я своим слабым умом и то вижу тысячи рук христиан, страдальцев, протянутых к Вам, Аким Акимыч, – узрите и вы их и облагодетельствуйте!» В такие минуты бедный Полковников мучительно морщил лоб и закрывал глаза. Кто знает, что думал и переживал он, но неизменно всегда отвечал одно и то же: «Прошу вас, Прасковья Михайловна, будьте великодушны ко мне и к моим убеждениям! Не надо об этом! Еще не время говорить...»

К счастью, никому не удавалось подолгу мучить его. Одни со стиранным бельем, другие со свежими щами, а третьи с пирогами, так и норовили попасть к нему в дом.

Неизвестно чем бы окончилось и кто победил бы в этой жестокой борьбе между больным и здоровым, между атеизмом и мистицизмом, между смертью и жизнью, ибо новое событие, грубо вклинившееся в ход борьбы, нарушило все.

В те времена дом, из окна которого я люблю садом Полковникова, даже в проекте не существовал. Вообще, сам район не был тогда заселен и, далеко небезопасно было проживать в этих местах. Так как больной на ночь никого у себя не оставлял, а замыкать калитку он уже не мог, то старушки сами стали запирать калитку и ключ прятать в условленное место.

Восьмого сентября, утром, несмотря на холодную росу, Прасковья Михайловна пробралась через густые заросли папоротника, шиповника и, по давно ей знакомой тропинке, подошла к калитке Полковникова. Увы! Калитка на замке, а ключа нет.

– Не поправился ли упрямый дьявол? – встревожилась Прасковья Михайловна. «Стоп!» – крикнула она, – может он помер, а его добро Фекла с Ланкой делят, запершись! – и это, пуще прежнего встревожило её.

Сердце Прасковьи Михайловны забилося часто-часто, но делать было нечего. Старуха благоразумно отступила и засела в кусты против калитки, чтобы вести наблюдение. Бежали мысли, одна одну вышибая, а сообразить случившееся она не могла. Часа через полтора к заветной калитке подошла Елена Надуйкина. Она безапелляционно решила, что Прасковья Михайловна заперлась, так как с Аким Акимычем плохо. О, – горе, что добро уплывет мимо Надуйкиной, имя соперницы громко вырвалось: «Прасковья Михайловна!» Замечтавшаяся, ушедшая своими мыслями далеко от реальной действительности Прасковья Михайловна с перепугу мгновенно вскрикнула и вскочила. Иоанитка молниеносно сообразила случившееся. Проворно перебежав кругляк, она села рядом с рассерженной на себя Прасковьей Михайловной. Елене было приятно, что не она одна осталась в дураках. Без единого слова договорились обе продолжать наблюдение за домом. Чванливой Прасковье Михайловне было очень обидно, что застали ее в столь позорной роли и ей хотелось встать и уйти гордо, но алчность и любопытство цепко приковали ее к месту.

«А кто бы мог там быть?» – спросила Елена свою соседку, испытующе глядя ей в лицо. «А дьявол знает кто!» – хотела было ответить Прасковья Михайловна, когда бешено в калитку застучала камнем Фекла-обновленка.

На узкой, обсаженной цветами, красивой тропинке показалась длинная, худая фигура послушницы Елены Надуйкиной – Пелагеи.

В кустах обе старушки автоматически перекинулись на колени и по вытянули шеи.

– «Эй, ты, святоша! – позвала послушница тетю Феклу и добавила, голосом не допускающим никакого пререкания – поди-ка баба да поживей, а то чего доброго – можно и в овражек угодить!»

Тетя Фекла выронила камень из рук. Картины из жизни послушницы вереницею пронеслись перед взором тети Феклы и она поняла, что силы их не равны. Без единого выстрела отвела она «свои войска», сначала на этот берег рва, а потом, поразмыслив, совсем сняла осаду.

В засаде также решили молча разойтись.

Восьмого октября кляча на одноконке везла свежеструганный гроб. Два захудалых мужчины с давно небритыми лицами, шли позади с лопатами на плечах. Страшно худая женщина в черном сатиновом платье, горько рыдала, сидя в телеге, у гроба. То вздымала худые руки к небу она, то припадая на гроб, голосила фистулой. Было видно, что хоронят очень бедного человека. Дикий плач «несчастной вдовы» заставлял прохожих убыстрять шаги.

Вскоре к «неутешной вдове» приехала ее мать – такая же худая, но маленькая ростом женщина.

«Овдовевшая» Пелагея усердно посещала церковь, ставила свечи на покой души «мужа», ходила к могиле «мужа», сажала цветы и подолгу молилась там, шепча что-то тихо-тихо. Старухи-фанатички при встрече с Пелагеей, сворачивали с пути, но обо всем остальном помалкивали.

Удачно «овдовевшая» Пелагея, стала сразу же объектом сватовства ее многочисленных знакомых: пьяниц, бродяг и бездельников. Возможность беззаботно прожить за счет, чудом разбогатевшей бабы, манила их.

Мать и дочь охотно брали примаков, мотивируя, мол «бабе жисть не в жисть без мужука». А их «мужик» только спал, ел, пил, пел да дрался. Тогда дамы звали второго, и получалось по русской поговорке: «Клин клином вышибают».

Правда, иногда приходилось и дамам пособлять примаку, так сказать, воссесть на «престол». Во время таких междоусобиц неслись с гор дикие вопли, видите ли, дамы кричали и тогда, когда били их и тогда, когда сами били других. Видимо, крик восполняет недостаток силы, по их логике. Так переходили дамы и дом из рук в руки, пока не выросли вокруг них, как грибы после дождя, дома, т. е. пока общественность – самая великая сила на Земле, не обуздала дикие порывы вдов, а заодно и примаков.

Метаморфоза – явление великое. Она, видоизменяя вещи, сущность предмета сохраняет. Так наша Пелагея стала Дмитриевной, просвиршей, членом церковного совета, как скажем, головастик становится лягушкой. По сей поры

носит она траур по усопшему «мужу» и елейным голосом наставляет людей на истинный путь – путь спасения души!?

Обоняние, оказывается, очень важный орган – не знала. Ученые пророчат ему великое будущее. А как же? Все вещи в мире имеют свой специфический запах (даже политика). Понюхаешь правильно политический курс – будешь героем. «Нет?» Нет и тебе места на этом поприще! – таков суровый закон этого прогрессирующего органа чувств. Так, собаки с помощью этого органа знают, где едят мясо и ждут кости. Подчеркиваю: ждут, но не врываются туда. А последнее очень важно, ибо мало правильно пронюхать, надо еще и уметь выжидать. К сожалению, четвероногие в этом отношении иной раз оказываются выше некоторых людей.

Пелагея Дмитриевна правильно пронюхала, что ее соседка, жизнерадостная атеистка тяжело больна и, так сказать, балансирует на грани смерти. При всех случаях, следовало Пелагее Дмитриевне, как говорится, подкрутив тормозные гайки, ждать сдадут ли нервы больной и примет ли она причастие вместо пенициллина. Не предав большого значения последнему обстоятельству, пожившись целиком на своем, испытанное в боях обоняние, Пелагея Дмитриевна перешла границу без предупреждения и в первом часу ночи без стука вошла к больной. Зловеще черная фигура, молча устремив свои алчные взоры на больную, костлявой рукой подняла тяжелый металлический крест.

Цацуна лежала без сна, не без тревоги о своем состоянии. Она отлично знавала, чем грозит ей осложнение после тяжелой хирургической операции.

Невеселые мысли занимали ее, когда сквозь ночной свет она увидела в собственной своей комнате столь неприятную личность с крестом. Комментарии здесь были излишни. Цацуна поняла цель прихода ее. Что-то екнуло внутри и Цацуна мелкой дрожью затряслась. Больному воображению Цацуны представилась со всеми подробностями смерть старика Полковникова, известная ей со слов матери своей – единственной свидетельницы трагедии восьмого октября.

Тем временем ханжа со своей позиции каким-то замогильным голосом известила: – «Чада, господь-бог призывает тебя в вечное царствие свое!», – и преподнесла крест для целования. Большим усилием воли Цацуне удалось подавить в себе гнев и принять крест.

Приободрившись таким легким успехом, Пелагея Дмитриевна, вскинула очи к потолку, продолжая нараспев: – «Близок час грозный, несчастная! Час расплаты подошел! Смирись, овца блудная, покайся в грехах своих! Спаситель наш – Иисусе Христе не оставит и тя. Он моими устами глаголит тя: «Причастие прими, очисти исповедью душу свою, в лоно святые церкви мои вернись и тя приму в свое вечное царство, простив грехи твои, а не то вечные муки ада преисподни ждут тебя». Очи перевела с потолка на больную и, испытующе глядя, большим знаменем деланно перекрестилась.

Тяжелый крест плясал в руках больной, в пересохшем горле першило, в голове звенело (наверное, кровавое давление поднялось), глаза прикрыты (так было легче снести присутствие этой дряни), но мысли Цацуны были ясны. Вдруг, как гром среди ясного дня, Цацуна спросила Пелагею Дмитриевну: – «Знаете ли

вы, что я дочь тети Степаниды, которая носила молоко Акиму Акимовичу?!». Одно упоминание этого имени сдуло спесь с «нашего духовника», как ветер пух с одуванчика. Лицо просвириши исказилось: глаза, глупо застыли в орбите, щучий рот открылся, образовав круглую дыру, на висках вздулись вены.

Цацуна с удовольствием отметила эти изменения в лице убийцы, но желая окончательно сломить ее и принудить к сдаче Цацуна переменяла тон и снисходительно посоветовала: «Пора бы вам переменить свою профессию, Пелагея Дмитриевна, да и домик мой не достанется вам в случае моей смерти, так что зря затеяли вы всю эту манипуляцию».

Пелагея до сих пор жила спокойно, считая тетю Степаниду давным-давно сгнившей, как и тот, чью трагическую кончину довелось увидеть ей, а теперь дело менялось круто: свидетель ее тяжкого преступления лежал тут перед ней и недвусмысленно давал знать, что ничего не забыто и не упущено. Мгновенно она приняла решение. С такой же поспешностью она осуществила его: выхватив крест из руки больной и, в какие-то доли секунды нанесла им удар в висок и сбросила ее с кровати, а сама скрылась через черный ход. Не учла и здесь Пелагея Дмитриевна, что дом Цацуны не выморочный. На крик матери из смежной комнаты прибежал сынишка Цацуны – Миша, ученик восьмого класса.

Домик Цацуны, как и большинство домов нашего города, стоял на высоких цоколях. В темноте просвириша чуть левее лестницы шагнула и угодила прямо в бывшую известковую яму. Ни единого звука не издала при этом она! Она, вообще, была уверена, что сама выберется из этой западни, куда ее загнала собственная оплошность. Увы! Все ее попытки были тщетны. При малейшем прикосновении к краям ямы, промокшая земля обваливалась, и святоша снова и снова оказывалась по грудь в студеной воде.

Металлические предметы, оказавшиеся на дне ямы, изранили ноги, руки дрожали от нервного напряжения и холода. Длинный траурный наряд мешал ей двигаться и угрожал превратиться в саван, постепенно первоначальный ее оптимизм стал исчезать.

Она видела, что загорелся свет во всем доме Цацуны. Видела и то, что сбежались соседи. Все это и пугало и утешало ее, но когда она услышала шум подъезжающей машины, сообразила, что вызвана «скорая помощь». Мысль о том, что Цацуну могут спасти привела ее в бешенство.

Просвириша сделала отличный прыжок вверх, но снова подвела ее земля – не за что было уцепиться, и она снова камнем рухнула в воду. Вынырнула она из воды как дельфин. Холодными руками сняла сеть волос с лица и, жадно хватая ртом воздух, пыталась восстановить нарушенное равновесие.

Однако отсутствие возможности присесть, отдышаться или согреться, а самое страшное, отсутствие возможности выбраться самой без посторонней помощи из западни, усугубили ее физические страдания и, часам к двум ночи, она признала свое полное поражение.

Ей бы, как раз, в пору потопить себя в этой грязной воде, а просвириша оказывала отчаянное сопротивление. Даже теперь, когда она была перед дилеммой: либо разоблачение – суд, либо смерть в этой яме, она искала любой

ценой средства защиты и спасения. Кто-то выплеснул воду из двери черного хода, осветив полосу мрака и, просвирша услышала отрывок речи: «Боже мой, что будем ...» и захлопнулась дверь. На несчастье других строит свое счастье подлый человек. Так сердце Пелагеи Дмитриевны затрепетало радостно от мысли, что либо Цацуна умерла, либо на грани смерти. Сразу стало ей легче и, уже больше не таясь, закричала: «Помогите! Спасите!»

В то время как Пелагея Дмитриевна вела борьбу со смертью под домом в воде, наверху – в комнате Цацуны Миша заливался слезами, не зная как помочь матери. Он сначала поднял мать на кровать, но когда увидел кровь на виске, Миша пулей выскочил из дому и побежал к доброй соседке Варваре. Тетя Варвара на ходу одевая пальто поверх ночного белья, спешила на помощь к Цацуне. Однако, при виде состояния больной, тетя Варвара, велела мальчику срочно вызывать «скорую помощь». Миша заикался и никак не мог связно объяснить дежурному врачу, что ему нужно, а когда врач, наконец, сказал: «Ждите у ворот нас», Миша вздохнул облегченно, словно уже спасли его мать.

Тетя Варвара разбудила и других соседей. К приезду «скорой помощи» в комнате Цацуны было уже много народу. В виду тяжелого состояния больной, врач отказался от мысли забрать больную в больницу. Оказав помощь на месте, он решил задержаться некоторое время возле больной. Миша боялся, что мать умрет и ему очень хотелось, чтобы люди не расходились. Затем врач решил оставить медсестру дежурить возле больной, а самому ехать к другим, которые ждут всегда врача. В это время и услышали зов: «Помогите!». Все насторожились. Зов повторился. Ясно было слышно, что зовут из сада. Первым туда бросился Миша. Он включил свет и увидел свою старую соседку по горло в воде в известковой яме. Одним прыжком Миша очутился на краю ямы и ловким движением вытащил старуху из воды. Врач без расспросов приступил к исполнению своих благородных обязанностей. «Быстро грелку» – приказал он. Старуху раздели, вытерли все тело насухо и одели в теплое белье Цацуны, которое охотно предложил Миша. Он почему-то чувствовал себя виноватым перед старухой, так как из плохо связанного ее объяснения стало ясно, что она также как и остальные соседки спешила на помощь к Цацуне, но впотьмах споткнулась и упала в яму.

Хлопоты вокруг старухи на время затмили Цацуну – хозяйку дома. Все охали и ахали, что даже врач зашикал на них.

Наконец, Цацуне стало лучше, она пришла в себя и, врач решил увести старуху, так как, по словам соседей, она одинокая, да и могли быть тяжелые последствия ее купания, если не создать благоприятные условия пострадавшей.

Цацуна, когда открыла глаза и увидела возле себя кроме сына и своих соседей, заплакала. Ей было приятно, что не все на свете мерзавцы, но от умиления текли сами слезы. Потом сразу стало ей страшно. Она усомнилась в достоверности случившегося. Мысль о том, что все это могло быть результатом временного расстройства психики – галлюцинацией, сильно перепугала ее. От беспокойных мыслей она поерзала и замотала головой, как почувствовала острую боль в области виска. Все окружили Цацуну. «Что у меня с головой?» -

спросила она в надежде услышать, что-то утешительное. «Да ты не беспокойся, Цацуночка, – говорила толстушка Варвара, – пустяковая ранка там у тебя. Просто ты поцарапала, когда падала с кровати», – сказала, повторяя заключение врача.

«Слава Богу!» – вырвалось у Цацуны. Потом прикрыла глаза и повторила «Слава Богу, как я рада!». «Чему тут радоваться?» – громко подумала медсестра, дежурившая возле больной. Тогда Цацуна ошеломила всех присутствующих, открыв тайну ее падения с кровати. А когда ей рассказали о падении черной фигуры в известковую яму, – Цацуна засмеялась.

О том, как уцелела тетя Степанида и дочь ее стала соседкой убийцы, я расскажу в следующий раз.

Бажа.

Г. Сухуми. 19/IV-1965 года

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Псевдоним Бажа, дата и место написания рассказа (Сухуми, 19.04. 1965) не вызывают сомнений в авторстве Е. Д. Налоевой данного рассказа.

2. Мишолда или нишолда – разновидность восточной халвы белого цвета, напоминающее бизе.

3. Трефоль – многолетнее травянистое растение семейства горячковых. Возможно, имеется в виду, что изгородь была зеленая из этого растения.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 50, инв. № 3041

Рассказ без названия (второй) [1].

... (отсутствуют три страницы – начало рассказа. – А. М.).

Я уже великодушно хотела предложить своему противнику занять там в хвосте положенное ему место в очереди, когда на беду мою новенькая «Волга» стала описывать широкий круг, словно истребитель в бреющем полете. Очередь была моя. У меня было много мест: два чемодана с книгами, корзина с орехами в подарок своей квартирной хозяйке и саквояж с одеждой. Чтобы всякий раз не переставлять, они стояли поодаль кучкой. Считая состоявшийся поединок между мной и лупастым парнем оконченным в мою пользу, я позволила побежденному заняться дальше своей судьбой, а сама гордой походкой, как и подобает победителю, пошла за своими вещами. Тяжелые чемоданы сразу оттянули руки от самых плеч, но желая продемонстрировать ловкость и силу, я запретила себе нести их в два приема, дабы не показать свою слабость. Я надеялась легко и гордо пройти мимо сраженного дуэлянта с тяжелой ношей и укатить на новенькой «Волге», даже не взглянув в его сторону.

Увы, не тут-то было! Пока я осуществляла свои честолюбивые замыслы, дверца «Волги» захлопнулась, как говорится, перед моим носом и водитель дал «газу». В окне, рядом с шофером, мелькнул точеный профиль с горбинкой на носу и рыжими усиками под ним.

Окажись у меня автомат в ту пору, я бы не размышляя, открыла бы пальбу вслед ему!

«Волга», пройдя метров двести-триста, остановилась на виду возле автовокзала. Из нее вышел нос с горбинкой и стал загружать багажник. От сознания собственного бессилия полились горячие слезы из моих глаз. Даже не заметила, что стою до сих пор с тяжелой ношей, которая выпала тут же, как только вспомнила о ней.

Первым побуждением было побежать туда, устроить скандал и отобрать такси, но благоразумно и во время отказалась от этой затеи. Мне было стыдно за свои слезы. Очень хотелось уйти, скрыться. Особенно это чувство усилилось, когда этот шалопай, закончив погрузку, махнул мне рукой и лихо укатил.

Наконец, приехала в благодушную семью Бодилага, у которых, жила в квартире. Радостно обняла меня Нино, хозяйка квартиры, а ее детишки нежненькими губками облизывали мое лицо, все обиды и страсти улеглись. Срочно был сервирован стол по случаю моего возвращения. Горячая мамалыга с сулугуни, хрустящая пожаренная барабулька, отличное ткемали, свежие фрукты и вкусная мацара [2] в грациозном кувшине торжественно заполнили стол. По случаю выходного дня оказался дома и сам хозяин – Галактион, встретивший меня тепло как всегда.

Девяносто процентов мужей видят людей глазами жен. Галактион любил говаривать: «Уф, слушай, наша Соня – настоящий мужчина», – хотя, в сущности, со слов жены, он создал этот стереотип обо мне. На редкость дружно жили мои хозяева. Они до сих пор были влюблены как молодожены, только очень уж разное выражали свои чувства. Экспансивная Нина, так звали хозяйку, бурно и обильно проявляла их, тогда как флегматичный муж принимал их молча с чуть глуповато-добродушной улыбкой.

У Нины была одна слабость – восторженная любовь к своему единственному брату, который уехал в Сибирь на работу после окончания вуза. Она обожала брата, гордилась им и очень часто рассказывала о нем своим неповторимым произношением русских слов. «Клянусь мама, Соня, – твердила она, – если ты увидишь мой брат Валико, сразу полюбишь! Он такой хороший, такой хороший, такой умный, такой красивый, слушай, уф! Такой другой на свете нету, слушай! Нету, кацо! – заключала, глядя в упор своими большими черными глазами.

Изредка к Нине приезжала ее мать – наивная, как и все старушки на свете. Мать и дочь не скрывали их заветную мечту – сосватать меня за Валико. Вершина всех помыслов старушки – женить сына – умиляла ее до слез каждый раз, когда разговор заходил об этом. В такие минуты она устремляла нежно влюбленный взгляд на меня с одной чистенькой слезинкой на морщинистой щеке, от чего у меня самой прошибала слеза.

– Шени чериме, генацвале, – шептала добрая беби, поглаживая мое лицо своими заскорузлыми, натруженными руками. Мне нравилось мое положение в этой семье и совсем незаметно для себя я стала играть роль невесты человека, которого ни разу не видела еще. Разумеется, я не принимала всерьез дифирамбы влюбленной в своего брата сестры, но установившиеся между нами отношения и лестные отзывы о самом Валико всех, кто только знал его, в известной степени интриговали и поддерживали импульс.

Как и большинство девушек на Кавказе, я тщательно скрывала свою заинтересованность братом хозяйки. В подтверждение своей нейтральности в

прошлом году отважилась поспешно уйти в отпуск и покинуть город к самому приезду мнимого жениха, хотя в душе очень желала, чтобы он успел нагряться до моего отъезда.

Внешнему равнодушию девушек нельзя верить вообще. За ним может таиться не только чувство, но и тщательно разработанный стратегический план действия. Вопреки кажущемуся безразличию, моя девичья фантазия все чаще и чаще витала вокруг личности хваленного молодого человека. Постепенно, как скульптор лепит статую, сообразно моим понятиям о красоте, доброте, отваге и других благородных качествах, я создала в своем воображении тип человека с определенным внешним видом и внутренним миром, к которому стала питать самые нежные и высокие чувства. Об измене своему воображаемому жениху и речи быть не могло. Однако успех дела зависел от того, насколько реальный жених будет соответствовать выдуманной мной модели. Поэтому предстоящая встреча с Валико и пугала и приятно волновала меня. Не было конца представлениям вариаций этой встречи. То Валико отвергал меня, и я гордо переносила боль обманутых надежд. То я оказывалась самой счастливой девушкой: мы горячо и чисто влюблялись друг в друга, и счастливые как дети почему-то взбирались на старый громадный инжир возле дома. Ветки колышутся от тяжести и легкого ветра. Мой друг срывает самые спелые плоды и протягивает их мне. Большие зеленые листья заслоняют ему глаза. Ради озорства я раскачиваю ветку, на которой сижу, и ветер проносит меня мимо его протянутой руки то влево, то вправо. Тщетно он пытается схватить её. На своей неуловимой ветке я задорно смеюсь... То оба, не решаясь признаться в своих чувствах, страдаем от скрытой любви. Нам давно за тридцать, а все преодолеть застенчивость ни он, ни я не в силах, как и не в силах заставить замолчать свои сердца.

Сочинение подобных вариаций стало как бы вторым моим занятием. Я могла их выдумывать сколько угодно и где угодно. Так вот и сейчас, сидя за столом, я жаловалась моему отважному другу, но Галактион прервал мои грезы. Он был тхамадой за нашим столом и хотел поднять тост в честь своего шурина.

«Мы ждем одного человека, Сония, – сказал он многозначительно и посмотрел на жену. Получив там подкрепление, оратор взял и прицел поближе – у нас есть один святой дело... Ты, Сония, знаешь это. Пусть это дело сполнитца! За счастливый приезд нашего дорогого Валико!». Нина чокнулась с нами и высоко подняла свой бокал.

Чем чаще клонился кувшин с мачарой, тем веселее становилось в нашем кругу. Тут я рассказала о приключении на остановке такси. Нина слушала рассказ возбужденно, выражая свое возмущение восклицанием: «Диду», а хозяин слушал молча. Когда я описала, как этот тип на виду всей публики заполнил багажник машины, усадил в нее даму с огромной копной рыжих волос, очень похожей на овин [3] и махнул рукой мне в отместку, Бодилава разразился громким смехом. Ударил звонко ладонью об ладонь и, сквозь слезы от напряженного смеха, проговорил: «Вот подлец, а!».

Затем хозяин наполнил бокалы и произнес тост: «Сония, мы выпили за твой возвращение, за твой успехи, за нашу дружбу, за приезд нашего Валико. Давай теперь выпьем за то, чтобы на нашей красивой земле не стало больше таких подлецов, как этот герой в очередях». В знак согласия я кивнула. Вслед

за мужем слово взяла горячая Нина. Так сочно говорить, как она, могут только сухумчанки. «Эта ссабака тебе обидел, Соня, – сказала она, – но ты не бойся. Скоро, скоро у тебе будет свой защитник. А эта красна галава, – заключила, потрясая рукой в воздухе, – и мущина, каторый напрасно уси носит, – пускай в канаву...»

Дружный хохот не дал ей закончить фразу. Хохотала с нами и сама Нина.

Появление детей, а их было четверо у Нины, прервало нас. Они радостно кричали хором: «Деда, Валико приехал!». Самый маленький из ее детей, всеобщий любимец Сосико, запоздало просунул кудрявую головку в дверь и, картавя слова, оповестил: «Деда, Валико модис!» и тоже поспешил за старшими. Какие-то мелкие толчки стремительно бросились вверх по моему позвонку и обдали легким, но горячим облаком с головы до ног. Бусинки пота выступили на носу. Нина как-то особенно глянула на меня и побежала встречать брата точно так же, как и ее дети. Галактион тяжело, неуклюже поднялся, понимающе похлопал меня по плечу и тоже пошел своей медвежьей походкой навстречу гостю.

Оставшись одна, я сначала решила скрыться, но второй двери в комнате не было. Столкнуться же с гостем в прихожей сочла за лукавство и я осталась на своем месте.

Мысль о том, что объект моей мечты – всего в десяти метрах от меня и что в какие-то доли минуты решится судьба моя, усилила нервную дрожь в теле, частоту которой бессильна вычислить самая совершенная счетно-вычислительная машина. К счастью, шумная ватага своих и соседских детей умерила напряжение мозга. Они возвратились гурьбой и стали устраиваться поудобнее, как фоторепортеры на официальных встречах правительственных делегаций. Их возбужденные глазенки говорили за то, что им кое-что известно.

Шаги раздались в сенях. Послышался вежливый спор мужчин о том, кому первым войти. Казалось, целая вечность прошла, а их нет, да нет! В трепетном ожидании я опустила веки, но тут скрипнула половица. Сердце затрепетало и в напряженном ожидании я подняла вверх веки. Увы, это Галактион спешил взять бокал, чтобы встретить дорогого гостя с вином. Наконец в проеме двери показалась элегантная фигура молодого красавца с горбинкой на носу и рыжеватыми усиками под ним.

Гость, переступив одной ногой порог, застыл, воскликнув: «Диду!» Большой кадык под его подбородком наклонился низко и подскочил под самую гортань и застрял там.

Тихо, словно воскрешаясь вновь, вытянулась я во весь рост, выпрямилась, не спуская презрительно-враждебного взгляда с лица «старого знакомого».

– Мобрзандит, кацо! Мобрзандит! (Входи, дорогой, входи), – дуэтом закричали зять и сестра, наивно предположив, что их несравненный Валико сражен красотой девушки, про которую постоянно и ему нашептывали и писали. Однако взглянув на меня, у бедняг лица вытянулись, глаза округлились, а широко раскрытые в добродушную улыбку рты их, как бы по команде, сомкнулись в подковообразные щели. Бокал в руке хозяина заплясал, выплескивая на пол вино. Хозяйка схватилась за голову и ужасной скороговоркой заголосила: «Деда, деда, деда, деда, деда!» Видно, вспомнила, что кляла своего любимца.

На лице виновника всех этих бед не было ни кровинки, ни следа прежней надменной самоуверенности. Скорее он был близок к обмороку.

Поражение противника меня всегда смягчает. Сейчас мне просто было жаль кающегося проказника в которого час назад с удовольствием... Но не это занимало меня теперь. Крушение радужных планов двух моих наивных, ни в чем не повинных друзей – Нины и Галактиона – печалило меня, хотя оно не лишено было приличной доли комизма. Я не хотела их огорчать!

В воздушную шапку кипящего молока достаточно влить каплю холодной воды, чтобы она осела. Явное раскаяние Валико оказало подобное действие. Во мне все улеглось, словно ничего не предшествовало встрече с ним. Так входят в свои берега разлившиеся реки, после спада воды. Весь цикл приключившихся событий за день теперь мне представлялся сущей комедией.

Неподдельно смеясь от души, я обратилась к живому изваянию на пороге на его родном языке: «Бодиши, батони, мобрандит!» (Простите, пожалуйста, войдите!). Мошенник не заставил себя просить дважды. Он молниеносно сориентировался. Почти впрыгнул в комнату, чмокнул сестру в ажиотаже, выхватил бокал из руки растерявшегося зятя, поднял его высоко и, немного задержав взгляд на мне, как во сне сказал: «За Вашу победу!» и выпил залпом.

Все это произошло так стремительно, что наши простачки не успели осмыслить происшедшую метаморфозу и продолжали стоять как во время церковной панихиды. Зато гость был в ударе. Он благодарил меня взглядом сильнее всех речей, что смешило меня.

Супруги переглянулись. Чета позволила «перемену» в наших отношениях запоздало истолковать по своему, т.е. вообразить, что с молодыми людьми по естественным причинам произошел было приятный шок, от которого, слава Христу, они опомнились, и теперь, мол, воркуют как голуби. Губы их снова растянулись в огромную букву «О», обнажив, с одной стороны, почерневшие от табака большие зубы Галактиона, а с другой – два жемчужно-белых ряда. Вместо руки у достопочтенного хозяина дрожал теперь большой живот от приглушенного смеха.

Человек как пробирка с разными химическими элементами, в которой содержимое меняет цвет, вкус, запах, температуру и т.д. По мере добавления к ним других элементов. Мы только что являли картину убитых горем людей, от появления «элемента». Но он же спустя время вызвал реакцию, вновь преобразившую нас.

– «Какой щасливый день сиводня!» – воскликнула Нина.

– «О, што ти, слушай!» – поддакнул муж

– «Будь он проклят, я чуть не погиб!» – вырвалось у Валико и он, со злом отправил в рот огромный ком горячей мамалыги с острой подливой.

Окончательно пришедший в себя тхамата снова занял свое место.

– «Как в сказке, слушай, сегодня в мой дом залетели две золотые птички, кацо, – сказал он и посмотрел на жену. Получив одобрение там, оратор продолжал, – я предлагаю выпить за то, чтобы эти птички построили себе золотой гнездо!» От собственного красноречия довольно улыбался Галактион, а супруга не без гордости молча поощряла его: «Дай бог, кацо, дай бог!»

Когда столь торжественный тост был оглашен, как требует обычай, мы оба поднялись. Ответное слово взял «жених». Его длинные ресницы стыдливо опустились, разыгрывая напускную скромность. С минуту он стоял в такой позе, как бы собираясь с мыслями.

– «Дорогие Галактион и Нина! – обратился он уже совсем спокойным тоном, – от всего сердца благодарю вас за добрые пожелания! Но я должен внести небольшую, хотя весьма существенную поправку в только что сказанный тост. В ваш дом, дорогой зять и дорогая сестра, – повысил он голос, – залетела только одна золотая птичка!» В этом месте речь спикера была прервана репликой сестры, которая не сводила с лица брата влюбленных глаз: «Уф, какой ты скромни, дорогой, а!» Продолжительным «Да!» поддержал ее муж.

Когда тишина восстановилась, оратор продолжал: «Поэтому я прошу поднять бокалы за то, чтобы у второй вашей птицы, далеко не золотой, отросли вновь мощные крылья, способные взвить ее в небесную высь, чтобы лететь достойно рядом с той, которую вы сочли золотой».

– «Маладец, Валико! Маладец!» – одобряюще похлопал зять шурина и вместе с женой зааплодировали. Подражая взрослым, и дети захлопали. В это время мы встретились глазами.

– «Вы согласны за это выпить?» – неожиданно спросил он.

– «Нет, уж простите, я лучше выпью за то, чтобы Вы могли достойно ездить и ходить по земле»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рассказ без названия, авторство которого предположительно принадлежит Е. Д. Налоевой, на 13 машинописных страницах, из которых отсутствуют первые 3 страницы. На машинописном тексте имеются правки и дополнения сделанные авторкой.

2. Мачара – молодое бродящее вино.

3. Овин – строение для сушки снопов перед молотьюбой.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 50, инв. № 3041

Рассказ без названия (третий) [1]

Хажбачир и Хажбара росли вместе. Ходили в одну школу, сидели за одной партой 10 лет и вместе покинули родное село в первые же дни войны. Когда же отгремели пушки, по воле случая оба попали в город «Н» [2]. Хажбачир в чине майора с орденами и медалями на груди, а Хажбара с искалеченной рукой без чинов и наград. Однако различие социального их положения не стушевывало дружбу юности. Оба они трудились по мере сил на восстановлении разоренной войной страны, и директор крупного предприятия и кассир маленького заводика оставались по-прежнему близкими друзьями. Позднее они даже обменяли свои квартиры, чтобы жить в одном доме.

Первенец Хажбачира Мухарби рос больше на руках Хажбары, чем – отца. Малыш долгое время не подозревал, что дядя Хажбара всего лишь друг отца, а не близкий родственник. По обычаям кабардинцев неприлично отцу, а тем

более молодому, бывать на людях со своим ребенком. Сочувствуя положению друга, Хажбара мальчику уделял много времени, брал его с собой повсюду и тайно гордился, когда кто-нибудь его, холостяка, называл папашей малыша.

Даже когда появился на свет собственный наследник, Хажбара не сразу отдал предпочтение ему, настолько велика была его привязанность к сыну друга.

Мухарби по воле судьбы оказался единственным ребенком в семье. Мальчик часто бывал на грани смерти, приводя в отчаяние молодых родителей; поправлялся – доставлял новые горечи и огорчения. Словом хилое, со слабым здоровьем единственное дитя стало источником постоянных тревог и страданий. Он рано обнаружил деспотизм в характере и уже в 10 лет диктовал отцу и матери. Драматизм их положения усиливался сознанием собственного бессилия изменить его. Человек, который все пять лет войны служил сапером, который под градом вражеских снарядов бесстрашно наводил мосты под носом удивленных солдат противника, человек, который теперь успешно руководил огромным коллективом, который на свой риск брал на руки подростков из детской колонии и выхаживал из них отличных, квалифицированных рабочих, не мог справиться со своим единственным ребенком! К ужасу Хажбачира, любой каприз маленького тирана становился директивой для него.

– Нет, необходимо резко изменить метод воспитания сына! – твердил он, а на деле ублажал все прихоти подростка.

Чрезвычайно умный, смысленный ребенок, порой поражающий взрослых своей находчивостью, на редкость плохо учился. Для него не существовали ни режимы, ни системы, ни долга, ни обязанностей, кроме голого права. Он мог пойти и не пойти в школу; выучить и не выучить урок; заявить учителю: «Не желаю выйти к доске!». Уйти из дома и возвратиться в любое время, не отдавал отчета никому.

Как бы там ни было, Мухарби переходил из класса в класс и, наконец, окончил школу, но учиться дальше наотрез отказался, хотя и не обнаружил пристрастия к труду.

Юноша на людях держался несколько высокомерно, среди сверстников слыл щедрым парнем, а в УГРо (уголовный розыск. – А. М.) – подозрительным. Он не был судим, но уже неоднократно бывал под следствием. Его дух незримо жил в преступном мире города.

Однажды он заявил следователю в присутствии отца: «Воровство – та же наука, что и математика, гражданин Коршунов, и она не дается глупцам. Поймите, если я совершу кражу, – не вам изобличать меня!»

Возмущенный отец привстал тогда, а следователь лишь краем губ улыбнулся.

– Хватит! Я не потерплю больше в своем доме преступника! Сам сведу тебя в тюрьму! – угрожал разгневанный родитель, но тут же робел. Робел перед возможной оглаской, дискредитацией собственной персоны. Робел, наконец, потерять единственного наследника. Он походил на хозяина, который хотел потушить пожар без пожарных и вместо воды подбрасывал в огонь вещи. После каждой вспышки наступала очередная уступка. Так отец, некогда гордо ушедший на фронт добровольцем, выпросил сыну сначала отсрочку от действительной службы в армии, а потом и белый билет. В бессонные ночи, вспоминая об этом,

он краснел за свой поступок, но утешал себя мыслью – лишь бы стал полезным человеком – не все ли равно где служить ему...

Да, единственным серьезным увлечением парня, как полагали родители, было чтение и кино, но он читал исключительно детективную литературу и по несколько раз просматривал понравившиеся ему фильмы. Его комната с книжными шкафами, полными книг, производила впечатление, хотя при беглом же ознакомлении с библиотекой обнаруживался узкий круг интересов её владельца. Водилась за ним ещё одна страсть – частая смена профессий и мест службы. По крайней мере, Мухарби в свои 23 года успел сменить с два десятка предприятий и учреждений. В последний раз он возил какого-то крупного начальника, который восторгался расторопностью своего шофера, но ровно через месяц он его оставил без предупреждения. После небольшой семейной баталии по этому поводу в виде дани победителю появилась новенькая «Волга» [3] под № 07007 в только что отстроенном гараже, ради которой побежденный стал дебитором и совершил ряд неблагоприятных операций.

– Будь что будет! – успокаивал себя родитель, – авось отвлечет она его от дурных поступков. И в самом деле, с появлением машины дело пошло гладко. Любо было смотреть, как Мухарби водил свою красавицу «Волгу». Хажбечирю льстило, когда его сын, аккуратно одетый как заправский шофер, плавно подъезжал к заводскому правлению увозить оттуда домой после работы.

– Это ли не радость! Это ли не внимание к отцу! Не зря, брат, мучился, бился... с избытком вознаграждено! Теперь вот определю его пока заочно в университет, женю, а там выведу шлюпку своего сына в людской океан, снабженным современным оборудованием... – умилялся родитель, покачиваясь в машине.

В один такой счастливый день Хажбекир подсказал своему преображенному отпрыску заехать за его другом. Тронутый столь нежным проявлением дружбы, Хажбара украдкой стер с лица непрошенную слезу. С этого дня молодой человек регулярно отвозил домой с работы обоих друзей, а когда, бывало, отсутствовал отец по делам службы, обязательно заезжал за дядей Хажбарой. Тот шутил, садясь в машину: «Поменялись мы ролями, мой дорогой, поменялись! То я таскал тебя на руках, а теперь ты балуешь старика на «Волге», а там глядишь, на персональном самолете внуки мои катать будут тебя».

К этому времени некогда маленький заводик Хажбары вырос в крупное предприятие, где старый кассир безупречно нес свою службу и ворочал десятками тысяч рублей в дни выдачи зарплаты рабочим и служащим завода. Мухарби без труда и подозрений удовлетворил свое любопытство о банковских операциях. По наивной преданности своей Хажбара охотно давал справки, помогая своему палачу туже затягивать петлю на собственной шее. Теперь злоумышленник знал, что в каждое 3-е и 17-е число кассир получает из Госбанка от 100–160 тысяч рублей. Выпытал и то, что деньги он носит, в зависимости от суммы и знаков, в парусиновой сумке с металлической застежкой или в знакомом Мухарби с детства кожаном портфеле. Не упустил и того, что Хажбара выходит из банка не позже 11 часов дня и уезжает на завод в «Газике» [4], который ожидает его возле аллеи напротив банка.

Выследил и то, что старый кассир предпочитает ехать в кузове со своим соблазнительным багажом, а не рядом с шофером. Успел поближе сойтись и с водителем «Газика» Сафарби – двадцатипятилетним парнем. Наконец раздобыл план города и на столе его появились чертежи районов, где расположены Банк и завод.

Один дерзкий план хищения сменялся другим в голове авантюриста, но во всех случаях «Газик» с шофером осложняли осуществление преступного замысла.

– Либо убрать его, либо втянуть в дело! Иного пути пока не вижу, хотя оба варианта одинаково скверны, – признался он ночью 2 декабря, ложась в постель с тяжелой головой.

Хажбара и Сафарби в этой операции значили для него не больше, чем для инженера старые пни на месте новостройки. Но ограниченность времени и места действий принуждала исполнителя пойти на риск, что уже не гарантировало успех «предприятия». Это он и считал слабостью первого варианта. Во втором случае пришлось бы поделиться добычей, о чем и слышать не мог он. – Ведь идешь на «дело» ради денег, кой черт еще делиться с кем-то? – рассуждал он. К тому же, по мнению Мухарби, «никогда нельзя положиться на случайных людей в «науке». Они расколятся на первом же допросе или что еще хуже, разболтают раньше, чем заставишь навеки замолчать.

Утром в часов десять 3 декабря в поисках более «научно обоснованного» варианта Мухарби выехал из дома на своей «Волге» и взял курс вверх по «Республиканской». Проезжая мимо здания Госбанка вдруг заметил знакомую шу-пленькую фигуру с неподвижной левой рукой, которая шла к аллее с пузатым портфелем. От восторга чуть не заорал: «Ну и шлет же мне Аллах удачу!» Но вместо этого, бешено вращая белками лупастых глаз по сторонам, круто свернул руль вправо и плавно притормозил блестящую «Волгу» перед растерявшимся от такой неожиданной удачей стариком. Водитель собрал в ком разбушевавшиеся нервы, ловко спрыгнул на асфальт, быстро обошел кузов и, снисходительно улыбаясь, открыл дверцу. Жертва конвульсивно дернул малоподвижной рукой и, крючком согнувшись, полезла в западню. Хажбаре бросился в глаза поношенный баракан [4], наброшенный на сиденье и пол машины. Споткнулся о его край и сел неловко, подмяв пол себя ткань. Его воспитанник ринулся глубже помочь инвалиду и тут молниеносно «железным» краем вытянутой ладони нанес удар под самый кадык. Как и тогда, когда пуля немецкого снайпера раздробила предплечье, перед глазами Хажбары замелькали желтые, зеленые кроваво-красные круги и без единого звука сник на дно машины. В следующее мгновение преступник извлек из внутреннего кармана финку и всадил её под левую лопатку сквозь новенькое пальто по самую рукоять. Сбросил баракан с сиденья так, чтобы прикрыть труп и захлопнул дверь. Спокойно сел за руль и лихо укатил. Проехав метров с двухсот, свернул влево по проспекту и оглянулся: к месту происшествия подъезжал знакомый «Газик»

– Опоздал, дружище, опоздал! И тем мне удружил, – подумал набирая скорость.

– Нет, сколько не планируй, а всего предусмотреть невозможно! Скажи-ка на милость, как все просто обернулось! А я ломал голову, ноги... Интересно,

сколько там денег? Главное теперь обеспечить себе алиби! Пожалуй, в нем не менее двухсот тысяч, так как... Куда бы сплавить ворону? В районе пяточка Долинска он заметил дежурного милиционера и искренне обрадовался.

– Везет! Решительно мне везет сегодня! – отметил с удовлетворением. Небрежно оставив машину на виду блюстителя порядка зашел в Курзал. За всю свою жизнь Мухарби не сказал столько комплиментов всем женщинам вместе, сколько выпало на долю одной Фени сегодня. Зная твердо, что она не оставит работу, упорно упрасивал поехать вместе с ним в Пятигорск. Счастливая Фенечка согласилась встретиться с ним вечером. В 12 часов, наконец, он покинул свою «возлюбленную», а с порога громко крикнул: Смотри, я ровно в шесть заеду! Проходя же мимо постового, как бы про себя пробормотал: «Чертова кукла битых три часа отняла».

– Разве это так много для победы? – к великой его радости бросил милиционер. Мухарби беззаботно расхохотался и приложил к уху часы. – Сколько на ваших? – вдруг осведомился он, морща лоб.

– Двенадцать ноль три, – по военному отчеканил тот.

Для проформы Мухарби покопался с часами и поспешил к машине.

– Теперь этот дурень с пеной у рта станет доказывать, что пустая «Волга» № 07-07 с её хозяином простояла 3 декабря в районе «Пяточка» с 9 до 12.03! – подумал и расхохотался снова. – Надо дурить дураков, надо! – повторил с злорадством, налегая на баранку. Ехал он снова по «Республиканской», но уже в обратном направлении. Издалека он заметил злополучный «Газик» у той же аллеи и с удовольствием отметил, что исчезновение кассира ещё не вызвало реакции у властей. Тем не менее, когда поравнялся с аллеей, страх в спину ему заколотил. Не заворачивая к себе, Мухарби притормозил машину у автовокзала. – Когда фортуна расщедрится, спешి пользоваться её простотой, – пошутил он, идя навстречу знакомому старшине милиции.

– Здорово, Казбек!

– Здравствуй! Куда держишь путь?

– Да никуда! Хотел махнуть с чувихой в Пятигорск. Да пахана надо забрать с работы. Он совсем обнаглел у меня, понимаешь. Перестал пользоваться персональной машиной. Откажу ему в один прекрасный день! – болтал Мухарби полусерьезно.

– Для такого случая нахал мог бы и подождать, – сострил Казбек в тон собеседнику.

– А ты куда направил стопы?

– Да в Баксан надо.

– Садись. Так и быть съезу.

– Не шутишь?

– Какие шутки! Садись, говорю!

Усадив рядом с собой представителя власти, Мухарби рванул с места и помчался на недозволенной скорости. Сложные чувства обуревали его. С шалунского моста поехал тише. Стал шутить, острить и даже попытался запеть.

На улице имени Чехова, у дома № 111 наконец, с облегчением на душе, высадив опасного пассажира и, несмотря на уговоры остаться, уехал.

– Обеспечил себе алиби с гаком, а теперь пора и старому другу жилище подыскать, – сказал себе въезжая в город.

В половине второго он загнал машину в гараж и, как обычно, при открытых дверях немного повозился и вскоре поднялся к себе.

Сафарби привык закусывать в двенадцать. Он читал какой-то роман, дожидаясь кассира. Почувствовав голод, посмотрел на часы и удивился: было уже 10 минут первого. Дежурный милиционер в Банке ответил ему, что кассир, которого он ждет, ушел из Банка ещё часа два назад. Тогда шофер позвонил главному бухгалтеру завода. Тот велел ему вернуться. Как говорится, сходу вручили ему путевку в Нарткалу, куда он и отбыл совсем успокоившись за судьбу старика.

В семнадцать часов с минутами «Волга» № 07-07 развернулась у ворот завода, где работал покойный, с двумя пассажирами на борту: один в брезентовом мешке – рядом с запасным колесом в багажнике, а второй – по правую сторону водителя. Владелец вылез из неё, подражая профессиональным шоферам, усталой походкой зашел в проходную будку. Набрал нужный номер телефона и попросил передать Хажбаре Тутовичу, что его ожидают друзья у ворот. Женский голос на том конце провода ответил, что его нет на работе.

– Простите, он что просто отлучился куда-то или ушел домой? – осведомился деланно вежливым тоном, но тут в разговор вмешался вездесущий вахтер.

– Хажбара Тутович ещё с утра не вернулся из Банка, – сказал он.

– Ах вот как! – удивился немного молодой человек. – А мы хотели отвезти его домой. Спасибо за справку! – вышел все той же вялой походкой.

– Папа, дяди Хажбары нет на работе. Говорят, что он уехал домой, – соврал, садясь за руль.

Впервые за много лет произнес он сегодня слово «папа», которое в ушах отца зазвучало нежной музыкой. Ему страшно захотелось поцеловать сына, но вместо этого громко крикнул.

Мухарби оставил машину во дворе на время обеда. Родители забыли когда он в последний раз ел с ними. Словно боясь спугнуть птичку, мать молча подавала блюда. Мужчины только что приступили ко второму, когда без предупреждения вошла супруга Хажбары.

– Что же это вы сами обедаете, а моего старика потеряли? – полушутя обратилась она к Хажбечиру.

– А разве он не дома? – переспросил хозяин, ... (неразборчиво. – А. М.).

– Нет, он ещё не пришел с работы.

– А нам на заводе сказали, что он ушел домой, – второй раз соврал Мухарби, которым почему-то овладевала тревога.

– Как же так? – взволновалась женщина. – Я полагала, что он задержался на работе в связи с выдачей зарплаты. Где же он может быть?

– Видно, нашел себе помоложе, – пошутил Хажбечир и позвонил куда-то по телефону, но ответа не последовало.

– А не поехал ли он с Асхадом? Я его видел сегодня в городе, – сделал предположение Мухарби и, не дожидаясь ответа, резко вышел из-за стола, говоря: – Мигом я доставлю его вам тетя Шу... (неразборчиво. – А. М.), так

что не волнуйтесь. – Пошли на розыски отца! – бросил приглашение двум подросткам, стоявшим рядом с матерью.

Вскоре «Волга» № 7-07 вышла на госдорогу, держа курс на Орджоникидзе. В урочище Ма... (неразборчиво. – А. М.) она свернула с дороги направо и, проехав метров с пятьсот, остановилась возле колхозного горна по обжигу извести.

– Быстро слетайте вниз к Асхаду и спросите: видел ли он сегодня вашего папу, – приказал покровительственно детям. Когда силуэты мальчиков скрылись в темноте, Мухарби поднес свой страшный груз к горну. Ночь мешала ему определить стадию обжига, а это было очень важно. Обычно, когда верхние камни рассыпаются, как отварной картофель, известь готова, и всякий тяжелый предмет, положенный на неё сверху неминуемо погружается в массу. В противном случае, хоть колоти, а плотный слой камней удерживает его на виду.

С дрожью во всем теле за исход дела приподнял он свою ношу и кинул в дымящую грудю. Вслед за глухим ударом поднялся столб раскаленных газов и сухой пыли. Когда же рассеялась туманность, взору убийцы предстало жуткое видение: на выпуклой поверхности «преисподни» корчился старый друг, силясь подняться. Волосы поднялись дыбом на голове преступника и вторично приготовился к акту насилия, но тот, который корчился в «аду» не убежал, а как яркое свидетельство злодеяния над ним лежал на виду. Попытаться его достать было сущим безумием – заживо сгоришь! Послышались голоса.

– Идут! – вырвалось из груди убийцы, обезумев от страха разоблачения. Крупные капли пота струйками стекали по его вискам, носу. Холодная рубаха прилипла к спине. Вдруг что-то глухо треснуло и ... (неразборчиво. – А. М.) газа, дыма, вырвавшейся из-под земли скрыли навеки останки скромного труженика, отца пятерых детей!

Усилием воли добрался Мухарби до машины, и бросился в неё, не веря в своё спасение. Если бы не ночь, скрывавшая от посторонних глаз пожухший вид обычно выхоленного щеголя, злодеяние его было бы раскрыто, но, увы, сама природа пощадила его.

– Бояться разоблачения нет больше оснований! Следы не только смыты, но и сожжены. Следовательно, надо держаться просто и естественно, – решил подъезжая к дому.

Он доложил, что не нашел дядю Хажбару и пошел к себе. Его раздражали любопытства ради собравшиеся соседи и что дом не спит.

Жажда подсчитать свою добычу, взглянуть, хотя бы раз на своё богатство одолевала его. Мерещились красные, зеленые банкноты, пачки, пачки, как на плакатах сберкасс, денег. Сон не шел. Встал, закурил и раздвинул штору. Мягкий отраженный свет уличного фонаря, висевшего напротив ... (неразборчиво. – А. М.) окна, сразу осветил его комнату. – И чего я трушу? – подумал он. – Ни один человек не станет подозревать меня, зная наши отношения с покойным. А если найдутся такие, то помилуй, весь день я был на виду у милиции. Однако, пока наклейки банковские лежат на пачках, а сам портфель не последовал своему хозяину я не могу считать победу окончательной!

– Чем черт не шутит! Было три часа ночи. Неслышно открыл входную дверь и вышел на площадку лестничной клетки. Тихо было кругом.

– В конце концов в обычное время выхожу же я проверять машину? Что тут особенного. ... (неразборчиво. – А. М.) себя и ... (неразборчиво. – А. М.) в гараж. Как и во всех частных гаражах, на полу имелся выем глубиной в рост человека. Спустившись туда, осторожно зажег спичку и обнаружил тонкую капроновую нитку, которую дернул. Кирпич послушно выступил. Затем он ... (неразборчиво. – А. М.) ещё один и пошарив в зазиявшем тайнике, достал знаменитый портфель. Сунул его под пижаму, прихватил с полки флакон с серной кислотой и снова поднялся благополучно к себе. Захлопнув английский замок двери, положил на стол то, ради которого он лишил жизни человека, как своего ребенка.

С трепетом он открыл замок и вытащил на стол старую (неразборчиво. – А. М.), с металлической застежкой вместо пачек денег, и ни одного рубля, кроме ... (неразборчиво. – А. М.) чек на 182 т. р.

– Ух, гад! – вырвалось из груди убийцы. В это время ярко осветилась комната ... (неразборчиво. – А. М.) Руки вверх [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авторство рассказа, судя по почерку, принадлежит Е. Д. Налоевой. Текст рассказа представляет собой 16 рукописных страниц.
2. События рассказа как можно понять из текста происходили в городе Нальчике.
3. «Волга» – марка легкового автомобиля, выпускавшегося Горьковским автозаводом.
4. «Газик» – марка грузового автомобиля, выпускавшегося на Горьковском автозаводе.
5. Баракан – плотная шерстяная ткань для обивки мебели.
6. На этом рукопись обрывается. Рассказ, видимо, был не закончен.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 49

Рассказ «Жагин» [1]

Издали среди уличной толчи я заметила высокую причёску Сатаней и обрадовалась. Несмотря на разницу в возрасте между нами, я предпочитала её общество своим сверстницам. Беседы с ней всегда полны юмора, духа времени и здравого суждения. Поразительно тонко подмечает она характерные черты каждого и образно пародирует их. Лишь после её словесных миниатюр начинаешь по-настоящему видеть даже старых знакомых. При этом она не щадит никого: ни родных, ни знакомых, ни начальствующих лиц, ни даже себя, но все звучит в её устах беззлобно-мягко и уморительно смешно.

Очаровательная улыбка осенила красивое и строгое лицо моей подруги, завидев меня, а когда поравнялись – почти по мужски пожала мне руку.

Сата, как обычно её зовут, много лет проработала у нас на физмате лаборанткой и все привыкли видеть её в этой роли. Видимо, потому её уход в творческий отпуск и последовавшая за ним блестящая защита диссертации на соискание ученой степени кандидата математических наук произвели фурор среди её коллег.

– Я потратила двадцать лет на свою диссертацию, за что надо меня пожалеть, а не поздравлять, – отшучивалась Сата от назойливых расспросов. С тех пор произошла приятная перемена в ее карьере и мне хотелось поздравить своего кумира с переходом на преподавательскую работу, но она не дала...

– Говорят, как-то собаке было сшили тапки на зиму, – сказала Сата, смеясь одними глазами, – а она взяла да сгрызла их. Как знать, кто тут виноват: собака ли, тапки или уж тот, кто их сшил? Нечто подобное стряслось и со мной, так что не торопись. Пойдем лучше подышим озоном, если располагаешь временем.

Когда мы свернули в тихий переулочек, ведущий к парку, как бы вслух размышляя, проговорила она:

– Я только что иду от Куба (так мы звали Жагина Жагиновича Жагинова за редкое совпадение имени, отчества и фамилии). Я насторожилась, но Сата шла молча, не развивая дальше информацию. Тайком взглянула я на свою собеседницу. Поджатые губы и устремленные вдаль взоры говорили о напряжении... Резкие перемены в характере моей подруги, в таких случаях лучше всего отмалчиваться. После соответствующей борьбы мотивов сама Сата выложит все начистоту и тогда можешь вволю полемизировать с ней.

И вот во время безмолвного нашего шествия Сата задержалась возле миски с семечками. Меня это тем более удивило, что у нее хронический фарингит и семечки категорически противопоказаны ей. Она набрала горсть, посмотрела внимательно, понюхала, разгрызла одно зернышко и с досадой в голосе обронила:

– Фу, какие мелкие.

– Какие уродились. Не я их сделал! – обиделся продавец, восседавший рядом на высоком табурете, как на царском троне. Поза старика была необычной. Он сидел неестественно прямо, задрал голову высоко, а ногу плотно прижав к ноге, которые были обуты в зимние сапоги, несмотря на летнюю жару. Своими длинными руками, как двумя колонами, старик опирался на колени, а глубокие глазницы его были устремлены поверх мирских сует на юг, где сияли снежные вершины.

– Я и не виню вас, дедушка! – ответила покупательница голосом девочки-подростка, явно пытаясь произвести перемену в настроении деда-нелюдима.

– А ежели не винишь, неча болтать! – обрезал гордец, не меняя позы.

– Если, дедушка так будете грубить покупателям, торговля ваша завянет!

– Не твоя беда, ежели завянет!

– А сколько просите за стакан?

– Я не прошу, а продаю!

– Извините, пожалуйста. Сколько стоит?

– Читай! – там написано, чай грамотна!

Только теперь я обратила внимание на два граненых стакана (один стограммовый, а другой двухсотграммовый) с ярлычками: «5 коп.» и «10 коп.», выведенные крупным планом ученическим почерком.

– Видала типа? – спросила Сата, когда мы отделились на почтительное расстояние от старого себялюбца.

– Да, старик прямо-таки просится в сатирический журнал, – согласилась я, поудобнее устраиваясь на скамье под густой зеленью. Вдруг совсем рядом раздался скрипучий бас торговца семечками. Сознаю, порядком струсила я и,

почти не помня себя, прыгнула с места, а Сата продолжала спокойно импровизировать диалог с дедом. Имитация была полная! Казалось, что в образе Саты спорили два человека. С трудом верилось, что женщина со столь изысканно-аристократической внешностью способна издавать столь не присущие ее полу звуки!

– А знаешь, Цаца, этот дед в сущности похож на нашего Куба, – произнесла она мечтательно, прервав игру. – Да, повторила, – они, действительно, однотипны, только судьбы разные у них. Не веришь? Возьми, хоть сейчас пересади их местами, – ручаюсь наш Куб проявит на новом посту не больше такта и не меньше амбиции. . . То-ли мысль понравилась ей, то-ли богатая фантазия сама собой начала рисовать детали такой «пересадки» – не знаю, но врожденный артистизм Саты проявился с неподражаемой силой. Она заговорила теперь голосом Куба, поразительно точно копируя его манеры, интонацию речи и сам тембр голоса.

– Вам не нравятся семечки? – спрашивала она воображаемого покупателя, протяжно произнося слова, словно сам Жагин Жагинович сидел рядом и торговал. – Пожалуйста, не берите – вас никто не просит! – грубила другому, изображая обидевшегося Куба, – проходите, пожалуйста, не заслоняйте товар! Вам сколько? Два стакана? Ну, и отлично. Уверю Вас, не раз еще наведаетесь к нам. – Ведь мы же торгуем селекционными. . .

В этом месте речи Сата провела от виска к темени, как это обычно делает Куб, проверяя надежность маскировки лысины, и сбила набок прическу, но артистка до того было вошла в роль, что не заметила этого.

Мгновенно представился моему воображению возле ржавой миски Жагин Жагинович с безвольно-мясистым бабьим лицом, с капризно оттопыренной нижней губой, с огромной, как глобус, облезлой головой и большими, как лопух, ушами. Слезы текли по моим щекам от смеха, болело где-то под правым ребром.

В разгар комедии Сата без предисловия спросила:

– Цаца, как ты думаешь, откуда у нас берутся такие типы? Вопрос был задан настолько коварно-неожиданно, что я застыла со слезами на щеках и раскрытым ртом, но когда способность размышлять возвратилась ко мне, я поняла, что она и не ждет ответа.

– Генеалогию этого явления, конечно, надо искать в раннем детстве, – рассуждала Сата вслух, словно никого и не было возле нее, – и повинны в этом прежде всего глупо влюбленные в своего дитяти родители. Они воображают, будто их чадо – единственное в своем роде создание природы, что оно – само чудо. Вследствие этого заблуждения они постоянно восторгаются им, не видя порока за ним; ублажают все его прихоти, дабы не задеть «сверх» нежные струны «особой чувствительности одаренного ребенка»; внушают своему отпрыску не существующее его превосходство над другими детьми. Была бы завязь – плод будет! И вот, из горе-вундеркинда вырастает эгоцентрист, социальное зло которого прямо пропорционально занимаемому им положению в обществе. Если хотите знать, – повысила она голос, – это социальная язва, своего рода злокачественная опухоль на теле общества! Чрезмерная самовлюбленность, мой друг, – продолжала она высказывать свои мысли уже вслух без особого оживления, уродует человека. – Она становится в нем доминирующей. Такой

духовный урод, как правило, безволен, потому бессилён устоять против лести и мелкой мести. Он обидчив, потому легко раним; чрезвычайно тщеславен, потому коварен и злобив; как кошка, падок на ласки и потому быстро поддается чужому влиянию. Не он создает настроение, а встречные настраивают его. В таком, я бы сказала страшном инструменте, как в калейдоскопе, все меняется, и нет ничего святого для него: ни друзей, ни врагов. За малейшее подозрение он может казнить или предать остракизму друга, если только это в его власти, как и примириться с врагом, если тот умело похвалит его. Во всем свете он любит одного себя, потому не терпит возражений: любая критика в его адрес равна личному оскорблению, а последнее – тяжкому преступлению. Обычно вокруг таких типов толпятся подхалимы всех разрядов и мастей, как мотыльки вокруг света, с одной существенной разницей, что последний жжет мотыльков, а первый сам горит. Внешне иллюзия сохраняется, будто слабые гнут спину перед сильным, безропотно угождая лысому дитяти, а на самом деле происходит обратное. Эта метаморфоза имеет свои стадии. Сначала гнусное племя беспозвоночных прощупывает «жертву»: ищет подходы и подступы к ней, прокладывает кое-где мосты, соединяет свои позиции подземными ходами и переходит к осаде с применением древних и ультрасовременных средств подхалимажа. Что же предпринимает осажденный себялюб? Он приходит в восторг, видя пресмыкающихся перед собой! В нем гипертрофируется самомнение: уверив в свою гениальность и непогрешимость, в свое особое назначение, а там и до Олимпа рукой падать. Не зря говорится: «Перед гибелью и у муравья крылья растут». И наш «Зевс», не помня себя от счастья, сдается сам в руки осаждающих! К чему удивляться? Перед нами одна из форм существования организмов – симбиоз. Но отныне Зевс более не бог, а лишь обыкновенный футбольный мяч в ногах искусных игроков. Легкий пинок прагматиста по «мячу», и готово теплое местечко ему! Удар интригана со штрафной площадки, и «гол» забит в ворота противника. Удар слева... справа... откат и безмозглый «мяч» пробил собственные ворота! Да мало ли какие комбинации возможны на таком «поле»? Одно несомненно: «друзья» поменялись ролями, хотя видимость прежняя осталась. Но если ненароком беда настигнет «шефа» или сама фортуна ему изменит, – пусть он не ищет локтя! Его покинет «свита» еще до рассвета, а то и свяжет, как злодея. Таков «благородный закон» подхалимажа и подхалимов, господа их избранники учтите! – погрозила Сата куда-то и словно извиняясь за длинное свое рассуждение, мягко улыбнулась и поцеловала меня в щеку.

– Между прочим, Цацечка, сегодня забили «гол» и в мои ворота, сказала она, смеясь.

– Не понимаю!

– Чего тут не понимать? Игра окончилась со счетом 0:1 в пользу Гонадеса.

– Выражайтесь яснее – я сгораю от любопытства! – взмолилась я. Моя собеседница с минуту молча смотрела вниз, остреньким носком туфли ковыряя песок. Потом подняла голову, и устало посмотрела на меня. Я прежде не видела ее такой.

– Может не доверяете мне? – догадалась я.

– О, оказывается и ты умеешь подбирать ключи, – сразу оживилась Сата, – слушай коль так.

– Несколько дней назад, кажется это было двадцать шестого, – начала она свое повествование, – Назако Безрукович Гонадес попросил меня прорецензировать одну, с позволения сказать, статью для наших «Записок». Статья была без подписи. Знакомясь с ее содержанием, я поняла, что она из-под пера тщеславного студента первого или второго курса. Через пару дней я возвратила ее с надписью: «Автору необходимо усвоить принципы раздела математики – интегральное и дифференциальное исчисление и основы русской грамматики прежде, чем говорить о вопросах, поднятых им в статье».

– Знаете, лицо Гонадеса странно скособочилось, читая мою рецензию и у меня мелькнула догадка об авторстве. Вот и выходит, что я тоже сгрызла свои тапки, а там суди сама, кто прав или виноват.

– Сата, таким языком не разговаривают с друзьями, – возмутилась я. – Какие тапки и почему ты их сгрызла? К тому же причем здесь Гонадес со своей глупой статьей?

– Ты настоящая цаца, моя девочка, – сказала Сата примирительно, все также устало глядя на меня. Видишь ли, моя дорогая, решение нашей кафедры о переводе меня старшим преподавателем и мое заявление с визой Куба: «зачислить с первого сентября» еще с июля лежали в отделе кадров. Я же не знала, что «надо бить, пока горячо», а то уплывет местечко, как щука с крючка. Вечно я занята какой-либо ерундой... и все забывала... Лишь вчера я спохватилась и занесла необходимые документы для оформления приказа.

– Извините, Сей Сич, – говорю, – запоздала, – и подаю документы, а он: «Да, малость запоздали. Вам теперь в пору подавать их на конкурс куда-либо».

– Сей Сеич, мне не до шуток, я очень спешу. Примите документы и приготовьте пожалуйста, приказ, а то, чего доброго, завтра не допустят меня к занятиям, – пошутила сама в свою очередь.

Старый служака медленно задвинул ящик стола. Еще медленнее замкнул его со звоном. Потом проверил надежность замков всех ящиков и, повернувшись ко мне, беззвучно рассмеялся. Так делают коты, без особой нужды требуя еды. При этом с лица Алексея Алексеевича исчезли глаза, но когда он сомкнул свои губы, две зеленые пуговицы впились мне в лицо.

– Допрыгалась, Сатана (так мило искажает старик мое имя), что я тебе говаривал? – уставился он.

– А что случилось, товарищ Хитров? Говорите толком, а не притчами, – напустила строгость и я на себя, не подозревая никакой беды.

– А что случается при сложении двух равных чисел с разными знаками? – вопросом на вопрос ответил он.

– Взаимно уничтожаются! – выпалила, как школьница, я.

– С тем и поздравляю! – поклонился в пояс старый шутник и снова по-кошачьи зажмурил глаза. Когда же вновь вспыхнули два светлячка на лице Хитрова, он совсем серьезно сообщил:

– Решение кафедры... и твое заявление еще вчера затребовали... Приказа велено не издавать, а за «толком» потрудись подняться этажом выше, но помни, Сатана, – начальникам нельзя давать клички, а их фаворитам портить статьи!

– Через пару минут я вошла в приемную, как раз когда секретарь объявлял ожидающим приема, что Куб вызван срочно куда-то. В подтверждение этих

слов двери кабинета распахнулись и Жагин Жагинович вышел в сопровождении Гонадеса и его К°.

– Сегодня не повезло. Без проволочек попала на прием, но Жагин сделал вид, будто увлеченно работает над какой-то проблемой. Бедняга «не почувствовал» как я вошла и поздоровалась с ним, пока от смущения не закашляла я.

– Ах, да! Это вы? – испугано поднял он голову. – Хорошо, что сами пришли. Я только что хотел вызвать вас. Знаете ли, мы хотели... – тут зазвонил белый телефон.

– Алу! Жагин у телефона! Да, Жагин! Знаете ли, по всем этим вопросам обратитесь, пожалуйста, к Назако Безруковичу... Да, Гонадесу. Он компетентный товарищ... и я подпишу... да, да. До свидания.

– Так, знаете ли, мы хотели вам предложить место старшего преподавателя... теперь зазвонил черный...

– Алу! Да, Жагин у телефона! Достали? Ну и отлично! Отвезите, пожалуйста, его к Назако Безруковичу. Ведь я же для него просил... да-да. До свиданья.

– Так знаете ли, мы ходатайствовали перед Москвой, но нам отказали единицу. Последний звук «цу» повис в воздухе с большим резонансом. Наступило тягостное молчание. Молчали, как назло, и телефоны. Жагин Жагинович бессмысленно переключал бумаги с места на место. Мне было стыдно. До того стыдно, что не могла ни возразить, ни встать уйти.

Сидя в таком глупом положении, я вспомнила аналогичный эпизод из моей жизни, который, кстати сказать, приключился также тридцать первого августа.

В годы войны наша семья страшно бедствовала в городе «Н». Мать и старшая сестренка страдали от тропической малярии. Коварная болезнь аккуратно через день навещала их. К счастью, они заболели в разное время и в один день мама лежала с приступом, а на другой – ее место занимала Даночка. Единственной здоровой, следовательно, трудоспособной в семье была я. Мне шел тогда двенадцатый год.

Мама упростила нашего соседа и по его протекции меня взяли в последних числах августа уборщицей-рассыльной в одну контору. С разноской бумаг у меня не было затруднений, а вот с уборкой трех комнат, в которых размещалась контора, дело обстояло прескверно. Занимавший в углу общего отдела огромный письменный стол плотный мужчина каждое утро подзывал меня к себе и пальцем выводил сегодняшнее число на чернильном приборе из черного мрамора. Я поспешно тут же стирала пыль, но на утро забывала снова протирать столы.

В злополучный день – тридцать первого августа – я принесла с собой на работу самодельную скакалку. Восхищенным детям нашего двора, т. е. конторы, я показывала виртуозные пируэты-прыжки через веревку, когда позвали... Недоброе предчувствие охватило меня, когда дядя Шингарев, плотно закрыв дверь за мной, грузно опустился на стул. Ему было тяжело о чем-то сообщать.

– Мы не имеем права эксплуатировать тебя, Сата, – выдавил он из себя наконец, глядя в сторону. – Ты должна ходить в школу, учиться, а не марать нам полы... – и запнулся.

Наступило тягостное молчание, как и в кабинете Жагина Жагиновича. Мне хотелось немедленно скрыться, но стыдно было проходить мимо сотрудников

общего отдела, которые, несомненно, знали о моем «падении». Когда последняя дверь конторы закрылась за мной, я почувствовала большое облегчение. Еще предстояла одна операция: проскочить двор незамеченной детьми. Я бежала к заветной калитке, когда с открытого окна меня окликнул дядя Шилов. К великому моему удивлению и не меньшей радости, он вручил мне хлебную карточку, ради которой я и пошла было на работу! Не помня себя от счастья, вынеслась я на улицу и заняла очередь у хлебного ларька [2]. Вся красная, счастливая, влетела домой с розовой бумажкой в руке.

– Мамочка, мне дали хлебную карточку! – кричала я.

Бедная мама в тот день лежала с приступом на единственном топчане в нашей конуре. Поверх одеяла на нее была взвалена вся верхняя одежда семьи, и куча с топчаном вместе с мамой тряслись. В такт этой дикой пляске, мама, как на барабане, отбивала: «А ды-ды ды-ды! А ды-ды-ды-ды!». Рядом с ней, как тень сидела на табуретке тоненькая, желтенькая, изможденная болезнью, Даночка. Куча на топчане сильнее зашевелилась и я увидела исхудавшее желтое лицо мамы с посиневшими губами и болезненно возбужденными глазами, в которых я уловила искорку радости. Трясущейся рукой с почерневшими ногтями она взяла мою карточку и прижала к щеке. Губы ее неслышно шептали что-то. Вдруг из-под ее ресниц выползла крупная слеза. Она округлилась, как ртутный шарик, дрожа. Потом, как живая, зашевелилась, покатила вдоль носа и повисла на кончике, играя всеми цветами радуги. Я переживала сложное чувство: мне было и приятно и больно. Хотелось утешить маму, но вместо этого шмыгнула носом. Через пару минут я бежала по улице с сумочкой и мелочью в руке, напевая модную военную песенку. Узкая и высокая женщина в ларьке с такими же узкими и длинными ножницами, взяла мою карточку отрезать талон.

– Тебе, девочка, мукой выписано, а не хлебом. Есть у тебя мешочек и деньги на муку?

Горькое разочарование сорвало мое счастливое ожидание. Больше часа мне мерещилась румяная горбушка хлеба, а тут на тебе – мука!

– Тетенька, я не хочу муки! Дайте, пожалуйста, хлеба!

– Тогда сбегай туда, где тебе выдали карточку и пусть ее заменят.

– А вы тогда мне без очереди отпустите хлеб?

– Хорошо, только живее оборачивайся.

Стрелой я помчалась к конторе.

– Дяденька, замените, пожалуйста, муку хлебом! Моя мама больна и нам некому печь хлеб! – выпалила я одним духом в открытое окошечко, откуда час назад я получила «огромное состояние».

Рыжий, худой со впалыми щеками и ясными, как у гуся, зелеными глазами, дядя Шилов посмотрел сквозь очки на меня и молча забрал карточку.

– Хорошо, что сама принесла. Я как раз собирался разыскать тебя. Ведь ты уволена... Я, не зная об этом, ошибочно выдал...

Какой-то ком сдавил мне горло, не давая голову опускать. Когда все же с трудом я опустила ее, с глаз полились горячие, горячие слезы. Они текли по щекам, носу капали от подбородка. Мне было стыдно. До того стыдно, что не могла сдвинуться с места!

И миг годами счет ведет.
За следом сиим знакомых лиц
и рож идет
И каждый образ сердце жжет,
Что не встречу больше одних
И пришлось увидеть других.
И надо ж тащить,
покуда жив,
Спрессованный так в мозгу,
архив!
А с неба кто-то воду льет,
Как будто в душу мне и льет.
Верба в окно тревожно бьет,
Помашет веткой голой, льнет:
Её, беднягу, ветер гнет.
В углу тихонько мышь скребет

У ней полно своих хлопот:
С опаской крошку в норку прет
Суров к живущим белый свет,
Но в этом скрыт один секрет:
Чем тяжче груз на нашем горбу,
Тем жизнь сильнее любим свою.

*Февраль, 1974 г.
Москва.*

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 44, инв. № 3035

Что такое «творчество»? Аналогично ли оно «вдохновению»?
(Черновые наброски на двух страницах, написанные от руки. Вариант 1)

Боюсь, но я попытаюсь ответить. Они, несомненно, тесно сплетены между собой и действуют как отдельные звенья психофизической цепочки, но они не вовсе тождественны. Чтобы полнее осветить проблему необходимо привлечь еще одно звено этой цепочки – идею, без которого оба понятия – вдохновение и творчество – окажутся беспредметными. Дело в том, что идея здесь первична и служит, как бы аркой между вдохновением и творчеством. Все три эти компонента образуют трехчленную систему психофизической деятельности человека и, каждый выполняет свои функции.

Идея вызревает в подсознательной сфере и подобно заре прорывает темноту, очертив ярко искомый предмет. Новорожденная идея годами, а то и до самой смерти субъекта может пролежать в его голове не востребованной.

Вот тут наступает черед его величества вдохновения, с которым бездействие несовместимо, человек витает в облаках, перед ним – одна ясность, ему все под силу, он готов совершить чудо – сделать идею явью.

Остальное довершает творчество, которое, в любом случае, процесс.

Следовательно, реализовавшаяся идея при посредстве вдохновения и есть творчество.

И вот это чудо и есть высочайшая награда и отличие Homo sapiens.

Я убеждена, что творческим даром обладает каждый человек, а не только избранные (далее неразборчиво. – А. М.). Другое дело: в какой степени.

Люди разные, но основа одна: одни не имеют возможности развить свои дарования, другие... (далее неразборчиво. – А. М.)

Что такое «творчество» и аналогично ли оно «вдохновению»? (Вариант 2)

Боюсь ошибиться, но я попытаюсь осмыслить.

Несомненно, вдохновение и творчество тесно сплетены между собой, но действуют как отдельные звенья психофизической цепочки и ни в коем случае не тождественны. Однако необходимо привлечь еще одно звено этой цепочки – идею, без которой оба понятия (вдохновение и творчество) окажутся беспредметными.

Дело в том, что идея здесь первична и служит как бы аркой над ними, а все три компонента образуют трехчленную систему психофизической деятельности человека и каждый выполняет свою функцию. Идея, видимо вызревает в подсознательной сфере и подобно грозе, прорывает темноту, ярко очертив искомое, после чего она может годами, а то и до смерти субъекта неостребованной пролежать в его голове, но тут наступает черед его величества вдохновения. Последнее несовместимо с бездействием: человек одержим, он витает в облаках, готов совершить чудо – сделать невозможное возможным. Остальное довершает творчество, которое – процесс в любом случае. Следовательно, реализованная идея посредством вдохновения есть творчество – высшая награда homo sapiens и его высшее отличие от животного царства.

Если все это правда, то неправда ходячее мнение, будто только избранные (художники, поэты, писатели, композиторы, актеры...) обладают этим даром.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед. хр. 40, инв. № 3031

Заявление Пленуму ЦК КПСС, посвященному национальным проблемам в СССР, от общественности Кабардино-Балкарии, подготовленное Е. Д. Налоевой по просьбе активистов кабардинского национального движения из общественной организации «Ашэмэз»

Пленуму ЦК КПСС, посвященному
национальным проблемам в СССР
от общественности Кабардино-Балкарии [1].
Заявление [2]

Проблемы наций и межнациональных отношений – один из кардинальных вопросов марксизма-ленинизма, который приобретает особую актуальность в многонациональных государствах, каким является СССР. На современном

же этапе революционной перестройки, когда борьба между старым и новым становится злобой дня, политическая и социальная значимость национальных проблем возрастает. Вполне понятно, что сложившаяся напряженность в национальных и межнациональных отношениях не создана перестройкой. Она лишь высветила ее. Однако без постоянно совершенствующейся государственной политики, цементирующей дружбу народов, немыслимо преодоление образовавшихся за годы культа личности и застоя деформаций в правах наций и в их взаимоотношениях. Поэтому, чтобы не вовлечь себя в очередной самообман, необходимо кардинально решить вопросы нации и межнациональных отношений.

Отрадно, что отмеченные сложные и волнующие всех нас проблемы осознаны и подняты в самом ЦК КПСС. Этот факт вселяет веру в восстановление попраных прав малых и больших народов нашей страны, а также доверия и взаимопонимания между ними. Отсюда и большие надежды на предстоящий Пленум ЦК КПСС, который будет решать самые животрепещущие проблемы нашего сегодня и завтра.

Каждый, самый малый, народ сформировался и вызрел на определенной исторической территории, которая есть не простое географическое понятие, Колыбель-Родина в самом высоком смысле этого слова! Может, эта колыбель – всего-навсего голые скалы или сплошные болота, но в любом случае – Она – единственный во всей Планете клочок земли с его именем, где покоятся останки его предков, звучит родная речь, без которых нет и самого народа! Поэтому необходимо свято беречь это достояние народа, чтобы сохранить мир в межнациональных отношениях, и предоставить каждому народу, независимо от его численности, полную свободу развития экономики и национальной культуры на его исторической территории. Здесь нет нужды комментировать, что малочисленность большинства народов нашей страны – не их вина, а их беда. Ущемление правового статуса народа по принципу его численности – опасный синдром Сталинизма.

Наше обращение к высокому партийному форуму продиктовано двумя тревожными обстоятельствами: судьбой малых народов, в том числе кабардинцев и балкарцев, которые вследствие нарушения равноправия народов оказались на грани исчезновения и резким обострением межнациональных отношений в стране. Национальный вопрос – вопрос жизни населяющих нашу страну этнических общностей. Поэтому, думается, чем больше информации о думах и чаяниях последних, тем больше шансов объективно решить его. С другой стороны, мы очень хотим, чтобы национальная политика первого в мире социалистического государства была самой демократичной в истории, дабы она стала предметом подражания и неопровержимым свидетельством преимущества социализма!

Исходя из такого понимания цели революционной перестройки всего общественно-экономического и политического здания страны, и искренне желая содействовать успеху работы Пленума, предлагаются на Ваше усмотрение следующие соображения.

Общеизвестно, что полное равноправие всех народов и рас – основа ленинской национальной политики. Этому принципу противоречат фактическое и юридическое ограничения статуса малых народов СССР, которые, как непол-

ноправные, подчинены союзным республикам, исключительно правомочным образовать высший государственный орган. Это наследие сталинской национальной политики требует пересмотра: необходимо вывести малые народы из-под юрисдикции союзных республик и подчинить их общесоюзному высшему органу власти. От этого шага выиграют все: во-первых, СССР будут представлять не одни «избранные» большие нации, а вся многонациональная семья малых и больших народов нашей родины; во-вторых, один из главных источников межнациональных конфликтов будет устранен; в-третьих, данная мера явится эффективным средством защиты интересов малых народов и реальным шагом по пути демократизации структуры СССР.

Всем малым народам, выведенным из-под юрисдикции союзных республик, предоставить соответственно численности их населения национальную автономию с правом ведения административного делопроизводства, судопроизводства и преподавания в школах на родном и русском языках.

Восстановить, упраздненный в годы культа личности, институт постоянного представительства малых народов в Москве, как орган живой связи центра с периферией и обратно.

В свете предлагаемых изменений правового положения малых народов целесообразно преобразовать ставшую в известном смысле архаичной РСФСР в Российскую Советскую Социалистическую Республику в соответствии с республиками других больших наций Союза ССР.

Автономия, как государственно-правовая форма национального самоуправления, не вызывает возражений. Однако она изрядно скомпрометирована, с одной стороны, превращением автономии в гетерономию: Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и т.д., и лишением ее демократического содержания, с другой. Объединение двух и более наций в одну национальную автономию без учета различия их языков, истории, культуры, социальной психоструктуры неправомерно! Собственно, такая «автономия» рассчитана на принудительную ассимиляцию обоих народов! Это жестокий эксперимент над живыми людьми, ибо в истории не было и нет такого этноса, как и нет кабардино-балкарского языка! Главный недостаток этого сталинского гибрида – несовместимость его частей, порождающая вечное недовольство его сторон, нездоровое соперничество, что характерно на сегодня для КБАССР. Между тем, как свидетельствуют источники, за многовековую историю наших народов, до их насильственного «обвенчания», не наблюдалось ни одного серьезного конфликта между ними, они жили как добрые соседи. К сожалению, нынешние кабардино-балкарские отношения оставляют желать лучшего. Особенно обострились эти отношения после возвращения балкарцев из ссылки, т.к. кто-то усиленно распространяет ложные слухи, будто выселение балкарцев – дело рук кабардинцев. На этом греют руки бесчестные люди.

По нашему глубокому убеждению, кабардинцы и балкарцы жили бы, как и прежде, в традициях добрососедства, не будь они искусственно связаны нелепой национальной автономией, в равной степени обезличивающей оба народа! А ведь при Ленине мы имели две национальные автономии, как и полагается: Кабардинская национальная автономная область и Балкарский национальный

округ. Были разграничены и рубежи территориальных владений обоих народов (акты хранятся в архиве).

Исходя из сказанного, просим Пленум:

1. Обнародовать поименно виновных в выселении балкарцев, чтобы рассеять национальную боль, последствия которой могут быть непредсказуемы.

2. В целях торжества подлинной демократии и социальной справедливости, разделить КБАССР на ее составные части с предоставлением обоим народам соответствующих национальных автономий, точнее восстановить статус-кво 1921 г.

VI. В Кабардино-Балкарии резко ощущается ущемленность национальных культур во всех ее сферах. Особенно подвергается дискриминации самое великое достояние любого народа – родной язык! Судите сами, во всех детских дошкольных учреждениях, школах, училищах, техникумах и вузах республики преподавание ведется только на русском языке, а национальные языки изучаются в школах лишь факультативно! Правда, при филологическом факультете КБГУ имеется отделение, которое готовит 25 учителей кабардинского и столько же балкарского языков, но редко кто из них получает возможность работать по своей профессии! Дискриминация родного языка давно тревожит общественность республики. Родители, учителя, студенты неоднократно обращались в Совмин КБАССР с просьбой восстановить в начальных классах преподавание на родном языке, хотя бы в районах сплошного массива коренных национальностей, но и поныне вопрос этот не решен. Вот один факт: в 1986 г. на вопрос читателей газеты «Советская молодежь»: «Будут ли когда-нибудь в КБАССР группы в детских садах и классы в школах на родном языке?», бывший министр просвещения республики т. Теппеев ответил: «Открытие школ с углубленным изучением родного языка было бы шагом назад» (см. газету «Советская молодежь» за 12.IX.1986 г.).

Ответ министра возмутил общественность и в редакцию газеты посылались гневные письма, развернулась острая дискуссия на ее страницах, но подвести итог спору не дали: из обкома КПСС последовал окрик: «Прекратите националистические публикации!».

Мы отлично сознаем необходимость глубокого изучения русского языка. Более того: мы не мыслим себя без русского языка, посредством которого общаемся не только с русской, но и с мировой культурой. Русский язык – язык межнационального общения и мы приветствуем изучение его нашими детьми, но не за счет искоренения родного языка. Разве разумно начинать обучение в школе не на родном языке, а на непонятном для сельских детей русском языке?

Эти и им подобные вопросы наводят на грустные размышления: мы заносим в красную книгу редкие растения, вымирающие виды и подвиды животного мира, создаем заповедники, т.е. проявляем божескую милость ко всему живому, но почему-то безжалостно обрекаем на вымирание языки целых народов, их неповторимую культуру. Если говорить правду, наш адыгский язык находится на грани исчезновения вследствие множества запретительных мер, а без него кто – Мы?

VII. Особенно пагубны для прогресса национальной культуры неравноправие языков в области судебно-административного делопроизводства. Оно

также ведется у нас только на русском языке. Как и следовало ожидать, более сильный русский вытеснил из сферы этой деятельности языки народов самой автономии! А дальше, как следствие этого положения, все кабардинцы и балкарцы, не владеющие русским языком, вынуждены говорить на суде, в учреждениях, на приемах у власть имущих через переводчиков! Почему? Потому, что кабардинца не понимает балкарец-начальник, балкарца – кабардинец-начальник, а их обоих – русский! Еще более возмутительна другая черта сталинской национальной автономии: ни одна бумага или заявление, написанное на кабардинском или балкарском языках не примет в производство ни одно учреждение КБАССР!

VIII. Наследие сталинской национальной политики – тяжким грузом лежит на всех народах нашей страны. Одной из его сторон следует считать попираание истории малых народов, в том числе Кабарды и Балкарии. Фактически ее не преподают в школах республики. Она и не входит в школьную программу как учебный предмет. Нет и учебников по истории родного края ни для школ, ни для вузов. Существующий двухтомник по истории КБАССР обобщающего характера безнадежно устарел с рождения. В результате, выпускники наших школ не имеют элементарного представления о прошлом своего народа! Это, несомненно, лишает молодежь национального самосознания, патриотизма и любви к своей родине!

Проблема национальной истории поднималась общественностью не раз на уровне Кабардино-Балкарского обкома КПСС. Одно время даже пообещали было ввести историю народов республики в учебный план местных школ и помочь в обеспечении учащихся учебниками. Однако дело дальше обещания не пошло по сей день.

Попутно с этим необходимо отметить следующее. В школах и гуманитарных факультетах вузов страны преподается курс истории СССР. Имеются и учебники по этой дисциплине, но содержание последних в сущности посвящено только истории русского народа и русского государства. По учебникам отечественной истории невозможно представить историю Украины, не говоря уже об истории малых народов. Что же касается истории нашей маленькой Кабарды, то она упомянута только один раз двумя абзацами в последнем, втором, издании учебника по истории СССР (См. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. Академика Б. А. Рыбакова. М., 1983, с. 225).

IX. Серьезным препятствием в развитии национальной культуры до сих пор является несовершенный национальный алфавит. В первые годы советской власти на основе латинской графики был разработан и принят алфавит кабардинского языка, которым пользовались до 1934 г. Однако тогдашний секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) Б. Э. Калмыков единоличным решением заставил местных языковедов перевести национальную письменность на русскую основу. С его легкой руки и другие народы провели такие же реформы письменности и, возможно, удачно, а что касается адыгов: кабардинцев, черкесов и адыгейцев, то надо кричать, что с тех пор мучаемся от этой реформы! Дело в том, что в кабардинском языке – 56 фонем, а в русском – 33, и вот эти «лишние» фонемы приходится обозначать двойными и строеными русскими буквами, а одну фонему даже четырьмя! И все же не обошлись без латыни: в новый

алфавит введена прописная буква «I», которую также приходится сдвигать с разными буквами. В итоге получился громоздкий алфавит, который сильно затрудняет процесс письма и чтения. Кроме того, арабские имена и термины, прочно вошедшие в адыгский словарный фонд, оказались не доступны новому алфавиту.

Таким образом, кабардинский алфавит не соответствует звуковому строю кабардинского языка! И тем не менее проблема нередко поднималась в разных кругах и инстанциях, была даже образована какая-то комиссия по проведению реформы письма, представлены проекты... Но воз и ныне там, хотя уже три года идет наша перестройка!

Х. Справедливое наказание вызывает и периодическая печать. Любая национальная автономия должна иметь свою национальную газету, которая являлась бы ведущим органом печати на ее территории. К сожалению, в гетерономии и это невозможно: балкарцы не признали бы ведущей кабардинскую газету, а кабардинцы балкарскую. Для того она и создана, чтобы народы, ограничивая друг друга, сами подошли к ассимиляции. Так именно стоит вопрос сегодня.

Серьезным симптомом этого процесса, который может стать необратимым, служит фактическое положение национальной прессы: в республике выходит 4 республиканские газеты. Из них две русские, одна кабардинская и одна балкарская, хотя кабардинцев в республике значительно больше русских и в четыре раза больше балкарцев! Все районные газеты выходят только на русском языке. Причем по тиражу, по политическому весу и престижу приоритет русской газеты «Кабардино-Балкарская правда» неоспорим. Это видно и по ее названию: она представляет оба народа, поскольку им не позволено представлять самих себя!

Все это ставит редактора «Кабардино-Балкарской правды» в особое положение. Бессменно в течение 37 лет этот пост занимал приглашенный Б. П. Черемисин, который газету рассматривал как собственную вотчину. При нем газета стала беззубой. Теперь пригласили другого, хотя в республике немало более талантливых людей русской, кабардинской, балкарской и др. национальностей, чем он. Когда же тов. Зайцев пойдет на пенсию, наверное, пригласят и третьего. Вряд ли эти меры продиктованы заботами об интересах коренных национальностей. Однако, главное в другом: все республиканские газеты вынуждены мыслить категориями 70-х годов! Вот свежий факт. Недавно в г. Нальчике проходило совещание «За круглым столом», где в духе перестройки прошла дискуссия по проблемам наций. Газета «Советская молодежь» решила опубликовать материалы дискуссии, но опять-таки из обкома КПСС приказали снять статью из номера газеты!

XI. Ущемление национального достоинства в разное время оскорбительно как в малом, так и большом. Не так просто найти на территории Кабардино-Балкарии вывески написанные на языке народов республики! Но, если где и встретится, то она обязательно будет написана мелким шрифтом и стыдливо упрятана под крупным русским текстом!

Другой пример – оформление паспортов. Паспорта в нашей республике имеют три листа, предназначенные для удостоверения личности на трех языках, но заполняется только первый лист на русском языке! Нередко чистые листы в паспорте порождают недоразумения в гостиницах городов других республик,

при выездах за границу да и просто не знаешь, как отвечать на вопрос: «Почему паспорт не заполнен как полагается?»

Конечно, все это мелочи, но беда в том, что до мелочей дошло пренебрежение к сути!

Дискриминация национальных культур традиционно соблюдается и в радиотелепрограммах. В силу изложенных выше обстоятельств наша республика официально трехязычная. Соответственно с этим ведется радиовещание на трех языках, на которое отведено всего три часа в сутки. В самом лучшем случае на долю одного национального вещания приходится один час в сутки.

Что такое местная передача? Для русских областей, городов, районов – это простое подключение к общесоюзной сети для сообщения местных проблем, их решений и др. событий. Совсем иную психо-социальную нагрузку несет местная передача для маленького народа, голос которого нигде в Мире не звучит, кроме как вот здесь! Для него – это одна из форм развития национальной культуры!

К сожалению, мы вынуждены по таким элементарным правам народа обращаться к пленуму ЦК КПСС, т.к. не могут или не хотят решить их на месте. В конце концов, народ должен обладать правом разговаривать у себя дома на родном языке, не выпрашивая ни у кого об этом разрешения, но у нас его строго ограничивают, и возможности средств массовой информации не используются на благо национальной культуры.

Тот же лимит времени и ограничительные пружины и в телепрограммах. Формально местная передача продолжается 3 часа в сутки, фактически она на кабардинском или балкарском длится 35–45 минут в сутки! Между тем у нас имеются неплохие театральные, певческие, хореографические и музыкальные национальные коллективы, которые по телевидению могли бы нести в народ свое искусство.

Кстати, и такие известные на весь мир писатели, как Алим Кешоков и Кайсын Кулиев (не говоря уже о писателях меньшего калибра) создали свои произведения соответственно на кабардинском и балкарском языках. Так что есть великолепные художественные тексты, которые заслуживают пропаганды на этих языках средствами массовой информации.

Нельзя умолчать еще об одном характерном явлении. И без того коротенькие телепередачи на национальных языках приурочены к весьма неудобному периоду дня: от 17.00 до 18.30, когда люди – либо на работе, либо – в пути, и они не доходят до широкого зрителя. Телезрители неоднократно жаловались на это, но никто не захотел их понять.

У кабардинцев и балкарцев, как и у многих малых народов, до Великого Октября сохранилась традиция увековечивать память своих героев сооружением в их честь каменных изваяний, гробниц и мечетей, сочинением песен и сказаний и, наконец, присваиванием их имен курганам, урочищам, известным бродам, населенным пунктам и т.д., представлявшие большую ценность как исторический источник. В 20–30-х годах, когда под девизом: «строить будущее без прошлого» разрушалось все, что могло напоминать народу о его прошлом, произошло непоправимое: исчезли с лица нашей земли исторические памятники, словно, она не была обитаема прежде! Разумеется, этот период нанес тяжелый урон культуре всех народов нашей страны, но его последствия ока-

зались более драматичными для нас, поскольку других памятников не было. И что не менее обидно: с уничтожением местной топонимики и ономастики Кабарда оторвалась от своих истоков и потеряла национальный облик. Так, кабардинские селения были переименованы на подобие тюремных лагерей: Старый Урух, Старый Лескен, Второй Лескен, Старый Черек, Нижний Черек, Верхний Чегем, Чегем Первый, Чегем Второй, Кызбурун Первый, Кызбурун Второй, Кызбурун Третий и т. д., тогда как русские станицы, расположенные на территории нашей же республики, сохранили до сих пор старые названия: Котляревская, Пришибская, Александровская, Екатериноградская и т. д.

Между прочим, из этих безликих с порядковыми номерами кабардинских сел вышли герои Гражданской войны, видные советско-партийные работники, писатели, поэты, ученые, большинство которых погибло в 30-х годах во время жестокого террора в Кабарде, а также герои Великой Отечественной войны. Но никто из наших руководителей не удосужился заменить эти невыразительные, чуждые нашему языку и культуре номерные названия именами тех, кто прославил их во время Гражданской и Отечественной войн, именами жертв сталинщины! Ни одна из улиц городов и сел республики не носит имени кого-либо из жертв сталинских репрессий! Отношение к последним, в том числе и оставшимся в живых, тенденциозное и по сей день.

На территории Кабардино-Балкарии нет ни одного памятника, посвященного историческим деятелям, если не считать скульптурного изображения бывшего секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), одного из самых активных проводников сталинской репрессивной политики Б. Э. Калмыкова! Неужели недостойн народной памяти глава Кабардинского княжества середины XVI века, видный государственный деятель, дипломат и полководец погибший в борьбе против турецко-крымской агрессии Темрюко Идарович, подписавший исторический акт добровольного присоединения Кабарды к России более 430 лет назад? Или знаменитый на весь Северный Кавказ мудрец, выдающийся общественно-политический деятель Кабарды Казанокко Жабаги, первый кабардинский просветитель и историк Ш.Б. Ногмов, поэты: кабардинец Б. Пачев и балкарец К. Мечиев, герой гражданской войны Назир Катханов, сыгравший выдающуюся роль в разгроме контрреволюции и установлении советской власти в крае. Вот уже 14 лет обещают соорудить памятник основоположнику кабардинской литературы А. Шогенцукову.

Такое отношение руководства республики нельзя квалифицировать иначе, как пренебрежение к истории и культуре народа!

Недавно обком КПСС принял решение поставить обелиск жертвам сталинских репрессий на одной из площадей г. Нальчика. Как отмечено, в Нальчике стоит памятник Б. Э. Калмыкову, о сношении которого неоднократно поднимался вопрос. Интересно, как мыслят в обкоме совместить эти два памятника в одном городе – жертвам репрессий и их палачу? Ни для кого не секрет, что Калмыков был председателем зловещей тройки, которая без следствия, защиты и суда пытала, ссылала и расстреливала тысячи ни в чем не повинных людей! Ни один человек без его подписи не был расстрелян в Кабардино-Балкарии, а расстреляно тысячи, но об этом упорно у нас молчат! Мы считаем, что сохра-

нение памятника Калмыкову, лично виновному в истреблении советских граждан есть глумление над его жертвами. Вполне понятно, что Калмыков проводил политику геноцида с позволения Сталина. Но ведь Ягода, Ежов и др. палачи также действовали по его указке, а потом по его же приказу расстреляны, как и Калмыков! Ставить памятник Калмыкову в Нальчике равносильно сооружению памятника Сталину, Ягоде, Ежову или Берии в Москве!

Весьма остро стоит у нас проблема миграционных процессов. Ежегодно в республику прибывает около 5000 мигрантов, в которой плотность населения достигает почти 60 человек на 1 кв. км, по данным за 1987 год, что в 5 раз выше средних общесоюзных показателей! Если при этом учесть, что одна треть территории республики занимают горы, то острота проблемы вырисовывается весьма четко. Осложняется положение еще и тем, что республика справедливо считается трудоизбыточным регионом, а мигранты прибывают именно из дефицитных по трудовым ресурсам регионов: Западной Сибири, Северного Казахстана, Нечерноземья. Несомненно, столь активная миграция из трудодефицитных регионов в сильно перенаселенный район нецелесообразна с экономической, экологической и социальной точек зрения.

Тревожит и другая сторона этого вопроса. Как правило никто не контролирует и не интересуется притоком мигрантов в КБАССР. Однако во время очередных агитационных компаний по вербовке рабочих в трудодефицитные регионы, т. е., туда, откуда прибывают переселенцы к нам, спохватываются об избыточности трудовых ресурсов и, как правило, начинается вербовка людей из коренных национальностей. Вряд ли справедливо создавать проблему, чтобы решить ее в ущерб коренных жителей.

Помимо стихийного притока мигрантов на территории КБАССР официально переселены значительные группы разных народов: турки, курды и др. В настоящее время, кроме кабардинцев и балкарцев, здесь проживают представители более 18 национальностей, а вербовка кабардинцев и балкарцев в отдаленные районы продолжается, как продолжается и массовый приток переселенцев. Эти факты ставят под угрозу само существование национальной автономии.

Заслуживает внимания еще один парадокс: все этнические группы, осевшие совсем недавно в Кабардино-Балкарии, получили от нашего же руководства право создания школ с обучением их детей на родных языках, оказана им и соответствующая материальная помощь, а коренные национальности республики еще только мечтают о такой возможности!

Всему миру известна трагедия адыгов. В XIX веке в результате Кавказской войны 80% адыгов покинуло свою родину и переселилась в Турцию. Теперь, когда советское правительство сняло запрет на возвращение в СССР потомкам эмигрантов, было бы крайне несправедливо продолжать отказывать черкесам (так адыгов называют в странах Ближнего и Среднего Востока) в праве вернуться на их историческую родину.

По имеющимся сведениям, в советских посольствах Турции, Сирии и Иордании годами лежат без ответа заявления черкесов о разрешении им вернуться на родину их предков. Принимая в республике ежегодно по 5000 мигрантов, закрывать двери перед потомками жертв самодержавия не гуманно и противо-

речит подписанному нами Женевскому соглашению, зато пойти им навстречу и помочь вновь обрести родину было бы актом в духе времени, как в свое время помогли вернуться некрасовцам из Турции, сейчас помогают другим эмигрантам русской, украинской, армянской и др. национальностей.

Мы просим Пленум специально рассмотреть вопрос о черкесах-потомках жертв царизма и создать правительственный комитете содействия возвращения черкесов в СССР. Это не создаст особых демографических трудностей, ибо число, желающих вернуться на историческую родину не так велико.

Наиболее тяжелым наследием сталинизма в национальном вопросе на сегодня остается дискриминационная кадровая политика, особенно по отношению к малым народам, которая выражается в недоверии к ним и насаждении лидеров сверху. В условиях перестройки эти избитые приемы, служившие креплением всего сталинизма, глубоко задевает национальное самолюбие. Не зря В. И. Ленин предупреждал: «...национальная несправедливость воспринимается не безболезненнее, чем социальная». Разве справедливо, когда один народ объявляет социализм и советскую власть своей частной собственностью и на этом основании сомневается в приверженности к ним других? Как иначе расценивать существование в национальных автономиях до сих пор должностей специального назначения. За 70 лет существования советской власти не было у нас случая, чтобы доверили пост ОГПУ-КГБ кабардинцу или балкарцу! Всем памяты последние десятилетия сталищины, когда этой чести удостоивали только грузин-мингрельцев и, к какому результату, привели страну эти «непогрешимые»! Сменялись власти, но неизменным остается это положение. Теперь, в разгар перестройки, у нас резко подскочила шкала должностей специального назначения. Первый и третий секретари Кабардино-Балкарского обкома КПСС, прокурор республики, министр МВД, министр финансов, главный редактор ведущей республиканской газеты, первый и третий секретари Нальчикского Горкома партии, председатели: КГБ, Госплана, Госагропрома, Госкомспорта, управляющие: Госбанком, Трестом Каббалкпромторга, Трестом Каббалкгражданстроя, даже директор Треста ресторанов – приглашенные извне специалисты! А пригласил их наш новый лидер тов. Елисеев Е. А.

Была ли необходимость в приглашении стольких людей, которым надо выделить квартиры вне очереди, в то время, когда местные жители десятилетиями ждут своей очереди, выплатить подъемные, когда экономика республики в плачевном состоянии, трудоустроить членов их семей в столь трудоизбыточном городе, как Нальчик.

Прямой необходимости в этом не было: в республике имеется большое число высококвалифицированных специалистов разного профиля, из которых можно было выдвигать людей на эти должности и воспитывать. Они не менее талантливы и честны, чем приглашенные. Народ далеко не глуп и понимает, что тов. Елисееву хотелось окружить себя «надежными» людьми, как будто местные жители (кабардинцы, балкарцы, русские и др.) менее надежны.

Что же касается реакции народа на прибытие нового секретаря со своим штатом номенклатурных работников, то лучше всего об этом тов. Елисеев услышал на встречах со своими избирателями, хотя он баллотировался где-то в глубинке и без альтернативного кандидата! Без мощного давления со стороны

его аппаратчиков он не был бы избран, ибо за время его работы в КБАССР он не показал себя ни талантливым, ни заинтересованным в перестройке. Вообще неэтично, даже оскорбительно для народа, когда присылают ему в качестве лидера совсем незнакомого человека, не знающего ни его истории и культуры, ни его проблем. Разумеется, ни одно общество не обходится без лидера, но он, как пчелиная матка, должен родиться, вырасти в среде того народа, которым он руководит. Без такого лидера трудно осуществить начатую нами перестройку.

Перестройка – программа. Ее надо реализовать, вдохнуть в нее жизнь, т.е. сделать ее собственной идеей самих масс!

Для этого нужен талантливый руководитель, который пользовался бы авторитетом в республике, видел дальше и глубже масс, мыслил масштабнее и современнее, умел бы согласовывать национальные и общегосударственные интересы.

Уважаемые участники высшего форума!

Мы просим вас внимательно, терпеливо, объективно рассмотреть изложенные в нашем заявлении вопросы и проблемы и принять по ним конструктивные решения.

УЦ ДНИ АС КБР, ф. 2599, оп. 1, д. 194, л. 69–87

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1988–1991 гг. кровавые межэтнические конфликты вспыхивали в самых разных частях СССР: в Карабахе и Сумгаите (Азербайджан, 1988), Новом Узене (Казахстан, 1989), Фергане (Узбекистан, 1989), Кишиневе (Молдавия, 1989), Сухуми (Абхазия, 1989), Баку (Азербайджан, 1990), Цхинвале (Южная Осетия, 1990). Если в 1989 г. в них погиб 221 человек, то за шесть месяцев 1990 г. – уже 632. К этому времени было совершено 4648 погромов, более 600 тыс. человек стали беженцами в своей стране. Национальные проблемы стали предметом всестороннего обсуждения на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1989 г., по итогам которого был принят документ «О национальной политике партии в современных условиях».

2. По информации В. Н. Хатажукова автор текста – Е. Д. Налоева. Заявление было составлено по просьбе активистов кабардинского национального движения из общественной организации «Ашэмэз», впоследствии трансформировавшейся в общественно-политическую организацию «Адыгэ Хасэ» КБР.

Мнение о войне в Чечне [1]

Война есть такое состояние, при котором самые низкие и ничтожные люди получают власть и славу.

Л. Толстой

Об итогах трагических событий в Чечне рано пока говорить; о них еще долго будут писать, и многое раскроется, но сегодня они четко высветили главный порок нашей общественно-политической системы: отсутствие в ней прочной правовой основы.

Государство неограниченное правовыми нормами – орган голого насилия, способный решать свои внутренние проблемы лишь силовыми методами. Оно подобно движущейся на большой скорости машине, у которой нет тормозных устройств.

К сожалению, хронический дефицит правотворчества – характерная черта российского государства, доставшаяся нам в наследство. В России сменялись государи, бесменным оставалось самодержавие. Более того: самые яркие противники авторитаризма, придя к власти, сами становились деспотами.

Огромная, многомиллионная богатая и талантливая страна вот уже пятый год буксует, топчется на месте. В чем же дело? Кто виноват? ...

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Мысли Е. Д. Налоевой представляют незавершенный черновой рукописный текст в нескольких вариантах.

На КБИГИ, ф. 48, оп. 3, ед. хр. 64, инв. № 3054

Размышления по поводу абхазо-грузинских переговоров и русско-грузинских переговоров, «августовского путча» и других событий [1]

Диву даешься, слушая самоуверенные заявления Э. А. Шеварднадзе о проводимой им и его правительством политики демократизации в Грузии.

Видно, не зря говорят: «Сколько голов – столько форм демократии». Иначе как можно говорить о демократии в Грузии, где самые элементарные права и достоинство человека попираются вооруженной рукой!

Удивительнее всего то, что мировая общественность делает вид, будто Грузия процветает. Развалив мировую империю, Шеварднадзе насмерть дерется за карликовую империю.

Говорить серьезно, а тем более писать о происходящих в стране и мире событиях на одних эмоциях и данных средств массовой информации без надлежащего знакомства и анализа документальных источников не только ошибочно, но и вредно. Однако и не более благотворно молчать 30–40 лет, пока рассекретят недоступные ныне материалы. Не претендуя на полное и глубокое освещение событий, здесь делается попытка высказать своё личное понимание. В этих условиях надо говорить и писать только так, как тебе лично они представляются.

Начнем с первой попытки вооруженного переворота в Москве в августе 1991 г. К сожалению, до сих пор виновные в организации путча не выявлены, более того: его участники громко выступают на митингах, призывая к восстановлению КПСС и СССР! Любая сила, прибегающая к свержению существующего строя, располагает социальной опорой.

Гибкость, оперативность, связь с массами позволили тогда выстоять. Эти дни незабываемые по силе драматизма. Как нам представляется, действительно невозможное было сделано тогда, благодаря единству власти и народа. Однако затем произошел спад общественно-политической деятельности, многомиллионная страна с мощным экономическим, научно-техническим потенциалом вот уже два года буксует, угрожая скатиться вспять или же взорваться совсем.

Этим обстоятельствам, парализующим общественно-политическую деятельность граждан, различные политики дают разные объяснения. Диву даешься, слушая иной раз выступления некоторых государственных мужей, говорящих: «Пора оставить политику и заниматься экономикой», словно возможно зани-

маться ею вне политики в такой многонациональной и многомиллионной стране как Россия!

Даже ученые-академики предлагают заниматься культурой, искусством, вместо политики.

24 марта 2004 года

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Данный текст представляет черновые неоконченные рукописные наброски мыслей Е. Д. Налоевой о событиях, происходивших в стране в начале 90-х гг.

НА КБИГИ, ф. 48, оп. 2, ед.хр. 44, инв. № 3035

Беседы Е. Дж. Налоевой с Аскером Налоевым *(расшифровка аудиозаписи)*

Размышления об истории

Теткъым щІым цІыху нэхъыфІу, нэхъ Іуиц, лъэщ абы нэхъуфын: цІыхум къыпхуимыщІэфа къалхуакъым зыщІэфын, дунейр зыгъэбжъыфІэр цІыхуиц, дунейр зыгъэзгызгри цІыхуиц, хабзэри, нэмысри, цІыхугъэри къыдэзытар цІыхуиц. Пэж дыдэм ухуейм езы цІыхури цІыху зыщІари цІыхуиц. ЩІыр щІащІар, зыхуащІари цІыхуиц.

Евг. Дж. Налоева – Этнонимы, т.е. названия народов – один из важнейших исторических источников. Этноним может быть названием народа, данным ему другим народом (экзоэтноним). Эндоэтноним это название, которое народ дает себе сам. Самоназвание наше – адыгэ. Как-то очень осторожно Шора Ногмов сказал о том, что известные в источниках «антхэ» есть искаженное «адыгэхэ». И, удивительная вещь, вспоминается эпизод из ранней истории черкесов, когда где-то в первых веках н. э. германские племена стали продвигаться к Кавказу, перейдя через Керченский пролив через Азов. Адыгам было очень трудно остановить движение германских племен, т. к. они были хорошо вооружены, хорошо выучены, организованы. Тем не менее они отразили их и не позволили им удержаться им на территории адыгов на Северо-Западном побережье Черного моря. Анты под давлением славян из Северного Причерноморья, из Приднепровья стали отступать и, переправившись через Керченский пролив, столкнулись с родственными им адыгами. Так как это был родственный им народ, они не оказали им сопротивление, и они расселились среди них. Этот процесс миграций народов обусловлен несколькими причинами.

Когда народы разделились на оседлых и кочевников, кочевники сначала преуспевали. Потом, наоборот, оседлые превзошли их. У них появились дома, собственная территория, земледельческая культура, они научились применять тягловую силу животных – сначала быков, потом – лошадей. Лошадь стала самым быстрым средством передвижения в мире, а кавалерия самой страшной силой в случае военных столкновений. У оседлых появилось ткани, нити, ковры и другие ценности. Кочевники, кроме животных, кожи, мяса, ничего не имели.

Но у них были кони, они стали нападать на оседлых, что в итоге послужило причиной великого переселения народов.

Аскер Налоев. – То есть в этом тоже был какой-то смысл, какой-то прогресс, в принципе?

Евг. Дж. Налоева. – Конечно. Но этот прогресс сопровождался разрушением, исчезновением целых этнических массивов, смешением языков и народов.

Аскер Налоев. – Ты Римскую империю имеешь в виду?

Евг. Дж. Налоева. – Нет, никакой империи тогда еще не было.

Аскер Налоев. – Ну, они почему то исчезли. Римская империя почему пала?

Евг. Дж. Налоева. – Римская империя тоже по причине нападений. Но в этом случае на Рим нападали и кочевники и не кочевники. Но главная причина та, что жестокий режим установленный Римом над другими народами стал невыносим. Фактически рабов было больше, чем население империи.

Аскер Налоев. – Да и сейчас, если говорить, например, о Германии, там немцев скоро будет не большинство.

Евг. Дж. Налоева. – Да, рабочая сила в Германии это в основном тюркоязычные эмигранты.

Аскер Налоев. – Так получается, что немцы исчезают, что-ли?

Евг. Дж. Налоева. – Нет. Повторяется процесс. В конечном итоге могут произойти перемены в мировом масштабе.

Аскер Налоев. – Нет, но ведь смысл того, что пала Римская империя, может быть они как бы в моральном или духовном плане что-то утратили. Может и поэтому тоже это случилось?

Евг. Дж. Налоева. – Там мораль была на очень низком уровне, не только в этом плане.

Падение Римской империи, с одной стороны, трагедия всего человечества. До уровня Римской империи культура Германской империи добралась только в 12 веке, а разрушена она была в 3 веке. Вот сколько потребовалось сот лет, чтобы восстановить то, что они разрушили. А вместе с тем, с падением Римской империи пал и рабовладельческий строй. Рабовладельческий строй, использовавший в качестве живой силы людей, перестал существовать. Рабов стали сажать на землю в качестве земледельцев. Земля – собственность Рима, а люди, которые работают на ней, платят определенную дань, но они уже обладают определенными человеческими правами, их уже нельзя убивать. Их нельзя просто взять и продать.

Аскер Налоев. – Так ты хочешь сказать, что феодализм... в принципе это и говорят, что он более прогрессивен.

Евг. Дж. Налоева. – Естественно. Все эти этапы развития – объективный результат самого развития производства. Если поверить Марксу. Вот понимаешь... сейчас перейду к теме международного терроризма. Что это такое?

Международный терроризм – это сопротивление современной цивилизации. Современная цивилизация, с одной стороны достигла очень больших высот, но я бы не сказала, что общественный строй современной цивилизации справедлив и демократичен и тому подобное и так далее.

Аскер Налоев. – Сколько тратиться на эти войны, они могли бы элементарно накормить людей.

Евг. Дж. Налоева. – Совершенно верно. На оборону, на военные расходы только США столько тратят, что на эти средства можно было крепко поставить на ноги всю Африку.

Аскер Налоев. – Тогда что-то должно произойти.

Евг. Дж. Налоева. – Поэтому осознано, не осознано как ответная реакция происходит этот терроризм. Терроризм – теневая сторона цивилизации, хотите – верьте, хотите – нет.

И вот эта борьба, которая ведется против него, она очень примитивна и она не может дать положительного результата.

Аскер Налоев. – Должно измениться сознание.

Евг. Дж. Налоева. – Совершенно верно. Необходимо на уровне современного сознания сторонам договариваться, идти на уступки и поставить все человечество на какие-то другие рельсы. Вряд ли это возможно.

Аскер Налоев. – Да нет. Ну, выслушать друг друга можно? Вот вопрос – «Норд Ост»: взяли всех этих спящих террористов и поубивали. Ну, можно было спросить хотя бы, что ими движет? Значит это кому-то нужно.

Евг. Дж. Налоева. – Послушай, я тебе сейчас на это отвечу. Очень далеко... Где-то я говорю: пэж дыдэу ухуеймэ, езы цыхуращ цыхур цыху зыщлыжар. Гьэуэгу цыкы шылэу, фыуэ абы тету ирикыуэу зыфэклакым ар. Гугьут: псы икын хуейт, кьуэр кьэтын хуейт, зыгуэрхэр укын хуейт. Ауэ якуламыкы зыуклами халхьащ яльэкыр в процесс становления человечества. Ар якулырти, «мис мыращ мыпхуэдэу ищат, мис мыпхуэдэ бзаджэнэджагьэ, цыху ишхати дыулащ», – жаэрти ирагьэлыагьути, ирагьащлэрти, мыдрейхэр ягьэшынэрт. Вот они фактически приносили пользу. Значит процесс перемен жизни людей на земле, формирование человеческого, человеколюбия (ты понимаешь человеколюбие – гушлэгьу, лыагьуныгьэ, хабзэ, нэмыс) – вот это все формировалось благодаря деянию всех людей, даже полулюдей. Дэтхэнэ зыми езым хулэкым хуэдиз хилхьащ абыи, лыахьшэу гьэтыль уи щхьэри щхьэщэ яхуэщл цыхур цыху шыну абы щхьэклэ банэу зи псэр зытам. Абы я псэм щхьэщэ хуэщл жызоэ. Примерно это происходит и сейчас. Убивают. Убивают страшным образом. Вспомни 11 сентября – абы зэригьэшынар пщлэрэ цыхухэр? [1].

Аскер Налоев. – Ты имеешь в виду Америку?

Евг. Дж. Налоева. – Да. Игьэшынащ. Зыуклами якулами – какую то пользу сделали, чтобы щэлэуат кьэпхьыжу: «Ярэби, дыщыуауэ плэрэ», – жиэу кьэгьэ-зэжу нэгьуэщл зыгуэру еплын хуейм щхьэклэ. Этот процесс лежит в основе самой жизни на земле – щокл зыкьомри, а щыклар нэгьуэщл зыгуэрым кьегьэувылэжри, зыхэзорыхьжри, назад мэхьужри и все – так в целом прогресс. Жысылыфауэ плэрэ?

Аскер Налоев. – Уей, жыптам. Кьызгурыуащ иджыри зыгуэр.

Евг. Дж. Налоева. – Нытлэ, уи флэщ хьурэ ар?

Аскер Налоев. – Мэхьу.

Евг. Дж. Налоева. – Сэ лейуэ мэхьу. Вот на эту тему я посвятила два стиха на кабардинском языке: Зыр – лейуэ сыщотхьу цыхум. Цыху нэхьрэ нэхь лыаплэ нэхь дахэ нэхь луш шымылэу. Дунейр зыгьэджызджыри дунейр зыгьэбжьыфлэри цыхуш, цыхуш. Хабзэри бзыпхьэри... Араш щыжыслэм, «Догуэт зэ, – желэ

нэгүүэцI зыгуэрым. – Сэ нэгүүэцI зыгуэру солъагүү». Дауэ? Мы дунейм тет-кьым псэушхьэ, цIыху нэхьрэ нэхь бзаджэ, цIыху нэхьрэ нэхь лей зехьэ.

ЦIыхум кьуимыщIа Iейр кьуишIэфыну щыIэкьым псэушхьэ. Ухей? Абы щхьэкIэ куэд ухуейкьым. ЦIыхушх щыIэкьэ? ЛыукI щыIэкьэ? Лажьэ зимыIэ кьомыр езым зыхуей щхьэкIэ зрихулIэу мелуанкIэ зэригьэукIыу лъыр псым хуэдэу жэIэ – (аракьэ) зэуэр жыхуаIэр? Абы нэмыщIкIэ сыт ухуейр? Дыгьуэркьэ? ХьуншIэркьэ?

Аскер Налоев. – НытIэ адэкIэ кIуэт. АдэкIэ.

Евг. Дж. Налоева. – «Е, кьэувыIэ», – жи. Ди насыпши, апхуэдэр нэхь ма-щIэщ. Нэхьыбэр цIыхуш. Нэхь мащIэраш апхуэдэу кьэнар. Ар зэи увыIакьым. Ар процессш. Ар макIуэ, мэкIуаэтэ, занщIэу гьуэгу занщIэм тету мыкIуэми, нашэкьашэу щытми IуэнтIауэ дэкIуейми – макIуэ.

Иджыпсту уэрэ сэрэ мыпхуэдэу, дымыдыгьуэу, дымыбзадженаджэу, цIыхул дымышхыу дыщIыщытыр абы щхьэкIэ кIуэдахэраш. ЦIыхум я нэхь фIы дыдэхэр боролись за то, чтобы сделать людей еще лучше.

Иджыри увыIакьым ар. Ноби ныжэби мэкIуатэ. Уэри сэри долэжь абы, кьыдгурыIуэми кьыдгурымыIуэми цIыхур нэхьыф тшIыну ди гугьэурэ. Сыт – я 50 лет обучала человека для чего? Чтобы сделать людоеда, что ли? Работаем. Правильно мы работаем или неправильно? – это другой вопрос. Но то, что мы работаем – это вне всякого сомнения. Поэтому хуэгьэуэв жыг цIыкIу нобэ лажьэми, пщэдей лажьэнуми, Аскер, жызоIэри, абдежым соух. Можно это понять?

Аскер Налоев. – Это можно понять, это нужно понять, но, наверное, все-таки нужно идти как бы и дальше. Целесообразность этого?

Евг. Дж. Налоева. – Целесообразность заложена в этих двух процессах.

Аскер Налоев. – Да, но тогда надо делать выводы, надо не бояться делать выводы.

Евг. Дж. Налоева. – А какие выводы?

Аскер Налоев. – А ты вчера говорила по поводу того, что есть Всевышний, высший Разум и как трактует Библия, что есть все-таки дьявол. Одно без другого не бывает. В этом есть целесообразность – в этой борьбе, в этом конфликте, в этой драматургии, в конце концов.

Евг. Дж. Налоева. – Это драматургия, я согласна, но действие и противодействие заложены в одном процессе. Они взаимодействуют между собой, и это порождает свои результаты. И видимо, не без участия Высшего разума, я не знаю... Быть может, так. Это великая сила, создавшая этот мир, вообрази земной шар. Создать это не так просто. И дальше, может быть, заложив определенные закономерности, нам предоставлено право выбора и дальнейшей работы.

Аскер Налоев. – Хорошо сказала сейчас, по поводу права выбора. Человек все-таки – это великое существо.

Евг. Дж. Налоева. – А без этого и не может быть. «Уэ щIы хьэрычэт, сэ берычэт хэслъхьэнщ», – щIыжиIэр сыт. «Иди, смотри, выбирай свободно».

Аскер Налоев. – Женя, я иногда мечтаю. А что случится, если все вместе, все человечество в один какой-то момент раз – и подумают друг о друге, и вообще о добре. Что может случиться?

Евг. Дж. Налоева. – Именно такого не может быть, потому что это процесс. Этот процесс может подойти к такому – вот как черная дыра. Это уже конец. Это конец.

Аскер Налоев. – Это интересно. Это конец, ты сейчас сказала.

Евг. Дж. Налоева. – Да.

Аскер Налоев. – Над этим надо задуматься. Я об этом не думал. Я думал о праве выбора.

Евг. Дж. Налоева. – И потом знаешь, что еще страшно: а что хочет наука? Ты когда-нибудь думал об этом? Что хочет наука?

Аскер Налоев. – Она хочет все взять и привести к какому-то логическому заключению, к какому-то канону, что ли, а это тоже не хорошо, канон.

Евг. Дж. Налоева. – Нет. Мне кажется, наука хочет овладеть всей Вселенной.

Аскер Налоев. – Даже так?

Евг. Дж. Налоева. – Да. Заменить Бога. Вот это клонирование животных. А скажите, пожалуйста, из чего вы это сделали? Из того материала, который не вами создан. Ведь вы же его сделали из готового материала, хромосомное деление, но хромосомы не вы создали. Наука обманывает себя в данном случае. Они копируют уже то, что было сделано. Это плагиат.

Может ли наука победить. Нет, никогда в жизни. Никогда в жизни человечество не познает всю истину. Тогда бы не было истины. Дело в том, что мы, люди, как часть Вселенной не можем объять необъятное.

Аскер Налоев. – Сколько ты была в этой науке, все-таки они не смогли сделать из тебя материалиста.

Евг. Дж. Налоева. – Нет. Нет. Материализм – ошибочное явление.

Аскер Налоев. – Может, оно должно было быть.

Евг. Дж. Налоева. – Видишь ли, дело вот в чем. Вот когда мы начинаем изучать вот эту материю, данную кем-то, не нами созданную, мы начинаем думать, что мы все знаем. Материя, живая и неживая, она живет, развивается, разрушается. Ничто не стоит на одном месте. Но в один миг все может провалиться вместе с нами.

Аскер Налоев. – Что-то подобное я уже слышал как-то: «Вечно, художник, ты мнишь, что творений своих – ты создатель. Нет, вечно носились они над землей, незримые оку».

Евг. Дж. Налоева. – Чудесно, чудесно.

Беседы Е. Д. Налоевой с Аскером Налоевым

(Расшифровка аудиозаписи; перевод текстов с кабардинского языка на русский Ларисы Маремкуловой)

Размышления об истории

Нет на земле творения выше и лучше человека, умнее и сильнее его. Никто и ничто не сделает для тебя того, чего не сделает человек. Мир держится на человеке, мир сотрясается тоже человеком. Хабза, намыс – все это тоже создается и передается через поколения человеком.

Е. Д. Налоева: – Этнонимы, т.е. названия народов – один из важнейших исторических источников. Этноним может быть названием народа, данным ему

другим народом (экзоэтноним). Эндоэтноним – это название, которое народ дает себе сам. Самоназвание наше – адыгэ. Как-то очень осторожно Шора Ногмов сказал о том, что известные в источниках «антхэ» есть искаженное «адыгэхэ». И, удивительная вещь, вспоминается эпизод из ранней истории черкесов, когда где-то в первых веках н.э. германские племена стали продвигаться к Кавказу, перейдя через Керченский пролив и через Азов. Адыгам было очень трудно остановить движение германских племен: они были хорошо вооружены, хорошо выучены, организованы. Тем не менее, они отразили их и не позволили удержаться на территории адыгов на Северо-Западном побережье Черного моря. Анты под давлением славян из Северного Причерноморья, из Приднепровья стали отступать и, переправившись через Керченский пролив, столкнулись с родственными им адыгами. Так как это был родственник им народ, они не встретили сопротивления и расселились среди них. Этот процесс миграции народов обусловлен несколькими причинами.

Когда народы разделились на оседлых и кочевников, кочевники сначала преуспевали. Потом, наоборот, оседлые превзошли их. У них появились дома, собственная территория, земледельческая культура, они научились применять тягловую силу животных – сначала быков, потом – лошадей. Лошадь стала самым быстрым средством передвижения в мире, а кавалерия – самой страшной силой в случае военных столкновений. У оседлых появились ткани, нити, ковры и другие ценности. Кочевники ничего не имели, кроме животных, кожи, мяса. Но у них были кони, и они стали нападать на оседлых, что в итоге послужило причиной великого переселения народов.

А. Налоев: – То есть в этом тоже был какой-то смысл, какой-то прогресс, в принципе?

Е. Д. Налоева: – Конечно. Но этот прогресс сопровождался разрушением, исчезновением целых этнических массивов, смешением языков и народов.

А. Налоев: – Имеется в виду Римская империя?

Е. Д. Налоева: – Нет, никакой империи тогда еще не было.

А. Налоев: – А что стало причиной падения Римской империи?

Е. Д. Налоева: – Римская империя тоже исчезла по причине нападений. Но в этом случае на Рим нападали и кочевники, и не кочевники. Главная причина в том, что жестокий режим, установленный Римом над другими народами, стал невыносим. Фактически рабов было больше, чем само население империи.

А. Налоев: – Да и сейчас, если говорить, например, о Германии, там немцев скоро будет не большинство.

Е. Д. Налоева: – Да, рабочая сила в Германии – это в основном тюркоязычные эмигранты.

А. Налоев: – Так получается, что немцы исчезают?

Е. Д. Налоева: – Нет. Повторяется процесс. В конечном итоге могут произойти перемены в мировом масштабе.

А. Налоев: – Нет, но ведь смысл того, что пала Римская империя, – может быть, они в моральном или духовном плане что-то утратили? Можно ли видеть в этом еще одну причину?

Е. Д. Налоева: – Там мораль была на очень низком уровне, не только в этом плане. Падение Римской империи, с одной стороны, трагедия всего чело-

вечества. До уровня Римской империи культура Германской добралась только в 12 веке, а разрушена она была в 3 веке. Вот сколько потребовалось – несколько сот лет, чтобы восстановить то, что они разрушили. А вместе с тем, с падением Римской империи пал и рабовладельческий строй. Режим, использовавший в качестве живой силы людей, перестал существовать. Рабов стали сажать на землю в качестве земледельцев. Земля – собственность Рима, а люди, которые работают на ней, платят определенную дань, но они уже обладают определенными человеческими правами, их уже нельзя убивать. Их нельзя просто взять и продать.

А. Налоев: – Так ты хочешь сказать, что феодализм... в принципе так и говорят, что он более прогрессивен?

Е. Д. Налоева: – Естественно. Все эти этапы развития – объективный результат самого развития производства. Если верить Марксу. Вот понимаешь... сейчас перейду к теме международного терроризма. Что это такое?

Международный терроризм – это сопротивление современной цивилизации. Современная цивилизация, с одной стороны, достигла очень больших высот, но я бы не сказала, что этот общественный строй справедлив и демократичен...

А. Налоев: – Чем тратиться на эти войны, они могли бы элементарно накормить людей.

Е. Д. Налоева: – Совершенно верно. На оборону, на военные расходы только США столько тратят, что на эти средства можно было крепко поставить на ноги всю Африку.

А. Налоев: – Тогда что-то должно произойти.

Е. Д. Налоева: – Поэтому осознанно или не осознанно, как ответная реакция, происходит весь этот терроризм. По большому счету это – теневая сторона цивилизации, хотите – верьте, хотите – нет.

И вот эта борьба, которая ведется против него, она очень примитивна и не может дать положительного результата.

А. Налоев: – Должно измениться сознание.

Е. Д. Налоева: – Совершенно верно. Необходимо на уровне современного сознания сторонам договариваться, идти на уступки и поставить все человечество на какие-то другие рельсы. Вряд ли это возможно.

А. Налоев: – Ну, выслушать друг друга можно? Вот вопрос – «Норд Ост»: взяли всех этих спящих террористов и поубивали. А можно было спросить хотя бы, что ими движет? Значит, это кому-то нужно.

Е. Д. Налоева: – Послушай, я тебе сейчас на это отвечу. Истоки этого понятия находятся очень далеко. Если хочешь знать, любого человека – хорошего или плохого – формирует другой человек. Не было никогда проторенных тропинок, по которым можно идти не сворачивая. По пути приходилось переходить реки, копать рвы, кого-то убивать. Тот, кто убивал, и тот, кого убивали – они внесли равную лепту в процесс становления человечества. Как? К слову, причину убийства нужно объяснить: вот этот человек сотворил что-то плохое, нанес вред, а может, съел кого-то – за это мы его и убили. Для устрашения, чтобы другим неповадно было. В этом и заключалась польза. Значит, процесс перемены жизни людей на земле, формирование человеческого, человеколюбия – ты понимаешь, что я имею в виду под человеколюбием – сострадание, любовь, этикет,

воспитание (гушцІэгъу, лъагъуныгъэ, хабзэ, нэмыс), – вот это все складывалось благодаря деяниям всех людей, даже полулюдей. Каждый фактом своей жизни внес свою долю участия. Преклони голову перед душами тех, кто отдал жизнь за то, чтобы люди стали людьми, как это делаю я. А разве сейчас происходит не так? И сейчас убивают, самыми страшными способами. Вспомни 11 сентября в Америке [1]. Разве не было это способом напугать людей? И напугали, еще как напугали. И у тех, кто убил, и у тех, кого убили, – своя правда, свой резон в этой трагедии. И своя польза: это повод остановиться, покаяться и сказать себе: «Что я делаю? Так ли живу?» Этот процесс лежит в основе самой жизни на Земле: некоторые люди начинают наглеть, и в конце концов их должен кто-то остановить. Происходит что-то страшное, что заставляет всех отступить на шаг назад. И в целом это и есть прогресс. Я сумела ответить на твой вопрос?

А. Налоев: – Да, теперь я понял.

Е. Д. Налоева: – Понял и поверил?

А. Налоев: – Да.

Е. Д. Налоева: – И я глубоко верю в это. Вот на эту тему я написала два стихотворения на кабардинском языке. В одном я превозношу человека, как существо, равного которому нет на свете. Он и украшает собой, и сотрясает этот мир, он и есть исток всех законов жизни. Но тут другой голос говорит: «Постой, я не согласен, у меня иное мнение». Какое? Нет на земле существа столь же злого, безжалостного, склонного к насилию, как человек. Ни одно животное не причинит тебе столько зла, как человек. На тебе нет вины? Ну и что с того? Ведь есть на земле людоеды. Убийцы. А те, кто ради своих целей стравливает миллионы людей, реками проливает их кровь? Еще? Разве не во-рует никто? Не грабит?...

А. Налоев: – А дальше, дальше что?

Е. Д. Налоева: «Эй, остановись! – возражает первый голос. – На наше счастье, таких меньше. Остальные – просто люди». То меньшинство – да, его никогда не остановить. Это неизбежный процесс. Он идет, движется, пусть не по прямой дороге, пусть по извилистой или крутой, но он идет. Вот мы с тобой сейчас – не воры, не подонки, не людоеды, думаешь, сами по себе? Нет, это благодаря тем, кто жизнь положил на то, чтобы человечество эволюционировало и стало лучше. Лучшие люди боролись за это. И сегодня процесс не останавливается ни на минуту, днем и ночью. И мы с тобой, осознаем это или нет, прикладываем усилия к тому, чтобы люди стали лучше. Совершеннее. Я что, 50 лет обучала молодежь для того, чтобы вырастить людоедов? Мы работаем. Правильно или неправильно – это другой вопрос. Так что – посади деревце в честь тех, кто сегодня работает, и завтра будет работать. Вот, наверное, и все, что я могу сказать. Это понятно?

А. Налоев: – Да, но, наверное, понять нужно еще одно – целесообразность этого.

Е. Д. Налоева: – Целесообразность уже заложена в этих двух процессах.

А. Налоев: – Да, но тогда надо делать выводы, надо не бояться делать выводы.

Е. Д. Налоева: – Какие выводы сделаешь ты?

А. Налоев: – Не ты ли говорила, что есть Всевышний, Высший Разум и, как трактует Библия, есть и Дьявол. Одного без другого не бывает. В этом есть целесообразность – в этой борьбе, в этом конфликте, в этой драматургии, в конце концов.

Е. Д. Налоева: – Это драматургия, я согласна, но действие и противодействие заложены в одном процессе. Они взаимодействуют между собой, что и порождает свои результаты. И видимо, не без участия Высшего Разума. Есть же некая великая сила, создавшая этот мир, наш земной шар. Создать – это одно. А вот дальше, заложив определенные закономерности, может быть, нам было предоставлено право выбора и дальнейшей работы.

А. Налоев: – По поводу права выбора – это хорошо сказано. Значит, человек все-таки – великое существо.

Е. Д. Налоева: – А иначе и не может быть. Сказано же: «Уэ хьэрычэт щы, сэ берычэт хэслъхъэнц». То есть, говоря современным языком, ты сделай что-нибудь, прояви инициативу, а я помогу. Иди, смотри, выбирай свободно.

А. Налоев: – Женя, я иногда вот о чем мечтаю. А что, если бы все человечество в один какой-то момент задумалось друг о друге, вообще о добре. Может такое случиться?

Е. Д. Налоева: – Вряд ли. Мы же говорили с тобой, что это – единый процесс. И как бы этот процесс не привел человечество к одному логическому завершению – например, к черной дыре. Это уже конец. Это конец.

А. Налоев: Я об этом не думал. Предпочел бы думать о праве выбора.

Е. Д. Налоева: – Хорошо, тогда подумай еще об одном: а чего хочет наука? Ты когда-нибудь думал об этом? Нет? А мне кажется, наука хочет овладеть всей Вселенной.

А. Налоев: – Даже так?

Е. Д. Налоева: – Да. Заменить Бога. Что означает клонирование животных? А скажите, пожалуйста, из чего вы это сделали? Из того материала, который не вами создан. Ведь вы же его сделали из готового материала – хромосомное деление, но хромосомы не вы создали. Наука обманывает себя в данном случае. Они копируют уже то, что было сделано. Это плагиат.

Может ли наука победить? Нет, никогда. Никогда в жизни человечество не познает всю истину. Тогда бы не было истины, будь она доступна. Дело в том, что мы, люди, как часть Вселенной, не можем объять необъятное.

А. Налоев: – Сколько ты занималась наукой, но все-таки не смогли сделать из тебя материалиста.

Е. Д. Налоева: – Нет. Нет. Материализм – ошибочное явление. Видишь ли, дело вот в чем. Когда мы начинаем изучать материю, данную кем-то, не нами созданную, мы начинаем думать, что мы все знаем. Материя, живая и неживая, она живет, развивается, разрушается. Ничто не стоит на одном месте. Но в один миг все может провалиться вместе с нами.

А. Налоев: – Что-то подобное я уже слышал: «Вечно, художник, ты мнишь, что творений своих – ты создатель. Нет, вечно носились они над землей, незримые оку».

Е. Д. Налоева: – Чудесно, чудесно!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 11 сентября 2001 года в Соединённых Штатах Америки были совершены террористические акты. Террористы захватили четыре рейсовых пассажирских авиалайнера, два из которых были направлены в башни Всемирного торгового центра в южной части Манхэттена в Нью-Йорке. Рейс 11 American Airlines врезался в башню ВТЦ-1 (северную), а рейс 175 United Airlines — в башню ВТЦ-2 (южную). В результате обе башни обрушились, вызвав серьёзные разрушения прилегающих строений. Третий самолёт (рейс 77 American Airlines) был направлен в здание Пентагона недалеко от Вашингтона. Четвёртый авиалайнер (рейс 93 United Airlines) упал в поле в штате Пенсильвания. Трагедии стали крупнейшими в истории по числу жертв: погибло 2977 человек, 24 пропали без вести.

**Извлечения из бесед Е. Ж. Налоевой. Запись выполнена
А. Б. Мамхеговым 14 августа 2004 года в г. Нальчике,
в квартире Е. Ж. Налоевой, по адресу: ул. Пушкина, дом. 60, кв. 16**

О происхождении Мамхеговых [1]

Мой отец – Налоев Жамурза Кубатиевич, жил в селении Хату Анзорова, был известен не только как зажиточный хозяин, но и как большой любитель и знаток истории, фольклора и этнографии. Он любил собирать у себя дома духовных служителей, исполнителей народных песен, сказителей, чтобы больше и глубже вникнуть в историческое прошлое народа, тоньше осознать действительность, представлять себе возможное будущее. В это время я была малолеткой, а отец был уже в возрасте. Так как я была младшей в семье, то отец, вопреки обычаям адыгов, позволял мне находиться в обществе взрослых гостей. Таким образом, я могла быть свидетельницей и слушательницей споров-диспутов, которые проходили у нас дома при сборе вышеуказанной категории гостей отца.

В один из таких сборов, речь пошла о происхождении фамилий. Не помню по какому вопросу, но произошел спор между Цуком Кудабердоковым и Хамидом Жинжаковым. Пока они выясняли между собой правоту какой-то версии, мой отец предложил им еще хорошенько подумать, прежде чем каждому озвучить свои выводы по проблеме спора. А тем временем, чтобы занять время другими разговорами, отец предложил всем присутствующим рассказ о происхождении рода Мамхеговых, который он где-то от кого-то слышал: «Мамхеговы пришли из территории современной Якутии [2]. В то время адыги ездили в Кара-Карум [3]. Предки Мамхеговых совершили здесь убийство. Результат – кровная месть. Как водится в таких случаях, родственники собираются вокруг противоборствующих сторон. На этот раз противники Мамхеговых смогли собрать превосходящие силы. Причиной этому якобы было то обстоятельство, что убийство произошло внутри большой группы родственников, а убийца остался практически одиноким.

Чтобы избежать кровопролития и возможного полного истребления, Мамхеговы обратились к кабардинскому князю Кургоко Атажукину с просьбой принять их под покровительство [4]. Атажукин принял Мамхеговых в качестве беслан-уорков. Приехали все близкие родственники с подвластными, холопами

и имуществом. При этом следует отметить то, что у народа, откуда прибыли Мамхеговы, близкими родственниками считались только потомки деда, поэтому вначале среди прибывших непосредственно самих Мамхеговых было незначительное количество».

От себя могу добавить, что вполне возможна версия о том, что Мамхеговы попали сначала к западным адыгам, а оттуда впоследствии 1–3 представителя рода были приняты кабардинцами. В каких отношениях между собой находятся племенное название «мамхэгъ» с фамилией Мамхеговых мне неизвестно. Здесь возможны различные ответы. Без привлечения архивных материалов, подтверждающих приведенный рассказ моего отца, последний можно рассматривать только как легенду и одну из возможных версий о происхождении рода Мамхеговых.

Я не знаю ничего о Мамхеговых из других селений, кроме как из Аргудана. В частности, я часто и много слышала о дружбе твоего деда Исмея с нашими Налоевыми, в частности с Анзором. Рассказывали, что он часто гостил в Хату-Анзорово у Налоевых и Маремкуловых. Кроме того, у меня есть еще и родственные связи с Мамхеговыми через Кудабердовых. У Мамхеговых из Аргудана в конце XIX– начале XX века был духовно-образованный священослужитель и судья по имени Хьэжыж, настоящее имя которого я не помню [5]. Его нельзя путать с другим Хаджи Мамхеговым [6], который был значительно старше этого и чтобы различать их, видимо к званию «хаджи» одного из них приставляли слово «жы» (старший, старый) не по старшинству, а по образованности. Так вот этот Старый Хаджи был женат на Кудабердовой [7] и от этого брака дочь Дахапс (Дахэпс) была замужем за Пшемахо Налоевым. Это во-вторых, а во-первых, названная Кудабердова имела старшую сестру Кентанта, бывшую замужем в роде Марзей. Дочь последней – Мирзоева Хажигуаша (Хьэжгуашэ) – жена моего отца, Налоева Жамурзы. У двух сестер Кудабердовых была еще одна сестра, бывшая замужем за Жигунова. По этой части дополнить информацию сможет Нюся Жигунова-Налоева. Племянники сестер Кудабердовых, сыновья их брата – Цук и Барак Кудабердовы – известные личности. У Цук был замечательный сын – Забит, который после кражи дочери одного из богатых домохозяев Хату-Анзорово, Тайсаова Аслангерия, был нечаянно убит кем-то из Ошноковых. Кудабердовы и Жинжаковы, кстати тоже близкие родственники Мамхеговых, были репрессированы одними из первых в селении Хату-Анзорово.

2. Отдельные сведения о родственниках [8]

1. Кудабердовы и Жинжаковы относились по сословию к джинуго. Род Жинжаковых в Хату-Анзорово пресекался, последний из рода мужчина умер на чердаке своего дома, прячась от агитаторов вступления в колхоз. Высокий статус Кудабердовых подтверждал своим рассказом Аслангирей Налоев. По его словам, когда в Хату-Анзорово угощали князя (видимо, представителя царской семьи), тамадой сидел Цук Кудабердов, князь сидел слева от него, а

Анзоровы стояли. Объяснение этому таково: в быту, когда у тлекотлеша гости выше его самого рангом, то старшим сажают уорка-диджинуго. Цук, по рассказам Аслангирея, великолепно пел, знал истории песен. В моей памяти остались его изречения, которые часто вспоминали в нашем селении:

а) Иныжь Хасэм и хабзэр,
адыгэ псоми я бзыпхьэщ [9].

б) Если вся Хаса соберется, то уалий (верховный князь) снимал шапку, а затем садился, надев ее.

2. У Шипшева Зарамука мать – Кудабердокова – двоюродная сестра моей матери.

3. У потомков генерал-майора Хату-Анзорова, Анзоровых Нануши и Кайсыма (Тату) сестра Нашхо (НащхьуэцЫкIу), была замужем за Шипшевым Заракушем. Их дочь, Корако (КIуэракIуэ), будучи замужем за ингушом, овдовела. Она была красавица и приглянулась Аслангирею Налоеву, но молодые, выяснив пересечения своих родословных, остались братом и сестрой.

4. У одного дореволюционного историка была статья, где указывается отец Хату Анзорова. Надо это восстановить, а то неудобно нам не знать отчество бывшего владельца нашего селения.

5. Мой отец, Налоев Жамурза, был приказчиком помещика Морозова. В результате он обзавелся богатым хозяйством. С приходом Советской власти подарил Красной Армии свой табун и лавки в Армавире и Краснодаре. Был одним из первых, кто приветствовал новую власть и имел достаточно высокие должности. В 1925 году, посоветовавшись со своим гостем из Малой Кабарды (его имя – Данил), сложил свои полномочия. Но его заслуги перед новой властью остались не оцененными, был репрессирован, а семью сослали.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1988–1991 гг. я работал на историческом факультете КБГУ и мы с Евгенией Жамурзовной часто обсуждали историю селения Хатуей и родословные фамилий. К сожалению, я никогда не записывал эти беседы, а когда позже обратился к ней с просьбой воспроизвести некоторые фрагменты наших бесед, она была уже незрячей и многое, как мне показалось, уже подзабыла и воспроизводила в усеченном виде. По моей просьбе, она диктовала текст, а я записывал. После этого дважды прочитывал ей текст, а она диктовала пояснения, которые приводятся здесь в качестве примечаний. После третьего прочтения текста она осталась довольной, но предупредила, чтобы я ничего не менял в тексте, если собираюсь публиковать. Более того, она предложила не спешить с публикацией, так как у нее возможно имеются копии архивных документов, касающихся поднятой проблемы. Предложила мне оказать ей помощь в совместной публикации накопившихся документов, чего она не может самостоятельно сделать в силу утраты зрения. К сожалению, я не решился на такое сотрудничество, так как документы относились к XVII–XVIII векам, и я не мог их читать. – *Прим. Аст. М.*

2. В то время существовала духовная связь адыгов с Уралом и Сибирью, в частности, кабардинцы имели тесные отношения с проживавшими на той стороне монголоидными народами. В правдивости этого тезиса нас убеждает то, что во время вторжений монголов на Кавказ адыги особо не были ими затронуты, особенно кабардинцы. – *Прим. Е. Н.*

3. Кара-Карум – столица монголов, империи Чингисхана. – *Прим. Е. Н.*

4. Исходя из времени деятельности этого князя, переселение произошло в XVII веке, по крайней мере до 1708 года. В то время широкое распространение имел институт «къэ-накгуэ» (политическое убежище). В случае предоставления политического убежища адыгами, они понижали статус принятых, по крайней мере, на один разряд. По этому поводу есть публикации, с которыми небесполезно ознакомиться в связи с поднятой проблемой. Высокий статус Мамхеговых у себя на родине подтверждается также тем, что их под свое покровительство принял уалиипш (верховный князь) Кабарды. С именем князя, принявшего Мамхеговых, и временем переселения последних я могу ошибиться. Возможно, это произошло до княжения в Кабарде Кургоко Атажукина. Необходимо свериться с моими копиями архивных документов. – *Прим. Е. Н.*

5. По-русски: Старый Хаджи. Настоящее имя: Хаджи-Глостанбек (Сосланбек) Мисостович Мамхегов. – *Прим. Аст. М.*

6. Хаджи-Шу Хаджи-Гучевич Мамхегов (1809–1892 гг.). – *Прим. Аст. М.*

7. Кудабердокова Хабухуна (Хьэбыхунэ) Ордашуковна, 1866 г.р. – *Прим. Аст. М.*

8. Здесь приводятся обрывочные сведения, записанные мною по ходу других рассказов Е. Ж. Налоевой. Эти тексты не были ей зачитаны и не подвергались уточнению и комментариям. – *Прим. Аст. М.*

9. Примерный перевод: Законам Большой (общенациональной) Хасы всем адыгам полагается следовать. – *Прим. Аст. М.*

Раздел XIV
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Е. Д. НАЛОЕВОЙ

Статьи

1. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 61–81.
2. К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки КБГУ. Вып. 40. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1969. С. 18–35.
3. К вопросу о термине «Кунак» // УЗ КБГУ. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 143–152.
4. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 69–87.
5. Вопросы феодального землевладения в Кабарде в современной советской историографии // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1980.
6. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 5–27.
7. Участие кабардинцев в русско-турецких войнах первой половины XVIII века // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа: Материалы Всероссийской научной конференции (2–3 октября 1979 г.). Грозный, 1982. С. 277–280.
8. Документальные данные // Жабаги Казанок (300 лет): Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 года). Нальчик, 1987. С. 90–105.
9. Кабарда в русско-турецко-крымских отношениях. Русско-турецкая война 1736–1739 гг. и народы Северного Кавказа // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. 1. С. 426–433.
10. Айдемиркан // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 125–135.
11. Справка об исторической территории и численности балкарцев в XVIII веке // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 136–138.
12. Загадочный обычай «барамта» // Налоева Е. Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 139–149.
13. Гидронимика Кабарды // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 163–165.
14. Идаров род // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик. ООО «Печатный двор» 2015. С. 166–168.
15. Легендарная или историческая личность Инал? // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 169–177.
16. Адыгские сказания о нартах // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 178–179.

17. Размышления о проблемах нашей истории // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 180–189.

18. Ошибки, которые не прощаются // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 191–193.

19. Страницы прошлого Кабарды // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 194–198.

20. О генерале Эльмурзе Черкасском // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 199–202.

21. К вопросу об этногенезе адыгских народностей // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 203–212.

Монография

1. Кабарда в первой половине XVIII века // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 213–353.

2. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник» (альбом из 14 генеалогических карт – приложение к монографии «Кабарда в первой половине XVIII века». Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1850 г. – из дигорского общества Осетии, аула Асламурзы Туганова в Кабарду в аул Хату Анзорова переселяется Джауиш Налоев – прадед Евгении Джамурзовны Налоевой.

1875 г. – в ауле Хату-Анзорова родился Джамурза Кубатиевич Налоев – отец Е. Налоевой.

1883 г. – в Кабарде, в ауле Коголкино родилась Мирзоева Хажгуаша Хатокшоновна – мать Е. Налоевой.

1918 г. – Дж. К. Налоев – комиссар 3-го участка Нальчикского округа.

1920 г., 14 июля – Дж.К. Налоев – председатель исполкома сел. Старый Урух Кабардинской автономной области.

1921 г. – Дж. К. Налоев – член Урванского окружного ревкома.

1921 г., 25–30 ноября – I учредительный съезд Кабардинской автономной области в гор. Нальчике. Председателем Президиума облисполкома избран Б. Э. Калмыков.

1922 г., 16 апреля (по официальным документам 24 декабря 1920 г.) – в сел. Старый Урух родилась Е. Д. Налоева.

1924 г. – Дж. К. Налоев оставляет свой пост в Урванском окружном ревкоме и возвращается в родное село.

1929 г. 30 ноября – Дж. К. Налоев подвергается аресту. Краевая тройка Северо-Кавказского края приговаривает его по ст. 58-10 УК РСФСР к 8 годам в концлагерь с конфискацией имущества.

1930 г. – умирает старшая дочь Дж. К. Налоева Лейла, бывшая замужем за Мисостом Абазовым, за него отдают замуж ее младшую сестру Нафо.

1930 г., март – семья Дж. К. Налоева (жена Хажгуаша, дети – Тина, Евгения, Адальгири), спасаясь от репрессий, уезжает в Таджикскую ССР к старшему сыну Аслангери.

1934 г. – в Таджикистане от голода и болезней умирает 11-летний Адальгири.

1934 г. – Дж. К. Налоев досрочно освобождается из мест заключения и возвращается в Старый Урух.

1935 г. – Дж. К. Налоев едет в Таджикскую ССР, гор. Сталинабад, забирает семью (Хажгуашу, Тину и Женю) и поселяется в гор. Орджоникидзе СОАССР.

1935 – в гор. Орджоникидзе Тина поступает в медицинский техникум, а Женя – на работу в Чечено-Ингушскую чулочно-швейную мастерскую.

1935–1936 гг. – Евгения Налоева – студентка Чечено-Ингушского педтехникума.

1936 г. – Е. Д. Налоеву переводят из Чечено-Ингушского педтехникума на второй курс Чечено-Ингушского индустриального техникума.

1936 г. – Дж. К. Налоев с женой возвращаются в Старый Урух.

1937 г. – Е. Д. Налоева в связи с начавшимися репрессиями в отношении представителей фамилии Налоевых уезжает из гор. Орджоникидзе в гор. Сталинабад, поступает на исторический факультет Таджикского государственного пединститута им. Тараса Шевченко.

1937 г. – Дж. К. Налоев подвергается повторному аресту. 17 августа 1937 г. расстрелян по постановлению тройки НКВД КБАССР.

1937 г., 23 января – арестован Абазов Мисост Алиевич – муж Нафо. Расстрелян 25 июля 1937 г.

1937 г., 31 декабря – в гор. Сталинабаде постановлением тройки УГБ НКВД Таджикской ССР арестован и осужден на 8 лет лишения свободы Налоев Аслангери.

1938 г. – исключение Е. Д. Налоевой из Таджикского пединститута как члена семьи «врага народа». Поездка в Москву. Встреча с Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым. Восстановление на учебе.

1938–1940 гг. – учеба на историческом факультете Таджикского пединститута.

1940 г. – исключение из пединститута. Поездка в Москву. Поступление на 2-й курс юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

1940 г. – исключение из МГУ как члена семьи «врага народа». Возвращение в гор. Орджоникидзе. Поступление на 4-й курс исторического факультета Северо-Осетинского государственного пединститута.

1941 г. июнь – старшую сестру Е.Д. Налоевой Тину мобилизуют медсестрой на фронт.

1941 г., июль – окончание Северо-Осетинского государственного пединститута. Работа учителем истории в сел. Црау Алагирского района СОАССР.

1942 г. июль – возвращение в гор. Орджоникидзе. Мобилизация на оборонительные работы в городе.

1942 г., 3 октября – арест органами НКВД СОАССР по ложному доносу однокурсника Владимира Кайтукова. Эвакуация заключенных из гор. Орджоникидзе в Среднюю Азию.

1943 г., 28 апреля – освобождение из тюрьмы НКВД гор. Каттакурган Узбекской ССР за отсутствием состава преступления.

1943 г. – возвращение в гор. Орджоникидзе.

1944–1947 гг. – заочное обучение в филиале Всесоюзного юридического заочного института в гор. Дзауджикау (Орджоникидзе). Работа преподавателем на подкурсах при Северо-Осетинском государственном пединституте, чтение лекций для работников прокуратуры.

1945–1948 гг. – работа методистом культпросветработы в Управлении культпросветучреждений при Совете Министров СОАССР.

1948 г. – увольнение с работы как члена семьи «врага народа». Переезд в Кабардинскую АССР, сел. Жемтала к Аслангери.

1948 г. 8 сентября – поступление на работу в Кабардинский государственный пединститут.

1948–1950 гг. – работа ассистентом кафедры истории народов СССР исторического факультета Кабардинского государственного пединститута.

1949–1950 гг. – поступление и заочное обучение в аспирантуре при кафедре истории СССР Пятигорского госпединститута.

1950 г., 8 апреля – увольнение с работы приказом директора Кабардинского пединститута П.А. Лебедева.

1950 г., 9 мая – арест органами МГБ КАСССР. Водворение в тюрьму.

1951 г., 17 февраля – решением Особого Совещания при МГБ СССР (внесудебная ответственность) по ст. 58-10, ч. I УК РСФСР осуждена к лишению свободы сроком на восемь лет.

1951 г., сентябрь – прибытие в лагпункт «Верхний Волим» – Пермская область, ж/д станция Соликамск Пермской железной дороги.

1953 г. – отказ от освобождения по амнистии (актации). Требование личной встречи с министром внутренних дел СССР С.Н. Кругловым с целью добиться пересмотра своего дела.

1953., 20 июля –17 сентября – содержание во внутренней тюрьме МВД СССР в Москве.

1953 г., 17 сентября – принудительное помещение в НИИ психиатрии им. В. П. Сербского с целью проведения психиатрической экспертизы.

1953 г., октябрь – этапирование в лагерь с заключением медэкспертизы «Шизофрения. В больничном лечении не нуждается. В местах заключения может содержаться».

1954 г., 23 октября – письмо-обращение из лагеря к Г. М. Маленкову – Председателю Совета Министров СССР.

1956 г., 29 августа – освобождение по актации из мест лишения свободы.

1956–1964 гг. – проживание в гор. Сухуми Абхазской АССР.

1963 г., 16 апреля – политическая реабилитация с правом восстановления на прежнее место работы и учебы.

1964 г., 2 ноября – поступление в аспирантуру при кафедре истории СССР дореволюционного периода КБГУ с отрывом от производства по специальности «История СССР»

1965 – 1968 гг. – учеба в аспирантуре.

1969 г., 10 сентября – восстановление на работу в должности ассистента кафедры истории СССР исторического факультета КБГУ.

1970 г. – перевод на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР дореволюционного периода.

1973 г., 26 июня – присуждение ученой степени кандидата исторических наук после успешной защиты кандидатской диссертации.

1978 г., 14 февраля – 14 июня – слушатель факультета повышения квалификации преподавателей вузов при МГУ им. М. В. Ломоносова.

1990 г., 20 марта – утверждение на должность доцента кафедры истории СССР дореволюционного периода исторического факультета.

1995 г., 1 февраля – переход на кафедру теории и истории государства и права юридического факультета КБГУ.

2000 г., 8 ноября – увольнение по собственному желанию в связи с состоянием здоровья.

2007 г., 2 марта – Е. Д. Налоева ушла из жизни. Похоронена на кладбище в пригородном поселке г. Нальчика – Вольном Ауле.

ПЕРСОНАЛИИ

Абазов Данил Махмудович (1889–1931). Родился в сел. Боташево (ныне сел. Плановское Терского р-на КБР). С 1920 г. – председатель сельсовета сел. Плановское. В 1930 г. работал в должности председателя Мало-Кабардинского окрисполкома. 17 января 1931 г. арестован и 20 мая 1931 г. приговорен постановлением тройки при ПП ОГПУ СКК и ДССР к высшей мере наказания – расстрелу. Реабилитирован 22 сентября 1959 г.

Абазов Мисост Алиевич (1904–1937). Родился в сел. Боташево (ныне сел. Плановское Терского р-на КБР). Последняя должность – зам. управляющего Кабпищтреста. Проживал в г. Нальчике, ул. Свободы, 6. 23 января 1937 г. арестован и 25 июля 1937 г. постановлением Военной Коллегии ВС СССР приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Реабилитирован 18 июля 1957 г. 1-я жена – Налоева Лейла Джамурзовна, 2-я жена – Налоева Нафо Джамурзовна, дочь – Майя.

Абитов Мухаб Лукманович (1914–1978) – языковед, первый кабардинец – кандидат филологических наук (1948 г.), заслуженный деятель науки КБР (1974 г.). Окончил Северо-Кавказский государственный педагогический институт (гор. Орджоникидзе, 1937 г.), аспирантуру при Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР. Работал в КБНИИ (1941–1942), КБГПИ (1943–1956), КБГУ (1957–1978).

Алексенко Николай Дмитриевич – уроженец гор. Таганрог, муж Налоевой Тины Джамурзовны, умер в 1999 году в гор. Владикавказе.

Апажев Мухамед Лукманович – родился в 1930 г. в сел. Шалушка КБР. Доктор филологических наук, профессор, декан историко-филологического факультета КБГУ (1968–1974).

Аполлова Наталья Геннадиевна (1898–1993) – советский историк, доктор исторических наук, сотрудник Института истории Академии наук СССР.

Аргасцев Александр Павлович – член бюро Кабардинского областного комитета партии в 1950 г., прокурор Кабардинской АССР.

Ахохов Тембот Заракушевич (1878–1918) – родился в сел. Куденетово (ныне Чегем Второй Чегемского р-на КБР). Организатор и руководитель первой большевистской организации в Кабарде и Балкарии. Делегат II и IV съезда народов Терской области от Кабарды 17 (4) марта 1918 г., I съезда народов Нальчикского округа 1918 г., член Народного Совета Нальчикского округа. Погиб в 1918 г. во время Гражданской войны.

Ахохов Асланби Нахович (1912–1980) – родился в сел. Куденетово (ныне Чегем Второй Чегемского р-на КБР). Активный участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды (1943), орденом Отечественной войны I и II степеней (1945). Советский партийный и государственный деятель, Председатель Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР (1957–1969), член Президиума Верховного Совета КБАССР, депутат Верховного Совета СССР 3–7-х созывов, делегат 21–23 съездов КПСС. Награжден орденом Ленина (1957), орденами Трудового Красного Знамени (1962, 1966).

Ахмадов Явус Зайндинович – российский и чеченский историк, доктор исторических наук, профессор.

Бакуев Борис Михайлович – кандидат философских наук, выпускник КБГУ, студент Е. Д. Налоевой.

Балкаров Борис Хазешович (1917–1994) – доктор филологических наук, профессор, проректор по учебной работе КБГУ в 1957–1983 гг.

Бедный Демьян (1883–1945) – настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов, русский советский писатель, поэт, публицист и общественный деятель. Член РСДРП(б) с 1912 года, в 1938 году исключён из партии, восстановлен посмертно (1956).

Бербеков Хатута Мutowич (1916–1965) – родился в сел. Догужоково (ныне Аушигер Черекского р-на КБР). Доктор исторических наук, профессор, организатор вузовского

образования, первый ректор КБГУ (1957–1965). Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Беров Хасанби Жамалович (1948–1997) – выпускник исторического факультета КБГУ 1972 г., сотрудник Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР (1974–1997), аспирант Института истории СССР Академии наук СССР (1978–1982).

Бесланев Хабала Жанхотович (1886–1937) – родился в сел. Абаево (ныне сел. Урожайное Терского района КБР). Активный участник революции и Гражданской войны, делегат съездов народов Терека, член Нальчикского окружного Народного Совета, заведующий административным отделом Нальчикского окрисполкома (1918), председатель Мало-Кабардинского и Нагорного окружных исполкомов, член коллегии ревтрибунала, заведующий отделом внутреннего управления, прокурор КБАО, руководитель «Севкавснаббыта». В 1937 г. арестован и приговорен к расстрелу.

Бетров Хажисмель Канишович (1908–1937) – родился в сел. Коголкино (ныне сел. Урух Лескенского р-на КБР). С 1930-го по 1932 год проходил двухгодичные курсы при ЦК ВКП(б) в Москве. Работал директором Кабардино-Балкарского рабфака, председателем Нальчикского городского Совета. 23 января 1937 г. арестован и 26 июля 1937 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Бозиев Лукман Глостанович (1877–1937) – родился в сел. Жанхотово (ныне Псыгансу Урванского р-на КБР). Член Терского областного народного Совета, председатель коллегии по национальному вопросу, в 1920 г. – председатель Урванского окрисполкома, одновременно член ЦИК Кабардино-Балкарского обкома партии. Впоследствии работал в органах суда и прокуратуры, в системе соцобеспечения КБАО.

Боровицкий Иван Николаевич – председатель Кабардинского Революционного Трибунала (1921–1922), военком Нальчикского округа КБАО (1922), председатель Кабардино-Балкарской областной плановой комиссии (1930–1934), уполномоченный Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР по КБАО (1934–1938) В 1938 г. арестован и осужден. Реабилитирован в 1955 г.

Бычкова Маргарита Евгениевна (1936–2014) – российский историк, доктор исторических наук, с 1959 г. сотрудник Института истории АН СССР, почетный член Русского генеалогического общества и Историко-родословного общества в Москве.

Буачидзе Самуил (Ной) Григорьевич (1882–1918) – российский революционер-большевик, один из руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, председатель Владикавказского комитета РСДРП(б), председатель СНК Терской народной республики (1918) г. 20 июня 1918 г. убит на митинге во Владикавказе.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – член РВС Северо-Кавказского военного округа (1921–1922). Участник I Кабардинской областной партийной конференции и Учредительного съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов Кабардинской автономной области (1921). 17 октября 1937 года арестован. 1 августа 1938 г. приговорен к смертной казни и расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г.

Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – кавалер Георгиевского креста всех степеней, командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны, советский военачальник, Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза. В 1921 г. участник Учредительного съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов Кабардинской автономной области.

Букалова В. М. – советский историк.

Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975) – доктор исторических наук профессор, археолог, архивист, библиограф.

Виноградов Виталий Борисович (Тарахтиенко) (1938–2012) – доктор исторических наук, сотрудник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, профессор Чечено-Ингушского государственного университета.

Водахов Асланбек Абисалович (1903–1937) – родился в сел. Коголкино (ныне сел. Урух Лескенского р-на КБР). Начальник Управления местной промышленности Кабардино-Балкарии, член бюро обкома ВКП(б). 1 февраля 1937 г. арестован. Арестованы также его братья Борис и Шахбан. 25 июля 1937 г. по приговору военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – российский революционер, советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых маршалов Советского Союза. Нарком по военным и морским делам (1925–1934), нарком обороны СССР (1934–1940), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1953–1960). Дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда.

Габитов Абдулла Гисматуллович (1910–1959) – полковник, министр внутренних дел (в связи с объединением МГБ и МВД) Кабардинской АССР (1948–1954). По национальности татарин.

Гаджиев Владлен Гадисович – доктор исторических наук, профессор. В 1951 г. окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Заведовал более 40 лет отделом истории досоветского периода Дагестанского филиала АН СССР (ныне Дагестанский научный центр РАН). Заслуженный деятель науки РФ и Дагестана.

Гарданов Валентин Константинович (Батраз Амурханович) (1908–1989) – доктор исторических наук, профессор, кавказовед.

Горская Наталья Александровна (1930–2004) – доктор исторических наук, с 1961-го по 2001 г. сотрудник Института истории АН СССР (с 1992 г. – Институт российской истории Академии наук).

Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – советский историк, археограф, палеограф, архивист, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР, академик.

Губер Александр Андреевич – советский историк, специалист по истории стран Юго-Восточной Азии, доктор исторических наук, академик АН СССР.

Гугов Рашид Хусейнович (1938–2012) – доктор исторических наук, профессор, директор КБНИИ (1988–1997).

Дружинина (Чистякова) Елена Иоасафовна (1916–2000) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института отечественной истории РАН, член-корреспондент РАН, жена академика Дружинина Н. М.

Дружинин Николай Михайлович (1886–1986) – доктор исторических наук, специалист по социально-экономической и политической истории XIX века. Академик АН СССР. Лауреат Сталинской и Ленинской премий.

Думанишев Ауладин Сарабиевич – родился в 1954 г. в сел. Нартан Кабардинской АССР. Балетмейстер, народный артист КБР, артист балета государственного ансамбля танца Адыгеи «Нальмэс» (1973–1975), главный балетмейстер государственного академического ансамбля танца «Кабардинка» (1975–1998).

Исаева Таус Ахьядовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

Кажаров Хамид Хатутович (1936 г.р.) – поэт, педагог, критик и литературовед, профессор кафедры зарубежной литературы. В 1962 г. окончил историко-филологический факультет КБГУ по специальности «Кабардинский язык и литература». Кандидат филологических наук, член Союза писателей РФ, работает в КБГУ с 1967 г.

Какучая Варлам Алексеевич (1905–1982) – советский деятель госбезопасности, генерал-майор. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. Министр госбезопасности Северо-Осетинской АССР (1943–1947). 5 июля 1953 г. арестован по обвинению в причастности к незаконному аресту в Северной Осетии 321 чел. 17 июля 1956 г. приговорен военным трибуналом Закавказского военного округа к 15 годам лишения свободы. Не реабилитирован.

Карданов Буба Мацикович (1917–1988) – ученый-филолог, писатель, педагог, доктор филологических наук, профессор КБГУ.

Катханов Назир Адиль-Гиреевич (1891–1928) – родился в сел. Лафишево (ныне сел. Псыхурей Баксанского р-на КБР). В 1911 году окончил Баксанское духовное училище. После окончания Нальчикского реального училища преподавал в нём арабский язык и историю Востока. Видный деятель революции и Гражданской войны на Северном Кавказе, командир Ударной Шариатской колонны. Член Областного и Нальчикского ревкома (1918), начальник Окружной милиции по Нальчикскому округу, член Кабардинского ЦИКа (1920), один из основателей первого музея (Краеведческого) в Нальчике, заведующий Областной Рабоче-Крестьянской Инспекцией в составе Народного Комиссариата РКИ РСФСР (1922), представитель Кабардино-Балкарской области при Президиуме ВЦИК, уполномоченный по национальной политике в Главном Экономическом управлении при Президиуме ВСНХ СССР (1925).

23 апреля 1928 г. арестован по обвинению в создании контрреволюционной националистической группы и постановлением Коллегии ОГПУ от 3 августа 1928 г. расстрелян. Реабилитирован 9 января 1960 г. 27 декабря 1990 года Указом Президента СССР М. Горбачева награждён орденом Боевого Красного Знамени посмертно за большой вклад в установление Советской власти на Северном Кавказе.

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель. В 1919 году Л. Д. Троцкий назвал его «всероссийским старостой», после 1935 года его стали называть «всесоюзным старостой», поскольку с 1919 г. и до года своей смерти Калинин занимал должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. У граждан СССР в 1920–1940 годы было принято обращаться с просьбами о помощи к М.И. Калинину – при раскулачивании, несправедливом аресте, поступлении в учебные заведения или сложностях в трудоустройстве. Часто Калинин лично или посредством своего секретариата такую помощь оказывал.

Калмыков Бетал Эдыкович (1893–1940) – родился в сел. Атажукино (ныне сел. Куба Баксанского района КБР). Один из организаторов и руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, советский государственный и партийный деятель. Член Терского народного совета (1918), чрезвычайный комиссар Кабардино-Балкарии и комиссар по делам национальностей Терской области (1918), председатель ревкома, облисполкома Кабардино-Балкарии (1920–1930), 1-й секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) (1930–1938). Один из организаторов политических репрессий в КБР, член «тройки» – внесудебного органа, выносившего обвинительные приговоры в отношении заключенных по политическим статьям. 13 ноября 1938 арестован, 26 февраля 1940 г. приговорен к смертной казни. Реабилитирован в 1954 г.

Карашаев Хажумар Талович (1875–1927) – родился в 1875 г. в сел. Астемирово (ныне сел. Верхний Акбаш Терского р-на КБР). Революционер, общественный деятель Кабардино-Балкарии. После установления Советской власти Карашаев работал председателем Мало-Кабардинского облисполкома, одновременно являясь заместителем председателя Кабардино-Балкарского облисполкома.

Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978) – председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР (1937–1946), министр высшего образования СССР (1946–1951), заслуженный деятель науки РСФСР.

Керефов Камбулат Наурузович (1912–1999) – родился в сел. Астемирово (ныне сел. Верхний Акбаш Терского р-на КБР). Доктор сельскохозяйственных наук, директор Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института при Совете Министров КБАССР (1953–1958), проректор КБГУ по научной части (1958–1965), ректор КБГУ (1965–1973).

Кимов Руслан Мухарбиевич – 1937 г. р., сел. Псыкод Урванского района КБР, кандидат философских наук, двоюродный племянник Е. Д. Налоевой – сын ее двоюродной сестры Налоевой Арфужан (Гоца) Жанхотовны.

Кимов Юрий Сафарбиевич (1931–2010) – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики и психологии КБГУ (с 1957).

Кипов Мухамед Темирканович (1942–2001) – родился в сел. Нижний Куркужин Баксанского района КБР. Член Союза художников России с 1980 г., председатель правления Союза художников КБР (1988–1992).

Киров Сергей Миронович (1886–1934) – настоящая фамилия Костриков. Российский революционер, советский государственный и политический деятель. Член Терского областного совета, член Кавказского бюро ЦК РКП(б) (1920), член Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ВЦИК СССР (1930). Убит в результате покушения 1 декабря 1934 г. Убийство Кирова послужило началом массовых репрессий, известных как «Большой террор».

Кожяев Сосруко Магомедович (1901–1937) – родился в сел. Ахлово (Каншуей), ныне Нижний Курп Терского р-на КБР. Первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома комсомола (1922), старший следователь прокуратуры КБАО (1928–1933), член Союза писателей СССР, секретарь Союза писателей КБАО (1934–1937). 13 января 1937 г. арестован. 27 июля 1937 г. заседанием выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен к 10 годам тюремного заключения. Однако по ходатайству первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Калмыкова и наркома внутренних дел КБАССР Антонова, не согласных с приговором Военной коллегии, специальным постановлением особой тройки УНКВД Ленинградской области приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 17 февраля 1938 г. Реабилитирован в 1957 г.

Кожевой Константин Кузьмич – заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии Кабардинского госпединститута в 1962 г.

Клибанов Александр Ильич (1910–1994) – советский и российский историк, доктор исторических наук.

Круглов Сергей Никифорович (1907–1977) – министр внутренних дел СССР (1945–1956).

Кожяев Ахметхан Хабижеевич (1893–1937) – родился в сел. Муртазово (ныне сел. Дейское Терского р-на КБР). Председатель Муртазовского сельского ревкома, член Мало-Кабардинского ревкома (1920), член Нальчикского окружного исполкома, член Кабардино-Балкарского облисполкома (1921), председатель областного суда (1923), прокурор КБАО (1924–1927). 6 января 1937 г. арестован и по обвинению в антисоветской пропаганде приговорен к высшей мере наказания. 25 июля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

Кумахов Хазиз Муридович – 1911 г. р., урож. сел. Мисостово (ныне сел. Урвань Урванского р-на КБР). В органах НКВД-КГБ КБАССР в 1936–1964 гг., следователь, начальник отдела, полковник.

Кумыков Туган Хабасович (1927–2007) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории народов СССР дореволюционного периода исторического факультета КБГУ.

Кушева Екатерина Николаевна (1899–1990) – доктор исторических наук. Сотрудник сектора истории феодализма Института истории Академии наук СССР (1951–1970). Автор фундаментального исследования «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII вв.» (М., 1963). Участвовала в подготовке и издании сборника документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (М., 1957).

Лавров Леонид Иванович (1909–1982) – советский историк, этнограф, кавказовед, доктор исторических наук.

Лебедев Петр Анисимович – директор Кабардинского государственного педагогического института с 29 сентября 1947 г. по ноябрь 1952 г.

Лемешев Сергей Яковлевич (1902–1977) – русский советский оперный певец (лирический тенор) и оперный режиссёр. Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – российский революционер, советский политический и государственный деятель, создатель Российской социал-демократической рабочей партии, один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года в России.

Луниц Даниил Романович (1912–1977) – советский психиатр, доктор медицинских наук, профессор, полковник КГБ СССР, один из известных представителей практики использования психиатрии в политических целях в СССР. В 1950-е годы вел в институте им. В. П. Сербского дела политических заключенных. В 1956–1958 гг. комиссия Комитета партийного контроля при ЦК КПСС установила личную ответственность Д. Р. Лунца за принудительное помещение психически здоровых людей в психиатрические больницы. Несмотря на это, в 1960–1970 годы был сопредседателем (вместе с А. В. Снежневским) стационарной судебно-психиатрической экспертизы института им. Сербского, дававшей заключения относительно психического здоровья известных советских диссидентов, на основании которых они подвергались принудительному лечению в психиатрических больницах.

Любмиров Павел Григорьевич (1885–1935) – советский историк, этнограф, педагог, профессор. В 1920–1930 гг. – заведующий кафедрой русской истории Саратовского университета.

Максидов Казгери Увжукович (1893–1937) – родился в сел. Абаево (ныне сел. Урожайное Терского р-на КБР). Жена Елизавета Темботовна (урожденная Катханова). В годы Первой мировой войны служил полковым кадем в Кабардинском полку Кавказской конной дивизии. Начальник отдела внутреннего управления облисполкома КБАО (1921–1923), председатель областного суда (1924), нарком просвещения, директор Кабардино-Балкарского педагогического института, располагавшегося в г. Пятигорске (1929–1936). 8 января 1937 г. арестован органами НКВД КБАО, 31 августа 1937 года расстрелян по решению закрытого заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Мальбахов Тимбора Кубатиевич (1917–1999) – родился в сел. Дейское Терского района КБР. Председатель Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР (1952–1956), первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1956–1985).

Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) – председатель Совета Министров СССР (1953–1955).

Мамбетов Галим Хизирович (1925–2008) – доктор исторических наук, профессор КБГУ, заведующий кафедрой истории Отечества КБГУ (1977–1997), главный научный сотрудник КБИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН (1996–2008).

Манжуло – участник учредительного съезда Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Кабардинской автономной области 25 – 30 ноября 1921 г., член облисполкома Кабардинской автономной области, заместитель председателя Совнархоза, член облпарткомка Кабардинской автономной области.

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – российский революционер, один из руководителей советских органов государственной безопасности, преемник Ф. Э. Держинского во главе ОГПУ (1926–1934), один из организаторов сталинских репрессий.

Мидов Заракуш Батырович (1892–1928) – родился в сел. Атажукино (ныне сел. Куба Баксанского района КБР). Заведующий Северо-Кавказским краевым земельным управлением, заведующий Ростовским отделением Дагсельсоюза (1925–1927) г. В марте 1928 г. арестован, 3 августа 1928 г. осужден, 12 августа 1928 г. расстрелян. Реабилитирован в 1960 г.

Мирзоев Асланбек Хатумович (1904–1970) – уроженец сел. Урух Лескенского р-на КБР, друг детства Налоева Аслангери. Секретарь сельского совета сел. Урух (1922–1924), секретарь комсомольской организации сел. Урух (1921–1924), член Частей особого назначения для борьбы с бандитизмом, ответственный секретарь Урванского окружкома ВЛКСМ (1924), ответственный секретарь Мало-Кабардинского окружкома ВЛКСМ (1925–1926), секретарь Нагорного окружкома ВКП(б) КБАССР (1931–1932), ректор Кабардино-Балкарской Высшей Коммунистической сельско-хозяйственной школы, директор Ленинского Партийного Учебного городка (1935–1936), В 1936 г. переведен в политотдел Орджоникидзевской железной дороги. В 1937 г. исключен из партии. 5 февраля 1938 г. арестован по обвинению в участии в контрреволюционной буржуазно-националистической

организации и приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет. Работал в Усольском лагере НКВД в гор. Соликамске Молотовской области на хозяйственных должностях (1938–1945). После освобождения в 1945 г. вернулся в КАССР, восстановлен в партии без перерыва партстажа. 30 июня 1956 г. реабилитирован. С 1946-го по 1963 г. находился на руководящей хозяйственной работе в КБАССР.

Мирзоев Гиса Иналович (1880–1958) – уроженец сел. Урух КБАССР.

Мирзоев Музырач Этечевич – уроженец сел. Урух КБАССР, племянник Мирзоева Гисы Иналовича, сын его старшего брата Этеча. Подробных биографических данных не найдено. Со слов Мирзоева Бориса Хацуковича, 1933 г. р., сел. Урух Лескенского р-на КБР, известно, что он был убит в 1930-х гг. как член банды в лескенском лесу.

Мирзоев Залим Хажмирзович – родился в 1953 г. в сел. Урух КБР. Актер театра и кино, режиссер, заслуженный артист России. В 1982 г. уехал в гор. Калинин (ныне Тверь), где работает актером в драматическом театре.

Мирзоева Хажгуаша Хатокишоевна (1879–1962) – уроженка сел. Коголкино (сел. Урух КБАССР), мать Е. Д. Налоевой.

Мирко Владимир П. – уроженец г. Пятигорска, закончил исторический факультет КБГУ, защитил диссертацию в Институте истории АН СССР, кандидат исторических наук.

Моков Борис Муратович (1928–2016) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Института истории, филологии и СМИ КБГУ.

Морская-Меерзон Ритта Давидовна – сотрудница КБГУ, супруга Б. Х. Балкарова, проректора КБГУ по учебной работе в 1957–1983 гг.

Мужев Иван Федорович – доктор исторических наук, профессор. Доцент кафедры истории СССР Кабардинского госпединститута (1938–1969).

Нагоев Анатолий Хамзетович (1938–1993) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии КБНИИ (1973–1993).

Налоева (Кимова) Арфужан (Гоца) Жанхотовна (1916–2011) – двоюродная сестра Е. Д. Налоевой. Замужем за Кимовым Мухарби Хамидовичем (1914–1941). Сын – Кимов Руслан Мухарбиевич.

Налоев Аслангери Жамурзович (1907–1993) – родной старший брат Е. Д. Налоевой. Жена – Пазова Женья Машевна (два сына: Аслан, 1950 г. р. и Аскер, 1953 г. р.). Дважды репрессирован (1937, 1954). С 1959-го по 1967 г. до ухода на пенсию жил и работал в гор. Тырнаузе.

Налоев Аскер (Георгий) Аслангериевич – родился в 1953 г. в гор. Нальчик КБР, окончил историко-филологический факультет КБГУ (1975 г.), актерское отделение ГИТИС (1986 г.), актер театра и кино.

Налоева Ася Уалиевна (1963 г. р.) – двоюродная племянница Е. Д. Налоевой, дочь двоюродного брата Налоева Уали Магометовича.

Налоев Ахмедхан Хамурзович (1921–2010) – двоюродный племянник Е. Д. Налоевой, сын двоюродного брата Налоева Хамурзы Жанхотовича. Активный участник Великой Отечественной войны. Выдающийся ученый-лингвист, педагог, писатель. За вклад в развитие национальной литературы удостоен почетного звания «Народный писатель Кабардино-Балкарской Республики».

Налоев Батырбек Кербечевич (1858–1933) – уроженец сел. Хату-Анзорово (с. Старый Урух КБР).

Налоев Джамурза Кубатиевич (1875–1937) – отец Е. Д. Налоевой.

Налоев Жансох Мырзабекович (1906–1937) – родился в сел. Хатуйей (сел. Старый Урух КБР). Прозаик, драматург, поэт. Директор Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (1934), председатель правления Союза писателей КБАО (1934–1936). 25 августа 1936 г. арестован, 25 июля 1937 г. приговорен высшей мере наказания – расстрелу.

Налоев Жанхот Кубатиевич (1861–1931) – старший брат Жамурзы Налоева, дядя Е. Д. Налоевой. Был женат на дочери жителя сел. Коголкино (Урух) Мирзоева Хабижа – Куацт (1865–1952).

Налоева (Пазова) Женя Машевна (1930–2008) – уроженка сел. Нартан КБАССР, супруга Налоева Аслангери Жамурзовича.

Налоев Залимхан (МлитГэ) Иналуквич (1914–1983) – родился в сел. Хату-Анзорова (сел. Старый Урух Урванского района КБР). Учился в гор. Орджоникидзе на бухгалтерских курсах. Когда начались репрессии в 1930-х годах в отношении представителей рода Налоевых, уехал к сестре Налоевой Марии (Псыгъуэ) Иналуквне, проживавшей с мужем – военным летчиком Абдулаевым Хабиба Алиевичем в гор. Ташкенте. С началом Великой Отечественной войны ушел на фронт. После возвращения на родину в КБАССР работал бухгалтером на МТС сел. Старый Урух, в райисполкоме в сел. Старый Лескен Урванского района. Последние годы жизни работал в гор. Нальчике, возглавлял объединенную систему торговли в столице КБАССР.

Налоев Заур Магометович (1928–2012) – двоюродный брат Е. Д. Налоевой. Ученый, поэт, писатель, видный общественный деятель. заслуженный деятель науки КБАССР, заслуженный деятель культуры Республики Абхазия

Налоева Кара Магометовна (1925–2009) – двоюродная сестра Е. Д. Налоевой, дочь дяди Магомета, родная сестра Заура Налоева. Род. в сел. Старый Урух Лескенского района КБР. В 1954 году вышла замуж за Тохова Мухамеда Тутовича (1928–1963) в сел. Аргудан (дочери – Светлана и Фатима). Работала в системе среднего образования республики, методистом Института повышения квалификации учителей.

Налоева Лейла Жамурзовна (1909–1931) – родная старшая сестра Е. Д. Налоевой, была замужем за секретарем обкома ВКП(б) Мисостом Алиевичем Абазовым.

Налоев Магомет Кубатиевич (1870–1942) – дядя Е. Д. Налоевой. У Магомета было две жены, от брака с Жилиевой Мадинат Эльмурзовны у него были дочери – Лана и Фатимат, от второй жены – Маломусовой Маши – сыновья Уалий, Заурби и дочь Кара. В 1938 г. арестован органами НКВД и по статье 58-10 УК РСФСР осужден в концлагерь на десять лет. Умер в лагере.

Налоева Нафо (Нина) Жамурзовна (1911–1996) – родная сестра Е. Д. Налоевой. После смерти старшей сестры Лейлы была выдана замуж за ее мужа Мисоста Абазова. В 1937 г. родилась дочь Майя, и в том же году был арестован и расстрелян Мисост Абазов. После ареста мужа Нафо вместе с грудным ребенком была арестована. В тюрьме ребенок тяжело заболел, и Нафо отпустили на время, до излечения ребенка. Воспользовавшись этим, она вместе с дочерью Майей покинула республику, скрываясь от преследования карательных органов. После окончания Великой Отечественной войны вместе с матерью вернулась в гор. Нальчик, где проживала по адресу: ул. Советская, 39, кв. 1.

Налоев Уали Магометович (1921–1998) – двоюродный брат Е. Д. Налоевой, родной старший брат Заура Налоева. В 1941 г., был репрессирован: по ст. 48, часть 2, п. 10 УК РСФСР приговорен к 7 годам лишения свободы. После окончания срока наказания работал пять лет в системе дорожного строительства на Дальнем Востоке. В 1953 г. вернулся в Кабардино-Балкарию, женился на Безировой Шаризат Мажидовне. В 1963 г., после реабилитации, восстановлен в партии, избран секретарем парторганизации, работал в системе автодорожного строительства.

Налоева Фардоус (Тина) Жамурзовна (1918–2002) – старшая сестра Е. Д. Налоевой. В июне 1941 г. призвана в Советскую армию, работала старшей медицинской сестрой в медпоезде, военфельдшером. В 1946 г. демобилизовалась из армии, работала по специальности врачом. В 1999 г., после смерти мужа Алексеенко Николая Дмитриевича переехала из Владикавказа в Нальчик.

Налоев Шупаго (Пагуэ) Мурзабекович (1898–1937) – родился в сел. Хату-Анзорова (сел. Старый Урух КБР). Секретарь партийного комитета Урванского округа (1925), секретарь Терского района КБАО. В 1927 г. назначен первым секретарем райкома партии гор. Нальчика, заведующим орготделом обкома партии. В 1930 году женился на дочери жителя селения Дейское (Муртазово) Кодзокова Батоко Марии (Нашхо). В феврале 1937 г. арестован 2-м отделом НКВД КБАО как участник контрреволюционной троцкистско-зи-

новьевской террористической организации. 26 июля 1937 года расстрелян в гор. Нальчике по приговору Военной коллегии ВС СССР. Реабилитирован в 1957 г.

Никифоров Леонид Алексеевич (1911–1987) – доктор исторических наук, профессор, дипломат. Окончил исторический факультет МГУ и Высшую дипломатическую школу. Старший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР.

Новосельцев Анатолий Петрович (1933–1995) – советский и российский историк-востоковед. Член-корреспондент РАН, директор Института Российской истории. Специалист по средневековой истории стран Кавказа и Закавказья, Ирана, Древней Руси.

Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович (1886–1937) – известный грузинский большевик, активный участник Октябрьской революции 1917 г. и событий Гражданской войны. 1-й секретарь Закавказского, затем Северо-Кавказского крайкома РКП(б) (1922–1926), председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ и зам. председателя СНК СССР (1926–1930), председатель ВСНХ, нарком тяжёлой промышленности (1930–1936). В конце 1936 г., после ареста старшего брата Павла, уехал в Москву. По официальной советской версии вскоре с ним случился сердечный приступ. Однако есть целый ряд свидетельств высокопоставленных советских деятелей, что Серго застрелился.

Павлович Антон Иосифович – руководитель ревтрибунала, председатель Чрезвычайной комиссии Кабардинской автономной области (1921–1922).

Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) – доктор исторических наук, специалист в области истории феодализма, источниковедения и историографии, член-корреспондент АН СССР, с 1969 г. заведующий сектором истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР.

Петросян Гурген Погосович – 1912 г.р., кандидат исторических наук (1956), с 1939-го по 1986 г. – доцент кафедры научного коммунизма Кабардинского госпединститута (КБГУ).

Платтен Фридрих (Фриц) (1883–1942) – швейцарский коммунист. Участник 1-й русской революции 1905–1907 гг. В 1924 г. переселился в СССР, где в Симбирской губернии организовал сельскохозяйственные коммуны. В 1931 г. работал в Международном аграрном институте старшим научным сотрудником отдела Центральной и Западной Европы, вел преподавательскую работу в Московском институте новых языков (Институт иностранных языков имени Мориса Тореза) в качестве преподавателя политэкономии, истории и немецкого языка. 12 марта 1938 года был арестован, осужден на четыре года и сослан в Архангельскую область. Годом ранее была арестована и репрессирована его жена Берта Георгиевна Циммерман (4 июня 1937 г.). Умер в концлагере в Архангельске.

Подъяпольская Елена Петровна (1895–1986) – кандидат исторических наук, сотрудница Института истории России АН СССР (1944–1970).

Преображенский Александр Александрович (1925–2002) – доктор исторических наук, возглавлял сектор истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР.

Пшиншев Азамат Хакяшевич (1896–1937) – родился в сел. Исламово (с. Верхний Курп Терского района КБР). В 1930-е годы работал начальником строительства областного Дворца Советов в г. Нальчике. 26 июля 1937 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Савченко Алексей Нилович (1907–1987) – в 1940 г. работал в Кабардино-Балкарском педагогическом институте. В 1954 году был принят на должность заведующего кафедрой русского и общего языкознания Ростовского университета.

Смирнов Николай Александрович (1896–1983) – доктор исторических наук, профессор МГУ, автор ряда работ по истории Северного Кавказа.

Сокуров Валерий Нануевич – родился 9 апреля 1948 г. в сел. Алтуд Прохладненского р-на КБР, выпускник ИФФ КБГУ, окончил аспирантуру Института истории СССР Академии наук СССР (1973–1976), кандидат исторических наук (1977).

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) – российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель, Генералиссимус Советского Союза. Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) (1922–1953),

Народный комиссар по делам национальностей РСФСР (1917–1923), Народный комиссар государственного контроля РСФСР (1919–1920), Народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (1920–1922), Председатель Государственного комитета обороны (1941–1945), Председатель Совета народных комиссаров СССР (1941–1946), Народный комиссар обороны СССР (1941–1946), Народный комиссар Вооружённых Сил СССР (1946–1947), Председатель Совета Министров СССР (1946–1953).

Текуев Анатолий Кузбиевич (1930–2003) – доктор исторических наук, с 1968-го по 1999 год – заведующий кафедрой истории КПСС (позже кафедра политической истории) КБГУ.

Тимофеев Михаил Александрович – генерал-лейтенант. В органах госбезопасности – с октября 1944 г. Председатель КГБ при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР (1968–1973).

Ткаченко Михаил Иванович (1886–1929) – начальник Нальчикской окружной милиции (1920–1922), с 1922 г. – начальник Кабардино-Балкарской областной милиции, в 1921 г. – член исполкома Кабардинской автономной области.

Глостанов Владимир Калиметович (1931–1994) – кандидат философских наук, директор Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (1973–1988), ректор КБГУ (1973–1994).

Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) – русский и советский авиаконструктор, генерал-полковник-инженер (1968), доктор технических наук. Академик АН СССР (1953). Герой Труда (1926). Трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972). Заслуженный деятель науки РСФСР (1947). Лауреат Ленинской премии (1957), четырёх Сталинских премий (1943, 1948, 1949, 1952) и Государственной премии СССР (1972). Член ЦИК СССР. Депутат ВС СССР (1950–1972 годы). Под руководством Туполева спроектировано свыше 100 типов самолётов. 21 октября 1937 года А.Н. Туполев арестован по обвинению во вредительстве, принадлежности к контрреволюционной организации. Дело вел сотрудник 2-го следственного отдела НКВД Габитов. 28 мая 1940 года приговорен к 15 годам ИТЛ. Находясь в заключении, работал в закрытом КБ НКВД – ЦКБ-29 («Туполевская шарага»). В июле 1941 года от дальнейшего отбытия наказания был освобождён со снятием судимости. Полностью реабилитирован 9 апреля 1955 года.

Тхамоков Назир Хажмуратович (1930–1998) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР КБГУ (1954–1995).

Фадеев Федор Иванович (1892–1940) – секретарь Нальчикского окружного бюро РКП (1920), заместитель председателя Кабардино-Балкарского областного исполкома (1922–1929).

Хатажуков Валерий Назирович – родился 9 июня 1956 г. в сел. Шордаково Зольского района КБАССР. Окончил историческое отделение ИФФ КБГУ в 1988 г. Общественный деятель КБР, избирался председателем (тхамада) общественного движения «Адыгэ Хасэ», председатель Кабардино-Балкарского регионального правозащитного центра.

Холодная (Абазова) Майя Мисостовна (1936–2007) – племянница Е. Д. Налоевой, дочь Нафо. Была замужем за Холодным Петром Макаровичем (1938–2005). Сын – Холодный Константин Петрович (1962 г.р.).

Хаупа Джабраил Кубатиевич – родился 20 февраля 1942 г. в сел. Нартан КБР. Музыкант и композитор, заслуженный деятель искусств РФ (1995), РА (1994), лауреат премии Союза композиторов России им. М. Шостаковича (1988), премии им. Кандура.

Хутуев Ханафи Исакович (1918–1999) – доктор исторических наук, директор КБНИИ (1973–1988).

Цицкиев Висангирей Дзаулиевич (1903–1965) – председатель райисполкома Пригородного района, первым секретарем Пригородного райкома ВКП (б) (1936). В 1937 г. арестован органами НКВД ЧИАССР. 5 марта 1940 г. освобожден в связи с прекращением дела. В 1940–1942 гг. – секретарь Назрановского райкома ВКП(б). В годы высылки в Ка-

захстан ингушского народа – начальник отдела в тресте «Кокчетавстрой». С восстановлением Чечено-Ингушской АССР в 1960–1965 гг. – заведующий отделом Совмина ЧИАССР.

Цулая Гиви Васильевич – доктор исторических наук, специалист по истории, источниковедению, филологии, этнографии и ономастике, автор переводов на русский язык грузинских письменных источников средневековья и нового времени. Ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Черепнин Лев Владимирович (1905–1977) – советский историк, специалист в области российской истории эпохи феодализма, источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин. Академик АН СССР. Лауреат Государственной премии СССР.

Чочуа Андрей Максимович (1879–1965) – советский партийный и государственный деятель. С марта 1921 г. последовательно занимал посты заведующего Отделом школ Народного комиссариата просвещения ССР Абхазия, директора 1-й Сухумской семилетней школы, заместителя народного комиссара просвещения АССР Абхазия, комиссара народного просвещения АССР Абхазия, Председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР (1948–1958).

Шарданов Берд Бекмурзович (1875–1928) – из кабардинских узденей. С 1909 г. служил при начальнике Кубанской области чиновником для особых поручений. В 1914 г. – член нальчикского общественного собрания. В Первую мировую войну – в составе Черкесского конного полка Кавказской Туземной конной дивизии. В 1916 г. – прапорщик милиции, 1917 г. – корнет. С октября 1917 г. – в составе 1-го Кабардинского конного полка белогвардейской Кабардинской конной дивизии. После Гражданской войны жил за пределами Кабардино-Балкарии. Арестован в 1927 г., расстрелян 12 августа 1928 г.

Шогенцуков Адам Огурлиевич (1916–1995) – кабардинский поэт, прозаик, драматург и публицист. Член Союза писателей СССР (1939). Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации был старшим научным сотрудником КНИИ, преподавателем КПИ, слушателем высших литературных курсов при Литературном институте им. Горького, затем главным редактором журнала «Ошхамах». В течение многих лет был председателем правления Союза писателей Кабардино-Балкарской Республики (1952–1954, 1956–1958, 1970).

Шикова Тамара Табишевна (1929–1997) – окончила исторический факультет МГУ (1951), аспирантуру Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, кандидат исторических наук (1955), работала научным сотрудником сектора фольклора и этнографии Кабардино-Балкарского НИИ (1956–1960), преподавала этнографию на ИФ в КБГУ.

Шипшев Темирхан Актолович (1830–1904) – отставной генерал-лейтенант русской армии из кабардинских дворян. Участник Крымской, Кавказской и Русско-турецкой (1877–1878) войн. Георгиевский кавалер.

Шуева-Филатова Марьяна Магомедовна – родилась в 1924 в сел. Чегем-1 КБР, преподаватель кафедры педагогики КБГУ, кандидат психологических наук (1970), доцент кафедры психологии и педагогики КБГУ (1948–1987).

Ярузельский Войцех Витольдович (1923–2014) – Председатель Государственного Совета Польской народной республики с 6 ноября 1985-го по 19 июля 1989 г. Первый секретарь ЦК ПОРП. Председатель Совета Министров ПНР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. О роде Налоевых и семье Джамурзы Налоева	8
Раздел II. О жизни, научной, педагогической деятельности и творческом наследии Е. Д. Налоевой	
Основные вехи биографии	11
Педагогическая деятельность	15
Научная деятельность Е. Д. Налоевой	16
Раздел III. Воспоминания Е. Д. Налоевой	
1. <i>Диктофонная запись, сделанная Мирзоевой Н. С.</i>	
Детство	20
Как Джамурза второй раз женился	29
Судьба отца	36
Бегство семьи в Таджикистан. Голод. Смерть младшего брата Адальгири	43
Возвращение семьи на Кавказ. Поступление на учебу в Чечено-Ингушский индустриальный техникум в гор. Орджоникидзе	50
Аресты среди Налоевых в Кабарде. Повторное бегство в Таджикистан. Поступление на истори- ческий факультет Таджикского пединститута	55
Арест брата Аслангери. Исключение из Таджикского пединститута. Поездка в Москву. Встреча с М. И. Калининым	57
Возвращение в Таджикистан. Восстановление на учебу в пединституте	71
Конфликт с новым директором Таджикского пединститута. Педагогическая практика в школе пограничного отряда	72
Исключение из Таджикского пединститута. Поездка в Москву. Поступление на юридический факультет Московского государственного университета	76
Исключение из МГУ. Возвращение в гор. Орджоникидзе. Поступление на 4-й курс историче- ского факультета Северо-Осетинского пединститута	77
Начало войны. Окончание пединститута. Практика в школе сел. Црау	80
Возвращение в гор. Орджоникидзе в связи с приближением германских войск. Мобилизация на оборонительные работы. Первый арест по доносу Кайтукова	88
Эвакуация заключенных в связи с близостью фронта в Среднюю Азию, Узбекистан	104
Жизнь в семье тюремного доктора в гор. Каттакурган после освобождения	111
Возвращение в гор. Орджоникидзе. Поиски работы	115
Трудовая деятельность методистом культпросветработы при Управлении культпросвет- учреждений при Совете Министров СОАССР в гор. Орджоникидзе	120
Переезд из гор. Орджоникидзе к брату Аслангери в село Жемтала КАССР. Начало работы в Кабардинском пединституте в гор. Нальчике	147
Второй арест МГБ КАССР. Следствие	163
Отправка в лагерь. Этап	185
Прибытие в лагерь – Волимский лагпункт, Молотовская область	191
Эпизод из жизни в Сухуме	195
Жизнь в лагере	197
1. <i>Диктофонная запись, сделанная Налоевым А. А. Женитьба Джамурзы</i>	208
Перевод с кабардинского на русский язык Л. Маремкуловой	221
2. Эпизоды из воспоминаний Е. Д. Налоевой, записанные А. А. Налоевым в апреле 2004 г.	233
Перевод с кабардинского на русский язык Л. Маремкуловой	238
Раздел IV. Статьи о Е. Д. Налоевой и истории ее семьи	
<i>Заур Налоев.</i> Кулачное право	243
<i>Нало Заур.</i> Нало лъэпкыр	248
Перевод с кабардинского на русский язык Л. Маремкуловой	269
<i>И. Гукемух.</i> Последние мастодонты	289
<i>Жиялби Калмыков.</i> Жизнь как подвиг. Вопреки сталинскому ГУЛАГУ в науку (К 90-летию со дня рождения Е. Дж. Налоевой)	290
<i>П. А. Кузьминов.</i> Свет ее глаз	303
Память. Наша Женечка, наш «Ломоносов в юбке»	305

Раздел V. Документы и материалы, касающиеся репрессий в отношении членов семьи

Д. К. Налоева

Архивные справки из фондов Центрального госархива КБАССР о Налоеве Жамурзе Кубатиевиче	306
Выписка из ЦГА КБАССР, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5	307
Выписка из газеты «Красная Кабарда» № 75 (144) от 21 июля 1922 года (пятница), № 130 (189) за ноябрь 1922 г.	307
Выписка из протокола Краевой тройки КБАССР от 29 января 1930 г. по обвинению Налоева Ж. К.	307
Выписка из Обвинительного заключения по след. д. № 412 по обвинению Налоева Жамурзы Кубатиевича по статье 58-10, ч. II УК РСФСР	308
«С нами не по пути!». Из стенограммы Кабардино-Балкарской областной XIV партконференции, состоявшейся 27 мая 1937 года. Из доклада Б. Э. Калмыкова, первого секретаря ОК ВКП(б)	309
Автобиография Налоева Аслангери Джамурзовича	310
Заявление Налоева Аслангери Джамурзовича в комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30–40-х и 50-х годах по отношению к членам его семьи	311
Книга памяти жертв политических репрессий КБР 1920–1941	320

Раздел VI. Письма, обращения Е. Д. Налоевой, переписка с госорганами и документы, касающиеся политической и социальной реабилитации

Заявление Е. Д. Налоевой в Комиссию по разбору дел заключенных	321
Письмо Е. Д. Налоевой из лагеря в редакцию газеты «Правда»	322
Письмо Е. Д. Налоевой Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову от 28.10.1954 г.	326
Заявление Е. Д. Налоевой в отдел по спецделам Прокуратуры СССР	333
Заявление Е. Д. Налоевой Прокурору РСФСР	333
Письмо прокурора Кабардинской АССР старшего советника юстиции Дубцова Налоевой Евгении Джамурзовне от 30 ноября 1956 г.	334
Письмо из Верховного суда Кабардинской АССР Налоевой Евгении Джамурзовне 15 сентября 1956 г.	334
Заявление Е. Д. Налоевой Первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС т. Т. К. Мальбахову	335
Письмо Е. Д. Налоевой члену Верховного Суда КБАССР Урманчееву	336
Справка Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1963 г. о реабилитации Е. Д. Налоевой	337
Решение Верховного суда Кабардино-Балкарской АССР от 10–11 сентября 1963 г. по иску Налоевых Аслангери Джамурзовича, Евгении Джамурзовны, Нафо Джамурзовны и Фардаус Джамурзовны о возврате дома или его стоимости конфискованных в 1930 г.	337

Раздел VII. Документы, отражающие разные события в жизни Е. Д. Налоевой

Архивная справка, подготовленная Управлением ФСБ РФ по КБР по материалам архивного уголовного дела в отношении Е. Д. Налоевой по запросу КБИГИ	341
Архив КБГУ. Личное дело Е. Д. Налоевой	344
Диплом Северо-Осетинского педагогического института им. К. Хетагурова	352
Зачетная книжка филиала Всесоюзного юридического заочного института гор. Дзауджикау	352
Зачетная книжка Северо-Осетинского государственного педагогического института	353
Приложение к диплому Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К. Хетагурова. Выписка из зачетной ведомости	355
Справка Налоевой Евгении Джамурзовне Народного Комиссариата Внутренних Дел Узбекской ССР от 28 апреля 1943 г. в том, что она с 3 октября 1942 г. по 28 апреля 1943 г. содержалась в тюрьме НКВД Уз ССР и освобождена за прекращением уголовного преследования	356
Справка Налоевой Е. Д. в том, что она состоит в должности преподавателя истории на подкурсах при Северо-Осетинском государственном мединституте от 8 мая 1944 г.	357
Справка народного суда Ленинского района гор. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР от 7.08.1945 г., что дело по обвинению Налоевой Евгении Джамурзовны по ст. 169 ч. I УК II/VII 1945 г. производством прекращено на основании указа от 7/VII-45 г.	357
Характеристика Налоевой Евгении Джамурзовны за период работы в Управлении по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров СО АССР	358
Выписка из приказа директора Кабардинского пединститута Лебедева от 18.01.1949 г.	358
Выписка из приказа по Кабардинскому государственному педагогическому институту от 8 апреля 1950 г. об увольнении Е. Д. Налоевой с работы ассистента кафедры истории СССР	359

Справка от 27 апреля 1950 г. Налоевой Е.Д., что она работала в Кабардинском государственном педагогическом институте в должности ассистента кафедры истории СССР в 1948–1949 учебн. году	359
Справка от 27 апреля 1950 г. Налоевой Е. Д. в том, что она работала в Кабардинском государственном педагогическом институте в должности ассистента кафедры истории СССР в 1949–1950 учебн. году	359
Заявление Е. Д. Налоевой прокурору Кабардинской АССР старшему советнику юстиции А. Аргасцеву с жалобой о неправильном ее увольнении с работы ассистента кафедры истории СССР Кабардинского пединститута	360
Письмо гражданке Налоевой Е. Д. от прокурора Кабардинской АССР, старшего советника юстиции Аргасцева по поводу жалобы о неправильном увольнении с должности ассистента кафедры истории СССР Кабардинского пединститута	361
Письмо А. Н. Савченко, бывшего преподавателя Кабардинского государственного педагогического института К. К. Кошевому – заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии Кабардинского госпединститута от 10.11.1962 г.	362
Протокол обыска в квартире Налоевой Евгении Джамурзовны сотрудниками 2 отдела МГБ КАССР 9 мая 1950 г.	363
Заявление начальнику Березовского лаготделения капитану внутренней службы Вopilкину от заключенной Налоевой Евгении Джамурзовны	363
Рапорт ст. инспектора медчасти врача Агабабова зам. начальника Березовского лаготделения капитану Вострикову о состоянии здоровья заключенных от 30 мая 1955 г.	364
Характеристика от 30 июля 1956 г. на гражданку Налоеву Евгению Джамурзовну, в том, что она срок наказания отбывала в лагерном подразделении АТ 247/7 с 2 июля 1956 г.	365
Справка Е.Д. Налоевой об освобождении, в том, что она содержалась в местах заключения МВД с 9 мая 1950 г. по 29 августа 1956 г. откуда освобождена по решению комиссии Президиума Верховного Совета СССР от 27/VIII- 1956 года со снятием судимости	365
Справка Налоевой Е. Д. в том, что она находилась на стационарном лечении в Республиканской больнице Минздрава Абхазской АССР в хирургическом отделении с 1 января 1962 г.	366
Почтовая карточка из Прокуратуры Союза ССР Налоевой Е. Д. в гор. Сухум 13/IX 1956 г.	366
Почтовая карточка 7622 из Прокуратуры Союза ССР Налоевой Е. Д. в гор. Нальчик 1962 г.	366
Почтовая карточка 4846 от Прокурора РСФСР Налоевой Е. Д. в гор. Нальчик 12/VII-1963 г.	367
Почтовая карточка 4991 от Прокурора РСФСР Налоевой Е. Д. в гор. Нальчик 4/III-1963 г.	367
Почтовая карточка 4918 от Прокурора РСФСР Налоевой Е. Д. в гор. Нальчик 25/III-1963 г.	367
Почтовая карточка 4994 из Прокуратуры РСФСР Отдела по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел Налоевой Е.Д. в гор. Нальчик 19/IV-1963 г.	368
Почтовая карточка из Верховного Суда РСФСР Налоевой Е.Д. в г. Сухум 5/X-1963 г.	368
Справка Верховного суда РСФСР от 26 апреля 1963 г., что Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1963 г. постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 17 февраля 1951 года и Президиума Верховного Суда Кабардинской АССР от 30 июня 1956 года в отношении Налоевой Евгении Джамурзовны отменен и дело производством прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления. Налоева Е. Д. по настоящему делу реабилитирована	368
Справка ВТЭК Министерство социального обеспечения Грузинской ССР гор. Сухуми о признании Е. Д. Налоевой инвалидом второй группы от 25 января 1961 г.	369
Справка КБГУ от 8 июля 1963 г. Налоевой Евгении Джамурзовне для предоставления в Сухумский горсобес в том, что она действительно работала в КБГУ в должности ассистента кафедры истории народов СССР с окладом 1200 рублей в месяц с 1 сентября 1948-го по 29 августа 1956 г.	370
Письмо начальника отдела аспирантуры управления кадров РСФСР Министерство высшего среднего и специального образования М. Мальцева Е.Д. Налоевой о выделении места в очную аспирантуру по специальности «История СССР» при составлении плана приема на 1964 г.	370
Письмо Высшей аттестационной комиссии от 6 VII 1972 г. ректору Кабардино-Балкарского государственного университета профессору Кереву К. Н.	371
Удостоверение Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков от 29 мая 1972 г. Налоевой Евгении Джамурзовне в том, что она подвергалась кандидатским экзаменам в 1949–1950 гг.	371
Выписка из приказа по Кабардино-Балкарскому государственному университету ректора КБГУ Х. М. Бербекова от 3 ноября 1964 г. о зачислении аспирантом Кабардино-Балкарского гоуниверситета с отрывом от производства Налоевой Евгении Джамурзовны по специальности «История СССР»	372
Письмо отдела аспирантуры Кабардино-Балкарского госуниверситета Налоевой Е. Д.	372

Письмо начальника Планово-финансового Управления Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР Л. Карпова Налоевой Е.Д. от 8 мая 1965 г. о зачислении на повышенную стипендию в размере 100 рублей в месяц с 01.01.1965 г.	373
Выписка из протокола кафедры истории СССР от 13 января 1965 г. об утверждении темы кандидатской диссертации аспирантки «Кабарда в период русско-турецких войн второй половины XVIII в.». Научный руководитель доктор исторических наук, профессор Анчабадзе З. В.	373
Выписка из приказа № 304 по Кабардино-Балкарскому государственному университету ректора КБГУ К. Керефова от 15 сентября 1969 г. о принятии с 10 сентября 1969 г. на должность ассистента кафедры истории СССР Налоевой Е. Д.	374
Характеристика от 15 декабря 1972 научно-педагогической, производственной общественной деятельности старшего преподавателя кафедры истории СССР КБГУ Налоевой Е. Д.	374
Решение Совета Кабардино-Балкарского государственного университета от 26 июня 1973 г. о присуждении ученой степени кандидата исторических наук Налоевой Е. Д.	375
Удостоверение факультета повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений Министерство высшего и среднего специального образования СССР Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова	375
Отчет о работе ст. преподавателя кафедры истории СССР Налоевой Е. Д.	376
Отчет о научно-педагогической работе старшего преподавателя кафедры истории СССР Е. Дж. Налоевой на 1970–1971 учебный год	377
Отчет о научно-педагогической работе ст. преподавателя кафедры истории СССР дооктябрьского периода Налоевой Е. Д. на 1975–1980 гг.	379
Отчет об учебно-методической, научно-исследовательской и общественно-воспитательной работе ст. преподавателя кафедры истории СССР дореволюционного периода Налоевой Е. Д. за время с 1984–1989 гг.	380
Удостоверение Налоевой Евгении Джамурзовны в том, что она с 15 февраля 1978-го по 17 июня 1978 г. являлась слушателем факультета повышения квалификации преподавателей вузов в МГУ по специальности «История СССР»	382
Письмо из Института истории СССР АН СССР Налоевой Е. Ж. о совещании руководителей и авторов глав первого тома региональной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней» 31 января – 2 февраля 1977 года в г. Махачкале с участием главного редактора – академика Б. Б. Пиатровского	383
Справка Комитета госбезопасности КБАССР Налоевой Е. Д. от 11 марта 1992 г. для предъявления в органы социального обеспечения	383
Справка Комитета госбезопасности КБАССР Налоевой Е. Д. от 31 марта 1992 г. для предъявления в органы социального обеспечения	384

Раздел VIII. Воспоминания о Е. Д. Налоевой

<i>Апиева Мадина</i> . Евгения Джамурзовна Налоева	385
<i>Думэныц Изулэдин</i> . Убых лъапэрыфэ	386
Перевод с кабардинского на русский язык Л. Маремкуловой	387
<i>Кажаров Хамид</i> . Фрагменты из эссе о Налоевой Е. Д.	388
<i>Казанчева (Мирзоева) Нателла</i> . Случай с распределением в школу	393
<i>Кимов Руслан Мухарбиевич</i> (интервью)	396
<i>Мялик Надежда Николаевна</i> (интервью)	403
<i>Налоев Аскер</i> . Первое знакомство	413
<i>Саральп Альберт</i> . Тетя Женя	415
Свобода	415
Сухуми	416
<i>Тохова Светлана</i> . Тетя Женя	417
<i>Црымхэ Руслъан</i>	418
Перевод с кабардинского на русский язык Л. Маремкуловой	419

Раздел IX. Личная переписка Е. Д. Налоевой

Письма к Е. Д. Налоевой от супругов Дружинина Николая Михайловича и Дружининой Елены Иоасафовны	420
Письма к Е. Д. Налоевой от Кушевой Екатерины Николаевны	443
Письма к Е. Д. Налоевой от других адресатов	534

Письма Е. Д. Налоевой к Е.И. Дружининой, Е. Н. Кушевой, Т. Х. Кумыкову и другим адресатам 548

Раздел X. Теле-, радио- и печатные интервью Е. Д. Налоевой

«Лъэккыр узыншэуми, зиузэщынуми мы дунейм зыгуэр хильхьэфынуми зэльгытар бзыльхугьэрш».	
Радиоинтервью <i>Бэллы Аброковой</i> для радиопередачи для женщин «Гуашэнэ»	554
Перевод с кабардинского на русский язык Л. Маремкуловой	558
«Девочка на снегу». Радиоинтервью <i>Раи Афауновой</i>	563
«Дауэ тшымы, тхыдэм Измал кыиэщ[этхаш]». Газетное интервью журналиста <i>Алоевой Ларисы</i>	
для газеты «Адыгэ псалъэ»	566
Перевод с кабардинского на русский язык Л. Маремкуловой	569
«Куда движется время». Интервью журналиста <i>Ларисы Алоевой</i> для журнала «Литературная	
Кабардино-Балкария»	572

Раздел XI. Стихи, посвященные Е. Д. Налоевой, художественные произведения, телевизионные сценарии, созданные по мотивам ее биографии

<i>Хьэлуэ Джэбрэил</i> . Гьашцэ гьуэгухэр	579
<i>Ацкъан Руслан</i> . Унэ	581
Перевод с кабардинского на русский язык	584
<i>Леля Бжахова</i> . Сценарий телефильма «Соперницы» по рассказу Е. Д. Налоевой	587

Раздел XII. Отзывы, рецензии на научные работы Е. Д. Налоевой, ее рецензии на работы других авторов

Протокол обсуждения доклада Е. Д. Налоевой «К вопросу о политическом строе Кабарды в первой половине XVIII века» на заседании сектора истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР от 16 декабря 1969 г.	593
Протокол заседания кафедры истории СССР КБГУ посвященного обсуждению диссертации старшего преподавателя Налоевой Е. Дж. «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» от 25 мая 1972 г.	596
Отзыв о диссертации и автореферате Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» Елены Иоасафовны Дружининой от 6 июня 1973 г.	601
Отзыв о кандидатской диссертации Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» официального оппонента кандидата исторических наук доцента А.Х. Касумова	602
Отзыв о кандидатской диссертации Е.Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» научного руководителя доктора исторических наук, профессора Т. Х. Кумыкова	605
Отзыв о кандидатской диссертации Е.Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» директора Кабардино-Балкарского НИИ, кандидата философских наук В. К. Тлостанова	606
Отзыв на статью Е. Д. Налоевой «К вопросу о политическом строе Кабарды первой половины XVIII в.» старшего научного сотрудника Института истории СССР Академии Наук СССР доктора исторических наук Е. Н. Кушевой	609
Предварительный отзыв о диссертации Е.Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» доктора исторических наук Е. Н. Кушевой	611
Отзыв на кандидатскую диссертацию Е. Д. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» доктора исторических наук Е. Н. Кушевой ...	612
Отзыв на машинопись книги Е. Д. Налоевой «Кабарда в первой половине XVIII века» доктора исторических наук Е. Н. Кушевой	617
Отзыв на статью Кажарова В. Х. «О системе регулирования и землепользования в кабардинской сельской общине» ст. преподавателя кафедры истории СССР КБГУ, кандидата исторических наук Е. Д. Налоевой	624
Рецензия кандидата исторических наук Е. Д. Налоевой на статью Л. И. Лаврова «Проблемы этногенеза кавказских горцев» – Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978 г.	625
Текст выступления Е.Д. Налоевой на защите кандидатской диссертации «Государственно-политиче-	

ский строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века» 630

Раздел XIII. Рассказы, стихи, размышления Е. Д. Налоевой

Анекдот об анекдоте	637
Рассказ без названия (первый)	640
Рассказ без названия (второй)	652
Рассказ без названия (третий)	657
Рассказ «Жагин»	664
Стихи. Москва, 1974 г., февраль	671
Что такое «творчество»? Аналогично ли оно «вдохновению»? (Вариант 1)	672
Что такое «творчество» и аналогично ли оно «вдохновению»? (Вариант 2)	673
Заявление Пленуму ЦК КПСС, посвященному национальным проблемам в СССР от общественности Кабардино-Балкарии, подготовленное Е.Д. Налоевой по просьбе активистов кабардинского национального движения из общественной организации «Ашэмэз»	673
Мнение о войне в Чечне	683
Размышления по поводу абхазо-грузинских переговоров и русско-грузинских переговоров, «августовского путча» и других событий	684
Беседы Е. Дж. Налоевой с Аскером Налоевым (расшифровка аудиозаписи). Размышления об истории	685
Перевод с кабардинского на русский язык Л. Маремкуловой	689
Извлечения из бесед Е. Ж. Налоевой. Запись выполнена А. Б. Мамхеговым 14 августа 2004 г.	694

Раздел XIV. Список научных трудов Е. Д. Налоевой

Список научных трудов Е. Д. Налоевой	698
Хронологический указатель	700
Персоналии	703

Научное издание

Евгения Джамурзовна Налоева

НАУКА БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

(Воспоминания, переписка, документы)

Макет обложки *Б. Р. Джапуа*
Корректор *Т. М. Ачабаева*
Компьютерная верстка *Н. Т. Расторгуевой*

Подписано в печать 26. 11. 2018.
Формат 70 x 100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 58,5+1,95 вкл. Тираж 500 экз. Заказ № 379.

ООО «Печатный двор».
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Каложного, 1
Тел./факс 8(8662) 74-11-33.
E-mail: printhouse07@gmail.com

ISBN 978-5-6041209-2-7

